UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324492 8

LR
M 8345 p
Mordovtsev, Daniil Lukich
...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

Кн. 23-27.

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov... pt. 23-27 in 1v.

Кн. 23.

СИДѢНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ ВЪ СОЛОВКАХЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ „НАЧАЛА РАСКОЛА НА РУСИ“ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА (1674).

494372
7.7.49

163cv

Издательство П. П. Сойкинъ
Типографія
Петроградъ. Стремянная. 12. собств. д

PG
3467
M8
1914
кн. 23-27

Mordovtsev, Daniil Lukich
"Полное собраніе историч. романовъ..."
Кн. 23-27.
494372
(Polnoe sobranie istoricheskikh romanov, kn. 23-27) J. 7. 49

СИДѢНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ ВЪ СОЛОВКАХЪ.

Архимандритъ Никаноръ и братія, сподвижники „протопопа Аввакума".

Историческая повѣсть изъ времени „начала раскола на Руси" въ царствованіе Алексѣя Михаиловича (1674)

I. Буря на Бѣломъ морѣ у Соловонъ.

По Бѣлому морю, вдоль Онежской губы, у исхода ея, по направленію къ Соловецкому острову медленно плыла небольшая флотилія изъ кочей, наполненныхъ стрѣльцами. Кочи шли греблей, потому что на морѣ стояла невозмутимая тишь, наводящая одурь на мореходовъ. Весна 1674 г. выдалась ранняя, теплая, и вотъ уже нѣсколько дней солнце невыносимо медленно отъ зари до зари ползло по безоблачному небу, почти не погружаясь въ море даже ночью и нагоняя на людей тоску и истому. Марило такъ, что, казалось, и небо было раскалено, и отъ моря отражался жаръ, и груди дышать было нечѣмъ. Кругомъ стояла такая тишина, что слышенъ былъ малѣйшій плачъ морской чайки гдѣ-то за десятки верстъ, хотя самой птицы и не было видно, да и ей въ эту жарынь не леталось. Весла гребцовъ медленно, лѣниво, неровно опускались въ морскую лазурь и блестѣли на солнцѣ спадавшими съ нихъ алмазными каплями, а съ самихъ гребцовъ по раскраснѣвшимся лицамъ катился потъ, смачивая собой разметавшіяся и всклокоченныя пряди волосъ и бороды.

...«И отъ Троицы князь великій поѣде и съ великою княгинею и съ дѣтьми въ свою отчину на Волокъ Ламской тѣшитися охотою на звѣря прыскучаго и на птица летучая. И тамо яко нѣкоимъ отъ Бога посѣщеніемъ пача немощи, и явися на позѣ его знамя болѣзненно, мала болячка на лѣвой странѣ на стегнѣ, на изгибѣ, близъ нужнаго мѣста, съ булавочую голову, верху у нея нѣтъ, ни гною въ ней нѣтъ же, а сама багрова. И тогда наипаче внимаше себѣ, яко приближается ему премѣненіе отъ маловременнаго сего житія въ вѣчный животъ»...

Это на переднемъ, на самомъ большомъ изъ всѣхъ кочей суднѣ, у кормы, подъ напятымъ на снасти положкомъ сидитъ старый монахъ и, водя грязнымъ толстымъ пальцемъ по развернутой на колѣняхъ книгѣ, читаетъ, гнуся и спотыкаясь на титлахъ да на длинныхъ словахъ. На трудныхъ словахъ особенно трясется его сѣдая козелковая бородка.

— Отъ маловременнаго сего житія въ животъ вѣчный, вонъ оно что! А все никто, какъ Богъ, — разсуждалъ монахъ, переводя духъ и поправляя на головѣ скуфейку.—Ужъ и теплынь же, воевода.

— Что и говорить, тепла печка Богова, — отвѣчалъ тотъ, кого называли воеводою, сидѣвшій тутъ же подъ холстовымъ напястьемъ.

А съ заднихъ судовъ доносился говоръ и смѣхъ, но какъ-то вяло, лѣниво. По временамъ кто-то затягивалъ пѣсню, другой подхватывалъ и лѣниво, монотонно тянули:

Сотворилъ ты, Боже, да и небо-землю,
Сотворилъ же, Боже, весновую службу.
Не давай ты, Боже, зимовыя службы,
Зимовая служба молодцамъ кручинна,
Молодцамъ кручинна, да сердцу неусладна...

— Али въ экое пекло лучше! — протестуетъ чей-то голосъ.

...«И посла по брата своего по князя Ондрея Ивановича на потѣху къ себѣ. Князь же Ондрей пріѣха къ нему вскорѣ. Тогда князь великій нужею выѣха со княземъ Ондреемъ Ивановичемъ на поле съ собаками», — продолжалъ гундосить монахъ подъ пологомъ.

— Ино дай же, Боже, весновую службу,
Весновая служба молодцамъ веселье,
Молодцамъ веселье и сердцу утѣха.

— А я въ тѣ-поры былъ у ево, у Степьки, въ водоливахъ на стругѣ, какъ онъ гулялъ съ казаками. А она, полюбовница ево, царевна персицка, сидитъ на палубѣ, на складцахъ, словно маковъ цвѣтъ, изнаряжена, изукрашена, злато-серебро на ей такъ и горитъ. А Стенька выпилъ таки гораздо, да и ну похваляться передъ казаками; мнѣ, говоритъ, все ни по чемъ, всего добуду и Москву достану. Да и подходитъ это къ своей полюбовницѣ, беретъ ее на руки, словно дитю малую, подноситъ къ борту да и говоритъ: «Ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! Словно отецъ съ матерью ты меня кормила-поила, златомъ-серебромъ, славой-честію надѣлила, а я тебя ничѣмъ не отдарилъ... На-жъ тебѣ, возьми!» Да такъ словно шапку и маханулъ въ воду свою полюбовницу.

— Что ты, братецъ ты мой! И утопла?

— Какъ топоръ ко дну.

Это ведутъ бесѣду стрѣльцы, сидя на носу передоваго судна. Судно это наряднѣе всѣхъ остальныхъ кочей. Носъ и корма его украшены рѣзьбой и расписаны яркими цвѣтами. На вершинѣ мачты, надъ вертящимся кочеткомъ, водруженъ восьмиконечный крестъ. Пониже въ неподвижномъ воздухѣ виситъ на натянутой снасти красный флатъ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. Это судно воеводское. Нѣсколько чугунныхъ пушекъ поблескиваютъ на солнцѣ, выглядывая за бортъ.

— Что-жъ, воевода, говоря по божьему, ихъ старцовъ дѣло правое, — говорилъ монахъ, — двумя персты всѣ мы отъ младыхъ ногтей маливались, и я, и ты. Вонъ и въ этой книгѣ, глядитко, изображенъ старецъ, видишь? Вонъ у ево перстики-то два торчатъ, аки свѣчечки, а большой перстъ пригнутъ.

И монахъ тыкалъ пальцемъ въ изображеніе на одной страницѣ книги.

— Такъ-то такъ, я и самъ не больно за три персты-то стою, — нехотя отвѣчалъ воевода, — да они за великаго государя не хотятъ молиться: еретикъ-де.

— Ну, это дѣло великое, страшное: объ немъ не то сказать, а и помыслить-то, и-и! Спаси Богъ!

Они замолчали. Молчали и стрѣльцы, только гребцы медленно и лѣниво плескали веслами да назади тянули про «весновную службу»:

А емлемте, братцы, яровы весельца,
Да сядемте, братцы, въ ветляны стружечки,
Да грянемте, братцы, въ яровы весельца,
Въ яровы весельца—ино внизъ по Волгѣ.

— Вонъ и они про Волгу поютъ. Хорошая рѣка, вольна,— снова заговорилъ стрѣлецъ.

— Какъ-же ты съ Волги сюда попалъ, коли у Разина служилъ?

— Да у него-то я неволей служилъ... Допрежъ того служба моя была у воеводы Беклемишева, и тамъ какъ Стенька настигъ насъ на Волгѣ да отодралъ плетьми воеводу...

— Что ты! Воеводу! Беклемишева?

— Ево, да это еще милостиво, диви, что не утопилъ... Ну, какъ это попарилъ онъ нашего воеводу, такъ и взялъ насъ, стрѣльцовъ, къ себѣ неволей. А послѣ я и убегъ отъ него.

— И ноздри тебѣ на Москвѣ не вырвали?

— За что ноздри рвать? Я не воръ.

— А ты видѣлъ, какъ потомъ Стеньку-то на Москвѣ сказнили?

— Нѣтъ. Въ тѣ поры мы стояли въ черкаскихъ городѣхъ, потому чаяли, что етманъ польской стороны, Петрушка Дорошонокъ, черкаскимъ людямъ дурно чинить затѣвалъ.

— А я видѣлъ. Ужъ и страсти же, братецъ ты мой! Обрубили ему руки и ноги, что у борова, а тамъ и голову отсѣкли, да все это на колья... Такъ голова-то все лѣто на колу маячила: и птицы ее не ѣли, черви съѣли, страхъ! Остался костякъ голый, сухой: какъ вѣтеръ-то подуетъ, такъ онъ на колу-то и вертится, да только кости-то цокъ-цокъ-цокъ...

На западѣ, ближе къ полудню, что-то кучилось у самаго горизонта въ видѣ облачка. Да то и было облачко, которое какъ-то странно вздувалось и какъ бы ползло по горизонту, на полночь.

— Никакъ тамъ заволакиваетъ аеръ-отъ...

— И впрямь, кажись, облаци божьи. Не разверзетъ ли Господь хляби небесны? — крестится монахъ.

— А добре бы было, страхъ упека.

Воевода растегнулъ косой воротъ желтой шелковой рубахи, зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

Облачко замѣтно расползалось и вздувалось все выше и выше. Казалось, что въ иныхъ мѣстахъ сѣрая пелена, надвигав-

шаяся на юго-западную половину неба, какъ бы трепетала. Старый поморъ-кормщикъ, сидѣвшій у руля воеводскаго судна, зорко слѣдилъ своими сверкавшими изъ-подъ сѣдыхъ бровей рысьими глазками за тѣмъ, что дѣлалось на горизонтѣ и выше. Жилистая, черная какъ сосновая кора, рука его какъ-то крѣпче оперлась на руль.

Слѣва, по гладкой, почернѣвшей поверхности моря прошла, полосами, змѣистая рябь. Неизвѣстно откуда взявшаяся стая чаекъ съ плачемъ пронеслась на востокъ, къ онежскому берегу, котораго было не видно. Душный воздухъ дрогнулъ и кочетокъ заметался и заскрипѣлъ на верху воеводской мачты. Что-то невидимое затрепетало, краснымъ полотномъ, на которомъ изображенъ былъ Георгій, прокалывающій змія съ огромными лапами.

— Ай да любо, вѣтерокъ! Теперь бы и косымъ парускомъ можно, — послышалось откуда-то.

— Напинай, братцы!

— Стой! Не моги! — раздался энергическій голосъ стараго кормщика-помора.

Вдали на западѣ что-то глухо загремѣло и прокатилось по небу, словно пустая бочка по далекому мосту. Солнце дрогнуло какъ-то, замигало, бросило тѣни на море и скоро совсѣмъ скрылось. Высоко въ воздухѣ жалобно прописикнула какъ ребенокъ какая-то птичка, и скоро голосъ ея затерялся гдѣ-то далеко въ невѣдомомъ шумѣ.

— Не къ добру, — проворчалъ старый кормщикъ, взглядываясь во что-то по направленію къ Соловкамъ. — На экое святое мѣсто да ратью итить.

— Ты что, дядя, ворожишь? — спросилъ, подходя, тотъ стрѣленъ, что служилъ у Стеньки Разина въ водоливахъ.

— Что! Зосима-Савватей осерчали, дуютъ.

— Что ты, дядя! За что они осерчали?

— А какъ же! На ихъ вить вотчину, на святую обитель ратью идемъ.

— По дѣламъ, не бунтуй.

Небо загремѣло ближе, и какъ-бы что-то тяжелое, упавъ и расколовшись, покатилось по морю. Порывомъ вѣтра, неизвѣстно откуда сорвавшагося словно съ цѣпи, метнуло въ сторону полотняный наметъ и, потрепавъ въ воздухѣ, бросило въ

воду. Монахъ, придерживая скуфейку, пряталъ подъ полу книгу, а воевода торопливо застегивалъ воротъ рубахи и крестился... «Святъ-святъ-святъ»...

Торрохъ! Раскололось и обломилось, казалось, все небо надъ головами оторопѣлыхъ стрѣльцовъ, по-надъ моремъ, тамъ и здѣсь, пронеслись огненныя стрѣлы, снова разорвалось небо, и хлынулъ дождь.

Всѣ кругомъ крестились, полной грудью втягивая посвѣжѣвшій, влажный воздухъ и выставляя подъ дождь разгорѣвшіяся головы и лица.

— Ай да важно! Разлюли малина — раздавались веселые голоса.

Кто-то запѣлъ по дѣтски: «Дожжикъ-дожжикъ, припусти!..» Одинъ старый кормщикъ глядѣлъ сурово, заставляя судно поворачиваться лѣвѣе.

— Водоливы! Къ плицамъ! — громко закричалъ онъ. — Воду выливай.

Дѣйствительно, воды налило много. Кочи стали итти грузнѣе. Намокшее красное полотно съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ болталось, какъ тряпка, тяжело хлеща по снастямъ. Вѣтеръ крѣпчалъ и вздымалъ море, которое, казалось, распухало, а мѣстами прорывалось и бѣлѣло тяжелыми брызгами. Бѣляки шли грядами, и кочи, сбившись съ перваго курса, тыкаясь въ бѣлые бурупы носами, метались въ безпорядкѣ, какъ щепки. Кое-гдѣ слышались испуганные голоса, рѣзкіе выкрики кормщиковъ.

Монахъ, упавъ на колѣни и ухватившись одной рукой за уключину, громко молился и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, когда его окатывало солеными брызгами: «Господи, спаси! Всесильный, не утопи! Пророкъ Іона! Пророкушка, матушка! Во чревѣ китовѣ», безсвязно стоналъ онъ, поднимая правую руку къ небу, которое на него свирѣпо дуло и брызгало водой. Воевода, ухватившись обѣими руками за мачту, испуганно озирался, бормоча не то молитвы, не то заклинанья: «охте мнѣ! свѣты мои! Зосимъ-Савватей! Соловецки! охте хте!» Стрѣлецъ, что служилъ у Стеньки Разина водоливомъ, торопливо сбрасывалъ съ себя сапоги, рубаху и порты, какъ бы собираясь броситься въ море и плыть, самъ не зная куда.

Одно судно, на которомъ еще недавно раздавалась пѣсня о

«весновой службѣ», потерявъ руль, отбилось въ сторону и перекидывалось съ гребня на гребень, какъ пустое корыто. Другіе кочи также разбились врозь и то выскакивали на бѣлые гребни валовъ, то ныряли, болтая въ воздухѣ жалкими мачтами словно маленькими веретенами. Вѣтеръ завывалъ и взвизгивалъ, какъ бы силясь растрепать и оборвать ничтожныя снасти, которыя потому именно и не обрывались, что были слишкомъ ничтожны...

Еще разъ небесная пелена разодралась сверху до низу, и треснулъ громъ; звякнулъ второй разъ еще рѣзче и заколотилъ по небу сотнями орудій.

На отбившемся и потерявшемъ руль суднѣ раздался отчаянный крикъ: «О-оо! Православные! Батюшки! Спасите, кто въ Бога вѣруетъ!»

— Налягъ на гребки, братцы! Съ Богомъ, налягъ!—хрипло командовалъ кормщикъ воеводскаго судна, направляя хоть его къ тому мѣсту, откуда неслись отчаянные крики.

Гребцы налегли всей грудью, то погружая весла глубоко въ пѣнящіяся волны, то скользя лопастями по бокамъ валовъ. Судно вздрагивало, то тыкалось въ воду носомъ, то западало кормой, такъ что кормщикъ, казалось, правилъ свое судно на водяную, перекатывающуюся гору. Судно, потерявшее руль, видимо, потопало: края его чуть замѣтно чернѣли въ пѣнящихся бурунахъ, и только виднѣлись руки, протягивающіяся къ небу, словно разверзнувшее небо собиралось бросить имъ спасительныя веревки, а на мачтѣ и на снастяхъ отчаянно бились тѣ, которые искали спасенія повыше отъ зіяющей и клокочущей бездны.

Не успѣло воеводское судно настигнуть погибавшее, какъ послѣднее совсѣмъ захлестнуло темно-зеленымъ съ бѣлымъ гребнемъ буруномъ. Руки, тянувшіяся къ небу, разомъ упали и замолкли на клокочущей поверхности моря, то подымаясь, то исчезая въ водѣ.

— Кидай причалы! Подавай концы, дѣтушки! — не выпуская изъ рукъ руля, повелительно и съ мольбою кричалъ старый поморъ-кормщикъ.

Взвились въ воздухѣ, разматываясь и кружась волчкомъ, бичевы и веревки и упали въ воду въ томъ мѣстѣ, гдѣ потопавшіе боролись съ волнами, блѣдные, съ исказившимися отъ ужаса лицами. Иной, видимо, съ отчаяніемъ и злобой погибающаго от-

бивался отъ топившаго его, не умѣвшаго плавать и держаться на водѣ сосѣда. Иныя руки хватались за веревки, другія, безнадежно поколотивъ воду, исчезали совсѣмъ подъ нею. Болѣе умѣлые и сильные боролись съ волнами сами и плыли къ спасительному судну.

— Православные, спасите Киршу! Полуголовѣ помогите, батюшки! — взмолился воевода, забывъ свой собственный страхъ.

А Кирша, стрѣлецкій полуголова, взобравшись на мачту потонувшаго и уже скрывшагося подъ водою судна, не чувствуя, что сама мачта опускается все ниже и ниже, умолялъ сиплымъ голосомъ: «православные! Отцы мои! Не покиньте! Тону».

Набѣжавшимъ буруномъ тряхнуло мачту, руки Кирши скользнули по мокрому дереву, и онъ, поднявъ руки къ небу, исчезъ подъ водою.

— Господи! Помяни во царствіи раба... Господи! — съ ужасомъ шепталъ воевода, безумно озираясь.

— Да, прогнѣвались на насъ святые угодники Зосима-Савватей за то, что мы хотимъ ихъ святую обитель разорить, — твердилъ старый кормщикъ. — Преподобные, помилуйте!

II. Черный соборъ и посолъ Кирша.

На другой день послѣ грозы и бури, стояло чудное лѣтнее утро. Море, наканунѣ всколыхнувшееся мгновенно налетѣвшею бурею и разметавшее стрѣлецкую флотилію, теперь снова улеглось на покой и казалось еще голубѣе, чище и привѣтливѣе, чѣмъ было до бури. Островъ, святая вотчина преподобныхъ Зосима и Савватія, съ темною зеленью, иглистыми лѣсами и рѣзко очерченными берегами, у которыхъ кружились, рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ, плакали и выпискивали на разные голоса чайки, мартыны-рыболовы и острохвостые стрижи, казалось, радостно тянулся къ небу своими церквами и башнями, словно такъ и вышедшими, какъ изъ купели, изъ голубой морской пучины. Спасшіеся отъ потопленія стрѣлецкіе суда-большаки и кочи тихо, едва замѣтно колыхались у берега на поверхности глубокой соловецкой губы, красиво окаймленной зеленью и сѣрыми, проросшими мохомъ камнями.

Но въ самомъ монастырѣ было неспокойно. Во всей святой обители господствовала необычайная тревога. Монастырскія

ворота и всѣ входы и выходы были заперты. По стѣнамъ ходили часовые съ ружьями, зорко слѣдя за тѣмъ, что дѣлалось на берегу, около стрѣлецкихъ кочей, и прислушиваясь къ смутному говору и смятенію, господствовавшимъ въ стѣнахъ обители. Соборный колоколъ, разнося гулъ далеко по острову и по морю, не то билъ сполохъ, не то созывалъ черный сборъ, всю братію и богомольцевъ, священниковъ и діаконовъ, соборныхъ старцевъ и братію рядовую и больничную, монастырскихъ служекъ и трудниковъ, служилыхъ людей, усольцевъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Въ то же время пушкари монастырскіе по башнямъ и бойницамъ чистили и заряжали нарядъ, пушки и пищали затинныя. Монастырскіе голуби, которымъ такъ привольно жилось въ монастырѣ на всемъ готовомъ, и сизые, и бѣлые волохатые, и глинистые, рудожолтые, и турмана всѣхъ цвѣтовъ и «въ штанцахъ», бѣлоглазыя глуповидныя галки, космополиты воробьи и стрижи, охотники до всего высокаго и грандіознаго, до высокихъ церквей и грандіозныхъ скалъ, всѣ эти пернатые отшельники и пѣвчіе, выпугнутые изъ своихъ келій—гнѣздъ необычнымъ движеніемъ, звономъ и суетнею на стѣнахъ и башняхъ, шумно кружились надъ монастыремъ и кричали на всѣ птичьи голоса, не зная, гдѣ присѣсть и что думать о суетившейся черной братіи, забывшей даже сегодня посыпать зерна и крошекъ для своей крылатой скромной братіи. Одинъ, особенно любимый черною братіею глинистый турманъ «въ штанцахъ», видя общую суматоху и принявъ ее сглупу за общее торжество, такіе выдѣлывалъ въ воздухѣ кувырки, что Исачко Воронинъ, сотникъ и стратигъ всего монастырскаго воинства, зарядивъ на монастырской стѣнѣ послѣднюю затинную пищалъ, такъ залюбовался на воздушные кувырки любимаго монастырскаго голубя и такъ задралъ свою бородатую голову къ небу, на этого сорванца птицу, что чуть не опрокинулся со стѣны.

На звонъ колокола изъ всѣхъ монастырскихъ келій, словно черные тараканы изъ щелей, посыпала черная братія: изъ пекарень и трапезъ, изъ прядильныхъ и дубильныхъ избъ, изъ страннопріимныхъ и больничныхъ домовъ и изъ схименныхъ конурокъ. Все это, какъ пчелы, гудѣло и торопливо, насколько могло, направлялось къ собору, на площадкѣ у котораго уже виднѣлась старшая монастырская братія, отцы строители и рядите-

ли—архимандритъ Никаноръ, необыкновенно большебровый и горбоносый старикъ, келарь Наѳанаилъ, круненькій и пузатенькій старичокъ съ краснымъ носомъ и бородкою въ видѣ двухъ клоковъ немытой овечьей шерсти, отецъ Геронтій, сухой и длинный какъ сыромятный кнутъ чернецъ, съ лицомъ непостившагося «мурина», городничій старецъ Протасій—остробородатый съ плутоватыми глазами постный ликъ. Тутъ же и мірскія лица—сотникъ Исачко, уже сошедшій со стѣны, и сотникъ же кемлянинъ Самко: первый—косой на оба глаза, но необыкновенно мѣткій пушкарь съ вздернутымъ носомъ и бородою, второй—съ покляпымъ носомъ рыжій мужикъ съ рыжею, широкою, какъ лопата, бородою.

Тутъ же въ кругу стоялъ и стрѣлецкій полуголова Кирша, котораго наканунѣ мы видѣли на мачтѣ погибшаго судна. Кирша не утонулъ: онъ погрузился было въ море, но его зацѣпили багромъ за кафтанъ и спасли. У Кирши въ рукахъ какая-то бумага. Рядомъ съ нимъ—тотъ монашекъ съ козелковой бородкой, что читалъ на морѣ воеводѣ книгу о преставленіи государя и великаго князя Василія Ивановича.

Сборище у соборнаго круга увеличивалось съ каждою минутой. Сошлись не только монастырскіе жители, но и пришедшіе издалека, изъ всѣхъ концовъ московскаго государства богомольцы и богомолки, изъ Архангельска, изъ Москвы, Сибири, съ Дону, Волги и даже изъ черкаской земли. Былъ тутъ и галанскій нѣмецъ изъ Амбурха града, имѣвшій торговый домъ въ Архангельскѣ и часто наѣзжавшій въ Соловки для покупки у братіи поташу, смолы и рыбьяго зуба: это былъ бритый, круглощекій съ голубыми глазами за пивною слюдой нѣмецъ, и звали его Каролусомъ Каролусовичемъ. Каролусъ Каролусовичъ тоже пришелъ полюбопытствовать, по какому случаю такой сборъ въ монастырѣ. Вмѣстѣ съ нимъ и съ семействомъ архангельскаго купца Неупокоева, пріѣхавшимъ поклониться соловецкимъ угодничкамъ, вышла къ собору и аглинская нѣмка, мистрисъ Пристлей, давно жившая въ Архангельскѣ съ своимъ мужемъ, агентомъ одного лондонскаго торговаго дома, мистеромъ Пристлеемъ, и извѣстная всѣмъ архангельцамъ подъ почетнымъ титуломъ аглицкой нѣмки Амаліи Личардовны Прострѣловой. Это была высокая сухощавая женщина съ розо-

выми щеками, бѣлыми и выдающимися какъ у кролика зубами и глинистыми, какъ перья у голубя въ штанцахъ, волосами. Амалѣя Личардовна пріѣхала въ Соловки просто изъ любопытства, какъ туристка, посмотрѣть на это московитское, какъ ей казалось, уэстминстерское аббатство. Въ долгое пребыванье въ Архангельскѣ она порядочно выучилась говорить по-русски и была особенно хорошо знакома съ женою Неупокоева и его дочкою, семнадцатилѣтнею дѣвушкою Оленушкою, съ которыми теперь и пришла посмотрѣть на монастырское сборище и послушать, что тамъ будетъ.

Когда они пришли къ сборищу, то увидѣли, что какой-то широкоплечій съ сросшимися бровями стрѣлецъ, это былъ Кирша, подалъ архимандриту Никанору какой-то свитокъ съ висѣвшею на шнуркѣ черною печатью, а тотъ, развернувъ свитокъ и повертѣвъ его въ рукахъ какъ что-то такое, которое не знаешь съ котораго конца и начать, передалъ въ руки сухому монаху съ лицомъ мурина, грамотѣю Геронтію.

Геронтій развернулъ свитокъ, нагнулся къ печати, какъ бы обнюхивая ее, выпрямился какъ смоленый шестъ, кашлянулъ словно изъ бочки и тоже словно бы изъ бочки началъ что-то читать. Сначала ничего нельзя было разобрать, кромѣ отдѣльно выкрикиваемыхъ словъ «сіе паше» «со-со-соборное посланіе» «и завѣщаніе» «предаемъ и повелѣваемъ неизмѣнно хранити» «и по—и поко—и покорятися святѣй во-восточнѣй церкви...» Далѣе отецъ Геронтій овладѣлъ трудностями дьяческой съ завитками каллиграфіи, и изъ бочки потекли плавно страшныя слова.

«Аще ли мя кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ,—гремѣло на весь черный соборъ; — и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ святаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и проклятію предаемъ...»

При словѣ «проклятіе» сдержанный ропотъ прошелъ по собору. Всѣ груди, повидимому, тяжело дышали. Всѣ усиленно, мучительно-напряженно вслушивались въ читаемое и едва ли многое понимали: понимали только одно—«проклятіе»; кто-то

кого-то проклиналъ... кого же, какъ не ихъ, черную смиренную братію, братію рядовую, служекъ и трудниковъ? А за что? Вонъ какія мозоли они понатерли на своихъ грубыхъ ладоняхъ, работая на святыхъ угодничковъ Зосимъ-Савватея... А ихъ проклинаютъ... Трудно дышитъ братія, слышно даже это усиленное дыханіе... Иные не то скорбно, не то укоризненно качаютъ поникшими головами...

У отца Никанора ходенемъ ходятъ большія брови, а лицо все болѣе и болѣе краснѣетъ. Старецъ Протасій, оглядывая изъ-подлобья черную братію, глубоко вздыхаетъ. Одинъ Исачко сотникъ коситъ своими глазами на Киршу стрѣльца и какъ бы хочетъ сказать: «а попробуй, мы тѣ покажемъ Кузькину мать...» «Аще же отъ мірскаго чина,—продолжаютъ вылетать слова изъ сухой бочки,—отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еритика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣкаемъ яко гниль и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ».

Отецъ Геронтій передохнулъ и поправилъ на вискахъ и на лбу волосы, потому что и на лбу и на вискахъ проступалъ потъ. Отъ волненія и натуги свитокъ дрожалъ въ его рукахъ и печать на шнурѣ колыхалась. Сотникъ Исачко отъ скуки, онъ человѣкъ ратный и письмо не его дѣло, его дѣло зелье парядное да пищаль затинная, Исачко выслѣдилъ надъ монастыремъ своего любимца голубя, турмана въ штанцахъ, и искоса опять поглядывалъ на его отчаянные кувырки въ воздухѣ.

— Чти дале, на нѣтъ чти,—нетерпѣливо и дрожащимъ голосомъ понукнулъ архимандритъ.

«Аще ли кто не вразумится, — продолжалъ отецъ Геронтій,—и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего—да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ и съ роспеншими Христа жидовы и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками, желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растляется, и той да будетъ неразрѣшенъ и не разрушенъ и яко тимпанъ бряцаяй во вѣки вѣковъ, аминь!»

Многіе стояли блѣдные, дрожащіе. Одни робко, недоумѣвающе поглядывали другъ на друга, другіе съ какою-то робкою мольбою смотрѣли на стараго архимандрита. Отецъ Ника-

норъ—старъ бывалъ человѣкъ, живалъ и на Москвѣ, и архимандричалъ въ Савиномъ монастырѣ, и на глазахъ у царя бывывалъ, и царь его жаловалъ. Что-то онъ, отецъ Никаноръ, скажетъ? Али такъ-таки всѣхъ и выдастъ головой анаѳемѣ? Али на нихъ и закона нѣтъ? А Никаноръ стоитъ, заряженный, какъ затинная пищаль. Губы его дрожатъ. Онъ вспоминаетъ, какъ въ Москвѣ, лѣтъ пять тому назадъ, принудили его покориться собору, отречься, отплеваться отъ двуперстія и сугубой аллилуіи, пасть сметіемъ и прахомъ подъ нозѣ Никона... И стыдъ за прошлый позоръ, и поздняя злость на свою тогдашнюю слабость потокомъ гнали его старую, но кипучую еще кровь отъ сердца къ пунцовымъ щекамъ, къ глазамъ... Вонъ Аввакумъ протопопъ не убояся собора нечестивыхъ и пребысть крѣпокъ, аки адамантъ и яко скала нерушимъ...

Оленушка взглянувъ на Никанора, испуганно прижалась къ матери. Ея синіе, какъ морская вода подъ яркимъ солнцемъ, длинные глаза расширились и потемнѣли.

— А что дале, послѣ аминя?—рѣзко вдругъ спросилъ Никаноръ.

— Послѣ аминя скрѣпа дьяка патріарша приказа,—отвѣчалъ Геронтій.

Никаноръ, взявъ изъ рукъ его свитокъ и обведя глазами соборъ, выпрямилъ свое старое тѣло. Онъ видѣлъ, что грамота съ проклятіемъ произвела удручающее впечатлѣніе на всю братію и даже на ратныхъ людей, преданныхъ монастырю, между которыми, кромѣ мѣстныхъ поморовъ и усольцевъ, находилось нѣсколько донскихъ казаковъ, послѣ пораженія Стеньки Разина перекинувшихся съ Волги на Бѣлое море, на службу къ соловецкимъ старцамъ, ибо Стенька не разъ товаривалъ своимъ удалымъ молодцамъ, что и онъ когда-то былъ въ Соловкахъ и маливался соловецкимъ угодникамъ. Никаноръ всего болѣе боялся, чтобы ратные люди, подъ страхомъ анаѳемы, не покинули монастырь на произволъ судьбы, и потому сразу рѣшилъ, что ему дѣлать. Онъ подошелъ къ Киршѣ, какъ къ посланцу царскаго воеводы, и сталъ такъ, чтобы его видѣли ратные люди, особенно сотники Исачко и Самко.

— Ты почто присланъ къ намъ?—спросилъ онъ громко посланца.

— Присланъ я съ грамотой, — отвѣчалъ Кирша, поводя сросшимися бровями.

— Мы вычли оное безлѣпичное лаяніе патріарша дьяка и то бреханье на вѣтеръ пустили. По что жъ еще ты присланъ къ намъ?

— Присланъ я,—заговорилъ Кирша по заученному,—отъ воеводы Ивана Мещеринова, чтобъ вы, соборная и рядовая братья, добили челомъ великому государю...

— А потомъ что?

— Что бъ принесли великому государю вины свои...

Никаноръ перебилъ его, схвативъ за руку.

— Винъ за нами передъ великимъ государемъ нѣтъ и не бывывало и добивать намъ челомъ великому государю не по что, окромѣ какъ молиться за его государское здоровье, и мы то дѣлаемъ,—скороговоркою проговорилъ онъ.—Поди и доложись о семъ твоему воеводѣ... Слыхалъ?

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества,—какъ бы не слушая его продолжалъ Кирша, — воевода приказалъ вамъ монастырь отпереть и государевыхъ ратныхъ людей принять съ честью.

Никаноръ окончательно вспылилъ.

— Али твой воевода царскимъ словомъ торговать сталъ!—закричалъ онъ.—Али пресвѣтлое царское слово можетъ исходить изъ такого поганаго смердьяго рта, какъ у твоего воеводы? Али у великаго государя бумаги и чернилъ не достало, чтобы слово его пресвѣтлое всякими пьяными глотками въ кабакахъ выкрикивалось? А! Такъ что ли?

Озадаченный Кирша не зналъ, что отвѣчать. Онъ догадался, что воевода сдѣлалъ оплошность.

— Говори!—приставалъ къ нему Никаноръ.—Какъ твой воевода смѣлъ украсть царское слово? Али онъ не знаетъ, что царское слово, какъ и словеса Господа нашего Іисуса Христа, либо въ церкви, какъ святое евангеліе, должны возглашаться, либо царскою грамотою, по титулѣ, объявляться? А! Такъ вы этого не знали!

По собору прошелъ ропотъ одобренія. Головы поднялись увѣренно, блѣдность сбѣжала съ лицъ. Исачко смѣло и дерзко измѣрялъ своими косыми глазами Киршу, какъ бы вызывая его на немедленную потасовку. Послышались выкрики: «Али на

нихъ и суда нѣту!» «Али они и впрямь своимъ дурнымъ наше доброе извести хотятъ!» «Чего ихъ слушать! Воровство ихъ знамое!»

Кирша стоялъ, какъ притравленный звѣрь, озираясь по сторонамъ. А прибывшій съ нимъ монашекъ испуганно топтался на мѣстѣ, точно выглядывая норку или скважинку, въ которую можно было бы юркнуть.

Въ это мгновеніе въ самую середину круга протискался какой-то оборванецъ съ длинными какъ у простоволосой бабы, никогда нечесанными пасмами волосъ, падавшими ему на худое, аскетическое лицо и на плечи. Оборванецъ былъ босикомъ, въ одной, чужой, повидимому, рубахѣ, которая была слишкомъ длинна для него. Изъ-подъ рубахи виднѣлись голыя, худыя, какъ щепки, икры ногъ. На шеѣ у него, какъ у цѣпной собаки, висѣла и при движеніи звякала тяжелая цѣпь, замкнутая большимъ замкомъ у горла, ключъ отъ котораго былъ брошенъ въ море. Оборванецъ держалъ въ рукахъ старую скуфейку, въ которой, скукожившись въ комочки, спали еще не оперившіеся, съ золотымъ пушкомъ, голубиные выводки. Оглянувъ кругъ и нагнувши свою косматую голову подобно барану, собирающемуся драться, онъ затопалъ ногами и припрыгивая запѣлъ дѣтскимъ голосомъ:

«Бушка-баранъ,
Не ходи по горамъ,
Убьютъ тебя—
Не пеняй на меня».

Многіе вопросительно и испуганно переглянулись. Монастырь давно привыкъ къ разнымъ выходкамъ и причудамъ своего юродиваго: но всегда искалъ въ его словахъ чего-либо пророческаго, какого-либо иносказанія и иногда, конечно, большею частью уже впослѣдствіи, когда какое-либо событіе совершалось, истолковывалъ ихъ въ пользу пророческаго провидѣнія своего юродиваго: «а вишь Спиря-то блаженный предсказывалъ намъ это тогда, да мы то, грѣшные, не уразумѣли его святыхъ словесъ», говорили обыкновенно монахи, когда случалось что-либо неожиданное:—вонъ тады, какъ съ Москвы намъ прислали книги съ трегубымъ алилуемъ да съ троперстіемъ, Спиря-то все намъ пѣлъ объ трехъ «люляхъ» да объ «гуляхъ»:

Люли-люли-люли,
Прилетѣли гули.

...«Анъ стрѣльцы-то и были эти «гули» самые, а намъ, глупымъ, и невдомекъ; а «люли»-то была сама трегубая алилуя».

Такъ и теперь «бушка-баранъ»—это былъ не просто баранъ, а кто-либо другой: либо монастырь, либо стрѣльцы, что подъ монастырь пришли. «Не ходи, бушка, по горамъ, убьютъ тебя»: это что-то очень страшное. Кого божій человѣкъ предостерегаетъ этимъ: братію ли, посланца ли этого? Кому быть убитымъ? Это тревожные вопросы возникали въ душѣ каждаго. Однимъ казалось, что Спиря грозитъ посланцу, даже въ него и лбомъ уперся; а другіе ясно видѣли, что онъ будто бы показывалъ видъ, что бодаетъ отца архимандрита Никанора.

— Гулюшки, гули,—забормоталъ вдругъ юродивый, нагибаясь къ своей скуфейкѣ,—а, проснулись, дѣтки, ѣстушки захотѣли.

Птенцы, дѣйствительно, подымали свои пушистыя съ неуклюжими ртами головки и, видимо, искали пищи. Юродивый тутъ же сѣлъ на земь, вынулъ изъ сумочки, что висѣла у него черезъ плечо, горсть зеренъ положилъ ихъ себѣ въ ротъ, пожевалъ и пригнулся лицомъ къ скуфьѣ. Птички широко раскрыли красные рты и сами полѣзли головками въ ротъ юродиваго.

Архимандритъ Никаноръ, озадаченный было сначала появленіемъ юродиваго и его загадочными словами, скоро пришелъ въ себя, и, обведя соборъ своими волосатыми бровями, обратился къ Киршѣ съ угрожающимъ жестомъ.

— Поди, скажи твоему воеводѣ, чтобъ онъ убирался по добру по здорову: обитель преподобныхъ Зосимы-Савватія не Петровское кружало.

Кирша выпрямился.

— Такъ это вы постановили?—спросилъ онъ глухо.

— Постановили и на томъ стоимъ,—отвѣчалъ Никаноръ.

— Такъ мы васъ добывать станемъ, какъ государевыхъ измѣнниковъ,—рѣзко сказалъ Кирша.

— Добывать!

Никаноръ обернулся и показалъ рукою на монастырскую стѣну. На стѣнѣ въ разныхъ мѣстахъ чернѣлись пушки, около которыхъ стояли пушкари.

— Видишь, каковы у насъ галаночки?

— Видимъ-ста: и у насъ такихъ тетокъ довольно,—погорластѣе вашихъ будутъ.

— Что онъ похваляется своими тетками!—возразилъ Геронтій.—Намъ не впервой спроваживать ихъ: али не Игнашка Волоховъ сломалъ свои зубы объ наши стѣны?

— Да и Іевлевъ Корнилко ни съ чѣмъ ушелъ,—замѣтилъ Никаноръ, — обитель-то преподобныхъ Зосимъ-Савватія крѣпонька живетъ, самъ святитель Филиппъ, митрополитъ московскій, стѣнки тѣ выводилъ.

— Что съ нимъ разговаривать!—послышалось въ толпѣ.—Шелепами его!

— Вонъ изъ обители! Вонъ нечестью! А то и на чепи посидите,—подхватили голоса.

Кирша видѣлъ, что его посольство кончено. Онъ поклонился Никанору и надѣлъ шапку.

— Долой шапку! Али не видишь, гдѣ ты? Ты передъ чернымъ соборомъ!—загалдѣла черная братія.

Кирша повиновался, снялъ шапку и направился къ монастырскимъ воротамъ. За нимъ подтыцемъ поспѣшалъ согнувшійся монашекъ. Городничій старецъ Протасій, у котораго на поясѣ висѣлъ огромный ключъ, сотники Исачко и Самко послѣдовали за посланцами. Старецъ Протасій отперъ одну четвертную складку массивныхъ желѣзныхъ воротъ и, пропустивъ Киршу и монашка, снова заперъ монастырскую твердыню.

Скоро рослая фигура Исачки вырисовалась на вершинѣ стѣны. Онъ стоялъ, оборотясь къ морю, и грозилъ кому-то кулакомъ.

III. Отбитый чернецами «воропъ».

— Богъ въ помочь тебѣ, человѣче божій,—сказала Неупокоиха, смиренно подходя къ Спирѣ и низко кланяясь ему.—Благослови насъ грѣшныхъ да помолись твоими святыми молитвами о здоровьи рабовъ божіихъ, меня, рабы божьи Акулины, да рабы божьи Олены, да раба божья Остафья.

При этомъ Неупокоиха положила передъ Спирей золотую монету. Спиря въ это время сидѣлъ на нижней ступенькѣ соборнаго крыльца и игралъ съ своими птичками. Онъ молча посмотрѣлъ на купчиху своими сѣрыми живыми глазами, глубоко запавшими, потомъ перенесъ ихъ на Оленушку, которая робко

взглянула на него и потупилась, готовая, повидимому, заплакать, такъ дрожали ея губы и щеки подернулись алой краской, какъ передъ слезами. По лицу и по глазамъ юродиваго пробѣжалъ свѣтъ и тотчасъ же какъ бы отлетѣлъ, а лицо подернулось туманомъ.

Молча полѣзъ онъ въ свою сумку и, пошуршавъ тамъ чѣмъ-то, вынулъ оттуда... Оленушка чуть не вскрикнула при видѣ того, что онъ вынулъ, а мать ея испуганно перекрестилась... Юродивый вынулъ изъ своей сумки человѣческій черепъ. Это былъ желтый, потемнѣвшій костякъ, который, вѣроятно, очень долго лежалъ въ землѣ. Спиря долго смотрѣлъ на него, тихо качая косматой головой, потомъ снова перенесъ свой взглядъ на Оленушку. Теперь въ этомъ взглядѣ теплилось что-то доброе.

— Видишь это, раба божья Олена?—спросилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

Та стояла молча и дрожала, прижимаясь къ матери. Расширившіеся отъ испуга глаза готовы были брызнуть слезами. Нижняя губа сложилась въ плаксивую складку.

— Видишь, Оленушка?—переспросилъ юродивый ласковѣе.

Молчитъ испуганная дѣвушка. Не менѣе испуганная мать хватаетъ ее за руку.

— Говори... молви словечко, дитятко... Говори божьему человѣку: вижу, молъ,—бормотала она.

— Вижу,—чуть слышно прошептала дѣвушка.

Юродивый замоталъ головой, взглянулъ на солнце, которое высоко стояло надъ монастырской оградой, снова перенесъ глаза на черепъ, перекрестилъ его, поцѣловалъ и опять остановилъ свой взглядъ на смущенномъ лицѣ дѣвушки.

— А она была похожа на тебя, — сказалъ онъ тихо,— только у нея глаза были черные, что крупный тернъ, а у тебя вонъ сини... Да она жъ была грѣшница, а ты чистая отроковица... Молись же объ ея душенькѣ, объ рабѣ божьей Анастасеѣ... Будешь молиться?

— Буду,—прошептала Оленушка и вдругъ заплакала.

— Что ты! Что ты, дитятко!—утѣшала ее мать.—Божій человѣкъ тебѣ святое слово сказалъ, что жъ плакать? И я буду молиться объ рабѣ божьей Анастассѣ,—говорила она, повидимому, совсѣмъ успокоенная.—Кто жъ она была, Анастасея-то?

— Гулюшки, тули,—заговорилъ юродивый, не отвѣчая на вопросъ и обращаясь къ своимъ птенцамъ.—Ишь воръ, отнялъ у васъ матушку.

— А они сиротки?—участливо спросила Неупокоиха.

— Ихъ матушку голубку Никонъ съѣлъ,—отвѣчалъ юродивый.

— Какой Никонъ, батюшка?

— Воръ-ястребъ.

— Ахъ, бѣдны сироточки!

Юродивый вспомнилъ о червонцѣ, который положила у его скуфьи Неупокоиха, взялъ его и возвратилъ ей.

— Отдай сей соръ сметіе тѣмъ, у кого хлѣбца нѣтъ,—сказалъ онъ,—пущай помянутъ рабу Божью Анастасею.

Въ это время подошла къ нимъ аглицкая нѣмка Амалѣя Личардовна. Увидавъ ее, Спиря торопливо схватилъ свою скуфейку съ птичками и побѣжалъ, испуганно оглядываясь и бормоча: «чуръ-чуръ-чуръ! бѣсъ во образѣ нѣмки... бѣсъ съ курьими лапками...»

— Это дурачокъ, матушка?—спросила она Неупокоиху.

— Нѣтъ, матушка Амалѣя Личардовна: онъ юродивый, уродъ Христа-ради,—отвѣчала та.

— Такъ шутъ?

— Нѣту, матушка, не шутъ, помилуй Богъ!—испуганно заговорила набожная купчиха. — Онъ божій человѣкъ, святой, что ты!

— А у насъ въ аглицкой землѣ таковыхъ юродивыхъ нѣтъ, и есть токмо шуты, и они бываютъ умны гораздо,—настаивала аглицкая нѣмка, которая хотя и давно жила въ Россіи, а все еще многія стороны жизни поражали ее.

— Нѣту, нѣту, родимая, то шуты—особо статья: то у насъ скомрахи, гудошники, бражники, а то уроди Христа-ради.

Амалѣя Личардовна невольно вспомнила свою далекую родину. Вспомнила, какъ она, еще дѣвушкой, въ первый разъ увидала своего будущаго жениха въ театрѣ, и именно, когда играли объ одномъ несчастномъ старомъ королѣ, котораго называли Лиромъ и у котораго были три дочери. Тамъ она видѣла на сценѣ и шута, такого же юродиваго... А здѣсь въ московской землѣ ничего подобнаго нѣтъ... И она невольно вздохнула,

взглянувъ на солнце: и солнце здѣсь не такое, не такъ ходитъ, какъ въ ся родной аглицкой землѣ, такъ низко ходитъ московское солнце...

— У насъ въ аглицкой землѣ я таковаго шута видала на theatre,—сказала она, обращаясь къ Оленушкѣ.

— На чемъ?—съ любопытствомъ спросила дѣвушка, которая уже много диковиннаго и непостижимаго слышала отъ Амалѣи Личардовны.—На чемъ, говоришь?

— На theatre, Оленушка,—отвѣчала аглицкая нѣмка.— Да я ужъ тебѣ сказывала о theatre.

— А! Помню, помню... Это домъ такой, палата большая, аки бы церковь, а въ ней люди сидятъ на скамьяхъ, да другъ надъ дружкой, высоко, ряда въ четыре, сидятъ и глядятъ на дѣйство: выйдетъ это аки-бы король, либо королева, либо принецъ, и говорятъ, говорятъ, либо подерутся нарочно, а то женихъ съ невѣстой выдутъ, тожъ говорятъ о своемъ сердцѣ... Ахъ, кабы мнѣ посмотрѣть на все это!

— Что ты! Что ты, непутевая!—остановила ее мать,—въ экомъ-то святомъ мѣстѣ да объ скомрахахъ... Вонъ и у насъ на святкахъ хари надѣваютъ да наряжаются, кто козой, кто медвѣдемъ, кто бѣсомъ, тьфу! Не къ мѣсту бы сказать, грѣхъ какой!

Вдругъ что-то грохнуло такъ, что всѣ вздрогнули.

Неупокоиха даже присѣла отъ испугу. Оглядѣвшись, увидѣла, что въ одномъ мѣстѣ надъ монастырской стѣной клубился дымъ. Сотникъ Исачко стоялъ около пушки, надъ которой и подымался, тая въ воздухѣ, бѣлый дымъ, и смотрѣлъ куда-то въ зрительную трубку. Въ другихъ мѣстахъ на стѣнѣ тоже суетились ратные люди. Изъ келій торопливо выходили монахи, тревожно посматривая на стѣны.

— Пушкари, къ наряду! По мѣстамъ!—раздался зычный голосъ Исачки.

— Пушкари по мѣстамъ!—повторилась та же команда гдѣ-то въ воротной башнѣ, это распоряжался сотникъ Самко.

Почти въ одно мгновенье передовая монастырская стѣна усыпана была ратными людьми. Скоро на стѣнѣ показались священники въ облаченіи и монахи. Въ воздухѣ заблестѣли золотые и серебряные оклады иконъ, несомыхъ по монастырской стѣнѣ.

Церковныя хоругви, возвышаясь почти наравнѣ съ башнями, вѣяли въ воздухѣ какъ крылья и скрипѣли огорліями. Впереди процессіи шелъ Никаноръ въ архимандричьемъ облаченіи и митрѣ, искрившейся дорогими камнями и бурмицкимъ жемчугомъ, и, осѣняя серебрянымъ распятіемъ пушки и ратныхъ людей, кропилъ направо и налѣво святою водой. Что-то чарующее, поражающее представляла эта картина, гдѣ, казалось, всю воинственную рать составляли черные клобуки. Со стѣны неслось пѣніе нѣсколькихъ сотъ голосовъ, большею частью старыхъ, жалкихъ дребезжащихъ, какъ ослабѣвшія струны гуслей, но ихъ подхватывали и молодые, сильные голоса, разносившіеся далеко по взморью чѣмъ-то глубоко трогательнымъ и печальнымъ. Казалось, древняя священная обитель отпѣвала себя заживо и кропила святою водой свою собственную могилу. И надъ всѣмъ этимъ стаи вспугнутыхъ голубей, и выше всѣхъ въ глубокой синевѣ слабо поблескиваетъ бѣлыми крыльями общій монастырскій любимецъ, бѣлый турманъ «въ штанцахъ».

А тамъ, внизу, на морѣ, на голубой поверхности залива тихо покачивались суда, привезшія ратныхъ людей, собиравшихся громить святую обитель. Кровавымъ пятномъ горѣлъ на солнцѣ красный флагъ воеводскаго судна. А еще ближе, по берегу, краснѣлись цѣлыя кровавыя полосы: это красные кафтаны стрѣльцовъ, которые, перенявъ у нѣмцевъ нѣкоторыя воинскія хитрости, шли нога въ ногу, поблескивая ружьями. Впереди несли тяжелый зеленый стягъ съ золотыми кистями. За ними медленно двигались, скрипя и покачиваясь въ воздухѣ, какія-то чудовища въ родѣ висѣлицъ на толстыхъ колесахъ: то были «тараны», стѣнобитныя орудія, которыми предназначалось разбить въ щебень стѣны, сложенныя когда-то руками самого Филиппа, святителя московскаго, во время его печальнаго изгнанія. За таранами чернѣлись пушки, которыя стрѣльцы везли на себѣ, лямками. Подъ зеленымъ стягомъ грузно переваливалась массивная фигура, сверкая шлемомъ и кольчугою: это былъ самъ воевода, холопъ его пресвѣтлаго царскаго величества, Ивашка Мещериновъ.

Еще пѣніе на стѣнахъ не умолкло, какъ послышалась рѣзкая команда, еще никогда не слыханная пушкарями.

— Господи Исусе Христе сыне Божій, по-милуй насъ!—прозвучалъ по стѣнѣ голосъ Никанора.

— А-минь! — отвѣчали сотники.

А разомъ грянуло нѣсколько десятковъ пушекъ. Дымъ заволокъ стѣны, башни и самихъ пушкарей. Никаноръ осѣнялъ пушки крестомъ. Хоръ черной братіи послѣдними надорванными голосами тряпулъ: «Спаси, Господи, люди твоя!..» Внутри монастыря послышались крики и отчаянные вопли богомольцевъ, которыхъ такъ неожиданно застигла страшная осада.

Исачко своими косыми глазами ясно видѣлъ, что пущенныя имъ ядра не долетѣли до стрѣльцовъ, взрывъ землю за нѣсколько десятковъ шаговъ впереди ихъ строя. Пушкари вновь зарядили пушки.

Никаноръ, весь красный, съ каплями пота, засѣвшими въ его волосатыхъ бровяхъ, ходилъ отъ пушки къ пушкѣ, кадилъ ихъ и пушкарей и кропилъ святою водою.

— Матушки мои! Галапочки!—приговаривалъ онъ къ пушкамъ.—На васъ наша надежда, вы насъ оборонитé!

Дымъ ладона смѣшивался съ пороховымъ дымомъ. Пушкари, цѣлуя крестъ, снова кидались къ пушкамъ. Голосъ сухого Геронтія, какъ боевая труба, гремѣлъ среди плачущаго и взывающаго хора: «Спаси, Господи, люди твоя!..» Вопли внутри монастыря раздирали душу.

— Стрѣляйте, дѣтушки, стрѣляте! — кричалъ Никаноръ. — Да смотрите хорошенько въ трубки, гдѣ воевода: въ него, жирнаго, и стрѣляйте, дѣтки! Коли поразимъ пастыря, ратные люди разойдутся, аки овцы.

Залпы слѣдовали за залпами, ядра взрывали землю и разбивали камни, а стрѣльцы все надвигались, и все виднѣе и виднѣе вырисовывались желѣзныя головы стѣнобитныхъ орудій. Послѣдовалъ залпъ и съ той стороны. Ядра, какъ громадныя орѣшины, защелкали по монастырской стѣнѣ и съ визгомъ отскакивали назадъ, отбивая куски камней и глины.

— Въ стягъ-отъ, въ стягъ зеленый мѣти, Исачушко другъ!—молилъ Никаноръ. — Тамъ воевода.

На стѣну вынесли запрестольный образъ покровителей монастыря. Далеко блеснула золоченая риза и золотые съ самоцвѣтными камнями вѣнцы вокругъ темныхъ ликовъ преподобныхъ Зосима и Савватія.

Никаноръ упалъ передъ иконой.

— Святители! Угодники! Не выдайте своей обители на поруганіе! — вопилъ онъ, ползая передъ иконой. — Гляньте-ко съ неба сюда! Махните, погрозите перстами святыми на еретиковъ!

А ядра все гуще и гуще стучатъ въ стѣны, Исачко реветъ на своихъ пушкарей.

— Дайте, братцы! — закричалъ онъ. — Дайте, душу свою вмѣсто ядра и зелья засыплю въ матушку!

И онъ самъ зарядилъ пушку, самъ навелъ ее и грянулъ.

Зеленое знамя упало, словно подкошенное. Взрывъ радости огласилъ стѣны.

— Стягъ упалъ! Стягъ подбили! — кричали пушкари. — Любо! Любо! Еще катай!

Никаноръ, раскосмаченный, безъ митры, которую держалъ служка, бросился кропить и цѣловать пушку, которая поубавила московскій стягъ.

— Спасибо! Матушка! Галапочка! Еще угоди, въ воеводу угоди, родная!

Новые залпы разстроили передніе ряды стрѣльцовъ. Стѣнобитныя орудія остановились. Москвичи задумались.

Въ это время тамъ, гдѣ остановились стрѣльцы, чтобы, немного передохнувъ, снова двинуться на монастырь, справа, на пригоркѣ показалась человѣческая фигура. Неизвѣстный шелъ къ стрѣльцамъ и что-то показывалъ имъ, поднимая руки. Со стѣны скоро узнали его: это былъ Спиря, который показывалъ стрѣльцамъ свою скуфью съ птичками.

— Смотри-тко, братцы, Спиря! — закричали пушкари. — Ай-ай!

— Онъ и есть, братцы. Что онъ задумалъ?

Московскіе стрѣльцы, видимо, обратили вниманіе на этого страннаго человѣка. Всѣ глядѣли въ его сторону. Нѣкоторые побѣжали къ нему.

Въ это самое время слѣва, гдѣ росъ кустарникъ, какъ изъ земли выросли люди. Прикрываясь кустарникомъ, они приблизились на ружейный выстрѣлъ къ правому крылу московскаго отряда. И ихъ узнали съ монастырской стѣны.

— Братцы! Да это наши тамъ съ казаками! — раздались радостные голоса.

— Наши! Ай да молодцы! Въ засадъ пошли...

Дѣствительно, то была небольшая партія донцовъ вмѣстѣ съ молодыми и старыми монахами изъ рядовой братіи, рыбаковъ и другихъ трудниковъ. Ярко оттѣнялись въ зелени кустарника черные клобуки и скуфьи.

И вдругъ изъ кустарника раздался ружейный залпъ. Московскіе стрѣльцы дрогнули отъ такой неожиданности: они сразу поняли, что это засада. Нѣкоторые изъ нихъ, пораженные пулями, упали. Въ этотъ моментъ и крѣпостныя пушки дали залпъ. Москвичи окончательно растерялись.

Никаноръ снова упалъ передъ образомъ Зосимы и Савватія, который все еще оставался на стѣнѣ. Въ старомъ мятежникѣ воскресла вся его молодая энергія, которая измѣнила ему въ Москвѣ, на соборѣ, гдѣ онъ постыдно, какъ казалось его фанатическому уму, отрекся отъ двуперстнаго сложенія и сугубой аллилуіи. Этотъ стыдъ за прошлое горѣлъ у него на душѣ, жегъ его огнемъ: ему нужно было залить этотъ мучительный огонь совѣсти, и онъ поднялъ мятежъ во всемъ сѣверномъ Поморьѣ. Съ этимъ огнемъ въ душѣ онъ простирался теперь передъ иконой соловецкихъ покровителей, подъ громъ пушекъ.

— Святители! Великіе угодники! Перстомъ ихъ! Опалите перстомъ ихъ вашимъ, аки молнью! — вопилъ онъ.

Потомъ, вскочивъ на ноги, снова бѣгалъ отъ пушки къ пушкѣ, кадилъ ихъ и кропилъ съ крикомъ:

— Матушки галаночки, не выдайте! Родимыя, громите ихъ!

Косой Исачко и кемлянинъ Самко ревѣли не менѣе, распоряжаясь нарядомъ. Задымленные пороховой сажей, безъ шапокъ, то съ банникомъ въ рукѣ, то съ дымящимся фитилемъ, они были страшны. Пушкари не отставали отъ нихъ. Пушки накалились до того, что къ нимъ нельзя было дотронуться.

— Уходютъ еретики! Уходютъ!—прошелъ по стѣнѣ радостный крикъ.

— На утекъ! На утекъ! Улю-лю-лю! Улю-лю-лю.

— Святители!—съ радостными слезами стоналъ Никаноръ,

Черный хоръ съ ревущимъ Геронтіемъ во главѣ дребезжалъ разбитыми голосами и гнусѣлъ до самаго неба: «Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ»...

— Хвалите Бога, отцы и братіе! Кричите до самаго престола Его! Господи! Владыко всесильный!

Приступъ былъ отбитъ.

IV. Сиротская свѣчка передъ Господомъ.

Странное, удивительное то было время. Маленькій островокъ, едва замѣтный на картѣ, ничтожный огорбокъ, выползшій изъ-подъ неизмѣримыхъ водъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, крохотная песчинка среди песковъ морскихъ, Соловецкій монастырь отложился, ушелъ изъ-подъ державы великаго неисходимаго московскаго государства, и московскій великій государь, съ божьею помощью подклонившій подъ свою превысочайшую державную руку всю Малую и Бѣлую Русію, и царство казанское, и царство астраханское, и царство сибирское со всею необъятною Сибирью, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ, московскій, кіевскій, владимірскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь литовскій, смоленскій, тверской, волынскій, подольскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода низовскія земли, черниговскій, рязанскій, полоцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, удорскій, обдорскій, кондинскій, витебскій, мстиславскій и всея сѣверныя страны повелитель, и государь иверскія земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскія земли черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель (таковъ былъ полный титулъ Алексѣя Михайловича, и за прописку хотя единаго слова въ этомъ титулѣ дьяка постигало обычное наказаніе «бить батоги нещадно») и такой, повторяемъ, могущественный государь въ теченіе восемнадцами лѣтъ не могъ подклонить подъ свою державную руку этого отбившагося отъ великаго россійскаго стада ягненка. Да и не до того тогда было. Повторяемъ: то было странное, удивительное время.

Эпитетъ «тишайшій», приданный Алексѣю Михайловичу его современниками и вполнѣ его характеризовавшій, совсѣмъ не подходилъ къ характеристикѣ его царствованія, полнаго бурныхъ событій. Онъ былъ кротокъ, набоженъ, со всѣми ласковъ, съ необыкновенно привязчивымъ сердцемъ. Онъ искренно лю-

билъ Россію, свой народъ и всѣмъ сердцемъ желалъ ему добра, счастія, благоденствія. Его голубиную душу глубоко цѣнили всѣ его приближенные, съ которыми онъ обходился съ отеческою нѣжностью; и если иногда и наказывалъ царедворцевъ за упущенія по службѣ, только не за злоупотребленія, то истинно по отечески: любимое его наказаніе было купать бояръ въ пруду. Вотъ что онъ самъ писалъ объ этомъ своему стольнику, Матюшкину: «Извѣщаю тебѣ, што тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ купаю ежеутръ въ прудѣ. Іорданъ хороша сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю; да и послѣ купанія жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де насъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ: многіе нарокомъ не поспѣваютъ»... И царь доволенъ, тѣшится, и выкупанные царедворцы довольны, и ни одинъ не простужался, кушая въ мокрой одеждѣ, развѣ что насморкъ схватитъ, который послабѣе... Да что тогда и за насморки были, когда безъ платка сморкались!.. Таковы были люди, таковы были у нихъ и нервы...

И это-то благодушное царствованіе благодушнѣйшаго и «тишайшаго» государя оказалось самымъ бурнымъ, роковымъ для Россіи, государственно и духовно расколовшимъ ее надвое, на двѣ половинки, которыя доселѣ, черезъ два столѣтія, не могутъ спаяться воедино.

Что же это былъ за клинъ такой чудовищный, который раскололъ такое громадное, вѣковое дерево, какъ московское царство, раскололъ надвое отъ вѣтвей и вершины до корня? И гдѣ нашелся еще болѣе чудовищный обухъ, который вогналъ этотъ страшный клинъ въ вѣковой московскій дубъ, вогналъ такъ, что расщепилъ его надвое? Чья, наконецъ, была та богатырская рука, которая направила сокрушительный обухъ на московскій дубъ?

На эти страшные вопросы во вкусѣ безсмертнаго Іоаникія Галятовскаго можно отвѣчать только въ его вкусѣ, метафорически.

Великій клинъ, расколовшій московское царство, былъ— идея. Идея, въ какомъ бы видѣ она не входила въ государство, въ общество, въ семью, всегда входила клиномъ въ живое тѣло и расщепляла его: входила ли она въ видѣ живого слова, про-

повѣди, въ видѣ книги, въ видѣ знанія, она всегда и вездѣ одними усваивалась и принималась, другими отрицалась. Принимали ее обыкновенно или почему-либо равнодушные къ господствующимъ понятіямъ члены государства, общества и семьи, или же члены молодые, юные, для которыхъ господствующія понятія не стали еще дѣломъ привычки, чѣмъ-то дорогимъ, своимъ. Отсюда являлось раздвоеніе мнѣній въ государствѣ, въ обществѣ, въ семьѣ: отсюда расколъ въ обширномъ, историческомъ смыслѣ слова раздѣленіе на «пріемлющихъ и на непріемлющихъ», на людей «новыхъ» и на людей «стараго порядка». Этою идеею во время Алексѣя Михайловича была книга, и притомъ печатная, потому что въ Москвѣ завелась первая типографія, занесенная изъ Кіева, изъ того мѣста, откуда заносилось въ древнюю Русь все лучшее, христіанство, просвѣщеніе, печать. Прежде всего, конечно, нужно было напечатать самыя важныя, самыя необходимыя книги. А таковыми были книги богослужебныя. Начали печатать ихъ. Но съ какого оригинала наборщикамъ набирать ихъ? Надо было найти лучшіе, правильнѣйшіе оригиналы. Собрали ихъ. Стали свѣрять, оказались незначительныя разнорѣчія, и въ иныхъ описки, которыя отъ давности вошли въ привычку, какъ, напр., «Ісусъ» вмѣсто «Іисусъ». Книги свѣрили съ греческими подлинниками, исправили и напечатали. Тогда люди привычки, старые люди отказались принять новыя книги... Клинъ остановился въ деревѣ, ни взадъ, ни впередъ...

Тогда является обухъ и бьетъ по клину. Клинъ, повинуясь страшной силѣ обуха, входитъ въ дерево и расщепляетъ его надвое. Обухъ этотъ—Никонъ: онъ проклялъ непріемлющихъ новыя книги... тѣ ощетинились...

Рука, двигавшая обухомъ—Никономъ, было время: «приспѣ бо часъ»... Приспѣ часъ и московскому государству дать у себя мѣсто печати, книгѣ, новой идеѣ...

Соловецкій монастырь вмѣстѣ съ прочими людьми стараго склада не принялъ новыхъ книгъ и откололся отъ московскаго государства. Нашлись было и въ этомъ монастырѣ «новые люди», молодые попы, которые начали было служить по новымъ книгамъ; но ихъ «архимандритъ» велѣлъ «сѣчь плетьми», и они покаялись послѣ вторичнаго сѣченья.

Вскорѣ и самъ Никонъ такъ сказать «отложился». Оскорб-

ленный невниманіемъ царя, который не иначе прежде называлъ его какъ «собиннымъ другомъ», Никонъ бросилъ патріаршій престолъ и ушелъ въ монастырь, показывая на стоявшую въ то время на небѣ комету:

— Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!

Онъ заперся въ своемъ монастырѣ и сидѣлъ тамъ ровно девять лѣтъ. Потомъ его судили и «обнажили» высокаго святительскаго сана... «Откололся» такимъ образомъ и Никонъ, но не отъ новыхъ книгъ...

Затѣмъ черезъ годъ или два послѣ суда надъ Никономъ Стенька Разинъ «откололъ» отъ московскаго государства всю юго-восточную окраину... Такъ до того ли было московскому государству, чтобъ думать объ отложившемся ничтожномъ островкѣ на Бѣломъ морѣ, о Соловецкомъ монастырѣ... Вотъ и сидятъ себѣ старцы въ своей обители и поютъ по старымъ книгамъ...

Разина берутъ и помѣщаютъ его буйную голову на колъ.

Москву очищаютъ отъ главныхъ вожаковъ сопротивленія новой идеѣ—новымъ книгамъ: протопопа Аввакума и другихъ воротилъ «отколовшагося» московскаго общества ссылаютъ въ Пустозерскъ.

Остается одинъ Соловецкій монастырь. Покончивъ со всѣми, принимаются и за него. Шлютъ туда стряпчаго Игнашку Волохова съ ратными людьми. Черная братія принимаетъ Игнашку въ пушки и прогоняетъ отъ своихъ стѣнъ.

Шлютъ стрѣлецкаго голову Корнилишку Іевлева со стрѣльцами, и его встрѣчаютъ «галаночками» и гонятъ аки волка изъ овчарни.

Шлютъ, наконецъ, воеводу Ивашку Мещеринова съ цѣлою флотиліею, съ пушками и стѣнобитными орудіями. И Ивашку принимаютъ въ «галаночки».

Послѣ неудачнаго приступа Мещериновъ отошелъ къ своимъ кочамъ. А монастырь, усиливъ караулы по близости стѣнъ и подмонастырнаго хоромнаго строенія и амбаровъ, вошелъ снова въ обычную жизненную колею. Но черезъ три дня послѣ приступа случилось обстоятельство, которое послужило началомъ рокового, трагическаго исхода «соловецкаго сидѣнья».

Старшая начальная монастырская братія, архимандритъ Никаноръ, келарь Наѳанаилъ, городничій старецъ Протасій и мо-

пастырскій законникъ и грамотѣй Геронтій сидѣли въ трапезной кельѣ и занимались монастырскими дѣлами. Всѣ они сидѣли на лавкѣ, а Геронтій у стола, на которомъ лежали бумаги, книги въ кожаныхъ и сермяжныхъ переплетахъ, свитки, и стояла мѣдная большая съ узенькимъ горлышкомъ и ушками пузатая чернильница съ воткнутою въ нее камышевою для письма «тростію». Утреннее солнце, проникая сквозь узенькія, зеленаго стекла, съ желѣзными рѣшетинами окна, бросало зеленовато-радужныя свѣтлыя пятна на бумаги, на серьезныя лица братіи и на согнувшійся надъ бумагою широкій затылокъ Геронтія. У порога стояли два мужика въ синихъ рубахахъ и усиленно встряхивали волосами, стараясь понять то, что читалъ нараспѣвъ Геронтій.

...«А который человѣкъ по грѣхомъ отъ своихъ рукъ утерястца, или въ лѣсѣ съ дерева убьетца, или колесомъ и возомъ сотретъ, или озябетъ, или сгоритъ, или утонетъ, или утопленикъ водою приповетъ, а то обыщутъ безъ хитрости, что которой отъ своихъ рукъ истерястца и съ тѣхъ вѣры за голову не имати», читалъ Геронтій и на этомъ мѣстѣ поднялъ свою черную голову.

— Не имати,—повторилъ отецъ Никаноръ въ раздумьи,—стало, на васъ поголовщина не падаетъ,—глянулъ онъ на мужиковъ.

Мужики потоптались на мѣстѣ. Изъ нихъ низенькій, съ бородавкою на скулѣ и бѣлыми финскими глазами, смѣло выставилъ правый локоть впередъ и заложилъ большой палецъ правой же руки за подпояску, на которой сбоку болтался деревянный гребешокъ, которымъ можно было расчесать развѣ только хвостъ у лошади.

— Кака, отцы, поголовщина?—сказалъ онъ увѣренно.

Въ то время въ келью вошелъ молодой, высокій чернецъ. Черные говорливые глаза подъ крутыми бровяными навѣсами, широкія скулы, рѣдкая черная бородка, маленькіе мягкіе усы, не прикрывающіе мясистыхъ красныхъ губъ, и тщательно заплетенная коса изобличали въ немъ не худороднаго чернеца, да и одѣтъ онъ былъ чисто. Войдя въ келью, онъ помолился на образа и, сдѣлавъ шагъ къ Никанору, поклонился въ землю.

— Съ чѣмъ?—спросилъ архимандритъ.

— Съ челобитьемъ, святой отецъ,—отвѣчалъ чернецъ отрывисто.

— А въ чемъ твое челобитье?

Чернецъ вынулъ изъ-за пазухи сложенную вчетверо бумагу и съ низкимъ поклономъ подалъ архимандриту, который, не развертывая бумаги, глядѣлъ на просителя.

— Жалоба мнѣ, святой архимандритъ, на купецкую женку, на Неупокоеву.

Архимандритъ, видимо, удивился. И другіе отцы глядѣли на просителя съ удивленіемъ.

— Нако-съ, вычти,—сказалъ Никаноръ, передавая бумагу Геронтію.

Тотъ медленно развернулъ челобитную, разглядѣлъ ее и, защищая своею тѣнью отъ солнца, сталъ читать.

...«Государю архимандриту Никанору еже о Христѣ съ братьею бьетъ челомъ нищей государевъ сиротинка и вашъ богомолецъ, соборной попишко, іеромонашишко Ѳеклиско. Жалоба мнѣ нищему твоему государеву сиротинкѣ на купецку жену Неупокоеву, на Акулину Иванову изъ Архангельсково города. Въ нынѣшнемъ, государь, во стѣ-восемдесятъ первыемъ году, мѣсяца іунія во 2-й день, приходила та Акулина съ понахидою и подала мнѣ нищему вашему государеву сиротинкѣ и холопишку поминанье съ большимъ предисловіемъ. И язъ нищей вашъ поминаніе у неѣ взялъ и сталъ читать родителей Акулининыхъ. И та Акулина мнѣ нищему вашему стала говорить: прочитай-де и все. И язъ нищей вашъ сталъ ей говорить: Акулина Ивановна, много прочитать, не одна ты. И она, государь, Акулина, возгордѣвъ богачествомъ своимъ, учала меня нищего бранить лодыжникомъ, и долгогривымъ шпынемъ и кутьею называть и мучителемъ обзывать при народѣ. И язъ нищей вашъ государевъ, не хотя отъ неѣ позору и терпѣти, сѣ легонько въ зашей вывелъ вонъ изъ церкви, а она сильною мнѣ чинилася, упиралась и кукишъ мнѣ якобы съ масломъ въ носъ совала. А на завтреѣ приволокся я по челобитью къ богомолкѣ бабѣ Ненилѣ понахиды служить, и та же меня Акулина нищею вашею собакою называетъ, и жеребцомъ, и кобыльею головою, и бранитъ всячески неудобь сказаемо. Умилосердися, государь, святый архимандритъ Никаноръ, пожалуй на ту Акулину Иванову дочь свой праведный сыскъ и оборонь, что мнѣ вашему государеву богомольцу и холопишкѣ отъ сѣ позорные брани и безчестія нигдѣ отъ ней уходу нѣтъ, ни въ кельяхъ, ни въ церкви божіи, отъ сѣ брани и позору чтобъ мнѣ нищему вашему государеву богомольцу впредь

какъ жити у престолу соборные церкви подъ твоимъ государя своего благословеньемъ и жалованьемъ. Государь, святый архимандритъ Никаноръ, смилуйся пожалуй»...

Отецъ Геронтій, кончивъ читать, подозрительно взглянулъ на челобитчика. Мужички у порога переглядывались, и моргающіе глазки низенькаго мужиченка какъ бы подмигивали товарищу: «знаемъ-де мы его, кочета брудастаго, всѣхъ нашихъ кемлянокъ перетопталъ». Архимандритъ глядѣлъ сердито, двигая, какъ тараканъ, своими волосатыми бровями.

— Не затѣйно ли ты, малый, написалъ?—кинулъ онъ на него недовѣрчивый взглядъ.

— Для чего затѣйно, государь?

— Для чего! По твоей дурости... Она, Неупоконха, баба статейна и усердна: ежегодъ вклады даетъ на монастырь, да и нонѣ пять бочекъ беремянныхъ вина ренсково пожаловала на обитель... Я поспрошаю у ней.

— Сыщи, государь.

— А послухи есть?—спросилъ городничій старецъ.

Челобитчикъ замялся.

— Видоки были?—повторилъ вопросъ архимандритъ.

— Она, государь, шпынемъ, кобыльей ладоницей лаяла.

Мужики переглянулись... «Такъ-де и бабы кемлянки зовутъ его»,—говорили глазки низенькаго.

— А при свидѣтеляхъ это было?—переспросилъ городничій.

Въ дверяхъ показалась косматая голова и скуфья въ рукахъ. Мужики торопливо разступились. Юродивый вбѣжалъ радостный, восторженный.

— Бѣгите, отцы, молиться... у насъ свѣтлый праздникъ,—заговорилъ онъ возбужденно.

Всѣ смотрѣли на него недоумѣвающе и со страхомъ. Знали, что Спиря даромъ не станетъ радоваться.

— Что ты, Спиря? Не мѣшай намъ, мы церковное дѣло строимъ,—строго сказалъ архимандритъ.

— Какое дѣло въ праздникъ! На дворѣ великъ день!

— Какой великъ день?

— Всѣ свѣчи зажжены... всѣ паникадила... до Бога полымя...

— Да что съ тобой?

— Я плясать хочу, вотъ что... Самъ Богъ глядитъ на насъ, а вы—на! Вокругъ дурца возитесь...

Онъ искоса взглянулъ на чернеца челобитчика. Между тѣмъ со двора доносился какой-то смѣшанный гулъ. Соборный колоколъ загудѣлъ безпорядочно, набатно...

— Сполохъ, отцы!—тревожно, шопотомъ заговорилъ архимандритъ, озираясь на всѣхъ и вставая.

— Трезвонъ, великая служба, разлюли малина!—радовался Спиря и прискакивалъ.

Всѣ поспѣшили на дворъ. Тамъ уже былъ весь монастырь на ногахъ. По небу ходили клубы дыму.

— Угодья горятъ! Кругомъ пожога!—слышались тревожные голоса.—Это они, злодѣи!

— Всѣ, всѣ свѣчечки теплятся къ Богу, весело!—твердилъ юродивый, поспѣшая вмѣстѣ съ старцами на монастырскую стѣну.

Дѣйствительно, когда старцы вышли на стѣну, то съ ужасомъ увидѣли, что весь островъ точно утыканъ горящими свѣчами, огненнымъ кольцомъ было опоясано все пространство на нѣсколько верстъ отъ монастыря. Огни горѣли ровно, тихо, потому что и въ воздухѣ стояла тишина, только въ иныхъ мѣстахъ полымя поднималось высоко и широко, какъ все уставленное свѣчами паникадило, а въ другихъ мѣстахъ теплились одинокія копѣечныя свѣчечки. Это горѣли монастырскіе дровяные склады, скирды многолѣтняго запаса сѣна, постройки для рыбнаго и звѣринаго лова, монастырскіе карбасы, рыболовныя и звѣроловныя снасти, все, куда ни глянешь, горѣло и дымило, восходя къ небу клубами дыма. Въ просвѣтахъ пламени виднѣлось темносиное море. Птицы носились въ воздухѣ, оглашая весь островъ криками. Къ этому примѣшивался ужасающій ревъ скотины и ржанье лошадей.

Старцы стояли безмолвно, какъ бы вдумываясь въ глубину страшнаго явленія, совершавшагося на ихъ глазахъ. У Никанора сѣдыя брови окончательно надвинулись на глаза и судорожно вздрагивали. Отецъ Геронтій, казалось, еще болѣе высохъ и вытянулся въ кнутъ. Въ сторонѣ раздавались возгласы негодованія: «злодѣи! Богоотступники! Да они хуже татаръ! Изверги!»

Одинъ Спиря, казалось, ликовалъ. Онъ радостно поскакивалъ и то говорилъ съ своими голубятками: «гулюшки—гули», то бормоталъ вслухъ: «ай-да Иванушка дурачекъ! Мещеринушка воевода! Умно сдѣлалъ, почистилъ насъ, а то ужъ мы больно грязно

жили, жирно ѣли, сладко пили, мало Богу работали... ай-да Иванушка! Затеплилъ нашу сиротску свѣчечку передъ Господомъ...»

Ждали вторичнаго приступа стрѣльцовъ и приготовились къ отраженію ихъ; но приступа на этотъ разъ не было, онъ былъ впереди.

V. Огненный монахъ и посланіе Аввакума.

Когда въ монастырѣ убѣдились, что Мещериновъ не намѣренъ брать стѣны на воронъ, добывать монастырь «наглостно», а умыслилъ изморомъ извести святую обитель, временемъ и голодомъ истомить и сталъ для того вести подкопы подъ землею, насыпать валы да строить городки, то черная братія опять созвала соборъ: что дѣлать? на что рѣшиться?

На соборъ созвана была только черная братія, а изъ міряпъ приглашены лишь сотники Исачко Бородинъ да Самко-кемлянинъ. Соборъ былъ въ трапезѣ.

Только что Никаноръ, перекрестясь на образа и поклонившись черному собору, хотѣлъ было говорить, какъ въ трапезу вошелъ Спиря, а съ нимъ никому невѣдомый монахъ. Онъ былъ сухъ, какъ Геронтій, но только ниже его значительно, съ огненнаго цвѣта волосами, черными, запавшими, но горѣвшими фосфорическимъ блескомъ глазами и съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами. Въ рукахъ его былъ желѣзный посохъ съ крестомъ вмѣсто ручки. За поясомъ берестяной буракъ. Босыя ноги, повидимому, никогда не знали сапогъ, ни даже лаптей.

Огненный монахъ вошелъ, потупя голову, потомъ поднялъ глаза къ переднему углу, помолился и земно поклонился передовымъ старцамъ, а потомъ въ поясъ на всѣ четыре стороны.

— Миръ обители сей и благословеніе божіе, — произнесъ пришлецъ.

— Аминь!—глухо повторилъ весь соборъ

Пришлецъ опять поклонился.

— Кто еси, человѣче, и откуду пришествіе твое?—спросилъ архимандритъ.

— Что ти во имени моемъ? Азъ есмь птица божья, звѣрь лѣсной предъ Господомъ. А пришествіе мое отъ странъ полуноч-

ныхъ, изъ страны далекія, изъ града Пустозерска. Мене послалъ блаженный протопопъ Аввакумъ.

При имени Аввакума по собору прошелъ ропотъ удивленія. Слава этого имени разнесена была во всѣ концы московскаго государства: онъ высился въ глазахъ всѣхъ, какъ единый крѣпкій адамантовый столпъ среди падающаго правовѣрія.

— Съ чѣмъ прислалъ тебя отецъ Аввакумъ?—спросилъ Никаноръ, обрадованный и въ то же время видимо смущенный.

— Съ рукописаніемъ,—отвѣчалъ огненный чернецъ.

— Къ намъ? Къ соловецкой братіи?

— Къ вамъ, отцы.

Всѣ ждали, что пришлецъ сейчасъ подастъ письмо. Но онъ оглянулся, ища кого-то глазами. Глаза остановились на юродивомъ, который сидѣлъ на полу и улыбался.

— Али печать не сломишь?—спросилъ онъ, продолжая улыбаться.

— Не сломлю, брате, крѣпка.

— Такъ визгалочку, поди, дать?

— Визгалочку бы.

Спиря полѣзъ въ свою сумку и вынулъ оттуда подпилокъ, повидимому, заранѣе приготовленный. Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли, что дальше будетъ. Огненный монахъ сталъ раздѣваться среди собора: распоясался, снялъ полукафтанье и очутился въ власяницѣ и портахъ. Власяница была до того жестка, словно бы она была соткана изъ тонкихъ колючихъ проволокъ. Ропотъ удивленія опять, какъ вѣтерокъ, прошелъ по собору. Огненный чернецъ снялъ и власяницу... Соборъ ахнулъ! Сухое тѣло было обтянуто желѣзными обручами словно разваливающійся бочонокъ, буквально оковано желѣзомъ, которое такъ и въѣлось въ тѣло и во многихъ мѣстахъ проржавѣло, тамъ, гдѣ было до мяса и почти до кости протерто тѣло... То было странное и страшное время: гоненія, воздвигнутыя на людей, не признавшихъ новыхъ книгъ, на людей стараго міровоззрѣнія, которыхъ новый историческій клинъ отололъ отъ «новыхъ людей», выработали изумительные характеры подвижниковъ старой вѣры, и чѣмъ нагнетеніе на нихъ было острѣе, тѣмъ болѣе обострялся фанатизмъ преслѣдуемыхъ, и, по общему историческому закону, тѣмъ болѣе росло ихъ стадо: ничто такъ не ускоряетъ ростъ и не спо-

собствуетъ густотѣ лѣторослей на деревѣ, какъ подрѣзываніе ихъ...

Соборъ содрогнулся, увидѣвъ это худое, искрещенное желѣзными обручами тѣло. Вокругъ пояса обвивалась желѣзная же полоса, шириною въ три пальца. Она окончательно въѣлась въ тѣло, такъ что краевъ ея не было даже видно. Полоса спереди замыкалась замкомъ, который висѣлъ на двухъ сходившихся плотно проушинахъ.

Спиря сталъ пилить дужку у замка.

— Но-ли нѣтъ ключа?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Никаноръ, весь блѣдный.

— Ключъ у Аввакума на крестѣ,—былъ отвѣтъ.

— О-о-охъ!—простоналъ кто-то въ толпѣ.—Господи!

Подпилокъ визжалъ по нервамъ... но тогда нервовъ не знали... онъ визжалъ прямо по душѣ, и притомъ по грѣшной душѣ... Всѣ чувствовали эту визготню тамъ, въ себѣ, глубоко, и имъ чудились муки ада: горящіе смолою котлы съ плавающими въ нихъ людьми; люди, жарящіеся на громадныхъ сковородахъ, словно осетры; пилы, визжащія по костямъ и по становымъ хребтамъ грѣшниковъ; крючья, на которыхъ висятъ подвѣшенные за ребра люди; клещи, вытаскивающія языки и жилы изъ рукъ и ногъ....

Визжитъ-визжитъ-визжитъ подпилокъ! Со Спири потъ градомъ катится...

— Сме-ерть моя! — выкрикнулъ кто-то, и Исачко сотникъ упалъ въ ноги пришлецу и сталъ ихъ страстно цѣловать: это была увлекающаяся, дѣтская натура: какъ онъ увлекался бѣлымъ голубемъ «въ штанцахъ», такъ теперь этимъ...

— А! Донялъ,—добродушно улыбнулся Спиря,—это не пищаль, братъ, не гуля въ штанцахъ.

Дужка замка распалась. Замокъ звякнулъ о каменный помостъ. Всѣ вздрогнули.

— А какъ ты, миленькій, къ намъ попалъ?—спросилъ Никаноръ, все еще блѣдный.

— Вотъ дурачекъ провелъ, изъ Анзерскаго скита,—указалъ пришлецъ на Спирю.

— А ты ужъ и тамъ побывалъ?—удивился архимандритъ.

— Не я, а мои ноги,—отвѣчалъ Спиря.

Исачко, поднявшійся съ полу, стоялъ красный, совсѣмъ рас-

терянный. Косые, добрые глаза его моргали, какъ бы собираясь плакать. Огненный чернецъ глядѣлъ на него съ любовью и грустью. Черная братія тискалась впередъ, чтобы ближе разсмотрѣть «подвижничка». Въ трапезѣ становилось неизобразимо жарко.

Когда Спиря рознялъ поясной обручъ на пришельцѣ, подъ обручемъ оказался узкій, уже обруча, кожаный поясъ. Спиря вопросительно посмотрѣлъ на своего гостя.

— Чикъ-чикъ?—спросилъ онъ.

— Чикъ-чикъ,—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

Спиря бросился къ столу и досталъ изъ него ножъ.

— Тутъ чикать?—спросилъ онъ, указывая на животъ.

— Тутъ,—былъ отвѣтъ.

Поясъ разрѣзанъ и снятъ. Въ немъ оказалась завернутою длинная, узкая, сложенная вчетверо полоса бумаги. Спиря развернулъ ее.

— Ишь какъ намелилъ протопопъ,—проворчалъ онъ,—мачкомъ обсыпалъ бумажку.

Никаноръ дрожащею рукою взялъ отъ него бумагу. Геронтій подвинулся къ нему, протягивая руку.

— Соборне вычесть?—нерѣшительно спросилъ Никаноръ огненнаго чернеца.

— Соборне,—отвѣчалъ тотъ, надѣвая на себя опять власяницу и полукафтанье.

— Благословись, отецъ.

Никаноръ подалъ бумагу Геронтію. Геронтій перекрестился, а за нимъ руки всего чернаго собора поднялись ко лбамъ да на плечи. Спиря сѣлъ на полу и сталъ кормить своихъ голубей.

...«Всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ на Соловкахъ», началъ Геронтій: «протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, благодать вамъ, отцы и братія, и чада, и сестры, и дщери, и ссущіе младенцы! Прослышалъ я здѣсь, сидя на чепи въ земляной ямѣ, что вы, яко подобаетъ воинамъ Христовымъ, ратоборствуете добре супротивъ проклятыхъ никоніанъ. Честь вамъ и слава, стрѣльцы Христовы! И Никанорушка, свѣтъ архимандритъ, оскверпивъ руку свою и душу троеперстіемъ, нынѣ чу кровію омываетъ пятно то съ души своей. Спасибо, свѣтъ Никанорушка!».

Куда дѣвалась блѣдность архимандрита! Онъ стоялъ багро-

тый, а изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей текли слезы и разбивались въ брызги о перламутровыя четки.

...«Хвала тебѣ, воеводушка и стратигъ правовѣрія! Похвала всѣмъ вамъ, стрѣльцы божьи въ клобукахъ, и вамъ, сотнички добрые, и ратные люди, и міряне! Обнимаю васъ всѣхъ о Христѣ, длинны су руцѣ мои: всю Русь правовѣрную обнимаю, яко невѣсту богоданную».

И Исачко стоялъ красный какъ ракъ.

— Исакушка, слышишь?—прошепталъ Спиря.

— Ниткни, другъ,—отмахнулся тотъ.

...«Молю всѣхъ васъ, страждущихъ о Христѣ, кричу къ вамъ изъ ямы моей, изъ сѣни смертнѣй, руцѣ мои простираю къ вамъ изъ земли, изъ живой могилы, въ ню же ввергоша меня сатанины сыны, молю съ воплемъ и кричаніемъ, откликнитесь, свѣты мои миленькіе: еще ли вы дышите, или уже сожгли васъ, что лучину Христову, или передавили, или въ студеномъ морѣ что щенятъ перетопили? Нѣту чу? Дай-то Богъ. А коли нѣту, именемъ божіимъ заклинаю васъ: претерпимъ здѣ мало отъ никоніанъ, претерпимъ и кнутъ, и огнь, и костей ломаніе, претерпимъ мигъ единъ смертный, яко молнія краткій, да Бога вѣчно возвеселимъ и съ Нимъ вмѣстѣ возрадуемся. Нынѣ бо въ зерцалѣ гаданія, тамо же, за гробовой доской, за костромъ, за висѣлицей, лицемъ къ лицу Его, Свѣта нашего, узримъ. Нынѣ намъ отъ никоніанъ огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлица, могила безъ савана, похороны безъ ладону; вмѣсто пѣнія «плачу и рыдаю» кричаніе и рыданіе сѣкомыхъ и пытаемыхъ, вопленіе женъ и дѣтей, гугненіе урѣзанныхъ языковъ; тамъ же ангельскія пѣсни и славословіе, хвала и радость, и честь, и вѣчное ликованіе въ царскихъ вѣнцахъ. Яра нынѣ зима, охъ яра, студена, но сладокъ тамо и тепелъ рай; болѣзненно терпѣніе, но блаженно воспріятіе. Того-для да не смущается сердце ваше: и я здѣсь, миленькіе мои свѣты, въ землѣ скачу и ликую, что собачка на цѣпи: близко вѣнецъ царскій, вотъ-вотъ рукою достаю. Такъ-то, свѣты. Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей, не раздумывайся, гляди со дерзновеніемъ во огнь, въ воду, въ яму глубокую, противъ ядра и пищали, иди и ликуй и скачи: подъ вѣнецъ идешь, на царство. И его-то, нашего батюшку-царя, тишайшаго миленькаго свѣта, нашего «свѣте тихій», они, сатанины сыны, смутили. Да добро! Его сердце въ руцѣ божіи: самъ Богъ ему персты сло-

житъ истово и свѣтлы оченьки ему откростъ. Любо мнѣ, радостно, свѣтики мои, что вы охаете: «охъ! охъ! охъ! какъ спастися? искушеніе пріиде!» Чаю су охъ, да ладно такъ, ладнехонько: а вы, свѣты, меньше спите, убуждайте другъ друга, васъ много, кричите до Бога, услышитъ за тридевять земель, увидитъ за синими морями за окіянами: у него чу очи не наши, всевидящи. А я играю, въ землѣ сидя что сурокъ зимой, плещу руками, звеню цѣпями, то гусли мои звончаты, аки райская птичка веселюсь, а меня ѣдятъ вши, добро! Пускай ихъ! Меньше червямъ останется. Пускай, реку, діаволъ-отъ сосуды своими погоняетъ отъ долу грязнаго сего къ горному жилищу и въ вѣчное блаженство рабовъ Христовыхъ. Идите же ко Христу, свѣты мои. Приношу васъ и себя въ жертву Богу живу и истинну. Богу животворящу мертвыя и сожженныя въ золу. Самъ по Немъ азъ умираю и вамъ того желаю. Станемъ же добре, станемъ твердо. Аще не нынѣ, умремъ же всяко, а изъ насъ, что изъ зерна горушна, выростутъ тьмы темъ. Помяните первыхъ христіанъ. Нынѣ что! Нынѣ игралище, шутки, широкая масляница намъ: насъ жгутъ и вѣшаютъ въ одиночку, а тогда, свѣты, посѣкали сѣкирами во главу по сорока тысячъ, топили въ озерахъ по полутретьи до четверты тысячъ, жгли безъ числа, что лѣсъ. А что взяли! Изъ двунадесяти апостолъ стали тьмы темъ вѣрующихъ. Тако и изъ насъ. Сожгутъ одного изъ насъ, что золы-то выйдетъ! А та зола, свѣты мои, сѣмя новое: сколько золинокъ, праху сего отъ сожженнаго тѣла пустятъ по свѣту, столько новыхъ вѣрныхъ выростетъ изъ тѣхъ малыхъ золинокъ. Отрубили у кого голову, ино та голова зерномъ стала, и отродится то зерно изъ могилы самъ-сотъ, самъ тысячъ: ни едина рожь такъ не родитъ, ни ячмень, какъ голова мученика. Это вѣрно, други. Посѣки одинъ дубъ, анъ сто дубковъ пойдетъ отъ корня. Такъ-ту! Вонъ меня еще не посѣкли, а еще росту, старый дубъ, а изъ меня ужъ выросъ во-какой молодой дубокъ. Терентьюшко младъ, что къ вамъ сіе мое писаніе принесетъ, коли Господь сподобитъ. А былъ онъ стрѣлецъ московскій, караульщикъ мой, и замкнуты мы съ нимъ здѣсь въ Пустозерскѣ, что собаки на одной цѣпи, въ ямѣ жили да Христосъ среди насъ. А теперя-на! Какъ позналь прелесть свѣта и мое тюремное веселіе, изъ тюремщика сынкомъ мнѣ миленькимъ сталъ».

— И-и! Хиторъ-су, воръ Терешка!—дергалъ Спиря Исачка за полу, показывая на огненнаго чернеца.

— А что онъ?—удивился Исачко.

— Вонъ приковалъ себя ко Христу веригами, ну и любо ему со Христомъ-ту.

— Ужъ и подлинно, ахъ!

...«Стойте же, свѣты, не покоряйтеся, да страха ради никоніанска не впадете въ напасть»,—продолжалъ Геронтій: «Іуда апостолъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, а самъ діаволъ на небѣ былъ, да высокоумія ради во адъ угодилъ, Адамъ въ раю жилъ, да сластолюбія ради огненнымъ мечемъ изгнанъ и пять-тысящъ пятьсотъ лѣтъ горячу сковороду лизалъ. Помните сіе и стойте, свѣты: держитесь, крѣпко держитесь за Христовы ноги да за Богородицыны опучки. Они, Свѣты, не выдадутъ. Аминь».

Голосъ Геронтія смолкъ. Сотни грудей, долго не дышавшихъ отъ вниманія, теперь дохнули вѣтромъ.

— Аминь! Аминь!—застонала трапеза.

— Будемъ стоять! Будемъ держаться за Христовы ноги да за Богородицыны опучки.

— Добре! Добре! Любо! Умремъ за крестъ, за два перста!

— Потерпимъ за сугубую алилуюшку матушку! Пострадемъ!

Голоса смѣшались словно на базарѣ. Слышалось—и «за Богородушку», и «за алилуюшку», и «персточки-перстики родимы...»

— А за батюшку «аза»! Охъ, за свѣта «аза» постоимъ!—перебилъ всѣхъ голосъ юродиваго.

Многіе смотрѣли на него вопросительно, не зная, о какомъ «азѣ» говоритъ онъ.

— Не дадимъ имъ «аза»!—повторялъ юродивый.

— Какого аза!—обратились нѣкоторые къ архимандриту.

— А въ «вѣрую»,—отвѣчалъ тотъ,—въ «вѣрую во единаго Бога»—тамъ сказано: «и въ Господа нашего Іисуса Христа, рожденна» не «сотворенна...» А никоніанцы этотъ самый «азъ»-отъ и нехерили, украли цѣлый «азъ»...

— Батюшки! Азъ украли! Окаянные!

— Такъ, такъ, братія,—подтверждалъ Никаноръ,—велика

зѣло сила въ семъ «азѣ» сокровенна: недаромъ въ букварѣ говорится «азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій...»

— Ай-ай-ай! И они, злодѣи, украли его, батюшку?

— Украли, точно злодѣи.

Посланіе Аввакума внесло такую страстность въ это черное соборище, что всѣ готовы были сейчасъ же итти въ огонь, на самыя страшныя муки. Страданія и притомъ самыя нечеловѣческія стали для этой нафанатизированной толпы высочайшимъ идеаломъ, къ которому слѣдовало итти неуклонно, мало того, не итти только, а бѣжать, рваться со всѣмъ безуміемъ мрачнаго ослѣпленія. На Никанора посланіе это подѣйствовало какъ бичъ на боевого коня и какъ елей на старыя, трущіяся въ душѣ раны. Аввакумъ, мнѣнія котораго онъ трепеталъ послѣ публичнаго отреченія отъ двуперстія, Аввакумъ, ставшій центромъ и свѣточемъ борьбы за старыя начала, выразителемъ силы, ей же имя легіонъ и тьмы темъ, этотъ Аввакумъ шлетъ ему привѣтъ и хвалу, бросаетъ и на него лучъ своей мрачной славы. Исачко сотникъ, необыкновенно впечатлительное и страстное дитя природы, тоже вспыхнулъ, какъ порохъ, отъ посланія Аввакума.

А тутъ еще этотъ огненный Терентьюшко въ потрясающихъ душу вериГахъ, Терентьюшко, бывшій стрѣлецъ, тюремщикъ и мучитель Аввакума, какіе ужасы онъ сообщилъ!

Для большаго нравственнаго и физическаго истязанія Аввакума въ Пустозерскѣ, гдѣ его засадили въ глубокую сырую и холодную земляную яму, къ нему приковали его сторожа тюремщика, этого самаго стрѣльца Терентія, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы тюремщикъ былъ всегда при арестантѣ, а въ случаѣ, если арестантъ совратитъ и его, то чтобъ все-таки они оба были на цѣпи и не могли бѣжать. Но когда увидѣли, что Аввакумъ дѣйствительно совратилъ огненнаго Терентьюшку, и этотъ тюремщикъ сталъ молиться на своего колодника, то Терентьюшку сослали въ Обдорскъ, а къ Аввакуму приковали бѣсноватаго... Терентьюшко бѣжалъ изъ Обдорска и сталъ подвижничать, заковалъ себя всего въ желѣзо...

Когда, наконецъ, черный соборъ нѣсколько поуспокоился, Никаноръ сталъ держать рѣчь.

— Такъ будемъ же, отцы и братія, сидѣть крѣпко, Богъ дастъ, отсидимся. А не отсидимся, ино теперь же, загодя посхимимся всѣ: какъ приспѣетъ часъ итить ко Христу свѣту отъ

сего временнаго житія, такъ пойдемъ въ путь-отъ во схимахъ. Эка радость будетъ Христу, какъ придетъ къ нему наша черная рать, не махонька ратеюшка придетъ къ нему черныхъ стрѣльцовъ...

— А съ мірянами, отецъ, что намъ дѣлать, съ богомолами? Вишь ихъ тоже рать не махонька у насъ,—замѣтилъ отецъ городничій Протасій.—Ртовъ-ту не мало, а кормить ихъ чѣмъ будемъ? Вонъ злодѣи всѣ наши запасы пожгли на островѣ: только то и осталось на прокормъ, что въ стѣнахъ.

— Мірянамъ вольно итить, мы ихъ выпустимъ изъ монастыря,—отвѣчалъ Никаноръ.

— А какъ бы имъ воинскіе люди какого дурна не учинили.

— Для чего дурно чинить? Міряне не мы. Да и то сказать: вонъ нѣмецъ галанской Каролусъ Каролусовичъ онома-дни сказывалъ мнѣ, что ему понѣ здѣсь дѣлать нечего стало, и онъ хочетъ ѣхать домой, въ Архангельской, да съ нимъ и аглицкая нѣмка Амалѣя Личардовна Прострѣлова собирается тожъ къ себѣ въ Архангельской. «А у насъ-деи, говоритъ, у иноземныхъ людей, есть проѣзжеи грамоты, такъ насъ-деи, говоритъ, государевы ратные люди пальцемъ не тронутъ». Такъ съ ними вотъ мы и мірянъ отпустимъ, пущай ѣдутъ кочами на Сумской либо на Кемской посадъ, либо черезъ Анзерской скитецъ, кому какая дорога.

— А кто-жъ ихъ моремъ перевезетъ?

— На то вожи есть, а то и стрѣльцы кочами переволокутъ кого Христа ради, кого за деньги.

— А то и кемляне перетаскаютъ, что пріѣзжали по твоей архимандричій судъ,—замѣтилъ своимъ обычнымъ басомъ отецъ Геронтій.

— И то дѣло, коли ихъ кочей злодѣи не сожгли.

Повидимому, одинъ Спиря не принималъ никакого участія въ сужденіяхъ собора: онъ сидѣлъ въ углу на полу и кормилъ изо рта своихъ голубятъ, которые, трепыхаясь хорошенькими, неуклюжими, еще не обросшими перомъ крылышками, жадно совали юродивому въ ротъ свои пушистыя головки по самую шейку.

Вдругъ что-то глухо грякнуло и какъ бы покатилось по воздуху. То былъ пушечный выстрѣлъ. Исачко и Самко стремглавъ

бросились изъ трапезы, оставивъ черную братію въ торопливомъ смятеніи.

VI. Оленушка въ раю.

— Кто тутъ?

— Это я, матушка: Спирька дуракъ.

— Все сидишь?

— Сижу, плачу... А все, видно, слезы мои не прокапали еще землю насквозь.

— Оохо-хо! Охте мнѣ!

— Что она, голубица-то чистая?

— Забылась мало.

— Не бредила?

— Нонѣ нѣту, милый.

— А тебя спознаетъ?

— Спознавала... А долго металась въ огнѣ.

— А какъ теперь огонь, матушка?

— Кажись, легче, голова взопрѣла.

— Слава Богу!.. А ты, мать, опочи мало, ты сама ни на что свелась; а я посижу за ней, помолюсь.

— Спасибо, милый, только тише будь.

— Ладно... аеромъ не шелохну...

Это Спиря съ Неупокоихой. У нея тяжко занемогла огневицей дочка, Оленушка. Такъ, невѣдомо съ чего, и спалилъ ее огонь: была здоровехонька, все рвалась домой, въ Архангельскъ; а въ ночь передъ тѣмъ какъ на черномъ соборѣ порѣшили всѣхъ богомоловъ мірянъ отправить изъ монастыря, она и слегла, впала въ претяжкій огонь. Думали и то, и се: не то съ глазу ей приключилось нездоровье, съ нехорошаго глазу, не то наслано злою думою да лихимъ помысломъ; не то такъ отъ Бога, его святая воля. Всѣ міряне покинули монастырь, остались одни Неупокоевы. Весь монастырь, вся братія скорбѣли объ Оленушкѣ: такъ полюбилась одинокимъ отшельникамъ скромная, тихая, щедрая на подаяніе и братіи, и бѣднымъ богомольцамъ юная отроковица. Каждый смотрѣлъ на нее какъ на свою дочку или на внучку, и при видѣ ея подъ каждымъ чернымъ клобукомъ роемъ проходили воспоминанія изъ той, какъ бы замогильной мірской жизни, и подъ каждой черной рясой сжималось и саднило глухой

болью или распускалось теплотой очерствѣвшее въ отшельничествѣ сердце. Несмотря на тревоги и гнетъ осаднаго положенія обители, несмотря на заботы о своемъ собственномъ спасеніи, никто не могъ забыть болящей отроковицы, и во время продолжительныхъ церковныхъ литургисаній, навечерій и ночныхъ бдѣній, прерываемыхъ нерѣдко грохотомъ пальбы, въ молитвахъ о спасеніи обители святой и своихъ грѣшныхъ душъ и всѣхъ правоправящихъ слово божіе и истовое перстное сложеніе, безстрастныя ко всему мірскому губы иноковъ часто шептали имя рабы божіей, болящей отроковицы Олены. Девять дней чистая душенька ея висѣла между жизнью и смертью, и каждую ночь, казалось, смерть, бродя по пустынному острову, тихо прокрадывалась въ больничную келью, гдѣ металась въ огнѣ Оленушка, и заносила надъ пышущей огнемъ молоденькой головкой свою невидимую, но неотразимую косу.

Но больше всѣхъ сокрушался о больной Спиря. Цѣлые дни онъ не отходилъ отъ порога кельи, гдѣ лежала Оленушка, а ночи почти напролетъ молился у нея подъ окномъ, кладя поклоны тысячами и постоянно плача. Онъ даже забывалъ иногда о своихъ голубятахъ, которые жалобно пищали, ожидая, чтобъ кто-нибудь накормилъ ихъ. Болѣзнь Оленушки напоминала юродивому что-то изъ его собственной жизни, что-то очень далекое, что почему-то роковымъ образомъ связано было съ человѣческимъ черепомъ, который онъ носилъ въ своей сумкѣ вмѣстѣ съ зернами для голубятъ... «Она, она самая!» шепталъ онъ со стономъ: «оохъ, тяжко!»

Неупокоиха такъ извелась, ходя за больною дочерью, что падала въ изнеможеніи, и въ это время на подмогу ей являлся юродивый: онъ ухаживалъ за ней, какъ за сестрой или матерью, и незамѣтно отъ роли дворовой собаки у порога перешелъ къ роли сидѣлки у больной. Оленушка въ короткіе часы возврата къ ней сознанія видѣла около себя косматую, какъ у собаки, голову юродиваго и добрые, какъ у собаки же, глаза и привыкла къ нему, словно бы онъ былъ необходимой принадлежностью ея новой жизни, въ которую, какъ грезилось больной, она была перенесена этимъ именно косматымъ съ собачьими глазами человѣкомъ. Только одного она не могла понять, куда онъ перенесъ ее: въ рай или въ адъ. Иногда, казалось, она чувствовала себя въ раю: слышала какъ будто райскіе гласы какіе, невидимое

пѣніе и ощущала своимъ жаркимъ лицомъ, какъ ангелы тихонько надъ ней крылышками помахивали, а когда открывала глаза, то райскія видѣнія пропадали, а вмѣсто ангеловъ она видѣла только Спирю, который махалъ надъ нею зеленою вѣткою. Иногда же грезилось ей, что она въ аду мучится, что палитъ ея внутренности и голову геенна огненная, и кругомъ нея раскаленный воздухъ, словно адская пещь, пожираетъ ее. Пылавшая огнемъ голова ея только тогда ощущала что-то невыразимо пріятное, когда ко лбу, къ темени и къ вискамъ прикладывалось что-то холодное, и когда больная открывала глаза, то смутно видѣла чью-то руку и большой серебряный крестъ, прикасавшійся къ ея вискамъ и лбу и охлаждавшій горячую голову.

— Аеромъ не шелохну,—шепталъ Спиря, подходя къ кровати, на которой лежала больная.

Сѣверная лѣтняя ночь была свѣтла какъ день, потерявшій свое солнце, которое, казалось, не заходило ни за горизонтъ, ни за тучку и не бросало сумрачныхъ тѣней ни отъ домовъ на землю, ни отъ деревьевъ на зелень и цвѣты, ни отъ людей на ихъ собственныя лица, а казалось было тутъ гдѣ-то, близко, только не видать его диска и не слышно тепла и жару отъ его лучей. Въ кельѣ, гдѣ лежала Оленушка, было полусвѣтло, полумрачно, безъ тѣней и безъ наглаго свѣта, только полусвѣтъ. Полумракъ этотъ придавалъ необыкновенную мягкость и воздушность очертаніямъ молодого тѣла, на которое слегка наброшено было бѣлое полотно, доходившее отъ ногъ до пояса, выше котораго сложены были бѣлыя худенькія ручки съ отвернувшимися по локоть рукавами сорочки. Нѣсколько спустившаяся сорочка прикрывала груди, которыя вырисовывались изъ-подъ полотна острыми конусиками, и открывала бѣлую круглую шею до возгорлія. Голова больной словно бы брошена была на подушку, и блѣдное, совсѣмъ съ дѣтскимъ выраженіемъ личико казалось спокойно спящимъ. Длинныя рѣсницы, бросая слабыя тѣни на щеки, далеко отошли отъ высоко вскинутыхъ дугами бровей. Русые, сбившіеся прядями волосы оттѣняли прекрасное, спокойное личико отъ бѣлой подушки.

Юродивый, ступалъ неслышно своими босыми ногами, какъ кошка къ мышиной норѣ, издали перекрестилъ спящую, приблизился къ самой постели и еще неслышнѣе приподнялъ покры-

вало съ тѣла больной и прикрылъ имъ всю ее до самой шеи. Дѣвушка продолжала спать, дыша ровно и спокойно. Юродивый, казалось, боялся взглянуть ей въ лицо и опустился на колѣни на полъ. Напряженно глядя куда-то вдаль, словно бы сквозь потолокъ и стѣны, онъ созерцалъ невидимые, но ему доступные предметы или видѣнія и беззвучно шевелилъ губами. На изрытомъ морщинами лицѣ его выразилось такое скорбное и страстное моленіе, что, казалось, вся душа его трепетала и рвалась изъ тѣла туда, куда неслась его мысль. Вотъ-вотъ, казалось, закричитъ онъ отъ боли или грохнется объ полъ какъ бѣсноватый. Но вдругъ онъ заплакалъ и, замотавъ косматою головою, припалъ лицомъ къ полу. Долго лежалъ онъ такъ...

...«Тивикъ! Тивикъ! Ти-и-викъ!» подъ окномъ противикала ласточка.

Спящая открыла глаза и не шевелилась. Ласточка опять тивикнула. Въ келейное окошко глядѣли зеленыя вѣтви ели. Дѣвушка, не шевелясь, казалось, припоминала что-то. Въ глазахъ ея не видѣлось ничего горячечнаго, они смотрѣли ясно и спокойно. Скоро дѣвушка увидѣла распростертаго на полу юродиваго и повернула къ нему голову. Тотъ поднялъ заплаканное, изумленное, радостное лицо и широко перекрестилъ больную.

— Какъ хорошо мнѣ... Легко таково, — прошептала дѣвушка.

— Слава Богу! Слава Богу! — радостно дрожа, такъ же тихо проговорилъ юродивый.

Дѣвушка помолчала. Она оглядѣла потолокъ, стѣны, какъ бы первый разъ видя все это. По полу разбросана была свѣжая трава съ незавядшими еще цвѣтами, и у стѣнъ стояли зеленыя вѣтки, какъ на Троицу.

— Это я въ раю? — робко спросила больная.

— Да, твоя чистая душенька въ раю, дитятко, — такъ же робко отвѣчалъ юродивый.

Дѣвушка задумалась. Потомъ снова стала осматриваться.

— Какъ хорошо тутъ.

Она помолчала и въ недоумѣніи посмотрѣла на юродиваго. Тотъ съ любовью глядѣлъ на нее.

— А гдѣ жъ ангелы? — спросила она все такъ же тихо и робко.

— Ангелы божьи, дитятко, надъ тобой витаютъ.

Она осмотрѣлась.

— Я не вижу ихъ, дѣдушка.

Тотъ молчалъ, тихо молясь.

— А яблочки золотеньки?

— Пожди мало, дитятко, увидишь.

— И святыхъ увижу?

— Увидишь, увидишь.

«Ти-викъ... ти-викъ» за окномъ.

— Это касатушка?

— Касатушка, милая.

Дѣвушка снова оглядѣлась. Она искала кого-то.

— А матушка гдѣ? — спросила она, какъ бы только теперь вспомнивъ это.

— Она тутъ, милая, опочить легла маленько... Пожди мало, придетъ.

Опять молчаніе. Только ласточка за окномъ тивикаетъ.

— Какъ хорошо... таково хорошо мнѣ... ничто не болитъ.

Дѣвушка ощупала голову и сѣла на постели, натянувъ простыню на плечи. Волосы пасмами падали на простыню.

— Какъ стыдно... нечесаная...

— Ничего, дитятко, матушка причешетъ.

Оленушка утерла простыней влажное лицо и откинула назадъ волосы.

— Дѣдушка, я хочу испить, кисленькаго.

Юродивый метнулся въ передній уголъ, гдѣ на столѣ стояли глиняныя кружки. Онъ взялъ одну, открылъ крышку, перекрестилъ посудинку и поднесъ къ больной. Та тоже перекрестилась, лѣвою рукою придерживая простыню, и стала пить. Когда она пила, юродивый крестилъ ея голову.

— Спасибо, дѣдушка.

— Будь здорова, миленькая.

Юродивый поставилъ кружку на прежнее мѣсто и радостными, благодарными глазами взглянулъ на образа. Дѣвушка, казалось, опять что-то хотѣла спросить но не рѣшалась. Она поглядѣла въ глаза юродивому.

— А Бога я увижу въ раю? — чуть слышно спросила она.

— Увидишь, миленькая, увидишь... Я ужъ вижу его...

Оленушка испуганно оглянулась въ передній уголъ, надергивая на себя простыню.

— Гдѣ, гдѣ, дѣдушка? — шептала она.

— Онъ вездѣ... Онъ тутъ...

— Господи! Помилуй меня!

— Молись, дитятко, молись, чистая.

Проснулись и воробьи — зачирикали за окномъ. Оленушка все болѣе, казалось, приходила въ себя.

— Утро... А что монастырь, дѣдушка?

— Слава Богу, невредимъ молитвами угодничковъ Зосимы-Савватія.

Оленушка еще что-то припомнила.

— А нашъ городъ, Архангельской что, дѣдушка? Гдѣ онъ?

Юродивый не зналъ, что отвѣчать.

— Гдѣ Архангельской? — повторяла больная.

— Далеко онъ, милая.

— А Боря гдѣ?

— Кто, дитятко?

— Боря... Мой суженый... Онъ не въ раю?

Юродивый стоялъ растерянный и испуганно глядѣлъ на дѣвушку. Она, казалось, вспомнила что-то и, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

— Что, что съ тобой, родная! — хватая ее за руку, спрашивалъ Спиря.

— Оо-о! Я не хочу, не хочу... не надо мнѣ рая, коли въ немъ нѣтъ Бори... Господи! Оо!

— Дитятко! Не плачь, Христа ради не плачь... Боря тоже въ раю... Святители!

Оленушка ничего не слыхала. Она безутѣшно плакала.

VII. Стрѣльцы гуляютъ.

Проходили мѣсяцы. Осада монастыря продолжалась попрежнему безуспѣшно: сидѣніе осажденныхъ было, повидимому, крѣпко; а осаждавшіе что ни дѣлали, все было безполезно. Стрѣльцы рыли рвы, насыпали валы, подъ прикрытіемъ которыхъ словно кроты подбирались къ монастырскимъ стѣнамъ; но стѣнъ взять было невозможно: первое дѣло — слишкомъ толсты и высоки, а лѣстницъ приставить къ нимъ нельзя, потому что

монастырскіе ратные люди, какъ бѣлые, такъ и черные, стрѣляли мѣтко, съ прицѣломъ, а если и не стрѣляли, то могли засыпать каменьемъ наступавшихъ; второе дѣло — монастырскіе пушкари и сотники, Исачко и Самко, охулки на руку не клали, какіе городки и срубы ни возводили противъ монастырскихъ стѣнъ стрѣльцы, Исачко и Самко постоянно разгромливали ихъ изъ своихъ «пушачекъ галапочекъ», а московскія пушки били объ стѣны даромъ ядрами, все едино что горохомъ объ сковороду.

Хотя у Мещеринова были и стѣнобитныя орудія, тараны могучіе, съ могучими желѣзными головами и стержнями на цѣпяхъ и крѣпкихъ устояхъ, но Исачко и Самко своими «пушачками» шагу имъ не давали. Только выведутъ стрѣльцы городки, только укроютъ за ними стѣноломы; чтобъ подъ прикрытіемъ городковъ двинуть стѣноломы далѣе, какъ Исачко и Самко ужъ гвоздятъ по городкамъ, разбиваютъ вѣнцы и звенья, пугаютъ и калѣчатъ стрѣльцовъ, и стрѣльцы опять назадъ прутъ тяжелые тараны, опять надо начинать сызнова. А Исачко, отгромивъ приступъ да пропѣвъ съ чернецами «взбранной воеводѣ», усядется себѣ на стѣнѣ, свѣсивъ ноги къ стрѣльцамъ, и машетъ себѣ, помахиваетъ шитой ширинкой, выпугивая изъ-подъ башеннаго карниза своего любимаго голубя, бѣлаго турмана «въ штанцахъ», и любуясь на его удивительныя продѣлки... «Ужъ и аховая птичка!» радуется онъ, глядя на голубя. А за нимъ радуются и старцы, покончивъ съ «бранной воеводой» и глядя на ушедшихъ къ своимъ кочамъ враговъ. «Божья птичка, что и говорить! Не диви что и Духъ отъ Божій во образѣ голубя явися, чистая, незлобивая птичина, что младенецъ незлобива».

А стрѣльцы ужъ начинаютъ скучать, злятся... «Ихъ, долгогривыхъ, и самъ чортъ не добудетъ, что тараканы въ щели прячутся...» Стали поговаривать, что лучше бы въ Сумской воротиться, а то въ Москву, къ домамъ, чѣмъ попусту поры рыть волчьи да вонючую треску жрать безъ соли, безъ хлѣба. Стали и о женахъ скучать, о дѣтяхъ. «Али мы нехристи, либо чернецы, что ни женъ, ни бабъ намъ не даютъ понюхать? Мыслимо ли дѣло безъ бабьятины прожить мужику?»

Воевода видѣлъ это и сталъ побаиваться, какъ бы не вышло чего. Поэтому, когда стрѣльцы съ вѣдома своихъ сотниковъ или

полуголовы ѣздили по праздникамъ въ Кемскій посадъ и привозили оттуда бабъ и дѣвокъ, воевода смотрѣлъ на это сквозь пальцы, тѣмъ болѣе что и самъ иногда ѣзжалъ въ посадъ къ знакомой попадейкѣ, у которой была отличная рябиновка, а на шелковомъ изъ гагачьяго пуха одѣялѣ была вышита самою попадейкою «птица сиринъ, а у ней гласъ вельми силенъ...» Попадейкинъ мужъ, попикъ Вавилко, часто разъѣзжалъ съ требами по усольямъ, а попадейка, молоденькая бабенка, скучала безъ него: воеводѣ это и на руку.

На память мучениковъ Маккавеевъ, 1-го августа, стрѣльцы особенно разгулялись. Утромъ многіе изъ нихъ ѣздили въ посадъ, послушали, какъ попикъ Вавилко обѣденку литургисалъ и за нихъ, за государево христолюбивое воинство молился, а воеводѣ благословенный хлѣбецъ-просвирку поднесъ величиною съ шапку, а изъ посада навезли себѣ гостей — цѣлый коробъ бабьятины. И загуляли.

День Маккавеевъ выдался теплый, ясный, тихій. На небѣ стояли курчавыя, какъ бѣлые барашки, облачка, но они не мѣшали солнцу поливать свѣтомъ и зелень острова, кое-гдѣ изрытую рвами, и темный лѣсъ, по которому осень уже брызнула пятнами свою яркую желтизну, и стѣны монастыря, по которымъ постоянно сновали черныя точки, а иногда поблескивалъ ружейный стволъ у часового или крестъ на четкахъ у старца.

Стрѣльцы большею частью сидѣли кругами на травѣ и угощались зеленымъ виномъ и медами. Тутъ же виднѣлись и бабы «прелестницы». Пиръ шелъ горой, съ полухмели переходя въ полный хмель. Стрѣлецъ, бывшій когда-то у Стеньки Разина водоливомъ, тянулъ свою любимую пѣсню.

Весновая служба молодцамъ веселье,
Молодцамъ веселье, а сердцу утѣха.

— Плясовую! Съ искрой! — раздался голосъ полуголовы Кирши.

Разинскій стрѣлецъ царапнулъ по струнамъ гуслей и пошелъ въ-присядку, выгаркивая словно бѣсноватый:

Ахъ вы гусли мои, мысли!

Полногрудая баба-кемлянка, быстро схватившись съ травы,

выпрямилась и словно порченая, подергивая плечами и толстѣйшими бедрами, топалась на мѣстѣ, подвизгивая:

Ухъ любо-любо-лю,
Что плечикомъ шевелитъ,
Что икрами семенитъ,
Молодушку полюблю,
Что бедрами говоритъ...

И она, дѣйствительно, говорила бедрами и семенила жирнѣйшими икрами на толстыхъ ногахъ.

— Любо! Любо! Ай да Маша! Бедры-то, бедры! Ужъ и точно разговоры говорятъ! Любо-дорого! — ржали стрѣльцы, упиваясь неистовыми тѣлодвиженіями бабы.

— Наддай еще! Съ прищипомъ! Съ прищипомъ! — подзадаривалъ Кирша.

Гусельникъ «наддалъ съ прищипомъ», и гусли завизжали, а бѣсноватая баба «пошла въ три ноги», привизгивая, словно кликушка:

Ихи-хи! ихи-хи!
Ихихушки—ихи-хи!
Пошла баба въ три ноги, въ три ноги.
А золовки-колотовки
И кутятъ, и мутятъ,
Деверья-тѣ кобелья
По подлавочью лежатъ,
По собачью визжатъ,
А свекры-тѣ на печи
Бытто сука на цѣпи,
А и свекоръ на палати
Бытто кобель на канатѣ.
Ихи-хи! ихи-хи!
Ихихушки—ихи-хи!

Баба плясала съ большимъ искусствомъ и воодушевленіемъ, хотя самыя движенія ея не были порывисты, а напротивъ, плавны до медленности. Зато отдѣльныя части ея тѣла и мускулы трепетали страстью и истомой. Стоя на мѣстѣ, какъ бы съ прикипѣвшими къ землѣ ногами, она плавно поводила и вздергивала плечами въ тактъ захлебывающейся музыкѣ, и при этомъ полныя груди ея дрожали и колотились объ рубаху, какъ бы силясь прорвать ее и выпрыгнуть изъ пазухи. Правой рукой, держа платочекъ, она поводила такъ предательски вмѣстѣ съ плутовскими глазами, что Кирша ясно видѣлъ, какъ плясавица

манитъ его вонъ туда, за зеленый кустокъ, на травку-муравку. Колыхаясь и подергиваясь судорожно на мѣстѣ, баба и станомъ, и бедрами выражала все, даже больше чѣмъ все, что ей нужно было выразить спеціальнаго въ данную минуту. Кирша видѣлъ это и багровѣлъ съ каждымъ ея подмывающимъ движеніемъ. Остальные стрѣльцы уже не ржали — не до того было: они пожирали бабу глазами.

— Ахъ, ячменна!.. — невольно вырвалось было у старенькаго чернеца, проходившаго мимо, совсѣмъ не чернецкое восклицаніе.

— А! На мокрое наступилъ? — засмѣялся ему вслѣдъ Кирша.

Другая бабенка, подзадоренная первой, сорвалась съ мѣста, какъ ошпаренная кипяткомъ, и, взявшись лѣвой рукой въ боки, а правую скорчивъ коромысломъ, засеменила ногами и зачастила визгливымъ голосомъ:

У стрѣльчихи молодой
Собирался коровой:
И Семитка пришелъ,
И Микитка пришелъ,
И Захарка пришелъ,
И Макарка пришелъ...

А тусельникъ, ставъ противъ бабы и вывертывая ногами, защипалъ на гусляхъ:

И Овдотьюшка пришла,
И Варварушка пришла,
И Оленушка пришла,
И Хавроньюшка пришла—
Поросятокъ привела...

Отъ другого круга садилъ въ присядку къ этому кругу сѣдобородый казакъ и гудѣлъ, какъ шершень:

Тирруны баба, тирруны дѣдъ,
Ни ялтына денегъ нѣтъ!

Плясуны и плясавицы сошлись въ одинъ кругъ и выдѣлывали невыразимѣйшія штуки. Плясуны, подбоченясь чортомъ и подергиваясь, словно развинченные на всѣ винты, повидимому, назойливо подбирались къ бабамъ, а тѣ, какъ бы поманивъ ихъ къ себѣ, повертѣвъ передъ ними бедрами и плечами, задорно уплывали отъ нихъ, производя самыя спеціальныя тѣлодвиже-

нія. Въ свою очередь плясуны бѣшено неслись назадъ на однихъ каблукахъ, а потомъ снова семенили къ бабамъ, «хребтами вихляя, главами помая и очами намизая», раззадоривали ихъ и манили къ себѣ.

— Фу ты чортъ! Инда подъ ложечкой заныло, глядя на дьяволовъ!—не вытерпѣлъ Кирша.

Откуда-то выскочила третья молодуха и зачастила:

Да-а-арья! Да-а-арья
Дарья, Маланья,
Степанида, Солмонида,
На улицу выходила,
Корогоды заводила!
Да-а-рья!..

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, а я пришелъ! — раздался вдругъ чей-то незнакомый, рѣзкій, но твердый и трезвый голосъ.

Всѣ оглянулись. У ближайшаго куста стоялъ чернецъ. Изъ-подъ скуфейки его падали на плечи густые, хотя недлинные огненные волосы. Плясуны и плясавицы остановились, какъ вкопанные, такъ и прикипѣли на мѣстѣ. Чернецъ, позвякивая желѣзами, подошелъ къ кругу.

— Здравствуй, Кирша, — сказалъ онъ угрюмо, — хорошо ли дьяволу служить?

— Турвонко! Ты ли это? — изумленно воскликнулъ Кирша и вскочилъ на ноги.

— Былъ Турвонтъ, а теперь старецъ Теренька,—отвѣчалъ чернецъ съ огненными волосами.

— Турвонко, а и впрямь, братцы, Турвонтъ! Ай-ай! — закричали многіе изъ стрѣльцовъ.

— Что съ нимъ? Посхимился? Вотъ притча!

Всѣ обступили пришельца, глядѣли на него, какъ на выходца съ того свѣта, ахали, махали руками. — «Здравствуй, Турвонушко! — Откедова Богъ несетъ? — Что съ тобой сталось? — Кто схимилъ тебя? — Какъ сюда попалъ? — Али къ этимъ чернодырымъ присталъ!»

Бабы боязливо жались, держась въ сторонкѣ.

— Хорошо ли дьяволу служите, стрѣльцы? — повторилъ свой вопросъ огненный чернецъ, глядя на своихъ бывшихъ товарищей.

— Гуляемъ, братецъ, что-жъ! Нонѣ праздникъ, первый Спасъ, — какъ бы оправдывался Кирша пьяноватымъ голосомъ. — Спасъ на дворѣ, и гуляемъ.

— Хорошо спасенье...

— Чѣмъ дурно? Выпей и ты.

— А святую обитель разорять, ноли и это хорошо? — спросилъ чернецъ, оглядываясь на монастырь.

— Мы ихъ не разоряемъ, — оправдывался Кирша. — Вольно-жъ имъ великому государю грубить!

— А въ чемъ ихъ грубство?

— Молиться не хотятъ по новинѣ.

— А! Такъ это у васъ грубство? А самъ ты по новинѣ молишься?

Кирша замялся. Онъ самъ чувствовалъ, что никакъ не можетъ совладать съ этой новиной: какъ забудется только на «Отче нашѣ» либо на «Богородицѣ», такъ у него два середніе перста-то и топырятся впередъ, а большой палецъ самъ къ низу гнется... «Тьфу ты лядина!» — такъ бывало и плюнетъ съ досады.

— Да какъ это ты, Турвонушко, чернецомъ сталъ?—спросилъ онъ, не отвѣчая на вопросъ рыжаго. — И какъ тебя сюда занесло? Вить ты повезъ съ Москвы въ Пустозерскъ протопопа Аввакума.

— Повезъ, былъ грѣхъ. А онъ нонѣ самъ меня, свѣтикъ, на себѣ къ спасенью везетъ, — отвѣчалъ рыжій.

Стрѣльцы, видимо, поражены были внушительной наружностью своего прежняго товарища и однокорытника. Вериги замѣтно звенѣли на немъ, хотя глухо, при каждомъ движеніи, словно на цѣпной собакѣ. На лицѣ и въ особенности въ глазахъ видѣлось что-то такое новое и страшное, что дѣлало его совершенно другимъ человѣкомъ, человѣкомъ не отъ міра сего, не жильцомъ на свѣтѣ.

Пиръ разрушенъ былъ, не пировалось какъ-то при видѣ этого выходца изъ другого міра: необычайная воля, проявляющаяся въ человѣкѣ въ той или иной формѣ, неотразимо дѣйствуетъ на другихъ, покоряетъ ихъ, заставляя цѣпенѣть ихъ волю и совѣсть. Всякому кажется, что это онъ за него сдѣлалъ, и это сознаніе свербитъ на совѣсти, саднетъ болью и постъ

на сердцѣ... «Это онъ за меня, за всѣхъ насъ»... Въ то время, въ эпоху не расшатанной еще, дѣвственной религіозности, внѣшнія проявленія подвижничества, аскетизма и юродства производили на массы, сверху донизу и снизу до крайнихъ верховъ, потрясающее впечатлѣніе: юродивые безнаказанно, какъ власть имѣющіе вязать и разрѣшать, на улицахъ, на площадяхъ и въ церквахъ открыто кричали то, за что обыкновеннаго человѣка повѣсили бы, сожгли, четвертовали.

— Послушайте, стрѣльцы! Слушайте, православные!—началъ огненный чернецъ, окидывая всѣхъ своими горячими глазами. — Васъ обманомъ привели сюда. Статочное ли дѣло, монастырь разорять, да еще какой монастырь! Первый на Руси, котораго нѣтъ святѣе во всемъ московскомъ государствѣ. Коли бы вы пошли на Троицу-Сергія, коли бы васъ повели на него? А?

Стрѣльцы молчали, испуганно поглядывая другъ на друга.

— Сказывайте: пошли бы?

— Нѣтъ, не пошли бы, — робко отвѣчали нѣкоторые.

— Все это дѣло Никона, — продолжалъ чернецъ, — онъ смуту чинитъ во всей землѣ, онъ обвелъ колдовствомъ великаго государя. Да вѣдомо ли государю, что вы здѣсь добываете святую обитель? Али она татарская? Али то татарскія мечотки, а не храмы Божіи? (И онъ указалъ на церкви, глядѣвшія изъ-за стѣнъ монастыря: стрѣльцы испуганно оглянулись на нихъ). И вы стрѣляете по крестамъ! Вы по Богородицѣ ядрами мечете! Али вы бусурмане? Али на васъ креста нѣту?

Стрѣльцы, казалось, не смѣли глазъ поднять. Страстная рѣчь бывшаго товарища смущала ихъ, а пьяная совѣсть оказалась еще болѣе податливою. Всѣмъ стало стыдно. Иные изъ нихъ готовы были заплакать, какъ плачутъ пьяные: не самъ плачетъ человѣкъ, а вино, размягчившее его.

— Что вы смотрите на воеводу? — продолжалъ страшный чернецъ. — Онъ заодно съ Никономъ... Свяжите его, злодѣя, да и по домамъ...

— Меня связать! — раздался вдругъ всѣмъ знакомый голосъ.

Стрѣльцы окаменѣли. Это былъ самъ воевода. Онъ вошелъ въ кругъ, блѣдный, съ трясущимися губами, но твердой по-

ступью. Рука его держалась за рукоятку сабли. Стрѣльцы разступились, какъ трава отъ вѣтру.

— Га! — захрипѣлъ воевода. — Вонъ они что затѣяли! Воеводу вязать!.. Ты кто таковъ, сказывай! — накинулся онъ на чернеца. — Сказывай, каковъ человѣкъ?

— Самъ видишь, — спокойно отвѣчалъ чернецъ.

— Имя сказывай Имянемъ кто?

— Мое имя у Бога записано, не прочтешь.

— А! Знаю! Ты изъ этой волчьей ямы. — И воевода указалъ на монастырь. — Почто пришелъ сюда? За какимъ дурномъ?

— За твоей головой.

Воевода порывисто выхватилъ саблю изъ ноженъ и замахнулся на огненную голову.

— Вотъ я тебя, вора!.. Взять его!

Стрѣльцы испуганно топтались на мѣстѣ, но не двигались впередъ.

— Вамъ говорю! Вяжите вора!

То же топтанье на мѣстѣ. Воевода оглядѣлъ толпу, и глаза его остановились на Киршѣ, который стоялъ понуря голову и жело дышалъ.

— Кирша! Возьми его, вора.

Кирша нерѣшительно сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Что меня брать? Я самъ пришелъ,—сказалъ чернецъ,— своею волею пришелъ, такъ не боюсь тебя.

Этотъ отвѣтъ озадачилъ воеводу. Дѣйствительно, человѣкъ самъ пришелъ, не побоялся ни стрѣльцовъ, ни его. Тутъ что-нибудь да не такъ. Воевода задумался.

— Такъ чего-жъ тебѣ надобеть?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Того, чего у тебя нѣтъ, а ты дать можешь, — былъ отвѣтъ.

Воевода не понималъ этого загадочнаго отвѣта.

— Чего у меня нѣту и что я могу дать?—переспросилъ онъ.

— Воистину такъ.

— Что-жъ это такое, чего у меня нѣту и что я могу дать?

— Вѣнецъ.

— Вѣнецъ? Какой вѣнецъ?

— Нетлѣнный.

Воевода отступилъ назадъ. Стрѣльцы невольно переглянну-

лись. Воевода чутьемъ угадывалъ, по порывистому дыханью стрѣльцовъ, которое слышно было, чувствовалъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ. Чего добраго, стрѣльцы свяжутъ его и головою выдадутъ мятежникамъ, а то и сами расправятся. Ему казалось, что онъ стоитъ на льду, среди глубокаго озера, и тонкій ледъ гнется и хруститъ, зловѣще кракаетъ подъ ногами... Надо скорѣе сойти съ опаснаго мѣста, хоть ползкомъ: надо во что бы то ни стало выйти изъ этого остраго положенія.

— Я пришелъ сюда по указу великаго государя, его царскаго величества! — громко сказалъ онъ, оглядывая всю толпу и подходя къ чернецу все съ тою же обнаженною саблею.

— Его царское величество не указывалъ разорять монастырей, — такъ же громко перебилъ его чернецъ.

— Молчать, воръ! — закричалъ воевода, подымая саблю.

— Воръ тотъ, кто монастыри разоряетъ... Его царское величество не указывалъ тремя персты креститься.

— Врешь, лодыка: его царское величество указалъ, и освященный соборъ приговорилъ.

Чернецъ повелъ своими горячими глазами по толпѣ.

— Не слушайте его, православные! — закричалъ онъ: — Онъ говоритъ затѣйно... Вотъ какъ креститесь!

И онъ высоко поднялъ руку, выставивъ торчкомъ два пальца, а остальные пригнулъ. Между стрѣльцами произошло движеніе.

— Вотъ такъ, вотъ такъ! Православные!—истово кричалъ фанатикъ.

— Вотъ же тебѣ какъ, ина!

Сабля блеснула въ воздухѣ, и къ ногамъ стрѣльцовъ что-то упало. То были всѣ пять пальцевъ фанатика, отрубленные саблей по самые послѣдніе суставы, у связей съ ладонью. Стрѣльцы съ ужасомъ отшатнулись.

Фанатикъ не поморщился. Онъ нагнулся, поднялъ съ земли лѣвою рукою два отрубленныхъ пальца, указательный и средній, и истово перекрестился лѣвой рукой.

— Благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси одинъ листочекъ нетлѣннаго вѣнца получити, — сказалъ онъ, подымая глаза къ голубому небу, на которомъ стояли курчавыя, какъ бѣлыя овцы, облачка.

Кровь ручьемъ лила изъ перерубленной руки, но изувѣръ

не обращалъ на это вниманія: онъ сунулъ за пазуху два отрубленныхъ пальца и улыбнулся...

— А тѣхъ трехъ перстовъ мнѣ не надобеть, — сказалъ онъ и повернулся къ воеводѣ.

Воевода, блѣдный, съ остоячившимися глазами, стоялъ въ раздумьи съ поднятою саблею: рубить или не рубить по огненной головѣ?..

VIII. Соловецкія святки.

Время шло. Скучное сѣверное лѣто, съ его безконечными днями, почти цѣлыя сутки освѣщаемыми незаходящимъ солнцемъ, и съ его бѣлоглазыми, надоѣдливыми ночами, смѣнилось еще болѣе скучною, хмурою и мертвою зимою съ ея такими же мертвыми, безконечными ночами, освѣщаемыми иногда отъ полуночи страшными «сполохами», встающими отъ сѣвернаго горизонта длинными, съ переливающимися яркими лучами снопами свѣта, которыми сѣверное сіяніе какъ бы вознаграждаетъ сѣверную мрачную и безконечную ночь за ея мракъ и безконечность, за малость сѣвернаго дня и за скудость и безжизненность сѣвернаго солнца. Весь островъ завернулся въ бѣлый саванъ, какъ покойникъ на льдинѣ Ледовитаго океана. Зловѣщее море кругомъ на необъятное пространство, туманъ и мракъ или вѣтеръ съ пургой и леденящій холодъ, деревья, утонувшія въ инеѣ, мрачныя, заиндевѣвшія стѣны монастыря — все это до боли безпривѣтно и безотрадно.

Къ зимѣ покинули островъ и осаждавшіе обитель ратные люди. Осада шла вяло, неохотно, недружно, а осажденные защищались стойко, упрямо. Воевода самъ видѣлъ, что послѣ неожиданнаго появленія въ его станѣ огненнаго чернеца, которому онъ отрубилъ пальцы на правой рукѣ, а потомъ, забивъ въ колодки, отправилъ подъ карауломъ въ Сумской, что послѣ этого неожиданнаго появленія изувѣра среди стрѣльцовъ стрѣльцы потеряли и бодрость духа, и упорство въ добываніи мятежной обители. Думая, что, проведя зиму въ Сумскомъ, они къ веснѣ опять будутъ способны съ прежнею отвагой пойти на монастырь, онъ велѣлъ уничтожить всѣ построенные для осады монастырскихъ стѣнъ городки, разорить осадныя укрѣпленія и подкопы и переѣхалъ на зимовку въ Сумской. Но чтобы монастырь и

весь островъ продолжалъ оставаться въ осадѣ и чтобы осажденные мятежники не имѣли возможности сноситься съ землею и пополнять свои запасы продовольствія, а равно боевые снаряды, однимъ словомъ, чтобы довести монастырь до безвыходнаго положенія, воевода поставилъ заставы во всѣхъ главныхъ пунктахъ, по всему берегу Онежской губы справа и слѣва.

Но черные мятежники не унывали. Всякихъ запасовъ у нихъ было вдоволь, а отрѣзанность отъ земли была отчасти наруку старымъ монахамъ: она не давала возможности молодымъ чернецамъ шляться по усольямъ и сосѣднимъ посадамъ и возжаться съ бабами, до которыхъ черная молодежь были большіе охотники.

Послѣ сѣрой, скучной и мокрой осени съ суровыми вѣтрами и туманами и послѣ долгаго Филиппова поста, наступили святки. Все же хоть какое-нибудь развлеченіе для братіи: и для почтенныхъ старцевъ, и для молодшей братіи, «утѣшеніе» положено: и брашно всякое, и разрѣшеніе вина и елея. Чего же больше людямъ, отрѣзаннымъ отъ міра и его прелестей! За трапезой и лапшица добрая, и шти съ сушеной рыбкой, и пшенники съ яичкомъ, и пироги съ вязигой, и икорка паюсная, и теши межукосныя, и яишенка глазаста, и оладьи со сметанкой, и квасокъ доброй, и медвяное питье; а по кельямъ тоже «утѣшеніе»: и коврижки прянишны и сахарны, и древо сахарно доброе, и малинка въ меду, и вишенка въ сахарѣ аглицкомъ, и яблочки въ патокѣ, и пастилки двусоюзныя, и все отъ благодѣтелей. А для молодшей братіи, у кого зубы, и орѣшки кедровы, и орѣшки калены. Послѣ пѣнья, да метаній, да урочныхъ поклоновъ это «утѣшеніе» немощи ради плоти не возбраняется.

А соснувъ послѣ обѣда, пока не благовѣстили еще къ вечернямъ и день былъ ясный, безъ мятели и пурги, старцы выходили на дворъ, садились на крылечкахъ да на заваленкахъ и смотрѣли, какъ молодшая братія, служки, да молодые трудники, да ратнички голубей гоняли. Голуби — большая утѣха для отчужденныхъ отъ міра. Спугнутъ это ихъ ратники, либо трудники, и взовьются они къ небу стаями, кружатся, кружатся по аеру надъ церквами божьими, а турманы свое дѣло дѣлаютъ, а особливо тотъ бѣлый, «въ штанцахъ»: ужъ такъ-то кувыркаются по аеру, что и сказать нельзя! А старцы поднимаютъ кверху свои сѣдыя бороды, щурятся на небо, ищутъ чудодѣя

турмана «въ штанцахъ», и хоть старыя очи ничего не видятъ издали, а все же утѣха нѣкая. А тамъ голуби, все кружась шире и шире, все забирая выше и выше, кажется, совсѣмъ хотятъ оставить монастырь и летѣть за море; такъ нѣтъ! Исачко стоитъ середи монастыря, задравъ къ небу свою бороду и разставивъ руки, и все видитъ, и радостно покрикиваетъ: «ахъ онъ воръ! ужъ и воръ птица, что выдѣлываетъ!» И старцы радуются, хоть и не видятъ всего, что видитъ глазастый Исачко. А тамъ голуби, покружась и покувыркаясь по аеру, спускаются на землю и кучами, довѣрчиво, словно куры, толпятся къ старцамъ. У каждаго старца въ припольѣ, либо въ скуфейкѣ, горстка зерна, либо крохъ отъ трапезы, и старцы бросаютъ этотъ даръ божій божьей твари, птичкѣ небесной...

— Воззрите на птица небесная, иже не сѣютъ, ни жнутъ,— съ любовью бормочетъ старецъ Никаноръ, швыряя въ сѣрую, копошащуюся массу крохи отъ поджаренпаго пшенника.

А Исачко не отходитъ отъ турмана «въ штанцахъ», такъ и увивается около него. Онъ вынесъ ему цѣлый каравай пшенника: самъ не ѣлъ за трапезой, а приберегъ своему любимцу и теперь даже испугалъ его видомъ огромнаго кома желтаго, разсыпчатаго пшенника, брошеннаго къ голубю.

— Клюй, дурашка, не бойся, не укуситъ, не коршунъ, чать, — бормочетъ онъ, нагибаясь къ турману.

Появляется откуда-то и Спиря. Онъ все такъ же босикомъ, какъ и лѣтомъ, безъ полукафтанья въ одной длинной рубахѣ, но уже въ скуфейкѣ. Онъ поднимаетъ голову вверхъ и смотритъ на соборную колокольню. Съ колокольни срываются два голубя, летятъ къ Спирѣ и усаживаются, какъ куры на нашестъ, одинъ на правое плечо юродиваго, другой на лѣвое. Спиря осклабляется

— Что, дѣтки, ѣсть, небось, захотѣли?—ласково говоритъ онъ. — А не дамъ, нонѣ постъ.

Голуби машутъ крыльями и тянутся ко рту юродиваго. Тотъ нарочно нагибаетъ голову.

— Что ты ихъ дразнишь? — вступается сердобольный Исачко, — не томи... Ты думаешь, и птичина по недѣлямъ поститься должна, какъ ты, двужильный!

Старцы добродушно смѣются.

— Не томи ихъ, Спиря, — говоритъ Никаноръ, смѣясь сѣдыми бровями.

Сухой, серьезный старецъ Геронтій машетъ Спиринымъ голубямъ своей скуфьей и вытряхиваетъ изъ нея крошки, маня проголодавшуюся птицу. Но Спирины голуби не летятъ къ отцу Геронтію.

Въ это время изъ-за собора показывается Оленушка. Она въ собольей шубейкѣ, подпоясана голубымъ поясомъ и въ собольей шапочкѣ. На рукахъ рукавички. Въ правой рукѣ она везетъ саночки маленькія: Оленушка каталась на салазкахъ за монастырской оградой. Молодыя щеки ея пылали морознымъ нѣжнымъ румянцемъ.

Увидавъ ее, Спирины голуби, снявшись съ плечъ юродиваго, тотчасъ же перелетѣли и усѣлись на плечахъ Оленушки, махая крыльями и протягивая головки къ ея смѣющемуся рту съ розовыми губами и бѣлыми, какъ у мышки, зубами. Оленушка заливалась отъ радости, а юродивый съ любовью смотрѣлъ на нее.

— Нѣту у меня ничего, нѣту, гулюшки! — смѣялась Оленушка, защищая свои розовыя губы.

Лица у старцевъ сіяли радостью и умиленіемъ. Старый сѣдобровый Никаноръ улыбался бровями, глядя на Оленушку и на голубей. Даже суровый Геронтій какъ будто потеплѣлъ своимъ сухимъ лицомъ. Одинъ Исачко не вытерпѣлъ этого.

— Да что вы морите бѣдную птицу! — отозвался онъ недовольнымъ голосомъ. — Вотъ нашли!

Къ архимандриту подошелъ старый соборный звонарь и низко поклонился.

— Благослови, святой отецъ, — сказалъ онъ, протягивая руки пригоршнею.

— Въ било? — сказалъ Никаноръ.

— Во святой колоколъ, къ вечернѣ благовѣстить — отвѣчалъ звонарь.

— Во имя Отца и Сына... — благословлялъ Никаноръ.

Звонарь поплелся на колокольню. Скоро въ морозномъ воздухѣ далеко-далеко по острову и по свинцовому морю съ льдинами и скалами пронесся металлическій крикъ колокола. Голуби встрепенулись и побросали зерна.

Старцы встали, перекрестились и тихо побрели къ вечернѣ. За ними сынула остальная братія, старшая и молодшая, служки и трудники, и ратные люди. Остались одни голуби до-

ѣдать зерна и крохи. Къ нимъ налетѣли монастырскія галки и юркіе воробьи... Монастырь замеръ...

Скоро на монастырь спустилась и ночь, темная, съ темнымъ небомъ и яркими звѣздами, блескъ которыхъ блѣднѣлъ только тогда, когда съ полуночи шли и трепетали на небѣ яркія полосы «сполоха»...

Скоро и сонъ сошелъ на монастырь: братіи надо успѣть соспуть до полуночнаго бдѣнія и до утреннихъ метаній, и братія спитъ. Не спитъ только старость, къ которой сонъ нейдетъ, такъ старость молится по кельямъ и вздыхаетъ о грѣхахъ своихъ да о молодости...

Не спитъ еще и молодость...

Не спитъ Оленушка. Накатавшись вдоволь на салазкахъ, которыя смастерилъ ей келарь Наѳанаилъ, большой искусникъ строитель и худогъ, отстоявъ потомъ вечерни и воротившись въ отведенную ей съ матерью келью, она поужинала, пощелкала кедровыхъ орѣшковъ, погрызла немножко орла сахарнаго и вздумала погадать о суженомъ. Нельзя же, святки на дворѣ: хоть и монастырь, а все же святки. Мать души въ ней не чаяла и потому согласилась на все, хоть въ монастырѣ бы и грѣшно гадать... «Экое мірское дуростное дѣло, да въ святой-ту обители! Что-жъ, дитя малое, неразумное: пущай побалуетъ... Коли и взыщетъ Господь, такъ на мнѣ, на старой дурѣ; а я отмолюсь, еще привезу въ святую обитель, коли жива буду, бочку другую беремянную вина ренсково да пудъ ладону росново», думала себѣ Неупокоиха.

Налили въ миску воды, достали жестянку, положили въ нее воску отъ іорданской свѣчки и стали топить воскъ на свѣтцѣ. Растопили. Оленушка, вся пунцовая отъ хлопотъ, отъ жару свѣтца и отъ волненія, загадала про Борю, перекрестилась истово... Рука дрожитъ, шутка ли! Про судьбу гадаетъ, про суженое... Нагнула жестянку надъ миской. Желтой лентой полился растопленный воскъ въ воду и, съ шипомъ падая въ нее и погружаясь, неровными лохмотами всплывалъ наверхъ... Все вылито... Дрожащею рукою, бережно, словно драгоцѣнность какую, вынимаетъ Оленушка восковые лохмотки изъ воды, кладетъ ихъ на розовую ладонь и со страхомъ разсматриваетъ...

— Ничего не разберу, мама, — волнуется Оленушка, — что вышло.

Волнуется и старуха. Приглядывается къ ладони дочери, подноситъ ее къ свѣтцу, щурится.

— Кубыть вѣнецъ, — нерѣшительно говоритъ она.

— Ахъ, нѣтъ, мама! Кочетокъ словно, — еще болѣе волнуется Оленушка.

— Може и кочетокъ... У тебя глазки молоденьки, лучше моихъ... Кочетокъ, это къ добру.

— Нѣту, мама, это сани...

— И сани къ добру.

Оленушка перевернула комокъ воску на другой бокъ, приглядывается.

— Не то шляпа, не то сапогъ, — съ огорченіемъ въ голосѣ говоритъ она.

— Что ты, глупая! Не сапогъ, а вѣнецъ! — огорчается и старуха. — А ты не такъ смотришь, дитятко, — заторопилась она, — надоть тѣнь смотрѣть... Да-ко-съ!

И она подносила руку дочери къ стѣнѣ, чтобъ отъ нея и лежащаго на ладони комка воска падала на стѣну тѣнь.

— Зайчикъ, мама.

— Что ты, дурашка! Это твои пальцы.

Оленушка выпрямила ладонь. Тѣнь на стѣнѣ кельи вырисовалась яснѣе.

— Охъ, клобукъ, мама! — испугалась Оленушка и даже поблѣднѣла.

Испугалась и старуха, но скрыла, не подала виду.

— Что-й-то ты, непутевая! — разсердилась она. — Вѣнецъ и есть!

Такъ и порѣшили на вѣнцѣ, хотя Оленушка въ вѣнцѣ сильно сомнѣвалась.

— А что-то въ Архангельскомъ у насъ теперь? — грустно заговорила она.

— Святки тоже, туляютъ... поди, озорники въ хари наряжаются...

Оленушка вздохнула. Ей кто-то и что-то вспомнилось...

— Господи! Когда же мы въ Архангельской, домой воротимся? — заговорила она какъ-бы про себя.

— Весной, дитятко, пожди маленько. Вонъ лѣтомъ ты недужала, а тамъ осада эта.

— А коли и весной осадятъ?

— Нѣту, не осадятъ. Отецъ Никаноръ сказывалъ, ни въ жисть не осадятъ, напужаны-де.

— То-то, мама. А какъ осадятъ?

— Отсидимся, дитятко. Отецъ Никаноръ сказывалъ: всѣ войски никоніанъ не возьмутъ обители, потому: Зосима-Савватій насторожѣ стоятъ.

Оленушка опять вздохнула.

— А мнѣ хоть вѣкъ тутъ жить, такъ само по душѣ, — говорила старуха, — святое мѣсто, спокой, молишься себѣ, всѣ тебя уважаютъ... Вотъ одинъ только этотъ пучеглазый Ѳеклиска... А все на тебя буркалы пялитъ... Да ужъ я его и отемердила добре...

Оленушка вспыхнула. Она сама видѣла, какъ на нее засматривался глазастый молодой чернецъ, что Ѳеклиской звали, и разъ въ церкви тихонько ей на ногу наступилъ...

А чернецъ Ѳеклиска тоже не спалъ; не спали и еще кой-кто изъ молодшей братіи... Нельзя же, святки... Прежде, до этого проклятаго сидѣнья, когда монастырь не стерегли, какъ дѣвку на возрастѣ, еще можно было урваться въ посадъ либо на усолья, около бабъ потереться да грѣшнымъ дѣломъ и оскоромиться мясцомъ; а теперь сиди въ четырехъ стѣнахъ, словно огурецъ въ кадкѣ, либо супоросая свинья въ сажалкѣ. Надо же и кости поразмять, чтобъ и молодая кровь не сыворотилась...

Вонъ огонекъ въ работницкой поварнѣ, мелешитъ тамъ что-то. А что? Посмотримъ, благо городничій старецъ Протасій ненарокомъ пересыпалъ себѣ вина и елея и теперь крѣпко спитъ.

Въ поварнѣ «вавилонія» идетъ, какъ выразился веселый Ѳеклисъ: «жезлъ Аароновъ разцвѣте», это, значитъ, чернецы гуляютъ. Просторная комната слабо освѣщена свѣтцомъ. На столѣ, у края, красуется боченокъ. На лавкахъ у стола сидятъ чернецы и играютъ въ «зернь». А посреди комнаты стоятъ другъ противъ друга молодой чернецъ и черничка: руки въ боки, глаза въ потолоки, ноги на вывертѣ, плясать собираются. Въ плясунѣ монахѣ мы узнаемъ старца Ѳеоктиста, вѣрнѣе, Ѳеклиску, а въ монашкѣ плясавицѣ молоденькаго служку Иринеюшку, который, будучи наряженъ теперь черничкою, необыкновенно похожъ на хорошенькую дѣвочку.

— Ну, царь Давыдъ! Играй на гусляхъ!—говоритъ Ѳек-

лиска чернецу безъ скуфьи, сидящему у стола и смотрящему на игроковъ въ зернь.

Чернецъ безъ скуфьи оборачивается и смѣется при видѣ плясуновъ, собравшихся «откалывать колѣнца».

— Ино играй же, царь Давыдъ, бери гусли!—не терпится Ѳеклискѣ.

«Царь Давыдъ» безъ скуфьи, беретъ большой деревянный гребень съ продѣтою промежду зубцовъ бумажкою,—гребень замѣняетъ гусли,—и начинаетъ водить губами по гребню и ужжать что-то очень бойкое.

Черничка, подражая настоящей бабѣ, задергала плечами и завизжала несформировавшимся еще мужскимъ голосомъ:

Выходила млада старочка,
Младехонька, хорошохонька,
Поклонилася низехонько:
Я не дѣвушка, ни вдовушка...

— Не ту, не ту!—перебиваетъ Ѳеклиска.

И, пустившись въ присядку, такъ что полы полукафтанья разстилались по землѣ, зачастилъ говорокомъ, а за нимъ «царь Давыдъ» съ гуслями:

Не спасибо игумну тому,
Не спасибушко всей братьи его:
Молодешеньку въ чернички стригутъ,
Зеленешеньку посхимливаютъ.
Не мое дѣло въ черницахъ сидѣть,
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны служить,
Какъ мое дѣло въ бесѣдушкѣ сидѣть,
Какъ мое дѣло винцо щелыгать.
Посошельицо подъ лавку брошу,
Камилавочку на столъ положу,
А сама млада по келейкѣ пройду,
Молодешенька погуливаю

— Эхъ, ну!—гоготалъ Ѳеклистъ.—Го-го-го! Предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаша-играя веселыми ногами!

А Иринеюшко павой выплывалъ, совершенно по-бабьи, видно, что изучилъ свое дѣло въ совершенствѣ, и ручкой помавалъ, и плечикомъ вихлялъ, и глазами «намизалъ». Игравшіе въ зернь чернецы бросили игру и любовались Иринеюшкой.

— Ай да черничка! И настоящей ненадоть! — похваляли старцы.

А Иринеюшко, подойдя къ столу и притопывая ногою въ валенкѣ, выговариваетъ подъ юзжанье гребня:

На улицѣ было
На широкой диво:
Варилъ чернецъ пиво.
Черничкъ ты мой,
Горюнъ молодой,
Погуляй-ко со мной.
Вступила хмелинушка
Въ буйную головушку:
Не дастъ мнѣ тряхнуться.
Не дастъ ворохнуться

— Ну! Ино выпей, млада черничка, на! Вотъ пивцо, что варилъ молодой чернецъ.

И «царь Давыдъ», положивъ гребень, налилъ изъ боченка пива въ ковшъ и подалъ Иринеюшкѣ... Иринеюшко выпилъ, утеръ рукавомъ розовыя губы и опустился на лавку.

— Что, братъ? Али по-бабьи труднѣе плясать-ту?—спросилъ игрецъ въ зернь.

— Не въ примѣръ труднѣй.

— Знамо, надоть, чтобы и плечи, чтобъ и все выходило.

Въ поварню ввалились еще гости. Вошелъ медвѣжій поводильщикъ съ бубномъ, за нимъ медвѣдь на веревкѣ и коза съ рогами, а на рогахъ старая камилавка. Веселый хохотъ встрѣтилъ дорогихъ гостей.

— Ай да Миша! Ай да воевода Топтыгинъ!—привѣтствовалъ медвѣдя Ѳеклистъ.

— А ты прежъ угости меня,—заревѣлъ медвѣдь.

— И меня, козу въ сарафанѣ,—замекекала коза,—мме! И меня!

Гостямъ поднесли пива. Поводильщикъ, выпивъ ковшъ, задудѣлъ въ бубенъ, а «царь Давыдъ» заюзжалъ на гребнѣ. Медвѣдь тяжело, грузно пошелъ плясать, а вокругъ него скакала коза, тряся бородой и приговаривая:

Я по келейкѣ хожу,
Я черничку бужу:
Черничка, встань!

Молодая, встань!
Не могу я встать,
Головы поднять.
Ужъ и встати было,
Поплясати было,
Для милыхъ гостей
Поломати костей...

— Вотъ я вамъ переломаю кости, лодыжники!—раздался вдругъ грозный голосъ.

Всѣ встрепенулись и замерли на мѣстахъ. На порогѣ стоялъ городничій старецъ Протасій. Въ рукахъ его былъ огромный посохъ, «жезлъ Аарона», какъ называли его молодые чернецы, по комъ гулялъ этотъ «жезлъ»...

И «жезлъ» погулялъ таки въ эту памятную ночь соловецкаго сидѣнья...

IX. Спирина печерочка.

Наступила, наконецъ, и весна, къ которой и въ сонныхъ грезахъ, и на-яву, въ кельѣ и въ церкви, подъ ровное постукиванье вязальныхъ спицъ матери и подъ однообразное чтеніе нескончаемыхъ каѳизмъ, неудержимо рвалось молодое, несутерпчивое сердце Оленушки. Богъ вѣсть откуда стали слетаться птицы, оглашая островъ и взморье радостными криками, словно бы это были странники, слетѣвшіеся со всего свѣта посмотрѣть, что-то дѣлается на далекомъ, уединенномъ зеленомъ островкѣ, и такъ же ли и тутъ плачутъ люди, какъ въ тѣхъ прекрасныхъ, далекихъ теплыхъ земляхъ, откуда они прилетѣли, или новая весна осушила всѣ людскія слезы. И ночью, на поголубѣвшемъ съ весною небѣ, и на свѣтлой, румяной зарѣ, и въ яркій полдень, все неслись и звенѣли по небесному пространству птичьи голоса, и одни смолкали тамъ, въ той сторонѣ, съ полуночи, а другіе неслись къ острову съ той стороны, отъ полудня. Все короче и короче становились ночи, все продолжительнѣе и продолжительнѣе становились дни. И вокругъ келій, и у монастырскихъ стѣнъ, и за стѣнами, и даже въ трещинахъ и на выступахъ старыхъ стѣнъ и крышъ пробивалась зеленая травка. Островъ ожилъ вмѣстѣ съ этою оживающею зеленью и съ этимъ неугомоннымъ птичьимъ крикомъ и галасомъ. Даже съ монастырскими птицами—съ голубями, галками и воробьями—творилось что-то не-

обычайное. Бѣлый турманъ въ «штанцахъ» вился и кувыркался въ воздухѣ еще безумнѣе, такъ что Исачко, задирая къ небу голову, чтобы лучше видѣть своего любимца, чуть не свихнулъ свою воловью шею. Спирины «гули» совсѣмъ бросили своего воспитателя и все цѣловались на соборномъ карнизѣ и доцѣловались до того, что едва успѣли кос-какъ смостить себѣ на одной балкѣ гнѣздо, и то благодаря юродивому, который тихонько подкладывалъ имъ по близости гнѣзда соломки и шерстки...

— Это братъ-ту съ сестрой?—подшутилъ надъ нимъ однажды Исачко, увидавъ его за этимъ благочестивымъ занятіемъ, и лукаво подмигнулъ своими косыми глазами.—Ахъ ты старый грѣховодникъ!

Когда же Оленушка спросила Спирю, почему «гули» покинули его, юродивый отвѣчалъ:

— Погоди маленько, дитятко, и ты кинешь матушку для Борьки.

Оленушка только вспыхнула и закрылась рукавомъ. Ей и страшно, и хорошо разомъ сдѣлалось отъ словъ юродиваго. Какъ онъ могъ узнать, думалось ей, что у нея есть въ Архангельскѣ зазнобушка? И какъ онъ могъ знать, что его зовутъ Борей? Вѣстимо потому, что онъ святой, прозорливый человѣкъ, а потому онъ насквозь человѣка видитъ и мысли его читаетъ, и душу видитъ какъ на ладонкѣ, и всѣ грѣхи его знаетъ. И при этомъ Оленушка зардѣлась еще больше: она вспомнила, что сегодня утромъ ей страхъ какъ хотѣлось молочной каши... А сегодня середа, постный день... Спиря все это знаетъ, ахъ, срамъ какой!

Теплый, ласковый весенній воздухъ тянулъ Оленушку за монастырскія ворота. За воротами, казалось, ближе было къ Архангельску: коли бы крылья, какъ у тѣхъ птушекъ, такъ бы и полетѣла черезъ море, и дорогу бы, кажется, нашла, все туда, туда, далеко, откуда солнышко по утрамъ выходитъ...

И она очутилась за воротами. Глянула на море, на стѣны. И смурыя стѣны весною смотрятъ веселѣй. Вездѣ пробивается изъ земли и тянется къ небу зелененькая травка. На сѣрыхъ камняхъ кучками сбились красныя божьи коровки, и онѣ выползли погрѣться на солнышкѣ. Оленушка присѣла и стала разсматривать ихъ: иныя сидятъ смирнехонько, не ворохнутся, другія копошатся, ползаютъ. Въ воздухѣ птичій грай и щекотъ такъ

и подмываетъ улетѣть далеко, далеко отъ этихъ постылыхъ мѣстъ.

Оленушка пошла дальше, вдоль стѣнъ: то сорветъ изсѣра-зеленый кудрявый мохъ, повертитъ его въ рукахъ и броситъ, то нагнется надъ желтымъ цвѣточкомъ, поглядитъ на него, потрогаетъ лепестки, сдуетъ съ нихъ муравья или другую козявку, и опять идетъ себѣ тихонько, да нѣтъ-нѣтъ все и поведетъ глазами по гладкой равнинѣ моря... Ни корабликъ ни одинъ не чернѣется, ни парусъ не бѣлѣется; только поблескиваютъ иногда на солнцѣ крылья чаекъ да мартыновъ-рыболововъ... «То-то кабы чайкины крылья, полетѣла-бъ, не отдыхаючи, до самово Архангельсково, надлетѣла-бъ надъ батюшковъ дворъ да и крикнула: ки-ихъ! батюшко родимый! выходь-ко на тесовое крылечко, сустрѣчай свою дочушку Оленушку... А то бы сѣла у Борюшки подъ косящатымъ окошечкомъ и запѣла бъ: кии-ихъ! милъ сердечный другъ! отворяй-ко ты окошечко, впущай къ себѣ птушечку Оленушку»...

Оленушка чуть не заплакала. Шутка ли! Скоро годъ, какъ они сидятъ здѣсь словно въ темной темницѣ. А еще когда-то пріѣдутъ богомольцы да возьмутъ ихъ съ собою! Да и пріѣдутъ ли? Можетъ опять нагрянутъ эти московскіе разбойники, опять запрутъ монастырь и опять начнется пальба безъ конца.

Долго бродила Оленушка вокругъ монастыря, тоскуя и не находя себѣ мѣста. Зайдя за одинъ выступъ монастырской стѣны, подходившей почти вплоть къ морю она усѣлась на краю обрыва и, собирая вокругъ себя мохъ, стала дѣлать изъ него вѣнокъ. Она совсѣмъ углубилась въ свое занятіе, вспоминая то, что нагоняла ей на мысли молодая память, или раздумывая о настоящемъ, смысла котораго она никакъ не могла понять. Она много слышала о какомъ-то Никонѣ, и онъ представлялся ей какимъ-то звѣремъ, но звѣремъ невиданнымъ а такимъ, какой написанъ на одномъ образѣ въ соборѣ, не то звѣрь, не то человѣкъ, не то баба. И зачѣмъ это онъ книги какія-то новыя выдумалъ? зачѣмъ онъ велитъ креститься тремя перстами? и для чего онъ какой-то «азъ» у Христа отнялъ, а самого Господа Исуса какимъ-то «ижемъ» прободалъ? Что это за «иже» такое? Развѣ то копіе, которымъ воинъ Христа на крестѣ прокалываетъ въ ребра?.. И чего нужно отъ монастыря этимъ стрѣльцамъ?.. Она думала и объ Аввакумѣ, который представлялся ей въ видѣ того

святаго, который стоитъ на столбѣ и креститъ двумя перстами тѣхъ, что стоятъ подъ столбомъ... Сколько народу стоитъ!.. Вспомнила она и того краснаго какъ огонь чернеца въ веригахъ, что пришелъ отъ Аввакума: этотъ чернецъ пропалъ еще съ осени: говорятъ его воевода замучилъ, отрубилъ ему всѣ пальцы на правой рукѣ, а когда на рукѣ снова выросли только два пальца, указательный и средній, и онъ опять началъ молиться этими двумя пальцами истово, то воевода отсѣкъ ему голову, а пальцы сколько ни отсѣкалъ, они вновь приростали...

Сидя такъ неподвижно, Оленушка съ удивленіемъ слышала, какъ будто кто-то подъ землею шевелится, не то глухо скребется. Она стала прислушиваться и осматриваться. Почти подъ ногами у нея, ниже, подъ неровнымъ каменистымъ берегомъ плескалось море, наскакивая на берегъ съ пѣной и снова отступая и падая. Вправо изъ-за корней и спутавшихся вѣтвей съ свѣжею зеленью выглядывалъ большой сѣрый камень. Всматриваясь въ него, Оленушка видѣла, что изъ-подъ самаго камня, казалось, сползала земля и тихо сыпалась въ море съ отвѣсной кручи. Отчего же это сползала тамъ земля? Развѣ камень хочетъ упасть въ море? Такъ камень, кажется, не двигается...

Вдругъ изъ-за камня показалась косматая голова... Оленушка чуть не вскрикнула, да отъ ужаса такъ и прикипѣла на мѣстѣ съ пучкомъ моха въ рукѣ... Голова повернулась, и Оленушка узнала Спирю! Юродивый также узналъ ее, и его добрые, собачьи глаза блеснули радостью...

— Это ты, дѣвынька?—отозвался онъ тихо.

— Я, дѣдушка,—отвѣчала дѣвушка, чувствуя, что у нея еще колотится сердце.

Юродивый совсѣмъ вылѣзъ изъ-за камня. Онъ былъ весь въ землѣ, руки, ноги, волосы.

— Ты что это тутъ, дѣвынька, дѣлаешь?—спросилъ онъ, приближаясь.

— Вѣнокъ заплетаю.

— А!.. А кому?

— Богородицѣ, дѣдушка, на образъ.

— Умница дѣвынька, заплетай.

— А ты, дѣдушка, что тутъ дѣлаешь?

— Ямку собѣ.

Оленушка глядѣла на него удивленными глазами.

— Норку,—пояснилъ юродивый,—нору звѣрину.

— Нору?

— Да, язвину, дѣвынька... язвину, ихъ-же и лиси имутъ, Сынъ же человѣческій не имѣлъ.

Оленушка все-таки ничего не понимала и въ недоумѣніи теребила свой вѣнокъ.

— Печерочку себѣ махоньку копаю, дѣвынька,—пояснилъ Спиря, показывая руками, какъ онъ это копаетъ.

— На что жъ она тебѣ, дѣдушка?

— А молиться въ ней буду, вонъ какъ въ Кіевѣ печерски угодничкн молились.

— А на что жъ церква, дѣдушка?

— Церква церквой... только въ церкви соблазнъ бываетъ, дѣвынька, а въ печерочкѣ только Богъ да смерть.

Дѣвушка невольно вздрогнула... «Господи! Какъ страшно»...

— Страшно межъ людьми, дѣвынька, на вольномъ свѣту, а подъ землей благодать.

Оленушка задумчиво смотрѣла на море. Юродивый сѣлъ около нея.

— Только ты, дѣвынька, никому не сказывай о моей печерушкѣ, ни-ни! Ни матушкѣ родимой!

— Не скажу, дѣдушка.

— То-то же, мотри у меня, Христомъ прошу.

Дѣвушка продолжала смотрѣть на море и прислушиваться къ далекому плаканью чаекъ.

— Что, скучаешь у насъ, дѣвынька?

— Да, дѣдушка, домой бы.

— Али дома лучше?

— Лучше.

Юродивый помолчалъ, вздохнулъ, помоталъ головой. Онъ вспомнилъ, что и у него когда-то было свое «домой». Только давно это было.

И передъ нимъ вмѣсто этого безбрежнаго моря съ плачущими чайками нарисовалась другая картина, вся озаренная солнцемъ юга. Высокій берегъ Волги съ темною зеленью въ крутыхъ буеракахъ. Въ зелени не переставая кукуетъ кукушка. Красногрудый дятелъ однообразно долбитъ сухую кору стараго тополя. Въ ближней листвѣ высокаго осокоря свистятъ за-

дорныя иволги, а на сухой вѣткѣ дуба тоскливо гугнитъ лѣсной голубь припутень. Внизъ по Волгѣ сверху плыветъ косная лодочка, изнаряженная, изукрашенная. По водѣ доносится пѣсня:

Полоса-ль моя, полосынька
Полоса-ль моя не паханая...

Лодка причаливаетъ къ берегу. Удалые молодцы высаживаются и выводятъ подъ руки кого-то на берегъ... Виднѣется дѣвичья коса, а на солнцѣ играетъ «лента алая, ярославская»...

— «Здравствуй, батюшка атаманушка Спиридонъ Ивановичъ!—кричатъ удалые.—Примай любушку-сударушку за бѣлы руки...»

Спиря вздрагиваетъ и дрожащею рукою ощупываетъ въ своей сумѣ мертвый черепъ... «Прочь, прочь!» мотаетъ онъ своею посѣдѣлою головой...

— Такъ въ Архангельскомъ лучше чѣмъ у насъ, вотъ здѣся?—снова заговорилъ онъ.

— Лучше, дѣдушка, не въ примѣръ лучше.

— А чѣмъ бы, скажи-тко?

— Ахъ, дѣдушка! Да теперь тамъ, съ весной-то, что кораблей изъ-за моря придетъ! И изъ галанской земли, и съ аглицкой земли, и съ дацкой земли и съ любской земли, да изъ города Амбурха! Ахъ и что жъ это!

Оленушка даже руками всплеснула.

— Ну и что жъ, что придутъ?—какъ бы подзадаривалъ ее юродивый, любуясь оживленіемъ дѣвушки.

— Какъ чу что! А товаровъ-то, узорья всякаго, что навезутъ!

— Ай-ай-ай!—качалъ головой юродивый.

— И зерна всяки чурмышски, и зеньчугъ большой и мелкой и скатной, и бархаты турецки, и фларенски, и венедицки, и бурски, и нѣмецки, цѣлыми косяками! А что отласовъ турецкихъ золото съ серебромъ, что камокъ куфтерей добрыхъ всякихъ цвѣтовъ, и камокъ кармазиновъ, крушчатыхъ и травныхъ, и камочекъ адамашекъ! А то золото и серебро пряденое, бархаты черленые кармазины, бархаты лазоревы и зелены, бархаты таусинные гладкіе, да бархаты багровы, да бархаты рыты...

Спиря ласково глядѣлъ на нее и грустно качалъ головой.

— А-ай-ай! Что у васъ узорочья-то!—повторялъ онъ какъ-то машинально.

— Да, дѣдушка, а отласы-тѣ каки!—все болѣе и болѣе увлекалась Оленушка.—И черленъ отласъ, и лазоревъ отласъ, и зеленъ отласъ, и желтъ отласъ, и таусинъ отласъ, и батровъ отласъ! А объяри золотны, а камочки индѣйски, а зуфи анбурски, а шелки рудо-желты да дымчаты, а шарлатъ сукно да полушарлатъ, да сукна лундыши, да сукна пастрафили! А ленты-то, ленты!

Оленушка даже руками всплеснула.

А передъ юродивымъ опять промелькнула «лента алая, ярославская», и крутой берегъ Волги, и эта широкая голубая рѣка, и туманно-голубое безбрежное Заволжье...

— «Атаманушко Спиридонъ Ивановичъ!.. Любушка...»

— Господи! Отжени—охъ!—невольно простонялъ, хватаясь за сердце, юродивый.

Оленушка невольно остановилась.

— Что съ тобой, дѣдушка?

— Ничего, дитятко... Такъ ленты, сказываешь?

— Ленты, дѣдушка, алы...

— Такъ и алы?

— Алы и лазоревы...

— Тете-тете... ишь ты...

Юродивый отмахивается отъ воспоминаній, мотаетъ головой, а воспоминанья встаютъ, встаютъ какъ мертвые изъ гробовъ... Краски прошлаго встаютъ, звуки голоса, и этотъ проклятый голосъ:

Полоса-ль моя полосынька,
Полоса моя непаханая...

Это грѣхи встаютъ, какъ они встанутъ на страшномъ судѣ... Куда отъ нихъ дѣваться? Некуда! Въ землю, въ язвину, въ пещеру? Они и тамъ найдутъ...

Оленушка взглянула на море, да такъ, казалось, и застыла. Приподнятая рука остановилась въ воздухѣ. Доплетенный вѣнокъ упалъ на колѣни. Щеки ея все болѣе и болѣе заливалъ румянецъ...

Въ туманной дали на гладкой поверхности моря бѣлѣли, какъ свѣтлые лоскутки, паруса... Да, это не крылья чаекъ...

— Дѣдушка!—чуть слышно заговорила дѣвушка.

Юродивый взглянулъ и оглянулся кругомъ

— Что ты, дитятко?—спросилъ онъ разсѣянно.

— Плывутъ... вонъ паруса...

— Кто плыветъ?

— Они... богомольцы...

Дѣвушка показывала на море. Юродивый щурился, прикладывалъ ладонь надъ глазами, въ видѣ козырька.

— Не вижу, дѣвынька.

— А я вижу, дѣдушка, вонъ...

— У тебя глазки молоденьки.

Оленушка вскочила на ноги, подпялась на цыпочки, и готова была, казалось, побѣжать по морю, какъ по суху. Глаза ея горѣли, губы дрожали.

— Господи! Богородушка! Кабы батюшка пріѣхалъ!

Вдругъ на стѣнѣ что-то грохнуло и разсыпалось гуломъ по острову и по морю. Юродивый перекрестился.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ онъ тихо, и опустилъ голову.

— А что, дѣдушка?—встрепенулась Оленушка.

— Злодѣи плывутъ, дитятко. Ахъ! Ноли не слыхала пушки?

Оленушка, блѣдная, какъ полотно, упала на землю и зарыдала голосомъ.

X. Начало безпоповщины.

Не сбылись надежды Оленушки. Съ весны монастырь снова обложенъ былъ стрѣльцами.

Теперь воевода Мещериновъ явился подъ монастырь уже съ царскою грамотою, за государственною большою печатью, «подъ кустодіею», коймы и титулъ писаны золотомъ.

Стрѣлецкій полуголова Кирша вступилъ въ монастырь во всемъ величіи посольства, съ двумя сотниками, держа царскую грамоту на головѣ, на серебряномъ подносѣ, словно дароносицу. Власти монастыря ввели его прямо въ соборъ. Старикъ архимандритъ, круто насупившись и шевеля своими волосатыми бровями, съ амвона принялъ грамоту съ головы Кирши, который ни за что не рѣшался нагнуться или шевельнуть своею волчьею шеею...

— Съ царскою грамотою, что и съ дарами, гнуться не указано,—раздался въ тишинѣ его сиплый голосъ.

Черная братія усиленно дышала. Никаноръ, принявъ съ головы стрѣльца грамоту, повернулъ ее на свѣтъ.

— Печать большая государственная, подъ кустодіею, съ фигуры... подпись дьячья на загибкѣ,—бормоталъ онъ какъ бы про себя, разсматривая документъ государственной важности.

Около него стояли келарь Наѳанаилъ, городничій старецъ Протасій и длинный, и сухой какъ жезлъ Аарона, старецъ Геронтій.

— Огласи грамоту, по титулѣ,—сказалъ глухо Никаноръ, передавая грамоту Геронтію.

Геронтій взялъ грамоту. Сухія и длинныя руки его дрожали. Черная братія притаила дыханіе.

Геронтій откашлялся, словно ударилъ обухомъ по опрокинутой сорокоушѣ.

...«Бога—началъ онъ прямо съ октавы — Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасѣхъ единосущаго пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго свѣтодавца, имъ же вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію!»

Грамота ходенемъ ходила въ его рукахъ. Голосъ иногда срывался. Золото, которымъ блисталъ титулъ царя, рябило въ глазахъ. Онъ передохнулъ.

...«И сіе благодѣяніе повсюду повѣстуя, мы, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладаатель...»

...«Облаадатель» на слогѣ «лаа» онъ неимовѣрно вытянулъ, въ точности слѣдуя написанію титула, въ которомъ «обладатель» неизмѣнно должно было писаться съ двумя «азами» послѣ «люди»: «начертаніе истовое», освященное, за опущеніе одного а въ титулѣ дьяковъ сѣкли батоги, а подьячихъ кнутомъ нещадно... Таково было время...

...«Облаадатель!» рявкнулъ Геронтій: «Соловецкаго нашего монастыря архимандриту Никанору, келарю Наѳанаилу, городничему старцу Протасею и соборному старцу Геронтію (опять сорвался голосъ), священникомъ, дьякономъ, всѣмъ соборнымъ чернецомъ, и всей братіи рядовой и больнишной, и служкамъ и трудникамъ всѣмъ!»

Онъ перевелъ духъ. Собраніе дышало тяжело, порывисто,

словно въ церкви не хватало воздуху. За окнами ворковали и дрались голуби. Воробьи чирикали, словно передъ грозой. Залетѣвшая въ соборъ ласточка пронеслась надъ самой головой Геронтія, едва не зацѣпивъ его крыльями, и прицѣпилась лапками къ иконостасу. Надъ черными клобуками и скуфьями собора поднялась костлявая рука Спири: юродивый грозилъ пальцемъ ласточкѣ.

...«Въ минувшихъ лѣтахъ и въ прошломъ во стѣ восемдесятъ во второмъ году,—продолжалъ, передохнувъ Геронтій,—посланы были по указу моему государеву къ вамъ, къ братьи, книги новой печати для церковнаго обиходу, чтобы вамъ по тѣмъ книгамъ службу служить и литургисать. И вы тѣхъ книгъ дуростію своею и озорствомъ не приняли, и по тѣмъ книгамъ не литургисали, и божественнаго пѣнья не пѣли, и молебновъ не служили, а яко свиніи бисеръ многоцѣненъ тѣ книги ногами потоптали, и моихъ государевыхъ ратныхъ людей въ монастырь не пустили, и по нимъ яко бы по непріятелямъ и врагамъ церкви божіи и меня великаго государя изъ пушекъ и пищалей стрѣляли, и аки козлы мерскіе по старымъ книгамъ литургисали и аллилуію сугубили, а не трегубили, и а з ъ изъ символа вѣры, яко волчецъ нѣкій изъ нивы господней, не исторгали, а козлогласовали съ а з о м ъ, и и ж е у имени Господа и Спаса нашего Іисуса Христа яко камень многоцѣненъ изъ ризы Господней украли, и иное неподобное творили».

Черная братія съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣла на чтеца и на стараго Никанора. Геронтій передохнулъ и отеръ рукавомъ потъ, выступившій на сухомъ морщинистомъ лбу. Никаноръ насупился такъ, что за бровями совсѣмъ не видно было глазъ, только лицо его покраснѣло. Губы беззвучно шевелились, какъ бы пережевывая страшныя слова грамоты.

Не поднимая глазъ отъ бумаги, Геронтій глубоко забралъ въ грудь воздуху и продолжалъ:

...«И какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ, и вы бъ отъ своей дурости и озорства всеконечно отстали, и моихъ государевыхъ людей честно и грозно приняли по старинѣ, и по новымъ книгамъ есте литургисали, и аллилуію бъ есте не сугубили, и а з а изъ символа вѣры извергли, и и ж а у Іисусова имени не отымали. А буде вы сего нашего государскаго

указа не послушаете и отъ своего озорства не отстанете, и за то вамъ отъ насъ великаго государя быти въ опалѣ, и въ жестокомъ наказаніи и конечномъ разореніи безо всякія пощады, даже до смертной казни».

Все кончено! Геронтій съ трудомъ перевелъ духъ и поднялъ глаза къ небу, къ куполу. Братія, повидимому, ждала чего-то. Но Никаноръ, на котораго всѣ смотрѣли, упорно молчалъ.

Геронтій вертѣлъ грамоту въ рукахъ. Посолъ Кирша ждалъ и глядѣлъ на Никанора. Тихо кругомъ, и только слышалось, какъ передъ образомъ Спасителя юродивый стукался лбомъ объ полъ.

— Грамота великая, подлинная,—говорилъ самъ съ собой Геронтій, глядя на золотое письмо въ началѣ,—коймы и фигуры писаны золотомъ... богословье и великаго государя именованье по и ж е, а словецкаго монастыря по м ы с л е т е писано тожъ золотомъ.

— Эко диво золото!—раздался вдругъ хриплый голосъ.—У дьяковъ золота много.

Всѣ оглянулись. Это говорилъ юродивый.

— Спиридонъ дѣло говоритъ! — вдругъ глянулъ изъ-подъ своихъ бровей старый Никаноръ.—Можно золотомъ написать не токмо по м ы с л е т е, а и по самое т в е р д о, а то и до и ж и ц ы, всю грамоту можно золотомъ написать, а все жъ та грамота будетъ не въ грамоту.

— А печать подъ кустодіею?—возразилъ Геронтій весь блѣдный.

— Печать у дьяка въ калитѣ.

— А коймы и фигуры?

— На то есть писцы и богомазы,—отрѣзалъ Никаноръ,—все состряпаютъ.

— Такъ ты думаешь, эта грамота не царская?—удивился Геронтій.

— Она у царя и на глазахъ не была.

— Ноли великаго государя обманываютъ?

— И Бога обманываютъ,—послышался отвѣтъ юродиваго.

— Только у Бога дьяки не нашимъ чета,—пояснилъ Никаноръ.

Черный соборъ, доселѣ тихій и спокойный какъ омутъ,

зашевелился: словно рябь отъ вѣтерка по тихому омуту, пробѣжало оживленіе по сумрачнымъ дотолѣ лицамъ черной, черноклобучной и черноскуфейной братіи. Засверкали глаза, открылись рты, заходили бороды, задвигались плечи, замахали руки.

— Золотомъ писано, эка невидаль! У мово батюшки баранъ съ золотыми рогами всегда по двору хаживалъ, — закричалъ чернецъ Зосима изъ рода князей Мышецкихъ.

— Что баранъ! Мы сами на міру ѣдали барановъ съ золочеными рогами! А у насъ въ Суздалѣ богомазъ чорту рога позолотилъ!—отозвался другой чернецъ.

— Чортъ золотомъ писанъ! Вонъ что! А то атъ-грамота золочона! Позолотить все можно!—раздавался третій голосъ.

— Не въ золотѣ дѣло! Вонъ, слышь, алилую матушку трегубо! Али она, матушка, заяцъ трегубый!

— Не надо намъ зайца! По заячьи литургисать не хотимъ.

— Не дадимъ имъ, никоніанамъ, а з а батюшку! А з ъ слово великое!

— Великое слово а з ъ! На емъ міръ стоитъ! За его, батюшку а з а, помирать будемъ!

— И ж е м ъ Іисуса Христа прободать не дадимъ! Мы не жиды!

— И трехъ перстовъ не сложимъ! Инъ пущай намъ пальцы и головы рубятъ, а не сложимъ!

Невѣжество, дикій фанатизмъ и изувѣрство брали верхъ. Болѣе благоразумные и грамотные священники и іеромонахи молчали и только озирались на бушующую молодшую братію и на закоренѣлыхъ стариковъ. У Никанора глаза искрились изъ-подъ сѣдыхъ бровей, какъ раздуваемые вѣтромъ угольки въ пеплѣ.

Юродивый, протискавшись къ Киршѣ, который стоялъ ошеломленный, и вынувъ изъ сумы черепъ мертвеца, показалъ его изумленному стрѣлецкому полуголовѣ. Тотъ съ испугомъ отшатнулся назадъ.

— Знаешь ты, кто это?—спросилъ юродивый, протягивая черепъ къ Киршѣ.

— Не знаю, не знаю,—былъ торопливый отвѣтъ.

— А! Не знаешь?.. Такъ и мы знать не хотимъ того, кто

тебя послалъ... Мы знаемъ только Того, кто насъ всѣхъ на землю послалъ, и меня, и тебя, и вотъ его (онъ ткнулъ пальцемъ въ черепъ). А ты знаешь Его?

— Кого?

— Того, который на крестѣ вотъ такъ пальчики сложилъ, (юродивый сдѣлалъ двуперстное сложеніе), когда Ему руки ко кресту пригвоздили?

Кирша не могъ ничего отвѣчать. Онъ только испуганно глядѣлъ то на черепъ, то въ добрые, собачьи, теперь свѣтившіеся глаза юродиваго.

— Онъ такъ велѣлъ креститься; а не по вашему,—твердилъ изувѣръ.

Кругомъ стоялъ гамъ и галасъ. Черный соборъ видимо дѣлился надвое. Зазвучалъ трубный голосъ Геронтія, доселѣ молчавшаго.

— Грамота, царская, истинная, съ титуломъ и богословьемъ въ золотѣ! Грамота истовая, ей перечить нельзя.

— Волимъ повиноваться великому государю!—поддержали его священники.

— Не волимъ!—кричала рядовая братія.

— Мы за великаго государя молиться охочи!—раздавались слабые голоса благоразумныхъ священниковъ.

— Молитесь, коли вамъ охота, только вы намъ послѣ этого не попы!—перекрикивала ихъ сильнѣйшая половина.

— Какіе попы! Никоніане!

— Щепотники! Хиротонію ни во что ставятъ!

Кирша видѣлъ, что его посольство опять не выгорало. Когда крики нѣсколько стихли, онъ обратился къ Никанору, который стоялъ какъ заряженный.

— Какой же отвѣтъ, святой архимандритъ, дать мнѣ воеводѣ?

— Таковъ, каковъ Христосъ далъ сатанѣ въ пустынѣ!—разрядился Никаноръ.

Кирша глядѣлъ на него вопросительно.

— Я не знаю, что Христосъ сказалъ сатанѣ, я не попъ,—возразилъ онъ.

— А не попъ, такъ и не суйся въ ризы!

— Я не суюсь въ ризы...

— Какъ не сунься! А зачѣмъ въ чужой монастырь да съ своимъ уставомъ лѣзешь?

— Я не самъ лѣзу, мнѣ указано, я съ грамотой великаго государя.

— Намъ ваша грамота не въ грамоту! Апостолы-тѣ да святые отцы были постарше вашихъ грамотѣевъ: такъ мы крестимся и пѣтье поемъ такъ, какъ они повелѣли.

— Я ничего не знаю, я посланъ, такъ великій государь изволилъ,—оправдывался Кирша, чувствуя, что онъ слабъ въ богословіи, что его дѣло на сабляхъ говорить да дѣлать то, что воевода велитъ.

— Такъ уходи съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ!—крикнулъ Никаноръ.

— «Уходи по добру—по здорову!» «Заковать его!» «Въ яму!» «Зачѣмъ въ яму!»—раздавались голоса.

— Стой! — снова затрубилъ Геронтій, обращаясь къ Киршѣ,—я за великаго государя всегда Бога молилъ, теперь молю и напредки молить долженъ. Ино какъ поволитъ великій государь, а я апостольскому и святыхъ отецъ преданію послѣдую, а что Никонъ въ новыхъ книгахъ наблевалъ, и той его блевотины я отметаюсь: новоисправленныхъ печатныхъ книгъ, безъ свидѣтельства съ древними харатейными, слушать и тремя персты крестъ на себѣ воображать сумнительно мнѣ, боюсь страшнаго суда Божія!

— Охъ! Охъ! Страшенъ судъ Божій!—опять заревѣла черная братія.

— Долой никоніанскія книги! Долой еретическую блевотину!

Кирша понялъ, что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣй убираться изъ монастыря. Сотники, которые безмолвно стояли у него за спиной, повернулись къ выходу, и, держа сабли наголо, прошли сквозь ряды черной братіи. Вслѣдъ за ними шелъ Кирша съ блюдомъ подъ мышкой. За Киршей вышли изъ собора Геронтій и другіе черные священники.

Передъ соборомъ стояли въ сборѣ всѣ монастырскіе ратные люди. Впереди ихъ сотники Исачко и Самко.

— Одумайтесь, пока не поздно,—сказалъ Кирша, направляясь къ воротамъ.

— Поздно ужъ!—гордо отвѣчалъ Исачко.

— У насъ дума коротка: приложилъ фитиль, и бубухъ!— пояснилъ Самко.

— Доложи воеводѣ, что мы за великаго государя Бога молимъ!—крикнулъ Геронтій вслѣдъ удалявшемуся Киршѣ.

— И мы! И мы такожъ!—подхватили черные священники.

Тогда Самко подскочилъ къ нимъ, закричалъ: «кто вамъ велѣлъ, долгогривые, за еретиковъ молиться!»

— Великій государь не еретикъ!—прогремѣлъ Геронтій.

— Намъ великаго государя не судить!—подхватили черные попы.

— А! Такъ вы всѣ за одно!—приступилъ Исачко.—Мы за васъ горой, а вы къ намъ спиной!

— Кидай, братцы, ружье!—скомандовалъ Самко, обращаясь къ ратнымъ людямъ,—намъ съ еретиками не кашу варить! Пущай ихъ цѣлуются съ стрѣльцами.

— Клади ружье на стѣну! — крикнулъ Исачко къ часовымъ, стоявшимъ на стѣнѣ,—намъ тутъ дѣлать нечего, лучше въ Кемскомъ зелено вино кружать.

— Любо! Любо!—закричали ратные, бросая ружья,—въ Кемской!

Часовые также бросили свои ружья и сходили со стѣны.

Въ это время, откуда не возьмись, юродивый, сѣлъ наземь между черною братіею и ратными людьми, подперъ щеку рукой и запѣлъ жалобно, какъ ребенокъ:

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ махонькой,
Эхъ, братцы, мало насъ,
Сударики, маненько...

— Да, мало васъ останется, какъ мы уйдемъ!—засмѣяся Исачко,—всѣхъ васъ тутъ, что глухарей, лучкомъ накроютъ.

Изъ собора высыпала вся черная братія. Впереди всѣхъ Никаноръ архимандритъ, Наѳанаилъ келарь и старецъ Протасій городничій. Увидавъ, что ратные покидали ружья, Никаноръ остановился въ изумленіи.

— Что это вы, братцы, затѣяли?—тревожно спросилъ онъ.

— Въ Кемской, отецъ архимандритъ, собираемся, — отвѣчалъ Исачко.

— Зачѣмъ въ Кемской?

— Медъ-вино пить.

— По старинѣ Богу молиться, а не по новинѣ,—добавилъ Самко.

— Да что съ вами!—изумился архимандритъ.—Кто говоритъ о новинѣ?

— Вонъ они всѣ (Самко указалъ на черныхъ поповъ): за еретиковъ молиться хотятъ.

— Мы не за еретиковъ молимся, а за великаго государя,—перебилъ его Геронтій.

— Ну и молитесь себѣ, а мы вамъ не слуги.

— Намъ на великаго государя руки подымать не пристало, руки отсохнутъ,—пояснилъ Геронтій.

— Ноли мы на великаго государя руки подымаемъ?—возразилъ Никаноръ.

— На его государевыхъ ратныхъ людей, все едино.

— Много чести будетъ всякую гуньку кабацкую царской порфирѣ приравнивать.

Между тѣмъ келарь Наѳанаилъ, ходя межъ ратныхъ людей, билъ имъ челомъ, чтобъ они умилостивились, взяли назадъ ружья: «братцы! православные!» молилъ старецъ: «будьте воинами Христовыми, не дайте на поруганіе обитель божію, святую отчину и дѣдину преподобныхъ отецъ нашихъ Зосима-Савватія: они, свѣты, стоятъ нынѣ у престола Господня, ручки сложимши, за насъ Бога молятъ, да не излістъ на насъ фіалъ гнѣва своего. Дѣтушки! Воины Христовы! Постойте за святую обитель, какъ допрежъ того стояли!»

Геронтій все болѣе и болѣе возвышалъ свой трубный голосъ.

— Кто противники царю, Богу противится! — перекрикивалъ онъ всѣхъ своею трубою.

Никаноръ понялъ, что наступаетъ рѣшительная минута и закричалъ къ ратнымъ людямъ, указывая на Геронтія и на черныхъ поповъ:

— Что на нихъ смотрѣть! Мечите ихъ всѣхъ въ колодки!.. Мы и безъ поповъ проживемъ: въ церкви часы станемъ говорить, и попы намъ не указчики: у насъ единъ попъ Богъ и его всевидящее око.

Не зналъ тогда Никаноръ, что его слова «безъ поповъ про-

живемъ» послужатъ источникомъ того историческаго явленія въ русской жизни, которое выразилось въ «безпоповщинѣ», явленія необыкновенно живучаго.

Ратные кинулись на Геронтія и на всѣхъ черныхъ поповъ и почти на рукахъ стащили ихъ въ монастырскую тюрьму. А юродивый продолжалъ сидѣть на землѣ и, раскачивая своею лохматою головою, жалобно причиталъ.

Эхъ, братцы, мало насъ,
Сударики, маненько..

XI. Воровской атаманъ, Спиря Бѣшеный.

— Въ ту пору, еще до Стеньки Разина, гулялъ на Волгѣ воровской атаманъ Спиря, по прозванію Бѣшеный. Ужъ и точно-что бѣшеный былъ! Такого я отродясь не видывалъ. Да и какъ его земля матушка держала! Да она, поди, земля-то, и не приметъ его окаяннаго! Былъ онъ родомъ изъ дѣтей боярскихъ, да только царской службы не служилъ, царскимъ воеводамъ пятами покивалъ, и былъ таковъ: все считался въ пѣтяхъ, а братья его, у него было ихъ четверо, всѣ были въ естяхъ. Каждую весну собиралась его станица понизовой вольницы: какъ весна, такъ и кличетъ кличъ: «эй вы, голые и босые, кнутомъ сѣченые, катомъ мѣченые, холопы боярски и рейтары царски! валите въ мою станицу, по Волгѣ-матушкѣ гулять, зипуны добывать!» Ну и сыпанутъ къ ему голутвенные да отчаянные, что осы на медъ. А станы его были по Волгѣ по всей, и въ Жигулевыхъ горахъ, и подъ Лысковымъ, и подъ Макарьемъ, и пониже Саратова и повыше Царицына. Соберется это станица Спирина, не одна сотня голутьбы, не двѣ и не четыре, а въ тысячу шапокъ и больше того соберется эта галичь, а косныя лодочки у него давно готовы, вверхъ пузомъ лежатъ по Жигулевскимъ яругамъ, слетѣлось воронье драное да рваное, кто съ ружьемъ, съ ножомъ за поясомъ да за онучкой поворозкой, кто съ кистенемъ, а кто и просто съ дубиной да осиной, возьмутъ въ руки яровы весельца, грянутъ весновую службу, ну и пошла строчить строка кровавая: какъ къ городу, либо къ боярской усадьбѣ, и пошелъ по крышамъ да по подклѣтью летать «красный пѣтухъ», красными крыльями до неба машетъ, «кукареку» поетъ отъ зари до зари. А Спиря кричитъ: «добывай, братцы, зипуны съ плечъ бояр-

скихъ да съ подъячихъ, крапивнаго сѣмени, а коли зипуны не сымаются съ плечъ, съ кожей сымай!» Хоть и боярское отродье самъ-отъ атаманъ, а готовъ былъ всѣхъ бояръ да подъячихъ въ лежкѣ воды утопить и эту воду выпить.

— Насолили, должно, эти бояре ему.

— Былъ пересолъ, это правда. Бѣгалъ онъ однова отъ службы, въ нѣтяхъ былъ, это еще смолоду, когда только женился: съ годъ эдакъ пожилъ съ женой, робеночка прижилъ съ ею, дочку, а тутъ вѣсти пришли, чтобъ всѣ дѣти боярскіе въ походъ снаряжались. Братья-то ево въ естяхъ объявились, а онъ въ нѣтяхъ, на низы, на Волгу сошелъ. Долго ли, коротко ли нѣтовалъ, а объ молодой женѣ не забывалъ, все тянуло его повидать ее и съ дочкой. Вотъ однова онъ и нагрянь въ свою вотчину, да ночью, чтобъ никто изъ холопей не видалъ, да воеводѣ не донесъ. Приходитъ. Дѣло было лѣтомъ. Такъ да эдакъ, пробрался онъ къ свому двору, проползъ садкомъ къ свѣтелкѣ, гдѣ жила его жена. Коли слышитъ, подъ ракитовымъ кустомъ что-то шушукаетъ. Онъ по-закустомъ, словно ежъ, пробрался да и слушаетъ... «Настенька, говоритъ, разлапушка: а что, говоритъ, коли твой постылый изъ нѣтей воротится?»—«Не знаю—говоритъ она—соколикъ мой, что и будетъ со мной: останется одно, говоритъ, со крутаго бережечка да въ Оку рѣку».—«Что ты!—говоритъ онъ—не моги и думать объ этомъ! Мы—говоритъ—лучше сдѣлаемъ его въ нѣтяхъ на вѣки вѣчные».—«Какъ же это?» говоритъ она: «а коли придетъ?» — «Тутъ-то мы ему нѣтей и поднесемъ: такъ на тотъ свѣтъ въ нѣтяхъ и уйдетъ». А онъ все это слышитъ.—«А, говоритъ, змѣя подколодная! Такъ я же васъ въ нѣтяхъ сдѣлаю, а самъ останусь въ естяхъ». Да тутъ же и положилъ ихъ на мѣстѣ. Его бросилъ подъ кустомъ, а у нея голову отрубилъ и унесъ съ собой.

— Съ кѣмъ же это она, подлая, снюхалась?

— Съ его жъ воеводой, съ Мышецкимъ княземъ.

— По дѣломъ имъ.

— По дѣломъ! Эхъ ты рыбинъ сынъ! Аа самъ нешто не нюхалъ чужихъ женъ?

— Нюхать нюхалъ, да не попадался.

— То-то! А попадись-ка...

— Да ты полно спорить, дядя Серега, сказывай дальше... Ну, отсѣкъ ей голову?

— Отсѣкъ голову да и приноситъ къ своимъ молодцамъ, на Волгу: «смотри, говоритъ, братцы, какова у меня женушка красавица! Соскучился по ея красотѣ, да вотъ, говоритъ, и принесъ съ собою». А она, сказываютъ, точно была красавица. Вотъ онъ велѣлъ молодцамъ заострить палю осинову, взоткнулъ на палю голову женину да и говоритъ: «плюйте, братцы, атаманской женѣ въ мертвыя очи». Какъ сказалъ , такъ и сдѣлали молодцы: каждый подходилъ къ мертвой головѣ и плевалъ ей въ лицо, а иной, горяченькій, такъ и пощечину давалъ покойницѣ. Натѣшившись такою забавочкою вдоволь, и ну лютовать Спиря! Ужъ и лютовалъ же! Лѣтъ пятнадцать-шестнадцать ни проходу, ни проѣзду не было по всему низовью, а особливо доставалось боярамъ да воеводамъ. А голову женину не оставилъ на палѣ, а взоткнулъ ее на атаманской лодкѣ, на мачту: такъ съ жениной головой и лютовалъ по Волгѣ. Я самъ эту голову видѣлъ...

— Что ты, дядя! Какъ!

— Костякъ одинъ бѣлѣлъ на мачтѣ: мясо-ту и глаза и все черви съѣли, а волосы вѣтромъ разнесло, и остался только голый черепъ да челюсти съ бѣлыми зубами... Въ ту пору у насъ съ нимъ бой былъ на водѣ, на Волгѣ. Ужъ и чосу же онъ намъ задалъ! Всѣхъ перебилъ, что было у насъ стрѣльцовъ, да перетопилъ, и воеводу Беклемишева на мачтѣ подъ жениной головой повѣсилъ. Меня въ ту пору Богъ спасъ, доплылъ до берега, да изъ-за кустовъ ужъ, изъ-за верболозу, и видѣлъ, какъ воеводу вѣшали.

— А что послѣ съ имъ, съ этимъ Бѣшенымъ Спирей, было?

— А было то, что никому не дай Богъ... Гулялъ онъ эдакъ десятка полутора годковъ по Волгѣ, перегубилъ душъ христіанскихъ несосмѣтимое число, да и говоритъ однова молодцамъ: «скучно мнѣ , братцы, безъ жены... Вонъ женушка моя высоко живетъ, не достать ее, а вдовцомъ мнѣ стало тошно жить: либо жену добыть, либо въ Ерусалимъ итить, либо въ Соловки посхимиться; а то такъ мнѣ жить опостылѣло, говоритъ, и кровь-де христіанская не радуетъ». Ладно,—говорятъ молодцы,—пополать тебѣ, батюшка атаманушка, Спиридонъ Ивановичъ: умѣлъ насъ въ люди вывести, нарядить въ зипуны да кафтаны цвѣтные, сослужимъ и мы тебѣ службу, добудемъ полюбовницу, да такую, чтобы краше ее и на Руси не было. И махнули въ верховые города, благо все низовье облупили дочиста и всѣхъ бабъ,

и дѣвокъ, и дочерей воеводскихъ перебрали. Долго ли, коротко ли рыскали они по верховымъ городамъ, коли пріѣзжаютъ въ станъ и привозятъ атаману такую красавицу, какой и въ сказкахъ не бывывало, боярскую дочь изъ-подъ Мурома. Какъ увидалъ атаманъ ее, такъ и задрожалъ: словно то была его жена покойница, только еще краше. Жаль ему стало бѣдной, въ первый разъ пожалѣлъ душу христіанскую и говоритъ: «жаль мнѣ тебя, красавица боярская дочь, я хочу де воротить тебя къ отцу-матери: кто-де будутъ твои отецъ, матушка, какого-де ты роду племени? «У меня—говоритъ дѣвица, а сама плачетъ—у меня нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки: я-де кругла сирота».—«А кто были, говоритъ онъ, твои родители и откедова ты родомъ?»—«Я, говоритъ она, изъ-подъ Мурома, изъ роду Хилковыхъ»... Атаманъ такъ и вскочилъ, какъ обожженый.—«Хилковыхъ!» — «Да, говоритъ, Хилковыхъ». — «А котораго Хилкова?»—«Спиридонъ Иваныча», говоритъ она.—«Такъ ты Оленушка?» говоритъ, а самъ весь дрожитъ.—«Оленушка», говоритъ она, и сама руки ломаетъ.—«Такъ вонъ, говоритъ, посмотри на мачту»—а на самомъ лица нѣтъ:—«сморти, что-да видишь?» Дѣвица взглянула вверхъ, да такъ и помертвѣла,—«Это, говоритъ онъ, твоя матушка родима—это я-де убилъ ее и голову взялъ съ собой, по писанію: «Богъ-де соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ». Дѣвица молчитъ—чуть жива.—«А знаешь—говоритъ онъ—Оленушка: кто я тебѣ довожусь?»—Она молчитъ, только дрожитъ, что осиновый листъ—«Я—говоритъ онъ—твой родитель, Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, а нынѣ воровской атаманъ Спиря Бѣшеный, хотѣлъ взять тебя, дочь свою родную, себѣ въ полюбовницы»... Да какъ схватитъ себя за волосы, да какъ захохочетъ!.. А она-то, ужъ и Богъ знаетъ, что съ ей сдѣлалось, какъ глянетъ на мачту-ту, на материну голову, да на отца, какъ тотъ, съ горя, должно, сбѣсился, да перекстилась, да со всего размаху въ Волгу...

— Что ты! Ахъ, бѣдная сиротка! Ну, и что жъ?

— Только пузыри пошли...

— И не пымали?

— Гдѣ пымать!

— Ну, а онъ?

— Онъ хотѣлъ было туда жъ за дочкой, да молодцы не пу-

стили, связали... А тамъ, какъ пришелъ въ себя, досталъ съ мачты женину голову и былъ таковъ!

— Какъ? Пропалъ?

— Пропалъ безъ вѣсти. Одни сказывали—въ Ерусалимъ пошелъ молиться, другіе—что утопился.

— Я здѣсь! Я—Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, не пропалъ и не утопъ!—раздался вдругъ словно изъ-подъ земли глухой голосъ.—Здѣсь я!

Стрѣльцы оцѣпенѣли отъ этого голоса и отъ этихъ словъ. Они сидѣли въ окопахъ, подведенныхъ почти къ самымъ монастырскимъ стѣнамъ, и отдыхали послѣ земляныхъ работъ, готовясь къ приступу на слѣдующее утро и слушая разсказы бывалаго человѣка, стараго стрѣльца, не разъ бившагося на Волгѣ съ понизовою вольницею, въ томъ числѣ съ шайками атамана Спири Бѣшенаго, а потомъ попавшаго въ водоливы къ Стенькѣ Разину. Самый разсказъ Чортоуса, — такъ звали стараго стрѣльца,—подготовилъ слушателей къ чему-то страшному, и вдругъ этотъ подземный голосъ!.. Многіе изъ стрѣльцовъ крестились, съ испугомъ озираясь кругомъ; другіе вскочили, чувствуя, что подземный голосъ выходилъ какъ будто у нихъ изъ-подъ ногъ...

— Чуръ! Чуръ! Чуръ! Наше мѣсто свято! Охъ!

— Аминь! Аминь! Аминь! Разсыпься!

— Помилуй мя, Боже, по велицѣй... охте мнѣ!

Подъ покровомъ вечернихъ сумерекъ, стрѣльцы, сидѣвшіе за окопами, не замѣтили, какъ во все время разсказа Чортоуса, изъ-за камня, нависшаго надъ моремъ, и изъ-за древесныхъ корней и зеленаго моха смотрѣли два блестящихъ глаза, повременамъ вспыхивавшіе, какъ у собаки, зеленымъ фосфорическимъ блескомъ.

— Это нечистый духъ, либо водяной, — говорили иные стрѣльцы, глядя на воду и невольно вздрагивая.

— Нѣтъ, это е в о душа бродитъ, земля е в о не принимаетъ,—пояснилъ Чортоусъ.

— То-то! Не надо было поминать его не въ добрый часъ.

— А какъ было знать его! Кабы знатье—вѣстимо что...

Гдѣ-то въ ночной тишинѣ заплакала чайка... Что-то проснулось въ водѣ... Опять словно плачъ протяжный надъ моремъ и опять тихо...

— Это поди она плачетъ чайкою Оленушка, что утопла...

. . . . . .

— Матушка! Матушка!—окликаетъ Оленушка Неупокоева спящую мать.

— Ты что, дитятко?—спрашиваетъ сонный голосъ.

— Мнѣ страшно что-то.

— Чего страшно, глупая? Съ нами крестная сила.

— Вонъ кто-то за окномъ царапается.

— То голуби спросонья крыльями

— А это кто плачетъ?

— Чайка, али не слышишь?

— Да, слышу, чайка.

— Что-жъ ты не спишь?

— Я сонъ видѣла... я летѣла надъ моремъ... лечу это и стала падать въ море, ухъ!

— Это къ росту, глупая

— А меня изъ воды Спиря вытащилъ...

— Ну, чего-жъ еще! Перекстись истово, сотвори молитву Исусову и спи.

— Жарко... въ окно кто-то глядитъ...

— Что ты! То бузиновая вѣтка... Придвинься ко мнѣ ближе и баиньки, глупая...

— Охъ? Что это!..

Это грянула съ сторожевой башни вѣстовая пушка, и глухой гулъ ея, казалось, отскочивъ отъ монастырскихъ зданій, покатился по морю. Вздрогнули кельи, и сонный монастырь ожилъ: и ратные люди, и черная братія спѣшили къ монастырскимъ стѣнамъ, крестясь и спрашивая другъ друга, что случилось, хотя каждый догадывался, что случилось что-то недоброе.

Въ самомъ дѣлѣ, надъ монастыремъ висѣла страшная опасность. Стрѣльцы, сдѣлавъ въ одномъ мѣстѣ подкопъ, подъ защитою котораго они могли подобраться подъ самую стѣну, и протащивъ туда до десяти лѣстницъ, ночью приставили эти лѣстницы къ стѣнамъ, плотно, лѣстница къ лѣстницѣ, и, пользуясь сномъ часового въ этомъ мѣстѣ, полѣзли на стѣну. Такъ какъ лѣстницы приставлены были одна бокъ-о-бокъ къ другой, тѣсно, чтобы на одномъ этомъ пунктѣ сосредоточить силу нападенія и стойко выдержать сопротивленіе на стѣнѣ, въ случаѣ если монастырь во-время проснется, то казалось, что на стѣну взбира-

лась сплошная масса людей, сверкавшихъ въ темнотѣ бердышами. Монастырь былъ на краю гибели. Уже верхніе стрѣльцы, во главѣ которыхъ взбирался старый Чортоусъ, почти касались верхушки стѣны. Въ монастырѣ была мертвая тишина, все спало.

Не спалъ одинъ человѣкъ: это былъ Спиря юродивый. Изъ своей подземной засады, изъ «печорушки», онъ высмотрѣлъ, что враги подкопались подъ самую стѣну. Онъ видѣлъ, что готовится что-то. Когда онъ изъ своей засады, напугавъ стрѣльцовъ словами «я, Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, здѣсь», пробрался въ монастырь и оттуда на стѣну, онъ увидѣлъ, что лѣстницы были уже приставлены, и стрѣльцы взбирались по нимъ. Выждавъ, чтобы они подобрались выше, онъ разбудилъ часового, стоявшаго у вѣстовой пушки, и, велѣвъ ему приложить фитиль къ затравкѣ, остановился у самаго края стѣны.

Пушка грянула... Дрогнули лѣстницы, сверху до низу покрытыя стрѣльцами, и стрѣльцы дрогнули. Поднявъ головы, они, при свѣтѣ сѣверной весенней ночи, съ ужасомъ увидѣли наверху, надъ самыми ихъ головами, страшнаго человѣка съ черепомъ въ рукахъ...

— Я, Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, здѣсь, а вотъ женина голова!—раздался знакомый стрѣльцамъ голосъ, который еще недавно привелъ ихъ въ ужасъ.

Вслѣдъ за возгласомъ, сухой костякъ черепа съ трескомъ ударился о голову Чортоуса.

— Охъ, батюшки! Мертвецъ! Это онъ!—И Чортоусъ навзничь полетѣлъ съ лѣстницы.

Неожиданный пушечный выстрѣлъ, страшный возгласъ со стѣны, отчаянный крикъ и паденіе Чортоуса произвели общее смятеніе: на стрѣльцовъ напалъ ужасъ; они падали съ лѣстницъ, сбиваемые верхними товарищами и увлекая нижнихъ...

— Батюшки! Мертвецы на стѣнѣ! Нечистая сила!—слышались испуганные крики.

За ними слѣдовали стоны падающихъ и разбивающихся о камни, напарывающихся на острія копій и бердышей. Стрѣльцы, раненые и здоровые, падали одинъ на другого, давили раненыхъ, душили своею тяжестью здоровыхъ, упавшихъ раньше. Кучи народу, кричащаго и стонущаго, барахтались подъ стѣнами. А на стѣнахъ не умолкалъ страшный голосъ:

— Я здѣсь! Сарынь на кичку! Го-го-го-го! Здѣсь-здѣсь я!

Когда монастырскіе ратные люди и черная братія, всполошенные вѣстовою пушкою, выбѣжали на стѣну, тѣ изъ стрѣльцовъ, которые не были ранены при паденіи или не получили никакихъ тяжкихъ поврежденій, успѣли спрятаться за окопы, а тѣ, что были ранены или тяжко ушиблись, отчаянно метались подъ стѣною и стонали.

Старый Никаноръ, выбѣжавшій на сполохъ въ одномъ подрясникѣ и босикомъ, понявъ въ чемъ дѣло, широко перекрестился и поклонился до земли юродивому.

— Господь Богъ наградитъ тебя на небесахъ, и святая обитель будетъ молиться за тебя вѣчно!—сказалъ онъ, цѣлуя руку юродиваго.

Но этотъ вырвался и побѣжалъ къ лѣстницамъ.

— Охъ-охъ-охъ!—кричалъ онъ.—Головушка моя упала! Охте мнѣ-оо!

И онъ стремительно сталъ спускаться со стѣны по лѣстницѣ. Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли, что изъ этого будетъ. А что, какъ стрѣльцы опомнятся и схватятъ его? Но юродивый недолго оставался подъ стѣною: онъ поднялъ что-то съ земли и снова сталъ взбираться по лѣстницѣ... Въ рукахъ у него оказался знакомый всѣмъ черепъ...

Скоро ратные люди встащили на стѣну всѣ лѣстницы осаждающихъ. Ударилъ колоколъ, и братія сыпанула въ соборъ, словно пчелы въ улей, служить благодарственный молебенъ.

XII. Исповѣдь князя Мышецкаго.

Послѣ такого вторичнаго, неудачнаго приступа, осада монастыря снова затянулась на неопредѣленное время. Воевода Мещериновъ, опасаясь, что за этимъ проклятымъ соловецкимъ сидѣньемъ его русая головушка успѣетъ подернуться инеемъ сѣдины, а кемская попадейка состарѣться, билъ челомъ о подмогѣ ратными людьми, и къ нему прислали въ помощь около восьми сотъ свѣжихъ стрѣльцовъ, двинскихъ и холмогорскихъ. Поглядѣли и эти стрѣльцы на сѣрыя стѣны, по которымъ отъ времени до времени двигались темныя тѣни, посмотрѣли, покачали головами, и въ душѣ пришли къ тому же заключенію, что и прежніе: «за что, молъ, про что старцевъ божьихъ тре-

вожать? Вонъ, какъ голосно за стѣнами звонятъ святые колокола, молятся, знать, старцы, не дурно какое чинятъ, а Богу работаютъ... вонъ и голубки надъ монастыремъ полетываютъ и ластушки-касатушки вокругъ церквей порѣиваютъ, таково хорошо тамъ, а мы разорять ихъ пришли... али мы нехристи?»

И потянулась вялая, неохотная осада, потянулось безконечное время. Лѣто же, какъ на зло, выдалось жаркое, душное, марящее, какое только способенъ создать сырой, водянистый сѣверъ. Стрѣльцамъ почти постоянно приходилось проводить время въ окопахъ, въ сырыхъ и душныхъ землянкахъ, и только по ночамъ они могли выползать изъ своихъ берлогъ, чтобы подышать воздухомъ; а то покажись только днемъ, такъ со стѣнъ монастыря, того и гляди, угостятъ пулей, а соберись стрѣльцы кучкой, такъ и галанскими орѣхами черная братія попотчуетъ. И изъ-за чего, думалось стрѣльцамъ, вся эта истома? Чѣмъ провинились старцы? Что крестомъ-ту истовымъ крестятся, не щепотью, такъ вина эта не больно винная: эта вина не въ вину. Недаромъ отцы и дѣды двумя персты крестились: а они были не глупѣе сыновъ-отъ да внуковъ своихъ. Да и то сказать: такъ оно отъ старины повелось, такъ бы ему и стоять. Дакъ нѣтъ! Завелись умники: знаемъ-де, на чемъ свинья хвостъ носитъ. Эко диво! Али московскіе чудотворцы: Петры, Лексѣй, Іона и Филипъ щепотью крестились, что въ святые угодили у Христа въ переднемъ углу сидятъ? Да и кто нынѣ присталъ къ этимъ новинамъ? Али люди? Самые что ни-на-есть дряпные людишки, вотъ кто присталъ къ новинамъ къ этимъ. Кому все равно, какъ ни молись, тотъ на эти новины пошелъ, кто и въ церковь-ту мало хаживалъ, али кому выслужиться захотѣлось, на виду стать, вотъ кто эти новинники. Статочное ли дѣло свою вѣру мѣнять! Кто въ своей вѣрѣ не крѣпокъ, тотъ царю, какъ и Богу, плохой слуга: дурно у него на умѣ, корысть, а не вѣра. Стояла допрежъ сего Русь на двухъ перстахъ, а какъ она будетъ стоять на трехъ, про то бабушка надвое сказала. Вотъ хотя бы взять самихъ насъ, стрѣльцовъ. Ноли мы це хрестьяне были? Ноли мы за церковь да за великаго государя не стояли? Мы и теперь стоимъ, да только хромлемъ, вотъ что! Мы крестъ цѣловали служить великому государю вѣрой и правдой: мы крестъ цѣловали по старому, истово, на двухъ перстахъ, а не на трехъ. А теперь велятъ молиться трюми персты. Али это дѣло? Ну, и

молимся супротивъ шерсти, велѣно, такъ не ломать же крестнаго цѣлованья въ угоду сатанѣ. А сунься ко дома съ трюми персты, такъ бабы, стрѣльчихи, рогачами ребра пересчитаютъ, а то и хуже: на постель тебя баба къ себѣ не пуститъ. Баба не то, что нашъ братъ мужикъ: намъ случается и лба недосугъ перекрестить, а баба ни-ни! Баба божья работница, баба блюдетъ старую вѣру и соблюдаетъ ее. А, поди, заставь бабу креститься по новому, такъ она и скажетъ-зась! А то на! Старцы вонъ намъ поперекъ дороги стали, чудеса да и только.

Такъ разсуждали стрѣльцы своимъ простымъ умомъ, не догадываясь, конечно, что эта неразумная борьба противъ родныхъ братьевъ, оставшихся вѣрными старой обрядности, потянется на столѣтія, что она станетъ источникомъ великихъ преступленій и безчеловѣчныхъ жестокостей со стороны тѣхъ, которыхъ стрѣльцы называли «дряными людишками», что эти «дряные людишки» прольютъ потоки русской крови, и прольютъ безплодно, что, наконецъ, это «соловецкое сидѣнье» растянется на сотни лѣтъ, и что въ этомъ «сидѣньи» очутятся не одни соловецкіе старцы, а цѣлая половина Россіи: эта половина Россіи, такъ называемые «раскольники», «старообрядцы», которые, въ концѣ концовъ, все-таки останутся побѣдителями, потому что Россія, слава Богу, начинаетъ уже понимать, что борьба ея съ расколомъ обошлась ей дороже всѣхъ войнъ, начиная съ «отечественной войны» 12-го года и съ крымской и кончая послѣдней турецкою, что въ войнѣ съ расколомъ Россія потеряла не пять и не десять мильярдовъ, а тьмы темъ ихъ, а все-таки не взяла ни одной раскольничьей Плевны, говоря иносказательно, и не возьметъ: «соловецкое сидѣнье» будетъ продолжаться вѣчно, если Россія не сниметъ осаду съ раскола и не прекратитъ своей «отечественной войны» съ людьми старой обрядности, которая, какъ всякая обрядность, а тѣмъ паче религіозная, тѣмъ правѣе и чище, чѣмъ она консервативнѣе, такъ сказать, археологичнѣе...

Съ своей стороны, осажденные въ простотѣ своей души вѣрили еще болѣе, что дѣло ихъ правое, и что за гонимый «азъ» и за «матушку алилую» они готовы мученическій вѣнецъ принять. Поэтому, когда черные попы съ Геронтіемъ во главѣ заупрямились было, говоря, что царскому воеводѣ не слѣдуетъ противиться, что хотя ни «батюшкою азомъ», ни «матушкою сугу-

бою алилуею», ни тѣмъ паче двумя персты поступаться не надобеть, во еже и наглую смерть пріяти, однако же, «кесарева кесареви» воздати подобаетъ и противу царскаго рожна прати не приходится, такъ, когда черные попы и Геронтій высказали подобный взглядъ на дѣло, братія, продержавъ ихъ подъ карауломъ четверо сутокъ, на пятыя выбросила за ворота, аки древо посохшее, буреломъ негодный, и рѣшила безъ поповъ выдержать бурю до конца. «Мы-де старые дубы—говорилъ Никаноръ—постоимъ за себя, а исповѣдываться будемъ не попамъ, а самимъ себѣ да Господу Богу: вонъ Онъ, Батюшка, на все взираетъ окомъ своимъ, и на дубы великіе, и на кедры ливанскіе, и на крины сельные, что въ травушкѣ-муравушкѣ растутъ: и они, эти крины, самому Господу исповѣдуются, такъ нашей ли исповѣди не приметъ Батюшка Свѣтъ!»

. . . . . .

Вонъ въ одной кельѣ, на жесткомъ деревянномъ ложѣ, на которое брошена кошемка, мечется въ жару старый чернецъ. Густые, съ сильной сѣдиною волосы, растрепанные и мѣстами сбившіеся, словно неваляная и немытая шерсть, падаютъ на лицо и на раскрытую грудь, на которой видно большое серебряное распятіе. Разметанные члены, широкія костлявыя плечи и грудь изобличаютъ, что когда-то это была мощная фигура. Горбоносое съ высокимъ лбомъ лицо, глаза, теперь болѣзненно притухшіе, очертаніе губъ, подбородка, все невольно подтверждаетъ давно ходящую въ монастырѣ молву, что чернецъ Зосима, который теперь мечется на болѣзненномъ одрѣ, не простой чернышъ, не худородный, а роду княжескаго, только какихъ князей, никто не зналъ: онъ давно пришелъ въ монастырь, внесъ богатый кладъ въ монастырскую казну золотомъ, серебромъ и дорогими камнями и постригся подъ именемъ Зосимы, тезкою сталъ преподобному Зосимѣ-Савватію.

Нѣсколько дней тому назадъ старецъ Зосима и Спиря юродивый, ревнуя объ освобожденіи святой обители отъ новаго Мамая, такъ величали воеводу Мещеринова эта два старца, забрали себѣ въ голову смѣлую мысль: пойти по стопамъ приснопамятныхъ иноковъ Пересвѣта и Ослябя и такъ или иначе добыть новаго Мамая. Для этого они ночью вышли изъ монастыря и, никѣмъ не замѣченные, добрались до стрѣлецкаго стана. Стрѣльцы спали. Спали даже часовые. Зосима и Спиря под-

ползли къ палаткѣ воеводы и только было хотѣли войти подъ пологъ ея, какъ проснулась спавшая у самаго входа въ палатку воеводская собака, залаяла на ночныхъ посѣтителей и разбудила воеводу. Озадаченные неожиданностью, старцы, хотя тутъ же разрубили бердышемъ черепъ собаки, но, услыхавъ тревогу во всемъ лагерѣ, должны были поспѣшить назадъ въ монастырь... Изъ воеводской палатки раздался выстрѣлъ, и Зосима, вскрикнувъ и схватившись за бокъ, былъ подхваченъ сильными руками юродиваго.

Зосима находился между жизнью и смертью. «Безребрая», какъ выражался Исачко сотникъ, уже махала косою надъ головой раненаго, только Спиря «ей, шельмѣ, тертаго хрѣну подносилъ», и она бѣгала отъ божьяго человѣка, какъ чортъ отъ ладону.

Окна въ кельѣ открыты, чтобы легче было дышать больному. Откуда-то, должно быть, съ монастырской стѣны, доносится полупьяное начѣванье:

Ахъ, ты шапкя, ты шапкя моя.
Одново сукна съ онучею...

Это Исачко, отъ скуки подвыпившій, сидѣлъ на затинной пищали, глядѣлъ на море и мурлыкалъ свою любимую пѣсенку «про шапку»: ратнымъ людямъ дозволялось выпивать внѣ правилъ монастырскаго устава объ «утѣшеніи».

«Ти-ти-викъ! Ти-и-викъ!»—прописикнула ласточка.

Спиря, сидѣвшій около раненаго въ глубокой задумчивости, поднялъ свою косматую голову. Ласточка, влетѣвшая въ окно, сѣла на засохшіе прутья освященной «вербы», заткнутые за образа, и поглядывала своими изумленными глазками.

Раненый открылъ глаза и блуждалъ ими по потолку.

«Ти-и-викъ! Ти-и-ви!»

— Это ея душенька,—какъ бы про себя пробормоталъ раненый.

— Чья?—спросилъ Спиря тихо.

— Ейная... она за моей прилетѣла.

Спиря перекрестился. Снова тихо въ кельѣ. Косые лучи солнца сквозь открытое окошко падали на лежавшее на маленькомъ аналоѣ, рядомъ съ евангеліемъ, распятіе. Тамъ же лежалъ и знакомый намъ черепъ.

— Кровь... все кровь... лужи крови... и на травѣ кровь... на кустахъ... солнышко встало, и оно кровавое... А она разметалась... лежитъ... а головы нѣтъ... гдѣ голова? Кто ее унесъ?.. Онъ самъ унесъ... Господи помилуй!

Это раненый не то бредитъ, не то вспоминаетъ что-то. Вздрогнулъ юродивый, слушая эти непонятныя слова, глянулъ на черепъ: и на немъ играли косые лучи солнца.

Ласточка снялась съ вербовыхъ прутьевъ, покружилась по кольѣ и съ пискомъ выпорхнула за окно. Раненый открылъ глаза.

— Это къ моей смерти,—сказалъ онъ и поглядѣлъ на юродиваго осмысленными глазами.

— Въ животѣ и смерти Богъ воленъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Нѣтъ, мой конецъ пришелъ... «конецъ приближается»... Будетъ, пожито... гораздо пожито...

Раненый перекрестился и снова взглянулъ на юродиваго.

— Не хочешь ли испить?—спросилъ послѣдній.

— Хотѣлъ бы...

Юродивый поднялся, чтобы подать кружку съ питьемъ.

— Нѣтъ, не того,—отрицательно покачалъ головою больной.

— Чего же тебѣ?

— Крови бы пречистой...

Юродивый посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: не бредитъ ли-де? Нѣтъ, не бредитъ: глаза глядятъ разумно, жаръ прошелъ.

— Христовой бы кровушки передъ смертью,—пояснилъ больной.

— Причаститься захотѣлъ?

— Да, душа алчетъ и жаждетъ... Исповѣдай меня, брате святый.

Юродивый задумался. Онъ вспомнилъ слова архимандрита, когда изгоняли изъ монастыря Геронтія съ попами «будемъ другъ у дружки исповѣдываться, передъ лицемъ Господа, какъ крины сельніи исповѣдуются»...

— Добре, брате, кайся Господу,—сказалъ онъ и всталъ.

Затѣмъ, вставъ передъ аналоемъ на колѣни, онъ началъ читать предъисповѣдную молитву. Больной тихо повторялъ за нимъ. «Се ми одръ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ, суда

Твоего боюся», слышались молитвенныя слова, которыя иногда перебивалъ доносившійся со стѣны монотонный напѣвъ:

Ахъ, ты шапкя, ты шапкя моя...

— Великій грѣхъ у меня давно лежитъ на душѣ, тяжкій грѣхъ! Охъ, какой тяжкій!—началъ больной послѣ молитвы.— Сорокъ лѣтъ, словно жерновъ на шеѣ, волоку я этотъ грѣхъ и доволокъ до могилы. Ни днемъ, ни ночью, ни во пиру, ни въ бесѣдѣ, ни за четьемъ-пѣтьемъ церковнымъ, ни за келейною молитвою не отваливался отъ моего сердца этотъ горючъ алатырь камень... Вотъ такъ и стоитъ она передо мною, кровавая, и шепчетъ: «за что погубилъ меня? Куда ты дѣвалъ мою голову? Охъ, тяжко! Смертушка моя, какъ тяжко!

Онъ помолчалъ, какъ бы собираясь съ силами. Юродивый тоже молчалъ, хотя губы его шевелились. Ласточки задорно щебетали за окномъ, какъ будто силясь одна другую переговорить, словно бы у нихъ шла рѣчь о предметахъ такой важности, какъ сугубая алилуя.

— Былъ я княжово роду, воеводинъ сынъ-княжичъ и воеводичъ,—продолжалъ больной, тяжело вздохнувъ.

— Росъ я въ холѣ и волѣ, не вѣдалъ съ измальства ни судержу, ни суперечины, былъ батюшковымъ любимымъ сынкомъ, а у матушки мизинчикомъ. Такимъ и выросъ, такимъ и до окаянства дошелъ. Изъ воеводича и княжово сына я самъ сталъ воеводою и княземъ: лѣтъ сорокъ тому будетъ, какъ я воеводою назначенъ былъ. Посланъ я былъ въ тѣ поры на воеводство въ Муромъ...

— Въ Муромъ!—изумленно перебилъ его юродивый.

— Въ Муромъ... И спознался я въ тѣ поры съ нѣкоею женою благородною. Мужъ ея числился въ моемъ полку, да только все обрѣтался въ пѣтяхъ. И какъ спознался я съ тою женою, и нача мя искушати бѣсъ, нагналъ на меня слѣпоту и окаянство лѣпоты ради женки той: «убей, говоритъ, мужа и возьми себѣ жену». День и ночь въ бдѣніи и тощѣ снѣ не отходилъ отъ меня бѣсъ: «изведи да изведи мужа того».

— Мужъ тотъ былъ изъ роду Хилковыхъ?—спросилъ юродивый глухимъ голосомъ.

Больной испуганно приподнялся на своемъ ложѣ и такъ же испуганно глядѣлъ на юродиваго.

— Ты почемъ знаешь, что онъ былъ Хилковъ?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Знаю,—былъ короткій отвѣтъ.—Кайся далѣ...

Голова больного снова опустилась на изголовье, и онъ глубоко вздохнулъ.

— Вижу, что тебѣ Богъ все открылъ,—продолжалъ онъ болѣе покойнымъ голосомъ,—и мое покаяніе дойдетъ до Бога съ твоими молитвами, человѣче святый.

— Не говори этого,—строго перебилъ юродивый,—я—сосудъ сатанинъ, и грѣхамъ моимъ нѣсть числа.

— Инъ будь по твоему...—Больной снова тяжело вздохнулъ и продолжалъ:—Обошелъ меня бѣсъ, распалилась плоть моя окаянная, и я положилъ въ душѣ извести того человѣка.

— Спиридона Иванова, сына Хилкова, мужа Настенькина?—подсказалъ юродивый.

— Ты и ее знаешь?—вздрогнулъ больной.

— Зналъ... ну?

— Ну, и пришелъ я къ ней однова ночнымъ временемъ, и утаились мы съ нею въ саду, и сталъ я ее къ своему злому умыслу приводить, чтобъ Спиридона извести... И вдругъ, словно архангелъ мечемъ поразилъ меня... Дальше я ничего не помню: опамятовался уже я утромъ, когда солнышко взошло, и увидѣлъ около себя ее...

— Настасью Хилкову?

— Настасью; увидѣлъ ее на травѣ, мертвую, а голова у нея отъ туловища отрѣзана и гдѣ дѣвалась, не вѣдомо...

— Вотъ она!—неожиданно сказалъ юродивый и поднесъ къ больному черепъ.—Смотри, узнаешь?

Больной глядѣлъ испуганно, ничего не понимая. Онъ посмотрѣлъ въ глаза юродиваго: въ нихъ теплилось что-то кроткое и тоскливое.

— Это она, Настенька, моя жена, а твоя бывшая полюбовница... Поцѣлуй ее теперь, какъ въ тѣ поры цѣловалъ, князь Захаръ, княжъ Остафьевъ, сынъ Мышецкой...—Это говорилъ юродивый, поднося къ губамъ больного страшный костякъ...

На лицѣ больного изобразился ужасъ. Челюсти его дрожали. Дрожали и волосы, прилипшіе къ потнымъ вискамъ.

— Кто жъ ты самъ?—шопотомъ спросилъ онъ, отворачивая лицо отъ отвратительнаго костяка.

— Я—Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, боярской сынъ и воровской атаманъ, а нынѣ соловецкой трудникъ.

Больной застоналъ и лишился сознанія, а юродивый, ставъ на колѣни передъ аналоемъ, шепталъ: «Господи! Прости ему, не вмѣни ему во грѣхъ»...

А со стѣны доносилось безсвязное пѣніе:

Одново сукна съ онучею...

Ласточка опять влетѣла въ окно, сѣла на сухихъ прутикахъ вербы и весело прощебетала... Должно быть, къ покойнику...

XIII. Роковыя качели.

Къ западной сторонѣ монастырской ограды, за поварнею, на второмъ дворѣ, гдѣ находились сушилы, поставлены новенькія качели. Соорудилъ ихъ все тотъ же великій худогъ, городничій старецъ Протасій, для общей любимицы Оленушки. Скучать стала Оленушка въ монастырскихъ стѣнахъ, въ этомъ нескончаемомъ осадномъ сидѣньи, такъ заскучала, что даже съ лица спадать стала, алый румянецъ со щекъ, словно заря съ зимняго студенаго неба, сбѣгать началъ, и стала она то на молитвѣ въ церкви задумываться, то по цѣлымъ часамъ сидѣла на завалинкѣ у своей кельи, глядя невѣдомо куда; то замѣчали старцы, что у нея будто глаза заплаканные, и смѣхъ не такъ звонокъ. И стало жаль старцамъ своей «дѣвыньки мизиньчика», своего монастырскаго «серебрянаго колокольца», что звонилъ своимъ серебрянымъ голоскомъ среди угрюмой скитской тишины, и надумали старцы устроить для своей любимицы забавочку, качельцы въ оградѣ поставить. Хотя бы оно и зазорно монастырю такую затѣйку затѣвать качели ставить въ стѣнахъ святой обители да еще и въ осадномъ сидѣньи, только вѣдь не для братьи была эта затѣйка, для отроковицы невинной. «Онадеи, отроковица, предъ Богомъ свѣтла и чиста, аки свѣчечка воскояровая предъ образомъ,—говорилъ старецъ Протасій,—такъ пущай-деи качается душенька отрочате на качельцахъ, что кадильцо предъ Господомъ: не возбраняйте-деи симъ ничто же, сихъ бо есть царствіе Божіе»... Старецъ Протасій любилъ

поговорить отъ писанія, хотя и зналъ всего-то писанія отъ «малъ бѣхъ» да до «лядвія моя наполнишася поруганія», а на «словотитлахъ» всегда спотыкался...

Вотъ и соорудилъ старецъ Протасій для Оленушки качельцы, да такія ли знатныя да пестротою измечтанныя: по бѣлому столбу да полоса синя, да полоска красна, да опоясочка лазорева, а тамъ опять синяя, да лазоревая, а далѣ зеленца подпущено, да алые зубья, да киноварь, ажно глаза рогомъ лѣзутъ, какъ долго поглядишь на эту пестрину наглостную. А веревочки старецъ приладилъ аховыя, пенька новгородская первый сортъ; а чтобъ ручки Оленушка не потерла объ новгородскую пеньку, старецъ Протасій не пожалѣлъ своей старой бархатной скуфейки, изрѣзалъ скуфейку и обшилъ ею тѣ мѣста веревки, за которыя должны были держаться нѣжныя Оленушкины ладонки. И сидѣнье вытесалъ старецъ гладкое, дубовое, изъ той доски, что на гробъ себѣ смиренный Протасій припасъ, да излишекъ остался, испостился и высохъ такъ старецъ, что гробъ надо было передѣлать въ узенькій гробишко, а отъ крышки гробовой можно было отпилить лишки на Оленушкины качельцы. Зато и рада была Оленушка: такъ и повисла на сухой шеѣ добренькаго дѣдиньки Протасьюшки и такъ расцѣловала его блѣдную лысину, что инда краска на ней выступила... «То-то молодешенько-глупешенько», шепталъ старецъ, смахивая шальную слезу съ рѣсницы и вспоминая что-то очень далекое и очень милое, подернутое сѣрою пеленою времени. А на верху качелецъ старецъ Протасій крестецъ малый водрузилъ изъ древа кипарисоваго, да крестецъ истовый, осмиконечный: «оно дѣло-то прочнѣе живетъ, коли оно по-божески строено, коли его крестецъ святой осѣняетъ, такъ-ту, дѣвынька»...

И вотъ теперь «дѣвынька», окрашиваемая косыми лучами заходящаго солнца, качается на своихъ пестрыхъ качельцахъ, словно русалка на гибкихъ вѣтвяхъ плакучей ивы. Оленушка качается тихо, сидя на дубовомъ сидѣньѣ и слегка придерживаясь руками за веревки. Плавно скользитъ длинная тѣнь ея по зеленой муравѣ монастырскаго двора, перекидываясь съ травы на бѣлую стѣну поварни. Такъ же плавно вмѣстѣ съ Оленушкой двигается, раздуваясь въ воздухѣ, подолъ ея голубого сарафанчика, изъ-подъ котораго выглядываютъ бѣлые чулочки и малиновые юфтовые, казанскаго шитья, черевички. Вслѣдъ за

нею рѣетъ въ воздухѣ своими двумя концами алая ярославская лента, вплетенная въ русую косу. Оленушка качается какъ бы машинально, потому что лучистые глаза ея то безмолвно и задумчиво глядятъ невѣдомо куда, то такъ же задумчиво опускаются внизъ...

А внизу, на травѣ, опершись спиною о столбъ качельный, сидитъ молоденькій служка Иринеюшка, тотъ самый, что на святкахъ плясалъ въ поварнѣ за бабу, и плететъ корзинку изъ сухихъ морскихъ водорослей. Черная скуфейка его брошена на траву, а черные, какъ вороново крыло, густые и длинные волосы, спадая на спину и плечи, заставляютъ думать, что это сидитъ дѣвочка съ распущенной косой. Онъ по временамъ поднимаетъ свои черные, съ большими бѣлками, ласковые глаза на качающуюся дѣвушку и снова опускаетъ ихъ на работу.

— И тебѣ кручинно здѣсь въ монастырѣ?—спросила дѣвушка, повидимому, продолжая начатый разговоръ и не глядя на своего собесѣдника.

— Такъ кручинно, такъ ужъ кручинно, что хуть въ море, такъ въ пору,—отвѣчалъ послѣдній, не поднимая головы.—Ужъ бы скорѣй стрѣльцы насъ взяли!

— Охъ, что ты!—испуганно прервала его дѣвушка.

— Что! Все легче, нечѣмъ такъ-ту.

Оленушка ничего не отвѣчала; она только тяжело и продолжительно вздохнула. Надъ монастыремъ пролетѣла чайка и словно бы проплакала въ тихомъ воздухѣ.

— Вонъ ей лучше... она птица, а не человѣкъ,—какъ бы про себя проговорилъ Иринеюшка.

— И то правда,—согласилась дѣвушка и снова вздохнула.

Изъ-за ограды, должно быть, съ берега, ясно доносились слова заунывной пѣсни:

Что кукуетъ кукушечка и день, и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ...

— Стрѣльцы поютъ... у нихъ весело,—тихо проговорилъ Иринеюшка.

Оленушка не отвѣчала: она вслушивалась въ пѣніе, голосъ такой хорошій, кручинный...

Разорилъ соколъ ея гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ.

— Эхъ! Умереть бы, Господи!

— Что ты! Что ты, Иринеюшко!

— Э! Ноли такъ-ту маяться!

Дѣвушка перестала качаться. Глаза ея упали на черную, низко наклоненную голову молодого послушника.

— Для чего же ты пошелъ въ монастырь, коли теперь...— спросила было она и не договорила.

— Меня матушка отдала,—грустно отвѣчалъ юноша.

— За что?

— А такъ... за батюшку.. Богу посвятила...

Оленушка глядѣла на него съ удивленіемъ: она не понимала того, что говорилъ онъ.

— Богу? Какъ посвятила?

— По обѣту... обѣтъ такой дала, давно, я тогда былъ еще махенькимъ... Батюшку въ тѣ поры послалъ царь съ ратными людьми на воровского атамана, на Стеньку Разина...

— А кто твой батюшка?—спросила Оленушка, заинтересованная словами юноши.

— Борятинскій князь, Юрье Микитичъ...

— Такъ ты княжичъ?—спросила изумленная дѣвушка.

— Былъ княжичъ, а нонѣ служка... кошели плету.

Голосъ у юноши дрогнулъ... Задрожали и пальцы, которыми онъ сплеталъ гибкія нити морской травы.

— Ахъ, бѣдненькій!—невольно вырвалось сожалѣніе у Оленушки.—Какъ же это матушка твоя отдала тебя сюда? И не жаль ей было?

— Жаль; да что подѣлаешь? Богу обѣщала, коли-деи Богъ воротитъ батюшку изъ похода жива, такъ отдамъ-деи Богу сына... Ну и отдали. Стенька-то ужъ больно страшенъ былъ... Какъ батюшка ушелъ изъ Казани противъ Стеньки къ Симбирскому городу, такъ мы съ матушкой и всей Казанью и день, и ночь Богу молились.

— Что жъ, воротился батюшка?

— Воротился... Стеньку на Москву отвезли и тамъ сказнили, а меня вотъ сюда...

Слезы невольно брызнули изъ глазъ юноши и полились на его жалкое плетеніе. Онъ припалъ лицомъ къ ладонямъ и плакалъ. Оленушка не могла выносить этого и, соскользнувъ съ качелей, стала на колѣни около плачущаго юноши.

— Не плачь, Иринеюшко... не плачь, княжичъ,—всхлипывала она сама.

Иринеюшка заплакалъ еще сильнѣе.

— Княжичъ, голубчикъ, не плачь!

И дѣвушка гладила волнистую голову юноши. Тотъ не унимался, а, напротивъ, почувствовалъ ласку, услыхавъ участныя слова, уткнулся лицомъ въ колѣни и плакалъ навзрыдъ, какъ бы силясь вылить всю размягченную постороннимъ участіемъ душу. Слезы брызнули и у Оленушки.

— Господи! Да что жъ это такое!—всплакалась она, силясь приподнять голову юноши.

Тотъ продолжалъ качать головой, какъ бы отъ нестерпимой боли, и не переставалъ плакать. Оленушка припала къ нему лицомъ и обхватила его.

— Княжичъ мой! Родненькой! Не надо! Не надо, миленькой!—страстно молила она.

Онъ приподнялъ голову, не отнимая мокрыхъ пальцевъ отъ лица. Дѣвушка обвилась руками вокругъ его шеи, прижалась лицомъ къ его лицу и въ забытьи шептала, цѣлуя его руки и щеки: «милый! дорогой! братецъ мой!».

Она не замѣтила въ этомъ страстномъ порывѣ жалости, какъ его руки отнялись отъ лица и обвились вокругъ дѣвушки, а горячія губы безсознательно соединились... «Сестрица! Оля моя! ягодка!»—«Братецъ мой! Княжинька!»—и губы снова сливались, слова замирали...

— Ну, вотъ!—какъ бы опомнилась Оленушка, вся красная.—Вотъ теперь ты не плачешь! Ахъ, какъ я рада!.. Знаешь что?

Иринеюшка смотрѣлъ на нее молча и, казалось, ничего не понималъ.

— Знаешь что? — торопливо, радостно захлебываясь, говорила Оленушка.—Когда ты будешь совсѣмъ большой... который тебѣ годъ теперь?—спросила она, перебивая себя.

— Шестнадцатый,—машинально отвѣчалъ Иринеюшка.

— А мнѣ ужъ семнадцать, я старше... Такъ вотъ, какъ ты выростешь совсѣмъ большой, такъ тогда возьми и уйди изъ монастыря... Да, уйдешь?

Иринеюшка молча покачалъ головой.

— Отчего же? А?

— Нельзя... Монастырь, что гробъ.

— Ну, вотъ еще!.. А то княжичъ, княжной сынъ, и кошельки плететъ, ахъ!

И Оленушка звонко и весело расхохоталась. Иринеюшка молча любовался ею. Оленушка вдругъ подошла къ нему и стала играть его шелковыми волосами.

— Ишь, словно у дѣвочки коса... Ахъ, какъ смѣшно! — болтала она.—Дай я тебѣ заплету ее и свою ленту вплету въ косу, вотъ и будешь княжна, княженецка дочь, ахъ!

И она повернула его за плечи и стала плести ему косу. Иринеюшка невольно повиновался шалуньѣ, находясь подъ какимъ-то сладкимъ обаяніемъ, прежде имъ не испытаннымъ никогда.

Черная коса была въ мигъ заплетена.—«Вотъ такъ-ту... уу какая большая коса-косынька!.. А теперь ленту надоть»... И она выплела алую ярославскую ленту изъ своей косы и вплела ее въ косу Иринеюшкѣ.

— Ахъ, какъ хорошо!—Она повернула его къ себѣ лицомъ.—Ахъ, какая хорошенькая дѣвочка! Ахъ, княжецкая дочь!

Иринеюшка не шевелился, онъ стоялъ какъ очарованный.

— Ну, что жъ ты молчишь, царевна Несмѣяна!—приставала къ нему Оленушка.—Ну! Покачай меня.

И она, взявъ его за плечи, подвела къ качелямъ. — «На держи, а я сяду».—Усѣвшись на дубовое сидѣнье и ухватившись руками за веревки, она вдругъ зачастила тоненькимъ голоскомъ:

Охъ и токъ-точки,
Ужъ и дайте лучки—
На баранѣ клочки,
Перебить клочки
На полсточки,
На подметочки.

И вдругъ весело засмѣялась.—«Качай же! Ну! Княженецка дочь, ну, живо!»

Иринеюшка повиновался: онъ качнулъ ее разъ, два, въ третій сильнѣе, и отошелъ въ сторону... Оленушка взвилась, весело сверкая глазами...

— Ай да дѣдушка Протасьюшка! Ай да миленькой... Еще, еще, шибче поддай!

Въ это время изъ-за сушилъ показалась черная скуфейка

и острая сѣдая бородешка старца Протасія. При видѣ смѣющагося личика Оленушки, старые, запавшіе, но все еще плутоватые глазки старца блеснули добротою, и онъ, не желая испугать ребятъ и помѣшать ихъ забавѣ, снова юркнулъ за сушилы.

— Еще, еще, миленькой княжичъ!—настаивала Оленушка.

Иринеюшка снова поддалъ. Размахъ дѣлался все шире и шире. Оленушка взлетала до самой перекладины. Въ воздухѣ раздувался подолъ ея сарафана, да мелькали малиновые черевички да бѣлыя икорки въ чулочкахъ.

— Душечка! Еще выше! Я хочу, чтобы голова закружилась!—умоляла она.

Иринеюшка, весь пунцовый отъ натуги, со всего размаху толкалъ летающую мимо него доску, и Оленушка взвивалась все выше и выше.

— Охъ, хорошо! Охъ, какъ хорошо! Еще!

— Будетъ, страшно...

— Нѣтъ еще! Сердце замираетъ...

— Упадешь, убьешься.

— Охъ, я словно въ раю... голова кружится... охъ, охъ, падаю...—Она была блѣдна...

Иринеюшка схватился за доску, но она увлекла его, и онъ упалъ на землю. Сила размаха, однако, ослабѣла. Иринеюшка вскочилъ съ земли и снова ухватился за доску. На этотъ разъ онъ остановилъ ее и только хотѣлъ помочь Оленушкѣ встать, какъ она безъ чувствъ упала ему на грудь. Онъ обхватилъ ее и вмѣстѣ съ нею опустился на-земь... Голова ея упала къ нему на плечо...

— Оленушка! Что съ тобой! Милая!

Она не отвѣчала. Юноша поднялъ ея голову и, увидавъ закрытые глаза дѣвушки, безсознательно припалъ губами къ ея холоднымъ губамъ...

— Душечка! Оленушка! Охъ, Господи! Она умерла!—съ ужасомъ вскричалъ онъ, опуская на траву тѣло дѣвушки.

— Кто умеръ! Ахъ!—раздался сзади чей-то испуганный голосъ.

Иринеюшка вздрогнулъ, передъ нимъ стоялъ Спиря юродивый, блѣдный, испуганный.

— Что это! Это ты ее!—вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ.—Что ты съ нею сдѣлалъ?

— Это не я... нѣтъ, убей меня Богъ, не я... она сама... она высоко качалась...

— Упала? Убилась?

— Нѣтъ... сомлѣла...

Юноша приблизилъ свое лицо къ самому лицу дѣвушки, ломая руки.

— Оленушка! Оленушка!

— Ты убилъ ее, окаянный,—хрипло проговорилъ юродивый, становясь на колѣни.—Ты убилъ ее!

— Нѣту, нѣтъ... я сама...

Это Оленушка: она открыла глаза и, встрѣтивъ взглядъ наклонившагося къ ней Иринеюшки, обвилась руками вокругъ его шеи...

— Это не ты, не ты, я сама... Мнѣ ничево, милый мой! Княжичъ!

Приподнявшись немного, она увидѣла юродиваго.

— Дѣдушка! Миленькій! Не сердись, я не убилась... онъ, онъ ничевошечки, не виноватъ...

Юродивый быстро перекрестилъ ее, но, увидавъ ленту въ косѣ у Иринеюшки, невольно улыбнулся и покачалъ головой.

— Ахъ вы дурачки мои, дурачки, и сердиться-ту на васъ нельзя... какъ есть дѣти,—пробормоталъ онъ и махнулъ рукой.

Между тѣмъ изъ окна поварни за всѣмъ этимъ давно наблюдали два черныхъ, блестящихъ глаза. Лицо наблюдавшаго подергивалось злорадною улыбкой, а красныя мясистыя губы шептали:—«А! Умѣешь цѣловаться... да еще какъ, въ засосъ! Ишь смирена, недотрога! А тутъ, чу, «миленькой, душечка, братецъ», то-то!.. Ужъ живъ не буду, а достану тебя, кралю: будешь моя...»

XIV. «А все изъ-за пучеглазой».

Инокъ Ѳеоктистъ, или попросту чернецъ Ѳеклиска, давно былъ одержимъ бѣсомъ Фармагеемъ, какъ выражался архимандритъ Никаноръ. Бѣсъ этотъ не давалъ ему покоя, постоянно развертывая передъ его мысленными очами соблазнительныя картины то въ образѣ толстотѣлыхъ бабъ-кемлянокъ, то въ образѣ самой Вавилкиной попадейки, тоже бабы сдобной какъ пампушникъ, то, наконецъ, въ видѣ бѣленькой и пухленькой Оленушки, что цыпочкой семенила ножками въ малиновыхъ че-

ревичкахъ по самой, кажись, по душѣ Ѳеклискиной. И прежде Оленушкинъ образъ не давалъ ни спать, ни молиться Ѳеклискѣ: такъ и стояла она у него поперекъ сердца чернецкаго. Но еще, когда можно было вырваться изъ скучной обители въ Кемской, Ѳеклискино горе было съ-пола-горе: заберется, бывало, удалой горюнъ черноризецъ въ посадъ на государево кружало, махонетъ свою распостылую скуфеюшку подъ лавочку, тряхонетъ своими «чесными власами», миганетъ своими буркалами безстыжими бабѣ прелестницѣ, подопрется фертомъ въ боки и, чувствуя въ себѣ «крилѣ яко голубинѣ» и «юность яко орлю», садонетъ по кружалу съ приговоромъ, «по складамъ»:

Буки-азъ-ба,
Вѣди-азъ-ва,
Глаголь-азъ-га,
Добро-азъ-да!—

такъ кемляне только ахаютъ, а бѣсъ- Фармагей, во образѣ цѣловальника, облизывается отъ удовольствія. Когда же настало сплошное сидѣнье, когда осада обложила монастырь на лѣто и на зиму, и когда не только въ Кемской, гдѣ бабьимъ духомъ пахнетъ, но и за ворота нельзя было показать носа, чтобъ не наткнуться на проклятыхъ «агарянъ»-стрѣльцовъ, Ѳеклиска почувствовалъ себя окончательно въ «сѣни смертей» и въ «юдоли плача» и сталъ «яко левъ рыкаяй, искій кого поглотити»: конечно, бабу.

И вотъ тутъ-то бѣсъ Фармагей указалъ ему на Оленушку. Ѳеклисъ и самъ давно на нее зарился. Еще какъ только появилась она въ монастырѣ, вмѣстѣ съ матерью и въ сопровожденіи аглицкой нѣмки Амалѣи Личардовны Прострѣловой и галанскаго нѣмца Каролуса Каролусовича, Ѳеклисъ уже началъ подходцы дѣлать къ свѣтлоглазой отроковицѣ, но отроковица, повидимому, не понимала его, не видѣла, какъ онъ «мрежи запускалъ», а старая Неупокоиха очень хорошо видѣла, куда гнетъ черноризецъ, и держала ухо востро. Притомъ же самому Ѳеклису казалось, что Оленушка слишкомъ еще глупа и не знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Но когда онъ изъ поварни увидалъ, какъ она съ Иринеюшкой сама раковъ ловила подъ качелями, то рѣшилъ, во что бы то ни стало, добиться своего. Но какъ добиться? Онъ объ этомъ долго думалъ, раскидывалъ и такъ, и

сякъ, пока не дошелъ до новаго рѣшенія, и самаго, казалось, вѣрнаго.

Рѣшеніе это стоило гибели монастырю...

Какъ нѣкогда Троя погибла ради прекрасной Елены, такъ и «Соловецкому сидѣнью» приготовила трагическій конецъ, сама того не вѣдая, Олешушка... Женская красота—великая сила: она міромъ правитъ...

. . . . . .

Все лѣто 1675 года стрѣльцы не уходили изъ-подъ стѣнъ монастыря, но и монастыря не брали: видно было по всему, что у нихъ «рука не подымалась въ своихъ», что стрѣлять въ людей, и особенно въ мирныхъ и богомольныхъ старичковъ за то только, что они крестятся истово, по старинѣ, по-московски, какъ крестились и сами стрѣльцы и ихъ жены, стрѣлять въ такихъ людей казалось совсѣмъ богопротивнымъ дѣломъ, и всякій разъ, когда воевода велъ ихъ на приступъ, стрѣльцы морщились или лѣниво почесывали затылки. Мещериновъ видѣлъ это, видѣлъ безполезность лѣтнихъ осадъ и пошелъ на хитрость... «Ну—думалъ онъ—я вамъ, бабинымъ сынамъ, покажу Кузькину мать: я васъ доѣду не мытьемъ, такъ катаньемъ. Теперь вамъ тепло, вольготно на солнышкѣ порты да онучи сушить да съ кемлянками возжаться, а какъ придетъ зима, не въ ту дуду задудите: теперичушки ужъ не поведу васъ въ Сумской зимовать, на печи животы парить, зимуй здѣсятка... Захотите, ѣшь мухи, погрѣться въ монастырѣ, тады и на воропъ нойдете»...

И дѣйствительно, пришла осень, наступили холода, пошли заморозки, сиверко такъ по ночамъ, что кочи стали примерзать къ берегамъ, а воевода не ведетъ стрѣльцовъ въ Сумской: сычъ сычомъ сидитъ въ своей палаткѣ изъ кошомъ да еще и печку себѣ чугунную измыслилъ.

— Ишь чортова ладоница!—ворчалъ Кирша полуголова.— Ему тепло, дуй его горой съ полугорьемъ, а каково намъ! Онучи къ подошвамъ примерзаютъ.

— Ну, инъ въ монастырь грѣться,—намекалъ Чортоусъ.

— И впрямь, братцы: съ голоду да съ холоду и Ивана Великаго запалить такъ въ-пору,—подтверждали стрѣльцы.

На эту безысходность положенія и разсчитывалъ хитрый воевода. Онъ зналъ, что зимой, въ суровые холода, когда птицы

на лету замерзаютъ, а дыханіе превращается въ иней, стрѣльцы волей-неволей захотятъ погрѣться въ монастырѣ.

Передъ никольскими морозами воевода объявилъ стрѣльцамъ, что онъ въ послѣдній разъ хочетъ вести ихъ на воронъ.

— Такъ ли, сякъ ли, ребятушки, а погрѣться надоть,—пояснилъ онъ коварно,—а въ монастырѣ, у старыхъ чертей, уу кака теплынь позапечью!

Стрѣльцы принялись дѣлать подкопы въ мерзлой землѣ. Приходилось работать больше топорами да пешнями. До седьмого поту работали стрѣльцы да лаяли воеводу.

— Эхъ, воръ-собаа! Чтобъ ему эдакъ-ту могилу себѣ копать.

— Ни дна-бъ ему, ни покрышки!

— Безъ попа-бъ ему, безъ ладону, безъ свѣчей, безъ савану!

Особенно шибко захотѣлось стрѣльцамъ попасть въ монастырь, когда подступили рождественскія святки. Шутка ли, святки на морскомъ берегу, на снѣгу, да подъ мятелями! Да это собачьи святки, хуже! И собакѣ хозяинъ въ праздникъ кость выбрасываетъ, и помои для нея въ праздникъ праздничныя. А тутъ, на! Мерзни на снѣгу весь день, глядучи на постылое море, а ночью считай сполохи. Да эдакъ съ тоски да съ кручины повѣситься можно.

За день до праздниковъ стрѣльцы не вытерпѣли и приступили къ воеводѣ:

— Веди насъ, отецъ родной, на воронъ, а то помремъ наглою смертью!—взывалъ Кирша.

— Веди хоть на чорта, все едино помирать! — раздавались другіе голоса.

— И впрямь подыхать пришло, братцы!

— На воронъ! Къ бѣсу ихъ, долгогривыхъ! Чего глядѣть!

И стрѣльцы пошли на приступъ. Это было 23 декабря. Утро выдалось ясное, но особенно морозное. Обледенѣлыя стѣны, башни и зубцы на нихъ сверкали самоцвѣтными камнями. Изъ-за стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ вился неровными клубами дымокъ къ голубому небу. Голуби, вспугнутые передъ этимъ съ колоколенъ благовѣстомъ къ утреннему стоянію, дѣлали въ воздухѣ послѣдніе круги и снова опускались на карнизы церквей и колоколенъ. Едва лишь солнце, выткнувшееся однимъ багровымъ

окрайкомъ изъ-за горизонта, позолотило кресты на монастырскихъ церквахъ, какъ стрѣльцы уже почти вскарабкались на стѣны по лѣстницамъ, приставленнымъ ночью, подъ покровомъ мрака, когда въ монастырѣ этого, казалось, ни одна душа не подозрѣвала. Вотъ-вотъ стрѣльцы взберутся на стѣны... Еще нѣсколько усилій, и они тамъ...

— Но-но-но, лошадка!—раздался вдругъ голосъ надъ головами стрѣльцовъ.

Всѣ вздрогнули испуганно и подняли головы. На стѣнѣ, у самаго края, юродивый, босикомъ и безъ шапки, скакалъ верхомъ на палочкѣ, подстегивая себя кнутикомъ.

— Но-но-но, воеводская лошадка! — опять крикнулъ юродивый и остановился.

Невольно остановились и верхніе изъ стрѣльцовъ. Ими овладѣлъ суевѣрный страхъ.

— Что, братцы, озябли? Штецъ горяченькихъ захотѣли?— снова окрикнулъ ихъ юродивый.

— На ворошъ, ребятушки, на стѣну!—неистово раздался снизу голосъ воеводы.—Что стали, черти! Вотъ я тебя куролесова!

И воевода выстрѣлилъ изъ ружья въ юродиваго. Ружье повысило, и пуля угодила въ бѣлаго голубя, тихо опускавшагося на карнизъ соборной колокольни. Голубь опрокинулся въ воздухѣ и комомъ слетѣлъ на церковную крышу, гдѣ и застрялъ въ снѣгу.

— Ахъ, окаянный! Турмана ушибъ!—послышался со стѣны отчаянный голосъ.

То былъ голосъ Исачка сотника. Убитый воеводою голубь былъ его любимецъ—турманъ въ штанцахъ.

— Впередъ, стрѣльцы-голубчики! Громи стѣны, дьяволы!— неистово вопилъ воевода у стѣны, поднимая руки къ небу.

— Разъ-два-три!—раздался окрикъ Исачка. — Катай ребята, кипяткомъ!

— Во имя Отца и Сына, кости еретиковъ водою и духомъ!— кричалъ юродивый.

На стѣнахъ словно выросли черныя фигуры старцевъ и ратныхъ людей. Въ рукахъ ихъ дымились паромъ ушаты и ведра съ кипяткомъ.

— Лей разомъ! Въ очи лей!

— Плюнь на нихъ, Господи, слюною Твоею, ею же горы огнемъ дышутъ!—крикнулъ Никаноръ, показываясь на стѣнѣ съ крестомъ въ рукахъ. — Плюнь, Господи, слюною Твоею огненною!

И Господь плюнулъ... Со стѣнъ полились, клубясь и дымя, рѣки кипятку...

— Ай! Ай! О! Господи! Огонь! Смерть—раздались отчаянные вопли стрѣльцовъ.

Поливаемые кипяткомъ, они стремглавъ падали съ лѣстницъ, увлекая другъ дружку. Крики были ужасные. Воевода метался, какъ безумный, безъ шапки, и рвалъ на себѣ волосы.

Стрѣльцы бѣжали поголовно, покинувъ осадныя лѣстницы и бросая оружіе. Иные бросались въ снѣгъ лицомъ, стараясь утолить боль ошпаренныхъ кипяткомъ носовъ, щекъ, лбовъ, рукъ, другіе хватали комья снѣгу и терли имъ обожженныя лица.

А Исачко, стоя на стѣнѣ, хватался за животъ и хохоталъ, какъ безумный.

— Охъ, умру! Охъ, батюшки, лопну!

Смѣхъ Исачки заразилъ всю черную братію. Смѣялись до слезъ. Даже старый Никаноръ не то смѣялся, не то плакалъ истерически.

— Улю-лю-лю! Улю-лю-лю! Улепетывай, заячье московское!—раздавались голоса со стѣны.

— Похлебали штецъ монастырскихъ, будутъ помнить.

— Ай да Спиря! А все онъ придумалъ, божій человѣкъ.

— Шапокъ-ту что пометали, братцы, страхъ!

Дѣйствительно, внизу, на снѣгу чернѣлось нѣсколько стрѣлецкихъ шапокъ, оброненныхъ при паденіи и въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Торжество братіи было полное. Это уже чуть ли не третью или четвертую грозу Богъ пронесъ мимо монастыря, щадя своихъ богомольцевъ. Пострадалъ за всѣхъ одинъ невинный голубокъ, утѣха братіи. Но въ общей радости о немъ забыли, и даже Исачко вспомнилъ о своемъ любимцѣ, когда бѣдный турманокъ совсѣмъ закоченѣлъ, лежа на крышѣ кверху окровавленнымъ брюшкомъ и вытянувъ свои красныя ножки, а около него сидѣла ворона и чего-то зловѣще выжидала...

Одинъ Ѳеклисъ чернецъ не принималъ участія въ общей радости. Онъ стоялъ на стѣнѣ, хмурый и блѣдный, прислоняясь

къ башнѣ, и прислушивался къ голосамъ, тихо разговаривавшимъ у самой стѣны, подъ башнею.

— Что жъ, и отбили?—спрашивалъ женскій голосокъ, рѣзавшій, казалось, чернеца Ѳеклиса по сердцу.

— Отбили... кипяткомъ отлили,—отвѣчалъ юношескій, тоже знакомый Ѳеклису голосъ.

— Ахъ, слава Богу!

— Ну, ужъ... лучше-бъ осилили.

— Кто они?

— Стрѣльцы, знамо.

— Охъ! Чтой-то ты, Иринеюшка! Страхъ какой! Упаси Богъ!

— Насъ бы не обидѣли... Зато ворота настежь, вылетай изъ темной темницы...

— Охъ! Чтой-то ты!

— Дѣло говорю... Мы-бъ съ тобой, знаешь что?

— А что? Говори—не томи!

— Вольныя пташки... Ты въ Архангельской, а я...

Голосъ смолкъ. Ѳеклисъ напряженно прислушивался.

— А ты? — послышался робкій вопросъ съ дрожью въ голосѣ.

— Я на Донъ... Тамъ вольная жизнь... Казаки сказывали, тамъ всѣмъ бѣгунамъ рады.

— Ахъ, Господи! Какъ же такъ? Для чего на Донъ?

Въ голосѣ вопрошающей слышались слезы.

— Куда же мнѣ? Мнѣ къ родной сторонѣ путь заказанъ: я, чу, отпѣтъ заживо.

— Ахъ Боже мой! Что жъ это такое!

— Такъ, Оленушка... Ужъ такъ, чу, мнѣ на роду написано, мертвой печатью припечатано...

— Господи! Да ты еще такой молоденькой... ты... Вонъ я...

— Что жъ, не пропаду... А пропаду, все же легче, нечѣмъ тутотка изнывать...

— А я-то!.. Княжичъ!..

Больше не было слышно. Казалось только, что кто-то всхлипывалъ...

Ѳеклисъ мрачно сверкнулъ глазами...

— Нонѣ же ночью прокрадусь къ воеводѣ, и будь что будетъ!—прошепталъ онъ и исчезъ въ башнѣ.

— И какъ онъ, Спиря-то, узналъ, что стрѣльцы понѣ утромъ на воронъ пойдутъ?—слышались голоса черной братьи, сходившей со стѣнъ.

— Какъ? Знамо: онъ святой человѣкъ, въ соніяхъ видитъ.

— Въ соніяхъ, это точно... А не узнай онъ впередъ въ соніяхъ-ту, что они, еретики, задумали, ну, и капутъ бы намъ.

— О-о-охо-хо! И святокъ бы не дождались.

— А онъ, какъ и ни въ чемъ не бывало: вона опять съ своими голубями короводится.

Спиря все слышалъ, разговаривая съ голубями... «Не въ соніяхъ я видѣлъ—думалъ онъ про себя—а изъ своей печерочки все выглядѣлъ да подслушалъ... О печерочкѣ-то никто не вѣдаетъ, Оленушка одна знаетъ, да и то не в с е».

Спиря жестоко ошибался: тайну юродиваго знала не одна Оленушка; зналъ еще кто-то, и зналъ в с е...

— Въ соніяхъ, то-то въ соніяхъ! — шепталъ и Ѳеклисъ, сходя со стѣны.—И сонія его не помогутъ, какъ я свою-ту струну трону... Ухъ, загудитъ струна! А все изъ-за этой пучеглазой... Эхъ! Была не была!

XV. Перебѣжчикъ.

На монастырь спустилась ночь темная, непроглядная. Небо заволокло съ запада мрачною пеленою, и безконечная пелена эта, словно бы разодравшись отъ края до края, стала сыпать на островъ тучи снѣгу. Онъ падалъ на землю тихо, ровно, не кружась мятелью и не завывая вѣтромъ. Тишь стояла мертвая. Весь островъ казался похороненнымъ подъ снѣгомъ.

А между тѣмъ за однимъ изъ уступовъ монастырской стѣны, вдоль береговой покатости, гдѣ весной Оленушка сплетала вѣнокъ изъ сѣро-зеленаго мха, медленно двигалось что-то темное. Эта темная человѣческая фигура какъ бы изъ земли, изъ-подъ снѣгу, выросла. За падающимъ снѣгомъ ни лица, ни другихъ очертаній этой тѣни нельзя было разобрать, но видно было, что она подвигалась къ тому мѣсту, гдѣ у небольшой губы, врѣзавшейся въ островъ, расположенъ былъ стрѣлецкій станъ.

Невдалекѣ отъ стана двигавшаяся по снѣгу и подъ падающимъ снѣгомъ тѣнь пріостановилась и, видимо, къ чему-то прислушивалась...

— Ну, а далѣ-то што?

— Далѣ, знамо што... Ерема въ церковь, а Ѳома на паперть, Ерема крестится, а Ѳома кланяется. Ерема въ книгу глядитъ, а Ѳома ничего не видитъ...

— Ха-ха-ха! Ну? Вотъ дураки! Ну?

— И пришелъ лихой пономарь и учалъ денетъ просить на молебенъ: Ерема въ мошну, а Ѳома въ карманъ, у Еремы ни пула, а у Ѳомы ничево...

— Ха-ха-ха! Ну?

— Ну, осерчалъ лихой пономарь: Ерему въ шею, а Ѳому въ толчки; Ерема въ двери, а Ѳома въ окно, Ерема въ лѣсъ, а Ѳома въ сосникъ...

— Да это словно бы насъ нонѣ изъ монастыря въ толчки...

Тѣнь снова стала подвигаться на эти голоса. Послышался шорохъ шаговъ по снѣгу.

— Стой! Кто идетъ?—послышался окрикъ, и часовые вскочили съ своихъ мѣстъ.—Кто ты?

— Ваше спасенье, добрые люди,—отвѣчала тѣнь.

— Кто ты таковъ? Каковъ человѣкъ?

— Человѣкъ добрый.

— Зачѣмъ пришелъ?

— Это я скажу воеводѣ, ведите меня къ нему.

— Ишь ты! Да ты чернецъ?

— Чернецъ и есть.

— Можетъ, съ подвохомъ съ какимъ, съ умысломъ?

— Коли бы съ подвохомъ, не пошелъ бы прямо на васъ.

— А песъ тебя вѣдаетъ.

— Что пса въ судьи брать! Ведите къ воеводѣ, чего боитесь? Васъ двоетка, а я одинъ; у васъ ружья да сабелье, а на мнѣ одинъ хрестъ.

— И то правда.

Стрѣльцы повели таинственнаго пришельца дальше, одинъ спереди, другой сзади.

— Да ты не тотъ, что утресь на палочкѣ ѣздилъ по заборолу?—спросилъ одинъ стрѣлецъ.

— Нѣту, не тотъ.

Подошли къ какой-то землянкѣ, занесенной снѣгомъ. Сбоку, подъ навѣсомъ, чернѣлось что-то въ родѣ норы. Одинъ изъ

стрѣльцовъ нагнулся къ норѣ и постучалъ ружьемъ о деревянную подпорку.

— Кто тамъ?—послышался голосъ изъ норы.

— Мы, стрѣльцы съ часовъ.

— За какимъ дѣломъ?

— Языка привели.

— Какого языка?

— Чернеца... Сказываетъ, чтобъ къ воеводѣ вели.

Изъ норы выглянула косматая голова. Это былъ Кирша, полуголова стрѣлецкій.

— Какъ пымали?—спросилъ Кирша.

— Не ловили, самъ пришелъ,—отвѣчали стрѣльцы.

— За какимъ дѣломъ?—обратился Кирша къ чернецу.

— За государевымъ, — былъ отвѣтъ. — Веди меня къ воеводѣ, за мной есть государево слово и дѣло.

Кирша помялся было, взглянулъ на небо и почесалъ въ затылкѣ. Снѣгъ продолжалъ сыпаться, какъ изъ рукава.

— Ужъ и времячко-жъ выбралъ съ государевымъ словомъ и дѣломъ!—досадливо произнесъ Кирша.

— Самое какъ быть время,—отвѣчалъ пришлецъ,—добрый хозяинъ и пса въ таку пору со двора не пуститъ; а я, какъ видишь, пришелъ, потому: мое дѣло—большое дѣло.

— И то правда, коли не врешь... Да тамъ разберемъ... Постой тутъ, я мигомъ...

И Кирша юркнулъ въ свою нору.

— Ну, и наварилъ же ты варева,—замѣтилъ стрѣлецъ пришельцу.

— Не вамъ расхлебывать только,—отвѣчалъ послѣдній.

Скоро Кирша выползъ изъ норы въ кафтанѣ, въ шапкѣ и при саблѣ.

— Ступайте за мной, — обратился онъ къ чернецу и къ одному изъ стрѣльцовъ.—А ты подь на свое мѣсто.

Всѣ двинулись къ берегу. Впереди шелъ Кирша, а за нимъ чернецъ, за чернецомъ стрѣлецъ. Путь лежалъ мимо землянокъ, занесенныхъ снѣгомъ и казавшихся могилами.

— Экъ ево прорвало!—ворчалъ Кирша, отряхиваясь отъ снѣгу... — Вотъ сторонка, ишу!

Скоро показалось что-то въ родѣ шалаша, покрытаго снѣ-

гомъ. На верхушкѣ, на древкѣ, болталось что-то темное. Кирша подошелъ къ самому шалашу. Изъ шалаша зарычала собака.

— Цыцъ, Каргаска, свои!—подалъ голосъ Кирша.

— Кто тамъ?—окликнули изъ шалаша.

— Я, Кирша.

— За коимъ дѣломъ?

— Къ его милости воеводѣ.

— Что въ таку пору?

— Не мое дѣло, осударево, не терпитъ.

Въ шалашѣ послышались голоса. У самаго низа палатки раздвинулась немного кошма, и оттуда вышелъ большой песъ, виляя привѣтливо хвостомъ. Увидавъ чернеца, песъ недовѣрчиво зарычалъ.

— Не тронь ево, Каргасъ.

Вскорѣ опять раздвинулась кошма, и въ палаткѣ показался свѣтъ.

— Иди къ воеводѣ,—позвали Киршу.

Тотъ вошелъ въ палатку. Свѣтъ отъ свѣтца, стоявшаго на небольшомъ стольцѣ объ одной ногѣ, заставилъ его зажмуриться. Кирша перекрестился, предварительно снявъ шапку, откашлялся, встряхнулъ волосами, поклонился, снова тряхнулъ кудрями и уставился на воеводу, который полулежалъ на медвѣжьемъ одѣялѣ, а около него стоялъ серебряный жбанъ, должно быть, съ «тепленькимъ».

— Что тамъ?—торопливо спросилъ воевода.—Али долгогривые что?

— Нѣту, воевода: какая-то проява къ намъ пришла: ни чернецъ, ни песъ его знаетъ что... Сказываетъ: съ осударевымъ словомъ и дѣломъ.

Воевода вскочилъ и накинулъ на себя кафтанъ съ шитьемъ.

— А каковъ онъ изъ себя?

— Такъ, кажись, ничевошній, не видать.

— А введи.

Воевода принялъ осанку: растопырилъ ноги и сдѣлалъ важное, то есть совсѣмъ глупое, лицо.

— А ты стой тамъ, — обратился онъ къ высокому сухому стрѣльцу съ серьгой въ ухѣ, постоянно ночевавшему въ воеводской палаткѣ, въ качествѣ постельнаго, истопника и тѣлохранителя.

Увидавъ глупое лицо у своего воеводы, Каргасъ очень обрадовался: значитъ, будетъ кричать на кого-нибудь, распекать, Каргаска очень хорошо изучилъ своего повелителя, а Каргаска будетъ лаять... то-то весело!

— Цыцъ, ѣшь те волки! — прикрикнулъ воевода.

Кошма раздвинулась, и въ палатку вступилъ чернецъ Ѳеклисъ... Онъ разомъ окинулъ своими бѣгающими глазами всю палатку: въ головахъ воеводской медвѣжьей постели стоялъ зеленый стягъ съ Егорьемъ на копѣ; тутъ же вблизи висѣли сабли и пистолеты: въ одномъ углу стоялъ большой кованый сундукъ.

Ѳеклисъ перекрестился на стягъ и сдѣлалъ поясной поклонъ воеводѣ.

— Ты кто таковъ и какого ради орудія пришелъ къ намъ?— важно, нѣсколько съ гнусомъ, спросилъ воевода.

Каргаска приготовился лаять, не спуская глазъ съ глупаго лица воеводы и косясь на пришельца.

— Соловецкаго монастыря чернецъ Ѳеклисъ, пришелъ ради государева слова и дѣла, — былъ отвѣтъ.

— Какое твое слово до великаго государя?

— Челобитьишко, государь.

— А въ чемъ твое челобитье?

Лицо воеводы все дѣлалось глупѣе, то есть важнѣе.

— Вины свои принесъ я великому государю, — отвѣчалъ Осклисъ, низко кланяясь.

— А въ чемъ твои вины?

— Дуростію моею и маломысліемъ присталъ я, нищій вашъ государевъ богомолецъ, къ соловецкимъ ворамъ и крамольникамъ.

— И того-бъ тебѣ дѣлать не довелось, и то тебѣ вина,— важно и строго замѣтилъ воевода.

— И азъ, нищій вашъ, чернецъ Ѳеклиска, окоростовѣлъ съ тѣми соловецкими ворами: двуперстное сложеніе держалъ и сугубую алилуею блевалъ.

— И того-бъ тебѣ дѣлать не довелось, и то тебѣ вина,— повторялъ воевода.

— И тѣмъ язъ, нищей государевъ иночешко, великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству, учинилъ грубство.

— И того-бъ тебѣ дѣлать не довелось, и то тебѣ вина,— продолжалъ автоматически твердить воевода, такъ что даже Каргаска сталъ недоумѣвать, когда жъ онъ ругаться-де начнетъ?

— А нонѣ я вины мои принесъ головою: воленъ великій осударь меня нищево своево холопишку сказнить.

Воевода промычалъ. Каргаска прицѣлился лаять. Сухой стрѣлецъ съ серьгой, стоя на вытяжку, усиленно сопѣлъ. Кирша стоялъ, повидимому, разочарованный: онъ, казалось, большаго ожидалъ.

— А велитъ мнѣ великій государь вины мои простить, и я грубство свое ему, великому государю, заслужу съ лихвою: введу тебя, воеводу, со стрѣльцами въ монастырь... Государь, смилуйся, пожалуй! — заключилъ Ѳеклисъ и снова сдѣлалъ поясной поклонъ.

При послѣднихъ словахъ воевода попятился назадъ и стоялъ съ раскрытымъ ртомъ и стоячими глазами. Кирша сдѣлалъ невольное движеніе. Каргаска разомъ залаялъ: онъ думалъ, что пришла пора начинать и ему дѣйствовать.

— Цыцъ, окаянный! — вскипятился воевода на своего невпопадъ усерднаго союзника и даже затопалъ ногами.

Озадаченный песъ поджалъ хвостъ и спрятался за сундукъ, откуда робко поглядывалъ то на того, то на другого. Воевода сдѣлалъ шагъ къ чернецу.

— И ты не затѣйно то государево дѣло сказываешь? — спросилъ онъ ласковѣе, но все еще недовѣрчиво.

— Спаси Богъ! Въ экомъ-су великомъ государевомъ дѣлѣ да затѣйки затѣвать! — торопливо заговорилъ чернецъ.

— И не обманомъ хочешь насъ подъ дурно подвести?

— Кака мнѣ корысть подводить васъ подъ дурно!

— И ты на томъ крестъ цѣловать будешь?

— И крестъ, и евангеліе цѣловать стану, что мнѣ великому государю прямить.

— Ладно. Надо объ этомъ дѣлѣ подумать.

Воевода почесалъ затылокъ, застегнулъ кафтанъ и вопросительно посмотрѣлъ на Киршу. Кирша нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу.

— А какъ ты нонѣ попалъ къ намъ? — снова обратился воевода къ чернецу. — Какъ тебя выпустили?

— Я отай ушелъ, воевода.

— Какъ! Ноли черезъ стѣпу?

— Нѣту, воевода: есть у меня тамъ подъ землей заячья норка, норкою я и проползъ.

— И ты насъ хочешь оною норкою провести въ стѣны?

— Нѣту, норкою не способно будетъ: узка гораздо, гладкой не пролѣзетъ.

— Такъ какъ же?

— Есть въ стѣнѣ мѣсто такое, проломное: съ этой стороны его распознать нельзя, а я укажу.

— Что жъ, что укажешь? А далѣ что?

— Выломать камни, тамъ не велика сила надобеть.

— Ну, и что-жъ?

— Въ ночь выломаемъ, вотъ намъ и ворота.

— И войдемъ?

— Ночью и войдемъ...

— Сонныхъ, что щенятъ заберемъ, лядиныхъ дѣтей! — не вытерпѣлъ Кирша, брякнулъ радостно.

Не вытерпѣлъ и Каргасъ: выскочилъ изъ-за сундука и ну радостно, неистово лаять то на воеводу, то на Киршу, то на сухого стрѣльца съ серьгой и даже на незнакомаго чернеца.

— Цыцъ, анаѳема! Цыцъ, клятой! Вотъ взбѣсился! — крикнулъ воевода; но песъ ужъ и его не слушалъ: онъ по глазамъ видѣлъ, что воевода радъ, и неистово выражалъ свой собачій восторгъ.

Кирша радостно потиралъ руки и ржалъ, глядя на Каргаску. Воевода шагалъ по палаткѣ, отбиваясь отъ собаки, которая лѣзла цѣловаться. Ѳеклисъ самодовольно, съ злымъ выраженіемъ въ красивыхъ глазахъ, улыбался, навивая клокъ бороды на палецъ.

— И ты какъ передъ Богомъ говоришь? — уставился воевода на чернеца.

— Какъ передъ Богомъ!

— И укажешь мѣсто?

— За тѣмъ пришелъ, свою голову принесъ подъ осудареву плаху.

— И не величкой силой проломаемъ?

— Плевошное это дѣло будетъ.

— Ну, добро! И за то великій государь, его царское пре-

свѣтлое величество, пожалуетъ тебя такимъ жалованьемъ, какова у тебя и на умѣ нѣтъ.

Чернецъ поклонился, чтобы скрыть блескъ глазъ, говорившій о чемъ-то иномъ, только не о государевомъ великомъ жалованьѣ.

— Что жъ ты стоишь вороной! — вскинулся воевода на Киршу.

Кирша оторопѣлъ. Каргасъ тоже накинулся на него съ лаемъ: воевода-де ластъ, такъ и мнѣ слѣдуетъ.

— Бѣги живой ногой, веди попа съ крестомъ и евангеліемъ, — пояснилъ воевода.

— Мигомъ, воевода! — какъ-то икнулъ Кирша.

— Живо!

И, передернувъ плечами, Кирша, какъ ошпаренный, метнулся изъ шалаша, чуть не сбивъ съ ногъ стрѣльца съ серьгой.

— Ишь лѣшій! — огрызнулся этотъ послѣдній.

Каргаска съ лаемъ кинулся за посланцемъ, и долго его радостный лай раздавался вдоль сонпаго берега моря, посыпаемаго снѣгомъ.

XVI. Послѣдняя ночь «Соловецкаго сидѣнія».

— Мама! Ты слышишь?

— Что, дитятко?

— Слушай, а? Кто-то плачетъ.

— Что ты, глупая, кому теперь плакать?

— Охъ, мама! Мнѣ страшно: я слышу, какъ кто-то плачетъ.

— Да это вѣтеръ въ трубѣ, поли не слышишь?.. А ты перекрестись, прочти молитву Исусову и спи.

Оленушка крестится, придерживая лѣвой рукой рубашку, шепчетъ молитву и снова опускаетъ свою растрепанную, съ спутавшеюся косою голову на бѣлую подушку. Тихо въ кельѣ. Лампадка сонно мигаетъ у образа. Неупокоиха вздыхаетъ. На дворѣ слышна вьюга. Сонъ и такъ клонитъ, тяжелитъ вѣки и туманитъ... Неупокоиха ровно посапываетъ...

— Мама! А мама!

— Охъ, Господи Исусе! Ты что опять?

— Мнѣ не спится... У меня, мама, мысли...

— Какія у тебя, у глупой, мысли! Нонѣ не каталась на салазкахъ, пурга, ну и не спится.

— Завтра покатаюсь, съ Иринеюшкой... А мои салазки лучше его...

— Не въ примѣръ лучше... Ну, спи, дитятко.

— А въ Архангельскомъ, мама, что теперь?

— Что, глупая! Спятъ.

— Батя спитъ?

— Нѣтъ, на салазкахъ, катается.

Оленушка смѣется... Опять тихо, только вьюга завываетъ въ трубѣ и подъ окномъ... Лампадка какъ будто вздрагиваетъ... По стѣнѣ словно тѣни какія ползутъ... Слышенъ ровный сапъ... Гдѣ-то сверчокъ засвереститъ и смолкнетъ... Жутко Оленушкѣ, нейдетъ сонъ, все что-то слышится въ порываньяхъ вѣтра за окномъ...

— Мама! Кто это стучитъ?

— Асинька? Ты все не спишь?

— А ты слушай, мама.

— Что мнѣ слушать-ту? Тебя, дуру?

— Нѣту, мама, тамъ стучитъ, слышишь?

— Это вьюга, вѣтеръ.

— А во что она стучитъ?

— А во что придется: въ ставни, въ било, у трапезы, что виситъ.

— А какъ это, мама, мертвецы по ночамъ ходятъ?

— Что ты! Что ты, непутевая! Съ нами крестная сила, на насъ кресты.

— А какъ же дѣдушка Спиря говорилъ, что къ ему душенька ево Оленушки приходитъ?

— Что ты пустое мелешь, глупая? Какой Оленушки?

— А у нево дочка была Оленушка.

— А! Ну, онъ святой человѣкъ, онъ видѣнія въ сонѣяхъ видитъ.

— И я во снѣ все вижу, и Архангельской вижу часто, и батю, и какъ мы по грибы ходили.

— Ну, то-то же.

— А мнѣ Исачко сказывалъ, что онъ самъ лѣшаго видѣлъ.

— А ты ужъ и съ Исачкомъ, глупая, подружилась!

— А какъ же, мама! Въ ту пору, какъ стрѣльцы шли на монастырь воронамъ, передъ святками, и убили его турмана

бѣленькаго въ штанцахъ, такъ мы съ имъ хоронили турмана, а я плакала, плакала! И онъ, Исачко, плакалъ же...

— Было о чемъ дураку!

— Онъ, мама, не дуракъ, онъ добрый... И онъ сказывалъ, что часто видитъ во снѣ покойнаго турмана.

— Фу! Съ тобой точно одурѣешь... Да спи-жъ ты, говорятъ тебѣ, сорока!

И Неупокоиха повернулась носомъ къ стѣнѣ и ухо заложила стеганымъ, полосатымъ, словно шашечная доска, одѣяломъ. Скоро опять раздался ея сапъ, а Оленушка, полежавъ съ закрытыми глазами, снова открыла ихъ и стала смотрѣть на мигающія полосы на потолкѣ: полосы шли отъ образовъ, отъ лампадки. Она задумалась объ Архангельскѣ: хотѣла вспомнить лицо Бори и не могла... Вотъ-вотъ, кажется, вспомнила, и собственно не его вспомнила, а то, какъ они грибы въ лѣсу собирали, какъ нагнулись надъ однимъ грибомъ, какъ Боря взялъ ея руку, все это хорошо помнится, и какъ потомъ они потянулись другъ къ другу, какъ губы ихъ слились, и какъ колѣнами раздавили грибъ, когда Оленушка, вся красная, вырывалась, все это вспомнила она... но лица Бори никакъ не могла вспомнить... это не его лицо, нѣтъ, это Иринеюшка... А вотъ и «архимандритъ» Никаноръ на качеляхъ качается, чудно что-то... И дѣдушка Спиря на салазкахъ тутъ же... И Исачко за рога лѣшаго ведетъ, лѣшій его турмана поймалъ... Слышно, какъ стрѣльцы поютъ на берегу:

Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ,
Что по ельничку, по березничку...

— Охъ, Господи! Что это такое?

Оленушка, задремавшая было, снова проснулась. Послышался стукъ, и словно бы какіе-то камни повалились... Опять тихо, только вѣтеръ пошумливаетъ. Лампадка гаснетъ... Скоро, должно быть, утро... Опять стучитъ... Это, вѣрно, какой-нибудь трудникъ всталъ рано и дрова колетъ за поварней... А вотъ ужъ мѣсяцъ прошелъ, какъ стрѣльцы, передъ святками, на воронъ ходили, да ихъ кипяткомъ отгромили отъ стѣнъ... Тогда и черпецъ Ѳеклисъ пропалъ, какъ въ воду канулъ. Спиря сказывалъ, что Ѳеклиска къ стрѣльцамъ перебѣжалъ... Какіе глаза нехо-

рошіе... стыдные какіе-то у этого Ѳеклиса... У Исачки лучше, хоть и косые... А у Ирипеюшки?.. На Донъ хочетъ уйти... Зачѣмъ на Донъ! Не надо!

Оленушка прислушивается... Въ монастырѣ что-то случилось: слышны голоса, стукъ, звяканье желѣзомъ...

Оленушка вскочила: это уже не вьюга... Голоса явственно слышны... это голосъ Исачки... Еще голоса... Гулъ...

— Мама! Мамонька! Вставай!

— Ты что! Ты сдурѣла?

— Охъ, пѣтъ! Слышишь?

На дворѣ уже ясно слышались крики сотенъ голосовъ...

— Батюшки! Владычица! Не пожаръ ли?

И мать, и дочь стали торопливо одѣваться.

— Ахъ, Господи! Что жъ это такое! Не стрѣльцы ли?

Въ окно застучалъ кто-то.

— Батюшки! Кто тамъ?

Стукъ повторился, только не въ окно, а въ дверь.

— Вставайте! Пожаръ! Кельи горятъ!

— Владычица! Скорѣй, Олена! Охъ, матушки!

Оленушка первая бросилась къ дверямъ, едва успѣвъ накинуть на себя шубку... Двери распахнулись... Въ этотъ самый моментъ что-то темное накрыло ее, и сильныя руки схватили поперекъ стана...

— Мама! Ой! Оо!

Что-то мягкое зажало ей ротъ, и голосъ ея замеръ въ груди... Въ ужасѣ Оленушка чувствовала, что ее куда-то несутъ... Сзади слышались отчаянные крики, стукъ оружія, пальба...

Оленушка все поняла: монастырь взятъ... Но куда ее несутъ? Гдѣ мама? Гдѣ Ирипеюшка?..

. . . . . .

— Ребятушки! Голубчики! Отстоимъ! — слышался отчаянный голосъ Исачки.

— Владыко многомилостиве! Помози! — стоналъ гдѣ-то несчастный Никаноръ.

— Сдавайтесь, старцы! Тамъ ничего не будетъ.

— Поздно, святые отцы, монастырь нашъ.

— Никого не бить! Слышишь, ребята, отцовъ не трогать! — командуетъ Кирша.

— Оленушка! Оленушка! Дитятко! О-о-о! — Это отчаянный голосъ матери.

— Что, тетка, орешь?

— Какъ въ монастырь, братцы, баба попала?

— Да у нихъ, поди, и дѣвье мясо тутъ есть, вотъ разлюли-малина съ клюквой!

— Оленушка! Дѣвынька! Оо-оо-оо!

— Вяжи ратныхъ!

Стрѣльцы наполнили уже весь монастырь. И въ проломъ, сдѣланный ночью въ стѣнѣ, по указанію чернеца Ѳеклиса, и въ ворота, отъ которыхъ были отбиты замки, стрѣльцы валили воиною, и пока монастырскіе ратные, услыхавъ тревогу, успѣли выбраться изъ своихъ келій и спросонья оглядѣться, монастырскіе часовые были перевязаны, и около заряженныхъ пушекъ стояли уже стрѣльцы. Сотники Исачко и Самко и архимандритъ Никаноръ бросились было къ своимъ «галаночкамъ», но ихъ тамъ схватили и отца Никанора тотчасъ же увели подъ караулъ. Исачко и Самко отчаянно защищались и сбросили нѣсколькихъ стрѣльцовъ со стѣны.

— Братцы, не сдавайтесь! — кричалъ со стѣны Исачко, барахтаясь и отбиваясь.

— Умирай, ребятушки, а въ поганыя руки не давайся! — хрипѣлъ Самко, котораго стрѣльцы душили за горло.

Но стрѣльцы, видимо, задавливали массою ничтожную горсть защитниковъ монастыря. Стоны и проклятія, плачъ и хохотъ, трескъ ломаемыхъ древковъ и лязгъ оружія и прочаго желѣза сливались въ общемъ хаосѣ. И среди этого хаоса иногда пронизывалъ утренній воздухъ отчаянный, хриплый женскій вопль: «Оленушка! Оленушка!» «Ищите, братцы, Оленушку, должно дѣвка», слышались и стрѣлецкіе голоса.

Въ это время около Неупокоихи, которая безумно металась во всѣ стороны, ища свою пропавшую дочь и вопя охрипшимъ голосомъ — «Оленушка, Оленушка», — послышался крикъ и хохотъ:

— А вотъ и Оленушка! Держи ее!

— Ай-ай, братцы, дѣвочка монашкомъ переодѣта.

— Впрямь дѣвочка, ай-ай!

— Доржи! Доржи!

Неупокоиха метнулась туда, на эти голоса.

— Пустите меня! Я не дѣвочка! Ой!

— Врешь, дѣвочка, да кака хорошенькая!..

Это былъ Иринеюшка, котораго приняли за дѣвочку.

— Чернечекъ молоденькой, а не дѣвочка, тьфу! дуй-то!

— Ишь ты чево захотѣлъ, жеребецъ! Дѣвьятинки!

— Знамо, на голодны зубы...

Гдѣ жъ въ самомъ дѣлѣ Оленушка?

. . . . . .

Вонъ за монастырской стѣной, по направленію къ стрѣлецкому стану, кто-то, видимо, спѣшитъ съ какою-то ношею въ рукахъ. При свѣтѣ занимающагося утра можно разсмотрѣть, что это несутъ человѣческое тѣло: видны болтающіяся ноги и перевѣсившаяся черезъ лѣвое плечо несущаго русая голова съ длинными, спадающими ниже пояса несущаго, такими же свѣтло-русыми косами...

Изъ монастыря доносится нестройный гулъ и крикъ множества голосовъ. Вскорѣ изъ монастырскихъ воротъ выбѣгаетъ кто-то, осматривается во всѣ стороны и, увидавъ удаляющагося отъ монастыря къ берегу человѣка съ ношей, стремительно бросается вслѣдъ за нимъ. Вотъ онъ уже почти настигаетъ его.

— Стой! Остановись! — кричитъ онъ убѣгающему.

Этотъ послѣдній вздрагиваетъ, но не останавливается, а, напротивъ, прибавляетъ шагу.

— Стой, окаянная душа! Отъ меня не уйдешь.

Убѣгающій узнаетъ голосъ преслѣдующаго и усиливаетъ бѣгъ. Послѣдній уже настигаетъ совсѣмъ.

— Стой! Не то ножомъ пырну, окаянный!

У преслѣдующаго въ рукѣ ножъ. Онъ поднимаетъ руку, сталь блеснула, какъ льдина...

— Господи Боже, благослови на злодѣя! Нна!

— Ой! Зарѣзалъ!

Ноша падаетъ въ снѣгъ, какъ снопъ. Косы разметались по бѣлому снѣгу, какъ льняныя пасмы. Это Оленушка.

Раненый, поднявъ руки, быстро оборачивается. Это чернецъ Ѳеклисъ. Онъ бросается на преслѣдующаго.

— А! Дьяволъ! Вотъ я тебя!

— Меня! Нѣтъ, тебя, нна же! Издыхай!

Ѳеклисъ пластомъ повалился на снѣгъ и захрипѣлъ. Кровь

хлынула горломъ и изъ раны въ груди. Снѣгъ такъ и багровѣлъ кругомъ.

— Это тебѣ за монастырь и за все! Помилуй его, Господи!

И юродивый, это былъ онъ, бросился на колѣни передъ разметавшейся на снѣгу Оленушкой.

— Дитятко! Очнись, Господь съ тобой!

Дѣвушка не шевелилась. Юродивый бережно приподнялъ ее, взялъ на руки, какъ маленькаго ребенка, и сталъ осторожно тереть виски ея снѣгомъ. Оленушка открыла глаза.

— Что, дѣвынька, испужалась? — ласково говорилъ юродивый и съ нѣжностью смотрѣлъ въ испуганные глаза дѣвушки. — Испужалась, дитятко, сомлѣла?

— Это ты, дѣдушка? — слабо спросила Оленушка.

— Я, дитятко.

— А мама гдѣ? Мамушка! — испуганно вскрикнула она.

— Ничего, ничего, дѣвынька: матушка тамъ...

— Не сгорѣла?

— Охъ, что ты! Помилуй Богъ! Она тебя ждетъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, въ монастырѣ.

Оленушка встала на ноги. Юродивый запахнулъ ея шубку.

— Студено, закройся.

Изъ монастыря доносился неясный гулъ и крики. Оленушка со страхомъ поглядѣла туда.

— Что тамъ?

— Ничего, не бойся, дитятко.

Какъ ни умѣлъ владѣть собой юродивый, но Оленушка видѣла, что онъ дрожитъ.

— Тамъ стрѣльцы, дѣдушка? — робко спросила она.

— Ничего, ничего, не пужайся...

— А Иринеюшка?

— Тамотка же.

Оленушка что-то вспомнила и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— А гдѣ онъ?.. Это онъ унесъ меня...

— Пойдемъ, пойдемъ, — торопилъ ее юродивый.

Она оглянулась и увидѣла на бѣломъ, кровью окрашенномъ, снѣгу широко раскинувшее руки мертвое тѣло. Въ груди его

торчалъ ножъ... Мертвые, широко раскрытые глаза убитаго глядѣли на небо, какъ бы спрашивая: что же тамъ, когда здѣсь все кончено?

XVII. «На теплыя воды».

Вновь наступила весна. Суровое сѣверное поморье, долго спавшее подъ снѣгомъ, проснулось подъ теплыми лучами весенняго солнца и зазеленѣло молодой зеленью. Зазеленѣлъ и Соловецкій островъ, и Кемской и Сумской посады, и Анзерскій скитокъ... Только не ждутъ уже къ себѣ молодыя кемлянки и сумскія молодухи дружковъ милыхъ, молодыхъ стрѣльчиковъ, а молодая Вавилкина попадейка своего мила друга, Иванушку-воеводушку: съ весной отплыли московскіе стрѣльцы съ своимъ воеводушкой на страну далече... Тихо въ монастырѣ и около.

Зазеленѣлъ съ весной и Архангельской славной городъ, о которомъ такъ долго скучала Оленушка: и въ Архангельскомъ, и вокругъ него, какъ говорила Неупокоиха, «разтвяли твяты лазоревые и пошли духи малиновые».

Особенно цвѣтутъ садики вокругъ торговой площади въ городѣ Архангельскѣ. Да и вся площадь, особенно у заборовъ, зеленѣетъ молодою травкою.

Утро. Весеннее солнце, только-что выкатившись изъ-за восточнаго взгорья, окрашиваетъ золотисто-пурпуровымъ цвѣтомъ церкви и крыши домовъ и протягиваетъ длинныя тѣни поперекъ всей площади. У торговыхъ рядовъ и около казенныхъ вѣсовъ и мѣръ да у кабацкаго кружала стоятъ возы съ припасами съѣхавшихся въ городъ изъ окрестностей поселянъ. Привязанныя у возовъ и у хрептуговъ лошади, пережевывая сѣно и овесъ, то-и-дѣло ржутъ, не видя своихъ хозяевъ. А хозяева, мужики и бабы, а равно рядскіе сидѣльцы и посадскіе люди, все это кучится къ серединѣ площади, гдѣ высится огромный деревянный «покой», два столба съ перекладиною. Съ перекладины спускается длинная, круто плетеная веревка, съ петлею на концѣ. Тѣнь отъ висѣлицы и отъ веревки идетъ по головамъ собравшейся толпы, теряясь гдѣ-то за заборами и въ зелени садиковъ.

Всѣ смотрятъ на висѣлицу, перекидываясь односложными словами и междометіями. Иногда изъ нестройнаго гула ясно вырѣжется и замретъ среди лошадинаго ржанія фраза удивленія:

— Ишь ты, какой покой-отъ съерихонили, и-и-ахъ! — острятъ тутъ же толкающіеся земскіе ярыжки.

— Ужъ и точно покой... покой-онъ по-по, како-онъ-ко-ко, покой, съ загогулиной э-эхъ и-ну!..

Подъ висѣлицей ходитъ варнакъ съ рваными ноздрями, въ красной касандрійской рубахѣ, съ засученными рукавами и исподлобья вскидываетъ своими немигающими глазами на толпу. Это палачъ.

Два стрѣльца, приставивъ ружья къ висѣличному столбу, расположились подъ висѣлицей, и одинъ у другого ищетъ въ головѣ.

Вдругъ гдѣ-то за площадью глухо застучалъ барабанъ. Толпа колыхнулась. По лицамъ у всѣхъ пробѣжали не то тѣни, не то лучистыя искры. Головы поднялись и безпокойно задвигались на плечахъ. Барабанъ не умолкалъ, все болѣе и болѣе приближаясь.

Изъ-за людскихъ головъ показалась дуга и лошадиная морда. Изъ-за лошади повременамъ высовывались два затылка обнаженныхъ человѣческихъ головъ. Скоро показались и спины ихъ.

При приближеніи барабана, толпа раздвинулась, и открылось необычайное шествіе.

Впереди взводъ стрѣльцовъ, съ барабанщикомъ въ головѣ взвода. Барабанъ выбивалъ глухую, безпорядочную дробь, а барабанщикъ, лѣниво колотя палочками по туго натянутой шкурѣ, шибко дѣлалъ выверты локтями. Стрѣльцы шли сердито, какъ бы стыдясь своего дѣла, а понурый Чортоусъ беззвучно шевелилъ губами.

За стрѣльцами жирный, краснорордый попина, въ черной рясѣ и съ крестомъ въ отекшихъ отъ жиру рукахъ. Видно было, что торчавшая впереди висѣлица поглощала все его вниманіе.

За попомъ поджарый подъячій, въ потертомъ кафтанѣ и съ такимъ же потертымъ лицомъ. За ухомъ лебединое, въ видѣ лопаты, перо, а у пояса мѣдная съ ушками чернильница.

За нимъ стрѣлецъ велъ за поводокъ пѣгую клячу, на которой, спиной къ висѣлицѣ и конской гривѣ и лицомъ къ хвосту, сидѣлъ высокій старикъ съ сѣдою, сбившеюся на затылокъ, косою. Въ рукахъ онъ держалъ горящую восковую свѣчу.

Далѣе слѣдовала телѣга, тоже ведомая стрѣльцомъ, державшимъ за поводъ лошадь, впряженную въ эту телѣгу. Въ телѣгѣ,

лицомъ назадъ, покачивались при движеніи телѣги и терлись одна о другую плечами двѣ человѣческія фигуры. Въ рукахъ ихъ тоже горѣли зажженныя свѣчи.

За первой телѣгой другая. Въ ней тоже два сѣдока задомъ и оба со свѣчами.

За телѣгами другой взводъ стрѣльцовъ.

У самыхъ висѣлицъ шествіе остановилось. Стрѣльцы сняли съ пѣгой клячи необычайнаго сѣдока съ сѣдою косою. Старое, темное и осунувшееся лицо оборотилось къ толпѣ и, видимо, усталыми глазами изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей глянуло на висѣлицу... На лицѣ показалась грустная улыбка... Это былъ архимандритъ Никаноръ.

Толпа замерла. Слышалось только усиленное дыханіе да изрѣдка подавленный вздохъ.

Сняли и съ первой телѣги двухъ сѣдоковъ, у которыхъ къ ногамъ прикованы были дубовыя колодки. У одного, высокаго, плечистаго, хотя, видимо, изможденнаго колодника, красная голова такъ и отливала на солнцѣ золотомъ, а запавшіе глаза искрились, какъ у кошки въ темнотѣ. Другой, худой и косматый, съ сумою черезъ плечо, казалось, любовался висѣлицею и всѣмъ, что онъ видѣлъ... Добрые глаза свѣтились дѣтскою радостью... Это были огненный чернецъ Терентьюшко, ученикъ Аввакума, и Спиря юродивый.

Сошли и со второй телѣги, тремя цѣпями какъ спутанныя лошади, сотники Исачко и Самко.

Всѣ осужденные встали въ рядъ. У каждаго въ рукахъ горѣло по свѣчкѣ. Всѣ молчали, только Исачко косился на висѣлицу надъ которой въ глубокой лазури утренняго неба кружились голуби, и судорожно улыбнулся: вѣроятно, ему вспомнился любимецъ его, турманъ въ штанцахъ, застрѣленный воеводою Мещериновымъ Ивашкою и теперь покоящійся въ землѣ, на далекомъ островѣ...

Къ осужденнымъ подошелъ поджарый подъячій, вынулъ изъ-за пазухи кафтана бумагу, развернулъ ее, снялъ шапку и, крикнувъ пискливо-скрипучимъ голосомъ къ толпѣ «шапки долой!», сталъ гнусить что-то...

Всѣ слушали какъ будто разсѣянно, словно бы то, что читали, совсѣмъ до нихъ не касалось... Никаноръ же, который стоялъ первымъ, слушая читаемое, задумчиво качалъ головой, ме-

жду тѣмъ какъ посинѣвшія губы его беззвучно шептали: «и се мимо иде, и се не бѣ... и камо иду, не вѣмъ... дніе его яко цвѣтъ сельній — и тако отцвѣтутъ... да-да, отцвѣли... отцвѣтутъ и падутъ»...

Чтеніе кончилось... Онъ взглянулъ на свѣчку, вздохнулъ и самъ задулъ ее... Потомъ положилъ свѣчку къ себѣ за пазуху, бормоча: «тамо зажгу ее... дологъ путь тамо, охъ дологъ!» и самъ подошелъ къ висѣлицѣ...

Палачъ, казалось, не смѣлъ приблизиться къ нему и глядѣлъ вопросительно на подъячаго.

— Верши! — хрипло проговорилъ послѣдній.

Палачъ протянулъ руку къ петлѣ. Никаноръ отклонилъ его руку.

— Самъ на себя сумѣю вѣнецъ-отъ надѣть! — И поклонился на всѣ четыре стороны. — Самъ надѣну...

И надѣлъ: вложилъ шею въ петлю, отведя въ сторону волосы и освободивъ изъ-подъ веревки бороду, какъ дѣлалъ онъ это обыкновенно, облачаясь въ ризы передъ литургіею... Онъ поднялъ глаза къ небу...

— Господи! Въ руцѣ твои...

— Верши! — прохрипѣлъ подъячій.

Тотъ стремительно дернулъ за другой конецъ веревки. Веревка запищала въ немазанномъ блокѣ... Тѣло стараго архимандрита поднялось отъ земли... ноги подогнулись, руки конвульсивно поднялись къ шеѣ... Палачъ встряхнулъ веревкой, еще, еще, и самъ какъ бы повисъ на ней...

— Ооохъ! — послышался стонъ въ толпѣ.

— Глядите, православные, какъ люди на небо возносятся! Гляньте-ко! — раздался вдругъ чей-то голосъ, такъ что всѣ вздрогнули.

Это крикнулъ юродивый, указывая на колыхавшееся въ воздухѣ бездыханное тѣло стараго архимандрита.

— Господи! За что жъ это?! Ооохъ!

— За крестъ истовый, за вѣру... Ну! Времячко...

Многіе испуганно крестились, и странно! Всѣ крестились именно тѣмъ истовымъ крестомъ, за который вотъ тутъ же, сейчасъ, умеръ человѣкъ, котораго и въ купели крестили этимъ же крестомъ, и самъ онъ крестился имъ болѣе семидесяти лѣтъ...

Подъячій подошелъ къ качавшемуся тѣлу и робко потрогалъ его за ноги.

— Отошелъ, кажись, — тихо сказалъ онъ палачу,—спусти.

Палачъ, красный отъ натуги, опустилъ веревку. Мертвое тѣло мѣшкомъ повалилось на землю... сѣдые волосы разметались...

— Охъ, смертушка! Оо! — Это изъ толпы.

Палачъ распустилъ петлю, вынулъ изъ нея голову мертваго и оттащилъ трупъ въ сторону, къ висѣличному столбу.

Подъ висѣлицу подошелъ юродивый. Онъ обвелъ толпу своими кроткими глазами, и вдругъ лицо его озарилось глубокою радостью...

— Оленушка! Дитятко!

Дѣйствительно, у одного края толпы, прижавшись къ матери, вся блѣдная и дрожащая стояла Оленушка, съ распухшими отъ слезъ глазами. Рядомъ съ ней, также блѣдная и испуганная, опираясь на руку плотнаго рыжаго мужчины въ нѣмецкомъ платьѣ, стояла и знакомая намъ аглицкая нѣмка, Амалѣя Личардовна Прострѣлова, и тутъ же, сердито поглядывая на поджараго подъячаго, виднѣлся галанскій нѣмецъ, богатый Каролусъ Каролусовичъ изъ Амбурха. Изъ-за Оленушки робко выглядывалъ въ своей черненькой скуфейкѣ юный Иринеюшко, а на него косился исподлобья стоявшій тутъ же краснощекій малый, въ щегольской синей канаусовой рубахѣ, съ четырехугольнымъ прорѣзомъ густѣйшихъ русыхъ волосъ на низкомъ лбу: это былъ Боря, у котораго на сердцѣ... да не до Борькинаго сердца теперь!..

— Охъ, мама! Матушка! Оохъ! — стонала Оленушка, припадая къ плечу матери.

Юродивый, запустивъ лѣвую руку въ свою суму (онъ не разставался съ нею и въ архангельской земляной тюрьмѣ, гдѣ заключены были осужденные), вынулъ оттуда черепъ и поцѣловалъ его. Потомъ сталъ кланяться на всѣ четыре стороны.

— Простите, православные, въ чемъ согрубилъ вамъ!

— Богъ проститъ, родимый, Богъ проститъ! — загудѣла толпа.

— Прощай, Оленушка! Прощай, дѣвынька!

И юродивый издали перекрестилъ ее, а потомъ снова поцѣловалъ черепъ,говоря: «а теперь ты, моя Оленушка, здравствуй: я къ тебѣ пришелъ»...

И, положивъ черепъ въ суму и не задувая свѣчи, самъ вложилъ свою косматую голову въ петлю...

— Возноси на небо! — скомандовалъ онъ палачу. — Я со свѣчой иду ко Господу. Теплись, моя свѣчечка!

И опять палачъ-варнакъ дернулъ за веревку и даже присѣлъ на корточки...

Взлетѣлъ Спиря на небо... поджалъ ноги... опустилъ ихъ... изъ окоченѣлыхъ пальцевъ не выпала горѣвшая свѣчка, но припала къ груди... задымилась рубаха... вспыхнула... поломя охватило бороду... перекинулось на косматую голову... затеплился, какъ свѣчечка восковая, весь Спиря...

Раздались вопли по всей площади...

— «О, Владычица!» — «Господи спаси!» — «Святъ-святъ... О! Изверги!..»

Оленушка упала, какъ снопъ... Боря вскрикнулъ и припалъ къ ней.

— О, барбарей! Доннерветтеръ! Пфай-оо! — неистово бормоталъ Каролусъ Каролусовичъ.

У Амаліи Личардовны по блѣднымъ щекамъ текли слезы.

Трупъ съ обугленной головой вынули изъ петли и положили рядомъ съ Никаноромъ...

Подъ висѣлицу молча подошелъ огненный чернецъ и, поднявъ кверху правую руку съ отрубленными пальцами, громко сказалъ: «Мотрите, православные! За истовый крестъ отсѣкли у меня персты... Слава тебѣ, Господи!.. Топерь сѣките мою голову, стрѣльцы!» — обратился онъ къ стрѣлкамъ, стоявшимъ у висѣличныхъ столбовъ.

Стрѣльцы смущенно потупились... «Господь съ тобой, Турвонушко»,—бормоталъ Чортоусъ;—«мы туточка не при чемъ... наше дѣло рабье...»

— Верши! — проскрипѣлъ подъячій къ палачу.

И огненный чернецъ качался въ воздухѣ... Рыжая голова, освѣщаемая солнцемъ, казалось, испускала лучи...

Сѣдой Чортоусъ, блѣдный, съ дрожащими губами, ударилъ ружьемъ о-земь, такъ что прикладъ разлетѣлся надвое, и мрачно подошелъ къ подъячему.

— Вѣшай и меня... и я хочу вѣнецъ получить, — такъ же мрачно сказалъ онъ.

Подъячій съ испугомъ попятился назадъ... «Что ты! Что ты! Богъ съ тобой!»—бормоталъ онъ.

— Вѣшай, это твое дѣло!..

Къ висѣлицѣ подошелъ Исачко и сталъ надѣвать на себя освободившуюся отъ третьяго трупа петлю. Поправляя ее у себя на шеѣ, онъ поднялъ голову... Опять надъ висѣлицей кружатся голуби... а вонъ и бѣлый турманъ... у Исачки дрогнули углы губъ, и заискрились косые, добрые глаза... Прошлое съ этимъ голубемъ встало передъ нимъ... Онъ махнулъ рукой палачу...

Палачъ натужился, потянулъ; ноги Исачки отдѣлились отъ земли; онъ закинулъ голову, встряхнулся—и—«охъ!» крикнули въ толпѣ, Исачко упалъ...

— Сорвался! Охъ, страсти! — прошепталъ кто-то.

Исачко поднялся съ земли съ обрывкомъ на шеѣ, красный, съ налитыми кровью глазами...

— О, шанде! Барбарей! — обратился Каролусъ Каролусовичъ къ сосѣду въ нѣмецкомъ платьѣ. — Вотъ срамъ! Къ намъ, за море, отправляютъ лучшія веревки и пеньку, а казнѣ оставляютъ бракъ, гниль... О, Московія!

Исачко, шатаясь, подошелъ къ подъячему, который что-то горячо говорилъ палачу. — «Да вить это ты, государь, отпустилъ веревку-ту, казенна», оправдывался варнакъ.

— Вотъ тебѣ за веревку, казнокрадъ! Нна же! Ѣшь.

И полновѣсная пощечина Исачкиной широкой и мозолистой ладони глухо звякнула по сухимъ скуламъ подъячаго... Подъячій какъ стоялъ, такъ и свалился снопомъ на трупы повѣшенныхъ.

— «И мы хотимъ вѣнцовъ! Вѣшайте и насъ!» — послышался ропотъ въ толпѣ, и толпа хлынула къ висѣлицѣ. — «Хотимъ помереть за вѣру, за крестъ! Берите всѣхъ насъ! И мы съ ними заодно! Казните насъ! Сѣките головы!..»

Площадь превратилась въ бушующее море...

. . . . . .

На другой день, утромъ изъ Архангельска, по холмогорской дорогѣ, вышли два странника, одинъ старый, другой молоденькій, оба съ сумками и дорожными посохами.

— Такъ-ту, Иринеюшко, — говорилъ старикъ, — коли на Руси дышать нечѣмъ стало, такъ и Богъ съ ней... И птица отъ зимы на теплыя воды летитъ, такъ-ту и мы съ тобой.

КОНЕЦЪ.

ТИМОШЪ.

Историческая повѣсть.

I. Полонянка.

Весеннее солнце давно уже спустилось за желто-сѣрое взлобье каменистыхъ горъ, съ обѣихъ сторонъ стиснувшихъ узкое ущелье рѣчки Чюрюкъ-су вдоль этой рѣчки расположена вся утопающая въ зелени пирамидальныхъ тополей и задумчивыхъ кипарисовъ столица крымскихъ хановъ, Бахчисарай, и только вдали голая вершина Чатырдага, какъ черепъ мертвеца, горитъ послѣдними потухающими лучами.

Надъ городомъ стоялъ вечерній гулъ, глухой говоръ людей, лошадиное ржанье и топотъ, и среди этого гула рѣзко пронизывали воздухъ гортанные выкрики муэззиновъ, призывавшіе правовѣрныхъ къ молитвѣ. Стройныя иглы темныхъ кипарисовъ и минаретовъ и иглообразныя вершины тополей, которыя, казалось, тянулись къ голубому небу, дѣлали городъ какимъ-то волшебнымъ, чаруюшимъ своею дикою красотой.

Такимъ онъ казался молодому казаку, задумчиво проходившему вдоль аллеи тополей, обрамлявшихъ берега Чюрюкъ-су. На казакѣ была высокая баранья шапка съ малиновымъ верхомъ, богатый кунтушъ темно-малиноваго сукна, широкія синія шаровары и красные сафьяновые сапоги съ подковами, которыя звонко стучали по каменистому грунту.

Какъ попалъ въ столицу хановъ вольный казакъ и почему онъ гуляетъ на свободѣ, это объяснится впослѣдствіи.

Проходя мимо рѣшетчатой ограды одного сада, густо переплетенной дикимъ виноградомъ, казакъ услышалъ какой-то шорохъ въ зелени. Ему почудилось даже, что кто-то зоветъ его по имени. Онъ остановился и прислушался.

— Добрый вечеръ, пане Тимошъ, — послышалось изъ-за зелени.

Тотъ, кого назвали Тимошемъ, остолбенѣлъ отъ изумленія. Ясно, что это его звали: но кто? откуда? это какая-нибудь полонянка съ далекой родины, изъ Украины, какая-нибудь «дивка-бранка», которыя тысячами томились въ неволѣ, въ рабствѣ, или забывали свою родину и «тихія воды» Украины и ея «ясныя зори» въ роскошныхъ гаремахъ.

— Добрый вечеръ, казаче!—вновь послышался еще болѣе тихій привѣтъ.

Тотъ, кого звали, оглянулся по сторонамъ и осторожно приблизился къ оградѣ. Въ одномъ мѣстѣ чуть замѣтно колыхнулась зеленая вѣтка.

— Я тутъ, казаче, глянь!—прошептала эта зеленая вѣтка.

Молодой казакъ приблизилъ свое лицо къ колебавшейся вѣткѣ, и изъ-подъ нея выглянули на него два прелестныхъ сѣро-голубыхъ глаза подъ тонкими черными бровями.

— Ты къ моему господину идешь? — спросили изъ-за зелени.

— А кто твой господинъ?

— Карабча-мурза,—былъ отвѣтъ.

— Да, къ нему... А ты кто и откуда?

Но въ это мгновеніе невдалекѣ послышался конскій топотъ, и казакъ торопливо отшатнулся отъ предательской ограды. За стройными стволами тополей показался старый татаринъ на конѣ, и казакъ продолжалъ свой путь, хотя и слышалъ, что его провожалъ тихій шопотъ, словно шопотъ листьевъ тополя:

— Казаче! Возьми меня на Украину...

Молодой казакъ этотъ былъ сынъ Богдана Хмельницкаго, Тимоѳей—Тимошъ; онъ находился въ это время въ Бахчисараѣ въ качествѣ заложника у хана Исламъ-Гирея.

Это было въ 1648 году.

Зимою 1647 года Хмельницкій, ограбленный и оскорбленный паномъ Чаплинскимъ, не найдя управы у польскаго короля, бѣжалъ въ Запорожье вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Тимошемъ и нѣсколькими казаками. Съ восторгомъ принятый запорожцами, онъ рѣшился отмстить полякамъ и за притѣсненія украинскаго народа, и за личныя обиды, и для этого вступилъ въ союзъ съ крымскими татарами, ханомъ у которыхъ въ то время былъ Ис-

ламъ-Гирей. Ханъ обѣщалъ Хмельницкому помощь въ лицѣ храбраго Тугай-бея и его ордъ, но въ обезпеченіе вѣрности перваго оставилъ заложникомъ его сына Тимоша.

Тимошъ, отважный и способный юноша, отличный стрѣлокъ и наѣздникъ, скоро сошелся съ татарами, которые выше всего ставили воинскую храбрость и лихое наѣздничество. Мурзы, всю жизнь проводившіе въ набѣгахъ, скоро оцѣнили дорогія имъ качества юнаго представителя казачества и очень полюбили сына своего союзника. Находясь въ заложникахъ, онъ, однако, пользовался въ Бахчисараѣ почти неограниченною свободой. Но когда въ Крымъ пришло извѣстіе о пораженіи польскаго войска Хмельницкимъ и Тугай-беемъ при Желтыхъ Водахъ, то сынъ Богдана еще болѣе выросъ въ глазахъ крымцевъ: они рѣшили вторымъ загономъ, подъ предводительствомъ Карабчи-мурзы, ударить на владѣнія Рѣчи-Посполитой.

Тимошъ просилъ позволенія хана участвовать въ этомъ походѣ, и вотъ для этого-то онъ шелъ теперь въ Карабчѣ-мурзѣ. Но его смутило неожиданное привѣтствіе неизвѣстной украинки. Кто она и почему знаетъ его по имени? Развѣ, состоя плѣнницею у Карабчи-мурзы, она видѣла его въ домѣ своего господина! Ему стало жаль бѣдной дѣвушки. Самъ онъ не былъ невольникомъ, жилъ на полной свободѣ, всѣ обращались съ нимъ хорошо, и все же онъ тосковалъ по далекой Украинѣ. А каково же было дѣвушкѣ въ плѣну! Онъ видѣлъ только ея глаза, ясные и глубокіе, проникающіе въ душу, замѣтилъ тонкія темныя брови, и это свѣтлое видѣніе теперь не отходило отъ него.

Тимошъ вошелъ во дворъ. Небольшой дворъ Карабчи-мурзы, вымощенный камнемъ, былъ обсаженъ стройными пирамидальными тополями, которые и въ знойные дни давали достаточно тѣни, а при наступленія вечера бросали вокругъ себя таинственный полумракъ. Къ правой сторонѣ двора примыкали конюшни для любимыхъ, обиходныхъ лошадей мурзы, а за лѣвой оградой зеленѣлъ садъ, примыкавшій къ женской половинѣ дома знатнаго татарина. Фасадъ дома, выходившій на дворъ, украшенъ былъ галлереею съ навѣсомъ. Вокругъ тонкихъ колонокъ галлереи вился дикій виноградъ. Изъ сада доносилось журчанье фонтановъ, которыми Бахчисарай славился, подобно мавританской Гранадѣ въ Испаніи.

Проходя дворомъ, по которому важно расхаживали журавль и огромный бѣлый козелъ, фаворитъ мурзы Карабчи, Тимошъ услышалъ голосъ на галлереѣ. Голосъ мурзы, ровный и спокойный, покрывалъ собою гортанную торопливую рѣчь другого собесѣдника, въ которомъ Тимошъ узналъ хитраго Халиль-бея.

Мурза скоро замѣтилъ новаго гостя.

— А! Добро пожаловать, сынъ мудраго Богдана!—сказалъ онъ привѣтливо.

Тимошъ поднялся на террасу и по восточному привѣтствовалъ хозяина и его гостя: онъ приложилъ правую руку къ сердцу, а потомъ ко лбу.

Карабча-мурза былъ мужчина лѣтъ шестидесяти, смуглый, сухощавый, но коренастый, съ широкими плечами, рѣдкой, сѣдоватой бородкой и большимъ лбомъ. Собесѣднику его, тучному мужчинѣ лѣтъ за пятьдесятъ, недоставало одного глаза, который онъ потерялъ, наткнувшись какъ-то на «ратище» запорожца; но и однимъ уцѣлѣвшимъ глазомъ онъ видѣлъ не хуже рыси.

Собесѣдники сидѣли на низкомъ диванѣ и курили трубки. Хозяинъ, пригласивъ гостя садиться, ударилъ въ ладоши, и на зовъ этотъ изъ сѣней выступилъ маленькій арапченокъ въ красной фескѣ. Мурза указалъ ему на пришедшаго, и арапченокъ не замедлилъ принести ему трубку.

Тимошъ, взявъ трубку и пустивъ нѣсколько клубовъ дыму, молчалъ: онъ зналъ восточные обычаи.

— Слава пророку,—сказалъ мурза, обращаясь къ пришедшему,—однимъ врагомъ у твоего отца меньше, хотя намъ это и въ убытокъ.

Тимошъ глядѣлъ вопросительно, не вполнѣ понимая хозяина, хотя хорошо зналъ по-татарски: у его отца однимъ врагомъ меньше, а имъ, татарамъ, убытокъ. Что-жъ это такое? Онъ ждалъ разгадки.

Мурза понялъ его недоумѣніе и взглянулъ на своего гостя, на Халиль-бея. Тотъ молча улыбался своимъ рысьимъ глазомъ.

— Молодой Потоцкій, что былъ взятъ въ плѣнъ при Желтыхъ-Водахъ, вчера умеръ отъ ранъ,—пояснилъ мурза,—богатый выкупъ за свою голову онъ унесъ на тотъ свѣтъ.

Тимошъ теперь понялъ логику татарина: со смертью Потоцкаго татары лишились выкупа за этого богатаго вельможу.

Въ это время съ женской половины, изъ саду, донеслось

тихое, мелодическое пѣніе, которое заставило Тимоша вздрогнуть. Нѣжный женскій голосъ пѣлъ:

Ой, куды ты полетишь, сивый соколоньку...

Тимошъ слушалъ какъ очарованный, такъ неожиданно поразила его родная мелодія, и гдѣ же? въ Крыму, въ царствѣ неволи и слезъ украинскихъ!

Мурза замѣтилъ его волненіе.

— Это поетъ плѣнница, которая ходитъ за моими дѣтьми,— сказалъ онъ.—Дѣти очень полюбили ее, а меньшія изъ нихъ спокойно засыпаютъ только подъ ея пѣніе.

При этихъ словахъ Халиль-бей злобно сверкнулъ своимъ единственнымъ глазомъ. А голосъ между тѣмъ пѣлъ:

Коли-бъ же я знала, що мени такъ буде,
Пишла-бъ я втопилася, якъ вода прибуде.

Тимошъ, казалось, забылъ о цѣли своего прихода. Мелодія пѣсни перенесла его на далекую родину, въ милый Суботовъ, который теперь принадлежалъ врагу ихъ, ненавистному Чаплинскому.

А вечеръ былъ такой тихій, такъ располагалъ къ мечтательности, къ грустному раздумью.

— Всемогущій повелитель Крыма, ханъ Исламъ-Гирей, снизошелъ на твою просьбу,—обратился мурза къ молодому казаку,—благодари Бога и хана, онъ позволилъ мнѣ взять тебя въ походъ.

Тимошъ привсталъ и почтительно приложилъ руку къ сердцу. При этомъ онъ чувствовалъ, какъ бьется его сердце подъ грустное пѣніе невидимой украинки:

Спомни соби, мій миленькій, я-жъ тебя любила...

Молодой казакъ чувствовалъ, что это для него пѣли, и въ сердце его прокралось невѣдомое дотолѣ чувство. Но кто она? Неужели та, ясные, невинные глаза которой смотрѣли на него изъ-за зелени! И она знаетъ его, знаетъ его имя?—Но чѣмъ болѣе тревожное и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостное чувство охватывало его, тѣмъ менѣе онъ могъ рѣшиться разспрашивать о ней своего хозяина.

На слѣдующій день рѣшено было отправляться въ походъ.

Возвращаясь къ себѣ, въ домъ армянина Карапета, у котораго ханъ велѣлъ помѣстить своего заложника и его небольшую свиту, Тимошъ напрасно силился отогнать отъ себя милое видѣніе... «Кто она? Откуда?»...

II. На походѣ.

На слѣдующій день десять тысячъ конниковъ выступили въ походъ подъ предводительствомъ Карабчи-мурзы.

Это была, въ сущности, небольшая, но съ виду страшная орда, передъ которой все трепетало.

Извѣстный французскій инженеръ Бопланъ, оставившій намъ обстоятельное описаніе Украины и Крыма съ ихъ обитателями временъ Хмельницкаго, такъ изображаетъ внѣшность татарина на походѣ: «Простые татары накидываютъ на плечи овчинный тулупъ, который зимою носятъ шерстью внизъ, а лѣтомъ и во время дождя шерстью наружу: встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься, подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей». Бараньи шапки дополняли собою эту оригинальную внѣшность дикаго ордынца.

«Они — говоритъ далѣе Бопланъ — весьма храбры и проворны на коняхъ, хотя и плохо сидятъ на опыхъ, подгибая колѣни отъ короткихъ стремянъ: конный татаринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ. При всемъ томъ ловкость и проворство татаръ удивительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталаго коня на заводного и легко избѣгаютъ преслѣдованія непріятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ, въ случаѣ нужды, могъ перескочить на него. Такъ умѣютъ служить своимъ господамъ татарскіе кони, которые, сверхъ того, переносятъ труды почти невѣроятные: только сіи неуклюжіе и некрасивые бакематы (такъ называютъ ихъ татары) въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвостъ ихъ достигаютъ до земли».

О крымской ордѣ на походѣ Бопланъ говоритъ слѣдующее: «Фронтъ татарскаго войска, занимая отъ 800 до 1.000 шаговъ, состоитъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней (при каждомъ татаринѣ находится по двѣ заводныя, запасныя лошади), въ глубину же оно имѣетъ отъ 800 до 1.000 коней и занимаетъ

около 3 или 4 миль, а во время похода растягивается миль на десять. Для невидавшаго татаръ будетъ непонятно, какъ 80.000 всадниковъ могутъ имѣть болѣе 200.000 лошадей: не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ и, приближаясь, все болѣе и болѣе увеличивается. Видъ сихъ легіоновъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ такому зрѣлищу» [1]).

Орда, которую вывелъ въ поле Карабча-мурза, представляла именно такое зрѣлище. Болѣе тридцати тысячъ лошадей покрывали всѣ ложбины и возвышенности, ведущія отъ Бахчисарая къ сѣверу, по направленію къ Акъ-мечети и къ Ору, нынѣшній Перекопъ. Воздухъ оглашался лошадинымъ ржаніемъ и неистовымъ крикомъ татаръ, приводившихъ въ возможный порядокъ свои нестройныя толпы. Казалось, что отъ подножія гиганта Чатырдага двигались на сѣверъ тучи пѣшей саранчи.

У каждаго татарина за спиною лукъ и колчанъ со стрѣлами, которыя торчали какою-то грозною щетиною. У сѣделъ болтались длинные волосяные аркапы для ловли враговъ, словно степныхъ дикихъ коней, и ременныя веревки для связыванія несчастныхъ плѣнниковъ. Кромѣ тридцати тысячъ верховыхъ осѣдланныхъ коней, по три коня на каждаго хищника, погонщики гнали еще цѣлый табунъ старыхъ и негодныхъ лошадей для продовольствія орды въ первые дни ея набѣга, до перваго грабежа непріятельской земли.

Впереди центральнаго ядра орды ѣхалъ Карабча-мурза, окруженный своею свитою. Подъ мурзою былъ великолѣпный бѣлой масти аргамакъ, накрытый богатымъ чепракомъ съ золотами кистями. Съ нимъ же рядомъ выступали запасные кони подъ такими же богатыми чепраками и сѣдлами: они, точно дѣти, отъ времени до времени протягивали шеи къ своему повелителю, и онъ ласково трепалъ своихъ любимцевъ.

---

*) Вотъ полное заглавіе сочиненія Боплана: «Description d'Ukraine, qui sont plusieurs Provinces du Royaume de Pologne. Contenvës depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs moeurs, façons de vivres, et de faire la Guerre. Par le Sieur de Beauplan. A. Roüen, Chez Iacques Cailloüé, dans la Cour du Palais. MDCLX (1660 г., а первое изданіе 1650 г.). Мы пользовались переводомъ со 2-го изданія, сдѣланнымъ въ 1831 г. Ѳ. У. (Ѳедоромъ Устряловымъ, братомъ историка) и носящимъ заглавіе: «Описаніе Украйны». Сочиненіе Боплана, Пер. съ французскаго. Спб., 1832, стр. 43—44, 49.

Въ свитѣ Карабчи находился и Тимошъ съ двумя состоявшими при немъ запорожцами и юнымъ «джурою», черноглазымъ мальчикомъ, котораго легко можно было принять за переодѣтую загорѣлую дѣвочку. Это былъ Ивась Метеликъ («мотылекъ»), бѣжавшій въ Запорожье изъ кіевской бурсы и прозванный «мотылькомъ» за легкость и быстроту движеній. Ивась бодро сидѣлъ на татарскомъ конѣ, радостно сверкая своими совсѣмъ еще дѣтскими глазенками. Сбоку у Иваси болталась, однако, массивная сабля, а за поясомъ торчали пистолеты и кинжалъ. Тимошъ иногда съ ласковой улыбкой поглядывалъ на него, и лицо Ивася свѣтилось счастьемъ: онъ чувствовалъ себя «большимъ», настоящимъ запорожцемъ.

— Ну, что, Ивась, радъ будешь показаковать въ полѣ?— спросилъ его Тимошъ, лукаво поглядывая на джуру.

— Дуже радъ, пане Тимошъ,—отвѣчалъ мальчикъ, поглаживая гриву своего коня.

— И ляховъ будешь бить?

— Буду, не пожалѣю ни ляховъ, ни ляховокъ,—задорно отвѣчалъ Ивась.

— Овва!—насмѣшливо оглядѣлъ его ѣхавшій рядомъ запорожецъ.—Тебя ляховка положитъ къ себѣ въ пелену и унесетъ.

— Какъ бы не такъ!—вспыхнулъ Ивась.—Я ей покажу пелену вотъ этою шаблюкою!

— Ой-ой-ой, какой страшный!—засмѣялся запорожецъ.—А небось, когда въ бурсѣ драли, такъ не брыкался.

— Нѣтъ, брыкался и убѣжалъ въ Запорожье.

— Ну, Уласе, не дразни хлопца! — заступился за Ивася другой запорожецъ.—Онъ, хлопецъ, добрый казакъ: ходилъ со мною на тура, и не испугался...

Обучаясь въ кіевской бурсѣ, Ивась, какъ и всѣ бурсаки, терпѣлъ тамъ и голодъ, и холодъ. Часто вмѣстѣ съ товарищами, подъ предводительствомъ какого-нибудь ритора или философа, Ивась былъ отправляемъ въ городъ за «эпитенціею», по-просту за сборомъ подаянія на кормъ голоднымъ бурсакамъ. «Эпитепты» бродили по городу съ мѣшками и горшками для провизіи, и «орацiями» выпрашивали подаяній для своей длиннополой республики, управляемой «консулами» и «проконсулами» изъ риторовъ и богослововъ. Въ одну изъ такихъ экскурсій бурсаки наткнулись на кучку запорожцевъ, которые гуляли на ба-

зарѣ, опрокидывая бочки съ дегтемъ и столики съ бубликами и расплачиваясь за все втридорога. Въ то время и старый, и малый знали о привольной жизни на Запорожьѣ. Мечты каждаго юноши стремились туда, въ это волшебное царство свободы и «лыцарскихъ» подвиговъ.

И пятнадцатилѣтній Ивась, смѣлый и гордый юноша, которому казалось унизительнымъ выпрашивать подаянія, однажды бросилъ постылую сумку и увязался за гулявшими запорожцами. Живой, бойкій юноша понравился имъ, и они взяли его съ собой. Особенно полюбилъ его сивоусый «дядько» Охримъ Разбій-Пляшка, который и взялъ бѣглеца подъ свое покровительство. Вмѣстѣ съ Разбій-Пляшкою попалъ Ивась и въ Запорожье. Сначала товарищи посмѣялись надъ сѣдовласымъ «дядькомъ», говоря, что онъ, точно баба, «привелъ дитинку», которую придется кормить «кашкою изъ ложки», а потомъ всѣ полюбили этого востроглазаго бурсачка и прозвали его «метеликомъ».

Когда, вскорѣ послѣ этого, Хмельницкій вмѣстѣ съ сыномъ Тимошемъ и нѣсколькими запорожцами отправился въ Крымъ просить помощи у Исламъ-Гирея, Ивась не хотѣлъ отстать отъ своего «дядьки», бывшаго въ числѣ запорожцевъ, сопровождавшихъ Хмельницкаго въ Крымъ, и тамъ такъ полюбился Тимошу, что сдѣлался у него «джурою», нѣчто въ родѣ пажа.

Разбій-Пляшка былъ поэтому правъ, заступаясь за своего воспитанника: Ивась, дѣйствительно, ходилъ съ нимъ на громаднаго и свирѣпаго тура и помогъ старому своему наставнику убить страннаго звѣря тѣмъ, что отвлекъ на минуту его вниманіе и тѣмъ далъ возможность Разбій-Пляшкѣ всадить «ратище» въ самое сердце тура...

Къ вечеру казаки вмѣстѣ съ ордою достигли Перекопа, пограничнаго укрѣпленія крымскаго ханства.

Перекопъ, по свидѣтельству Боплана, былъ ничтожный городокъ, почти безъ укрѣпленій. Онъ окопанъ былъ рвомъ, шириною въ двадцать футовъ, около трехъ саженъ, а глубиною отъ шести до семи футовъ. Такой же вышины былъ валъ, толщиною до пятнадцати футовъ. Въ немъ было до 400 татарскихъ домовъ. Самая крѣпость состояла изъ каменнаго за́мка, внутри котораго былъ другой такой же за́мокъ.

У Перекопа орда остановилась на ночлегъ.

Громадный дискъ багроваго солнца медленно опускался въ

море, когда Тимошъ, Ивась и оба запорожца вмѣстѣ съ прочими сошли съ усталыхъ и взмыленныхъ коней. По бирюзовой поверхности моря тамъ и сямъ бѣжали паруса, окрашиваемые нѣжнорозовымъ цвѣтомъ заходящаго солнца, точно бы это носились надъ моремъ розоватыя чайки, которыя жалобно перекликались у береговъ. Тимошъ зналъ, что это бѣлѣли въ морѣ паруса турецкихъ судовъ, а можетъ быть, и галеры съ бѣдными невольниками: тамъ лежалъ путь изъ Очакова въ Стамбулъ, въ Козловъ, въ Кафу и къ прочимъ невольничьимъ рынкамъ. Онъ взглянулъ на Ивася: можетъ быть, и этого веселаго «хлопчика» впослѣдствіи будутъ продавать на рынкѣ какъ барана и по нѣжному тѣлу его будетъ ходить «червонная таволга»... Таково было время, время тяжкой неволи и часто вѣчнаго плѣна...

Какъ и вчера, величавый Чатырдагъ подставлялъ заходящимъ лучамъ солнца свою голую вершину, но только теперь не слышно было нѣжнаго женскаго шопота: «добрый вечеръ, казаче!» ни плачущей мелодіи:

Ой, куды ты политишь, сивый соколоньку?
Чи на всхидъ, чи на заходъ, чи на Вкраиноньку?

Сумерки наступили быстро, какъ это всегда бываетъ на югѣ, и татарскій станъ представилъ поражающее зрѣлище. На пространствѣ многихъ верстъ бродили табуны стреноженныхъ коней, производя шумъ, заглушавшій немолчный говоръ моря. Сотни костровъ горѣли по всему видимому полю, освѣщая фантастическимъ свѣтомъ то багровыя отъ огня лица хищниковъ, то группу коней, или сверкали кольчугою какого-нибудь богатаго мурзы. Надъ кострами, на длинныхъ вертелахъ, шипѣли и дымились то бараньи туши, то лошадиныя ноги, и кровавыя ребра. Это татары готовили себѣ, передъ набѣгомъ, послѣдній роскошный ужинъ, котораго завтра уже не будетъ: завтра ждетъ ихъ только сырая конина, пропитанная конскимъ потомъ подъ туго перевязанными потниками и сѣдлами.

Казаки тоже развели костеръ, но нѣсколько въ сторонѣ отъ татарскихъ костровъ, на берегу моря, и въ небольшомъ котелкѣ варили себѣ кашу съ саломъ.

— Хорошо, Улясе, что мы тутъ помѣстились, у бережка,— заговорилъ старый Охримъ, мѣшая въ котелкѣ деревянною ложкой.

— А что, пане Охриме? — спросилъ Уласъ, доставая изъ костра уголекъ и закуривая свою «люльку».

— Да то, что духъ отъ нашего сала вѣтеркомъ къ морю относитъ, а не этимъ песиголовцамъ; они вѣдь, дурни, свиного сала не любятъ.

— И вправду дурни, этакое добро да не любить!

Прислонившись къ сѣдлу, Тимошъ сидѣлъ молча и изрѣдка поглядывалъ на звѣзды: и звѣзды здѣсь, казалось, не тѣ, что на Украинѣ.

Ивась не дождался каши: юный запорожецъ упалъ черноволосою головою на свое сѣдло и спалъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

— Умаялся нашъ казакъ!—замѣтилъ, съ любовью глядя на него, сѣдоусый запорожецъ, и осторожно поправилъ подъ его головою сѣдло.

Ивася разбудили, когда готова была каша.

— Ивасю! Вставай! Вставай скорѣй! Ляхи напали!—тормошилъ его Уласъ, который любилъ подтрунивать надъ юнымъ запорожцемъ.

— Что! Гдѣ ляхи?—вскочилъ Ивась, хватаясь машинально за саблю.

— А вотъ, въ казанкѣ ляхи,—невозмутимо отвѣчалъ Уласъ, опуская свою ложку въ дымящійся котелокъ. — Катай ихъ, вражьихъ дѣтей!

Ивась разсмѣялся и сталъ уплетать вкусную кашу.

Татарскій станъ мало-по-малу погружался въ сонъ. Костры одинъ за другимъ тухли. Говоръ постепенно умолкалъ. Слышно было только фырканье лошадей да глухой прибой моря.

Когда, уже почти передъ разсвѣтомъ, Тимошъ проснулся, тишина была еще болѣе полная. Даже лошади большею частью лежали молча, не фыркали, и только слышалось ихъ тяжелое дыханіе, да съ высокаго неба таинственно мерцали звѣзды, какъ бы созерцая уснувшій таборъ.

Ивась лежалъ неподвижно, обративъ лицо къ небу. Но еслибъ Тимошъ могъ видѣть это лицо, то онъ не мало удивился бы: Ивась не спалъ; онъ лежалъ съ широко раскрытыми глазами, изъ которыхъ медленно текли слезы.

Это были не дѣтскія слезы, а слезы какого-то благоговѣйнаго умиленія передъ тѣмъ, что совершилось, и что должно еще

было совершиться въ близкомъ, но невѣдомомъ будущемъ. Это были сладкія слезы, возвышавшія юную душу.

Какъ далеко назади осталось все, и родной домъ, и бурса, и товарищи дѣтскихъ игръ!

III. Черезъ Днѣпръ.

Утромъ орда двинулась далѣе, перерѣзывая степь отъ Перекопа по направленію къ Днѣпру, гдѣ должна была совершиться переправа.

Передъ выступленіемъ, однако, утромъ, татары занялись приготовленіемъ себѣ походной провизіи. Для этого тутъ же, около Перекопа, они совершили кровавую гекатомбу, отвратительная картина которой не поддается никакому описанію. На зарѣ они зарѣзали нѣсколько сотъ лошадей, которыя не были подъ сѣдломъ, и, въ качествѣ брака, взяты были собственно для суточнаго или двухдневнаго продовольствія орды. Содравъ кожу съ убитыхъ своихъ жертвъ, которыя когда-то были ихъ вѣрными товарищами и не разъ спасали ихъ головы отъ польской или казацкой пули или сабли, и, выпотрошивъ ихъ, тотчасъ же разрѣзывали мясо на тонкіе, въ дюймъ или дюйма въ полтора куски, шириною ладони въ двѣ, и клали на спины лошадей подъ потники сѣдла, крѣпко затягивая ихъ подпругами. Это было ихъ лакомое кушанье, ихъ ростбифъ, сырая конина, пропитанная лошадинымъ потомъ. Шкуры убитыхъ жертвъ тутъ же привязывали на спины заводныхъ лошадей или тѣхъ, которыя еще оставались въ табунѣ, и послѣ этой кровавой операціи немедленно пускались въ путь.

Къ полудню орда была уже около Днѣпра, недалеко отъ Кизикермена. Здѣсь должна была совершиться переправа.

Но какъ переправить десятитысячный корпусъ, болѣе чѣмъ въ тридцать тысячъ коней, черезъ широкую, быструю и многоводную рѣку? Вѣдь у орды не было ни лодокъ, ни другихъ какихъ-либо приспособленій для переправы.

Однако, это обстоятельство не остановило татаръ. Орда ихъ растянулась вдоль лѣваго берега Днѣпра на нѣсколько верстъ. Всѣ спѣшились и начали готовиться къ переправѣ.

Въ этихъ мѣстахъ берега Днѣпра были тогда покрыты цѣлымъ лѣсомъ камышей, которыхъ никто не трогалъ, если только

зимою ихъ не выжигали казаки, но это рѣдко случалось. И вотъ каждый татаринъ срѣзывалъ для себя потребное количество камыша, связывалъ его въ два большихъ пука возможно солидной толщины, прикрѣплялъ къ нимъ сверху нѣсколько поперечныхъ палокъ, а снизу подводилъ жердь, одинъ конецъ которой и привязывалъ къ хвосту своей лошади.

И вотъ плотъ готовъ. На этотъ плотъ татаринъ ставитъ сѣдла своихъ лошадей, самъ раздѣвается донага, складываетъ на плотъ одежду, лукъ, стрѣлы, саблю и другое вооруженіе, равно и оставшуюся несъѣденною провизію, все это прикрѣпляетъ къ плоту, а самъ остается съ одной нагайкой въ рукѣ. Затѣмъ входитъ въ рѣку, ведя за собою одну лошадь, хватается одною рукой за гриву и плыветъ рядомъ съ лошадью, за которою слѣдуютъ и остальныя, заводныя.

Казаки наши дѣлали то же, что и татары. Ивась особенно усердно трудился надъ своимъ плотомъ.

— А ну, Ивась, съумѣешь смастерить себѣ казацкій човенъ?—подсмѣивался надъ нимъ Уласъ.

— Эка невидаль!—задорно отвѣчалъ Ивась.—Такой смастерю, что чудо.

— То-то! Неровенъ часъ, штанцы потеряешь; а безъ штановъ казаку, ой-ой!

— Не потеряю, дядьку,—огрызался мальчикъ.

— А плавать умѣешь?

— Умѣю, какъ окунь.

— А не боишься, что въ водѣ жаба укуситъ?

— Да что ты, Уласе, ѣшь хлопца, точно ржа желѣзо!—огрызнулся на насмѣшника старый Охримъ.

— Да я ему, дядьку, поддаю казацкаго духу,—оправдывался насмѣшникъ.

Во время этихъ приготовленій Тимошъ былъ отозванъ къ Карабчѣ-мурзѣ, который вмѣстѣ съ другими подручными мурзами и беями держалъ военный совѣтъ, куда выгоднѣе и безопаснѣе направить набѣгъ. Карабча желалъ, чтобы Тимошъ, какъ союзникъ и сынъ побѣдителя при Желтыхъ-Водахъ, былъ посвященъ во всѣ подробности предстоящей экспедиціи. Свирѣпый циклопъ Халиль-бей совѣтовалъ нагрянуть на Червонную Русь, но большинство мурзъ было того мнѣнія, что лучше бу-

дѣть направить набѣгъ на Брацлавщину, тѣмъ болѣе, что въ этомъ направленіи они будутъ не такъ удалены отъ орды Тугай-бея, дѣйствовавшей вмѣстѣ съ войскомъ Хмельницкаго.

Такимъ образомъ, рѣшено было, переправившись черезъ низовья Ингульца и Ингула и оставивъ Черный-Шляхъ вправо, двигаться въ глубь Брацлавщины водораздѣломъ Буга и Ингула.

Между тѣмъ запорожцы приготовили плотъ и для Тимоша.

Тогда по сигналу, данному рожкомъ со стороны Карабчи-мурзы, началась переправа.

Это была поразительная картина. Болѣе сорока тысячъ человѣческихъ и лошадиныхъ тѣлъ разомъ запрудили Днѣпръ, а неистовые крики татаръ, понукавшихъ лошадей, фырканье этихъ послѣднихъ, плескъ и бурленіе воды, все это представляло собою что-то хаотическое, страшное, дикое. Татары съ бараньими шапками на головахъ, съ свистящими въ воздухѣ нагайками, съ дикими отъ напряженія лицами, казались какими-то плавающими дьяволами. Поднятая этимъ шумомъ въ зарѣчныхъ камышахъ всякая птица, дикіе гуси, утки, цапли, бабы-пеликаны, гайстры, кулики, чайки, стаями, тучами кружились надъ рѣкою и на десятки верстъ оглашали воздухъ всевозможными криками. Это было что-то невообразимое, адское.

— Го-го-го-го! — неистово гоготалъ неугомонный усатый Уласъ, фыркая какъ лошадь и махая въ воздухѣ нагайкой.—А ну, Ивасю, въ перегонку!

А Ивась, легонькій, тоненькій, плылъ почти на поверхности воды, сверкая своимъ бѣлымъ, еще не загорѣвшимъ тѣломъ.

За нимъ, не спуская глазъ съ своего любимца, грузно, но мужественно плылъ старый Разбій-Пляшка съ обросшею волосами широкой грудью. Тимошъ, плывя съ нимъ рядомъ, также любовался своимъ юнымъ, безстрашнымъ «джурою».

— Ай да Ивась!—подбодрялъ онъ его.—Съ тебя славный казакъ вышелъ.

— Эге! Казакъ, только чубъ не такъ! — подтрунивалъ Уласъ, «поддавая ему казацкаго духу».—Смотри, какъ бы тебя жаба не укусила.

Выдрессированные татарскіе кони плыли дружно, стараясь опередить одинъ другого. На нѣсколько верстъ вверхъ и внизъ виднѣлись изъ воды лошадиныя уши, морды, мокрыя гривы да татарскія головы въ бараньихъ шапкахъ. За ними, точно живые,

двигались камышевые плоты, нагруженные сѣдлами и другимъ татарскимъ скарбомъ.

— А знаете, пане Тимохвію, на кого мы теперь похожи?— обратился къ Тимошу старый Охримъ, плывя съ нимъ рядомъ.

— А на кого?—спросилъ тотъ, поправляя на головѣ шапку.

— На крысъ... Разъ, знаете, это давно было, окружили мы на Черномъ морѣ своими казацкими човна́ми двѣ турецкія галеры и начали громить ихъ нашими чугунными гостинцами изъ гарматъ, громили такъ, что одну галеру порядкомъ изрѣшетили. Вотъ и стала она она потопать... А мы знали раньше, что на ней не было нашего брата-невольника, а только одни турки да сойоны, оттого и жарили по ней изъ гарматъ... Такъ вѣрите ли, панове, какъ стала она потопать, такъ откуда не возьмися чортовы крысы, видимо ихъ невидимо, да все въ море, скокъ-скокъ-скокъ! и поплыли къ другой галерѣ, а иныя къ нашимъ човна́мъ, вотъ точнехонько какъ мы теперь плывемъ.

Ивась между тѣмъ плылъ впереди всѣхъ: легкое тѣло его, привыкшее къ плаванью, не доставляло никакого затрудненія его коню, и они на цѣлую сажень опередили всѣхъ.

Скоро конь Ивася почувствовалъ подъ ногами землю и радостно заржалъ.

— Виватъ, Ивась! Виватъ! — привѣтствовалъ его Тимошъ.

— Пугу-пугу казаки съ лугу!—отвѣчалъ ему Ивась, а глаза стараго Охрима свѣтились гордостью за своего любимца.

Переправа кончилась благополучно, и тутъ же начались приготовленія къ дальнѣйшему походу. Легкіе плоты были припрятаны въ камышахъ на случай обратной переправы черезъ Днѣпръ, кони были вновь осѣдланы, платье надѣто, и орда быстро двинулись впередъ, чувствуя въ себѣ новыя силы послѣ купанья.

Проскакавъ безъ отдыха верстъ десять, орда, по сигналу, данному предводителемъ, остановилась и сбилась въ одну сплошную массу, въ гигантскую квадратную колонну.

И здѣсь совершилось чудо татарской тактики.

По знаку Карабчи-мурзы, весь десятитысячный корпусъ быстро раздѣлился на четыре квадратныхъ колонны, по 2,500 всадниковъ каждая и каждая съ своими мурзами и беями. Затѣмъ одна колонна, съ Карабча-мурзою во главѣ, двинулась прямо на западъ. Къ ней примкнули и наши казаки съ Тимо-

шемъ и Ивасемъ. Вторая колонна двинулась на сѣверъ, третья на югъ и четвертая на востокъ. Проскакавъ нѣсколько верстъ, колонны остановились, и каждая изъ нихъ снова разбивалась, но уже на три отряда, по 800 всадниковъ въ каждомъ. Эти отряды опять поскакали въ разныя стороны и опять остановились, проскакавъ нѣсколько верстъ. Здѣсь снова хищники раздѣлились на три меньшіе отряды и снова разъѣхались въ разныя стороны. Опять остановка, опять раздѣлъ на три шайки, по 90 хищниковъ каждая, опять скачка въ разныя стороны. Новая затѣмъ остановка, новый дѣлежъ, по 30 хищниковъ, потомъ дальше, уже по 10, а тамъ только уже по 3 татарина.

IV. Нападеніе на замокъ.

«Намѣреваясь нечаянно разграбить какой-нибудь караванъ (или селеніе, городъ, замокъ), буджаки,—говоритъ Бопланъ,—употребляютъ весьма искусную хитрость; надобно замѣтить, что тамошнія степи покрываетъ густая, въ два фута вышиною, трава, которую при проѣздѣ нельзя не притоптать; посему, опасаясь, чтобы слѣды не открыли числа и направленія отрядовъ, и чтобы непріятели не пустились въ погоню, татары поступаютъ слѣдующимъ образомъ: отрядъ человѣкъ въ 400 раздѣляется на 4 шайки: одна идетъ къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку, четвертая къ западу. Однимъ словомъ, каждая сотня слѣдуетъ особеннымъ путемъ и, прошедъ около 1½ мили, раздѣляется еще на 3 шайки, въ 33 коня, которыя также расходятся въ разныя стороны, если не попрепятствуетъ какая-нибудь рѣка; чрезъ полмили снова раздѣляются на три части. Такимъ образомъ, не болѣе 10 или 11 татаръ остаются вмѣстѣ. Все это совершается скорѣе, нежели въ полтора часа, на всемъ скаку; иначе, если казаки откроютъ ихъ во время разсѣяннаго движенія, то никакая быстрота уже не поможетъ. Но хищники весьма опытны въ семъ маневрѣ и такъ хорошо знакомы со степями, какъ искусные лоцманы съ гаванью. Каждая шайка, въ 10 или 11 всадниковъ, идетъ степью произвольно, избѣгая только встрѣчи съ другими; миляхъ же въ 10 или въ 12 отъ мѣста раздѣленія, въ опредѣленное время, всѣ они сходятся въ какую-нибудь лощину, гдѣ надѣются отыскать кормъ для лошадей своихъ и воду. Иные прямо идутъ къ мѣсту соединенія; другіе же, находясь отъ онаго

далѣе, описываютъ дугу. Трава, притоптанная 10 лошадьми, на другой день поднимается и слѣды исчезаютъ. Хищники скрываются въ лощинѣ нѣсколько дней и потомъ врываются нечаянно въ одну изъ пограничныхъ деревень, грабятъ, опустошаютъ, забираютъ въ плѣнъ жителей и поспѣшно уходятъ въ степи. Татары изобрѣли хитрость сію съ намѣреніемъ обмануть казаковъ (или польскихъ жолнеровъ), которые преслѣдуютъ ихъ неутомимо. Свѣдавъ о появленіи татарской шайки и зная, что въ ней не болѣе 500 или 600 человѣкъ, 1,000 или 1,200 казаковъ садятся на коней, ищутъ слѣдовъ непріятельскихъ, и по онымъ, достигнувъ до средины описаннаго нами круга (на чертежѣ), въ недоумѣніи останавливаются, не зная, гдѣ искать враговъ, ибо слѣды расходятся во всѣ стороны. Это заставляетъ ихъ возвратиться и объявить, что татаръ не видѣли. Изъ сего понятно, какъ трудно отыскать хищниковъ. Казаки (и польскіе разъѣздные отряды) встрѣчаются съ ними случайно, во время роздыха или ночлега, но татары всегда осторожны: имѣя глаза узкіе и, слѣдовательно, зрѣніе острое, они открываютъ насъ прежде, нежели мы ихъ завидимъ. Притомъ же хитрость, а не сила рѣшаетъ побѣду. Встрѣтясь другъ съ другомъ за часъ до заката солнечнаго, или чрезъ часъ по восхожденіи, враги, подобно мореходцамъ, старающимся выиграть вѣтеръ, употребляютъ все искусство, чтобы стать спиною къ солнцу, дабы оно свѣтило въ глаза непріятелю. Если же татары не въ силахъ отразить саблями натиска поляковъ, разсыпаются, подобно мухамъ, въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку и такъ мѣтко, что въ 60 и даже 100 шагахъ попадаютъ въ непріятеля. Поляки не могутъ ихъ настигнуть, имѣя коней не столь быстрыхъ и поворотливыхъ, какъ татарскіе; а татары, отскакавъ на ¼ мили, соединяются, встрѣчаютъ ляховъ строемъ и, при нападеніи ихъ, снова разсыпаются, пуская стрѣлы по прежнему на всемъ скаку чрезъ лѣвое плечо (чрезъ правое стрѣлять не умѣютъ). Наконецъ, утомивъ поляковъ, принуждаютъ ихъ къ отступленію».

— Глаза и уши впередъ! Во всѣ стороны, какъ лучи отъ солнца, и, подобно солнцу, видѣть все и вездѣ!

Такой лаконическій приказъ отдалъ Карабча-мурза въ тотъ моментъ, когда орда раздѣлилась на четыре колонны.

— На ночь соединиться всѣмъ въ среднихъ балкахъ Ип-

гульца,—добавилъ онъ,—и чтобы глаза наши видѣли врага за сто верстъ, а уши слышали бы, какъ земля дышетъ, и трава ростетъ!

— Ахъ, чортовъ сынъ!—проворчалъ старый Охримъ, услыхавъ такую команду.—Слышать, какъ земля дышетъ, какъ трава растетъ!

— А развѣ, дядьку, земля дышетъ? — наивно спросилъ Ивась.

— А какъ же! Еслибъ не дышала, то и трава не росла бы, лѣсъ бы не шумѣлъ, рѣки бы не бѣжали,—рѣшилъ старый запорожецъ, сообразно своей космогоніи.

— А вы, дядьку, слышите, какъ она дышетъ? — допытывался Ивась.

— Не довелось, хлопче... Слышалъ только какъ она зимою отъ сильныхъ морозовъ трещитъ и «репается»,—отвѣчалъ запорожецъ...

И вотъ десятитысячная орда, съ тридцатью тысячами коней, растаяла въ степи, какъ облако, разогнанное вѣтромъ.

— Да, ищи теперь вѣтра въ полѣ, лови его!—съ изумленіемъ покачалъ головою Тимошъ, когда туча орды исчезла изъ глазъ, а черезъ часъ онъ увидѣлъ себя только въ сообществѣ Карабчи-мурзы, нѣсколькихъ почетныхъ беевъ и своихъ товарищей казаковъ.

Прошло, такимъ образомъ, нѣсколько дней. Орда исчезла, разсѣялась точно дымъ.

Но около половины іюня, недалеко отъ границъ Брацлавщины, въ богатомъ имѣніи Конецпольскаго, окруженномъ нѣсколькими фольварками и имѣніями другихъ пановъ, поздно вечеромъ, съ балкона замка, на которомъ сидѣло нѣсколько гостей, пировавшихъ въ этотъ день на именинахъ у сестры Конецпольскаго, кто-то замѣтилъ вдали вспыхнувшій огонь, словно бы тамъ начинался пожаръ. Въ ту же почти минуту огни вспыхнули въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ, и вскорѣ зарево озарило огненнымъ кольцомъ всѣ окрестности

— Іезусъ! Марія! Это пожаръ кругомъ!—испуганно вскрикнула прелестная панна Ванда, юная племянница Конецпольскаго.

— О, панове!—шатаясь отъ ужаса и хватаясь за перилы балкона, сказалъ одинъ изъ гостей, старый тучный каноникъ. — Это не простой пожаръ, это татарскій набѣгъ... Я знаю, я ужо испыталъ подобный ужасъ въ Гуманщинѣ.

Ужасъ овладѣлъ всѣми. Мужчины бросились вооружаться и созывать надворную стражу, которая имѣлась тогда въ каждомъ богатомъ польскомъ помѣстьѣ и вооружалась на счетъ владѣльца.

Въ числѣ гостей находился молодой князь Дмитрій Вишневецкій, отличный танцоръ и рубака на поединкахъ; онъ тотчасъ привелъ въ порядокъ защиту замка и принялъ начальство надъ замковою стражей.

Но не успѣли они достаточно укрѣпить замковыя ворота, какъ воздухъ огласился пенстовымъ гикапьемъ и татары, съ криками: «Аллахъ акберъ! Аллахъ керимъ!»—окружили замокъ. Въ воздухѣ засвистѣли стрѣлы, и нѣкоторые изъ защитниковъ замка свалились со стѣны.

— Пушкари! Пустите въ сволочь картечью!—послышались голоса на стѣнѣ.

Вдругъ изъ густой толпы татаръ выдѣлились четыре всадника. Въ рукахъ они держали, вмѣсто факеловъ, палки, обмотанныя просмоленною паклей, которая горѣла и ярко освѣщала ихъ лица и ихъ фигуры. Крики татаръ между тѣмъ умолкли. Защитники замка съ изумленіемъ глядѣли на четыре странныя фигуры, освѣщенныя пламенемъ горящей пакли. Всѣ узнали въ нихъ запорожцевъ: одинъ съ длинными сѣдыми усами, другой съ рыжим и двое молодыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно мальчикъ.

— Панове пушкари и вы, панство казаки!—громко произнесъ сѣдоусый запорожецъ, снимая шапку и сверкая громадною, какъ дѣвичья коса, сѣдою чуприною.—Чоломъ вамъ, панове! Передъ вами сынъ славнаго рыцаря Богдана Хмельницкаго (запорожецъ указалъ на Тимоша). До васъ ужъ, вѣрно, дошла чутка, что онъ съ Тугай-беемъ разбилъ ляховъ при Желтыхъ-Водахъ наголову, побилъ Конецпольскаго и обоихъ Потоцкихъ, и теперь пошелъ добивать въ конецъ все польское королевство, а всѣмъ православнымъ и всему посполитству хочетъ дать волю... Будьте же и вы, панове казаки, вольными! Будетъ вамъ гнуть

спины передъ ляхами! До насъ, братцы панове! До сына Богдана Хмельницкаго!

Не успѣлъ онъ кончить, какъ со стѣнъ замка и отъ воротъ послышались радостные крики:

— Згода! Згода! Вязать ляховъ! Долой пановъ и ксендзовъ!

Но въ этотъ моментъ изъ замка раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

— Бей проклятыхъ пановъ! Это они стрѣляютъ!—послышались возгласы въ замкѣ.

Однако, пули, пущенныя торопливою рукой, не причинили вреда запорожцамъ. Только Ивась схватился за шапку.

— Что, Ивасю? — испуганно спросилъ старый Розбій-Пляшка.

— Ничего... Только шапку пробилъ вражій сынъ, — отвѣчалъ Ивась, быстро блѣднѣя.

— Га, чортовы сыны!—заскрипѣлъ зубами старый запорожецъ.—Ломай ворота, братцы! Въ замокъ! Ляховъ ловить.

Но ворота не пришлось ломать: замковые казаки сами растворили ихъ настежъ и бросились цѣловаться съ запорожцами: «орлы сизые! гости наши дорогіе!.. Давно пора»...

Казаки и татары ворвались въ замокъ. Послѣдніе разсыпались по всѣмъ мѣстамъ, по оффицинамъ, по погребамъ, по подваламъ, по конюшнямъ; все цѣнное грабили и выносили изъ замка; всѣхъ служащихъ въ замкѣ, экономовъ, поссессоровъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ говорившихъ по-польски волокли за ворота замка и сдавали подъ присмотръ сторожевымъ командамъ.

Пожарное зарево освѣщало страшную картину. Воздухъ оглашался криками хищниковъ, воплями и стонами плѣнныхъ, ревомъ загоняемаго скота, ржаніемъ лошадей.

Паны и женщины заперлись въ главной башнѣ. Но и она не долго устояла. Замковые казаки и татары притащили огромное бревно и стали выбивать дверь въ башню. Дверь скоро подалась на петляхъ и рухнула. Толпа ринулась въ середину башни.

Впереди всѣхъ ворвался въ обширную, ярко освѣщенную залу старый запорожецъ. За нимъ Ивась и Тимошъ съ другими казаками изъ замка.

Паны, разстрѣлявъ всѣ патроны, могли защищаться только саблями. Впереди всѣхъ стоялъ князь Вишневецкій, какъ бы

прикрывая всѣхъ своимъ блестящимъ палашомъ. Далѣе стояли другіе паны съ обнаженными саблями. Въ глубинѣ виднѣлись женщины: однѣ изъ нихъ ломали въ отчаяніи руки, другія лежали въ обморокѣ. Тамъ же въ ужасѣ метался и поднималъ къ небу руки патеръ.

— Бросьте оружіе!—крикнулъ Тимошъ.—Долой сабли! Я—Хмельницкій!

— А! Быдло! Вотъ же тебѣ! Машъ!—прохрипѣлъ Вишневецкій, высоко поднимая саблю.

Но въ этотъ моментъ Ивась съ быстротою кошки прыгнулъ впередъ съ обнаженною саблей, какъ бы защищая своего господина. Въ воздухѣ сверкнули два клинка, скрестились, взвизгнула сталь, послышались удары о что-то мягкое... Ивась зашатался и, какъ подкошенный цвѣтокъ, упалъ на полъ.

Какъ звѣри ринулись на Вишневецкаго старый запорожецъ и Тимошъ, и Вишневецкій также плавалъ въ крови.

Всѣ остальные паны побросали сабли и были немедленно перевязаны. Женщинъ выносили на рукахъ, всѣ онѣ были въ обморокѣ. Тимошъ несъ прелестную Ванду, золотистая головка которой склонилась къ его широкой груди.

Старый запорожецъ держалъ на рукахъ мертваго Ивася, нѣжно прижимая его къ груди, а товарищъ его, Уласъ, поддерживалъ голову убитаго мальчика, силясь другою свободною рукою зажать на прорубленомъ плечѣ Ивася рану, изъ которой сочилась кровь. У обоихъ запорожцевъ по длиннымъ усамъ текли слезы.

V. Розанда и медвѣдь.

Прошло не болѣе года.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени Хмельницкій, разгромивъ Польшу, сдѣлался полновластнымъ владыкой Украины, и правобережной, и лѣвобережной. Всѣ сосѣдніе государи спѣшили отправлять къ нему пословъ, какъ къ одному изъ могущественныхъ государей, заискивая его дружбы и союза.

Въ числѣ прочихъ государей отправилъ свое посольство и молдавскій господарь, Василій Лупулъ. Лупулъ тѣмъ болѣе искалъ союза съ могущественнымъ украинскимъ гетманомъ, что престолъ Молдавіи оспаривали у него нѣсколько претендентовъ,

и молдавскіе бояре, которыхъ самовластіе Лупулъ строго ограничивалъ, явно держали сторону его противниковъ.

Лупулъ, женатый на черкешенкѣ, которая славилась необыкновенной красотой, имѣлъ отъ нея двухъ такихъ же прекрасныхъ дочерей. Старшая изъ нихъ въ это время была уже замужемъ за однимъ изъ крупныхъ магнатовъ Рѣчи Посполитой, за княземъ Радзивилломъ; младшая же, по имени Розанда или домна (domina) Розанда, только что вышла изъ отроческаго возраста и была, по свидѣтельству современниковъ, поразительной, чарующей красоты.

Красота эта сдѣлалась легендарной. Разсказывали, между прочимъ, такой случай. Однажды домна Розанда гуляла съ одной старой боярыней въ буковомъ лѣсу, окружавшемъ загородный павильонъ или небольшой лѣтній дворецъ ея отца. Вдругъ она услыхала въ лѣсу выстрѣлъ, и въ это время изъ чащи выбѣжалъ громадной величины медвѣдь, повидимому слегка раненый или только оцарапанный пулею. Дѣвушка страшно испугалась и замерла на мѣстѣ. Страшный звѣрь шелъ прямо на нее. Но вдругъ онъ поднялъ голову и остановился какъ вкопанный. Страшнаго звѣря поразило неземное видѣніе, какъ говоритъ легенда. Онъ припалъ къ землѣ и, подобно комнатной собачкѣ, сталъ тихо визжать и ползти къ окаменѣлой отъ ужаса дѣвушкѣ. Розанда не вынесла долѣе этой страшной картины и лишилась чувствъ. Когда она потомъ пришла въ себя, то почувствовала, что кто-то тихонько лижетъ ея лицо, руки. Она открыла глаза, это былъ ужасный медвѣдь. Чудовище съ лаской и любовью лизало ей руки, но дѣвушка снова потеряла сознаніе.

Въ эту минуту изъ лѣсу торопливо вышелъ неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ богатый охотничій костюмъ и съ двустволкой въ рукахъ. Услыхавъ трескъ сухихъ вѣтвей, медвѣдь оглянулся, мгновенно поднялся, всталъ на заднія лапы и съ свирѣпымъ ворчаньемъ пошелъ прямо на охотника. Онъ узналъ въ немъ своего врага, который его ранилъ. Охотникъ остановился, приложилъ прикладъ ружья къ плечу и щекѣ и ждалъ страшнаго звѣря. Медвѣдь шелъ торопливо, широко разставивъ переднія косматыя лапы, какъ бы для объятій, для смертельныхъ объятій. Вотъ онъ все ближе и ближе, а охотникъ стоитъ, не шевельнется. Онъ уже видитъ глаза звѣря, сверкающіе страшной злобой... Вдругъ раздался выстрѣлъ, и медвѣдь съ послѣднимъ

хриплымъ ревомъ грузно упалъ на землю. Пуля поразила его прямо въ сердце.

Взглянувъ мелькомъ на убитаго звѣря, охотникъ быстро подбѣжалъ къ лежавшимъ на землѣ женщинамъ, изъ которыхъ одна, старая, припадая со стономъ къ другой, молоденькой, повидимому мертвой, ломала руки въ отчаяніи.

— Марія! Іезусъ! Неужели онъ задавилъ ее!—съ ужасомъ воскликнулъ охотникъ (онъ говорилъ по-польски).

Незнакомецъ припалъ на колѣни и взялъ руку дѣвушки. Она была теплая и чуть замѣтно дрожала. Охотникъ приложилъ свою руку къ сердцу дѣвушки.

— Она дышетъ! Она жива!—сказалъ онъ радостно.

Тутъ только заговорила другая женщина, съ трудомъ выговаривая слова.

— Она только въ обморокѣ... она испугалась... о н ъ не тронулъ ее, о н ъ лизалъ ея лицо...

Идеальная красота дѣвушки поразила незнакомца.

— Кто она, и какъ сюда попала?—спросилъ онъ.

— Она... дочь нашего великаго господаря... домна Розанда.

— Іезусъ! Какое счастіе, что я убилъ е г о...

Въ это время дѣвушка открыла глаза, повидимому ничего не сознавая. Незнакомецъ быстро снялъ шляпу.

— Простите!—заговорилъ онъ почтительно. — Я былъ невольною причиной вашего испуга, простите! Но за то я убилъ е г о.

Дѣвушка, вся вспыхнувъ, силилась приподняться. Ей стало стыдно, что она лежала передъ незнакомымъ мужчиной. Боярыня и незнакомецъ старались помочь ей и осторожно, почтительно приподняли. Она сѣла, опираясь на плечо старой боярыни.

— Позвольте вамъ предложить нѣсколько капель венгерскаго-токайскаго; очень легкое, тонкое: оно возвратитъ вамъ силы и бодрость,—говорилъ незнакомецъ, снимая съ себя фляжку.

Дрожащими руками онъ влилъ немного вина въ золотой стаканчикъ и подалъ.

— Прошу, ваше высочество...

Дѣвушка улыбнулась и взяла стаканчикъ. Она уже почти оправилась отъ испуга.

Но едва она успѣла сдѣлать нѣсколько маленькихъ глот-

ковъ, какъ сзади послышались голоса, и изъ лѣсу показалось еще нѣсколько охотниковъ.

— Ба-ба-ба! Вонъ и медвѣдь лежитъ убитый, а нашъ князь Димитрій уже любезничаетъ съ дамами,—громко проговорилъ одинъ изъ охотниковъ.

Домна Розанда быстро вскочила на ноги и снова покраснѣла.

— Ахъ, извините, князь!—пробормотала она.—Благодарю васъ...

Незнакомецъ выпрямился и сдѣлалъ глубочайшій поклонъ.

— Я очень счастливъ... Позвольте привѣтствовать ваше высочество... Такъ какъ мое невинное incognito до нѣкоторой степени разоблачено, то я позволю себѣ рекомендовать вашему высочеству почтительнѣйшаго и покорнѣйшаго слугу, князя Димитрія Вишневецкаго изъ Вишневца.

— Очень рада... Очень вамъ благодарна... Но я слышала, вы были въ плѣну у крымскаго хана, — проговорила домна Розанда.

— Да, наияснѣйшая панна, я только что возвращаюсь изъ Крыма окольнымъ путемъ, чтобъ снова не попасть въ руки хищниковъ... Я былъ тяжело раненъ сыномъ разбойника Хмельницкаго при разграбленіи имъ съ татарами браславскихъ маентковъ вельможнаго Конецпольскаго, а иначе я не отдался бы въ руки буйнаго хлопа,—гордо отвѣчалъ Вишневецкій.

При имени сына Хмельницкаго какая-то тѣнь пробѣжала по лицу дѣвушки.

— Я слышала, что и панна Ванда тоже уведена была тогда въ Крымъ,—сказала она.

— Да, она и теперь еще въ Крыму: сынъ Хмельницкаго, этотъ лайдакъ Тимошъ, промѣнялъ ее Карабчѣ-мурзѣ на какую-то простую хлопку Олесю.

— Промѣнялъ, Боже!

Въ это время тѣ охотники, что вышли изъ лѣсу, осмотрѣвъ убитаго медвѣдя, подошли къ домнѣ Розандѣ и Вишневецкому.

— Ваше высочество,—сказалъ послѣдній церемонно,—позвольте представить вамъ моихъ товарищей по плѣненію.

И онъ назвалъ нѣсколько извѣстныхъ польскихъ фамилій. Тѣ также церемонно поклонились, недоумѣвая, кому ихъ представили.

— Вы имѣете, панове, счастье видѣть предъ собою ея господарское высочество, домну Розанду.

Паны еще вѣжливѣе поклонились.

— А я васъ, панове, представляю моей доброй наставницѣ и пѣстуньѣ, боярынѣ Маринѣ Манеско,—обратилась дѣвушка къ почтенной матронѣ.

Снова послѣдовали церемонные поклоны.

— Я бы хотѣла взглянуть на него,—сказала домна Розанда, не рѣшаясь назвать медвѣдя,—онъ теперь, надѣюсь, не страшенъ.

— О, панна!—любезно воскликнулъ Вишневецкій:—Для васъ онъ не былъ страшенъ и при жизни... а теперь...

— Но все же я испугалась.

И они всѣ двинулись къ неподвижно лежавшему огромному звѣрю.

— Бѣдный!—сказала домна Розанда, содрогаясь.

— Представьте, панове,—началъ Вишневецкій, тронувъ ногою медвѣдя,—когда я въ него выстрѣлилъ первый разъ, пуля, должно быть, только слегка его оцарапала. Онъ бросился бѣжать, я за нимъ... И вообразите мое изумленіе: выхожу я сюда изъ лѣсу, и что же я вижу! Лѣсное чудовище, пораженное небесною красотой панны господарувны, упало къ ея ногамъ и съ вѣрноподданнической почтительностью лобызало ея прелестную ручку. Но когда чудовище увидало меня, оно быстро поднялось на заднія лапы, свирѣпо зарычало и пошло прямо на меня... Полагая, что это идетъ на меня Тимошъ Хмельницкій, я спустилъ курокъ, и вотъ Тимошъ у нашихъ ногъ...

Старая боярыня напомнила, что пора возвращаться домой, и приглашала гостей слѣдовать за ними въ палацъ.

Все общество двинулось къ загородному палацу молдавскаго господаря.

VI. «Тридцать шесть тысячъ сватовъ!»

Неожиданное знакомство домны Розанды съ княземъ Вишневецкимъ, и притомъ при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, не могло не оставить слѣда въ сердцѣ молодой дѣвушки. Замкнутая, однообразная жизнь при дворѣ отца, необщительнаго господаря, видимое отчужденіе бояръ и знатной молдавской молодежи, полное одиночество при богатой обстановкѣ, дѣлали

незавиднымъ существованіе юной красавицы. Правда, время ея было постоянно занято. Отецъ старался дать ей блестящее по тому времени воспитаніе, въ надеждѣ черезъ красавицу дочь породниться съ кѣмъ-нибудь изъ могущественныхъ владыкъ Европы; кромѣ родного языка, она хорошо говорила по-французски, по-итальянски, въ совершенствѣ по-польски и порядочно по-украински, благодаря своей воспитательницѣ, боярынѣ Маринѣ Манеско, которая еще въ дѣвушкахъ долго жила въ Кіевѣ въ качествѣ родственницы Петра Могилы, природнаго молдаванина, и научила потомъ этому языку свою юную воспитанницу, домну Розанду. Розанда хорошо играла на арфѣ, прекрасно вышивала, отлично ѣздила верхомъ. Но все это не могло наполнить молодой жизни; впечатлительная, отзывчивая на все прекрасное и благородное, она жаждала раздѣла съ кѣмъ-нибудь какого-то, ей самой невѣдомаго чувства, жаждала выраженія ея душевныхъ и сердечныхъ порывовъ.

Неудивительно, что романическое знакомство съ блестящимъ представителемъ такого изящнаго общества, какъ польское, съ княземъ Вишневецкимъ, было тѣмъ электрическимъ токомъ, который прямо проникъ въ впечатлительную душу молодой дѣвушки, требовавшую отклика, сочувствія.

Притомъ, не могла же она не быть ему признательной за свое спасеніе. Не подоспѣй онъ во время, что бы было съ нею?.. А онъ явился такимъ неустрашимымъ рыцаремъ, такимъ героемъ... Наконецъ, столько романическаго было въ его жизни: его неустрашимость при нападеніи татаръ на замокъ Конецпольскаго, отчаянная храбрость въ битвѣ съ жестокимъ сыномъ Хмельницкаго, съ его ужасными запорожцами и еще болѣе ужасными татарами, тяжкая рана, потомъ плѣнъ, крымская неволя, все это настоящіе подвиги крестоносца, какъ казалось юной Розандѣ.

Дидона полюбила Энея, когда онъ разсказывалъ ей о разореніи Трои, о своихъ странствіяхъ по невѣдомымъ морямъ, а Розанда читала объ этомъ въ Виргиліевой «Энеидѣ»; во время этихъ разсказовъ она жила его жизнью, видѣла его глазами, чувствовала то, что онъ чувствовалъ и испыталъ.

Юная энтузіастка окружила голову своего героя ореоломъ поэзіи. Онъ представлялся ей такимъ же неустрашимымъ Вишневецкимъ, какъ тотъ Вишневецкій-Байда, котораго турки заму-

чили ужасными муками въ Стамбулѣ; его подвѣсили за ребро на желѣзный крюкъ, и султанъ предлагалъ даже ему руку своей прекрасной дочери, чтобы только онъ покорился его волѣ, и тотъ Вишневецкій не покорился, погибъ!

И на Вишневецкаго дѣвушка произвела неотразимое вліяніе. Для него въ ея идеальной красотѣ было что-то неземное. Онъ зналъ много красавицъ полекъ, но при видѣ ихъ онъ не испытывалъ ничего подобнаго тому, что внушила ему Розанда.

Но ни князь Вишневецкій, ни домна Розанда не знали, что надъ ихъ сердечнымъ романомъ собирается гроза. Правда, дѣвушка догадывалась, судя по намекамъ матери, что ей что-то угрожаетъ; господарша обмолвилась дочери, что всесильный и страшный въ ту пору Хмельницкій задумалъ о женитьбѣ своего сына Тимоѳея на Розандѣ и обѣщалъ свою помощь ея отцу противъ другихъ претендентовъ на молдавскій престолъ.

Но до Хмельницкаго скоро дошло извѣстіе, что Лупулъ, обѣщавшій черезъ своихъ пословъ отдать свою дочь за его сына, очень радушно принялъ князя Вишневецкаго и другихъ пановъ, возвращавшихся изъ крымскаго плѣна, что Вишневецкій очаровалъ собою юную Розанду и что на нихъ уже смотрятъ какъ на жениха и невѣсту. Хмельницкій пришелъ въ ярость.

— Знаешь, сынку, какого гостинца привезъ тебѣ изъ Крыму Дмитро Вишневецкій?—спросилъ онъ сына съ скрытымъ гнѣвомъ.

— Это тотъ Вишневецкій, котораго я съ панною Вандою промѣнялъ Карабчѣ на Олесю?—въ свою очередь спросилъ Тимошъ.

— Тотъ самый, сынку.

— Какой же гостинецъ онъ привезъ мнѣ?

— А «гарбузъ»! Понялъ?—и Хмельницкій стукнулъ кулакомъ по столу.

Тимошъ понялъ и поблѣднѣлъ.

— Гарбузъ,—хрипло проговорилъ онъ,—такъ я его самого заставлю проглотить этотъ гостинецъ.

— Такъ, добре, сынку!.. Садись и пиши,—сказалъ Хмельницкій, пододвигая къ сыну бумагу и чернильницу.

Тимошъ сѣлъ.—А что писать?—спросилъ онъ отца.

— Пиши коротко, по-цесарски: veni, vidi, vici! Не да-

ромъ мы въ бурсѣ долбили «De bello gallico»... Нѣтъ, пиши по нашему, по-казацки: Василію Лупулѣ, господарю молдавскому...

Онъ остановился. Тимошъ ждалъ.—Написалъ,—напомнилъ онъ.

— Пиши: если ты не отдашь своей дочери за моего сына, то я пришлю къ тебѣ сто тысячъ сватовъ... Сто тысячъ!

Онъ всталъ и грозно выпрямился. Потомъ подошелъ къ столу, пробѣжалъ бумагу, улыбнулся и, взявъ у сына перо, стоя вывелъ крупными буквами: Богданъ Хмельницкий, рука власна.

— На приложи печать.—И онъ снялъ съ пальца массивный перстень и подалъ сыну. Затѣмъ громко хлопнулъ въ ладоши.

На зовъ его быстро вошелъ въ свѣтлицу (это было въ Чигиринѣ) молоденькій казаченокъ. Въ немъ тотчасъ можно было узнать Ивася, хотя онъ значительно измѣнился: выросъ, сильно загорѣлъ, возмужалъ; щеки утратили прежнюю нѣжность кожи, которая порядкомъ загрубѣла, а надъ верхнею губой уже темнѣли зачатки казацкихъ усовъ; но взоръ оставался все тотъ же ясный, открытый. Хорошо залеченная рана оставила только широкій рубецъ на лѣвомъ плечѣ, но рукой онъ владѣлъ отлично.

— А! Ивась!—улыбнулся Хмельницкій. — Ты повезешь гостинецъ молдавскому господарю: собирайся гонцомъ въ Яссы, я съ тобою пошлю добрыхъ казаковъ.

Хмельницкій сдѣлалъ знакъ рукою, и Ивась вышелъ.

— Теперь, сынку, надо подумать, кого съ тобою сватами посылать,—сказалъ онъ, что-то соображая.—Я тоже не останусь безъ дѣла; я буду наблюдать въ оконце, какъ тебя и твоихъ сватовъ примутъ... Попробуй они поднести тебѣ гарбуза! Камня на камнѣ въ Яссахъ не оставлю. А съ тобою главными сватами пошлю Пушкаря, да Носача, да писаря Дорошенка.

— А бояръ-поѣзжанъ сколько?—улыбнулся Тимошъ.

— Шестнадцать тысячъ казаковъ довольно будетъ? И смотри у меня, сынку, всѣхъ перевяжи рушниками добрыми, какъ слѣдъ.

— Перевяжу,—продолжалъ улыбаться Тимошъ веселой кровавой затѣѣ.

— А такъ какъ на свадьбѣ должны быть и «свитилки», то я пошлю съ тобою еще двадцать тысячъ татаръ.

Кн. 24.

— Съ Карабчею?—спросилъ Тимошъ.

— Карабча или Тугай-бей, все равно. А къ себѣ я жду султана Нуреддина; съ нимъ мы и будемъ подсматривать въ оконце, когда ты будешь сватать панну Розанду; посмотримъ, хорошіе ли она рушники приготовила для тебя и для сватовъ.

— Для меня она не готовила рушниковъ,—понуро замѣтилъ Тимошъ.

— А ты думаешь для того, для Вишневецкаго?

— Для кого-жъ, какъ не для него!

— Ну, а ты ихъ перехвати для себя!

Тимошъ всталъ. Глаза его гнѣвно сверкнули. Въ эту минуту онъ очень былъ похожъ на отца.

— Только бы мнѣ встрѣтиться съ нимъ опять!—упрямо сказалъ онъ.

— И встрѣтишься: я знаю, этотъ Лупулъ—порядочная лиса... Ужъ вѣрно подослалъ своего женишка къ Потоцкому; не хочу, говоритъ, родниться съ украинскимъ быдломъ...

Въ это время въ дверяхъ показался Ивась и остановился какъ вкопанный.

— Ты что, Ивась?—спросилъ Хмельницкій.

— Посолъ отъ Калги-салтана, ясновельможный гетманъ,—отвѣчалъ Ивась.

— Вотъ и кстати... Пускай войдутъ.

Ивась повернулся было, чтобъ уйти.

— Готовься же въ гонцы,—остановилъ его гетманъ,—сегодня же ѣдешь.

— Я готовъ,—былъ отвѣтъ.

— Тридцать шесть тысячъ сватовъ,—какъ бы про себя проговорилъ гетманъ,—ну, сватанье же будетъ!..

VII. Въ буковомъ лѣсу.

Былъ дремучій буковый боръ въ окрестностяхъ столицы Молдавіи. Его деревья были такъ громадны и вершины буковъ такъ густо разрослись, что за ними нельзя было видѣть ни клочка голубого неба, и въ чащѣ господствовалъ полумракъ, когда за предѣлами этого бора стоялъ ясный, жаркій день и

солнце ярко заливало своими лучами вершины бора, его цвѣтущія окрестности и богатую, цвѣтущую резиденцію господаря Молдавіи, зеленѣющія садами и стройными тополями Яссы.

Тихо въ буковомъ бору, но не мертво. Въ немъ видны осторожно двигающіяся человѣческія тѣни. Много этихъ тѣней, но онѣ какъ будто прячутся отъ чего-то.

У корня столѣтняго бука, на разостланномъ богатомъ коврѣ, сидитъ старикъ, серебристая борода котораго отчетливо выдѣляется на темномъ бархатѣ полу-восточнаго, полу-еврейскаго одѣянія. Морщины, избороздившія смуглое, блѣдное лицо старика, ясно говорятъ, что имъ много пережито горькаго. Но въ черныхъ глазахъ все еще свѣтится огонь жизни и душевной энергіи.

Около него почтительно стоятъ одинъ уже старикъ съ длинными сѣдыми усами, а другой помоложе, рыжеватый, и оба въ польскихъ кунтушахъ и при «карабеляхъ». Они о чемъ-то говорятъ съ сидящимъ подъ деревомъ старикомъ, какъ бы доказываютъ что-то, убѣждаютъ, а старикъ изрѣдка качаетъ отрицательно головой или задаетъ вопросы.

Нѣсколько въ сторонѣ, между деревьями другая группа. Тутъ все женщины. У ствола одного бука разостлана на землѣ шкура громаднаго медвѣдя, и на ней сидятъ двѣ женщины, пожилая, восточнаго типа, хотя рыжеватая, еще довольно красивая, и другая, совсѣмъ молоденькая, прелестная дѣвушка. И эти о чемъ-то тихо грустно разговариваютъ. Около нихъ полукругомъ помѣстилось нѣсколько другихъ женщинъ. Всѣ онѣ по одѣянію и по манерѣ держать себя, повидимому, знатныя молдаванки.

Тутъ же, между деревьями, мелькаютъ другія тѣни, большею частью безмолвныя или разговаривающія шопотомъ и жестами.

Видимо, всѣ эти люди прячутся отъ кого-то.

Въ первой группѣ сидѣлъ могущественный господарь Молдавіи Василій Лупулъ, съ семействомъ и придворными.

Гетманъ Украйны обѣихъ сторонъ Днѣпра исполнилъ свою угрозу, прислалъ въ Молдавію тридцать шесть тысячъ сватовъ за домною Розандою: шестнадцать тысячъ казаковъ подъ предводительствомъ Тимоша, полковниковъ Тетери, Носача и арматнаго писаря Дорошенка, а съ ними двадцать тысячъ татаръ подъ предводительствомъ Карабчи-мурзы. Эти «сваты» начали свое

кровавое сватовство взятіемъ и сожженіемъ молдаванскаго города Сороки, а потомъ разсыпались по всей Молдавіи, обращая все въ пепелъ и развалины, или, какъ говоритъ самовидецъ, «неподѣвано зо всѣми потугами козацкими и татарскими напавши на Волоскую землю, въ нѣвецъ все обернули, завоевали по самыя горы, людей побрали въ полонъ и набитки ихъ» *). Татарскіе сваты не щадили ничего, и никого: гнали людей и скотъ цѣлыми табунами, на арканахъ тащили мужчинъ, нагайками подгоняли женщинъ и дѣтей.

— Айда!—радостно обращался Карабча-мурза къ казакамъ, — свадьба будытъ, баранъ будытъ, шашлыкъ будытъ, дэвка будытъ, много дэвка.

— Добре! Добре!—смѣялись казаки.—Такъ ихъ, волоцкихъ сыновъ! Не хотѣли добромъ отдавать дивчину, такъ вотъ же имъ!

Все это сообщалъ теперь Лупулѣ, сидѣвшему подъ букомъ, тотъ рыжеватый полякъ, который стоялъ передъ нимъ съ другимъ, сѣдоусымъ полякомъ, возвратившись отъ Потоцкаго, у котораго Лупулъ просилъ помощи, спрятавшись съ своимъ семействомъ въ буковый лѣсъ.

— Потоцкій, господарь, велѣлъ тебѣ передать слѣдующее,— докладывалъ Лупулѣ его посланецъ, панъ Доброшевскій,—ты, говоритъ, не знаешь, что такое Хмельницкій, а я его знаю: онъ убилъ моего сына, а потомъ и меня разбилъ на голову, да, привязавъ на пушку, промучилъ съ недѣлю, а потомъ отдалъ въ полонъ татарамъ: только за большой выкупъ, говоритъ, меня отпустили изъ плѣна.

Лупулъ безнадежно покачалъ головой.

— О, мое дитя, мое бѣдное дитя!—тихо прошепталъ онъ.

А та, о которой онъ плакался, сидѣла тутъ же недалеко, подъ другимъ букомъ, рядомъ съ матерью, на разостланной шкурѣ того медвѣдя, съ которымъ связаны были лучшія воспоминанія ея молодой жизни.

— О, мама, мама! Онъ придетъ, мой Димитрій!—со слезами говорила она.—Онъ придетъ съ войскомъ и освободитъ насъ... Онъ обѣщалъ.

— Но, дитя мое, онъ нейдетъ,—печально говорила мать.

---

*) Лѣтопись самовидца. Кіевъ, 1878, стр. 23.

— Да вѣдь онъ, мама, не самъ придетъ, а съ Потоцкимъ: онъ такъ и сказалъ, что придетъ съ войсками коронпаго гетмана.

— Ахъ, дитя мое, бѣдное дитя!—продолжала господарша.— Печальна наша судьба... Вотъ и меня дѣвочкою похитили съ моей родины, на Кавказѣ, запорожцы, когда я беззаботно гуляла въ саду отца на берегу Чернаго моря. Потомъ въ Кафѣ промѣняли меня армянину на двухъ казаковъ-невольниковъ, дорого цѣнили мою несчастную красу дѣвичью. Армянинъ отвезъ меня въ Стамбулъ и тамъ продалъ за большія деньги великому визирю... Господи! Сколько я плакала, когда вспоминала о Кавказѣ, объ отцѣ! Мать я потеряла раньше... Боже, Боже, сколько слезъ было!

— А потомъ, мама?—заинтересовалась дѣвушка.

— Потомъ визирь подарилъ меня султану...

— Подарилъ!—съ негодованіемъ воскликнула дѣвушка.

— Меня взяли въ сераль... А падишахъ, желая оказать милость твоему отцу,—онъ былъ тогда въ Стамбулѣ и добивался престола Молдавіи,—такъ падишахъ, поручая ему престолъ Молдавіи, подарилъ еще богатую саблю, шубу, арабскую кобылицу и меня.

Розанда вспыхнула. Потомъ, помолчавъ, спросила:

— И отецъ женился на тебѣ?

— Да, женился,—отвѣчала мать.

— А ты его любила тогда, мама? Очень любила?

Жена Лупула грустно улыбнулась.

— Я потомъ полюбила твоего отца; онъ меня любилъ, баловалъ, исполнялъ всѣ мои прихоти, и я была счастлива... Потомъ родились вы, мои дѣти, а дѣти для женщины замѣняютъ все...

Въ это время на вершинѣ одного бука, среди густо разросшихся вѣтвей дерева, что-то зашуршало. Всѣ подняли вверхъ головы, и глаза всѣхъ обратились къ темнѣвшей между зеленью листьевъ человѣческой фигурѣ.

— Что, Андреско, видишь тамъ что-нибудь?—спросилъ тревожно Лупулъ, поднимаясь съ ковра.

— Вижу, господарь... въ разныхъ мѣстахъ города показался дымъ,—отвѣчали съ дерева.

— Боже!—всплеснулъ руками господарь.—Они зажгли городъ, варвары!

— Городъ зажгли?—съ ужасомъ спросила жена господаря, тоже поднявшись на ноги.

— Да, это вѣрно... Злодѣи не пощадятъ ничего,—съ отчаяніемъ произнесъ Лунулъ.

— Что дѣлать! Надо покориться, — сказалъ какъ бы про себя сѣдоусый полякъ, совѣтникъ Лунула, Кутнарскій.

— Да, да! Надо сейчасъ же, а то будетъ поздно,—подтвердилъ и Доброшевскій.

— Пожаръ все больше и больше охватываетъ предмѣстья города!—послышалось съ дерева.

Съ грустною рѣшимостью на лицѣ Лунулъ подошелъ къ дочери. Дѣвушка стояла на медвѣжьей полости рядомъ съ матерью и тихо плакала, не глядя на отца.

— Бѣдное дитя!—сказалъ онъ горестно, гладя голову дочери.—Надо согласиться... Они зажгли городъ...

Дѣвушка взглянула на него полными слезъ глазами: въ нихъ столько было чистой красоты и невинности, что и Лунулъ прослезился.

— Да,—подтвердилъ Кутнарскій, показывая рукой по направленію къ Яссамъ,—это горитъ новая Троя изъ-за прекрасной Елены.

— Да онъ меня даже не видѣлъ, этотъ варваръ!—съ отчаяніемъ воскликнула дѣвушка.

— Нѣтъ, domina, о красотѣ дочери молдавскаго господаря кричатъ всѣ,—возразилъ Кутнарскій.

— Но ему не красота нужна, а деньги,—защищалась дѣвушка, съ мольбою глядя на мать.

— Да, правда, правда,—подтвердила послѣдняя,—притомъ же князь Вишневецкій говорилъ мнѣ, что у этого разбойника, у сына Хмельницкаго, есть какая-то украинская дѣвушка Олеся, которую онъ вымѣнялъ у Карабчи-мурзы на панну Ванду.

— Пожаръ все больше и больше!—слышалось съ дерева.

Господарь, махнувъ безнадежно рукой, отошелъ къ прежнему дереву, досталъ изъ небольшого сафьяннаго баульчика бумагу, чернильницу и перо и, сѣвъ подъ букомъ, началъ быстро писать, положивъ бумагу на колѣни.

Всѣ молча ждали, пока онъ писалъ. Розанда беззвучно плакала. Плакала и ея воспитательница, Марина Манеско. Не плакала только мать: въ рѣшительную минуту она сдержала себя. Она вспоминала свою дѣвичью судьбу, свои скитанія по бѣлу свѣту, Кавказъ, море, Кафу, Стамбулъ, султанскій гаремъ...

Господарь кончилъ писать и всталъ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Я написалъ Хмельницкому мое согласіе на бракъ съ нимъ дочери,—сказалъ онъ, обращаясь къ Кутнарскому и Доброшевскому.—Нельзя долѣе медлить; надо пожаръ остановить, засыпавъ злодѣямъ глаза золотомъ. Вотъ письмо къ Хмельницкому,—продолжалъ онъ, отдавая бумагу пану Доброшевскому,—пусть панъ Игнатій возьметъ изъ моей тайной казны,—вотъ ключъ отъ нея (онъ вынулъ изъ кармана ключъ и подалъ пану Игнатію), семь боченковъ, одинъ подъ нумеромъ 9-мъ, въ немъ десять тысячъ талеровъ, и шесть боченковъ отъ нумера 11-го до 16-го включительно, въ нихъ по сту тысячъ талеровъ: меньшій боченокъ панъ Игнатій вручитъ вмѣстѣ съ письмомъ Хмельницкому, а большіе шесть Карабчѣ-мурзѣ.

Панъ Доброшевскій поклонился.

— Пусть панъ не медлитъ, бери слугъ, лошадей, боченки и отправляйся въ ставку злодѣевъ!—заключилъ господарь.

— О, еслибъ это было только отступное!—со вздохомъ сказалъ панъ Кутнарскій.

VIII. Разлука.

Тихая весенняя ночь надъ Суботовымъ, резиденціею Хмельницкаго, украинская ночь! Весь воздухъ, кажется, напоенъ чарующею мелодіею поэтической ночи. Одни звуки смѣняются другими, взаимно сливаются и стоятъ въ воздухѣ, составляя одну стройную, непрерывную гармонію, которая звучитъ и въ тихомъ воздухѣ, и въ зелени спящаго лѣса, и надъ зеркальною поверхностью сонпаго озера. Пѣніе соловья смѣняется стройными хорами молодежи, распѣвающей «веснянки», а потомъ снова поютъ соловьи.

Вдоль левады между тополями тихо крадется какая-то тѣнь, робко оглядываясь по сторонамъ и прислушиваясь не то къ своимъ шагамъ, не то къ поэтической мелодіи украинской ночи.

— Это ты, Олесю?—слышится не то шопотъ листьевъ тополя, не то шопотъ человѣческаго голоса.

Отдаленное пѣніе заглушило этотъ тихій шопотъ.

— Олесю! Олесю! Это я.

Тѣнь остановилась, и другая тѣнь, болѣе высокая, обняла ее.

— Ахъ, это ты, Тимошъ?—послышался женскій шопотъ.

— А ты развѣ не меня искала? Другого? Да?

— Ну, какой же ты, право! Я заплачу...

— Ну, ну, я шучу... А помнишь, какъ ты въ Бахчисараѣ, подъ вечеръ, окликнула меня изъ сада Карабчи-мурзы, когда я шелъ къ нему?

— Какъ же, милый, не помнить! Еще я тогда такъ боялась!

— Чего, Олесю?

— Да какъ же! Этотъ Халиль-бей все хотѣлъ меня купить себѣ въ жены и все приставалъ къ Карабчѣ... Еслибъ не ты, Тимошъ, я такъ и загинула бы тамъ въ «бранкахъ».

Они присѣли подъ калиновымъ кустомъ; Тимошъ снялъ съ себя шапку.

Мимо нихъ, ничего не замѣчая, прошла еще парочка, обнявшись.

— Какъ-же-жъ я буду плакать, Ивасю, когда ты пойдешь въ походъ!—слышался женскій голосъ.

— Да я, Хвесю, скоро вернусь: мы идемъ не на войну, а на свадьбу,—отвѣчалъ другой голосъ, мужской.

— А все-жъ я буду плакать...

Послышался поцѣлуй. Парочка прошла дальше.

— Это мой Ивась!—шепнулъ Тимошъ.—И онъ ужъ гуляетъ.

— Э! Онъ давно началъ съ Хвесею водиться.

— А кто жъ эта Хвеся?

— Да Охримова дочка.

Въ это время недалеко послышалось одинокое пѣніе.—Пѣлъ женскій голосъ:

Шумить, гуде дибровонька,
Плаче, туже дивчинонька...

— Бѣдная! Должно быть, ея милый на войнѣ или въ неволѣ,—вздохнула Олеся.

Ой, пиду жъ я утоплюся,
Чи объ каминь разибьюся!..

— Бѣдная!—снова вздохнула Олеся.—Вотъ и я такъ пѣла въ прошломъ году.

— Отчего?—спросилъ Тимошъ.

— Какъ отчего! Ты тогда ходилъ въ Молдавію: я думала, что ты тамъ женишься на этой, какъ ее? Господарувнѣ...

— На Розандѣ?—вздохнулъ въ свою очередь Тимошъ.

— Да... А хороша она собой?

— Не знаю: я никогда ее не видалъ.

— А люди говорили, что ты ѣздилъ ее сватать.

— Отецъ посылалъ, а я тутъ не при чемъ: по мнѣ, она хоть бы совсѣмъ провалилась.

Дѣвушка крѣпко обняла своего возлюбленнаго за такой отвѣтъ.

— А посмотри на небо, какія тамъ зори (звѣзды) ясныя! Которая твоя зирочка?

Тимошъ поглядѣлъ на звѣзды. Для него они имѣли практическое значеніе: ночью, среди необозримыхъ степей, по звѣздамъ онъ узнавалъ, гдѣ полдень, гдѣ востокъ, гдѣ полночь.

— А? Которая твоя?—переспросила дѣвушка.

— Вонъ та, небольшая, что надъ вершиною того тополя: она всегда на одномъ мѣстѣ.

Тимошъ указалъ на полярную звѣзду.

— Отчего она твоя?—спросила дѣвушка.—Она такая маленькая.

— Ну, да,—улыбнулся Тимошъ,—такая же маленькая, какъ ты, но по ней я никогда ночью не собьюсь съ дороги.

— А моя вонъ та!—сказала она, помолчавъ.—Большая...

— То Венера; такъ ее намъ въ бурсѣ называли: то зоря любови, кохання.

— За то жъ и я ее люблю.

Въ ближайшихъ кустахъ заливался соловей.

— И у насъ соловейко гнѣздо свилъ,—тихо заговорила дѣвушка, прижавшись головкой къ плечу своего парубка, — помнишь тотъ кустикъ, гдѣ мы съ тобой еще дѣтьми въ первый разъ поцѣловались?

— Помню, это еще задолго до того, какъ тебя татары въ полонъ угнали.

— Да... Мнѣ тогда было лѣтъ двѣнадцать.

— Ну, и я тогда еще недавно пересталъ на-налочкѣ верхомъ ѣздить.

— А все жъ мнѣ потомъ было стыдно, когда мы поцѣловались... Да и хитрая жъ я тогда была!.. Я нарочно сказала, что такъ ушибла ногу, будто не могу подняться, а ты нагнулся, чтобъ поднять меня, и началъ цѣловать... Я такъ къ тебѣ и пристала губами, а сама и виду не показываю, что цѣлую тебя...

— А въ Крыму я долго не зналъ, что ты у Карабчи-мурзы,— сказалъ задумчиво Тимошъ, гладя голову дѣвушки,—только ужъ передъ походомъ, когда ты меня окликнула, я увидѣлъ твои глаза и брови.

— Да... Но вѣдь меня держали на женской половинѣ, и меня изъ постороннихъ мужчинъ никто не видѣлъ, только этотъ кривоокій Халилька, да и то одинъ разъ всего, когда меня Карабча на базарѣ покупалъ.

Вдругъ гдѣ-то запѣлъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій...

— Ахъ, милый!—спохватилась дѣвушка.—Мнѣ пора домой, меня ждутъ.

— Постой!—отрывисто сказалъ Тимошъ.

— Пусти, Тимосю, мнѣ пора,—настаивала дѣвушка.

— Минутку... Я пришелъ съ тобой проститься...

— Какъ? Зачѣмъ?

— Меня батько посылаетъ завтра въ походъ.

— Куда?—спросила Олеся дрогнувшимъ голосомъ.

— Въ Молдавію...

— Опять въ Молдавію!

— Да, свататься за Розанду.

Дѣвушка схватилась за сердце...

— Олесю! Не убивайся, я не разлюблю тебя... Тебя одну любилъ, тебя одну и до могилы любить буду... Знай это!.. Хоть меня и оженятъ, я все же твоимъ останусь, только твоимъ... У меня вѣдь одна душа, одно сердце, а оно твое! Надъ нимъ и гетманъ не воленъ. Жди меня, я скоро вернусь... Прощай, мое солнышко незаходимое!

Тимошъ судорожно обнялъ ее, поцѣловалъ въ похолодѣвшія губы, перекрестилъ и исчезъ въ тѣни тополей и развѣсистыхъ вербъ...

IX. Встрѣча сватовъ.

На другой день грозные «сваты» дѣйствительно двинулись въ походъ.

Господарь Молдавіи, несмотря на обѣщаніе отдать дочь за Тимоша, продолжалъ лукавить и увертываться. Сначала онъ отправилъ Розанду въ Литву, къ старшей дочери, которая была за Радзивиломъ, погостить и развлечься послѣ тяжелой сцены въ буковомъ лѣсу. Потомъ онъ отослалъ ее, съ боярыней Манеско, въ Константинополь, въ доказательство своей вѣрности султану.

Весной 1650 года Розанда опять воротилась къ отцу въ Яссы, и вотъ теперь-то за ней ѣхали грозные сваты, съ женихомъ во главѣ многочисленнаго войска, съ дѣйствительными свадебными поѣзжанами, съ «свашками» и «свитилками» изъ украинской знати.

Польша, съ своей стороны, выставила не одного жениха, а трехъ претендентовъ на руку и сердце новой «прекрасной Елены». Эти были: князь Димитрій Вишневецкій, поселившій уже нѣжное чувство въ сердцѣ юной красавицы, потомъ сынъ коронного гетмана, Петръ Потоцкій, староста каменецкій, и, наконецъ, самъ старикъ Калиновскій, польный гетманъ. Всѣхъ очаровала Розанда.

Получивъ извѣстіе, что Тимошъ выступилъ въ походъ, Калиновскій съ пятидесяти-тысячнымъ войскомъ двинулся ему наперерѣзъ, къ Бугу, къ горѣ Батогу. Здѣсь онъ разбилъ свой станъ между окопами. Нѣкоторые изъ его подчиненныхъ, опытные служаки, говорили ему, что его планъ не годится, что слѣдуетъ прежде пропустить жениха, а потомъ, собравъ всѣ силы, на-голову разбить войска и жениха, и его коварнаго отца.

Но именно пропустить-то молодого жениха къ невѣстѣ старый, семидесятилѣтній женихъ и не хотѣлъ.

Напрасно урезонивалъ его старикъ Пржіемскій, начальникъ польской артиллеріи, старикъ ничего и слушать не хотѣлъ.

— Я гетманъ! Я за все отвѣчаю! Я знаю, что дѣлаю!—горячился онъ.

— О, пане гетмане!—качалъ сѣдою головой Пржіемскій.— Послушай меня, и я не молодъ... Послушай меня старика, пане

гетмане!—повторялъ Пржіемскій.—Я и смолоду красно говорить не учился, да дѣлю смыслю: вѣдь словами казацкой и татарской сабли отъ шеи не отобьешь. Будетъ бѣда, если мы ихъ остановимъ: запьетъ казакъ нашею кровью свадебную пирушку; побьютъ у насъ лошадей, а потомъ загонятъ, какъ волковъ, въ яму, и кончится тѣмъ, что мы или постыдно сдадимся, или напрасно погибнемъ. Уйди лучше, панъ гетманъ, съ конницею, а я съ нѣмецкою пѣхотою останусь здѣсь. Мы спасемся. И если непріятель нападетъ на насъ, мы станемъ обороняться, а ты между тѣмъ соберешь войско изъ-за Днѣпра. Два мѣсяца я обѣщаю тебѣ биться противъ нихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — упрямился Калиновскій. — Хмельницкій боится насъ, я увѣренъ въ этомъ. Сынъ его идетъ съ малочисленнымъ войскомъ: теперь-то и случай нанести ударъ врагу отечества. Стыдно мнѣ было бы, еслибъ я не спасъ чести господаря въ такомъ трудномъ положеніи.

Между тѣмъ среди жолнеровъ ходили странные разсказы, не предвѣщавшіе ничего добраго.

— Сегодня ночью,—разсказывалъ одинъ жолнеръ-кавалеристъ,—просыпаюсь я и вижу на небѣ огненныя двѣ полосы, точно двѣ громадныя метлы, а потомъ онѣ сошлись, и вдругъ, панове, смотрю, образовался изъ нихъ огромнѣйшій мечъ рукоятью къ востоку, а остріемъ на нашъ обозъ.

— На обозъ!—воскликнули слушатели.

— Да, на обозъ, панове,—подтвердилъ разсказчикъ.

— О! Это дѣло плохое. Не миновать намъ бѣды.

— Такъ, сказываютъ, было и при Желтыхъ-Водахъ, гдѣ пало столько храбрыхъ головъ съ молодымъ Потоцкимъ, и гдѣ попали въ полонъ оба наши гетмана, и коронный, и польный.

— Этотъ самый Калиновскій?

— Онъ самый.

— Да это что, панове!—вмѣшался въ разговоръ старый артиллеристъ.—Вчера мы съ Антосемъ ходили къ Бугу банники мыть. А тамъ, знаете, надъ самымъ Бугомъ скала, а въ скалѣ пещера. И что бъ вы думали, панове! Станемъ мы это съ Антосемъ говорить, а о н о изъ пещеры насъ передразниваетъ.

— Кто о н о?—съ недоумѣніемъ спросилъ одинъ молодой шляхтичъ.

— А Богъ его знаетъ, что о н о такое, а только говоритъ человѣческимъ голосомъ,—отвѣчалъ разсказчикъ.

— Да это, можетъ, эхо!—вмѣшался какой-то скептикъ.

— Хорошо эхо!—глянулъ на него съ презрѣніемъ старый артиллеристъ.—Я послалъ туда на скалу Антося, у меня, видите ли, панове, ноги слабы, не взберусь на скалу, а у Антося ноги молодыя. Вотъ онъ, панове, и взобрался туда, а о н о и говоритъ: «Подите и скажите вашему гетману, чтобъ онъ поскорѣй уходилъ отсюда: придетъ сюда свирѣпый пьяница, который думаетъ обрить ему бороду; бритва, говоритъ, у него острая: какъ бы онъ съ бородой не отрѣзалъ ему и головы».

— Ну, и что жъ, вы сказали объ этомъ гетману?—спросилъ скептикъ.

Разсказчикъ презрительно поглядѣлъ на него.

— Поди-ка сунься, скажи!

— А Антось?

— Въ ту же ночь совсѣмъ бѣжалъ изъ стана.

— Вѣрно, онъ не изъ храбрыхъ?

— Не знаю... У него на лбу не написано.

Вдругъ послышался командный сигналъ.

— До брони, панове! До брони!—засуетились всѣ и бросились къ своимъ командамъ.

И было отчего! Двигалась какая-то нестройная масса, виднѣлись бараньи шапки, бараньи шкуры—какія-то чудовища на коняхъ, торчали пики, сагайдаки. Масса двигались вдали, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, но не на польскій станъ, а мимо.

— Татары!.. Казаки!..

Калиновскій, верхомъ на бѣломъ конѣ, подбоченясь, проѣхалъ по фронту артиллеріи, дулами обращеной по направленію къ двигавшейся нестройной массѣ. У пушкарей въ рукахъ дымились фитили.

Калиновскій сдѣлалъ знакъ, и вдругъ грянулъ залпъ!

Нестройная масса, дрогнувъ, обратилась въ бѣгство.

— А!—радостно сверкнули глаза стараго гетмана.—Они бѣгутъ! Бейте невѣрныхъ! Сегодня суббота, день Матери Божіей! Впередъ!

Вся земля, казалось, дрогнула, когда многотысячная конница понеслась изъ обоза за бѣгущими. Воздухъ потрясенъ былъ криками, призывавшими имя Божіей Матери.

Нестройныя массы татаръ и казаковъ бѣгутъ отъ неизбѣжной смерти. Конница польская воодушевилась предстоящимъ по-

раженіемъ непріримаго врага. Но лукавому врагу этого только и нужно было: онъ заманивалъ легковѣрныхъ поляковъ, отвлекалъ отъ обоза, отъ артиллеріи, отъ пѣхоты.

Вотъ-вотъ Калиновскій настигнетъ враговъ... Но въ это время послышался позади топотъ, конское ржаніе, облако пыли.

Это летитъ изъ обоза ротмистръ Зелинскій съ своимъ взводомъ, на немъ лица нѣтъ:

— Назадъ! Назадъ!—кричитъ онъ прерывающимся голосомъ.—Казаки въ тылу обоза! Казаки нападаютъ на обозъ!

Калиновскій на мгновеніе растерялся.

— Къ обозу!—крикнулъ онъ.

Конница поворотила назадъ. Воодушевленіе разомъ упало.

— Алла! Алла! Алла!—дрогнулъ въ тылу конницы пыльный воздухъ отъ дикихъ криковъ.

Засвистѣли пули, стрѣлы, и дѣлали свое дѣло: татарскія и казацкія лошади уже перескакивали черезъ трупы убитыхъ, черезъ раненыхъ, издававшихъ стоны и проклятія старому гетману.

Оказалось, что Тимошъ съ главными силами обошелъ непріятеля, переправился черезъ Бугъ выше Ладыжина, зашелъ съ тылу обоза и, напавъ на поставленный вдали отъ обоза наблюдательный отрядъ, почти весь истребилъ его. Оставшіеся въ живыхъ принесли страшную вѣсть: на обозъ идетъ безчисленное казацкое и татарское войско!

Татары и казаки, гнавшіеся за польской конницей, остановились на разстояніи отъ обоза немного далѣе пушечнаго выстрѣла...

Вечерѣло. Наступала прелестная весенняя ночь; на небѣ показывались звѣзды, тѣ звѣзды, при тихомъ мерцаніи которыхъ недавно, въ Суботовѣ, Тимошъ прощался съ плакавшею дѣвушкой.

X. Битва при Батогѣ.

Но это была ужасная ночь.

Въ польскомъ станѣ господствовалъ ужасъ. Смятеніе написано было на всѣхъ лицахъ. Жолнеры сходились кучками. Слышались проклятія. Офицеры всю вину слагали на Калиновскаго.

— Гетманъ губитъ насъ!—кричали многіе.—Черезъ него мы всѣ должны погибнуть! Зачѣмъ онъ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не послушался умныхъ людей, которые совѣтовали ему

отступить? Зачѣмъ онъ не узналъ настоящимъ образомъ о силахъ непріятеля?

Жолнеры упали духомъ.

Недаромъ на небѣ видѣли огромный мечь надъ обозомъ.

— А развѣ не то же говорило о н о тамъ, въ пещерѣ.

— Недаромъ и твой Антось бѣжалъ.

Ропотъ въ обозѣ все болѣе и болѣе усиливался.

— Старый сумасбродъ!—громко кричали офицеры у самой гетманской ставки.—Его не научилъ татарскій плѣнъ! Ему опять хочется въ Крымъ. Такъ пусть же идетъ самъ, когда ему нравится: отдадимъ его татарамъ!

— Отдать его, отдать!—раздавались крики.—Этимъ мы спасемъ себя! Зачѣмъ пропадать всѣмъ изъ-за одного!

— Нѣтъ, не татарамъ — кричали другіе, — отдадимъ его Хмельницкому: онъ за это пощадитъ все войско и еще наградитъ насъ.

Калиновскій слышалъ все это въ своей палаткѣ и въ безсильной злобѣ сжималъ рукоятку своей сабли. Онъ вспомнилъ свой прежній позоръ: вспомнилъ, какъ при Желтыхъ-Водахъ Хмельницкій привязалъ его на пушку, и степной вѣтеръ трепалъ его сѣдые волосы... Теперь его ждетъ то же...

Онъ выбѣжалъ изъ палатки. Въ глаза ему глянула дивная ночь, небо съ мерцающими звѣздами. И въ такую ночь погибать, когда впереди, тамъ...

— Измѣнники! Трусы!—кричалъ онъ собравшимся—Съ ума сошли вы! Куда вы убѣжите? Въ рѣку—топиться, что ли? Впередъ! Я приказываю! Впередъ изъ обоза!

— Тебя вонъ изъ обоза!—отвѣчали ему, выхватывая сабли.

— Голову его! Голову!

— Татарамъ сѣдую, безумную голову!

— Хмельницкому въ подарокъ!

Надъ головою гетмана сверкнули сабли...

А ночь между тѣмъ близилась къ концу. Созвѣздія измѣнили свои положенія: однѣ звѣзды скрылись за западнымъ горизонтомъ, другія поднялись надъ восточнымъ. Глухо стонавшая въ сосѣднихъ болотахъ «бугай-птица», вынь, умолкла. Умолкъ къ утру и соловей. Потянулъ предразсвѣтный вѣтерокъ и принесъ оттуда, отъ татарской стоянки, запахъ какой-то гари и копоти съ чѣмъ-то острымъ. Это татары начинали свой ранній завтракъ

изъ сырой конины, пропитанной конскимъ же потомъ. Утренняя звѣзда, опередившая восходъ, ярко блистала на востокѣ, поджидая солнце, чтобы при приближеніи его къ горизонту поблѣднѣть и потомъ совсѣмъ погаснуть на цѣлый день. Вмѣстѣ съ гарью и копотью предразсвѣтный вѣтерокъ принесъ со степи и острый запахъ полыни, потоптанной копытами татарскихъ коней и освѣженной предутреннею росою.

Востокъ началъ алѣть. Высоко въ небѣ послышался крикъ какой-то птицы.

Непріятельскіе станы, казалось, забылись сномъ на зарѣ. Но это была зловѣщая тишина.

— Они бѣгутъ! — раздался въ утреннемъ воздухѣ крикъ около палатки гетмана.

Калиновскій узналъ голосъ своего сына Самуила и въ бѣшенствѣ выбѣжалъ изъ палатки.

— Нѣтъ, они не побѣгутъ!—закричалъ онъ и бросился къ артиллеріи.

Въ одно мгновеніе все поднялось на ноги, конница, пѣхота, артиллеристы. Конница, видимо, уходила изъ обоза.

— Пушки, впередъ! Пѣхота, раздайся! Палите по бѣглецамъ! Бейте трусовъ!—кричалъ гетманъ.

Команду гетмана повторили начальники частей по всему стану. Тотчасъ же орудія были обращены жерлами къ бѣгущимъ. Послѣдовалъ залпъ, и цѣлые ряды бѣглецовъ повалились подъ тучами пуль и картечи. За ними бѣглымъ маршемъ бросилась пѣхота. Обезумѣвшіе отъ ужаса и ярости бѣглецы оборачиваются и залпами поражаютъ преслѣдователей.

Все смѣшалось въ невообразимый хаосъ.

Калиновскій велитъ повторить залпъ.

Но вдругъ въ обозѣ вспыхнулъ пожаръ, и изъ-за холма съ страшнымъ крикомъ показалось казацкое войско.

Увидѣвъ страшную картину, казаки остановились въ недоумѣніи. Но они скоро поняли, въ чемъ дѣло.

Съ неудержимою стремительностью казаки и татары бросились съ разныхъ сторонъ на оторопѣвшее войско.

«Конница,—говоритъ историкъ,—не пришедшая еще въ память отъ многихъ пуль и картечей, растерянная внезапнымъ и свирѣпымъ натискомъ казаковъ, бросилась въ разсыпную. Но отовсюду поражали ихъ враги, и густыя толпы поляковъ, словно

робкое стадо, по выраженію современника, летѣли въ Бугъ. Нѣсколько тысячъ угонуло въ одно мгновеніе. Испуганные участью товарищей, другіе бросились въ обозъ; но казаки погнались за ними и вогнали въ огонь. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото; казаки гонялись за ними, перерѣзывая дорогу, заходили съ боковъ, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Храбрѣйшіе, видя, что смерть неизбѣжна, столпились около гетмана и въ отчаяніи рѣшились дать отпоръ непріятелю, но всеобщее смятеніе лишило ихъ возможности придти въ порядокъ; дымъ горящаго лагеря закрывалъ имъ глаза».

— Я не хочу болѣе жить!—воскликнулъ Калиновскій.

Онъ бросился въ сѣчу, и на него посыпались удары сабель...

Быстро отдѣлилъ татаринъ отъ туловища сѣдую голову своею кривою саблей, взялъ голову за волосы, вскочилъ на сѣдло и поскакалъ къ султану Нуреддину.

Нуреддинъ и Золотаренко стояли на возвышеніи и наблюдали страшную картину пораженія. На другомъ возвышеніи, надъ самою сѣчею, гдѣ казаки добивали артиллерію, осадилъ своего взмыленнаго коня Тимошъ. Рядомъ съ нимъ осадилъ коня и Ивась.

Въ это время мимо нихъ проскакалъ татаринъ, высоко держа надъ собой окровавленную голову Калиновскаго.

— Кесимъ башка!—кричалъ татаринъ.—Гетманъ башка!

Онъ поскакалъ къ Нуреддину, показывая ему голову.

— А! Сдохла собака,—сказалъ Золотаренко, вглядываясь въ мертвое лицо врага,—теперь уже не укусишь.

— Окупу намъ не доплатилъ,—покачалъ головою Нуреддинъ,—обѣщалъ прислать въ Крымъ и не сдержалъ слова.

— Дайте его голову намъ,—сказалъ Золотаренко,—мы ее пошлемъ до нашего батька Хмельницкаго.

Нуреддинъ приказалъ татарину ѣхать впереди съ головою Калиновскаго, какъ съ трофеемъ, и показывать войску.

Но торжественное шествіе съ головою гетмана было неожиданно остановлено. Въ одномъ мѣстѣ казаки въ безпорядкѣ отступали, оглашая воздухъ проклятіями.

— Что случилось, панове товаристо? — закричалъ Тимошъ отступающимъ.

Оказалось, что восемь полковъ нѣмецкой пѣхоты, сбившись въ углу, образуемомъ Бугомъ, рѣшились мужественно встрѣтить

смерть. Ими командовалъ Марко Собѣскій, братъ будущаго короля.

Казаки ничего не могли съ ними сдѣлать, налетали, но, встрѣтивъ дружный огонь, отскакивали назадъ.

«Вдругъ, — говоритъ историкъ, — будто сильный дождь изъ облака или вихорь пустынный, Карабча-мурза, съ четырнадцатью тысячами ногайцевъ, бросился на нихъ въ тылъ изъ-за стороны горы Батога. Ужасный крикъ огласилъ воздухъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь, нѣмецкая пѣхота смѣшалась и противъ воли положила оружіе; татары и казаки рубили ее по всѣмъ направленіямъ».

Мужественный Собѣскій былъ убитъ. Погибъ и сынъ Калиновскаго, Самуилъ.

XI. Ладанна cum persona virginis.

Домна Розанда, изъ-за которой уже второй разъ было пролито столько крови, ничего еще не знала о послѣднемъ пораженіи сторонниковъ ея отца и о трагической смерти одного изъ претендентовъ на ея руку. Дѣвушка продолжала ждать своего рыцаря. Она знала только, что молодой Хмельницкій выступилъ въ походъ съ сильнымъ войскомъ съ тѣмъ, чтобы, согласно обѣщанію ея отца, явиться къ ней съ предъявленіемъ своихъ правъ; но она знала также, что этого не будетъ, что Калиновскій съ болѣе сильнымъ войскомъ заступилъ ему дорогу. Она поэтому и ждала, что ея Димитрій раньше явится къ ней во главѣ свадебнаго поѣзда.

Утромъ, вмѣстѣ съ Мариной Манеско, она по обыкновенію вышла гулять въ свой загородный садъ, а изъ сада ее потянуло къ сосѣднему буковому лѣсу, на опушкѣ котораго она въ первый разъ встрѣтились съ медвѣдемъ и съ Димитріемъ.

Утро было сумрачное, хотя вполнѣ теплое, и птицы весело щебетали въ лѣсу. На полянкѣ передъ буковымъ лѣсомъ пестрѣли полевые цвѣты.

— А вотъ и то мѣсто, помнишь, гдѣ я тогда упала въ обморокъ?—съ улыбкой обратилась она къ своей спутницѣ.

— Какъ не помнить! Развѣ такой ужасъ можно забыть?— отвѣчала боярыня.

Въ это время со стороны дома показался дворцовый слуга. Господарша звала ихъ домой.

— Зачѣмъ?—спросила Розанда.

— Не могу знать, domina... Пріѣхали какіе-то казаки, — отвѣчалъ слуга.

— Казаки!—съ испугомъ воскликнула дѣвушка, блѣднѣя.

Какъ приговоренная къ казни, она воротилась въ палацъ. Ее встрѣтила мать.

— Какіе казаки, мама?—спросила она и испугалась даже своего голоса.

— Отъ Хмельницкаго, дитя мое,—отвѣчала мать.

— А не самъ онъ?

— Нѣтъ... Онъ что-то прислалъ тебѣ, и посланному велѣно передать это тебѣ лично...

Вошелъ и господарь; на лицѣ его Розанда не замѣтила никакой тревоги.

Вслѣдъ затѣмъ растворилась дверь, и на порогѣ показался стройный, красивый и сильно загорѣлый юноша, въ казацкомъ одѣяніи.

Это былъ Ивась, уже настоящій казакъ, и чубъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Онъ, свободно, но почтительно приблизившись къ господарю, припалъ на одно колѣно и подалъ ему пакетъ. Лупулъ уже раньше зналъ этого молодого посланца. Онъ развернулъ пакетъ. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ поданное ему письмо, лицо его выражало все большую и большую тревогу.

Съ прежнею почтительностью посланецъ молодого Хмельницкаго подалъ Розандѣ небольшой розовый атласный футляръ. Дѣвушка, принявъ его съ видимой боязнью, дрожащей рукой тотчасъ же передала матери. Мать открыла футляръ. Тамъ былъ небольшой золотой, осыпанный бриллiантами медальонъ. Открывъ его, она видимо изумилась: въ медальонѣ она увидѣла миніатюрный, писанный на слоновой кости портретъ своей дочери.

— Какъ онъ попалъ къ пану Хмельницкому? — невольно спросила она.

— Его сняли съ груди польнаго гетмана Калиновскаго,—отвѣчалъ посланецъ.

— Съ груди Калиновскаго?

— Убитаго въ сраженіи при Батогѣ, — пояснилъ посланецъ.

— Убитаго?.. Кѣмъ?

— Татарами.

Къ нимъ подошелъ господарь. Онъ былъ блѣденъ.

— Разскажи, какъ было дѣло?—обратился онъ къ посланцу; голосъ его дрожалъ.

— Serenissime domine!—началъ Ивась съ бурсацкою эрудиціей.—Его милость Хмельницкій junior слѣдовалъ съ войскомъ къ вашей свѣтлости съ добрыми намѣреніями, и на дорогѣ, у рѣки Буга, ему разбойническимъ образомъ propio motu, гетманъ Калиновскій съ войскомъ заградилъ путь, въ противность правамъ мирнаго времени, когда и Богъ не отнимаетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Когда же мы хотѣли пройти мимо, propria via, онъ напалъ на насъ вооруженною рукою, неожиданно начавъ битву, которая, при Божьей помощи, кончилась совершеннымъ его пораженіемъ, какъ обыкновенно бываетъ съ грабителями и разбойниками, скрытно нападающими на путешественниковъ въ дорогѣ.

— И онъ былъ убитъ?—спросилъ господарь.

— Убитъ татарскою стрѣлою, ваша свѣтлость. Съ нимъ палъ и сынъ его Самуилъ, и панъ Марко Собѣскій.

— А войска сколько пало?

— Больше двадцати тысячъ.

— Боже! Боже!—Онъ взглянулъ на жену и дочь. Тѣ стояли также блѣдныя, трепещущія.

— А это что жъ такое?—Онъ взялъ медальонъ изъ рукъ жены.

— Эту ладанку, ваша свѣтлость, нашли на груди убитаго гетмана,—отвѣчалъ Ивась.—Татаринъ отрубилъ ему голову и тамъ же, на полѣ битвы, привезъ ее султану Нуреддину.

— Боже! Боже!—повторялъ господарь.

— А его милость панъ Хмельницкій junior приказалъ отыскать тѣло гетмана, и вотъ на груди у него эту ладанку cum persona virginis я и нашелъ, и его милость панъ Тимохвій и отправилъ меня гонцомъ съ письмомъ къ вашей свѣтлости и съ сею ладанкою къ ихъ свѣтлости.

Тимошъ разсчитанно дѣйствовалъ такимъ образомъ. Онъ зналъ, что его не желаютъ имѣть зятемъ, и онъ показалъ теперь, чего отъ него могутъ ждать.

Розанда не могла понять одного, какъ попалъ къ Калиновскому ея портретъ, который она подарила сестрѣ, княгинѣ Радзивилъ.

— Гдѣ же теперь панъ Тимоѳей?—спросилъ господарь.

— Онъ съ войскомъ ожидаетъ милостиваго отвѣта отъ вашей свѣтлости,—отвѣчалъ посланецъ.

— Хорошо, я дамъ отвѣтъ.

И мать, и дочь воротились во внутренніе покои совсѣмъ убитыя, потерянныя.

XII. Расплетаніе косы.

Въ концѣ августа молодой Хмельницкій во главѣ значительнаго казацкаго отряда приближался уже къ границамъ Молдавіи. Съ нимъ были Выговскій, Тетеря, нѣсколько полковниковъ, эсауловъ, сотниковъ, а также свадебные «дружки» и «свашки».

Въ Ямполѣ жениха встрѣтилъ посолъ отъ невѣсты, «великій дворникъ волоскаго господаря», бояринъ Тома, съ присланною отъ невѣсты же шести-упряжною богатою каретою и съ обильнымъ запасомъ съѣстного и напитковъ.

— Высоконареченная невѣста желаетъ вамъ счастливаго пути и благополучнаго прибытія въ домъ ея благородныхъ родителей,—сказалъ Тома, представляясь жениху, и подалъ ему письмо отъ господаря.

Господарь писалъ: «Беллона, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ. Неприлично тебѣ являться на свадебное торжество съ такимъ множествомъ грубыхъ кавалеровъ, какіе сопровождали тебя прежде. Отпусти татаръ, если они идутъ съ тобою, оставь казацкія шайки въ Украйнѣ, уговори отца не приближаться съ войскомъ къ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты».

Тимошъ улыбнулся, передавая письмо Выговскому.

— Со мной татаръ нѣтъ,—сказалъ онъ Томѣ, черномазому молдаваницу съ огромными бѣлками, — меня сопровождаетъ только домашняя свита.

Первый молдавскій городъ, черезъ который долженъ былъ прослѣдовать свадебный поѣздъ, былъ Сорока, еще не успѣвшій вполнѣ отстроиться послѣ сожженія его Тимошемъ.

Въ свадебномъ поѣздѣ находился сѣдой кобзарь Харько Дармограй, импровизаторъ и каламбуристъ, казацкій Тиртей. Увидавъ Сороку, онъ провелъ пальцами по струнамъ бандуры и тихимъ груднымъ голосомъ запѣлъ то мѣсто изъ сочиненной имъ въ первый походъ на Молдавію думы, гдѣ говорится объ упрямствѣ Лупула и о томъ, что отвѣчалъ Тимошъ на обидныя слова господаря.

Навстрѣчу поѣзду изъ города выѣхала почетная охрана, четыре тысячи молдаванскихъ воиновъ подъ предводительствомъ двоюроднаго брата господаря.

Этотъ почетный кортежъ провожалъ свадебный поѣздъ жениха до самой столицы Молдавіи.

Многотысячная толпа народа уже ждала за городомъ страшныхъ сватовъ, которые не далѣе, какъ годъ тому назадъ, опустошили всю Молдавію и со всѣхъ четырехъ сторонъ подожгли ея столицу. Теперь они являлись дорогими гостями, не менѣе, однако, страшными. Всѣмъ хотѣлось видѣть жениха, который сватался такимъ кровавымъ образомъ.

Онъ выступалъ впереди, на статномъ ворономъ конѣ, рядомъ съ братомъ господаря, съ Выговскимъ и Тетерею. На немъ атласный жупанъ кармазиннаго цвѣта, а на жупанѣ, въ накидку, бархатная ферезея. На головѣ сѣрая смушковая съ малиновымъ верхомъ высокая шапка, которая красиво оттѣняла мужественное, загорѣлое лицо съ черными усами и черными блестящими глазами.

У воротъ города его встрѣтилъ гофмаршалъ господаря, а за нимъ выступилъ и Лупулъ съ знатнѣйшими боярами.

Увидавъ будущаго тестя, женихъ быстро соскочилъ съ коня и, припавъ къ ногамъ господаря, обнялъ его колѣни, и старикъ поднялъ его и поцѣловалъ въ голову.

Оба невольно взглянули другъ другу въ лицо.

— Я давно считалъ великою честью породниться съ такимъ рыцаремъ, имя котораго, какъ и имя его славнаго родителя, давно прогремѣло по всей землѣ,—заговорилъ господарь;—но обоюдные враги постоянно старались насъ ссорить и мѣшать нашему союзу. Теперь же, да здравствуетъ навѣки братскій союзъ Молдавіи и Украины!

— Я считалъ бы себя недостойнымъ такой высокой чести, serenissime domine,—отвѣчалъ Тимошъ, по обычаю того вре-

мени мѣшая украинскую рѣчь съ бурсацкою латынью,—если бы на мнѣ лежалъ нравственный долгъ личною службою заплатить Молдавіи за все то зло, которое я причинилъ ей, по милости ея и моихъ недоброжелателей.

Послѣ этого оба они сѣли на коней и въѣхали въ городъ. Впереди, какъ почетный гость, ѣхалъ Тимошъ, а за нимъ господарь. Вслѣдъ за ними двинулся весь поѣздъ. Улицы города были запружены толпою, которая и встрѣчала, и провожала гостей восторженными, или, вѣрнѣе, дикими, неистовыми криками. При пушечной пальбѣ, подъ неумолкаемый звонъ колоколовъ всѣхъ ясскихъ церквей, подъ звуки трубъ, бубенъ, барабановъ, почетные гости поѣзда въѣхали во дворецъ.

Съ подобающею торжественностью ввелъ господарь жениха въ пріемные покои и представилъ матери невѣсты и ей самой.

Тимошъ взглянулъ въ глаза невѣстѣ, но они были скромно опущены. Въ умѣ его мелькнулъ образъ его Олеси...

И въ эту минуту, помимо его воли, въ душѣ его въ послѣдній разъ зазвучала мелодія, давно слышанная имъ въ Бахчисараѣ, въ саду Карабчи-мурзы:

Спомни соби, мій миленькій—я-жъ тебе любила;
Якъ поидешь—не барися, щобъ я не тужила...

Розанда сама изъявила желаніе, чтобъ обрядъ «расплетанія косы» совершенъ былъ по-украински. Что было у нея въ это время на душѣ, никто не зналъ. Хотѣла ли она этимъ угодить жениху, или въ ней говорило горькое сознаніе того, что тотъ, кого она впервые полюбила, забылъ ее, не отнялъ у другихъ, и она, какъ бы на зло ему и себѣ въ утѣшеніе, велѣла расплетать себѣ косу такъ, какъ это дѣлалось на Украйнѣ. Или, быть можетъ, она пожелала совершить этотъ грустный и поэтическій обрядъ, чтобъ вволю наплакаться? Она слышала отъ своей воспитательницы, что на Украйнѣ, при расплетаніи косы, невѣста всегда горько плачетъ подъ пѣніе подружекъ.

Въ этотъ вечеръ ее окружили подружки и украинскіе «свашки». Былъ тутъ и господарь съ женою, былъ и женихъ.

Когда Розанда сѣла на приготовленное ей мѣсто, «свашки» запѣли:

Благослови, Боже, и отецъ, и мати,
Своему дитяти косу росплитати...

Господарь подошелъ къ дочери и дрожащими руками сталъ расплетать ея роскошные волосы.

Дѣвушка чувствовала, какъ двѣ крупныя слезы отца упали ей на голову.

А «свашки» въ это время пѣли отъ ея имени:

Ой, батечку ти голубчику,
Поглянь же ты то на мій посадъ...

Розанда закрыла лицо руками и въ первый разъ горько заплакала.

XIII. Ужасное «слава Богу».

Прошло болѣе двухъ лѣтъ.

Розанда, жена Тимоша, жила въ Чигиринѣ, въ домѣ своего тестя, Богдана Хмельницкаго, почти не видя мужа.

Печальна была судьба женщины въ тѣ времена. Матери, жены, невѣсты, дочери, сестры одиноко сидѣли дома, съ грустью и со страхомъ ожидая вѣстей о мужьяхъ, о дѣтяхъ, о братьяхъ, о женихахъ, которые постоянно находились въ походахъ, въ битвахъ, и были ли живы, нѣтъ ли, одному буйному вѣтру было извѣстно, да вольной птицѣ... Оттого женщина того времени съ жалобами своими на судьбу обращалась то «до витру буйнесенькаго», то «до галочки чорнесенькой»: «ой, подуй, витре буйнесенькій»; «ой, полети, чорная галочко», а куда — невѣдомо, только чтобы принесли они отъ милаго вѣсточку.

Такъ и Розанда ничего вѣрнаго не знала ни о своемъ мужѣ, ни объ отцѣ, ни о матери. Доходили до нея печальныя вѣсти, что Ракочи и Стефанъ Гергица лишили ея отца престола, а мать ея вмѣстѣ съ Тимошемъ гдѣ-то подъ Сочавою отбиваются отъ молдаванъ, измѣнившихъ ея отцу, отъ седмиградчанъ и отъ поляковъ.

Дѣйствительно, лишенный престола, отецъ ея скрылся въ Рашковѣ, а мать съ Тимошемъ заперлись въ Сочавѣ и мужественно выдерживали жестокую осаду. Они бились какъ герои.

Но Розанда одного не знала: подъ Сочавою сошлись два человѣка, которые имѣли роковое вліяніе на всю ея жизнь.

Подъ Сочавою встрѣтились Тимошъ и князь Димитрій Вишневецкій. Послѣдній явился, чтобы мстить сопернику, отбившему у него невѣсту. Но онъ не зналъ въ лицо Тимоша, и только не-

ребѣжчики указали ему на него, когда онъ ходилъ по валу, осматривая пушки.

— Сразите этого тура, и замокъ будетъ нашъ, — сказалъ Вишневецкій пушкарямъ.

Ядро, ловко пущенное изъ «колюбрины», попало въ возъ, на которомъ стояла казацкая пушка, и осколки дерева поразили Тимоша въ ногу и въ голову.

Черезъ четыре дня молодого украинскаго богатыря не стало...

Мужественная мать Розанды держала въ тайнѣ отъ казаковъ смерть ихъ предводителя. Они скоро узнали, однако, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и порѣшили везти тѣло богатыря на Украйну.

На дорогѣ сынъ встрѣтился съ отцомъ.

— Слава Богу!.. — воскликнулъ старикъ. — Мой Тимошъ умеръ какъ казакъ, не достался врагамъ.

Утромъ 22-го октября 1653 года въ Чигиринѣ раздались пушечные и ружейные выстрѣлы; имъ вторили церковные колокола, это былъ заунывный погребальный перезвонъ.

Все населеніе Чигирина вышло за городъ. Впереди всѣхъ шла Розанда, блѣдная, съ заплаканными глазами. Около нея — жена Богдана и его дочери. Рѣдко кто въ народѣ не плакалъ, но больше всѣхъ плакала одна дѣвушка, затерявшаяся въ толпѣ...

ФАНАТИКЪ

Историческій разсказъ.

(1719—1720).

I. Царь поетъ на клиросѣ.

Во второй половинѣ января 1719 года въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, что за Ладожскимъ озеромъ, шла обѣдня.

Службу совершалъ настоятель монастыря, архимандритъ Александръ, высокій, съ курчавою головой и цыгановатымъ обликомъ монахъ, съ другими іеромонахами. Служеніе было торжественное, и торжественность эта замѣчалась во всемъ, въ яркомъ горѣніи свѣчъ во всѣхъ паникадилахъ, въ куреніи ладона, благовонный дымъ отъ котораго ходилъ по церкви волнами, въ праздничномъ облаченіи служащихъ и въ выраженіи ихъ лицъ, въ выраженіи какого-то страха и благоговѣнія. И клиръ казался торжественнѣе обыкновеннаго.

Но что особенно поражало и привлекало взоры всѣхъ, это гигантская фигура человѣка, стоявшаго на правомъ клиросѣ. Гигантъ былъ не въ монашескомъ одѣяніи, а въ камзолѣ изъ грубаго темнозеленаго сукна съ красными выпушками и обшлагами, изъ-за которыхъ видны были бѣлыя манжеты. На головѣ гиганта цѣлая грива черныхъ лоснящихся волосъ съ небольшою косицею. На гладко-выбритомъ полномъ лицѣ, нѣсколько осунувшемся, оставлены были только небольшіе, нѣсколько поднятые кверху усы. Но что особенно поражало въ этомъ энергическомъ лицѣ, въ гордомъ поворотѣ головы, это необыкновенные глаза, которые, казалось, насквозь проникали душу и вселяли въ нее невольный трепетъ. А между тѣмъ лицо это подергивалось иногда какими-то нервными судорогами.

Гигантъ пѣлъ вмѣстѣ съ прочимъ клиромъ, только сильный грудной голосъ его такъ рѣзко выдѣлялся изъ всего клира, что, казалось, онъ одинъ только и былъ слышенъ.

Въ то время, когда архимандритъ сталъ читать молитву: «Боже святый, иже во святыхъ почиваяй», гигантъ обратился къ одному изъ стоявшихъ на клиросѣ монаховъ:

— Что нынче изъ Апостола читается?

— Къ коринѳянамъ посланіе, ваше царское величество,— отвѣчалъ инокъ, іеромонахъ Іоакимъ Олончанинъ.

— Подай мнѣ Апостолъ, я буду читать,—сказалъ гигантъ.

Іеромонахъ съ глубокимъ поклономъ подалъ книгу, развернутую въ одномъ мѣстѣ, съ шитою золотомъ закладкою.

— Глава четвертая-на-десять, ваше царское величество,— пробормоталъ онъ съ тѣмъ же глубокимъ поклономъ.

Гигантъ взялъ книгу и вышелъ съ нею на середину церкви, къ амвону. Передъ нимъ все съ трепетомъ и низкими поклонами разступалось, словно трава передъ косою.

— Благослови, владыко!—возгласилъ между тѣмъ іеродіаконъ.

— Благословенъ еси на престолѣ славы царствія Твоего,— провозгласилъ архимандритъ.

Клиръ запѣлъ «трисвятое», а затѣмъ слѣдовалъ возгласъ іеродіакона: «Вонмемъ».

— Миръ всѣмъ!—съ какимъ-то трепетомъ въ голосѣ отвѣчалъ архимандритъ; но его покрылъ могучій голосъ гиганта:

— И духови Твоему!

Вся церковь, казалось, дрогнула отъ этого могучаго, повелительнаго возгласа. Всѣ глядѣли на эту трехъаршинную фигуру великана съ львиною гривою на головѣ и, казалось, ничего кромѣ него не видѣли, ни иконъ въ блестящихъ золотыхъ окладахъ, ни тысячи огней въ паникадилахъ, ни іеродіакона, совершавшаго кажденіе...

— Премудрость!—провозгласилъ этотъ послѣдній, осѣняя великана дымомъ кадила.

— Прокименъ!—грянулъ голосъ великана. — Къ коринѳянамъ посланіе, святого апостола Павла чтеніе. Братіе! Нынѣ же, аще пріиду къ вамъ, языки глаголя, какую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или въ откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествѣ, или въ наученіи? Обаче бездушная, гласъ

дающая, аще сопѣль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадятъ, како разумно будетъ писканіе или гудѣніе? Ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань?

Могучій голосъ чтеца, по обычаю московскихъ протодіаконовъ, возвышался все болѣе и болѣе, и отъ богатырскаго дыханія гиганта даже пламя свѣчей на ближайшемъ паникадилѣ колебалось какъ отъ дуновенія вѣтра.

— Не царемъ бы ему быть, а первымъ протодіакономъ въ Успенскомъ соборѣ,—шепталъ іеродіаконъ Іоакимъ своему сосѣду, «свиточнику» монастырскому Степану Артемьеву.

— Воистину гласъ трубный,—отвѣчалъ шопотомъ же «свиточникъ».

Между тѣмъ архимандритъ, сидя въ алтарѣ «на горнемъ мѣстѣ», сердито ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Грѣхъ одинъ, грѣхъ... и лицо скобленое, образъ блудоносенъ... и табунъ-траву нюхаетъ... не подобало бы таковому безстыднику въ храмѣ Божіемъ священное писаніе чести... о-охъ, увы!..

Когда же гигантъ-чтецъ, въ окончаніи, грянулъ:—«но въ церкви хочу пять словесъ моимъ умомъ глаголати, да инымъ пользую, нежели тьмы словесъ языкомъ»,—то всѣ стекла въ церкви задребезжали, а молящіеся со страхомъ вздрогнули.

Чтецъ этотъ былъ царь Петръ Алексѣевичъ. Послѣ сильныхъ душевныхъ потрясеній, испытанныхъ имъ за послѣднее время, когда шли розыски и казни по дѣлу сына его, царевича Алексѣя Петровича, государь чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и теперь ѣхалъ на Марціальныя воды лечиться. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Александро-Свирскій монастырь отдохнуть, гдѣ и пробылъ четыре дня. Передъ отъѣздомъ изъ монастыря онъ слушалъ обѣдню, пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостолъ. Читать Апостолъ Петръ Алексѣевичъ всегда любилъ и оттого во время церемоній знаменитыхъ «всепьяннѣйшихъ соборовъ» онъ всегда исполнялъ должность «архидіакона, княжь-папина жезлоносца» и всегда первымъ возглашалъ «пѣснь Бахусову»:

Бахусе пьянѣйшій главоболѣнія,
Бахусе мерзѣйшій рукотрясенія,
Бахусе, пьянымъ радованіе,
Бахусе, ногамъ скаканіе,
Бахусе, хребтомъ вихляніе и т. д.

По окончаніи службы государь, въ сопровожденіи настоятеля и всей братіи, отправился къ монастырской трапезѣ. Онъ заблаговременно объявилъ архимандриту, что будетъ трапезовать вмѣстѣ съ братіею и чтобы трапеза была обычная, повседневная, безъ «величанія чаши».

Трапезная представляла длинную, слабо освѣщенную келью, воздухъ которой насыщенъ былъ запахомъ прокислой капусты и свѣже-испеченнаго чернаго хлѣба. Слышалось также благовоніе лука и чернаго коноплянаго масла.

Послѣ предобѣденной молитвы и благословенія яствъ, государь съ двумя деньщиками помѣстился въ головѣ стола, а противоположный конецъ стола занялъ настоятель. Вдоль всего стола тянулся рядъ мисокъ, выдолбленныхъ изъ корельской березы и окованныхъ желѣзомъ. Грубыя, неуклюжія мисы вмѣщали въ себѣ по полуведру сѣрыхъ, пустыхъ щей, отъ которыхъ клубами валилъ паръ. Передъ мисками возвышались пирамиды рѣзанаго огромными ломтями чернаго, какъ тамбовскій черноземъ хлѣба. Тутъ же стояли деревянныя солоницы соотвѣтственной величины, самаго грубаго подѣла. Длинною шеренгою, словно солдаты въ строю, лежали противъ каждаго монаха деревянныя ложки, величиною въ голову двухмѣсячнаго младенца. Такая же ложка лежала и противъ царя, а равно такая же была противъ него и миска, и солоница.

Государь, не дожидаясь очереди, отломилъ кусокъ хлѣба, обмакнулъ его въ солоницу, взялъ ложку и началъ хлебать щи. Братія при этомъ замѣтила, что, когда царь обмакнулъ хлѣбъ прямо въ солоницу, отца-настоятеля видимо что-то покоробило, и они знали, что именно. Имъ это строжайше воспрещено было дѣлать на томъ основаніи, какъ объяснялъ настоятель, что когда апостолы за «тайною вечерею» спросили Христа, кто изъ нихъ будетъ Его предателемъ, Онъ отвѣчалъ: «омочивый въ солило руку, той мя предастъ»... И вдругъ царь это сдѣлалъ!..

Чтобы показать братіи и самому царю примѣръ «истоваго соленія святого хлѣба», отецъ-архимандритъ, осѣнивши крестнымъ знаменіемъ стоявшее передъ нимъ «солило», взялъ изъ него щепотью сколько было нужно и посолилъ лежавшій передъ нимъ ломоть, который и направилъ ко рту, предварительно перекрестивъ и этотъ послѣдній.

— Сіе творю по писанію,—пояснилъ онъ, обводя строгимъ

взоромъ всю братію, въ томъ числѣ и царя,—когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ на тайной вечери омочилъ свой хлѣбъ въ солило и подалъ его Іудѣ Искаріотскому, «и по хлѣбѣ тогда,—речетъ евангелистъ Іоаннъ,—вниде въ онъ сатана».

Откусивъ отъ ломтя и положивъ его на столъ, настоятель взялъ ложку, зачерпнулъ ею изъ общей миски щей, опрокинулъ ложку въ ротъ, опять положилъ ее на столъ и сталъ «истово», медленно жевать содержимое во рту.

Точно то же самое продѣлалъ и сидѣвшій по правую его руку инокъ, сѣдой старецъ; за нимъ третій, четвертый. Это была странная, поразительная картина: къ солоницамъ протягивались руки, затѣмъ эти руки, одна за другою, точно по командѣ, несли ко рту каждая свой ломоть, затѣмъ рука за рукой брались за ложки, тянулись въ миски, ложки опрокидывались въ разинутые рты, и затѣмъ шло общее «истовое» жеваніе сотни челюстей съ бородами сѣдыми, русыми, черными.

Царь отложилъ въ сторону свою ложку, необычайное зрѣлище братской трапезы поглотило все его вниманіе: братія жевала медленно, опустивъ глаза, и только слышалось чавканье челюстей, да мелькали ложка за ложкой то къ мискамъ, то къ разинутымъ ртамъ, а потомъ чинно клались на столъ по очереди...

А въ сторонѣ, у аналоя подъ иконами, дневальный инокъ читалъ вслухъ «истово», сильно гнуся, «Повѣсть о Іонѣ, епископѣ новгородскомъ»:

— «Прежде бо зѣло малѣхъ дней епископства его воздвижеся Витовтъ, князь виленскій, аки волкъ гладенъ человѣкомъ нападая, плоти ихъ оружіемъ хапая, и со всѣмъ литовскимъ множествомъ ходя на Великій Новградъ, оборити и поплѣнити хотя, и Порховъ градъ уже аки въ неводѣ обіятъ войска множествомъ, и борити той начинаше, и вся злая творити не умолчеваше»...

Государь слушалъ «повѣсть» съ видимымъ интересомъ. До щей онъ уже болѣе не дотрогивался. А дневальный инокъ продолжалъ подъ мѣрный стукъ деревянныхъ ложекъ и неумолчное чавканье иноческихъ челюстей:

— «Тѣмже суровый волкъ, яко время гладству своему обрѣть, на уставшая люди и много трудившаяся пріиде, пожрети мысля, преступивъ мирныя клятвы беззаконно и пагубно; обаче

послѣди воздастъ ему Господь ординскими цари. Цари бо ординстіи съ своими татары многое его литовское воинство, излѣзшее на пя въ поле, аки худы нѣкія животны, иже отъ пещеръ изскачущая, погубиша и сильныя коня его и комони отъяша, самому Витовту въ малѣ полцѣ утекшу».

Огромныя миски со щами выхлебаны братіею дочиста, ложки облизаны чисто, «истово», и положены на столъ. Дневальные бѣльцы-послушники убрали со стола миски и вмѣсто нихъ поставили такія же, наполненныя до верху гречневою кашею, жирно политою конопляннымъ масломъ.

Государь и каши зачерпнулъ своею ложкой, отвѣдалъ и ложку положилъ на столъ. Снова передъ глазами его замелькали ложки иноковъ, снова раскрывались и закрывались рты, снова слышалось только чавканье, прерываемое то тамъ, то здѣсь громкою икотой, причемъ икающій ротъ непремѣнно осѣнялся крестнымъ знаменіемъ; а дневальный черноризецъ продолжалъ читать:

— «И польскіе грады, и великая села безъ заставы остави Витовтъ оный, свое спасеніе токмо ища, ихже татарстіи руцѣ пусты ему вся положиша мнозѣмъ гнѣвомъ царя ихъ»..,

Государю точно молнія прорѣзала память: онъ вспомнилъ несчастную битву подъ Нарвой, и энергическое лицо его судорожно передернулось... «А за Нарву—Полтава»... подсказала та же память.

II. Ужасное подозрѣніе.

По отъѣздѣ изъ монастыря государя, среди братіи возникъ глухой ропотъ. То и дѣло слышалось имя настоятеля, суроваго архимандрита Александра: его обвиняли не только въ жестокости и своекорыстіи, но даже въ измѣнѣ его царскому величеству.

Дѣло въ томъ, что государь, отъѣзжая изъ монастыря подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ неприглядной монастырской жизни, жизни «впроголодь и впоколоть», при жалкой обстановкѣ, въ которой онъ самъ видѣлъ вопіющую «босоту и наготу» бѣдной братіи, рядовыхъ черноризцевъ, пожаловалъ «здоровой братіи» двѣсти рублей, а «больничной» пятьдесятъ: по тому времени деньги большія. Однако, настоятель всѣ эти деньги взялъ себѣ, а у больничной братіи, которой государево жалованье было роз-

дано по рукамъ, въ присутствіи самого царя, архимандритъ отобралъ просто силою.

— Пріѣздъ великаго государя въ обитель великій убытокъ монастырю учинилъ, и этихъ денегъ вамъ не будетъ,—сурово отвѣчалъ архимандритъ инокамъ, когда тѣ спросили его про государево жалованье.

Эти слова поразили монаховъ, и по кельямъ начались тайныя совѣщанія о томъ, какъ быть.

Особенно рѣзко осуждалъ настоятеля знакомый уже намъ монастырскій уставщикъ Іоакимъ Олончанинъ, прозванный такъ потому, что родомъ былъ изъ Олонца: онъ во время службы, какъ мы видѣли, подалъ царю на клиросѣ Апостолъ и указалъ, какую главу слѣдуетъ читать изъ посланія апостола Павла къ коринѳянамъ. Его перебилъ монастырскій «свиточникъ», бѣлецъ Степанъ Артемьевъ.

— Онъ насъ всѣхъ подведетъ подъ пытку,—взволнованно говорилъ Степанъ нѣкоторымъ пришедшимъ въ его келью монахамъ.—Прошедшею осенью, въ день тезоименитства царицы Екатерины Алексѣевны, это былъ день субботній, послѣ обѣдни и обѣда пришли ко мнѣ по свитки вотъ онъ, отецъ Іоакимъ...

— Помню, приходилъ,—подтвердилъ тотъ,—да и отецъ Кириллъ, бывшій архимандритъ, тутъ же случился, да и отецъ Іоаннъ Лоянскій... Какъ же! Помню... Я еще и говорю отцу Кириллу: сегодня де царицы ангела торжество, а у насъ у обѣдни родителей поминали...

— Это въ царскій-то день поминать!—укоризненно покачалъ головой одинъ изъ монаховъ.

— Да,—продолжалъ Олончанинъ,—я и говорю отцу Кириллу, что-де въ городѣ и по мірскимъ церквамъ въ такіе дни за царское здоровье молебны поютъ и заздравныя чаши величаютъ. А ты-де, говорю, Кириллъ, какъ былъ архимандритомъ, такъ ли дѣлалъ?—Нѣтъ,—говоритъ,—при мнѣ-де въ такіе государевы ангелы родителей не поминали, и неподобно-де въ такіе дни родителей поминать, а всегда-де бывали торжества, и за государево здоровье молебны пѣвали и чаши величали.

— Еще-бы! А при этомъ идолѣ намъ и по малой чарочкѣ не дадено!—замѣтилъ Олончанинъ.

— Какая тамъ чарочка!—съ сердцемъ добавилъ «свиточникъ.—И капуста-то была гнилая, цвѣлью отдастъ... Держи

карманъ! Да тогда же приходилъ ко мнѣ старый уставщикъ Іосифъ. Кириллъ и спрашиваетъ его: такъ-ли-де надлежитъ чинить, какъ вы сегодня родителей поминали? А надлежало бы-де для ангела благовѣрныя царицы праздновать и молебны пѣть, а не родителей поминать. Если-де о томъ будетъ донесено государю, то вы-де взяты будете на пытку. А уставщикъ на это: что же-де намъ дѣлать! Я спорилъ-де, да архимандритъ праздновать не велѣлъ, а выше-де лба очи не растутъ.

— Вѣстимо,—подтвердилъ Олончанинъ.—а лобъ-то у него мѣдный.

— Мѣдный-то мѣдный, а и онъ, архимандричій лобъ, подъ пыткой вспотѣетъ, въ застѣнкѣ-то, — добавилъ еще одинъ монахъ.

— А вы слушайте, я не досказалъ,—продолжалъ «свиточникъ».—Какъ Кириллъ такъ-то говорилъ тогда съ уставщикомъ, пришелъ ко мнѣ въ келью и «просвирный», отецъ Авраамій.—Какую у тебя нынѣ просвиру взяли?—спросилъ его Кириллъ:—заздравную или за усопшихъ?—За усопшихъ—говоритъ тотъ—а не заздравную: заздравной-де просвиры архимандритъ печь не велѣлъ.—А прежде какъ бывало?—спросилъ Кириллъ.—Да при прежнихъ—говоритъ—архимандритахъ въ такіе дни бирывали заздравныя просвиры.

— Вотъ каковы дѣла творятся въ нашей святой обители,—закончилъ свою рѣчь «свиточникъ»,—былъ бы у насъ архимандритъ отецъ Кириллъ, этого бы не было.

— Бѣдный Кирилушка! вздохнулъ Олончанинъ.—Гдѣ-то онъ теперь? Что съ нимъ?

Кто же былъ этотъ такъ часто упоминаемый Кириллъ?

Кириллъ былъ предмѣстникомъ архимандрита Александра по управленію монастыремъ. Въ послѣдніе годы онъ сложилъ съ себя званіе настоятеля и жилъ въ монастырѣ на покоѣ. Это былъ тихій, добрый старичокъ съ кроткими глазами. Онъ отличался необыкновеннымъ благодушіемъ и сердечною привязанностью ко всему слабому, беззащитному и угнетенному. Не только люди, но даже звѣри, птицы и насѣкомыя находили въ немъ защитника и покровителя: все это было для него «Божье творенье», «Божьи дѣтки», все, до послѣдней козявки.

Будучи уже на покоѣ, онъ лѣтомъ, бывало, послѣ положенныхъ службъ, молитвъ и стояній, по цѣлымъ часамъ бродилъ

по монастырскому лѣсу, гдѣ или молился, бесѣдуя прямо съ Богомъ, съ природою, или тихо напѣвалъ стихъ о «пустынѣ прекрасной». Одною изъ заботъ его было обереганіе птицъ, свивавшихъ гнѣзда въ монастырскихъ постройкахъ или около монастыря, отъ хищничества кошекъ, которыхъ довольно водилось въ монастырѣ для обереганія провизіи отъ мышей. Всѣ соловьиныя и иной мелкой пташки гнѣзда были у него на счету, особенно тѣ, которыя свивались низко, часто даже въ травѣ. Такія гнѣзда отецъ Кириллъ обыкновенно обтыкалъ всякими колючками, такъ что до такого гнѣзда не могъ добраться никакой котъ.

— Ишь, дурачокъ, какъ низко свилъ гнѣздышко,—бормочетъ, бывало, старикъ, обтыкая гнѣзда соловья или малиновки,—долго ли до грѣха.

А то, бывало, начнетъ журить вслухъ воробья или ласточку за ту же неосторожность:

— Для чего сюда соломку таскаешь, глупый? А ты, дурочка, вишь, гдѣ лѣпитъ гнѣзышко; вотъ и наблюдай за тобой.

Голубей онъ прикармливалъ такъ, что они были съ нимъ просто нахальны: садились къ нему на плечи, когда онъ выходилъ изъ кельи, совали головки за пазуху старика, гдѣ часто находили горохъ, чечевицу или полбу.

— Ну-ну, полно вамъ, дурачки!—отбивается, бывало, старикъ отъ назойливой птицы, а у самого лицо свѣтится умиленіемъ и любовью.

Муравьевъ и пчелъ онъ всегда ставилъ въ примѣръ молодымъ послушникамъ, когда тѣ лѣнились или засыпали за работой.

— Вонъ какое бревно тащитъ муравушко, а для кого? Не для себя, а для братіи, въ свой монастырекъ тащитъ. Да и пчелка, для кого труждается, медокъ и вощинку собираетъ? На свой же монастырь да и для насъ, намъ медокъ на кутью, а вощинку для божьяго храма, на свѣчи.

Старика глубоко смущали и дѣйствія, и характеръ новаго настоятеля, архимандрита Александра: черствый и самолюбивый эгоистъ, онъ обладалъ самыми несимпатичными для братіи качествами, корыстолюбіемъ и жестокостью. Монастырскія

суммы онъ считалъ своею собственностью и монаховъ, которые иначе смотрѣли на братскую казну, безпощадно сѣкъ плетьми и сажалъ на цѣпь какъ собакъ или дикихъ звѣрей. Онъ не только морилъ монаховъ неумѣренными постами, но даже голодомъ.

— Живучи мы впроголодь да впоколоть, ежечасно помираемъ нужною смертью съ босоты и съ наготы.

Это была ходячая фраза, вѣчная пѣсня монаховъ Александро-Свирскаго монастыря, когда они бродили за подаяніями по сосѣднимъ селамъ.

Самъ же отецъ архимандритъ велъ совершенно иной образъ жизни: въ своей кельѣ онъ кушалъ и осетринку отъ благодѣтелей, и всякіе разносолы, и пилъ ренское и хереса. Мало того, у него была въ сосѣдней женской обители хорошенькая и молоденькая духовная дочка, смиренная девятнадцатилѣтняя инокиня Павла, или бѣлобрысенькая Павочка съ льняною косою чуть не до пятокъ. Впрочемъ, она была еще бѣличка, хотя и носила иноческое одѣяніе, которое такъ шло къ бѣленькому личику и къ бѣлокурымъ, льняного отцвѣта, волосамъ.

Кромѣ обычной своей жестокости и держанія братіи впроголодь, отецъ Александръ возстановлялъ противъ себя монаховъ и тѣмъ, что противъ обыкновенія, изстари установившагося въ монастырѣ, онъ отмѣнилъ празднованіе царскихъ дней, когда послѣ молебствія иноки угощаемы были «чашами за трапезою», что называлось у нихъ «утѣшеніемъ», «малымъ» или «великимъ».

— Не было у насъ нонѣ утѣшенія, ни великаго, ни даже малаго,—часто жаловалась братія старому архимандриту, благодушному отцу Кириллу.

Новый архимандритъ отнялъ у нихъ и это «утѣшеніе».

Жалѣя братію, отецъ Кириллъ и заговорилъ какъ-то объ этомъ со своимъ преемникомъ. Это было наканунѣ Екатеринина дня, когда праздновалось тезоименитство царицы Екатерины Алексѣевны, послѣ вечерни, совершенной безъ праздничнаго пѣнія.

— Да для чего ты, отецъ архимандритъ, въ тезоименитство благовѣрныя государыни Екатерины Алексѣевны праздновать не велѣлъ?—скромно спросилъ старикъ.

— Что праздновать! И такъ добро! — дерзко отвѣчалъ архимандритъ.

— Нѣтъ, то не хорошо,—замѣтилъ Кириллъ,—мы прежъ сего для ангеловъ государыней царицъ всегда праздновали съ палеелеосомъ и послѣ вечерни молебствовали соборне и въ такіе дни для государственныхъ ангеловъ, по святой литургіи, на трапезѣ братіи бывало утѣшеніе довольное

— А тебѣ какое дѣло!—грубо оборвалъ старика архимандритъ.—Утѣшай своихъ воробьевъ да голубей, а въ мое дѣло не суйся... Плетей моихъ да цѣпи еще не нюхалъ, такъ понюхаешь!

Глубоко оскорбленный, старикъ поникъ головою и пошелъ въ свою келью, бормоча шопотомъ: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»...

Но въ душу его запало страшное подозрѣніе...

III. Архимандритъ на цѣпи.

Прошла зима. Съ весною отецъ Кириллъ ожилъ, потому что съ прилетомъ птицъ, грачей, ласточекъ, соловьевъ и прочихъ пѣвчихъ «дурачковъ» онъ всею душой отдался расцвѣтающей природѣ и уходу за птичьими гнѣздами. Грачей онъ особенно любилъ и называлъ «божьими черноризцами», и какъ бы они ни галдѣли—это не надоѣдало старику.

— Вона! Какъ черноризцы-тѣ Бога славословятъ, — часто говаривалъ старикъ, съ любовью поглядывая на черные комья, торчавшіе на высокихъ деревьяхъ, на грачевыя гнѣзда.—А уменъ шельмецъ черноризецъ, у! Уменъ! Вотъ какъ высоко келью себѣ ставитъ: ни одинъ котъ—разбойникъ къ нему не доберется, ни-ни!

— И сорока-вѣщунья умна, тоже высоко вьетъ гнѣздо, да еще съ покрышкой: и дождемъ дѣтокъ не промочитъ, да и коршунъ-воръ сквозь покрышку до птенцовъ не доберется... А иволга, поди, всѣхъ умнѣе: повѣситъ капчушекъ на тоненькой гилочкѣ, доставай его! А вотъ соловушки, такъ тѣ дурачки, маленькіе: у самой земли, къ кусточкѣ, гнѣздышко вьетъ, ну, котъ-лакомка и заберется... А я, старый, на что? Не допущу, ни-ни! Коли честную братію, монаховъ, мнѣ блюсти не приходилось, такъ соблюду воробышка, ласточку, вотъ моя братія.. Смѣшно сказать: «воробьиный настоятель!», «сорочій архимандритъ!»...

Подошелъ, наконецъ, и Петровъ день, тезоименитство самого государя Петра Алексѣевича.

Архимандритъ Александръ опять запретилъ торжественное служеніе, ни за царя не молились, ни братіи за трапезой не было «утѣшенія».

Страшное подозрѣніе старика превратилось въ увѣренность: архимандритъ ясно показываетъ, что онъ знать не хочетъ царя, не признаетъ его.. А давно ли были ужасныя истязанія и казни людей за то только, что ихъ подозрѣвали въ сочувствіи къ царевичу Алексѣю?..

Надо спасаться изъ этого ужаснаго монастыря, надо бѣжать тайно. Но какъ? Въ послѣднее время за старикомъ, видимо, стали наблюдать, по распоряженію архимандрита. Пойдетъ ли онъ въ лѣсъ молиться и радоваться съ природой или навѣщать и свидѣтельствовать знакомыя птичьи гнѣзда, а ужъ изъ-за кого-нибудь дерева или куста высовывается скуфья какого-нибудь послушника или страдника: ясно, за старикомъ шпіонятъ.

Надо было обдумать способъ побѣга. И старикъ надумалъ вотъ что.

Любимымъ его духовнымъ сыномъ былъ знакомый намъ монастырскій «свиточникъ», бѣлецъ Степанъ Артемьевъ. Старикъ и открылъ ему свое намѣреніе бѣжать изъ монастыря, да притомъ просилъ и помочь.

— Твоя келья, Степанушко, крайняя къ выходу,—говорилъ Кириллъ,—коли бы ты пустилъ меня съ моими монатками, съ узелкомъ, къ себѣ въ келейку на ночь, я бы съ Божьей помощью и утекъ.

— Что жъ, отецъ святой, располагай и мною, и моей келейкой,—отвѣчалъ «свиточникъ»;—я радъ служить моему отцу духовному.

— Добро, сынокъ, спасибо... Я не забуду молиться за тебя.

— Когда жъ ты думаешь уйти?

— Да хоть бы и нонѣ ночью: ночь будетъ темная, а дорогу до Новгорода я и ощупью найду.

— Ладно. Такъ я подъ вечеръ и зайду къ тебѣ за монатками.

Насталъ вечеръ. Всѣ монахи и послушники были по кельямъ. Свиточникъ тихонько пробрался въ келью Кирилла, захватилъ его дорожный скарбъ и посохъ и понесъ къ себѣ.

— Ты куда это, Степанъ?—вдругъ раздался у него за спиной знакомый голосъ.

Свиточникъ такъ и замеръ на мѣстѣ: голосъ принадлежалъ монастырскому келарю, хитрому наушнику архимандрита.

— Свитки, что ль, несешь куда? Да еще и посошкомъ подпираешься,—продолжалъ келарь.—А покажъ, что у тебя тамъ за свитки?

Свиточникъ выпустилъ изъ рукъ узелокъ и стоялъ какъ къ казни приговоренный: онъ зналъ, что такое архимандричьи плети и цѣпи.

Келарь подошелъ и сталъ развязывать узелокъ.

— Ба-ба-ба! Да тутъ всѣ пожитки старой лисы, «сорочьяго игумена», и посохъ его... Ты что жъ, Степушка, воровствомъ сталъ заниматься?—спросилъ келарь.

— Нѣтъ, я не воровалъ,—оправдывался свиточникъ.

— А это что жъ? Само къ тебѣ бѣжало?

— Нѣтъ... Мнѣ далъ отецъ Кириллъ.

— Что жъ? Подарилъ?

Пойманный съ поличнымъ не могъ дольше запираться.

— Ну, веди меня къ отцу архимандриту, во всемъ ему сознаюсь,—сказалъ онъ покорно.

Они вмѣстѣ пошли къ настоятелю. Александръ въ это время занимался выкладками на счетахъ.

Войдя въ келью архимандрита, свиточникъ повалился въ землю.

— Прости, отецъ игуменъ, не своей волей согрѣшилъ, а по указу отца духовнаго,—сказалъ онъ, стоя на колѣняхъ.

— Въ чемъ же твой грѣхъ?—спросилъ архимандритъ.

— Отецъ Кириллъ уйтить изъ монастыря умыслилъ.

— Какъ! Этотъ старый чортъ «воробьиный игуменъ!»—вспыхнулъ архимандритъ.

— Онъ, владыко... И велѣлъ это мнѣ свои монатки вынести...

— А! Такъ вотъ оно что! И ты послушался?

— Какъ же, владыко, не послушаться? Онъ мой отецъ духовный.

— А еслибъ онъ велѣлъ тебѣ зарѣзать меня? Ты бы тоже послушался?

— Прости, владыко... согрѣшилъ... накажи... — бормоталъ свиточникъ.

— Наказать-то я съумѣю, ты не учи меня; а вотъ старую лису поучить надо! Ну!

И архимандритъ въ бѣшенствѣ вышелъ изъ своей кельи. За нимъ шли келарь и свиточникъ.

— Ты куда это, отецъ, собрался уходить?—спросилъ Александръ, входя нечаянно въ келью старика, который въ это время стоялъ на колѣняхъ и молился.—Ужъ не къ святымъ ли мѣстамъ?

Старикъ всталъ съ колѣнъ и тревожно смотрѣлъ на гнѣвнаго настоятеля, не въ силахъ будучи сразу сообразить, что случилось.

— На кого жъ ты насъ, сиротъ твоихъ, покидаешь?—съ злобной улыбкой допрашивалъ архимандритъ.—На кого и сиротъ галокъ, да сорокъ покидаешь? А?

— Хотѣлъ я иттить въ Новгородъ, — отвѣчалъ, наконецъ, старикъ.

— А, въ Новгородъ... А ради какого промыслу?

— Долговъ своихъ выбирать.

— Долговъ... Вишь богачъ какой!.. Что, развѣ монастырскую казну въ ростъ давалъ?

Старикъ молчалъ. Онъ понялъ, что архимандритъ все знаетъ, напрасно было бы увертываться.

— Добро! Я покажу тебѣ Новгородъ... Эй, — оборотился Александръ къ стоявшему позади келарю,—позвать сюда двухъ келейниковъ съ плетьми.

Келарь вышелъ и скоро воротился съ двумя дюжими молодцами.

— Раздѣть его!—приказалъ архимандритъ.

Несчастнаго старика раздѣли и положили на полъ.

— Эй, свиточникъ! Держи своего отца духовнаго за голову... нѣтъ, садись на него верхомъ, а ты, отецъ келарь, держи «сорочьяго игумена» за ноги,—командовалъ настоятель.

Все было сдѣлано, какъ онъ приказывалъ, тѣмъ болѣе, что старикъ не сопротивлялся.

— А вы, молодцы, катайте въ двѣ плети, да жарче!

Послышались удары плетей. Старикъ молчалъ.

— Жарче! Жарче! Вотъ такъ, такъ! А! Это тебѣ за то, чтобъ не бѣгалъ изъ монастыря! Что, доносить на меня вздумалъ? Такъ вотъ же тебѣ!

Когда кончилось варварское истязаніе, несчастнаго подняли, потому что самъ онъ не въ силахъ былъ подняться.

— Что, больше не будешь бѣгать?—спросилъ мучитель.

Старикъ молчалъ. По лицу его катились слезы, слезы стыда и глубочайшаго униженія: вѣдь онъ раньше своего мучителя былъ настоятелемъ этого монастыря.

— Теперь не убѣжишь... На цѣпь его! Въ тюремную келью!

И бывшаго архимандрита посадили на цѣпь, точно собаку...

IV. Объ островѣ «Сикиліи» и «сиклопесахъ».

Въ концѣ зимы 1719 года царица Прасковья Ѳедоровна пользовалась Марціальными водами и въ половинѣ марта, возвращаясь въ Петербургъ, должна была проѣзжать черезъ Александро-Свирскій монастырь.

Старую царицу, какъ большую богомолку, встрѣтили съ большими почестями: встрѣчалъ самъ архимандритъ со всею братіею и иконами.

Но едва государыня вышла изъ колымаги и приложилась къ иконѣ, какъ изъ рядовъ монаховъ выдѣлился одинъ и упалъ передъ нею на колѣни. На головѣ онъ держалъ какую-то бумагу.

Архимандритъ, предчувствуя что-то недоброе, шепнулъ стоявшему около него келарю, чтобъ тотъ велѣлъ звонарю тотчасъ же благовѣстить къ обѣднѣ.

Увидавъ челобитчика, царица дала знакъ архимандриту.

— Прими челобитье и вычитай вслухъ,—сказала она.

Архимандритъ слегка поблѣднѣлъ, но тотчасъ же исполнилъ приказъ царицы. Руки его дрожали, когда онъ развертывалъ челобитную, но когда глаза его упали на титутъ просьбы, онъ обратился къ царицѣ:

— Государыня царица! Челобитье писано не на твое имя, а на государево.

— Что-жъ!—возразила Прасковья Ѳедоровна.—Всѣ челобитья пишутся на государево имя.

— Такъ повелишь, государыня, вычитать?

— Прочти, что главное, вонъ къ обѣднѣ, кажись, заблаговѣстили.

— Заблаговѣстили, государыня: скоро проскомидія начнется.

— Ну же чти,—торопила царица.

Архимандритъ, глядя въ бумагу, что-то несвязно бормоталъ, путался, заикался...

— Читай громче, не слышу,—замѣтила Прасковья Ѳедоровна.

— «Построилъ на пристани рѣки Свири за четыре поприща часовню,—бормоталъ архимандритъ,—и на построеніе оной сбиралъ волею и неволею, правилъ съ братіи и трудниковъ волею и неволею-жъ, съ мала и до велика»...

— Это кто правилъ-то неволею?—спросила царица.

— На архимандрита, государыня, безлѣпично клеплютъ,—отвѣчалъ Александръ, запинаясь.

— На какого архимандрита?

— На меня, стало быть, государыня царица.

— А-а, читай-ко дальше.

— «Также и съ крестьянъ—продолжалъ архимандритъ,—отчего многіе разбрелись врознь, не терпя такого правежа, часовню украсилъ образами мѣстными изъ ново-построеннаго въ монастырѣ придѣла Петра и Павла, и построилъ ее ради своей бездѣльныя корысти и прибытка, чтобъ часовенный сборъ получать въ свою пользу. Онъ же архимандритъ царскимъ ангеламъ не празднуетъ и молебнаго пѣнія на тѣ царскіе ангелы не совершаетъ и по царскимъ родителямъ, на памяти о преставленіи ихъ, божественной службы соборно не служитъ и панихидъ соборно не поетъ»...

— И это правда?—строго глянула царица на чтеца.

— Клеплютъ, государыня, безбожно клеплютъ,—оправдывался архимандритъ.

— Посмотримъ, разыщемъ... А что дальше?—спросила Прасковья Ѳедоровна.

— Все, государыня, кончилъ все челобитье, ябеду.

— А кто челобитчикъ?

— «А къ сему доношенію,—читалъ архимандритъ, — за страхомъ его, архимандрита, руку приложить никто не смѣлъ, потому что, если кто начнетъ говорить про архимандрита, то ему доносятъ, и онъ бьетъ до полусмерти, и бывшій архимандритъ Кириллъ хотѣлъ донести вашему царскому величеству объ его архимандричьемъ непорядочномъ житіи, и за то онъ, архимандритъ, его, Кирилла, билъ по три накона, что едва ожилъ»...

— Какъ!—строго спросила царица.—Архимандрита билъ по три накона?

— Маленько сѣкалъ, государыня,—отвѣчалъ Александръ,—точно, сѣкивалъ...

— Архимандрита-то! Чѣмъ сѣкъ?—волновалась Прасковья Ѳедоровна.

— Плеточками, государыня...

— Плетьми! Старика! За что же?

— За провинности, государыня... Вздумалъ онъ, Кириллъ, однова бѣжать тайно изъ обители, а я и поймалъ его, да и велѣлъ маленько посѣчь, по уставу, и посадить въ тюремную келью на цѣпь, легонькая такая цѣпь, не тяжелы желѣзы... А черезъ три дня освободилъ отъ узъ... А онъ возьми, да и убѣги вдругорядь, и бѣжалъ въ Новгородъ, къ преосвященному Стефану, а когда его, Кирилла, до преосвященнаго не допустили, и онъ ушелъ въ Петербургъ, къ преосвященному Ѳеодосію клепать на меня, а преосвященный Ѳеодосій велѣлъ ему возвратиться въ монастырь... За то я его, государыня, и посѣкъ вѣжливенько, по уставу, соймя рубашку...

— Ну!—нетерпѣливо перебила его царица.—Дочитывай челобитье.

Архимандритъ повиновался и продолжалъ... «что едва ожилъ, и, оковавъ, сослалъ въ приписной Введенскій монастырь, чтобы къ вашему величеству съ доношеніемъ не шелъ; также и іеромонаха Константина билъ и его келейную рухлядь ограбилъ, и его, іеромонаха, въ приписной же монастырь сослалъ; схимонаха Савватія билъ и келейную его рухлядь пограбилъ и изъ монастыря выслалъ; схимонаха Исаію билъ и келейную его рухлядь пограбилъ же, да служебника Лазаря Минина билъ смертнымъ боемъ и пожитки его пограбилъ, а его скорбнаго изъ монастыря выслалъ, и онъ въ деревнѣ отъ того бою недѣлю лежалъ да и умеръ; также и многихъ монаховъ и служебниковъ бьетъ до полумертвія, и того ради явно вашему величеству доношенія писать и рукъ прикладывать за такимъ его убивствомъ и страхомъ не смѣли, а сего доношенія вашему величеству донести было и вручить невозможно того ради, что онъ, архимандритъ, насъ, богомольцевъ вашихъ, съ монастыря не спускалъ и у воротъ поставилъ караульщиковъ съ дубьемъ, чтобы никого изъ

монаховъ къ вашему величеству ни съ какимъ доношеніемъ не ходили»...

Благовѣстъ къ обѣднѣ, между тѣмъ, продолжался. Скоро начали и трезвонить. Царица спохватилась.

— Ахъ! Никакъ ужъ трезвонютъ...

— Трезвонютъ, государыня,—поторопился подтвердить архимандритъ, обрадовавшись случаю прекратить ненавистное чтеніе.

— Какъ бы не опоздать,—заторопилась и Прасковья Ѳедоровна,—ужо дослушаю челобитье.

И она поторопилась въ отведенные ей покои, чтобы переодѣться и итти въ церковь.

За душеспасительными мыслями челобитье у нея тотчасъ же вылетѣло изъ головы, а потомъ она и совсѣмъ забыла о немъ. Да и до того ли ей было?

Едва она вышла отъ обѣдни, какъ на паперти ее уже ожидала странница Агапія. Это была удивительная странница! Она пришла къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, когда та была на Марціальныхъ водахъ, и до того очаровала царицу своими росказнями, что та съ нею теперь совсѣмъ не разставалась и везла съ собою въ Петербургъ. Ужъ и гдѣ не была эта странница! Сама, своими глазыньками, видѣла и бѣсовъ, и «адскія врата». У нея же оказалась удивительная книга, которую Агапія сама и читать умѣла. При чтеніи странницею этой книги у богомольной царицы мурашки подъ кожей ползли, такъ занятно и такъ страшно!

И едва послѣ трапезы царица легла отдохнуть, какъ Агапія усѣлась за чтеніе вслухъ.

— А ты, Агапѣюшка, прочти мнѣ то мѣсто, гдѣ говорится объ островахъ, — сказала царица, лакомясь коломенской пастилой.

— Слушаю, матушка царица,—смиренно отвѣчала странница Агапія, видимо, жохъ-баба, съ рысьими глазками и вкрадчивымъ голосомъ.

Она порылась въ старой засаленной рукописной книжкѣ, писанной полууставомъ съ киноварными заставками.

— Вотъ, государыня,—сказала она.—«Первый островъ Тиверисъ,—читала Агапія,—близъ его Критъ, подлѣ того Хомосъ, еже есть полнъ злата; къ нему же прилежитъ Паросъ, оттуда

вывозятъ парочитый камень мраморный и лутшій сардисъ; тамо-же родятся сивиллы»...

— Что же это за сивиллы такія, Агапѣюшка?—полюбопытствовала царица.

— Это, матушка государыня, такія дѣвки простоволосы, сказать бы, наши русалки,—отвѣчала всезнающая Агапія.

— Что-жъ эти дѣвки дѣлаютъ, милая?—спрашивала далѣе любознательная царица.

— А вьюношей, государыня, заманиваютъ къ себѣ и щекощутъ.

— А сама-то ты, Агапѣюшка, видала этихъ дѣвокъ?

— Видала, государыня, близко видала.

— Что-жъ каковы онѣ изъ себя?

— Просто, какъ дѣвки, только отъ нихъ тѣни не бываетъ, да въ глазахъ мальчиковъ нѣту, оттого онѣ вьюношей и заманиваютъ.

— О-о-хо-хо! Возьми-ко, Агапѣюшка, пастилки, полакомься.

Агапѣюшка взяла пастилы и опять усѣлась за книгу.

— «Тамо-же островъ Сикилія—снова читала она, чавкая пастилу,—на немъ гора, а съ той горы каплетъ жупелъ, или рещи, сѣра горючая; глаголютъ же, яко тамо подъ землею души мучими суть. Въ томъ же самомъ мѣстѣ есть бездна морская: къ тѣмъ мѣстамъ аще корабль пріидетъ, то изгибнетъ. Въ томъ же мѣстѣ есть островъ полнъ огню и въ томъ огнѣ стоятъ ковачи посреди огня, и нарицаютъ тѣхъ кузнецовъ языческія книги именемъ сиклопеси куютъ громовыя стрѣлы; наши христіанскія книги учатъ насъ, еже тѣ сиклопеси самые діаволы, иже хранятъ путь ко аду и стоятъ близъ адскихъ вратъ и мучатъ осужденыя души человѣческія»...

— Господи!—вздохнула царица.—Ты, чаю, этихъ сиклопесовъ не видала?

— Какъ не видать, матушка государыня! Чего я не видала! Видѣла и сиклопесовъ,—безбожно лгала странница.

— Гдѣ-жъ ты ихъ видѣла?—удивилась Прасковья Ѳедоровна даже приподнялась на локтѣ.—Гдѣ?

— А на томъ островѣ, государыня, на Сикиліи: отъ Соловецкой обители до острова Сикиліи рукой подать.

— Какіе-жъ они изъ себя эти сиклопесы?

— Страшны зѣло, аки соіопы.

Агапія, видимо, уклонялась отъ болѣе обстоятельныхъ отвѣтовъ: до Сициліи—Сикиліи отъ Соловковъ рукой подать, циклопы—«сиклопеси» у нея, точно еѳіопы, вотъ и все. А потому, желая усыпить любознательность своей просвѣщенной слушательницы, Агапія начала вновь читать, ужасно гнуся по требованіямъ тогдашней декламаціи:

— «Тамо отъ того острова далѣ нѣкій островъ Сардинія—продолжала ученая женщина до-петровской Руси,—въ томъ островѣ краль Сардинусъ создалъ градъ крѣпокъ. Въ томъ островѣ великіе волки и зміеве, да таможе есть трава, и кто ея ястъ, то будетъ тотъ долго спати, яко невозможно его возбудити, дондеже самъ возстанетъ; тамо-же есть источникъ воды, и аще кто больной испіетъ, здравъ будетъ; аще-ли тать испіетъ, то вскорѣ обрящется тамо, идѣже кралъ, и самъ на себя исповѣдастъ»...

Агапія остановилась и глянула на царицу. Просвѣщенная слушательница спала сномъ праведнымъ...

V. «Обѣдъ съ музыкой» и «слово и дѣло».

Переночевавъ въ монастырѣ, царица Прасковья Ѳедоровна на другой день отправилась далѣе, вспоминая о слышанныхъ ею отъ Агапіи чудесахъ острова «Сикиліи» и о «сиклопесахъ», кующихъ громовыя стрѣлы и стерегущихъ «врата адовы»...

Отецъ архимандритъ только этого и ждалъ. Отслуживъ наскоро обѣдню, онъ тотчасъ же собралъ всю братію въ трапезной. Въ трапезной, какъ и всегда, длинный столъ былъ уставленъ огромными деревянными мисками, солоницами и ложками. Попрежнему на столѣ высились пирамиды ломтей чернаго хлѣба. Только на этотъ разъ, вмѣсто вонючихъ пустыхъ щей, въ мискахъ была простая колодезная вода. Отецъ архимандритъ, въ наказаніе за челобитную, посадилъ весь монастырь на хлѣбъ и на воду.

Послѣ предтрапезной молитвы, архимандритъ вынулъ изъ-за пазухи челобитье, забытое царицей, и приступилъ къ допросу.

— Кто писалъ челобитье?—грозно спросилъ онъ, обводя сверкающими глазами братію и стараясь по лицамъ и глазамъ узнать виновнаго.—Кто? Сказывайте!

Монахи молчали. Тогда онъ подошелъ къ тому монашку, который подалъ челобитье царицѣ.

— Чернецъ Пахомъ! Ты подалъ царицѣ ябеду,—сказалъ онъ,—ты долженъ знать, кто ее писалъ.

— Не знаю, владыко, я неграмотный,—отвѣчалъ подслѣповатый чернецъ.

— А отъ кого ты ее получилъ?—допрашивалъ архимандритъ.

— Отъ Духа Святого,—отвѣчалъ Пахомъ.

— Отъ какого духа?—удивился настоятель.

— Отъ святого; отъ бѣлаго голубя,—былъ отвѣтъ.

Архимандритъ даже отступилъ отъ изумленія. Не сошелъ ли съ ума чернецъ отъ страху?

— Что ты врешь! Какой тамъ бѣлый голубь!

— Я не вру, а голубь точно бѣлый, точь-въ-точь такой, что выводилъ дѣтей на карнизѣ окна у Кирилловой кельи.

— Какого Кирилла?

— Нашего отца Кирилла, бывшаго архимандрита, что нонѣ въ Введенскомъ.

Архимандритъ задумался. Онъ, видимо, что-то соображалъ.

— Какъ же это голубь принесъ бумагу? У него рукъ нѣту,—сказалъ онъ, глядя въ глаза Пахому.

— Она висѣла у него на шейкѣ, на ниточкѣ,—отвѣчалъ чернецъ,—я и снялъ; а какъ братія увидали да заглянули въ бумагу и говорятъ: это челобитье великому государю, его-де духъ святой принесъ, надо-де подать... Я и подалъ.

— А! Такъ я знаю, чьи это подхалюзы!—со злобой воскликнулъ архимандритъ.—Это Кирилловы подходы, его, «воробьинаго архимандрита», дѣло... Вонъ откудова духъ святой, изъ Кирилловой голубятни... А ты, чернецъ, у него, значитъ, въ апостолы пошился... Добро... Келарь, плетей!

Такъ какъ плети хранились тутъ же, въ трапезной, то келарь тотчасъ же и предсталъ съ орудіями истязанія.

— Послухи! — скомандовалъ настоятель.—Разложите апостола Пахома, да всыпьте ему пятидесятницу горяченькихъ..

Четверо дюжихъ бѣльцовъ встали изъ-за стола, взяли подъ руки несчастнаго монашка...

— Обнажить его отъ ангельскаго чина, снять рясу и порты!—приказалъ архимандритъ.

Пахома «обнажили отъ агельскаго чина», попросту раздѣли, и положили на полъ.

— А вы, черноризцы, трапезуйте, ѣшьте и смотрите,—сказалъ архимандритъ братіи.

Братія послушно начала трапезовать. Видно было, какъ ложка за ложкой тянулись къ мискамъ съ водой, какъ раскрывались и закрывались рты, жуя пустой хлѣбъ и чавкая, какъ тряслись бороды, сѣдыя, черныя, рыжія, а подъ это чавканье и стукъ деревянныхъ ложекъ раздавались по трапезной отчаянные вопли бѣднаго черноризца...

– Вотъ тебѣ и духъ святой!—издѣвался между тѣмъ безсердечный монахъ.—Вотъ тебѣ и голубь! А вамъ, черноризцы,—обратился онъ къ братіи,—вомѣсто обычнаго затрапезнаго чтенія «житій святыхъ» я буду читать ваше челобитье...

И онъ съ видимымъ злорадствомъ читалъ вслухъ отдѣльныя фразы челобитья.

— ...«его, Кирилла, билъ по три накона, что едва ожилъ и, оковавъ, сослалъ»...

— Да, билъ стараго чорта по три накона, за дѣло, билъ и еще буду бить!

— ...«также и іеромонаха Константина билъ и его келейную рухлядь ограбилъ»...

— Да, билъ и его, подлеца, и келейную его рухлядишку взялъ! Эй, келарь! А ты считай удары-то! Сколько дано?

– Тридцать два, владыко!

— Добро! «Схимонаха Савватія билъ и келейную его рухлядь пограбилъ»... Да, билъ, и схимонаха Исаію билъ, и служебника Лазаря Минина билъ, и всѣхъ васъ буду бить!.. Сколько отсыпано?

— Сорокъ шесть, владыко!

— Добро! Досыпай всю недоимку дочиста, до краевъ!

— Кончили, владыко,—отозвался келарь, и удары прекратились, но слышались еще стоны.

Наказанный съ трудомъ поднялся на ноги, одѣлся и подошелъ подъ благословеніе къ своему мучителю.

— Благослови, владыко,—съ плачемъ сказалъ несчастный.

– Добро!—рѣзко отвѣчалъ Александръ.—Поди благословись у своего святого духа!

Утирая рукавомъ рясы слезы, бѣдный Пахомъ, не взглянувъ даже на столъ, тихо побрелъ изъ трапезной.

— А! Степанушка! — обратился архимандритъ къ знако-

мому намъ «свиточнику».—Не ты ли сдѣлалъ изъ голубя духа святого? Ты на это мастеръ...

Свиточникъ всталъ весь блѣдный.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,—бормоталъ онъ.

— Не вѣдаешь? А кто тогда для отца духовнаго трудился? Помнишь, когда онъ бѣжать собрался въ первый разъ?

— Точно, владыко, согрѣшилъ тогда для ради отца духовнаго,—отвѣчалъ «свиточникъ».

— А! Согрѣшилъ? А може и теперь голубка подучалъ ябеды носить?

— Ни-ни, владыко, я тутъ не причемъ...

— Добро... Послухи! Разложить и Степана и всыпать ему четыредесятницу.

Взяли и свиточника. Снова въ трапезной раздались вопли подъ чавканье голодныхъ ртовъ и стукъ деревянныхъ ложекъ. А отецъ архимандритъ ходилъ вокругъ стола и приговаривалъ:

— Такъ его, такъ! Ишь какой у насъ веселый обѣдъ, точно у большихъ баръ: обѣдъ съ музыкой... Славная музыка, хорошо поютъ плети... Келарь! Сколько?

— Двадцать, владыко!

Но въ это время у воротъ монастыря послышалось звяканье ямскихъ колокольчиковъ. Отецъ архимандритъ встрепенулся...

— Бросьте его! Послѣ недоимку пополнимъ,—торопливо сказалъ онъ и вышелъ изъ трапезной.

По монастырскому двору навстрѣчу ему шелъ высокій, плотный мужчина, въ форменномъ камзолѣ, въ высокихъ сапогахъ и въ форменной шляпѣ, надѣтой на парикъ съ косицей. Съ боку болтался небольшой кортикъ.

Архимандритъ узналъ въ пріѣхавшемъ Лупандина, комиссара Олонецкой верфи, лицо извѣстное самому царю.

— Съ Богомъ пожаловать, милостивецъ! — подобострастно встрѣтилъ его отецъ Александръ.—А мы только что проводили съ молитвой государыню царицу Прасковью Ѳедоровну.

Лупандинъ подошелъ подъ благословеніе.

— Милости прошу пожаловать ко мнѣ въ келейку,—продолжалъ архимандритъ.

— Пойдемъ, кстати же, отецъ архимандритъ, у меня есть до тебя дѣло, и дѣло большое,—сказалъ пріѣхавшій.

— Что такое, милостивецъ, какое такое большое дѣло ко

мнѣ, малому и худому иноку?—встревоженно спросилъ архимандритъ.

— Въ кельѣ скажу,—былъ отвѣтъ.

Они вошли въ келью. Архимандритъ тотчасъ же досталъ изъ поставца нѣсколько бутылокъ съ виномъ и наливками, хорошій кусокъ астраханскаго балыка, тешку, янтарной лососины, банку грибовъ въ уксусѣ, хлѣба бѣлаго, рюмокъ и проч. и все это поставилъ на столъ передъ комиссаромъ.

— Господи, благослови,—сказалъ онъ, наливая Лупандину рюмку анисовки,—любимое государево снадобье... Пригубь, милостивецъ.

Лупандинъ пригубилъ и занялся балыками.

— Вотъ что, отецъ архимандритъ,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ,—я сейчасъ изъ Введенскаго приписного монастыря... Для чего ты отправилъ туда бывшаго архимандрита Кирилла?

— За его воровство и за многократные побѣги,—отвѣчалъ архимандритъ,—это язва.

— Можетъ оно и такъ, да только онъ сказываетъ за собою государево слово и дѣло, — шопотомъ произнесъ Лупандинъ.

Архимандритъ сразу побѣлѣлъ отъ ужаса... Произнесено слово и дѣло, эти два страшныя слова, отъ которыхъ тысячи гибли въ застѣнкахъ и на плахѣ.

— Надобно тебѣ отослать его въ Питербурхъ,—продолжалъ Лупандинъ,—а не пошлешь, то я писать о томъ буду, куда надлежитъ.

Едва, съ трудомъ, архимандритъ могъ прійти въ себя. Слова не шли съ языка.

— Старикъ пустое болтаетъ,—наконецъ, сказалъ онъ,—да я его и не выпущу на свѣтъ Божій, кому онъ скажетъ?

— Нѣтъ, не дѣло ты говоришь, отецъ архимандритъ: такими словами шутить нельзя,—строго возразилъ Лупандинъ.—Кто поручится за будущее? А ежели и черезъ десять лѣтъ откроется, что мнѣ объявляли слово и дѣло, а я смолчалъ и не донесъ, тогда мнѣ не миновать заплечныхъ мастеровъ и кнута.

— Не откроется никогда!—успокаивалъ его архимандритъ.—Кто откроетъ? Не я же: я буду нѣмъ, какъ рыба.

— Нѣтъ, нѣтъ! Коли мнѣ сказалъ, то и другому скажетъ.

Архимандритъ безпомощно опустилъ руки... «Господи! Господи!»—шепталъ онъ.

— Я его запру, прикую на цѣпь, онъ никого не увидитъ...

— Нѣтъ, не говори: этого никогда не скроешь, это вѣрно, какъ смерть,—настаивалъ Лупандинъ,—ты его долженъ въ желѣзахъ сейчасъ же отправить въ Питербурхъ, въ тайную; а не отправишь, не пеняй на меня: я донесу... Я хочу, чтобы моя голова оставалась на плечахъ.

Архимандритъ молчалъ. Въ своемъ умѣ онъ искалъ выхода, спасенья, но выхода не было... «Порѣшить съ нимъ?.. Концы въ воду?.. Нѣтъ, этого и вода не приметъ»...

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

VI. «Въ тайной

Весна 1719 года выдалась на сѣверѣ довольно ранняя и теплая. Въ апрѣлѣ, на страстной недѣлѣ, солнце свѣтило такъ ярко и привѣтливо, какъ это рѣдко бываетъ съ нимъ и въ маѣ подъ олонецкимъ небомъ. На многихъ деревьяхъ почки давно уже лопнули и обнаруживали признаки первой весенней зелени. Въ свѣжей ярко-зеленой травкѣ уже улыбались первою весенною радостью веселыя головки подснѣжниковъ. Ярко-желтыя бабочки уже носились въ воздухѣ, какъ золотые листочки. Грачи, черныя гнѣзда которыхъ покрывали вершины еще не укрывшихся зеленью деревьевъ, словно комьями, неумолкаемо галдѣли вокругъ этихъ гнѣздъ.

Въ это время по дорогѣ отъ Введенскаго приписного монастыря къ Александро-Свирскому тащилась пароконная телѣга, конвоируемая двумя солдатами съ ружьями. Въ телѣгѣ сидѣлъ старичокъ-монахъ, скованный цѣпями по рукамъ и по ногамъ. Другой монахъ, помоложе, сидѣлъ на облучкѣ и правилъ лошадьми. Оба монаха молчали.

Солнце уже подбиралось къ полудню, когда невдалекѣ изъ-за рощи блеснули золоченые кресты на церкви Александро-Свирскаго монастыря. Увидѣвъ ихъ, возница-монахъ набожно перекрестился. То же хотѣлъ было сдѣлать и старичокъ-монахъ, сидѣвшій въ телѣгѣ, но, поднявъ скованныя руки къ лицу, без-

сильно опустилъ ихъ на колѣни: цѣпи мѣшали ему перекреститься.

Скоро изъ-за рощи выглянулъ и весь монастырь. Ворота его были раскрыты, но у самыхъ воротъ стояли два караульщика съ дубинами. Телѣга приблизилась къ воротамъ.

— Стой!—сказалъ одинъ изъ караульщиковъ.—Кого везете?

— Колодника въ тайную,—отвѣчалъ возница-монахъ,—доложите отцу архимандриту.

Одинъ изъ караульщиковъ пошелъ во внутрь монастыря и скоро воротился.

— Въѣзжай въ ограду,—сказалъ онъ возницѣ.

Телѣга въѣхала въ ворота. Когда голуби, сидѣвшіе по карнизамъ церкви и монастырскихъ келій, увидали въѣхавшую на дворъ телѣгу, то съ ними произошло что-то необыкновенное: они торопливо подлетали къ телѣгѣ, садились то на колеса ея, то въ самую телѣгу; иные прямо опускались на колѣни и на плечи старичка-колодника, лѣзли къ нему за пазуху...

Глупыя птицы узнали своего благодѣтеля: колодникъ этотъ былъ монахъ Кириллъ. По блѣднымъ щекамъ его катились слезы...

— Ничего у меня нѣтъ, миленькіе мои, — тихо говорилъ онъ,—нечѣмъ мнѣ васъ покормить.

Но голуби не отставали отъ него... Старикъ въ отчаяніи поднялъ къ небу скованныя руки, и звукъ цѣпей всполошилъ птицу, голуби взлетѣли на воздухъ, но скоро опять стали садиться на своего любимца.

То изъ той, то изъ другой кельи стали показываться монахи, но никто изъ нихъ не осмѣливался близко подойти къ телѣгѣ: всѣ оставались въ сторонѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, глядя на трогательную, полную глубокаго драматизма картину встрѣчи несчастнаго старика съ его невинными пернатыми друзьями, украдкой утирали катившіяся изъ глазъ слезы. Всѣ, однако, молчали. Молчалъ и старый колодникъ, зная, что теперь слово его страшнѣе чумы.

Скоро вышелъ на дворъ и самъ архимандритъ Александръ. При видѣ арестанта, окруженнаго голубями, онъ улыбнулся недоброю улыбкою.

— Ишь сколько святыхъ духовъ наплодилъ,—пробормоталъ онъ сквозь зубы,—только теперь и они не помогутъ.

Онъ подошелъ къ телѣгѣ и пытливо поглядѣлъ въ глаза арестанту.

— Что жъ ты думаешь плести въ тайной?—спросилъ онъ.— Что умыслилъ?

— Скажу истинную правду, какъ передъ Богомъ,—отвѣчалъ Кириллъ, не глядя на врага.

— А въ чемъ твоя правда?

— Тебѣ она самому лучше меня вѣдома,—былъ отвѣтъ.

— А пытокъ да дыбы не боишься?

— Не боюсь и самой смерти... Постражду за вѣрность его царскому величеству.

Постоявъ немного, архимандритъ отозвалъ въ сторону монаха-возницу.

— Ты бывалъ въ Питербурхѣ на подворьѣ нашего монастыря?—спросилъ онъ.

— Бывалъ, владыко, не однова,—отвѣчалъ возница.

— Добро. Такъ возьми эту грамотку (архимандритъ вынулъ изъ-за пазухи небольшой пакетъ) и какъ только сдашь колодника тюремному старцу, живой рукой отыщи тамъ, почти рядомъ съ подворьемъ, домъ нѣкоего Никона Волкова. Не запамятуешь?

— Нѣту, владыко, не запамятую: Никона-де Волкова

— Добро. А тамъ спроси жильца, дьяка Климонтова... Не забудешь?

— Не забуду, владыко: домъ Никона Волкова, а жилецъ дьякъ Климонтовъ. Буду помнить.

— Добро, на носу заруби... Такъ этому самому Климонтову вручи сію грамотку съ глазу на глазъ, понимаешь?

— Понимаю, владыко: все сотворю по глаголу твоему.

— Добро! А теперь въ путь: вамъ мѣшкать не положено.

И архимандритъ, не взглянувъ болѣе на арестанта, направился въ свои покои.

Возница же, спрятавъ пакетъ въ скуфью, за подкладку, и взобравшись на облучокъ телѣги, тронулъ возжами. Солдатики, сидѣвшіе у воротъ, тоже встали, взяли ружья и двинулись за телѣгой. Только голуби, повидимому, не желали разстаться съ своимъ любимцемъ и оставались нѣкоторое время на телѣгѣ. Но увидѣвъ, что телѣга удаляется отъ монастыря, они воро-

тились къ своимъ гнѣздамъ. Старикъ долго оглядывался на монастырь: съ нимъ ли онъ прощался, гдѣ ему такъ сладко молилось когда-то, или съ улетавшими отъ него пернатыми друзьями?

«Свѣтловельможный и преизящный высокоблагородный господинъ, Петръ Андреевичъ.

«Александрова монастыря Свирскаго архимандритъ Александръ писалъ и прислалъ въ Троицкій-Александровскій монастырь того свирскаго бывшаго архимандрита Кирилла, который въ томъ монастырѣ сказывалъ за собою государево слово и дѣло.

«А въ канцеляріи Невскаго монастыря онъ, Кириллъ, въ допросѣ сказалъ, что за нимъ государево дѣло о ихъ высокомонаршей чести.

«Того ради онъ, Кириллъ, въ канцеляріи Невскаго монастыря не допрашиванъ и посланъ къ вашему сіятельству, понеже оныя дѣла ввѣрены вашему сіятельству. Прочее пребываю вашего сіятельства всеблагожелательный молитвенникъ и слуга.

«Ѳеодосій Архимандритъ».

Письмо это писано было начальнику тайной канцеляріи, Петру Андреевичу Толстому, и 19-мая отправлено къ нему вмѣстѣ съ нашимъ колодникомъ, старцемъ Кирилломъ.

Старика ввели въ небольшую комнату со сводами. Окна ея были до половины завѣшены зеленою штофною матеріею. За длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ среднихъ лѣтъ мужчина въ парикѣ. Единственно, что замѣтилъ въ этомъ страшномъ человѣкѣ нашъ арестантъ—это немигающіе глаза. Въ душѣ онъ такъ и назвалъ его «немигающія очи», «очи царевы»... Нѣсколько въ сторонѣ за тѣмъ же столомъ сидѣлъ лысый, морщинистый человѣчекъ съ гусинымъ перомъ за ухомъ. Впослѣдствіи, въ бреду предсмертной агоніи, этотъ человѣчекъ иначе и не представлялся, какъ въ видѣ огромнаго гусинаго пера: «а гусиное перо все пишетъ, все пишетъ»...

Около стоялъ аналой съ распятіемъ и евангеліемъ.

Вошелъ священникъ. «Немигающія очи» перенеслись на него и выговорили:

— Отецъ Алексѣй! Приготовь старца къ дачѣ отвѣтовъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ арестанта священникъ.

— Кириллъ, бывшій архимандритъ,—отвѣчалъ арестантъ.

— Старецъ Кириллъ! Клянись всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его евангеліемъ говорить сущую правду.

— Клянусь,—тихо отвѣчалъ Кириллъ.

— Цѣлуй крестъ и евангеліе.

Кириллъ трепетными губами приложился къ холодному серебру распятія, а потомъ къ евангелію, вощаной запахъ котораго перенесъ его въ тихое уединеніе монастырской кельи.

— Сказывай государево слово и дѣло,—обратились къ нему «немигающія очи»,—что показываешь?

Старикъ глубоко вздохнулъ и началъ:

— Я, старецъ Кириллъ, показываю: въ прошломъ 1716 году, 22-го ноября, въ навечеріи кануна дня святой великомученицы Екатерины, дня тезоименитства государыни царицы Екатерины Алексѣевны, Александровскаго монастыря Свирскаго архимандритъ Александръ приказалъ совершать пѣніе безъ празднества, и когда я сказалъ ему, что такъ не подобаетъ ради высокомонаршей чести, онъ отвѣтствовалъ: что-де праздновать! И такъ добро! И присемъ онъ, архимандритъ, изблевалъ о царѣ и царицѣ непристойныя слова.

— Какія именно?—спросили «немигающія очи».

— Такія, какихъ я выговорить и подумать не смѣю.

— О чемъ же тѣ слова?

— О бракѣ ихъ царскаго величества: говорилъ, что государь женился на своей племянницѣ.

— На какой племянницѣ?

— На нынѣшней государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ... Архимандритъ Александръ сказывалъ: понеже при крещеніи царицы Екатерины Алексѣевны крестною матерью была благородная государыня царевна и великая княжна Наталія Алексѣевна, то выходитъ-де, что царица Екатерина Алексѣевна приходится государю духовною племянницею.

«Немигающія очи» при этомъ какъ бы улыбнулись... А «гусиное перо» все пишетъ, все пишетъ...

— Еще же что ты показываешь, старецъ Кириллъ?—спросили «немигающія очи».

— Еще же я, старецъ Кириллъ, показываю: онъ же архимандритъ Александръ осуждалъ государя и весь синклитъ за «табунъ-траву».

— За какую «табунъ-траву»?

— За табакъ, что нюхаютъ.

«Немигающія очи» на этотъ разъ дѣйствительно улыбнулись, а потомъ полѣзли въ жилетный карманъ, достали оттуда золотую табакерку и понюхали изъ нея «табунъ-травы».

— Что же еще покажешь?—спросили «немигающія очи».

— Больше за мною, за старцемъ Кирилломъ, государева слова и дѣла нѣтъ и не будетъ,—былъ окончательный отвѣтъ.—А тѣ слова мои подтвердитъ свиточникъ того монастыря Степанъ да іеромонахъ Тихонъ.

— А писать умѣешь?

— Умѣю.—А «гусиное перо» все скрипитъ по бумагѣ, все скрипитъ...

— Прочти же свое показаніе и подпиши.

Старика посадили, дали ему его показаніе и перо въ руки. Прочитавъ все внимательно, старый инокъ медленно росписался своею нетвердою рукою и перекрестился.

Затѣмъ его увели изъ тайной въ тюремное отдѣленіе.

VII. «Нитка урвалась».

Петръ Андреевичъ Толстой былъ большой мастеръ распутывать всякіе запутанные клубки. Лишь бы ему поймать одну ниточку, а ужъ тамъ онъ все размотаетъ. Ужъ на что былъ запутанъ громадный клубокъ по дѣлу царевича Алексѣя, а онъ и его распуталъ: нашелъ конецъ нитки въ Неаполѣ, въ замкѣ Сентъ-Альмо, а весь клубокъ распуталъ ужъ въ Петербургѣ, въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Такъ и тутъ, отпустивъ старца Кирилла и понюхавъ хорошенько «табунъ-травы», онъ сказалъ «гусиному перу»:

— Сейчасъ же отправь въ Свирскій монастырь нарочнаго, Преображенскаго полка дежурнаго сержанта Михайлу Селиванова съ двумя солдатами: они должны привезти архимандрита Александра, свиточника Степана да іеромонаха Тихона... Такъ, сдается?

— Точно такъ, ваше сіятельство, — отвѣчало «гусиное перо».

— Да пускай сержантъ всѣ письма и бумаги въ кельѣ Але-

ксандра, собравъ въ одно мѣсто, не разбирая, замкнетъ и, запечатавъ, привезетъ сюда же.

— Слушаю-ста, ваше сіятельство, — снова отвѣчало «гусиное перо».

И вотъ, 6-го іюня, и архимандритъ Александръ стоялъ уже передъ «немигающими очами». Въ глазахъ архимандрита свѣтился недобрый огонекъ, когда эти глаза встрѣтились съ «немигающими очами». Противники, казалось, измѣряли нравственныя силы другъ друга, кто кого сломитъ.

— Старецъ Кириллъ подъ крестнымъ цѣлованіемъ показывалъ, что ты, архимандритъ Александръ, о ихъ царскихъ величествахъ непристойныя слова говорилъ, сознаешься ли ты въ томъ?—спросили «немигающія очи» послѣ приведенія къ присягѣ подсудимаго.

— Никакихъ непристойныхъ словъ объ особахъ ихъ царскихъ величествъ я не только не говорилъ, но и помыслить того не смѣлъ,—твердо отвѣчалъ допрашиваемый.

— Ты осуждалъ бракъ ихъ величествъ.

— Не осуждалъ, то на меня старецъ Кириллъ взвелъ безлѣпично, по злобѣ.

— А вечерню наканунѣ Екатеринина дня совершалъ съ торжествомъ или безъ торжества?

— Того за давностію не помню,—былъ короткій отвѣтъ.

— А на Петровъ день?

— Въ Петровъ день, точно, я литургію соборне не служилъ за умаленіемъ церкви.

Въ эту самую минуту въ канцелярію вошелъ смотритель тюремной больницы.

— Ваше сіятельство! Колодникъ старецъ Кириллъ, бывшій архимандритъ Свирскаго монастыря, умираетъ, при послѣднемъ издыханіи... Проситъ священника.—При этихъ словахъ архимандритъ Александръ выпрямился. Злорадный огонекъ засвѣтился въ его глазахъ. — «Богъ наказалъ», пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Кириллъ, дѣйствительно, что-то лепеталъ коснѣющимъ языкомъ въ предсмертной агоніи. Онъ слегъ тотчасъ же послѣ допроса въ тайной канцеляріи. Потрясенный прежними истязаніями и нравственными муками, слабый организмъ старика не выдержалъ послѣднихъ испытаній. Онъ часто впадалъ въ за-

бытье, и въ горяченомъ бреду ему мерещились пыточныя орудія, дыбы, желѣзныя спицы. Но всего больше, кажется, угасающая память его носилась около послѣднихъ событій. Ему постоянно чудилось, что надъ головою его, которая была въ огнѣ, вѣяли крылья голубей, но эти вѣянья не освѣжали его пылавшаго мозга. Ему слышалось тихое воркованье голубей, прикосновеніе ихъ крыльевъ, и онъ протягивалъ слабѣющія руки, ощупывалъ свое исхудалое, горѣвшее огнемъ тѣло...

— Ничего у меня нѣту, миленькіе,—бормоталъ онъ безсвязно,—зерна давно брошены въ землю, а всходовъ нѣтъ... Все это онъ, архимандритъ, онъ все у насъ отнялъ.

То шумѣлъ надъ нимъ лѣсъ, и слышалось пѣніе птицъ, крикъ грачей, свистъ иволги...

— Божьи птички это... и черноризцы Божьи галдятъ... райскія птицы во пустынѣ прекрасной..

Но его больше всего мучили чьи-то немигающіе глаза: они засѣли у него въ слабѣющей памяти и не отходили отъ него... Онъ видѣлъ ихъ, хотя не видѣлъ лица...

— Немигающія очи... охъ, я правду сказалъ вамъ, правду...

Но эти глаза не отходили отъ него: они глядѣли на него изъ того темнаго угла... То ему чудилось огромное гусиное перо, которое все скрипѣло по бумагѣ, все скрипѣло... И онъ видѣлъ его, оно казалось ему какимъ-то чудовищемъ, изъ раскрытой пасти котораго сыпались на бѣлую бумагу буква за буквой, и буквы эти были живыя и ползали по бумагѣ какъ безобразные черви...

Его мучила страшная жажда, но онъ не сознавалъ этого, и только теперь, въ послѣднія минуты, сознаніе его какъ бы просвѣтлѣло, и онъ вспомнилъ о холодномъ серебрѣ распятія, къ которому онъ прикладывался передъ допросомъ. И ему представилось, что если бы теперь онъ приложился къ этому холодному кресту, то ему стало бы легче...

— Гдѣ Распятый за ны?—бормотали его пересохшія губы.

Смотрителю показалось, что больной произнесъ эти слова сознательно, и онъ нагнулся къ нему.

— Ты о чемъ, старче, говоришь?—спросилъ онъ.

— Къ распятію хочу приложиться, крестъ лобзать,—сознательно отвѣчалъ умирающій.

— Можетъ, ты исповѣдаться хочешь?—спросилъ смотритель.

Да-да... исповѣдаться... къ кресту приложиться... я умираю,—бормотали коснѣющія губы.

— Хорошо, я позову священника.

И теперь священникъ, исаакіевскій протопопъ Алексѣй, стоялъ надъ нимъ съ крестомъ.

— Исповѣдай передъ Богомъ грѣхи твои, сынъ мой,—тихо говорилъ священникъ.

— Исповѣдую, отче...

Но теперь какъ бы что-то осѣнило его мысль. Онъ все вспомнилъ, вспомнилъ, какія муки ожидаютъ его врага, на котораго онъ донесъ въ порывѣ мщенія... И ему вдругъ стало жаль его, такъ жаль!.. За что? За что онъ будетъ терпѣть муки, за что умирать?.. А умирать такъ страшно...

— Простить, простить врага, — колотилось у него въ сердцѣ,—и Христосъ велѣлъ прощать, любить велѣлъ! «Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ»!.. Прощать, любить...

— Сынъ мой!—говорилъ между тѣмъ священникъ,—Богомъ живымъ заклинаю тебя, страхомъ суда будущаго и вѣчныхъ мученій заклинаю, скажи въ послѣдній твой предсмертный часъ: правду ли ты показалъ на архимандрита Александра?

Умирающій страдалецъ нѣсколько приподнялъ голову; потухшій взоръ его просвѣтлѣлъ.

— Іисусомъ Христомъ исповѣдую тебѣ, отче, — сказалъ онъ,—о царѣ и царицѣ непристойныхъ словъ отъ архимандрита Александра я не слыхалъ... не слыхалъ...

— А что ты показалъ на разспросѣ и подписалъ?—спросилъ священникъ.

— А что я говорилъ на разспросѣ и прикладывалъ ли къ тому разспросу руку... того я не помню...

— Аминь! — сказалъ священникъ и подалъ умирающему крестъ.

Старикъ благоговѣйно припалъ пылающими губами къ холодному распятію, и ему такъ легко-легко стало... Ему казалось, что онъ снова въ своей «пустынѣ прекрасной»: надъ нимъ поютъ птички, галдятъ грачи, свищутъ золотистыя иволги, а въ ближайшемъ кусту заливается соловей, котораго гнѣздышко онъ

еще такъ недавно обтыкалъ колючками... И голуби вьются надъ его головой, но уже отъ ихъ крыльевъ не пышетъ жаромъ...

А между тѣмъ въ это время протопопъ Алексѣй уже докладывалъ въ тайной канцеляріи о результатахъ исповѣди въ тюрьмѣ.

— Умирающій старецъ Кириллъ, послѣ увѣщанія моего и уграживанія ему гнѣвомъ Божіимъ и страшнымъ судомъ, снялъ весь оговоръ съ обвиняемаго,—сказалъ онъ, кладя распятіе на аналой.

— Какъ снялъ?—удивился Толстой, и немигающіе глаза его какъ бы потемнѣли.

— Клялся именемъ Божіимъ и крестъ цѣловалъ, что-де архимандритъ Александръ непристойныхъ словъ о царицѣ не говорилъ,—отвѣчалъ протопопъ.

— А какъ же онъ подъ разспросомъ руку приложилъ?

— Того, говоритъ, не помню.

Подъ черными усами архимандрита прозмѣилась незамѣтная торжествующая улыбка и скрылась въ черныхъ, съ бѣлками, какъ у цыгана, глазахъ. Глаза эти снова встрѣтились съ немигающими глазами Толстого и на этотъ разъ ясно говорили: что, кто кого осилилъ?

Толстой чувствовалъ, что нитка, которую онъ держалъ въ рукахъ, урвалась, и клубокъ укатился невѣдомо куда.

«Урвалась, урвалась!»—говорилъ онъ про себя, откидываясь на спинку кресла.

— Нѣтъ, не урвалась!—сказалъ онъ упрямо, такъ что «гусиное перо» вздрогнуло.

Онъ всталъ и глянулъ прямо въ глаза архимандриту. Тотъ, также не смигнувъ, твердо выдержалъ испытующій взглядъ слѣдователя.

— Умираетъ старецъ?—спросилъ онъ священника.

— Отходитъ, ваше сіятельство; можетъ быть, уже отошелъ,—отвѣчалъ послѣдній.

Толстой опять опустился въ кресло и придвинулъ къ себѣ бумаги. Онъ вспомнилъ, что тамъ была челобитная, никѣмъ не подписанная, въ которой на архимандрита Александра взводились разныя преступленія противъ высокомонаршей чести и жестокія истязанія монаховъ, съ показаніемъ именъ тѣхъ, кого подсудимый истязалъ.

Онъ отыскалъ это челобитье и быстро пробѣжалъ глазами.

— Привести ко мнѣ свиточника, бѣльца Степана Артемьева, да строителя Введенскаго монастыря, іеромонаха Тихона,— сказалъ Толстой, отодвигая отъ себя бумаги.

— «Нѣтъ, нитка не урвалась!»—сказалъ онъ про себя и энергично понюхалъ «табунъ-травы».

VIII. Наканунѣ пытки.

Прошло семь мѣсяцевъ со дня смерти старца Кирилла.

Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ онъ лежитъ въ Александро-Невскомъ кладбищѣ подъ скромнымъ чернымъ крестомъ. Надъ могилой его летаютъ голуби, а весной опять загалдятъ грачи «черноризцы», которыхъ онъ такъ любилъ при жизни, и въ кустахъ бузины защелкаетъ соловей; но уже некому будетъ огородить его гнѣздышко отъ хищныхъ монастырскихъ котовъ...

А тотъ, кто свелъ его въ могилу, архимандритъ Александръ, что онъ?

Онъ теперь уже не архимандритъ и не Александръ, а простой колодникъ, Алексѣй Пахомовъ.

Сегодня только, 8-го января 1720 года, его разстригли по распоряженію митрополита Стефана Яворскаго; инока Александра «обнажили отъ ангельскаго чина» и возвратили его въ прежнее мірское состояніе съ именемъ Алексѣя.

Онъ еще и теперь дрожитъ, чувствуя, переживая тотъ унизительный моментъ церковнаго обряда, когда съ него снимали иноческое одѣяніе, разстригли... Онъ разстрига... А завтра розыскъ... пытка... Монаховъ не пытаютъ; а его разстригли, чтобы пытать...

Всѣ на него показали согласно показаніямъ Кирилла, и свиточникъ Степанъ, и Тихонъ іеромонахъ, и всѣ другіе монахи, привезенные изъ монастыря въ тайную канцелярію: всѣ его уличили, а онъ настойчиво отпирался... Теперь его завтра возьмутъ въ застѣнокъ...

— О, моя Павочка! Павла моя!—тихо прошепталъ онъ.— Для тебя одной крѣпился, думалъ, увидимся...

Онъ подошелъ къ желѣзной двери своего каземата и постучалъ. Глухо отозвался этотъ стукъ въ коридорѣ. Въ окошечко выглянулъ часовой съ ружьемъ.

— Чево тебѣ?—спросилъ онъ сердито, заспаннымъ голосомъ.

— Доложи смотрителю, чтобы онъ принесъ мнѣ бумаги, перо и чернилъ,—сказалъ арестантъ.

Часовой ушелъ. Арестантъ упалъ на колѣни и сталъ молиться... «Боже! Вразуми!»—шепталъ онъ.

Скоро тяжелый замокъ завизжалъ, дверь заскрипѣла на заржавленныхъ петляхъ, и въ казематъ вошелъ смотритель. Въ рукахъ у него были письменныя принадлежности.

— Сознаніе писать хочешь въ проступкахъ?—спросилъ онъ.

— Сознаніе,—отвѣчалъ арестантъ.

— Добро... давно бы пора повиниться его царскому величеству.

— И я винюсь,—былъ отвѣтъ.

Положивъ все принесенное на столикъ, у слабо мигающаго ночника, смотритель удалился.

Арестантъ опять остался одинъ. Онъ присѣлъ на лавку у столика и спустилъ свою черную сѣдѣющую голову на руки. По вздрагиванію плечъ можно было заключить, что онъ плакалъ.

Въ этомъ одиночномъ заключеніи въ тюремной тишинѣ, наканунѣ пытокъ, онъ въ нѣсколько часовъ пережилъ всю свою жизнь.

— Дѣвынька моя! Павочка! Павла тихая! — прошепталъ онъ, всхлипывая.

И ему вспомнились счастливѣйшіе дни въ его жизни.

Это было въ 1714 г., въ Москвѣ. Былъ онъ тогда еще простымъ монахомъ, и звали его старцемъ Алексѣемъ лампадчикомъ, потому что онъ находился тогда въ Чудовомъ монастырѣ и состоялъ при должности у лампадъ при мощахъ чудотворца Алексѣя митрополита.

Припомнилъ онъ, что въ Москвѣ называли его тогда «святымъ человѣкомъ», «постникомъ», «нищимъ». Говорили, что у него есть образъ Богородицы изъ самаго Іерусалима.

Много народу ходило къ нему въ убогую келью поклониться образу Богородицы...

— Что-жъ изъ того, что она была не изъ Іерусалима, а писана въ Москвѣ? Люди усердно молились ей, и молитва утѣшала

и спасала ихъ. А онъ, Алексѣй, читалъ имъ «достойно есть», поучалъ о спасеніи души...

Пришелъ къ нему однажды изъ дворца и истопникъ царевны Марьи Алексѣевны, Иванъ Богомоловъ, и съ нимъ пришла его молоденькая, бѣлокуренькая дочка Павла или «Павочка бѣлая», какъ называлъ ее отецъ, души въ ней не чаявшій. Говорилъ онъ, Алексѣй, и имъ о спасеніи души, о будущей жизни, о подвигахъ святыхъ угодниковъ...

Благоговѣйно слушала его повѣствованія бѣленькая Павочка. а изъ хорошенькихъ, дѣтскихъ глазокъ ея текли слезы умиленія...

И какъ горячо цѣловала она его руку при прощаньи!

— Приходи къ намъ на верхъ, во дворецъ,—умоляла она его,—о тебѣ слышала и царевна Марья Алексѣевна, она послушаетъ тебя, она такъ любитъ все божественное. Приходи же!..

И онъ сталъ бывать во дворцѣ, у царевны Марьи Алексѣевны... святой жизни дѣвица!.. И Павочка бѣленькая всегда была при ней: какъ куколку она ее наряжала и баловала, вѣтру на нее не давала дохнуть!

И горячо, святою любовью полюбилъ онъ эту чистую, невинную отроковицу, которая и къ нему привязалась всѣмъ сердцемъ, и непорочная душа ея отшатнулась отъ всего мірского...

— Батюшка! Хочу постричься въ ангельскій чинъ,—начала она потомъ приставать къ отцу,—отпусти меня въ монастырь!

Какъ ни отговаривали ее отъ этого и отецъ, и царевна, которая и жениха ей хорошаго нашла изъ государевыхъ сокольниковъ, ничто не помогало. «Хочу ангельскаго чину!—твердила она, цѣлуя руки царевны.—Хочу служить Богу, какъ Алексѣй лампадчикъ служитъ».

И онъ же, Алексѣй, за это пострадалъ. Сокольничій, по злобѣ за то, что за него не хотѣла выйти замужъ бѣленькая Павочка, сдѣлалъ доносъ на Алексѣя, будто бы онъ раскольникъ и что будто бы царевнину любимицу, отроковицу Павлу, въ расколъ сманиваетъ.

И вотъ. по этому доносу, Алексѣя взяли въ тіунскую избу судить, а то и ноздри рвать.

Павочка въ слезы, чуть глазъ не выплакала. Жаль ее стало царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ. Чтобы утѣшить свою любимицу,

царевна выхлопотала у Стефана Яворскаго освобожденіе Алексѣя отъ суда и отъ рванія ноздрей.

И отправили тогда Алексѣя въ Никольскій монастырь, что на Перервѣ, а Павочка съ горя постриглась въ Новодѣвичьемъ.

Въ монастырѣ Алексѣя посвятили въ дьяконы, а Павочка потомъ выплакала у царевны, чтобы посвятили его въ попы.

Вотъ онъ уже и не Алексѣй, а Александръ, іерей Бога живаго.

Но въ сердцѣ у него давно жила мысль основать свой собственный монастырь и быть въ немъ игуменомъ, а потомъ, при посредствѣ царевны Марьи Алексѣевны, выхлопотать основаніе другой обители, женской, чтобы тамъ игуменьею поставить Павочку.

Вспомнилъ онъ, какъ для достиженія этой завѣтной цѣли онъ отправился въ Петербургъ, какъ жилъ тамъ у знакомаго еще по Москвѣ дьяка Климонтова, какъ они спорили съ нимъ о богопротивной «табунъ-травѣ», которую Климонтовъ «безстыдно» нюхалъ, о богомерзкомъ парикѣ, который носилъ все тотъ же Климонтовъ, подражая модѣ; до слезъ спорилъ съ нимъ о постахъ...

— «Не то нынѣ время, чтобы новые монастыри заводить»,—сказала царица Екатерина Алексѣевна, когда до ея рукъ дошло о томъ ходатайство инока Александра.

— «Въ нынѣшнее время и старыхъ монастырей много»,— сказала и царица Прасковья Ѳедоровна, когда до нея дошло то же ходатайство инока Александра.

Но вотъ, черезъ ту же благодѣтельницу, по слезной просьбѣ Павочки, онъ получилъ игуменство въ Александро-Свирскомъ монастырѣ на мѣсто архимандрита Кирилла. Павочку тоже перевели въ ближайшій женскій монастырь... Молоденькая Павочка надѣется скоро быть игуменьей...

А онъ... онъ колодникъ... Его завтра пытать будутъ, бить кнутомъ, поднимать на виску, водить босыми ногами по желѣзнымъ спицамъ...

— Нѣтъ, не видать мнѣ ея больше!

Арестантъ всталъ и выпрямился. Въ глазахъ у него явилась рѣшимость, и опять засвѣтился тотъ недобрый огонекъ, который еще Толстымъ замѣченъ былъ въ тайной канцеляріи, когда онъ въ первый разъ допрашивалъ упрямаго архимандрита.

— Ну, была не была!—съ силой сказалъ онъ.—Все отпою! Либо за меня встанутъ всѣ архіереи, либо... Одинъ конецъ!

Онъ сѣлъ къ столику, перекрестился, взялъ перо и твердою рукою вывелъ на бумагѣ слѣдующее:

«Александрова монастыря Свирскаго азъ, архимандритъ Александръ, написалъ сіе писаніе своею рукою».

Всю ночь потомъ не поднималъ онъ головы отъ бумаги, все писалъ и писалъ.

IX. Въ кабинетѣ.

11-го января 1720 года царь Петръ Алексѣевичъ занимался въ своемъ кабинетѣ: онъ торопился дописать съ вечера начатый указъ о «новомонерной стройкѣ» судовъ и о томъ, что тѣхъ судопромышленниковъ, которые будутъ плавать въ «староманерныхъ» судахъ, въ лодьяхъ и кочахъ, особенно же съ ненавистными ему «скобками», онъ велитъ наказывать нещадно кнутомъ и ссылать въ каторгу.

Когда онъ кончилъ писанье, то глаза его упали на лежавшій въ сторонѣ крупно исписанный листъ бумаги. Онъ взялъ этотъ листъ.

— А! Изъ тайной,—сказалъ онъ вслухъ,—какого еще звѣря затравилъ Петръ Андреичъ? Чай, опять меня клянутъ за новшества. О, Москва, Москва! Въ печенкахъ ты у меня сидишь, выпь болотная!

Онъ сталъ читать вслухъ:

«Александрова монастыря Свирскаго, азъ, архимандритъ Александръ, написалъ сіе писаніе своею рукою».

«Не праздновалъ святой великомученицѣ Екатеринѣ, такожде и молбена не пѣлъ въ день тезоименитства царицы Екатерины Алексѣевны сицевыя ради вины: ради ихъ царскаго величества незаконнаго брака»...

— А, мракобѣсы! Меня учить вздумали!

Глаза царя сверкали гнѣвомъ. Онъ хотѣлъ было изорвать въ клочки бумагу, но остановился.

— Ну, что онъ тамъ дальше плететъ?

«Восхотѣлъ его царское величество вѣнчаться съ нею и не взялъ на сіе отъ перваго архіерея благословенія, и еже восхотѣ, го и сотвори царскою своею властію, никому ему о семъ возбра-

пяющему: вшедъ въ Божію церковь, его царское величество съ нею обвѣнчался».

— Да, тебя, пустосвята, не спросился,—презрительно улыбнулся Петръ.

«А ежели бы о сицевомъ брацѣ вѣдомо было первому архіерею,—продолжалъ онъ читать дальше,—такожде и прочимъ архіереямъ и всему освященному собору, то бы никогда таковому браку соизволили быти во святой Божіей церкви вѣнчанну: въ семъ его царское величество насиліе сотворилъ немалое святой соборной и апостольской церкви великороссійстѣй. Еще же къ сему и духовное сродство имать его царское величество съ нею, царицею: понеже во крещеніи ея, царицы Екатерины Алексѣевны, крестною матерью была благородная государыня царевна и великая княжна Наталія Алексѣевна, и ему, царскому величеству, по духовному сродству имать быти царица Екатерина Алексѣевна племянница. А духовное сродство во святой соборной и апостольской церкви Божіей предпочитается паче плотскаго».

— А! Каково ловко подвелъ: я на племянницѣ женился!— государь разсмѣялся.

Въ это время послышался шорохъ женскаго шелковаго платья, который заставилъ царя оглянуться. Въ дверяхъ стояла царица Екатерина Алексѣевна.

— Ты чему смѣешься, государь? — съ улыбкой спросила она.

— Я не смѣюсь, матушка, а плачу,—отвѣчалъ Петръ Алексѣевичъ.—И какъ мнѣ не плакать, Катюша? Меня съ тобой разводить хотятъ.

— Какъ разводить?—удивилась государыня.

— Да такъ! Ты мнѣ не жена, а племянница... Ты, чаю, помнишь, какъ тебя крестили въ русскую вѣру.

— Помню, государь: я была уже дѣвка на возрастѣ.

— То-то. А кто была твоя крестная мать?

— Наталія Алексѣевна царевна, я и по сихъ мѣстъ называю ее крестной.

— А она моя родная сестра, знаешь это?

— Вѣстимо, государь, знаю: не дурочка, чаю, твоя жена.

— Ну, а коли не дурочка, такъ и смекнешь, чаю, что я тебѣ двоюродный дядя, а ты мнѣ племянница; а по закону, коего я,

яко царь, долженъ быть первымъ блюстителемъ и исполнителемъ, дядѣ на племянницѣ жениться нельзя... Уразумѣла?

— Уразумѣла, государь.

— Ну, вотъ и все: насъ съ тобою, значитъ, разведутъ, тебя въ монастырь посадятъ и пострригутъ, а я женюсь на третьей, такую красавицу подцѣплю, что любо! Ну, и прощай, моя Катюша! Видишь это?—Государь ударилъ рукою по бумагѣ, и лицо его разомъ приняло суровое выраженіе.

— Что это?—спросила царица.

— Вотъ слушай: — »И о сицевомъ незаконномъ брацѣ,— продолжалъ государь читать громко показаніе нашего колодника,—незаконномъ брацѣ ихъ царскаго величества вся святая соборная и апостольская церковь великороссійская скорбитъ и слезитъ даже доднесь. И о сицевыхъ случаяхъ ихъ царскаго величества и азъ убогій архимандритъ Александръ ревностію подвитохся за сицевое насиліе святой Божіей церкви, ими царскаго величества сотворенное, сотворилъ такоже, яко изъявилъ писаніемъ симъ: о торжествѣ тезоименитства ея величества—не праздновали ея тезоименитству, такожде и молебна не пѣли, который поется въ навечеріи ея тезоименитства, и все то за незаконное бракосочетаніе»... — Тебя царицей не признаютъ пустосвяты! А! До чего дошли долгогривые! Такъ я же имъ покажу! Я вѣнчаю тебя на царство! Въ самой Москвѣ вѣнчаю! Все это беззубая Москва мутитъ, болото стоячее и гнилое!

Государь былъ гнѣвенъ. Онъ ходилъ большими шагами по кабинету, и энергическое лицо его нервно подергивалось.

— Государь! Успокойся, ради Бога, гнѣвъ вредитъ твоему здоровью,—старалась утишить его гнѣвъ государыня.

— Что тамъ еще онъ вякаетъ?—сказалъ Петръ, возвращаясь къ бумагѣ.—А вотъ: «Еще же къ сему его царское величество—читалъ онъ дальше—въ противность творитъ противъ святой восточной и апостольской греческой церкви: которые отъ нея опредѣленные святые посты (—а!—про посты!) пріяла святая соборная и апостольская церковь всероссійская и хранитъ Божіею благодатіею даже до сего времени, яко же прежде бывшіе россійскіе князи кіевскіе, такожде и великороссійскіе московскіе великіе князья и благочестивые великіе государи цари и великіе князи хранители даже и до сего его цар-

скаго величества царствованія, но нынѣ его царское величество взялъ обычай отъ падшаго западнаго костела римскаго, который отринутъ отъ святыя восточныя греческія церкви и яко же гнилый удъ (государь сердито ударилъ по бумагѣ; «гнилый удъ! гнилой западъ!—а Москва, вишь, не гнилая!—болото затхлое! стоячее!»—говорилъ онъ нервно)—гнилый удъ отсѣченъ отъ соединенія за многіе догматы противные, во свой западный костелъ имъ внесенные, которые со святою восточною греческою церквою несогласующіе; и нынѣ его царское величество пріялъ обычай того западнаго отпадшаго костела римскаго: во всѣ святые посты и во все лѣто въ среды и пятки разрѣшаетъ и другимъ всѣмъ повелѣваетъ творити такожде, яже и творятъ мнози отъ его царскаго синклита, и отъ прочихъ христіанъ мнози, на ихъ смотря, творятъ, ядятъ потому же мясо во святые посты якоже западный отпадшій костелъ римскій повелѣваетъ творити тако, отъ него же его царское величество сей обычай воспріялъ, противность творя святой восточной церкви»...

— Да, вся бѣда въ мясѣ, а рыбой и капустой да лукомъ объѣдаться, это святое дѣло! Ханжи!—съ грустью говорилъ государь.

И онъ читалъ дальше:—«Такожде его царское величество того западнаго костела пріялъ и прочіе обычаи»...

— Такъ!—прервалъ онъ самъ себя,—все Западъ! Все въ немъ гнилое и негодное... Да у этого Запада, мню я, мы повинны учиться не сто и не двѣсти лѣтъ, да и то не досягнуть намъ до той версты, до которой дойдено на Западѣ... Дай только Богъ, чтобы мои наслѣдники не забывали мою заповѣдь: учиться и учиться у Запада, какъ я учился у него и съ топоромъ, и съ пилой, и съ астролябіей, и съ анатоміей... Токмо мнѣ-то теперь ужъ поздно учиться,—съ грустью добавилъ онъ и продолжалъ чтеніе:

«Пріялъ отъ Запада и прочіе обычаи, брадобритіе и власы на главахъ своихъ носятъ накладныя, яко нѣкую мерзость, и якоже сатыри дивіи, тако входятъ въ храмъ Господень безстудно и безъ страха Божія. Еще къ сему повелѣлъ его царское величество богомерзкую проклятую табунъ-траву продавать по градамъ, которую самъ и весь его синклитъ употребляетъ».

— Что жъ это за табунъ-трава такая будетъ?—полюбопытствовала царица.

— А табакъ, по-московски же табунъ-трава; а почему «табунъ», не вѣдаю,—отвѣчалъ государь.

«И въ такое безстудіе пришли,—продолжалъ онъ,—не точію, что въ домахъ и въ канцеляріяхъ и на путехъ, но и въ церквахъ Божіихъ употребляютъ безстудно и безъ страха Божія, якоже азъ самъ видѣлъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова въ церкви Божіей безстудно употребляюща сію богомерзкую табунъ-траву проклятую и якоже нѣкоей святыни причащаяся. Не устыдеся лица Божія!»

Слушая эту проповѣдь невѣжества, царица только улыбалась, но Петръ читалъ все это съ крайнимъ негодованіемъ: онъ сознавалъ, что за этимъ изувѣромъ стоитъ вся московская Русь съ ея табунною самобытностью, и что нужны вѣка для очеловѣченія общества съ такими вѣрованіями.

И геніальный Преобразователь былъ правъ: еслибъ онъ теперь всталъ изъ гроба, то къ ужасу своему увидѣлъ бы, что «проклятая богомерзкая табунъ-трава» и доселѣ осталась у насъ въ большой силѣ...

Но государь продолжалъ читать съ негодованіемъ и презрѣніемъ: «Такожде втораго безстудника видѣлъ—Алексѣя Петровича Салтыкова сына его, въ олтарь вшедшаго во время святыя божественныя литургіи, егда речетъ іерей, держа въ рукахъ Пречестныя Тайны: »Всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ« и относитъ на жертвенникъ, тогда сей безстудникъ взялъ изъ кармана табакерку у самаго престола Божія и учалъ употреблять ту богомерзкую проклятую табунъ-траву»...

— Бѣдный табакъ!—невольно разсмѣялась царица. — И проклятый, и богомерзкій... Бѣдная трава!

— Да, поди жъ ты съ ними,—согласился государь:—и вотъ сіи ханжи сѣютъ ропотъ въ народѣ, мутятъ умы въ государствѣ... Но посмотримъ, что онъ дальше плететъ. Вотъ: «И такое безстудіе показалъ сей безстудникъ и дерзновеніе, аки бы нѣкоторой невѣрный второй бусурманъ. Такожде его царское величество (ну, опять меня!) и прочіе обычаи того западнаго отпадшаго костела воспріялъ отъ главы и до ногъ, которыя и видятся, и сего ради святая соборная и апостольская церковь и всѣ благочестивіи и вѣрніи христіане явѣ и тай соболѣзнуютъ и плачутъ и скорбятъ о сицевыхъ начинающихся и дѣющихся беззаконіяхъ въ Великороссіи, съ ними же и азъ, писавый сіе пи-

саніе, со всѣми любящими святыя восточныя церкви догматы и обычаи и преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ соболѣзную. И сего ради написалъ сицево писаніе въ исправленіе, да нѣкогда, пришедъ въ себя, его царское величество о сицевыхъ дѣющихся противностяхъ противъ восточныя святыя греческія церкви, исправится. Архимандритъ Александръ».

— Каково! «Пришедъ въ себя»! Точно я внѣ себя, обезумѣлъ... Каковы учители! Это меня-то учатъ, и кто же! Какой-то лампадчикъ, всю жизнь деревянное масло въ лампадки подливалъ и это же масло кралъ, и онъ же меня учитъ, исправляетъ... Тебя не признаетъ моею женой: всѣ суютъ носъ въ мои семейныя дѣла, не велятъ мнѣ одѣваться, какъ я хочу, какъ мнѣ удобнѣе... Подѣлали себя судьями своего царя, безчестятъ его, совѣтуютъ, чтобъ онъ «пришелъ въ себя», грозятъ...

Въ эти минуту въ кабинетъ вбѣжала прелестная дѣвочка лѣтъ десяти и бросилась къ государю.

— Здравствуй, государь батюшка! Съ добрымъ утромъ!— щебетала она.

— Здравствуй, моя птичка!—весь просіявъ, нагнулся царь къ дѣвочкѣ и за локти поднялъ ее къ себѣ, чтобы поцѣловать.

— Ахъ, какой ты большой! Точно коломенская верста!— капризно говорила дѣвочка.—Когда жъ я выросту такая большая, что сама буду доставать цѣловать тебя въ губы!

И государь, и государыня весело разсмѣялись.

— Ну, — сказалъ первый, — тебѣ до меня не дорости, птичка моя.

Дѣвочка эта была—царевна Елисавета Петровна, будущая императрица

X. Босикомъ по снѣгу.

Надъ Петербургомъ стоитъ морозное февральское утро. Городъ точно окутанъ мглистымъ туманомъ, среди котораго бѣлыми клубами поднимается дымъ надъ домами и медленно таетъ въ утреннемъ воздухѣ. Утро необыкновенно тихое, безвѣтренное, и на деревьяхъ иней, бѣлый и чистый какъ кристаллъ, не сдуваемый вѣтромъ, каждой вѣточкѣ, каждому сучку придаетъ необыкновенную картинность. Только красногрудые снѣгири, перепархивающіе кой-гдѣ съ вѣтки на вѣтку, разсыпаютъ по воз-

духу серебряныя блестки инея, отливающія на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

На Невѣ, на бѣлой пеленѣ недавно выпавшаго снѣга, противъ Петропавловской крѣпости, копошатся заиндевѣвшія человѣческія фигуры. Это чухны и окрестные мужики, подъ командою дворцовыхъ стражниковъ и десятниковъ, вырубаютъ огромные глыбы льда для дворцовыхъ погребовъ.

Одинъ изъ рабочихъ вдругъ остановился и съ удивленіемъ указалъ на что-то двигавшееся по льду, по направленію къ крѣпости.

— Мотри, никакъ человѣкъ?

— Человѣкъ и есть.

— А что жъ это вкругъ яво летитъ?

— А кажись голуби.

— Глянькось, глянь!—заговорили другіе:—онъ безъ шапки.

— И то безъ шапки, въ экой-то морозъ.

— Ишь ево скачетъ какъ.

— Заскачешь, небось, братъ, безъ шапки-ту.

— Матушки! Да онъ и босикомъ! Мотри, мотри!

— И точно босикомъ, ахъ ты, Господи!

— Да, эдакъ, братцы, заскачешь.

— Гляди, гляди, робя! Она на палочкѣ верхомъ.

— И кнутикомъ погоняетъ, ха-ха-ха!

Дѣйствительно, по льду, въ припрыжку, приближалась странная личность. Это былъ старикъ, сухой и морщинистый, съ длинными сѣдыми, повидимому никогда нечесаными волосами и сѣдою всклоченною бородой, сильно припавшими морознымъ инеемъ. На старикѣ не было шапки, и ноги его, загрубѣлыя какъ ноги дворовой собаки, были босыя. Странный субъектъ, дѣйствительно, скакалъ на палочкѣ верхомъ и подхлестывалъ ее кнутикомъ. Черезъ оба плеча его перекинуты были двѣ или три сумы, наполненныя рожью, горохомъ, крупою и другими зернами. Эти зерна онъ разбрасывалъ голубямъ и воробьямъ. Голуби такъ привыкли къ нему, что постоянно за нимъ летали, и онъ называлъ ихъ своими «нахлѣбничками».

— Здравствуйте, овцы и козлы!—заговорилъ вдругъ этотъ странный человѣкъ, поровнявшись съ коловшими ледъ рабочими.

— Здравствуй,—отвѣчалъ одинъ изъ надсмотрщиковъ, постарше другихъ.—Это за что жъ ты насъ козлами обозвалъ?

— Не васъ,—отвѣчалъ пришедшій,—а вонъ ихъ (онъ указалъ на чухонъ).

— И впрямь козлы, только безбородые,—засмѣялся надсмотрщикъ.—А мы, значитъ, овцы?

— Овцы.

— За что жъ такъ?

— А за то, что съ васъ шерсть стригутъ.

— Кто это съ насъ шерсть стрижетъ?

— А бояре.

Надсмотрщикъ почесалъ въ затылкѣ и не зналъ, что отвѣчать.

— Откудова жъ ты это теперь?—спросилъ онъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Отъ Марьи Акимовны.

— А кто жъ эта Марья Акимовна будетъ?—допрашивалъ надсмотрщикъ.

Пришедшій раскрылъ висѣвшій у него на груди складной образокъ съ изображеніемъ Богородицы.

— Вотъ она, Матушка,—сказалъ онъ, цѣлуя образокъ.

Надсмотрщикъ снялъ шапку и перекрестился. Перекрестились и рабочіе.

— А куда жъ теперь тебя Богъ несетъ, человѣче божій?—спросилъ надсмотрщикъ.

— А вотъ туда, въ баню

— Да это крѣпость,—замѣтилъ надсмотрщикъ.

— Нѣтъ, баня,—возразилъ пришедшій.—Тамъ есть хорошій баньщикъ, Петръ Андреичъ Толстой, что паритъ желѣзными вѣниками, и кто побывалъ въ ево банькѣ, тотъ выходитъ такой чистенькій, что прямо идетъ въ райскія палаты Марьи Акимовны.

Надсмотрщикъ понялъ иносказаніе и нѣсколько оторопѣлъ.

— Что жъ ты, человѣче божій, безъ шапки ходишь и безъ сапогъ?—спросилъ онъ.

— А ты крещеный? — въ свою очередь спросилъ его пришедшій.

— А какъ же! И крестъ на мнѣ завсегда.

— А въ церкви бывалъ?

— Какъ не бывать! Вѣстимо бываю.

— А образа видалъ тамъ?

— Видалъ.

— А Христа видѣлъ?

— Видѣлъ не однова.

— Что жъ, Онъ въ шапкѣ и въ сапогахъ?

Надсмотрщика озадачилъ этотъ вопросъ.

— Точно... безъ шапки... волоски этта длинненьки, расчесаны, словно бы коса,—проговорилъ онъ.

— А на ногахъ сапоги?—допрашивалъ пришедшій.

— Нѣтъ, точно, ножки этта босыя.

— А у апостоловъ?

— Точно, и у нихъ ножки босеньки, точно, точно, голеньки ножки... А намъ, грѣшнымъ, какъ же это безъ сапогъ либо безъ лаптей?

— Безъ лаптей нельзя! — заговорили рабочіе, обступивъ юродиваго.

— И безъ шапокъ, по эстакому-то морозу, — пояснили другіе.

— А безъ рукавицъ. Это што и говорить!

Юродивый посмотрѣлъ на обступившихъ его рабочихъ и полѣзъ въ одну изъ висѣвшихъ у него на плечѣ сумокъ. Послышалось звяканье денегъ.

— Вотъ они,—сказалъ юродивый, вытащивъ полную горсть пятаковъ, алтыновъ и мелкаго серебра.

— Деньги,—послышался говоръ удивленія кругомъ.

— Откуда у тебя столько денегъ, человѣче божій?—спросилъ надсмотрщикъ.

— Мнѣ Марья Акимовна дала,—отвѣчалъ тотъ.—Все это ворованныя деньги.

— Ворованныя?

— Да... Все это вотъ у нихъ украдено,—указалъ онъ на рабочихъ.

— Какъ у нихъ?

— У нихъ... Это у нихъ господа да купцы скрали, скрали тысящи, а Марьѣ Акимовнѣ даютъ по щербатой денежкѣ, чтобы она на нихъ не гнѣвалась; а Марья Акимовна велѣла мнѣ все это отдать имъ назадъ, вотъ этимъ обкраденнымъ.

И онъ началъ раздавать деньги рабочимъ. Тѣ, изумленные и обрадованные, принимали деньги, снимали шапки и набожно крестились.

— Дай тебѣ Богъ... пошли тебѣ...

Вдругъ юродивый вскочилъ на палочку, хлестнулъ ее кнутомъ и, подпрыгивая и выдѣлывая ногами всевозможныя колѣнца, подъ тактъ пляса выговаривалъ:

Какъ и нашъ-атъ козелъ
Всегда пьянъ и веселъ,
Онъ шатается,
Онъ валяется
По крутымъ берегамъ,
По желтымъ по пескамъ...

И приплясывая, и распѣвая, юродивый направился къ крѣпости.

Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли ему вслѣдъ... «Божій человѣкъ... Святой человѣкъ»...

XI. Юродство—сила древней Руси.

Это былъ знаменитый въ то время Ѳомушка-юродивый, живой осколокъ древней, до-петровской Руси. Его знала вся Москва, а впослѣдствіи, когда столичная жизнь стала зарождаться во вновь созданномъ державнымъ «плотникомъ» Питерѣ, узналъ его и Петербургъ.

«Христа-ради юродивые»—это была сила, съ которою должна была считаться древняя Русь. Юродивые въ то время являли изъ себя ходячую сатиру, бичевавшую сильныхъ и богатыхъ. Съ нею должны были считаться и цари, даже такіе неподатливые на уступки кому бы то ни было, какъ Грозный. Въ словахъ, иносказаніяхъ и поступкахъ, даже въ видимыхъ дурачествахъ искали и находили пророческій смыслъ. Юродивые такія рѣзкости говорили всенародно въ глаза сильнымъ, какія для другихъ, не для юродивыхъ, могли кончаться застѣнкомъ и плахою. Особенно въ женской половинѣ московской Руси они были всесильны. Считалось за честь принимать у себя босого и нечесаннаго Ѳомушку или Никитушку, и Никитушки давали тонъ общественному мнѣнію, направляли иногда государственныя дѣла въ нежелательную для властей сторону. За нихъ стояли и народъ, и войско.

Нашъ Ѳомушка являлся живымъ протестомъ обновленія Руси, и за нимъ стояла вся старинная бородатая знать. Ѳомушка ядовито осмѣивалъ всѣ нововведенія геніальнаго преобра-

зователя, и злыя сатиры его переходили изъ устъ въ уста, отъ боярыни къ боярынѣ, отъ святителя къ святителю. Онъ постоянно язвилъ особенно Ѳеофана Прокоповича, сочиняя про него небылицы и нелѣпыя вирши, въ родѣ слѣдующей:

Хохолъ, хохолъ,
Черкаской волъ,
Мазепинъ братъ,
А чортовъ сватъ—
На Русь пришелъ,
Латынь привелъ
Съ табунъ-травой,
Что выросла изъ черева
Блудницы злой.

Эти глупыя вирши расходились по Москвѣ и по Петербургу, отравляя и безъ того невѣжественные умы, и глухая смута таилась то по боярскимъ домамъ, то по кельямъ старыхъ, закоренѣлыхъ святителей-«пустосвятовъ». Какъ Ѳомушка избѣгалъ страшной дубинки преобразователя, это была его тайна, и скорѣе тайна покровительствовавшихъ ему боярынь и даже «дворскихъ дѣвокъ», то есть придворныхъ фрейлинъ. Онъ зналъ все, что дѣлается и при дворѣ, и въ коллегіяхъ, и въ тайныхъ канцеляріяхъ.

— Ахъ вы, гули, гули умницы,—говорилъ онъ часто, обращаясь къ голубямъ, слетавшимся къ нему за кормомъ,—вотъ еслибъ я васъ училъ дубинкою, какъ т о т ъ, вы бы всѣ отъ меня въ лѣсъ улетѣли.

И бородачи-патріоты, лавочники и кулаки, слушая такія рѣчи юродиваго и догадываясь, на кого онъ мѣтитъ, лукаво улыбались въ свои бороды и помалкивали: «не ровенъ часъ»...

Это былъ такой же фанатикъ, какъ и тотъ, который сидѣлъ теперь въ крѣпости, но только болѣе осторожный и несравненно болѣе опасный. Они знакомы были еще по Москвѣ, когда тотъ, который сидѣлъ теперь въ крѣпости, еще не былъ архимандритомъ и настоятелемъ Александро-Свирскаго монастыря, а находился еще въ Чудовомъ монастырѣ и состоялъ при лампадахъ святителя подъ скромнымъ именемъ «Алексѣя-лампадчика». Оба они вхожи были къ царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ и водили знакомство съ истопникомъ царевны, Иваномъ Богомоловымъ, хорошенькая, бѣлокуренькая дочка котораго, юная Павочка, была любимицею царевны. При дворѣ Марьи Алексѣевны Ѳомушка

пользовался громаднымъ авторитетомъ. Слово его, намекъ, иносказаніе, даже простое дурачество, понимавшееся какъ «юродство Христа-ради», принимались какъ наитія свыше, глаголы и дѣянія пророка. Придворныя женщины, для которыхъ странницы Агапѣюшки, «своими глазыньками» видѣвшія «сивиллъ-дѣвокъ простоволосыхъ», которыя не бросали отъ себя тѣни и у которыхъ «въ глазахъ не было мальчиковъ», были профессорами высшихъ женскихъ курсовъ, «дворскія дѣвки» или фрейлины, заслушивавшіяся разсказовъ о томъ, какъ странницы Агапѣюшки видѣли «сиклопесовъ» на островѣ «Кикиліи», до котораго отъ Соловковъ «рукой подать», и какъ эти Агапѣюшки своими посохами стучали во «врата адовы» и слышали тамъ за вратами плачъ, стоны и скрежетъ зубовный грѣшниковъ и «чвекотъ» кипящей смолы, такія придворныя особы, патріотки-россіянки, глубоко вѣрили, что Ѳомушка-дурачекъ на своей палочкѣ, какъ «Енохъ на милоти», леталъ на небо и бесѣдовалъ тамъ съ самою Марьей Акимовной. Онъ же, по ихъ глубокому вѣрованію, поймалъ бѣса въ табакеркѣ безбожнаго хохла, Ѳоофана Прокоповича, и, осѣдлавъ бѣса при помощи «двуперстнаго знаменія и трегубой аллилуіи», въ одну ночь слеталъ на немъ во градъ Ерусалимъ, выкупался въ Ердань-рѣкѣ, посидѣлъ тамъ на «пупѣ земли» и «ко вторымъ пѣтухамъ» воротился въ Москву.

Вотъ въ чемъ заключалась нравственная сила Ѳомушки, въ бабахъ. Съ бабами не могъ сладить и самъ державный «кормчій» русскаго государственнаго корабля: и его желѣзная энергія разбивалась о бабью глупость и неразвитость. Здѣсь Ѳомушка былъ сильнѣе царя.

— Не учи дубиной, а учи былиной,—говорилъ онъ обыкновенно, осуждая крутыя мѣры преобразователя Руси и подразумѣвая подъ «былиной» всякія вздорныя басни, въ родѣ пойманнаго въ табакеркѣ бѣса, которымъ особенно вѣрили бабы, а за ними и ихъ мужья.

— Христосъ-отъ и апостолы никого пальцемъ не тронули, да и солдатушекъ и пушекъ у нихъ не было, а поди на! Весь свѣтъ завоевали... А онъ дубиной-то да пушкой и Сивцева-Вражка не завоевалъ,—ораторствовалъ Ѳомушка уже не передъ бабами, а передъ бородачами.

— И точно, — соглашались бородачи, — не всегда и бабу плетью возьмешь, а иную пору лаской пуще прошибешь.

— Что правда, то правда, — соглашались другіе, — нашъ Сивцевъ-Вражекъ опять отростилъ бороды.

И это все были ученики Ѳомушки, который, проходя Охотнымъ рядомъ и посыпая горохъ для голубей, обыкновенно выкрикивалъ:

Эй вы, купцы, купцы,
Удалые молодцы,
Мѣряйте—не обмѣривайте,
Вѣшайте—не обвѣшивайте.

— Ну, безъ эстово нельзя, человѣчіе божій, — отвѣчали ему вслѣдъ охотнорядцы—не обманешь, не продашь, а мы потомъ замолимъ, либо нищему копѣечку подадимъ.

Когда до Ѳомушки дошло извѣстіе, что его стараго друга, бывшаго Алексѣя-лампадчика засадили въ крѣпость, онъ тотчасъ же бросился къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. У старой царицы онъ засталъ неразлучную съ ней Агапѣюшку, которая читала ей знакомую уже намъ книжку о «сивиллахъ», о «циклопесахъ» и о подобной чепухѣ.

— А! Здравствуй, божій угодникъ! — встрѣтила Ѳомушку царица. — Садись да послушай, что мнѣ Агапѣюшка читаетъ объ адѣ.

Ѳомушка послушно сѣлъ на полу.

— Ну, читай, Агапѣюшка, сначала, — сказала Прасковья Ѳедоровна.

«Когда бѣ адъ сотворенъ?—начала чтица въ носъ,—«понежѣ и о семъ потребно знати. Адъ сотворенъ отъ божія области въ той самый часъ, егда діаволъ помыслилъ противу Бога сѣсти. Гдѣ есть адъ? Адъ есть, его же мы именуемъ преисподній адъ, то есть на концѣ земли, на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣ-же смрадъ и тьма, и никто-же отъ человѣкъ живыхъ тамо итти не можетъ»...

— А какъ же ты, Агапѣюшка, говорила, что была тамъ?— перебила чтицу Прасковья Ѳедоровна.

— Я, матушка царица, доходила только до вратъ адовыхъ,—увильнула продувная баба.

— А! Только до вратъ? — удовольствовалась отвѣтомъ царица.

— До вратъ, государыня.

— А врата были затворены или отворены?—любопытствовала царица.

— Затворены, государыня.

— А какія онѣ?

— Желѣзныя, государыня, пребольшущія.

— Ну, читай дальше.

Странница продолжала тѣмъ же гнусавымъ голосомъ:

«Каковъ есть адъ? Адъ есть въ версѣ узокъ, а вдоль широкъ и глубокъ, и никто же вѣсть мѣры его, такмо Богъ единъ, яко и книги повѣдаютъ намъ, иже нѣкіи души, отъ вѣка тамо впадши, не обрѣтоша еще дна»...

— Царица небесная!—всплеснула руками Прасковья Ѳедоровна.—Такъ и не долетѣли до дна?

— Не долетѣли, государыня.

— И все летятъ, летятъ?

— Все летятъ, матушка царица.

— Слышишь, Ѳомушка? — обратилась царица къ юродивому.

— Слышу, матушка,—отвѣчалъ послѣдній,—охъ! полетятъ туда многіе, многіе... И я знаю, кто полетитъ туда, охъ, знаю!

— А кто, Ѳомушка?—полюбопытствовала царица.

— Не велѣно сказывать, не могу, — уклончиво отвѣчалъ юродивый.—А у меня есть до тебя дѣло, государыня

— Какое?

— Да объ Алексѣй-лампадчикѣ.

Прасковья Ѳедоровна и руками замахала.

— И не говори! И не говори! Самъ-отъ такъ и рветъ и мечетъ... на своей-де племянницѣ женатъ, пишетъ ему Алешка.

— Что-жъ! Алексѣй правъ,—возразилъ юродивый.

— Да, и другой Алексѣй тоже былъ правъ, а что отъ него осталось?

Ѳомушка только рукой махнулъ.

XII. Нечаянная встрѣча.

Послѣ этого-то неудачнаго визита мы и видѣли юродиваго на Невѣ, когда онъ, поразивъ ледоколовъ своими поступками и щедростью, направился къ крѣпости.

Онъ надѣялся повидаться съ заключеннымъ. Ему хотѣлось

укрѣпить его духъ въ послѣднія минуты, мало того, внушить ему дерзость: съ высоты эшафота, «съ колеса» крикнуть во всеуслышаніе то, что колодникъ написалъ въ допросѣ, въ тайной канцеляріи, противъ самово...

У воротъ крѣпости стоялъ часовой.

— Здравствуй, божій ратничекъ,—обратился къ нему юродивый.

— Уходи, дяденька, здѣсь нельзя разговаривать,—сказалъ часовой.

— Я не съ тобою разговариваю, а съ Богомъ,—отвѣчалъ Ѳомушка и сунулъ въ руку часовому нѣсколько монетъ.—Господи! Помилуй своего ратничка, пошли ему здоровья и поскорѣе воротиться въ родную сторонушку.

Часовой, видимо, былъ тронутъ.

— Божій человѣкъ... святая душа, — бормоталъ онъ про себя.

— Гулю! Гулю! Гулю!—звалъ юродивый голубей, бросая на землю зерна.

Голуби гурьбой летѣли на кормъ.

Въ это время къ крѣпости приближались двѣ черницы, одна старая, другая совсѣмъ молоденькая. Юродивый пристально вглядывался въ нихъ, и на лицѣ его появилась не то радостная, не то грустная улыбка. Онъ пошелъ имъ навстрѣчу!

— Бѣленькая Павочка!—тихо, ласково сказалъ онъ.

— Ѳомушка! Голубчикъ! — радостно вскрикнула молоденькая черничка, и бросилась цѣловать руки юродиваго.

— Дитятко мое! Горлица бѣлая!—сквозь слезы лепеталъ старикъ.—Почто пришла въ экое страшное мѣсто?

Юная черничка залилась слезами.

— Знаю, знаю, дитятко бѣдное!—говорилъ старикъ со слезами на глазахъ.

Павочка продолжала плакать.

— Хоть на стѣны, говоритъ, дай мнѣ посмотрѣть, гдѣ онъ, горемычный, томится,—пояснила старая черница.

— Охъ, стѣны, стѣны!—взглянувъ на крѣпость, покачалъ головою юродивый,—много слезъ и крови увидятъ онѣ, много!

Павочка отняла руки отъ заплаканнаго лица и съ ужасомъ посмотрѣла на высившіяся впереди стѣны.

Юродивый съ грустью любовался ея прелестнымъ личикомъ, съ совершенно дѣтскимъ выраженіемъ въ ясныхъ, лучистыхъ глазахъ.

— Вотъ и тебя, дитятко, привелъ Господь видѣть въ ангельскомъ чинѣ,—говорилъ старикъ,—а я знавалъ тебя еще махонькой... Помнишь?

— Помню,—смахнула слезу юная черничка.

— Тамъ, у царевны Марьи Алексѣевны въ покояхъ, въ куклы игрывала.

Павочка грустно покачала головой.

— Что жъ ему будетъ?—спросила она, указывая на крѣпость.

— Алексѣю-то?

— Да, родной.

— А Богу вѣдомо... Только сказываютъ, самъ-отъ зѣло сердитуетъ.

— А за что?

— Да Алексѣй коритъ его, будто онъ женатъ на своей племянницѣ.

— Какъ на племянницѣ!

— На племянницѣ, горлица моя, да еще на духовной.

— Какъ же это такъ? Я не разберу, въ толкъ не возьму,— говорила Павочка.

— А какъ же, горлица! Когда ее-то крестили въ русскую вѣру, такъ воспріемницей ее отъ купели была его родная сестра, царевна Наталья Алексѣевна.

— Ну, и что жъ?

— Значитъ, горлица, коли его сестра ей мать духовная приходится, то братъ этой матери кто ей будетъ?

— Отецъ, что ли?

Юродивый ласково улыбнулся: «охъ, дѣточка невинная, голубица чистая!»

— Братъ твоего отца кто тебѣ будетъ?—спросилъ онъ.

— Братъ отца? Ну, дядя.

— Ну, и онъ ей дядя выходитъ, да не плотской, а духовный.

Старая черница укоризненно покачала головой.

— Ужъ коли кумъ на кумѣ не можетъ жениться, такъ какъ

же на племянницѣ-то?—съ ужасомъ проговорила она.—Владычица! До чего люди дошли!

— Боже мой! Чѣмъ же Алексѣй-то виноватъ, что тотъ женатъ на своей племянницѣ? — въ тоскливой тревогѣ спросила Павочка.

— Такъ, такъ, моя ласточка,—качалъ головой юродивый.—Алексѣй, слышь ты, виноватъ тѣмъ, что знаетъ про это.

— Такъ всѣ это знаютъ.

— Знаютъ, птичка, да помалкиваютъ. Ты видѣла въ Чудовомъ образъ на стѣнѣ: у одного человѣка сучецъ въ глазу, а у другого бревно?

— Видѣла.

— Ну, Алексѣй-то, видно, и забылъ про этотъ образъ.

— А что?—недоумѣвала юная черничка.

— А то, что не токмо-что указалъ ему на бревно въ его глазу, а и вынуть то оное бревно умыслилъ.

— Боже мой!—опять заплакала Павочка.—Что жъ ему будетъ за это?

— Вѣнецъ ангельскій, птичка.

— Какъ вѣнецъ?

— Да, вѣнецъ... И тотъ вѣнецъ дороже царскаго вѣнца.

Старая черница набожно перекрестилась, а юная вскрикнула отъ ужаса.

— Боже!—рыдала она.—И неужто царь не смилуется надъ нимъ.

Юродивый только рукой махнулъ.

— А ежели я сама дойду до царя, упаду ему въ ноги?—плакалась Павочка.

— Не поможетъ... Что ты ему?

— Да вить Алексѣй мой духовный отецъ.

— Ну, а сама-ту ты кто, птичка?

— Какъ кто?

— Да ты, птичка, теперь въ ангельскомъ чинѣ обрѣтаешься, али нѣтъ?

— Въ ангельскомъ, точно: черничка я.

— А вашу сестру, черничекъ, да и чернецовъ опять на версту къ себѣ не допущаетъ: святоши, говоритъ, пустосвяты, Бога обманываютъ, говоритъ, да людей морочатъ, чтобъ жить на ихъ счетъ и ничего не дѣлать.

Старая черничка укоризненно покачала головой.

— Охъ, грѣхи, грѣхи... А кто за нихъ, за мірскихъ людей, Богу молится, какъ не мы: безъ нашихъ молитвъ, можетъ, и городъ эстотъ давно бы провалился за грѣхи людскіе.

— Это точно, матушка,—согласился юродивый,—вотъ въ этой моей палочкѣ, можетъ, благочестія больше, чѣмъ во всемъ Питерѣ.

— Господи! Что жъ намъ дѣлать!—съ отчаяніемъ воскликнула юная черничка.

— Какъ что, птичка бѣленькая? Радоваться! — съ силою сказалъ юродивый.

— Радоваться!.. Что ты, дѣдушка!—изумленно посмотрѣла на него Павочка.

— Да, радоваться... Предъ сѣннымъ ковчегомъ, скакаша, играя, людіе же божіи святіи...

И Ѳомушка началъ скакать, семенить ногами и приговаривать: «предъ сѣннымъ ковчегомъ, скакаша, играя»...

Въ небѣ ангелы поютъ,
Вѣнецъ Лёшенькѣ куютъ,
Да не просто золотой —
Самый ангельскій такой,
Потомъ Лёшеньку возьмутъ,
Въ райско мѣсто поведутъ,
И посадятъ въ мѣстѣ томъ
Рядомъ съ самимъ со Христомъ,
Съ апостоломъ со Петромъ...

Снѣгъ хрустѣлъ подъ загрубѣлыми, какъ у дворовой собаки, босыми ногами бѣсноватаго, сѣдые волосы трепались изъ стороны въ сторону, точно бѣлая куделя, а по морщинистому лбу выступали капли пота... Этими прыжками бѣсноватаго, этою дервишскою пляскою и нелѣпыми стихами о «райскомъ мѣстѣ», объ «ангельскихъ вѣнцахъ» и подобной дичью Ѳомушка и электризовалъ всегда свою аудиторію, изъ которой и выходили такіе фанатики, какъ Алексѣй-лампадчикъ.

И старая, и юная чернички съ благоговѣніемъ смотрѣли на возмутительную сцену скаканья по снѣгу босыми ногами дикаго старика, а нелѣпыя причитанья его, видимо, ободрили ихъ.

«Мученическій вѣнецъ получитъ Алешенька... въ райско мѣсто войдетъ... со Христомъ рядышкомъ сядетъ»...

— Смотрите! Смотрите!—вдругъ, переставъ плясать, торопливо заговорилъ юродивый.

— Что такое дѣдушка?—спросила Павочка.

— Вонъ изъ дворца выходитъ

— Кто такой?

— Великанъ, видите? Это самъ...

Изъ небольшого дома, построеннаго у Невы и служившаго въ первое время дворцомъ для неприхотливаго преобразователя Россіи, дѣйствительно, выходилъ великанъ-человѣкъ съ саженною дубинкою въ рукѣ. Съ нимъ вышелъ кто-то другой, поменьше. Стоявшіе у дома часовые взяли на караулъ.

Великанъ повернулъ къ крѣпости.

— Сюда идетъ, — шепнулъ юродивый, — скорѣй уйдемъ... Сказано-бо: «удалися отъ зла и сотвори благо»...

Всѣ трое торопливо спустились къ Невѣ. Но царь узналъ издали юродиваго и погрозилъ ему дубинкою.

— Грози, грози,—бормоталъ юродивый,— только я тебѣ не Филиппъ, а ты не Грозный.

Всѣ осторожно оглядывались на крѣпость, пока великанъ не скрылся въ крѣпостныхъ воротахъ.

— Куда жъ мы теперь, дѣдушка?—спросила Павочка, останавливаясь.

— А вы куда шли?—спросилъ Ѳомушка.

— Къ нему, къ Алексѣю: я думала хоть въ оконце увидѣть ево, свѣта.

— И не думай, а лучше толкнемся къ благочестивой царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, святая душа! Можетъ изъ жалости къ тебѣ, сироткѣ, она и сдѣлаетъ что-либо.

— Такъ веди меня къ ней, родной,—встрепенулась юная черничка.

XIII. Странница Агапѣюшка—ученая женщина древней Руси.

При входѣ въ покои престарѣлой царицы, уже изъ другой комнаты слышно было, что тамъ всезнающая Агапѣюшка продолжала свою ученую дѣятельность—читала царицѣ лекцію, которая такъ занимала добродушную и скучающую старушку.

«Како сіе бываетъ, — слышалось гнусливое чтеніе странницы,—еже земля зѣваетъ?«

— Ахъ, мать моя! Такъ и земля зѣваетъ, не я одна!—послышался возгласъ Прасковьи Ѳеодоровны и затѣмъ громкій зѣвокъ.—Ахъ, какъ сладко зѣвается подъ твое чтеніе, Агапѣюшка.

Въ это время на порогѣ показался юродивый съ черничками (юродивые и черницы всегда имѣли свободный доступъ къ богомольной царицѣ).

— А, это ты, Ѳомушка, съ черничками... Ну, садитесь, дайте маленько дослушать,—ласково говорила Прасковья Ѳедоровна;—ужъ такъ-то дивно читаетъ эта мастерица, Агапѣюшка: земля, слышь, какъ люди, зѣваетъ...

И снова сладкій, продолжительный зѣвокъ.

Юродивый зналъ, что царицу нельзя перебивать, когда она чѣмъ увлечена, а потому и сѣлъ, по обыкновенію, на полъ, а черннчки помѣстились у двери на стульяхъ.

— Ну, Агапѣюшка, читай.

Чтица продолжала:

«Слыши и разумѣй. Земля есть сотворена отъ божія области, подобна тѣлу человѣческому, понеже каменье имѣютъ мѣсто костей, кореніе древесъ и травъ вмѣсто жилъ, древеса и травы—вмѣсто власовъ. И егда впидутъ вѣтры подъ земныя скважни и выразитися оттуду паки не могутъ, тогда терзаютъ землю и колеблютъ, еже отъ великія силы преисподнихъ вѣтровъ сице земля отверзается и зѣваетъ».

— Чудеса Господни! Значитъ, и я отъ вѣтровъ зѣваю,—добродушно замѣтила Прасковья Ѳедоровна.

— Отъ вѣтровъ, матушка царица—подтвердила авторитетно ученая лектриса.

— Ну, инъ что дальше? — не унималась любознательная старушка.

— Сейчасъ, матушка. «Повѣдь ми о западномъ краѣ вселенныя, яже глаголется земля сикилійская. Въ той же украинѣ, подъ землею, по правдѣ, зѣло премноги скважни, и тамо родится жупелъ, сирѣчь сѣра горячая отъ огня, и отъ тоя сѣры горячія, разумѣй, яко въ томъ самомъ мѣстѣ, на западѣ, подъ тою землею смердливою домъ, иже есть ровъ смертный, адъ, и то есть правда, понеже въ томъ краѣ ничто же видимо благо, но токмо зловоніе сѣры смердитъ».

— Это въ Сикиліи-то?

— Въ Сикиліи, матушка царица.

— И ты тамъ была?

— Была, матушка.

— И дюже смердитъ?

— Дюже... Охъ, какъ смердитъ!

— Слышишь, Ѳомушка?

— Слышу, матушка царица.

— Ну, и что еще тамъ въ это Сикиліи? Читай.

— Читаю, государыня. «Повѣдаютъ морстіи корабельницы, еже слышится близъ тоя земли сикилійскія—въ морѣ аки собаки лаютъ»...

— Собаки въ морѣ!

— Собаки, матушка. «То мѣсто нарицается Силла *); въ томъ самомъ мѣстѣ той вышереченный адъ, въ немъ же великій шумъ, и смущеніе, страхъ, ужасъ и крикъ презѣльный, еже слышатъ корабельницы и повѣдаютъ, аки бы тамъ лаяніе подъ водою: по правдѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ пси, сирѣчь бѣсове зли и скверни».

— Ахти, страсти каки! — заволновалась Прасковья Ѳедоровна.—И ты все это слышала, Агапѣюшка?

— Слышала, государыня.

— Это когда жъ ты тамъ была?

— Да какъ въ Соловки ходили къ преподбнымъ Зосимѣ-Савватію.

— А тамъ развѣ близко до Сикиліи?

— Близехонько, рука подать.

— О-охъ, то-то хорошо вамъ, ученымъ, Агапѣюшка, все видѣли, все знаете; а я, грѣшная, дальше Сергіевой лавры не была. А ужъ объ тебѣ, Ѳомушка, божій человѣче, и говорить нечего: ты и въ Ерусалимѣ былъ.

— Былъ, государыня.

— На бѣсѣ ѣздилъ?

— На бѣсѣ.

— И онъ не сбросилъ тебя въ Акеянъ-море?

— А крестъ на что? Я ево въ загривокъ-то крестомъ, крестомъ!

— А онъ что? Трепещетъ, поди?

---

*) Конечно это—Сцилла!

— Трепещетъ, государыня: для нево крестъ святой хуже кнута.

— И неужто тебѣ не страшно было летѣть надъ Акеянъ-моремъ?

— Чево бояться, государыня? А крестъ на что?

Таково-то было въ то время міросозерцаніе большинства лицъ, принадлежавшихъ ко двору и даже къ царскому семейству. Какая-то плутоватая странница Агапѣюшка считалась ученою женщиною и чуть не святою, потому только, что въ какомъ-нибудь раскольничьемъ скиту ее научили читать «Златый бисеръ», книгу, наполненную средневѣковыми бреднями о людяхъ съ «песьими головами», о томъ, что въ «Кикиліи» (Сицилія) находятся «врата адовы» и черезъ эти врата слышали «морстіи корабельницы», и въ томъ числѣ Агапѣюшка, какъ тамъ «бѣсы собаками лаютъ»; что земля «зѣваетъ» такъ же, какъ и человѣкъ; что изъ рая вытекаетъ рѣка Гангесъ и приноситъ иногда изъ рая райскіе плоды и т. д.; что на бѣсѣ можно верхомъ ѣздить или можно поймать его въ табакеркѣ хохла Ѳеофана Прокоповича; что Ѳомушка юродивый самъ сидѣлъ на «пупѣ земли» и т. д., и т. д.

И только среди этого ужасающаго умственнаго мрака можно понять все величіе, всю геніальность такой личности, какою является въ этой темной средѣ титанъ среди государей всѣхъ временъ и народовъ—Петръ, которому приходилось бороться съ изувѣрами и фанатиками невѣжества, самыми стойкими изъ всѣхъ фанатиковъ, потому что фанатизмъ ихъ опирался не на знанія, не на убѣжденія, а на глубочайшее невѣжество.

Такимъ фанатикомъ былъ и тотъ, который сидѣлъ теперь въ крѣпости и за котораго пришли просить старую царицу Ѳомушка и Павочка.

Когда Агапѣюшка пріостановилась, чтобъ передохнуть, Ѳомушка заговорилъ о своемъ дѣлѣ.

— А я опять къ тебѣ, государыня, съ докукою.

— О чемъ, Ѳомушка?

— Да вотъ она, инокиня Павла (онъ указалъ на юную черничку) будетъ оному Алексѣю, во узы заключенному, дочь духовная: она пришла къ тебѣ, матушка царица, просить за него.

Павочка встала и повалилась царицѣ въ ноги.

— Что ты! Что ты, милая!—замахала руками Прасковья Ѳедоровна.

— Государыня царица! Умоли его царское пресвѣтлое величество не казнить Алексѣя,—плакалась Павочка.

— Какъ я умолю его, милая, коли онъ никого не слушаетъ, окромя своего Данилыча да супруги,—жалобно говорила Прасковья Ѳедоровна.—Данилычъ-то на меня нонѣ сердитуетъ за то, что въ сердцахъ я обозвала его намедни пирожникомъ, оладейникомъ, а та...

Прасковья Ѳеодоровна остановилась.

— А царица?—плакалась Павочка.

— Она, сама вѣдаешь, не проститъ твоему Алексѣю его провинки: вмѣсто жены онъ ее въ племянницы произвелъ.

— А Христосъ за враговъ велѣлъ молиться,—вставилъ свое слово юродивый.

— То Христосъ,—отвѣчала Прасковья Ѳедоровна и наотрѣзъ отказалась ходатайствовать за осужденнаго.

Павочка ушла, заливаясь слезами.

XIV. Нѣчто очень возмутительное.

23-го февраля 1720 года, у Петропавловской крѣпости, за кронверкомъ, съ утра толпится народъ. Тамъ, посреди площади, врытъ былъ въ землю столбъ, а вверху столба укрѣплено было колесо.

Народъ давно былъ знакомъ съ этою нехитрою архитектурною штукой и хорошо зналъ ея спеціальное назначеніе.

— Ково это, дѣдушка, подъ орѣхъ раздѣлывать будутъ?—съ глупой улыбкой спрашивалъ дѣтина въ рваномъ полушубкѣ и съ корзиной на головѣ, обращаясь къ старичку въ черной засаленной скуфейкѣ.

— Да, сказываютъ, человѣче, что нонѣ колесовать будутъ одново архимарита,—отвѣчала скуфейка.

— Какъ архимарита?—удивился дѣтина.—За што?

— Да, сказываютъ, человѣче, за табунъ-траву: оный, чу, архимаритъ проклятую табунъ-траву нюхалъ.

— Какая жъ этта, дѣдушка, табунъ-трава?—допрашивалъ любознательный дѣтина.

— А такая есть заморская трава, Богомъ проклятая, и се, человѣче, нехристи нюхаютъ.

— За что жъ она, дѣдушка, проклята?

— А за то, человѣче, что оная трава выросла изъ брюха Продіады-плясавицы.

— А кто-жъ, дѣдушка, была этта Ирадяда-плясавица?—не отставалъ любознательный дѣтина.

— Да, дѣвка, человѣче, такая непутящая была у царя Ирода, все плясала, да хребтомъ вихляла.

— Ишь язва! Ну и што жъ, дѣдушка? Плясала этта дѣвка со хребтомъ, баишь? Ну?

— Ну, и доплясалась, табунъ-трава у нея изъ брюха выросла.

— Ахъ, язва непутевая!

Въ это время въ толпѣ произошло волненіе и послышались возгласы: «Ѳомушка, Ѳомушка юродивый на палочкѣ ѣдетъ! Верхомъ на палочкѣ! Ахти! Ахъ!»

Дѣйствительно, сквозь толпу, босыми ногами по снѣгу, пробѣгалъ растрепанный, безъ шапки, старичокъ, сморщенный какъ сушеная лѣсная груша, всему Петербургу извѣстный юродивый. Онъ стегалъ кнутикомъ свою палку, изображавшую коня, и приговаривалъ:

— Но-но, лошадка! Но! Отъ Марьи Акимовны гонецъ ѣдетъ!

— Слышь ты, человѣче, что говоритъ Божій человѣкъ?— объясняла скуфейка своему сосѣду слова юродиваго. — Отъ Марьи-де Акимовны гонецъ пригналъ... А кто Марья-то Акимовна? Дщерь преподобныхъ Іоакима и Анны, сама Богородица! Вотъ и знай ево, Ѳомушку-то: отъ самой Богородицы гонцомъ! Вотъ такъ заганулъ загогулину, отъ Марьи, чу, Акимовны!

И скуфейка отъ умиленія руками развела. Между тѣмъ, юродивый, подскакавъ на палочкѣ къ роковому столбу, сталъ скакать вокругъ него, нахлестывая палку и приговаривая:

— Марья Акимовна всѣмъ поклонъ прислала, всѣмъ, кто посты соблюдаетъ и проклятой табунъ-травы ни ртомъ, ни носомъ не жретъ... Но-но, лошадка! Но!

— Ахъ, матыньки!—ахали въ изумленіи бабы.—Божій человѣкъ все святое творитъ, все святое...

А юродивый, сознавая, что производитъ эффектъ среди дикихъ зрителей, запрыгалъ и запѣлъ, какъ всегда, на голосъ:

Какъ и нашъ-атъ козелъ
Всегда пьянъ и веселъ,—

юродивый запѣлъ яко-бы глубокомысленную нелѣпицу своего собственнаго сочиненія:

Эка нонѣ благодать!
Якобы колесовать—
Будутъ Лёшеньку вѣнчать,
На престолъ станутъ сажать,
Вѣнецъ златой надѣвать,
Да не просто золотой—
Самый ангельскій такой!

Слушатели были въ восторгѣ, толпа ахала въ умиленіи... Юродивый, между тѣмъ, переставъ пѣть и кривляться, вынулъ изъ висѣвшей у него черезъ плечо сумки жареную баранью ногу, сталъ ее съ аппетитомъ уплетать за обѣ щеки.

— Ай, батюшки!—встрепенулась баба.—Баранину ѣстъ, матыньки, въ постъ, въ пятницу! Ай!

— Ѳомушка! Што ты! Нонѣ постъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Юродивый пересталъ ѣсть и, обратясь къ толпѣ, сказалъ:

— Мнѣ самъ Иванъ Захарычъ далъ баранью ногу: на, говоритъ, Ѳомушка, ѣшь на здоровье... Нонѣ-де будутъ человѣчинку кушать, Лешинькино мясцо, а ты, говоритъ, ѣшь баранинку.

Толпа пришла еще въ большій восторгъ.

— А! Каково! Самъ Иванъ Захарычъ!—раздавались голоса...—Ну, братцы!

— А кто этотъ Иванъ Захарычъ, дѣдушка?—спросилъ дѣтина скуфейку.

— Али не знаешь, человѣче?—таинственно отвѣчала скуфейка.—Иванъ Захарычъ, сынъ преподобныхъ Захарія и Елисаветы, Иванъ Предтеча, сирѣчь Креститель! Вонъ кто ему баранью-то ногу пожаловалъ...

Въ это время въ толпѣ прошелъ говоръ: «Ведутъ! Ведутъ»!

Со стороны кронверка показалась процессія: окруженный солдатами съ ружьями, шелъ арестантъ. Это былъ сѣдой старикъ, гладко обстриженный, съ непокрытою головой.

Трудно было въ немъ узнать бывшаго архимандрита Александра. Да это и не былъ Александръ, это былъ «разстрига

Алексѣй». Только глаза остались Александровы, тѣ глаза, которые не потупились и не мигнули передъ «немигающими очами» Толстого.

Рядомъ съ нимъ шелъ дьякъ тайной канцеляріи, тотъ дьякъ, который въ предсмертномъ бреду старца Кирилла представлялся ему въ видѣ чудовищнаго «гусинаго пера», которое все скрипѣло по бумагѣ. Теперь у дьяка въ рукѣ былъ листъ, смертный приговоръ.

Осужденнаго поставили къ столбу.

— Шапки долой!—крикнулъ дьякъ, подпимая вверхъ листъ, и самъ снялъ шапку.

Толпа заколыхалась, снимая шапки и хрустя сапогами и лаптями по снѣгу.

А день выдался ясный, морозный.

— «Разстрига Алексѣй!—громко читалъ дьякъ.—Въ прошлыхъ годахъ, въ бытность твою въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, простымъ старцемъ у чудотворцева гроба въ лампадчикахъ, имѣя ты у себя въ кельѣ образъ Іерусалимскія Богородицы, ханжилъ и прельщалъ простой народъ, объявляя себя яко свята мужа, и во время приходу того простого народу, которые, не зная истины и твоего прельщенія, просили у тебя о себѣ къ Богу молиться и давали подаяніе, отъ чего имѣлъ ты богомерзкіе себѣ прибытки, а потомъ, изъ того монастыря вышедъ, жилъ ты въ Москвѣ подъ церковью Максима Блаженнаго, и потому, имѣя у себя помянутый образъ, ханжилъ и простой народъ прельщалъ такимъ же образомъ паче перваго и получилъ себѣ такую же богомерзкую мзду, а потомъ проискомъ своимъ чрезъ нѣкоторыхъ людей отосланъ ты въ Никольскій монастырь, что на Перервѣ, и посвященъ въ попы, а въ прошломъ 1716 году»...

Но осужденный не слыхалъ дальше своего смертнаго приговора...

Въ толпѣ, насунувшейся къ мѣсту казни, онъ увидѣлъ двухъ монашенокъ. Одна изъ нихъ была старая, вся покрытая морщинами и сгорбленная. Другая—совсѣмъ молоденькая, съ дѣтски-миловиднымъ блѣднымъ личикомъ и овальными щечками, на одну изъ которыхъ, выбившись изъ-подъ чернаго монашескаго клобука, падала прядь бѣлокурыхъ льняного цвѣта волосъ...

Осужденый узналъ послѣднюю: то была его Павочка, любимица царевны Марьи Алексѣевны. Онъ все забылъ, и тайную

канцелярію, и застѣнокъ, въ которомъ онъ, съ вывернутыми изъ суставовъ руками, висѣлъ на вискѣ два раза, одинъ разъ 23 минуты, другой—20; онъ забылъ все, онъ только ее видѣлъ... Онъ не слушалъ, что читалъ дьякъ...

А дьякъ читалъ уже конецъ смертнаго приговора:

— «И великій государь указалъ за тѣ твои вышеписанныя зловымышленныя вины учинить тебѣ смертную казнь — колесовать!»

— Павочка!—съ невыразимой нѣжностью и съ предсмертной тоскою крикнулъ осужденный.

Молоденькая черничка вздрогнула. Обезумѣвшая отъ ужаса и горя, она протянула было къ нему руки, и какъ подрѣзанный колосъ упала безъ чувствъ навзничь, обнаживъ при паденіи свои роскошные льняные волосы...

— Ангелъ упалъ! Ангелъ бѣленькій!—вскричалъ юродивый, подбѣжавъ къ упавшей и ставъ около нея на колѣни.

Дальше произошло нѣчто очень возмутительное...

XV. «У него въ гостяхъ».

Весна въ Петербургѣ въ 1720 году выдалась необыкновенно ранняя и теплая. Лѣтній садъ, любимое дѣтище царя Петра Алексѣевича, подкрѣпленный посадкою новыхъ деревьевъ съ осени предыдущаго года, блисталъ такою яркою и чистою зеленью; дорожки его, обсаженныя куртинами рѣдкихъ цвѣтовъ, сѣмена которыхъ присланы были государю изъ Парижа, изъ садовъ Тюльери и изъ Версаля, смотрѣли такъ красиво, что Петръ Алексѣевичъ, любуясь твореніемъ рукъ своихъ, нерѣдко говорилъ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ:

— Не знаю, приведетъ ли Богъ дожить намъ съ тобою, а дѣтки наши свою Версаль будутъ имѣть въ моемъ парадизѣ.

Радовалъ государя и Петровскій островъ, гдѣ у него былъ небольшой домикъ, въ которомъ онъ любилъ заниматься лѣтомъ. На Петровскомъ острову у него также разведенъ былъ садикъ, весь пестрѣвшій цвѣтами тѣхъ же сортовъ, какіе присланы были государю изъ Версаля. Такихъ цвѣтовъ ни у кого не было въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ всѣ такъ думали.

Но если бы царю Петру Алексѣевичу, въ прелестное утро 20-го мая 1720 года, пришлось случайно находиться въ самой

глухой части одного изъ петербургскихъ островов, того именно, который теперь называется Елагинымъ, то на томъ концѣ этого острова, на той именно стрѣлкѣ, которая впослѣдствіи была расчищена и превращена въ аристократическій pointe и откуда доселѣ петербургская публика, лѣтомъ и въ особенности весною, до переѣзда на дачи и заграницу на воды, привыкла любоваться закатомъ солнца якобы въ море,—то государя поразило бы тамъ нѣчто неожиданное.

Вотъ что онъ увидѣлъ бы тамъ:

На самомъ концѣ стрѣлки, на небольшой полянкѣ, закрытой со стороны острова кустарникомъ, возвышается небольшой, продолговатый холмикъ, красиво обложенный зеленымъ дерномъ, и на этомъ холмикѣ роскошно распустились цвѣты, тѣ именно цвѣты, сѣмена которыхъ были выписаны государемъ изъ Тюльери и Версаля... Цвѣты посажены вдоль и поперекъ холмика такъ, что образуютъ собою прелестный осьмиконечный крестъ, эмблему древней православной Руси.

Изъ-за кустарника показывается человѣческая фигура, вся въ черномъ, въ одѣяніи чернички, медленно подходитъ къ зеленому холмику и опускается на колѣни. Наклоненнаго лица ея не видно, она молится, не поднимая головы, долго молится. Но вотъ, замѣтно, плечи ея и все тѣло начинаютъ вздрагивать, судорожно, конвульсивно вздрагиваютъ. Она плачетъ, горькій, безутѣшный, должно быть, этотъ плачъ.

Кто же это плачетъ и надъ кѣмъ?

Но вотъ изъ-за тѣхъ же кустарниковъ показывается сгорбленная фигура старика безъ шапки, съ сумками черезъ оба плеча. Въ рукахъ у старика длинный посохъ. Онъ тихо подходитъ къ зеленому холмику.

— Павочка!—тихо и ласково говоритъ онъ.—Миръ вамъ, тебѣ и ему.

Стоящая на колѣняхъ плачущая женщина вздрагиваетъ и поворачиваетъ голову. Изъ-подъ черненческаго клобука глянуло молоденькое, бѣленькое личико, все заплаканное.

— Ты упредила меня, стараго, дочушка милая,—говоритъ пришедшій.

Плачущая женщина встаетъ и подходитъ къ пришедшему.

— Благослови меня, батюшка,—говоритъ она, протягивая руки.

Пришедшій благословляетъ ее.

— А теперь помолимся вмѣстѣ во имя Того, который рекъ: «идѣ-же еста два или три во имя Мое, ту Азъ посреди ихъ», говоритъ онъ.

И оба опускаются на колѣни для молитвы. Долго длится ихъ молитва, долго губы ихъ шепчутъ неслышныя мольбы.

А вокругъ нихъ столько свѣта, столько жизни! Яркая зелень каждымъ лепесткомъ, каждымъ стебелькомъ своимъ кричитъ о счастьѣ, о блаженствѣ жизни. Слышится любовный весенній шопотъ деревьевъ. Тутъ же слышится тихій, любовный шопотъ прибоя рѣки, стремящейся въ холодныя, но вѣчно живыя объятія моря. Гдѣ-то вблизи кукуетъ кукушка, кукуетъ безъ конца, какъ бы провозвѣщая безконечную жизнь природы, вѣчное торжество бытія надъ небытіемъ. Гдѣ-то за Невкой, на Крестовскомъ, заливается соловей, какъ будто бы для него никогда не существовало зимы съ ея морозами, вьюгами и снѣгами и никогда не будетъ существовать. А сколько жизни и красоты въ этихъ цвѣтахъ на зеленомъ холмикѣ!

А они ничего этого не видятъ и не слышатъ. Ихъ мысли и сердца тамъ, а гдѣ тамъ, они сами не знаютъ... Ихъ мысли и сердца съ тѣмъ, кого уже нѣтъ съ ними; а гдѣ онъ—кто жъ это знаетъ!.. А они думаютъ, что знаютъ... Безумные!..

Они кончили молитву и встаютъ.

— Ему тамъ хорошо теперь, Павочка,—говоритъ старикъ, блаженно улыбаясь.

— Хорошо-то, хорошо, родной, а все жъ надо бы было ему еще пожить съ нами,—горестно говоритъ Павочка.

— Онъ тамъ въ ангельскомъ вѣнцѣ,—утѣшаетъ старикъ.

— А все бы ему еще жить да жить...

— Да онъ теперь съ нами, милая, вотъ тутъ, около своей могилки... Нонѣ день его ангела, преподобнаго Алексія, митрополита московскаго, при чудотворныхъ мощахъ котораго онъ состоялъ лампадчикомъ...

Павочка опять заплакала. Она вспомнила, какъ познакомилась съ нимъ, какъ полюбила его...

— Не плачь, дѣвынька,—утѣшалъ ее юродивый,—онъ съ нами нонѣ, его душенька витаетъ около насъ... Вонъ я вижу его...

— Гдѣ? Гдѣ?—страстно заговорила юная черничка.—По-

кажь мнѣ его, дѣдушка! Покажь, родной!—говорила она, хватая за руки юродиваго.—Покажь!

— Да я вижу его умными, дѣвынька, очами,—успокаивалъ ее Ѳомушка.—Вонъ онъ, свѣтикъ, въ златомъ вѣнцѣ, на тебя любовно глядитъ, тебя благословляетъ, вонъ онъ...

— О! Да гдѣ же! Я не вижу!—отчаянно ломала руки бѣдная дѣвушка.

— Погоди, дѣвынька, зѣло млада ты еще, а старенькою будешь, увидишь...

Она въ отчаяніи опустила руки... Хорошо утѣшеніе!

А кукушка все кукуетъ, все кукуетъ о вѣчной жизни, но не тамъ гдѣ-то, а здѣсь вотъ, среди этой зелени, подъ этимъ ласкающимъ солнцемъ. А соловей все заливается, позабывъ и зиму, и всѣ ея невзгоды...

И вотъ среди такого расцвѣта и мира природы, среди ея вѣчной красоты горе чувствуется острѣе, невыноснѣе. И Павочка чувствовала его всѣмъ своимъ изболѣвшимъ молодымъ сердцемъ.

— Я хочу теперь его видѣть, вотъ здѣсь, сейчасъ!—рыдала она.—Ты обѣщалъ мнѣ это, ты сказалъ, что онъ придетъ сюда.

— Онъ и пришелъ, дѣточка,—увертывался юродивый,—мы у него въ гостяхъ.

— О! Зачѣмъ ты меня обманывалъ! Зачѣмъ!

И она бросилась на могилу фанатика, цѣлуя зеленый дернъ и не видя, какъ отъ ея объятій и поцѣлуевъ мялись прелестные «царскіе» цвѣты, тайна нахожденія которыхъ на могилѣ фанатика была извѣстна только Ѳомушкѣ-юродивому да его поклонницамъ «дворскимъ дѣвкамъ», молоденькимъ фрейлинамъ, еще не зараженнымъ новыми вѣяніями...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СИДѢНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Стр.

I. Буря на Бѣломъ морѣ у Соловокъ 1
II. Черный соборъ и посолъ Кирша 8
III. Отбитый чернецами воропъ 17
IV. Сиротская свѣчечка передъ Господомъ 25
V. Огненный монахъ и посланіе Аввакума 33
VI. Оленушка въ раю 42
VII. Стрѣльцы гуляютъ 47
VIII. Соловецкія святки 57
IX. Спирина печерочка 66
X. Начало безпоповщины 73
XI. Воровской атаманъ, Спиря Бѣшеный 82
XII. Исповѣдь князя Мышецкаго 89
XIII. Роковыя качели 97
XIV. «А все изъ-за пучеглазой» 104
XV. Перебѣжчикъ 111
XVI. Послѣдняя ночь «Соловецкаго сидѣнья» 118
XVII. «На теплыя воды» 125

ТИМОШЪ.

Стр.

I. Полонянка 133
II. На походѣ 138
III. Черезъ Днѣпръ 144
IV. Нападеніе на замокъ 148
V. Розанда и медвѣдь 153
VI. «Тридцать шесть тысячъ сватовъ» 157
VII. Въ буковомъ лѣсу 161
VIII. Разлука 166
IX. Встрѣча сватовъ 170
X. Битва при Батогѣ 173
XI. Ладанка cum persona virginis 177
XII. Расплетаніе косы 180
XIII. Ужасное «Слово Богу» 183

ФАНАТИКЪ.

Стр.
I. Царь поетъ на клиросѣ 185
II. Ужасное подозрѣніе 190
III. Архимандритъ на цѣпи 195
IV. Объ островѣ «Сикиліи» и «циклопесахъ» 199
V. «Обѣдъ съ музыкой» и «слово и дѣло» 204
VI. Въ «тайной» 209
VII. «Нитка урвалась» 214
VIII. Наканунѣ пытки 219
IX. Въ кабинетѣ 223
X. Босикомъ по снѣгу 228
XI. Юродство—сила древней Руси 232
XII. Нечаянная встрѣча 236
XIII. Странница Агапѣюшка—ученая женщина древней Руси . . . 241
XIV. Нѣчто очень возмутительное 245
XV. «У него въ гостяхъ» 249

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Б

Кн. 25

ДЕРЖАВНЫЙ ПЛОТНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 25.

ДЕРЖАВНЫЙ ПЛОТНИКЪ

Историческій романъ.

ЧАСТЬ I.

«То академикъ, то герой,
«То мореплаватель, то плотникъ,
«Онъ всеобъемлющей душой,
«На тронѣ вѣчный былъ работникъ».
Пушкинъ.

Въ глубокой задумчивости царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ по своему обширному рабочему покою, представлявшему собою, въ одно и то же время, то кабинетъ астронома съ глобусами земли и звѣзднаго неба, съ разной величины зрительными трубами, то мастерскую столяра или плотника и кораблестроителя, съ массою топоровъ, долотъ, пилъ, рубанковъ, со всевозможными моделями судовъ рѣчныхъ и морскихъ, со множествомъ чертежей, плановъ и ландкартъ, разложенныхъ по столамъ.

Что-то нервное, скорѣе творческое, вдохновенное свѣтилось въ выразительныхъ глазахъ молодого царя.

Была глубокая ночь. Но сонъ бѣжалъ отъ взволнованной души царственнаго гиганта. Онъ часто, подолгу, останавливался въ раздумьи передъ разложенными ландкартами.

— Морей нѣтъ,—беззвучно шепталъ онъ, водя рукою по ландкартамъ.—Земли не измѣрить, не исходить... Отъ Днѣстра и Буга до Лены, Колыми и Анадыри моя земля, вся моя!.. И у

Александра Македонскаго, и у Цезаря, у Августа, у всего державнаго Рима не было столько земли, сколь оной подклонилось подъ мою пяту, а воды только нѣтъ, морей нѣтъ... Нечѣмъ дышать землѣ моей... Воздуху ей мало, свѣту мало... Такъ я-же добуду ей и воздуху и свѣту, и воды, воды цѣлые океаны!

Онъ съ силою стукнулъ по столу такъ, что юный деньщикъ его, Павлуша Ягужинскій, пріютившійся за однимъ изъ столовъ надъ какими-то бумагами, вздрогнулъ и съ испугомъ посмотрѣлъ на своего державнаго хозяина.

Но Петръ не замѣтилъ того. Ему вспомнилось все, что онъ видѣлъ во время своего перваго путешествія по Европѣ. Это былъ какой-то волшебный сонъ... Корабли, счету нѣтъ кораблямъ, которые бороздятъ воды всѣхъ океановъ, гордые, величественные корабли, обремененные сокровищами всего міра... А у него только неуклюжіе струги да кочи, да допотопные ушкуи...

— У махонькой Венеціи, кою всю мочно шапкой Мономаха прикрыть, и у той цѣлыя флотиліи... Голлендерскую землю мочно-бы пядями всю вымѣрять, а на поди! Кораблямъ счету нѣтъ!—взволнованно шепталъ онъ, снова шагая по своему обширному покою.

— Левъ въ клѣткѣ, левъ Нумидіи, жаждущій арены и борьбы,—колотилось въ душѣ юнаго лѣтами, но далеко заглядывавшаго впередъ царскаго деньщика.

И дѣйствительно, было что-то львиное во всей гордой и могучей постати молодого царя съ развѣвавшеюся отъ быстраго хода гривою курчавыхъ волосъ.

Добыть моря, добыть!.. Не задыхаться же его великой землѣ безъ воздуху!.. На дыбу, духовно, поднять всю державу, весь свой народъ, и добыть моря, чтобъ протянуть державную руку къ околдовавшей его Европѣ... Черезъ Черное море, черезъ Турскую землю, далеко, это не рука... А тамъ за Новгородомъ и Псковомъ, гдѣ его пращуръ, Александръ Ярославовичъ, шведскому вождю Биргеру «наложилъ печать на лице острымъ мечемъ своимъ», тамъ, гдѣ онъ-же на льду Чудскаго озера поразилъ на-голову лиѳонскихъ рыцарей въ «Ледовомъ побоищѣ», такъ ближе къ Европѣ...

— Токмо-бъ морей добыть!—повторилъ царь мысленно.

А корабли будутъ! Лѣсу на корабельное строеніе не занимать-стать всю Европу русскимъ лѣсомъ завалить хватитъ...

Корабельное строеніе уже кипитъ по всѣмъ рѣкамъ... Всѣ корабельныя «кумпанства» ужъ къ топору поставлены, горитъ работа! На рубку «баркалонъ» въ шестнадцать съ лихвой сажень длины и четырехъ ширины ставятъ топоръ да пилу бояре да владыки казанскій и вологодскій... Къ «баркалонамъ» чугунныхъ пушекъ льется отъ двадцати-шести до сорока-четырехъ на каждое судно. На «барбарскія» суда ставятъ топоръ и пилу гостиныя кумпанства. А тамъ еще бомбардирскій да галеры... А орудій хватитъ...

— Колокола на пушки перелью!—соображалъ державный вождь русской земли.—И святитель Митрофанъ благословитъ на сіе дѣло... Токмо статуй владыка не одобряетъ: еллинскіе идолы, говоритъ... Да добро!

Вдругъ царь какъ-бы очнулся отъ всецѣло поработившихъ его государственныхъ думъ и взглянулъ на Ягужинскаго, котораго, казалось, только теперь замѣтилъ, и былъ пораженъ его необыкновенной блѣдностью и выраженіемъ въ его прекрасныхъ черныхъ глазахъ чего-то вродѣ нѣмого ужаса.

— Что съ тобой, Павелъ?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ юношей—Ты боленъ? Дрожишь? Что съ тобой?

— Государь!.. Я не смѣю,—бормоталъ юный деньщикъ блѣдными губами.

— Чего не смѣешь? Я къ тебѣ всегда милостивъ.

— Не смѣю, государь... но крестное цѣлованье... моя вѣрность великому государю...

— Говори толкомъ! Не вякай.

— Царь государь!.. На твое государское здоровье содѣянъ злой умыселъ... хульныя слова изрыгаютъ...

— Знаю... не впервой я, чать... Отъ кого? Какъ узналъ?

— Приходила ко мнѣ, государь, попадья Степанида, въ Китай-городѣ у Троицы, что на рву, попа Андрея жена, и отай сказывала, что, пришедъ-де въ домъ пѣвчево дьяка Ѳедора Казанца, зять его, Ѳедора, Патріаршей площади подъячій Аѳонька Алексѣевъ съ женою своей Ѳеклою, и сказали: живутъ-де они въ Кисловкѣ, у книгописца Гришки Талицкаго, и слышатъ отъ него про тебя, великаго государя, непристойныя слова, чево и слышать невозможно.

Павлушка говорилъ торопливо, захлебываясь, нервно теребя пальцы лѣвой руки правою.

— Ну?

— Да онъ-же, государь, Гришка—продолжалъ Ягужинскій,—рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ, хочетъ печатать, а напечатавъ, бросать въ народъ.

— Ну?

— Да онъ-же, государь, Гришка, тѣ свои воровскія письма, да доски, да и тетради отдалъ товарищу своему Ивашкѣ иконнику.

— Ну? И?..

— И та, государь, попадья Степанида сказывала мнѣ, что оный Гришка Талицкій составилъ тѣ воровскія письма для тово: будто-де настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ-де въ міръ пришелъ...

Ягужинскій остановился, боясь продолжать.

— Досказывай!—мрачно проговорилъ царь.

— Антихристомъ—запинался Павлушка — онъ, государь, Гришка, въ томъ своемъ письмѣ ругаясь, писалъ тебя, великаго государя...

— Такъ ужъ я и въ антихристы попалъ,—первно улыбнулся государь,—честь не малая.

Еще съ большей горечью и стыдомъ вспомнилась ему Европа... жгучій стыдъ!

— О, моя жалкая родина!—трепетало у него въ душѣ.— За нее у меня сердце обливается кровью, а она меня въ антихристы пожаловала!

— Ну?—промолвилъ онъ вслухъ.

— Да онъ-же, государь, Гришка, также-де и иныя многія статьи тебѣ, государю, воровствомъ своимъ въ укоризну писалъ-де, и народомъ-де отъ тебя, государя, отступить велѣлъ-де и слушать-де тебя, государя, и всякихъ податей тебѣ платить не велѣлъ...

— Вотъ какъ!—глухо засмѣялся Петръ.—Съ сумой меня пустить по міру велитъ!.. Вотъ тебѣ и корабли!.. Ну?

— А велѣлъ-де, государь, тотъ Гришка взыскать, во мѣсто тебя, царемъ князя Михайлу Алегуковича Черкасскова...

— Ого! Ну, ну!

— Черезъ того-де князя хочетъ быть народу нѣчто учинить любое...'

— Такъ, такъ... Будемъ теперь въ ножки кланяться Михайлѣ Алегуковичу... Ну!

— Да онъ-же, государь, воръ Гришка, для возмущенія къ бунту съ тѣхъ своихъ воровскихъ писемъ единомышленникамъ своимъ и друзьямъ давалъ-де письма руки своей на столбцахъ, а инымъ и въ тетрадехъ, и за то у нихъ ималъ-де деньги.

Теперь Петръ слушалъ молча, величаво спокойно, и только нервныя подергиванія мускуловъ энергичнаго лица, оставшіяся у него еще съ того времени, когда онъ совсѣмъ юношей, чуть не въ одной сорочкѣ и босой, ночью ускакалъ изъ Преображенскаго въ Троицкую лавру отъ мятежныхъ приспѣшниковъ его властолюбивой сестрицы Софьи Алексѣевны, которая давно сидѣла теперь въ заточеніи тихихъ келій Новодѣвичьяго монастыря.

— Все?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, государь. Попадья сказывала, что онъ же, Гришка, о «послѣднемъ времени» и о антихристѣ вырѣзалъ-де двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ хотѣлъ-де печатать листы, и для возмущенія-жъ къ бунту и на твое, государево, убійство...

— Убійство!..

— Такъ, государь, та попадья сказывала...

— Ну?

— Онъ-де, государь, Гришка, писалъ оное для того: которые-де стрѣльцы разосланы по городамъ, и какъ-де государь пойдетъ съ Москвы на войну, а они, стрѣльцы, собрався, будутъ въ Москвѣ, чтобъ они-де выбрали въ правительство боярина князя Михайлу Алегуковича Черкасскова, для того-де что онъ человѣкъ доброй, и отъ него-де будетъ народу нѣчто доброе.

— Такъ... Дай Богъ,—иронически замѣтилъ Петръ.—Все?

— Нѣту, государь: оная попадья еще сказывала, будто-де тамбовскій епископъ Игнатій, будучи на Москвѣ, съ Гришкой-де о послѣднемъ вѣцѣ, и о исчисленіи лѣтъ и о антихристѣ...

— Это обо мнѣ-то?

— О тебѣ, государь, разговаривалъ и плакалъ, и Гришку цѣловалъ...

— Такъ ужъ и архіереи... Онъ куда ядъ досягаетъ!.. А сіе что?—спросилъ Петръ, указывая на лежавшія на столѣ тетради.

— Попадья то-жъ принесла.

Царь взялъ тетради.

— А! «О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до окончанія свѣта»,—прочиталъ онъ.—Такъ, такъ... А вотъ и «Врата»... Вижу, вижу... Это «врата» въ преображенскій приказъ, въ застѣнокъ, на дыбу,—качалъ онъ головой.—Все?

— Все, государь.

Замѣтивъ, что его юный деньщикъ отъ страху едва стоитъ на ногахъ, царь отрывисто сказалъ:

— Спасибо тебѣ, Павлуша, за вѣрную службу. А теперь ступай спать... Я самъ просмотрю сіи тетради... Да! Для чего твою попадья къ тебѣ заявилась съ своимъ извѣтомъ, а не въ преображенскій приказъ, къ князь-кесарю?

— Боялась, государь.

— Ну, ступай *).

II.

Царь, оставшись одинъ, сталъ просматривать обличительныя тетради.

Долго въ ночной тишинѣ шуршала грубая бумага писаній фанатика. Петръ внимательно прочитывалъ и перечитывалъ нѣкоторыя мѣста. Онъ не могъ не сознавать, что Талицкій съ усердіемъ изувѣра рылся въ старинныхъ книгахъ. Страницы постоянно пестрѣютъ ссылками на «Ефрема Сирина объ антихристѣ», на «Апокалипсисъ», на «Маргеритъ». Фанатикъ всѣми казуистическими изворотами старается доказать, что ожидаемый антихристъ и есть Петръ Алексѣевичъ.

— Что онъ все твердитъ объ «осьмемъ» царѣ?—самъ съ собой разсуждалъ Петръ.—«Осьмый царь—антихристъ... А Петръ «осьмый»: онъ и есть антихристъ»... По какому же исчисленію я осьмой царь?.. А! Отъ Грознаго... Царь Иванъ Грозный, царь Ѳедоръ, царь Борисъ Годуновъ, царь Шуйскій, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, царь Алексѣй Михайловичъ, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ... Да, я осьмой... Что-жъ изъ сего?

И опять зашуршала бумага, долго шуршала.

---

*) Изложенное въ I главѣ извлечено изъ дѣла бывшаго преображенскаго приказа о Григоріи Талицкомъ.

— Что за безлѣпица!.. И сему бреду пустосвята вѣрятъ архіереи!.. О, бородачи!.. А они, пастыри моего народа... Не за мной онъ идетъ, а за ними... Помню, какъ они въ Воронежѣ, словно бы пчелы матку, обступили Митрофана... Меня какъ бы и знать не хотѣли...

И онъ вспоминаетъ съ мельчайшими подробностями тотъ необыкновенно поразившій его случай съ воронежскимъ епископомъ Митрофаномъ.

Царь пріѣхалъ въ Воронежъ для наблюденія за стройкою кораблей для предстоящаго похода подъ Азовъ.

Архіерей встрѣтилъ царя съ крестомъ. Народныя толпы залили собою всю площадь у собора. Но вниманіе народа было, повидимому, больше сосредоточено на маленькомъ, худенькомъ, тщедушномъ Митрофанѣ, чѣмъ на царственномъ великанѣ.

Наскоро осмотрѣвъ корабельныя работы, которыми Петръ очень торопилъ, чтобы съ полой водой двинуться въ походъ, онъ, возвратясь въ свой воронежскій небольшой дворецъ, послалъ своего молоденькаго денщика, все того же Павлушу Ягужинскаго, просить къ себѣ Митрофана для переговоровъ о томъ же кораблестроеніи, такъ какъ Митрофанъ не только жертвовалъ Петру значительныя суммы на постройку кораблей, но самъ соорудилъ, оснастилъ и вооружилъ роскошное судно лично для царя.

Когда Ягужинскій явился къ Митрофану съ царскимъ приглашеніемъ, Митрофанъ точасъ же пошелъ ко дворцу. Народъ, увидавъ любимаго святителя, который кормилъ всю бѣдноту не только Воронежа, но и сосѣднихъ селеній, массами обступилъ своего любимца, тѣснясь къ нему подъ благословеніе.

Петръ все это видѣлъ изъ оконъ своего дворца.

— А вить я въ тѣ-поры завидывалъ святителю,—тихо сказалъ Петръ, съ жестомъ презрѣнія отодвигая отъ себя тетрадки Талицкаго съ его фанатическимъ бредомъ.

Петръ видѣлъ изъ окна, какъ Митрофанъ повернулъ къ фасаду и къ крыльцу дворца, и вдругъ не то съ испугомъ, не то съ гнѣвомъ остановился.

Народъ тоже какъ-бы съ испугомъ шарахнулся назадъ.

И Митрофанъ не вошелъ во дворецъ. Онъ быстро, насколько позволяли ему старческія силы и слабыя ноги, повернулъ назадъ. Народъ за нимъ.

— «Что случилось?»—недоумѣвалъ царь.—«Бѣги, Павелъ, узнай, въ чемъ дѣло»?—приказалъ онъ Ягужинскому.

Скоро возвращается послѣдній.

— Что приключилось архіерею? Може занемогъ внезапно?—спрашиваетъ царь.

Ягужинскій не рѣшается сказать.

— «Говори! Дѣло не медлитъ».

— «Государь! Его преосвященство сказалъ, что онъ не войдетъ во дворецъ православнаго царя, когда входъ въ оный дворецъ оскверняютъ поставленные тамъ еллинскіе идолы и притомъ обнаженные».

— «А!—нервно воскликнулъ царь.—Такъ онъ осмѣлился ослушаться моего приказа!.. Такъ поди и скажи сему попу: если онъ не явится ко мнѣ, то какъ преступника царской воли, его ждетъ казнь!»

Ягужинскій, пораженный гнѣвомъ царя, опять поспѣшилъ къ Митрофану.

— «Мало мнѣ было тяготы со стрѣльцами да съ боярскими бородами, такъ теперь и попы, и архіереи крови захотѣли!.. Такъ будетъ же кровь!»—негодовалъ возмущенный царь.

Возвратился Ягужинскій, блѣдный растерянный.

— Что? Скоро явится ослушникъ?—гремитъ Петръ.

— Нѣтъ, великій государь... Онъ сказалъ: пріиму смерть, но не оскверню санъ архіерея Божія,—съ дрожью въ голосѣ отвѣчалъ Ягужинскій.

— А? Такъ будетъ же смерть!

Теперь, вспоминая объ этой вспышкѣ, Петръ улыбнулся, всталъ и началъ снова задумчиво ходить по своему рабочему покою среди моделей кораблей, чертежей, глобусовъ, ландкартъ и строительныхъ инструментовъ.

— Да, переклюкалъ меня тогда святитель... Умница сей Митрофанъ,—снова улыбнулся онъ.

Въ ночной тиши гдѣ-то глухо простоналъ колоколъ.

— А, къ утрени... Пора бы и спать, да моря отымаютъ сонъ...

И онъ опять предался воспоминаніямъ... Европа съ ея чудесами... моря... корабли... И мысль капризно перенеслась снова въ Воронежъ, къ Митрофану.

И тамъ такъ-же, какъ теперь здѣсь, въ Кремлѣ, вечеромъ

глухо простоналъ соборный колоколъ, но только какъ-то зловѣще... Долго, долго стоитъ въ воздухѣ медленно затихающій стонъ мѣди... За нимъ другой, болѣе отдаленный, но такой же зловѣщій, похоронный, доносится отъ другой церкви... Замеръ и этотъ въ ночномъ воздухѣ... Ему отвѣчаетъ откуда-то третій... Стонетъ и этотъ... Ясно, звонятъ по мертвому, только не по простому...

Въ полумракѣ сумерекъ царь видитъ въ окно, что толпы народа поспѣшно и видимо тревожно, крестясь, стремятся къ архіерейскому дому. Слышится смутный говоръ. По временамъ доносятся отдѣльныя фразы.

— Охъ, Господи! По мертвому звонятъ...

— На отходъ души...

— Съ чего бы это съ нимъ?.. Давно-ли видѣли его!...

— Архирей-батюшка помираетъ...

— Не умеръ ли ужъ, поди... О, Господи!

Петръ зоветъ Ягужинскаго.

— Бѣги, Павелъ, узнай, что тамъ.

А колокола всѣхъ церквей продолжаютъ глухо и протяжно перекликаться, наводя смутный страхъ на душу.

— Неужто ударъ, апоплекція отъ огорченія? — тревожно спрашиваетъ себя царь.—Не въ пору я погорячился... Старикъ немощенъ... долго-ли до бѣды!

— «Въ гробу ужъ, сказываютъ»,—слышится подъ окномъ.

Прибѣжалъ и Ягужинскій, весь растерянный, блѣдный, дрожащій...

— Что тамъ? Что случилось?

— Онъ въ гробу, государь... въ крестовой...

— Кто въ гробу?

— Его преосвященство, епископъ Митрофанъ.

— Померъ? Преставился?

— Нѣту, государь, живъ...

— Какъ живъ! А въ гробу?

— Въ гробу, государь.. Говоритъ: царь изрекъ мнѣ смерть, казнь... Слово царево не мимо идетъ... Сейчасъ буду служить себѣ отходную, на отходъ души.

Царь встрепенулся.

— Подай шляпу и палку.

И черезъ минуту на площади среди разступающейся толпы

показалась торопливо шагающая фигура гиганта. Въ толпѣ испуганный шопотъ.

— «Царь, самъ царь... къ архирею...»

Сквозь разступившуюся толпу Петръ быстро вошелъ въ крестовую и невольно остановился, полный изумленія и суевѣрнаго страха... Даже онъ, никогда не знавшій страха, испугался...

Онъ увидѣлъ гробъ, а въ гробу—мертвецъ... Мертвое, безкровное лицо... Простой сосновый гробъ... Голова мертвеца покоится на бѣлыхъ сосновыхъ стружкахъ...

Откуда-то слышатся стоны, плачъ...

Свѣтъ отъ зажженныхъ свѣчей и паникадилъ такъ поразительно отчетливо вырисовываетъ мертвое лицо и сложенныя на груди блѣдныя, худыя руки съ четками...

Вдругъ мертвецъ открываетъ глаза...

— «Государь!»

Мертвецъ силится приподняться въ гробу и въ изнеможеніи опять падаетъ на опилки.

Петръ быстро подходитъ...

— «Прости меня, служитель Божій!»

Онъ осторожно беретъ Митрофана за руку и помогаетъ ему приподняться.

— Прости... Я въ сердцахъ изрекъ слово непутное... На сей разъ пусть мимо идетъ слово царево... Я каюсь... Благослови меня святитель...

. . . . . .

Все это вспомнилъ Петръ въ уединеніи и тишинѣ ночи и улыбнулся.

— Переклюкалъ, переклюкалъ меня Митрофанъ.

Онъ остановился передъ подробною картою Швеціи и обоихъ побережій Балтійскаго моря, да такъ и впился глазами въ Неву, этотъ россійскій Іорданъ, въ Неву, которой онъ еще ни разу не видѣлъ.

— Іорданъ россійскій, Іорданъ,—тихо шепталъ онъ.—Но токмо падутъ ли стѣны Іерихона отъ звука трубъ моихъ? Падутъ!—энергично тряхнулъ онъ головой.

Но вниманіе его особенно приковали устья Невы.

— Дельта Невы, какъ дельта Нила... Александръ Македонскій основалъ свою новую столицу, Александрію, въ дельтѣ Нила, а я свою новую столицу водружу въ дельтѣ Невы!

И Петръ сталъ по картѣ изучать эту дельту.

— Все острова... А коликое число рукавовъ!.. Сіи всѣ имѣютъ быть дыхательными органами для моей земли.

Онъ сталъ перечислять острова.

— Іенисари... Тутъ-бы соорудить неприступную крѣпость... А сей—Койвасари, лѣвѣе—Кивисари, еще лѣвѣе—Ристисари, у самаго взморья, стрѣлкою—Мусмансгольмъ, ниже, наибольшій—Хирвисари, а въ морѣ—Ритусари *).

Затѣмъ глаза царя остановились на Ніеншанцѣ, шведской крѣпости, стоявшей на мѣстѣ нынѣшней Охты.

— Худо мѣсто сіе выбрали для крѣпости... Я не тутъ ее воздвигну...

Такъ въ ночной тиши мечталъ творецъ новой Россіи.

— А Нева!.. Ахъ, сія Аріаднина нитка проведетъ меня къ европейскому Минотавру.

III.

Разоблаченія попадьи Степаниды, доведенныя Павлущей Ягужинскимъ до свѣдѣнія царя, мечтавшаго о Невѣ, какъ о «россійскомъ Іорданѣ», возбудили страшное дѣло въ царствѣ застѣнка и пытокъ, въ преображенскомъ приказѣ, гдѣ надъ жизнью и смертью россіянъ властвовалъ нашъ отечественный Торквемадо, свирѣпый «князь-кесарь» Ромодановскій.

Одновременно съ попадьей къ князю кесарю явился и придворный пѣвчій дьякъ Ѳедоръ Казанецъ и повѣдалъ Ромодановскому то же самое, что попадья повѣдала Павлушѣ Ягужинскому, и страшное дѣло началось.

Не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ описанной выше ночной бесѣды царя съ самимъ собой, пріѣхавъ въ преображенскій приказъ, князь-кесарь спросилъ главнаго дьяка приказа:

— По дѣлу Гришки Талицкаго всѣ ли воры пойманы?

— Всѣ, княже бояринъ,—отвѣтилъ дьякъ.

— Вычти, кто имяны,—приказалъ Ромодановскій.

---

*) Это нынѣшніе: Іеньсари — островокъ, на которомъ высится Петропавловская крѣпость; Койвасари нынѣ Петербургская сторона; Кивисари — Каменный островъ, Ристисари—Крестовскій, Мусмансгольмъ—Елагинъ, Хирвисари — Васильевскій Островъ, Ритусари—на немъ теперь Кронштадтъ.

Дьякъ принесъ «дѣло» и, перелистывая его, докладывалъ:

— Книгописецъ Гришка Талицкой, иконникъ Ивашка Савинъ, мѣщанской слободы церкви Адріана и Наталіи пономарь Артамошка Ивановъ да сынъ его Ивашко, да Варлаамьевской церкви попъ Лука.

— Вишь, все одного болота кулики-пустосвяты, — презрительно пожалъ плечами князь-кесарь.

— Бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Хованской,—продолжалъ докладывать дьякъ.

— Ну, это старая боярская отрыжка, изъ «тараруевцовъ»,— съ улыбкой замѣтилъ князь-кесарь,—пирогъ на старыхъ дрожжахъ... Ну?

— Церкви входа въ Іерусалимъ, въ Китай-городѣ у Тройцы на рву попъ Андрей и попадья его Степанида,—вычитывалъ дьякъ.

— Степанидѣ, по закону, первый бы кнутъ, да ее государь не велѣлъ пытать, коли утвердится на томъ, о чемъ своею охотой донесла Ягужинскому,—замѣтилъ Ромодановскій.—Чти далѣ.

— Кадашевецъ Ѳеоктистка Константиновъ, — продолжалъ дьякъ,—племянникъ Талицкаго, Мишка Талицкій, садовникъ Ѳедотка Милюковъ, человѣкъ Стрѣшнева Андрюшка Семеновъ, съ Прѣсни церкви Іоанна Богослова распопъ Гришка...

— Куликъ мѣчены-разстрига, — процѣдилъ сквозь зубы князь-кесарь.—Ну?

— Хлѣбеннаго дворца подключникъ Пашка Ивановъ...

— Пашку я знавывалъ. Далѣ.

— Чудова монастыря черный попъ Матвѣй, Углицкаго Покровскаго монастыря дьячекъ Мишка Денисовъ.

— Опять кулики пошли. Ну?

— Печатнаго дѣла бахарщикъ Митька Кириловъ да ученикъ Талицкаго Ивашка Савельевъ.

Дьякъ кончилъ и ждалъ приказаній.

— Нынѣ жду я набольшого кулика, Игнашку, тамбовскаго архирея... Быть ему на дыбѣ,—покачалъ головою Ромодановскій.

Епископъ Игнатій, дѣйствительно, былъ привезенъ изъ Тамбова въ тотъ же день, но не въ преображенскій приказъ, а, по духовной подсудности, на патріаршій дворъ.

Патріархомъ въ то время былъ, послѣднимъ патріархомъ на Руси, престарѣлый Адріанъ.

Прямо съ дороги конвойные ввели тамбовскаго архіерея въ патріаршую молельную келью. Дѣло было слишкомъ важное, высшей государственной важности: не только хула на великаго государя, но, страшно вымолвить! проповѣдь о немъ какъ объ антихристѣ. Поэтому и разслѣдованіе дѣла производилось съ особенной экстренностью и строгостью.

Когда Игнатія ввели къ патріарху, Адріанъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ вошедшему.

— Миръ святѣйшему патріарху и дому сему,—тихо сказалъ Игнатій и сдѣлалъ земной поклонъ.

Потомъ онъ приблизился къ Адріану и смиренно протянулъ руки подъ благословеніе.

— Благослови, отче святый.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Патріархъ сѣлъ. Игнатій продолжалъ стоять.

— Вѣдомо ли тебѣ, архіерей, по какому «государеву слову и дѣлу» привезенъ ты на Москву?—спросилъ Адріанъ.

— Не вѣдаю за собою, святѣйшій патріархъ, никакого государева слова и дѣла,—отвѣчалъ Игнатій.

— А знаетъ ли тебя, на Москвѣ, книгописецъ Григорій Талицкій?—снова спросилъ патріархъ.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Игнатій точно отъ удара въ лицо пошатнулся и поблѣднѣлъ. Онъ сразу понялъ весь ужасъ своего положенія.

— «Антихристъ, антихристъ»,—трепетало въ его душѣ.

Патріархъ повторилъ вопросъ.

— Книгописца Григорія Талицкаго я видѣлъ,—дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Игнатій.

— А гдѣ?

— На казанскомъ подворьѣ передъ поѣздомъ моимъ съ Москвы въ Тамбовъ, въ Великій постъ.

— А о чемъ была твоя бесѣда съ нимъ, Гришкою?

— О божественномъ и о писаніи Григоріемъ книгъ.

— А что тебѣ, архіерей, говорилъ Гришка о великомъ государѣ? Не износилъ ли онъ хулу на великаго государя?

Игнатій еще больше поблѣднѣлъ.

— Отъ Гришки Талицкаго хулы на великаго государя я не слыхалъ,—почти шопотомъ проговорилъ онъ.

— И ты, Игнатій, на семъ утверждаешься?—строго спросилъ Адріанъ.

— Утверждаюсь,—еще тише отвѣчалъ допрашиваемый.

Патріархъ подошелъ къ двери, ведшей въ пріемную палату, и, отворивъ ее, сказалъ приставу:—привести сюда Гришку Талицкаго.

Талицкій былъ уже доставленъ изъ преображенскаго приказа и сидѣлъ на патріаршемъ дворѣ «за приставы».

Немного погодя, послышалось глухое звяканье кандаловъ, и Талицкій съ оковами на рукахъ и ногахъ предсталъ предъ патріарха.

— Знаемъ тебѣ сей инокъ-епископъ?—спросилъ колодника Адріанъ, указывая на Игнатія.

— Тамбовскій епископъ Игнатій мнѣ вѣдомъ, — отвѣчалъ Талицкій.

— И ты, Григорій, утверждаешься на томъ, что показалъ на епископа Игнатія въ распросѣ съ пытокъ?—былъ новый вопросъ.

— Утверждаюсь.

— И поносныя слова на великаго государя при немъ, епископѣ, говорилъ ли?

— Говорилъ.

Положеніе архіерея было безвыходнымъ. Запирательство могло еще болѣе запутать и привести въ застѣнокъ, на дыбу.

— Каюсь,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ;—тѣ поносныя слова онъ, Григорій, на словахъ при мнѣ, точно, говорилъ, и тѣ слова я слышалъ и къ тѣмъ его, Григорьевымъ, словамъ я говорилъ видимъ-де мы и сами, что худо дѣлается, да что жъ мнѣ дѣлать? Я-де немощенъ, и перечневетѣе тѣхъ тетратей велѣлъ ему написать, почему бы мнѣ въ томъ дѣлѣ истину познать.

Онъ остановился. Казалось, въ груди ему недоставало воздуху.

Патріархъ молча перебиралъ четки. Талицкій стоялъ невозмутимо, и только въ глазахъ его горѣлъ огонекъ не то безумія не то фанатизма.

Архіерей какъ-то безпомощно поднялъ глаза къ образамъ, а потомъ робко перевелъ ихъ на патріарха. Адріанъ ждалъ.

— И онъ, Григорій, тетрать мнѣ принесъ,—продолжалъ Игнатій съ рѣшимостью отчаянія.—денегъ ему за нихъ два рубля

я далъ, а увидѣвъ въ тѣхъ тетратехъ написанную хулу на государя, тѣ тетрати сжегъ, токмо того сженія никто у меня не видалъ.

Патріархъ видѣлъ, что дѣло слишкомъ далеко зашло и безъ суда всего архіерейскаго синклита обойтись не можетъ. Признаніе сдѣлано. Епископъ, слышавшій хулу на великаго государя и не заградившій уста хулителю, не отдавшій его въ руки правосудія, является уже сообщникомъ хулителя. Мало того, онъ не только слушаетъ хулу на словахъ, но велитъ изложить ее на бумагѣ, а за это еще даетъ деньги тому, кто изрыгаетъ страшную хулу на помазанника Божія.

— «Антихристъ, великій государь, помазанникъ Божій, антихристъ! Экое страховитое дѣло, внушенное адомъ»!—содрогается въ душѣ патріархъ.—«И кто же въ семъ адовомъ дѣлѣ замѣшанъ? Архіерей Божій, его ставленникъ»!

IV.

Черезъ нѣсколько дней, князь-кесарь Ромодановскій, проѣзжая во дворецъ мимо воротъ патріаршей Крестовой палаты, увидѣлъ съѣхавшихся у тѣхъ воротъ нѣсколькихъ архіереевъ и остановился, чтобы спросить, по какому дѣлу собирается синклитъ вышихъ сановниковъ церкви.

— По дѣлу Гришки Талицкаго, книгописца, купно съ тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, — отвѣчалъ одинъ изъ архіереевъ.

— Добро святые отцы,—сказалъ князь-кесарь,—послѣ вашего праведнаго суда Игнатью, куда ни поверни, не миновать преображенскаго приказу... Архи-іерей, епископъ, на дыбѣ!

Эти зловѣщія слова привели въ ужасъ архіереевъ. Но Ромодановскій ничего больше не сказалъ и поѣхалъ во дворецъ

Онъ засталъ царя и Меншикова надъ раскрытою картою Швеціи и побережьевъ Финскаго залива.

Петръ водилъ остріемъ циркуля по дельтѣ Невы. Нева и ея дельта стали съ нѣкотораго времени преслѣдовать его какъ кошмаръ.

— Великому государю здравствовати! — привѣтствовалъ царя Ромодановскій.

Онъ видѣлъ, что государь въ хорошемъ расположеніи духа.

— Эхъ, князюшка!—махнулъ рукою Петръ.—Моя пѣсенка спѣта.

— Что такъ, государь?—притворился удивленнымъ князь-кесарь.

— Такъ... Не строить ужъ мнѣ больше корабликовъ, не видать мнѣ Невы, какъ ушей своихъ,—продолжалъ Петръ.—Снимутъ съ меня, добра молодца, и шапочку Мономахову, и бармы, и надѣнутъ на меня гуньку кабацкую да лапотки босоходы.

— Гдѣ жъ это птица такова живетъ, котора бъ заклевала нашего орла, что о дву головъ?—улыбнулся князь-кесарь.

— Да вотъ новый Григорій Богословъ, а може и Гришка Отрепьевъ...

— Что у меня въ желѣзахъ сидитъ?

— Да можетъ и тамбовскій, а то и вселенскій патріархъ Игнатій: они не велятъ народу ни слушаться меня, ни податей платить... Прости, матушка-Нева со кораблики!

— Къ слову, государь, — сказалъ Ромодановскій, — въ тѣ поры, какъ я это спѣшилъ къ тебѣ, къ патріаршей Крестовой палатѣ съѣзжались всѣ архіереи, чтобы судить Игнашку, вселенскаго патріарха, какъ ты изволилъ молвить.

Глаза царя метнули молніи.

— И обѣлятъ пустосвята долгогривые! — гнѣвно сказалъ царь.—Знаю я ихъ!.. Одинъ токмо Митрофанъ воронежскій другимъ муромъ мазанъ, да тѣ, что изъ хохловъ—Стефанъ Яворскій да Димитрій Туптало, какъ мнѣ вѣдомо, это люди со свѣчей въ головѣ... А тѣ, что изъ россійскихъ, всѣ вздоены кислымъ молокомъ отъ сосцовъ протопопа Аввакума.

— Не обѣлятъ, государь, — увѣренно сказалъ Ромодановскій,—повиситъ онъ, сей Игнашка, у меня на дыбѣ! Улики налицо.

— Такъ, говоришь, судятъ?—уже спокойно спросилъ царь.

— Судятъ, государь.

— Не заслоняй мнѣ Невы, Данилычъ, своими лапищами,—сказалъ Петръ Меншикову, снова наклоняясь надъ картой.

Надъ Игнатіемъ, дѣйствительно, совершался архіерейскій судъ съ патріархомъ во главѣ.

Адріанъ и всѣ архіереи сидѣли на своихъ мѣстахъ, по чи-

намъ, а передъ ними стоялъ аналой съ положенными на немъ распятіемъ и евангеліемъ.

Игнатій стоялъ, опустивъ глаза, и дрожащими руками перебиралъ четки. Лицо его было мертвенно-блѣдно, и блѣдныя, посинѣвшія губы, повидимому, шептали молитву.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—тихо провозгласилъ маститый старецъ, патріархъ.

— Аминь, аминь, аминь,—отвѣчали архіереи.

— Епископъ тамбовскій Игнатій,—не возвышая голоса, продолжалъ патріархъ,—предъ сонмомъ тебѣ равныхъ служителей Бога живаго, предъ святымъ евангеліемъ и крестомъ распятаго за ны, говори сущую правду, какъ тебѣ на страшномъ судѣ явиться лицу Божію.

Игнатій молчалъ и продолжалъ только шевелить безкровными губами. Было такъ тихо въ палатѣ, что слышно было, какъ гдѣ-то въ углу билась муха въ паутинѣ. Гдѣ-то далеко прокричалъ пѣтухъ...

— «Пѣтелъ возгласи»,—безсознательно шептали безкровныя губы несчастнаго.

— Призови на помощь Духа Свята и говори: Онъ научитъ тебя говорить,—съ видимой жалостью и со вздохомъ проговорилъ Адріанъ.

Дрожащими руками Игнатій поправилъ клобукъ.

— Скажу, все скажу,—почти прошепталъ онъ.—Противъ воровскихъ писемъ Григорія Талицкаго...

— Гришки,—поправилъ его патріархъ.

— Противъ воровскихъ писемъ Гришки,—постоянно запинаясь, повторилъ подсудимый,—въ которыхъ письмахъ написанъ отъ него, Гришки, великій государь съ великимъ руганіемъ и поношеніемъ, у меня съ нимъ, Гришкою, совѣту не было; а есть ли съ сего числа впредь по розыскному его, Гришкину, дѣлу явится отъ кого-нибудь, что я по тѣмъ его, Гришкинымъ, воровскимъ письмамъ великому государю въ тѣхъ поносныхъ словахъ былъ съ кѣмъ-нибудь сообщникъ или кого знаю да укрываю, и за такую мою ложь указалъ бы великій государь казнить меня смертію.

Пальцы рукъ его такъ хрустнули, точно переломились кости.

— И ты, епископъ тамбовскій Игнатій, на семъ утверждаешься?—спросилъ патріархъ.

— Утверждаюсь,—шопотомъ произнесли безкровныя губы.

— Цѣлуй крестъ и евангеліе.

Шатаясь, несчастный приблизился къ аналою и навѣрное упалъ бы, если бы не ухватился за него. Перекрестясь, онъ съ тихимъ стономъ приложился къ холодному металлу такими же холодными губами.

Этотъ поцѣлуй холоднаго металла готовилъ несчастному гибель.

Тутъ по знаку Адріана стоявшій у дверей патріаршій приставъ отворилъ двери, и въ палату, гремя цѣпями, вошелъ Талицкій.

Взоры всѣхъ архіереевъ съ испугомъ обратились на вошедшаго. Это было свѣтило духовной эрудиціи москвичей, великій ученый авторитетъ старой Руси, своего рода Савонаролла, о которомъ, впрочемъ, московскіе архіереи не слыхали. И этотъ твердый адамантъ вѣры—въ цѣпяхъ! Онъ, неопровержимо доказавшій въ своихъ книгахъ «О пришествіи въ міръ антихриста» и «Врата», доказавшій, что антихристъ уже пришелъ и пьетъ въ Нѣмецкой слободѣ, у нѣмки Анны Монцовой, анисовку, онъ, подобно апостолу Павлу,—въ оковахъ!

Нѣкоторые архіереи, видимо, шепчутъ про себя молитвы. Такой ужасъ нагналъ на нихъ видъ великаго «книгописца» въ оковахъ!.. Чего-же и имъ ждать отъ антихриста!..

Но когда Талицкій, уставившись своими глазами въ мертвенно-блѣдное лицо Игнатія, смѣло, даже дерзко отвѣчалъ на предложенные ему патріархомъ вопросные пункты, составленные въ преображенскомъ приказѣ на основаніи показаній прочихъ привлеченныхъ къ дѣлу подсудимыхъ, и выдалъ такія подробности, о которыхъ умолчалъ Игнатій, и которыя вели его прямо къ гибели, архіереямъ казалось, что Талицкій и ихъ обличаетъ въ томъ же, въ чемъ обличалъ тамбовскаго епископа, и они видѣли уже себя въ страшномъ застѣнкѣ, потому что и они всѣ глазами Талицкаго смотрѣли на все то, что совершалось на Руси по мановенію руки того, чье имя они въ умѣ боялись произносить...

Святые церковные колокола переливаетъ въ пушки!.. Брѣетъ всѣмъ святыя брады!.. Всѣхъ наряжаетъ въ скоморошеское нѣ-

мецкое платье!.. не позволяетъ благочестивымъ женамъ и дѣвицамъ спасаться отъ соблазна по теремамъ!.. Видѣть парнямъ невѣстъ до вѣнца приказываетъ!.. Это-ли не послѣднія времена, не царство антихриста»!..

Наконецъ, затравленный разоблаченіями Талицкаго до послѣдней потери воли и сознанія, Игнатій истерически зарыдалъ и, закрывъ лицо руками, хрипло выкрикивалъ, почти задыхаясь:

— Да!.. Да!.. Когда онъ, Григорій...

— Гришка!—вновь поправилъ патріархъ...

— Да!.. Да!.. Когда онъ, Гришка... тѣ вышесказанныя тетрати... «О пришествіи въ міръ антихриста» и «Врата»... ко мнѣ принесъ... и, показавъ... тѣ тетрати передо мною... чолъ и разсужденія у меня... просилъ въ томъ... Видишь-ли-де ты, говорилъ онъ, Григорій...

— Гришка!—строго остановилъ патріархъ.

— Да... видишь-ли-де ты, что въ тѣхъ тетратехъ писано... то нынѣ уже все... сбывается...

— «Воистину сбывается»,—мысленно, съ ужасомъ, соглашались архіереи.

Игнатій, обезсиленный, остановился, но приставъ замѣтилъ, что онъ падаетъ и подхватилъ несчастнаго.

По знаку патріарха, молодой послушникъ принесъ изъ сосѣдней ризницы ковшъ воды и поднесъ къ губамъ Игнатія. Тотъ жадно припалъ къ водѣ.

— «Жажду!»—припомнились не одному архіерею слова Христа на крестѣ:—«жажду»!..

— Ободрись, владыко,—шепнулъ приставъ несчастному, поддерживая его,—Богъ милостивъ.

Слова эти слышали архіереи и самъ патріархъ:

— «Доберъ, зѣло доберъ приставъ у его святѣйшества»,—мысленно произнесли архіереи.

Игнатій нѣсколько пришелъ въ себя и перекрестился.

— Господь больше страдалъ, владыко,—снова шепнулъ приставъ.

Игнатій глубоко передохнулъ и, обведя глазами архіереевъ, онъ увидѣлъ на лицѣ каждаго глубокое къ нему сочувствіе и жалость. Это ободрило несчастнаго.

— «Они всѣ за меня»,—понялъ онъ и облегченно перекрестился.

Теперь онъ заговорилъ тверже.

— За тѣ его, Григорьевы, слова и тетрати...

— Гришкины,—автоматически твердилъ патріархъ.

Талицкій презрительно улыбнулся и перемѣнилъ позу, звякнувъ цѣпями.

— И за тѣ его, Гришкины, слова и тетрати,—продолжалъ Игнатій,—я похвалилъ его и говорилъ: Павловы-де твои уста...

— «Воистину, воистину Павловы его уста, апостола Павла, такожде страждавшаго въ оковахъ»,—повторилъ мысленно не одинъ изъ архіереевъ.

— Павловы-де твои уста,—продолжалъ Игнатій,—пожалуй, потрудись, напиши поперечневатѣе.

— «Именно поперечневатѣе,—повторилъ про себя простодушный приставъ:—экое словечко! Поперечневатѣе... Ну! Словечко!

— Напиши поперечневатѣе, почему-бы мнѣ можно познать истину, и къ тѣмъ моимъ словамъ онъ, Григорій...

— Гришка! Сказано, Гришка.

— И къ тѣмъ моимъ словамъ онъ, Григорій, говорилъ мнѣ: возможноль-де тебѣ о семъ возвѣстить святѣйшему патріарху, чтобъ про то и въ народѣ было вѣдомо?

Слова эти поразили патріарха. Мгновенная блѣдность покрыла старческія щеки верховнаго главы всероссійскаго духовенства, и онъ съ трудомъ проговорилъ:

— Охъ, чтой-то занеможилось мнѣ, братія архіерееве, не то утинъ во хребетъ, не то подъ сердце подкатило, смерть моя, охъ!

— Помилуй Богъ, помилуй Богъ!—послышалось среди архіереевъ.

— Не отложить ли напредь дѣло сіе?—сказалъ кто-то.

— Отложить отложить!—согласились архіереи.

По знаку старшаго изъ епископовъ пристава тотчасъ же увели изъ Крестовой палаты и Игнатія, и Талицкаго.

V.

Патріарху Адріану не суждено было докончить допросъ тамбовскаго епископа Игнатія.

Не «утинъ во хребтѣ» или, попросту, «прострѣлъ» былъ причиною его внезапной болѣзни, а слова Игнатія о томъ, что Та-

лицкій совѣтовалъ ему черезъ патріарха провести «въ народъ», огласить, значитъ, на всю Россію вѣроученіе Талицкаго о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, какъ объ истинномъ антихристѣ. Адріанъ зналъ, что слова Игнатія дойдутъ до слуха царя, да, конечно, уже и дошли со стороны преображенскаго приказа на основаніи вымученныхъ тамъ пытками признаній Талицкаго. Старикъ въ тотъ же день слегъ и больше не вставалъ.

Петръ, конечно, зналъ отъ Ромодановскаго, что фанатики и поборники старины, опираясь на патріарха, могли посѣять въ народѣ увѣренность, что на московскомъ престолѣ сидитъ антихристъ. А духовный авторитетъ патріарха въ древней Руси былъ сильнѣе авторитета царскаго.

Петръ не забылъ одного случая изъ своего дѣтства. Присутствуя при церемоніи «вербнаго дѣйства», когда патріархъ, по церковному преданію, долженъ былъ представлять собою Христа, въѣзжающаго въ Іерусалимъ, то-есть въ Кремль «на жребяти осли», и когда царь, отецъ маленькаго Петра, Алексѣй Михаиловичъ долженъ былъ вести въ поводу это обрядовое «осля» съ восѣдающимъ на немъ патріархомъ, маленькій Петръ слышалъ, какъ два стрѣльца, шпалерами стоявшіе вмѣстѣ съ прочими по пути шествія патріарха на «осляти», перешептывались между собою:

— Знамо, кто старше.

— А кто? Царь?

— Знамо кто; святѣйшій патріархъ.

— Ой-ли? Старше царя?

— Сказано старше: видишь, царь вомѣсто конюха служитъ святѣйшему патріарху, ведетъ въ поводу осля-то.

— Дивно мнѣ это, братъ.

— Не диви! Святѣйшій патріархъ помазалъ царя-то на царство, а не помажь онъ, и царемъ ему не быть.

Это перешептыванье запало въ душу царевича-ребенка, и онъ даже разъ завелъ объ этомъ рѣчь съ «тишайшимъ» родителемъ.

— Скажи батя, кто старше: ты или святѣйшій патріархъ?

— А какъ ты самъ, Петрушенька, о семъ полагаешь?— улыбнулся Алексѣй Михайловичъ.

— Я полагаю, батя, что святѣйшій патріархъ старше тебя,— отвѣчалъ царственный ребенокъ.

— Ой-ли, сынокъ?

— А какъ же онамедни, въ вербное дѣйство, ты велъ въ поводу осля, а святѣйшій патріархъ сидѣлъ на осляти, какъ Самъ Христосъ.

Теперь царь припомнилъ и перешептыванье стрѣльцовъ, и свой разговоръ съ покойнымъ родителемъ, когда узналъ отъ князя-кесаря о замыслѣ Талицкаго оповѣстить народъ о немъ, какъ объ антихристѣ, черезъ патріарха.

— Нѣтъ,—сказалъ Петръ,—нонѣ пѣсенка патріарховъ на Руси спѣта.

— Точно, государь: не въ авантажѣ обрѣтается при тебѣ святѣйшій патріархъ,—согласился Ромодановскій.

— Поди, и не то въ скорости будетъ,—улыбнулся присутствовавшій при этомъ разговорѣ Меньшиковъ.

— Данилычъ правду молвитъ,—подтвердилъ Петръ.

— Не вдомекъ мнѣ, государь,—недоумѣвалъ князь-кесарь.

— Да то, князюшка: самъ видишь, что въ вербное дѣйство я не единожды не водилъ въ поводу осляти съ патріархомъ на хребтѣ, какъ-то дѣлалъ блаженныя памяти родитель мой,—говорилъ Петръ съ оживленіемъ.

— Точно, государь, не заживалъ ты осляти, — сказалъ Ромодановскій.

— И никому изъ царей его больше напредки не водить, да и патріархамъ на Руси напредки не быть! — строго проговорилъ Петръ.—Будетъ, довольно и того, что покойный родитель мой короводился съ Никономъ... Другому Никону не быть, и патріархамъ на Руси не быть:

— Аминь!—разомъ сказали и Меньшиковъ, и Ромодановскій.

Когда происходилъ этотъ разговоръ, послѣдній на Руси патріархъ находился уже въ безнадежномъ состояніи. Въ бреду онъ часто повторялъ: «Павловы уста, Павловы»... Это были горячечные рефлексы послѣдняго допроса тамбовскаго архіерея Игнатія... «Павловы уста, точно»... Старикъ, въ душѣ, видимо, соглашался съ Игнатіемъ, и духовное краснорѣчіе Талицкаго казалось ему равнымъ краснорѣчію апостола Павла.

Петру не долго пришлось ждать уничтоженія на Руси патріаршества: 16 октября того же 1700 г. Адріана не стало.

На торжественное погребеніе верховнаго на Руси вождя православія и главы россійской церкви съѣхались въ Москву всѣ

архіереи и митрополиты, и въ томъ числѣ рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, старѣйшій изъ всѣхъ.

Похороны послѣдняго русскаго патріарха совершены въ отсутствіе царя, которому не до того было. Петръ съ начала октября находился уже подъ Нарвой и готовился къ осадѣ этого города.

Послѣ похоронъ Адріана, Стефанъ Яворскій передъ отъѣздомъ въ Рязань посѣтилъ въ Чудовомъ монастырѣ могилу бывшаго своего учителя, Епифанія Славинецкаго. Съ нимъ былъ и Митрофанъ воронежскій, котораго рязанскій митрополитъ уважалъ болѣе всѣхъ московскихъ архіереевъ.

Оба святителя долго стояли надъ гробомъ Славинецкаго.

— Святую истину вѣщаетъ сіе надписаніе надгробное,—сказалъ рязанскій митрополитъ, указывая на надпись, начертанную на гробѣ скромнаго ученаго:

И онъ медленно сталъ читать ее вслухъ:

Преходяй человѣче! здѣ ставъ, да взираеши,
Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши:
Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній,
Претолковникъ изящный священныхъ писаній,
Философъ и іерей въ монасѣхъ честный,
Его же да вселитъ Господь и въ рай небесный
За множайшіе его труды въ писаніяхъ,
Тщанно-мудрословные въ претолкованіяхъ
На память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ.

— Воистину умилительное надгробіе, — согласился Митрофанъ,—и по заслугамъ.

— Истинно по заслугамъ, ибо коликую войну словесную велъ покойникъ съ пустосвятами!—сказалъ Стефанъ Яворскій.—Вотъ хотя бы, къ примѣру, о таинствѣ крещенія: Никита Пустосвятъ въ своей челобитной обличаетъ Никона за то, будто бы тотъ не велитъ при крещеніи призывать на младенца бѣса, тогда какъ, якобы, церковь повелѣваетъ призывать.

— Какъ призывать бѣса на младенца?—удивился Митрофанъ.

— Въ томъ то и вся срамота! Въ обрядѣ крещенія, какъ всякому попу вѣдомо, возглашаетъ іерей: «Да не снидетъ со крещающимся, молимся Тебѣ, Господи, и духъ лукавый, помраченіе помысловъ и мятежъ мыслей наводяй».

— Такъ, такъ,—подтвердилъ Митрофанъ.

— А Никита кричитъ, подай ему бѣса!

— Не разумѣю сего, владыко,—покачалъ головою Митрофанъ.

— Никита такъ сіе мѣсто читаетъ:—«молимся Тебѣ, Господи, и духъ лукавый», якобы и къ «духу лукавому», къ бѣсу, относится сіе моленіе. Теперь вразумительно?

Митрофанъ немного помолчалъ.

— Нѣтъ, владыко, не вразумительно,—смиренно отвѣчалъ Митрофанъ.

Воронежскій святитель не зналъ церковно-славянской грамматики, и потому не могъ отличить именительнаго падежа «духъ» отъ звательнаго: если бы слово «молимся» относились и къ «Господу» и къ «духу лукавому» также, то тогда слѣдовало бы говорить: «молимся Тебѣ, Господи, и душе лукавый». Этого грамматическаго правила воронежскій святитель, къ сожалѣнію, не зналъ. Тогда Стефанъ Яворскій, учившійся богословію и риторикѣ, а слѣдовательно, и языкамъ въ кіево-могилянской коллегіи, и объяснилъ Митрофану это простое правило.

— Если бы, по толкованію Никиты Пустосвята, слѣдовало и Господа, и духа лукаваго призывать и молить при крещеніи, тогда подобало бы тако возглашать: «молимся Тебѣ, Господи, и душе лукавый»... Вотъ посему Никита и требуетъ молиться и бѣсу, а его, якобы, въ новоисправленныхъ книгахъ хотя оставили на мѣстѣ, а не велятъ ему молиться.

— Теперь для меня сіе стало вразумительно, — сказалъ Митрофанъ.

— У сего то Епифанія и Симеонъ Полоцкій сосалъ млеко духовное и, по кончинѣ его, выдавалъ за свое молочко, но токмо оное было «снятое»,—улыбнулся Стефанъ Яворскій.

— Какъ, владыко, «снятое?» — удивился Митрофанъ.—Я творенія Полоцкаго: и «Жезлъ Православія» и «Новую Скрижаль» челъ не единожды, и видѣлъ въ нихъ млеко доброе, а не «снятое».

— Что у него доброе, то отъ Епифанія, а свое молочко—жидковато... Вотъ хотя бы препираніе сего Семеона съ попомъ Лазаремъ о «палатѣ».

— Сіе я, владыко, каюсь, запамятовалъ,—смиренно при-

знался воронежскій святитель,—старъ и немощенъ, потому и память мнѣ измѣняетъ.

— Какъ же! Лазарь безлѣпично корилъ церковниковъ за то, что на ектеніяхъ возглашаютъ: «о всей палатѣ и воинствѣ»... Это-де молятся о какихъ-то «каменныхъ палатахъ»... Сіе-де зазорно, молиться о камнѣ, о кирпичѣ.

— Такъ, такъ... теперь припоминаю, — сказалъ Митрофанъ.

— Такъ и сіе претолкованіе Симеонъ похитилъ у Епифанія, — настаивалъ рязанскій митрополитъ. — Сего-то ради и въ зримомъ нами нынѣ надгробіи Епифанія сказано, что былъ онъ «претолковникъ изящный священныхъ писаній» и что «труды» его были «тщанно-мудрословные въ претолкованіяхъ».

Поклонившись въ послѣдній разъ гробу ученаго, святители возвратились въ свои подворья, и въ тотъ же день выѣхали изъ Москвы—Степанъ Яворскій въ Рязань, а Митрофанъ—въ Воронежъ.

Они потому поспѣшили оставить Москву, что имъ не хотѣлось присутствовать при архіерейскомъ разслѣдованіи дѣла тамбовскаго епископа Игнатія и книгописца Григорія Талицкаго. Страшное это было дѣло!

VI.

Дѣло Талицкаго росло подобно снѣжной лавинѣ.

Игнатій епископъ все еще сидѣлъ въ патріаршемъ дворѣ «за приставы», а въ Преображенскомъ приказѣ работали дыба и кнутъ.

Послѣ похоронъ Адріана, архіереи опять собрались въ патріаршей Крестовой палатѣ и велѣли привести Талицкаго и Игнатія.

Послѣ возглашенія первоприсутствующимъ архіереемъ обычнаго «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», первоприсутствующій, напомнивъ Игнатію его показаніе, что Талицкій просилъ его провести въ народъ вѣсть объ антихристѣ черезъ патріарха, приказалъ допрашиваемому продолжать свое показаніе.

— Когда Григорій посовѣтовалъ мнѣ возвѣстить о томъ святѣйшему патріарху, — тихо заговорилъ Игнатій, — и я ему, Григорію, сказалъ: я-де одинъ, что мнѣ дѣлать? И про книгу «О пришествіи въ міръ антихриста» и паденіе Вавилона, въ ко-

торой написана на великаго государя хула съ поношеніемъ на словахъ, онъ, Григорій, мнѣ говорилъ.

Видя, что первоприсутствующій не останавливаетъ его при словѣ «Григорій», какъ останавливалъ патріархъ, и не велитъ говорить укоризненно «Гришка», Игнатій понялъ, что судіи относятся къ нему милостивѣе патріарха.

И онъ продолжалъ смѣлѣе:

— И послѣ взятья тѣхъ тетратей, я съ иконникомъ Ивашкомъ Савинымъ прислалъ къ нему, Григорію, за тѣ численныя тетрати денегъ пять рублевъ, а передъ поѣздомъ моимъ въ Тамбовъ за день онъ, Григорій, принесъ ко мнѣ на казанское подворье написанныя тетрати и отдалъ мнѣ, а принявъ тетрати, я далъ ему, Григорію, за тѣ тетрати денегъ два рубля.

Въ это время патріаршій дьякъ, въ сторонѣ записывающій показанія подсудимыхъ, вставъ съ мѣста и поднеся исписанныя столбцы къ первоприсутствующему, что-то тихонько ему шепнулъ. Тотъ, взглянувъ на столбцы и возвращая ихъ дьяку, сказалъ:

«Блажени милостивіи»...

Дьякъ поклонился и опять сѣлъ на свое мѣсто.

Игнатій понялъ не досказанное и продолжалъ.

— А прежъ сего передъ святѣйшимъ патріархомъ и передъ архіереи и, будучи съ нимъ, Григоріемъ, въ очной ставкѣ, я про то про все не сказалъ, да сверхъ того у него-жъ, Григорія, со мною межъ себя учинился споръ въ томъ: Григорій сказалъ, какъ-де тѣ тетрати «О пришествіи въ міръ антихриста» и «Врата», онъ, Григорій, ко мнѣ принесъ и, показавъ, тѣ тетрати передо мною чолъ и разсужденія у меня просилъ, и я, слушавъ тѣхъ тетратей, плакалъ и, принявъ у него тѣ тетрати, поцѣловалъ.

Дьякъ глянулъ на Талицкаго, и тотъ утвердительно кивнулъ головой.

Дьякъ что-то отмѣтилъ на столбцѣ.

Игнатій продолжалъ:

— Подлинно, тѣ тетрати я слушалъ, а плакалъ-ли и, принявъ ихъ, поцѣловалъ-ли, того не упомню.

Талицкій опять кивнулъ дьяку. Игнатій это замѣтилъ, и, ставъ въ полъ-оборота къ Талицкому, сказалъ:

— Онъ, Талицкій, тетрати «О пришествіи въ міръ антихриста» и «Врата» хотѣлъ, пришедъ въ Суздаль, дать и суздальскому митрополиту.

И, обратясь къ первоприсутствующему, добавилъ: — А въ Суздаль онъ, Григорій, ходилъ-ли и тѣ тетрати далъ-ли, про то я не вѣдаю, вѣдаетъ про то онъ, Григорій.

Теперь всѣ обратились къ Талицкому. Онъ смѣло выступилъ впередъ.

— Въ Суздаль къ митрополиту Иларіону для разсужденія тѣхъ тетратей я, точно, хотѣлъ итти, — сказалъ онъ, — да не ходилъ, затѣмъ что въ дорогѣ питаться мнѣ было нечѣмъ, денегъ не было, просилъ я денегъ у тамбовскаго епископа, да онъ не далъ, и своихъ тетратей къ митрополиту я не посылалъ. А знакомъ мнѣ тотъ митрополитъ потому, что я напредь сего продалъ ему книгу «Великое Зерцало».

Онъ замолчалъ, и, звякнувъ кандалами, гордо отошелъ въ сторону.

— И ты, Григорій Талицкій, утверждаешься на всемъ томъ, что сказалъ?—спросилъ первоприсутствующій.

— Утверждаюсь! И на кострѣ возвѣщу народу, что настали послѣднія времена, и что на Москвѣ...

Но приставъ силою зажалъ ротъ фанатику.

— Отвести его въ преображенскій,—сказалъ первоприсутствующій.

Талицкаго увели; но съ порога онъ успѣлъ крикнуть:

— Не потеряй вѣнца ангельскаго, Игнатій. Онъ ждетъ насъ на небесахъ, а здѣсь...

Голосъ его еще звучалъ за дверями, но словъ не было слышно.

Тогда первоприсутствующій обратился къ Игнатію.

— Игнатій, епископъ тамбовскій, утверждаешься ли ты на всемъ томъ, что показалъ здѣсь?

— Утверждаюсь и трикраты утверждаюсь.

— Иди съ миромъ,—сказалъ первоприсутствующій.

Увели и Игнатія.

Архіереи переглянулись.

— Вина его велика... но... блажени милующіе,—тихо сказалъ одинъ изъ нихъ и взглянулъ на первоприсутствующаго.

— Лишенію архіерейскаго сана повиненъ, — проговорилъ послѣдній.

— И лишенію монашескаго чина,—добавили другіе.

— Обнаженію ангельскаго лика, но не смерти,—заключилъ первоприсутствующій.

Прошло нѣсколько дней.

Мы въ преображенскомъ приказѣ, въ застѣнкѣ.

Передъ князь-кесаремъ Ромодановскимъ и передъ заплечными мастерами стоитъ епископъ Игнатій...

Но онъ уже не епископъ и не Игнатій...

Онъ—Ивашка Шалгинъ, и не въ епископской рясѣ и не въ клобукѣ, а совсѣмъ голый и съ бритою головой.

— Стоишь на своемъ, Ивашка?—спрашиваетъ его князь-кесарь.

— Стою.

Ромодановскій глянулъ на палачей.

— Дѣйствуйте... да чисто чтобъ!

Палачи моментально схватили бывшаго архіерея, скрутили и подняли на дыбу.

Послышался страшный стонъ, и плечевые суставы рукъ выскочили изъ своихъ мѣстъ.

Мученикъ лишился сознанія.

— Жидокъ архіерей,—презрительно кинулъ князь-кесарь приказному, записывавшему «застѣнное дѣйство».—Снять съ дыбы!

Несчастнаго сняли и положили на рогожу. Онъ казался мертвымъ.

— Вправить руки въ плечевые вертлюги,—приказалъ Ромодановскій.

При ужасающемъ крикѣ очнувшагося страдальца палачи, опытные хирурги! вправили то, что вывихнула дыба.

Страдалецъ опять былъ въ обморокѣ.

— Отлить водой! Оклемастъ.

Стали несчастному лить воду на лицо, на голову, противъ сердца.

Когда, немного погодя, онъ нѣсколько пришелъ въ себя и открылъ глаза, Ромодановскій сказалъ палачамъ:

— Подбодрите владыку «теплотой».

Тогда «заплечные мастера» силою открыли ротъ и влили въ него цѣлую косушку водки.

— Разрѣшеніе вина и елея,—злорадствовалъ князь-кесарь.

Водка быстро подѣйствовала на ослабѣвшій организмъ разстриженнаго архіерея, и онъ привсталъ на рогожѣ.

— Сможешь теперь говорить?—спросилъ Ромодановскій.

— Смогу,—былъ отвѣтъ.

— Говори, да токмо сущую правду, а то «копченію» предамъ.

Что означало въ древней судебной терминологіи слово «копченіе, неизвѣстно: можетъ быть, это и было сожженіе на кострѣ, которому былъ подвергнутъ въ Пустозерскѣ знаменитый протопопъ Аввакумъ, самый энергичный и неустрашимый расколоучитель.

Тогда бывшій епископъ заговорилъ.

— Которыя тетрати я у Гришки Талицкаго взялъ, и тѣ тетрати на Москвѣ сжегъ подлинно...

— Ну!—торопилъ царь-кесарь.

— А какъ тѣ тетрати сжегъ, того у меня никто не видалъ, и тѣхъ тетратей я никому не показывалъ и о нихъ никому не говорилъ, и списковъ съ нихъ никому не давалъ.

Онъ говорилъ медленно, заплетающимся языкомъ и часто останавливался для передышки.

— Все?—спросилъ Ромодановскій.

— Нѣтъ... Въ совѣтъ къ себѣ къ тѣмъ воровскимъ письмамъ никого я не призывалъ и совѣтниковъ его, Гришкиныхъ, и единомышленниковъ на такое его воровское дѣло никого не знаю.

Онъ остановился въ полномъ изнеможеніи.

— Все? Какъ на духу, владыко святый!—злорадствовалъ злой геній впавшихъ въ проступки.

— Все,—былъ отвѣтъ.

Но Ромодановскій не удовлетворился этимъ.

Какъ онъ далѣе истязалъ свою жертву, отвратительно и омерзительно разсказывать, и мы покроемъ эту мерзость нашего прошлаго всепрощающимъ забвеніемъ.

VII.

Совершая въ застѣнкѣ приказа всѣ ужасы пытокъ надъ бывшимъ епископомъ, князь-кесарь не забывалъ, что сегодня онъ долженъ поспѣть на веселую свадьбу.

Пользуясь отсутствіемъ грознаго царя, стоявшаго съ войскомъ подъ Нарвою, москвичи спѣшили сыграть нѣсколько пышныхъ свадебъ «по старинѣ», чего царь, при себѣ, не позволилъ бы, особенно въ боярскихъ домахъ.

На одну изъ такихъ свадебъ и долженъ былъ поспѣть князь-кесарь, въ угоду старой боярынѣ Орлениной, которая хотя и имѣла большую силу при дворѣ, но у себя дома упорно придерживалась старины. Она же своимъ вліяніемъ дала ходъ и Меньшикову, а потомъ выдвинула и Ягужинскаго, благодаря его замѣчательной красотѣ.

Поэтому и князь-кесарь не смѣлъ ни въ чемъ перечить властной старухѣ.

Орленина выдавала свою красавицу-внучку Ксенію за молодого князя Трубецкаго, сына князя Ивана Юрьевича, Аркадія.

Приготовленія къ свадебному торжеству были покончены раньше: былъ уже назначенъ и тысячскій—главный чинъ при женихѣ; избраны были со стороны жениха и невѣсты: «сидячіе бояре и боярыни», «свадебные дѣти боярскіе» или «поѣзжане»; назначены къ свадебному чину изъ челяди—«свѣчники», «коровайники» и «фонарщики»; наконецъ, избранъ былъ и «ясельничій», который долженъ былъ оберегать свадьбу отъ колдовства и порчи.

Наканунѣ самаго бракосочетанія женихъ, по обычаю старины и по указанію своей матери, княгини Аграфены, прислалъ невѣстѣ дорогой ларецъ, въ которомъ находились подарки: шапка, сапоги, а въ другомъ отдѣленіи ларца—румяна, перстни, гребешокъ, мыло, зеркальце и принадлежности женскихъ работъ—ножницы, иглы, нитки и лакомства—изюмъ, фиги и въ придачу ко всему—розга, чтобъ жена боялась мужа.

Утромъ же свадебнаго дня сваха невѣсты начала готовить брачное ложе, или «рядить свадьбу». Съ пучкомъ рябины въ рукахъ, это отъ порчи, она обходила хоромину брачнаго торжества и кровать, гдѣ постилалось брачное ложе. Все относив-

шеся къ брачной хоромнѣ, то есть къ «сѣнику», принесла изъ дома невѣсты многочисленная челядь ея знатной бабушки. Сваха распорядилась, чтобы на потолкѣ «сѣника» не было земли.

— Это не могила, чтобъ надъ ней земля была,—пояснила она,—такъ законъ велитъ.

Потомъ сѣникъ обили по стѣнамъ и по помосту коврами. По четыремъ угламъ сѣника воткнули по стрѣлѣ, на которыя повѣсили по сороку соболей.

— А ты, Марьюшка, взоткни на стрѣлы по калачу,—сказала сваха подручной «сидячей боярынѣ».

— Ужъ и дотошная у насъ сватьюшка!—съ умиленіемъ сказала «сидячая боярыня», натыкая на стрѣлы калачи.

Затѣмъ на лавкахъ, по угламъ, поставили по оловянику сыченаго меду, а надъ дверьми и окнами сѣника прибили по кресту.

— Все по-божески, чтобъ порчи не было,—пояснила сваха.

Когда въ сѣникъ вносили принадлежности брачной постели, то впереди несли образа Спаса и Богородицы, а также большой золоченый крестъ.

— А снопы готовы?—спрашивала сваха.

— Готовы, боярыня,—отвѣчали челядинцы.

— Всѣ сорокъ, по закону?

— Всѣ, боярыня, счетомъ.

— Такъ укладывайте снопы на кровать ровнехонько.

— Знаемъ, боярыня.

Потомъ на снопы положили дорогой персидскій коверъ, а на коверъ три перины. На подушки натянули шелковыя «атлабасовыя» наволоки и застлали постель шелковою же бѣлою простынею...

— Чтобъ на бѣломъ «доброе» виднѣе было, — пояснила сваха.

— Охъ, дотошна ты, сватьюшка,—удивлялись «сидячія боярыни», убиравшія постель.

Поверхъ простыни послали холодное одѣяло.

— По закону теплаго не кладутъ, — пояснила сваха, — да и сѣникъ чтобъ не топленъ былъ.

— И безъ теплаго князю и княгинѣ жарконько будетъ, — хитро улыбались «сидячія боярыни».

— А шапка гдѣ?

— Вотъ она.

— Клади на подушку.

Тогда надъ постелью повѣсили образа и крестъ и задернули ихъ убрусами, а самую постель задернули тафтянымъ пологомъ.

Послѣ того челядинцы внесли въ сѣнникъ кади съ пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ, и поставили у изголовья постели.

— Все, кажись, наладили по закону, — сказала подручная «сидячая боярыня».

— Все, Марьюшка: экое гнѣздышко перепелиное!

— Не соколиное-ли, полно? Женишокъ-атъ соколомъ смотритъ.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты тоже вся челядь была на ногахъ. Подъ наблюденіемъ самой боярыни-бабушки готовили все къ пріему жениха въ парадной хоромине: ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертями, уставляли уксусницами, солоницами и перечницами.

Затѣмъ на просторномъ «рундукѣ»-возвышеніи убрали сидѣнье для жениха и невѣсты, положили камчатныя золотныя изголовья, а сверху покрыли ихъ соболями. Тутъ же положили и соболя для «опахиванія» новобрачныхъ. Передъ сидѣньемъ жениха и невѣсты, поставили столъ и накрыли его тремя дорогими скатертями, одна скатерть на другой.

На нихъ поставили солоницу золоченую и положили калачъ-«перепечу» и сыръ.

— Теперь, кажись, все по закону, — сказала боярыня-бабушка, топчась на мѣстѣ. — Пора и невѣсту снаряжать къ вѣнцу.

Наконецъ, все было готово, невѣста одѣта, а хорошенькая бѣлокурая головка ея украшена изящнымъ маленькимъ золотымъ вѣнцомъ, символъ дѣвичества.

Тогда послѣдовало торжественное шествіе невѣсты съ женской половины въ парадную хоромину, куда уже собрались родные невѣсты и приглашенные.

Князь-кесарь Ромодановскій находился въ числѣ первыхъ приглашенныхъ. Покончивъ положенныя пытки надъ бывшимъ епископомъ Игнатіемъ, а теперь—разстригою Ивашкою Шалги-

нымъ, котораго, полумертваго, палачи вынесли на рогожѣ изъ застѣнка, князь-кесарь въ самомъ веселомъ расположеніи духа воротился домой, плотно пообѣдалъ послѣ трудовъ праведныхъ...

— Богъ труды любитъ, — говорилъ онъ, выпивая передъ обѣдомъ солидную чарку анисовки.

Потомъ съ чистой совѣстью легъ соснуть на часокъ-другой, напился послѣ сна браги и въ свое время явился на свадебное торжество.

Шествіе невѣсты въ парадную хоромину открывали женщины-«плясицы», которыя плясали и пѣли обрядовыя пѣсни. За «плясицами» «коровайники» несли на палкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями, короваи. На короваяхъ лежали золотые «пѣнязи». За коровайниками слѣдовали «свѣщники» со свѣчами и «фонарщики» съ фонарями. Такъ какъ женихова свѣча, величиною съ бревно, вѣсила три пуда, а невѣстина два, то ихъ несли по два свѣщника. На свѣчи были надѣты золоченые обручи, и подвѣшены атласные кошелки. Потомъ за фонарщиками шелъ «дружка» и несъ «опахало». То была большая серебряная миса, въ которой на трехъ углахъ лежали: хмѣль, собольи мѣха, золотомъ шитыя ширинки и червонцы. Справа и слѣва невѣсты «держали путь» двое ея молодыхъ родственника, чтобъ никто не перешелъ дороги «княгинѣ», а уже за ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ и подъ густымъ покрываломъ. За невѣстой слѣдовали «сидячія боярыни», двѣ изъ которыхъ держали по мисѣ: на одной мисѣ лежала «кика» — головной уборъ замужней женщины, съ «волосникомъ», гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведеннымъ на винѣ. На другой мисѣ лежали убрусы для раздачи гостямъ. Оба блюда—первое съ «осыпаломъ», то-есть съ хмѣлемъ, ставили на столъ, гдѣ уже лежала «перепеча» съ сыромъ.

Когда «коровайники», «свѣщники и «фонарщики» остановились по бокамъ стола, невѣсту свахи посадили на брачное сидѣнье а рядомъ съ нею ея маленькаго братишку.

Тогда дружка тотчасъ же поѣхалъ къ жениху извѣстить, что «княгиня на посадѣ».

Дрогнуло сердце у молодого княжича. Аркадій никогда не видалъ своей невѣсты. Ихъ сосватали строго «по-старинѣ». Старая боярыня Орлепина берегла свою внучку, какъ зѣницу ока,

чтобъ на нее ни вѣтромъ не пахнуло, ни солнышкомъ не обожгло ея нѣжныхъ щечекъ. Но больше всего старуха укрывала ее отъ глаза посторонняго мужчины.

— Что хорошаго, коли мужчина общупаетъ своими зѣнками дѣвушку съ пять до маковки? — говорила боярыня.

Да и мать жениха блюла старину.

— Говорю тебѣ, что Ксенюшка—раскрасавица, видѣть ее до вѣнца не моги, да и бабка ея до того не допуститъ: змѣемъ-горынычемъ она стережетъ свою внучку, — говорила и княгиня Трубецкая своему сыну.

И вотъ, вотъ, можетъ быть, онъ сейчасъ ее увидитъ, ее, свою «суженую», которую ему другіе «присудили»... можетъ быть, увидитъ... Когда онъ и она будутъ сидѣть «на посадѣ», хотя рядышкомъ, но раздѣленные другъ отъ друга тафтянымъ покровомъ, и когда ее станутъ расчесывать, то, можетъ быть, когда имъ позволятъ черезъ тафту приложиться другъ къ дружкѣ щеками... да, да! щеками черезъ тафту, то, быть можетъ, передъ нею будутъ держать зеркальце такъ, что онъ увидитъ ее!.. Можетъ быть!.. У него духъ захватываетъ отъ этого.

Княгиня Трубецкая и, за нахожденіемъ князя при войскѣ, подъ Нарвой, посаженный отецъ, послѣ возглашенія священника «достойно есть!» благословили жениха, и торжественное шествіе двинулось къ дому невѣсты.

И здѣсь, какъ у невѣсты, впереди «поѣзда» шли коровайники съ короваями, свѣщники со свѣчами и фонарщики съ фонарями. За ними священникъ съ крестомъ, бояре, а за ними уже женихъ, котораго тысячскій велъ подъ руки. Затѣмъ, наконецъ, «поѣзжане», иные на саняхъ, другіе верхами на коняхъ.

Чѣмъ болѣе шествіе приближалось къ дому невѣсты, тѣмъ ощутительнѣе сердце жениха било тревогу... Его ожидало что-то таинственное, но мучительно-заманчивое, лихорадочно возбуждавшее воображеніе.

— «Какова она»... Раскрасавица... А только красавица красавицѣ рознь... Ахъ, скорѣй-бы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нее. А страшно! Ну, ежели... поворотъ отъ воротъ... Нѣтъ! Нѣтъ! «Матушка не обманываетъ же меня», — лихорадочно думалъ княжичъ Аркадій.

А вотъ и ворота невѣстина дома...

Вотъ и парадная хоромина... Въ глазахъ рябитъ у жениха... Онъ машинально молится и кланяется на всѣ четыре стороны...

На возвышеніи сидитъ она... Такая крохотная... но личика не видать, густо закрыто... Только видно, какъ маленькая ручка подъ покрываломъ украдкою дѣлаетъ крестное знаменіе... Около нея, рядомъ, сидитъ Юша, ея братишка.

— «Выкушать надыть у Юши», — соображаетъ княжичъ Аркадій.

Дружка подводитъ его къ этому мѣсту...

Дрожащей рукой женихъ кладетъ на протянутую ручку Юши золото...

Онъ рядомъ съ нею, на одной подушкѣ...

— «Онъ рядомъ со мною, на одной подушкѣ»! — трепетно колотится дѣвичье сердчишко.

И онъ, и она почти ничего не видятъ, какъ слуги ставятъ на столъ «яства»...

— Отче нашъ, иже еси на небеси, — какъ будто откуда-то издали доносятся до нихъ слова священника.

— Благословите невѣсту чесать и крутить.

Это они явственно слышатъ, и она вздрагиваетъ.

— Благослови Богъ!

VIII.

Послѣ того, какъ сваха должна была начать «чесать и крутить» невѣсту, свѣчники послѣдней, зажегши свадебныя свѣчи «богоявленскими свѣчами» и поставивъ ихъ, тотчасъ протянули... увы! Между женихомъ и невѣстою занавѣсъ изъ алой тафты.

Это дѣлалось для того, что, при чесаніи волосъ, съ лица невѣсты сваха снимала покрывало, а лица ея ни женихъ, ни его поѣзжане не должны были еще видѣть.

Такъ дѣлалось и тутъ, и невѣста скрылась за занавѣсью.

— «Когда же велятъ приложиться намъ съ нею щеками къ тафтѣ?» — волновался въ душѣ женихъ, посматривая на зеркальце, которое держала въ рукахъ передъ невѣстой сидячая боярыня.

Женихъ чувствуетъ, что тамъ, за занавѣсью, уже распускаютъ косу Ксеніи.

— «А зеркальце... покажется-ли она въ немъ?» — думаетъ женихъ.

— Приложитесь щеками къ тафтѣ, — говоритъ сваха.

Аркадій пригибается къ занавѣси такъ, чтобы его щека, онъ былъ гораздо выше Ксеніи, прикоснулась непремѣнно къ ея щекѣ.

Онъ приложился... Онъ чувствуетъ за тафтой щеку дѣвушки, горячее, сквозь тафту жгущее огнемъ лицо Ксеніи, ея тѣло, ея плечо... Онъ прижимается крѣпче, крѣпче...

— «И она жмется ко мнѣ... охъ, чую, жмется!»

Кровь у него приливаетъ къ сердцу, ударяетъ въ голову...

И вдругъ, въ зеркальцѣ отражается ангельское личико!.. Ангельское!.. Ангельское!..

Но длинныя иглы рѣсницъ опущены въ стыдливой скромности...

Вдругъ рѣсницы вскинулись, и его ожгли двѣ молніи... душу ожгли... огнемъ опалили его всего... и, подобно молніи, неземное видѣніе исчезло!

Тутъ приблизилось къ нимъ что-то странное, лохматое, все въ шерсти, и проговорило, видимо, поддѣльнымъ голосомъ:

— Миръ да любовь князю и княгинѣ!.. Да молодой княгинюшкѣ народить-бы дѣтокъ столько, сколько шерстинокъ на моей шкурѣ.

Это былъ поддружье, наряженный въ вывороченную наверхъ шерстью шубу.

— Ахъ, кабы и впрямь твоя внучка нарожала столько пареньковъ, сколько шерсти на шубѣ! — шутя шепнулъ боярынѣ-бабушкѣ князь-кесарь, сидѣвшій съ нею рядомъ.

— Полно тебѣ, старый грѣховодникъ! — накинулась на него старуха. — Это дѣло Божеское.

— И государево, матушка, — подмигнулъ Ромодановскій.

— Поди ты, съ государемъ-ту твоимъ!—огрызнулась бабушка. — Отъ него-то кроючись, и свадьбу торопимъ безъ женихова родителя.

— А потому государево, матушка, что коли твоя внучка на каждый волосокъ нарожаетъ по пареньку, то-то радость будетъ великому государю: сколько рати у него прибавится!

— Полно, язва! Не моги зубоскалить! — сердилась старуха.

Между тѣмъ, пока продолжалось укручиванье невѣсты, сидячія боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни:

А кто у насъ холостъ,
А кто у насъ не женатъ?

Дружка въ это время рѣзалъ на мелкіе куски «перепечу» и сыръ, клалъ все это на большое серебряное блюдо вмѣстѣ съ ширинками — подарками для гостей, а поддружье разносилъ это по гостямъ. Сваха-же «осыпала» свадебныхъ бояръ и всѣхъ участниковъ торжества, бросая имъ все, что было на «осыпалѣ»—хмѣль, куски разныхъ матерій и деньги.

Наконецъ, невѣсту «укрутили», надѣли на голову кику.

— Ужъ и молодайка-же у насъ! — любовалась юнымъ дѣтскимъ личикомъ, выглядывавшимъ изъ-подъ кики, старшая сваха.

— Въ куклы играть, и то впору, — шепнула Марьюшка.

Молодые встали съ сидѣнья и пошли къ родителямъ подъ благословеніе.

— Благослови Богъ!

У молодыхъ обмѣняли кольца, а отецъ Ксеніи, передавая жениху плеть, сказалъ:

— По этой плеткѣ, дочушка, ты знала мою власть надъ тобой; теперь этой плетью будетъ учить тебя мужъ.

— Не нуждаюсь я, батюшка, въ плеткѣ, — горячо возразилъ женихъ,—а беру ее, какъ подарокъ твой.

И онъ засунулъ плеть за поясъ.

Затѣмъ процессія двинулась изъ дому.

— Птичка улетаетъ изъ гнѣздышка, — шепнулъ Ромодановскій бабушкѣ.

— Она мнѣ роднѣе родной дочери! — И старушка заплакала.

Коровайники и свѣчники уже вышли, а за ними по устланному яркими матеріями полу двинулись женихъ и невѣста. Невѣсту, все еще закрытую, вели подъ руки обѣ свахи. У крыльца уже стояла невѣстина «каптана», и тутъ же осѣдланные кони для жениха и поѣзжанъ.

На сѣдлѣ женихова аргамака важно возсѣдалъ Юша.

— Уступи мнѣ мѣсто Юшенька, — улыбнулся Аркадій.

— Не уступлю, я за сестрой поѣду, — храбрился Юша.

— Уступи, миленькій! Вотъ тебѣ золото на пряники.

Юша взялъ золото, и его ссадили съ сѣдла.

Женихъ ловко вскочилъ на аргамака, и, сопровождаемый своими поѣзжанами, обогналъ невѣстину каптану. Въ то время, когда онъ поровнялся съ окномъ каптаны, оттуда выглянуло прелестное личико, и безъ кики...

— До вѣнца личикомъ засвѣтила! Ахъ, соромъ какой! Охъ, срамотушка!

— А ежели люди увидали! Пропали наши головушки!

Но люди не увидали. Видѣлъ только Аркадій, какъ «свѣтило», для него его солнышко-милое, свѣтлое личико его суженой!

— «Скоро, скоро ты не будешь закрывать отъ меня своего личика, моя голубка! — восторженно мечталъ Аркадій. — Ужъ и нагляжусь-же я на тебя!.. Ужъ! Ужъ я!..

И голова его кружилась отъ этихъ ужъ!

— Свадьба! Свадьба! — кричали уличные мальчишки, завидѣвъ каптану невѣсты. — Вотъ подъ дугою висятъ лисьи да волчьи хвосты.

Волчьи да лисьи хвосты подъ дугою, дѣйствительно, были обрядовые признаки старорусской свадьбы.

Но вотъ и женихъ и невѣста уже въ церкви, а «ясельничій» и его помощники остались на дворѣ стеречь женихова копя и невѣстину каптану, «чтобы лихіе люди не перешли между ними дороги». А то разомъ напустятъ на новобрачныхъ «порчу».

Какъ долго, казалось Аркадію, тянулось вѣнчаніе! Онъ почти ничего не видѣлъ и не слышалъ: онъ ждалъ только, когда съ лица Ксеніи снимутъ покрывало.

Но вотъ его сняли!.. Аркадію показалось, что въ церковь глянуло весеннее солнце. Мало того, онъ цѣлуетъ это солнце, но робко.

— Раба Божія Ксенія, — говоритъ священникъ, — кланяйся мужу въ ноги.

Она покорно кланяется, и Аркадій съ нѣжностью покрываетъ ея голову полою своего богатаго кафтана, знакъ, что онъ всю жизнь будетъ защищать дорогое ему существо.

Тогда священникъ подалъ имъ деревянную чашу съ виномъ.

— Передавайте другъ дружкѣ трикраты чашу, — говорилъ священникъ.

Когда новобрачные отпили, князь-кесарь Ромодановскій, быстро подойдя къ молодой, на ухо шепнулъ ей:

— Ксеньюшка! Живѣй кидай чашу объ полъ и топчи ее ножками.

Это было повѣрье, что когда кто изъ новобрачныхъ первымъ станетъ на брошенную на полъ чашу ногою, тотъ и будетъ главою въ домѣ.

Ксенія бросила чашу и вся зардѣлась, но на чашу не становилась ногою.

— Топчи, топчи, Ксеньюшка!—не отставалъ князь-кесарь.

Аркадій съ любовью смотрѣлъ на свое сокровище и тоже по топталъ чаши.

— Топчи, Ксеньюшка, — подсказала и сваха.

Тогда Ксенія съ улыбкой поставила ножку на чашу, но раздавить ее не хватило силенки.

— Все-жъ ты первая, — шепнула сваха.

Тогда Аркадій, когда Ксенія сняла свою маленькую ножку съ чаши, придавилъ ее каблукомъ, и чаша была раздавлена.

— Пущай такъ будутъ потоптаны нашими ногами тѣ, кои станутъ посѣвать межъ нами раздоръ и нелюбовь, — сказалъ онъ торжественно.

— Аминь! — провозгласилъ князь-кесарь. — А паче чаянія ежели лихіе люди дерзнутъ помыслить что-либо худое противъ моей крестницы Ксеньюшки, то быть имъ у меня въ застѣнкѣ!

Послѣ того, какъ поздравленія кончились, сваха, при выходѣ изъ церкви, осыпала ихъ сѣменами льна и конопли.

— Ленъ на ребятокъ, конопля на дѣвочекъ,—говорила она, выражая тѣмъ, что ленъ будетъ способствовать новобрачной рожать мальчиковъ, а конопля дѣвочекъ.

— Не жалѣй, сватенька, льну, льну сыпь поболѣ!—весело говорилъ Ромодановскій.

Онъ очень легко выбрасывалъ изъ головы подробности тѣхъ ужасовъ, какіе онъ совершалъ въ застѣнкѣ преображенскаго приказа. Зато бывшій епископъ Игнатій и другіе жертвы застѣнка не забыли ихъ всю жизнь, исключая Талицкаго и ико-

ника Савина, которымъ «копченіе» скоро принесло полное забвеніе всего, что дала имъ жизнь...

Ромодановскій, при выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, продолжалъ шутить и, лукаво подмигивая молодымъ поѣзжанамъ, шепталъ:

— Умыкайте, добрые молодцы, молодую, умыкайте!

Это былъ обычай, что, при выходѣ молодой изъ церкви, ее старались будто бы «умыкать», отбить, похитить у мужа, и молодая, боясь «умычки», тѣснѣе прижималась къ мужу.

— А вотъ, сунься кто!—вынималъ Аркадій плеть изъ-за пояса и энергично махалъ ею въ воздухѣ.

Поѣздъ скоро двинулся къ дому Трубецкихъ.

При входѣ въ домъ молодыхъ, ясельничій командовалъ «потѣшникамъ»

— Въ сурьми да бубны, потѣшные, да играйте чинно, немятежно, благолѣпно, доброгласно!

И сурьмы засурьмили далеко не «доброгласно».

Подъ эту музыку молодые сѣли за столъ. Но ѣсть за общимъ столомъ они, по обычаю, ничего не ѣли.

Когда же гостямъ подали третью перемѣну—лебедя, то передъ молодыми поставили жареную курицу, которую дружка тутъ же завертывалъ въ скатерть и обратился къ матери Аркадія и къ посажоному отцу съ такими обрядовыми словами:

— Благословите молодыхъ вести опочивать.

— Благослови Богъ!—отвѣчали тѣ.

И молодыхъ повели. Но прежде чѣмъ они дошли до дверей, дружка понесъ впереди завернутую въ скатерть курицу, предназначенную для ужина молодымъ въ сѣнникѣ, а за нимъ пошли коровайники и свѣчники.

Когда молодые приблизились къ дверямъ, то посажоный отецъ, взявъ Ксенію за руку, проговорилъ обрядовыя слова:

— Сынъ нашъ! Божіимъ повелѣніемъ и благословеніемъ матери твоей велѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и поять въ жены отроковицу Ксенію. Пріемли ее и держи, какъ человѣколюбивый Богъ устроилъ, въ законѣ нашей истинной вѣры, и святые апостоли и отцы предаша.

У дверей сѣнника молодыхъ встрѣтила сваха въ шубѣ, вывороченной кверху шерстью, и снова осыпала ихъ льняными и коноплянными сѣменами.

— На робятокъ, на дѣвочекъ... на робятокъ, на дѣвочекъ...

А въ сѣнникѣ дружка и свѣчники уже успѣли поставить вѣнчальныя свѣчи въ кадь съ пшеницею у самаго изголовья брачнаго ложа.

Съ лихорадочнымъ трепетомъ вступили молодые въ храмъ Гименея, гдѣ ихъ тотчасъ же стали раздѣвать: жениха—дружка, а невѣсту—сваха.

— Не надо! Не надо!—отбивалась бѣдная Ксенія, закрывая вспыхнувшее личико руками.

— Ахъ, мать моя! Срамъ какой! Не дается... да это по закону, по божьи,—возилась около нея сваха.

— Не надо! Не надо! Пусти!

— Ахъ, озорница! А потомъ сама будешь благодарить...

— Не надо! Пусти! Пусти!

Напрасно! Сваха была не такая женщина, чтобъ отступить отъ закона.

Она сдѣлала свое дѣло... «И чулочки сняла»...

Дружка и сваха тотчасъ оставили сѣнникъ.

Трепетная парочка покинута всѣмъ міромъ... въ «застѣпкѣ»...

. . . . . : : : :

— Въ застѣнокъ повели Ксеньюшку,—съострилъ князь-кесарь, когда молодыхъ повели въ таинственный сѣнникъ.

—

Въ домѣ идетъ пиръ горой.

Но на дворѣ тихо, тихо. Только безмолвныя звѣзды съ высокаго неба смотрятъ на сѣнникъ, да ясельничій съ обнаженнымъ мечомъ ѣздитъ верхомъ около сѣнника для предотвращенія всякаго лиходѣйства, пока тамъ совершается «доброе»...

. . . . . : : : :

Когда въ домѣ свадебный пиръ достигъ апогея, къ дверямъ сѣнника подошелъ дружка.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ?—громко спросилъ онъ.

— Все въ добромъ здоровьѣ,—послышался отвѣтъ черезъ дверь.

— Слава Богу!—прошепталъ дружка.

Черезъ минуту онъ торжественно входилъ въ пиршескую хоромину. Всѣ воззрились на него вопросительно.

— Возвѣщаю!—торжественно произнесъ онъ.—Между молодыми доброе совершилось! *)

IX.

Въ то время, когда на Москвѣ, въ домѣ Трубецкихъ, справлялась веселая свадьба, а въ преображенскомъ приказѣ, въ застѣнкѣ, кнутъ и дыба справляли свое страшное дѣло, въ это время «Державный Плотникъ» дѣлалъ первыя, къ несчастью, неудачныя, попытки царственнымъ топоромъ «прорубить окно въ Европу».

Оставивъ свое тридцати-пятитысячное войско у стѣнъ Нарвы подъ начальствомъ герцога фонъ-Круи для возведенія укрѣпленнаго лагеря и для приготовленія осады города, царь Петръ Алексѣевичъ, въ сопровожденіи Александра Данилыча Меншикова и неразлучнаго Павлуши Ягужинскаго, отправился въ первый разъ въ жизни взглянуть на недававшее ему спать Балтійское море «взглянуть хоть однимъ глазкомъ».

— Охъ, глазокъ у тебя, государь!—сказалъ «Данилычъ», слѣдуя верхомъ около царскаго стремени.

— А что, «Данилычъ»—окликнулъ его царь, — что мой глазокъ?

— Да такой, что хоть кого сглазитъ! Вонъ подъ Азовомъ салтана сглазилъ, а теперь, поди, и Карлу сглазитъ,—отвѣчалъ Меншиковъ.

— Помоги Богъ,—задумчиво сказалъ Петръ, — съ нимъ мнѣ еще не приходилось считаться.

— Тебѣ ли, батюшка государь, съ мальчишкой счета сводить!.. Розгу покажи, тотчасъ за штанишки схватится, какъ бы не попало,—пренебрежительно замѣтилъ Меншиковъ.

— Не говори, Лексаша: вонъ и Христіанъ датскій, и Августъ польскій почитали его за мальчишку, а какъ этотъ мальчишка налетѣлъ орломъ на Копенгагенъ, такъ и пришлось Христіану просить у мальчишки пардону, а мальчишка съ нево и штаны снялъ,—говорилъ Петръ, вглядываясь въ даль, гдѣ уже отливала растопленнымъ свинцомъ узкая полоса моря.

---

*) Обрядовыя подробности свадьбы, въ главахъ VII и VIII, переданы съ документальной точностью, исключая циничныхъ нескромностей стариннаго ритуала свадьбы.

— Штаны,—улыбнулся Меншиковъ,—это Голстинію-то?

— Да, Голстинію.

— Да и Александръ Македонскій былъ мальчишкой восемнадцати лѣтъ, когда при Херонеѣ на-голову разбилъ грековъ и спасъ отца,—проговорилъ какъ бы про себя молчавшій доселѣ Павлуша Ягужинскій.

— Ты правъ, Павелъ!—горячо сказалъ царь, и глаза его загорѣлись. — Я плакалъ отъ зависти къ этому Александру, когда въ первый разъ чолъ про дѣло у Херонеи: отецъ ево Филиппъ и все македонское воинство уже дали тылъ грекамъ, когда на союзниковъ оныхъ, ѳиванцевъ, налетѣлъ Александръ съ конницей, мигомъ смялъ ихъ, а тамъ ударилъ и на побѣдителей отца и все поле уложилъ ихъ трупами! Таковъ былъ оный мальчишка!

— А что потомъ въ Аѳинахъ было!—тихо замѣтилъ Павлуша.—Я тоже, государь, чолъ когда-то сіе описаніе и плакалъ, токмо не отъ зависти, гдѣ мнѣ!.. Аѳинъ мнѣ было жаль, государь.

— Точно, Павлуша: аѳиняне въ тѣ поры объяты были ужасомъ... Аѳинянки выбѣгали изъ домовъ и рвали на себѣ волосы, узнавъ о павшихъ въ бою отцахъ, мужьяхъ, братьяхъ, сыновьяхъ... Старики словно безумные бродили по стѣнамъ города... Старецъ Исократъ съ отчаянія уморилъ себя голодомъ... А вотъ и море!

Петръ съ благоговѣніемъ снялъ шляпу передъ обожаемою имъ могучею стихіей, и набожно перекрестился.

Вдали, на горизонтѣ, виднѣлись корабли... Это е г о корабли... Гаральдова потомка, е г о!

— «А когда вѣтрила моихъ кораблей будутъ шумѣть на сихъ волнахъ?—колотилось въ душѣ, въ этой великой душѣ величайшаго изъ вѣнценосцевъ міра, какого не было во всѣ вѣка.—«Будутъ! Будутъ!»

Меншиковъ и Ягужинскій, видя, что царь молчитъ, тоже молчали, не смѣя нарушить торжественность минуты.

А минута была, дѣйствительно, торжественная... Въ этотъ моментъ нарождалась въ великой душѣ новая Россія, та Россія, чьи вѣтрила шумятъ уже на всѣхъ океанахъ, та Россія, которая отъ того берега, гдѣ теперь задумчиво стоялъ Петръ, про-

тянула могучія руки къ Портъ-Артуру и Таліенвану, которая устами его Праправнука проповѣдуетъ миръ мірови!..

Онъ продолжалъ стоять, какъ зачарованный видѣніемъ, видѣніемъ будущаго величія Россіи... И видѣніе это какъ бы реально вставало передъ его духовными очами... Ни Ассиріи и Вавилоніи, ни монархіи Кира, ни монархіямъ Македонской и Римской не сравняться съ тою монархіею, которая назрѣвала теперь въ великой душѣ.

А оттуда, справа, чуть-чуть двигались чьи-то корабли подъ бѣлыми парусами, чьи!.. Конечно, его, того, который тамъ, за этимъ моремъ, и двигались эти корабли по его же морю и изъ его же рѣки!

Блѣдность проступила на щекахъ великана, и онъ все молчалъ.

— «Новгородцы симъ моремъ владѣли... Александръ Ярославичъ ставилъ свою пяту на берегъ Невы... А мои дѣды лѣнтяи все сіе проспали».

Теперь краска залила его щеки.

— Такъ я же добуду, я верну!—вдругъ съ страстнымъ порывомъ сказалъ онъ.

— Добудешь, государь; тебѣ ли не добыть чего!—согласился Меншиковъ, угадавъ мысль Петра.—Добудешь всего. Вонъ Азовъ живой рукой добылъ.

При напоминаніи объ Азовѣ взоръ царя еще болѣе загорѣлся.

— Точно, Азовъ съ Божьей помощью добыли... А не мало въ оной викторіи намъ помогли черкасскіе люди—хохлы... Жаль, что не вызвалъ ихъ ретимента два три подъ Нарву,—говорилъ царь, что-то ища въ боковомъ карманѣ своего кафтана.

— Ты что, государь, ищешь?—спросилъ Меншиковъ.

— Да выметку изъ походнаго юрнала, что прислалъ мнѣ гетманъ Мазепа.

— Она у меня, государь, съ письмомъ Кочубея.

При имени Кочубея у Ягужинскаго дрогнуло сердце. Онъ вспомнилъ его дочь, Мотреньку, которую видѣлъ три года тому назадъ въ Диканькѣ, и которой образъ, прекрасный какъ мечта, запечатлѣлся въ его душѣ, казалось, на вѣки.

— Ты велѣлъ мнѣ спрятать ее, чтобъ прочесть на-досугѣ. Изволь, государь, вотъ она.

И Меншиковъ подалъ Петру выписку изъ походнаго журнала малороссійскихъ казаковъ, участвовавшихъ въ осадѣ Азова.

Царь развернулъ бумагу и сталъ читать вслухъ:

«Року 1696 его царскаго величества силы великія двигнулись подъ Азовъ землею и водою, и самъ государь выйшолъ зимою, и прислалъ указъ свой царскій до гетмана запорожскаго, Ивана Мазепы, жебы войска козацкого слалъ туда же тысячей двадцать пять, що...

— Нашъ да не нашъ языкъ,—остановилъ себя Петръ,—годъ у нихъ «рокъ», да эти «жебы», да «що», да «але»...

— Съ польскимъ, малость, схоже, государь, — замѣтилъ Меншиковъ.

— «Нѣтъ, не съ польскимъ»,—думалъ Ягужинскій, вспоминая пѣвучій говоръ Мотреньки Кочубеевой,—«музыка, а не языкъ... А какъ она пѣла!

Ой, гаю, мій, гаю, зеленый розмаю!
Упустыла соколонька—теперь не піймаю!..

Царь продолжалъ читать:

...що, на росказанія его царского величества, гетманъ послалъ полковниковъ, черниговскаго Якова Лизогуба, прилуцкого Дмитра Лазаренка Горленка, лубенского Леона Свѣчку, гадяцкого Бороховича и компанію, и сердюковъ, жебы были сполна тысячей двадцать пять. Которые въ походѣ томъ отъ орды мѣли перепону, але добрый отпоръ дали ордѣ, и притянули подъ Азовъ до его царскаго величества Гдѣ войска стояли его царского величества подъ Азовомъ, достаючи города и маючи потребу зі войсками турецкими на морѣ, не допускаючи турковъ до Азова, которыхъ на водѣ побили...

— То была первая морская викторія твоя, государь,—сказалъ Меншиковъ,—и викторія весьма знатная.

— Будутъ, съ Божьей помощью, и болѣе знатныя, да вотъ здѣсь!..

И царь указалъ на море, какъ бы грозя рукою.

А въ душѣ Ягужинскаго звучала мелодія:

Упустыла соколонька—та вже й не піймаю...

— Итакъ іюля 19-го—продолжалъ читать Петръ—за позволеніемъ Божіимъ, узяли городъ Азовъ, а наибольше за от-

вагою козаковъ, которые, сами охоту узвши, отважившися опановали вежу...

— Правда, правда,—самъ себя перебилъ царь, — точно, «опановали вежу», сирѣчь башню... Я самъ любовался сею ихъ молодецкою отвагою... Жалѣю, зѣло жалѣю, что не вызвалъ сихъ хохлатыхъ молодцовъ подъ Нарву.

— И безъ нихъ, государь, шуку добудемъ въ вершѣ,—сказалъ Меншиковъ.

— Помоги Богъ,—и Петръ продолжалъ читать: «опановали вежу, которая усего города боронила, и изъ тоей вежи казаки разили турковъ въ городѣ, же не могли себе боронити, которые и мусѣли просити о милосердіи, и сдали городъ; тилько тое себѣ упросили турки у его царскаго величества, жебы онымъ вольно у свою землю пойти, на що его царское величество зезволилъ, отобравши городъ зо всѣмъ запасомъ, строеніемъ градскимъ, и оныхъ турковъ обложенцевъ казалъ забрати у будари на кильканадесять суденъ и отвезти за море Азовское, у турецкую землю».

Петръ остановился и взглянулъ на Меншикова.

— Полагаю, запись учинена съ обстоятельствами вѣрно,— сказалъ онъ.

— Вѣрно, государь,—отвѣчалъ Меншиковъ.

— У черкасъ, я вижу, письменное дѣло зѣло хорошо налажено.

— Черкасы, государь, ученѣе насъ.

— Подлинно... Да и свѣтъ ученія и книгопечатное дѣло отъ нихъ же, отъ черкасъ, идетъ къ намъ, на Москву.

А Павлуша Ягужинскій, прислушиваясь къ разговору царя съ Меншиковымъ о черкасахъ, думалъ о своей «черкашенкѣ» изъ Диканьки, и въ душѣ его продолжала пѣть дивная мелодія:

Ой, гаю мію, гаю, еленый розмаю!
Упустыла соколонька—та вже й не піймаю...

X.

Между тѣмъ, пока царь на берегу «чужого моря» волновался великими государственными думами, подъ Нарвой его преображенцы и другіе воинскіе люди, большею частью, кромѣ преображенцевъ и семеновцевъ, состоявшіе изъ неопытныхъ новобран-

цевъ, продолжали возводить укрѣпленія своего лагеря, готовясь къ скорой осадѣ.

Время стояло осеннее, ненастное. То хлесталъ дождь, то слѣпилъ глаза мокрый снѣгъ, и сѣверное пасмурное небо не располагало къ энергичной работѣ. Даже любимцы царя-преображенцы—чувствовали себя какъ бы покинутыми своимъ державнымъ вождемъ.

— Не любы, что ли, мы стали батюшкѣ царю? Изъ царей разжаловалъ себя въ капитаны бомбардерской роты... Простой капитанъ!

— Да и прозвище свое родовое перемѣнилъ: сталъ Петромъ Михайловымъ.

— Прирожденный Романовъ, и отецъ и дѣдъ были Романовы, а онъ сталъ Михайловымъ.

— Да это чтобъ не переходить дорогу старшимъ: я-де покелева капитанъ, а коли покажу свою лихость въ дѣлѣ, такъ и полковника получу.

— Онъ все такъ: до всего самъ хочетъ дойти... Вонъ тамъ за моремъ самъ съ топоромъ и пилой корабли строилъ, рубанкомъ доски стругалъ... Такъ и тутъ.

— А видѣли, какъ онъ онамедни шанцы копалъ да сваи тесалъ? Топоръ у него ажно звенитъ, щепы во-каки летятъ!

— Илья Муромецъ, одно слово... Брусья швыряетъ, точно лучину... На что нашъ Теренька силенъ какъ чортъ, а царь батюшка и его сомнетъ.

Кто-то затянулъ вдали:

На Михайловскій денечекъ
Выпалъ бѣленькій снѣжочекъ...

— И точно, братцы: завтра Михайловъ день, и снѣжочекъ идетъ...

— Како снѣжочекъ! Просто кисель съ неба нѣмцы льютъ.

— Да и кисель-ту не бѣленькій, а во какой, съ грязью.

Разговоръ переходилъ на то, что не ладно-де... нѣмца надъ войскомъ поставили начальникомъ. Всѣхъ удивляло, что командованіе войскомъ поручено герцогу фонъ-Круи.

— Ерцогъ!.. Да у насъ на Руси ерцоговъ этихъ и въ заводѣ не было.

— И точно, нѣмецъ на нѣмцѣ у насъ въ войскѣ... И лопочутъ межъ собою опять же по-собачьи.

— Одинъ такой вонъ уже и тягу далъ, въ Нарву убегъ.

Это говорили о Гуммертѣ, котораго обласкалъ царь, а онъ перебѣжалъ къ Горну, коменданту Нарвы.

— Эй, братцы!—Слышь ты? Велятъ веселѣй работать... чтобы съ пѣсеньемъ... пущай-де тамъ, въ Нарвѣ-ту, слышали чтобъ... это чтобъ страху на нихъ напустить.

— А коли пѣть такъ и запоемъ, коли ежели велятъ.

И одинъ преображенецъ, опираясь на заступъ и вызывающе глядя на добродушнаго богатыря Терентія, визгливымъ фальцетомъ запѣлъ:

Задумалъ Теренька жаницца,
Тетка да Дарья браницца:
«Куда тебя черти носили?
«Мы-бъ тебя дома жанили.
«Или-или-или-или-или-
«Мы бъ тебя дома жанили»

Дружный хохотъ наградилъ пѣвца.

— Ну, и тетка Дарья у насъ!.. Жохъ баба!

— А ты что жъ, Терентій?—спросили добродушнаго богатыря, который продолжалъ желѣзной лопатой выворачивать огромныя глыбы сырой земли съ каменьемъ.

— Что Терентій? Онъ не дуракъ до дѣвокъ: онъ во-какъ отрѣзалъ теткѣ Дарьюшкѣ.

И другой преображенецъ, подбоченясь и скорчивъ ужасную рожу, запѣлъ.

Построю я келью со дверью,
Стану я Богу молицца,
Что-бъ меня дѣвки любили—
Крашоныя яйца носили.
Или-или-или-
Крашоныя яйца носили».

— Что, братцы, слышно въ Нарвѣ?—спросилъ пѣвецъ.

— Должно, слышно:—вонъ и вороны тамотка раскаркались на Тереху.

Въ это время къ работавшимъ у шанцевъ подъѣхали князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой и завѣдывавшій укрѣпленіемъ лагеря саксонскій инженеръ Галлартъ.

— Богъ въ помощь, молодцы!—поздоровался Трубецкой съ солдатами.

— Рады стараться, бояринъ!—гаркнули молодцы.

— Старайтесь, старайтесь. А завтра, ради Михайлова дня, я васъ угощу большой чарой,—сказалъ князь.

— Покорнѣйше благодаримъ на милостивомъ словѣ!

«Большой чаркѣ» солдаты особенно обрадовались, потому что ненастная, сырая погода требовала чего-нибудь согрѣвательнаго, бодрящаго организмъ.

А князь Трубецкой тутъ просто придрался къ случаю. Его очень обрадовало письмо изъ Москвы, извѣщавшее его о женитьбѣ сына на Ксеніи Головкиной. Отъ жены онъ зналъ, что Ксенія—рѣдкая дѣвушка и по красотѣ, и по душевнымъ качествамъ. Кромѣ того, ему лестно было породниться съ Головкинымъ, котораго царь замѣтно приближалъ къ себѣ и отличалъ отъ другихъ.

— А кто изъ васъ такъ весело пѣлъ?—улыбнулся онъ.

Солдаты замялись было, но простоватый богатырь Теренька выступилъ впередъ и сказалъ.

— Это они меня передразнивали, ваша милость.

И онъ указалъ на пѣвцовъ.

— За что-жъ они тебя передразнивали?—засмѣялся князь.

— Что я, бытта, хочу женитца.

— Что-жъ, дѣло доброе, добудемъ Нарву, тогда и женимъ тебя. Прощайте, молодцы,—сказалъ князь, удаляясь, и прибавилъ,—пѣсельникамъ по двѣ чары, а жениху—три.

Солдаты были въ восторгѣ.

— И ласковый же у насъ бояринъ, ахъ!

— Не чета нѣмчурѣ: хушъ-бы слово уркнулъ.

— Да у нево слова-тѣ собачьи.

— Ну, такъ, братцы, пой! Бояринъ похвалилъ, да и спорѣй работа пойдетъ.

— Инъ и вправду, заводи, Гуринъ.

— Какую заводить-то?

— Ивушку, что-бы горла-тѣ мы всѣ опрастали.

И Гуринъ «завелъ» высоко, высоко.

Ивушка, ивушка, зеленая моя!

Солдатскія «горла» подхватили, голоса все болѣе и болѣе крѣпли, и воодушевленіе особенно охватило всѣхъ, когда дѣло дошло до «бояръ, ѣхавшихъ изъ Новагорода».

Ѣхали бояре изъ Новагорода,
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
Сдѣлали изъ ивушки два они весла—
Два весла-весельца, третью лодочку косну,
Взяли—подхватили красну дѣвицу съ собой...

— Ну, братцы, въ Нарвѣ, поди, всѣхъ воробьевъ распужали,—сказалъ, подходя, одинъ семеновецъ.

— Да мы не даромъ поемъ: за пѣнье зелено вино жремъ,—сказалъ Гуринъ.

— Ой-ли! На каки-таки денежки? Да тутай и кружала нѣту.

— Мы завтрѣя гуляемъ у самово боярина, князь Иванъ Юрьевича Трубецкова.

— Поддай, поддай жару, Гуря!

Гуря поддавалъ съ высвистомъ:

Стали онѣ дѣвицу спрашивати—
Спрашивати, разговаривати:
Что-же ты, дѣвица, не весела сидишь...

— Бояре, бояре ѣдутъ! Какъ бы не тово, — убѣжалъ къ своимъ семеновецъ.

Это ѣхали осматривать работы князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, имеретинскій царевичъ Александръ и Автономъ Михайловичъ Головинъ.

Вдругъ среди работавшихъ послышались голоса:

— Государь ѣдетъ, государь ѣдетъ!

Петръ возвращался съ морского берега радостный, возбужденный.

— Государь въ духѣ, море видѣлъ, — улыбнулся Яковъ Долгорукій.

— Ему бы хоть поглядѣть на море, и то сытъ по горло,—замѣтилъ Головинъ.

— Ну, не говори, князь Яковъ Ѳедорычъ,—сказалъ царевичъ Александръ своимъ нѣсколько гортаннымъ говоромъ,—отъ поглядѣнья на море государь пуще распаляется; онъ бы всѣ моря, кажись, выпилъ.

Царь увидѣлъ своихъ вождей и направился къ нимъ.

XI.

На Москвѣ тѣмъ временемъ князь-кесарь продолжалъ свое застѣночное дѣло.

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ звѣрей, уловленныхъ князь-кесаремъ, оказался упоминаемый въ предыдущихъ главахъ другъ Талицкаго, тоже изъ ученыхъ свѣтилъ школы знаменитаго протопопа Аввакума, иконникъ Ивашка Савинъ. У него при обыскѣ найдены и подлинныя сочиненія Талицкаго.

Привели Ивашку предъ свѣтлыя очи князь-кесаря. Сухое лицо иконника, напоминавшее старинный закопѣлый образъ, и стоячіе глаза выдавали упорство фанатика.

— Съ воромъ Гришкой Талицкимъ въ знаемости былъ-ли?— спросилъ Ромодановскій.

— Былъ, не отрекаюсь; вмѣстѣ Богу работали,—отвѣчалъ иконникъ.

— И съ онымъ Гришкою въ единомысліи былъ же?

— Былъ и въ единомысліи.

Ромодановскій глянулъ на иконника такими глазами, которыхъ въ преображенскомъ приказѣ никто не выдерживалъ. Иконникъ Ивашка выдержалъ.

— И слышалъ отъ Гришки воровскія его на великаго государя съ поношеніемъ хульныя слова?

— Слышалъ,—не запирался допрашиваемый.

Ромодановскаго поразила смѣлость иконописнаго лица.

— И воровскія его, Гришкины, тетрати челъ?

— Челъ.

— И усмотря въ воровскихъ его тетратехъ государю многія укорительныя слова, государю и святѣйшему патріарху не извѣстилъ?

— Точно, не извѣстилъ.

Князь-кесарь началъ терять терпѣніе.

— И ты, его, Гришку, поймавъ, ко мнѣ приказъ не привелъ по «слову и дѣлу»,—продолжалъ онъ допрашивать.

— Не привелъ... И то я учинилъ для того, чтобъ онъ, Григорій, отъ меня не заплакалъ, и въ томъ я передъ государемъ виноватъ.

Ромодановскій порывисто всталъ.

— Съ нимъ, я вижу, въ сухомятку нетоже разговаривать,—

обратился онъ къ сидѣвшему за однимъ съ нимъ столомъ Никитѣ Зотову.

— Что-жъ, можно и маслицемъ сухомятку сдобрить,—улыбнулся пискикъ Зотовъ.

— Все записалъ?—спросилъ князь-кесарь приказнаго.

— Все до единой литеры, — отвѣчалъ приказный, кладя перо за ухо.

— Въ исповѣдальню!—кивнулъ Ромодановскій приставамъ на свою жертву.

Иконника увели въ застѣнокъ.

— Подвѣсить,—сказалъ князь-кесарь, входя въ свой «рабочій кабинетъ».

Заплечные мастера тотчасъ подняли несчастнаго на дыбу. Тотъ молчалъ. Палачи подтянули еще свою жертву. Руки несчастнаго сразу были вывихнуты изъ суставовъ, и хилое тѣло его опустилось.

— Винишься въ своихъ воровскихъ помыслахъ?—спросилъ Ромодановскій.

— Не винюсь, — отвѣчалъ упрямый изувѣръ,—оный Григорій далъ мнѣ тѣ написанные столбцы о пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта для вѣдомства ради того, что «любы Божія всему вѣру емлетъ», и онъ, Григорій, въ тѣхъ письмахъ писалъ все правду отъ книгъ Божественнаго писанія и не своимъ вымысломъ, а отъ которыхъ книгъ, и то въ тѣхъ письмахъ написано именно.

Ромодановскій презрительно пожалъ плечами.

— Вишь, богословъ какой выискался! И про великаго государя въ тѣхъ книгахъ Божественнаго писанія сказано именно?

— Сказано, точно.

— Такъ и сказано, государь-де, царь Петръ Алексѣевичъ всея Русіи?

— Нѣтъ, сказано не такъ, а сказано: восьмой царь и будетъ антихристъ, а онъ и есть восьмой царь.

— Ну, придется, видно «коптить» тебя.

— Ради мученическаго вѣнца и «копченіе» претерплю,—отвѣчалъ фанатикъ,—Христосъ и не то терпѣлъ.

— Добро-ста, приравнивай себя ко Христу,—пробормоталъ князь-кесарь.

Далѣе въ «розыскномъ дѣлѣ» преображенскаго приказа по дѣлу Талицкаго въ «распросныхъ рѣчахъ» записано:

«Онъ же, Ивашка иконникъ, въ распросѣ и съ третьей пытки говорилъ: кромѣ-де Гришки Талицкаго и пономаря Артемешки Иванова иныхъ единомышленниковъ никого нѣтъ, и тѣхъ писемъ, которыя у него взяты, никому онъ не показывалъ и на списокъ за деньги и безъ денегъ никому онъ не давалъ и у иныхъ ни у кого въ домѣ такихъ писемъ не видывалъ».

«Онъ же, Ивашка, съ Гришкою Талицкимъ приходили къ тамбовскому епископу Игнатію и про такія письма словесно разговаривали о послѣднемъ времени и объ антихристѣ и великаго государя всякими поносными словами и антихристомъ противъ тѣхъ писемъ поносили, и антихристомъ его, великаго государя, они, Гришка и Артемошка, и онъ, Ивашка, называли, и архіепископъ имъ сказалъ: я де тѣмъ письмамъ не вѣрю».

И это архіепископы! Положимъ, Игнатій сказалъ: «я де тѣмъ письмамъ не вѣрю». Но въ душѣ, онъ сомнѣвался... Еще бы! На ектеніи, въ соборѣ, онъ возглашалъ о здравіи и долгоденствіи кого же! Антихриста!

Вотъ какими отцами церкви и святителями окруженъ былъ «Державный Плотникъ», великій творецъ новой Россіи! И ему же приходилось воевать и съ турками, и со шведами за свою несчастную Русь, за свой народъ, за этихъ святителей! Надо было обладать нечеловѣческими, сверхъестественными силами, чтобъ не пасть въ борьбѣ. И онъ не палъ. Мало того! Онъ на своихъ плечахъ всю Россію вынесъ изъ тьмы кромѣшной къ свѣту, къ солнцу науки...

Положеніе монарха, небывалое въ мірѣ!

Привели въ застѣнокъ пономаря Артемошку. Снова въ ходъ пошли кнутъ и дыба...

И приказный строчитъ въ «распросныхъ рѣчахъ»:

«Артемошка въ распросѣ и съ пытокъ говорилъ:

— «Про письма, которыя взяты у Ивашки Савина, я вѣдалъ, и въ совѣтѣ съ Гришкою и съ Ивашкомъ Савинымъ былъ, и разговоры у насъ объ антихристѣ бывали».

Послѣ третьей пытки понамарь Артемошка молвилъ:

— Онъ, Гришка, со мною, Артемошкою, и съ Ивашкомъ иконникомъ бывалъ у тамбовскаго архіепископа (иногда онъ записанъ «епископомъ»), и Гришка ему, архіепископу, книги

писалъ, и какъ онъ, Гришка, ту книгу объ антихристѣ къ нему, архіепископу, принесъ, и архіепископъ, принявъ ту книгу, говорилъ: Богъ-де вѣсть, правда-ль то письмо».

Здѣсь уже не невѣріе въ антихриста, а сомнѣніе... «А если и вправду онъ антихристъ»?..

Мало трехъ пытокъ! Повели къ четвертой...

Записано: Артемошка съ четвертой пытки говорилъ:

— Въ тѣхъ воровскихъ письмахъ совѣтниковъ насъ было трое: Гришка Талицкой, я, Артемошка, и Ивашка иконникъ, и тѣ письма толковали мы вмѣстѣ, а пуще у насъ въ томъ дѣлѣ, въ толкованіи, былъ Гришка Талицкой, и я, по тѣмъ его словамъ, въ томъ ему вѣрю...

— Вѣришь!—даже вскрикнулъ Ромодановскій. — Вѣришь, что великій государь, царь Петръ Алексѣевичъ всея Русіи антихристъ! Вѣришь!

— Вѣрю—антихристъ.

Ромодановскій вышелъ изъ застѣнка въ приказъ, просмотрѣлъ допросы другихъ привлеченныхъ къ дѣлу и снова вернулся въ застѣнокъ.

Пытаемый продолжалъ висѣть на дыбѣ съ вывихнутыми руками.

— Кто былъ твоимъ духовнымъ отцомъ? — спросилъ князь-кесарь.

— Варламьевской церкви попъ Лука, — былъ отвѣтъ.

— И онъ вѣдалъ про твое воровство?

— Вѣдалъ... на духу я ему про антихриста исповѣдывалъ.

— И что-жъ онъ?

— Онъ сказалъ: времена-де и лѣта положилъ Богъ своею властію и тебѣ-де и Гришкѣ про тѣ лѣта почему знать?

— А ты ему что-жъ на то?

— Времена и лѣта, говорю, исчислены въ книгахъ.

— Въ какихъ?

— Въ «Апокалипсисѣ», у Ефрема Сирина, и Талицкой все сіе на свѣтъ вывелъ.

XII.

Въ дѣло объ антихристѣ, кромѣ тамбовскаго архіепископа (или епископа) Игнатія, была замѣшана еще одна видная, по своему общественному положенію, родовитая личность.

Это—«бояринъ, князь Иванъ, княжъ Ивановъ сынъ, Хованской», какъ онъ записанъ въ дѣлѣ объ антихристѣ.

Князь Иванъ Хованскій, отецъ замѣшаннаго въ заговоръ Талицкаго, знаменитый «тараруй», кровавымъ метеоромъ пронесся надъ Москвою во время малолѣтства будущаго творца новой Россіи, стоя во главѣ стрѣлецкихъ смутъ. Стрѣльцы намѣровались даже возвести его на престолъ!

Голову этого Хованскаго, которая мечтала о царскомъ вѣнцѣ, въ послѣдній разъ Москва видѣла на плахѣ, откуда она скатилась на помостъ эшафота...

Теперь сынъ этого Хованскаго сидѣлъ въ отдѣльномъ казематѣ преображенскаго приказа, ожидая своей очереди.

Сидя въ одиночномъ заключеніи, онъ невольно вспомнилъ страшныя картины, которыхъ онъ былъ зрителемъ.

Онъ видѣлъ, какъ подвезли отца къ царскому дворцу села Воздвиженскаго. Несчастный претендентъ на царскій вѣнецъ былъ связанъ. Въ воротахъ показались сановники и усѣлись на скамьяхъ... Шакловитый читаетъ обвиненіе. Обвиняемый что то говоритъ... Но ему не даютъ оправдаться... Стрѣлецъ стремяннаго полка на полусловѣ отрубаетъ ему голову... За головою отца падаетъ подъ топоромъ и голова брата...

Вспоминается узнику еще болѣе страшная, потрясающая картина... По Москвѣ двигается похоронная, невиданная процессія... На саняхъ-розвальняхъ, въ которыхъ вывозятъ изъ Москвы снѣгъ и соръ, стоитъ гробъ, и гробъ волокутъ свиньи, запряженныя цугомъ въ мочальную сбрую, съ бубенчиками на шеяхъ и въ черныхъ попонахъ съ нашитыми на нихъ бѣлыми «адамовыми головами»... Около свиней идутъ конюхи, въ «харяхъ»... Свиньи визжатъ и мечутся, и конюхи ихъ бьютъ...

Это везли въ Преображенское вырытый изъ могилы гробъ Милославскаго, друга его отца...

Впереди процессіи и рядомъ съ свиньями въ черныхъ попонахъ идутъ факельщики съ зажженными просмоленными шестами, а вмѣсто поповъ палачи съ сѣкирами на плечахъ... Тутъ и скороходы, наряженные чертями, рога у нихъ и хвосты, и черти погоняютъ визжащихъ свиней, а другіе пляшутъ вокругъ гроба... Вмѣсто погребальнаго перезвона «на выносъ» черти колотятъ въ разбитые чугунные котлы... Ко гробу, во время остановокъ, вмѣсто совершенія литіи, подходилъ самъ Асмодей съ кошель-

комъ Іуды въ рукахъ, позвякивая «тридесятью сребренниками» и колотя по крышкѣ гроба жезломъ съ главою змія, соблазнившаго Еву въ раю...

Процессія приближается къ Преображенскому, гдѣ уже возвышается плаха... Нѣсколько въ сторонѣ отъ эшафота высится на конѣ великанъ... Это онъ самъ... Около него Меншиковъ, Голицынъ Борисъ, Ромодановскій, Лефортъ, Шеинъ...

Гробъ подкатываютъ подъ навѣсъ эшафота, и палачи топорами отдираютъ крышку отъ гроба... Оттуда выглядываетъ ужасное лицо мертвеца... Это другъ его, тлѣвшаго уже въ землѣ, отца... Къ гробу подходитъ Цыклеръ, за нимъ — сѣдой какъ лунь Соковнинъ, тоже друзья его отца...

Дьякъ что-то читаетъ... Мало что слышно... Кругомъ оцѣпенѣлая отъ ужаса толпа...

— Вершить!.. — прорѣзываетъ воздухъ голосъ самого...

Палачи подходятъ къ Цыклеру, но онъ тихо отталкиваетъ и самъ всходитъ на эшафотъ.

— Православные! — кричитъ онъ. — Разсудите меня...

Но дробь барабана заглушаетъ его слова...

— Вершить! — пересиливая грохотъ барабана, какъ ударъ кнута, потрясаетъ воздухъ опять его голосъ...

Палачи бросили осужденнаго на плаху...

— Верши! — его страшный голосъ...

Въ воздухѣ сверкаетъ топоръ, и голова Цуклера, страшно поводя глазами, скатывается прямо въ гробъ Милославскаго... Туда же хлынула съ покатаго эшафота кровь, словно изъ зарѣзаннаго борова...

На эшафотѣ и Соковнинъ...

— Верши!

Опять топоръ... опять кровь..

Все это вспоминается теперь Хованскому въ его одиночномъ заключеніи...

— Господи! Камо бѣгу отъ лица его, — стонетъ несчастный. — Аще возьму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука его сыщетъ мя.

Онъ поднялся съ рогожки и подошелъ къ тюремному окну, переплетенному желѣзомъ. За окномъ сидѣлъ воробей и беззаботно чирикалъ.

— Это душа отца моего, посѣтившая узника въ заточеніи, — шепчутъ его губы.

Подъ окномъ прошелъ часовой, и испуганная птичка улетѣла.

Узникъ сталъ на колѣни и поднялъ молитвенно руки къ окну, въ которое глядѣлъ кусокъ тусклаго ноябрьскаго неба.

— Или, Или, лима савахѳани!.. Боже мой, Боже мой! Вскую мя еси оставилъ! — прошепталъ несчастный.

Подъ окномъ прокричалъ пѣтухъ.

— И сѣ пѣтелъ возгласи, — безсознательно шептали его губы.

Взвизгнулъ ключъ въ ржавомъ замкѣ, и тюремная дверь, визжа на петляхъ, растворилась. Это пришелъ приставъ вести узника къ допросу.

Едва онъ вошелъ въ приказную комнату, какъ дьякъ, по знаку князь-кесаря, развернулъ допросные столбцы и сталъ читать:

«На тебя, бояринъ князь Иванъ, княжъ Ивановъ сынъ Хованскій, Гришка Талицкій показалъ: на Троицкомъ подворьѣ, что въ Кремлѣ, говорилъ ты, бояринъ, Гришкѣ: бороды-де брѣютъ, какъ-де у меня бороду выбрѣютъ, что мнѣ дѣлать? И онъ-де, Гришка, тебѣ, князь Ивану, молвилъ: какъ-де ты знаешь, такъ и дѣлай».

— Подлинно на тебя показалъ Гришка? — спросилъ уже Ромодановскій, — не отрицаешь сего?

— Подлинно... не отрицаю, — покорно отвѣчалъ князь.

— Чти далѣ, — кинулъ Ромодановскій дьяку.

— Да послѣ-де того, — читалъ дьякъ, — онъ же, Гришка, былъ у тебя, князь Ивана, въ дому, и ты-де, князь Иванъ, говорилъ ему, Гришкѣ:—Богъ-де далъ было мнѣ мученическій вѣнецъ, да я потерялъ: имали-де меня въ Преображенское, и на генеральномъ дворѣ Микита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали-де мнѣ для отреченія столбецъ, и потому-де письму я отрицался, а во отреченіи спрашивали, вмѣсто вѣруешь-ли, пьешь-ли? И тѣмъ-де своимъ отреченіемъ я себя и пуще бороды погубилъ, что не спорилъ, и лучше-бъ-де было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели было такое отреченіе чинить *).

*) Это мѣсто въ розыскномъ дѣлѣ о Талицкомъ несовсѣмъ понятно. Вѣроятно, знаменитый старикъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, приближен-

— Говорилъ ты таковыя слова? — спросилъ князь-кесарь.

— Говорилъ, — не запирался и тутъ Хованскій.

— И все это изъ-за бороды?

— Изъ-за бороды и изъ-за кощунства его, Микиты Зотова: «пьешь-ли» вмѣсто «вѣруешь-ли».

— Да сей чинъ ставленія сочинилъ самъ великій государь, и за тѣ слова твои ты учинился передъ великимъ государемъ виноватъ.

— Тѣ слова я Гришкѣ говорилъ для того, что онъ меня словами своими обольстилъ,—растерянно оправдывался Хованскій.

Ничто не помогло.

— Приходится и сего допросить «съ подъему», — кивнулъ Ромодановскій дьяку.

«Съ подъему», «съ подвѣсу» — это значило: поднять на дыбу и подвѣсить.

XIII.

Едва Ромодановскій воротился изъ приказа къ себѣ, какъ ему доложили, что его желаетъ видѣть «государевъ деньщикъ».

— Проси, проси.

Князь-кесарь давно не имѣлъ вѣстей отъ царя и потому интересовался узнать о ходѣ дѣлъ на войнѣ.

Деньщикъ государевъ вошелъ.

— А! Это ты, красавецъ Иванушка, добро пожаловать,— привѣтливо встрѣтилъ грозный князь-кесарь царскаго посланца.

Это былъ Орловъ Иванъ, атлетъ и красавецъ. Что былъ онъ атлетъ и силачъ, это знала и испытала знаменитая царская дубинка, которая не разъ прохаживалась по несокрушимой

ное лицо къ царю и носившее санъ «патріарха всеньянѣйшаго и всешутѣйшаго собора», въ виду раскольничьихъ убѣжденій князя Хованскаго, «шутѣйно», въ качествѣ шутовского патріарха, возводилъ Хованскаго въ чинъ шутовского митрополита и велѣлъ ему совершить отъ чего-то отреченіе. Тотъ и прочелъ отреченный «столбецъ». А затѣмъ Зотовъ и спрашивалъ его по сочиненному самимъ царемъ чину посвященія въ члены «всеньянѣйшаго и всешутѣйшаго собора новаго ставника»:—«пьешь-ли?»—вмѣсто—«вѣруешь-ли?» Это и смутило Хованскаго. Извѣстно, что царь Петръ Алексѣевичъ и женилъ старика Зотова на старухѣ Стремоуховой, и свадебное торжество отпраздновано было самымъ шутовскимъ образомъ. Была на свадьбѣ и «князь-игуменія». Подъ колокольный звонъ всѣхъ «сорока-сороковъ» пьяная Москва цѣлый мѣсяцъ орала: — «Да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!»

спинѣ Орлова, какъ по деревянному брусу, не вредя ему. А красоту его хорошо цѣнили молоденькія «дворскія дѣвки», какъ тогда называли фрейлинъ. Не у одной изъ нихъ глаза и сердце рвались за богатыремъ «Иванушкой», а не рѣдко хорошенькіе глазки и подушки по ночамъ обливали «горючими слезами» по «измѣнщикѣ». А одну изъ нихъ, прелестную Марьюшку Гамонтову или фрейлину Гамильтонъ, красота «дворскаго сердцеѣда» довела, впослѣдствіи, до эшафота, когда гнусный поступокъ Орлова довелъ бѣдную дѣвушку, любимицу самого царя, до того, что она, желая скрыть свой дѣвичій стыдъ, вынуждена была прибѣгнуть къ преступленію...

Громкая и страшная исторія о найденномъ тогда въ Лѣтнемъ саду, «на огородѣ», мертвомъ ребенкѣ, завернутомъ въ салфетку съ царской мѣткой, котораго подняли у фонтана, и о публичной казни, на эшафотѣ, въ присутствіи царя, красавицы Гамильтонъ, отрубленную головку которой царь поцѣловалъ передъ передъ всѣмъ народомъ, эта исторія слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ.

— Откелева Богъ принесъ, Иванушка? — спросилъ Ромодановскій.

— Изъ-подъ самой Нарвы, — отвѣчалъ Орловъ, на совѣсти котораго тогда еще не лежало воспоминаніе о его гнусномъ дѣлѣ.

— Изъ-подъ Ругодева?—поправилъ князь-кесарь.

— Точно такъ, изъ-подъ Ругодева,—поправился и Орловъ. Нарву въ то время русскіе больше называли Ругодевымъ.

— Въ своемъ ли здравіи обрѣтается великій государь?

— Государь Божіею милостію здравствуетъ.

— А дубинка ево стоеросовая гуляетъ?

— Неустанно.

— И по тебѣ гуляла, небось?

— Гуляла онамедни.

— А за что?

— За государевъ-же грѣхъ.

— Какъ?

— Да рубилъ онъ себѣ онамедни хижу, домишко: морозыде наступаютъ, такъ въ палаткѣ нетопленной зябко.

— Самъ рубилъ?

— Самъ, грѣлся. И стало ему, отъ топора-то, жарко. Онъ

и сыми съ себя кафтанъ, да и далъ мнѣ подержать. Въ тѣ поры одинъ свейскій нѣмецъ, перебѣжчикъ, принесъ ему выкраденный планъ Ругодева. Государь мелькомъ взглянулъ на него и отдалъ мнѣ. Положи, говоритъ, въ карманъ моего камзола, ночью-де говоритъ, разсмотрю планъ. Я и положилъ въ карманъ... А почью все и стряслось... Не приведи Богъ что было!

— Ну?—Глаза у князя-кесаря разгорѣлись. — Онъ любилъ, когда кого драли, хотя и не самъ онъ. — Ну?

— Ночью я просыпаюсь отъ страшнаго гласа государева... Я вбѣгаю къ нему... «Гдѣ планъ!» — изволитъ неистово кричать. — Въ карманѣ твоего камзола, государь, говорю... Нѣтъ его тамъ! — кричитъ: — украли, продали — меня продали! — ты не доглядѣлъ!.. Да за дубинку и ну лущить, ну лущить!.. Хоша и у меня спина стоеросовая, какъ и ево палица-дубинка, одначе стало невтерпежъ — сталь, и то гнется...

Глаза у Ромодановскаго все больше разгорались восторгомъ.

— Ну? Ну?

— Да что-жъ! Планъ-атъ нашелся.

— Гдѣ? Какъ?

— У государя-жъ въ камзолѣ... Карманъ сбоку по шву разошелся, планъ и завалился за подкладку.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — радостно залился князь-кесарь.

— Да, смѣйся, князь... Я-жъ оказался виноватъ: зачѣмъ, говоритъ, ты не починилъ камзола. А какъ ево починишь? Ину пору кричитъ: не смѣй по карманамъ лазить!

Ромодановскій раскатывался и за бока брался, точно Орловъ принесъ ему величайшую неожиданную радость.

Нахохотавшись вдоволь, князь-кесарь перешелъ къ дѣлу.

— Зачѣмъ же государь прислалъ тебя ко мнѣ? — спросилъ онъ, вдругъ ставъ серьезно-дѣловымъ царедворцемъ.

— И къ тебѣ, государь-князь, и къ другимъ милостивцамъ, — отвѣчалъ Орловъ.

— А ко мнѣ-ту съ чѣмъ именно?

— По воровскому дѣлу объ антихристѣ.

— Сіе дѣло у меня зѣло знатно налажено: всѣ мыши въ моей мышеловкѣ... Нонѣ князя Хованскова щунялъ, да еще малость придется, и тогда съ тобой къ государю выметку изъ дѣла пошлю.

— Буду ждать, — сказалъ Орловъ. — Да надоть завернуть мнѣ въ Нѣмецкую слободку.

— Къ зазнобушкѣ государевой?

— Къ ей, къ Аннушкѣ Монцовой... Соскучился по ей государь.

— Али къ войску хочетъ взять?

— Нѣтъ... по вѣстямъ отъ нея заскучалъ.

— Не диво... Молодой еще человѣкъ, въ силѣ...

— Да еще въ какой! — вспомнилъ Орловъ цареву дубинку.

— А! — засмѣялся опять князь-кесарь. — Ты про свою спину?

— Не про чужую, батюшка князь.

— То-то я говорю: человѣкъ въ силѣ, въ полномъ соку, а жены нѣту... Ни то онъ вдовъ, ни то холостъ... Жена не жена, а инокиня... Вотъ тутъ и живи въ сухомятку... А Аннушка-дѣвка ласкательная... Ну, а какъ дѣла подъ Ругодевомъ?

— Копаемъ укрѣпу себѣ, откудова-бъ добывать городъ... А государь ходитъ заряженъ нетерпѣніемъ, море ему подай!

— Что такъ?

— Море видѣлъ... Самъ съ Данилычемъ да Павлушей Ягужинскимъ изволилъ ѣздить къ морю. Оттеда воротился, во— каки глаза! Распалило его море-то.

— Охочъ до моря, точно, — согласился Ромодановскій.— А самъ не командуетъ?

— Нѣту: войска сдалъ этому нѣмцу, фонъ-Кроа, а самъ только глазами командуетъ.

— А князь Трубецкой Иванъ Юрьичъ что?

— Своею частью правитъ.

— А мы тутъ безъ него Аркашу его окрутили съ Оксиньей Головкиной.

— Дошла вѣдомость о томъ и къ намъ.

— То-то дошла... А небось не дошло, что мы ихъ окрутили по-старинѣ.

— Ну, за это государь не похвалитъ.

— Такъ приказала старая бабка, а она, что твой протопопъ Аввакумъ: все, такъ угодно-де Владычицѣ Небесной, ея воля... точно она у Богородицы сбитень пила.

Когда Орловъ сталъ прощаться, чтобы ѣхать въ Нѣмецкую слободку къ Аннѣ Монсъ, Ромодановскій спросилъ:

— А когда къ государю отъѣзжаешь?

— Непомедлительно: денька черезъ два, какъ съ дѣломъ управлюсь, — отвѣчалъ Орловъ.

— Добро... Къ тому времю я успѣю передопросить князя Ивана «Тараруевича», и выметку изъ дѣла государю изготовлю. — Такъ я жду тебя, — сказалъ на прощанье князь-кесарь.

— Буду неупустительно, — сказалъ Орловъ.

— Ахъ, да! — спохватился князь-кесарь. — Я приготовилъ для государя такой анисовки, какой и премудрый Соломонъ не пивалъ.

— Это, чаю, государю любо будетъ: зѣло охочь до анисовки.

— Такъ заѣзжай.

— Заѣду неупустительно.

XIV.

Князь Ромодановскій видѣлъ, что надо было торопиться съ розыскомъ по дѣлу объ антихристѣ. Дѣло безсмысленное! Но оно касалось имени государя. Въ темномъ народѣ и въ невѣжественномъ духовенствѣ бродило глухое недовольство: народъ удручали усиленные рекрутскіе наборы, купечество, особый налогъ на бороды, которыя дозволялось носить только тѣмъ, которые уплативъ особую пошлину за позволеніе не брить «честной брады», получали изъ казны особый металлическій знакъ или медаль, на которой вычеканена была борода съ надписью: «деньги за бороду взяты». Раскольники уходили въ лѣса, въ скиты и сожигали себя иногда цѣлыми массами. Невѣжественное духовенство роптало на «новшества», видѣло посягательство на религію и на церковь въ томъ, что церковные излишніе колокола переливались на пушки, чтобы защищать эти-же церкви.

И вдругъ въ народъ хотятъ бросить страшное слово: государь — антихристъ!.. Надо немедленно затушить страшную искру, пока еще тлѣвшую подъ землею, въ казематахъ и въ застѣнкѣ преображенскаго приказа... А если эту искру, въ видѣ пока невидимой головни уже перебросило въ сухую солому, въ хворостъ, легко воспламеняющійся — въ народъ?..

Надо, надо спѣшить! Затоптать искру!

На другой-же день князь Ромодановскій приступилъ къ передопросамъ.

Надо было свести на очную ставку Талицкаго, этого «злу заводчика», съ княземъ Хованскимъ.

— Это сѣмя Милославскаго, стрѣлецкая отрыжка! — говорилъ государь, отъѣзжая съ войскомъ подъ Нарву.

Привели въ приказъ Талицкаго.

— Говорилъ тебѣ князь Хованскій Иванъ: Богъ-де далъ было мнѣ мученическій вѣнецъ, да я-де потерялъ его?—спросилъ князь-кесарь.

— Говорилъ подлинно, — отвѣчалъ такимъ тономъ Талицкій, точно ему было все равно.

Да это и правда: онъ уже видѣлъ вблизи свою смерть, такъ ему было все равно... Сорвалось! Не подняться ему и его дѣлу! А какъ, казалось, широко и глубоко было оно задумано!.. Онъ чаялъ видѣть себя спасителемъ народа... Народъ, облагодѣтельствованный имъ, воскликнетъ: на рукахъ возьмутъ тя, да не преткнеши о камень ногу твою...: И вотъ впереди Аввакумовъ престолъ, костеръ да вѣнецъ ангельскій...

— И то Хованской говорилъ послѣ перваго взятья ево въ Преображенское по выпускѣ изъ онаго? — продолжалъ Ромодановскій.

— По выпускѣ, у себя на дому.

— А касательно ставленья ево Микитою Зотовымъ въ митрополиты?

— Князь Иванъ, будучи спрошенъ на ставленьи: «пьешь-ли»? замѣсто «вѣришь-ли»? уразумѣлъ, что то творилъ Микита Зотовъ надругательство и кощунство надъ освященнымъ соборомъ... То Зотовъ изблевалъ хулу на святую православную церковь.

Князь Ромодановскій самъ очень хорошо понималъ, что сочиненный самимъ царемъ уставъ «всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора» и чинъ ставленія въ «шутѣйшіе патріархи» и въ такіе-же митрополиты, ни что иное, какъ насмѣшка надъ идеею патріаршества въ Россіи, которое Петръ и похоронилъ со смертію послѣдняго на Руси патріарха Адріана, князь-кесарь отлично понималъ, что, съ точки зрѣнія религіи, это — кощунство и надругательство надъ церковною обрядностью, какъ смот-

рѣлъ на это и допрашиваемый и пытаемый имъ въ застѣнкѣ книгописецъ Талицкій; но Ромодановскій также не могъ не сознавать, что геніальный преобразователь Россіи кощунствовалъ не ради кощунства для кощунства, не для забавы, а ради высшихъ государственныхъ интересовъ; князь Ромодановскій видѣлъ, что царь прибѣгалъ къ этимъ крутымъ и даже рискованнымъ мѣрамъ для того, чтобъ умалить вліяніе невѣжественнаго духовенства на темныя массы. Что могло быть гибельнѣе для государства внушенія народу какимъ-то «книгописцемъ», да не только народу, но и епископамъ и архіепископамъ, что въ Россіи глава государства, помазанникъ—самъ антихристъ!.. И вотъ тотъ, кого называютъ антихристомъ, и кто-же? — тѣ, которые должны просвѣщать народъ, попы и архіереи, этотъ оклеветанный высочайшею для христіанина клеветою своимъ «всепьянѣйшимъ и всешутѣйшимъ соборомъ» и отвѣчаетъ своимъ клеветникамъ, сочинивъ знаменитыя «пѣсни» и «капуны», распѣвающіеся на этихъ соборахъ, хотя-бы «капунъ Бахусовъ и Венеринъ», такого содержанія:

Бахусе, пьянѣйшій главоболѣнія,
Бахусе, мерзѣйшій рукотрясенія,
Бахусе, піянымъ радованіе.
Бахусе, неистовымъ плясъ велій,
Бахусе, блудницамъ ликованіе,
Бахусе, хребтомъ вихляніе,
Бахусе, ногамъ подъятіе,
Бахусе, ледвіямъ поруганіе,
Бахусе, вѣрнимъ тошнота,
Бахусе, портовъ пропитіе,
Бахусе пьянѣйшій, моли Венеру о насъ!

Такъ отвѣчалъ своимъ дерзкимъ клеветникамъ геніальный преобразователь Россіи за оскорбленіе его величества.

Помня это, князь Ромодановскій продолжалъ допрашивать Талицкаго.

— И тѣмъ-де своимъ отреченіемъ я себя и пуще бороды погубилъ, что не спорилъ и лучше-бъ-де было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели было такое отреченіе чинить: — эти-ли слова говорилъ князь Иванъ?

— Подлинно сіи слова, — апатично отвѣчалъ Талицкій.

По знаку князя-кесаря ввели Хованскаго для очной ставки.

— Вычти послѣднія Гришкины распросныя рѣчи, — сказалъ дьяку Ромодановскій.

Тотъ «вычелъ».

— Твои это рѣчи? — спросилъ князь-кесарь Хованскаго.

— Не мои... То поклепъ Гришкинъ, — отвѣчалъ послѣдній, — не мои то слова.

Напрасное упорство! И Талицкаго и Хованскаго повели въ застѣнокъ.

Подняли на дыбу послѣдняго.

«Въ застѣнкѣ на очной ставкѣ и съ подъему князь Иванъ говорилъ», — записано въ розыскѣ:

— Тѣми словами Гришка поклепалъ на меня за то: говорилъ мнѣ Гришка о дьяконѣ, который жилъ въ селѣ Горахъ, чтобы его поставить въ мою вотчину, въ село Ильинское, въ попы, и я ему въ этомъ отказалъ... А что я сперва въ разспросѣ противъ тѣхъ Гришкиныхъ словъ винился, и то сказалъ на себя напрасно, второпяхъ.

Чуть живого сняли Хованскаго «съ подъему».

Вмѣсто него подвѣсили Талицкаго.

— О томъ діаконѣ, чтобы ему быть въ вотчинѣ князя Ивана, въ селѣ Ильинскомъ, въ попахъ, я говорилъ, и князь Иванъ его не принялъ.

Послѣ обморока, вспрыснутый водою, Талицкій продолжалъ:

— А вышесказанными словами я на князя Ивана за того діакона не клепалъ, а говорилъ на него то, что отъ него слышалъ...

. . . . . .

Когда на другой день, утромъ, вошли въ казематъ князя Хованскаго, то нашли его уже мертвымъ.

XV.

Наступило 17 ноября 1700 года. Въ русскомъ лагерѣ подъ Нарвой замѣтно особенное движеніе. Между солдатами изъ устъ въ уста передается тревожное извѣстіе.

— Самъ Карла претъ къ Ругодеву на выручку.

— Видимо-невидимо ихъ валитъ, наши сказывали.

— Стѣна стѣной, слышь.

— Не диво, братцы, что нашъ набольшій, Шереметевъ Борисъ, лататы задалъ.

Дѣйствительно, въ этотъ день бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, посланный съ частью войска къ Везенбергу, поспѣшно воротился подъ Нарву и извѣстилъ, что самъ король спѣшитъ съ войскомъ на выручку своего города, защищаемаго небольшимъ гарнизономъ подъ начальствомъ коменданта Горна.

Тогда русскіе тотчасъ приступили къ усиленной канонадѣ Нарвы.

Но что могла сдѣлать даже усиленная канонада изъ плохихъ орудій? Вѣдь бомбардированіе длилось уже почти цѣлый мѣсяцъ—съ 20 октября, а осада не подвинулась ни на шагъ. Наши пушки напрасно тратили заряды. Пожаръ хотя и вспыхивалъ въ городѣ, но его тушили, а стѣны стоятъ нетронутыми.

Въ ту же ночь царь покинулъ войско. Для чего? Чтобы не мѣшать распоряженіямъ опытнаго вождя фонъ-Круи? Или спѣшить за сборомъ новаго войска?

Но какъ бы то ни было, уходъ Петра изъ-подъ Нарвы удручающе подѣйствовалъ на русское войско, и безъ того не довѣрявшее военачальникамъ нѣмцамъ. Говорили даже, втихомолку, будто бы государь бѣжалъ.

— Сказываютъ, убегъ государь-атъ.

— Ври больше! Не такой онъ, батюшка, чтобъ бѣгалъ отъ дѣтокъ своихъ.

— И впрямь не такой: вонъ подъ Азовомъ-ту словно стягъ воинскій маячилъ передъ нами, за версту ево видно было.

— Точно: когда эти хохлатые черти, черкасы, добывали вежу, дакъ батюшка царь съ ими на вежу кинулся было, да только сами черкасы не пустили ево.

— Знамо, оберегаючи ево царское пресвѣтлое величество.

— А то убегъ! Ишь како слово ляпнулъ!

— Я что! Сказывали другіе прочіе.

— А ты не всякому слову вѣрь.

— Слякоть болтаетъ, новобранцы, а ты и слухачи развѣсилъ.

Однако, сомнѣніе закрадывалось въ душу каждаго и во-

одушевленіе падало въ рядахъ русскихъ. И лица офицеровъ, казалось, выдавали общую тревогу.

И неудивительно: войско поневолѣ чувствовало себя какъ бы покинутымъ. Присутствіе царя являлось большою силою для арміи.

Такъ прошелъ весь день 18-го ноября. Нарва не сдавалась, хотя пожары въ ней отъ русскихъ брандкугелей не прекращались.

19-го ноября шведы сдѣлали стремительное нападеніе на русскій лагерь, который ослабленъ былъ тѣмъ, что его растянули на семь верстъ.

Юному шведскому королю военный геній подсказалъ воспользоваться союзомъ природы, союзомъ стихійныхъ силъ. Шелъ сильный, косой отъ вѣтра, снѣгъ. Карлъ такъ расположилъ ряды своего, ничтожнаго, сравнительно съ русскимъ войска, не достигавшаго 2.000, тогда какъ у насъ было 35.000, расположилъ такъ, что снѣгъ гналъ его солдатъ въ тылъ, а русскимъ буквально залѣплялъ глаза.

Отчаянный потомокъ Гаральда, этотъ послѣдній «варягъ», ураганомъ, вмѣстѣ съ снѣжною вьюгой, ворвался въ русскій укрѣпленный лагерь.

Русскіе съ ужасомъ увидѣли, что какой-то великанъ, весь облѣпленный снѣгомъ, сорвалъ съ лафета одно полевое орудіе и, словно полѣно дровъ, швырнулъ его въ оторопѣвшую лаву русскихъ, сдѣлавъ этимъ бревномъ-пушкой цѣлую улицу изъ мертвыхъ тѣлъ точно такъ, какъ дѣлалъ когда-то сказочный Васька Буслаевъ.

Это былъ поразительный силачъ Гинтерсфельдъ, любимецъ Карла. Чтобы судить о его силѣ, напомнимъ два случая изъ его жизни. Однажды, въѣзжая, въ Стокгольмѣ, вмѣстѣ съ другими всадниками въ каменныя, сводныя ворота замка, Гинтерсфельдъ схватился рукою за желѣзное кольцо, вбитое въ сводъ, и, сжавъ ногами бока своего коня, приподнялъ его вмѣстѣ съ собою, словно бы это была игрушечная деревянная лошадка.

Въ другой разъ, наканунѣ уже битвы подъ Нарвой, онъ, будучи часовымъ у палатки короля, ночью, нѣсколько отошелъ отъ своего поста поболтать съ пріятелемъ, а ружье прислонилъ къ палаткѣ, что ли. Вдругъ онъ, къ ужасу своему, замѣтилъ, что король лично провѣряетъ бдительность часовыхъ и очу-

тился около палатки. Отъ неожиданности и съ испугу Гинтерсфельдъ такъ растерялся, что забылъ даже, гдѣ поставилъ свое ружье, и, моментально схвативъ съ лафета пушку, отдалъ ею честь королю! Пушкой на-караулъ!

При видѣ такого чудовища, швыряющаго осадными орудіями какъ полѣньями и уложившаго цѣлую улицу изъ мертвыхъ тѣлъ, русскіе пришли въ ужасъ.

— Батюшки! Пушками лукается!

— Нечистая сила!

— Съ нами крестъ!.. Святъ, святъ!

Ряды нашихъ дрогнули. Къ несчастью, тутъ находится и бояринъ Шереметевъ. Услыхавъ о нечистой силѣ, онъ, полный суевѣрія сынъ своего вѣка, первымъ обратился въ бѣгство, крестясь и творя молитвы. За нимъ ринулись ближайшія части войскъ.

Произошло смятеніе по всей линіи, и паника охватила весь лагерь.

— Спасайтесь, православные!—крикнулъ кто-то.

Всѣ бросились къ мосту, перекинутому черезъ Нарову. Лагерь, орудія, военные запасы, провіантъ, палатки, обозъ—все брошено. На мосту ужасающая давка. Кто падалъ, того свои давили ногами. Офицеры смѣшались съ солдатами, конные съ пѣшими.

И вдругъ рухнулъ мостъ. Безумные, нечеловѣческіе крики потрясли воздухъ.

Живые и мертвые запрудили Нарову, такъ что вода вышла изъ береговъ, поглощая и унося живыхъ и мертвыхъ къ морю—къ тому морю, которое еще такъ недавно возбуждало великія, гордыя думы въ царственной головѣ того, котораго постигло теперь первое великое несчастіе...

Упавшіе въ воду, спасая себя, топили и душили другихъ въ послѣднихъ предсмертныхъ объятіяхъ. Ржаніе лошадей, тоже тонувшихъ съ всадниками или топившихъ ихъ въ борьбѣ съ волнами Наровы, дополняло всеобщій ужасъ.

А шведы были безпощадны. Однихъ убивали, другихъ сталкивали съ обрывистаго берега въ бушующія волны, третьихъ захватывали въ плѣнъ и, лишая оружія, гнали назадъ, какъ стада барановъ.

Трубецкой, князь Иванъ Юрьевичъ, отецъ княжича Аркадія

и тесть Ксеніи, князь Яковъ Долгорукій, Автономъ Михайловичъ Головинъ и имеретинскій царевичъ Александръ, покинутые войскамъ, либо потонувшимъ, либо обезоруженнымъ, отдались непріятелю, выговоривъ себѣ свободный выходъ на Русь.

А снѣжный ураганъ продолжалъ свирѣпствовать. Казалось, что насталъ конецъ свѣта, и небесныя силы отвернулись отъ побѣжденныхъ.

Въ этомъ хаосѣ преображенскій богатырь Лобарь, тотъ силачъ Теренька, надъ простотой котораго потѣшались товарищи преображенцы, что, будто-бы,

Задумалъ Теренька жаниццa

этотъ Теренька, колотившій кулаками направо и налѣво словно гирями, вдругъ нечаянно наскочилъ на великана Гинтерсфельда, стоявшаго на своемъ конѣ недалеко отъ самого короля, у ногъ котораго русскіе военачальники складывали свое оружіе. Лобарь узналъ шведскаго богатыря.

— А, чортовъ сынъ!—закричалъ онъ.—Ты пушками лукаться! Вотъ же тебѣ, нна!

И онъ, нагнувъ голову словно расвирѣпѣвшій баранъ, ринулся впередъ и подобно стѣнобитному тарану такъ «саданулъ» своею несокрушимою, точно изъ чугуна вылитою, башкою въ грудь Гинтерсфельда, что и конь, и всадникъ опрокинулись навзничь.

Карлъ пришелъ въ величайшее недоумѣніе. Его богатыря, его непобѣдимаго Гинтерсфельда вмѣстѣ съ конемъ какое-то разсвирѣпѣвшее чудовище однимъ ударомъ головы опрокинуло словно ударомъ молніи!

Въ этотъ моментъ ошеломленный шведскій богатырь, сброшенный паденіемъ лошади съ сѣдла, съ обнаженнымъ палашомъ кинулся на своего противника. За нимъ и другіе шведы устремились съ саблями наголо на безоружнаго русскаго вепря.

— Vade! Vade! Ни шагу!—крикнулъ король.

Русскіе вожди, слагавшіе оружіе передъ Карломъ, узнали своего вепря. Онъ стоялъ, тяжело дыша, готовый снова ринуться на всѣхъ въ безуміи увлеченія битвой: все равно пропадать.

Но шведскій король приказалъ пощадить чудовище русской земли—изъ любопытства.

Несчастный для Россіи кровавый день 19-го ноября 1700 года, наконецъ, кончился съ закатомъ на прояснившемся западѣ багроваго солнца.

А трупы русскихъ бурная Нарова продолжала нести въ «чужое море»...

XVI.

Пораженіе русскихъ подъ Нарвой совершилось, главнымъ образомъ, по винѣ ихъ военачальниковъ.

Первымъ обратился въ постыдное бѣгство, объятый ужасомъ, взросшій въ суевѣріяхъ своего вѣка, бояринъ Шереметевъ: въ Гинтерсфельдѣ онъ увидѣлъ «нечистую силу».

Главнокомандующій и его свита, то есть герцогъ фонъ-Круи и его штабъ съ прочими иноземцами, сами побѣжали въ объятія шведовъ и сдались.

Одни преображенцы и семеновцы съ генераломъ Адамомъ Вейде держались стойко, но и ихъ поколебала паника остальнаго войска, и они, наполовину перебитые, положили оружіе.

Около 80-ти офицеровъ русской службы взяты военноплѣнными и отправлены за море, въ Швецію.

До 6.000 погибло на пути къ Новгороду изъ числа тѣхъ, которымъ удалось перебраться черезъ Нарову: они погибли отъ голоду и холоду.

Гдѣ же въ эти несчастные для Россіи дни находился ея вождь, ея державный начальникъ?

Петръ покинулъ осаждаемую его войскомъ Нарву въ ночь на 18-ое ноября и вмѣстѣ съ неразлучными денщиками своими, Орловымъ и Ягужинскимъ, поспѣшилъ въ Новгородъ для подготовленія возможно широкихъ и вѣрныхъ средствъ къ успѣшному продолженію неизбѣжной борьбы съ сильнымъ врагомъ.

Нужно было поторопить усиленнымъ наборомъ ратниковъ, укрѣпить пограничные, важные въ стратегическомъ отношеніи пункты, какъ Новгородъ и Псковъ, а главное создать артиллерію, которая стояла бы на высотѣ своего назначенія. Подъ Азовомъ и теперь подъ Нарвой Петръ лично убѣдился, какъ жалки были въ дѣлѣ орудія его войска. Русскія пушки могли пробивать бреши только въ деревянныхъ частоколахъ, а передъ каменными стѣнами они были безсильны: отъ стѣнъ Нарвы русскія ядра отска-

кивали какъ горохъ... Позоръ! Это царь видѣлъ и негодовалъ— негодованіемъ сгоняя краску стыда съ своихъ щекъ... Позоръ!

Изъ Новгорода царь немедленно разослалъ указы собирать къ веснѣ новое войско со всѣхъ концовъ Россіи и къ веснѣ приготовить его къ военнымъ дѣйствіямъ.

— За медлительность и нерадѣніе висѣлица!—велѣлъ онъ объявить гонцамъ, посылаемымъ съ указами.

Въ Новгородъ же онъ вызвалъ думнаго дьяка Виніуса, энергія и расторопность котораго были ему извѣстны.

— Высылай непомедлительно на работу поголовно все населеніе новгородской и псковской земель: солдатъ, крестьянъ, поповъ, причетниковъ, бабъ!—сказалъ онъ Виніусу.—Нынѣ землѣ русской, ея городамъ и храмамъ Божіимъ грозитъ нашествіе иноплеменниковъ, то я повелѣваю духовенству закрыть на время церкви, прекратить служеніе въ оныхъ и отдать все свое время и раченіе укрѣпленію Новгорода и Пскова... Понялъ?

— Понимаю, государь,—отвѣчалъ Виніусъ.

— Землекоповъ, каменщиковъ пригнать со всей земли, слышишь?

— Слушаю, государь.

— А ты самъ неукоснительно приступи къ литью мѣдныхъ пушекъ новаго образца... Чертежи я тебѣ дамъ.

— Мѣдныя, государь! А гдѣ взять мѣди?

— У меня мѣди съ серебромъ хватитъ на триста пушекъ.

— А гдѣ эта мѣдь, осмѣлюсь спросить, государь?

— Въ церквахъ, въ монастыряхъ, по колокольнямъ!

— Какъ, государь, колокола!

— Да, колокола! Оставь имъ по малому колокольцу, и того довольно, а всѣ остальные, большіе и малые, на пушки!.. Всевышній не нуждается въ ихъ трезвонѣ: Онъ Божественнымъ слухомъ своимъ слышитъ вздохъ души, біеніе сердца, ростъ травы!.. На что Ему колокола!.. Въ нихъ ты найдешь преотмѣнную мѣдь, о какой и не помышляетъ мой заносчивый братъ Карлъ, мѣдь съ примѣсью знатной доли серебра, и пусть сія мѣдь кричитъ и глаголетъ во славу Всевышняго Бога и для благоденствія Россіи!

Петръ говорилъ вдохновенно, и лицо и вся его фигура были полны величія.

— Всѣхъ литейщиковъ поставь на ноги!

— Слушаю, великій государь!

Виніусъ въ душѣ сознавалъ, что говоритъ правду «Великій»...

— Монаховъ и черницъ, сихъ дармоѣдовъ, поповъ, дьяконовъ и причетниковъ заставь молиться святою молитвою—работою во славу Святой Руси, а не поклонами, въ коихъ Вседержитель не нуждается... Ты читалъ когда-либо пророка Исаію?—вдругъ оборвалъ онъ себя, остановившись передъ изумленнымъ Виніусомъ.

— Читалъ, государь,—недоумѣвалъ послѣдній.

— Читалъ? Такъ помнишь, что говоритъ Вседержитель всѣмъ попамъ и архіереямъ устами пророка?

— Не памятую, государь... Библія такъ пространна,—бормоталъ Виніусъ.

— А я помню... «Что Ми множество жертвъ вашихъ?—говоритъ Вседержитель попамъ и архіереямъ.—Исполненъ есмь всесожженій овнихъ и тука агнцевъ, и крови юнцовъ, и козловъ не хощу... кадило мерзость Ми есть»... Слышишь?

— Слышу, государь.

— «Кадило мерзость Ми есть»—глаголетъ Адонаи Господь; а попы только и знаютъ, что кадятъ...

— Точно... только кадятъ, государь.

— А Богъ говоритъ дальше попамъ:—«новомѣсячій вашихъ и субботъ, и дне великаго не потерплю поста и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя»... Вотъ, что Онъ говоритъ.

Виніусу, изумленному, даже испуганному, казалось, что самъ пророкъ гремитъ надъ нимъ.

— Такъ лопаты, заступы, кирки, топоры имъ въ руки, а не кадила!.. И посты, и праздники ненавидитъ душа Его, ненавидитъ!.. А кадила ихъ—мерзость для Него! (Пр. Исаіи, I, 11—15).

Вдругъ онъ оглянулся, услышавъ, что кто-то сморкается въ углу. Тамъ стояли Орловъ и Ягужинскій, и послѣдній торопливо утиралъ слезы.

— Ты о чемъ это?—участливо спросилъ царь.

Павлуша потупился и конфузливо молчалъ.

— О чемъ, спрашиваю, или кто тебя обидѣлъ?—допытывался государь.

— Государь... я... я,—лепеталъ Павлуша:—я... отъ изумленія...

— Какова изумленія?

— Отъ зависти, государь!—выпалилъ Орловъ.—Еслибъ, говоритъ, я все такъ зналъ и помнилъ, какъ государь... И заплакалъ отъ зависти... презавистливый жиденокъ,—засмѣялся приближенный денщикъ царя.

— Это похвальная зависть,—серьезно сказалъ государь.— И я отъ зависти чуть не плакалъ, взирая на все то, что я видѣлъ у иноземцевъ, и чего у насъ нѣтъ.

— Да онъ, государь, всему завидуетъ,—продолжалъ улыбаться Орловъ.

— А ты, чаю, завидуешь токмо красивымъ дворскимъ дѣвкамъ, бабникъ,—погрозилъ государь пальцемъ.—Знаю я тебя.

— Я, государь, служу тебѣ вѣрой и правдой,—говорилъ Орловъ, кланяясь,—и безъ крестнаго цѣлованія готовъ дать себя за твое государское здоровье въ куски изрѣзать.

— Вѣрю, Иванъ, вѣрю... Я только пошутилъ.

И государь снова обратился къ Виніусу.

— Будучи подъ Ругодевомъ, я оттедова къ морю ѣздилъ,— сказалъ онъ, и глаза его вновь загорѣлись вдохновеннымъ огнемъ.—Сколько тамъ простору и утѣхи для глазъ!.. Вотъ коли ты мнѣ къ разливу рѣкъ изготовишь пушекъ добрыхъ ста три, то мы съ Божьей помощью и до моря променадъ учинимъ.

— Пошли-то, Господи,—поклонился Виніусъ.

— Такъ долой съ колоколенъ колокола, и переливай въ пушки! А я и рала всѣ перекую въ оружіе, дабы возвысить Россію... А послѣ и рала вновь заведемъ и пахать станемъ.

— Аминь!—взволнованно проговорилъ Виніусъ.

XVII.

Время шло, а вѣстей изъ-подъ Нарвы къ царю все еще не было. Ни одинъ гонецъ не пригналъ въ Новгородъ.

Прошло и 18-ое, и 19-ое ноября, а вѣстей нѣтъ. Уже на исходѣ и день 20-го, а все никого нѣтъ отъ войска.

Чего ждутъ эти увальни, Головинъ, Трубецкой, Борька Шереметевъ? Да и нѣмчура этотъ, фонъ-Крой, долженъ знать воинскіе порядки. Какъ третій день не доносятъ царю, что тамъ у нихъ творится?

Не перебили же ихъ всѣхъ? Не полонили же всего его войска! Изъ-подъ Ѳермопилъ и то хоть одинъ вѣстникъ прибѣжалъ въ Аѳины.

Петръ вскочилъ какъ обожженный.

— Не можетъ этого быть!

Лицо царя нервно подергивалось... А если въ самомъ дѣлѣ?..

— Пошлю отъ себя гонца... Иванъ!

— Что изволишь приказать, государь?—поспѣшилъ откликнуться Орловъ.

— Нѣтъ гонцовъ отъ войска... Что нѣтъ вѣстей?.. Или они забыли службу!.. Снаряжайся и въ ночь гони подъ Нарву.

— Слушаю государь... Живой рукой привезу вѣсти... Ничего особаго не изволишь приказать, государь?

— Нѣтъ... Надоть допрежъ того узнать, что тамъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Орловъ уже мчался ямскимъ трактомъ къ выходу Наровы изъ Чудского озера, проклиная денщицкую службу, хотя она болѣе всего приближала его къ царю, но... и къ его дубинкѣ.

Петръ тревожно провелъ остатокъ дня 20 ноября и ночь на 21-е.

Рано же утромъ онъ вмѣстѣ съ Виніусомъ и Ягужинскимъ отправился на работы по укрѣпленію города.

На дорогѣ имъ встрѣтился страннаго вида старикъ, почти въ лохмотьяхъ, но въ собольей шапкѣ. Онъ стоялъ по серединѣ улицы и, притоптывая ногами, пѣлъ старческимъ баскомъ, задравъ голову кверху:

А бу-бу-бу-бу-бу,
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу,
Труба точеная,
Позолоченая.

— Скорѣй, скорѣй летите, а то нѣмецки вороны да собаки все поѣдятъ и кровушку всю вылокаютъ,—выкрикивалъ онъ, махая руками.

Это старикъ обращался къ летѣвшимъ по небу стаямъ птицъ. То были стаи вороновъ и другой хищной птицы, цѣлыя тучи воронья.

Это замѣтилъ и царь съ своими двумя спутниками.

— Куда это летитъ столько птицы?—дивился государь.—И все на сѣверо-западъ.

— Лети, лети Божья птичка!—продолжалъ странный ста-

рикъ.—Боженька припасъ тебѣ тамъ много, много ѣствы, человѣчинки.

— Я догадываюсь, государь, что сіе означаетъ,—съ тревогой сказалъ Виніусъ,—птица сія чуткая... Она учуяла тамъ кормъ себѣ... Битва была кровавая, птица провѣдала о томъ Божьимъ промысломъ... Она летитъ на трупы людскіе... Сіе изстари замѣчено.

Слова Виніуса встревожили царя. Въ нихъ была правда. Но чьи трупы?

— Ты правъ,—задумчиво проговорилъ онъ,—птица чуетъ... Бой былъ, въ томъ нѣтъ сумленія... А былъ бой, и трупы есть.. Но чьихъ больше?

— Будемъ надѣяться,—нерѣшительно сказалъ Виніусъ,—Божіею милостью и твоимъ государевымъ счастьемъ..

— Но почему вѣстей доселѣ нѣтъ? Ни единаго гонца!

Уже издали доносился голосъ страннаго старика:

А бу-бу-бу-бу-бу,
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу...

— Кишъ-кишъ, вороны! Кишъ-кишъ, черные!

Около стѣнъ ближняго монастыря копошились, словно муравьи, какіе-то черные люди. То были монахи и монастырскіе служки. Они укрѣпляли обветшалыя стѣны. За работами наблюдалъ самъ престарѣлый игуменъ.

Старый инокъ нѣтъ-нѣтъ да и поглядывалъ на небо, качая головой въ клобукѣ.

Увидѣвъ царя, онъ издали осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ.

— Дѣло государское блюдешь, отче?—спросилъ царь, подходя.

— Блюду, съ Божьей помощью, великій государь,—отвѣчалъ старецъ и взглянулъ на небо.

Птица продолжала летѣть на сѣверо-западъ, перекликаясь гортаннымъ карканьемъ.

— Удивляетъ тебя птица?—спросилъ Петръ.

— Смущаетъ, государь... враны сіи смущаютъ... Къ кровопролитью сіе знаменіе.

— Сколько у тебя колоколовъ въ монастырѣ?—спросилъ Петръ.

— Колоколовъ, государь, нечего Бога гнѣвить, достаточно.

— Такъ я велю перелить ихъ на пушки,—сказалъ царь.

Старый инокъ, казалось, не понялъ государя. Виніусъ не успѣлъ еще сообщить ему волю царя относительно церковныхъ колоколовъ.

— Всѣ колокола велю перелить въ пушки,—повторилъ государь,—понѣже приспѣ часъ, когда пушки стали для святыхъ церквей надобнѣе колоколовъ.

Игуменъ онѣмѣлъ отъ изумленія и страха...

— Послѣднія времена пришли,—зароилось въ его старой головѣ,—храмы Божьи лишать благовѣствованія... глагола небеснаго...

— Такъ ты, отче, распорядись приготовить все потребное для спуска колоколовъ на землю, — сказалъ Петръ, проходя дальше:—слышишь?

— Воля царева,—уныло проговорилъ старикъ.

Онъ долго потомъ съ ужасомъ смотрѣлъ на удалявшуюся исполинскую фигуру государя, опиравшагося на свою дубинку.

— Времена и лѣта положилъ Богъ своею властію,—покорно пробормоталъ старецъ, поднявъ молитвенно глаза къ небу.

Онъ никакъ не могъ опомниться отъ словъ царя.

— Святые колокола на пушки!.. Остается ризы съ чудотворныхъ иконъ ободрать... О, Господи!

Старикъ подозвалъ къ себѣ отца-эконома.

— Ты слышалъ, отецъ экономъ, что повелѣлъ царь?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Ни, отче, за стукомъ не слыхалъ.

— Велитъ спущать съ колоколенъ всѣ колокола.

— На какую потребу, отче?—удивился отецъ экономъ.

— Велю-де, сказывалъ, всѣ колокола перелить на пушки.

Отецъ экономъ не вѣрилъ тому, что слышалъ.

— Сего не можетъ быть! Обнажить храмы Божіи отъ колоколовъ!.. Да это святотатство!

— Подлинно, страшное святотатство, какова не было на Руси, какъ и Русь почалась.

— Какъ же быть, владыко?

— Ужъ и не придумаю... Царь онъ надъ всею землей, и

выше его одинъ токмо Богъ... Къ небу возопіетъ обида сія храмамъ Божіимъ... Тебѣ вѣдомъ, я чаю, его нравъ жестокій: суздальскаго покровскаго монастыря архимандрита и священниковъ били кнутомъ въ преображенскомъ приказѣ за то, что убоялись незаконнаго дѣянія—постричь насильно царицу Евдокію, жену его, голубицу невинную.

— Охъ, слышалъ, слышалъ, владыко.

Въ это время изъ-за монастырской ограды послышался жалобный крикъ.

— Никакъ это голосъ отца казначея?—прислушивался старый игуменъ!

— Ево! Ево!..

— Царь бьетъ... Вѣрно, согрубилъ ему отецъ казначей строптивый инокъ.

— Бьетъ... бьетъ... Охъ, Господи! И кричитъ: «лѣнтяи всѣ' Дармоѣды! Я васъ»!

— О, Господи!..

XVIII.

Царь показывалъ Виніусу чертежи и описанія новыхъ пушекъ, когда на дворѣ послышалось какое-то движеніе.

— Гонецъ пригналъ,—донеслось со двора.

Царь вскочилъ. Въ дверяхъ стоялъ Орловъ, страшный, исхудалый, весь въ грязи, съ искаженнымъ лицомъ и трясущеюся челюстью.

Увидѣвъ царя, онъ крыжомъ упалъ къ его ногамъ.

— Вели, государь, казнить посла своего за недобрыя вѣсти! Охъ! О!—стоналъ онъ.

Лицо Петра было страшно, оно все судорожно дергалось.

— Встань, Иванъ,—тихо, глухо сказалъ онъ.

— О, Господи! Не родиться бы мнѣ на свѣтъ Божій!—стоналъ Орловъ.

— Встань! Говори все,—приказалъ царь.—Я не баба, не сомлѣю.

Орловъ приподнялся. Виніусъ также дрожалъ. Ягужинскій забился въ уголъ и плакалъ.

— Сказывай! Я на все готовъ... я живъ еще! А тамъ посмотримъ.

— Великая бѣда постигла твое войско, государь, подъ Нарвой,—началъ Орловъ, стараясь не сбиваться.—Уже въ пути я повстрѣчалъ боярина Бориса Петровича Шереметева... Съ имъ была махонькая горстка ратныхъ людей, да и тѣ съ голоду и холоду мало не помирали наглою смертію.

— Для чево жъ онъ гонца не прислалъ ко мнѣ?

— Неково было, государь... которые были съ имъ конники, и тѣ всѣ въ пути обезлошадѣли, всѣ отъ безкормицы пали кони подъ ними.

— А фонъ-Крой?

— Фонъ-Крой, государь, и всѣ его иноземцы, какъ только увидали бѣду, всѣ до единаго убѣгли къ королю..,

— Га!—вырвалось у великана, и больше ни слова

— Вейде Адамъ, государь, съ преображенцами да семеновцами еще держались, крѣпко бились, пяди земли не уступали...

— Молодцы!—лицо Петра просвѣтлѣло.—Ну?

— Да и тѣ, государь, почти всѣ полегли костьми за тебя, государь.

Петръ перекрестился, грудь его вздымалась.

— А Трубецкой Иванъ, Долгорукой Яковъ, Головинъ Автономъ?

— Всѣ въ полонъ попали, государь... Взятъ въ полонъ и царевичъ имеретинскій... Мостъ на Наровѣ, государь, подломился и убѣчь не могли, а которые, може тысячами, въ рѣкѣ потонувши...

— Кто жъ изъ полковниковъ остался?

— Никого, государь: всѣ офицеры взяты.

— А артиллерія?

— Вся, государь, досталась врагу.

Петръ глянулъ на Виніуса. Того била лихорадка

— Не дрожи, старикъ!—сказалъ ему царь.—У насъ будетъ артиллерія, да не такая... А какъ же Шереметевъ уцѣлѣлъ?

— Онъ, государь, со своими полками отступилъ...

— Бѣжалъ Борька!

— Отступилъ, государь... помилуй... отступилъ, чтобъ спасти остатки... Опосля ужъ мостъ на Наровѣ подломился.

— А много у Бориса уцѣлѣло?

— Горсть одна, государь... Въ пути погибло тысячъ до шести... Я видѣлъ, государь, по всей дорогѣ встрѣчаются мертвые

кучами... съ голоду и холоду... Птица и звѣрь ими кормятся... О, Господи! Таково страшно!

И Орловъ, этотъ богатырь, заплакалъ.

— Вонъ куда птица летѣла,—глянулъ Петръ на Виніуса.— Все?—спросилъ онъ Орлова уже спокойнымъ голосомъ.

— Все, государь.

— Такъ поди подкрѣпись и отдохни.

Орловъ пошелъ было къ двери.

— Постой, Ваня, погоди малость,—остановилъ его Петръ.

Орловъ воротился.

— А не слышно ли было тебѣ чего про короля? Собирается онъ на насъ; или идетъ уже?—спросилъ царь озабоченно.

— Нѣту, государь... которые наши изъ преображенцевъ убѣгли изъ полону на походѣ, тѣ сказывали, что король, покинувъ Ругодевъ, поворотилъ съ войскомъ назадъ и, слышно, пошелъ противъ короля Августа.

Государь облегченно вздохнулъ и глянулъ на Виніуса.

— Такъ мы еще успѣемъ приготовиться, и тогда! Тогда! Мы отомстимъ за Нарву!

И онъ погрозилъ пальцемъ невидимому врагу.

— Спасибо, Ваня, на твоихъ вѣстяхъ... А теперь ступай отдохни,—закончилъ онъ.

Орловъ ушелъ, видимо, шатаясь.

Вѣсть о нарвскомъ погромѣ быстро облетѣла весь Новгородъ. О погромѣ узнали отъ ямщиковъ, ѣздившихъ съ Орловымъ.

Хотя вѣсть эта и поразила новгородцевъ, но они считали пораженіе подъ Нарвой явленіемъ неизбѣжнымъ, естественнымъ По мнѣнію новгородцевъ, въ особенности же новгородскаго духовенства и монашескаго сословія, это была кара Божья, грозное предостереженіе свыше царю за его безбожныя дѣйствія, за лишеніе храмовъ ихъ священнаго достоянія—колоколовъ, за прекращеніе Богослуженія въ храмахъ и за обращеніе людей «ангельскаго чина», то есть монаховъ и монахинь, въ чернорабочихъ, въ поденщиковъ и поденщицъ... Не то еще ожидаетъ Россію за колокола!

По городу разнеслась вѣсть, страшная, неслыханная! О томъ, что «Богородица плачетъ»... Разсказывали, что отецъ казначей, котораго царь наканунѣ поучилъ своею дубинкой, самъ видѣлъ, молясь вечеромъ у св. Софіи послѣ наказанія его дубинкой,—

«своими глазыньками видѣлъ», передавали бабы, какъ съ иконы Богородицы «въ три ручья текли слезы».

— Такъ, мать моя, и льются, такъ и льются!

— А я, сестрички, нонѣ ночью, навѣдаючись до стельной коровушки, видѣла, какъ въ трубу того дома, гдѣ остановился царь, огненный змій влетѣлъ... Вижу это я, летитъ онъ по небу, хвостъ такъ и пышетъ! У меня инда поджилки затряслись, и бѣжать не смогу...

— А ты-бъ перекстилась, голубка.

— Кстилась, ягодка... А онъ, змій-атъ, какъ глянетъ на меня, такъ еле-еле въ коровникъ вползла... А онъ какъ зашумитъ, зашумитъ! Я-глядь, а онъ въ трубу, инда искры полетѣли.

— То-то нонѣ у насъ всю поченьку собака выла, воетъ, воетъ!

— Охъ, послѣдни, послѣдни денечки подошли, милыя мои, о-о-хо-хо!.. Прощай, бѣлый свѣтъ!

Но нарвскому пораженію положительно радовались попы и черная братія.

— Сказано-бо въ «Апокалипсисѣ»,—ораторствовалъ отецъ казначей, почесывая все еще болѣвшую отъ царевой дубинки спину: «И видѣхъ, и се конь блѣдъ, и сѣдящій на немъ, имя ему смерть, и адъ идяше въ слѣдъ его, и дана бысть ему область на четвертой части земли убити оружіемъ и гладомъ, и смертію, и звѣрьми земными»... (Апок. VI, 2).

— И птицами небесными,—добавилъ отецъ экономъ,—вонъ и нонѣ все еще летятъ туда птицы,—указалъ онъ на небо.

Въ это время за монастырской оградой послышалось:

Абу-бу-бу-бу-бу,
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу...

— Вонъ и Панфилушка, человѣкъ Божіи, про воронье поетъ,—пояснилъ отецъ экономъ.

— А все-таки, отцы и братія, надоть сымать колокола,—сказалъ отецъ архимандритъ.

Но едва услыхали объ этомъ бабы, плачъ раздался по всему городу.

XIX.

Мрачный сидитъ у себя князь-кесарь. Передъ нимъ довѣренный дьякъ изъ приказа.

— Вонъ пишетъ попѣ изъ Новгорода самъ,—вертитъ въ рукѣ князь-кесарь бумажку.

— Самъ государь батюшка?—любопытствуетъ дьякъ.

— Онъ!

— Нуко-ся, батюшка князь?

— Пишетъ мнѣ: «Пьяная рожа! Звѣрь! Долго ль тебѣ людей жечь? Перестань знаться съ Ивашкою Хмельницкимъ»...

— Это то есть хмельнымъ заниматься?

— Да, пьянствовать... «Перестань, пишетъ, знаться съ Ивашкою Хмельницкимъ: быть отъ него рожѣ драной»...

— Ахти-хти, горе какое!—испуганно говоритъ дьякъ.—Какъ же это?

— Да какъ! Я вотъ и отписываю ему: «Неколи мнѣ съ Ивашкою знаться, всегда въ кровяхъ омываемся»...

— Подлинно «въ кровяхъ омываемся»,—покачалъ головою дьякъ.

— «Ваше то дѣло,—продолжалъ читать князь-кесарь,—на досугѣ стало держать знакомство съ Ивашкою, а намъ недосугъ»... *).

— Такъ, такъ... По всякъ день «въ кровяхъ омываемся»,—продолжалъ качать головою дьякъ.—Вотъ хуть бы сіе дѣло, съ Гришкою Талицкимъ, во сколькихъ кровяхъ омывались мы!

— Побродимъ и еще въ кровяхъ... На сіе дѣло и намекаетъ онъ... А сколькихъ еще придется намъ парить въ «банѣ немшопой и нетопленой» (такъ называли застѣнокъ).

— Многонько, батюшка князь.

— Такъ на завтрее мы съ Божьей помощью и займемся Онисимычъ.

— Добро-ста, батюшка князь, — поклонился Онисимычъ, мысленно повторяя,—подлинно въ кровяхъ омываемся.

Итакъ, съ утра «съ Божьей помощью» и занялись.

Въ приказъ позваны были сергіевскій попъ Амбросимъ да

*) Слова изъ подлинной переписки царя съ княземъ Ромодановскимъ.

церкви Дмитрія Солунскаго дьяконъ Никита и объявили въ одинъ голосъ:

— Когда мы по указу блаженныя памяти святѣйшаго патріарха Адреяна обыскивали въ своемъ сороку вора Гришки Талицкаго и пришли въ домъ попа Андрея, церкви Входа въ Іерусалимъ, что въ Китаѣ у Троицы, на рву, и попадья его Степанида намъ говорила: не того-ль-де Гришки ищутъ, который къ мужу моему хаживалъ и говорилъ у насъ въ дому: какъ-де я скроюсь, и на Москвѣ-де будетъ великое смятеніе, и казала тетрати руки его, Гришкиной.

Это та самая попадья Степанида, что первая открыла, по знакомству, Павлушѣ Ягужинскому о заговорѣ Талицкаго и о его преступныхъ сочиненіяхъ («тетрати»).

Поставили и попадью предъ очи князь-кесаря и Онисимыча.

— Тотъ Гришка,—смѣло затараторила попадья, ободренная въ свое время Ягужинскимъ, что царь-де не дастъ ее въ обиду за доносъ,—тотъ Гришка въ домъ къ мужу моему захаживалъ и, будучи у насъ въ домѣ, при мужѣ и при мнѣ великаго государя антихристомъ называлъ, и какой-де онъ царь? Мучитъ самъ. И про сына его, государева, про государя царевича говорилъ: не отъ добраго-де коренія и отрасль недобрая, и какъ-де я съ Москвы скроюсь, и на Москвѣ-де будетъ великое смятеніе.

Кончила попадья и платочкомъ утерлась.

— Все?—спросилъ Ромодановскій.

— Все... Я про то и денщику цареву Павлу сказывала и тетрати ему дала Гришкины... А денщикъ Павелъ мнѣ знаемъ во съ какихъ лѣтъ (попадья показала рукой не выше стола); коли просвирней была, просфорами ево, махонькаго, кормливала, потому онъ жиденокъ былъ, такъ я ево въ нашу вѣру заманивала.

— Что жъ мнѣ первому не сказала обо всемъ?—спросилъ князь-кесарь.

— Боялась тебя, батюшка-князь.

Попадью отпустили и ввели ея мужа.

Этотъ сталъ было запираться, но пытка вышудила признаніе.

— Отъ того Гришки, слышавъ тѣ слова про великаго государя,—чуть слышно проговорилъ истязаемый,—не извѣстилъ

простотою своею, боясь про такія слова и говорить, да и страха ради, авось Гришка въ тѣхъ словахъ запрется.

Послѣ попа Андрея, уведеннаго изъ застѣнка полуживымъ, ввели въ «баню» запиравшагося кадашевца Ѳеоктистку Константинова.

— У Гришки Талицкаго, — показывалъ этотъ, вися на дыбѣ,—я книгу «Хрисмологію» купилъ на продажу... далъ три рубля... И Гришка въ разговорѣ говорилъ, чтобъ я продалъ имѣніе свое и пошелъ въ монастырь для того, что пришла кончина свѣта и антихристъ насталъ... и антихристомъ называлъ великаго государя... и просилъ у меня себѣ денегъ на пропитаніе... Пришло-де время послѣднее, а вы-де живете, что свиньи... А что я въ тѣхъ словахъ на Гришку простотою не извѣстилъ, въ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ... А про воровство Гришкино и про воровскія письма я не вѣдалъ.

Сегодня, послѣ гнѣвнаго царскаго письма (князь-кесарь никакъ не могъ забыть «пьяной рожи» и «рожи драной»), застѣнокъ дѣйствовалъ особенно энергично. Долго не допрашивали, а сейчасъ сдавали на руки «заплечнымъ мастерамъ» и на дыбу.

Послѣ кадашевца тотчасъ подвѣсили, и подвѣшивали три раза, племянника Талицкаго, Мишку, который помогалъ ему писать книги.

Третье подвѣшиваніе дало такіе результаты:

— Когда скрылся дядя,—говорилъ Мишка,—я на другой день, пришедъ къ теткѣ, взялъ изъ черной избы тетрати обманомъ, чтобъ про тѣ тетрати извѣстить въ преображенскомъ приказѣ, только того числа извѣстить не успѣлъ.

Затѣмъ введенъ былъ въ застѣнокъ садовникъ Ѳедотка Миляковъ.

Послѣ неоднократнаго подвѣшиванія и встряски на дыбѣ, пытаемый говорилъ:

— Однова пришелъ ко мнѣ Гришка Талицкой съ портнымъ мастеромъ, Сенькою зовутъ, а чей сынъ и какъ слыветъ, не помню, и поили меня виномъ, и въ разговорѣ Гришка говорилъ мнѣ: хочу-де я писать книгу о послѣднемъ вѣцѣ и отдать въ Кіевъ напечатать и пустить въ міръ, пусть бы люди пользовались, да скудость моя, нечѣмъ питаться. И я Гришкѣ говорилъ: какъ онъ такую книгу напишетъ, чтобъ далъ мнѣ, и я-де ему за труды дамъ денегъ и въ пьянствѣ далъ десять рублевъ.

И послѣ того я Гришкѣ говорилъ, чтобъ мнѣ далъ ту книгу или деньги, и Гришка мнѣ въ книгѣ отказалъ: нельзя-де мнѣ тебѣ той книги дать, человѣкъ ты непостоянный и пьяница. А про то, что въ той книгѣ на государя написаны у Гришки хулы съ поношеніемъ, не сказывалъ.

И этого чуть живого вынесли изъ застѣнка, окровавленнаго ударами кнута.

Истинно сегодня князь-кесарь и Описимычъ «въ кровяхъ омывались»...

Въ застѣнокъ введенъ былъ оговоренный Талицкимъ Ивановъ человѣкъ Стрѣшнева Андрюшка Семеновъ и съ подвѣса показалъ:

— Тотъ Гришка въ домѣ у себя далъ мнѣ тетратку въ четверть, писана полууставомъ, о исчисленіи лѣтъ, и я прочелъ ту тетратку, отдалъ Гришкѣ назадъ и сказалъ: я-де этого познать не могу. И Гришка мнѣ говорилъ: нынѣ-де пришли послѣднія времена, настанетъ-де антихристъ, а будетъ-де антихристъ великій государь... И отъ него я пошелъ домой, а про Гришкины слова не извѣстилъ потому, что былъ боленъ.

Увели и этого.

Потъ градомъ лилъ съ дьяка отъ усерднаго записыванія показаній пытаемыхъ.

— Много-ль еще осталось допросить?—спросилъ Ромодановскій, видя, что его неутомимый Описимычъ совершенно изнемогъ.

Дьякъ просмотрѣлъ столбцы.

— Еще шесть осталось,—сказалъ онъ, вытирая потъ со лба.

— Кто именно?

— Съ Прѣсни церкви Іоанна Богослова распопъ Гришка Ивановъ.

— Сего распопа надоть передопросить,—сказалъ князь-кесарь.—Кто еще?

— Хлѣбеннаго дворца подключникъ Пашка Ивановъ, да Чудова монастыря черный попъ Матвѣй, да съ Углича Покровскаго монастыря діаконъ Мишка Денисовъ, да печатнаго дѣла батырщикъ Митька Кириловъ, да ученикъ Гришки Талицкаго Ивашка Савельевъ.

— Добро-ста,—рѣшилъ князь-кесарь,—этихъ мы оставимъ на завтра, на закуску.

XX.

Въ эпоху преобразованій, начатыхъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, какъ уже и при «тишайшемъ» отцѣ его, Алексѣѣ Михайловичѣ, Малороссія являлась свѣтомъ, откуда обильно изливались освѣтительные лучи на Великороссію съ остатками косной старины, подобными тѣмъ, за которые теперь такъ горько платится униженный карликомъ великанъ, маленькою Японіею, неизмѣримый Китай.

То же могло бы быть и съ Россіею, этимъ великаномъ, въ сравненіи со Швеціею: карликъ Швеція, нанесшій первый ударъ великану Россіи подъ Нарвою, могъ довести ее до конечнаго униженія и, быть можетъ, до расчлененія подъ Полтавой, если бы у Россіи не было царя Петра и сестры, ея вѣрной союзницы—Малороссіи.

Нарва—пораженіе, Полтава—побѣда...

«Во всей русской исторіи,—говоритъ Костомаровъ,—ни одно сраженіе не имѣло такихъ важныхъ послѣдствій, какъ полтавское, и ни одно, исключая развѣ Куликовской битвы, не отпечатлѣлось до такой степени въ народной памяти. Церковь русская освятила его навѣки ежегоднымъ воспоминаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ историкъ—счастіе для русскаго государства было неизмѣримое. Честь русской державы вырвана была изъ бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмѣрно велика. Если бы, какъ того надѣялся Карлъ, малороссійскій народъ прельстился обольщеніемъ своего гетмана и славою сѣвернаго побѣдителя, Петру ни за что бы не сладить со своимъ соперникомъ. И если кто былъ истиннымъ виновникомъ спасенія русской державы, то это—малороссійскій народъ, хотя эта сторона дѣла не выставлялась до сихъ поръ исторіею въ настоящемъ свѣтѣ» («Мазепа», 442—443).

Пойди за предателемъ Мазепою и за Карломъ весь малороссійскій народъ, и послѣдствія для Россіи были бы неисчислимы, въ смыслѣ ея ослабленія и униженія: вся Малороссія отошла бы отъ нея, какъ и порѣшили Карлъ и Мазепа, и отъ Россіи отхвачена была бы цѣлая ея европейская половина; Новороссія и Крымъ съ Чернымъ моремъ не принадлежали бы Россіи; Балтійское море попрежнему осталось бы «чужимъ моремъ», Нева—«чужою рѣкою»... Не было бы и Петербурга.

Слѣдовательно, Малороссія въ то время являлась для своей

младшей сестры—Россіи не только духовнымъ свѣточемъ, но и спасительницею, хранительницею ея цѣлости...

Свѣточемъ для Россіи явилась въ свое время типографія, вывезенная въ Москву изъ Малороссіи. Свѣточами для Россіи явились такіе малороссы, какъ Галятовскій, Радивиловскій, Лазарь Барановичъ, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Стефанъ Яворскій, Дмитрій Туптало-Ростовскій, Феофанъ Прокоповичъ...

Геніальный Петръ понималъ это и потому даже сибирскимъ митрополитомъ поставилъ хохла—Филофея Лещинскаго...

Оттого даже такой обскурантъ и изувѣръ, какъ книгописецъ Григорій Талицкій, изобрѣвшій антихриста, видѣлъ въ Малороссіи «окно въ Европу», тамъ онъ думалъ напечатать свои сумасбродныя сочиненія, потому что въ Москвѣ вмѣсто типографскаго станка и шрифта онъ могъ найти только «двѣ доски грушевыя», на которыхъ онъ «вырѣзалъ» и напечаталъ свои раскольничьи бредни, какъ печатаютъ на вяземскихъ пряникахъ вяземскіе Гуттенберги: «французски букѣбротъ»...

О такомъ же московскомъ Гуттенбергѣ мы узнаемъ на пятнадцатомъ «подъемѣ» (пятнадцать пытокъ на дыбѣ—это ужасно! И все это Талицкій вытерпѣлъ...) Григорія Талицкаго. Гуттенбергъ этотъ былъ «съ Прѣсни церкви Іоанна Богослова распопа Гришка Ивановъ»...

Съ этого пятнадцатаго «подъему» Талицкій вѣщалъ:

— Какъ я тѣ свои воровскія письма о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ составилъ и, написавъ, купилъ себѣ двѣ доски грушевыя, чтобъ на нихъ вырѣзать—на одной о исчисленіи лѣтъ, на другой о антихристѣ и, вырѣзавъ, о исчисленіи лѣтъ хотѣлъ печатать листы и продавать. А сказали мнѣ на площади, что тотъ распопа рѣжетъ кресты, и я пришелъ къ тому распопѣ съ непазнамененною доскою и говорилъ ему, чтобъ онъ на той доскѣ о исчисленіи лѣтъ вырѣзалъ слова, и тотъ распопа мнѣ сказалъ: безъ знамени-де рѣзать невозможно, чтобъ я ту доску принесъ назнамененную.

«Знамя» на грушевой доскѣ—это было тогда то, что нынѣ «печать» и разрѣшеніе духовной цензуры. «Назнамененная» доска—значитъ: дозволенная цензурой.

Такова была тогда, когда насъ разбили подъ Нарвой, москов-

ская пресса—«грушевыя доски», продаваемыя въ щепномъ ряду вмѣстѣ съ лопатами и корытами.

Итакъ, ловкій «распопа» не принялъ нецензурную доску.

Далѣе, на этой же пятнадцатой пыткѣ Талицкій показывалъ:

— И распопа Гришка мнѣ говорилъ, чтобъ я тѣ тетрати къ нему принесъ почесть, однако-де у меня будетъ человѣкъ тѣхъ тетратей послушать. И послѣ того къ тому распопѣ я пришелъ хлѣбеннаго дворца съ подключникомъ съ Пашкою Филиповымъ, а съ собою принесъ для рѣзьбы доску пазнамененную, да листъ, да тетрати, и тѣ тетрати я имъ челъ, и приводомъ (т. е. съ учеными цитатами!) государя антихристомъ называлъ, и то они слышали подлинно.

Тутъ допрашиваемый впалъ въ обморочное состояніе (неудивительно!—пятнадцатая пытка). Когда же онъ пришелъ въ себя («заплечные мастера» были отличные врачи и умѣли оживлять свои жертвы), то продолжалъ:

— Я было запамятовалъ... Въ первый мой приходъ къ распопѣ я говорилъ: нынѣ-де время послѣднее и антихристъ пришелъ, и сказывалъ я ему отъ бытейскихъ и отъ пророческихъ книгъ, и приводомъ (съ цитатами!) называлъ государя антихристомъ: въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова, въ 17 главѣ, написано: антихристъ будетъ осьмой царь, а по нашему-де счету осьмой царь онъ, государь, да и лѣта-де сошлись... у меня-де тому есть выписано и въ тетратехъ.

Послѣ этого очередь дошла и до московскаго Гуттенберга, до распопа Гришки.

«Съ первой пытки» распопъ показалъ:

— Гришка Талицкій ко мнѣ приходилъ и доску грушевую пеназнамененную и листъ приносилъ, и я ему въ то число отказалъ для того, что та доска безъ знамени, рѣзать невозможно... И Гришка мнѣ говорилъ: нынѣ-де время послѣднее, и сталъ мнѣ о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ сказывать отъ евангелія и отъ пророческихъ и отъ бытейскихъ книгъ, и приводомъ (съ доказательствами) называлъ антихристомъ государя, а именемъ не выговаривалъ.

Въ виду разнорѣчія этого показанія съ показаніемъ Талицкаго допрашиваемыхъ свели на очную ставку. Талицкій стоялъ на своемъ. Распопу пригрозили второй пыткой, и онъ не выдержалъ, боясь новыхъ мукъ.

— Я,—показывалъ онъ теперь,—Гришкѣ о томъ, чтобъ онъ тѣ тетрати ко мнѣ принесъ почесть, и что будетъ у меня человѣкъ тѣхъ тетратей послушать, не говаривалъ, а послѣ того Гришка пришелъ ко мнѣ самъ-другъ и принесъ доску назнамененную да листъ, а сказалъ, что на томъ листу написано изъ пророчества и изъ бытей. Да принесъ онъ съ собою тетрати и тѣ тетрати при мнѣ челъ, и про антихриста говорилъ, и приводомъ (доказательно) антихристомъ называлъ государя, и именемъ его не выговаривалъ... А въ тѣ числа у меня посадской человѣкъ въ домѣ кто былъ ли и тѣхъ тетратей слушалъ ли, того я не помню... И тѣ тетрати Гришка оставилъ у меня.

А когда московскаго Гуттенберга «съ Прѣсни» спросили вообще о «воровствѣ» Талицкаго и о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, то онъ сталъ, видимо, увертываться и настойчиво повторялъ:

— Про воровство Гришкино и про составъ писемъ его, и для чего было ему тѣ доски рѣзать, и что на нихъ печатать, и куда тѣ печатные листы ему было дѣвать, того я не вѣдалъ, и до тѣхъ мѣстъ у меня съ Гришкою случая никакого не бывало. А какъ Гришку стали сыскивать, то я, убоясь страху, что у меня тѣ тетрати остались, спряталъ оныя у себя въ избѣ, подъ печью, подъ поломъ.

Ромодановскій покачалъ головою.

— Быть тебѣ второй разъ на дыбѣ, — пояснилъ онъ свой жестъ.—Ты показалъ съ перваго подъему на дыбу, будто въ воровскихъ письмахъ Талицкаго о великомъ государѣ именно не написано, а тамъ же въ первой тетратѣ, во 2-й главѣ, на седьмомъ листу написано: третье сложеніе Римской монархіи царей грекороссійскихъ осьмый царь Петръ Алексѣевичъ щнѣйшій братъ Іоанна Алексѣевича, но первѣе избранъ на царство... Какъ же такъ?

Допрашиваемый такъ смѣшался, что ничего не могъ отвѣтить.

— Ну, инъ быть тебѣ вторично въ подвѣсѣ... Увести его до завтра!—закончилъ князь Ромодановскій, вставая.

Дьякъ дописывалъ свои столбцы.

— Допишешь,—сказалъ ему князь-кесарь, — приходи ко мнѣ обѣдать.

— Благодарствуй на твоей милости,—поклонился дьякъ.

— А успѣемъ завтра же и царю отписать?

— Надо бы успѣть... Отпишемъ.

— Ладно... Да и послѣзавтра можно.

— Какъ прикажете, батюшка князь.

— Ну, надъ нами не каплетъ.

— А дубинка?..

XXI.

Князь-кесарь Ромодановскій исполнилъ свою угрозу.

На другой день распопа Григорій, вися на дыбѣ, упрямо отрицалъ показаніе Талицкаго о томъ, что антихристомъ онъ называлъ именно царя Петра Алексѣевича, и распопа это слышалъ.

— Какъ Гришка Талицкой—почти кричалъ съ дыбы упрямый распопъ—о послѣднемъ вѣцѣ и про государя хульныя слова съ поношеніемъ прикрытно, осьмый-де царь — антихристъ, говорилъ...

— Прикрытно?—переспросилъ Ромодановскій.

— Прикрытно — отвѣчалъ упрямецъ,—а именемъ государя не выговаривалъ, и я Гришкѣ молвилъ: почему ты о послѣднемъ вѣцѣ вѣдаешь? Писано-де, что ни Сынъ, ни ангели о послѣднемъ днѣ не вѣдаютъ, и въ томъ я ему запрещалъ. А въ тѣхъ тетратехъ государь осьмымъ царемъ написанъ-ли, того не вѣдаю, потому что я послѣ Гришки тѣхъ тетратей не читалъ... А что я отъ Гришки такія воровскія слова слыша, не извѣстилъ (не донесъ) и Гришки не поймалъ и не привелъ, и письма его у себя держалъ, то учинилъ сіе съ простоты, и въ томъ предъ государемъ виноватъ.

Распопъ не безъ причины отрицалъ, что слышалъ отъ Талицкаго имя государя, и твердилъ, что Талицкій говорилъ объ имени государя будто бы «прикрыто», анонимно. Онъ зналъ, что въ противномъ случаѣ наказаніе его усугубилось бы.

Его снимаютъ съ дыбы, и опять очная ставка съ Талицкимъ.

— Сему распопу — говоритъ послѣдній, — я про послѣднее время и про государя хульныя слова съ поношеніемъ на словахъ прикрытно, осьмый-де царь будетъ антихристъ, говорилъ, а именемъ государя выговаривалъ-ли, про то не упомню...

Онъ вдругъ остановился... «Прикрытно»... Его, вѣроятно, въ ужасъ привела мысль шестнадцатый разъ висѣть на дыбѣ и испытывать терзанія отъ палачей, и онъ спохватился.

— Я,—поправился онъ,—при распопѣ приводомъ (съ доказательствами, «приводилъ» доказательства) называлъ государя антихристомъ—именно...

Распопа въ третій разъ поднимаютъ на дыбу. Но онъ съ прежнимъ упрямствомъ продолжаетъ стонать.

— Какъ Гришка государя антихристомъ и осьмымъ царемъ называлъ, то я сіе слышалъ, только онъ, Гришка, государя имячемъ не называлъ. И въ тетратехъ, которыя были у меня, гдѣ государево имя написано, я не дочелъ...

Поставилъ-таки на своемъ и отъ четвертой пытки, по закону, вывернулся.

Его и Талицкаго увели изъ застѣнка, а туда ввели слѣдующую жертву, хлѣбеннаго дворца подключника Пашку Иванова, который во всемъ запирался, пока дыба не развязала ему языкъ.

— Отъ Гришки Талицкаго,—сознавался онъ теперь,—про то—«въ послѣднее-де время осьмой царь будетъ антихристъ» и считалъ московскихъ царей, и про государя сказалъ, что онъ осьмый царь, и антихристомъ его называлъ, то я слышалъ. А тѣ слова Гришка говорилъ со мною одинъ-на-одинъ. А что въ тѣхъ словахъ я на Гришку не извѣстилъ, чая то, что онъ тѣ слова говорилъ, съ ума сошедъ, и, боясь розыску, если Гришка въ тѣхъ словахъ запрется, и меня запытаютъ, да и для того не извѣстилъ, что я человѣкъ простой.

Слова его были подтверждены Талицкимъ, сказавшимъ, что у него «съ Пашкой въ его воровствѣ совѣту не было», и Пашку уже вторично не пытали.

Не пытали и слѣдующаго подсудимаго, Чудова монастыря чернаго попа Матвѣя, потому что онъ чистосердечно во всемъ сознался.

— Гришку Талицкаго я знаю,—говорилъ онъ—и, будучи за образомъ чудотворца Алексѣя въ соборной церкви входу, я спросилъ Гришку: чѣмъ онъ нынѣ питается? Пишетъ ли книги попрежнему? И Гришка сказалъ мнѣ книги-де писать я нынѣ покинулъ для того, что пришла скудость, а се-де нынѣ время не то стало. И послѣ того Гришка пришелъ ко мнѣ въ келью, а съ собой принесъ тетратку о исчисленіи лѣтъ, которая у меня при обыскѣ въ кельѣ взята, и ту тетратку мнѣ прочиталъ, и говорилъ: питаться-де стало нечѣмъ, а вы-де что спите? Пришло-де нынѣ послѣднее время; въ книгахъ-де пишутъ: бу-

детъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ-де по ихъ счету, осьмой царь, Петръ Алексѣевичъ, онъ-то-де антихристъ. А тѣ слова онъ со мною говорилъ одинъ-на-одинъ. И я Гришку унималъ и говорилъ: къ чему ты-де такія слова про него говоришь, и какой-де онъ антихристъ? У него-де есть царица и царевичъ. И Гришка къ тѣмъ моимъ словамъ молвилъ: такъ-де будетъ, что у него царица и царевичъ. И тетрать оставилъ у меня, и я, давъ ему для его скудости на хлѣбъ денегъ гривну, изъ кельи пошелъ, и онъ съ тѣхъ мѣстъ ко мнѣ не бывалъ.

«Черный попъ» говорилъ такъ скоро, что дьякъ не успѣвалъ записывать. Это замѣтилъ Ромодановскій.

— Помедли малость, — сказалъ онъ монаху, — да не торопись словами.

«Черный попъ» помолчалъ. Гусиное перо дьяка остановилось на точкѣ.

— Все записалъ?—спросилъ князь-кесарь.

— До слова.

— Ну?—глянулъ князь-кесарь на «чорнаго попа».

— А тотъ Гришка,—началъ опять послѣдній,—въ письмахъ своихъ на великаго государя хульныя слова съ поношеніемъ писалъ-ли, про то мнѣ не сказывалъ и съ собою въ совѣтъ не призывалъ, и про то, что и инымъ такихъ же въ тетратехъ и на столбцахъ письма, въ которыхъ писана на государя хула съ поношеніемъ прочитать давалъ, того мнѣ не сказывалъ-же, и я ту тетрать никому не сказывалъ и разговору у меня ни съ кѣмъ о тѣхъ Гришкиныхъ словахъ не было, а что я Гришку не поймалъ и про то не извѣстилъ, то учинилъ простотою своею, и въ томъ передъ великимъ государемъ виноватъ.

Когда Талицкому прочитали эти показанія «чорнаго попа», то онъ сказалъ, что «подлинно было такъ».

Больше «чорнаго попа» не допрашивали и обоихъ подсудимыхъ увели.

На смѣну имъ введенъ былъ «съ Углича покровскаго монастыря діаконъ Мишка Денисовъ. Въ разспросѣ и съ пытки говорилъ».

— Гришка мнѣ чолъ тетрать о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ, и въ разговорѣ говорилъ мнѣ на словахъ: нынѣ-де послѣднее время пришло и антихристъ народился; по ихъ счету, антихристъ осьмой царь Петръ Алексѣе-

вичъ. И я Гришку отъ тѣхъ словъ унижалъ: что-де ты такое великое дѣло затѣваешь? И Гришка далъ мнѣ тетратку въ четверть и говорилъ: посмотри-де, у меня о томъ имянно написано. И я, взявъ у него ту тетратку, поѣхалъ въ Угличъ и, пріѣхавъ въ монастырь, чолъ тое тетратку у себя въ кельѣ одинъ, а силы въ ней не позналъ, и инымъ никому той тетрати не показывалъ и списывать съ нея не давалъ. А что я, слыша отъ того Гришки про государя такія непристойныя слова, по взятьѣ его въ преображенскій приказъ, той тетратки нигдѣ не объявилъ и о тѣхъ его словахъ не извѣстилъ и самъ не явился, и то я учинилъ простотою своею, и въ томъ я предъ великимъ государемъ виноватъ. А иныхъ ни у кого такихъ тетратковъ не видалъ и такихъ словъ ни отъ кого не слыхалъ, и того Гришки единомышленниковъ и совѣтниковъ я никого не знаю.

И это показаніе Талицкій не опровергалъ. Пятнадцать пытокъ, повидимому, разбили всю его непреклонную волю.

Теперь ввели къ допросу печатнаго дѣла батырщика Митьку Кирилова.

— Къ Гришкѣ въ домъ я хаживалъ,—показывалъ этотъ,— и Гришка въ домѣ у себя читалъ мнѣ книги библію да толковое евангеліе и всякія печатныя и письменныя книги о послѣднемъ вѣцѣ, а о пришествіи антихристовѣ разговоровъ у меня съ Гришкою и совѣту не было.

Тутъ Талицкій увы! на зло себѣ, сталъ оспаривать показаніе батырщика.

— Митька приходилъ ко мнѣ самъ-другъ — утверждалъ онъ—и я о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ, и о исчисленіи лѣтъ тетрати ему читалъ, и осьмымъ царемъ и антихристомъ государя называлъ при нихъ имянно, безъ Митькина спроса, собою. А въ моемъ воровствѣ Митька мнѣ совѣтникомъ не былъ, и про воровство мое не вѣдалъ.

Снова запахло застѣнкомъ и кровью... Передопросъ!

— Въ домъ къ Гришкѣ я приходилъ съ нищимъ Ѳедькою— признался батырщикъ,—а словесъ не упомню, приходилъ я для покупки хоромъ его.

Талицкій опять въ застѣнкѣ, шестнадцатый разъ!

— Батырщику Митькѣ—говорилъ онъ «съ пытки»—о послѣднемъ вѣцѣ и о исчисленіи лѣтъ я говорилъ и антихристомъ государя называлъ, и то Митька слышалъ!

— Какъ Гришка объ ономъ толковалъ и государя антихристомъ называлъ—признавался батырщикъ уже съ дыбы,—то я слышалъ, а что не извѣщалъ, въ томъ виноватъ.

Ввели, наконецъ, послѣднюю жертву дѣла объ антихристѣ, ученика Талицкаго, Ивашку Савельева... Снова пытка!

— Въ томъ письмѣ,—показывалъ Ивашка съ дыбы,—что писалъ Гришка тамбовскому епископу, я силы не зналъ, а писалъ тетрати по Гришкину велѣнію. Да Гришка жъ мнѣ сказывалъ, да и тамбовскій-де епископъ тѣхъ писемъ не хуливалъ А послѣ того приходилъ я къ Гришкѣ на дворъ и сказалъ: патріарша-де разряду площаднаго подъячего Ѳедькина жена Дуная Ѳеколка сказывала тещѣ моей: пишетъ-де Гришка невѣдомо какія книги про государя, и она-де сказала брату своему, пѣвчему Ѳедору Казанцу, а онъ, Ѳедоръ, хотѣлъ по Гришку изъ преображенскаго приказу придти съ подъячими. И я, пришедъ къ Гришкѣ, про то ему сказалъ, и Гришка съ того съ Москвы ушелъ, и я проводилъ его за Москву-рѣку, до Кадашева, и спросилъ: куды-де ты идешь? И онъ мнѣ сказалъ: пойду-де я въ монастырь, куда Богъ благоволитъ.

Талицкій подтвердилъ это показаніе, и на томъ страшное дѣло кончилось.

Но долго еще пришлось сидѣть по казематамъ Талицкому и его жертвамъ, пока имъ не прочитали приговора.

1701 году, ноября въ 5-й день, по указу великаго государя и по боярскому приговору велѣно Гришку Талицкаго и единомышленниковъ его, Ивашку Савина и пономоря Артемошку за ихъ воровство и за бунтъ, а бывшихъ поповъ Луку и Андрюшку и Гришку за то, что они про то его Гришкино воровство и бунтъ слышавъ отъ него, не извѣстили, казнить смертію; а женъ ихъ, Гришкину и Ивашкину, и Артемошкину, и Лучкину, и съ Прѣсни Гришкину-жъ, сослать въ ссылку въ Сибирь, въ дальные городы, а животы ихъ взять на великаго государя; а Андрюшкину жену свободить, потому что онъ, Андрюшка, сысканъ, и въ томъ дѣлѣ винился по ея уликѣ; кадашевца Ѳеклиста Константинова, разборщика Митьку Кирилова, садовника Ѳедотку Милякова, хлѣбеннаго дворца подключника Пашку Филипова, распопу Мишку Миронова, съ Углича Покровскаго монастыря дьячка Мишку Денисова, Иванова человѣка Стрѣшнева Андрюшку Семенова, за то, что они

отъ того Гришки слыша бунтовыя слова, не извѣщали; племяннику его, Гришкину, Мишкѣ, за то, что онъ у тетки своей выманилъ воровскія письма, не извѣстилъ же, Гришкину ученику Ивашкѣ Савельеву, что онъ тому Гришкѣ сказалъ про извѣтъ на него, и онъ съ Москвы бѣжалъ, — вмѣсто смертныя казни учинить жестокое наказаніе бить кнутомъ и, запятнавъ, сослать въ Сибирь, въ дальніе городы.

«Да по имянному великаго государя указу, бывшаго тамбовскаго епископа Игнатія, что потомъ разстрига Ивашка, вмѣсто смертныя казни велѣно послать въ Соловецкій монастырь, въ Головленкову тюрьму, быть ему въ той тюрьмѣ за крѣпкимъ карауломъ по его смерть неисходно, а пищу ему давать противъ такихъ же ссыльныхъ» *).

Талицкаго и Савина велѣно было казнить копченіемъ; но во время казни они покаялись и были сняты съ копченія. По преданіямъ раскольниковъ, Талицкаго сожгли на кострѣ.

Одна попадья Степанида не пострадала.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

*) Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Г. Есиповъ. Спб. 1861.

ЧАСТЬ II.

«То академикъ, то герой,
«То мореплаватель, то плотникъ,
«Онъ всеобъемлющей душой,
«На тронѣ вѣчный былъ работникъ».
Пушкинъ.

I.

Прошло около двухъ лѣтъ послѣ погрома русскаго войска подъ Нарвою.

И отплатили же за это русскіе шведамъ за этотъ погромъ!

Вотъ уже второй годъ «Борька» Шереметевъ, какъ его иногда называлъ царь, мститъ за свой нарвскій позоръ, за свое позорное бѣгство.

— Усердствуетъ Борька,—улыбнулся государь, прочитавъ донесеніе Шереметева и, обращаясь къ князь-кесарю, докладывавшему ему по своей «кнутобойной» спеціальности.—Пишетъ мнѣ Борька: «послалъ я во всѣ стороны плѣнить и жечь, не осталось цѣлаго ничего, все разорено и сожжено, и взяли твои ратные государевы люди въ полонъ мужска и женска пола и робятъ нѣсколько тысячъ, также и работныхъ лошадей, а скота съ двадцать тысячъ или больше, и чего не могли поднять, покололи и порубили».

— Пошли тебѣ Богъ, государь, для твоей государевой корысти еще больше,—отозвался князь-кесарь.

Онъ былъ, видимо, разсѣянъ. Его что-то безпокоило и смущало.

— При Гуммельсгофѣ Шлиппенбахъ мало штаны не потерялъ, — продолжалъ Петръ хвастаться побѣдами своего вой-

жа...—По пути къ Ригѣ сожгли болѣ шести сотъ деревень, да камня на камнѣ не оставили отъ городовъ Везенберга, Вольмара, Смильтена, Гельмети да Каркуса.

— За Нарву это, государь,—опять разсѣянно пробормоталъ Ромодановскій.

— За Нарву, точно... Это мои колокола такъ громко звонятъ тамъ.

Государь пристально посмотрѣлъ на Ромодановскаго.

— Что съ тобой, князь?—спросилъ Петръ.—Попритчилось тебѣ что?

— Ужъ и не вѣдаю, государь, какъ быть,—смущенно отвѣчалъ князь-кесарь.

— Что такое? Не ладно у тебя въ кнутобойнѣ что?

— Нѣту, государь, твоимъ государевымъ счастьемъ у меня все обстоитъ благополучно.

— Такъ что жъ! Кажи.

— И ума не приложу, государь.

— Ну, такъ я, може, приложу.

Князь-кесарь нерѣшительно полѣзъ въ карманъ и вытащилъ изъ него кожаную калиту. Потомъ вынулъ изъ калиты нѣсколько монетъ одного образца, и положилъ передъ царемъ.

— Что это? Монеты совсѣмъ незнакомыя, такихъ я не видывалъ,—говорилъ Петръ, разсматривая одну монету.

Ромодановскій внимательно наблюдалъ за выраженіемъ лица царя.

— Городъ вычеканенъ довольно искусно.

— Точно, государь, искусно.

— Да это въ Нарву палятъ.

— Въ Нарву и есть, государь.

— Да это и я тутъ вычеканенъ... моя персона и стать...

— Твоя, государь.

— Я на огонь протягиваю руки.

— Точно... грѣешься, государь.

Царь вглядѣлся въ подпись на монетѣ, и прочелъ:

— «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся»...

Государь весело разсмѣялся.

— Искусно, зѣло искусно! Это я руки грѣю у Нарвы... искусно!

Онъ перевернулъ монету и сталъ вглядываться.

Ромодановскій поблѣднѣлъ.

— А! — протянулъ государь уже другимъ голосомъ. — «И исшедъ вонъ, плакася горько»,—прочелъ онъ, не отрывая глазъ отъ монеты.

На этой ея сторонѣ было изображено: русскіе бѣгутъ изъ-подъ Нарвы, а впереди всѣхъ—самъ царь: онъ потерялъ шпагу и шляпа съ него свалилась.

— Откуда это?—сурово спросилъ Петръ.

— Не наше, государь... отъ твоихъ супостатовъ, чаю... издѣвка,—несмѣло отвѣчалъ Ромодановскій.—Не наша чекань.

— А какъ къ тебѣ онѣ попали?

— Подметомъ, государь... подметныя онѣ... Воры невѣдомые и ко мнѣ подметъ учинили, и къ тебѣ, въ твой государевъ дворъ.

— А кто поднялъ?

— Мои, государь, робята, сыщики.

— Но кто дерзнулъ подметывать?—спросилъ царь.

— Какой-ни-есть невѣдомый воръ, а може и не одинъ... Я вотъ и ищу ихъ, государь,—говорилъ смущенно Ромодановскій.

Онъ не могъ себѣ простить, что до сихъ поръ не напалъ на слѣдъ дерзкихъ подметчиковъ. Это была первая его неудача въ сыскномъ дѣлѣ. Срамъ какой? Всевидящій и всеслышащій князь-кесарь нагло одураченъ! Подъ самыя его ворота подкинули! И какъ же онъ дралъ подворотнаго караульнаго!

— Подъ землей сыщу и розыскъ учиню,—бормоталъ онъ.

— Это Карлово дѣйство, его, его,—говорилъ царь.

— Больше некому, государь,—подтверждалъ князь-кесарь.

— За дѣйство—дѣйство: за Борькино Шереметево дѣйство. Карлово дѣйство... Это мнѣ за Ливонію медаль,—говорилъ царь, все еще разсматривая монеты,—заслуженная медаль *).

Въ это время Павлуша Ягужинскій, исполнивъ одно личное порученіе царя, вошелъ въ комнату, гдѣ находился Петръ съ Ромодановскимъ.

— Справилъ дѣло, Павелъ?—спросилъ царь.

— Справилъ, государь.

Ягужинскій держалъ что-то зажатое въ кулакѣ. Увидавъ на столѣ подметныя медали, онъ съ изумленіемъ воскликнулъ:

---

*) Такая кощунственная выходка была дѣломъ рукъ враговъ русскаго монарха.

— И у меня, государь, такая жъ... Вотъ,—и онъ положилъ медаль на столъ.

— Гдѣ взялъ?—спросилъ царь.

— Нашелъ, государь.

— Гдѣ?

— Подъ Фроловскими (нынѣ Спасскія) воротами.

— Давно поднялъ?—подступилъ къ нему Ромодановскій.

— Вотъ сейчасъ, когда возвращался въ Кремль.

Князь-кесарь побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Такъ воры здѣсь, — почти крикнулъ онъ, — все время были на Москвѣ... Я болѣ недѣли ихъ ищу... Того ради долго и не докладывалъ тебѣ, государь про сію издѣвку.

Царь посмотрѣлъ на Ягужинскаго.

— Ты разглядѣлъ все тутъ? — спросилъ онъ, взявъ одну медаль.

— Разглядѣлъ, государь,—смущенно отвѣчалъ молоденькій деньщикъ.

— И уразумѣлъ силу сего измышленія?

— Уразумѣлъ, государь,—съ вспыхнувшими щеками отвѣчалъ юноша.—Сила, значитъ, не беретъ, такъ хоть комаромъ въ ухо льву жужжать.

— Мѣтко сказано,—улыбнулся царь.

Царь всталъ и подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ большой картѣ Швеціи и балтійскихъ побережій.

— Изрядно, изрядно, Борька, хвалю, — проговорилъ онъ, проводя рукой отъ устья Невы до Рогервика, видимо, возбужденный донесеніемъ Шереметева,—это теперь наше, и Петръ «погрѣетъ еще руки на ливонскомъ кострѣ, а токмо про кого потомъ скажутъ: «и исшедъ вонъ, плакася горько?»

Онъ остановилъ руку на устьѣ Невы.

— Тутъ, тутъ созижду новую столицу,—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою,—тутъ прорублю окно въ Европу... А Москва... она Москвой и останется.

Ромодановскій и Ягужинскій молчали. Они невольно прислушивались къ творческимъ думамъ генія русской земли.

— Первѣе всего Неву очистить отъ сей слякоти чухонской... Апраксинъ—добрая метла, мететъ изрядно на семъ берегу Невы... «все разорилъ и развоевалъ», пишетъ, а Орѣхъ, видно, мнѣ самому придется раскусить... Вишь, слякоть, нашъ

Орѣшекъ перекрестили въ Нетеборгъ... А вотъ и Нієншанцъ и Охта...

— Заохаютъ, государь, на Охтѣ, какъ ты самъ изволишь туда пожаловать,—неудачно съострилъ князь-кесарь.

— И пожалую... Только допрежъ всего пусть Борька да Апраксинъ очистятъ отъ слякоти сіи берега, чтобъ Карлу нельзя было прислать сикурсъ со стороны Ливоніи... Быть моей столицѣ при дельтѣ Невы, заложу ее и срублю своимъ топоромъ самъ, какъ Александръ Македонскій заложилъ свою новую столицу при дельтѣ Нила! Быть по сему!—вдохновенно закончилъ «Державный Плотникъ».

— Аминь! — какъ гвоздемъ прибилъ князь-кесарь Ромодановскій и перекрестился.

II.

Перенесемся же теперь на Балтійское побережье и познакомимся съ молоденькой дѣвушкой, которой суждено было связать свое скромное имя съ грядущими судьбами Россіи.

Подъ разореннымъ Везенбергомъ, который усердіемъ «Борьки» Шереметева недавно былъ обращенъ въ развалины, лагеремъ расположился, послѣ взятія Маріенбурга, полкъ русскаго корпуса подъ командою полковника Балка.

Августъ 1702 года. Время стоитъ, сверхъ чаянія, жаркое. Полковыя «портомои», или прачки, между которыми были и взятыя въ плѣнъ ливонскія женщины и дѣвушки, выстиравъ офицерское и солдатское бѣлье, развѣшиваютъ его на протянутыхъ между кольями веревкахъ для просушки. Одна изъ прачекъ, молодая бабенка съ подоткнутымъ подоломъ и засученными рукавами, визгливымъ голосомъ тянетъ монотонную пѣсню.

Охъ-и-мой сердечный другъ меня не любитъ,
Онъ поитъ-кормитъ меня младешеньку не хочетъ...

— Да и кому охота любить-та сороку безхвостую,—ядовито подмигнулъ другимъ портомоямъ проходившій мимо солдатикъ.

— Ахъ ты охальникъ! Шадровитая твоя рожа!—огрызнулась пѣвунья.

Солдатикъ былъ сильно рябой, «шадровитый». Однако его ядовитое замѣчаніе лишило бабу охоты тянуть свою пѣсню.

— Какъ же ты, Марта, говоришь про себя, я и въ толкъ не возьму? — обратилась въ развѣшивавшей рядомъ съ нею бѣлье другой портомоѣ, миловидной дѣвушкѣ лѣтъ семнадцати, съ нѣжнымъ румянцемъ на пухленькихъ щечкахъ, — ты и не дѣвка и не молодуха, и замужня-то ты и не замужня.

— Да такъ, какъ я сказала,—улыбнулась дѣвушка,—ни жена, ни дѣвка.

Въ произношеніи ея былъ замѣтенъ не русскій акцентъ.

— Вотъ заганула загадку!—развела баба руками.—Хоть убей меня, не разганю... Да ты, може, тово, безъ вѣнца?

— Нѣтъ, милая, я вѣнчана въ церкви, въ киркѣ по нашему.

— Стало быть, ты замужня жена.

— Нѣтъ, милая, дѣло было такъ,—серьезно молвила та, которую баба назвала Мартой,—былъ у меня женихъ, изъ нашихъ же, и былъ онъ ратный, капралъ. Когда насталъ день нашей свадьбы, мы поѣхали въ церковь, какъ водится, и пасторъ обвѣнчалъ насъ, по нашему закону. А едва мы вышли изъ кирки, какъ тутъ же, около кирки, выстроилась рота моего жениха.

— Мужа!—поправила ее баба.—Коли подъ вѣнцомъ съ тобой стоялъ, такъ ужъ, стало быть мужъ.

— Добро... Въ тѣ поры, какъ насъ вѣнчали, ваши ратные люди осадили нашъ городъ, громили изъ пушекъ... Наши спѣшили отбивать вашихъ, и мой мужъ прямо изъ кирки попалъ въ свою роту, и въ ту же ночь его убило ядромъ.

— Ахъ, матиньки! И ноченьки съ нимъ не проспала, сердешная!—всплеснула баба руками.—Ужъ и подлинно ни жена, ни вдова, ни дѣвка.

— Вдовая дѣвка, милая, вотъ кто я,—вздохнула Марта.

— Ну, у насъ, Богъ дастъ, выдешь замужъ за хорошаго человѣка: вишь какая ты смазливая,—успокаивала ее баба.—Да у меня есть на примѣтѣ женишокъ про тебя: мой кумъ, полковой коновалъ.

— А что это такое, коновалъ?—спросила Марта.

— Лошадиный рудометъ, руду лошадямъ пущаетъ и холоститъ,—объяснила портомоя.

Но Марта все-таки ничего не поняла.

Въ это время въ лагерь полковника Балка вступилъ небольшой отрядъ преображенцевъ, прибывшихъ изъ Вольмара.

Проходя мимо прачекъ, нѣкоторые изъ преображенцевъ заговаривали и заигрывали съ бабами. Портомои отшучивались.

— Эхъ, сколько тутъ бабъ и дѣвокъ, вотъ лафа!—замѣтилъ веселый Гуринъ, запѣвало преображенцевъ.—Есть изъ кого выбирать невѣстъ. Тутъ мы и Тереньку женимъ.

Эти слова относились къ тому богатырю Лобарю который своей чугунной башкой опрокинулъ подъ Нарвой сильнаго Гинтерсфельда вмѣстѣ съ конемъ на глазахъ короля.

Лобарю удалось на пути бѣжать изъ полона.

— Э! Да вотъ и Теренькина невѣста, — указалъ онъ на Марту,—писаная красавица! Кабы я не былъ женатъ, самъ бы женился на ней.

Марта, кончивъ развѣшивать бѣлье, молча удалилась съ двумя полонянками, взятыми вмѣстѣ съ нею въ Маріенбургѣ.

Никто, конечно, не зналъ, какая судьба ожидаетъ эту дѣвушку, съ которой такъ смѣло разговаривали и заигрывали солдаты. Не знала и сама она, что по мановенію ея руки, теперь стирающей бѣлье, цѣлые полки съ ихъ генералами будутъ итти на смерть во славу бывшей портомои. Да, удивительна судьба этой дѣвушки, поистинѣ нѣчто сказочное, поразительное и почти невѣроятное...

Произошло это совершенно случайно, какъ и многое очень важное совершается случайно не только въ жизни отдѣльныхъ людей, но и въ жизни цѣлыхъ государствъ.

Царь, желая провѣрить донесенія своихъ полководцевъ, Шереметева и Апраксина, объ успѣхахъ русскаго оружія въ Ливоніи и Ингріи, отправилъ туда Меншикова, которому онъ довѣрялъ больше всѣхъ своихъ приближенныхъ и практическій умъ котораго давно оцѣнилъ. По пути изъ Ингріи въ Ливонію Меншиковъ не могъ миновать Везенберга. Тамъ онъ на нѣкоторое время остановился у полковника Балка.

Балкъ предложилъ обѣдъ Александру Даниловичу. Оказалось, что за обѣдомъ прислуживала Марта, которую старый Балкъ взялъ къ себѣ за ея скромность, нѣмецкую чистоплотность и за то, что она умѣла хорошо готовить, научившись этому въ семействѣ пастора Глюка.

Меншиковъ внимательно вглядывался въ дѣвушку, когда она подавала на столъ и ловко, умѣло прислуживала.

— Те-те-те!—покачалъ онъ головою, когда Марта вышла.— Ну, господинъ полковникъ, вонъ онъ какъ! Ай-ай!

— Что такъ, Александръ Данилычъ?—изумился старикъ.

— Скажу, непремѣнно скажу твоей полковницѣ, какъ только ворочусь на Москву.

— Да о чемъ скажешь-то?

— Ахъ, старый грѣховодникъ! Онъ же и притворяется.

— Не пойму я тебя, Александръ Данилычъ, — пожималъ плечами Балкъ,—въ толкъ не возьму твоихъ словъ.

— То-то—смѣялся Меншиковъ,—завелъ себѣ такую дѣвчонку да какъ сыръ въ маслѣ и катается.

— А, это ты про Марту?

— А ее Мартой звать?

— Мартой. Она полонянка изъ Ливоніи, полопена при взятьѣ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ Маріенбурга и отдана мнѣ.

— При чемъ же она у тебя?

— Она состоитъ въ портомояхъ а у меня за кухарку: и чистоплотна и скромна, и варитъ и жаритъ, какъ самъ изволишь видѣть, зѣло вкусно.

— И точно: рябчика такъ изжарила что и на царской поваршѣ такъ не съумѣютъ. Она, кажись, и по-русски говоритъ.

— Зѣло изрядно для нѣмки.

— Гдѣ жъ она научилась этому?

— У одного пастора тамъ, али у пасторши въ Маріенбургѣ.

— Скажу, скажу твоей полковницѣ,—смѣялся Меншиковъ, запивая рябчика хорошимъ краснымъ виномъ, добытымъ въ погребахъ Маріенбурга,—вишь Соломонъ какой! Добылъ себѣ царицу савскую, да и въ усъ себѣ не дуетъ.

Въ это время Марта внесла сладкое и стала убирать тарелки.

— Погоди, милая, не уходи,—ласково сказалъ ей Меншиковъ,—мнѣ бы хотѣлось поразспросить тебя кое о чемъ.

Марта остановилась и остановила на царскомъ любимцѣ свой прекрасный, дѣтски наивный взоръ.

III.

Меншиковъ залюбовался глядѣвшими на него дѣтски-наивными прелестными глазами и яснымъ полненькимъ личикомъ.

— Мнѣ сказали, что тебя зовутъ Мартой?—сказалъ Меншиковъ.

Дѣвушка молчала, переводя вопрошающій взоръ съ Меншикова на Балка.

— Откуда ты родомъ милая Марта?—спросилъ первый.

— Изъ Вышкиозера, господинъ, изъ Ливоніи,—тихо сказала дѣвушка, и на длинныхъ ея рѣсницахъ задрожали слезы.

Мысль ея мгновенно перенеслась въ родное мѣстечко, къ картинамъ и воспоминаніямъ не далекаго, но ей казалось, далекаго, далекаго дѣтства... И вотъ она здѣсь, среди чужихъ, въ неволѣ, полонянка...

— Кто твой отецъ, милая?—еще ласковѣе спросилъ царскій любимецъ.

— Самуилъ Скавронскій,—былъ отвѣтъ.

— Ливонецъ родомъ?

— Ливонецъ, господинъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ, милая?

— Восемнадцать весной минуло.

— Ты дѣвушка или замужняя?

Марта молчала, она взглянула на Балка, какъ бы ища его поддержки.

— Странная судьба сей дѣвицы,—сказалъ полковникъ,—она замужняя, а остается дѣвкой.

— Какъ такъ?—удивился Меншиковъ.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Балкъ,—что едва ее обвѣнчалъ пасторъ съ ея суженымъ, какъ она тутъ же, около кирки, стала вдовой: ни жена она, ни дѣвка.

— Да ты что загадками-то меня кормишь?—нетерпѣливо перебилъ полковника царскій посланецъ.

— Какія загадки, сударь!.. Какъ разъ въ тѣ поры, что ее вѣнчали, мы почали добывать ихъ городъ. А ея женихъ былъ ратный человѣкъ, и замѣсть того, чтобы вести молодую женку къ себѣ въ опочивальню, онъ попалъ на городскую стѣну, гдѣ ему нашимъ ядромъ и снесло голову... Такова моя сказка,—закончилъ Балкъ,—такова ея горемычная доля.

Марта плакала, закрывшись передникомъ... Невольница, горькая сирота, на чужой сторонѣ—ныло у нея на сердцѣ.

Горькая судьба бѣдной дѣвушки тронула Меншикова. Онъ подошелъ къ ней и нѣжно положилъ ей руку на голову.

— Не горюй, бѣдная дѣвочка, не убивайся,—ласково говорилъ онъ.

Отъ ласковыхъ словъ дѣвушка пуще расплакалась.

— Перестань, голубка... Что дѣлать! Не воротить ужъ стало твоего суженаго, на то Божья воля. Ты молода, еще найдешь свою долю. А у насъ тебѣ хорошо поживется. И семья твоя, отецъ и мать къ тебѣ пріѣдутъ, будете жить вы у насъ въ довольствѣ, я за это ручаюсь. Нашъ государь милостивъ и особливо онъ добръ къ иноземцамъ, жалуетъ ихъ, всѣмъ надѣляетъ и тебя, по моему челобитью, всѣмъ пожалуетъ... Не убивайся же,—говорилъ Александръ Даниловичъ, продолжая гладить наклоненную головку дѣвушки.

Марта нѣсколько успокоилась и открыла заплаканное личико.

—О, господинъ!—прошептала она и поцѣловала у Меншикова руку.

Кто могъ думать, что у той, которая теперь робко поцѣловала руку у царскаго посланца, высшіе сановники государства будутъ считать за честь и милость поцѣловать царственную, самодержавную ручку!..

Портомоя! Солдатская прачка и кухарка!..

А развѣ могъ думать и Меншиковъ, что та скромная дѣвочка полонянка, которая теперь робко цѣлуетъ его руку, сама впослѣдствіи вознесетъ его на такую государственную высоту, съ которой до престола одинъ шагъ!..

Судьба предназначала этой бѣдной дѣвочкѣ быть не только царицей, супругой царя, но и самодержавной императрицей и дать Россіи новыхъ царей... Это ли непостижимо!

— Будь же благонадежна, милое дитя, я все для тебя сдѣлаю, что въ моихъ силахъ,—сказалъ, наконецъ, Меншиковъ.

Потомъ онъ обратился къ Балку.

— Отселѣ я поѣду дальше,—сказалъ онъ,—повидаюсь съ Шереметевымъ и скажу ему, чтобы онъ распорядился отыскать семью этой дѣвицы.

— И пастора, добрый господинъ,—робко проговорила Марта.

— Какого пастора, милая?—спросилъ Меншиковъ.

— Глюка, господинъ.

— Это того самаго, у коего она проживала, и который научилъ ее по-русски,—объяснилъ Балкъ.—Марта привязана къ нему, какъ къ отцу родному. Онъ человѣкъ зѣло достойный, много ученый, свѣдущъ въ языкахъ восточныхъ, изучилъ языки и русскій, и латышскій, и славянскій, съ коего и переводитъ священное писаніе на простой россійскій языкъ.

— О, да это кладъ для насъ,—обрадовался Меншиковъ,—государь будетъ радъ имѣть при своей особѣ таковаго нарочито полезнаго человѣка.

Марта, видимо, повеселѣла. Нѣжный румянецъ снова заигралъ на ея щечкахъ. Она такъ благодарно смотрѣла на Меншикова своими ясными, невинными глазами.

— О, господинъ!—могла она только сказать.

— Такъ вотъ что, — снова заговорилъ Меншиковъ къ Балку,—мнѣ недосугъ здѣсь мѣшкать, мнѣ спѣшка великая. Я поѣду теперь далѣ, а ты оставь, до времени, сію дѣвицу при себѣ, и ужъ не наряжая ее порты стирать.

— И то не пошлю,—сказалъ Балкъ,—у меня работныхъ людей и бабъ и безъ нея довольно. Марта-же и швея изрядная.

— Добро. Такъ я на возвратномъ пути заѣду сюда,—сказалъ Меншиковъ,—и возьму дѣвицу съ собой на Москву. Поѣдешь со мной, Марта?

— Воля ваша, господинъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Я не то говорю, милая,—перебилъ ее Меншиковъ,—а своею ли волею поѣдешь на Москву, на глаза къ великому государю.

Послѣднія слова, казалось, испугали дѣвушку.

— Я простая дѣвушка... я не достойна быть на глазахъ великаго государя,—смущенно проговорила она.

— Твоя скромность похвальна, милая; а мнѣ ближе знать, чего достойна ты,—успокоивалъ ее Меншиковъ.

Марта снова поцѣловала его руку.

Меншиковъ отпустилъ ее. Судьба дѣвушки была рѣшена.

— Да! Запамятовалъ было,—спохватился Меншиковъ, вынимая изъ кармана своего камзола бумагу.—Вѣдомо мнѣ, что въ прибывшей сюда первой ротѣ преображенскаго полка состоитъ нѣкій ратный, именемъ Терентій Лобарь.

— Есть таковой,—отвѣчалъ Балкъ,—я его лично знаю.

— Такъ прикажи выстроиться не подалеку этой ротѣ, и мы выйдемъ къ ней.

Балкъ распорядился, и они съ Меншиковымъ вышли. Рота стояла подъ ружьемъ.

Поздоровавшись съ нею, Меншиковъ громко сказалъ:

— Великій государь изволилъ приказать мнѣ: первой ротѣ Преображенскаго полка за молодецкую стойку подъ Нарвой объявить царское спасибо!

— Ура великому государю! — затремѣли преображенцы.

— А который изъ васъ Терентій Лобарь?—спросилъ Меншиковъ—выступи впередъ!

Товарищи выдвинули впередъ богатыря.

— Ты, Лобарь, подъ Нарвой, на глазахъ шведскаго короля, сбилъ вмѣстѣ съ конемъ его ординарца, великана Гинтерсфельда?—спросилъ Меншиковъ.

— Я малость толкнулъ его,—смущенно отвѣчалъ богатырь.

— За сіе великій государь тебя милостиво похваляетъ и жалуетъ чиномъ капрала,—провозгласилъ Меншиковъ.

Богатырь только хлопалъ глазами.

— Говори, дуракъ: радъ стараться пролить кровь свою за великаго государя,—шептали ему товарищи;—говори же, остолопъ.

— Радъ стараться пролить за великаго государя,—пробормоталъ атлетъ-младенецъ, и остановился.

— Что пролить?—улыбнулся Меншиковъ.

— Все,—былъ отвѣтъ, покрытый общимъ хохотомъ.

IV.

Не одинъ сѣверъ и дельта Невы поглощали вниманіе «Державнаго Плотника». Упорная борьба велась со всѣмъ обветшалымъ, коснымъ строемъ внутренней жизни государства. Многое давно отжившее, приходилось хоронить, и хоронить при глухомъ ропотѣ подданныхъ стараго закала, но еще больше—создавать, создавать неустанно, не покладая рукъ.

Отъ сѣвера отъ невской дельты приходилось переносить взоры на далекій югъ, на поэтическую, заманчивую Малороссію, на безпокойный Крымъ и на все могучее наслѣдіе Магомета,

волосатые бунчуки котораго и зеленое знамя пугали еще всю Европу.

А сколько работы съ этимъ повальнымъ взяточничествомъ, съ насиліями, съ открытыми грабежами населенія своими подданными!

Вотъ въ кабинетъ къ царю входитъ старый графъ Головинъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, первый андреевскій кавалеръ въ обновленной Россіи, онъ же ближній бояринъ, посольской канцеляріи начальный президентъ и намѣстникъ сибирскій.

— Что, графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, отъ Мазепы докука?— спрашиваетъ царь входящаго съ бумагами старика.

— Отъ Мазепы, государь.

— Что опять запорожцы шалятъ, ограбили кого, задираютъ татаръ и поляковъ?

— Нѣту, государь, гетманъ жалуется на твоихъ государевыхъ ратныхъ людей.

— Все это старая закваска, перегной старины, которая аки квашня бродитъ!—съ досадой говоритъ Петръ.—Садись, Ѳедоръ Алексѣичъ. Выкладывай все, что у тебя накопилось.

— Да вотъ, государь, гетманъ Иванъ Степановичъ доноситъ малороссійскихъ дѣлъ приказу, что твой государевъ полуполковникъ Левашовъ, идучи съ твоими государевыми ратными людьми близъ Кишенки, черезъ посланца своего приказывалъ онымъ кишенцамъ, дабы его встрѣтили съ хлѣбомъ-солью и съ дары аки побѣдителя, и за то обѣщалъ никакого дурна жителямъ не чинить.

— Каковъ гусь!—замѣтилъ государь.

— Кишенцы и повиновались незаконному приказу,—продолжалъ Головинъ,—вышли къ Левашову съ хлѣбомъ-солью, вывезли назустрѣчь твоимъ государевымъ ратнымъ людемъ цѣлый обозъ съ хлѣбомъ, со всякою живностью, куры, гуси, да со всякими напитками, да еще въ особую почесть поднесли твоему государеву полуполковнику пятнадцать талеровъ деньгами.

— А! Каковъ слуга Россіи!—вспылилъ государь.—Я его злодѣя!.. Ну? А онъ?

— А онъ, государь, не токмо обѣщанія не исполнилъ, а напротивъ, ввелъ ратныхъ людей въ Кишенку, гдѣ оные всевозможныя дурна чинили, жителей объѣдали, подворки и овины ихъ наглостно обожгли, огороды разорили. Мало того, государь,

давши кишенцамъ руку, что впредь никакого дурна имъ чинить не будетъ, одного, дойдя до Переволочны, послалъ къ кишенцамъ забрать у нихъ плуги и воловъ, кои кишенцы и должны были выкупать за чистыя денежки. И когда одинъ кишенецъ сказалъ полуполковнику, что великій государь такъ чинить не велитъ, то Левашовъ мало не прокололъ его копьемъ и кричалъ: «полно вамъ, б...ы дѣти, хохлы свои вверхъ подымать! Ужъ вы у насъ въ мѣшкѣ».

— Да это почище татарскихъ баскаковъ,—гнѣвно замѣтилъ государь.—Все это я выбью изъ нихъ... Погодите!

Царь всталъ и началъ ходить по кабинету, бросая иногда взглядъ на стѣнную карту Швеціи и на дельту Невы.

— О чемъ еще Мазепа доноситъ?—спросилъ онъ, нѣсколько успокоясь и опять садясь къ столу.

— Гетманъ доноситъ еще, государь, что Скотинъ шелъ съ твоими государевыми ратными людьми чрезъ порубежные днѣпровскіе города, и его ратные люди невѣдомо за что наглостью черкасъ и по городамъ, и въ полѣ наглостно били, на нихъ съ ножами бросались, иныхъ словно татары въ неволю брали, «въ вязеню держали», какъ пишетъ гетманъ, а когда начальные казацкіе люди пришли къ Скотину съ поклономъ, то онъ велѣлъ бить барабаны, дабы словъ не было слышно, а опосля того велѣлъ гнать ихъ бердышами.

Царь тлянулъ на сидѣвшаго въ сторонѣ Ягужинскаго, повидимому, внимательно вслушивавшагося въ докладъ

— Павелъ! Ты слушаешь?—спросилъ Петръ.

— Слушаю, государь,—отвѣчалъ молодой деньщикъ царя.

— Во все вникаешь?

— Вникаю, государь.

— Добро.—И, обратясь къ Головину, царь сказалъ,—Изготовь, Ѳедоръ Алексѣичъ, указъ къ гетману и о строжайшемъ дознаніи по симъ его донесеніямъ. Съ симъ указомъ я отправлю къ Мазепѣ, кого бы понадежнѣе?

— Если изволитъ государь, то я-бы указалъ на стольника Протасьева,—отвѣчалъ Головинъ послѣ небольшого размышленія.

— Быть по твоему,—согласился царь,—Протасьева, такъ Протасьева. Но въ помощь ему я дамъ мои глаза и мои уши, пошлю ихъ къ Мазепѣ.

Докладчикъ смотрѣлъ недоумѣвающе, ожидая разъясненія непонятныхъ словъ государя.

— Я пошлю Павла,—указалъ царь на Ягужинскаго,—это мои глаза и мои уши. Что Павелъ увидитъ, то увижу и я, что услышитъ Павелъ, то и я услышу: правда мимо меня не пролетитъ.

У Ягужинскаго и боязнью, и радостью дрогнуло сердце: онъ, восемнадцатилѣтній юноша, уже любилъ... Онъ опять увидитъ Малороссію, которая казалась ему земнымъ раемъ... Эти вербы, любовно склоняющіяся надъ прозрачными, тихими «ставками» прудами, эти стройные тополя, бѣленькія хатки, утопающія въ зелени вишневыхъ садочковъ... Онъ услышитъ эти пѣсни, мелодіи которыхъ, и плачушія и подмывающія, доселѣ звучатъ въ его душѣ... Онъ увидитъ ее, ту, образъ которой запечатлѣлся на вѣки въ его сердцѣ, и не отходитъ отъ него, какъ видѣніе... Онъ увидитъ Мотрю, Мотреньку, эту прелестную дѣвочку, дочь генеральнаго судьи и стольника Кочубея (которую Пушкинъ въ своей «Полтавѣ» ошибочно назвалъ Маріею...). Послѣ того, какъ Павлуша видѣлъ ее въ Диканькѣ, въ саду, и разговаривалъ съ нею, и разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ Мазепы, личико Мотреньки, ея черненькая головка, украшенная цвѣтами, и вся она, какъ только-что распустившійся цвѣточекъ, заполнили всю его душу... Теперь она еще выросла... теперь ей, вѣроятно, уже пятнадцатый годъ...

— Слышишь, Павелъ?—прервалъ его мечты голосъ царя.

— Слушаю, государь,—трепетно отвѣчалъ Павлуша.

— Ты, кажется, боишься?

— Нѣтъ, государь, для тебя я и смерти не боюсь!—съ юношескимъ жаромъ отвѣчалъ любимецъ Петра..—И для нея готовъ всякія муки претерпѣть, — восторженно думалъ влюбленный юноша.

V.

Ягужинскій съ Протасьевымъ въ Малороссіи.

Мазепы они не застали въ его столицѣ, въ Батуринѣ.

Гетманъ находился въ это время въ Диканькѣ у своего генеральнаго судьи, Кочубея, куда старый гетманъ частенько заглядывалъ въ послѣднее время. И его, вождя Малороссіи, опыт-

наго дипломата, ловкаго интригана и отлично отполированнаго при дворѣ королей польскихъ, его, на плечахъ котораго лежали тяжелыя государственныя заботы, его, какъ и юнаго Павлушу Ягужинскаго, влекло одно и то же ясное солнышко—прелестная Мотренька Кочубеевна... «Любви всѣ возрасты покорны». Повторялось и повторяется, изъ вѣка въ вѣкъ... И старый Мазепа любилъ... Изъ-за этой любви, быть можетъ, пошелъ на то страшное дѣло, которое погубило его (и по дѣломъ!) и которое, совершенно незаслуженно со стороны Малороссіи, внесло навсегда, кажется, холодъ и недовѣріе въ сердце Великороссіи къ ея старшей сестрѣ, кіевщинѣ, со всѣми ея старыми и новыми областями. Мазепѣ хотѣлось великокняжескою короною украсить Мотренькину черненькую головку, головку будущей своей супруги, отъ которой долженъ бы пойти царственный родъ мазепидовъ... Онъ мечталъ объ этомъ, строя ковы противъ Великороссіи тайно отъ страны и народа, которыхъ онъ былъ избраннымъ вождемъ...

Когда Протасьевъ и Ягужинскій прибыли въ Диканьку, Мазепа и Кочубей встрѣтили царскихъ посланцевъ съ величайшими почестями. Гетманъ, принявъ отъ Протасьева царскій указъ, почтительно поцѣловалъ его и поклонился «до земли».

Прочитавъ указъ, Мазепа тотчасъ же отправилъ нѣсколько козаковъ гонцами, чтобъ доставить въ Диканьку Левашова и Скотина, а также нужныхъ свидѣтелей изъ Кишенки и порубежныхъ городовъ, гдѣ Левашевъ и Скотинъ чинили насилія, безчинства и грабежи.

Въ то же время хозяйка, жена Кочубея, уже хлопотала о томъ, чтобы достойно угостить дорогихъ гостей.

Пиръ вышелъ на славу. За обѣдомъ присутствовала и красавица Мотренька, одѣтая въ живописный малороссійскій нарядъ съ «добрыми коралями и золотыми дукачами» на смуглепькой шейкѣ. Пили за здоровье царя и его посланцевъ, а Протасьевъ провозгласилъ здравицы за ясновельможнаго пана гетмана, за хлѣбосольнаго хозяина и за его супругу съ дочкою.

Мотренька узнала Ягужинскаго, который за обѣдомъ взглядывалъ на нее украдкой, и этотъ взглядъ всегда перехватывалъ лукавый гетманъ и дергалъ себя за сѣдой усъ.

Чтобы чѣмъ-нибудь развлечь гостей послѣ обѣда, находчивая хозяйка обратилась къ традиціонному въ Малороссіи раз-

влеченію. Какъ въ Испаніи гитара и бой быковъ составляютъ національное развлеченіе, такъ въ Малороссіи — бандура и кобзарь.

Пани Кочубеева велѣла позвать кобзаря.

Зашелъ разговоръ о Москвѣ и о государѣ.

— Богъ посылаетъ, слышно, побѣду за побѣдой его пресвѣтлому царскому величеству,—сказалъ Мазепа.

— Благодарити Бога, ратные государевы люди уже отгромили у короля шведскаго почитай всю Ливонію и Ингрію,— отвѣчалъ Протасьевъ.

— То ему за Нарву, — улыбнулся Кочубей, — теперь онъ злость свою срываетъ на Августѣ,—гоня его якъ зайца по пороши.

— А что это учинилось у васъ на Москвѣ, что великій государь подвергъ великой опалѣ тамбовскаго епископа Игнатія?— спросилъ Мазепа.

— То, ясновельможный панъ гетманъ, такое дѣло, что о немъ и помыслить страшно,—уклонился отъ отвѣта ловкій стольникъ.

Въ пріемный покой ввели кобзаря. Это былъ слѣпой благообразный старикъ и съ нимъ хорошенькій черноглазый мальчикъ, «поводатырь» и «михоноша».

— Хлопья голе и босе,—какъ говорили о немъ сердобольныя «покоювки», увидѣвшія его на панскомъ дворѣ.

Кобзарь поклонился и обвелъ слѣпыми глазами присутствующихъ, точно онъ ихъ видѣлъ.

— Якои-жъ вамъ, ясновельможне паньство, заиграть: чи про «Самійлу Кишку», та то дуже велыка, чи про «Олексія Поповича», чи-го про «Марусю Богуславку», чи, може, «Невольныцкі плачъ», або «Про трехъ бративъ», що утикали зъ Азова зъ тяжкои неволи?—спросилъ слѣпецъ.

— Та краще, мабуть, диду, «Про трехъ бративъ»,—сказалъ Мазепа.

— Такъ, такъ, старче, «Про трехъ бративъ»,—подтвердилъ Кочубей,—бо теперь вже у Азови нема и николы не буде мисця для невольныкывъ, дякуючи его царьскому пресвѣтлому величеству.

— Ото жъ и я думаю, куме,—согласился Мазепа.

Кобзарь молча началъ настраивать бандуру. Струны робко,

жалостно заговарили, подготовляя слухъ къ чему-то глубоко-печальному... Яснѣе и яснѣе звуки, уже слышится скобь и заглушенный плачъ...

Вдругъ слѣпецъ поднялъ незрячіе глаза къ небу и тихо-тихо запѣлъ дрожащимъ старческимъ голосомъ, нѣжно перебирая говорливыя струны:

Ой то не пылы пылылы,
Не туманы уставалы,
Якъ изъ земли турецькои,
Да зъ виры бусурменськои,
Изъ города изъ Азова зъ тяжкои неволи
Тры братикы втикалы:
Два кинныхъ, третій пишій пишеныця.
Якъ-бы той чужый чуженыця,
За кинными бижыть подбигае,
На сира коринння, на биле каминння
Нижкы свои козацькіи посикае, кровью слиды залывае
До кинныхъ бративъ добигае,
За стремена хватае,
Словамы промолвляе...

— Гей-ей-гей-ей,—тихо, тихо вздыхаетъ слѣпецъ, и струны бандуры тихо рыдаютъ.

Но вдругъ тихій плачъ переходитъ въ какой-то отчаянный вопль, и голосъ слѣпца все крѣпнетъ и крѣпнетъ въ этомъ воплѣ:

«Станьте вы, братця! коней попасите, мене подождите,
Зъ собою возьмите, до городивъ хрыстяньськыхъ хочь мало пидвезите:

Нехай-же я буду знаты,
Куды въ городы хрыстыяньськи
До отця-до матери дохождаты!»

Опять перерывъ и нѣмое треньканье говорливыхъ струнъ.

Всѣ ждутъ, что будетъ дальше. Чуется нѣмая пока драма. Мазепа сидитъ, насупившись. Пани Кочубеева горестно подперла щеку рукою. Личико Мотреньки поблѣднѣло. У Ягужинскаго губы дрожатъ отъ сдерживаемаго волненія. Одинъ стольникъ безстрастенъ.

Какъ-будто издали доносятся слова чужого голоса.

И ти браты тее зачувалы,
Словамы промолвлялы:
«Ой братику нашъ меньшій, мылый,
Якъ голубонько сывый!
Ой, та мы самы не втичемо,

И тебе не ввеземо:
Бо изъ города Азова буде погоня вставаты,
Тебе пишого на тернахъ, та въ байракахъ минаты,
А насъ кинныхъ буде догоняты
Стриляты-рубаты,
Або живыхъ въ полонъ завертаты.
А якъ жывъ-здоровъ будешь,
Самъ у землю хрыстянську увійдешь».

— Ой, мамо, мамо! Воны его покынулы!—громко зарыдала Мотренька и бросилась матери на шею.

VI.

И пани Кочубеева, и отецъ, и Мазепа стали успокоивать рыдавшую Мотреньку.

— Доненько моя! Та се-жъ воно такъ тилько у думи спивается,—утѣшала пани Кочубеева свою дочечку, гладя ея головку,—може сего николы не було.

— Тай не було жъ, доню, моя люба хрещеныця—утѣшалъ и гетманъ свою плачущую крестницу.—Не плачь, доню, вытры хусточкою очыци.

— Отъ дурне дивча!—любовно качалъ головою самъ Кочубей.—Ото дурна дытына моя коханая!

Мотренька нѣсколько успокоилась и только всхлипывала. Ягужинскій сидѣлъ блѣдный и нервно сжималъ тонкіе пальцы. Стольникъ благосклонно улыбался.

— Може мени вже годи панночку лякаты?—проговорилъ кобзарь.—То я съ вашои ласкы, ясновельможне паньство, и пиду геть?

— Ни-ни!—остановила его пани Кочубеева.—Нехай Мотря прывыка, вона козацького роду. За козака и замижъ виддамо... Вона вже й рушныкы прыдбала.

Мазепа сурово сдвинулъ брови, увидавъ, что при словѣ «рушники» Мотренька улыбнулась и покраснѣла.

— Ну, сидай коле мене, та слухай,—сказала пани Кочубеева, поправляя на ея, только что сформировавшейся, груди «коралы» и «дукачи». А ты, диду, спивай дали.

— Ге-эй-гей-гей!—опять вздохнула старческая грудь, опять зарокотали струны, и полились, суровыя, укоряющія слова:

И тее промовлялы,
Выдтиль побигалы.
А меншый братъ, пиша пишеныця
За кинными братамы вганяе,
Кони за стремена хватае,
И словамы промолвяе,
Слизмы облывае:
«Братикы мои ридненьки,
Голубонькы сывеньки!
Колы-жъ мене, братця, не хочете ждаты,
Хочъ одно-жъ вы милосердыя майте:
Назадъ коней завертайте,
Изъ пиховъ шабли выймайте,
Мени зъ плечъ голову здіймайте.
Тѣло мое порубайте,
Въ чыстимъ полю поховайте,
Звиру ты птыци на поталу не дайте!»

— Бидный!—тихо вздохнула Мотренька.—Ото браты!

Эта наивность и доброта дѣвушки такъ глубоко трогали Павлушу Ягужинскаго, что онъ готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни и цѣловать край ея «спиднычки».

— У тебе-бъ не такый бувъ братъ,—улыбнулась дочери пани Кочубеева,—та не давъ Богъ.

Снова настала тишина, и слышенъ былъ только переборъ струнъ, а за нимъ суровое слово порицанія братьямъ безсердечнымъ:

И ти браты тее зачувалы,
Словами промовлялы:
«Братику мылый,
Голубоньку сывый!
Що ты кажешь!
Мовъ наше серце ножемъ пробываешь!
Що наши мечи на тебѣ не здіймуться,
На дванадцять частей розлетяться,
И наша душа грихивъ до-вику не выдкупыться.
Сего, брате, изроду нигде не чувалы,
Щобъ ридною кровью шабли обмывалы,
Або гострымъ спысомъ опрощеные бралы».

А вже хлопчикъ заснувъ,—шепнула Мотренькѣ мать,—бачъ, головкою куняе.

— Не перебивайте, мамцю, — сказала Мотренька, — може браты визьмутъ меншого. Чуете?

«Колы-же не хочете, братця, мене рубаты,
То прошу васъ, братця, якъ будете до байракивъ прыбуваты,
Терновы виткы въ запилля рубайте,
Мени прызнаку покыдайте».

Опять голосъ слѣпца переходитъ на другіе тоны:

То вже два козакы въ байракы въйзжае,
Середульшый братъ мылосердые мае,
Верховиття у тернивъ зтынае.
Меншому брату прымиту покыдае.
Отоди-жъ-то до Савуръ-могылы, добигалы,
На Савуръ-могыли тры дни, тры ночи спочывалы,
Свого найменшого брата, пишу пишеныцю пиджыдалы.
А меньшый братъ, пишна пишениця,
До тернивъ, до байракивъ добигае,
И тернове виття, верхы у рукы бере-хапае,
До серця казацького прикладае,
Слизмы обливае:
Сюды мои два браты кинни пробигалы,
Тернови виття, верхы стыналы,
И мени найменшому брату, пишій пишеныци,
На признаку покыдалы,
Щобъ навъ я зъ тяжкои неволи
Въ землю хрыстыяньску,
До батька, до матери, до роду утикаты».
Тое промовляе,
Виттиля побигае,
Изъ байракивъ, изъ мелюсивъ выбигае,
Нема ни тернивъ, ни байракивъ,
Ниякихъ признакивъ:
И тилько поле лиліе,
На ему трава зеленіе...

— Охъ, мамо!—схватила Мотренька мать за руку.—То-жъ зъ нымъ буде!—жалобно шептала она, на глазахъ ея показались опять слезы.

Но она продолжала жадно прислушиваться къ полнымъ глубокаго трагизма словамъ слѣпца, которыя даже спокойнаго стольника хватали за душу:

То ставъ же братъ старшый та середульшый на полевку избигаты,
На степы высоки, на велыки дорогы росхиднии,
Не стало тернивъ та байракивъ рубаты,
Меншому брату прыкмету покыдаты,—
До ставъ-же братъ середульшый до старого промовляты:
«Пумъ, брате, мы зъ себе зелени жупаны скыдаты,
Червону та жовту кытайку выдыраты,
Пишому брату меншому прыкмету покладаты:
Нехай винъ бидный знае, куды за намы, кинными, тикаты».

— Якый же, мамо, добрый та хорошый сей середульшый братъ,—шепчетъ Мотренька матери, глотая слезы умиленія и жалости.

А кобзарь снова разрывалъ ей сердце:

До ставъ-же братъ старшый згорда словамы промовляты:
Чы подобенство, брате, щобъ я свое добро туреньке на шматкы дравъ—
Брату меншому на прызнаку дававъ?
Якъ винъ жывъ-здоровъ буде,
Такъ самъ у земли хрыстыянськи безъ нашыхъ прызнакивъ усякыхъ прыбуде»

— О, мамо! Якый же нехорошый сей старшій братъ! — шепчутъ дрожащія губки Мотреньги.—О, мамо, мамо!

Ягужинскій видитъ это, и его сердце разрывается жалостью и любовью.

VII.

Полная глубокаго драматизма дума казацкая начала волновать душу даже холоднаго на видъ гостя московскаго.

— Чѣмъ-то кончится все сіе? — спрашиваетъ себя мысленно Протастьевъ.—Колика духовная сила и лѣпота у сихъ хохловъ, коль у самаго подлаго, нищаго слѣпца слагается въ душѣ такая дивная повѣсть.

И онъ уже съ глубокимъ интересомъ вслушивался въ дальнѣйшія детали развертывавшейся передъ нимъ драмы, объ одномъ сожалѣя, что нѣтъ здѣсь великаго государя, чтобъ и онъ прослушалъ козацкую думу, которая говорила устами слѣпца:

То братъ середульшый мылосердые мае,
Изъ свого жупана червону та жовту кытайку выдырае,
По шляху стеле—покладае,
Меншому брату прыкмету зоставляе.
То середульшый братъ старшому брату словамы промовляе:
Брате мій старшый, ридненькій! прошу я тебе:
Тутъ травы зелени, воды здорови, очереты удобни:
Станьмо хочъ мало—немного кони свои попасимо,
Свого пишого брата хочь трохи пидождимо,
На коней возьмимо,
Въ городы хрыстыянськи хочь мало надвезимо,
Нехай-же нашъ найменшый братъ буде знаты,
Куды въ городы хрыстыянськи до отца-до тки дохождаты»...

— О, хорошый, хорошый!—сами собой шепчутъ губы Мотреньки.

Мазепа, слушая давно знакомую думу, видѣлъ, что она уже разбередила душу даже московскаго стольника.

— И москаля зачепыла, и у москаля у грудяхъ крыга ростопылась,—ехидно улыбался онъ въ свои сѣдые усы

А кобзарь тянулъ:

То старшый братъ до середульшого брата словами промовляе:
«Чы ще-жъ тоби катерга турецька не ввирылася
Сырыця у рукы не въидалася!
Якъ будемо свого брата пишого наджыдаты,
То буде за намы зъ города Азова велыка погонь угоняты,
Буде насъ кинныхъ бративъ догоняты,
Буде насъ на тры штукы рубаты,
Або буде насъ въ гиршу неволю жывцемъ завертаты,
А нашого найменшого пишого брата
Буде въ тернахъ, въ байракахъ на спочынкахъ мынаты,—
То мы свого брата пишого не ввеземо,
А самы зъ азовськои турецькои неволи не втечемо».

— Правдыво разсудывъ старшій братъ, пане стольнику?—съ лукавствомъ спросилъ Протасьева Мазепа.

— Нѣтъ, панъ гетманъ!—отрѣзалъ стольникъ.—За такой разсудъ великій государь велѣлъ бы старшаго брата бить батоги нещадно, дабы другимъ такъ чинить было неповадно.

Мотренька благодарными, растроганными глазами взглянула на Протасьева и подумала наивно: «хочъ и москаль, а добрый».

— «Допеклы, допеклы москаля до жывыхъ печинокъ!»—ухмылялся Мазепа своею лукавою душой.

А кобзарь продолжалъ:

То якъ ставъ пишеходець изъ тернивъ выходыти,
Ставъ червону китайку находыты:
У рукы хватае, дрибнымы слезамы облывае
«Не дурно—промовляе—червона кытайка по шляху валяе.
Мабуть, моихъ братывъ на свиты немае!..
Мабуть, за ними зъ города Азова погоня вставала,
Мене въ тернахъ на спочыни мынала,
Бративъ моихъ догоняла, стриляла, рубала!
Колы-бъ я могъ знаты,
Чи моихъ бративъ пострелянo
Чи ихъ порубано,
Чи ихъ жывыхъ у руки забрано,—
Ей, то пишовъ бы я по тернахъ, по байракахъ блукаты,
Тила козацького—молодецького шукаты,
Та тило козацьке—молодецьке у чистымъ поли поховаты,
Звиру—птыци на поталу не подати»

— Вишь, панъ гетманъ, онъ великодушнѣе своихъ безсердечныхъ братьевъ,—замѣтилъ тронутый Протасьевъ.

— Та такъ же, высокошановный пане стольнику,—согласился Мазепа, а въ лукавой душѣ подумалъ:—«бачу, бачу, москалю, що й тебѣ наша дума дошкулыла добре».

А Мотренька готова была полюбить этого москаля, если бы тутъ не сидѣлъ... Павлуня...

А кобзарь тянетъ свой плачущій гимнъ:

То винъ на шляхъ Муравськый выбигае,
И тильки своихъ братывъ трошки ридныхъ слиды зобачае.
Та побыло-жъ меншого брата въ поли
Три недоли:
Що одна—безвиддя,—друга—безхлибъе,
Трете—буйный витеръ въ поли повивае,
Бидного козака зъ нигъ валяе...
До Осавуръ—могылы прыбувае,
На Осавуръ—могылу зихожае,
Тамъ соби безпечно девъятого дня спочынокъ мае,
Девъятого дня изъ неба воды-погоды выждае
Мало—немного спочывае,—
Ажъ ось до его вовци—сироманци нахождалы,
Орлы-чорнокрыльци налиталы,
Въ головкахъ сидалы—
Хотилы заздалегидь живота темный похоронъ одправляты...

— Охъ, мамо, мамо!—не осилила своего сердца Мотренька.

Кобзарь разошелся, ничему не внемлетъ:

Тоди винъ ихъ зобачае,
Словамы промовляе:
«Вовци-сироманцы, орлы-чернокрыльцы,
Гости мои мыли!
Хоть мало-немного обождите,
Поки козацька душа зъ тиломъ разлучыться,
Тоди будете мени зъ лоба чорни очи высмыкаты,
Биле тило коло жовтои кости оббыраты,
По-пидъ зелеными яворамы ховати
И комышамы вкрываты»...

Продолженіе думы было внезапно прервано приходомъ дежурнаго «вознаго», который доложилъ Мазепѣ и Кочубею, что отъ короля польскаго къ пану гетману прибылъ Рейнгольдъ Паткуль.

— Се вже, певне, знову изъ-за того проклятущаго розбышаки Палія, що забравсь у Билу Церкву, якъ той чортъ у оче-

ретъ, та въ яку дудку схоче, у ту и гра,—съ досадою дернулъ себя за усъ Мазепа.

Кобзарь всталъ, щедро всѣми награжденный.

VIII.

На другой день рано утромъ, когда Мазепа, Кочубей и Протасьевъ еще не вставали, Ягужинскій, котораго царь пріучилъ вставать съ пѣтухами, вышелъ въ диканьскій садъ, уже знакомый ему съ прошлаго года, когда Кочубей пріѣзжалъ въ Воронежъ къ Петру по дѣламъ Малороссіи, откуда до Диканьки провожалъ его Ягужинскій, чтобъ вручить Мазепѣ пожалованную ему царемъ саблю.

Хотя былъ уже августъ на исходѣ, но въ Диканькѣ, какъ и во всей Малороссіи, этого не чувствовалось. Утро было теплое, тихое.

Павлуша, идя по роскошному саду, вспомнилъ прошлогоднее въ немъ гулянье. Тогда былъ апрѣль, и садъ стоялъ весь въ цвѣту, точно осыпанный розоватымъ снѣгомъ. Теперь всѣ вѣтви плодовыхъ деревьевъ были отягощены яблоками, грушами, сливами. Вспомнилъ Павлуша и прошлогоднюю встрѣчу свою въ этомъ саду съ Мотренькой.

Странная была встрѣча, но отъ воспоминанія о ней весна расцвѣтала въ душѣ Павлуши. Онъ тогда, какъ и теперь, вышелъ въ садъ и былъ пораженъ красотою всего, что представилось его взору послѣ безцвѣтной и холодной Москвы. Роскошь цвѣтенія сада, весеннее пѣніе птицъ, жужжаніе пчелъ и другихъ насѣкомыхъ, мелькавшія разноцвѣтныя бабочки, все это такъ подѣйствовало на него, что онъ чувствовалъ себя объятымъ какимъ-то волшебствомъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство гдѣ-то въ Польшѣ, плачущую скрипку отца-музыканта, и ему сдѣлалось такъ сладко и горько, что онъ упалъ на траву и заплакалъ какъ ребенокъ... Въ это время кто-то тихонько прикоснулся рукою къ его плечу... Онъ поднялъ глаза и словно замеръ передъ чуднымъ видѣніемъ: не то русалка, не то реальная дѣвочка, вся въ цвѣтахъ, въ ореолѣ лучезарной красоты... Она спросила его, о чемъ онъ плачетъ, сказала, что видѣла его у «татки»... Это была дочь Кочубея... Они разговорились о своихъ лѣтахъ... Ему такъ хорошо было слушать ея чарующій голосокъ, смотрѣть въ ясныя,

невинныя дѣтскія очи... И вдругъ показался Мазепа, и все расхолодилъ своею насмѣшливою улыбкой, своимъ голосомъ...

И вотъ вчера онъ опять увидѣлъ ее... Она выросла, расцвѣла... И она помнила его...

Какъ она вчера расплакалась отъ пѣнія думы... И ему хотѣлось заплакать съ нею...

Вспоминая теперь все это, онъ забрелъ въ отдаленный уголокъ сада и присѣлъ на скамейку подъ горѣвшими на солнцѣ багрянцемъ кистями калины. Онъ долго просидѣлъ такъ, думая о томъ, что, вѣроятно, ему скоро придется ѣхать съ государемъ или къ Бѣлому морю, или къ Невѣ, гдѣ воевалъ Апраксинъ, и за этими думами не слыхалъ, какъ кто-то легкими шагами подошелъ къ нему.

— А я васъ шукала,—услышалъ онъ мелодическій голосокъ.

Передъ нимъ опять стояло видѣніе... Но онъ узналъ его, то была Мотренька.

Онъ растерялся и не сразу могъ прійти въ себя.

— Я васъ шукала,—повторила дѣвушка,—а вы онъ-де сховалысь.

Ягужинскій покраснѣлъ, не зная, что отвѣчать.

— Я гулялъ,—пробормоталъ онъ.

Робость и скромность Павлуши сразу расположили къ нему Мотреньку.

— Я, може, васъ налякала?—спросила она.

— Налякала? Что это такое? Я таковаго слова не знаю,—отвѣчалъ нерѣшительно Павлуша, любуясь дѣвушкой.

Мотренька разсмѣялась.

— О, я й забула, що вы москаль, и вы нашои мовы не розуміете,—сказала она.—Такъ вы жъ и вчера не розумилы, про що спивавъ кобзарь.

— Нѣту, Мотрона Васильевна, вчера я все уразумѣлъ, хоть иныхъ словъ и не понималъ, одначе догадывался,—нѣсколько смѣлѣе заговорилъ Ягужинскій.—А жаль, что пріѣздъ Паткуля помѣшалъ дослушать конецъ былины, чѣмъ она кончилась.

— А я знаю кинецъ,—похвалилась Мотренька,—такый сумный, такый сумный, що плакать такъ и рветься серце.

— Да вы и вчера плакали,—сказалъ Ягужинскій.

Мотренька покраснѣла.

— О, учера я дурна була, мовъ мала дытына, привселюдно заголосыла,—оправдывалась она,—соромъ такій велыкій дивчыни плакать при людяхъ.

— Такъ вы знаете конецъ былины, Мотрона Васильевна?

— Не «былина», «былина» у поли росте або у садочку, а то «дума»,—поправила «москаля» Мотренька.

— «Дума»... У насъ «дума» токмо царская, гдѣ сидятъ бояре да думные дьяки,—серьезно говорилъ Ягужинскій.

— Отъ чудни москали! У «думахъ», бачъ, у ихъ сыдять, а въ насъ ихъ спивають,—пустилась Мотренька въ лингвистическія тонкости.

Ягужинскій улыбался, очарованный дѣтской наивностью дѣвушки и ея чарующей красотой.

— Такъ какой же конецъ думы, Мотрона Васильевна?—спросилъ онъ, желая только, чтобъ она дольше щебетала какъ птичка.

— Добро, я вамъ розкажу... Учора, якъ розигнавъ насъ той нимець, мы зъ мамою закликалы кобзаря до себе, у нашъ покій, и винъ доспивавъ намъ усю думу... Маты Божа! Яка жъ жалибна, — торопливо говорила Мотренька. — Ото якъ меншый братъ, пишый, ублагавъ вовкивъ, сироманцивъ, та орливъ-сизокрыльцивъ, щобъ воны его живцемъ не ззилы, то и ставъ винъ, бидный, помирать, бо девьять днивъ въ его а ни крапли водицы, а ни крыхтоньки хлиба у роти не було... А якъ винъ вмеръ, тоди, о, матинко моя!.. тоди вовкы-сироманци нахождали, биле тило козацькоее жваковалы, и орлы-чорнокрыльци налиталы, въ головкахъ сидалы, на чорни кучери наступалы, изъ-пыдъ лба очи высмыкалы, тоди ще й дрибна птиця налитала, коло жовтои кости тило оббирала, ще й зозуля налиталы, у головахъ сидалы, якъ ридни сестры куковалы, ще и удруге вовци-сироманци нахождалы, жовту кость по балкахъ, по тернахъ розношалы, попидъ зеленымъ яворемъ ховалы, и комышами вкрывалы, жалибненько квылыли-проквылялы:—то-жъ воны казацькый похоронъ одправлялы...

У Мотреньки вдругъ дрогнули губы, и она горько-горько заплакала.

Ягужинскій растерялся.

— Мотрона Васильевна! Дѣвынька милая! Что я надѣлалъ!—бормоталъ онъ.

А Мотренька еще пуще, совсѣмъ по-дѣтски, расплакалась, закрывшись руками.

— Господи! Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ! — метался Павлуша.

Онъ совершенно безсознательно схватилъ руки дѣвушки, чтобъ отнять ихъ отъ лица. И это, къ счастью, подѣйствовало. Мотренька топнула ножкой, глотая слезы.

— О, яка-жъ я дурна!—силилась она улыбнуться.—И васъ налякала... Отъ дурна!

— Слава Богу, слава Богу!—радостно говорилъ Ягужинскій.—А я такъ испужался.

— Ни, ничого, ничого, се я такъ, дурныцею... Якый соромъ! Хочъ у Сирка очи позычай,—храбрилась Мотренька.—Теперь я й кинець думы докажу...

— Не надо, не надо, Мотрона Васильевна! А то опять... не надо!

— Та не бійтесь... Тамъ вже не такъ жалибно... Я вамъ коротенько скажу, — настаивала Мотренька. — Богъ покаравъ старшыхъ братывъ за меншого: якъ воны ночували выше рички Самаркы, то турки-янычары на ихъ напалы, пострилялы й порубалы... Отъ и все.

— Тэ-тэ-тэ-тэ!—вдругъ они услышали за собою насмѣшливый голосъ.

Глядь, Мазепа!

«А! Старый чортъ! — выругался въ душѣ Ягужинскій.— какъ и тогда, его нелегкая принесла»!

— Отъ-такъ дивча! Вже й пидчепыла москалыка... Имъ, бачъ, оцымъ дивчатамъ хочъ зъ гиркою осыкою женихаться,— говорилъ гетманъ ревнивымъ голосомъ.

— Та я имъ, тату хрещеный, кинецъ думы «Про трехъ братывъ» проказала,—оправдывалась Мотренька, надувъ губки.— А вы казнащо...

— То-то за для кинця думы ты ихъ мылость, пана деньщика его царського пресвитлого велычества, у яки нетри завела,—шутилъ старый женолюбецъ. — Ты ихъ мылость видъ царськои службы одрываешь... Простить іи, папе, дурненьку кизочку,— любезно поклонился онъ Ягужинскому, который стоялъ красный какъ печеный ракъ...

IX.

Слѣдствіе, произведенное стольникомъ Протасьевымъ надъ полуполковниками Левашовымъ и Скотинымъ въ присутствіи гетмана, подтвердило всѣ взведенныя на нихъ Мазепою обвиненія, и по указу царя они были достойно наказаны.

По возвращеніи изъ Малороссіи Ягужинскій замѣтилъ какую-то перемѣну въ государѣ. Онъ иногда подмѣчалъ въ царѣ минутную задумчивость, иногда неопредѣленную улыбку, и тогда глаза Петра смотрѣли какъ-то теплѣе. Еще Павлуша замѣтилъ, что царь рѣже отлучался теперь въ нѣмецкую слободу, къ Аннѣ Монсъ, зато чаще и охотнѣе сталъ навѣщать Меншикова.

А отъ зоркихъ глазъ Павлуши рѣдко что могло укрыться, да при томъ не только глаза, но и сердце Павлуши, по возвращеніи изъ Диканьки, стало много догадливѣе. Онъ, какъ бы преображенный чувствомъ къ Мотренькѣ, понялъ, что и царя Петра Алексѣевича преобразило, вѣроятно, такое же чувство...

Но къ кому?.. Надо выслѣдить...

Прежде всего Павлуша выслѣдилъ, что вмѣсто царя въ Нѣмецкую слободку часто сталъ навѣдываться красавецъ Кенигсекъ, саксонско-польскій посланникъ, только въ этомъ году перешедшій въ русскую службу... Ради чего изъ поповъ да въ дьячки?.. Ясно, ради нѣмецкой «плѣниры»... Итакъ, ниточка довела Павлушу до клубочка...

А если другая ниточка окажется ниткою Аріадны и приведетъ его въ пасть Минотавра?.. Охъ, тутъ надо быть осмотрительнѣе съ этою другою ниточкой...

Однажды царь послалъ его по дѣлу къ Меньшикову. Не заставъ Александра Даниловича дома, онъ спросилъ служащихъ при немъ, куда отлучился ихъ начальникъ. Но тѣ сами не знали, гдѣ онъ. Ягужинскаго это смутило, потому что государь терпѣть не могъ неточнаго исполненія его приказаній. Пока онъ стоялъ въ пріемной Александра Даниловича въ нерѣшимости, какъ поступить ему, изъ внутреннихъ покоевъ неожиданно вышла молоденькая, очень красивая дѣвушка и съ нѣсколько нерусскимъ акцентомъ спросила:

— Вы отъ государя?

— Отъ государя, сударыня, — отвѣчалъ смутившійся Павлуша.

— Вы не Ягужинскій ли будете?—снова спросила незнакомка.

— Такъ точно сударыня: я Павелъ Ягужинскій, денщикъ его величества.

— О, я объ васъ, Павелъ Ивановичъ, много слышала отъ Александра Даниловича, который говоритъ, что государь васъ очень любитъ,—улыбаясь, говорила незнакомка.

— Я служу вѣрой и правдой его величеству,—поклонился Павлуша.

— И васъ зовутъ Павлушей,—еще веселѣе улыбнулась незнакомка,—вѣдь вы такой еще молоденькій... Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать, сударыня,—уже съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Павлуша.

— И мнѣ столько же,—совсѣмъ разсмѣялась незнакомка.

Но, замѣтивъ, что царскій посолъ обезпокоенъ и, видимо, торопится узнать, гдѣ Меншиковъ, поспѣшила сказать:

— Александръ Даниловичъ теперь у графа Головина, а отъ него тотчасъ самъ явится во дворецъ.

— Благодарю васъ, сударыня,—низко поклонился Павлуша.

Онъ понялъ, что это не простая особа, а что-то близкое къ Меншикову; все знаетъ; но кто она?..

Павлуша еще разъ поклонился еще ниже и вышелъ озадаченный.

— «Меншиковъ?.. Или?..»—путалось въ головѣ у Павлуши.

— Нѣтъ, не Меньшиковъ,—рѣшилъ онъ уже вслухъ.

Передъ нимъ выплылъ нѣсколько наглый, хотя красивый обликъ Анны Монсъ.

— Нѣтъ, эта прекраснѣе,—снова рѣшилъ Павлуша.

Такъ вонъ оно что!.. Не удивительно!..

— Кто жъ она? Откуда? Иноземка, это несомнѣнно... Александръ Данилычъ недавно ѣздилъ къ войску въ Ингрію и Ливонію... Оттуда, я чаю, онъ привезъ ее... Ну, Аннушка, води за носъ Кенигсека, да только концы въ воду хорони, на дно океана, да съ камушкомъ, а то всплывутъ, али рыба проглотитъ, а рыбу рыбаки, пожалуй, выловятъ да къ столу государеву поднесутъ,—разсуждалъ самъ съ собою Павлуша.

Его что-то какъ бы толкнуло подъ сердце и ударило въ голову...

— Мотренька... двѣ капли воды... только Мотренька черняве... Нѣтъ, Мотренька краше... для меня...

Смущенный входилъ Павлуша во дворецъ.

— Говорить государю, или не сказывать, что я ее видѣлъ?.. Надо сказать, коли спроситъ. Я отъ государя ничего не таю, какъ у попа на духу...

Ему навстрѣчу попался Орловъ.

— Александръ Данилычъ у государя?—спросилъ Павлуша.

— Нѣтъ... Да ты что такой? — вглядывался въ него Орловъ.—Развѣ дворскія дѣвки опять тебя силкомъ цѣловали? Я ихъ, которую, силкомъ цѣлую, а онѣ тебя, счастливчикъ!

Павлуша торопился.

— Куда ты?—остановилъ его Орловъ.

— Пусти, къ государю...

— Да онъ по твоей рожѣ узнаетъ, что тебя дворскія дѣвки дѣвства лишили,—не унимался Орловъ.

Павлуша хотѣлъ было спросить его о томъ, что занимало его...

— «А если и Орловъ ничего не знаетъ, а я наведу его на слѣдъ?»—мелькнуло у него въ умѣ. И врожденная осторожность удержала его отъ вопроса.

Еще болѣе смущенный, вступилъ онъ въ рабочій кабинетъ государя.

Петръ задумчиво глядѣлъ на околдовавшее его мѣстечко на картѣ, на дельту Невы.

Увидавъ Павлушу, государь быстро спросилъ:

— Что съ тобой, Павелъ?

— Ничего, государь,—еще болѣе смутившись, отвѣчалъ Павлуша.

— Не лги... Я всякій твой взглядъ и вздохъ понимаю,—ласково сказалъ государь.—Ну, что же?

— Орловъ все меня смущаетъ, государь, пристаетъ.

— Съ чѣмъ?

— Съ дворскими, государь, дѣвками.

— Развѣ и ты уже?..

— О, нѣтъ, государь! Орловъ говоритъ, будто меня дворскія дѣвки дѣвства лишили.

Государь весело разсмѣялся.

— Бѣдный царскій денщикъ! Что съ нимъ сдѣлали!

— Нѣтъ, государь,—бормоталъ несчастный Павлуша,—онѣ разъ какъ-то меня силкомъ поцѣловали, съ того и дразнитъ меня Орловъ.

— Такъ силкомъ-таки добра молодца?—смѣялся царь.—А что Меншиковъ?

— Онъ у графа Головина, государь, и сейчасъ прибудетъ.

— А отъ кого узналъ?—спросилъ царь.

Ягужинскій окончательно растерялся.

— Да что нонѣ съ тобой, Павелъ? Ты самъ не свой... Сказывай, отъ кого узналъ, что Данилычъ у Головина.

— Мнѣ дѣвушка сказала.

— Какая дѣвушка?

— Тамъ, у Александра Данилыча, государь. А кто она, не сказала.

Государь улыбнулся.

— А! Дѣвушка... А какъ она показалась тебѣ? — спросилъ онъ.

— Красавица, государь... Я такой не видывалъ... Развѣ...

— Что развѣ?

— У Кочубея дочка, государь.

— Краше этой?

— Нѣтъ, государь.

— Такъ приглянулась хохлушечка?—улыбнулся царь.

Ягужинскій покраснѣлъ и потупился.

— Ну, такъ женю, женю на хохлушечкѣ,—потрепалъ государь по щекѣ своего любимца.—Кочубей же, сказываютъ, богатъ какъ Крезъ.

Въ это время вошелъ Меншиковъ.

X.

По возвращеніи Меншикова изъ Ливоніи вмѣстѣ съ Мартою Скавронскою, будущею императрицею Екатериною Алексѣевною, государь, убѣдившись изъ личнаго доклада «Данилыча», что по всему южному побережью Финскаго залива и по южному же побережью Невы русское дѣло поставлено прочно, лично хотѣлъ убѣдиться, что и изъ Бѣлаго моря нельзя ожидать нападенія шведовъ, которые все время гоняли Августа изъ конца въ конецъ Польши.

Оказалось, что сѣверъ Россіи не требуетъ особенныхъ заботъ. Значитъ, можно будетъ подумать теперь и о Невѣ, и о ея дельтѣ, не дававшей спать Державному Плотнику.

Но прежде чѣмъ топоръ его застучитъ у устьевъ Невы, надо завладѣть ея истокомъ изъ Ладожскаго озера.

— Тамъ ключъ отъ Невы, — говорилъ государь Павлушѣ Ягужинскому, котораго онъ уже началъ посвящать въ государственныя дѣла.—Добудемъ ключъ и откроемъ ворота въ Неву.

Это говорилъ царь, отплывая изъ Соловокъ въ монастырскую деревню Пюхча, чтобъ оттуда прямымъ путемъ направиться къ Повѣнцу, а оттуда къ Ладожскому озеру.

Съ государемъ было 4.000 войска.

Но какъ пройти положительно непроходимыя, непроницаемыя лѣсныя чащи, болота, топи и ужасныя дебри? Для Державнаго Плотника, однако, не было ничего невозможнаго.

Онъ первый беретъ топоръ и начинаетъ пролагать себѣ путь, рубить просѣку въ вѣковѣчныхъ борахъ. Это была работа титана: какъ древніе миѳическіе титаны воевали съ богами, которые олицетворяли всю природу съ ея таинственными силами, такъ Державный Плотникъ сталъ воевать съ природою русскаго сѣвера.

— Данилычъ, и ты, Павелъ, берите топоры, и за мной!— сказалъ онъ и началъ валить вѣковыя сосны и березы.

И они первые открыли эту работу титановъ, а за ними войско и всѣ крестьяне вотчинъ Соловецкаго монастыря.

— Царь-отъ, царь, каки соснищи валитъ, страсть!—изумлялись крестьяне.

— По себѣ дерево рубитъ, ишь гремитъ топорищемъ на весь боръ!

— Силища-ту какова, братцы!

— Знамо, царска, не простая.

— Въ емъ одномъ сидитъ сила всей матушки Россіи.

— Илья Муромецъ, да и только.

— А паренекъ-то, паренекъ старается!

Это о Павлушѣ Ягужинскомъ.

Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей», держалось въ народѣ преданіе, что такъ много было рабочихъ на прокладкѣ вмѣстѣ съ солдатами этого титаническаго пути черезъ

лѣса, топи и болота, что на каждаго человѣка будто бы досталось положить на протяженіи всего пути одну только перекладину.

Конечно, это легенда, сказка.

По свидѣтельству того же источника, въ сороковыхъ годахъ «признакомъ дороги, которая была шириною въ 3 сажени, по сухимъ боровымъ мѣстамъ, могутъ служить только каменья, сдвинутые съ мѣста своего для очистки дороги, а по болотистымъ мѣстамъ оставшіяся мостовины. По этому пространству и длинѣ мостовинъ (поперечныхъ) можно судить объ ея ширинѣ. Теперь (1841 г.) по сухимъ мѣстамъ этой дороги изрытыя тропинки мѣстами совершенно исчезли. По болотистымъ мѣстамъ индѣ остаются еще мосты, поперечныя же перекладины оныхъ не существуютъ. Продольныя перекладины старыхъ мостовъ, лежавшія надъ поперечными, хотя и предались гніенію, но во всѣхъ мѣстахъ еще видимы: обросшія мохомъ, онѣ не такъ скоро подвергаются перемѣнамъ воздуха и вліянію сырости».

Такъ помѣтилъ свой путь Державный Плотникъ.

Отъ деревни Пюхча путь этотъ лежалъ къ деревнѣ Пулозеръ, гдѣ устроенъ былъ «ямъ» съ крытою палаткой, гдѣ продавалось все необходимое для войска. Отъ Пулозера, опять лѣсами и болотами, путь лежалъ къ деревнѣ Вожмосальмѣ на протяженіи 70 верстъ и черезъ Темянки выходилъ на Повѣнецъ. Далѣе по заливу Выгозерскому былъ проложенъ пловучій мостъ къ рѣкѣ Выгу.

Здѣсь государю доложили, что вся мѣстность эта заселена бѣглыми раскольниками, а ядро ихъ—Выговская пустынь.

— Добро,—сказалъ государь, а обратясь къ Меншикову, добавилъ,—въ этомъ краю непочатый уголъ желѣзной руды, такъ ты не медля поѣзжай и выбери мѣсто для завода, а раскольникамъ отъ моего имени скажи накрѣпко: слышно-де его царскому величеству, что живутъ здѣсь для староверства разныхъ городовъ собравшіеся въ Выговской пустыни бѣглые и службу отправляютъ Богу по старопечатнымъ книгамъ, а нынѣ-де его царскому величеству для войны шведской и для умноженія оружія и всякихъ воинскихъ матеріаловъ угодно-де поставить два желѣзныхъ завода, одинъ-де близъ Выговской пустыни, то чтобъ-де всѣ раскольники въ работахъ тѣмъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе, по возможности своей, и за то-

де царское величество дать имъ свободу жить въ той Выговской пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять.

— А не будутъ работать, разнесу!—грозно добавилъ государь.

«И отъ того времени—записано въ «Исторіи Выговской пустыни»—Выговская пустынь быти нача подъ игомъ работы, и начаша людіе съ разныхъ городовъ старовѣрства ради отъ гоненія собиратися и поселятися овіи по блатамъ, овіи по лѣсамъ, между горами и вертепами и между езерами, въ непроходныхъ мѣстахъ, селиться скитами и собственно келіями, гдѣ возможно».

Такъ Державный Плотникъ велъ свой народъ къ давно намѣченной цѣли.

— Не такъ древле Израиль стремился въ обѣтованную землю, какъ я къ ключу, запирающему входъ въ Неву,—говорилъ царь, стоя на берегу Онежскаго озера, гдѣ уже успѣли создать цѣлую флотилію карбасовъ, на которыхъ предполагалось пробраться въ Ладогу и явиться у стѣнъ Нотеборга, что нынѣ крѣпость Шлиссельбургъ.

— Богъ поможетъ тебѣ, государь, разрушить стѣны новаго Іерихона,—сказалъ на это Меншиковъ.

— Обѣтованная,—произнесъ задумчиво Петръ, — обѣщанная... Израилю Богъ Іегова обѣщалъ ту страну... А мнѣ кто?

— Твой разумъ, государь,—сказалъ Меншиковъ.

— Нѣтъ, Алексаша, не одинъ разумъ, который безсиленъ безъ науки, безъ знанія... Наука, знаніе даютъ все, что есть подъ луною!—восторженно заключилъ Петръ.

XI.

Царская флотилія, въ концѣ сентября того же 1702 года, уже колышется на волнахъ многоводной Ладоги точно стая баклановъ. Казалось, счету нѣтъ этимъ бакланамъ!

На передовомъ, самомъ помѣстительномъ карбасѣ выдѣляется гигантская фигура царя. Онъ весь — вниманіе. Зрительная труба, казалось, замерла въ его рукѣ.

Стекла трубы попали на искомую точку... Вонъ она!

— Вижу, вижу!—съ трепетомъ восторга говоритъ Петръ.

— Что видишь, государь?—спрашиваетъ Меншиковъ, напрягая вдаль зрѣніе...

— Орѣшекъ... мой будущій Шлиссельбургъ, — отвѣчаетъ царь, не спуская взора съ отысканной на западномъ горизонтѣ точки.

— И я, государь, вижу,—тихо говоритъ и Ягужинскій.

— Да у тебя зрѣніе калмыцкое.

— Жидовское, государь,—подсмѣивался Орловъ,—жиды и изъ Египта усмотрѣли Іерихонъ.

Орловъ ревновалъ привязанность государя къ Павлушѣ и при всякомъ случаѣ старался кольнуть его еврейскимъ происхожденіемъ.

— Не смѣйся, молодецъ, надъ жидами,—сказалъ царь,—они дали намъ Христа и Магомета. А Магометъ забралъ въ свои руки мало не полъ-міра... А что они, кромѣ Христа и Магомета, дадутъ міру, то сіе узрятъ наши далекіе потомки.

Шведская крѣпость выдѣлялась надъ горизонтомъ все явственнѣе и явственнѣе.

— А фортеца знатная,—задумчиво говоритъ царь,—твердыня, пожалуй, съ поровомъ.

— Все же она, государь, дѣло рукъ человѣческихъ,—замѣтилъ Меншиковъ,—а что руками сотворено, руками можетъ и разрушено быть.

— Manu facta manu dilabuntur,—какъ бы про себя пробормоталъ Ягужинскій.

— Ты что, Павелъ, сказалъ?—спросилъ царь

— То, государь, что сказалъ Хмельницкій...

— Ивашка?—улыбнулся государь.

— Нѣтъ, государь, Богданъ-Зиновій, когда поляки хвалились ему одною своею крѣпостью на Днѣпрѣ.

— А ты гдѣ это вычиталъ?—спросилъ царь.

— Это, государь, я отъ отца еще слышалъ.

Шведская крѣпость все ближе и ближе. Тамъ замѣтили флотилію русскихъ. На стѣнахъ показалось движеніе.

Флотилія идетъ прямо на крѣпость. Тамъ взвился бѣлый дымокъ... что-то грохнуло... и ядро съ брызгомъ погрузилось въ воду.

— Салютуютъ,—улыбнулся царь и замахалъ въ воздухѣ шляпой,—ждите меня!

Снова дымокъ съ крѣпости, и второе ядро нашло свою холодную могилу почти тамъ же, гдѣ и первое.

— Не доноситъ,—сказалъ Меншиковъ,—силы нехватка.

Третье ядро упало у самаго карбаса и обдало царя брызгами.

— Руля налѣво!—крикнулъ Меншиковъ кормщику.

Флотилія повернула влѣво, уходя отъ выстрѣловъ.

— Да знаютъ мои враги, что я здѣсь,—съ силою произнесъ царь.

Выстрѣлы еще повторились, но ядра уже не доносило до флотиліи.

Когда флотилія приблизилась къ берегу въ нѣсколькихъ верстахъ лѣвѣе Нотеборга, государь приказалъ отдѣлить отъ нея до полусотни карбасовъ и вытащить ихъ на берегъ.

Петръ развернулъ карту Невы съ окрестными берегами и показалъ ее Меншикову.

— Вотъ тутъ, ниже Нетеборга, у Назьи рѣчки, укрѣпился Апраксинъ съ своимъ отрядомъ,—указалъ онъ мѣсто на картѣ.— Понеже намъ предстоитъ волокомъ перетащить туда сіи карбасы подъ прикрытіемъ лѣса, то ты, взявъ нѣсколько ратныхъ людей съ собою, сыщи волокъ наиболѣе удобный...

— Слушаю, государь,—отвѣчалъ Меншиковъ.

— А я останусь здѣсь съ прочими карбасами и буду мозолить глаза крѣпости, чтобъ отвлекать ея вниманіе отъ волока.

На другой день, едва только начало свѣтать, какъ за сплошнымъ лѣсомъ, тянувшимся по лѣвому берегу Невы противъ Нетеборга и далѣе внизъ, стали раздаваться дружные, знакомые всей Россіи бурлацкіе возгласы:

Ай, дубинушка, ухнемъ!
Ай, зеленая, подернемъ!
Подернемъ, подернемъ—уу!

Это ратные государевы люди тянули лямками по болотамъ и топямъ свои карбасы.

Въ другомъ мѣстѣ слышалось:

Нейдетъ—пойдетъ—ухнемъ!
Нейдетъ—пойдетъ—ухнемъ!
Не шла—пошла—ууу!

Это ратные нижегородцы пѣли бурлацкій гимнъ. А за ними тамбовцы:

Просилася Дуня спать
На тясову каравать.
Нацуй, нацуй, Дунюшка
Нацуй, нацуй, любушка!
Ууу!

А за этими симбирцы да казанцы:

Разъ и двааа—три—бяре!
Разъ и двааа—три бяре!
Ууу!

И надъ всѣмъ лѣсомъ стонало неумолкаемое эхо этихъ «ууу» и «ухъ»!

Эти уханья раздавались еще дружнѣе, когда ратные видѣли, что приближается царь. А онъ тихо съ своей небольшой свитой проѣзжалъ мимо влекомыхъ карбасовъ на привезенныхъ изъ Повѣнца карбасами выносливыхъ лошадкахъ, часто поощряя рабочихъ царскимъ словомъ: «спасибо, молодцы»!

— Ждетъ насъ, поди, Борька, да и Апраксинъ скучаетъ безъ дѣла за своимъ кронверкомъ,—говорилъ государь, нетерпѣливо поглядывая впередъ.

— Теперь недолго ждать, государь,—успокаивалъ его Меншиковъ.

Проѣзжая мимо послѣдней группы ратныхъ, тащившихъ волокомъ карбасы съ дружнымъ уханьемъ, царь сказалъ:

— Считайте, молодцы, за мной добрую чарку зелена вина!

— Рады стараться, государь батюшка!—грянули хоромъ ратные.

II.

Царь съ небольшой свитой, конечно, опередилъ тысячный отрядъ свой, который перетаскивалъ на себѣ карбасы и артиллерію съ Ладоги въ Неву, и прибылъ въ лагерь Шереметева и Апраксина послѣ полудня.

Начальникъ и войско встрѣтили своего государя съ величайшею радостью.

— А мы дюже скучали по тебѣ, государь,—сказалъ Апраксинъ,—боялись, какъ бы не пришлось намъ зимовать здѣсь.

— Провіанту и иного чего опасались нехватки,—добавилъ Шереметевъ.

— Ну, зимовать вы будете на шведскихъ квартирахъ,— улыбнулся царь,—да и провіанту шведы заготовили для насъ, чаю, съ достаткомъ.

— Не одни сухари,—улыбнулся Меншиковъ.

Сентябрь въ тотъ годъ стоялъ хорошій, ясные, теплые и сухіе дни дѣлали конецъ сентября похожимъ на лѣто.

Сдѣлавъ нѣкоторыя предварительныя распоряженія, государь направился къ приготовленной для него просторной палаткѣ съ государственнымъ гербомъ на флагѣ.

— Павелъ, иди за мной,—сказалъ онъ,—ты мнѣ нуженъ.

— Слушаю, государь,—отвѣчалъ Ягужинскій.

У входа въ палатку стояли часовые. Увидя царя, они взяли на караулъ.

— Здорово, ребята!—молвилъ царь привѣтливо.

— Буди здравъ, государь батюшка!—былъ отвѣтъ.

Едва Петръ распахнулъ полы палатки, какъ Ягужинскій увидѣлъ, что та хорошенькая дѣвушка, которую онъ передъ тѣмъ видѣлъ въ Москвѣ, въ домѣ Меншикова, съ тихимъ радостнымъ крикомъ обхватила руками великана, который поднялъ ее какъ маленькаго ребенка. Ягужинскій отступилъ назадъ и остановился за пологомъ.

Онъ услышалъ тихія восклицанія и шопотъ:

— Здравствуй, Марѳуша! Вотъ не ждалъ, не чаялъ,

— Здравствуй, гасударь, соколикъ мой!

— Какъ ты здѣсь очутилась?

— Александръ Данилычъ прислалъ изъ Повѣнца гонца съ письмомъ, что ты, мой соколъ ясный, скучаешь по своей Марѳушѣ, такъ чтобъ я прибыла сюда изъ Москвы, и я прилетѣла къ тебѣ... съ «шишечкой», какъ ты говоришь...

— А ты почемъ это знаешь, глупенькая дѣвочка?

— Мамушка-боярыня мнѣ сказывала, что «шишечка» зачалась...

— А мальчикъ или дѣвочка?

— Того не сказала.

— Мальчика бы, а то мой Алексѣй плѣсень какая-то.

Ягужинскій многое, даже очень многое понялъ изъ этого бѣглаго діалога и пришелъ въ ужасъ... Но Павлуша хорошо понималъ государственную важность того, что случайно коснулось его слуха, и, какъ онъ ни былъ молодъ, хорошо умѣлъ молчать...

Это Меншиковъ сдѣлалъ сюрпризъ государю, безъ его вѣдома выписавъ къ войску Марту съ ея небольшой придворной свитой... У полоняночки Марты Скавронской была уже своя придворная свита изъ мамушки-боярыни и «дворскихъ дѣвокъ», то есть фрейлинъ, за которыми, однако, придворный сердцеѣдъ Орловъ не смѣлъ ухаживать.

— «Шишечка»... мальчика бы... мой Алексѣй плѣсень какая-то,—вспоминалъ Ягужинскій сорвавшіяся съ устъ царя роковыя слова, и ему стало страшно, что онъ ихъ невольно подслушалъ... Страшныя слова!.. Они обѣщаютъ роковой переворотъ въ престолонаслѣдіи... Какъ ни былъ молодъ Павлуша, но окружавшая его почти съ дѣтства государственная атмосфера научила его понимать всю важность того, что неизбѣжно должно было произойти въ будущемъ... Молодость не помѣшала Ягужинскому видѣть, что не такого наслѣдника слѣдовало бы царю-титану имѣть, не такого, каковъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ... Но за нимъ стояла вся старая Россія, все недовольное нововведеніями сильное и богатое боярство, все озлобленное противъ церковныхъ «новшествъ», озлобленное притомъ кощунственными издѣвательствами надъ нимъ этихъ «всешутѣйшихъ и всепьянѣйшихъ соборовъ», этихъ «князей-папъ», «князей-игуменій», святотатственными «канунами Бахусу и Венерѣ»... А всѣ раскольники? А народъ, долженствовавшій выносить усиленные налоги и усиленную рекрутчину?..

— «Алексѣй—плѣсень»...

Но эта плѣсень равносильна кедру ливанскому, какимъ иногда казался Ягужинскому Державный Плотникъ, часто—Вѣнчанный Гнѣвъ!.. Страшная должна предстоять борьба этихъ двухъ силъ...

Павлуша поторопился отойти дальше отъ страшой палатки и остановился въ ожиданіи, не позоветъ ли его царь.

Въ это время къ нему подошелъ Меншиковъ.

— Ты что жъ стоишь тутъ, на часахъ, что ли, въ караулѣ?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Государь приказалъ-было мнѣ итти за собой, но тамъ онъ не одинъ,—смущенно отвѣчалъ Ягужинскій.—Его встрѣтила...

— Знаю... что жъ, обрадовался государь нечаянности?

— Кажись, очень обрадовался.

Но про «шишечку» и про плѣсень, ни-гугу...

— Я зналъ, что обрадуется,—сказалъ Меншиковъ.—Еще въ Архангельскѣ вспоминалъ бывало про нее: «Что-де моя Марфуша»? «Скучаетъ, говорю, по тебѣ, государь». «Хоть бы однимъ глазкомъ» говоритъ, «а то въ походѣ, говоритъ, мы ни обшиты, ни обмыты»... Я и спосылалъ въ Москву къ мамушкѣ-боярынѣ, чтобъ, будто ненарокомъ, сама-де соскучилась, давно не видавши свѣтлыхъ очей государевыхъ... Ну, я радъ, что такъ случилось... Такъ радъ самъ-то?

— Нарочито радъ,—отвѣчалъ Павлуша.

— А то я и дубинки, признаюсь, побаивался... самовольство-де...

— Сказано: близко царя, близко смерти, — тихо молвилъ Ягужинскій.

— Смерть не смерть, а дубинка ближе,—засмѣялся въ кулакъ Александръ Даниловичъ.

Они продолжали стоять, не зная, на что рѣшиться.

— Теперь имъ, може, не до насъ съ голодухи,—улыбнулся Меншиковъ.—Уйти, что ли?

— Я не смѣю, Александръ Данилычъ, позвалъ... А вдругъ окликнетъ,—нерѣшительно проговорилъ Ягужинскій.

— Да, неровенъ часъ, подъ какую руку...

Въ это время къ нимъ подошелъ Орловъ.

— Чево, Александръ Данилычъ, стоите тутъ съ этимъ жиденкомъ? — спросилъ онъ. — Что не жалуете къ государю въ шатеръ?

— Государь тамъ не одинъ.

— А съ кѣмъ?

— Съ нѣкоею знатною персоною.

— Кто такой? Посолъ отъ короля?

— Подымай выше.

— Самъ король, може, акорды предлагаетъ?—Хитрый Орловъ сразу догадался.

— Полагаю, что акорды знатные.

Въ это время распахнулась пола намета, и выглянулъ оттуда самъ государь.

— А, вы всѣ тутъ?—сказалъ онъ.

— Что прикажетъ государь?—спросилъ Меншиковъ.

— Идите въ палатку, дѣло есть,—сказалъ царь.

Но въ палаткѣ уже никого не было: «знатная персона» ускользнула другимъ ходомъ.

XIII.

На другой же день одна часть войска, меньшая, посажена была на привезенные сухимъ путемъ изъ Ладожскаго озера карбасы и двинулась вверхъ по Невѣ къ Нетеборгу; все же остальное войско шло лѣвымъ берегомъ Невы.

Такъ какъ артиллерія не имѣла достаточно лошадей, то ратные люди везли пушки на себѣ, подобно тому какъ везли они на себѣ и карбасы съ Ладоги.

Не обходилось и здѣсь безъ «дубинушки», конечно, тамъ, гдѣ нужно было втаскивать орудія на крутизну.

И здѣсь дѣло не обходилось безъ помощи силача Лобаря, который хотя и былъ возведенъ въ чинъ капрала, однако, все же оставался для простыхъ ратныхъ прежнимъ добрымъ товарищемъ:

Частенько слышалось:

— Эй, Терентій Ѳомичъ! Будь другъ, подсоби.

— Кой лядъ! Чево тамъ еще?

— Да «кума» заартачилась, нейдетъ да и на-поди!

«Кума» — это была одна тяжелая пушка. Ратные люди, чтобы легче запоминать орудія, по-своему окрестили ихъ: одна пушка была «кума», другая—«сваха», третья—«повитуха», четвертая—«просвирня», еще одна «тетка Дарья» и т. д.

— «Тетенька, братцы, уперлась, и ни съ мѣста... Зовите Терентія Ѳомича.

Теперь ужъ товарищи не называли его Теренькой и Треней, а Терентіемъ Ѳомичемъ, а то и просто дядей.

— У «просвирни» колесо въ болотинѣ застряло, чтобъ ему пусто было.

— Кличь дядю живѣй!

— Да онъ съ «повитухой» возится.

Между тѣмъ шведы, желая помѣшать русскимъ стать и укрѣпиться противъ самаго Нетеборга, поспѣшили возвести шанцы на лѣвомъ берегу Невы.

Едва карбасы съ посаженными на нихъ двумя пятисотенными командами достигли того мѣста на Невѣ, противъ кото-

раго находились шведскіе нововозведенные шанцы, и откуда уже можно было обстрѣливать небольшую русскую флотилію, какъ съ шанцевъ немедленно послѣдовалъ орудійный залпъ.

— Кстись, ребята! — раздался зычный голосъ пятисотеннаго начальника.

Всѣ перекрестились.

— Мочи глыбче весла! Мути воду!—пронесся по Невѣ голосъ другого пятисотенника.

— Пали во всѣ, и на берегъ! Бери ихъ голыми руками!

Послѣдовалъ отвѣтный русскій залпъ.

— На берегъ! На шанцы!

И почти моментально карбасы очутились у берега, и русскіе стремительно лѣзли на шанцы, опережая другъ друга.

Такая смѣлость ошеломила шведовъ, и они почти не защищались.

Шанцы были взяты почти безъ бою.

Когда все было покончено молодцами преображенцами, запѣвало Гуринъ крикнулъ:

— Братцы! Выноси!

И онъ запѣлъ:

Ахъ, на что было огородъ городить!
Ахъ, на что было капустку садить!

И преображенцы «вынесли» своего запѣвалу: они залихватски отмахали забирательную плясовую пѣсню, которую ихъ потомки, почти столѣтіе спустя, весело пѣли, когда, подъ начальствомъ Суворова, брали Варшаву...

Государь вмѣстѣ съ своею свитой, а равно Шереметевъ и Апраксинъ наблюдали это молодецкое дѣло, и Петръ сказалъ:

— Понеже шведы видѣли уже моихъ молодцовъ въ дѣлѣ съ сею первою ихъ фортецею, то чаю, не захотятъ того же испытать на себѣ и на томъ берегу, того ради, избѣгая напраснаго пролитія крови, пошли ты, Борисъ Петровичъ, тотчасъ же къ Шлиппенбаху письмо съ предложеніемъ, на какихъ акордахъ комендантъ Нетеборга намѣренъ будетъ сдать тебѣ довѣренную ему крѣпость.

— Государь!—сказалъ Шереметевъ.—Твое письмо крѣпче моего на него воздѣйствуетъ.

— Но ты фельдмаршалъ, а я только бомбардирскій капи-

танъ,—возразилъ государь,—того ради тебѣ надлежитъ вязать и разрѣшать.

Письмо было послано. Въ немъ говорилось, что осажденной крѣпости надѣяться не на что и сикурсу ожидать не откуда, всѣ пути къ ней отрѣзаны.

Посланный скоро воротился съ отвѣтнымъ письмомъ Шлиппенбаха. Глаза царя блеснули зловѣщимъ огнемъ, когда онъ дочиталъ отвѣтъ коменданта.

— Что пишетъ онъ?—спросилъ Шереметевъ.

— Проситъ четыре дня отсрочки,—гнѣвно отвѣчалъ Петръ.

— Какой прокъ ему въ отсрочкѣ?

— Не смѣетъ-де безъ разрѣшенія начальства сдать крѣпость.

— А гдѣ его начальство государь, въ Польшѣ или въ Швеціи?

— Въ Нарвѣ... Горнъ.

При воспоминаніи о Нарвѣ Петръ пришелъ въ величайшій гнѣвъ.

— Такъ не давай же имъ передохнуть!—сказалъ онъ Шереметеву.—Открой огонь изо всѣхъ орудій.

И канонада началась. Огонь былъ убійственный. Самъ государь ходилъ по батареямъ, поощрялъ пушкарей, самъ направлялъ орудія. Уже не разъ отъ русскихъ бомбъ загоралось въ крѣпости, но шведы продолжали упорно держаться.

Наконецъ, на третій день русскіе увидѣли, что на стѣнѣ крѣпости взвилось бѣлое полотнище и, немного спустя, отъ берега у крѣпостныхъ воротъ отдѣлилась лодка съ «барабанщикомъ» парламентеромъ.

— Пардону проситъ,—улыбнулся Шереметевъ.

— Ну, теперь пардонъ вздорожалъ у меня на базарѣ,—замѣтилъ государь.—Надо было во время акорды предъявить.

«Барабанщикъ» предсталъ предъ царя и, преклонивъ колѣна подалъ письмо Петру.

Государь вскрылъ пакетъ, давъ знать посланцу изъ крѣпости, чтобъ онъ удалился.

Ироническая, довольная улыбка играла на лицѣ Державнаго Плотника, пока онъ читалъ посланіе изъ Нетеборга.

— Видно посему, что шведскія жены знатно искусны въ древней исторіи, а насъ почитаютъ за дикарей,—говорилъ царь,

продолжая улыбаться,—русскіе-де варвары исторіи и не нюхали.

— Что такое, государь?—спросили и Шереметевъ, и Апраксинъ.

— Пишетъ сіе не Шлиппенбахъ, а его супруга, а купно съ нею и всѣ офицерскія жены Нетеборга: слезно просятъ выпустить ихъ изъ горящаго города.

— Жарко, знать, стало,—замѣтилъ Меншиковъ.

— Жарко, точно,—сказалъ Петръ,—изъ древней исторіи вѣдомо, что когда въ такомъ же безвыходномъ положеніи, какъ сей Нетеборгъ, очутился одинъ осажденный городъ, то женщины онаго и просили осаждавшихъ дозволить имъ выйти изъ города. Тѣ дозволили. Такъ ловкія бабы и дѣвки вынесли на своихъ спинахъ мужей, братьевъ и жениховъ.

Шереметевъ разсмѣялся.

— Ай да бабы! И силища, видно, у нихъ была знатная.

— Такъ и эти замыслили то же продѣлать?—спросилъ Меншиковъ.

— Именно, Данилычъ, и я имъ сіе позволю: я напишу имъ, что не хочу опечалить ихъ разлученіемъ съ супругами, а того ради, покидая городъ, изволили бы и любезныхъ супружниковъ вывесть купно съ собою.

Всѣ невольно разсмѣялись.

— Премудрый Соломонъ такъ не придумалъ бы, ха-ха-ха!—хохоталъ «Борька».

XIV.

Русскіе готовятъ штурмовыя лѣстницы. Стукъ топоровъ слышенъ даже въ Нетеборгѣ, несмотря на пушечную пальбу, не умолкавшую въ продолженіе полуторы недѣли.

— Смотри-ка, братцы, какъ самъ батюшка царь топоромъ работаетъ, н-ну!

— Ужъ и плотникъ же онъ у насъ, на диво.

— Да и Александра Данилычъ непромахъ, ишь садитъ топоромъ-то! Щепы такъ и летятъ, словно птицы.

— А все-жъ за царемъ батюшкой ему не угоняться: у тово топоръ поетъ.

Такъ разговаривали между собою ратные люди, приготовляя штурмовыя лѣстницы.

Дѣло въ томъ, что послѣ ироническаго отвѣта госпожѣ Шлиппенбахъ и офицерскимъ женамъ Нетеборга, крѣпость продолжала упорно держаться. Иронія отказа видимо привела осажденныхъ въ ярость, и они усилили канонаду.

Въ «поденной запискѣ» и «журналѣ» осады государь, отпустивъ «барабанщика» въ Нетеборгъ, вечеромъ приписалъ:

«И съ тѣмъ, того барабанщика подчивавъ, отпустилъ въ городъ; но сей комплиментъ (ироническое посланіе) знатно осаднымъ людямъ показался досаденъ, потому что, по возвращеніи барабанщика, тотчасъ великою стрѣльбою во весь день на тое батарею изъ пушекъ докучали паче иныхъ дней, однако жъ урона въ людяхъ не учинили».

— А мы чаяли, что ихній барабанщикъ покорность привезъ,—продолжали разговаривать солдатики.

— Коли бы покорность, не жарили бъ такъ, а то заразъ учали бухать, какъ только энтотъ отставной козѣ барабанщикъ въ ворота шмыгнулъ.

— И вырямь отставной козѣ барабанщикъ.

— Такъ для-че онъ приходилъ, коли не съ покорностью?

— Торговаться, стало быть, а какъ не выторговали ни синьпороху, ну и осерчали, и учали пуще жарить.

— А мнѣ сказывалъ вѣрный человѣчекъ, что барабанщика-ту подсылали ихнія бабы, чтобы ихъ выпустили безъ обиды.

— Вонъ чего захотѣли, сороки!

«То-то... А батюшка царь имъ въ отвѣтъ: приведите-де къ намъ съ собой муженьковъ своихъ...

— Ха-ха-ха! Вотъ загнулъ батюшка царь! Ужъ и загнулъ!

Между тѣмъ усиленная канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ.

— Охъ, застанетъ насъ тутъ зима,—жаловалась Мартѣ мамушка-боярыня.

— Что жъ, мамушка, намъ тутъ холодно и зимой не будетъ,—утѣшала ее дѣвушка,—вотъ въ палаткахъ было бы несподобно зимой... А какъ государь построилъ намъ эти горницы, такъ по мнѣ хоть бы и зимовать.

— Что и говорить, красавица! Тебѣ-то, молоденькой, все сполагоря, а старымъ-то костямъ на Москвѣ спокойнѣе,—говорила Матрена Савишна, мамушка-боярыня.

Но зимовать подъ Нетеборгомъ не пришлось.

Упорство осажденныхъ начало выводить изъ себя государя.

— Не дожидаться же намъ тутъ, какъ подъ Нарвой, прихода Карла,—сердился Петръ.

— Помилуй, государь, какъ ему къ зимѣ эку даль тащиться?—говорилъ Шереметевъ.

— Моремъ не далеко, а море не замерзаетъ: надулъ вѣтеръ паруса, и онъ тутъ, какъ тутъ,—продолжалъ государь.

И онъ рѣшилъ скорѣй достать заколдованный «ключъ».

Въ ночь на 11-е октября онъ самъ, въ качествѣ капитанъ-бомбардира, открылъ такую адскую канонаду по крѣпости, что внутри ея разомъ вспыхнуло во многихъ мѣстахъ, а бреши въ крѣпостныхъ стѣнахъ дѣлались все замѣтнѣе и замѣтнѣе.

— На штурмъ!—безповоротно рѣшилъ Петръ. — Съ Богомъ!

Работа закипѣла. Мигомъ переполненные ратными людьми карбасы съ осадными лѣстницами словно безчисленныя стаи вороновъ обсыпали собою берега у крѣпости, и люди точно муравьи полѣзли на стѣны и въ бреши, пробитыя въ башняхъ и въ куртинѣ, и завязался отчаянный бой.

Шведы геройски отстаивали свою твердыню и жизнь, но и русскіе жестоко остервенились, мстя за Нарву и за упорное сопротивленіе.

— Это вамъ не Ругодевъ!—хрипѣлъ отъ ярости богатырь Лобарь, прокладывая въ бреши для себя и для товарищей улицу по трупамъ осажденныхъ.

Въ помощь русскимъ явился пожаръ, который все жесточе и жесточе пожиралъ внутренности крѣпости, и шведы должны были отбиваться разомъ отъ двухъ безпощадныхъ враговъ, отъ огня и отъ русской ярости. Но потомки варяговъ не уступали.

Ожесточеніе съ той и съ другой стороны все возрастало, и отчаяніе придавало невѣроятную силу тѣснимымъ къ смерти варягамъ. Но ихъ оставалось ужъ немного, и подкрѣпленія не было, а къ изнеможеннымъ русскимъ приливали свѣжія силы еще не вступавшихъ въ бой товарищей.

— Это вамъ не Ругодевъ!—крикнулъ въ послѣдній разъ Терентій и упалъ, пробитый копьемъ варяга, успѣвъ однако, сказать,—это ничаво...

Это значило, что жизнь—копейка, ничаво...

Итакъ, русскій богатырь палъ отъ руки варяга.

Но это былъ послѣдній ударъ потомка Гаральда... Шведы просили пощады.

Шлиппенбахъ выслалъ къ царю вѣстника покорности и мира, прося позволенія выйти изъ павшей крѣпости остаткамъ гарнизона и женщинамъ съ дѣтьми, дабы укрыться за стѣнами еще не павшей шведской твердыни, Ніеншанца, этого послѣдняго стража Невы, теперь уже для русскаго царя не «чужой рѣки»...

Петръ великодушно дозволилъ смирившемуся врагу удалиться неуниженнымъ, съ воинской честью: взять изъ крѣпости, какъ бы на память, четыре пушки и выйти изъ стѣнъ уже «чужой» ему крѣпости съ распущенными знаменами и съ барабаннымъ боемъ...

Что можетъ быть больнѣе для сердца воина какъ подобное прощанье съ потерянным навсегда достояніемъ родины!..

Радость царя была безмѣрная.

— «Моя, моя Нева! Моя дельта! Мое море!»—колотилось у него въ душѣ.

Но когда его приближенные поздравляли «съ знатною викторіею», онъ съ улыбкой удовлетвореннаго желанія сказалъ:

— Жестокъ зѣло сей орѣхъ былъ, однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ.

«Орѣшекъ» уже не существовалъ для Петра, онъ «разгрызенъ», не существовалъ и Нетеборгъ: въ умѣ его былъ только «ключъ» въ Неву.

— Да будетъ же съ сегодня Орѣшекъ — Шлиссельбургомъ,—торжественно провозгласилъ онъ, и самъ прибилъ добытый у врага ключъ къ крѣпостнымъ воротамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ царь назначилъ Меньшикова губернаторомъ новаго русскаго города.

Хорошенькая Марта думала, что на радостяхъ ея господинъ задушитъ ее въ своихъ богатырскихъ объятьяхъ.

— Ахъ, какой ты сильный, Петрушенька!.. Легче, милый,— шептала она,—не задави нашу «шишечку»...

XV.

Вскорѣ послѣ взятія Нетеборга и переименованія его въ Шлиссельбургъ, государь уѣхалъ на зиму въ Москву.

Прощаясь со своими военачальниками, съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ и окольничимъ Апраксинымъ, царь сказалъ:

— Продолжайте начатое нами съ Божіею помощью дѣло, и Богъ даруетъ намъ полную викторію.

Тѣ почтительно поклонились.

— А ты, Данилычъ,—обратился Петръ къ стоявшему тутъ же шлиссельбургскому губернатору, Меньшикову, — распорядись заготовить въ Лодейномъ полѣ толикое количество боевыхъ судовъ, чтобъ оными можно было запрудить всю Неву. Весною я лично прибуду сюда, и дельта Невы подклонится подъ мою пяту. Тамъ я топоромъ своимъ срублю новую столицу Россіи и прорублю окно въ Европу.

— Аминь! Аминь! Аминь!—воскликнули царскіе вожди.

Меншиковъ же добавилъ:

— И дальнѣйшіе потомки, государь, назовутъ тебя Державнымъ Плотникомъ, а историку скажутъ: Петромъ началась исторія Россіи, могущественнѣйшей всѣхъ когда-либо бывшихъ и будущихъ державъ всего міра.

Глаза Петра блеснули вдохновеніемъ генія.

Черезъ 132 года послѣ этого знаменательнаго дня вотъ, что писалъ человѣкъ, желавшій быть историкомъ Петербурга:

«Мы не имѣемъ исторіи Петербурга, Петербурга, столицы славной имперіи, изъ безплодныхъ болотъ ингерманландскихъ возникшей по манію Великаго Петра, и смѣлою рукою безсмертнаго Основателя своего поставленной высоко на поприщѣ политическаго могущества!

«Треть второго вѣка едва успѣла совершить кругъ свой надъ сѣверной столицею нашей, этотъ мигъ, едва замѣтный въ бытописаніяхъ другихъ городовъ, былъ свидѣтелемъ ея основанія, приращенія и чудеснаго украшенія, въ этотъ мигъ она сдѣлала исполинскій шагъ отъ рожденія къ мужественной зрѣлости. Подобно баснословнымъ русскимъ богатырямъ, Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ; геній Основателя носился надъ его колыбелью, а духъ твердости, разума, предпріимчивости, неизмѣнной, постоянной, непоколебимой силы, духъ народа русскаго, лелѣялъ, ростилъ, вскормилъ богатыря.

«Явленіе чудесное въ мірѣ вещественномъ и нравственномъ, явленіе, ознаменованное яркою печатью могущественной, безпредѣльной, творческой воли царя и силы преданнаго ему на-

рода; Петербургъ, въ которомъ совершилось перерожденіе Россіи, Петербургъ, явившійся внезапно на отдаленномъ сѣверѣ, какъ огромный свѣтильникъ, къ которому невольно обратился взоръ міра, Петербургъ цвѣтущій, свѣжій, не оскверненный рукою чуждаго завоевателя, первенствующій среди столицъ европейскихъ своею чудесною исторіею, своею красотою, благодѣтельнымъ вліяніемъ на обширнѣйшую имперію, во дни наши носившую въ рукѣ своей судьбу Европы! Петербургъ, безпрерывно напоминающій Петра I, котораго, по словамъ И. И. Неплюева, «на что въ Россіи ни взгляни, все началомъ имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ, не имѣетъ исторіи».

Далѣе приводимый здѣсь авторъ справедливо замѣчаетъ:

«Ужели предметъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія просвѣщеннаго, мыслящаго наблюдателя? Ужели онъ не довольно важенъ, не довольно богатъ? Или мы должны равнодушно утрачивать одно за другимъ всѣ великія воспоминанія, поучительныя для человѣчества, безцѣнныя для сердца русскаго!—или мы будемъ ожидать... Чего? Это наше достояніе! Разроемъ землю, на которой основанъ прекрасный городъ; въ этой, недавно пустынной, землѣ, оживленной геніемъ Петра I, мы не найдемъ мѣста, на коемъ бы не было положено имъ начало чему-либо великому, полезному! Собрать эти плодотворныя сѣмена, брошенныя рукою мудраго сѣятеля, сохранить эти священные остатки, передать вѣкамъ дѣянія, здѣсь совершенныя, употребить кисть, перо и рѣзецъ, чтобы показать ихъ современникамъ въ достойномъ видѣ, чтобъ свято, вѣрно, чисто завѣщать ихъ внукамъ нашимъ, это дѣло, это долгъ русскаго» *).

И историкъ Петербурга добросовѣстно выполнилъ свою задачу.

Но мы возвратимся къ нашему повѣствованію.

Зиму 1702—1703 года государь провелъ въ Москвѣ. Работа шла лихорадочно: радость первой побѣды у входа въ «невскія врата», казалось, удесятерила силы царственнаго богатыря, подобнаго которому весь міръ не видѣлъ на тронѣ...

---

*) Александръ Башуцкій. — Панорама Санктпетербурга. Три тома. Спб. 1834.—Т. I, стр. I—IV. Изданіе посвящено Императору Николаю Павловичу.

— «Невскія врата мои!»—мысленно торжествовалъ онъ, долго останавливаясь передъ картою Невы и Финскаго залива. «Сіи врата, врата въ рай!»

Павлуша Ягужинскій изъ-за своего рабочаго стола украдкой наблюдалъ за нимъ и ликовалъ въ душѣ: онъ боготворилъ эту геніальную силу.

Вдругъ Павлуша замѣтилъ, что лицо царя озарилось счастливой улыбкой, и губы его что-то шептали...

— «Шишечка»,—послышалось Ягужинскому; но что означала эта «шишечка», онъ даже въ застѣнкѣ, на дыбѣ, не выдалъ бы этого слова даже всевѣдущему князь-кесарю.

Значеніе этого слова было извѣстно только самому царю да красавицѣ Мартѣ Скавронской, будущей императрицѣ Екатеринѣ I, Ягужинскій же догадывался о роковомъ для кого-то (онъ зналъ — для кого) смыслѣ этого таинственнаго слова.

— Павелъ, поди сюда,—позвалъ государь Ягужинскаго.

Петръ стоялъ въ это время у одного стола, на которомъ лежалъ большой листъ бумаги съ чертежемъ, изображавшимъ топоръ.

— Видишь сей чертежъ?—спросилъ государь.

— Вижу, ваше величество, топоръ.

— Такъ возьми сей чертежъ и закажи по немъ сдѣлать топоръ изъ лучшей стали.

— Слушаю, государь.

— Знаешь въ Нѣмецкой слободѣ мастера Амбурха?—спросилъ Петръ.

— Знаю, государь.

— Такъ у него закажи.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ фельдмаршалъ Шереметевъ, наблюдавшій въ Москвѣ за сборомъ и снаряженіемъ войска къ предстоявшему весеннему походу.

— Вотъ топоръ себѣ заказываю,—сказалъ Петръ вошедшему съ глубокимъ поклономъ Шереметеву.

— Мало у тебя топоровъ, государь,—улыбнулся фельдмаршалъ, указывая глазами на столярные и плотничные инструменты царя.

— Это, Борисъ Петровичъ, особь статья, — улыбнулся Петръ,—сей топоръ будетъ всѣмъ топорамъ топоръ.

— Какой же это такой, государь, топорный царь?—улыбался и Шереметовъ.

— Этимъ топоромъ я Москвѣ голову усѣку,—продолжалъ загадочно Петръ.

— За что такая немилость, государь?—спросилъ Шереметевъ.

— А за то, что она, какъ кротъ, въ старину зарывается и отъ свѣту закрывается... Симъ топоромъ я срублю для Россіи новую столицу.

Глаза Петра вспыхнули вдохновеніемъ.

— Помоги Господи,—поклонился бояринъ.—Въ коемъ же мѣстѣ, государь, умыслилъ ты новую Москву строить?

— Не Москву, бояринъ... Москва, Москвой и останется... А я при устьѣ Невы срублю мою столицу. И я срублю ее симъ топоромъ да и окошце въ Европу прорублю.

— Дай Господи! Одначе устье Невы надо еще добыть.

— И добудемъ... Сколько ты успѣлъ собрать рати?

— Всего, государь, у меня рати тысячъ двадцать: семеновцы съ преображенцами, да два полка драгунъ, да пѣхоты двадцать баталіоновъ.

— Сего за глаза достаточно... Какъ только грачи да жаворонки прилетятъ, такъ и выступай въ походъ.

— Слушаю, государь.

— А потомъ и я за тобой не умедлю.

Съ послѣдними словами Петръ задумался. Шереметевъ почтительно ждалъ.

— Да вотъ что, Борисъ Петровичъ,—очнувшись отъ задумчивости, сказалъ Петръ,—возьми съ собою въ походъ и царевича... Пора Алексѣю привыкать къ воинскому дѣлу... Зачисли его въ преображенскій... У преображенцевъ есть чему поучиться.

— Слушаю, государь,—поклонился Шереметевъ.

Петръ опять задумался, вспомнивъ о царевичѣ.

«И въ кого онъ уродился?—невольно думалось ему. Точно кукушка въ чужое гнѣздо его подбросила... Точно не моею онъ сѣмени... Не по его головѣ будетъ шапка Мономахова, не по Сенькѣ шапка... Кабы «шишечка»...

И лицо его опять просвѣтлѣло.

Ягужинскій стоялъ въ нерѣшительности съ чертежомъ въ рукахъ.

— Ты что, Павелъ?—спросилъ царь.

— Изъ какого дерева, государь, повелишь топорище къ топору пригнать?—спросилъ Павлуша. — Изъ дуба, али изъ ясени?

— Пальмовое... да изъ самой крѣпкой пальмы,—былъ отвѣтъ.

— И такой величины топоръ, государь, какъ здѣсь, на чертежѣ?

— Такой именно.

Шереметевъ взглянулъ на чертежъ, и его поразили размѣры топора.

— Во-истину, государь, этотъ топоръ всѣмъ топорамъ царь,—сказалъ онъ,—ни одному плотнику съ нимъ не справиться.

— Такъ и должно быть,—торжественно сказалъ Петръ,—слышалъ мои слова? Симъ топоромъ я срублю новую столицу Россіи и прорублю окно въ Европу!

XVI.

Петру, однако, не сидѣлось въ Москвѣ: вся душа его была тамъ, гдѣ Нева вливала свои могучія струи въ море.

Онъ прибылъ въ Шлиссельбургъ въ апрѣлѣ, обогнавъ на пути Шереметева съ войскомъ.

— Торопись, Борисъ Петровичъ, — сказалъ онъ послѣднему,—грачи не токмо что давно прилетѣли, но ужъ и въ гнѣзда засѣли.

— Добро имъ, государь, съ крыльями,—почтительно возразилъ Шереметевъ.—Одначе къ вскрытію Невы я безпремѣнно буду къ Шлиссельбургу.

— А что царевичъ?—спросилъ Петръ.

— Помаленьку навыкаетъ, государь.

«Не навыкнетъ»,—подумалъ Петръ.—То-ли я былъ въ его годы?.. Чуетъ мое сердце, что не носить ему шапки Мономаховой... Будемъ ждать «шишечки»... А зѣло плакала Марѳуша, провожаючи меня... Говоритъ: «ши-шечка» подъ сердцемъ трепыхается... Дай-то Богъ паренька»...

Царь, наконецъ, въ Шлиссельбургѣ.

Онъ осматриваетъ крѣпостныя работы, производившіяся подъ наблюденіемъ Виніуса, того самаго, что отливалъ пушки изъ колоколовъ новгородскихъ церквей.

Петръ гнѣвенъ. Ягужинскій, неотступно слѣдовавшій за нимъ съ портфелемъ и письменными принадлежностями, съ ужасомъ видѣлъ, что страшная дубинка царя поднялась надъ непокрытою, сѣдою головою стараго Виніуса... Вотъ-вотъ убьетъ старика... Они стоятъ на крѣпостной стѣнѣ, обращенной къ Невѣ...

— Тебя бы стоило сбросить отсюда со стѣны, какъ негодную ветошь!—раздается грозный голосъ царя.

— Смилуйся, великій государь, помилуй!—трепетно говоритъ Виніусъ.

— Гдѣ боевые припасы?

— Непомедля придутъ, государь... за распутицей опоздали...

— А лекарства для войска?

— По вѣстямъ, государь, не далече ужъ.

— Со шведской стороны слаба защита крѣпости!—гремитъ гнѣвный голосъ.

Несмотря на адскій стукъ и лязгъ нѣсколькихъ тысячъ топоровъ, на визгъ множества пилъ, ужасающій скрипъ тачекъ, которыми подвозили къ крѣпости десятки тысячъ солдатъ и согнанныхъ на работы со всего сѣверо-восточнаго угла Россіи крестьянъ, страшный голосъ гнѣвнаго царя гремѣлъ, какъ труба страшнаго, послѣдняго суда.

— Разноситъ... разноситъ!—съ испугомъ шептали работавшіе на крѣпости, и еще громче потрясали воздухъ стукъ и лязгъ топоровъ, визгъ пилъ и скрипъ тачекъ.

— Кого разноситъ?

— Стараго Виніуса.

— О, Господи! Спаси и помилуй.

Вдругъ отчетливо выдѣлился изъ всего шума звонкій, юношескій голосъ.

— Упали въ воду!.. Тонутъ!.. Спасите!—въ ужасѣ кричалъ Ягужинскій.

Все на мгновеніе смолкло.

— Кто упалъ?—прогремѣлъ голосъ царя.—Павелъ зря кричать не станетъ... Кто тонетъ?

— Кенигсекъ, государь, да лекарь Леймъ, да Петелинъ... Вонъ съ тѣхъ досокъ упали въ каналъ... Вонъ видны руки... борятся со смертью...

— Живѣй лодокъ! Багровъ! Тащите сѣти!

Это уже распоряжался царь. Куда и гнѣвъ дѣвался! Его заступило царственное человѣколюбіе—человѣколюбіе, которое черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ и унесло изъ міра великую душу величайшаго изъ государей.

Извѣстно, что въ концѣ октября 1724 года Петръ, плывя на баркасѣ къ Систербеку для осмотра сестрорѣцкаго литейнаго завода, увидѣлъ не далеко отъ Лахты сѣвшее на мель судно, которое плыло изъ Кронштадта съ солдатами и матросами, и тотчасъ же бросился спасать людей, потому что судно, потрясаемое волнами, видимо, погибало. Великодушный царь, добрый геній и слава Россіи, самъ бросился по поясъ въ воду, въ ледяную воду конца октября! Всю ночь работалъ въ этой водѣ, спасая людей, которыхъ не успѣло унести бушевавшее море, и хотя успѣлъ спасти жизнь двадцати своимъ подданнымъ, но самъ схватилъ смертельную простуду и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отдалъ Богу свою великую душу...

Это ли не величіе!

И теперь здѣсь, въ Шлиссельбургѣ, забывъ Виніуса, свой гнѣвъ, нашествіе шведовъ и все на свѣтѣ, Петръ, стремительно сбѣжавъ съ крѣпостной стѣны, такъ что за нимъ не поспѣвали ни Меншиковъ, ни Ягужинскій, моментально вскочилъ въ первую попавшуюся лодку и, чуть не опрокинувъ ее, началъ работать багромъ, страшно бурля воду въ каналѣ.

— Не тутъ... спускай лодку ниже... ихъ унесло водой,—торопливо командовалъ онъ матросамъ.

И опять багоръ пѣнитъ воду въ каналѣ.

— Нѣтъ... еще ниже двигай...

Багоръ не выходилъ изъ воды.

— Данилычъ! Вели закидать сѣти ниже, на перехватъ утопшимъ...

— Самъ закидаю, государь... Помоги, Господи!

Багоръ что-то нащупалъ.

— Стой! Оттвартуйте лодку веслами... Здѣсь!..

И багоръ, поднимаясь изъ воды, поднималъ на ея поверхность что-то вродѣ мѣшка...

То была спина утопленника... Скоро показались болтавшіяся, какъ плети, руки и ноги... повисшая долу голова... мокрые черные волосы, съ которыхъ струилась вода...

— Кенигсекъ! Благодареніе Богу... можетъ отойдетъ.

И царь снялъ шляпу и перекрестился.

— Ищите другихъ!.. Они тутъ должно быть недалече.

Изъ толпы солдатъ и рабочихъ, стѣною стоявшихъ вдоль канала, послышались возгласы:

— Не клади на земь утопшаго, царь осударь! Не клади!

— Качать ево! Качать!

— Сымай кто зипунъ! На зипунъ ево! Живо, братцы!

На берегъ изъ лодки полетѣлъ кафтанъ самого царя и прикрылъ собою съ полдюжины толпившихся рабочихъ, кафтанъ великана!

— Самъ царь батюшка не пожалѣлъ своей государской одежи,—слышалось на берегу.

— Пошли ему, Господи, Царица Небесная!

Государь бережно поднимаетъ утопленника, какъ малаго ребенка, тревожно смотритъ въ его блѣдное, посинѣвшее, еще за нѣсколько минутъ, такое прекрасное лицо и такъ же бережно передаетъ несчастнаго на руки подоспѣвшимъ съ Меншиковымъ матросамъ.

Утопленника кладутъ на растянутый царскій плащъ.

— Качайте... качайте, дабы изверглась изъ него вода... А ты, Данилычъ, обыщи его карманы... нѣтъ ли важныхъ государственныхъ бумагъ.

Меншиковъ вынимаетъ изъ кармановъ утопленника нѣсколько пакетовъ, отчасти подмоченныхъ.

— Отдай ихъ Павлу... пускай отнесетъ въ мою ставку и запечатаетъ моей малой печатью... на досугѣ я самъ разберу.

Меншиковъ отдалъ пакеты Ягужинскому.

— Нащупали!—кричатъ съ другой лодки, что была пониже.

— Подавай на берегъ! Да легче!

— Вотъ бредень, братцы, на бреднѣ способнѣе качать.

— А другово на рогожу клади, рогожа чистая.

И началось усиленное качанье трехъ мертвыхъ тѣлъ.

Царь стоитъ около Кенигсека и не спускаетъ глазъ съ его посинѣвшаго лица, перекачивающагося съ правой щеки на лѣвую и наоборотъ...

«Не извергается вода, не извергается... вотъ печаль! Какого нужнаго человѣка лишаюсь! Новый бы Лефортъ былъ»...

Царь подходитъ къ покачивающемуся утопленнику и осторожно дотрагивается до его высокаго, мраморной бѣлизны лба.

— Холоденъ, какъ ледъ...

— Вода студена, государь,—тихо говоритъ Мнешиковъ.

— Отъ ледяной воды, поди, сердце замерло, не выдержало.

— Знамо, государь, и не отъ такой воды духъ захватываетъ, а тутъ долго ли?

Петръ, Меншиковъ и два матроса смѣняютъ прежде качавшихъ.

— Тряси дружнѣй, вотъ такъ: разъ-два, разъ-два...

Жалкое, безжизненное, безпомощное тѣло!..

— Наддай еще! Тряси!..

— Эхъ, государь, кабы въ немъ была душа, давно бы вытряхнули,—тихо говоритъ Меншиковъ.

— Такъ думаешь, нѣтъ ужъ ея въ немъ?

— Думаю, государь: она изъ воды умчалась въ ту страну, гдѣ ей быть предопредѣлено, може въ рай свѣтлый, може во тьму кромѣшную.

Между тѣмъ Ягужинскій, придя въ царскую палатку (государь не хотѣлъ жить въ крѣпости, въ домѣ, а, предпочитая свѣжій воздухъ открытаго мѣста, велѣлъ разбить себѣ палатку внѣ крѣпостныхъ стѣнъ), чтобъ запечатать вынутыя изъ кармановъ утопувшаго Кенигсека бумаги въ отдѣльный пакетъ, положилъ ихъ на столъ и при этомъ нечаянно выронилъ изъ одного конверта что-то такое, отъ чего онъ со страхомъ отшатнулся...

— Что это?—шепталъ онъ поблѣднѣвшими отъ ужаса губами...—Она сама?.. У него?..

Онъ дрожащими руками взялъ конвертъ, изъ котораго выпало это что-то страшное, и вынулъ оттуда розовые листки, которые привели его еще въ большій ужасъ...

— Ея почеркъ... Господи!.. «Mein lieber, mein geliebter...»

Листки выпали изъ его дрожащихъ рукъ...

— Сжечь все это... уничтожить...

Онъ торопливо зажегъ свѣчу...

— Сожгу... жалѣючи государя, сожгу.. А того не жаль... его ужъ не откачать... И ее не жаль... Ахъ, Hure!—выругался онъ по-нѣмецки.

Листки и то страшное—у самого пламени свѣчи.

— Нѣтъ, не смѣю жечь... Пусть будетъ воля Бога... А я отъ своего государя ничего не скрывалъ и этого не скрою. Пусть самъ разсудитъ...

И Ягужинскій, взявъ со стола отдѣльный помѣстительный конвертъ, вложилъ въ него бумаги Кенигсека и то страшное съ розовыми листками и все это запечаталъ малой царской печатью.

XVII.

Уже поздно ночью въ сопровожденіи только Ягужинскаго возвратился царь изъ крѣпости въ свою ставку.

— Какой пароль на ночь?—спросилъ онъ вытянувшагося передъ нимъ у входа въ палатку богатыря преображенца.

— Мартъ, государь,—шепнулъ преображенецъ.

— Не Мартъ, а Марта,—поправилъ его царь.

Войдя въ палатку и поставивъ въ уголъ историческую дубинку, онъ спросилъ Ягужинскаго:

— Гдѣ бумаги Кенигсека, которыя я велѣлъ тебѣ запечатать? И не ждалъ, не гадалъ, и вотъ стряслось горе. Какого человѣка потеряли! Эхъ, Кенигсекъ, Кенигсекъ!

Ягужинскій страшно поблѣднѣлъ. Царь замѣтилъ это.

— Что съ тобой, Павелъ?—спросилъ онъ.—Ты нездоровъ?

— Нѣтъ, государь... я здоровъ,—съ трудомъ произнесъ Павлуша.

— Простудился, можетъ?

— Нѣту, государь.

— Но ты дрожишь. Можетъ, я тебя замаялъ, утомилъ?

— Нѣту, государь... Съ тобой я никогда не утомляюсь.

— Не говори. Вонъ и Данилычъ къ ночи еле ноги таскалъ, а онъ не чета тебѣ, цыпленку. Такъ гдѣ бумаги Кенигсека?

— Вотъ, государь,—подалъ Павлуша страшный пакетъ.

— А, хорошо. А теперь ступай спать, отдохни... Завтра рано разбужу... Похоронимъ Кенигсека и Лейма съ Петелинымъ, да и за работу... Экое горе съ этимъ Кенигсекомъ!.. Ну, ступай, Павлуша, ты на ногахъ не стоишь.

Павлуша, взглянувъ на страшный пакетъ, медленно удалился въ свое отдѣленіе палатки, откуда слышенъ былъ малѣйшій шорохъ изъ царскаго отдѣленія.

И вотъ слышитъ Павлуша, царь потянулся и громко зѣвнулъ.

— «Спать хочетъ, видимо хочетъ, а не уснуть ни за что, не просмотрѣвши бумагъ, что въ проклятомъ пакетѣ», — мысленно разсуждаетъ съ собой Павлуша.

Слышитъ, звякнула чарка о графинъ.

— «Сейчасъ будетъ пить анисовку... Пьетъ... Вторая чарка»...

Слышится снова зѣвокъ...

— «Охъ, не уснетъ, не уснетъ».

Вдругъ Павлуша слышитъ: хрустнула сургучная печать. Сердце его такъ и заходило...

Зашуршала бумага...

— Ба! Аннушка!—слышитъ Павлуша. — Анна! Какъ она сюда попала къ Кенигсеку? Стащилъ развѣ? Да я у нея не видѣлъ этого портрета...

Голосъ царя какой-то странный, не его голосъ.

Ягужинскаго бьетъ лихорадка...

— А! Розовые листочки... Ея рука, ея почеркъ...

— Господи! Спаси и помилуй... Увидѣлъ... читаетъ..

— А! Mein lieber... mein geliebter!..»

Голосъ задыхается... Слова съ трудомъ вырываются изъ горла, которое, казалось, какъ будто кто сдавилъ рукой...

— Га!.. deine Liebhaberin... deine Sclavin... Мнѣ такъ не писала... шлюха!..

Что-то треснуло, грохнуло...

— На плаху!.. Мало на колъ!.. На желѣзную спицу!..

Опять звякаетъ графинъ о чарку...

— «За анисовку опять... еще чарку... Какой ужасъ!..»

Снова тихо. Снова шуршитъ бумага...

— Такъ.. Не любила, говоришь, е в о... это меня-то... тебя-де люблю перваго... deine getreueste Anna... И мнѣ писала «вѣрная до гроба». Скоро будетъ гробъ... скоро...

Чарка снова звякаетъ...

«Опять анисовка... которая чарка!..»

— А! Улизнулъ, голубчикъ! Въ воду улизнулъ... не испробовалъ ни дубинки, ни кнута... А я еще жалѣлъ тебя... Добро!..

Слышно Павлушѣ, что тотъ всталъ и зашагалъ по палаткѣ...

— Левъ въ клѣткѣ, а растерзать некого... жертва далеко...

Что-то опять треснуло, грохнуло...

— Ломаетъ что-то съ сердцовъ...

— Такъ не любила?.. Добро! Змѣя... хуже змѣи... ящерица... слизнякъ...

Онъ заглянулъ со свѣчей въ отдѣленіе Ягужинскаго. Павлуша притворился спящимъ и даже сталъ похрапывать.

— Спитъ... умаялся.

Воротившись къ себѣ, государь снова зашагалъ по палаткѣ...

— Видно, давно снюхались... нѣмка къ нѣмцу... чего лучше!.. То-то ему изъ саксонской службы захотѣлось въ русскую ко мнѣ, чтобъ быть поближе къ ней... Улизнулъ, улизнулъ, голубчикъ... Счастливъ твой Богъ... А эта, Анка, не улизнетъ... нѣтъ!

Опять зашуршали бумаги...

— Читаетъ... что-то дальше будетъ?—прислушивается Ягужинскій.

Долго шуршала бумага... Не разъ снова звякалъ графинъ о чарку...

— И хмель его не беретъ, особенно когда гнѣвенъ...

— Чортъ съ ней, съ этой нѣмкой!.. У меня Марта, Марфуша... Эта невинною дѣвочкой полюбила меня. И будетъ у насъ «шишечка»...

Голосъ замѣтно смягчился...

— Только бы добыть Ніеншанцъ да дельту Невы... Добуду!.. Не дамъ опомниться шведамъ... А тамъ срублю свою столицу у моря... Вотъ тѣмъ топоромъ... Я давно плотникъ... Недаромъ и Данилычъ назвалъ меня «Державнымъ плотникомъ»... Данилычъ угадываетъ мои мысли... И прорублю-таки окошко въ Европу... А тамъ прощай, Москва... Ты мнѣ не мало насолила... Въ Москвѣ и убить меня хотѣли, и отнять у меня престолъ... Москва и въ антихристы меня произвела... Экое стоячее, гнилое болото!.. Теперь эта подлая Анка рога мнѣ наставила, и все изъ Москвы... Нѣтъ! Долой старое, заплѣсневѣлое вино... У меня будетъ новое вино, и я волью его въ новые мѣха...

Петръ имѣлъ обыкновеніе говорить самъ съ собою, особенно по ночамъ, когда и заботы государственныя волновали его, когда новые планы зарождались въ его творческой, геніальной головѣ. Ягужинскій это зналъ и, находясь при царѣ неотлучно, ранѣе другихъ подслушивалъ тайны великаго преобразователя Россіи.

— Ну, и чортъ съ ней! Не стоитъ она ни плахи, ни кола...

Все же была близка мнѣ по плоти... Въ монастырь бы слѣдовало заточить, да нельзя, неправославная... А то бы вмѣстѣ съ моею Авдотьей пожила тамъ... Постригъ бы ее въ Акулины... Вотъ тебѣ и Анета, Анхенъ, Акулина!

— «Опять вспомнилъ объ Аннѣ Монсъ... Только ужъ сердце, кажется, отходитъ»,—думаетъ Павлуша, продолжая прислушиваться.

— Чортъ съ ней... А за обманъ накажу... Запру у отца и въ кирку не позволю пускать... Пусть знаетъ, какъ царей обманывать... Ужъ Марта не обманетъ, чистая душенька...

Онъ немного помолчалъ и потомъ вновь началъ ходить по палаткѣ, но уже не такими бурными шагами.

— «Отходитъ сердце, слава Богу, отходитъ»,—думалъ про себя Ягужинскій.

Петръ опять заговорилъ самъ съ собою.

— А напрасно я нонѣ накричалъ на старика и чуть съ раскату не сбросилъ... Ну, да старый Виніусъ знаетъ меня, мое сердце отходчиво. Къ вечеру и артиллерійскіе снаряды прибыли и лекарства для войска... Теперь же, не мѣшкая, и двинемся къ шведскому Іерихону, къ обѣтованной землѣ... Нечего мѣшкать... Время-то летитъ, его не остановишь, а дѣла по горло. Для меня всегда день коротокъ... Иной разъ такъ бы и остановилъ солнце, чтобы подождало, не двигалось... Токмо мнѣ не дано силы Іисуса Навина, а то остановилъ бы солнце.

Онъ ходилъ все тише и тише. Потомъ Ягужинскій видѣлъ изъ своего отдѣленія, какъ гигантская тѣнь царя, заслонивъ собою верхъ палатки, спустилась внизъ.

Павлуша догадался, что царь сѣлъ къ письменному столу.

— Инъ написать на Москву, чтобъ поторопились.

Снова зашуршала бумага, а потомъ и заскрипѣло перо.

— Понеже...

— «Понеже его любимое слово... Значитъ, будетъ писать приказы»,—рѣшилъ Ягужинскій и моментально заснулъ молодымъ здоровымъ сномъ.

Онъ успокоился за своего государя.

Рано утромъ, когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что въ отдѣленіи царя уже было освѣщено.

— «Да полно, ложился ли государь? — подумалъ Павлуша.—Ужели всю ночь не спалъ?»

— Понеже, — доносилось изъ царскаго отдѣленія и слышался скрипъ пера.

— «Опять пишетъ... Да полно, не всю ли ночь не спалъ?»— недоумѣваетъ Павлуша.

Онъ встаетъ, наскоро одѣвается и входитъ въ отдѣленіе, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ Петръ и писалъ.

— А, Павелъ,—замѣтилъ онъ вошедшаго Ягужинскаго.— Выспался ли вдосталь, отдохнулъ?

— А какъ государь изволилъ почивать?—поклонился Павлуша.

— Малость уснулъ, съ меня довольно,—отвѣчалъ царь.

Потомъ, взглянувъ въ лицо Ягужинскаго, Петръ спросилъ:

— Вечоръ, когда ты запечатывалъ бумаги Кенигсека, видѣлъ, что печатаешь?

Павлуша смутился, но тотчасъ же оправился и откровенно сказалъ:

— Ненарокомъ, государь... выскользнули изъ пакета...

— А читалъ?

— Ненарокомъ же, государь, увидѣлъ и, не читая, тотчасъ же запечаталъ.

— Будь же нѣмъ, какъ рыба.

— Знаю, государь, свой долгъ и крѣпко держу крестное цѣлованіе.

— Ладно... Поди, скажи Меншикову, чтобъ не ждали меня и сейчасъ похоронили бы утопшихъ... Мнѣ недосугъ, спѣшка въ работѣ.

Онъ бы не могъ теперь вынести вида своего врага, даже мертваго.

И опять перо заскрипѣло по бумагѣ.

XVIII.

Въ тотъ же день русское войско подъ начальствомъ Шереметева двинулось внизъ по Невѣ къ Ніеншанцу.

24-го апрѣля, въ разстояніи пятнадцати верстъ отъ этой крѣпости, Шереметевъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Рѣшено было сдѣлать рекосносцировку.

— Кого, государь, повелишь употребить въ сію развѣдочную кампанію?—спросилъ Шереметевъ.

— Ты главнокомандующій, Борисъ Петровичъ, и тебѣ подо-

бастъ указать, кого употребить на сіе дѣло,—отвѣчалъ Петръ.— Я только капитанъ бомбардирской роты.

— Я полагалъ бы, государь, послать полковника Нейдгарта,—сказалъ Шереметевъ.

— Полковника Нейдгарта я знаю съ хорошей стороны,— замѣтилъ Петръ.—Въ развѣдочной службѣ показалъ себя и капитанъ Глѣбовскій.

— Я самъ о немъ думалъ, государь,—согласился Шереметевъ.

— Такъ пошли ихъ съ двухтысячнымъ отрядомъ на большихъ лодкахъ, кои уже имѣли дѣло со шведами на Ладогѣ,— рѣшилъ государь.

Потомъ, обращаясь къ царевичу, который, повидимому, разсѣянно слушалъ, о чемъ говорили, сказалъ съ ироніей въ голосѣ:

— Ты тоже, Алексѣй, пойдешь съ симъ отрядомъ: тебѣ пора учиться быть русскимъ воиномъ, а не пономаремъ, каковымъ ты былъ доселѣ.

Иногда государь называлъ царевича «раскольничьимъ начетчикомъ», зная его пристрастіе къ старинѣ и къ старопечатнымъ книгамъ, которыя тайно подсовывали ему московскіе враги петровскихъ «богопротивныхъ новшествъ».

Въ тотъ же день развѣдочный отрядъ былъ посаженъ на лодки и двинулся внизъ по Невѣ.

Въ число охотниковъ вызвался и нашъ старый знакомый, бывшій Теренька Лобарь, котораго товарищи прежде все дразнили женитьбой и прочили ему въ жены... Марту! и который, опрокинувъ своимъ лбомъ, на глазахъ Карла XII, любимца его, богатыря Гинтерсфельда вмѣстѣ съ конемъ, теперь уже сталъ общимъ солдатскимъ «дядей Терентіемъ Макарычемъ»—гордость преображенцевъ, котораго отличалъ самъ царь.

— Знайте, молодцы, вамъ дѣла будетъ немного,—сказалъ Петръ, провожая развѣдочный отрядъ,—Ніеншанцъ такая крѣпость, что ее «дядя Терентій» однимъ своимъ лбомъ опрокинетъ, какъ подъ Нарвой опрокинулъ своимъ лбомъ шведскаго Илью Муромца съ его конемъ, да еще на глазахъ самого короля.

Въ глубочайшей тишинѣ спускалась по Невѣ развѣдочная флотилія. Она представляла собою какъ бы огромную стаю плывущихъ по рѣкѣ черныхъ баклановъ. И кругомъ стояла мертвая тишина. По обоимъ берегамъ рѣки темнѣли сплошные лѣса,

среди которыхъ только березы начали чуть-чуть зеленѣть нѣжною, первою листвой, а темная зелень сосенъ и елей придавала ландшафту видъ какой-то суровости. Изрѣдка раздавались первыя весеннія щебетанья птичекъ, прилетѣвшихъ въ этотъ пустынный край съ далекаго юга, отъ теплыхъ морей.

Время подходило уже къ полуночи, когда флотилія находилась уже не далеко отъ Ніеншанца, однако, ингерманландская бѣлесоватая ночь, въ концѣ апрѣля, глядѣла на растянувшуюся стаю черныхъ баклановъ во всѣ глаза.

— Экія здѣшнія ночи; ни она ночь заправская, ни она тебѣ день,—говорилъ Нейдгартъ, подходя къ царевичу Алексѣю Петровичу, сидѣвшему въ носовой части передовой лодки и безучастно глядѣвшему на однообразныя картины береговъ Невы,—какъ тутъ укроешься отъ вражьяго ока, коли дозоръ въ исправности!

— А шведы ожидаютъ насъ?—спросилъ царевичъ.

— Какъ не ожидать, государь царевичъ! Чать, вѣсти и сороки на хвостахъ давно принесли, что-де его царское пресвѣтлое величество жалуетъ къ сосѣдямъ въ гости.

— Что жъ, насъ встрѣтятъ боемъ?

— Знамо, коли они насъ ранѣе дозорятъ, а не мы ихъ: затѣмъ-то мы и крадемся, ровно мыши къ амбару.

Царевичъ вздохнулъ и сталъ вглядываться въ дымчатобѣлесоватую даль.

— Теперь бы ужъ и недалече,—сказалъ Нейдгардтъ, взглянувъ на имѣвшійся у него набросокъ чертежа Невы.—Да и темнѣетъ, какъ бытто, малость. Это намъ на-руку.

И онъ велѣлъ тихонько передавать отъ лодки къ лодкѣ приказъ, чтобы вся флотилія вытянулась въ линію и двигалась у самаго праваго берега Невы.

— Только бы правыя весла не хватали земли, — пояснилъ онъ.

Но вотъ вдали показались чуть замѣтные признаки укрѣпленій.

Передовая лодка тихо подплыла къ наружному валу, а за нею и другія. Изъ тѣхъ, которыя ранѣе пристали къ берегу, въ глубочайшей тишинѣ высаживались люди, шепотомъ передавая другъ другу приказаніе Нейдгарта и Глѣбовскаго.

— Сомкнуться лавой и на верхъ вала!

— А тамъ увидимъ, кого бить.

Передовая «лава» быстро влетѣла на валъ. Шведы, не ожидавшіе врага, безпечно спали на передовомъ посту. «Дядя Терентій», вступившій на валъ въ-головѣ передовой «лавы», первый наткнулся на спавшаго на-часахъ шведа.

Услыхавъ шумъ, остальные постовые растерялись и не успѣли схватить оружіе, какъ русскій богатырь, всеобщій «дядя», сгребъ перваго постового и, держа за ноги, сталъ махать имъ въ воздухѣ съ крикомъ:

— Ухнемъ, братцы, ухнемъ!

— У-у-у!—огласили воздухъ дружные возгласы, и преображенцы ринулись на все еще не опомнившихся шведовъ.

«Дядя Терентій», держа за ноги свою жертву, махалъ сю въ воздухѣ, колотя головою шведа по головамъ его товарищей, подобно тому, какъ нѣкогда Илья Муромецъ побивалъ татарскія рати татариномъ же:

Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина
Сталъ кругомъ татариномъ помахивать:
Гдѣ махнетъ—тамъ улица татаровей,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговаривалъ:
«А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живетъ собака—не изорвется.

Шведы пришли въ ужасъ при видѣ такого необычайнаго зрѣлища и бросились въ разсыпную.

— На бастіонъ! За мной!—скомандовалъ Нейдгартъ.

— Гдѣ царевичъ? Я его не вижу!—съ тревогой искалъ Глѣбовскій Алексѣя Петровича.

— Царевичъ позади, на валу: онъ въ безопасности,—успокоилъ Глѣбовскаго одинъ офицеръ,—съ нимъ люди.

Гарнизонъ бастіона, пораженный неожиданностью, также растерялся и, побросавъ оружіе, обратился въ бѣгство, чтобъ укрыться въ ближайшемъ редутѣ.

Бастіонъ былъ взятъ.

— Спасибо, молодцы!—радостно воскликнулъ Нейдгартъ.— Оправдали надежу на васъ батюшки царя. Дядя Терентій своей головой опрокинулъ бастіонъ.

— Не своею, а шведской,—засмѣялся Глѣбовскій.

Засмѣялись и преображенцы.

— Ловко «дядя» шведомъ помахивалъ.

— Такъ ловко, что изъ его головы и каши не сваришь для собакъ.

Вся крѣпость теперь забилась тревогой.

Что оставалось дѣлать горсти героевъ?

— Намъ приказано только произвести развѣдки, сирѣчь рекогносцировку, — отвѣчалъ Нейдгартъ на вопросительные взгляды Глѣбовскаго.—А мы взяли бастіонъ.

— Такъ возьмемъ и крѣпость!—смѣло воскликнулъ Глѣбовскій.

— Возьмемъ!—крикнули преображенцы.

— Голыми руками возьмемъ.

— Головой «дяди Терентія Макарыча» добудемъ, какъ сказалъ батюшка царь.

— Нѣтъ, братцы, спасибо вамъ за усердіе, а только батюшка царь послалъ насъ сюда лишь на развѣдки, а не крѣпость брать,—сказалъ Нейдгартъ,—ее возьметъ самъ государь.

По этому поводу историкъ Петербурга, авторъ выше цитированной «Панорамы», говоритъ весьма основательно:

«Послѣ такого успѣха (взятіе бастіона), не много бъ, казалось, недоставало къ занятію остальныхъ укрѣпленій, обороняемыхъ только 800-ми человѣкъ; но неоказаніе содѣйствія войскамъ, ворвавшимся въ бастіонъ, сомнительная надежда на успѣхъ и неимѣніе приказаній на дальнѣйшія предпріятія, кромѣ рекогносцировки, были причинами, что атакующіе, не воспользовавшись пріобрѣтенными уже выгодами, отступили. Шведы, имѣвъ время прійти въ себя отъ перваго изумленія и увидѣвъ удаленіе россіянъ, ободрились, взяли мѣры предосторожности на случай новаго нападенія и, приготовясь, такимъ образомъ, къ отпору, заставили своихъ непріятелей потерять недѣлю времени» *).

Такимъ образомъ побѣдители отступили.

Когда затѣмъ доблестная развѣдочная флотилія возвратилась въ лагерь къ остальнымъ войскамъ, и царь узналъ подробности дѣла, онъ щедро наградилъ храбрецовъ, а «дядю Терентія» горячо обнялъ и поцѣловалъ.

---

*) Панорама Петербурга. Т. I, стр. 9.

— И чѣмъ же, государь, сей Сампсонъ побѣдилъ шведовъ?— спросилъ, улыбаясь, Шереметевъ.

— А чѣмъ?—спросилъ Петръ.

— Тѣмъ, чѣмъ ты, государь, приказалъ, головою, да только не своею.

— Какъ такъ? Не своею?

— Шведскою, государь,—улыбался Шереметевъ.

— Полно, Борисъ, томить меня загадками!—нетерпѣливо сказалъ Петръ.—Говори толкомъ.

— Да, онъ, государь, «дядя-то Терентій», ворвавшись съ товарищи на валъ и бросившись на шведскій сонный постъ, сгребъ одного шведина своими лапищами за ноги и давай его головою, словно цѣпомъ, колотить направо и налѣво, какъ когда-то Илья Муромецъ молотилъ татаровей царя Калина:

Гдѣ махнетъ—тамъ улица татаровей,
А отмахнется—съ переулками....

— Всего больше это и напужало шведовъ: подумали, нечистая сила.

— Такъ ихъ же добромъ, да имъ же и челомъ!—разсмѣялся Петръ.—Ну, и молодецъ же ты, вижу, дядя!

— Да жидокъ ужъ больно онъ, швединъ-то, государь,—стыдливо потупился богатырь.

— Что такъ? Жидокъ?

— Да какъ же, батюшка государь, голова-то ево больно скоро измочалилась, и бить собакъ было нечѣмъ.

— Такъ онъ, государь, сгребъ съ бастіона пушку и пушкой колотилъ направо и налѣво словно простой дубинкой,—пояснилъ Нейдгартъ.

Восхищенный такою нечеловѣческою силой, государь тутъ же пожаловалъ богатырю пять ефимковъ.

XIX.

Въ тотъ же день, въ ночь на 26 апрѣля, царь Петръ Алексѣевичъ и Шереметевъ, понявъ свою оплошность, быстро двинули всѣ войска и флотилію къ Ніеншанцу.

Передъ выступленіемъ войскъ у царя, наединѣ съ Шереметевымъ, въ палаткѣ, произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Знаешь, старый Борька, что я тебѣ скажу?—промолвилъ Петръ.

— Говори, государь, приказывай,—отвѣчалъ Шереметевъ.

— Видишь, что тамъ въ углу?

— Вижу, государь: твоя государева дубинка.

— А знаешь, гдѣ бы ей слѣдовало быть?

— Не вѣдаю, государь.

— На моей да на твоей спинѣ.

Шереметевъ смутился.

— Твоя воля, государь: коли я провинился, вотъ моя спина, бей.

— А ты меня будешь бить?

— Помилуй, государь! На помазанника Божія поднять руку, рука отсохнетъ.

— То-то, Борисъ... И моя рука не поднимется бить тебя... Невдомекъ тебѣ за что?

— Мекаю, государь... Моя провинка...

— И моя... Коли бъ за развѣдчиками мы всѣ двинулись тогда же, крѣпость была бы уже наша.

— Точно, государь... Маленько проворонили.

— Ну, грѣхъ пополамъ: ни я тебя не бью, ни ты меня... Помазанникъ не можетъ творить неправду.

Утромъ, 26-апрѣля, русскіе были уже подъ Ніеншанцомъ и наскоро разбили лагерь.

Мѣсто было открытое, и шведы, опомнившись послѣ ночного переполоха и потери бастіона, снова перешедшаго въ ихъ руки, и приготовившись къ отпору, тотчасъ же начали палить по русскому лагерю. Но снаряды не долетали до своего назначенія.

— Не доплюнутъ до насъ,—замѣтилъ Шереметевъ.

— Да и наши чугунные плевки не долетятъ до нихъ,—сказалъ Петръ. — Надо послать главнаго крота съ кротятами.

— Это генерала Ламберта, государь?

— Его. Пусть возведутъ траншею саженяхъ въ тридцати отъ крѣпости и строютъ батареи для мортиръ и пушекъ, что прибыли изъ Шлиссельбурга на судахъ, построенныхъ за зиму Александромъ Данилычемъ.

Осадныя работы начались въ тотъ же день.

А на другой день государь рѣшилъ самому съ достаточнымъ отрядомъ отправиться на рекогносцировку къ самому устью

Невы, къ выходу ея въ море. Иначе могло такъ случиться, что, пока шли осадныя работы, шведы явятся на своихъ корабляхъ къ осажденной крѣпости, что они и дѣлали каждую весну, и тогда русскіе очутились бы между молотомъ и наковальней.

— Я самъ ѣду отбивать молотомъ молотъ,—рѣшилъ Петръ.

— Помилуй, государь,—взмолился Шереметевъ, — тебѣ ли нести святопомазанную главу подъ выстрѣлы береговыхъ укрѣпленій?

— Если Богъ судилъ мнѣ вывести Россію изъ тьмы на свѣтъ Божій, меня не тронутъ вражескія ядра,—твердо рѣшилъ Петръ.

— Пошли Нейгарта, государь!—молилъ Шереметевъ.

— Нѣтъ!—безповоротно рѣшилъ Петръ.

— Воля твоя, государь,—покорился Шереметевъ.

— Возьми и меня съ собою, государь,—робко сказалъ Ягужинскій.

— Ладно... ты мнѣ не помѣшаешь, Павлуша,—согласился царь.—При томъ же твои глаза разсмотрятъ въ морѣ все лучше и скорѣе подзорной трубы.

Вечеромъ, 28-го апрѣля, государь посадилъ четыре роты преображенскаго и три семеновскаго полковъ на шестьдесятъ лодокъ и подъ самымъ убійственнымъ огнемъ шведскихъ береговыхъ батарей пустился съ своею флотиліей внизъ по Большой Невѣ. Удивительное счастье сопутствовало великому творцу Новой Россіи.

«Прикрытые лѣсомъ берега, мимо котораго плыла флотилія,—говоритъ авторъ «Панорамы Петербурга»,—представляли любопытнымъ взорамъ царя мрачную картину дикой и сиротствующей природы, коей самые живописные виды не плѣняютъ взора, если онъ не встрѣчаетъ въ нихъ присутствія людей, оживляющаго и пустыни. Не одни берега, но и все пространство, занимаемое нынѣ Петербургомъ и его красивыми окрестностями, были усѣяны лѣсомъ и топкимъ болотомъ; только мѣстами, и то весьма рѣдко, виднѣлись бѣдныя, большею частію покинутыя, деревушки, состоявшія изъ полуразвалившихся хижинъ, гдѣ жили туземные поселяне, промышлявшіе рыбною ловлею или лоцманствомъ, для провода судовъ, приходившихъ съ моря въ Неву».

Таковы были тогда тѣ мѣста, на которыхъ раскинулась те-

перь шумная, съ милліоннымъ населеніемъ, съ храмами и дворцами, окутанная паутиной телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ, горящая электрическимъ свѣтомъ (не вездѣ!) столица Петровой Росіи, столица Державнаго Плотника...

«Увѣривъ пустынныхъ жителей сего лѣсистаго края въ неприкосновенности ихъ лицъ и имуществъ, снабдивъ ихъ охранными листами и не видя на взморьѣ ни одного непріятельскаго судна,—продолжаетъ Башуцкій,—Петръ возвратился на другой день въ лагерь, оставя на островѣ Витцъ-Сари, или Прутовомъ, нынѣ Гутуевскомъ, три гвардейскія роты, для охраненія невскихъ устій» *).

— Я вижу, что Нарва дала намъ хорошій урокъ,—сказалъ царь, осмотрѣвъ осадныя приготовленія.—Вижу, Борисъ Петровичъ, что ты не забылъ сего урока, вижу...

— Въ чемъ, государь?—спросилъ Шереметевъ.

— Въ томъ, что твой кротъ и кротята взрыли здѣсь землю не какъ подъ Нарвой: сіи кротовыя норы зѣло авантажны.

— Я радъ, государь, за Ламберта,—поклонился Шереметевъ,—это дѣло его рукъ.

— Теперь сіе осиное гнѣздо,—Петръ указалъ на укрѣпленія Ніеншанца,—долго не продержится, а сикурсу ожидать осамъ не откуда: устье Невы я запечаталъ моею государскою печатью.

Увѣренные въ неизбѣжномъ паденіи послѣдняго шведскаго оплота на Невѣ, царь и Шереметевъ рѣшили: избѣгая напраснаго пролитія крови, предложить коменданту Ніеншанца, полковнику Опалеву, сдаться на честныхъ условіяхъ, не унизительныхъ для шведскаго оружія.

Осажденные, не зная, что они отрѣзаны отъ всего свѣта, продолжали пальбу по русскимъ траншеямъ, но совершенно безполезно.

— Они даромъ тратятъ нашъ порохъ и наши снаряды,—улыбнулся царь, напирая на слова «нашъ» и «наши».

— Да мы, государь, нашего пороху и нашихъ снарядовъ еще нисколечко не истратили,—отозвался Шереметевъ, не понявъ шутки государя,—мы не выпустили еще ни одного заряда.

— Да они, вишь, выпущаютъ, грабятъ наше добро.

— Невдомекъ мнѣ, государь, твои слова,—недоумѣвалъ недогадливый бояринъ.

---

*) Панорама Петербурга. Т. I, стр. 10—11.

— Тугенекъ ты мозгами, Борисъ,—покачалъ головою государь,—не сегодня завтра осиное гнѣздо будетъ наше, а въ ономъ и все наше, и порохъ, и снаряды, и пушки... Обмозговалъ теперь мои слова?

— Да, государь,—улыбнулся и Шереметевъ,—теперь и моимъ старымъ мозгамъ стало вдомекъ.

— Такъ посылай скорѣй трубача съ увѣщаніемъ сдачи и акордъ.

Послали трубача.

Едва онъ подошелъ ко рву, отдѣлявшему крѣпость отъ сферы осады, и затрубилъ, махая бѣлымъ флагомъ, какъ канонада изъ крѣпости вскорѣ умолкла, и черезъ ровъ былъ перекинутъ мостъ.

Скоро трубачъ скрылся за массивными воротами цитадели.

Нетерпѣливо ждетъ государь возврата трубача. Ждетъ часъ, ждетъ два. Трубачъ точно въ воду канулъ.

— Что они тамъ?—волновался государь.—Писать, что ли, не умѣютъ?

— Видятъ, государь, смерть неминучую, да не одну, а двѣ, и не знаютъ, государь, котору изъ двухъ избрать,—сказалъ Шереметевъ.

— Какія двѣ смерти?—спросилъ Петръ, гнѣвно поглядывая на наглухо запертыя ворота цитадели, откуда, какъ изъ могилы, не доносилось ни звука.

— Какъ же, государь: коли ежели они сдадутся на наши акорды и отворятъ крѣпость, то ихъ ждетъ позорная гражданская смерть, можетъ быть, на плахѣ. Ежели же они не примутъ нашихъ акордовъ, то отдадутъ себя на нашъ разстрѣлъ.

— Послѣднее, чаю, ближе,—согласился Петръ.

— Видимо, государь, смерть неминучая; а кому жъ не хочется оттянуть смертный часъ.

— Но мнѣ опостылѣло оттягивать приговоръ рока,—рѣшительно сказалъ государь.—Если они къ шести часамъ не отвѣтятъ согласіемъ на наши акорды, то я прикажу громить крѣпость безъ всякой пощады, камня на камнѣ не оставлю.

То же нетерпѣніе испытывали и пушкари, и «кротъ съ кротятами».

— Что жъ мы, братцы, даромъ рылись подъ землей словно каторжники.

— Не каторжники, а «кроты»: такъ батюшка царь назвалъ насъ,—говорили саперы.

Больше всего злились пушкари.

— Кажись, фитили сами просятся къ затравкамъ.

— Да, братъ, руки чешутся, а не моги.

— Да и денекъ выдался на славу.

День былъ ясный, тихій. Надъ крѣпостью кружились голуби, не предчувствуя, что скоро ихъ гнѣзда съ птенцами будетъ пожирать пламя отъ огненныхъ шаровъ. Большія бѣлыя чайки, залетѣвшія въ Неву съ моря, носились надъ водой, оглашая воздухъ крикомъ.

— А царевича не видать что-то,—замѣтилъ одинъ изъ пушкарей.

— Да онъ у себя книжку читаетъ.

— Поди, божественную?

— Да, царевичъ, сказываютъ, шибко охочъ до божественнаго... Въ дѣдушку, знать, въ «тишайшаго» царя.

— «Тишайшій» то шибко кречетовъ любилъ. Я видѣлъ его на охотѣ, заглядѣніе!

— Ну, нашему батюшкѣ-царю, Петру Алексѣичу, не до кречетовъ: у нево охота почище соколиной.

Но пушкарямъ не пришлось долѣе бесѣдовать о соколиной охотѣ.

Въ 6 часовъ терпѣніе государя истощилось, и онъ приказалъ громить непокорную крѣпость.

XX.

Началась канонада.

Разомъ грянули двадцать двадцатичетырехъфунтовыхъ орудій и двѣнадцать мортиръ. Казалось, испуганная земля дрогнула отъ неожиданнаго грома, вырвавшагося и упавшаго на землю не изъ облаковъ, а изъ нѣдръ этой самой земли.

Изъ крѣпости отвѣчали тѣмъ же, и, казалось, этотъ отвѣтъ былъ грознѣе и внушительнѣе того запроса, который былъ предъявленъ къ крѣпости: на двадцать орудій осаждавшихъ изъ крѣпости почти восемьдесятъ орудій отвѣчали отвѣтнымъ огнемъ.

— Да у нихъ, проклятыхъ, вчетверо больше мѣдныхъ гло-

токъ, чѣмъ у насъ,—говорили преображенцы, лихорадочно наблюдая за дѣйствіями артиллеріи съ той и другой стороны.

— Охрипнутъ... Вонъ ужъ къ нимъ отъ насъ залетѣлъ «красный пѣтухъ».

Дѣйствительно, «красный пѣтухъ» уже пѣлъ въ крѣпости: тамъ въ разныхъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ. Палевое ингерманландское небо окрасилось багровымъ заревомъ горѣвшихъ зданій крѣпости, а бѣловатые и мѣстами черные клубы дыма придавали величавой картинѣ что-то зловѣщее. Страшнымъ заревомъ окрасились и ближайшіе сосновые боры, и черная флотилія осаждавшихъ, запрудившая всю Неву, въ которой отражались и багровое зарево пожара, и подвижные клубы дыма.

Нужно было видѣть лицо царя! Оно дышало вдохновеніемъ генія побѣды. Онъ видѣлъ, что выстрѣлы осажденныхъ не приносили почти никакого урона его богатырямъ, защищеннымъ земляными окопами, и сердце его трепетало, что побѣда его будетъ безкровная для его мужественныхъ молодцовъ.

Всю ночь на 1-е мая громъ грохоталъ безъ перерыва.

Гигантскій силуэтъ царя видѣли то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, и въ это мгновеніе огненные шары, казалось, еще съ болѣе сердитымъ шипѣніемъ и свистомъ неслись въ обреченную на гибель крѣпость.

Какъ тѣнь слѣдовалъ за нимъ Павлуша Ягужинскій. Но если бъ государь обратилъ вниманіе на своего любимца, то замѣтилъ бы на лицѣ юноши какое-то смущеніе. Да, въ душѣ юноши шла борьба долга и чувства. Въ этотъ роковой для Россіи моментъ, когда передъ глазами Ягужинскаго развертывались картины ада, юноша думалъ не о Россіи, не о побѣдѣ, даже не о своемъ божествѣ, которое олицетворялось для него въ особѣ царя, онъ думалъ... о Мотренькѣ Кочубей, о томъ роскошномъ садѣ, гдѣ она разсказывала ему думу о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова, изъ тяжкой турецкой неволи... Чистый, прелестный образъ дѣвушки, почти еще дѣвочки, носился передъ нимъ въ заревѣ пожара, въ клубахъ дыма, въ огненныхъ шарахъ, летавшихъ въ крѣпость... Онъ вспомнилъ, какъ Мотренька, досказывая ему въ саду конецъ думы о томъ, какъ брошеннаго въ степи младшаго брата, умершаго отъ безводья, терзали волки, разнося по тернамъ да балкамъ обглоданныя кости

несчастнаго, какъ Мотренька вдругъ зарыдала... А тутъ явился, точно подкрался Мазепа и разрушилъ все очарованіе...

— Чу! Никакъ отбой?—послышалось Павлушѣ.

— Отбой и есть: они замолчали.

Дѣйствительно, орудія въ крѣпости, по сигналу, моментально смолкли.

Государь весело глянулъ на Шереметева и перекрестился. Перекрестился и Шереметевъ.

— Говорилъ я... Сколько, поди, казеннаго добра извели! Моего добра!—сказалъ царь.

— Многонько, государь,—доложилъ Шереметевъ,—да за то викторія на нашей сторонѣ.

— Не мы, а шведы даромъ мое добро извели.

Шереметевъ догадался.

— Не печалься, государь,—сказалъ онъ,—намъ не мало перепадетъ ихняго добра. Въ тѣ поры, когда я громилъ чудь бѣлоглазую, въ прошломъ годѣ, я видѣлъ, что на корабляхъ шведскихъ свозились въ Неву для сей укрѣпушки такія партіи воинскихъ припасовъ, что ихъ не разстрѣлять.

Въ это время ворота цитадели отворились, и на опущенномъ черезъ ровъ мосту показалась группа шведскихъ офицеровъ.

— Пардону идутъ просить,—замѣтилъ государь,—давно бы пора.

— Аманаты, чаю, государь,—сказалъ Шереметевъ.

Это, дѣйствительно, были заложники, долженствовавшіе оставаться въ русскомъ лагерѣ до окончательной сдачи крѣпости.

Государь принялъ аманатовъ милостиво и приказалъ немедленно изготовить «неутѣснительные акорды»...

Еще бы утѣснять теперь! Душа государя раскрылась, великая душа побѣдителя! Чего она жаждала такъ страстно и такъ долго, достигнуто! Іерихонъ палъ... Ноги побѣдителя попираютъ обѣтованную землю... Дельта Невы—его дельта! Вся Нева—его! Море, еще вчера «чужое» море—теперь его!.. Въ этотъ невскій просвѣтъ глянула ему въ очи... Европа, цивилизація!.. Свѣтъ ворвался въ великую душу!..

Условія сдачи крѣпости, «акорды», написаны, начерно, Ягужинскимъ подъ диктовку государя.

— Вычти ихъ, Павелъ,—говоритъ онъ, окруженный всѣмъ генералитетомъ.

Павлуша читаетъ, но государь почти его не слушаетъ: думы его ростутъ, ширятся... передъ нимъ величіе Россіи... пораженіе гордаго коронованнаго варяга, нанесшаго ему рану въ самое сердце подъ Нарвой... Рана закрылась... До слуха его отрывками доносятся фразы изъ чтенія «акордовъ»...

— ...«съ распущенными знамены (это гарнизонъ Ніеншанца выпускается изъ крѣпости), — читаетъ Павлуша,—и съ драгунскимъ знакомъ, барабаннымъ боемъ, со всею одеждою, съ четырьмя желѣзными полковыми пушками, съ верхнимъ и нижнимъ ружьемъ, съ принадлежащимъ къ тому порохомъ и пулями во рту»...

— «Зачѣмъ съ пулями во рту?»—думаетъ Павлуша.

Царь попрежнему мало вслушивается въ чтеніе: онъ загадываетъ далеко-далеко впередъ!.. Душа его провидитъ будущее...

Онъ глянулъ на своего сына. Апатичное, какъ ему показалось, лицо царевича непріятно поразило его...

Этому все равно... Онъ не понимаетъ того, что совершилось, что!.. Скорѣй въ глазахъ Павлуши я вижу сіе пониманіе... Онъ думаетъ о томъ, что совершилось...

А Павлуша, между тѣмъ, думалъ о... Мотренькѣ...

Но онъ продолжалъ, думая о Мотренькѣ, читать «акорды». Когда же онъ дочиталъ до того мѣста, гдѣ было сказано, что выпущенный изъ крѣпости гарнизонъ Ніеншанца переправляется черезъ Неву на царскихъ карбасахъ, чтобъ потомъ дорогою, проложенною къ Копорью, слѣдовать на Нарву,—царь остановилъ его.

— Постой, Павелъ,—сказалъ государь,—будемъ милостивы до конца... Аманаты просили меня отправить ихъ не къ Нарвѣ, а къ Выборгу... Быть по сему... Такъ измѣни и сіе мѣсто въ акордахъ.

Ягужинскій исполнилъ приказъ царя.

— Государь милостивѣе Бренна,—замѣтилъ какъ бы про себя Ламбертъ,—не кладетъ свой мечъ на вѣсы и не говоритъ: «Vae victis!»

— Какой Бреннъ?—спросилъ Петръ.

— Вождь галловъ, государь: когда галлы взяли Римъ въ 390 году до Рождества Христова, то, по свидѣтельству Ливія,

Бреннъ наложилъ на римлянъ дань или контрибуцію въ тысячу фунтовъ золота, и когда римляне не хотѣли платить этой дани, то Бреннъ на чашку вѣсовъ съ гирями бросилъ еще свой тяжелый мечъ и воскликнулъ: «Vae victis!»—горе побѣжденнымъ!

— Я сего случая не зналъ,—сказалъ государь,—да и чему меня учили въ дѣтствѣ!.. Я токмо то и знаю, до чего самъ дошелъ своимъ трудомъ.

Государь глянулъ на Ягужинскаго, и тотъ продолжалъ читать:

— «А чтобы его царскаго величества войска и подъѣзды ихъ не безпокоили и не вредили, конвоировать оныхъ имѣетъ офицеръ войскъ россійскихъ».

Само собою разумѣется, что съ гарнизономъ выпускаются жены, дѣти и слуги, раненые и больные, а равно желающіе того обыватели и чиновные люди.

«Гарнизонъ получаетъ со всѣми офицеры на мѣсяцъ провіанту на пропитаніе»,—продолжалъ читать Ягужинскій.

— Новая государева милость,—замѣтилъ Шереметевъ.

— Да, его царское величество милостивѣе Бренна,—добавилъ Ламбертъ.

Въ заключеніе «акордовъ» Павлуша прочиталъ:

— «Его царскаго величества войско ничѣмъ не касается ихъ пожитковъ, чтобы гарнизону дать сроку, пока всѣ вещи свои вывезутъ».

Ропотъ одобренія прошелъ среди собравшагося генералитета.

— Великія, великія милости!

— Великія, великія милости!

— О таковыхъ милостяхъ и не слыхано!

— Ничего подобнаго нѣтъ въ исторіи!—проговорилъ Ламбертъ.

— А у насъ, по старинѣ, какъ бывало добудутъ городъ на копье, то и отдаютъ оный «на потокъ и разграбленіе,—замѣтилъ Шереметевъ, улыбаясь,—то старина, то и дѣянье!

Дѣйствительно, дать завоеванному городу цѣлый мѣсяцъ на собираніе и укладку своихъ пожитковъ и на приведеніе въ порядокъ своихъ дѣлъ—великодушіе неслыханное! И въ то же время кормить завоеванный городъ! На это способна была ве-

ликая душа только того, чей царственный потомокъ недавно возвѣстилъ миръ мірови!..

За приведеніемъ въ исполненіе «акордовъ» прошелъ весь день 1-го мая, и только въ 10-мъ часу вечера преображенцы, въ рядахъ которыхъ выступалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, заняли городъ; цитадель же заняли семеновцы.

Для пріема найденныхъ въ крѣпости артиллерійскихъ и другихъ воинскихъ запасовъ составлена была изъ офицеровъ особая комиссія, члены которой, по докладу счетчиковъ, всю ночь на 2-ое мая составляли вѣдомости найденнаго добра.

Всю ночь въ «чихаузѣ» слышалось:

— Крѣпостныхъ пушекъ восемьдесятъ безъ двухъ.

— Пороху сколько бочекъ?

— Сто девяносто пять бочекъ счетомъ.

— Запасецъ не маленькій... этого добра намъ надолго хватитъ.

— Радъ будетъ государь, да и старому Виніусу дѣла поубавится.

— Ядеръ, картечи, туфлъ, банниковъ, фитиля, колецъ, огнестрѣльныхъ люст... люстъ... вотъ и не выговорю,—слышалось у другого стола.

— Люсткугелей...

— Точно... Эко словечко!..

— Ну, далѣ говори.

— Гранатъ, калифоніи, сѣры...

У третьяго стола докладывали:

— Подъемовъ, гирь мѣдныхъ и желѣзныхъ, ломовъ, стали, гвоздей, топоровъ, котловъ, рогатокъ, свинцу, желѣза, цѣпей желѣзныхъ, якорей, трубъ мѣдныхъ пожарныхъ...

— Экая прорва!.. У меня и пальцы одеревенѣли, записались...

Только уже утромъ 2-го мая, послѣ торжественнаго благодарственнаго молебствія за дарованную его пресвѣтлому царскому величеству и христолюбивому россійскому воинству знатную викторію, которая оглашена была троекратной пушечной пальбой и бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, комендантъ Ніеншанца, теперь уже просто полковникъ Опалевъ, окруженный своими офицерами, вручилъ Шереметеву ключи отъ несчастной крѣпости.

— Бѣдные!—шепнулъ Нейдгардъ Глѣбовскому.—Какія печальныя лица!.. Что-то ждетъ ихъ тамъ впереди?.. Что-то скажетъ король?..

— Не дай Богъ изъ насъ никому быть на ихъ мѣстѣ,—вздохнулъ Глѣбовскій.

XXI.

Вечеромъ того же 2-го мая Павлуша Ягужинскій, сопровождавшій государя вмѣстѣ съ Меншиковымъ, Шереметевымъ и Ламбертомъ при осмотрѣ стѣнъ только что завоеванной крѣпости, внезапно остановился и сталъ во что-то пристально всматриваться, приложивъ ладонь ко лбу надъ глазами въ видѣ зонтика.

Петръ замѣтилъ это.

— Ты на что такъ воззрился, Павелъ?—спросилъ онъ.—Я чаю «мои глаза» запримѣтили что?

Государь часто говорилъ зоркому и все замѣчавшему, все слышавшему Павлушѣ: «мои глаза», «мои уши».

— Кажись, государь, нашъ карбасъ подымается сюда снизу Невы,—отвѣчалъ Ягужинскій, продолжая всматриваться.

— Дай-ко трубу, Данилычъ,—сказалъ государь Меншикову.

Меншиковъ подалъ царю подзорную трубу. Государь, положивъ ее на плечо своего денщика, тоже сталъ всматриваться въ двигавшуюся по Невѣ по направленію къ крѣпости черную точку.

— Малость придержи духъ, не дыши,—сказалъ онъ.

— Такъ и есть, нашъ карбасъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.

— Должно, съ вѣстями отъ сторожевого отряда,—замѣтилъ Меншиковъ.

— Не показались ли шведскіе корабли на морѣ?—сказалъ Петръ въ волненіи.

— Полагать надо, государь, что такъ,—замѣтилъ Шереметевъ, — громя тутошній край, я обѣ тѣ весны видѣлъ, какъ шведскіе корабли въ это самое время входили въ Неву.

— Да, государь, надо ждать дорогихъ гостей,—сказалъ Меншиковъ.

Тотчасъ всѣ спустились со стѣны, чтобъ итти навстрѣчу приближавшемуся карбасу.

Пока государь съ сопровождавшими его дошелъ до мостковъ, гдѣ долженъ былъ пристать карбасъ, на мостки уже выскочилъ мичманъ, управлявшій карбасомъ, и отдавалъ государю честь.

— Съ какими вѣстями?—быстро спросилъ Петръ.

— Имѣю честь доложить вашему царскому величеству, что на морѣ отъ острова Реттусари показалась шведская флотилія съ адмиральскимъ кораблемъ въ главѣ,—бойко отрапортовалъ молодой мичманъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ «навигаторовъ», уже отвѣдавшій навигаторской мудрости въ Голландіи и въ Венеціи.

— Что-жъ они, идутъ прямо въ Неву?..—еще торопливѣе спросилъ Петръ.

— Нѣтъ, государь; они раньше не войдутъ въ Неву, пока изъ Ніеншанца не отвѣтятъ имъ условнымъ сигналомъ.

— Ты какъ же о семъ провѣдалъ?—оживился Петръ, и глаза его радостно сверкнули.

— Провѣдалъ я о семъ, ваше величество, отъ лоцмановъ, кои проводятъ оные корабли въ Неву.

— А гдѣ ты ихъ видѣлъ?

— Они здѣшніе, государь, рыбаки и живутъ на островѣ Хирвисари, гдѣ имѣются ихнія тони. Имъ дно Невы и всѣ ея глубины и мели вѣдомы, какъ своя ладонь.

— Спасибо, мичманъ!—радостно проговорилъ государь.—Спасибо, лейтенантъ!.. Съ сего часу я возвожу тебя въ чинъ лейтенанта.

— Радъ стараться, ваше царское величество!—въ радостномъ волненіи пробормоталъ новый лейтенантъ.

— Въ чемъ же состоитъ ихъ сигналъ?—спросилъ Петръ.

— Въ двухъ пушечныхъ салютахъ съ адмиральскаго корабля, на каковой салютъ изъ крѣпости отвѣтствуютъ тоже двукратными выстрѣлами, а уже послѣ сего отъ флота высылается въ Неву шлюпка за лоцманомъ.

Взоръ государя выражалъ нескрываемое ликованіе.

— Будемъ ждать онаго салюта и отсалютуемъ имъ тѣмъ же!—весело проговорилъ Петръ.

Потомъ, нѣсколько подумавъ, царь спросилъ:

— Для чего же сіи салюты такъ издалека?

— Для того, государь, чтобы прибывшіе корабли вѣдали,

то крѣпость обрѣтается въ благополучіи и проходу кораблей къ крѣпости Невою не угрожаетъ непріятель.

— И мнѣ таковая же мысль пришла въ голову,—вымолвилъ Петръ.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени издалека, отъ моря, донеслись, хотя очень глухо, два выстрѣла. Русскій пушкарь, заблаговременно поставленный у вѣстовой крѣпостной пушки и получившій инструкцію, что ему дѣлать въ случаѣ салюта со взморья, отвѣчалъ такими же выстрѣлами.

— Поцѣлуй Іуды—скажетъ почтенный полковникъ Опалевъ, услышавъ нашъ отвѣтъ,—злорадно улыбнулся Меншиковъ.

— Сей салютъ плачъ крокодила,—какъ бы про себя замѣтилъ Ягужинскій.

— Почему плачъ крокодила?..—спросилъ Шереметевъ, не особенно свѣдущій въ естественной исторіи.

— Я читалъ, что въ Египтѣ, въ Нилѣ крокодилы, желая привлечь свою жертву къ Нилу, къ камышамъ жалобно кричатъ, подражая дѣтскому плачу, и посему, ежели человѣкъ притворно плачетъ, дабы обмануть кого своими слезами, сіи слезы и называются крокодиловыми слезами,—отвѣчалъ Павлуша какъ по писанному.

— Павелъ у меня во всемъ дока,—весело сказалъ государь.

— И точно, государь; малый у тебя собаку съѣлъ,—добродушно разсмѣялся Шереметевъ.

Ніеншанцкій крокодилъ, продолжая плакать и 3-го, и 4-го мая, достигъ своей цѣли: жертва довѣрчиво пошла на его коварный плачъ и попалась.

Вечеромъ 5-го мая изъ засады, устроенной русскими въ камышахъ у устьевъ Невы, замѣтили, что съ адмиральскаго корабля, все еще стоявшаго съ своей эскадрой довольно далеко отъ входа въ Неву, стали спускать на воду шлюпку.

— Кажись, начинаетъ клевать рыбка,—улыбнулся одинъ изъ преображенцевъ засады, увидѣвъ, что и матросы стали спускаться въ шлюпку.

— Клюетъ, клюетъ, ишь ты! И поплавокъ повела,—засмѣялся другой.

— А ты не ржи!—осадилъ его третій.—Не равно услышутъ твое ржанье.

— Нишкни, братцы, нишкни!—уже прошепталъ четвертый.—Лисица сама въ капканъ норовитъ.

— Не лисица, а волкъ, а то самъ Миша Топтыгинъ: вишь какой кораблище.

Шлюпка все болѣе и болѣе приближалась къ тому мѣсту, гдѣ укрывалась засада.

Вотъ она у берега. Слышно, какъ шуршитъ прибрежный камышъ, о который трутся бока шлюпки. Слышенъ и говоръ матросовъ на незнакомомъ языкѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что говорили они частью по-шведски, частью по-фински или по-чухонски.

— Захватить языка!—тихо скомандовалъ начальникъ засады, молодой лейтенантъ.

Нѣсколько человѣкъ, прикрываясь то прибрежными кустиками, еще не распустившимися окончательно, то старымъ камышемъ, осторожно поползли къ берегу.

Шлюпка носомъ ткнулась о берегъ, и матросы съ адмиральскаго корабля стали выскакивать на берегъ.

Но едва одинъ изъ нихъ нѣсколько удалился отъ берега, какъ двѣ сильныя руки схватили, какъ клещами, его за ноги, повалили на-земь.

Матросъ, которому ловкій преображенецъ не успѣлъ зажать рта, громко вскрикнулъ.

— Ахъ, идолъ!—выругался преображенецъ и ударилъ кричавшаго по лицу.

Остальные матросы бросились назадъ въ шлюпку и моментально отплыли назадъ.

Плѣнника привели къ молодому лейтенанту. Оказалось, что пойманный матросъ изъ чухонъ, и его тотчасъ же узналъ одинъ изъ мѣстныхъ рыбаковъ, ловившій рыбу недалеко отъ засады.

— А! Вы за лоцманами?—спросилъ плѣнника подошедшій рыбакъ.

Тому нельзя уже было запираться, и онъ сказалъ, что ихъ, дѣйствительно, послали съ адмиральскаго корабля за лоцманами для провода кораблей къ Ніеншанцу.

Рыбакъ умѣлъ нѣсколько говорить и по-русски.

— У кого научился?—спросилъ его лейтенантъ.

— У русскихъ раскольниковъ, что наѣзжали сюда каждую зиму за рыбой.

— Такъ спроси плѣнника, кто командуетъ эскадрой?— приказалъ лейтенантъ.

Оказалось, что вице-адмиралъ Нумерсъ.

— Это тотъ самый адмиралъ, что въ прошломъ году напалъ съ своею флотиліей на Ладожскомъ озерѣ на нашего окольничаго Апраксина и потерпѣлъ отъ него пораженіе?—спросилъ лейтенантъ плѣннаго матроса черезъ переводчика.

Оказалось, что тотъ самый.

Едва ускользнувшая отъ засады шлюпка возвратилась на адмиральскій корабль, какъ изъ засады увидѣли, что тотчасъ же, вѣроятно по командѣ Нумерса, отъ шведскаго флота отдѣлились два корабля и, войдя въ устье Большой Невы, бросили якорь противъ самой засады въ ожиданіи, конечно, лоцмановъ.

Нашъ лейтенантъ изъ засады могъ даже различить названія этихъ кораблей и ихъ вооруженіе. Оказалось, что это были— 14-ти пушечная шнява «Astrel» и 10-ти пушечный ботъ «Gedan».

Моментально карбасъ молодого лейтенанта стрѣлою полетѣлъ къ Ніеншанцу съ новою важною вѣстью.

Вѣстей съ засады государь ожидалъ съ часу на часъ. Его удивляло и приводило въ гнѣвъ то обстоятельство, что шведская эскадра вотъ уже четвертый день стояла на одномъ мѣстѣ, не приближаясь къ устью Невы. Въ открытомъ морѣ атаковать ее простыми карбасами было положительно невозможно: ихъ бы шведскія ядра потопили, одинъ карбасъ за другимъ, не допуская до абордажной схватки на ружейный выстрѣлъ.

Поэтому, когда изъ лагеря замѣтили приближеніе карбаса нашего лейтенанта, то государь пришелъ въ сильное волненіе.

Быстрыми шагами онъ направился, въ сопровожденіи ближайшей свиты, къ мосткамъ причала лодокъ, ожидая съ нетерпѣніемъ приближенія вѣстового карбаса. Ему казалось, что онъ ужасно медленно двигается.

— Должно, что зѣло важныя вѣсти везетъ гонецъ,—замѣтилъ Меншиковъ,—стрѣлой летитъ карбасъ.

— А мнѣ сдается, что онъ стоитъ на мѣстѣ,—возразилъ Петръ.

— Отъ нетерпѣнія сіе кажется тебѣ, государь.

Карбасъ еще не успѣлъ коснуться мостковъ, какъ бравый

лейтенантъ перелетѣлъ на мостки и вытянулся передъ государемъ.

— Что?—могъ только сказать послѣдній.—Короче!

— Сейчасъ, государь, мы поймали матроса, съ адмиральскаго корабля... Командуетъ эскадрой вице-адмиралъ Нумерсъ... Два корабля отдѣлились отъ эскадры и сейчасъ легли на якорь въ устьѣ Большой Невы въ ожиданіи лоцмановъ.

— Какого типа и калибра корабли?

— Четырнадцатипушечная, государь, шнява «Astrel» и десятипушечный ботъ «Gedan».

— Спасибо, капитанъ-поручикъ Сенявинъ! Я сея радостныя вѣсти никогда не забуду!

И государь горячо обнялъ осчастливленнаго имъ молодого «навигатора».

— Скоро выскочилъ въ капитаны,—шепнулъ Шереметевъ Меншикову.

— Поистинѣ достойно заслужилъ,—отвѣтилъ шепотомъ же послѣдній.

XXII.

Нетерпѣніе государя схватиться, наконецъ, съ побѣдителями подъ Нарвой въ морскомъ бою было такъ велико, его такъ неудержимо влекло къ себѣ море, все еще «чужое» море, что онъ тотчасъ же, въ тотъ же вечеръ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала Шереметева, посадилъ на тридцать карбасовъ преображенцевъ и семеновцевъ и, отдавъ послѣднихъ подъ команду Меншикова, какъ поручика бомбардирской роты, пустился внизъ по Невѣ, чтобъ, во что бы то ни стало, добыть морскія суда, залетѣвшія въ устье его Невы изъ околдовавшаго его душу европейскаго рая.

Одно, что непріятно волновало царя, это полусвѣтъ палевой ночи...

«Нельзя будетъ врасплохъ накрыть врага... Ахъ, эти чухонскія ночи!»—сердился въ душѣ государь.

Но флотилія продолжала двигаться, стараясь держаться въ тѣни, отбрасываемой береговыми лѣсами.

Объ этомъ говоритъ и авторъ «Панорамы Петербурга«.

«Погода—пишетъ Башуцкій—сначала тихая и свѣтлая, не благопріятствовала предпріятію русскаго монарха, но мало-помалу вѣтеръ измѣнялся, тучи скоплялись, и вскорѣ послѣ полуночи, обложивъ небо непроницаемою пеленою, разразились проливнымъ дождемъ».

Флотилія, достигнувъ входа въ рѣчку Кеме, нынѣ Фонтанку, раздѣлилась на два отряда. Государь съ своими пятнадцатью карбасами съ преображенцами вступилъ въ Малую Неву и, огибая берега острова Хервисари—нынѣ Васильевскій, тихо подвигался къ взморью. Меншиковъ же съ остальными пятнадцатью карбасами и семеновцами вошелъ въ Фонтанку, чтобы рано утромъ атаковать непріятеля съ двухъ сторонъ.

Достигнувъ устьевъ обѣихъ рѣкъ, обѣ флотиліи остановились, ожидая подъ покровомъ бурной ночи благопріятнаго для нападенія времени.

Чрезъ нѣсколько часовъ ожиданія — продолжаетъ Башуцкій — благопріятное время настало, и посреди мрака и бури Оссіановской ночи Петръ, въ потѣ лица трудившійся для Россіи, ударилъ съ двухъ сторонъ на изумленныхъ непріятелей. Примѣръ вождя одушевилъ предводимыхъ. Подъ градомъ ядеръ, гранатъ и пуль, сыпавшихся на царскую флотилію не только съ абордированныхъ судовъ, но и съ остальной эскадры, вступившей подъ паруса въ намѣреніи ихъ выручить, но остановленной мелководіемъ, взлетѣли русскіе на суда, гдѣ смерть являлась во всѣхъ видахъ. Ни губительное дѣйствіе непріятельскихъ выстрѣловъ, ни отчаянныя усилія защищавшихся не спасли сихъ послѣднихъ отъ угрожающей имъ участи. Царь, съ гранатою въ рукѣ, взошелъ первый на шняву, и черезъ нѣсколько минутъ оба судна находились въ его власти. Изъ 77 ч., составлявшихъ ихъ экипажъ, только 19 сохранили жизнь цѣною плѣна; всѣ остальные пали подъ ударами побѣдителей, раздраженныхъ упорнымъ сопротивленіемъ» *).

Ночь, первая ночь послѣ первой морской побѣды.

Кругомъ сонъ, сонъ и надъ завоеванною крѣпостью, и надъ лагеремъ съ побѣдоноснымъ войскомъ.

Не спитъ одинъ Петръ. Великая душа его не знаетъ покоя. Онъ тихонько, чтобъ не разбудить своего юнаго денщика, выходитъ изъ своей палатки и идетъ еще разъ, въ уединеніи, безъ

*) Панорама Петербурга. Т. I, стр. 14—15.

постороннихъ глазъ, взглянуть на дорогое пріобрѣтеніе. Душа его ищетъ уединенія.

Медленно приближается онъ къ стоящимъ на Невѣ добытымъ кровью кораблямъ, которые въ дымкѣ палевой весенней ночи кажутся такими великанами въ сравненіи съ крохотными лодками-карбасами.

Долго стоитъ онъ въ глубокой задумчивости. Казалось, что въ такой же тихой задумчивости и Нева спокойно и величаво катитъ свои многоводныя струи къ морю, уже окрашенному первою побѣдною кровью.

Въ уединеніи, въ глубокой задумчивости, онъ не подозрѣваетъ, что его юный денщикъ, котораго онъ считалъ спящимъ, раздвинувъ немного полу палатки, слѣдуетъ за нимъ издали, и Павлушѣ кажется въ дымкѣ весенней ночи, что на берегу Невы стоитъ исполинъ..

Да, это былъ, дѣйствительно, исполинъ...

Невольно, представляя себѣ этотъ великій моментъ въ жизни русскаго исполина, поддаешься гипнозу геніальнаго стиха великаго поэта — стиха, относящагося къ этому именно великому моменту:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася: бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу—
Здѣсь будетъ городъ заложонъ.
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ.

И въ его возбужденномъ, вдохновенномъ воображеніи, здѣсь, на этой многоводной Невѣ, уже развѣвались флаги всего міра,

величаво двигались великаны корабли; произведенія вселенной стекались къ этимъ пустыннымъ берегамъ, чтобы потомъ изъ этого «новаго сердца Россіи» стремиться внутрь страны по всѣмъ ея водянымъ и сухопутнымъ артеріямъ движенія, а къ новому сердцу, обратно, притягивать живую кровь и соки производительности и избытокъ ихъ выбрасывать изъ сердца во всѣ концы міра...

Творческая мысль лихорадочно работаетъ, созидаетъ, обновляетъ... Нѣтъ предѣла для созданій его мысли, нѣтъ конца геніальнымъ замысламъ... Его великая душа стремится объять необъятное...

— «Окно въ Европу!.. Нѣтъ, мало того! Всѣ двери настежъ, великія объятія великой страны — настежъ!.. Всѣ сухопутныя заставы—настежъ!.. Я взялъ море, оно теперь мое, и моими станутъ всѣ океаны... Никогда не будетъ заходить солнце въ моей странѣ... Уже совершилось небывалое... Завтра же повелю монетному двору выбить медаль съ надписаніемъ на оной: «Небывалое бываетъ»... *). Завтра же отправлюсь выбрать мѣсто для заложенія крѣпости моей новой столицы... А тамъ, приходи шведъ, милости просимъ»...

Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда государь возвращался къ своей палаткѣ.

Проходя мимо ставки царевича Алексѣя Петровича, онъ услыхалъ тамъ голоса.

— И Алексѣй не спитъ,—сказалъ про себя государь.—А може всталъ уже.

И царь вошелъ въ палатку сына. Тамъ онъ увидѣлъ одного стараго полкового священника, который, сидя рядомъ съ царевичемъ, показывалъ ему что-то въ раскрытой передъ ними рукописи.

При видѣ государя, царевичъ и священникъ быстро встали.

Подойдя подъ благословеніе и поздоровавшись съ царевичемъ, государь спросилъ:

— Что это у васъ за рукописаніе?

— Лѣтописецъ, государь, древній, — отвѣчалъ священникъ.—И я вотъ показываю благовѣрному царевичу знаменіе, его же Господь сподоби и тебя, благовѣрный государь.

---

*) И такая медаль, дѣйствительно. была выбита и пожалована всѣмъ участникамъ морской баталіи.

— Какое знаменіе?

— А то знаменіе, государь, что брезѣ рѣки сея и на морѣ родичи твои, святые мученицы Борисъ и Глѣбъ, помогаша тебѣ одолѣти врага, какъ помогли они, во время оно, сродственнику твоему, святому благовѣрному князю Александру Невскому, сокрушити враговъ на сихъ же невскихъ брегахъ. И здѣ, въ семъ же лѣтописцѣ, оное знаменіе и чудо записаны.

Государь взялъ рукопись, раскрытую на томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтопись повѣствовала о видѣніи старца Пелгусія и о пораженіи шведовъ новгородскимъ княземъ Александромъ Ярославичемъ на берегахъ Невы при чудесной помощи святыхъ Бориса и Глѣба.

— Сказаніе о старцѣ Пелгусіѣ мнѣ вѣдомо, а токмо какъ оно записано въ лѣтописцѣ, сего я не читалъ,—сказалъ Петръ.

— Такъ прочти, государь,—сказалъ священникъ,—и царевичъ послушаетъ.

Заинтересованный царь сталъ читать:

— «Бѣ нѣкто мужъ, старѣйшина въ земли Ижерской, именемъ Пелгусій. Поручена бѣ ему стража морская. Воспріятъ-же святое крещеніе, и живеше посредѣ рода своего, погана суща, и наречено бысть ему имя въ святомъ крещеніи Филиппъ. Живяще богоугодно, въ среду и пятокъ пребывая въ алчбѣ, тѣмъже сподоби его Богъ видѣнію страшну. Увѣдавъ силу ратныхъ...

— То были рати шведскаго короля Бергеля, государь,—пояснилъ священникъ.

— Бергера, а по другимъ—Биргера,—поправилъ его государь, и продолжалъ чтеніе, — «и иде оный Пелгусій противу князя Александра, да скажетъ ему стани, — обрѣте-бо ихъ. Стоящю-же ему при краи моря, стрегущи обои пути, и пребысть всю нощь въ бдѣніи. Яко-же нача выходити солнце, и услыша шумъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ (судно) единъ гребущъ, посреди-же насада стояща Бориса и Глѣба въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста руки держаще на рамахъ, гребци-же сѣдяща аки въ молнію одѣяны. И рече Борисъ:—«брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ сроднику своему Александру». Видѣвъ же Пелгусій таковое видѣніе и слышавъ таковый гласъ отъ святую, стояще трепетенъ, дондеже насадъ отыде отъ очію его. Потомъ скоро поѣхалъ къ Александру, онъ-же видѣвъ его радостными

очимы, исповѣда ему единому, яко-же видѣ и слыша. Князь же отвѣща ему: «сего не рци никому-же»...

Петръ остановился въ задумчивости.

— И меня, государь, сподоби Господь такова же видѣнія,— проговорилъ священникъ.

— Какъ? И тебѣ было видѣніе—съ недовѣріемъ спросилъ государь.

— Было, о царю! — торжественно воскликнулъ священникъ.—Я видѣлъ, государь, какъ рядомъ съ тобою взыде на большой свейскій корабль святый Борисъ, огненнымъ мечемъ поражая свеевъ, а Глѣбъ стояще поручъ съ Александръ Данилычемъ, на меньшемъ кораблѣ, посѣкая огненнымъ же мечемъ враговъ нашея церкви.

— И ты все это видѣлъ—съ улыбкою спросилъ царь.

— Видѣхъ, государь, въ нощи, въ соніи,—смѣло отвѣчалъ попикъ.

— А! Во снѣ?

— Въ соніи, государь, духовныма очима.

— А! Духовными...

Государь взглянулъ на царевича.

— Я вѣрю... Безъ вѣры нѣтъ спасенія... Вѣра сила необоримая,—тихо сказалъ государь.—Въ евангеліи читается: «аще имати вѣру яко зерно горушно — говорилъ Христосъ ученикамъ—и речете горѣ сей—прейди отсюда тамо и прейдетъ»...

— Аминь, — подтвердилъ попикъ и многозначительно глянулъ на царевича.

XXIII.

Въ тотъ же день государь собралъ военный совѣтъ для рѣшенія важнаго государственнаго совѣта: въ какомъ мѣстѣ при устьяхъ Невы заложить крѣпость и новую столицу Россійскаго государства?

Передъ открытіемъ совѣта, генералъ-адмиралъ Головинъ, первый въ Россіи кавалеръ знатнѣйшаго ордена св. Андрея Первозваннаго—вторымъ былъ гетманъ Мазепа,—торжественно возложилъ знаки этого ордена на главныхъ виновниковъ морской побѣды надъ шведами—на самого царя и его любимца, Меншикова. Такимъ образомъ государь былъ третьимъ кавалеромъ высшаго въ Россіи ордена.

Военный совѣтъ постановилъ: тотчасъ же отправиться въ полномъ составѣ для всесторонняго осмотра всѣхъ устьевъ Невы, ея дельты и всѣхъ омываемыхъ устьями Невы островов.

Маленькая флотилія, прослѣдовавъ Большою Невою все ея теченіе, вышла на взморье.

Шведскій флотъ все еще стоялъ неподвижно противъ устья Большой Невы, но на такомъ разстояніи, что пушки его не могли досягать до скромной флотиліи русскихъ карбасовъ, какъ бы дразнившихъ собою шведскихъ великановъ. Съ кораблей замѣтили царя и его приближенныхъ. Зрительныя трубы Нумерса и другихъ капитановъ направились на дерзкія лодчонки побѣдителей.

Меншиковъ снялъ шляпу и замахалъ ею въ воздухѣ.

— Здравствуйте, други, не солоно хлебамши! — крикнулъ онъ.

Государь весело разсмѣялся. Взоръ его выражалъ вдохновенное торжество.

— Близокъ локоть, да не укусишь,—сказалъ онъ.

— Они грозятъ кулаками, государь, — замѣтилъ Ягужинскій.

Зоркіе глаза Павлуши замѣтили эту безсильную угрозу.

— Кабы мы не лишили ихъ лоцмановъ, намъ бы не справиться съ Нумерсомъ,—серьезно замѣтилъ генералъ-адмиралъ.— Кстати же и вѣтеръ имъ на-руку съ моря.

— Да и вода поднимается, имъ же на-руку,—сказалъ и государь.

Головинъ, самъ правившій рулемъ на царскомъ карбасѣ, скомандовалъ гребцамъ, и царскій карбасъ вмѣстѣ съ другими сталъ огибать, по взморью, островъ Хирвисари, нынѣ Васильевскій, чтобы войти въ Малую Неву.

— И чего они стоятъ въ морѣ? Чего ждутъ? — говорилъ Петръ.

— Подмоги, чаю, государь, сухопутной, либо отъ Выборга, либо отъ Нарвы,—замѣтилъ Головинъ.

— Добро пожаловать!—сверкнулъ глазами Петръ. — Мои молодцы теперь ужъ не тѣ, что были подъ Нарвой: наука намъ впрокъ пошла.

Долго маленькая флотилія плутала по лабиринту всѣхъ рукавовъ Невы. Обогнувъ островъ Хирвисари со взморья, она про-

слѣдовала Малой Невой вверхъ, мимо острова Койвисари, нынѣ Петербургской стороны, и мимо маленькаго острова Іенисари, гдѣ нынѣ крѣпость и повернула въ Большую Невку, слѣдуя мимо острова Кивисари, нынѣ Каменнаго, мимо Мусмансгольма, нынѣ Елагина, и, обогнувъ островъ Ристисари, нынѣ Крестовскій, Малою Невою вошла опять въ Большую Невку.

На всемъ останавливался взоръ царя, все обсуждала и взвѣшивала его творческая мысль, во все вникалъ его всеобъемлющій геній.

— Сими дыхательными путями будутъ дышать великія легкія моей Россіи,—говорилъ онъ въ какомъ-то творческомъ гипнозѣ.

— Отдушины знатныя,—согласился Головинъ.

— Воды, что въ Нилѣ,—продолжалъ государь.

У него изъ ума, повидимому, не выходилъ Александръ Македонскій съ его новой столицей въ дельтѣ Нила.

Меншиковъ, умѣвшій оттадывать мысли царя, замѣтилъ:

— А, поди, Александръ Филиппычъ не съ такимъ тщаніемъ, какъ ты, государь, изучалъ дельту Нила.

— Да у Александра Филиппыча, чаю, не стоялъ за спиной Нумерсъ со шведскимъ флотомъ, какъ нонѣ у меня,—проговорилъ Петръ.

Карбасы, выйдя изъ Большой Невки, снова повернули внизъ по Большой Невѣ.

— Стой! — сказалъ царь, когда его карбасъ поровнялся опять съ островомъ Іенисари.—Осмотримъ сіе мѣсто.

Карбасъ причалилъ къ берегу. Всѣ вышли на островокъ и изслѣдовали его со всѣхъ сторонъ.

— Государь!—вдругъ радостно воскликнулъ Павлуша Ягужинскій.—Изволь взглянуть наверхъ.

— Что тамъ?—спросилъ Петръ.

— Надъ тобою, государь, кружитъ царь птица!—съ юношеской живостью говорилъ Павлуша. — Орелъ надъ тобой, государь,—счастливое знаменіе.

— Откуда тутъ быть орлу?—удивился царь.

— А вонъ и гнѣздо на деревѣ, государь,—сказалъ Меншиковъ.

Огромная шапка, точно гнѣздо аиста чернѣлась между вѣтвей съ начинавшими распускаться зелеными листьями.

— Знаменіе, знаменіе!—радовался Ягужинскій.—Такой же орелъ кружилъ надъ Цезаремъ, когда онъ переходилъ черезъ Рубиконъ.

Государь задумчиво слѣдилъ за плавными взмахами гигантскихъ крыльевъ царственной птицы.

— Какой полетъ!—тихо замѣтилъ онъ.

— Твой полетъ, государь,—сказалъ Меншиковъ.

Изслѣдовавъ, послѣ наблюденія надъ полетомъ орла, островокъ Іенисари и его окрестности, государь остановился на рѣшеніи, что лучше этого островка для сооруженія крѣпости и быть не можетъ.

— Кругомъ вода, и никакихъ рвовъ копать нѣтъ надобности,—говорилъ онъ возбужденно.—Сіе мѣсто не Ніеншанцу чета! Мимо сего островка, чаю, не токмо корабли съ моря, но и рыбацкая лодка не проскользнетъ. А по другимъ рукавамъ Невы большимъ судамъ ходу нѣтъ. На зло братцу моему Карлу я новую свою столицу срублю моимъ топоромъ на его землѣ, на сей сторонѣ Невы, на островѣ Кайвисари, а на лѣвой сторонѣ Невы разведу огородъ на славу, сей огородъ украшу статуями, каковыя я видѣлъ въ Версали, и назову сіе мѣсто «Парадизомъ» Самый же городъ расположу на островѣ Хирвисари. А по маломъ времени, чаю, съ Божьей помощью, и на лѣвую сторону Невы перекину городъ.

— Чаю и я, государь, что всего досадительнѣе Карлу будетъ то, что допрежъ всего твоя царская пята уперлась объ его землю,—соглашался Меншиковъ,—вить и его Ніеншанцъ теперь не его! стоитъ на семъ же берегу Невы.

— А орелъ все кружится,—не переставалъ радоваться Ягужинскій.—Теперь я вижу, что на гнѣздѣ сидитъ орлица.

— Ну, Павлуша,—ласково проговорилъ Петръ,—не вывести ужъ тутъ ей своихъ орлятъ.

— Почему, государь?—спросилъ юный денщикъ.

— А потому, что завтра же мой топоръ учнетъ тутъ ходить по деревамъ,—сказалъ Петръ.—Не даромъ Данилычъ назвалъ меня «Державнымъ Плотникомъ»... И будетъ прочна моя тутъ построечка: стоять ей здѣсь, пока земля стоять будетъ, и солнце по небу ходить.

И тутъ окончательно было рѣшено: на Іенисари заложить

крѣпость, а новую столицу, тамъ же, только за протокомъ, на островѣ Койвисари, что нынѣ Петербургская сторона.

Возвращаясь послѣ этого въ лагерь, государь долго погруженъ былъ въ думы; но Меншиковъ и Ягужинскій, привыкшіе читать его въ душѣ по глазамъ и по лицу, понимали состояніе этой великой души... То, о чемъ онъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ мечталъ въ своемъ рабочемъ покоѣ въ Москвѣ, къ чему съ неудержимою страстію рвались его думы, теперь достигнуто имъ. Нева—это окно въ Европу—его рѣка! «Чужое» море—теперь его море!

— Тамъ я заложу верфь,—указывалъ онъ на лѣвый берегъ Невы, гдѣ нынѣ адмиралтейство.—Здѣсь, артиллерійскій паркъ,—указалъ онъ на берегъ Выборгской стороны.

Потомъ, обратясь къ артиллерійскому полковнику Трезини, родомъ итальянцу, Петръ сказалъ:

— Тебѣ работы будетъ по горло.

— Радъ служить великому государю,—поклонился Трезини.

— Чаю, не позабылъ своей науки, живучи у московскихъ варваровъ?

— Архитектуры, государь?—спросилъ Трезини.

— Да, стройки, да только вѣчной, какъ вѣченъ вашъ Римъ.

— Думаю, государь... Но построить новый Римъ—не хватитъ человѣческой жизни,—отвѣчалъ бравый потомокъ Гракховъ.—Даже о Коринѳѣ старая римская пословица говоритъ: Alta die solo non est exstructa Corinthus.

— А сіе что означаетъ?

— И Коринѳъ построенъ не въ одинъ день.

— А у насъ, государь, у нѣмцевъ, имѣется такая же пословица о Римѣ,—сказалъ полковникъ Ренне: Rom ist nicht auf einmal erbaut.

Но государь, кажется, все забылъ, когда карбасъ его поравнялся съ шведскими великанами, отбитыми столь молодецки, кораблями «Астрель» и «Гедань». Глаза его сверкнули гордою радостью.

— Данилычъ!—окликнулъ онъ Меншикова, сидѣвшаго около Головина.

— Что изволишь приказать, государь? — отозвался «Данилычъ».

— Сегодня же посылай гонца въ Новгородъ къ митрополиту Іонѣ съ указомъ, чтобъ не помедля прибылъ сюда для освященія мѣстъ подъ крѣпость и новую столицу

— Слушаю, государь. А къ какому дню?

— Къ Троицѣ.

Такъ жаждала великая душа заложить первый камень на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулся на сотни квадратныхъ верстъ великій городъ съ его величественными храмами, дворцами, городъ, съ его милліоннымъ населеніемъ, съ парками, садами, всевозможными учебными заведеніями, городъ, изрѣзанный стальными полосами рельсовъ, опутанный паутиною телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ, городъ, изъ котораго исходятъ повелѣнія вплоть до бурныхъ водъ бурнаго океана, хотя и именуемаго Тихимъ...

Какъ было не трепетать великой душѣ, провидѣвшей міровую миссію своего народа въ будущемъ!

Одного не могла провидѣть великая душа, что одинъ изъ Потомковъ его возгласитъ м и р ъ м і р о в и, что Его державное слово кинетъ всему шару земному міровое воззваніе: «—на земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе!».

XXIV.

Насталъ, наконецъ, желанный день.

Къ 16-му мая войска, взявшія Ніеншанцъ и овладѣвшія всею Невою и ея дельтою и стоявшія лагеремъ—пѣхота по ту сторону Невы, а кавалерія—на лѣвомъ ея берегу, всѣ придвинулись къ мѣсту закладки крѣпости и новой столицы. Невская флотилія, на которой прибыли войска къ мѣсту закладки, такъ запрудила берега Іенисари и ближайшіе берега Койвисари, что прибывшій изъ Новгорода владыка Іона съ соборомъ всего духовенства, съ хоругвями и образами, а затѣмъ и государь съ блестящею свитой только съ помощью удивительной распорядительности Меншикова, уже назначеннаго губернаторомъ будущей столицы, могли свободно пройти къ мѣсту молебствія и закладки.

Ярко отливали на солнцѣ андреевскія ленты новыхъ кавалеровъ—самого государя, Меншикова и стараго Головина. Богатыя ризы духовенства изъ золотной парчи, украшенная драгоцѣнными камнями митра Іоны, искрившіяся золотомъ и

алмазами иконы, блестящее вооруженіе войска, все какъ будто говорило: Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь»...

Да это былъ великій день на Руси.

Началось молебствіе.

Павлуша Ягужинскій, стоявшій около царя, не спускалъ восторженныхъ глазъ съ его лица. Никогда онъ не видѣлъ такого, казалось, лучезарнаго лица!

Въ рукахъ Павлуши находился небольшой золотой ларецъ. Когда юный денщикъ, отрываясь на мгновеніе отъ лучезарнаго лица его державнаго любимца, опускалъ глаза на ларецъ, то машинально повторялъ шепотомъ слова, начертанныя на крышкѣ ларца:

— «Отъ воплощенія Іисуса Христа 1703, маія 16-го, — шептали губы Павлуши,—основанъ царствующій градъ Санктъ-Питербурхъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, самодержцемъ Всероссійскимъ.

По окончанія молебствія митрополитъ окропилъ святою водою царя, его свиту и выстроенныя полукругомъ шпалерами войска.

— Александръ Данилычъ, подай лопату, — сказалъ государь.

Меншиковъ, взявъ желѣзную лопату у стоявшаго на флангѣ великана Лобаря, опрокинувшаго, подъ Нарвою, своимъ гранитнымъ лбомъ шведскаго богатыря Гинтерсфельда вмѣстѣ съ конемъ на глазахъ короля, подалъ ее царю.

Поплевавъ на руки, какъ это дѣлаютъ настоящіе землекопы и плотники, государь глубоко засадилъ заступъ въ землю, гдѣ долженъ былъ находиться центръ закладки, разомъ выворотилъ громадную глыбу влажнаго грунта.

— Вишь и на руки поплевалъ, и впрямь что твой землекопъ.

— А эвона, какой комище выворотилъ,—перешептывались между собой преображенцы, любуясь простотѣ и силѣ вѣнчаннаго землекопа и плотника.

А Лобарь, глядя на работу царя-исполина, думалъ себѣ:

— «А поди, и я не осилилъ бы государя-батюшку... Вишь, какъ засаживаетъ! Того и гляди, заступъ вдребезги... Ну! Чисто Микула Селяниновичъ»...

Меншиковъ, взявъ другой заступъ, тоже сталъ копать рядомъ съ царемъ.

Не утерпѣлъ Лобарь, завидки взяли: захотѣлъ помѣряться силой съ государемъ, и взялъ заступъ у сосѣда.

Вывороченная имъ глыба оказалась больше государевой. Послѣдній замѣтилъ это и улыбнулся.

— А! И дядя Терентій присталъ къ намъ,—сказалъ онъ,— спасибо.

— Радъ стараться, государь-батюшка, — отозвался Лобарь, выворачивая цѣлыя горы чернаго грунта.

Тогда бросились съ заступами и другіе преображенцы, и въ нѣсколько минутъ яма была готова.

— Подай ларецъ, Павелъ,—обернулся государь къ Ягужинскому.

Тотъ подалъ. Между тѣмъ солдаты опустили въ яму выдолбленный изъ гранита четыреугольный ящикъ и митрополитъ окропилъ его святою водой.

Тогда государь, припавъ на колѣно, вложилъ ларецъ въ ящикъ и, прикрывъ его дерномъ, тутъ же собственноручно вырѣзаннымъ, торжественно возгласилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! Основанъ царствующій градъ Санктъ-Петербурхъ!

Въ основу этого города положена, въ золотомъ ларцѣ—ковчегѣ, частица отъ мощей апостола Андрея Первозваннаго.

Это—глубокій религіозно-національный символъ. Извѣстно, что Андрей, братъ апостола Петра, былъ «первымъ призванъ» (отсюда — Первозванный) Спасителемъ въ свои ученики, и онъ же первый принесъ слово Евангелія чрезъ Малую Азію и Черное море къ намъ, въ Скиѳію, и по преданію, на мѣстѣ будущаго Кіева водрузивъ крестъ, сказалъ своимъ ученикамъ: «на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и воздвигнется великій градъ». Оттуда апостолъ доходилъ даже до Ильменя.

Едва произнесены были послѣднія слова государемъ, какъ всѣ увидѣли опять въ небѣ парящаго орла и приняли это за знаменіе *).

Въ тотъ же моментъ воздухъ потрясенъ былъ пушечными вы-

---

*) Сказаніе объ орлѣ—не измышленіе автора, а оно историческій фактъ.

стрѣлами съ стоявшей у берега невской флотиліи и этимъ залпамъ вторили крѣпостныя орудія со стѣнъ Ніеншанца.

Затѣмъ, подъ громъ орудій, государь вмѣстѣ со свитой, предшествуемый митрополитомъ и духовенствомъ съ хоругвями и образами, двинулся вглубь островка Іенисари и, остановившись у протока, отдѣлявшаго Іенисари отъ Койвисари, подозвалъ къ себѣ Ягужинскаго, у котораго въ рукахъ былъ царскій топоръ.

— Подай топоръ,—сказалъ государь, ища что-то горѣвшимъ вдохновеніемъ глазами.

И онъ нашелъ. Это были двѣ стройныя, высокія березы. Царь срубилъ ихъ, обтесалъ и заострилъ собственноручно стволы и приказалъ инженеръ-генералу Ламберту выкопать въ землѣ двѣ глубокія лунки, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ одну отъ другой.

— Ишь какъ ловко тешетъ,—переглядывались межъ собой семеновцы.

— Не диво: въ Галанской землѣ, сказываютъ, онъ, батюшка, самъ доски тесалъ и стругалъ и самъ корабли строилъ.

— Ну, и дока во всемъ, храни ево, Господи.

Тогда государь связалъ верхушки срубленныхъ березъ и вставилъ стволы ихъ готовыя лунки, такъ что березы образовали проходъ, подобіе арки или тріумфальныхъ воротъ.

— Это что-жъ будетъ?—переглядывались, семеновцы.

— А это называется... какъ бишь ево?

— Трухмальныя порты.

— Порты! Что ты! Эко слово брякнулъ!.. Тамъ, вишь, святые образа и самъ владыка а онъ—на!—порты!

— Порты—трухмальныя порты и есть!—настаивалъ свѣдущій въ этомъ дѣлѣ семеновецъ.—Такъ, чу, за моремъ повелось: коли ежели какой праздникъ, такъ всѣ проходятъ въ трухмальныя порты, кои бываютъ каменны и обвѣшиваются зелонью и твятами, какъ у насъ въ семикъ либо на Тройцу.

— Да у насъ нонѣ Тройца и есть.

Государь, между тѣмъ, снова взялся за заступъ и намѣтилъ мѣста закладки крѣпостного рва и воротъ.

Чтобы видѣть, сколько предстояло трудностей для созданія новой столицы, приведемъ слова автора «панорамы Петербурга».

«Поднятіе низменнаго острова Іенисари, расчистка земли,

вырубка лѣса, построеніе крѣпости и домовъ и другія работы требовали большого числа рукъ, и потому царь, употребивъ на сіи работы сначала бывшія у князя Репнина войска, также ингерманландцевъ, кореловъ, олончанъ и новгородцевъ, повелѣлъ прислать изъ Россіи тысячи рабочихъ и мастеровыхъ, равномѣрно казаковъ, татаръ и калмыковъ, присоединяя къ нимъ значительное число плѣнныхъ шведовъ, такъ что того же лѣта сорокъ тысячъ человѣкъ, разныхъ племенъ и нарѣчій, раздѣленныхъ на двѣ очереди, трудились надъ созиданіемъ Петербурга. Казенные работники получали отъ казны только пищу, а вольные сверхъ оной и плату, по три копѣйки въ сутки. По недостатку въ инструментахъ и землекопныхъ орудіяхъ, большая часть работы производилась голыми руками, и вырытую землю носили на себѣ въ мѣшкахъ, или даже въ полахъ платья. Если къ сему прибавить, что работавшіе не имѣли не только жилищъ, но даже необходимаго крова, и нерѣдко томились голодомъ, ибо не всегда успѣвали доставлять имъ потребное количество съѣстныхъ припасовъ, то можно вообразить, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій стоило первоначальное обстроеніе Петербурга: по того требовали обстоятельства, того требовала польза цѣлой Россіи.

«Не смотря однако на всѣ затрудненія, дѣятельность, возбуждаемая присутствіемъ и распорядительностью царя, была въ такой степени, что въ теченіе немногихъ недѣль большіе участки лѣсовъ и болотъ исчезли, и на мѣстѣ двухъ ветхихъ, полуразрушенныхъ хижинъ, составлявшихъ на островѣ Іенисари всѣ слѣды человѣческаго пребыванія, возникали, какъ бы изъ среды водъ, грозные валы крѣпости *).

Въ короткихъ словахъ, созданіе Петербурга «Державнымъ Плотникомъ»—это была борьба титана съ природою и стихіями, и титанъ побѣдилъ, положивъ основаніе городу, въ которомъ, какъ въ фокусѣ государственности, съ теченіемъ времени сосредоточилась вся интеллектуальная мощь великой страны, ея коллективный государственный умъ, ея коллективное законодательное творчество, ея коллективная работа въ области наукъ и искусствъ—и единодержавная воля вѣнчаннаго потомка «Державнаго Плотника».

---

*) Панорама С.-Петербургъ, I, стр. 19—20.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 26.

С

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ

МОСКВА СЛЕЗАМЪ НЕ ВѢРИТЪ. КУМЪ ИВАНЪ.
ПОИМАНЫ ЕСТЕ БОГОМЪ. ТЫ ПОБѢДИЛЪ.
МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 26

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ.

„МОСКВА СЛЕЗАМЪ НЕ ВѢРИТЪ".

I. Калики перехожіе.

Въ хоромахъ князя Данилы Щеняти, что у Арбатскихъ воротъ, идетъ пиръ горой, или, какъ поется въ былинахъ, «заводилось пированьице, почестенъ пиръ, собирались всѣ князья-бояре московскіе».

— А гдѣ же, князюшка сватъ, твои калики перехожіе, что похвалялся ими?—спросилъ бояринъ Григорій Морозовъ, сильно подвыпившій, но крѣпкій на голову и на ноги.

— А на рундукѣ, ждутъ, когда почестенъ пиръ разыграется,—отвѣчалъ князь Щеня.

— Чего же ждать, князь Данило, дорогой тезушка, коли «княженецкій столъ во полустолѣ, за столомъ всѣ пьяни, веселы»,—сказалъ, ставя на столъ свою чару, старый князь Холмскій, Данило Дмитричъ, побѣдитель новгородцевъ на берегахъ Шелони-рѣки.

— Ладно... Веди каликъ,—кивнулъ князь Щеня старому дворецкому, распоряжавшемуся пиромъ.

Дворецкій мигнулъ холопамъ, служившимъ на пиру, и черезъ минуту въ столовую свѣтлицу вошли трое каликъ перехожихъ: двое молодыхъ и зрячихъ, а третій старый и слѣпой.

Войдя въ столовую, калики «крестъ клали по-писаному и поклонъ дали по-ученому» и, откашлявшись, затянули:

Нашему хозяину-князюшкѣ честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива дано:
Самъ бы князюшка съ гостьми испилъ
Да и насъ бы, каликъ, ковшомъ не обнесъ.
Тада станемъ мы, калики, сказывати,
А вы, люди добрые, почетные, слушати,
Что про стары времена, про досельтнія.

Калики на минуту пріостановились, и старшій изъ нихъ, слѣпецъ, доставъ изъ-за спины висѣвшую тамъ «домру», сталъ перебирать струны, наигрывая что-то тягучее, но мелодичное.

Пирующіе притихли: въ мелодіи слѣпца слышалось что-то внушительное.

Холопи въ это время поднесли пѣвцамъ по ковшу пива. Тѣ, крестясь истово, выпили, утерлись рукавами, и вдругъ съ устъ ихъ полилось что-то внушительное, торжественное:

Изъ-за лѣсу было, лѣсу темнаго,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ бѣла горючъ-камня Латыря,—
Тутъ повышла-выходила, повыбѣжала,
Выбѣгала тутъ, волегала Волга-матушка,
Лѣсомъ-полемъ шла верстъ три тысячи,
А и много въ себя мать рѣкъ побрала,
А что ручьевъ пожрала—счету нѣтъ,
Широко-далеко подъ Казань прошла,
За Казанью-то рѣку Каму выпила,
А со Камушкой-то Вятку пожрала.
А той Вяткѣ рѣкѣ честь великая:
Поитъ-кормитъ она славный Хлыновъ градъ *),
Что родной онъ братъ граду Нову-городу...

— Какъ!—остановилъ пѣвцовъ бояринъ Морозовъ.—Хлыновъ родной братъ Новгороду?... Съ какой такой родни?

— А какъ же, бояринъ, — отвѣчалъ слѣпецъ, — споконъ-вѣку такъ повелось, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ: Хлыновъ меньшой братецъ Великому Новугороду.

— И мнѣ то же сказывали новугородцы, — поддержалъ слѣпца князь Холмскій.—Мнѣ и посадница Мароа не разъ про родство Хлынова съ Новымъ-городомъ говаривала. И чудно такъ, словно сказка.

— Не сказка, бояринъ батюшка, а быль исконная, — настаивалъ слѣпецъ.

---

*) Такъ называлась Вятка до 1780 года, когда вошла въ число городовъ Казанской губерніи.

— Такъ ты разскажи, старче, а мы послушаемъ,—возвысилъ голосъ хозяинъ князя Щеня.—Поднесите имъ еще пива,—сказалъ онъ холопямъ.

Калики перехожіе снова осушили по ковшу пива.

— Давно это было,—степенно началъ слѣпецъ.—Не сто и не двѣсти лѣтъ, а може съ полутысячи годовъ тому будетъ. Воевалъ тады господинъ Великій Новгородъ чудь бѣлоглазую. Всѣ мужіе новгородскіе, и старъ, и младъ, ушли на войну. Не годъ, не два воевали, а, поди, годовъ пять. И соскучились въ Новѣ-городѣ бабы по мужьямъ. Знамо-дѣло женское, плоть бабья несутерпчивая.

— Такъ, такъ, — согласился Морозовъ, — въ писаніи убо сказано: «баба—сосудъ сатаны».

— Не всякая баба такова,—возразилъ князь Холмскій.—Ну, и что же далѣ?—обратился онъ къ слѣпцу.—Сказывай, старче.

Слѣпецъ помоталъ головой и развелъ руками.

— А тутъ, господа почестные, вышло какъ-будто и по писанію,—раздумчиво проговорилъ онъ, — бабы-то Новаторода, точно, горшкомъ чортовымъ оказались. Со скуки-то по мужьямъ и сошлись многія изъ нихъ, и боярскія жены, и служилыхъ людей, и смердьи, сошлись, такъ бы сказать, съ молодью безбородою, что еще и въ походахъ не бывала.

— Такъ, такъ,—опять угрюмо замѣтилъ Морозовъ,—знамо, молодое-то, безбородое слаще меду бабѣ.

— А тебѣ, небось, недолѣтокъ-дѣвка, въ тринадцать-четырнадцать годковъ, не слаще бабы супоросой али стельной?—ехидно улыбнулся князь Холмскій.

— Полно-ка суперечить, гости дорогіе, — вмѣшался хозяинъ,—веди до конца твой сказъ, старче Божій,—молвилъ онъ слѣпцу.

— Такъ вотъ, господа почестные, — продолжалъ послѣдній,—воевали это мужи новугородскіе чудь бѣлоглазую пять годовъ...

— Ровно семь годковъ, старики баяли,—подсказалъ одинъ изъ зрячихъ каликъ.

— Инъ пущай семь,—согласился слѣпецъ. — Въ эти-ту семь годковъ жены новугородски и прижили съ молодью дѣтокъ... Какъ тутъ быть?.. Воротятся мужья, найдутъ приплодъ...

— Плохо дѣло,—замѣтилъ Морозовъ.

— Чего плоше!—согласился слѣпецъ.

— Стало-быть, либо въ прорубь головой, либо наутекъ съ молодью и приплодомъ.

— Такъ мнѣ и посадница Мароа сказывала,—подтвердилъ князь Холмскій.

А слѣпецъ продолжалъ:

— Знамо дѣло: новугородцамъ не привыкать было стать ушкуи строить... И понастроили, оснастили, запаслись зельемъ пороховымъ, пушками со стѣнъ городскихъ, захватили рухлядь, весь обиходъ, казну, помолились у святой Софей-Премудрости Божіей, да и вышли Волховомъ-рѣкою въ Ильмень, а Ильменемъ въ Ловать-рѣку, а изъ той Ловати волокомъ переволоклись на Волгу...

— Точно, точно, — говорилъ князь Холмскій, — такъ и ушкуйники встарь дѣлывали.

— Да и Василій Буслаевъ со своею удалью,—подсказалъ князь Щеня, — этотъ и до Ерусалима-града доходилъ и въ Ердань-рѣкѣ крестился.

Всѣ были сильно заинтересованы разсказомъ слѣпца.

— Ишь ты! И впрямь Хлыновъ-градъ Великому Новугороду братъ.

— Такой же разбойникъ, какъ и старшій братецъ: что отъ него терпятъ вологжане, устюжане, каргопольцы, двиняне, вожане, даже тверичи, не приведи Царица Небесна!

— Надо бы его ускромнить, какъ ускромнили и Новгородъ, и Псковъ.

— А поди и у нихъ есть своя Мароа посадница, у хлиновцовъ-ту у этихъ.

— Какъ не быть! Вездѣ баба! Сказано: «сосудъ сатаны».

Въ это время князь Холмскій обратился къ боярину Шестаку-Кутузову.

— Онамедни на тебя, бояринъ, намекалъ великій государь,— сказалъ Холмскій.—Кажись, тебя удумалъ государь послать подъ Хлыновъ съ ратными людьми.

— Ой ли!—обрадовался Шестакъ-Кутузовъ.—Пошли- Господь! Пора бы и мнѣ косточки поразмять на Камушкѣ-рѣкѣ.

— Какъ князь Данило на Шелони,—улыбнулся хозяинъ, указывая на Холмскаго

— Гдѣ намъ царски шти хлебать! — скромно отмахнулся Шестакъ-Кутузовъ.

Въ этотъ моментъ дверь столовой палаты растворилась, и на порогѣ показался новый гость, сухое, пергаментное лицо котораго обличало либо великаго постника, либо человѣка заработавшагося; зато этотъ изсохшій, иконописный ликъ освѣщали живые, ясные глаза.

— А! Кумъ Ѳедоръ!—радостно воскликнулъ князь Щеня.— Добро пожаловать... Что такъ опоздалъ?

— У великаго государя на духу былъ, — отвѣчалъ пришедшій, кланяясь гостямъ князя Щеняти.

— Добро... Выпей первѣе, куманекъ: на духу у великаго государя былъ, чаю, умаялся... Онъ попъ у насъ строгій... Чаю, и горло промочить тебѣ пора.

— А у тебя и калики перехожіе,—замѣтилъ пришедшій.— Откедова?

— Изъ Хлынова-града,—отвѣчалъ хозяинъ.

— А!.. Изъ Хлынова? — и пришедшій какъ-то загадочно улыбнулся.

Къ нему подошелъ князь Холмскій.

— Ну, друже мой искренній, — сказалъ Холмскій, — ты кстати пришелъ... Ты и великій книгочій, и голова твоя, что вся царская дума... Ты намъ поразскажешь про Хлыновъ-градъ.

Пришедшій снова загадочно улыбнулся, взглянувъ на каликъ перехожихъ.

II. Про святорусскую старину.

Пришедшій былъ знаменитый думный дьякъ Курицынъ Ѳедоръ, правая рука государя и великаго князя Ивана Васильевича III, «собирателя русской земли».

Когда дьякъ поздоровался со всѣми и перемолвился нѣсколькими словами, князь Холмскій снова заговорилъ съ нимъ.

— Вотъ эти калики—сказалъ онъ,—повѣдали намъ, откуду пошла есть вятская земля и городъ Хлыновъ, какъ бы стольный ея градъ, да и посадница Новогорода, Марѳа, сказывала мнѣ то же: отъ незаконнаго-деи сожительства новугородскихъ женъ съ молодью въ то время, когда мужіе новугородскіе семь годовъ воевали чуть бѣлоглазую. Такъ ли это?

— Гакъ ли оно въ точности, того не вѣдаю, дорогой князюшка,—отвѣчалъ дьякъ.—Но таковое сказаніе, точно, имѣется, а лѣтописецъ вятской земли оставилъ намъ и повѣсть временныхъ лѣтъ тоя земли. Какъ бы то ни было, а только оные хлыновцы, вышедъ своими ушкуями на Волгу, благополучно доплыли до Камы-рѣки.

— А что жъ смотрѣла Тверь?—перебилъ дьяка боярынъ Морозовъ.—Тягалась съ Москвою, а немогла перенять бѣглецовъ... А Нижній? А Казань?..

— Да Казани въ тѣ поры и не было,—отвѣчалъ дьякъ.—Ее срубили ужъ татары, что какъ стая волковъ нагрянули на Русь-матушку.

— И точно,—замѣтилъ князь Щеня,—вить и ушкуйники споконъ вѣку ходили на Волгу, и никто оныхъ добрыхъ молодцовъ не перенялъ, да и Васька Буслаевъ тожъ пошаливалъ на Волгѣ.

— Такъ доплыли, сказываешь, до Камы-рѣки, а далѣ что?—нетерпѣливо допрашивалъ князь Холмскій.

— Далѣ... вошли въ Каму, — продолжалъ Курицынъ, — срубили себѣ городокъ... Лѣсу имъ не занимать стать. Но тутъ, говоритъ лѣтописецъ, прослышали они, что еще далѣ есть привольныя земли, да и оставаться на Камѣ было опасно: Кама-деи—вольная путина для всѣхъ. Опасались, что-деи и новугородцы пронюхаютъ, гдѣ ихъ жопушки...

— Сосудъ сатаны... сосудъ сатаны,—бормоталъ Морозовъ.

— Они и двинулись вверхъ по Камѣ, — продолжалъ дьякъ,—токмо не всѣ, а большая, однакожъ, половина. Пловучи далѣ Камой, они разоряли и жгли становища вотяковъ, и дошли до высокой горы, а на той горѣ, видятъ, стоитъ городъ, укрѣпа вотяцкая. Какъ быть? Укрѣпа сильная, не одолѣть ее имъ. И положили тутъ сіи ушкуйники зарокъ великій: не пить-деи и не ѣсть, доколѣ не добудутъ города. Это было передъ днемъ памяти святыхъ Бориса и Глѣба. И начали молиться угодникамъ наши ушкуйники, и угодники помогли имъ.

— Святители Борисъ и Глѣбъ искони наши заступники передъ Господомъ,—замѣтилъ Шестакъ-Кутузовъ,—благовѣрному Александру Невскому они жъ помогли на проклятыхъ свеевъ.

— Вѣдомо вамъ сіе мѣсто?—спросилъ князь Щеня каликъ перехожихъ.

— Вѣдомо, батюшка князь—отвѣчалъ слѣпой.—наши дѣды и прадѣды назвали въ тѣ поры тотъ городокъ Болванскимъ, потому какъ они нашли тамотка болвановъ-боговъ вотяцкихъ, ну, и назвали тотъ городъ Болванскимъ, а нынѣ тамъ нашъ городъ Никулицынъ слыветъ.

А дьякъ Курицынъ продолжалъ:

— И построили ушкуйники въ томъ Никулицынѣ церковь святыхъ Бориса и Глѣба, памятуючи ихъ помощь себѣ. А вотяковъ многое множество перебили, остальные же разбѣжались. Провѣдали тогда тѣ изъ ушкуйниковъ, что осѣли на Камѣ, про побѣды своихъ братьевъ и тоже, покинувъ свой городокъ, поплыли вверхъ по Камѣ, а изъ Камы вошли въ Вятку-рѣку. Тамъ въ тѣ поры сидѣли черемисы, и укрѣпа у нихъ была городокъ Каршаровъ.

— Ладно, — перебилъ повѣствователя хозяинъ, — у тебя, поди, въ горлѣ пересохло, такъ надоть выпить.

И князь Щеня кивнулъ дворецкому. Тотъ самъ налилъ дьяку чару вина и подалъ съ поклономъ.

Выпивъ чару, Курицынъ продолжалъ, точно читая по книгѣ:

— Какъ добыть Каршаровъ? А святые Борисъ и Глѣбъ на что? И стали наши ушкуйники молиться угодникамъ, и угодники помогли. Напустили они на черемисъ видѣніе, бытто на нихъ идутъ несмѣтныя рати, и убоялись поганые спроядцы и бѣгу всѣ яшася. И изъ Каршарова сталъ городъ Котельничъ.

— Это ужъ опосля назвали его Котельничемъ,—замѣтилъ слѣпой калика,—тамотка нашли наши дѣды мѣдь и желѣзо и учали дѣлать котлы знатные, и съ той поры Каршаровъ сталъ Котельничимъ.

— Такъ, такъ—подтвердилъ старый дьякъ.

— А что жъ Хлыновъ-градъ, далеко еще до него?—спросилъ Морозовъ.

— Близехонько,—отвѣчалъ Курицынъ,—сейчасъ доплывемъ. И точно, доплыли наши ушкуйнички до нѣкоего моста и узрѣли высокую гору при впаденіи въ Вятку-рѣку рѣки Хлыновицы, ту рѣку ушкуйники назвали такъ потому: по той рѣкѣ водились невѣдомо какія дикія птицы, коихъ крикъ пришельцамъ слышался якобы такъ: «хли-хли! хли-хли!»

— Есть такая у васъ птица?—спросилъ князь Щеня каликъ перехожихъ.

— Може и есть, батюшка князь, а только мы не вѣдаемъ, про котору это птицу говорится,—отвѣчали калики перехожіе—може, выпь, може, гагара.

— Узрѣвши гору надъ рѣкою, — продолжалъ дьякъ, — ушкуйники и возлюбили то мѣсто. Осядемъ тутъ, рѣшили они. И осѣли. И бысть новое тутъ чудо. Невѣдомо откуда, пригнали, надо полагать, небесная сила, къ тому мѣсту такое великое множество готовыхъ бревенъ, что было изъ чего срубить и дѣтинецъ, и земскую избу, и церковь Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

Бояринъ Морозовъ не вытерпѣлъ. Онъ ударилъ кулакомъ по столу и горячо проговорилъ:

— Нѣтъ, князи и бояре!.. Не небесная то сила пригнала къ нимъ бревна, а сила нечистая. Коли Господь сталъ бы помогать бабамъ, которыя законъ поломали, мужей обманули, казну покрали!.. Знамо, нечистая сила... А все баба, сосудъ сатаны! Стали бы угоднички помогать блудницамъ вавилонскимъ, ни за какіе молебны! А откелева они поповъ себѣ добыли?.. Тоже, лаю, бѣглые да съ чужими женами.

Въ это время дворецкій тихонько доложилъ что-то своему господину.

— Гости мои дорогіе! — обратился послѣдній къ пирующимъ.—Прослышала моя благовѣрная про вашъ приходъ ко мнѣ и похотѣла сама почтить васъ медами сладкими.

— Слава, слава княгинюшкѣ на добромъ хотѣньи! — воскликнули всѣ разомъ.

И тотчасъ изъ внутреннихъ покоевъ дородная княгиня выплыла, точно лебедь бѣлая, а за нею хлопцы съ подносами, уставленными группою чаръ съ медами, и началось потчеванье съ поклонами.

Угощая гостей, княгиня съ любопытствомъ поглядывала на каликъ перехожихъ, ради которыхъ, собственно, она и вышла.

Когда холопы обнесли медами всѣхъ гостей, княгиня сказала дворецкому:

— Поднеси и странничкамъ, каликамъ перехожимъ, а они намъ про старорусскую старину споютъ.

Выпили страннички, какъ-то лукаво переглянулись между собой, крякнули, и слѣпецъ спросилъ:

— Про старину, молвишь, княгинюшка?

— Про старину, старче Божій,—былъ отвѣтъ.

По струнамъ домры тотчасъ ударили пальцы слѣпого, и онъ запѣлъ протяжно, торжественно, а зрячіе подхватили:

Какъ на славной было, братцы, на Сафатъ-рѣкѣ.
Нездорово, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафатъ-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало большого богатыря,
Стараго удала Ильи Муромца!
Ужъ вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы легки струженьки
Дорогимъ суконцемъ багрецовыимъ,
Увивайте-ка весельчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ,—
Чтобы по ночамъ онѣ не буркали,
Чтобъ не подавали ясака
Ко тѣмъ злымъ людямъ—татаровьямъ...

Всѣ сосредоточенно слушали стройное, за душу хватающее пѣніе, а княгиня сидѣла, пригорюнившись, и тяжко вздыхала, точно въ церкви на «страстяхъ».

Это пѣлась былина о томъ, «какъ перевелись богатыри на святой Руси».

Выѣхали въ чисто поле всѣ семь могучихъ богатырей съ Ильею Муромцемъ во главѣ, и едва всесвѣтный хвастунъ Алеша Поповичъ громко воскликнулъ: «Подавай намъ силу хоть небесную, мы и съ тою силой, братцы, справимся», какъ навстрѣчу имъ «двое супротивниковъ»... То были ангелы, и богатыри ихъ не узнали... Завязался бой... Разрубилъ одного Алеша, а изъ одного стало двое!..

Сколько богатыри ни рубили ангеловъ, а число ихъ все удвоялось...

И богатыри отъ ужаса окаменѣли!..

Калики перехожіе кончили какимъ-то стономъ:

Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
И перевелися на святой Руси!
Тутъ богатырямъ и старинамъ конецъ...

Княгиня, подперевъ щеку рукой, горько плакала.

III. Хлыновъ справляетъ Радуницу.

Мы въ городѣ Хлыновѣ.

Надъ Хлыновымъ бѣлая, ясная ночь сѣвера, когда заря съ зарей сходится. Съ ближайшаго луга, что упирается пологимъ берегомъ въ рѣку Вятку, несутся звуки веселыхъ пѣсенъ и визгъ «сопѣлей» и «свистѣлей», прерываемый по временамъ глухимъ гудѣніемъ бубна. Слышны мелодичные женскіе хоры вперемежку съ мужскими.

Это хлыновцы справляютъ веселую Радуницу, канунъ рождества Іоанна Предтечи.

Въ это время въ самомъ городѣ мимо церкви Воздвиженія Честнаго Креста, тихо бормоча про себя, пробирается старичекъ въ одеждѣ черноризца и съ посохомъ въ рукѣ.

— Никакъ блаженный мужъ Елизарушка?—окликнулъ его женскій голосъ.

Старикъ остановился и радостно проговорилъ:

— Кого я зрю!.. Благочестивую воеводицу Ирину... Камо грядеши въ сію въ бѣсовскую нощь?

— И не говори, родной! И такъ-то горе на душѣ да думушки невеселыя, а тутъ эта веселая Радуница спать не даетъ. А иду я за моей ягодкой Опюшкой: убивается она по батюшкѣ, такъ и пошла, чтобы горе размыкать, сюда въ церковь, помолиться да поплакать. Ужъ такъ-то она сокрушается по отцѣ. А ты зачѣмъ въ городъ да еще и на ночь?

— Бѣгу отъ бѣса полунощна, матушка: эти сопѣли да свистѣли съ бубнами выгнали меня изъ моего скитка. Иду я себѣ и непрестанно повторяю про себя святыя словеса отца Памфила, игумена Елизаровой пустыни: «Егда бо придетъ самый праздникъ Рождества Предтечева, тогда во святую сію нощь мало не весь градъ возмятется, и въ селяхъ возбѣсятся въ бубны и въ сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніе и устнами ихъ непріязненъ кличъ, вся скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скоканіе и топтаніе, ту же есть мужамъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ

воззрѣніе, также есть и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе»...

— Охъ, ужъ и не говори, Лизарушка-свѣтъ,—набожно качала головой та, которую назвали воеводицей.—На свѣтъ бы не глядѣли мои глазынки. А тутъ мой-то какъ въ воду канулъ, съ самово свѣтлаго праздничка не подалъ о себѣ ни единой вѣсточки.

— Да съ кѣмъ, матушка? Да и то молвить: вить они въ Казани около царя Ибрагима долгонько околачивались, договоръ съ нимъ учиняли: стать заодно супротивъ князя московскаго Ивана Васильича и на тотъ годъ съ татарами иттить добывать Москву бѣлокаменную.

— Охъ, страшно мнѣ, страшнехонько!—сокрушалась воеводица.—Эко задумали! Москву добывать!

— И я то же говорилъ имъ: Хлыновъ на Москву! Да это все едино, что агнцу на льва рыкающаго, — разводилъ руками старичокъ.

— А коли мово-то съ товарищи спознаютъ на Москвѣ?

— Какъ ихъ спознать? На Москвѣ кого нѣтъ!

— Хоть и сказывалъ мнѣ Исупъ Глазатый, шаберъ нашъ, что, ѣдучи съ Москвы къ Нижнему, онъ сустрѣлъ ихъ на пути во образѣ каликъ перехожихъ, а все страшно.

— Точно, матушка,—подтвердилъ старичокъ,—каликами перехожими они къ Москвѣ путь держали. А царь-отъ Ибрагимъ и грамоту имъ далъ съ тамгою, плечо-о-плечо татаровямъ съ хлыновцами добывать Москву. А все же не одобряю я сего. Хоша Пахомій Лазоревъ и похвалялся: «Давно-деи мы развѣ Золотую орду пустошили, стольный ихъ градъ Сарай на копье взяли и разорили? А Москва-деи Сараю сколько годовъ кланялась, говоритъ, дань давала, а московскіе князья холопями себя у тѣхъ хановъ почитали... Не устоять-деи Москвѣ супротивъ Хлынова и Казани».

— Охъ-охъ!—скорбѣла воеводица.

Въ это время изъ церкви вышли двѣ дѣвушки.

— Вотъ и Онюшка съ Оринушкой,—сказала та, которую назвали воеводицей.

Одна изъ дѣвушекъ была бѣлокурая красавица, высокая, стройная, съ роскошною льняною косой, мягкимъ жгутомъ падавшею до подколѣнныхъ изгибовъ.

Что придавало ея миловидному личику особую оригинальность и красу, это ясные черные, дѣтски невинные глаза подъ черными же дугами бровей.

Это и была Оня, дочь воеводицы.

Другая дѣвушка была полненькая, черненькая, съ синими, какъ васильки, глазами и розовенькимъ ротикомъ, изъ-подъ верхней губы котораго, когда она улыбалась, сверкали ровные и бѣлые, какъ кипень, зубки.

Это была Оринушка Богодайщикова, пріятельница Они

Обѣ дѣвушки подошли подъ благословеніе старичка.

— Здравствуйте, дѣвоньки,—ласково заговорилъ послѣдній, перекрестивъ истово и погладивъ наклоненныя дѣвичьи головки,—молились, дѣточки?

— Молились, батюшка,—отвѣчали онѣ, цѣлуя мать Они.

— Благое дѣло творили, дѣтки,—похвалилъ старичокъ,—а то, вонъ тамъ, невѣгласи вишь какъ бѣсу молятся,—кивнулъ онъ головой по тому направленію, откуда неслось пѣніе и гудѣніе веселой Радуницы.—Ишь расходилось бѣсовское игрище!

А «бѣсовское игрище» было, повидимому, въ самомъ разгарѣ. То веселились дѣти природы, совершая обрядовый ритуалъ, какъ во время Перуна, который, казалось, на мольбы новгородцевъ «выдибай, Боже!» сжалился надъ дѣтьми природы, выплылъ на берегъ Волхова и переселился на берега Вятки, гдѣ и ютился въ зелени луговъ града Хлынова.

Теперь бубны перешли въ неистовое гудѣніе, а пѣніе въ «непріязненъ кличъ». То уже была оргія несдерживаемой страсти, «хребтомъ вихляніе», «ногамъ скоканіе и топтаніе», «женское и дѣвичье шатаніе», балъ дѣтей природы, только не въ душныхъ залахъ, а среди цвѣтовъ и зелени луговъ, подъ блѣднымъ сѣвернымъ небомъ, которое, казалось, благословляло ихъ...

— Про батюшково здоровье молилась, миленькая Онисьюшка?—спросилъ Елизарушка Оню.

— Про батюшково, дѣдушка,—отвѣчала, потупляя лучистые глаза, Оня.

Но еслибъ черезъ эти лучистые глаза можно было заглянуть въ дѣвичье сердце, то тамъ, рядомъ съ лицомъ стараго батюшки-воеводы, отразилось бы другое бородатое лицо, полное мужественной энергіи. Но объ этомъ знала-вѣдала только подушка

Они, да ся сорочка у сердца, трепетавшая при мысли объ этомъ бородатомъ лицѣ...

— И ты, дѣвинька Оринушка, во батюшковъ слѣдъ поклоны клала у Честнаго Креста Господня?—спросилъ старичокъ и у другой дѣвушки.

— Да ужъ и не вѣдаю, дѣдушка, въ котору сторону слѣдъ батюшковъ, къ Котельничу ли, ко Никулицину ли, али ко Казани,—отвѣчала дѣвушка.

Мать Они, воеводица, невольно вздрогнула и стала прислушиваться. Съ луговъ, повидимому, возвращались праздновавшіе Радуницу, и отчетливо можно было слышать протяжное пѣніе незнакомыхъ голосовъ:

Аще кто изъ насъ, каликъ перехожихъ,
Котора калика зоворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзарица на бабицу,—
Отвести того дородна добра молодца,
Отвести далеко въ чисто поле:
Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ,
Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменем
Очи ясныя—косицами,
Ретиво сердце промежду плечей...
Казнена дородна добра молодца
Во чистомъ полѣ оставити...

И мать Они, и старичокъ Елизарушка многозначительно переглянулись.

— Откуда бы симъ каликамъ быть? — проговорилъ послѣдній.—Это не изъ нашихъ—голоса невѣдомые.

— А можетъ, батюшка съ... нашими, съ товарищи,—тихо проговорила Оня и вся вспыхнула.

IV. Роковое рѣшеніе.

Сердце дѣвушки не обманулось. Она узнала его голосъ...

Всѣ четверо, стоявшіе у церкви, пошли на голосъ каликъ перехожихъ. Вотъ они все ближе и ближе. Ихъ всего трое. Одинъ старый, слѣпой, съ домрою за плечами. Два другихъ, помоложе, зрячіе. Всѣ съ длинными посохами.

Увидавъ ихъ, Оня бросилась навстрѣчу, да такъ и повисла на шеѣ у слѣпого.

— Батя! Батюшка! Родной!—шептала она, захлебываясь, но въ то же время, по дѣвичьему коварству, вся впилась глазами въ одного изъ зрячихъ.

У другого зрячаго тоже висѣла на шеѣ Оринушка.

— Что, стрекозы, узнали своихъ? — радостно улыбался слѣпой, открывая зрячіе глаза и нѣжно отстраняя отъ себя Оню.—А тамъ никто изъ радунянъ не призналъ насъ.

И онъ подошелъ къ матери Они, къ той, что называли воеводицей.

— Здравствуй, старушка Божья!—сказалъ онъ, обнимая послѣднюю. — Здравствуй и ты, святой мужъ, Елизарушка... Что? Знать, не ожидали гостей?

Это оказались тѣ самые калики перехожіе, которыхъ мы видѣли въ Москвѣ, на пиру у князя Данилы Щепяти.

Послѣ обоюдныхъ привѣтствій, всѣ двинулись къ дому Ивана Оникіева, воеводы города Хлынова.

— Благо, никто насъ тамъ не призналъ,—говорилъ тотъ, который былъ слѣпымъ.—А ужъ наутріе объявимся въ земской избѣ, на вѣче, послѣ благодарственнаго молебна у Воздвиженья.

Въ домѣ воеводы калики перехожіе сняли съ себя каличье одѣяніе и явились въ большую горницу въ добрыхъ суконныхъ кафтанахъ, а тотъ, который былъ слѣпымъ, вышелъ въ горницу въ богатой «ферязи» съ высокимъ «козыремъ», унизаннымъ жемчугами, самоцвѣтными камнями и бирюзой.

Оня съ матерью и съ Оринушкой хлопотали по хозяйству, и слуги подъ ихъ руководствомъ ставили на столъ питія и яства, конечно, постныя, такъ какъ дѣло было въ Петровъ постъ. На столѣ появились всѣхъ сортовъ грибы, янтарные балыки, тешки и провѣсная бѣлорыбица.

— Не взыщите, гости дорогіе,—суетилась мать Они,—ночь на дворѣ, горячаго варева нѣтути, не чаяли, не гадали, что Богъ пошлетъ такое счастье. Я и голову отъ радости потеряла.

— Такъ, такъ,—улыбался тотъ, который былъ слѣпымъ,—мужа нашла, а голову потеряла... заутріе сыщемъ ее.

А Оня, нѣтъ-нѣтъ, да и переглянется съ однимъ изъ зрячихъ и вспыхнетъ.

Когда на столѣ все было готово, тотъ, который изображалъ

изъ себя слѣпого, садясь за столъ и приглашая другихъ, сказалъ, обращаясь къ слугамъ:

— Теперь, ребятушки, идите спать. Мы и безъ васъ жевать сумѣемъ.

Слуги тотчасъ же ушли. Они сами догадались, что будетъ разговоръ «по тайности» о земскихъ дѣлахъ.

— А какъ же вы, дѣвиньки, засвѣтла повечеряли, такъ тоже ступайте баинькать,—сказала мать Они обѣимъ дѣвушкамъ.— Утреть надо будетъ встать съ колоколомъ.

И дѣвушки, низко поклонившись, ушли въ свой теремокъ, на вышку. Но Оня все-таки успѣла переглянуться съ однимъ изъ пришедшихъ.

— Кажись, съ Божьей помощью дѣло налажено,—сказалъ старшій изъ нихъ, отецъ Они.—Казанскій царь Ибрагимъ давно адомъ на Москву дышитъ. А ево татарови рады погрѣть руки, когда сыръ-боръ загорится. Ибрагимово сердце не успокоится, покуль онъ не отплатитъ московскому князю за свое царство и за позапрошлый промыселъ надъ Казанью, доселѣ въ ней остались слѣды отъ хозяйничанья московскихъ ратей. Нынѣ Ибрагимъ—нашъ. «Краше, говоритъ, быть мнѣ улусникомъ Хлынова-града, неже Москвы ненасытной, загребущей». И вотъ ево цѣловальная грамота граду Хлынову: на коранѣ цѣловалъ и ротился, а мы ротились на крестѣ, цѣловали при всѣхъ мурзахъ.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи небольшой свертокъ въ зеленой тафтѣ и положилъ на божницу, въ золотой ларецъ.

— Вотяцкіе князья нашей вятской земли, арскіе тожъ нашу руку держать ротились передъ своими богами.

Старый Елизарушка упорно молчалъ. Онъ лучше всѣхъ зналъ Москву и желѣзную волю князя Ивана Васильевича, который и отъ Золотой орды отбился, прекративъ выдачу ей постыдной дани, и Новгородъ упрямый подклонилъ подъ свою пяту, и обрѣзалъ крылья независимымъ дотолѣ княжествамъ— верейскому, ростовскому, ярославскому. Старикъ былъ прозорливъ.

— А на Москвѣ какъ повелось ваше дѣло?—спросилъ онъ.

На этотъ вопросъ быстро отвѣтилъ ему тотъ, что съ Оней переглядывался.

— Весь базаръ и государевы кружала-кабаки, и гостиные

ряды покатывались со смѣху и кидали намъ въ шапки деньги, когда мы пѣли:

Нейду, матушка, нейду, государыня,
Замужъ за боярина:
Бояринъ охотникъ, много собакъ держитъ,-
Собаки борзыя—холопи босые...

— А князи и бояре слушали ваши пѣсни?—спросилъ далѣе старикъ.

— Еще какъ! И князь Данило Щеня, и князь Данило Холмскій, и бояринъ Морозовъ Григорій, и бояринъ Шестакъ-Кутузовъ, и думный дьякъ Курицынъ, а княгиня Щенятева слезами горючими обливались, слушаючи о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри.

— Мы и на верху, у самово великаго князя пѣли, а ево сынишка, княжичъ Васюта, готовъ былъ съ нами до Хлынова бѣжать, да только княгиня Софья Ѳоминишна не пущала малыша,—сказалъ третій изъ пришедшихъ, отецъ Оринушки.

Хозяйка, между тѣмъ, усердно угощала мужа и гостей и, подавляя вздохи, изрѣдка поглядывала на стараго Елизара, который почти ничего не ѣлъ и не пилъ, угрюмо слушая, о чемъ сообщали хозяинъ дома и его гости. Старикъ не одобрялъ того, что замыслили хлыновцы. Ему сочувствовала и мать Они. Ее пугала возможность войны съ Москвою: она боялась и за мужа, и за свой родной городъ. Развѣ она мало выстрадала въ молодыхъ еще годахъ, когда въ 1471 году хлыновцы, подъ предводительствомъ ея мужа, учинили ушкуйническій набѣгъ на столицу Золотой орды, на Сарай? И хоть они ево добыли копьемъ и взяли много добычи, однако, ординцы, скоро спохватившись, запрудили своими судами всю Волгу и подъ Казанью отрѣзали хлыновцамъ путь къ отступленію. До Хлынова дошли тогда страшныя вѣсти объ этомъ, и она чуть не умерла отъ страха и горя. И только Богъ тогда Своими неисповѣдимыми путями спасъ смѣльчаковъ и ея мужа. Но тогда онъ былъ молодъ, выносливъ. А теперь! Она холодѣла отъ одной мысли о будущемъ. Когда старый Елизаръ предостерегалъ хлыновскихъ коноводовъ отъ опасныхъ замысловъ, несутерпчивый Пахомій Лазоревъ всегда кричалъ на вѣчахъ: «Молись Богу у себя въ скиту, святой человѣче, а надъ нашими буйными головушками не каркай!»

— Будущей весной,—говорилъ, между тѣмъ, хозяинъ, запивая брагой жирную тешку,—какъ только вскроются рѣки, мы

и нагрянемъ въ гости къ Ибрагимушкѣ царю съ ево мурзами, а дотолѣ всю осень и зиму снаряжать будемъ наши ушкуи да изготовлять таранье, чѣмъ бы намъ Москву бѣлокаменную на воронъ взять.

— Да и пушекъ, и пищалей, и копій не мало изготовимъ, благо желѣза намъ и чугуна не занимать стать,—похвалялся и тотъ богатырь, что переглядывался съ Оней.

— А ядра, зелье и свинецъ на мнѣ лежатъ, то моя забота съ пушкарями,—говорилъ отецъ Оринушки.

Оринушка, между тѣмъ, и Оня не спали въ своемъ теремкѣ. Дѣвушки были слишкомъ взволнованы и радостью, и опасеніями того, о чемъ онѣ догадывались. Недаромъ ихъ выслали изъ большой горницы.

Въ это время въ теремокъ вошла старушка въ простомъ шушунѣ и повойникѣ.

— А вы, озорницы, не спите еще, охъ-ти мнѣ!—проворчала старуха.

— Не спится что-й-то, няня,—отвѣчала Оня.

— Али поздно съ Радуницы вернулись? — спросила нянюшка.

— Нѣтъ, няня, мы и не были на лугу, не до того намъ было,—сказала Оринушка.—А ты, чать, много зелья нарвала да коренья накопала.

— А какъ же, дѣвынка, надо было законъ соблюсти, не бусурманка я какая!—проворчала старуха.

— И приворотнаго зелья добыла, няня?—улыбнулась Оринушка.

— А добыла-таки, чтобы было чѣмъ вамъ женишковъ приворожить, милъ-сердечныхъ дружковъ. Все справила, какъ законъ велитъ,—говорила старушка.

Объ этомъ законѣ такъ говоритъ лѣтописецъ «Въ навечеріе Рождества Предтечева, въ ночь, исходятъ огавницы мужіе и жены-чаровницы по лугамъ и по болотамъ, и въ пустыни, и дубрави, ищучи смертныя отравы, отравнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ, ту же и дивія коренія копаютъ на повтореніе мужемъ своимъ».

— Ну, почивайте же, сороки.

И старушка, перекрестивъ дѣвушекъ, вышла.

V. Бурное вѣче.

Кто же были пришедшіе въ Хлыновъ калики перехожіе?

Читатель, конечно, самъ догадался.

Тотъ, который принималъ видъ слѣпого, былъ воевода города Хлынова, Иванъ Оникіевъ, мужъ Параскевы Ильиничны и отецъ Они. Другой, молодой богатырь, который переглядывался съ Оней, былъ атаманъ въ Хлыновѣ, всегда осаживавшій стараго Елизара на вѣчахъ. Это и былъ Пахомій Лазоревъ. Третій, отецъ Оринушки, тоже былъ атаманъ, по имени Палка (должно быть, Павелъ) Богодайщиковъ.

Утромъ на другой день, послѣ обѣдни и молебна, едва воевода Оникіевъ съ атаманами Лазоревымъ и Богодайщиковымъ объявили на вѣчѣ о результатахъ своего путешествія въ Казань и Москву, какъ изъ Москвы «пригнали» въ Хлыновъ гонцы, посланные къ хлыновцамъ изъ патріаршаго приказа, съ увѣщательными посланіями отъ митрополита Геронтія, одно къ «воеводамъ, атаманамъ и ко всему вятскому людству», а другое «къ священникамъ вятской земли».

Снова ударили въ вѣчевой колоколъ у Воздвиженья.

— Что тутай у васъ приключилось, что вѣчной колоколъ заговорилъ вдругорядь? — спрашивалъ именитый хлыновецъ, Исупъ Глазатый, входя въ земскую избу, гдѣ обыкновенно собиралось вѣче. — Али худые мужики-вѣчники заартачились съ надбавкой мыта на воинскую потребу?

— Нѣту, Исупушка,—отвѣчалъ воевода,—не худые мужики-вѣчники, а на Москвѣ попы да митрополиты зарятся на чужой каравай, рты пораззявали на хлыновскій каравай.

— Руки коротки у Москвы-то, — презрительно замѣтилъ Глазатый.

Хлыновцы все болѣе и болѣе стекались къ земской избѣ.

— Гонцы, слышно, изъ Москвы пригнали съ грамотами.

— Чево Москвѣ еще захотѣлось отъ насъ, словно беременной бабѣ?

— Али разродиться Москва не сможетъ?.. Поли Хлыновъ ей повитуха?

— Да вотъ узнаемъ, вычитаютъ на вѣчѣ все.

Скоро вся площадка около земской избы заполнилась на-

родомъ. Впереди становилось духовенство съ «большими» людьми, за ними «меньшіе люди и рядовые «мужики-вѣчники».

Изъ избы вышелъ воевода Оникіевъ съ атаманами Лазоревымъ и Богодайщиковымъ. У воеводы было въ рукахъ два свитка съ привѣшенными къ нимъ печатями изъ чернаго воска.

Воевода поклонился на всѣ стороны. Ему отвѣчали тѣмъ же.

— Миръ вамъ и любовь, честные мужіе града Хлынова! Миръ и любовь всему людству вольныя вятскія земли!—возгласилъ воевода.

Онъ развернулъ одинъ свитокъ, а другой засунулъ за петлицы ферязи.

— Увѣщательная грамота воеводамъ, атаманамъ и всему вятскому людству отъ московскаго митрополита Геронтія!—возвысилъ онъ голосъ.

— Сымать, что ли, шапки?—послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Это не акаѳистъ, штобъ шапки сымать!—раздался чей-то голосъ.

Это былъ голосъ радикала, пушкаря изъ кузнецовъ города Хлынова, по имени Микита Большой Лобъ.

— Точно, не акаѳистъ, да и не литія,—пробурчалъ другой хлыновскій радикалъ, попъ Ермилъ, изъ бѣглыхъ,—мы ишшо не собираемся отпѣвать Хлыновъ градъ.

— Любо! Любо батька! Ермилъ правду вывалилъ!

— Надвинь, братцы, шапки по уши! А то сымать, ишь ты!

Воевода откашлялся и началъ читать. Но начала посланія за гамомъ изъ-за шапокъ никто не слыхалъ, а когда гамъ поулегся то хлыновцы услыхали:

— «Вы,—читалъ воевода,—токмо именуетесь христіанами, творите же точію дѣла злыя: обидите святую соборную апостольскую церковь, русскую митрополію, разоряете церковные законы, грубите своему государю, великому князю»...

— Какой онъ намъ государь!—раздались голоса.

— Какое мы чинимъ ему грубство!.. Мы его и знать-то не хотимъ!

Вѣче волновалось. Радикалъ Микита грозилъ кому-то своимъ огромнымъ кулакомъ. Попъ Ермилъ посылалъ кому-то въ пространство кукишъ.

Воевода читалъ: «Пристаете къ его недругамъ, соединяетесь

съ погаными, воюете его отчину, губите христіанъ убійствомъ, полономъ и грабежемъ, разоряете церкви, похищаете изъ нихъ кузнь (церковная утварь), книги и свѣчи, да еще и челомъ не бьете государю за свою грубость».

Что творилось на вѣчѣ, изобразить невозможно. Слышалось только что-то безсвязное отъ «мужиковъ-вѣчниковъ»: «Мы-ста да мы-ста! Начхать на Москву!»

Между тѣмъ Геронтій въ своемъ посланіи грозилъ, что прикажетъ ихъ священникамъ «затворить всѣ церкви и выйти прочь изъ вятской земли». Мало того, «онъ на всю вятскую землю посылалъ проклятіе».

— Наплевать на ево проклятіе!—бѣсновалось вѣче.

— Его проклятіе у насъ на вороту не виснетъ!

— Долгогривый песъ на солнушко брешетъ, а вѣтеръ его брехню носитъ.

Воевода развернулъ другое посланіе митрополита, къ духовенству всей вятской земли.

За неистовыми возгласами слышались только обрывки изъ посланія.

— «Мы не знаемъ, какъ васъ называть... Не знаемъ, отъ кого вы получили постановленіе и рукоположеніе».

— Это не твое дѣло! Ты намъ не указъ! Почище тебя меня хиротонили!—оралъ попъ Ермилъ.

«Ваши духовныя дѣти, вятчане, — читалъ воевода, — не наблюдаютъ церковныхъ правилъ о бракахъ, женятся, будучи въ родствѣ и сватовствѣ, иные совокупляются четвертымъ, пятымъ, шестымъ и седьмымъ бракомъ»...

— А хуть бы и десятымъ! Наши попы добрые!

— На что попъ Ермилушка!.. И вокругъ ракитова куста обведетъ.

— Што жъ, и поведу, съ благословеніемъ... Кто Адама и Еву вѣнчалъ? Ракитовъ кустъ въ раю...

— Ай-да, Ермилъ! Вотъ такъ загнулъ! Въ раю, слышь, ракитовъ кустъ...

Воевода поднялъ свитокъ кверху и потрясъ имъ надъ головой.

— Слушайте конецъ, господо вѣчники!—крикнулъ онъ:

«Аще вы зовущіеся священниками и игуменами, попами,

діаконами и черноризцами, не познаете своего святителя, то я наложу на васъ тягость церковную»...

— Ишь ты, «аще»! Мы не боимся твоего «аща»

Долго еще бурлило вѣче; но кто-то крикнулъ:

— Ко щамъ, братцы!

— Ко щамъ! Ко щамъ! Ко щамъ съ грибамъ!

И вѣче разошлось.

VI. Въ теремѣ у Софьи Палеологъ.

Въ Москвѣ, во дворцѣ великаго князя Ивана Васильевича, на половинѣ его супруги, Софьи Ѳоминишны, рожденной Палеологъ, ярко играетъ солнце на полу терема княгини. Софья стоитъ у одного изъ оконъ своего терема и смотритъ на голубое небо. Съ нею десятилѣтній сынъ, княжичъ Василій, будущій великій князь московскій. Онъ сидитъ на полу и переставляетъ съ мѣста на мѣсто свои игрушки, лошадокъ, барабаны, трубы, свистульки, и тихо бормочетъ:

— Такъ батя собираетъ русскую землю... Когда я выросту большой, я также буду собирать русскую землю... Намедни митрополитъ Геронтій, когда я ему показывалъ это, сказалъ мамѣ: «Весь въ батюшку государя княжичъ Василій, тоже будетъ собиратель русской земли...» и соберу... Ново-городъ разгромлю, Казань разгромлю...

— И голубое небо, да не такое, какъ то, мое небо, небо Италіи,—тихо вздыхала княгиня.

— Ты что говоришь, мама?—спросилъ ее княжичъ, отрываясь отъ собиранія русской земли.

— Такъ, сыночекъ... Далекое вспоминала.

— Что далекое, мама?

— То, гдѣ я росла, вотъ какъ ты, маленькая еще.

— А знаю. Это тальянская земля. Мнѣ тальянскій нѣмчинъ, дохтуръ, разсказывалъ, что тамъ лазоревое море? А я моря не видалъ... А ты, мама, видала лазоревое море?

— Видѣла сыночекъ: я и росла у моря... И давно по немъ скучаю.

— Вотъ что, мама: когда я выросту большой, то повезу тебя къ лазоревому морю... Батѣ некогда: онъ собираетъ русскую землю.

Княгиня горько улыбнулась. Она вспомнила, какъ однажды пѣла сѣнная дѣвушка изъ новогородскихъ полонянокъ:

Ужъ гдѣ тому сбыться—назадъ воротиться...

Привыкла она къ Москвѣ, сжилась съ нею, а все сердце болитъ по бирюзовому морю, по далекому родному краю.

«Счастливыя птицы,—думалось ей,—какъ осень, такъ и летятъ туда, и я съ ними всегда поклонъ посылаю въ мой родной край, а онѣ на весну ворочаются сюда, къ моему терему, и щебечутъ малыя касаточки...

— Мама! — снова заговорилъ мальчикъ. — За что батя сердитуетъ на Хлыновъ-градъ?

— Великій государь, сынокъ, сердитуетъ на городъ Хлыновъ за его грубство,—отвѣчала Софья, отрываясь отъ своихъ грустныхъ мыслей.

— А чѣмъ онъ согрубилъ государю? — допытывался княжичъ.

— Хлыновъ, отчина великаго государя, не добилъ ему челомъ.

И снова княгиня витаетъ мыслью далеко-далеко, тамъ, гдѣ о мраморъ берега бьются волны бирюзоваго моря, и кричатъ чайки, тамъ, на горизонтѣ, бѣлѣютъ, словно чайки же, паруса кораблей.

Вспомнила она, какъ однажды, въ Венеціи, къ Riva degli schiavoni, присталъ одинъ генуэзскій корабль, и на немъ оказалось нѣсколько молоденькихъ полонянокъ, и когда она спросила, откуда онѣ, ей сказали, что онѣ изъ Украйны, дочери украинскихъ казаковъ, уведенныя въ Крымъ татарами и проданныя въ городѣ Кафѣ генуэзцамъ въ неволю... Какъ она плакала, глядя на нихъ!.. А потомъ вскорѣ и ее увезли на такомъ же кораблѣ, словно полонянку, въ эту далекую, хмурую Московію... Не по своей волѣ она ѣхала въ эту непривѣтливую, чужую сторону... Чайки, казалось, плакали, провожая ее, а дельфины, выпыряя изъ моря, шумно провожали ее...

Она сжала руки такъ сильно, что пальцы хрустнули, и отошла отъ окна.

— О!—тихо простонала она:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice,
Nella miseria...

— Ты что говоришь, мама?—спросилъ княжичъ.

— Это я, сынокъ, къ Богу мою мыслью возношусь, прося тебѣ у Господа счастья.

— Ахъ, мама, кабы вдругорядь изъ Хлынова-града пришли калики перехожіе,—можетъ батя пересталъ сердитовать тогда на хлыновцевъ... Помнишь, какъ батѣ полюбилось, когда они сказывали про Илью Муромца:

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ищетъ—не отыщетъ супротивника...

— Какая у тебя память, Васенька!—грустно улыбнулась княгиня, гладя сына по головѣ.—Такъ и я когда-то носилась съ Данте

Null' uomo puo saver, che sia dojlienza,
Se non provando lo dolor d'amore...

Снова пальцы ея хрустнули, и она вся выпрямилась.

— Это чтожъ, мама?—спросилъ мальчикъ.

— Это я вспомнила свою молодость, свое дѣвичество,—былъ отвѣтъ.

Да, она вспомнила кого-то, кто остался тамъ, далеко-далеко, когда ее увозили въ Московію... Живъ ли онъ? Помнитъ ли? Вспоминаетъ ли?..

Въ это время, грузно ступая твердыми ногами, обутыми въ мягкій желтый сафьянъ, въ теремъ княгини вошелъ Иванъ Васильевичъ.

— Что, Софья, бавитъ тебя сынокъ Васюта? — ласково спросилъ онъ.

— Я, батя, собираю русскую землю,—весело заговорилъ наслѣдникъ власти великаго князя.

— Собирай, сынокъ, собирай,—улыбнулся Иванъ Васильевичъ,—пригодится... Вотъ что, Софья, я пришелъ къ тебѣ по совѣтъ,—обратился онъ къ княгинѣ,—ты, жена, знаю я давно, въ дѣлѣ мужу помощница добрая.

— Въ чемъ моя помочь будетъ, государь?—спросила княгиня.

— Совѣтъ я держалъ съ княземъ Холмскимъ... Приспѣ часъ посылать рати ускромять городъ Хлыновъ.

— Ахъ, батя, почто ты на Хлыновъ сердитуешь? — прижался княжичъ къ колѣнямъ отца.—Тамъ такіе калики перехожи...

— Постой, сынокъ, дозволь и мнѣ русскую землю собирать,—улыбнулся великій князь, кладя сыну руку на плечо.—И и каликъ тебѣ добуду. Такъ вотъ, кто поведетъ мои рати на супротивниковъ, не вѣмъ. Указалъ я митрополиту Геронтію послать увѣщевательныя грамоты къ хлыновцамъ и ко всей вятской землѣ. Такъ согрубили мнѣ, моя отчина, хлыновцы, не добили мнѣ челомъ за вины свои. Жалобы мнѣ отъ устюжанъ и вологжанъ и двинянъ на нихъ. Приспѣ часъ! Но кого послать?

— А Холмскаго князя Данилу,—отвѣчала княгиня,—онъ и новгородцевъ ускромпилъ на Шелони, и крымцевъ отразилъ, и Казань добылъ.

— Да добыча-то его не прочна, корысти въ ней мало: нонѣ царь Ибрагимъ, судя по вѣстямъ, съ хлыновцами снюхался, песъ-сыроядецъ! А князь Данило старъ, немощенъ. А путина-то до Хлынова не малая: не разнедужился бы Данило Дмитричъ, дѣло не молодое.

— Князя Щенятева развѣ?—развела руками княгиня.—Онъ не старъ и доблестенъ, кажись.

— Ужъ я и самъ не вѣдаю: либо Щеню, а либо боярина Шестака-Кутузова,—тоже развелъ руками князь. — Попытать развѣ совѣту у Царицы Небесной?

— А какъ же ты попытаешь?—спросила княгиня.

— Жеребьевкой. Вырѣжемъ два жеребка изъ бумаги, напишемъ на одномъ: князь Данило Щеня, на другомъ: бояринъ Шестакъ-Кутузовъ. Скатаемъ оба жеребка въ дудочки, зажжемъ у образа Богородицы «четверговую» свѣщу, положимъ жеребки въ ладаницу, перетруся оные, и пущай невинная ручка отрочата Василія, сотворивъ крестное знаменіе, достанетъ который жеребокъ: который вынется, то и будетъ благословеніе Царицы Небесной.

— Инъ быть по сему,—согласилась княгиня.

Такъ и сдѣлали. Поставили ладаницу съ жеребками предъ ликомъ Богородицы, встряхнувъ предварительно. Великій князь взялъ сына на руки, поднялъ къ иконѣ.

— Перекрестись, сынокъ.

Мальчикъ перекрестился.

— Вымай одинъ жеребокъ.

Тотъ вынулъ. Вынутымъ оказался бояринъ Шестакъ-Кутузовъ.

Уходя изъ терема супруги, великій князь сказалъ:

— По вѣстямъ изъ Казани, тамъ хлыповскихъ пословъ обманной рукой обвели. Хлыповскаго воеводу Оникіева съ товарищи казанскіе мурзаки поставили предъ очи не Ибрагима-хана, который давно померъ, а предъ очи моего улусника и ставленника, Махметъ-Аминъ-хана, младшаго сына царя Ибрагима. А онъ помочи хлыновцамъ не дастъ.

— А! Маметъ-ханъ! — обрадовался юный княжичъ.—Онъ подарилъ мнѣ эту саблю, когда былъ на Москвѣ и являлся къ тебѣ на очи.

И мальчикъ показалъ отцу маленькую саблю въ дорогой оправѣ съ яхонтами и бирюзами.

— Ахъ, если бы Шестакъ-Кутузовъ взялъ меня съ собой въ Хлыповъ! Я бы увидалъ тамъ каликъ-перехожихъ,—сказалъ онъ, когда Иванъ Васильевичъ, грузно ступая, скрылся за дверью.

Княгиня грустно улыбнулась, шепча:

«Nessun, nessun maggior dolore... che ricordasi»...

И махнула рукой, почувствовавъ слезы на рѣсницахъ.

VII. Осада Хлынова.

Настало время, и московскія рати, подъ предводительствомъ боярина Шестака-Кутузова, обложили Хлыновъ.

Шестакъ-Кутузовъ горячо повелъ дѣло. Чтобы взять укрѣпленный городъ «на-воропъ», необходимо было имѣть осадныя приспособленія, и Шестакъ-Кутузовъ тотчасъ распорядился приготовленіемъ таковыхъ. Каждой сотнѣ ратныхъ людей онъ приказалъ плести изъ хворосту высокіе и прочные плетни, которые замѣняли бы собою осадныя лѣстницы.

И ратные люди принялись за дѣло. А всякое дѣло, какъ извѣстно, спорится то подъ пѣсни, то подъ вѣчную «дубинушку», которая такъ облегчаетъ гуртовую работу, особенно при передвиженіи большихъ тяжестей.

И вотъ съ поемныхъ луговъ доносятся до слуха запершихся

въ стѣнахъ хлыновцевъ московскія пѣсни. Со всѣхъ сторонъ пѣніе. Отъ одной группы ратниковъ несется звонкій голосъ запѣвалы, который, указывая топоромъ на городскія стѣны, заводитъ:

Куколка, куколка!

А хоръ дружно подхватываетъ:

Боярыня куколка!
Зачѣмъ вечоръ не далась?
Зачѣмъ отъ насъ заперлась?
—«Побоялась тивуна,—
Свѣтъ Оникіева».
Тивунъ тебѣ не судья:
Судья тебѣ нашъ большакъ—
Свѣтъ Ивановичъ Шестакъ,—
Свѣтъ Кутузовъ самъ.

Отъ другой группы работавшихъ ратниковъ доносилось:

Разовьемъ-ка березу,
Разовьемъ-ка зелену...

Отъ третьей неслась плясовая:

Ой, старушка безъ зубовъ,
Сотвори, со мной любовь!

— Ишь, охальники!—ворчали стоявшіе на городскихъ стѣнахъ хлыновцы.—И соромоти на нихъ нѣту.

— Какая тамъ соромота у идоловъ толстопятыхъ!

— Погоди ужо, я вамъ!—грозилъ со стѣны огромнымъ куликомъ Микита кузнецъ.—Ужо плюнетъ вамъ въ зѣнки кума Матрена!—разумѣя пушку.

Вдали, на возвышеніи, господствовавшемъ надъ мѣстностью, бѣлѣлась палатка московскаго воеводы, который, стоя среди подначальныхъ ему вождей, что-то говорилъ, указывая на стѣны Хлынова. Тамъ стоялъ хлыновскій воевода Оникіевъ рядомъ съ атаманами Лазоревымъ и Богодайщиковымъ.

Шестакъ-Кутузовъ, сойдя съ возвышенія, подходилъ съ своими подначальными къ городскимъ стѣнамъ. Вдругъ онъ въ изумленіи остановился.

— Да никакъ это калики перехожіе, что на Москвѣ у князя Щенятева, а опосля и у меня гащивали!—сказалъ онъ, всматриваясь.

— Да они же и есть!—говорили окружавшіе воеводу московскіе вожди.—И вся Москва спознала бы... Ахъ, идолы!.. Они и есть. А токмо тотъ, что былъ слѣпымъ, теперь зрячимъ объявился. Такъ вотъ они кто, аспиды.

— Здорово живете, калики перехожіе! — закричалъ имъ Шестакъ-Кутузовъ.

— Твоими молитвами, бояринъ, — отвѣчалъ Пахомій Лазоревъ.

— Примайте насъ въ гости, какъ мы васъ на Москвѣ примали,—сказалъ Шестакъ-Кутузовъ.

— Милости просимъ нашей бражки откушать да медку сычоново, гости дорогіе,—отвѣчалъ воевода Оникіевъ.

— Да я не Христосъ, чтобъ войти къ вамъ «дверемъ затвореннымъ»,—сказалъ Шестакъ-Кутузовъ.

— Войдемъ, бояринъ, и такъ, — проговорили московскіе вожди.

И они стали обходить вокругъ стѣнъ, высматривая, гдѣ имъ удобнѣе будетъ итти «на воропъ».

Между тѣмъ, рядомъ съ отцомъ, на стѣнѣ показалась Оня.

— Батюшка, свѣтикъ! Что же это будетъ?—говорила она, ломая руки.

— Что Богъ дастъ, дочка, то и будетъ,—отвѣчалъ тотъ.

Со стѣны видно было, какъ съ московскихъ судовъ, причалившихъ къ берегу Вятки, ратные люди выкатывали на берегъ бочки со смолою, а другіе складывали вдоль берега кучи сухой бересты.

— Вишь, идолы, сколько березоваго лѣсу перевели для бересты,—сказалъ Лазоревъ.

— Для чево она, батюшка?—спросила трепещущая Оня.

— Насъ жечь-поджигать, Онисья Ивановна,—отвѣчалъ Лазоревъ, и энергичное лицо освѣтилось свѣтомъ ласковыхъ глазъ.

Оня упала передъ отцомъ на колѣни и сложила, точно на молитву, руки.

— Батя! Батюшка!—молила она.—Смири свое сердце! Пощади родной городъ, пощади насъ, твоихъ кровныхъ!.. Пропадетъ нашъ милый Хлыновъ!.. И дѣдушка Елизарушка говоритъ то же... охъ, Господи!

Такъ говорила хлыновская Кассандра, предвидя гибель родного города. А это предвидѣніе внушилъ ей хлыновскій Лао-

коонъ, старецъ Елизарушка-скитникъ, который лучше всѣхъ зналъ силу Москвы, все стиравшей на пути своемъ.

Показался на стѣнѣ и старецъ Елизаръ.

— Опомнитесь, воеводы, — убѣжденно, страстно говорилъ онъ,—истиннымъ Богомъ умоляю васъ,—опомнитесь! Отъ Москвы вамъ не отбиться... Говорю вамъ: аще сіи вои не испепелятъ въ прахъ градъ вашъ, вонъ сколько они заготовили на погибель вашу смолы горючей и бересты, то вдругорядь придутъ подъ вашъ градъ не одни москвичи, а купно со тверичи, вологжаны, устюжаны, двиняны, каргопольцы, бѣлозерцы, а то бѣлозерцы придутъ и вожане... Всѣ они давно на васъ зло мыслятъ за ваши надъ ними обиды... Придутъ на васъ и новугородцы за то, что ваши ополченія дали помочь князю московскому, когда онъ доставалъ Новагорода, добивалъ извѣчную вольность новугородскую... Нынѣ въ ночи бысть мнѣ видѣніе таково: въ тонцѣ снѣ узрѣхъ азъ, непотребный, оли мнѣ грѣшному! Узрѣлъ я себя въ Москвѣ, на Лобномъ мѣстѣ, и вижу я, о! страха и ужаса исполненное видѣніе! Вижу три висѣлицы и на нихъ тѣла висящи: твое, Иванушко, и твое, Пахомушко, и твое, Палки Богодайщикова... о, Господи!

Онъ остановился и посмотрѣлъ на московскій станъ.

— Видите, видите!..—говорилъ онъ, указывая на станъ.— Ужъ волокутъ плетни къ стѣнамъ... Не медлите и вы: вамъ вѣдома московская алчность, посулами да поминками съ Москвою все можно сдѣлать... Заткните московскому воеводѣ глотку златомъ... Казань же вамъ измѣнила, сами знаете: молодой царь казанскій, Махметъ-Аминъ-ханъ сталъ холопомъ князю московскому, покорился подъ нозѣ его.

Рѣчь старика подѣйствовала на вождей города Хлынова. Притомъ же они не могли безъ жалости видѣть, какъ валялись у ихъ ногъ два юныхъ существа, Оня и Оринушка, умоляя пощадить городъ и ихъ молодую жизнь.

— А! Прахъ его возьми!..—сдался, наконецъ, глава Хлынова, нѣжно поднимая дочь.—Не стоитъ рукъ марать и городъ жечь. Тащите казну, волоките, братцы, мѣха со златомъ червоннымъ. У насъ злата хватитъ и на предбудущее, а заткнуть глотку Москвѣ чего легче! Выйдемъ къ нимъ со златомъ да съ бражкой пьяной, да съ медами сычоными.

Въ это время мимо того мѣста, гдѣ стояли на стѣнѣ вожди

Хлынова, опять проходилъ бояринъ Шестакъ-Кутузовъ со своею свитой.

— Слушай, бояринъ!—крикнулъ ему со стѣны воевода Хлынова.—Примай насъ, гостей твоихъ... Мы непомедля, спытавшись у вѣча свово, выйдемъ къ вамъ добивать челомъ великому князю московскому, Ивану Васильевичу.

— Ладно,—былъ отвѣтъ,—давно бы такъ.

Скоро загудѣлъ въ городѣ вѣчевой колоколъ. На предложеніе воеводы «добить челомъ московскому князю, жалѣючи града Хлынова и крови хрестіанской», вѣче дало свое согласіе, несмотря на крики радикаловъ, кузнеца Микиты и попа Ермила: кому-де охота отдавать городъ на сожженіе, «на потокъ и разореніе»...

Спустя немного времени, ворота Хлынова отворились, и изъ нихъ показалась процессія.

Впереди выступалъ протопопъ отъ Воздвиженья съ крестомъ въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ хоругвеносецъ съ хоругвью. За ними вожди Хлынова: Оникіевъ, Лазоревъ и Богодайщиковъ. Рядомъ съ отцомъ шла хыновская Кассандра, хорошенькая Оня, съ вплетенными въ чудную ея косу алыми и лазоревыми лентами. Послѣдніе цвѣта—того, кого она любила...

За ними выступили холопы Оникіева съ кожаными мѣхами, полными золота, съ огромными кувшинами пьяной браги и медовъ сычоныхъ и съ большимъ золотымъ подносомъ «кузнь сарайская», добытымъ при разореніи ушкуйниками Сарая въ 1471 году.

— А здравствуйте, калики перехожіе!—весело сказалъ Шестакъ-Кутузовъ, приложившись къ Распятію.—Здравствуй, и красная дѣвица! Добро пожаловать.

Всѣ были поражены красотою дѣвушки, а больше всѣхъ самъ Шестакъ-Кутузовъ.

— Али, добрые люди, приняли меня за змѣище-горынчище, что вывели ко мнѣ красную дѣвицу на пожраніе?—говорилъ онъ, не сводя восторженныхъ глазъ съ раскраснѣвшейся дѣвушки.—Такой красавицы и змѣй Горынычъ не тронулъ бы.

Между тѣмъ холопи подали Онѣ подносъ, «кузнь сарайская», уставленный чарами съ брагой и медами, и она съ поклономъ подошла къ Шестакову-Кутузову, вся зардѣвшись.

— Пригубь чару прежде сама, красна дѣвица,—съ улыбкой

говорилъ московскій боярипъ, — а то, можетъ, въ чарѣ зелье отравное,—и самъ поднесъ къ губамъ Они чару съ медомъ.

Оня пригубила. Послѣ того подносъ съ чарами обошелъ и остальныхъ московскихъ вождей, въ то время какъ мѣшки съ золотомъ уносились въ паметъ боярина Шестака-Кутузова.

Такъ добилъ челомъ вольной Хлыновъ-градъ московскому великому князю Ивану Васильевичу.

VIII. Аристотель Фіоравенти и Елизарушка.

Хлыновъ покорился только наружно.

Едва только московскія рати удалились изъ вятской земли, какъ хлыновцы съ истовымъ рвеніемъ принялись строить новыя суда и вооружаться. Прежде всего они порѣшили наказать казанцевъ за ихъ коварство, низложить съ престола и казнить Махметъ-Аминъ-хана и, призвавъ на царство ногайскаго князя Мамукъ-хана, въ союзѣ съ нимъ итти на Москву.

— Хлыновъ-градъ не потерпитъ поруги,—говорилъ на вѣчѣ Похомій Лазоревъ.—Ежели мы нонѣ повинную, якобы, принесли Москвѣ, и то съ той причины, что мы не готовы были къ отпору. И та намъ повинная не въ повинную.

— Любо, говоритъ Пахомій, любо!—возвышалъ голосъ попъ Ермилъ.—Москва Хлынову не указъ. Ежели господинъ Великій Новгородъ подклонился подъ московское ярмо, такъ потому, что тамъ вѣчемъ правила баба, кривое веретено.

— Правда, правда!—гремѣлъ голосъ Микиты пушкаря.

Скоро о происходящемъ въ Хлыновѣ дошли вѣсти до Казани. Встревоженный этимъ, Махметъ-Аминъ-ханъ отправилъ посольство къ великому князю съ дорогими подарками, а маленькому княжичу Василію прислалъ хорошо объѣзженнаго арабскаго коня съ дорогимъ чапракомъ, унизаннымъ бирюзою и сапфиромъ, и для ухода за конемъ ногайскаго наѣздника.

Между тѣмъ изъ Хлынова внезапно исчезъ старецъ Елизаръ. Думали, что для спасенія своей души онъ удалился въ глубь вѣковыхъ арскихъ лѣсовъ.

Но всѣ ошиблись.

Въ концѣ іюля, подъ вечеръ, къ стоявшему на Красной площади небольшому, но красивой архитектуры, дому подошелъ какой-то странникъ въ одеждѣ монаха. Домъ этотъ принадлежалъ

Аристотелю Фіоравенти, знаменитому строителю московскаго Успенскаго собора, соотечественнику великой княгини Софіи Ѳоминишны.

На крыльцѣ странникъ вдругъ столкнулся съ хозяиномъ. Аристотель Фіоравенти отъ удивленія такъ и остолбенѣлъ.

— О!—воскликнулъ онъ.—Tertius e coelo cecidit Cato!.. Я вижу чудо!.. Это ты, блаженный Елеазаръ?

— Я, синьоръ маэстро,—отвѣчалъ странникъ.

— Какими судьбами? Откуда и куда?

— Божіимъ изволеніемъ пришелъ я, грѣшный, изъ родного града, изъ Хлынова, къ тебѣ, милостивецъ.

— Такъ войди въ мой домъ, гостемъ будешь, — сказалъ итальянецъ.

— Може, не во-время гость хуже татарина?—улыбнулся пришлецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я радъ тебѣ.

Пришелецъ былъ знакомый намъ по Хлынову старецъ Елизарушка скитникъ.

Почему его зналъ Аристотель Фіоравенти и такъ былъ съ нимъ ласковъ, спроситъ, можетъ быть, читатель?

Вотъ почему. Когда Аристотель Фіоравенти строилъ Успенскій соборъ, «московскій первостатейный гость Елизаръ Копытовъ» былъ правою рукою маэстро Фіоравенти. Всѣ строительные матеріалы для невиданнаго на Руси храма—камень, желѣзо, лѣсъ, кирпичъ, артели каменьщиковъ, плотниковъ, штукатуровъ, глину, песокъ, известь, все доставлялъ геніальному зодчему «московскій первостатейный гость Елизаръ Копытовъ», богатѣйшій во всемъ московскомъ государствѣ купецъ.

Родившись въ Хлыновѣ, молодой Копытовъ сначала велъ торговлю «пушиной», дорогими мѣхами сѣвера Россіи Сибири, и торговля эта съ каждымъ годомъ ширилась. Копытовъ запрудилъ своею «пушниной» все Поволжье, Астраханское царство, Золотую Орду, земли ногайскія, Казань, Нижній, Москву, Новгородъ, Псковъ и сдѣлалъ своею данницей богатую и могучую Ганзу, при посредствѣ которой Копытовъ одѣвалъ своими дорогими мѣхами всю Европу и нажилъ баснословныя богатства.

Когда великій князь московскій Иванъ Васильевичъ вызвалъ изъ Италіи для сооруженія Успенскаго собора знаменитаго зод-

чаго Аристотеля Фіоравенти съ цѣлымъ штатомъ опытныхъ итальянскихъ каменьщиковъ и формовщиковъ, и когда глубоко религіозный Копытовъ, потерявшій жену и сына, узналъ объ этомъ, то переселился со своими богатствами въ Москву и весь отдался храмостроительству. Безъ него знаменитый итальянскій зодчій, безъ его знаній московскаго люда, безъ его подрядческой опытности, безъ его богатствъ былъ бы какъ безъ рукъ. Даже московское правительство, всѣ силы и казну отдавшее на «собираніе русской земли», не могло предоставить великому зодчему того, что предоставилъ ему старый хлыновецъ Копытовъ.

Это зналъ великій князь и глубоко цѣнилъ заслуги Копытова, отдавшаго всего себя и свои богатства Москвѣ и ея славѣ. Великая княгиня Софья Ѳоминишна не могла не удивляться всему, что творилъ для Москвы хлыновскій выходецъ. Передъ нимъ охотно снимали свои «горлатныя» шапки всѣ московскіе князья и бояре до князя Холмскаго включительно.

И вотъ, когда Успенскій соборъ, гордость тогдашней Москвы и «всеа Русіи», былъ окопченъ постройкой, Елизаръ Копытовъ, роздавъ свои остальныя богатства монастырямъ, затосковалъ по своемъ родномъ городѣ Хлыновѣ, по улицамъ котораго бѣгали когда-то его маленькія дѣтскія ножки, затосковалъ по родной рѣкѣ Вяткѣ, въ которой онъ маленькимъ купался и рыбу удилъ, затосковалъ по лугамъ и лѣсамъ своей родины, гдѣ пѣли его родные соловьи, и ушелъ въ Хлыновъ, гдѣ и поселился, какъ отшельникъ, въ небольшомъ убогомъ скиткѣ, откуда при восходѣ солнца онъ могъ видѣть свой родной городъ и молился на золоченые кресты церкви Воздвиженья Честнаго Креста.

И вотъ, когда его родному городу угрожала гибель, онъ метнулся въ Москву ходатайствовать за него и первымъ дѣломъ постучался въ дверь своего друга, строителя Успенскаго собора, Аристотеля, котораго великій князь ставилъ выше всѣхъ своихъ вельможъ и родовитыхъ князей Рюриковичей, потому что этотъ «тальянскій нѣмчинъ» научилъ Русь чеканить монету, отливать большіе колокола и управлялся съ пушкарскимъ литейнымъ дѣломъ. Вводя нашего странника въ свои покои, Фіоравенти продолжалъ повторять:

— O! Tertius e coelo cecidit Cato!.. Сія поговорка у насъ молвится, когда увидишь неслыханное чудо. А ты domine Елеазаръ, былъ для меня чудомъ и остался дудомъ.

— Bene, bene, синьоре,—бормоталъ Елизарушка, который, обращаясь съ итальянскими каменьщиками и съ самимъ зодчимъ въ теченіе шести лѣтъ, кой-чему наметался «по-тальянски», какъ его другъ, маэстро Фіоравенти, малость наметался «по-москвитски».

— За коимъ же дѣломъ, старче, пришелъ ты снова на Москву?—спросилъ Аристотель.

— Притекохъ азъ на Москву великаго ради дѣла,—отвѣчалъ старикъ,—спасенія ради града моего родительнаго. Государь великій князь распалися гнѣвомъ веліимъ на градъ Хлыновъ.

— Слышалъ я о томъ по веснѣ,—сказалъ Фіоравенти.—Сказывалъ мнѣ потомъ бояринъ Шестакъ-Кутузовъ, что Хлыновъ добилъ челомъ великому князю, и что великій князь отпустилъ Хлынову вину его.

— Было оно такъ, милостивецъ, да послѣ того поганой сыроядецъ Махметка Аминъ-ханишка возмутилъ воду извѣтами великому князю на Хлыновъ, и съ того боязнь мнѣ, какъ бы государь не ималъ вѣру тѣмъ безлѣпичнымъ извѣтамъ. Къ тебѣ кормилецъ великій князь зѣло милостивъ и твоего гласа послушаетъ. Буди заступникъ за градъ неповинной. Воздѣйствуй на государыню. Пусть она умолитъ супруга своего положити гнѣвъ на милость.

Фіоравенти, видимо, колебался.

— Я, мой другъ, въ государскія дѣла не мѣшаюсь,—сказалъ онъ послѣ небольшого раздумья.—А къ великой княгинѣ охотно пойду съ тобой.

— Какъ же я въ таковомъ одѣяніи предстану предъ очи государыни?—колебался старикъ.

— Ничего, mio caro,—успокаивалъ его Фіоравенти,—государыня милостива и невозбранно принимаетъ странниковъ и странницъ, а тебя когда-то въ великомъ почитаніи держала.

Старикъ перекрестился и оглянулся. Ему въ глаза бросилось стоявшее въ углубленіи ниши великолѣпное мраморное Распятіе. Изваяніе это было чудной работы. Тѣло Спасителя было какъ живое. Мускулы его, казалось, выражали страданіе, а ликъ Божественнаго Страдальца являлъ неизреченную кротость и всепрощеніе.

— Пріидите вси страждущіе и обремененніи,—со страхомъ и умиленіемъ прошепталъ старикъ.

Видѣніе, казалось, призывало на молитву.

— Пріиду, о, Господи!.. Пріиду,—прошепталъ старикъ. И, упавъ на колѣни, онъ сталъ горячо молиться.

— Дерзаю, о, Господи!—сказалъ онъ, вставая.—Идемъ.

И они отправились во дворецъ.

IX. «Нашъ родъ отъ кесаря Аугуста».

Мы опять находимъ великую княгиню въ ея тихомъ теремѣ. Тамъ же попрежнему находился и десятилѣтній княжичъ Василій съ своею мамкою, которая что-то вязала.

— Такъ ты, княжичъ-соколикъ, говоришь, что родъ вашъ отъ кесаря римскова, что при Христѣ Спасѣ нашемъ жилъ?

— Отъ нево, мамка, отъ кесаря Аугуста,—отвѣчалъ юный знатокъ генеалогіи рода Рюриковичей.

Великая княгиня любовно улыбалась, глядя на своего сына.

— Да вить римскіе-то цари идоламъ поклонялись,—сомнѣвалась старая мамушка.—Такъ и въ «Четьихъ» пишется.

Княжичъ нетерпѣливо вскочилъ и досталъ съ полки какую-то рукопись. Онъ сталъ ее быстро перелистывать.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—слушай.

И сталъ читать, видимо, затрудняясь надъ иными словами.

«Исторія отъ древнихъ лѣтописцевъ о градѣ Кривичѣ, еже старая городища, и обывателехъ того кривичехъ»...

— Постой,—перебилъ онъ самъ себя,—это ниже, гдѣ объ Аугустѣ... Вотъ.

И онъ вновь сталъ читать:

— «Въ лѣто проимонитаго великаго князя Владимера просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ, въ храбрости великаго князя Святослава, внука Игоря, и достохвальныя въ премудрости блаженныя великія княгини Ольги, правнука Рюрекова, первовладычествовавшаго въ Великомъ Новѣградѣ и во всей русской землѣ, не худа рода бяху и незнаема»...

— Сама, батюшка, знаю, што не худа рода были,—какъ бы обидѣвшись, проворчала мамка.

— А ты слушай,—нетерпѣливо остановилъ ее юный ученый.—Слышишь?

— «Не худа рода бяху и незнаема, но опаче проименитаго и славнаго римскаго кесаря Аугуста, обладавшаго всею вселенною, единочальствовавшаго на землѣ во время перваго пришествія на землю Господа Бога, Спаса нашего Іисуса Христа. Сей кесарь Аугустъ раздѣли вселенную братіи своей и сродникамъ, ему же быша присный братъ, именемъ Прусъ, и сему Прусу тогда поручено бысть властодержательство въ брезѣхъ Вислѣ-рѣцѣ градъ Мовберокъ и преславный Гданскъ и иные многіе города по рѣку, глаголемую Нѣманъ, впадшую, яже зовется и понынѣ Прусская земля. Отъ сего же Пруса сѣмени бысть вышереченный Рюрикъ и братія его. Егда еще живяху за моремъ, и тогда варяги именовахуся, и изъ-за морья имаху дань на чюди, то есть на нѣмцахъ и словянѣхъ, то есть на новогородцѣхъ».

— Видишь?—торжествующе посмотрѣлъ юный ученый на мамку, не подозрѣвавшій, что черезъ 370 лѣтъ Погодинъ и Костомаровъ будутъ ломать копья надъ вопросомъ, который такъ легко рѣшилъ для своей мамки юный сынъ Ивана Васильевича III.

— И-и!—сокрушенно вздохнула мамка, считая петли.— Великое дѣло—грамота, великое!

— А ты, мама, каково роду?—обратился ученый къ матери.

— Царскова, сынокъ, — ласково отвѣчала великая княгиня.—Мои дѣды и прадѣды володѣли Царемъ-градомъ, а нынѣ онымъ володѣютъ проклятые агаряне. Господь попустилъ сіе за грѣхи наши.

При воспоминаніи объ утраченной родинѣ и потерѣ могущественной державы, почти владѣвшей всѣмъ міромъ цѣлыя тысячелѣтія, у великой княгини на глазахъ показались слезы. Замѣтивъ это, юный княжичъ бросился матери на шею.

— Вотъ, что мамочка,—лепеталъ онъ,—когда я Божіимъ изволеніемъ выросту большой... Пущай батя собираетъ русскую землю... ему не до того... А какъ я выросту и войду въ силу, я прогоню проклятыхъ агарянъ и отдамъ тебѣ опять Царь-градъ.

Мать съ умилительной нѣжностью обнимала сына и плакала.

— Не плачь, мама золотая моя, не плачь!—горячо говорилъ

добрый мальчикъ.—Вонъ онамедни батя чолъ книгу «Златый бисеръ» и сказывалъ про меня, что я родился подъ планидой Марсъ и того ради буду храбръ и войнолюбивъ... Такъ я, точно, подъ тою планидою родился, мама?

— Точно, Васенька, подъ планидою Марсъ, двадесятьпятаго того мѣсяца, на самое Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы.

— Хорошій, таково хорошій знакъ, ежели кто рождается въ тотъ день, когда и птица гнѣзда не вьетъ,—рѣшила мамка.

Юный княжичъ быстро выбѣжалъ изъ терема матери и скоро воротился съ какой-то книгой въ сафьянномъ переплетѣ.

— Вотъ, мама, «Златый бисеръ», — торопливо говорилъ онъ.—Тутъ писано про «планиды» и про ихъ «естества».

Софія Ѳоминишна съ улыбкой качала головой, шепча про себя,—остеръ, таково остеръ мой касатикъ.

— Вотъ, мама: «Понеже нѣкія планиды или звѣзды суть студени естествомъ, а нѣкія волглы естествомъ, то тѣ самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго и сухаго естества есть, той молчати любитъ и не скоро вѣритъ тому, что слышитъ, дондеже испытно уразумѣетъ. А который человѣкъ студенаго и волглаго естества, той, что ежели слышитъ, вскорѣ высказываетъ и много глаголетъ»...

— А я какого естества, мама?—вдругъ спросилъ онъ.

— Ты, чаю, сынокъ, естества студенаго и волглаго, понеже, что ни услышишь, все выкладываешь и самъ съ собою болтаешь, а съ игрушками у тебя таковы разговоры, что на-поди!—разсмѣялась Софія Ѳоминишна.

— Правда, правда, матушка княгинюшка, — разсмѣялась мамка.—Ужъ такой-то говоруха княжичъ! И во снѣ не молчитъ, все-то бормочетъ.

— Полно-ка тебѣ врать, мамка,—протестовалъ князекъ.—Вотъ ты такъ безъ перестани сама съ собой бормочешь... А ты слушай далѣ «Златого бисера»: «А который человѣкъ горячаго и сухаго естества, той есть дерзъ руками и храбръ и имать желаніе на многія жены и зѣло непостояненъ въ любви»...

— О-охъ!—вздохнула мамка и тихонько, какъ бы про себя, прошептала:—Есть, есть таки кобели... А сказано: черпаго кобеля не вымоешь добѣла.

Софья Ѳоминишна, въ виду щекотливыхъ вопросовъ, за-

тронутыхъ «Златымъ бисеромъ», желая свести разговоръ на другую почву, спросила:

— А ты, Васенька, катался нынѣ на Арапчикѣ, что подарилъ тебѣ Махметъ-Аминъ-ханъ?

— Катался, мама, до самово Успенскаго собору доѣзжалъ, и тамъ меня видѣлъ нѣмчинъ Аристотель: молодецъ, говоритъ, княжичъ,—весело отвѣчалъ мальчикъ.

Но его на этотъ разъ больше занималъ «Золотой бисеръ», и онъ снова началъ читать:

— «Сего ради писаніе повѣдаетъ: еже планида Марсъ или рещи Арисъ горячаго и сухого естества, то которая жена родится подъ тою планидою, и тая жена бываетъ дерза языкомъ и имать желаніе на многіе мужи»...

Какая-то счастливая мысль осѣнила маленькаго чтеца.

— Ты сказывала, мама, что я родился въ мѣсяцѣ мартѣ, на Благовѣщеніе?.. Такъ?—спросилъ онъ.

— Такъ, дитятко.

— Подъ планидою Марсъ?

— Такъ, такъ.

— Того ради я дерзъ языкомъ и имамъ желаніе на многія жены?

— Охъ, чтой-то ты такое непутевое мелешь!—накинулась на своего вскормленника мамка.

А Софья Ѳоминишна только рукой махнула и взяла у мальчика «Златый бисеръ», опасаясь дальнѣйшаго чтенія.

Въ это время на порогѣ терема показалась постельница княгини.

— Ты чего, Варварушка?—спросила послѣдняя.

— Тальянской нѣмчинъ пришелъ «арихтыхтанъ», — отвѣчала постельница.—Да съ нимъ тотъ старичокъ, что Успенскій соборъ каменьемъ да лѣсомъ снабживалъ, Лазарь Копытовъ... Пустить ихъ укажешь, матушка?

— Ахъ. и Елизаръ... Пусти, пусти!

X. Поздно!

Въ теремъ вошли Аристотель Фіоравенти и Елизаръ Копытовъ, по обычаю истово, земно кланяясь. Послѣдній набожно перекрестился на иконы въ дорогихъ окладахъ съ жемчугами и дорогимъ каменьемъ.

— Миръ дому сему и обитающимъ въ немъ,—сказалъ последній.

— Buona sera, матушка княгинюшка,—привѣтствовалъ и Фіоравенти наполовину по-московски.

— Здравствуйте, гости дорогіе, — ласково обратилась къ пришедшимъ Софья Ѳоминишна.—Кого я вижу! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Ровно десять годковъ, матушка княгиня,—отвѣчалъ старикъ и, увидѣвъ юнаго княжича, издали перекрестилъ его, говоря,—Да почіетъ благословеніе Господа и Спаса нашего надъ главою отрока сего.

— Да, Елизаръ, ты моего сыночка не знаешь,—сказала княгиня.—Богъ послалъ мнѣ его на радость и утѣху въ тотъ самый годъ, какъ ты удалился отъ міра. Садитесь, гости дорогіе.

Тѣ сѣли на лавку, покрытую персидскимъ ковромъ, привезеннымъ изъ Астрахани послами казанскаго царя Ибрагимъ хана.

— Гдѣ же ты пребывалъ съ той поры, какъ Москву покинулъ?—спросила старика княгиня.—Може, у святыхъ мѣстовъ побывалъ?

— Нѣту, матушка Софья Ѳоминишна, не привелъ Господь, да и года мои древніе. Я, аки песъ смердящій, въ конурочкѣ укрывался отъ грѣховъ моихъ, въ скиткѣ убогомъ грѣхи свои замаливалъ. Много, матушка, на вѣку прожито, много грѣховъ содѣяно, а особливо въ тѣ поры, какъ я гостемъ гостевалъ по всей землѣ, сколько, може, народу изобидѣлъ корысти ради, сколь много, може, душъ хрестьянскихъ на меня у престола Господня плакались, и коликое множество, чаю сиротъ и вдовицъ убогихъ, невѣдаючи, разорилъ... Черезъ слезы людскія, чаю злато ручьями лилось въ сундуки мои да въ мѣха кожаны...

Въ то время, когда старикъ говорилъ съ княгиней, Аристотель Фіоравенти подсѣлъ къ маленькому княжичу, который показывалъ ему свои игрушки и книги.

— По этой книжкѣ я цифири учусь... единожды одинъ—одинъ, единожды два—два.

— А кто тебя цифири учитъ?

— Протопопъ Силантій... онъ же по «крюкамъ» пѣнію учитъ, четью-пѣтью церковному.

— А мама не учитъ тебя по-тальянски?

— Малость учитъ, такъ, безъ уроковъ, безъ книжки, а

словесами токмо, дабы и всѣхъ любилъ чистымъ сердцемъ: al cor gentil, говоритъ, ripara sempre amore.

— Si, si, такъ, такъ, правда.

— Кто сей старикъ, что съ мамой говоритъ?—спросилъ княжичъ.

— Онъ былъ первостатейнымъ гостемъ, зѣло богатъ былъ и много помогъ своими богатствами построенію Успенскаго собора.

— Какая у нево длинная борода!.. А знаешь, отчево борода растетъ и ногти?—вдругъ спросилъ княжичъ.

— Не знаю, mio caro.

— А вотъ отчего... я тебѣ прочту изъ «Златаго бисера».

И, пользуясь тѣмъ, что мать занята была разговоромъ со старикомъ, юный физіологъ снова отыскалъ свою любимую книгу.

— Вотъ, смотри, — развернулъ онъ «Златый бисеръ» на 60-й главѣ.—Ученикъ: Откуду растутъ власы?—Учитель: Отъ брадавки, яже отъ стомаха идетъ, того ради, которой человѣкъ студенаго прирожденія, у того власы растутъ вельми долги».

— А что есть студеное прирожденіе? — спросилъ юный физіологъ, поставленный втупикъ непонятными словами.

— Не вѣдаю, mio caro... Може, кто не горячъ кровію.

— Значитъ, сей старикъ не горячъ кровію. А я горячъ?

— И сего не вѣдаю, caro mio.

— А вотъ и ногти... Ученикъ: Откуду растутъ ногти?—Учитель: Отъ брадавки, яже идетъ отъ сердца, того ради старѣйшины людьстіи носятъ на перстѣхъ златые перстни, понеже мудрости наслѣдіе отъ сердца есть».

— А что сіе за брадавка, котора идетъ и отъ стомаха, и отъ сердца?

— Не вѣдаю, caro mio. Развѣ протопопъ Силантій знаетъ.

— А вотъ далѣ сія книга говоритъ, отчего оный старикъ сѣдъ.

— О per Bacco!—невольно улыбнулся Фіоравенти, развлекаемый болтовней ребенка.—Сія книга, вижу, вельми премудра.

— Да, вотъ... «Яко младенцы родими, — снова читалъ юный ученый, — бѣловласы или русы и черны и чермніи, тако и въ совершенномъ возрастѣ, и доцелѣже пребываютъ въ силѣ и въ крѣпости, тогда имѣютъ кровь горячую и власы неизмѣнны

яже на вся дни юностныя, донелѣже имать крѣпость. Егда же начнетъ человѣкъ старѣтися и крѣпость и сила его малитися, и теплота утробная уступати, тогда со студени начнетъ сѣдѣти. Егда же старъ имать быти, тогда едва и теплыми кожанами ризами согрѣтися иматъ».

— Чудеса, несказанныя чудеса! — удивлялся, смѣясь въ душѣ, строитель Успенскаго собора.—Воистину чудеса!

— Ужъ таки-то чудеса! — набожно вздыхала мамка, не спуская умиленныхъ глазъ со своего вскормленника. — И какъ Господь умудрилъ дитя малое, ума не приложу! Все-то онъ знаетъ. А што про «планиды» да про «естества» читалъ, такъ ажно волосъ дыбомъ.

Поощряемый похвалами, юный физіологъ и философъ совсѣмъ разошелся.

— А сіе, — снова нагнулся онъ къ книгѣ, — како человѣку конецъ бываетъ.

Мамка при этомъ набожно и сокрушенно перекрестилась.

— «Писаніе глаголетъ, — читалъ далѣе княжичъ, — человѣкъ блюдомъ отъ Бога, и кійждо, имать ангела своего хранителя, пасуще и храняще его, и егда пріидетъ человѣкъ къ концу, тогда святіи ангели поимутъ душу его и не оставятъ, дондеже поставлена будетъ въ вѣчной радости повелѣніемъ Божіимъ. Аще ли который человѣкъ умретъ во грѣсѣхъ, тое душу поимутъ зліи бѣсове и сведутъ въ преисподній адъ, и тамо будетъ во вѣки вѣковъ».

— О, Господи! Спаси и помилуй,—шептала матушка.

— А былъ одинъ человѣкъ, который сходилъ въ адъ и возвратился изъ аду здоровъ и невредимъ,—сказалъ Фіоравенти.

— Кто сей человѣкъ?—съ любопытствомъ спросилъ княжичъ.

— Нашъ поэтъ, стихотворецъ Данте.

— Ахъ, Данте... Мама таково любитъ его!.. Такъ онъ былъ въ аду и возвратился оттуду?

— Какъ же! Ноли мама княгиня тебѣ не разсказывала про него?

— Говаривала не однова, а что онъ былъ въ аду, про то не сказывала.

Между тѣмъ Софья Ѳоминишна такъ была заинтересована

разговоромъ со старцемъ Елизаромъ, что и забыла спросить о цѣли его появленія въ Москвѣ послѣ десяти лѣтъ отсутствія.

— Пришелъ я къ тебѣ, матушка княгиня, съ горькимъ челобитьемъ,—сказалъ старикъ, вставая съ лавки,—буди заступницей предъ государемъ великимъ княземъ, твоимъ супругомъ, за родной градъ мой Хлыновъ. Обнесли ево извѣтомъ злымъ татаровя, присные сироѣдцы. Безлѣпично сказываютъ, бытто нашъ Хлыновъ не по правдѣ добилъ челомъ великому князю, и то—злое поклепство! Хлыновъ, отчина ево, великаго князя, служитъ своему государю безъ грубства и безъ порухи. Государыня княгиня! Смилуйся, пожалуй!

— Ахъ, Господи!—сокрушенно покачала головой княгиня Софья.—Рада бы я помочь твоему горю, всей душой рада бы, да только ты, Елизарушка, не во-время просишь, опоздалъ.

— Какъ опоздалъ, матушка?.. На милость Господа и великаго князя сроки не положены. И изъ аду Господь вызволяетъ душу покаянную. И государь великій князь въ своемъ правѣ миловать виноватаго, покель голова его не скатилась съ плахи.

— Въ томъ-то и горюшко мое, старче Божій, что теперь ужъ и самъ государь помиловать не воленъ, не ево теперь на то воля,—со слезами на глазахъ говорила растроганная княгиня.

— Почто не воленъ, почто!

— Ахъ, тебѣ невѣдомо... Слушай же: ужъ и гонцы давно воротились изъ Твери, изъ Вологды, съ Устюга, съ Двины, съ Вожи, изъ Каргополя, съ Бѣлоозера, съ Выми и Сысоли.

— Каки таки гонцы?.. Почто?

— Да спосылались они во всѣ тѣ мѣста, чтобъ тамошни рати неукоснительно шли на Хлыновъ, и тѣ рати съ воеводами московскими съ княземъ Данилою Щенятевымъ да съ бояриномъ Григоріемъ Морозовымъ, чаю, ужъ подъ Хлыновымъ нонѣ, либо по пути близко.

Ужасъ и отчаяніе выразились на лицѣ старика. Онъ весь задрожалъ и вѣроятно упалъ бы, если бы его не поддержалъ подоспѣвшій во-время Аристотель Фіоравенти.

— Боже мой, Боже мой! Вскую оставилъ еси насъ:

XI. Хлыновъ обложенъ.

Дѣйствительно, рати всѣхъ поименованныхъ въ предыдущей главѣ областей быстро двигались къ Хлынову подъ начальствомъ князя Щенятева и боярина Морозова.

Пощады Хлынову ждать было невозможно. Всѣ эти тверичи, вологжане, устюжане, двиняне, вожане, каргопольцы, бѣлозерцы, вымяне, сысольцы, всѣ давно питали злобу противъ Хлынова за его многолѣтніе ушкуйническіе набѣги на эти области и разоренія.

Утромъ 16-го августа съ колокольни Воздвиженья раздался страшный «сполохъ», такой страшный, какого еще никогда не слыхали хлыновцы. Думали, что весь городъ разомъ объятъ пламенемъ.

Въ ужасѣ всѣ высыпали на городскія стѣны... Глазамъ представилось страшное зрѣлище!.. «Аки борове,—говоритъ лѣтописецъ,—точно живые бори, точно темные лѣса двигались къ городу несмѣтныя рати».

— Родимые! Отцы и братія! Конецъ Хлынову-городу!—кричалъ съ колокольни звонарь, который первымъ увидѣлъ страшное зрѣлище и забилъ «сполохъ».

И воеводы стояли на стѣнѣ, блѣдные, растерянные...

Среди нихъ показалась съ растрепанными сѣдыми волосами страшная старуха и махала въ воздухѣ привязаннымъ къ длинному шесту мертвымъ вороном...

— На нихъ каркай мертвымъ карканьемъ, на нихъ, на ихъ головы!—хрипло, задыхаясь, кричала она.

Потомъ, распуская по вѣтру сѣдыя космы, вопила:

— Сколько волосъ на мнѣ нонѣ и сколько смолоду было ихъ, столько я, простоволосая, смертей напущаю на нихъ! Всѣ жабы, и нетопыри, и совы, всѣ гады ползучіе, всѣ звѣри прыскучіе, всѣ утопленники, всѣ удавленники, всѣ опойцы, всѣ мертвецы, што зарыты въ сыру землю безъ креста и савану, безъ попа и ладану, всѣ на нихъ идите, трясавицы и люту смерть несите!

Это бѣснованье ужасомъ поразило хлыновцевъ.

— Звони на вѣче!—кричалъ Оникіевъ.—На вѣче, православные!

Все повалило къ земской избѣ. Впереди шагалъ Микита-кузнецъ, держа на вилахъ сухой костякъ кобыльей головы.

— Кобылья голова! Ночесь тута была, а ночью, что придетъ, въ станъ московской скачи, смерть проклятымъ мечи!— оралъ онъ свои безсмысленныя заклинанія.

На вѣчѣ воевода Оникіевъ, вставъ на возвышеніе и поклонившись, сказалъ:

— Отцы и братіе, почестные вѣчники! Сдавать ли городъ безъ бою, да бить ли челомъ князю-супостату, али биться мертвымъ боемъ?

Медлить было некогда, время не ждало, и вопросы бросались въ толпу короткіе, какъ бросается камень въ воду.

— Биться мертвымъ боемъ до исхода души! — кричали одни.

— «Посулами» и «поминками» дьяволовъ уломать! — говорили другіе.

— Биться!.. Не пущать на воропъ идоловъ!

— Воду кипятить! Смолу топить!

— Плетни шестами разметывать!

— Бересту водой поливать!

Въ концѣ-концовъ порѣшили, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, какъ въ послѣдній разъ, приготовиться къ бою: воду кипятить, смолу топить и на стѣны камни носить. А до приступа враговъ «на воропъ» выслать воеводамъ «поминки». Пока шло вѣче, все женское населеніе Хлынова молилось по церквамъ. Женщинамъ справедливо казалось, что насталъ для ихъ родного города «страшный судъ». Разъ Хлынову посчастливилось избѣжать этого «суда». Но тогда было далеко не то, что теперь надвигалось. Тогда войско московское, сравнительно, было ничтожно. Теперь, какъ видно было со стѣнъ, шли на Хлыновъ, говоря языкомъ того времени,—«тьми темъ».

Горячо молились женщины. Никогда еще молитва ихъ не была такъ пламенна. Но и молиться долго не приходилось. Всѣхъ ждала спѣшная работа—воду кипятить и смолу топить, чтобъ кипяткомъ и горячею смолою обливать нападающихъ, когда полѣзутъ на стѣну. На стѣну, для защиты же отъ нападающихъ, втаскивались тяжелыя бревна и сносились камни.

Къ полудню соединенныя рати всѣхъ девяти враждебныхъ Хлынову областей обложили приговоренный къ гибели городъ,

точно такъ какъ соединенныя силы грековъ обложили когда-то Трою. И въ самомъ дѣлѣ судьба Хлынова напоминаетъ судьбу горькой Трои. Тамъ всѣ области греческія со своими царями и героями нагрянули на маленькую Трою. Здѣсь—девять областей или земель со своими воеводами да со старшими московскими вождями, княземъ Щенятевымъ и бояриномъ Морозовымъ, охватили маленькій Хлыновъ мертвымъ кольцомъ. Тамъ Кассандра пророчески оплакивала неминучую гибель родного города. Здѣсь—своя Кассандра, Оня, тоже оплакиваетъ неминучую гибель своего родного гнѣзда. Тамъ жрецъ Лаокоонъ, предостерегавшій троянцевъ не вѣрить данаямъ «дающимъ дары», былъ удавленъ гигантскими змѣями. Здѣсь — благочестивый скитникъ Елизарушка, этотъ хлыновскій Лаокоонъ, твердившій на вѣчахъ Хлынова, что «Москва слезамъ не вѣритъ»,—гдѣ онъ? Можетъ быть, и онъ уже удавленъ въ Москвѣ, но не змѣями, а висѣлицей.

Скоро изъ Хлынова увидѣли, какъ соединенная рать выставила ряды смоляныхъ бочекъ и цѣлыя горы сухой бересты. И началось плетеніе плетней подъ понуканіе пѣсенъ:

Заплетися, плетень, заплетися...

Вечеромъ вожди Хлынова, Оникіевъ, Лазоревъ и Богодайщиковъ, должны были сойтись въ домѣ Оникіева на совѣтъ. Спустилась ночь на Хлыновъ. На стѣнахъ его перекликались часовые:

— Славенъ и преславенъ Хлыновъ-градъ!

— Славенъ городъ Котельничъ-градъ!

— Славенъ городъ Орловъ-градъ!

— Славенъ городъ Никулицынъ-градъ!

Гулко разносились эти оклики надъ Вяткой-рѣкой и надъ станомъ осаждающихъ.

— Штой-то долго не идетъ Пахомій?—спросилъ Оникіевъ Богодайщикову, въ ожиданіи прихода на совѣщаніе Лазорева.

— Може, часовыхъ охаживаетъ для вѣрности.

— Что же, часовые, кажись, исправно перекликаются.

Но если бы бесѣдующіе могли проникнуть взоромъ чрезъ затворенную ставню, то они увидѣли бы, какъ подъ покровомъ августовскаго вечера женская тѣнь бросилась навстрѣчу мужской тѣни и прильнула къ широкой груди послѣдней.

— Пахомушка! Касатикъ мой! Соколъ ясный! Добейте ча-

ломъ московскому князю! Не губите Хлынова и насъ, сиротъ бѣдныхъ!

— Онюшка, Оня! Свѣтикъ мой! Голубица чистая! Такъ любъ я тебѣ?

— Самъ знаешь, что сохну я по тебѣ, вяну, словно цвѣтикъ безъ солнца.

— Когда же подъ вѣнецъ, мое золото? Когда ты моя будешь?

— Какъ только добьете челомъ князю постылому, въ тѣ поры и засылай сватовъ къ отцу, къ матушкѣ.

— Добьемъ челомъ, добьемъ, за тѣмъ и иду на совѣтъ къ твому батюшкѣ.

Тѣни оторвались одна отъ другой и разошлись.

— Славенъ и преславенъ городъ Хлыновъ градъ.

— Славенъ городъ Котельничъ-градъ.

— Славенъ городъ Орловъ-градъ.

— Славенъ городъ Никулицынъ-градъ.

Мертвая тишина въ городѣ, хотя почти никто не спитъ.

— Попытка не пытка, — говоритъ на совѣтѣ у Оникіева мужская тѣнь, при свѣтѣ свѣчей превратившаяся въ Пахомія Лазорева,—добьемъ челомъ супостату.

— Добить-то добьемъ,—соглашается и Оникіевъ,—Москва споконъ вѣку живетъ «поминками» да «посулами». Одначе, Данило Щеня да Морозовъ не тою дратвою шиты, что Шестакъ-Кутузовъ: сіи и «поминки» возьмутъ, и поминальщиковъ въ цепи закуютъ.

— Да, съ этими опаско,—согласился и Богодайщиковъ,—намъ съ поминками самимъ выходить не для че, какъ опомнясь, да и Описьюшка пущай въ городѣ остается, а то какъ бы проды на ея дѣвичью красу не позарились.

— Вышлемъ съ «поминками» Исупа Глазатаго,—предложилъ Пахомій Лазоревъ.

На томъ и порѣшили и разошлись.

Тихо, мертво кругомъ, только собаки воютъ, чуя бѣду.

— Заутрѣе добивать челомъ пошлемъ Исупа Глазатаго,—слышится шопотъ во мракѣ ночи.

— О, мой соколъ ясный! Присылай сватовъ...

Звуки долгихъ, долгихъ поцѣлуевъ...

— Славенъ и преславенъ городъ Хлыновъ-градъ!

— Славенъ городъ Котельничъ-градъ!
— Славенъ городъ Орловъ-градъ!
— Славенъ городъ Никулицынъ-градъ!

XII. Послѣднія судороги.

Въ станѣ осаждающихъ тревога. Въ темнотѣ слышны крики: «Держите вора! Зарѣзалъ, проклятый!.. Въ шатеръ пробрался, до становой жилы перерѣзалъ!»

Заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ городскія ворота. Въ нихъ прошмыгнула гигантская тѣнь.

— Ты, Микита?

— Я... До черенка всадилъ... И кадыкъ и горлянку, все корѣшилъ.

— Ково, свѣтъ Микитушка?

— Самово идола, Щеню... Не пикнулъ, аспидъ... кровью захлебнулся.

Вдругъ зарево освѣтило станъ осаждающихъ.

— Батюшки! Горимъ!.. Бересту подожгли!

— Лови палителя, лови!.. Вонъ онъ, въ кусты бѣжитъ!

— А, дьяволъ! Не уйдешь, сѣдой чортъ!

— Пымали, пымали палителя!

Весь станъ осаждающихъ на ногахъ. Все мечется, кричитъ.

— Богъ спасъ князя Данилу... не ево зарѣзалъ.

— А ково? Полуголову стрѣлецково?

— Нѣ! Стремянново князева, въ ево шатрѣ спалъ.

Ошибся въ темнотѣ Микитушка. Не князя Щенятева зарѣзалъ, а его стремянного.

Свѣтало. Береста удачно потушена. Поджигатель пойманъ. Со стѣнъ города видно, какъ московскіе ратники врываютъ въ землю два столба съ перекладиной. Висѣлица готова.

— Ково вѣшать сбираются?—спрашиваютъ на городской стѣнѣ.

— Должно, изъ нашихъ ково... поджигалъ кто—тово.

— Ведутъ! Ведутъ!.. Сѣденькій старичокъ.

— Ай, ай! Да это дѣдушка Елизарушка!

Дѣйствительно, это былъ онъ. Узнавъ отъ Софьи Ѳоминишны, что соединенныя рати тверичей, вологжанъ и всѣхъ девяти враждебныхъ Хлынову областей подъ начальствомъ

князя Щенятева и боярина Морозова давно двинулись на вятскую землю, онъ на ямскихъ помчался прямо къ Хлынову, платя на ямахъ ямскимъ старостамъ и ямщикамъ бѣшеныя деньги, чтобъ только поспѣть во-время, пока его родной городъ еще не обложенъ. Но онъ опоздалъ. Хлыновъ былъ уже обложенъ. Тогда онъ ночью и поджогъ приготовленную для осады Хлынова бересту, и тутъ же былъ пойманъ.

Пойманнаго вели къ висѣлицѣ. Старикъ не сопротивлялся, а шелъ бодро. Увидавъ на стѣнѣ городскихъ вождей, онъ закричалъ Оникіеву:

— Иванушка, и вы, дѣтушки! Добейте челомъ! Не губите града, не проливайте кровь хрестьянскую неповинную!

Когда шею его вдѣли въ петлю и потянули вверхъ веревку, онъ продолжалъ кричать: «Добейте челомъ, дѣтушки! Добейте!

Такъ кончилъ жизнь хлыновскій Лаокоонъ. Стоявшая съ прочими на стѣнѣ Оня судорожно рыдала.

Къ стѣнѣ подошелъ бирючъ отъ московскихъ вождей и затрубилъ въ рожокъ.

Все стихло на стѣнахъ города.

— Повелѣніемъ государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи вѣщаю граду Хлынову: добейте челомъ великому государю за свою грубость и цѣлуйте на томъ крестъ святый!

— Сей же часъ вышлемъ челобитника добить челомъ государю и крестъ святый цѣловать за весь градъ Хлыновъ,—отвѣчалъ со стѣны Оникіевъ.

Скоро городскія ворота растворились, и изъ нихъ вышли попъ Ермилъ съ распятіемъ и Исупъ Глазатый съ тяжелымъ мѣхомъ золотыхъ поминокъ.

— Какъ же я крестное-то цѣлованіе сломаю, батька?— шепталъ Глазатый.

— Не сломаешь, Исупушко, — успокоительно отвѣчалъ отецъ Ермилъ,—коли бы ты цѣловалъ ихній крестъ у ихняго попа, тебѣ бы грѣхъ было поломать крестное цѣлованіе, а ты поцѣлуешь нашъ крестъ, и я съ тебя потомъ сниму то цѣлованіе, и твое цѣлованіе будетъ не въ цѣлованіе.

Это казуистическое толкованіе отца Ермила успокоило Глазатаго, не очень-то сильнаго въ догматикѣ.

Навстрѣчу имъ вышли князь Щеня и бояринъ Морозовъ со своимъ стремяннымъ.

— Цѣлуй крестъ отъ града Хлынова и отъ всей вятской земли и добей челомъ великому государю, — сказалъ князь Щеня.

— Бью челомъ и цѣлую крестъ на всей волѣ государевой,—проговорилъ Глазатый, цѣлуя распятіе,—а тутъ наши «поминки».

И онъ раскрылъ мѣхъ, чтобы показать, что тамъ золото.

— Примай «поминки», — сказалъ Морозовъ своему стремянному.

Тотъ, съ трудомъ, кряхтя, поднялъ тяжелый мѣхъ, набитый золотомъ.

— Теперь осаду сымете съ города?—спросилъ Глазатый.

— Не сымемъ для того, что вы воровствомъ своимъ, яко тати въ нощи, зарѣзали мово стремянново,—отвѣчалъ князь Щеня.—Даемъ Хлынову «опасъ» токмо до завтрева.

И, подозвавъ бирюча, сказалъ:

— Гласи волю великаго государя: дается «опасъ» Хлынову до завтрева.

Бирючъ протрубилъ и возгласилъ то, что ему было приказано.

Въ тотъ же вечеръ состоялось новое совѣщаніе въ домѣ Оникіева. И на этотъ разъ опоздалъ Лазоревъ.

— Дозоромъ, должно, ходитъ по часовымъ Пахомій,—замѣтилъ Оникіевъ.

— Должно быть такъ, заботливъ онъ у насъ,—сказалъ и Богодайщиковъ.

Съ городскихъ стѣнъ снова доносилось:

— Славенъ и преславенъ городъ Хлыновъ-градъ:

— Славенъ городъ Котельничъ-градъ!

— Славенъ городъ Орловъ-градъ!

— Славенъ городъ Никулицынъ-градъ!

Тихо. Словно вымеръ городъ. Слышенъ даже тихій полетъ летопырей.

Снова подъ окномъ дома Оникіева встрѣчаются и сливаются въ одну двѣ тѣни.

— Не выходи завтра изъ города къ супостатамъ, милый!—

шепчетъ женскій голосъ.—А вышлите къ супостатамъ «большихъ людей».

— Не выду изъ воротъ, солнышко мое,—слышится мужской шопотъ.—И батюшка твой, и Палка не выдутъ.

— Умоли, дорогой, батюшку и Палку, чтобъ «большіе люди» сказали супостатамъ, что покоряемся-де на всей волѣ того московскаго идола, и дань-де даемъ и службу.

— Буди по-твоему, радость моя.

Слышны въ темнотѣ поцѣлуи и глубокій женскій вздохъ.

— Если мы выдемъ изъ города добивать челомъ,—говорилъ на совѣщаніи Лазоревъ,—то въ насъ признаютъ каликъ перехожихъ.

— И точно, узнаютъ, — соглашался Оникіевъ,—вѣдь мы пѣли и у Щенятева, и у Морозова.

— Спознаютъ, — согласился и Богодайщиковъ,—вонъ и Шестакъ-Кутузовъ издали, на стѣнѣ когда стояли, спозналъ насъ.

— Ладно. Вышлемъ «большихъ людей».

На томъ и порѣшили.

XIII. Не выгорѣло.

На другой день вышли изъ города «большіе люди». Они несли новыя «поминки» московскимъ воеводамъ, по сорока соболей и чернобурыхъ лисицъ.

Подойдя къ воеводамъ, «большіе люди» кланялись имъ соболями и лисицами, и сказали:

— Покоряемся на всей волѣ великаго князя, и дань даемъ, и службу.

— Цѣлуйте крестъ за великаго князя и выдайте вашихъ измѣнниковъ и коромольниковъ, воровъ государевыхъ, Ивашку Оникіева да Пахомку Лазорева да Палкушку Богодайщикова,—разомъ выпалили обое воеводы.

— Дайте намъ сроку до завтрева,—кланялись «большіе люди».

— Даемъ,—былъ отвѣтъ.

Какъ только послы Хлынова, эти «большіе люди», скры-

лись за городскими воротами, тамъ тотчасъ же ударили въ вѣчевой колоколъ.

Собралось вѣче. Всѣ тревожно ждали узнать, какой отвѣтъ принесли «большіе люди» отъ московскихъ воеводъ, и когда тѣ объявили послѣднюю волю воеводъ, вѣче пришло въ такое волненіе, какого никогда не было въ Хлыновѣ со дня его основанія.

— Мало имъ дани нашей! Мало имъ службы! Такъ нѣтъ же имъ ничево!

— Задаваться за московскаго князя, цѣловать за него крестъ! Не бывать тому! Мы не продадимъ своей воли! Не хотимъ быть ничьими холопями!—ревѣло вѣче, какъ море, и ревъ этотъ доносился до стана стѣны осаждавшихъ.

— Ляжемъ головами за свою волю! Пущай краше наше тѣло вороны клюютъ, дикій звѣрь терзаетъ! Мертвые, да только вольные.

Прошелъ день. Прошла ночь. Хлыновъ лихорадочно готовился къ отчаянной оборонѣ.

Настало утро. Въ московскомъ станѣ ждутъ отвѣта. Отвѣта нѣтъ. Тамъ поняли, что пришла пора дѣйствовать силой, но все еще ждали.

Прошелъ и этотъ день, нѣтъ отвѣта.

Ждутъ второй день. Хлыновъ молчитъ, точно весь вымеръ, только съ вечера снова стали оглашать сонный воздухъ перекликанія часовыхъ на городской стѣнѣ:

— Славенъ и преславенъ городъ Хлыновъ-градъ!

— Славенъ и преславенъ городъ Котельничъ-градъ! и т. д.

Воеводы рѣшились на приступъ. Высмотрѣвъ днемъ самое, повидимому, неприступное мѣсто городской стѣны, на которомъ, какъ на неприступномъ, осажденные не выставили даже ушатовъ съ кипяткомъ и ни бревенъ, ни камней не наложили,— осаждающіе и выбрали это, именно, мѣсто для нападенія.

Дождавшись «вторыхъ пѣтуховъ», когда особенно крѣпко спится, каждая полусотня, «пятидесятокъ», осаждающихъ приставила къ избранному мѣсту стѣны по двѣ сажени плетней, а другіе полусотни тащили смолу и бересту.

«И начаша окоянніи приметати огненныя приметы» со стѣны въ городъ, бросать на деревянныя строенія города и на ометы сѣна просмоленную и горящую бересту.

Хлыновъ запылалъ. На бѣду его, вѣтеръ дулъ со стороны метальщиковъ-поджигателей и несъ пламя черезъ весь городъ.

Обезумѣвшіе отъ ужаса хлыновцы ворвались въ дома Оникіева, Лазорева и Богодайщикова и повели ихъ къ городскимъ воротамъ съ крикомъ:

— Воротники, православные! Отворяйте ворота настежъ!

— Православные!—кричали другіе.—Бѣгите изъ домовъ! Спѣшите изъ города. Краше полонъ, нежъ наглая смерть!

За воротами уже стояли и князь Щеня и бояринъ Морозовъ впереди тѣхъ ратей, которыя не были посланы на приступъ.

— Бьемъ челомъ, бьемъ челомъ! — кричали тѣ, которые вели Оникіева, Лазорева и Богодайщикова.—Берите нашихъ лиходѣевъ! Изъ-за нихъ городъ и христіанскія души пропадаютъ.

— Устюжане!—обернулся князь Щеня къ ближнимъ ратямъ.—Возьмите и закуйте въ цѣпи вашихъ вороговъ—Ивашку Оникіева, Пахомку Лазорева да Палкушку Богодайщикова. Они недавно устюжской землѣ много дурна учинили.

— А ты,—обратился князь къ бирючу,—труби въ рогъ и вели перестать ратнымъ метать въ городъ огнённые «приметы», а чтобы всѣ прочія рати бѣжали тушить городъ.

Завыла труба. Ближайшіе къ московскимъ воеводамъ хлыновцы упали на колѣни съ воплемъ:

— Батюшки, отцы наши, благодѣтели, спасибо вамъ, что велѣли пощадить городъ, унять пожарище лютое.

И всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ силы, бросились за ратями осаждающихъ городъ унимать бушевавшій пожаръ.

Устюжане, взявъ Оникіева, Лазорева и Богодайщикова тотчасъ же заковали ихъ въ цѣпи.

Увидавъ это, Оня и Оринушка, полураздѣтыя, бросились было за отцами, а первая и за своимъ милымъ, но тотчасъ были остановлены.

— Кто эти дѣвки?—спросилъ Морозовъ.

— Одна—дочка Оникіева, другая—Богодайщикова,—отвѣчалъ кто-то.

— Бережнѣе съ ними,—сказалъ князь Щеня, сжалившись надъ плачущими, полураздѣтыми дѣвушками,—укрыть ихъ кафтанами и бережно отвести къ матерямъ. Стрѣлецкій голова Пальчиковъ,—добавилъ князь,—ты за нихъ отвѣчаешь.

— Добро-ста, князь, слушаю, — отвѣчалъ Пальчиковъ,— самъ вѣдаю, батюшка, князь, што дѣти за родителевъ неотвѣтчики.

— Спасибо, голова, береги же ихъ.

— И отыщи матерей, а то и братьевъ и сестеръ, коли есть малолѣтки,—добавилъ Морозовъ.

— Добро-ста, бояринъ, все учиню по божески.

Ободренныя этимъ вниманіемъ, дѣвушки умоляли позволить имъ повидаться съ родителями. И князь и бояринъ уважили ихъ просьбу.

— Голова, — сказалъ князь Щеня Пальчикову,—проводи ихъ къ колодникамъ, инъ пущай попрощаются съ родителями.

Взятые устюжанами подъ свой надзоръ, Оникіевъ, Лазоревъ и Богодайщиковъ сидѣли уже въ цѣпяхъ и съ тяжелыми дубовыми колодками на ногахъ.

Дѣвушки съ тихимъ воплемъ припали къ колѣнямъ отцовъ, каждая къ своему. Звяканіе цѣпей при движеніи колодниковъ заставляло ихъ содрогаться.

Одинъ Лазоревъ сидѣлъ неподвижно, его никто не обнималъ

— Откудова на васъ, дѣвушки, стрѣлецкіе кафтаны?— спросилъ онъ, сжимая руки такъ сильно, что пальцы его хрустѣли.

— Насъ велѣлъ прикрыть кафтанами князь ихній,—начала-было Оня.

Пальчиковъ поторопился объяснить.

— Отроковицы,—сказалъ онъ, —съ пожарново переполоху выбѣжали на сполохъ изъ города мало не въ чемъ мать родила и простоволосы. А нонѣ заря маленько сивѣрка, дакъ ево милость, князь Данило Игнатовичъ, жалѣючи отроковицъ, велѣлъ мнѣ укрыть ихъ кафтанами, и строго-настрого указалъ бережно отвести ихъ къ матерямъ и какъ зѣницу ока беречь, чтобъ имъ какова дурна не учинилось.

— Ишь, и звѣрь, а дѣтей пожалѣлъ,—подавленнымъ голосомъ проговорилъ Лазоревъ.

Оня подняла голову съ колѣнъ отца и протянула умоляюще руки къ своему милому.

— Батюшка!—простонала она.—Благослови меня и мово суженово—Пахомія... намъ бы на томъ свѣтѣ предстать предъ Господа аки бы въ законѣ.

Ошкіевъ благословилъ любящихся. Душу раздиралъ звонъ цѣпей, когда нареченный женихъ обнималъ свою невѣсту предъ вѣчной разлукой.

XIV. Хлыновская Кассандра.

Пасмурное утро застало Хлыновъ еще тлѣющимъ, подобно тлѣвшей когда-то Троѣ, «священному Иліону». Дальнѣйшее распространеніе пожара удалось остановить.

Начались сборы хлыновцевъ, «большихъ людей»: купечества, духовенства, правящихъ сословій и всего зажиточнаго населенія Хлынова, горькіе сборы въ далекій, невѣдомый путь. «Меньшіе люди» оставлены были съ ихъ животами на пепелищахъ сѣвернорусской Трои.

1-го сентября,—говоритъ лѣтописецъ,—«воеводы развели» Хлыновъ, какъ нѣкогда Агамемнонъ, Одиссей и другіе вожди данаевъ «развели» Трою. Кассандру Агамемнонъ увелъ въ плѣнъ въ свои Микены. Хлыновскую Кассандру, Оню, увелъ князь Данила Щеня плѣнницею въ Москву. Когда она прощалась съ роднымъ городомъ, садясь въ лучшій ушкуй своего батюшки, чтобы плыть къ Москвѣ подъ надзоромъ стрѣлецкаго головы Пальчикова Семена, она невольно взглянула на недоѣденный птицами, все еще висѣвшій на висѣлицѣ, трупъ дѣдушки Елизарушки, хлыновскаго Лаокоона.

Горькое это было «разведеніе» Хлынова, невольное переселеніе изъ земли ханаанской въ землю халдейскую, на рѣки вавилонскія, Москву-рѣку и Яузу. Вятка-рѣка, а потомъ и Кама были запружены ушкуями, тѣми ушкуями, на которыхъ хлыновцы еще недавно и такъ побѣдно гуляли по всей Волгѣ до столицы Золотой орды—Сарая. Теперь ушкуи завалены были тюками и домашняго добра хлыновцевъ, и всякими животами, рухлядью.

Вотъ эта флотилія ушкуевъ вышла въ Волгу. Непріютно на водѣ, холодно. Осень съ дождемъ рано завернула. По небу летѣли на югъ послѣднія перелетныя птицы, жалобно перекликаясь высоко въ небѣ. Прибрежные лѣса грустно теряли свои пожелтѣвшіе листья.

Когда нестройная флотилія переселенцевъ плыла мимо Казани, толпа татаръ высыпала на берегъ Волги.

— Ля-илля-иль-алла, Мухамедъ расулъ Алла! — кричали одни, махая въ воздухѣ шапками.

— Селямъ алейкюмъ! Алейкюмъ селямъ!—привѣтствовали другіе.

— Кесимъ башка Хлыновъ!—злорадствовали третьи.

Микита-кузнецъ съ безсильною злобой показывалъ имъ кулакъ съ своего, заваленнаго кузнечными принадлежностями, ушкуя.

Оня безпомощно жалась къ своей подругѣ и глядѣла печальными глазами на сѣрыя, непривѣтливыя воды потемнѣвшей Волги. Свою мать она похоронила въ Хлыновѣ: не хотѣла та плыть къ рѣкамъ вавилонскимъ и умерла съ тоски по мужѣ.

Въ Нижнемъ переселенцевъ ожидали земскія подводы, на которыхъ хлыновцы и тащились съ своею рухлядью отъ яма до яма.

И вотъ они въ Москвѣ, на рѣкахъ вавилонскихъ. Оню Пальчиковъ отвезъ въ домъ князя Щенятева, а Оринушку съ матерью къ боярину Морозову.

— Не плачь, Онюшка, не плачь, сиротинушка,—утѣшала ее подруга,—мы съ матушкой будемъ ходить къ тебѣ.

— Гдѣ ужъ намъ, полонянкамъ, видѣться!—грустно покачала головой горькая невѣста горькаго жениха-колодника.

— Нѣту, милая: добрый дядя, Пальчиковъ Семенъ Николаичъ, сказывалъ, что мы будемъ ходить другъ къ дружкѣ.

Черезъ нѣсколько дней бирючи трубили на площадяхъ Москвы и возглашали:

— Православные! Завтрея, по указу государя великаго князя Ивана Васильича всея Русіи, на Красной площади, на лобнымъ мѣстѣ, будутъ «вершить» хлыновскихъ коромольниковъ! Копитесь, православные, на Красную площадь!

Москвичи и безъ приглашенія рады были такимъ зрѣлищамъ. Какія у нихъ были развлеченія?.. Одни кулачные бои да публичныя казни... Новгородцевъ ужъ давно «вершили», и москвичи скучали...

— Али мы нехристи, што намъ и полюбоваться не на што!—жаловались въ Охотномъ ряду.

— А онамедни таково весело было, — говорилъ дѣтина изъ Обжорнаго ряда,—этта какъ положили ево на «кобылу», да прикрутили, соймя рубашку, руки, а заплечный мастеръ какъ

полыснетъ ево кнутищемъ, да вдругорядь, да ишшо и ишшо, да у яво спина точно красна рубаха... А онъ кричитъ, а онъ кричитъ!.. А тамъ и пересталъ... Умора, братцы!

— Эхъ жалость, я не видалъ, въ кислощейной засидѣлся.

На другой день любители эстетическихъ наслажденій еще до разсвѣта запрудили Красную площадь.

— Ишь, паря, глядь-кось, три «кобылы» въ ночь соорудили... Но-но-но, кобылушки!

— И три люльки высокія, качели... Вотъ качацца будутъ, таково весело! И пряниками меня не корми, а только дай поглядѣть...

— Молись Богу, штобъ удалось.

— Ведутъ! Ведутъ!—пронеслось по площади.

Ихъ, дѣйствительно, вели. Между москвичами виднѣлись на площади и нѣкоторые хлыновцы. Они смотрятъ и тоже плачутъ.

— Москва слезамъ не вѣритъ,—говорилъ охотнорядецъ.

— На кобылы кладутъ...

Къ палачамъ подходитъ Пальчиковъ.

— Вы полегше, ребята,—шепчетъ онъ,—тоже хрестьянскія души...

Я не стану описывать все то возмутительное, что произошло дальше.

Оникіева, Лазорева и Богодайщикова не стало. Свершилось то, что видѣлъ дѣдушка Елизарушка «въ топцѣ снѣ»...

Не стало скоро и Они, хлыновской Кассандры.

Князь Данила Щеня относился къ сироткѣ съ отеческой добротой.

Постоянно тихая, молчаливая и грустная, она возбуждала глубокую жалость.

— Домой бы мнѣ, на родимую сторону, — говорила она иногда князю.

— Зачѣмъ, дѣточка?—уговаривалъ ее послѣдній.—Тамъ никого вашихъ не осталось. Всѣхъ государь велѣлъ разселить въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ да въ Дмитровкѣ.

— Въ монастырь бы мнѣ.

— Обживешься, дѣтка, съ нами. Мы тебѣ женишка подыщемъ, хорошева отецково сына.

— Мой женихъ предъ Господомъ. Я въ Хлыновѣ заручена батюшкой родимымъ.

Въ домъ князя сталъ учащать Шестакъ-Кутузовъ. Пораженный красотою дѣвушки еще въ Хлыновѣ, онъ возгорѣлъ къ ней страстью.

Но дѣвушка, видя это, была особенно холодна съ нимъ.

Страсть влюбленнаго старика превратилась въ ненависть.

— Погоди-жъ, тихоня,—неистовствовалъ въ душѣ.—Такъ не достанешься жъ ты никому!

Скоро княгиня Щенятева получила анонимное письмо, въ которомъ какой-то мерзавецъ (мы догадываемся кто) писалъ княгинѣ, что ихъ Онисья... любовница князя Данилы.

Ревнивая княгиня повѣрила гнусной клеветѣ и извела несчастную сироту отравнымъ зельемъ.

Да, это была наша Кассандра. Какъ ту, Кассандру «священнаго Иліона», погубила Клитемнестра, жена Агамемнона, такъ и нашу другая Клитемнестра, жена князя Щенятева. Только у нашей Клитемнестры не было сына Ореста, который отомстилъ бы матери за убійство убійствомъ, не боясь гнѣва Немезидъ...

КУМЪ ИВАНЪ.

I. Неизвѣстный путникъ.

Былъ прекрасный, яркій зимній день, какіе бываютъ на Руси въ концѣ января или въ началѣ февраля. Лучи на этотъ разъ холоднаго солнца искрились иридіевыми блестками въ морозной, кристаллизованной пыли. Сѣверный вѣтерокъ, тихій, но рѣжущій, переметалъ черезъ дорогу бѣлыя струйки сухихъ снѣжинокъ-поземки.

Солнце, однако, склонилось уже къ закату и еще ярче, казалось, сверкало на золотыхъ маковкахъ и крестахъ московскихъ церквей и башенъ Кремля.

Въ это время изъ Серпуховскихъ воротъ вышелъ высокій и плечистый мужикъ въ мѣховой шапкѣ-треухѣ, въ дубленомъ тулупѣ и бѣлыхъ, подбитыхъ кожею валенкахъ на ногахъ. Большая рыжая борода его и усы, нѣсколько подрѣзанные вдоль верхней губы, серебрились морознымъ инеемъ. Опираясь на длинный посохъ, рыжій мужикъ шелъ ровною, бодрою поступью, не глядя по сторонамъ, хотя сѣрые, живые и, повидимому, хитрые глаза какъ будто что исподтишка высматривали.

То, что въ настоящее время давно составляетъ городскія зарѣчныя части Москвы, тогда, четыреста лѣтъ назадъ, представляло разбросанные подгородніе поселки и деревни, отдѣлявшіеся отъ города полями, а частью садами и огородами. Въ одинъ изъ такихъ поселковъ, повидимому, и направлялся рыжій мужикъ.

Но едва нашъ путникъ отошелъ отъ города на такое разстояніе, которое скорѣе приближало его къ поселку, чѣмъ къ городу, какъ снѣгъ-поземка сталъ срываться съ земли порыви-

стѣе и крутиться вихремъ, а до того яркое солнце заволокло скоро не то этими крутимыми вѣтромъ поземками, не то густыми снѣговыми тучами. Скоро оказалось, что дѣйствительно повалилъ снѣгъ, который, будучи гонимъ вѣтромъ и крутясь вмѣстѣ съ поземкою, началъ хлестать въ лицо, въ глаза и наметать сугробы. Начиналась пурга, буранъ. Это тотъ обыкновенный, причудливый и опасный капризъ нашей суровой зимы, который даже привычнаго къ своей родной вьюгѣ мужика застаетъ врасплохъ, какъ знойный хамсинъ араба въ пустынѣ: буранъ останавливаетъ и заметаетъ обозы въ полѣ; заставляетъ мужика, выѣхавшаго въ лѣсъ за дровами или въ ближній лугъ къ своему стогу снѣга, ночевать или подъ этимъ стогомъ въ снѣжномъ сугробѣ, или у своей же околицы, а то и замерзать у этой околицы; онъ застаетъ бабъ съ бѣльемъ на рѣчкѣ, и, ослѣпляемыя «понизовою» мятелью и вьюгою порывисто мчащихся съ вѣтромъ снѣговыхъ тучъ, бабы едва-едва попадаютъ ко дворамъ. Это тотъ капризъ зимы, когда, въ самый разгаръ вьюги, въ селахъ начинаютъ звонить въ колокола, точно на пожаръ, чтобы погибающіе въ полѣ путники могли итти на звонъ, подобно тому, какъ погибающіе на морѣ въ бурю корабли могли бы держать путь на огонь спасительнаго маяка.

— Святъ-святъ-святъ!—невольно остановился нашъ путникъ и, перекрестясь, сталъ оглядываться.—Вотъ въ недобрый часъ вышелъ.

Онъ поворотился лицомъ туда, гдѣ должна была находиться Москва. Но съ той стороны именно и неслась снѣжная буря, бросая въ лицо и въ глаза снѣгъ комьями.

— Батюшки свѣты! Инъ къ Москвѣ мнѣ не попасть. А Котлы, кажись, недалече, пойду въ Котлы.

И онъ, распустивъ треухъ малахая и надвинувъ его на самые глаза, бодро зашагалъ впередъ.

Буря гнала его въ спину, а впереди снѣжныя облака застилали и даль, и близь, наметая сугробы и отнимая у путника послѣдній слѣдъ дороги.

— Господи! Что-жъ это такое? Да туда ли я, полно, иду?

Сугробы попадались все чаще и чаще. Ноги вязли въ снѣгу по колѣна; итти было все труднѣе и труднѣе. Сумерки надвинулись такъ быстро, что въ какихъ-нибудь полчаса на землю налегла непроглядная тьма.

Путникъ остановился.

— Божо Всесильный! Спаси отъ наглыя смерти,—шепталъ онъ растерянно,—пощади не ради меня окаяннаго, а ради народа Твоего, православнаго крестьянства. Гдѣ я?

Какъ бы въ отвѣтъ на его отчаянную мольбу, гдѣ-то вправо послышался заглушаемый бурею слабый крикъ пѣтуха.

— Пѣтелъ возгласи, Господи!—перекрестился онъ.—Не знаменіе ли сіе, аки Петру апостолу? Полно, пѣтухъ ли это? Не почудилось ли мнѣ то въ воѣ вѣтра?

Онъ тревожно прислушался. Теперь онъ явственно услыхалъ то, къ чему жадно прислушивался; но ему отъ этого еще страшнѣе стало: пѣтухъ прокричалъ теперь не съ правой стороны, а гдѣ-то далеко влѣво.

— Куда итти? Силы небесныя!

Но оставаться было невозможно: снѣгъ заносилъ его, наметая кругомъ все большіе и большіе сугробы; отъ трудной ходьбы и внутренняго волненія онъ чувствовалъ страшную усталость, и потъ градомъ катился изъ-подъ малахая.

— Пойду вправо, правымъ путемъ... А правымъ ли путемъ шелъ я доселѣ?—мелькнуло вдругъ въ его смущенной мысли.—Господи! Пощади окаяннаго: съ сего часу буду итти всю жизнь правымъ путемъ, Твоимъ путемъ, Господи!

Онъ еще разъ перекрестился и взялъ вправо, по тому направленію, откуда въ первый разъ донесся до него голосъ пѣтуха. Но потому ли, что вѣтеръ перемѣнился, или онъ круто сбился съ пути, но только теперь порывами бури снѣгъ несло ему не въ затылокъ, а прямо въ лицо. Ноги его постоянно вязли въ сугробахъ, а когда онъ выбирался изъ сугроба, то попадалъ или въ рытвину, или на кочки. Подъ нимъ подкашивались ноги, звенѣло въ ушахъ. Ему чудилось, что онъ слышитъ отдаленный звонъ почтоваго колокольчика...

— Да, да, колоколецъ. Сказываютъ, что бѣсовская свадьба... Святъ-святъ-святъ! Съ нами крестная сила.

И онъ со страхомъ прижималъ руку къ груди, гдѣ подъ тулупомъ нащупывалъ тѣльный крестъ свой, съ которымъ не разставался всю жизнь.

Но вотъ ему показалось, что невдалекѣ блеснулъ огонекъ, но какъ-то страшно, точно онъ двигался и мигалъ.

— Не волкъ ли свѣтитъ очами? Часъ отъ часу не легче.

Онъ наткнулся на что-то вродѣ загороди и ощупалъ.

— Плетень, точно жилье, должно, недалеко.

Онъ пошелъ вдоль плетня. Впереди опять мелькнулъ огонекъ и уже гораздо явственнѣе.

— Слава Тебѣ, Боже Всесильный! Не оставилъ меня.

Но около плетня нельзя было итти дальше, сугробы намело непроходимые. Онъ повернулъ въ сторону. Путеводный огонекъ исчезъ.

Путникъ собралъ послѣднія силы и съ рѣшимостью отчаянія двинулся впередъ. Въ глазахъ у него темнѣло, ноги дрожали и заплетались, звонъ въ ушахъ все усиливался и усиливался.

— Изба!—прошепталъ онъ не то радостно, не то испуганно.

Изъ-за неплотно прикрытой ставни свѣтился огонекъ. Прохожій подошелъ къ окну.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—постучалъ онъ палкою въ ставню.

Но обычнаго отвѣта: «аминь» изъ избы не послѣдовало.

Онъ снова постучалъ.

— Господи Іисусе...

— Кто тамъ шляется въ эку непогодь по ночамъ?—раздался со двора сердитый голосъ.

— Прохожій запутался,—былъ отвѣтъ,—пусти, человѣче, переночевать.

— Коли прохожій, такъ и проходи,—снова отвѣчали сердито,—у меня не съѣзжій дворъ.

— Я Христомъ Богомъ прошу: не дай погибнуть душѣ православной.

— То-то, погибнуть! Кто тебя знаетъ: можетъ, самъ души губишь! Иди себѣ, ищи мѣстовъ у другихъ.

Прохожій поднялъ было палку, но рука его моментально остановилась въ воздухѣ; только въ глазахъ, на которые упала полоса свѣта изъ окна, блеснулъ зловѣщій огонь.

— Га! Души гублю... Можетъ, и вправду, — прошепталъ прохожій, отступая отъ окна,—можетъ, за это и наглую смерть посылаетъ мнѣ Господь... О-о!

Онъ зашагалъ дальше, бормоча какъ бы въ забытьѣ: «Помни это, Иванушка, помни: самъ, можетъ, души губишь... Охъ, много, много погубилъ, самъ знаю мое окаянство»...

Вдругъ нога его споткнулась обо что-то. Онъ нагнулся. Это была небольшая дверца калитки, сорванная вѣтромъ. Прохожій вошелъ въ калитку. Вправо, въ маленькомъ подслѣповатомъ окошечкѣ, затянутомъ пузыремъ вмѣсто стекла, мигалъ огонекъ, вѣроятно, отъ лучины.

Прохожій и тутъ постучался. На обычное обращеніе, «Господи Іисусе», изъ избушки послѣдовалъ отвѣтъ: «аминь».

Скоро сѣнная дверка скрипнула, и кто-то вышелъ изъ избушки.

— Кого Богъ принесъ?—послышался окликъ.

— Прохожій, кормилецъ... Непогодь загнала, съ пути сбился, думалъ, въ полѣ замерзать... Пусти, родимый, на ночь: не дай погибнуть душѣ крестьянской.

— Что ты, что ты, отецъ родной!—отвѣчалъ привѣтливый голосъ.—Али на мнѣ креста нѣту? Ноли я самъ не вижу, что въ полѣ теперь смерть въ очи глядитъ? Взойди ко мнѣ, переночуй. Только, сказать ли тебѣ, отецъ родной, у меня въ избѣ-ту неладно...

— Чѣмъ не ладно?

— Да какъ тебѣ сказать? Жена-ту моя опростаться собралась.

— Какъ? Умираетъ?—участливо спросилъ прохожій.

— Нѣту, гдѣ умирать! Рожать собралась; не дастъ она тебѣ всю ночь спокою.

— Ничего, милый человѣкъ; подъ заборомъ-то хуже замерзнуть.

— И то, и то. Ну, инъ иди съ Богомъ, переночуй.

II. «Не ангелъ ли это?»

Добрый мужичекъ ввелъ прохожаго въ маленькія сѣнцы. Такъ какъ нежданный гость былъ мужикъ рослый, то онъ долженъ былъ согнуться, чтобъ войти въ низенькую дверь.

— Постой, милый человѣкъ, дай мнѣ отряхнуться малость,—сказалъ гость,—вонъ, что на мнѣ снѣгу, какъ бы избу твою не выстудить.

— Отряхнись, отецъ, отряхнись.

Скоро и хозяинъ, и гость вошли въ избу. Избенка была бѣдненькая, тѣсная. Закоптѣлыя стѣны въ иныхъ мѣстахъ зава-

лились. У печи, надъ лоханью, трещала лучина. Въ избѣ не было никого, только изъ печурки выглядывала бѣлая кошечка и усердно умывалась лапкой.

— И вправду, милая, къ гостямъ умывается,—улыбнулся мужичекъ-хозяинъ.

Гость вошелъ, отыскалъ въ переднемъ углу закоптѣлый деревянный образокъ и набожно три раза перекрестился.

— Миръ дому сему, — сказалъ онъ, кланяясь хозяину и кладя малахай на лавку.

Тотъ, въ свою очередь, поклонился.

Гость съ помощью хозяина распоясался, снялъ тулупъ и остался въ суконномъ кафтанѣ.

— За кого же я долженъ молиться?—ласково обратился онъ къ хозяину, вытирая цвѣтной ширинкой мокрое лицо и бороду.— Какъ зовутъ тебя, милый человѣкъ?

— Киткой меня дразнютъ, отецъ родной,—сказалъ, улыбаясь, хозяинъ, — Киткой Голодранцемъ: Китомъ меня попъ окрестилъ; вотъ я и Китка; а Голодранецъ—по шерсти кличка, видишь, отецъ, голо.

И онъ, попрежнему добродушно улыбаясь, развелъ руками, показывая, что не красна его изба ни углами, ни пирогами. Самъ онъ былъ маленькій, тщедушный, съ рѣдкой бороденкой и бѣлыми, какъ кипень, зубами; но въ маленькомъ лицѣ было столько добродушія и честной прямоты, что оно сразу располагало къ нему всякаго.

— Видишь, отецъ, — пояснилъ онъ, — не красна изба ни углами, ни пирогами, а и всей скотинки-ту у меня одна кошечка.

И онъ погладилъ кошечку, которая вылѣзла изъ печурки и терлась у ногъ гостя, граціозно выгибая свою пушистую спинку, а потомъ вскорѣ перебралась къ нему на колѣни.

Гость уже сидѣлъ на лавкѣ, опершись локтемъ о столъ, и, видимо, отдыхалъ. Выразительные глаза его были задумчивы и грустны. Онъ машинально гладилъ кошечку и что-то, повидимому, соображалъ: въ глазахъ свѣтился не то укоръ, не то смущеніе.

Вдругъ послышался слабый стонъ.

— Что это?—встрепенулся гость.

— Это, отецъ, баба моя на печкѣ,—смущенно заговорилъ хозяинъ,—я сказывалъ тебѣ.

— Знаю, знаю. Вотъ что, Титъ, а какъ по отчеству?

— Захаровъ былъ.

— Вотъ что, Титъ Захарычъ,—сказалъ гость, вставая,—ужъ коли ты не далъ мнѣ замерзнуть подъ заборомъ, такъ буду я тебѣ кумомъ, крестнымъ отцомъ младенца, котораго нынѣ вамъ Богъ посылаетъ.

Титъ радостно заволновался.

— Ахъ, отецъ родной! Вѣкъ за тебя будемъ Бога молить: вить ко мнѣ, къ нищему, никто въ кумовья не пойдетъ; а вотъ тебя Богъ послалъ, вѣстимо, Онъ Самъ Батюшка. Вонъ и куму-то давѣ насилу выплакала моя Орина у сусѣда, въ ногахъ валялась: шибко-норовистъ богатый сосѣдушко

— А кто такой?—спросилъ гость.

— Да Илья Щепинъ.

— Это тотъ, что изба тутъ большая?

— Онъ и есть; богатѣй на всю губу.

— Точно? А меня взашей прогналъ изъ-подъ окошка, когда я просился къ нему ночевать. Не постучись я къ тебѣ, пришлось бы замерзать подъ заборомъ.

— О-о-хо-хо!—вздохнулъ Титъ.—До чего богачество доводитъ, Бога богатые забываютъ.

При этихъ словахъ гость какъ-то особенно странно взглянулъ на хозяина: взглядъ этотъ говорилъ что-то, допрашивалъ, казалось, о чемъ-то, ждалъ отвѣта; но простоватый Китка ничего не понялъ и ему какъ будто чего-то страшно было.

Онъ нерѣшительно глянулъ въ глаза незнакомцу. Никогда не видалъ онъ такихъ глазъ. Ему казалось, что если такими глазами глянуть на печь, печь развалится, на дерево—дерево усохнетъ. А между тѣмъ въ глазахъ свѣтилось что-то доброе, ласковое. И онъ съ суевѣрнымъ страхомъ сталъ молиться въ душѣ; но этотъ страхъ былъ особенный. Ему почему-то тутъ же припомнились слова батюшки, отца Нифонта: «страннаго примешь, ангела примешь, а то и самого Христа». А можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ему Богъ ангела послалъ. Такъ нѣтъ: онъ видѣлъ въ церкви ангеловъ на образахъ, все молоденькіе, «въ родѣ какъ бы дѣвушекъ, а то и махонькихъ робятокъ съ крылышками». А этотъ—здоровый мужикъ, да и борода рыжая, большая. Зато руки незнакомца поразили Китку: такихъ рукъ, какъ и глазъ, онъ никогда не видывалъ.

На печкѣ повторился стонъ.

— Китушка родной, бѣги за баушкой: часъ мой насталъ.

Титъ заметался по избѣ, отыскивая шапку.

— Не осуди, отецъ родной,—робко обратился онъ къ прь шельцу,—я побѣгу.

— Бѣги, бѣги, милый человѣкъ.

— А какъ же ты не поужинамши?

— Я не голоденъ, милый человѣкъ, я только усталъ; лягу на лавку, укроюсь тулупомъ, усну себѣ, а тѣмъ временемъ Богъ подаритъ меня крестникомъ, не хочу крестницы!

Хозяинъ ушелъ, а гость, оставшись одинъ, опустился на колѣни и сталъ горячо, со слезами на глазахъ, молиться. Долго онъ молился, долго шепталъ молитвы, а потомъ, улегшись на лавку и укрывшись съ головой тулупомъ, скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

III. Неожиданное кумовство.

Зимнее яркое утреннее солнце сквозь прозрачный пузырь заглядывало уже въ бѣдную избушку Тита, когда незнакомецъ, спавшій на лавкѣ, проснулся. Онъ сбросилъ съ себя тулупъ, торопливо поднялся и перекрестился. Глаза его изумленно оглядѣли ветхую избушку и, казалось, говорили: «Гдѣ я? Что со мной?»

Но скоро взглядъ незнакомца засвѣтился радостью. Бѣлая кошечка уже терлась около его ногъ.

— А! Титъ Захарычъ, здравствуй!—весело сказалъ онъ.

— Здравія желаю, кормилецъ; какъ почивалъ?—засуетился хозяинъ.

— Отмѣнно, милый человѣкъ; давно такъ не спалъ.

Послышался крикъ новорожденнаго.

— А! Кого Богъ далъ?—улыбнулся незнакомецъ.

— Сына, отецъ родной.

— Я такъ и зналъ, не люблю дѣвчонокъ. А когда же крестины? Мнѣ надо спѣшить въ Москву, дѣло есть.

— Какъ прикажешь, отецъ родной,—хоть сейчасъ..

— Добро! А мнѣ ждать некогда.

Титъ опрометью бросился звать батюшку и куму. Незнакомецъ остался одинъ въ избѣ, да на печи, слышно, роженица возилась съ ребенкомъ.

Странная улыбка играла на выразительномъ, нѣсколько суровомъ, лицѣ незнакомца. Онъ такъ задумался, сидя у стола и подперевъ ладонью голову, что и не замѣтилъ сразу, какъ хозяинъ тихо вошелъ въ избу въ сопровожденіи какой-то бабы.

— А! Это ты, Титъ Захарычъ.

— Я, отецъ, а вотъ и кума...

— Жена сосѣда, что вчера...

Незнакомецъ не договорилъ. Въ дверяхъ показался священникъ. Это былъ старенькій попикъ съ кроткими голубыми глазами и благообразнымъ лицомъ.

Незнакомецъ при входѣ всталъ и подошелъ подъ благословеніе.

— Благослови, отче.

Священникъ глянулъ на незнакомца, и какая-то внезапная мысль поразила его. Онъ гдѣ-то видѣлъ это лицо. Какъ молнія, память перенесла его въ Москву, въ Архангельскій соборъ. Тамъ онъ видѣлъ это лицо, но въ какой-то другой обстановкѣ. Казалось, онъ видѣлъ его тамъ въ какомъ-то сіяніи, въ золотѣ. Но не образъ ли онъ это видѣлъ въ соборѣ? Нѣтъ, не образъ, а живое лицо.

Онъ вспомнилъ и весь задрожалъ. Изба, казалось, заходила кругомъ... Онъ упалъ на колѣни.

— Не мнѣ благословлять тебя, — бормоталъ онъ растерянно,—ты благослови меня.

Все это произошло необыкновенно быстро, такъ что едва ли кто и замѣтилъ случившееся въ избѣ.

Священникъ глянулъ въ глаза незнакомцу и увидѣлъ, что тотъ приложилъ палецъ ко рту. Глаза незнакомца все сказали, и растерявшійся попикъ понялъ это. Онъ быстро вскочилъ съ пола и сдѣлалъ широкое крестное знаменіе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Аминь.

Незнакомецъ смиренно принялъ благословеніе отъ священника и поцѣловалъ его руку. Поцѣлуй этотъ, казалось, обжогъ благословляющую десницу скромнаго служителя церкви. Онъ не зналъ, какъ ему стать, куда глянуть. Но незнакомецъ прервалъ тягостное замѣшательство.

— Ну, куманекъ,—обратился онъ съ улыбкой къ хозяину,

который былъ точно на иголкахъ, догадываясь о чемъ-то необыкновенномъ, что совершалось въ его жалой избенкѣ. Особенно смущало его замѣшательство отца Нифонта.—«Ужъ въ самъ-дѣлѣ не аньдела ли я принялъ?»—шевельнулось опять въ его простоватомъ мозгу.—«Дакъ нѣтъ, тѣ съ крылышками, а для Христа онъ, сказать бы, старъ».—Ну, куманекъ,—говорилъ этотъ таинственный гость,—проси батюшку крестить младенца.

— Поспѣшу, поспѣшу неукоснительно, — бормоталъ батюшка.—въ храмѣ или здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь,—отвѣчалъ гость.

Священникъ торопливо вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился вмѣстѣ съ дьячкомъ, который несъ въ избу купель и узелъ съ священническимъ облаченіемъ. Оба они казались очень взволнованными и дѣлали все торопливо, нервно. Дьячокъ хлопоталъ съ кумой около купели, устанавливая ее на неровномъ полу избы и наливая холодной воды изъ кадки, стоявшей у порога. Священникъ между тѣмъ облачился. Смущенный хозяинъ, его жена-роженица и кума съ удивленіемъ замѣтили, что отецъ Нифонтъ облачился на этотъ разъ въ лучшія свои бѣлыя глазетовыя ризы, которыя онъ надѣвалъ только въ Свѣтлое Христово Воскресенье и на Троицу.

По заведенному обычаю, кума положила на столъ принесенныя ею для новорожденнаго «ризки».

Таинственный гость, увидѣвъ это, вспомнилъ, что и онъ, какъ воспріемникъ, долженъ съ своей стороны принести «даръ» для воспринимаемаго имъ новаго христіанина, и непремѣнно крестъ.

Тогда онъ, растегнувъ свой кафтанъ, снялъ съ шеи великолѣпный золотой крестъ, усыпанный драгоцѣнными камнями.

— Вотъ и мой даръ, младенцу,—сказалъ онъ, положивъ крестъ на «ризки»,—пусть носитъ на здравіе и души спасеніе.

Крестъ сверкалъ разноцвѣтными огнями.

— Отецъ родной!—не вытерпѣлъ Титъ.—Стоимъ ли мы, нищіе захребетники, такихъ даровъ!

— Про то я знаю да Богъ,—отвѣчалъ гость,—душа человѣческая дражае злата и камней самоцвѣтныхъ, а ты, милый человѣкъ, душу мою спасъ, ты не далъ мнѣ помереть наглою смертію.

Приступили къ крещенію.

— Какъ же младенца-то назвать?—тихо обратился священ-

пикъ къ родителямъ. — Нонѣ память преподобныхъ Кира и Іоанна безсребренниковъ, не дать ли крещаемому имя Кира?

Титъ смущенно глянулъ въ глаза гостю.

— Пусть будетъ Иванъ,—сказалъ этотъ послѣдній,—у насъ нонѣ на Москвѣ государствуетъ государь великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи.

— Аминь,—тихо и внятно произнесъ священникъ.

Едва кончился обрядъ крещенія, какъ дверь избы тихо отворилась, и въ нее робко вошла матушка, старушка попадья. Въ рукахъ у нея былъ узелокъ. Низко поклонившись гостю и всѣмъ находившимся въ избѣ, она развязала узелокъ, достала изъ него скатертцу, хлѣбъ, кусокъ вяленой бѣлорыбицы, берестяночку съ солеными грибами и бутылку заморскаго вина, которое отецъ Нифонтъ хранилъ у себя на случай посѣщенія его убогой церкви какою-либо высшею духовною особою.

Потомъ матушка накрыла своей скатертцой столъ, положила хлѣбъ, переложила рыбу на деревянную тарелку, достала ножъ, которымъ сдѣлала на хлѣбѣ крестъ, и молча поклонилась гостю, приглашая его за трапезу.

— Спасибо, матушка,—ласково сказалъ гость.—Отецъ Нифонтъ, благослови трапезу.

Отецъ Нифонтъ благословилъ.

— Садись же, отче.

Отецъ Нифонтъ смущенно переминался на мѣстѣ, но садиться не рѣшался.

— Садись же,—повторилъ гость, лукаво улыбаясь,—тебѣ подобаетъ сидѣть въ переднемъ углу.

Но отецъ Нифонтъ не могъ совладать съ своей робостью и не садился.

— Ну, инъ я сяду, коли такъ,—рѣшилъ гость, пробираясь подъ образъ.

Онъ сѣлъ и весело и лукаво обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ.

— А помнишь, отче, русскую поговорку про передній уголъ?—съ лукавой улыбкой обратился онъ къ отцу Нифонту.

Тотъ еще больше смѣшался и ничего не отвѣчалъ.

— Не помнишь? Такъ я тебѣ напомню,—продолжалъ гость тѣмъ же тономъ.—Въ переднемъ углу сидитъ либо попъ, либо дуракъ... Ну, инъ пусть же я на сей разъ буду дуракомъ.

И гость весело разсмѣялся. наливая себѣ чарочку вина и выпивая ее маленькими глотками.

— Э!—разсмѣялся онъ весело, ставя чарочку на столъ и обращаясь къ Титу.—Да ты, братъ кумъ, не промахъ: вишь, какимъ винцомъ дурака угощаетъ; на славу винцо!

— Ахъ, отецъ родной!—заметался Титъ.—Ахъ, куманекъ любезный! Да и вино-ту не мое, и все угощенье не мое, а батюшкино, отца Нифонта. А у меня, куманекъ, ни синь пороху.

— Добро, добро,—улыбался гость, закусывая грибками.

Вставъ изъ-за стола, онъ благодарилъ и отца Нифонта, и хозяевъ за пріютъ и угощеніе, а кумѣ и женѣ Тита далъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ—«корабленниковъ».

— А теперь, куманекъ,—обратился онъ снова къ хозяину,—гдѣ бы мнѣ раздобыть клячонку да санишки, до Москвы добраться.

А Титъ уже раньше выбѣгалъ на дворъ и видѣлъ, что сани и лошадь сосѣда, того самого Илья Щекина, что ночью прогналъ отъ своего окна путника, уже стоятъ у крылечка, а на козлахъ сидитъ его батракъ.—«Для кого это?»—«Для твово кума».—«Самъ Илюша прислалъ?»—«Онъ самый». «Ишь догадливый! Спасибо ему».

— А? Какъ же, куманекъ? Будетъ клячонка?—спрашивалъ гость.—Вонъ ты меня такъ угостилъ, что я теперь самъ, спьяну, поди, и Москвы не найду.

Ободренный Титъ весело смѣялся.

— Помилуй, куманекъ дорогой,—говорилъ онъ, кланяясь,—вонъ и сани стоятъ у крыльца.

— Спасибо, милый человѣкъ.

Гость наскоро одѣлся, попрощался со всѣми и вышелъ изъ избы. Всѣ провожали его съ низкими поклонами.

Гость сѣлъ въ сани и велѣлъ трогать.

— Какъ же, куманечекъ милый, намъ поминать тебя?—кричалъ ему вслѣдъ растроганный Титъ.—За кого молиться? Да и приведетъ ли намъ Богъ видѣть тебя когда?

— Такъ ты приходи самъ ко мнѣ на Москву въ гости,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Ахъ, куманекъ, Москва не Котлы, какъ тебя найдешь тамъ?

— Найдешь, спроси только кума Ивана, и тебя приведутъ ко мнѣ.

Сани исчезли за сугробами снѣга, а озадаченные котловяне все смотрѣли имъ вслѣдъ, давно ничего не видя.

— Ужъ и чудной же человѣкъ!—развелъ руками Титъ.— Либо онъ большой бояринъ, либо набольшій протопопъ.

Отецъ Нифонтъ ничего не отвѣчалъ.

IV. Государыня Софья Ѳоминишна.

Въ то время, когда въ Котлахъ, въ жалкой избѣ Тита крестили новорожденнаго, въ Москвѣ, особенно же въ Кремлѣ и въ великокняжескомъ дворцѣ, происходило что-то необыкновенное. Раннимъ утромъ по всему дворцу разнеслась страшная вѣсть, что наканунѣ еще великаго князя и государя Ивана Васильевича не оказалось въ княжескихъ палатахъ и гдѣ онъ дѣлся, никто ничего не вѣдалъ.

Съ вечера еще, ближній бояринъ, князь Данило Холмскій, знаменитый побѣдитель новгородцевъ въ Шелонской битвѣ, явившись во дворецъ съ докладомъ, не нашелъ великаго князя. Кого онъ ни спрашивалъ, не видали ли государя, всѣ отвѣчали, что великаго государя никто не видалъ съ самаго обѣда.

Холмскій явился къ государынѣ, къ великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ, чтобъ у нея освѣдомиться о государѣ, но и та ничего не знала.

Тогда разослали гонцовъ во всѣ концы города и въ Замоскворѣчье; но дѣти боярскіе, возвращаясь во дворецъ одинъ за другимъ, къ ужасу Холмскаго, докладывали, что великаго князя нигдѣ нѣтъ, и никто о немъ ничего не слыхалъ.

Такъ прошла ночь.

Холмскаго пугало одно обстоятельство. Онъ больше другихъ зналъ привычки великаго князя, «собирателя русской земли». Онъ зналъ, что Иванъ Васильевичъ любилъ тайно, переодѣтымъ, ходить по городу, по базарамъ и площадямъ, чтобы лично прислушиваться къ народному говору, къ тому, что о немъ и о его дѣлахъ и подвигахъ думаетъ вся Русь, и доволенъ ли народъ его порядками и людьми, долженствовавшими блюсти эти порядки. Въ то время на Руси не было ни газетъ, ни того, что въ настоящее время называется общественнымъ мнѣніемъ.. Все,

что ни дѣлалось на Москвѣ и во всей Русской землѣ, доходило до государя или чрезъ уста ближнихъ бояръ, или чрезъ отписки воеводъ и намѣстниковъ. Но для умнаго государя этого было мало. Онъ самъ хотѣлъ слышать, что говорятъ и думаютъ о немъ не одни бояре и воеводы. Онъ крѣпко вѣрилъ непогрѣшимости народнаго изреченія: «гласъ народа—гласъ Божій». Онъ чуялъ своимъ практическимъ чутьемъ, что покореніе Новгорода и суровыя мѣры, примѣненныя къ новгородцамъ, вызывали въ странѣ глухой ропотъ. На разореніе Новгорода многіе смотрѣли, какъ на ненужную, не только не полезную для государства, но совершенно вредную для него жестокость.—«Али мы татары!»—слышалъ онъ однажды на базарѣ возгласъ новгородца:—«За то, что мы были богаты и вольны, такъ насъ и разорять. У насъ былъ свой вѣчный колоколъ, онъ говорилъ намъ про волю; а у васъ на Москвѣ и колокола святые пикнуть не смѣютъ». Слова эти запали въ душу великаго князя, и онъ ихъ не забылъ, а потому все чаще и чаще прислушивался къ народному говору.

Холмскій зналъ это и, когда не нашелъ во дворцѣ великаго князя, то тотчасъ же догадался, что онъ прошелъ изъ дворца тайнымъ ходомъ, ему одному извѣстнымъ, и этимъ же ходомъ возвратится во дворецъ. Но когда разомъ налетѣла на городъ вьюга, а за нею настала и ночь, а великій князь не возвращался, Холмскимъ овладѣлъ страхъ: «Долго ли до грѣха въ такую непогодь!»

Такія же опасенія, но только въ болѣе острой степени, угнетали и великую княгиню. Она не спала всю эту ужасную ночь: она постоянно становилась на молитву, но и молитва не приносила облегченія ея смущенной душѣ. Стоя на колѣняхъ или припавъ пылающей головой къ холодному дереву кіоты съ чудотворнымъ образомъ Богородицы, она невольно прислушивалась къ вою вьюги, бушевавшей надъ Кремлемъ, и въ этомъ воѣ ей слышался стонъ, заставлявшій трепетать все ея тѣло.

То она подходила къ кроваткѣ своего маленькаго сына Васюты и, глядя на его розовое, во снѣ улыбающееся личико, въ сотый разъ повторяла обычное бабье причитанье: «На кого ты насъ, сиротъ, кормилецъ нашъ, покинулъ?»—и слезы неудержимо лились изъ ея прекрасныхъ черныхъ глазъ, въ которыхъ и подъ московскими снѣгами не погасъ огонь южнаго, жаркаго солнца ея далекой родины.

Вотъ и теперь, утромъ, когда яркое зимнее солнце, ворвавшись цѣлыми снопами лучей въ окна терема великой княгини, сверкаетъ золотомъ на шелковыхъ узорахъ вышиванья, передъ которымъ сидитъ, глубоко задумавшись, Софья Ѳоминишна, глаза ея, видимо, заплаканы.

Въ эти мучительно-тревожные часы передъ нею проходитъ вся ея жизнь. Что-то будетъ съ нею, когда ея великаго князя не станетъ? А если его уже нѣтъ въ живыхъ? При одной этой мысли руки ея холодѣютъ, и иголка падаетъ на малиновый бархатъ ея работы.

Любила ли она его, однако? Нѣтъ, когда она, тамъ, въ далекой, милой Италіи, еще дѣвушкой, узнала, что за нее сватается великій князь московскій, ее охватилъ ужасъ. Какъ это ей покинуть милое южное небо, это бирюзовое море, свои привычки, всю привычную обстановку всей ея жизни и тащиться въ далекій, невѣдомый край, гдѣ по хмурому небу ходитъ такое холодное, непривѣтливое солнце, гдѣ царствуетъ вѣчный снѣгъ, гдѣ не понимаютъ ея родной рѣчи и гдѣ не съ кѣмъ ей будетъ обмѣняться живымъ словомъ! А каковъ онъ самъ, ея нареченный женихъ? Варгаръ, въ полномъ смыслѣ варваръ! какъ ей казалось.

Но выбора не было для бѣдной отрасли царственнаго дома нѣкогда могущественныхъ Палеологовъ. Внучка императоровъ византійскихъ, она тамъ, на далекомъ сѣверѣ, должна возстановить свой царственный родъ. И какъ горько она плакала, разставаясь съ родными и отправляясь въ невѣдомый путь.

Нѣтъ, она не любила его!

Какой безконечный путь, безконечное плаваніе по невѣдомымъ морямъ! Все это теперь припомнилось ей. Чѣмъ дальше уносилъ ея сердце чужой корабль отъ ея милой родины, тѣмъ болѣе и болѣе ныло и тосковало это сердце. Еще когда корабль плылъ вдоль италійскихъ и гишпанскихъ береговъ, она видѣла съ палубы этого корабля что-то свое, родное: зеленыя и лазоровыя горы, красивые берега, лимонныя и апельсиновыя рощи, красивые букеты гордыхъ пальмъ, ярко-голубое небо; но чѣмъ болѣе корабль подвигался къ сѣверу, тѣмъ однообразнѣе и грустнѣе становились картины, на которыя она глядѣла грустными глазами: бирюзовое море смѣнялось какимъ-то свинцовымъ, по-

логіе берега становились все однообразнѣе, и небо было уже не то, что тамъ, на ея родномъ югѣ.

Тоскливый, безконечный путь!

Но вотъ однажды, пасмурнымъ, туманнымъ утромъ, когда мокрый западный вѣтеръ порывисто надувалъ мокрые паруса ея корабля, ей указали на низменную, такую же туманную, какъ утро, полосу земли и сказали, что это—русская земля! Какой тревогой и боязнью сжалось ея и безъ того истосковавшееся сердце!

Такъ вотъ она та далекая, невѣдомая Русская земля, гдѣ она должна похоронить свою молодость, свою красоту!.. Сыро, туманно, тоскливо кругомъ...

Нѣтъ, она не любила его!

Но вотъ она покинула и свой корабль, на которомъ она такъ много и такъ нерадостно думала. Теперь и корабль этотъ казался для нея чѣмъ-то своимъ, роднымъ, близкимъ. Но она и съ нимъ должна была проститься, проститься навсегда!

Какъ она помнитъ эти псковскія суда—«насады», которые окружили ея корабль! Эти псковскіе бояре въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, эти длинные, шитые золотомъ кафтаны, эта незнакомая рѣчь, какъ все это было непохоже на то, къ чему она привыкла съ дѣтства!..

Вотъ они плывутъ Наровою по землямъ великаго Пскова... Вотъ и Псковъ, торжественныя встрѣчи, а тамъ Москва и онъ, ея будущій мужъ и государь!

Нѣтъ! Тогда она не любила его...

Зачѣмъ же теперь слезы текутъ по ея смуглымъ щекамъ и падаютъ на богатое вышиванье?

— Мама, мама! О чемъ ты плачешь?—услыхала она дѣтскій голосъ.

Это прибѣжалъ изъ сосѣдней палаты ея сынокъ, князюшка Васюта, пяти или шести лѣтъ, хорошенькій мальчикъ.

— О чемъ ты, мама?—заглядывалъ онъ ей въ глаза.

— Ахъ, сыночекъ! Да все о томъ, что батюшки князя доселѣ нѣту,—отвѣчала княгиня.

И она, обхвативъ руками курчавую головку сына, тихо причитала: «И на кого ты насъ, сиротъ твоихъ, покинулъ?»

Ребенокъ тоже громко заплакалъ, уткнувъ лицо въ колѣни матери. Княгинѣ стало жаль малютку, и она начала утѣшать его.

— Не плачь, дитятко, батюшка князь скоро воротится.

— А гдѣ онъ?—спросилъ ребенокъ.

Этотъ наивный вопросъ смутилъ княгиню. Она не знала, что отвѣчать.

— А я знаю, куда поѣхалъ батюшка, — серьезно сказалъ мальчикъ, утирая заплаканные глаза.

— А куда, дитятко?—обрадовалась мать.

— Псковъ громить,—быстро отвѣчалъ мальчикъ,—вчера батюшка за что-то разгнѣвался на Псковъ и говоритъ князю Данилѣ Холмскому: я, говоритъ, скоро и Псковъ разгромлю, какъ разгромилъ Новгородъ. А что, мама,—продолжалъ лепетать ребенокъ,—и во Псковѣ есть Марѳа Посадница и вѣчной колоколъ? А знаешь, мама, когда я буду государствовать на Москвѣ, знаешь, кого я разгромлю?

— Кого, дитятко?—глотая слезы, спросила княгиня.

— Крымъ! Я возьму въ полонъ крымскаго хана... А что это ты вышиваешь, мама?

— Орла государева, дитятко.

— Орла! А для чего у него двѣ головы?

— Это двуглавый орелъ, дитятко: это наше государское знаменіе, это мое вѣно, это государское знаменіе моихъ отцовъ и дѣдовъ.

Вдругъ въ сосѣдней палатѣ, со стороны «государевыхъ переходовъ», послышались чьи-то шаги.

Княгиня радостно, скорѣе какъ-бы испуганно, встрепенулась. Она узнала знакомые шаги, шаги того, котораго она когда-то не могла полюбить, его, всегда угрюмаго, вѣчно занятаго своими думами о «собираніи Русской земли», всегда холоднаго... «Стерпится, слюбится», слова эти не сходили съ его устъ... И вотъ «стерпѣлось», она полюбила его....

— Это онъ!

— Кто, мама?

Шаги все ближе и ближе. Вотъ онъ сейчасъ войдетъ...

Княгиня сорвалась съ мѣста... Въ дверяхъ стояла могучая фигура мужчины. На рыжей окладистой бородѣ заиграло солнце, это былъ онъ!

Княгиня съ радостнымъ крикомъ бросилась ему на шею...

— А ужъ я, горькая, не чаяла и въ живыхъ видѣть тебя, свѣта моего!.. Ваня! Соколикъ! Радость очей моихъ!

Титъ ищетъ кума Ивана.

Миновала суровая московская зима. Солнце все лѣвѣе и лѣвѣе восходитъ за Москвою, когда Титъ, выйдя изъ своей избенки утромъ, молится, оборотясь лицомъ къ востоку, а потомъ обернется лицомъ къ своей избенкѣ и видитъ, что она все больше разваливается: и крыша вся расползлась, и углы позавалились.

Покачаетъ, покачаетъ Титъ своею безталанной головой, почешетъ въ затылкѣ, а что подѣлаешь? Чѣмъ взяться?

Котлы все ярче и ярче одѣваются въ зелень. Ласточки давно прилетѣли и не гнушаются жалкой, разваливающейся избенкой Тита.

— Вонъ, касатыя, и гнѣздышко у меня лѣпютъ, это къ счастью,—утѣшаетъ себя Титъ.

А между тѣмъ въ избѣ ѣсть нечего. Плачется Орина, и ребенокъ плачетъ съ голоду, а Титъ все утѣшаетъ жену:

— Погоди, Орина, вотъ ужо пойду въ гости къ куму Ивану

— О, дуракъ, дуракъ!—махнетъ на него рукой Орина.— Гдѣ ты будешь этого кума искать?

— Гдѣ? На Москвѣ! Онъ сказалъ, онъ не обманетъ, онъ не такой человѣкъ...

— Ахъ, дуракъ! Дуракъ! Да вить Москва, чать, не Котлы!

— Онъ самъ сказалъ, онъ не обманетъ.

— Да какъ ты его сыщешь тамъ, дурацкая твоя образина? Ноли на Москвѣ только и есть одинъ Иванъ, твой кумъ?

— Да онъ самъ сказалъ: спроси, гыть, только кума Ивана, и тебя приведутъ ко мнѣ... А онъ не обманетъ, не такой онъ человѣкъ... А я и хлѣбца попрошу у него, и лѣску для избы, онъ всего дастъ.

— О, дуракъ, дуракъ! Что мнѣ дѣлать, Господи!

Идетъ огорченный Титъ и къ сосѣду своему, Ильѣ Щекину, позычить хлѣбца, а тотъ ему въ отвѣтъ: «эхъ дуракъ, дуракъ! Да чѣмъ ты отдашь?»

— Да вотъ я ужо пойду на Москву къ куму Ивану.

— Ха-ха-ха! Вотъ дуракъ!

— Онъ мнѣ всего дастъ...

Опять та же исторія. Всѣ смѣются надъ дуракомъ Киткой, а Титъ не унываетъ.

Наконецъ, онъ идетъ къ батюшкѣ, къ отцу Нифонту.

— Благослови, отецъ Нифонтъ, на Москву иду.

— Что? Какъ?

— Да пойду къ куму Ивану.

— Что-жъ, дѣло хорошее, давно бы пора надуматься тебѣ, Титушка: вить онъ звалъ тебя въ гости.

— Звать-то звалъ... А вонъ всѣ смѣются, говорятъ: дуракъ! дуракъ! Въ одно слово всѣ дуракомъ называютъ. А ты какъ, батюшка, думаешь?

— Да думаю, Титушка, что ты не дуракъ, а только смиренъ, и тебѣ за смиреніе Господь пошлетъ.

— А какъ ты думаешь, отецъ Нифонтъ, я найду его на Москвѣ?

— Непремѣнно найдешь: тебя такъ къ нему и приведутъ.

— А какъ ты думаешь, кто онъ такой? Большой бояринъ?

— Полагаю, что большой.

— А може, самъ митрополитъ?

— Можетъ и митрополитъ.

— То-то и я мекаю.

— О! Да ты мужикъ не промахъ.

Наконецъ, Титъ рѣшился. Съ утра натянулъ на себя рваный чапанишко, подвязалъ новой мочалкой лапти, досталъ изъ сосѣдняго плетня палку и, перекрестясь на востокъ, а потомъ на церковь, потянулъ къ Москвѣ, ничто же сумняся...

— Вонъ нашъ дуракъ пошелъ на Москву кума Ивана искать,—смѣялись ему вслѣдъ мужики.

А Титъ идетъ себѣ, полный вѣры въ своего кума, и посмѣивается себѣ въ бороду.

— Вотъ ужо посмотримъ, кто засмѣется,—думаетъ онъ себѣ.

Какъ нарочно, на этотъ разъ и утро выдалось великолѣпное. Солнце такъ ласково грѣетъ. Зеленая трава словно живая тянется къ небу и не нарадуется, что она опять оживаетъ послѣ суровой зимы. Въ рощѣ гдѣ-то заливается соловей, а на сосѣднемъ огородѣ, надъ развѣсистыми ветлами, съ радостнымъ гадоромъ вьются стаи грачей.

Но Тита не занимаетъ весенній концертъ природы. Онъ думаетъ о цѣли своего путешествія, о томъ, что его ожидаетъ въ Москвѣ, и обрадуется ли ему кумъ Иванъ.

А Москва все ближе и ближе. Золотыя маковки церквей

такъ ярко горятъ на солнцѣ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ слышится благовѣстъ. Титъ снимаетъ свою шапчонку и набожно крестится. Въ головѣ его шевелится даже игривая мысль при видѣ рваной шапки.

Эхъ, ты, шапка, ты, шапка моя,
Одного сукна съ онучею!

Онъ смотритъ и на онучи. Неказисто сукно на онучахъ.

— Ну, ужъ недолго мнѣ носить такія,—думаетъ онъ.

Но вдругъ его поражаетъ мысль. А что если да кумъ его уѣхалъ изъ Москвы? Что если теперь онъ совсѣмъ не живетъ въ бѣлокаменной? Онъ, довѣрчивая душа, не сомнѣвался, что найди только онъ кума Ивана, тотъ озолотитъ его. Онъ почему-то глубоко увѣровалъ въ своего кума. Но что если его нѣтъ въ Москвѣ? Отчего онъ ни разу не вспомнилъ ни о немъ, о своемъ кумѣ Киткѣ, ни о своемъ крестникѣ? Отчего, если онъ большой бояринъ, не прислалъ кого-либо изъ холопей навѣдаться о здоровьѣ своего крестника?..

А тутъ вотъ уже и Серпуховскія ворота. Ярко горитъ на вершинѣ ихъ золотой крестъ.

Титъ къ воротамъ, снимаетъ опять шапку и крестится.

У воротъ стоятъ два стражника съ бердышами. Титъ почтительно хотѣлъ было проскользнуть мимо нихъ.

— Стой!—закричали стражники.

Титъ оторопѣлъ и снялъ шапку.

— Ты кто таковъ?—спрашивали его.

— Я... я Китка изъ Котловъ, кормильцы... Китъ.

— А куда идешь?

— Въ Москву, кормильцы.

— Зачѣмъ?—продолжался допросъ.

— Кумъ у меня тамотка есть.

— Кумъ, говоришь?—И стражники многозначительно переглянулись.—Какой кумъ?

— Да кумъ Иванъ, родимые: приходи, гытъ, ко мнѣ въ гости, Китъ Захарычъ.

— Это онъ! Держи его!

И стражники схватили несчастнаго подъ руки. Онъ весь затрепеталъ.

— Батюшки свѣты! За что же! О-о!

VI. У князя Холмскаго.

Перепуганнаго Тита повели прямо въ Кремль. Онъ не зналъ, что и подумать обо всемъ съ нимъ приключившемся; но разспрашивать боялся, тѣмъ болѣе, что молчали и сопровождавшіе его стражники. Но какъ ни страшно казалось ему все окружавшее, въ душѣ онъ глубоко вѣрилъ въ своего кума.

— Не такой онъ человѣкъ,—копошилось у него въ мозгу.

Скоро стражники подвели его къ богатымъ каменнымъ палатамъ. У крыльца стояли два ратника съ алебардами въ рукахъ.

— Дома князь его милость бояринъ Данило Дмитричъ?—спросилъ одинъ изъ стражниковъ.

— Дома, сейчасъ отъ великаго государя пришелъ,—отвѣчалъ ратникъ.

— Поди и доложи боярину: отъ Серпуховскихъ-деи воротъ стражники пришли по самонужнѣйшему дѣлу.

Ратникъ вошелъ въ хоромы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился и приказалъ стражнику отъ имени князя итти въ покои.

— Тамъ тебя проведутъ,—пояснилъ онъ.

Въ покояхъ стражника встрѣтилъ молоденькій боярченокъ, сынъ боярскій, и провелъ его во внутренніе покои князя.

Князь Холмскій задумчиво ходилъ вдоль образной палаты въ ожиданіи стражника. Сѣдая, но мужественная еще голова его была низко опущена на грудь, на которой ярко блестѣла золотая гривна. Отъ времени до времени онъ теребилъ нетерпѣливо свою длинную, серебристую бороду.

Да и было о чемъ задуматься! Сегодня великій князь такъ гнѣвенъ. Изъ Пскова пріѣхало посольство съ жалобою на своего князя Ярослава Владиміровича и на его намѣстниковъ. Великій князь сегодня намѣренъ пустить пословъ къ себѣ на очи, но очень гнѣвенъ: какъ бы Холмскому не пришлось вести рати противъ псковичей, какъ онъ водилъ противъ новгородцевъ. А легко ли проливать кровь своей же братіи, православныхъ! Вонъ и до сихъ поръ по ночамъ, въ тонцѣ снѣ, ему видится часто Марѳа посадница, которая рветъ свои сѣдыя косы и горько плачется: «Отдай мнѣ моихъ сыновей! Вороти мнѣ мою

вотчину, Великій Новгородъ! Зачѣмъ отняли у него вѣчный колоколъ!».

— Ты что? — спросилъ онъ вошедшаго въ эту минуту стражника.

— Я отъ Серпуховскихъ воротъ, ваша милость,—отвѣчалъ послѣдній, кланяясь.

— По какому такому самонужнѣйшему дѣлу?

— Да мужичка, бояринъ княже, задержали у воротъ.

— Какого мужичка?

— Изъ Котловъ, бояринъ: кума Ивана пытаетъ.

— А! Кума Ивана... Помню, помню... Спасибо за службу...

— На томъ крестъ цѣловали, ваша милость.

— Спасибо, спасибо... Инъ пусть войдетъ ко мнѣ мужичекъ.

Стражникъ вышелъ, бережно ступая по одной половицѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалось испуганное лицо Тита... Сзади его тихонько подталкивалъ молоденькій боярченокъ: «Иди же! Иди, не бойся».

— А! Здравствуй, Титъ Захарычъ! Добро пожаловать!— ласково обратился къ нему князь Холмскій. — Что, къ куму Ивану въ гости пришелъ? Давно, давно бы пора. А то мы подумывали, что ты заспѣсивѣлся, и видѣть не хочешь своего куманька.

Титъ совершенно растерялся. Все, что онъ видѣлъ кругомъ, все, что съ нимъ произошло этимъ утромъ, казалось ему сномъ. Эти стражники съ бердышами, схватившіе его, едва онъ произнесъ имя кума Ивана, этотъ Кремль, черезъ который его провели какъ осужденнаго на казнь; эти богатыя палаты, въ которыя его ввели, богатство и великолѣпіе, бросившіяся ему въ глаза, все это казалось ему волшебствомъ, дьявольскимъ навожденіемъ.

И вдругъ этотъ сѣдой бояринъ, весь въ золотѣ, точно образъ Николая Чудотворца въ золотой ризѣ, называетъ его Титомъ Захарычемъ, величаетъ по имени и отчеству, словно какого боярина: «добро пожаловать»...

— Господи! Что-жъ это такое? — мутилось у него въ головѣ.—Да вѣдь это не кумъ Иванъ... У того рыжая борода, и тотъ моложе этого...

— Ну, какъ поживаешь, милостивецъ?—говорилъ между

тѣмъ этотъ сѣдой бояринъ съ золотою гривною на шеѣ.—Здоровъ ли твой сынокъ Иванушка? Что твоя жена, здорова ли?

Отъ изумленія бѣдный Титъ не могъ промолвить ни слова и стоялъ весь растерянный. Только дрожащія руки его нервно теребили жалкую шапчонку.

Холмскій положилъ ему руку на плечо, желая ободрить.

— Я все знаю,—говорилъ онъ,—мнѣ твой кумъ все разсказалъ. Я знаю, какъ твой богатый сосѣдъ не хотѣлъ пустить къ себѣ на ночь прохожаго, а ты сжалился надъ ближнимъ, ты спасъ христіанскую душу отъ наглой смерти, и тебя за это Богъ наградитъ на томъ свѣтѣ, а государь великій князь пожалуетъ тебя на этомъ. А знаешь ли ты, кого ты спасъ?

— Не вѣдаю, родимый,—пробормоталъ допрашиваемый.

— И не догадываешься?

— Отецъ Нифонтъ сказывалъ: либо большой бояринъ, либо самъ владыка.

— Добро, добро, ты самъ его скоро увидишь.

VII. Псковское посольство.

У государя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи пріемъ псковскихъ пословъ.

Великій князь сидитъ въ Грановитой палатѣ на державномъ мѣстѣ въ полномъ великокняжескомъ облаченіи. На головѣ у него шапка большого выхода. Въ одной рукѣ скипетръ, въ другой—державное яблоко. Золотыя ризы прикрыты бармою. Длинная рыжая борода расчесана по волоску и тоже отливаетъ червоннымъ золотомъ.. По правую его руку стоитъ князь Данило Холмскій. Ниже, у подножія трона, около стола стоитъ думный дьякъ Курицынъ и осторожно расправляетъ лежащіе на столѣ свитки, государственныя грамоты и договоры. По обѣимъ сторонамъ полукругомъ расположились именитые и думные бояре.

Посерединѣ палаты, ближе къ державшему мѣсту, кучкою, сбившись какъ испуганное стадо овецъ, стоитъ посольство великаго Пскова: два посадника, именитые бояре и по два посланца отъ каждаго пригорода.

Въ сторонкѣ отъ всѣхъ, у окошка, стоитъ нашъ знакомецъ, милѣйшій Титъ Захарычъ въ своемъ обтрепанномъ чапанишкѣ, и добрые глаза его, то и дѣло застилаемые слезами, съ неизре-

ченною любовью смотрятъ на того, кто сидитъ на державномъ мѣстѣ...

«Такъ вотъ кто кумъ Иванъ!..»

Великій князь держитъ рѣчь. Онъ гнѣвенъ, заряженъ негодованіемъ.

— Я вамъ говорилъ тогда, когда жаловалъ мою отчину, Псковъ, золотымъ кубкомъ,—отчетливо и гулко лилась грозная рѣчь на всю Грановитую палату,—я говорилъ: смотрите же, псковичи, я, князь великій, хощу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ, и вы, наша отчина, слово свое держите честно и грозно надъ собою и наше себѣ жалованье. Чтобъ вы это знали и помнили! Помните?

Мертвая тишина. Только слышенъ нервный шорохъ свитковъ подъ дрожащими пальцами дьяка Курицына да у окна тяжелый, глубокій, но сдержанный вздохъ.

— Нѣтъ, вы это забыли! Забывъ мое великаго князя жалованье, вы присылали ко мнѣ пословъ съ безлѣпичными, извѣтными рѣчами, что-деи московскіе послы, ѣдучи Псковскою землею, по дорогѣ обижаютъ людей, проѣзжихъ-деи отымаютъ лошадей и животы, грабятъ по станамъ и на подворьѣ въ городѣ, требуютъ-деи отъ Пскова грубо поминокъ не по силѣ, а что имъ-деи Псковъ даетъ, то не берутъ. И то ваша вина! Забыли ваше грубство?

Та же мертвая тишина. Слышно только, какъ за окномъ, на карнизѣ, голуби воркуютъ.

— Слушайте, псковичи, моя отчина!—великій князь возвысилъ голосъ.—Слушай и ты, кумъ!

Титъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и едва не упалъ отъ ужаса. Онъ понялъ, онъ видѣлъ, что послѣднія слова великаго князя обращены къ нему. Но глаза Ивана Васильевича, доселѣ грозные, смотрѣли теперь на трепещущаго Тита ласково, какъ тогда, зимой, у него въ избѣ.

— Слушай, кумъ, какъ я учу моихъ ослушниковъ и какъ жалую добрыхъ людей,—пояснилъ великій князь и снова обратился къ псковскому посольству, которое съ недоумѣніемъ смотрѣло на стоящаго у окна оборваннаго смерда.

— Слушайте ваши вины, послы Пскова, моей отчины! Когда князь Ярославъ Владиміровичъ, котораго я вамъ далъ, совокупно съ посадниками написалъ грамоту о смердьей работѣ,

вы супротивъ той грамоты возстали крамолою, у многихъ посадниковъ дворы порубили, посадника Гаврилу убили на вѣчѣ до смерти, а смердовъ Стехна, Сырня и Лежня посадили въ погребъ. Опасаяся смертнаго убойства, достальные посадники бѣжали къ намъ на Москву, спасаючи свои головы, а вѣче написало на нихъ мертвую грамоту и закликали ихъ въ Псковъ на смертную казнь. Помните, въ тѣ поры я указалъ Пскову, моей отчинѣ, откликать отъ смерти посадниковъ, отпечатать мертвую грамоту и принести повинную князю Ярославу. Что жъ вы сдѣлали тогда? Забыли? Такъ я напомню вамъ!

Послы стояли блѣдные, не смѣя поднять глазъ. Иванъ Васильевичъ глянулъ на князя Холмскаго, и тотъ стоялъ блѣдный, безмолвный.

Дьякъ Курицынъ молча подалъ князю какой-то свитокъ.

— Да вотъ она, — сказалъ великій князь, пробѣгая глазами свитокъ и возвращая его дьяку.—И вы, псковичи, моя отчина, и въ тѣ поры сказались мнѣ, великому князю, ослушны: смердовъ изъ погреба не выпустили, посадниковъ не откликали, князю Ярославу челомъ не добили. Отвѣчайте: истину я говорю? Отвѣчайте же!

— Истину, господине,—послышался робкій отвѣтъ.

— Я вамъ не господинъ!—грозно перебилъ посла великій князь.—Будетъ и того, что Новгородъ умалялъ до господина мое государское титло. А что я сдѣлалъ съ Новгородомъ? Ноли и Псковъ, моя отчина, того же хочетъ!

— Смилуйся, государь! Положи гнѣвъ на милость!—упали послы на колѣни.

— Встаньте!—приказалъ великій князь.

Никто не шевелился. Все замерло въ палатѣ.

— Встаньте!

Всѣ послы повалились въ ноги точно передъ иконой. Слышно было, какъ боярскіе лбы стукнулись о дубовой помостъ Грановитой палаты.

— Я вамъ говорю, встаньте! — въ третій разъ сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Не встанемъ,—послышались слабые голоса,—либо вели снять съ насъ головы, великій государь, либо отложи твое нелюбіе, все равно намъ живымъ не былъ.

Великій князь глянулъ на Холмскаго. Въ глазахъ у своего любимца онъ замѣтилъ слезы. Плакалъ, закрываясь шапкой, и тотъ, который стоялъ у окна.

— Добро!—сказалъ Иванъ Васильевичъ.—Во имя святыни отчины моей, Пскова, во имя святыя Живоначальныя Троицы, я, осударь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, говорю нынѣ въ послѣдній разъ: если отчина моя, Псковъ, исправитъ мое слово, отпечатаетъ мертвыя грамоты на посадниковъ своихъ и откличетъ ихъ и выпуститъ смердовъ изъ погреба и учнетъ потомъ бить мнѣ челомъ о своей нечести, то я, великій князь, отдамъ Пскову, моей отчинѣ, мое нелюбье и буду васъ миловать по пригожаю. Таково мое слово! Встаньте.

Послы встали. Не одна грудь вздохнула глубоко, глубоко, точно она долго придавлена была камнемъ. Тотъ, который стоялъ у окна, широко крестился.

VIII. Добро за добро.

Когда послы встали и отошли въ сторону, великій князь подалъ свой скипетръ князю Холмскому, а державное яблоко дьяку Курицыну, и самъ поднялся съ трона. Глаза его свѣтились радостью.

— Ну, куманекъ, подойди теперь ты ко мнѣ,—сказалъ онъ, ласково взглянувъ на Тита.

Тотъ робкими шагами подошелъ къ трону и упалъ на колѣни.

— Узналъ меня? — улыбнулся Иванъ Васильевичъ. — Узналъ кума Ивана.

И онъ протянулъ къ Титу свою руку. Тотъ съ благоговѣніемъ прильнулъ къ ней, словно къ рукѣ Спасителя на плащаницѣ, и заплакалъ отъ умиленія.

— Что, узналъ меня?—повторилъ великій князь.

— Узналъ, батюшка надежа-государь, узналъ!—всхлипывалъ растроганный бѣднякъ.—Въ какомъ бы ты одѣяніи ни былъ, осударь батюшка, я узналъ бы тебя, узналъ бы твои свѣтлыя очи.

— Добро, добро! А отчего долго не приходилъ ко мнѣ?

— Не смѣлъ, осударь батюшка.

— А ты догадался, что это былъ я у тебя?

— Гдѣ, государь, догадаться!.. Ноли я смѣлъ подумать, что самъ батюшка, надежа-государь... А-ахъ!

И онъ снова залился горячими слезами.

— Я думалъ: большой бояринъ, либо именитый купецъ, либо... а тутъ... о-охъ!

— Добро! Добро! Встань!

Съ этими словами великій князь повернулся къ посламъ великаго Пскова и сказалъ:

— Видите человѣка сего? Онъ—смердъ и смердьяго рода. Но онъ для меня почетнѣе боярина. И вотъ почему: онъ соблюдаетъ заповѣдь Христову «страннаго пріими»... Прилучилось мнѣ нонѣ зимою дѣйства нѣкоего ради тайнымъ образомъ выйдти изъ Москвы, и не по образу великокняжескаго хожденія, а простого селянина. Не успѣлъ я отойти стадій пять-шесть отъ Серпуховскихъ воротъ, и се внезапу возмятеся мятель велія, и вста вѣтръ сильный, и объятъ мя тьма ночная. Воротиться къ Москвѣ, за темнотою и сугробами снѣжными дороги не найду; далѣе итти моготы моей нѣтъ. Пришлось погибать наглою смертію въ полѣ. Но Господь, не воздавая мнѣ по грѣхамъ моимъ, оказалъ мнѣ свою милость. Внезапу увидѣлъ я свѣтъ невдалекѣ. То были Котлы. Я на свѣтъ иду, а самъ мало-мало не падаю отъ утомленія. Вижу, изба хорошая, новая, большая, и огонь въ ней свѣтится. Я стучусь въ окно, и меня гонятъ отъ окна аки пса смердящаго. Я затаилъ въ сердцѣ моемъ гнѣвъ, поминаючи словеса Христовы, за зло платить добромъ, и постучался въ другую, бѣдную избенку. Въ ней меня приняли какъ отца родного. А не всякій бы принялъ въ такой неподобный часъ: у того, кто меня принялъ, въ ту ночь должна была жена разродиться... Вотъ кто принялъ меня!—указалъ великій князь на смущенно стоявшаго Тита.—А наутро я съ нимъ и покумился. Но я все еще въ долгу предъ моимъ спасителемъ. Видите, какая на немъ бѣдная одежонка, и то моя вина! Каюсь предъ послами отчины моей, Пскова: мнѣ первому подобаетъ награждать за добрыя дѣла и казнить за злыя.

Потомъ, снова обращаясь къ Титу, великій князь спросилъ:

— Скажи, кумъ: твоя изба была такая же ветхая, какъ зимой была?

— Совсѣмъ разваливается, государь,—былъ отвѣтъ.

— И скотники у тебя нѣтъ?

— Нѣту-ти, надежа-государь, одная бѣлая кошечка.

— Добро! Все будетъ у тебя.—Ѳедоръ!—обратился великій князь къ дьяку Курицыну.—Напиши въ мой государевъ приказъ, чтобъ крестьянину Титу въ Котлахъ отпущено было лѣсу на избу, хлѣба на прокормъ и на сѣмена, пару лошадей, коровъ, овецъ и всего, что понадобится; да чтобъ мои государевы плотники срубили ему добрую избу; да сейчасъ же прикажи одѣть его во все новое и доброе, а ужъ князь Данило (Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Холмскаго) позаботится, чтобы у моего кума все было и всего вдоволь.

Титъ снова упалъ на колѣни и только качалъ головою, за слезами не будучи въ состояніи выговорить ни одного слова.

— Ну, полно, кумъ, вставай!—ласково сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Титъ поднялся, шатаясь, точно пьяный.

— Ну, кумъ, а чѣмъ же ты меня отдаришь?—улыбнулся великій князь.

Титъ не зналъ, что отвѣчать, и смотрѣлъ какъ-то растерянно.

— Вотъ что, кумъ,—продолжалъ великій князь, — подари мнѣ свою бѣлую кошечку. Когда я, въ тѣ поры, воротясь отъ тебя, разсказалъ государынѣ княгинѣ, Софьѣ Ѳоминишнѣ, и сыночку моему, князю Васютѣ, о томъ, какъ я ночевалъ у тебя и какъ ласкалась ко мнѣ твоя бѣлая кошечка, съ той поры сынокъ мой не дастъ мнѣ проходу: достань да достань ему бѣлую кошечку отъ котловскаго кума. Такъ смотри же, привези мнѣ кошечку. Да кланяйся кумѣ Оринѣ и другой кумѣ—Щекиной, и отцу Нифонту скажи, что я кланяюсь ему саномъ протоіерея и палицею, съ возложеніемъ на него златой митры. Это дѣло святѣйшаго патріарха, я самъ скажу ему о томъ. А вы,—обратился онъ къ псковскимъ посламъ,—скажите Пскову, моей отчинѣ, мое послѣднее слово, и помните, что слово мое крѣпко.

И великій князь медленно направился къ выходу.

IX. «Дуракамъ счастье».

Вечерѣло. Весеннее солнце, опускаясь за верхушками сосноваго бора, раскинувшагося къ западу отъ Котловъ, послѣдними лучами золотило разнесенную вѣтрами и непогодою соломенную крышу жалкой избенки Тита.

Подъ избою, на осунувшейся завалинѣ сидѣла жена Тита, Орина, съ ребенкомъ на рукахъ. За послѣднее время Орина очень исхудала и поблѣднѣла. Тихо качая ребенка, она тревожно поглядывала на дорогу, ведущую къ Москвѣ. Съ ранняго утра ушелъ туда ея горемычный мужъ искать кума Ивана и словно въ воду канулъ.

Горько и стыдно ей было за мужа. И добрый онъ былъ мужикъ, и ласковый, никогда ее не билъ и дурнымъ словомъ не обзывалъ; но, нечего грѣха таить, придурковатъ былъ. А съ того времени, какъ покумился съ какимъ-то прохожимъ, ужъ и совсѣмъ сталъ дуракомъ. Ничего-то онъ не дѣлалъ, да и дѣлать-то безъ скотины и хозяйства ему было нечего. А ему все кажется нипочемъ. Забралъ себѣ въ голову, что у него на Москвѣ есть кумъ богатый, либо набольшій бояринъ, либо набольшій протопопъ, и все ждетъ, что ему съ неба счастье свалится. И всѣ Котлы ужъ стали надъ нимъ смѣяться: дуракъ да дуракъ, съ цѣлою Москвою покумился.

Такъ какъ дѣло было къ вечеру, и скоро должна была возвращаться въ Котлы скотинка съ поля, то котловскія бабы одна за другую сходятся къ избѣ Тита, которая была крайнею въ поселкѣ, чтобы тамъ поджидать своихъ коровъ да телушекъ.

— Ждешь, видно, муженька, Оринушка? — спрашиваетъ одна баба, садясь на завалинкѣ и участливо подпирая щеку ладонью.

— Поджидаю, родимая,—отвѣчаетъ Орина.

— Э-э-хе-хе! Житье наше горькое, касатая.

— И не говори, мать моя!—соболѣзнуетъ другая баба, присаживаясь тутъ же.—Али легко жить съ дуракомъ-то мужемъ.

— Гдѣ легко! Вонъ мой-то идолъ хоша и дерется, а все у насъ и лошадка есть, и коровенка.

— Вѣстимо: что нашу сестру не бить, коли за дѣло?

— Ужъ и подумаю я, мать моя: какъ это въ цѣлой Москвѣ найти кума Ивана!

— Вотъ поди жъ ты! Пошелъ искать.

— Гдѣ тамъ найти! Найди иглу въ стогу сѣна... Ужъ коли-бъ онъ, кумъ-отъ московскій, былъ путящій человѣкъ, а не озорникъ, какъ бы не сказать: ищи де меня тамъ-то, на такой-то улицѣ, а вотъ такъ и такъ меня зовутъ, и вотъ такъ прозываютъ. А то на! Спроси кума Ивана!

— Озорникъ и есть, тьфу!

Въ это время по дорогѣ, ведущей къ Москвѣ, показалась пыль, и видно было, что кто-то ѣхалъ парой. Лошади были бойкія, красивыя, да телѣга не простая, а совсѣмъ господская, выкрашенная голубою краскою.

Въ телѣгѣ сидѣлъ и правилъ лошадьми бояринъ не бояринъ, мужикъ не мужикъ, а скорѣе посадскій человѣкъ.

Телѣга все ближе и ближе. Вотъ она поворачиваетъ къ избенкѣ Тита.

— Кто бъ это былъ такой?

— Матыньки! Кажись, самъ Китка?

— Китка и есть! Ахъ, мать моя!

— Тирру!—это и былъ Титъ Захарычъ.

Осадивъ хорошо выѣзженныхъ лошадей, онъ выскочилъ изъ крашеной, господской повозки и бросился цѣловать жену и сына.

— Ну, молись, Оринушка! Молись! Земно!—захлебывался онъ отъ радости.—Шлетъ тебѣ поклонъ самъ благочестивѣйшій государь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи! Вотъ кто таковъ кумъ Иванъ! Все это мое (онъ указалъ на лошадей и повозку, нагруженную разными мѣшками и узлами),—все это подарилъ самъ надежа-государь, куманекъ нашъ. Онъ же пожаловалъ намъ и коровокъ, и овечекъ, и лѣсу на новую избу, и всего, и всего! И велѣлъ построить намъ новую избу своимъ государевымъ плотникамъ. Слава нашему государю Ивану Васильевичу!

Онъ казался помѣшаннымъ отъ радости. Жена же его, казалось, окаменѣла отъ неожиданности: она только прижимала къ себѣ ребенка и тихо повторяла: «Владычица! Государевъ крестникъ! Матушки мои! Самъ князь Иванъ Васильевичъ! А я-то, безстыжая, орала при немъ, рожамши! Свѣты вы мои! Сыночекъ ты мой! Осударевъ крестничекъ!».

Неслыханная вѣсть быстро разнеслась по Котламъ. Всѣ спѣшили къ избенкѣ Тита, всѣ говорили, удивлялись, спорили, горячились. Но всѣхъ покрывалъ одинъ голосъ.

— Сказано: дуракамъ счастье!

— Вѣстимо, дуракамъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Китъ Захарычъ въ своемъ новомъ домѣ подъ зеленою крышею зажилъ чуть не бояриномъ, онъ пошелъ за умнаго.

ТЫСЯЧА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Историческіе силуэты.

(Объ убіеніи Аскольда и Дира и вступленіи на престолъ малолѣтняго Игоря въ 882 г.).

I. Перунъ сердится.

Воображеніе переноситъ насъ за тысячу лѣтъ назадъ, ровно за тысячу лѣтъ, къ ранней веснѣ 882 года.

Многоводный Днѣпръ въ полномъ разливѣ. Мутныя воды его, затопивъ песчаные и каменистые берега, прибрежные камыши, кустарники и рощи, несутъ на себѣ все, что только удалось имъ сорвать и смыть съ пологихъ береговъ и кручъ, и сухую траву, и цѣлые снопы прошлогоднихъ, пересохшихъ за лѣто и зиму камышей, и весь сушникъ береговыхъ рощей съ перегнившимъ мертвымъ листомъ. Черные стрижи и ласточки, чубатыя чайки и бѣлогрудыя мартышки звонко выкрикиваютъ въ утреннемъ воздухѣ, носясь надъ широкой водной равниной, вылавливая изъ воды и перехватывая на-лету все, что есть живого и съѣдобнаго для голодной птицы.

Яркое утреннее солнце играетъ тысячами переливовъ на этой водной равнинѣ, брызгая повсюду брильянтами и изумрудомъ, золотя вершины горъ и полугорья, сыплетъ золотыми снопами сквозь вершины и прогалины темнаго бора, бросаетъ причудливыя тѣни отъ множества темныхъ и ярко разукрашенныхъ лодокъ, цѣлою флотиліею тихо двигающихся по этой водной шири, отъ ихъ тонкихъ мачтъ и работающихъ на веслахъ гребцовъ.

Что же это за ладьи, куда плывутъ онѣ и что за люди сидятъ въ нихъ, въ шеломахъ и кольчугахъ, съ копьями и мечами?

Днѣпръ привыкъ почти каждую весну видѣть эти ладьи и этихъ кольчужниковъ и копейщиковъ.

Это—варяги съ новгородскими и другими сѣвернорусскими дружинами.

Первая ладья была особенно богато украшена. Носовая, далеко выдававшаяся впередъ часть ея изображала какое-то чудовище въ видѣ дракона съ разинутою пастью, а корма представляла чешуйчатую спираль огромнаго змѣинаго хвоста. Высокая деревянная настилка съ перилами надъ палубой также изображала собой чешуйчатую спину чудовища, а весла, дружно опускаемыя въ воду и также дружно вскидываемыя на воздухъ двѣнадцатью гребцами, напоминали собой растопыренныя крылья дракона.

На этой высокой настилкѣ виднѣлись двѣ человѣческія фигуры: пожилой мужчина въ богатой одеждѣ иноземнаго «гостя» и мальчикъ, лѣтъ пяти-шести, въ бѣлой атласной, шитой золотомъ и шелками, рубашкѣ съ прямымъ воротомъ, въ малиновыхъ широкихъ шароварцахъ, убранныхъ въ красные сафьянные сапожки. Русую курчавую головку мальчика прикрывала соболья шапочка съ малиновымъ верхомъ, а съ открытой бѣлой шейки спадала на грудь узорочно-сплетенная изъ тонкокованныхъ нитей золотая «гривна» ожерелье.

— А далече еще, дядя Олегушко, до Кіева? — спросилъ мальчикъ, прыгая по ковру чешуйчатой настилки и побрякивая золотой гривной.

— А не далече, Игорюшко княжичъ,—былъ отвѣтъ.

— А что мы тамъ дѣлать будемъ?

— Княжить да володѣть, князюшко.

— Какъ въ Новгородѣ?

— Какъ въ Новгородѣ, Игорюшко.

— И ты мнѣ подаришь тамъ комоня? (коня).

— Подарю, печенѣжскаго скакуна.

Съ запада между тѣмъ надвигалась сизая туча, которая, точно живая, выползая изъ-за нагорья праваго берега, облегала собою все болѣе и болѣе яркую лазурь безоблачнаго неба.

Порывисто пробѣжалъ по Днѣпру шальной вѣтеръ, завизжавъ и заскрипѣвъ веревками снастей и иглоподобными мачтами

ладей. Днѣпръ точно полинялъ отъ этого набѣжавшаго изъ-за горы вѣтра, а птицы безпокойно заметались въ воздухѣ. Высоко гдѣ-то раздался одинокій крикъ ворона.

Сизая туча, постепенно измѣнялась въ цвѣтѣ, разросталась все шире, и шире, и ее, словно громадные клочья разодранной гигантской пелены съ сѣро-сизыми отливами, гнало уже черезъ все небо, съ котораго, казалось, невѣдомо куда сбѣжало солнце.

Вдругъ что-то яркое прорѣзало потемнѣвшія, словно бы косматыя массы клубящихся облаковъ и глухо загрохотало.

Юный Игорь испуганно бросился къ Олегу и прижался къ его колѣнямъ.

— Охъ, уйдемъ, уйдемъ! Боженька сердится.

— Ничего, князюшко, не бойся.

— Нѣтъ, я боюсь Перуна, ой!

Свинцовыя тучи, точно застывшія на моментъ, снова какъ бы разверзлись надъ флотиліей, и изъ багровой, мгновенно опять закрывшейся заоблачной пасти, вырвались огненныя стрѣлы и, ломаясь, скрещиваясь въ застывшемъ воздухѣ, съ страшнымъ трескомъ попадали въ Днѣпръ. Ударъ былъ такъ оглушителенъ, что даже невозмутимый Олегъ схватился за голову.

— Ой! Ой! Ой! — отчаянно закричалъ ребенокъ. — Онъ убьетъ...

— Ино и вправду осерчалъ Богъ,—согласился и Олегъ, торопливо вставая и уводя растерявшагося мальчика подъ «чердакъ» ладьи, въ богато убранное коврами и болгарскою, тисненою золотомъ юфтью, помѣщеніе.

— Боженька! Перунушко! Помилуй! Не сердитуй!—лепеталъ мальчикъ.—Я тебѣ барана заколю, корову, коня бѣлаго, пѣтуха...

II. Перуново игрище.

Гроза также скоро улеглась, какъ и налетѣла. Солнце засіяло еще привѣтливѣе. Днѣпръ, оба его берега, зеленыя взгорья и рощи, все освѣтилось какою-то радостью омытой, освѣженной грозою и ливнемъ природы, которая, какъ живое существо, вся заговорила тѣмъ чарующимъ языкомъ жизни, который можно только понимать и чувствовать сердцемъ, но не передавать словами.

Не доѣзжая нѣсколько до Кіева, флотилія остановилась, и

Олегъ приказалъ дружинамъ на время укрыться съ своими ладьями въ ближайшемъ затонѣ, зеленымъ боромъ, а затѣмъ, по данному сигналу, выйти на берегъ и незамѣтно обложить со всѣхъ сторонъ Кіевъ, самъ, съ двумя наиболѣе богатыми и обширными ладьями и своими ближайшими и надежнѣйшими дружинниками, двинулся прямо къ городу.

Кіевъ скоро выглянулъ изъ-за зелени густого бора. Небольшой, но хорошо обстроенный городокъ красиво раскидывался по полугорью. Яркое солнце играло на гладкихъ досчатыхъ крышахъ и на узорной рѣзбѣ коньковъ и карнизовъ. Плотный частоколъ и земляной валъ охватывали городъ со всѣхъ сторонъ, а изъ-за нихъ выглядывали отдѣльныя клѣти и подклѣти богатыхъ полянъ со скворешнями и голубятнями. Надъ главными изворотами частокола высились островерхія деревянныя «вѣжи», башни съ прозорами и отверстіями для бойницъ.

Отъ города по водѣ доносилось монотонное, протяжное пѣніе. По мѣрѣ приближенія Олеговыхъ ладей, пѣніе становилось явственнѣе: рѣзко, по временамъ, оглашали воздухъ стройные хоры мужскихъ голосовъ, а за ними чередовались женскіе и дѣтскіе.

Это была хороводная мелодія, мелодія обрядовая, игрищная. Кіяне творили игрище на берегу Днѣпра, у воды, недалеко отъ Перуна, въ то время, какъ выше, на холмѣ крутого спуска, гдѣ высился и угрюмо вырисовывался на синевѣ неба чудовищный, безобразный истуканъ этого самаго Перуна-бога, горѣвшаго на солнце золотыми и серебряными частями своей массивной фигуры, жрецы-кудесники въ бѣлыхъ одеждахъ и съ бѣлыми бородами приносили своему полудеревянному, полуметаллическому богу кровавыя жертвы за то, что пронесшійся сейчасъ надъ Кіевомъ свирѣпымъ ураганомъ и грозой разгнѣванный стихійный богъ не поразилъ трепетавшій отъ страха городъ ни одною изъ своихъ огненныхъ стрѣлъ, а послалъ ихъ за Днѣпръ, на голову хищнымъ печенѣгамъ.

Картина народнаго игрища и жертвоприношенія кровожадному богу поражала и слухъ, и зрѣніе. На головахъ молодыхъ кіянокъ пестрѣло цѣлое поле цвѣтовъ, особенно васильковъ и маку, барвинковъ и руты съ любисткомъ, между тѣмъ какъ молодыя, здоровыя тѣла ихъ едва прикрыты были короткими, изукрашенными разными цвѣтными узорами «срачицами», сороч-

ками, или обмотаны вокругъ стана и бедръ лоскутами грубыхъ цвѣтныхъ тканей. На парняхъ костюмы были не менѣе дѣвственны, едва сметанныя грубыми нитками льняныя и посконныя полотнища, которыя и назывались «портами».

Слышалось мрачное пѣніе жрецовъ-кудесниковъ:

Ой, кровушки, кровушки наточимъ.
Ой, Перуна боженьку напоимъ, напоимъ!
Сла-ава! Сла-ава!

А съ берега доносились другія, ласкающія слухъ мелодіи. Хоръ дѣвицъ пѣлъ:

Ой, весна красна, что намъ принесла?
Ой, принесла тепло и красное лѣтичко:
Малымъ ребяткамъ—ладуши бити,
Старымъ старикамъ—раду радити,
А мужамъ мужатымъ—поле орати,
А молодушкамъ—краснеца ткати,
А намъ краснымъ дѣвицамъ да поиграти
Ой, Дунай—Дунай!

Юный Игорь, забывъ свой недавній страхъ, стоялъ на чешуйчатомъ возвышеніи своей ладьи и радостно плескалъ ручонками.

— Дядюшка Олегушко! Пусти меня на игрище,—умолялъ онъ своего опекуна.

— Нѣтъ, князюшка, тебѣ не подобаетъ играть со смердьими дѣтьми: ты, Игорюшко, великій князь земли русской,—отвѣчалъ Олегъ, лаская мальчика.

— Я не хочу княземъ быть, не буду.

— Ты ужъ и такъ великій князь.

— А ты кто?

— И я князь, сижу на «столѣ» (престолъ) въ Новгородѣ.

— А я на какомъ столѣ буду сидѣть?

— На Кіевскомъ и всея Русіи.

— Ахъ, дядя! Я не хочу.

— Почто, князюшко?—улыбнулся Олегъ.

— Скучно на столѣ все сидѣть... Я играть хочу на игрищѣ.

Въ это время великокняжеская ладья, поровнявшись съ кіевской пристанью, бросила якорь у отмели, въ значительномъ разстояніи отъ берега, а меньшую ладью Олегъ тотчасъ отправилъ со своими дружинниками и «отроками» къ берегу на пристань,

чтобы они шли въ городъ и просили ихъ милости, Аскольда и Дира, пожаловать къ нему въ ладью: пріѣхали-де изъ Новгорода «гости» съ поклономъ отъ великаго князя Олега и съ дорогими заморскими подарками, какіе-де подарки угодно будетъ ихъ милостямъ выбрать.

III. Убіеніе Аскольда и Дира.

Скоро, окруженные своими дружинниками и дружинниками Олега съ отроками, Аскольдъ и Диръ, на богато убранныхъ коняхъ, приблизились къ берегу. Сошедши съ коней, они вошли въ ожидавшую ихъ ладью, а дружинникамъ своимъ велѣли дожидаться ихъ возвращенія на берегу.

Неустрашимые варяги, которые незадолго передъ этимъ навели ужасъ на Царьградъ, запрудивъ живописный Босфоръ сотнями своихъ ладей и угрожая взять на копье и на разграбленіе славную Византію, довѣрчиво вступили въ ладью, не подозрѣвая, что это была для нихъ роковая ладья Харона *).

На палубѣ великокняжеской ладьи ихъ встрѣтили ближайшіе дружинники Олега и провели съ почетомъ въ то крытое и изукрашенное дорогими коврами и золототисненою юфтью помѣщеніе, гдѣ находился Олегъ съ маленькимъ Игоремъ. Послѣдній не по-дѣтски чинно возсѣдалъ на великокняжескомъ «столѣ»— на украшенномъ кованымъ золотомъ и золотыми кистями возвышеніи, а на груди ребенка висѣла золотая великокняжеская гривна. Самъ Олегъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но на болѣе низкомъ сидѣньѣ.

Увидавъ вмѣсто «гостя» Олега, Аскольдъ и Диръ остановились въ глубокомъ смущеніи.

— Добро пожаловать, господо!—не то ласково, не то язвительно проговорилъ «вѣщій» Олегъ.

— Челомъ бьемъ господину великому князю, — отвѣчали пришедшіе, низко кланяясь.

— Челомъ, а не Кіевомъ и всею кіевскою землею?—спросилъ Олегъ.

Пришедшіе не знали, что отвѣчать.

---

*) Язычники-греки называли Хароном старика, будто бы перевозившаго душу умершихъ грѣшниковъ въ адъ, черезъ рѣки Стиксъ и Ахеронъ.

— Токмо челомъ бьете, а не Кіевомъ? — переспросилъ Олегъ.

Тѣ въ недоумѣніи молчали.

— Кому вы челомъ бьете?—снова спросилъ «вѣщій».

— Тебѣ, господине, княже.

— Не мнѣ, а вонъ кому добейте челомъ.

И онъ указалъ на Игоря, который съ любопытствомъ осматривалъ пришедшихъ и болталъ ногами.

Аскольдъ и Диръ поклонились.

— Кіевомъ бьете челомъ своему господину и великому князю?—допытывался Олегъ.

— Кіевомъ, господине княже.

— А ноли (развѣ) онъ вашъ?—уже болѣе суровымъ голосомъ спросилъ Олегъ.

Смущенные Аскольдъ и Диръ молчали. Юный Игорь, соскучившись сидѣть чинно на престолѣ, взобрался на него совсѣмъ съ ногами. Въ рѣзное оконце онъ слѣдилъ, какъ большая бѣлогрудая птица стремглавъ опустилась на воду, схватила лапами и клювомъ большую рыбу и поднялась съ нею на воздухъ.

— Ахъ, унесла рыбку!

— Я,—продолжалъ между тѣмъ Олегъ,—отпустилъ васъ изъ Новгорода съ дружиною на море промышлять надъ чужими городами, а вы, съ соромомъ ушедъ изъ-подъ Царяграда, стали промышлять надъ русскими городами, и то вамъ вина. Почто вы своею волею Кіевомъ володѣете?

— Мы его добыли копьемъ,—гордо отвѣчалъ Аскольдъ.

— Мы ради кіевской земли утерли не мало пота,—добавилъ Диръ.

Олегъ быстро выпрямился.

— Утерли пота! А почто вы на столъ кіевскій сѣли?

Голосъ его звучалъ, словно металлическій. Голубые, холодные, какъ сталь, глаза зловѣще сверкнули.

— Вы не князи, ни княжа рода... Вотъ вашъ князь!

И онъ снова указалъ на Игоря, безпечно игравшаго гривной

— Колите ихъ!

Въ тотъ же моментъ, стоявшіе позади Аскольда и Дира дружинники Олега пронзили ихъ мечами, не давъ имъ времени опомниться, даже вскрикнуть.

Съ глухимъ стономъ и хрипѣньемъ трупы несчастныхъ какъ

снопы повалились на полъ, громыхая оружіемъ, которое было уже безполезно для нихъ.

— Ой! Ой! Не бейте ихъ! Не бейте!—съ ужасомъ закричалъ маленькій Игорь и закрылъ лицо руками.

Въ такой кровавой школѣ учился править русскою землею будущій великій князь кіевскій и всея Руси, гроза Византіи и жертва мщенія полудикихъ древлянъ.

А съ берега все еще доносилось мрачное пѣніе:

Ой, кровушки-кровушки наточимъ!
Ой, Перуна боженьку напоимъ-напоимъ!
Сла-а-а-ва!

Таково было то кровавое время, и кровожадныхъ людей воспитывало оно...

IV. Несбывшееся предсказаніе

Но вотъ великокняжеская ладья у берега. Ее вытаскиваютъ изъ воды и съ торжествомъ несутъ въ городъ на могучихъ плечахъ варяговъ и новгородцевъ. Плавно двигается въ воздухѣ ужасное чудовище, колыхаясь изъ стороны въ сторону. Его окружаетъ сомкнутая цѣпь дружинниковъ и отроковъ съ мечами наголо. За ладьей ведутъ коней Аскольда и Дира.

Весь Кіевъ высыпалъ на берегъ встрѣчать невиданное шествіе.

— Гдѣ же наши князья?—спрашиваютъ иные.

— Отчего они не на коняхъ?

— Они тамъ, въ ладьѣ, въ той золотой палаткѣ.

— Это имъ честь воздаютъ новгородскіе гости.

— А какая ладья! Страшилище!

— Это не ладья, а змѣй-горынчище.

Но вотъ ладья въ городѣ уже, на площади, на томъ возвышеніи, откуда глядитъ на Днѣпръ и на далекое Заднѣпровье мрачный истуканъ Перуна.

Ладью ставятъ на землю у ногъ Перуна, жрецы-кудесники окружаютъ ее и, поднимая къ небу руки, торжественно величаютъ

Слава богу Перуну на небѣ—сла-а-ава!
Слава нашимъ князьямъ Аскольду и Диру на землѣ—
Сла-а-ава!

Слава богу Перуну на небѣ—сла-а-ава!

Слава нашимъ князьямъ Аскольду и Диру на землѣ.—

Слаа-ава!

Вдругъ на ладьѣ, у той палатки, внутри которой кіяне думали увидѣть своихъ князей, распахиваютъ на обѣ стороны полы, и глазамъ жрецовъ-кудесниковъ представилось ужасное зрѣлище.

Въ палаткѣ съ роскошнаго возвышенiи глядитъ блѣдное, испуганное личико прелестнаго ребенка съ золотою гривною на груди, а въ ногахъ его, у ступеней трона, плаваютъ въ крови два трупа!

Съ ужасомъ жрецы узнаютъ, что это князья ихъ Аскольдъ и Диръ!

А рядомъ съ прелестнымъ мальчикомъ стоитъ Олегъ въ княжескомъ одѣянiи.

Онъ беретъ мальчика за руку и, подведя къ краю ладьи, торжественно говоритъ:

— Се князь вашъ, великiй князь Игорь Рюриковичъ!

А потомъ, обратясь къ воинамъ и указывая на трупы Аскольда и Дира, говоритъ:

— Унесите ихъ и похороните съ честiю.

Въ этотъ моментъ въ толпѣ собравшихся на невиданное зрѣлище кiянъ раздались испуганные крики:

— Батюшки! Въ городѣ варяги и новгородцы!

— Городъ взятъ! Стѣны заняты! Горе! Горе!

. . . . . .

Кiевъ, дѣйствительно, во власти Олега.

— Отнынѣ Кiевъ будетъ матерью городовъ русскихъ,—говоритъ онъ, кланяясь Перуну.

Опять льется кровь во славу этого кровожаднаго бога, это уже Олегъ умилостивляетъ его кровью.

А жрецы-кудесники опять тянутъ свою кровавую литiю:

Ой, мы кровушки наточили-наточили,
Ой, мы Перуна боженьку напоили-напоили!
Сла-а-ава!

Вездѣ только кровь, кровь и кровь...

И вотъ съ тѣхъ поръ тысячу лѣтъ стоитъ Кiевъ.

Кого и чего не видалъ онъ въ своихъ стѣнахъ! Сколькихъ

историческихъ интересныхъ, кровавыхъ и славныхъ событій былъ онъ свидѣтелемъ.

Онъ видѣлъ, какъ этого самого бога Перуна, сверженнаго съ холма и привязаннаго къ лошадиному хвосту, били тѣ самые, которые недавно молились ему.

Онъ видѣлъ крещеніе Руси. Онъ пережилъ Батыя, разрушившаго его до основанія. Онъ видѣлъ славу Хмельницкаго и его паденіе. Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ славное запорожское войско, гетмановъ и самъ пережилъ свою славу.

Но сталъ ли онъ «матерью городовъ русскихъ?»

Нѣтъ. Онъ сталъ простымъ губернскимъ городомъ.

„ПОИМАНЫ ЕСТЕ БОГОМЪ И ВЕЛИКИМЪ ГОСУДАРЕМЪ!..“

Историческій фрескъ.

1509—1510.

«О, славнѣйшій граде Пскове-Великій! Почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ:—Како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крилѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене три кедра Ливанова—и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плениша, торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды, и прадѣды наша»...

Псковская лѣтопись, I, 287.

I. «Горе тебѣ, Хоразине!»

— Копитесь, копитесь, жалобники! Копитесь!

Такимъ возгласомъ оглашалась площадь Живоначальныя Троицы, въ Псковѣ 25 декабря 1509 года подъ вѣчевымъ колоколомъ, висѣвшимъ на главной башнѣ городской стѣны, имени Довмонта.

На вѣчевомъ помостѣ, на возвышеніи стоялъ среднихъ лѣтъ мужчина въ черномъ, съ откидными рукавами и съ отложнымъ краснымъ воротомъ, опашнѣ.

Изъ-подъ распахнувшагося опашня виднѣлась на свѣтло-малиновой однорядкѣ съ поперечными темными нашивками массивная золотая гривна. Высокіе изъ красной юфти сапоги и вы-

сокая соболья шапка довершали одѣяніе знатнаго обывателя вольнаго города. Въ рукахъ у него была развернутая бумага.

— Копитесь, псковичи, жалобники, копитесь!—продолжалъ онъ возглашать, махая въ воздухѣ бумагой.

Обѣдня у Троицы только-что кончилась, и народъ толпами валилъ изъ церкви, заполняя собою вѣчевую площадь. День былъ ясный, морозный, но тихій. Зимнее солнце ярко горѣло на золотыхъ крестахъ церквей и колоколенъ Великаго Пскова. Надъ площадью носились стаи голубей, встревоженныхъ необычайнымъ движеніемъ на площади.

Псковичи были въ праздничныхъ нарядахъ. Шубы съ бобровыми и куньими, и собольими воротниками, опашни, однорядки и мятели пестрѣли, словно маковое поле, яркими цвѣтами красныхъ, малиновыхъ, зеленыхъ и голубыхъ шелковъ и суконъ. Женщины въ такихъ же яркихъ одеждахъ, старушки и молодицы, дѣвушки и дѣти, все это, какъ живое цвѣтное поле, двигалось изъ церкви къ вѣчевому помосту, и на всѣхъ лицахъ виднѣлось особенное, болѣе чѣмъ праздничное оживленіе.

А съ высоты вѣчевого помоста не умолкалъ призывной голосъ:

— Копитесь, копитесь, псковичи, вольные люди! Копитесь, жалобники!

Въ это время къ помосту приблизилась высокая, среднихъ лѣтъ женщина въ лисьемъ, бурой лисицы, шугаѣ, покрытомъ рытымъ зеленымъ аксамитомъ, и въ собольей шапкѣ, повязанной бѣлымъ съ золотымъ шитьемъ убрусомъ. Съ нею рядомъ молоденькая дѣвушка въ собольей шубкѣ, крытой нѣжнымъ малиновымъ аксамитомъ, и въ собольей шапочкѣ съ высокимъ малиновымъ же верхомъ. Въ черную косу ея, толстымъ жгутомъ спускавшуюся ниже тальи, вплетены были широкія голубыя ленты, цвѣтъ которыхъ, подъ морознымъ зимнимъ солнцемъ, невольно напоминалъ весну, зелень и незабудки. За ея руку въ изящной малиновой варежкѣ, перстатицѣ изъ свейской рудожелтой кожи, держался хорошенькій кудрявый мальчикъ, лѣтъ семи или восьми.

Щеки дѣвушки горѣли румянцемъ отъ морозу ли или отъ общаго оживленія.

— Съ праздникомъ, Остафьюшко, съ Рожествомъ! — при-

вѣтствовала высокая псковитянка того, кто возглашалъ съ по моста «копитесь!»

— И вамъ такожде, матушка Олена Митревна, съ праздникомъ!—отвѣчалъ онъ, снимая шапку и низко кланяясь.—И васъ. Ефимья Леонтьевна, и Петрика.

Дѣвушка еще больше зарумянилась. Глаза Остафьюшки заискрились внутреннимъ огнемъ и теплотою.

— Что-й-то ты родимый, оглашаешь? — спросила высокая псковитянка.

— Грамотку изъ Новагорода, матушка,—отвѣчалъ тотъ.

— Отъ кого грамотка-то, Остафьюшко?

— Отъ посадника, матушка.

— Отъ Юрья?

По лицу вопрошавшей пробѣжала неуловимая тѣнь.

— Точно, отъ Юрья Микитича, отъ Копыла.

— А въ какой силѣ грамотка-ту?

— Пишетъ пущай-де копятся жалобники на князь Ивана въ его обидахъ Великому Пскову, пущай-деи спѣшатъ въ Новгородъ на очи великому князю московскому бить челомъ на князь Ивана и на его нелюбіе и неправды, а то-деи вся земля наша останется виновата: псковичи-деи крамолу куютъ.

— Самъ онъ крамольникъ!—не вытерпѣла высокая псковитянка.—Поѣхалъ бить челомъ на мужа моего, на Левонтія. А почто?

Она съ любовью глянула на дѣвушку, у которой нѣжный румянецъ молодыхъ щечекъ точно полинялъ сразу, и розовыя губки сложились точно для плача.

— Зеленъ виноградъ,—загадочно продолжала высокая псковитянка.—А коли и созрѣлъ, такъ не для него, беззубаго: не про него и виноградъ мой саженъ.

Глаза говорившей сверкнули недобрымъ огонькомъ.

— И я ему, матушка Олена Митревна, вѣры не иму,—тихо сказалъ глашатай,—недаромъ онъ съ нашимъ князюшкой, отай ото всѣхъ, разговоры разговаривалъ, ѣдучи въ Новгородъ. А все выкликать жалобниковъ надоть, на томъ и старшіе, и молодчіе людишки, мужики-вѣчники, приговорили.

— Вѣстимо, выкликай: на то сотскій Великаго Пскова,—согласилась высокая женщина.

— А вонъ и самъ соколъ залетный,—съ улыбкой презрѣнія

указалъ глашатай своими живыми сѣрыми глазами на дальній конецъ площади.

— Не соколъ онъ, а воронъ хижій! — отвѣчала высокая женщина.

На дальнемъ концѣ площади показался всадникъ на великолѣпной бѣлой лошади подъ богатымъ чапракомъ. Горностаевая мантія, драпировавшая всадника съ блѣднымъ лицомъ и безжизненными глазами, придавала всей его фигурѣ что-то фантастическое: казалось, что на бѣломъ конѣ сидитъ мертвецъ въ саванѣ.

Бѣлаго всадника сопровождалъ небольшой отрядъ вершниковъ.

— Найденъ! Найденъ! — прошелъ ропотъ по площади отъ одного конца до другого.

— Не сымать шапокъ, псковичи братія! Не сымать!—слышались голоса.

— Долой, найдена! Пусть идетъ, откудова пришелъ! Путь-дорогу изъ Пскова-града найдену!

Такъ псковичи называли своего послѣдняго намѣстника, сподручника великаго князя московскаго, князя Ивана Михайловича Оболенскаго. «Найденомъ», этимъ презрительнымъ прозвищемъ, они величали его потому, что онъ не былъ избранъ Псковомъ, по старинному обычаю, на вѣчѣ, вольными голосами, а былъ присланъ изъ Москвы, ни духовенство Великаго Пскова не встрѣтило его, по обычаю, съ крестами и хлѣбомъ-солью, ни самъ онъ не далъ о себѣ знать заранѣе, а остановился на загородномъ дворѣ, гдѣ его нашли псковичи, и оттуда уже провели на торгъ и къ Живоначальной Троицѣ: «найденъ, найденъ!», такъ и пошло съ тѣхъ поръ.

Князь не поѣхалъ дальше. Онъ на мгновенье пріостановилъ коня, сказалъ что-то ближайшему вершнику и показалъ на вѣчевой помостъ. Злорадная улыбка передернула блѣдное лицо его, и онъ, поворотивъ коня, скрылся за уступомъ Довмонтовой стѣны.

— Ой, леле, леле, леле!—послышался на площади горькій, надрывающій душу плачъ.

Площадь всколыхнулась. Изъ-за уступа Довмонтовой стѣны, дѣйствительно, показался мертвецъ въ саванѣ, но только не въ горностаевомъ, а въ обыкновенномъ бѣломъ саванѣ. Онъ шелъ,

опираясь на длинный посохъ, на верхнемъ концѣ котораго, вмѣсто набалдашника, вдѣтъ былъ пожелтѣвшій отъ времени человѣческій костякъ-черепъ. Босыя ноги пришельца, загрубѣлыя, какъ ноги собаки хрустѣли по снѣгу, словно деревянныя.

— Ой, леле, леле, леле!—продолжалъ онъ горько плакать.

— Иванушка, Иванушка юродъ! — пронесся испуганный говоръ по площади. — Иванушка, божій человѣчекъ, юродъ божій.

Юродивый приближался, продолжая плакать. Его обступили псковичи.

— Съ праздникомъ, Иванушко, человѣче Божій!—привѣтствовали его ближайшіе.—Откудова Богъ несетъ?

Юродивый остановился, пересталъ плакать и кроткими, глубокими глазами посмотрѣлъ на окружающихъ. Худое лицо его съ жиденькою бородкою было полуприкрыто саваномъ, закрывавшимъ ему и голову, и уши.

— Откудова, Иванушко?—снова спросили его.

— Отъ Марьицы, дѣтушки,—былъ загадочный отвѣтъ.

— Отъ какой такой Марьицы, человѣче? — недоумѣвали псковичи.

— Отъ Марьицы, дѣтушки, отъ Акимовны,—былъ тотъ же неясный отвѣтъ.

Псковичи знали, что юродивый имѣлъ обыкновеніе говорить загадочно, притчами и иносказаніями, и потому старались разгадать таинственный смыслъ отвѣта Иванушки.

— А гдѣ, Иванушко, оная Марьица твоя живетъ?—спрашивали его.

— На Романовой горѣ, дѣтушки.

— На Романовой горѣ, слышь, кто жъ бы она такая была? Боярыня?

— Ой, ой, ой!—покачалъ головой юродивый.—Выше подымай.

— Посадница, ноли? Токмо какая же тамъ посадница?

— Выше, выше подымай, дѣтушки.

— Али какая княгиня?

— Выше и превыше.

— Да выше, человѣче Божій, никого ужъ нѣту-ти.

— А царица?—вмѣшался кто-то.—Она выше княгини.

— Подлинно, подлинно! Царица, Царица Небесная! Она,

матушка, воистину, превыше всѣхъ бояръ и князей, превыше всѣхъ человѣкъ! Подлинно, подлинно! Это онъ, видите ли, былъ на Романовой горѣ въ церкви Похвалы Богородицы... Точно, у Марьицы былъ Божій человѣкъ, у самой у Марьицы, у Дѣвы Маріи.

— А какъ же онъ назвалъ ее Акимовной? — спросилъ кто-то.

— Въ томъ-то, братцы, и премудрость вся! — возгласилъ одинъ грамотей, — Дѣва-то Марія была дщерь преподобныхъ Іоакима и Анны, вотъ она и Марья Акимовна живетъ, въ этомъ, братцы, и загвоздка вся... Н-ну! Удружилъ Иванушка! У самой, сирѣчь, у Богородицы въ гостяхъ былъ, н-ну!

Въ это время къ юродивому приблизилась та высокая псковитянка, которую мы видѣли у вѣчевого помоста. Передъ нею всѣ почтительно разступились и сняли шапки.

— Олена-посадница съ дочкой и сыночкомъ,—шептали нѣкоторые.

— Здравствуй, Иванушко! — ласково проговорила посадница.—Приходь ко мнѣ разговѣться.

Юродивый глянулъ на нее и горестно всплеснулъ руками.

— Матушка моя! Жено благочестивая!—проговорилъ онъ.— И ты, голубица чистая (это онъ къ дѣвушкѣ), и отроча малое, о, леле, леле, леле!

Онъ прижался головой къ холодному костяку и зарыдалъ еще горестнѣе.

— Горе тебѣ, Хоразине! Горе тебѣ, Виѳсаидо! О! Леле-леле-леле!

И онъ направился къ вѣчевому помосту, хрустя босыми ногами по снѣгу.

II. Гаданье.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ Крому, близъ Дѣтинца, въ домѣ посадника Леонтія Макарьевича, выходившемъ на Торговище, собрались гости.

Самъ посадникъ, Леонтій, мужъ той высокой псковитянки, которую мы видѣли съ ея дѣтьми, утромъ, на площади Живоначальныя Троицы, находился въ это время въ Новгородѣ, куда онъ поѣхалъ къ великому князю московскому, Василію Ивановичу, въ октябрѣ мѣсяцѣ торжественно прибывшему въ отчину

свою въ Великій Новгородъ, недавно повергнутый подъ державныя позѣ въ бозѣ почившимъ родителемъ его, блаженныя памяти великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи. Посадникъ Леонтій отправился въ Новгородъ, чтобы судиться передъ великимъ княземъ съ обидчикомъ своимъ степеннымъ посадникомъ Юрьемъ Копыломъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ, «найденомъ», правившемъ нынѣ дѣлами Великаго Пскова; въ Псковѣ же оставалась теперь его жена, посадница Елена Дмитріевна, съ молоденькою дочкою, красавицею Офимьицею, и съ маленькимъ сынишкой Петрикомъ.

Такъ какъ почти всѣ знатнѣйшіе псковскіе мужи находились теперь въ Новгородѣ, у великаго князя, ради дѣлъ своихъ и въ особенности ради челобитья на разныя обиды Пскову со стороны великоняжескаго намѣстника, князь Ивана-«найдена», то между гостями Елены-посадницы были исключительно женщины, псковскія боярыни и жены большихъ людей со своими дѣтьми.

Гости собрались въ главной горницѣ, надъ подклѣтью, а дѣвушки въ свѣтлицѣ, въ комнатѣ хорошенькой Офимьицы.

Домъ посадника Леонтія былъ каменный, двухъярусный, съ жилою подклѣтью и просторною свѣтлицею. Главная горница, въ которую входили съ каменнаго крыльца съ колоннами чрезъ присѣнокъ и просторныя съ окнами на Торговище сѣнями, была ярко освѣщена тремя лампадами, спускавшимися со сводчатаго раскрашеннаго яркими красками потолка и напоминавшими скорѣе церковныя висячія паникадила, въ которыхъ горѣло по дюжинѣ желтыхъ восковыхъ свѣчей. Стѣнныя ниши горки красиво сверкали разставленною на нихъ золотою и серебряною посудою, братинами, кубками и турьими рогами, оправленными въ серебро и золото. Лавки были покрыты дорогими заморскими коврами, а столы браными скатертями.

На столахъ наставлены были разныя лакомства, пряники, медовые и сахарные, леденцы, орѣхи каленые, волоцкіе и кедровые, разныя пастилы, изюмъ; тутъ же меды розовые и бѣлые, а также разныхъ сортовъ браги, тверезыя и пьяныя, съ хмѣлемъ.

Привѣтливая хозяйка хлопотливо угощала своихъ дорогихъ гостей; но какъ она ни старалась, не видно было ни веселья, ни оживленія. Чувствовалось, что что-то тяготѣетъ надъ Псковомъ: мужья въ отсутствіи; по городу ходятъ зловѣщіе слухи, у церкви Похвалы Богородицы, сказываютъ, ночью колокола сами зво-

пили, а Иванушка юродивый сказывалъ, что въ эту заутреню тамъ же, у Похвалы, икона Богородицы заплакала.

— Что и говорить!—грустно покачала головой хозяйка.— Онамедни говорилъ мнѣ отецъ Ермилъ, что нонѣ въ Филипповъ постъ явися на небѣ знаменіе: два мѣсяца хвостаты на небеси, въ нощи, и ударилися вмѣстѣ, и одинъ у другого хвостъ отшибъ и тотъ мѣсяцъ отшибленный хвостъ приволокъ къ себѣ, и знати стало на мѣсяцы томъ какъ перепояска *). Къ чему оно?

— Полагать надо, не къ добру: розратье будетъ,—замѣтила одна гостья, полная блондинка.—А мнѣ сказывалъ человѣкъ, таково бысть знаменіе: на новцы явишася два мѣсяца рогами противу себѣ, одинъ повыше, а другой пониже, и человѣкъ тотъ не дозрѣлъ конца, что бысть докончаніе **).

— Оно то же на то же и выходитъ, — вздохнула другая гостья, благообразная старушка.

— Какъ на то же, матушка?—спросила хозяйка.

— А на розратье, лебедушка моя: тамъ мѣсяцы хвостаты, а тутай рогаты: тамъ они сшиблися и одинъ отъ другого хвостъ отшибъ...

— Такъ, такъ, истинно; а тутай, надо полагать, рогъ отшибъ у другово.

— Безпремѣнно такъ, милыя!—вмѣшалась третья гостья.— А вотъ скажите мнѣ, милыя, къ чему сіе знаменіе? Сказывали мнѣ старицы изъ Копорья, якобы взыдоша коркодилы, лютіи звѣріи, изъ рѣки и путь затвориша!..

— Ахъ, мать моя!—всполошилась полная блондинка.—Въ какой рѣкѣ коркодилы? Ноли въ Великой?

— Ужъ того, милая моя, не вѣдаю, — отвѣчала разсказчица,—а только сказывали: изыдоша оные коркодилы, и путь затвориша, и людей много поядоша, и ужасающася людіе, и молиша Бога по всей земли, и паки спряташася, а иныхъ избиша ***).

— Господи, Господи!—качала головой благообразная старушка. — Видно, послѣдніе денечки пришли, свѣту переставленье, переставится свѣтъ-то, родимыя.

— А то еще соловецкіе старицы сказывали,—вступилась

---

*) Псковская лѣтоп., I, 317.
**) Тамъ же, 318.
***) Тамъ же, 320.

хозяйка, разливая меды по чарамъ,—сказывали, будто взыде въ морѣ китъ-рыба, и хотѣ потопити Соловецкой монастырь и островъ...

— Охъ, страхи каки! — воскликнули слушательницы. — И потопилъ?

— Нѣту, касатыя,—успокоила хозяйка,—молитвами преподобныхъ опять въ море пошелъ *).

— И это матушка, Олена Митревна, какая же рыба-китъ?— полюбопытствовала полная блондинка, пригубливая чару меду пьянаго.

— А та рыба-китъ, касатая, что землю на себѣ держитъ.

— Владычица! Какова же должна быть рыбина, что всю землю на себѣ содержитъ!

— Да она, мать моя, не одна,—поправила благообразная старушка,—ихъ три кита.

Таковы были гостинные разговоры именитыхъ россіянокъ добраго стараго времени.

Другіе разговоры и другія затѣи велись наверху, въ свѣтлицѣ у Офимьюшки. Тамъ собрались только красныя дѣвушки, подружки хорошенькой Офимьицы. Дѣвушки тоже угощались разными сластями и медами, только не пьяными, и занимались гаданьями, лили воскъ и олово топлено въ мисы съ водою и тѣмъ узнавали свою судьбу и своихъ суженыхъ.

Потомъ стали «хоронить золото» и звонкими молодыми голосами запѣли:

«Ужъ я золото хороню, хороню,
«Ужъ я серебро стерегу стерегу!
«Палъ, палъ перстень
«Въ калину-малину,
«Въ черну самородину:
«Очутился перстень
«Да у Остафея
«На правой на ручкѣ,
«На лѣвомъ мизинцѣ»...

— Что вы! Что вы, дѣвыньки!—вся вспыхнула Офимьица.

— Ахъ, ты тихоня!—коварно замѣтила курносенькая непосѣда Дарьица Манухина, отецъ которой тоже уѣхалъ въ Новгородъ съ прочими челобитниками.—А нонѣ, у вѣчевого помосту?

---

*) Тамъ же, 321.—И все это съ дѣтскимъ довѣріемъ вносилось благочестивыми лѣтописцами въ ихъ хронографы, и все это такъ пугало всѣхъ.

— Что у вѣчевого помосту? — еще пуще зардѣлась Офимьица.

— Какъ что!—задорно продолжала Дарьица, качая русою головкою и сверкая самоцвѣтными «колтками» въ розовенькихъ ушкахъ.—Слушайте, дѣвыньки! Стоитъ это нонѣ на вѣчевомъ помостѣ ясный соколъ въ красныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ и таково голосно выкрикиваетъ: «копитесь, жалобники, копитесь!» Откудова ни возьмись, царевна-несмѣяна, и какъ лебедь бѣлая подплываетъ къ помосту... Матынки! Какъ увидѣлъ се нашъ ясенъ соколъ, да такъ полымемъ и вспыхнулъ, ажно гривна златая у него на груди ходенемъ заходила... А кто этотъ младъ ясенъ соколъ, дѣвыньки?

— Остафій, Остафій!—послышались голоса.

— А развѣ онъ нехорошъ-пригожъ?—сказала сѣнная дѣвушка, поднося сласти боярышнямъ.

— Нѣтъ, дѣвушки,—коварно улыбнулась длинокосая непосѣда Дарьица,—ужъ если кто хорошъ-пригожъ, такъ это Юша милъ сердечный другъ.

— Какой это Юша, боярышня? — удивилась сѣнная дѣвушка.

— А Юшенька, самъ посадникъ степенный.

— Это Копылъ-то? Тьфу-тьфу! Онъ и правду подбивается къ нашей боярышнѣ, только не видать ему, старому чорту, нашей красавицы-боярышни, какъ ушей своихъ. Мы, сѣнныя дѣвушки, такъ и прозвали его «старчище-Терентьище»... Ему ужъ чуть ли не восьмой десятокъ пошелъ, а туда же, аспидъ!

— А вотъ что, дѣвыньки-подруженьки,—заговорила Офимьица, желая замять щекотливый разговоръ,—пойдемте на дворъ гадать, слушать, съ какой стороны собачка голосъ подастъ.

— Любо! Любо! Идемъ на дворъ! — согласились другія дѣвушки.

— И снѣгъ полоть, и прохожихъ пытать,—добавила Дарьица,—авось, Остафій откликнется: «копитесь, дѣвушки, копитесь!»

Всѣ засмѣялись и шумно стали собираться на дворъ. Спустившись съ лѣстницы, дѣвушки чрезъ присѣнокъ пробрались на крыльцо, а потомъ вышли за ворота.

— Ну, Офимьица, гадай ты первая,—сказала Дарьица.

— Нѣтъ, ты начинай, милая, мнѣ страшно таково,—отнѣкивалась Офимьица.

— Ты хозяйка,—возражали другія подружки,—твой конъ, ты на кону.

— Ну, инъ я начну,—сказала Дарьица и громкимъ голосомъ проговорила:

«Залай, залай, собаченька,
Залай, сѣренькій волчекъ:
«Откуда мнѣ судьбу ждать,
«Гдѣ мнѣ вѣкъ вѣковать».

Какъ бы въ отвѣтъ на это, гдѣ-то завыла собака, да такъ жалобно, что дѣвушки съ испугомъ переглянулись.

— Ахъ, какъ страшно, дѣвыньки!—струсила сама гадальщица, Дарьица.—Гдѣ это?

— Кажись, за Смердьимъ мостомъ, за Псковой рѣчкой,—отвѣтила сѣнная дѣвушка.

Собака продолжала выть. Ей отвѣчали другія въ разныхъ мѣстахъ, и въ Дѣтинцѣ, и за Дѣтинцемъ, и въ Крому, и на Полонищѣ.

— Господи, какъ страшно! — испуганно заговорили дѣвушки.—Нѣтъ, мы не будемъ больше гадать: говорятъ, это грѣхъ. Охъ, страшно, дѣвыньки!

И всѣ стремглавъ бросились на дворъ, а оттуда въ свѣтлицу...

III. Тѣнь Марѳы-посадницы.

Проводивъ гостей и простившись на ночь съ матерью, Офимьица, прежде чѣмъ лечь спать, долго молилась въ своей свѣтлицѣ передъ кіотою, сверкавшею золотыми и серебряными окладами старинныхъ иконъ. Особенно жарко молилась она Богородицѣ-утоли-моя-печали, кроткій ликъ Которой, казалось, съ такою любовью смотрѣлъ на колѣнопреклоненную дѣвушку. Ей сегодня особенно было что-то радостно и боязно. Отчего радостно? Даже здѣсь, предъ кроткимъ ликомъ Богородицы, она не могла отогнать отъ себя дорогой, желанный образъ суженаго, мужественная красота котораго особенно поразила ее сегодня, когда онъ стоялъ на вѣчевомъ помостѣ, сверкая морознымъ инеемъ своей пушистой бороды. А глаза его, а щеки, жаркимъ полымемъ вспыхнувшія на морозѣ при видѣ ея... Офимьицы...

И въ постели, подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ, дѣвушка не могла долго заснуть. Ея радужныя дѣвическія грезы смѣнялись то и дѣло предчувствіемъ чего-то страшнаго, невѣдомаго. Недаромъ Иванушка-юродивый такъ плакалъ сегодня. Онъ святой человѣкъ, у него есть даръ Провидѣнія. И сегодня у нихъ за обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ и разговляться не захотѣлъ. Онъ все твердилъ, что настаетъ великій постъ для Пскова, а глядя на матушку, онъ горестно качалъ головой и все говорилъ: «Марѳо, Марѳо!»

Какую онъ Марѳу разумѣлъ? Вѣдь ея матушка не Марѳа, а Елена. Мамушка Степанида говоритъ, что онъ намекалъ это на Марѳу-посадницу, на новгородскую. Мамушка видѣла ее когда-то, очень-очень давно, когда ходила въ Новгородъ на богомолье. Она видѣла, какъ везли эту Марѳу въ Москву, а за нею вѣчевой колоколъ, и какъ всѣ новгородцы плакали, провожая свой колоколъ. И мамушка плакала, глядючи на нихъ.

При чемъ же тутъ Марѳа-посадница? Эта мысль не давала дѣвушкѣ покоя, и она не могла сомкнуть глазъ, невольно прислушиваясь къ тихому дыханію мамушки, давно спавшей, въ той же свѣтлицѣ, на лежанкѣ.

А во всемъ Псковѣ такъ смутно эти дни. Недаромъ и собаки жалобно воютъ по ночамъ. Всѣ именитые псковскіе люди уѣхали въ Новгородъ къ великому князю московскому. И батюшка уѣхалъ, и они безъ него встрѣтили святой праздникъ. Ужели же бѣда какая ждетъ ея родной городъ? Иванушка даромъ не сталъ бы плакать. А онъ говоритъ, что и Богородица въ Похвалѣ у заутрени плакала «святыя слезы аки бисеръ безцѣненъ по суху древу катились»...

Вдругъ дѣвушка приподнялась на локтѣ и стала къ чему-то прислушиваться...

— «Звонитъ, звонитъ»,—испуганно шептала она и снова прислушивалась.

— Мамушка! А мамушка!—тихо позвала она.

— Что мое золото червоное?—откликнулся голосъ съ лежанки.

— Слышишь, вѣчной колоколъ, кажись, звонитъ?

— Что ты, что ты, ягодка! Какъ ему, колоколу-то, звонить ночью?

— Я слышала, мамушка.

— Можетъ, дитятко, слышала въ тонцѣ снѣ, въ ночномъ мечтаніи?

— Нѣтъ, мамушка, я совсѣмъ не спала... Вонъ и собаки воютъ.

Старушка, охая и крестясь, слѣзла съ лежанки и подошла къ постели своей ненаглядной вскормленницы.

— Ахти-хти! И косынька вся по подушечкѣ разметана... Что съ тобой, золото мое?

— Не спится что-то, матушка.

Старушка стала ее крестить.

— О-о-хо-хо! Намъ, старымъ да немощнымъ, ину пору не спится по ночамъ, особливо какъ расходится недугъ въ головѣ, разыграется утинъ въ хребтѣ да пуститъ недугъ къ сердцу, какъ у привередливой жены старчища-Терентьища, а вамъ бы, молоденькимъ, съ чего не спать? Наигрались, нагадались и баиньки,—бормотала старушка, качая головой.

— Да я все, мамушка, думала объ Иванушкѣ-юродивомъ да о Мароѣ-посадницѣ.

— Что объ ней думать, дитятко? Поди, она давно на томъ свѣтѣ.

— И объ вѣчномъ колоколѣ, мамушка; какъ его на Москву везли, а ты плакала.

— Нашъ-отъ вѣчевой колоколецъ не повезутъ, ягодка.

— А коли повезутъ?

— Не за что, ягодка.

— А что, мамушка, нашъ колоколъ больше новогородскаго?

— Нѣту, золото мое, нашъ поменѣ будетъ. Да что ты все объ колоколѣ да объ колоколѣ?.. Перекрестись и баинькай себѣ съ Богомъ. Ну, ложись, дай я тебѣ косыньку улажу, ишь коса-то богатая! И головкѣ, поди тяжело отъ эдакой ваги... Ужъ и коса! Кому-то она достанется? А, поди, Остафью, добру молодцу.

Поворчавъ нѣсколько, старушка опять забралась на лежанку; но теперь уже сонъ бѣжалъ и отъ ея старыхъ очей. Старушка поминутно вздыхала, шептала молитвы и крестилась.

— Мамушка!—снова послышался голосъ Евфиміи.

— Что, дитятко? А ты все не спишь?

— Не сплю, все думаю.

— О чемъ же думать, золото мое червоное, коли ужъ и вторые пѣтухи пропѣли.

— Обо всемъ думаю, мамушка... А какая изъ себя была эта Мароа-посадница новгородская?

— Жена была видная, огрядная.

— А она похожа была на матушку?

— Что-й-ты, дитятко! Мароа была ужъ старуха, а мать-то твоя въ самомъ соку.

— А давно это было, что ее увезли на Москву?

— Давно, ягодка, я тогда еще молода была, а твою матушку только отъ груди я отняла, когда шла въ Новгородъ, ко святой Софѣи премудрости. За мать-ту твою я и молиться ходила, да, за нее, голубушку. Такъ оно и будетъ болѣ тридцати лѣтъ, какъ Мароу-ту на Москву взяли. Ужъ и слезъ тогда что было въ Новѣгородѣ!

Старушка невольно разговорилась. Она вспомнила старину, свою молодость, войны Пскова съ Новгородомъ и съ нѣмцами, пожары, опустошавшіе городъ, и моровыя повѣтрія. Старушка увлеклась незамѣтно и особенно яркими красками описала моръ, свирѣпствовавшій въ Псковѣ болѣе двадцати лѣтъ назадъ.

— И что-й то былъ за гнѣвъ Божій, ягодка моя! Отъ того гнѣва Божія мужи и жены по монастырямъ разбѣгались, ангельскій чинъ принимали, а что было въ городѣ, и сказать то страшно! Мертвецовъ негдѣ было хоронить, по пяти и по шести въ одну яму клали. А болѣзнь была такова: человѣка-то словно рогатиною ударитъ, а потомъ железы вспухнутъ, и станетъ тотъ человѣкъ кровію харкать и горѣть весь аки въ огнѣ, а тамъ скоро и душеньку Богу отдастъ... Ужъ и пролито было тогда слезъ, Господи!

Она замолчала и стала прислушиваться. Слышно было, какъ гдѣ-то благовѣстили къ заутрени.

— Кажись, уснуло дитятко мое милое.

Она встала и тихо подошла къ постели Ефиміи. Дѣвушка дѣйствительно спала.

— Подъ сказочку уснула ягодка,—прошептала старушка и направилась къ своему жесткому ложу, нашептывая молитвы.— Далась ей Мароа-посадница,—бормотала она, укладываясь,— и точно, словно бы тѣнь ея бродитъ надъ Псковомъ... Охъ, быть бѣдѣ, быть бѣдѣ...

IV. «Похоронный колоколъ».

Что же, въ эти тревожные для Пскова дни, дѣлали псковичи въ Новгородѣ?

Они ожидали праздника Крещенья.

— Копитесь, копитесь, жалобники! Придетъ Крещенье Господне, тогда я вамъ всѣмъ дамъ управу.

Такъ возгласилъ псковичамъ слово государево, на владычнемъ дворѣ, думный дьякъ, Третьякъ Далматовъ, не глядя ни на кого изъ жалобщиковъ, громадною толпою тѣснившихся на дворѣ владыки новгородскаго.

Многимъ псковичамъ показалось при этомъ, что Третьякъ, гордо поднявъ сѣдую голову при возглашеніи слова государева, какъ будто незамѣтно усмѣхнулся въ бороду.

Ждутъ псковичи Крещенья. А челобитчики, по зову степеннаго посадника, Юрья Копыла, валятъ изъ Пскова сотнями: у каждаго за душой есть не одна обида и жалоба на князя Ивана-«найдена». А еще больше навалило изъ Пскова и пригородовъ чернаго люду, «молодчихъ людей — худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ». У этихъ—жалобы на псковскихъ бояръ и купцовъ, на людей знатныхъ, которые будто бы бѣдныхъ смердовъ заѣдаютъ урочными работами и всякими тяготами.

А это-то послѣднее и на руку великому князю: онъ заступится за смердовъ и проглотитъ Псковъ, какъ батюшка его, блаженныя памяти, проглотилъ Новгородъ.

Великій князь вызвалъ, наконецъ, изъ Пскова и князя-«найдена» къ отвѣту.

Князь Иванъ явился въ Новгородъ уже не въ горностаяхъ, а въ скромной одеждѣ великокняжескаго сподручника. Онъ явился, чтобы мстить постылому Пскову за его высокомѣріе, за глумленіе надъ нимъ, за позорную кличку «найденъ», которую бросали ему въ глаза псковскіе ребятишки.

Злоба душила его, когда онъ проходилъ владычнымъ дворомъ, чтобы стать на очахъ великаго князя. На дворѣ толпились псковичи-жалобщики и злорадно шептались, когда князь Иванъ проходилъ мимо нихъ, какъ простой челобитчикъ.

— «Найденъ», «найденъ» идетъ! — пересмѣивались псковичи, показывая на своего князя пальцами.—Ишь какъ хвостъ-

отъ поджалъ, не во Псковѣ, видно. Горностан-то свои припряталъ... А то на! Фу ты, ну ты! Чортъ ему не братъ... Мы и не такихъ князьковъ спроваживали вѣчемъ по добру, по здорову, скатертью дорога! «Найденка» и есть «найденка», щербатый алтынъ и цѣна-то ему вся. Погоди, ужо, на Крещенье Господне, мы тебѣ отпоемъ, все отпоетъ-отъ «блаженъ мужъ» да «всякую шаташася».

Князь все это слышалъ и задыхался отъ злобы, но молчалъ.

Блѣдный, взволнованный, онъ предсталъ предъ ясныя очи великаго князя. Молодой государь сидѣлъ на высокомъ владычнемъ сидѣньѣ съ двуглавымъ орломъ надъ головою. По правую отъ него руку сидѣлъ коломенскій епископъ Мартирій, а по лѣвую — братъ Андрей Ивановичъ. Рядомъ съ княземъ Андреемъ—крымскій царевичъ Абдулъ-Летифъ, а нѣсколько въ сторонѣ—дьякъ Третьякъ Далматовъ.

Машинально, почти ничего не видя отъ волненія, князь-намѣстникъ Пскова приблизился къ государю и поцѣловалъ его руку.

— Здравствуй, князь Иванъ,—сказалъ великій князь ласково.

Князь Иванъ снова поцѣловалъ державную руку.

— Что, Иванушко,—съ улыбкой заговорилъ Василій Ивановичъ,—я чаю, псковичи плохо тебя кормили, вонъ, какой ты худой да блѣдный.

Князь-намѣстникъ въ третій разъ приложился къ рукѣ великаго князя.

— Вижу, вижу, плохое тебѣ тамъ кормленье было, постное, вижу, Иванушко.

Ласковый пріемъ «обладателя всеа Русіи» ободрилъ псковскаго намѣстника. Онъ выпрямился.

— Челомъ бью великому государю на отчину твою, на Псковъ городъ,—началъ онъ дрожащимъ голосомъ,—къ стопамъ твоимъ, великій государь, хощу положить вины отчины твоей, Пскова-города.

— А въ чемъ его вины передъ мною, великимъ государемъ?—спросилъ Василій Ивановичъ, и голубые глаза его сверкнули гнѣвомъ.—Тертій!—глянулъ онъ въ сторону дьяка Далматова.—Записывай вины отчины моей, Пскова-города.

Третьякъ спокойно разложилъ передъ собою свитокъ и, не-

замѣтно улыбнувшись въ бороду, взялся за огромное орлиное перо, торчавшее султаномъ изъ массивной бронзовой чернильницы.

— Сказывай!—выронилъ слово великій князь.

— Вѣдомо тебѣ, великому государю, буди,—началъ все еще дрожащимъ голосомъ намѣстникъ Пскова,—мнѣ, холопу твоему государеву и намѣстнику, было великое безчестіе отъ псковичей: они, великій государь, въ мои суды и пошлины вступались самоуправно, держали меня, великій государь, не такъ какъ прежнихъ твоихъ государевыхъ намѣстниковъ допрежъ сего держали, и чинили мнѣ всякое безчестіе словомъ браннымъ и дѣломъ крамольнымъ. Еще же, великій государь, отъ посадниковъ псковскихъ и бояръ чинятся великія обиды и оскорбленія ихъ же братьи, псковичамъ, черному и бѣдному люду...

— Тертій!—возвысилъ голосъ великій князь, взглянувъ на дьяка. — Пиши: обиды чинятъ моимъ государевымъ людемъ, смердамъ и рольникамъ, и всей молодчей братьи... Ну?—обратился онъ снова къ князю-намѣстнику.

— Богатые люди, государь, утѣсняютъ бѣдныхъ,—продолжалъ тотъ все болѣе и болѣе смѣло...—А наипаче всего, великій государь, псковичи презираютъ твое государево имя...

— Мое государское имя!—грозно вскричалъ великій князь и гордо выпрямился.—А! Такъ вотъ куда уже зашло! Мое имя безчестятъ! Такъ я же имъ покажу!.. Я напомню имъ Марѳу Борецкую и вѣчевой колоколъ: будетъ и ихъ колоколъ звонить у меня на Москвѣ по покойникамъ... Отнынѣ псковской вѣчевой колоколъ—похоронный колоколъ.

Великій князь всталъ съ мѣста и въ сильномъ гнѣвѣ удалился въ другіе покои, успѣвъ только кинуть черезъ плечо князю-намѣстнику:

— Спасибо, князь Иванъ! Похваляю.

V. Іорданское дѣйство.

Наступило Крещенье.

Новгородъ, нисколько не оправившійся послѣ разгрома, учиненнаго надъ нимъ блаженныя памяти великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Третьимъ, собирателемъ русской земли,

на половину опустошенный и разрушенный и заселенный москвичами, желая, однако, достойно почтить державнаго гостя «не жалѣючи своихъ холопскихъ великаго государя животишекъ», на славу устроилъ «іорданское дѣйство« на рѣкѣ Волховѣ. Іорданская сѣнь была обита золототканною парчою и дорогими заморскими золотыми кистями. На куполѣ сѣни, подъ золоченымъ восьмиконечнымъ крестомъ, ярко блисталъ подъ морозными лучами крещенскаго солнца золотой двуглавый орелъ со скипетромъ и державнымъ яблокомъ въ мощныхъ когтяхъ, а правымъ клювомъ державный орелъ придерживалъ на шелковомъ шнурѣ сдѣланнаго изъ сахара бѣлаго голубя, который долженъ былъ спуститься къ водѣ въ самый главный моментъ «іорданскаго дѣйства», погруженія креста въ Волховъ.

Съ утра по городу ходили пріѣхавшіе съ великимъ княземъ изъ Москвы дѣти боярскіе и государевымъ словомъ кличъ кликали.

— Посадники псковскіе и бояре, и всѣ псковичи, жалобные люди!.. По указу великаго государя, идите къ Волхову на іорданское дѣйство, на водосвятіе!

И псковичи толпами повалили къ Волхову, къ іорданской сѣни.

На лицахъ у всѣхъ свѣтилось оживленіе, радость. Наконецъ-то, они дождались великокняжеской управы! Наконецъ-то, отъ нихъ возьмутъ постылаго князя «найдена», безсовѣстнаго грабителя и самоуправца, который что хотѣлъ, то дѣлалъ съ беззащитными псковичами, не находившими поддержки даже въ своемъ собственномъ посадникѣ, въ срамникѣ старомъ, въ Юркѣ Копылѣ: вмѣсто того, чтобъ править Псковомъ побожески, по старинѣ, онъ только и думалъ, какъ бы ему, старому, лысому и беззубому «старчищу-Терентьищу», жениться на молоденькой Евфиміи, дочери посадника Леонтія Макарьевича, первой красавицѣ и скромницѣ на весь Псковъ-Великій. При томъ же они и испроторились, живучи въ Новгородѣ межъ чужими людьми, и соскучились по своимъ семьямъ, по своимъ женишкамъ, и дѣтишкамъ. И праздникъ-то они встрѣтили безсемейно, на чужой сторонѣ, словно полоняники. Теперь и крещенскія святки будутъ оправлять въ Псковѣ безъ нихъ—сироты сиротами!

Но сегодня конецъ всему, конецъ ихъ долготерпѣнію!

Весь Волховъ запрудили собою псковичи, «жалобные люди», какъ ихъ выкликали сегодня дѣти боярскіе.

Но вотъ показалась церковная процессія со стороны святой Софіи. Засверкали и заискрились на солнцѣ церковныя хоругви, кресты и иконы. Впереди всѣхъ въ полномъ облаченіи шли Мартирій, епископъ коломенскій, да архимандритъ Симонова московскаго монастыря и все новгородское духовенство.

Вслѣдъ за духовенствомъ слѣдовалъ великій князь въ сопровожденіи бояръ, окольничьихъ и думныхъ.

Тутъ же находились и братъ великаго князя, Андрей, и псковскій намѣстникъ, князь Оболенскій.

Псковичи замѣтили его.

— Вонъ и нашъ «найденъ» съ поджатымъ хвостомъ,— трунили издали псковичи.

— И точно «найденка»... И какъ это пса смердящаго пущаютъ на водосвятіе!

— Поди жъ ты! Собака на іорданскомъ дѣйствѣ.

— Что жъ, собакамъ не возбраняется по улицамъ бѣгать.

Началось водосвятіе. Особенно торжественная была минута, когда, при погруженіи креста въ воду, пѣвчіе возгласили: «Во Іордани крещающуся тебѣ, Господи!..»

— Глянь-ко-сь, глянь, братцы! Голубокъ спущается на воду!—прошелъ шопотъ по толпѣ.

— Это святой духъ, это дѣйство...

Народъ толпами повалилъ сподобиться святой воды, а духовенство и великій князь съ боярами направились обратно къ святой Софіи.

По Волхову и по берегу рѣки, среди псковичей, послышались громкіе возгласы:

— Посадники псковскіе, и бояре, и всѣ псковичи, жалобные люди! Великій государь Василій Ивановичъ всеа Русіи повелѣлъ вамъ собраться на владычный дворъ! Приходите всѣ до единаго! Бойтесь государевой казни, кто не придетъ! Нынѣ великій государь хочетъ всѣмъ дать управу.

Это выкликали бояре по указу великаго князя.

Псковичи радостно двинулись къ владычному двору... «Слава тебѣ, Господи!..»

Вдругъ, откуда ни возьмись, псковскій юродивый Иванушка, все въ томъ же саванѣ и босикомъ. Но теперь онъ сидѣлъ вер-

хомъ на своемъ посохѣ, какъ это дѣлаютъ ребятишки, играя въ лошадки. Юродивый, осѣдлавъ свой посохъ, скакалъ впереди псковичей, свисталъ и похлестывалъ свою мнимую лошадку, приговаривая: «гопъ-гопъ лошадка! Вывози псковичей во царствіе небесное!»

Потомъ онъ остановился и повернулся лицомъ къ озадаченнымъ псковичамъ.

— Садитесь на палочки, псковичи!—закричалъ онъ.—Садитесь всѣ до единаго! Поѣдемъ въ гости къ матушкѣ, къ Марьѣ Акимовнѣ...

У Марьицы палаты богаты,
У Акимовны обители многи:
Самъ Христосъ о томъ сказывалъ
И смущаться намъ не приказывалъ.

— Но-но, лошадка! Гопъ-гопъ, псковичи! За мною въ царствіе Божіе!

Никто не понялъ ни дѣйствій юродиваго, ни его иносказаній. Только посадникъ Леонтій Макарьевичъ, хорошій знатокъ священнаго писанія, истолковалъ намеки юродиваго не въ пользу своего дѣла. Онъ понялъ, что ѣздою на палочкѣ онъ уподоблялъ псковичей дѣтямъ несмысленнымъ, «ихъ бо есть царствіе Божіе»; а словами объ «обителяхъ многихъ» юродивый намекалъ на слова Іисуса Христа: «да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте: въ дому Отца моего обители многи суть...»

Отецъ Евфиміи догадался, что ихъ ждетъ несчастье, опала, быть можетъ, казнь...

— Бѣдная Офимьица, бѣдныя дѣтушки мои!—невольно защемило у него на сердцѣ.—Это все Юрій Копылъ по злобѣ за Офимьицу: онъ погубитель Великаго Пскова...

VI. Арестованіе псковичей.

Псковичи, предшествуемые юродивымъ верхомъ на палкѣ, всѣ вошли на владычный дворъ.

Тамъ ихъ встрѣтили московскіе бояре съ дьякомъ Далматовымъ.

— Господо псковичи, лучшіе люди!—обратился къ нимъ Третьякъ.—Вы, господо посадники, бояре, купцы и всѣ луч-

шіе люди, пожалуйте во владычную палату; а вы, люди молодчіе, пообождите малость на дворѣ. Всѣмъ вамъ будетъ управа отъ великаго государя.

«Лучшіе люди» гурьбой вошли въ палату и ждали выхода великаго князя. Тишина въ палатѣ водворилась необычайная, когда дьякъ Далматовъ и московскіе бояре скрылись во внутреннихъ покояхъ. Тамъ, за дверьми, все было тихо, какъ въ могилѣ.

Впереди сборища псковичей стояли посадники, въ томъ числѣ степенный Юрій Копылъ и бывшій степенный Леонтій Макарьевичъ: но они не глядѣли другъ другу въ глаза.

Мучительно было ожиданіе. Одинъ только юродивый, который тоже пробрался въ палату, чувствовалъ себя какъ дома. Онъ продолжалъ сидѣть на своемъ деревянномъ конѣ съ черепомъ мертвеца вмѣсто набалдашника и прохаживался по палатѣ, подходя то къ одному, то къ другому посаднику.

Вдругъ онъ неожиданно остановился передъ Юріемъ Копыломъ.

— Юша!—сказалъ онъ.—Поцѣлуй меня за весь Псковъ! Дай ми лобызаніе, Юша.

Озадаченный посадникъ не зналъ, что это значитъ, и въ смущеніи поцѣловалъ юродиваго.

— Его же аще лобжу, той есть: имите его,—сказалъ этотъ послѣдній словами Евангелія.

— «Іудино лобзаніе»,—подумалъ про себя отецъ Евфиміи.

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ неожиданно отворилась, и всѣ вздрогнули. Но въ дверяхъ былъ только дьякъ Далматовъ.

— Сполна ли всѣ собрались?—спросилъ онъ, оглядывая сборище.

— Всѣ сполна,—отвѣчалъ посадникъ Юрій.

Дьякъ опять скрылся. Опять ждутъ. Теперь уже навѣрно выйдетъ самъ великій князь.

Но онъ не выходитъ. Минуты кажутся часами. Юродивый подъѣзжаетъ на своей палкѣ къ посаднику Леонтію и съ грустью смотритъ ему въ глаза.

— Что Левушка,—говоритъ онъ.—скучаешь по Оленѣ Митревнѣ да по дѣтушкамъ?

— Зѣло скучаю, Иванушка.

— А что велишь имъ сказать отъ тебя?

— Какъ что?—удивился посадникъ.

— Да что пожелаешь, поклонъ ли сожительницѣ, благословеніе ли чадамъ... Я севодни ѣду во Псковъ, такъ и свезу имъ отъ тебя гостинецъ словесный.

— Да я самъ, Иванушка, може севодня же поѣду во Псковъ.

— Э-эхъ!—покачалъ головой юродивый. — Улита ѣдетъ, когда-то будетъ!

На лицѣ посадника отъ этихъ словъ юродиваго выразился испугъ: онъ зналъ, что юродивый наобумъ ничего не скажетъ, и весь Псковъ вѣрилъ въ пророческое ясновидѣніе своего юродиваго.

— О-охъ, Левушка!—повторилъ юродивый.—Чья улита ѣдетъ, а наша еще и саней не запрягала.

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ растворилась настежъ. Въ дверяхъ показался дьякъ Далматовъ съ боярами. Всѣ замерли въ ожиданіи.

— Поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всеа Русіи,—торжественно провозгласилъ дьякъ.

Слова эти какъ громъ поразили псковичей.

— О-о!—послышались стоны.—Поиманы! Боже правый.

Псковичи попали въ западню. Они сразу теперь поняли это, но поняли слишкомъ поздно; они неожиданно очутились плѣнниками великаго князя. «Поиманы»—это значитъ: арестованы! Ужасъ овладѣлъ всѣми.

— Тертій! А Тертюшка!—подскочилъ вдругъ къ дьяку Далматову юродивый на своей лошадкѣ.

— Что человѣче Божій?—почтительно спросилъ дьякъ.

Старая московская Русь глубоко чтила своихъ юродивыхъ, называя ихъ «людьми божьими», «святыми»: «Христа ради юродъ», и они смѣло говорили въ глаза рѣзкую, по своему времени, правду и царямъ и владыкамъ.

— Что, человѣче божій? — почтительно повторилъ дьякъ свой вопросъ.

— Есть тутъ у васъ по близости осина?—загадочно спросилъ юродивый.

— Осина, человѣче божій?—удивился дьякъ. — На что осина? Ради коея потребы?

— А для Іуды, Тертюшка, помнишь: и «шедъ удавися»...

Дьякъ ничего не отвѣчалъ. Всѣ присутствовавшіе поняли весь трагизмъ намека юродиваго. Совершилось предательство...

Между тѣмъ московскіе бояре, заперевъ владычный дворъ и поставивъ у воротъ стражу, уже переписывали поименно всѣхъ псковичей «жалобныхъ людей», которые находились на дворѣ.

Въ палатѣ же, гдѣ находились арестованные посадники и бояре псковскіе, послѣ нѣмой сцены, полной глубокаго отчаянія, снова раздался голосъ дьяка:

— Подумайте, псковичи, какъ вамъ добить челомъ великому государю!—И дьякъ удалился.

VII. «Холопи, холопи, холопи!»

По уходѣ дьяка и бояръ московскихъ, въ палатѣ произошла бурная сцена. Многіе въ отчаяніи ломали руки. По сѣдымъ бородамъ текли безмолвныя слезы.

— Іуда! Гдѣ Іуда?—спохватились иные.

Но того, кого называли Іудой, уже не было въ палатѣ.

Когда улеглись первые порывы отчаянія, и псковичи поняли свою безвыходность, они начали обсуждать: что же имъ дѣлать? На что рѣшиться? Дьякъ Далматовъ прямо сказалъ: «подумайте, какъ вамъ добить челомъ великому государю». Онъ не сказалъ—«великому князю, а прямо «государю». Ясно, что хотятъ не «княженія», а «государствованія», и на послѣднемъ только и возможно обоюдное соглашеніе.

— Что же, господо псковичи, отцы и братія!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ посадникъ Леонтій.—Скажемъ то словечко, котораго отъ насъ хотятъ, и котораго ни у отцовъ, ни у дѣдовъ, ни у прадѣдовъ нашихъ на устахъ не бывало, какъ Псковъ стоитъ! Добьемъ челомъ этимъ словечкомъ!

— Какое же есть оное словечно?—спросили нѣкоторые.—Какова его сила?

— А словечко то, господа псковичи,—медленно произнесъ посадникъ,—«холопи!»

— Холопи! — послышались испуганные голоса. — Мы, Псковъ, отчина великихъ князей, а не холопи!

— Что дѣлать, господо! Мы—пойманы: намъ ли противу рожна прати?—возразилъ посадникъ.

— На то воля Божія,—согласились другіе,—его святая воля.

Опять вошелъ дьякъ Далматовъ. — Надумались, господа псковичи?—спросилъ онъ.

— Надумались,—отвѣчалъ посадникъ Леонтій.

— А какова сила вашей думы?—продолжалъ дьякъ.

— Такова!—отвѣчалъ посадникъ.—Познаемъ вину свою и бьемъ челомъ государю...

При словѣ «государю», а не «великому князю» чуть замѣтная улыбка прозмѣилась подъ сѣдыми усами стараго дьяка-дипломата.

— Бьемъ челомъ государю, — продолжалъ посадникъ, — чтобъ онъ пожаловалъ насъ, холопей своихъ...

— Пожаловалъ насъ, холопей своихъ, и весь Псковъ, какъ ему Богъ извѣститъ!—съ подавленнымъ рыданіемъ закончилъ посадникъ, между тѣмъ, какъ на душѣ его клокотало: «дитятко мое! Офимьица! Радость очей моихъ! И ты холопка, холопка, холопка!

Дьякъ удалился. Псковичи остались въ глубокомъ безмолвіи. Только слышно было, какъ юродивый, обхвативъ холодной черепъ руками и припадая къ нему головой, тихо плакалъ, почти беззвучно повторяя: «ой, леле-леле-леле-!»...

Внезапно дверь распахнулась, и въ ней показались дьякъ Далматовъ и пятеро московскихъ бояръ.

— Государь нашъ,—торжественно провозгласилъ дьякъ,—государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ, своимъ слугамъ, сказать: прародители наши, великіе князья, и отецъ нашъ, и мы, держали отчину свою, Псковъ, въ своемъ государевомъ жалованьи въ старинѣ до сихъ дней и берегли отовсюду; а вы, наша отчина, Псковъ, имя наше держали честно и грозно, по старинѣ, и оказывали честь своимъ князьямъ, нашимъ намѣстникамъ. А нынѣ вы, отчина наша, Псковъ, наше имя и нашихъ намѣстниковъ держите не по прежнему. И къ намъ пришли жалобники—на посадниковъ и на земскихъ судей бьютъ челомъ, что отъ нихъ нѣтъ управы и дѣлаютъ большое разореніе. За то слѣдуетъ на васъ, отчину свою, положить великую опалу. Но

великій государь кажетъ вамъ, отчинѣ своей милость и жалованье, есть ли только вы сотворите волю государеву: свѣсить прочь вѣчевой колоколъ и впредь вѣчамъ не быть...

Стонъ прошелъ по палатѣ... «Оо!-леле-леле-леле!»—слышались всхлипыванія юродиваго.

— Вѣчамъ не быть, — продолжалъ дьякъ, — и быть во Псковѣ двумъ намѣстникамъ; и по пригородамъ псковскимъ тожъ будутъ намѣстники. А какъ во Псковѣ и по пригородамъ будутъ судить намѣстники, и ту пору государь самъ прибудетъ во Псковъ поклониться Живоначальной Троицѣ, и всему тому учинитъ указъ. Если вы познаете государево жалованье и по его волѣ будете тѣмъ довольны, то государь васъ жалуетъ вашимъ достояніемъ и не будетъ вступаться въ земли ваши. А коли вы не познаете государева жалованья и не учините его воли, и тогда государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ. И кровь христіанская взыщется на тѣхъ, которые государево жалованье презираютъ и воли его не творятъ!

Всѣ плакали, выслушивая этотъ жестокій приговоръ.

Впередъ выступилъ посадникъ Леонтій, но за слезами долго не могъ говорить.

— Мы—говорилъ онъ, пересиливая съ трудомъ истерическія спазмы въ горлѣ,—мы всѣ здѣсь головами на томъ государевомъ жалованьѣ. Бьемъ челомъ государю за то, что отлагаетъ казнь свою надъ нами, холопями своими, и отдастъ опалу свою отчинѣ своей, Пскову, чтобы кровь христіанская не проливалась!

— Кровь, кровь!—съ ужасомъ шептали нѣкоторые.

Но посадникъ опять овладѣлъ своимъ голосомъ.

— Отчина государева,—продолжалъ онъ,—отъ прародителей его, государей русскихъ, и при отцѣ его, и при немъ государѣ нашемъ, была неотступна и неизмѣнна ни въ чемъ до сего часу, и нынѣ и напредки такъ останется. Вѣдаетъ Богъ да государь, въ какомъ жалованьи похочетъ онъ учинить свою отчину.

Выслушавъ это, дьякъ и бояре удалились.

— Да не смущается сердце ваше,—тихо проговорилъ юродивый, переставъ плакать,—да будетъ его святая воля!

Уже никто не плакалъ. Глухая тоска заступила мѣсто отчаянія; худшее, что могло совершиться, совершилось!

Снова явились бояре вмѣстѣ съ дьякомъ Далматовымъ. На этотъ разъ волю государеву говорилъ не дьякъ, а старѣйшій изъ бояръ—князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ.

— Государь великій князь,—сказалъ онъ,—приговорилъ было своимъ боярамъ послать на Псковскую землю рать; но теперь вы бьете челомъ за себя и за нашу отчину, Псковъ, отдаете государево жалованье въ его волю. И посему государь говоритъ вамъ: дайте намъ крѣпкое слово за себя и за нашу отчину и за всю Псковскую землю, что Псковъ, отчина наша, пожелаетъ нашего жалованья и учинитъ волю нашу во всемъ томъ, о чемъ бояре наши вамъ говорили; а государь пошлетъ съ этимъ своимъ жалованьемъ во Псковъ дьяка Третьяка Далматова. Да вы и сами не хотите ли отъ себя послать отсюда о томъ же къ нашей отчинѣ, Пскову, къ своимъ пріятелямъ, которые у васъ тамъ есть, чтобъ и они хотѣли вашего жалованья и учинили во всемъ нашу волю.

Князь Щенятевъ кончилъ. Псковичи молчали. Да и что они могли сказать? Слышны были только ихъ тяжелые, задавленные вздохи, да юродивый какъ бы про себя шепталъ: «горе тебѣ, Хоразине! Горе тебѣ, Виѳсаидо!..»

— Пошлете?—спросилъ князь Щенятевъ.

— Спосылаемъ,—безучастно отвѣчали нѣкоторые.

Князь Щенятевъ глянулъ на дьяка Далматова. Третьякъ удалился и черезъ минуту воротился, предшествуемый Мартиріемъ, епископомъ коломенскимъ, съ распятіемъ въ одной рукѣ и крестоцѣловальною записью въ другой.

Псковичи поклонились епископу.

— Чада моя!—произнесъ этотъ послѣдній. — Говорите со мною слово по слову... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Обѣщаюсь и клянусь Господомъ Іисусомъ Христомъ предъ святымъ его распятіемъ во всемъ повиноваться государю своему Василію Ивановичу, царю и государю всеа Русіи и великому князю, хотѣть ему добра во всемъ же, безъ единыя хитрости, не мыслить и думать лиха ни ему, великому князю, ни его княгинѣ, ни его дѣтямъ, ни его землямъ, и пребывать не отступно отъ своего государя до конца живота своего.

Псковичи повторили отъ слова до слова.

— Аминь!—произнесъ Мартирій.—Цѣлуйте живоносящій Крестъ Христовъ.

Псковичи приложились къ распятію. Присяга была кончена.

. . . . . .

Черезъ минуту въ послѣдній разъ явился къ псковичамъ дьякъ Далматовъ и проговорилъ:—«Государь вашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всеа Русіи и великій князь, указалъ васъ, холопей своихъ государевыхъ, жаловать, звать васъ къ нему, великому государю, обѣдать.

VIII. «Батюшка и Псковъ».

Мы опять въ Псковѣ.

Не весело встрѣтили псковичи крещенскій праздникъ. По обыкновенію шумный во все время святокъ, теперь городъ казался словно бы нѣсколько обезлюдѣвшимъ. Да и неудивительно: большинство лучшихъ и богатѣйшихъ псковичей, всѣ посадники почти и бояре, находились въ Новгородѣ; а тѣ, которые оставались въ городѣ, не могли быть вполнѣ спокойны за будущее; большинство псковитянокъ скучало по своимъ отсутствующимъ мужьямъ, и оттого святки были не въ святки. Хорошо еще, что не долго оставалось ждать: сегодня, на Крещенье, всѣ должны воротиться домой или къ обѣдамъ, или послѣ обѣда. Но пришлось обѣдать безъ мужей, безъ отцовъ.

Только дѣти да молодежь не унывали, а даже радовались, что вотъ-вотъ скоро воротятся изъ Новгорода ихъ отцы и привезутъ обѣщанные гостинцы. Юные псковичи и псковитянки устроили даже себѣ на Торговищѣ, подъ Довмонтовой стѣной, ледяную горку и катаются съ нея на салазкахъ при общемъ хохотѣ и дружныхъ крикахъ.

Вмѣстѣ съ прочими катаются на салазкахъ и знакомыя намъ пріятельницы, Офимьица Макарьевичева, дочка посадника Леонтія, и Дарьица Манухина. Крещенскій морозъ такъ нарумянилъ ихъ щеки, что розовыя личики ихъ выглядывали изъ-подъ темныхъ собольихъ шапочекъ словно весенніе цвѣты.

— А ну, Фима, кто кого перегонитъ?—задирала свою пріятельницу веселая Дарьица.

— Посмотримъ. Только чуръ, Даша разомъ.

— Знамо, разомъ. Слушай: разъ, два, три!

И обѣ разомъ пустились съ горы. Дарьица такъ усердствовала, что на полпути налетѣла на чьи-то порожнія салазки, не убранныя съ дороги, и опрокинулась вмѣстѣ съ санками, такъ что

только мѣдныя подковки ея красныхъ сапожковъ сверкнули на солнцѣ.

— Обогнала! Обогнала!—радостно билъ въ ладоши Петрикъ, братъ Офимьицы.

— Обогнала назадъ пятками!—смѣялись другіе ребятишки.

— Ай-ай! Смотрите! Дарьицына коса зацѣпилась за салазки: вотъ такъ возжи!

Всѣ смѣялись, а Дарьица смѣялась больше всѣхъ, хоть ей со стыда и хотѣлось плакать.

Вдругъ на Торговище, со стороны Новгорода, примчались сани тройкой.

— Православные!—кричалъ кто-то изъ саней.—Князь великій переловилъ нашихъ въ Новгородѣ!

Говоръ, смѣхъ, веселье разомъ стихли.

— Пойманы всѣ наши великимъ княземъ, православные!—продолжалъ вопить пріѣзжій.

Офимьица и Дарьица стояли испуганныя, трепещущія.

— Кажись, это голосъ Филиппа,—нерѣшительно замѣтила первая.

— Да, это Поповичевъ голосъ, Филипповъ, — отвѣчала послѣдняя,—побѣгимъ, распытаемъ его.

И дѣвушки побѣжали, забывъ про свои салазки.

— И мой батюшка пойманъ княземъ?—кричала издали Офимьица.

— Пойманъ, милая, пойманъ!

— И мой, дядюшка?

— И твой, Дарьица, Онисимъ Ильичъ пойманъ.

Между тѣмъ началъ сбѣгаться на площадь народъ. Въ одно мгновенье заговорилъ вѣчевой колоколъ.

Ужасомъ поразила всѣхъ страшная вѣсть, привезенная Филиппомъ Поповичемъ. Онъ ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ, и около Веряжи услыхалъ отъ встрѣтившихся новгородцевъ, что всѣ псковичи, и посадники, и бояре, и купцы, и черные люди, прибывшіе въ Новгородъ съ жалобами и челобитьями, всѣ, по приказанію великаго князя, переловлены обманнымъ образомъ. Поповичъ бросилъ на дорогѣ товаръ, все равно пропадаетъ Псковъ, а съ нимъ и псковичи и ихъ достояніе! и налегкѣ помчался назадъ, чтобы сообщить родному городу ужасную вѣсть.

Въ нѣсколько минутъ вѣчевая площадь была затоплена народными волнами. Слышался всеобщій вопль отчаянія, который, сливаясь съ неумолкаемымъ звономъ вѣчевого колокола, наводилъ еще большій ужасъ на всѣхъ. Женщины падали въ обморокъ. Казалось, стоналъ самый воздухъ надъ несчастнымъ городомъ. Изъ этого стона и вопля по временамъ выдѣлялись энергическіе возгласы...

— Ставьте щитъ противу государя! Запремся въ городѣ!

— Ляжемъ костьми за Живоначальную Троицу и за домы отцовъ нашихъ!

— За вѣчный колоколъ! За вѣчную волю нашу!

Но слышались и другіе голоса, голоса людей болѣе благоразумныхъ:

— Отцы и братія! Послушайте! Какъ же мы поставимъ щитъ противу государя, коли наша братья, посадники и бояре и всѣ лучшіе люди у него въ полону! За наше непокореніе онъ ихъ всѣхъ предастъ лютой казни.

— Опомнитесь, господо псковичи! Опомнитесь! Кровь нашихъ братьевъ падетъ на насъ и на чадъ нашихъ! Опомнитесь!

Въ эти страшныя минуты шатанія умовъ на площади неожиданно появляется Онисимъ Манухинъ, отецъ Дарьицы. Онъ пригналъ гонцомъ въ Псковъ отъ арестованныхъ въ Новгородѣ согражданъ своихъ. Издали онъ махалъ поднятою вверхъ бумагою и кричалъ. «Помедлите мало, псковичи, помедлите! Я привезъ грамоту отъ отцовъ и братьи нашей!»

Прямо съ коня гонца тотчасъ же взвели на вѣчевой помостъ. Знакомый уже намъ красавецъ, сотскій Евстафій, подалъ знакъ, чтобы вѣчевой колоколъ замолчалъ.

На минуту на площади воцарилась мертвая тишина.

— Отцы и братья!—кланялся гонецъ на всѣ четыре стороны.—Вотъ грамота отъ посадниковъ нашихъ, отъ бояръ, купцовъ и всѣхъ лучшихъ людей!

— Вычитывай грамоту!—раздались голоса.

— Пускай Остафій вычитаетъ!—кричали другіе.—У него голосъ на весь Псковъ.

— Остафій! Остафій сотскій!

Красавецъ сотскій снялъ шапку и поклонился на всѣ четыре стороны. Вдругъ глаза его упали на чье-то блѣдное, какъ

полотно, миловидное личико. Онъ узналъ Ефимію, и краска залила его красивое, мужественное лицо.

— Читай! Читай!

— Осѣнитесь крестомъ, псковскіе люди! — Вся площадь шумно перекрестилась.

Дрожащими руками взялъ Евстафій грамоту, перекрестился въ свою очередь и сталъ читать.

Могучій голосъ его сначала обрывался, но съ половины чтенія онъ окрѣпъ и поднялся до того, что въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ площади каждое слово его било по слуху, словно молотомъ изъ серебра.

— И мы,—читалъ онъ,—подумавши между собою, сколько насъ ни есть здѣсь посадниковъ и бояръ и всѣхъ псковичей, дали государю крѣпкое слово за себя и за всю псковскую землю потому, что мы, государева отчина, всѣ какъ одинъ человѣкъ до сихъ поръ. Господо и братья наша! Посадники, и всѣ псковичи, и вся земля псковская! Похотите вмѣстѣ съ нами государева жалованья и учините его волю. Мы за себя и за васъ дали своими душами крѣпкое слово своему государю, и вы не учините съ нами розни. А если не сотворите государевой воли во всемъ по его хотѣнію, то будетъ вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ яростью и съ гнѣвомъ пойдетъ на свою отчину, Псковъ, дѣлать свое дѣло съ великимъ и многонароднымъ воинствомъ и пошлетъ воеводъ своихъ со многими людьми, и прольется христіанская кровь, и наши головы погибнутъ. И то будетъ на васъ за то, что не захотѣли государева жалованья и не учинили его воли. Государь учинилъ и срокъ дьяку Третьяку Далматову въ 10-й день генваря. Господо и братья! Сотворите сіе великое дѣло и не задержите государева посланника. Потщитеся, пока царевъ гнѣвъ еще не пришелъ съ яростью на землю. Здравствуйте!

Посланіе прочитано. Неясный говоръ, какъ рокотъ морскихъ волнъ, снова всколыхнулъ всю площадь; но въ говорѣ этомъ не слышалось уже ни воплей отчаянія, ни страстныхъ призывовъ къ борьбѣ, къ сопротивленію, къ послѣдней отчаянной попыткѣ: или устоять, или погибнуть, погубить и себя, и все, что было на землѣ дорогого и священнаго. Пскову предлагали на выборъ: жизнь или смерть. Какъ ни позорною казалась Пскову предлагаемая ему жизнь, жизнь подневольныхъ холо-

ней; какъ ни страстно хотѣли бы мужественныя сердца псковичей истечь кровью за свободу родного города, перестать биться подъ ударами московскихъ копей и бердышей; но въ стѣнахъ этого погибающаго Карѳагена остаются еще женщины и дѣти... А хотятъ-ли они смерти? Не пощадить-ли ихъ? Не купить-ли ихъ жизнь и безопасность цѣною своего личнаго позора?

Эти мысли молніей пронеслись въ прекрасной головѣ мужественнаго Евстафія, когда онъ увидѣлъ съ высоты вѣчевого помоста блѣдное личико Ефиміи и заплаканное лицо ея матери, которыя стояли среди взволнованной толпы и безпомощно ломали руки.

— Отцы и братья,—крикнулъ онъ все тѣмъ же металлическимъ голосомъ,—не пустимъ, чтобы погибли головы нашихъ посадниковъ и бояръ, нашихъ отцовъ и наставниковъ, лучшихъ людей Пскова-Великаго! Не попустимъ такого дѣла!

— Не попустимъ! Не попустимъ! — раздались согласные возгласы.

— Глядите!—указалъ Евстафій на толпу.—Вонъ лучшія жены Пскова плачутъ! Дѣти плачутъ! Ихъ мужья и отцы тамъ, у великаго князя въ неволѣ! Пощадимъ дѣтей и женъ, спасемъ полоняниковъ великаго князя!

— Любо! Любо! Спасемъ отцовъ и братью нашу!—застонала площадь.

Евстафій видѣлъ, какъ Ефимія и мать ея радостно перекрестились и посмотрѣли на него полными слезъ благодарности глазами.

Евстафій сошелъ съ помоста и съ нѣсколькими старѣйшими и почетнѣйшими лицами, какія еще оставались въ Псковѣ, вошелъ въ церковь Живоначальныя Троицы.

Народъ оставался ждать ихъ: они пошли писать челобитную великому князю.

Черезъ нѣсколько минутъ они вышли изъ церкви, и Евстафій опять взошелъ на ступени вѣчевого помоста, держа въ рукахъ только-что написанное и подписанное старшими челобитье.

— Отцы и братія! Матери и сестры! — началъ онъ, кланяясь на всѣ четыре стороны.—Вотъ челобитье Великаго-Пскова къ князю московскому.

— Вычитай! Вычитай!—раздались голоса.

— Государь нашъ, Василій Ивановичъ! — читалъ Евста-

фій.—Царь и государь всеа Русіи и великій князь! Весь Псковъ отъ мала до велика бьетъ челомъ тебѣ, государю, чтобы ты, государь нашъ великій князь Василій Ивановичъ, пожаловалъ свою старинную отчину; а мы, сироты твои, прежде всего и нынѣ отъ тебя не отступали и не противны тебѣ, государь. Богъ воленъ и ты съ своею отчиною, и съ нами, твоими людишками! Любо ли, отцы и братья?

— Любо! Любо! Стоимъ на семъ челобитьѣ.

И тутъ же приговорили: послать гонцомъ къ великому князю съ челобитьемъ того же Евстафія.

Площадь стала пустѣть, всѣ спѣшили къ своимъ домамъ, тѣмъ болѣе, что наступалъ уже вечеръ.

Евстафій собрался въ путь и передъ отъѣздомъ зашелъ на минуту къ посадницѣ Еленѣ Дмитріевнѣ Макарьевичевой, чтобы проститься съ нею и спросить, не будетъ ли отъ нея какого-либо порученія къ мужу, посаднику Леонтію, задержанному вмѣстѣ съ прочими псковичами въ Новгородѣ.

Уходя затѣмъ отъ нея, онъ въ полутемномъ присѣнкѣ замѣтилъ чью-то фигуру, робко прислонившуюся къ стѣнѣ. Онъ тотчасъ же узналъ, кто это.

— Ефимья Леонтьевна!—радостно и испуганно окликнулъ онъ.

Ему не отвѣчали. Онъ подошелъ ближе и услышалъ, что дѣвушка плачетъ.

— Ефимья Леонтьевна! Офимьица! Что съ тобою?

Онъ взялъ ее за руку и тихо привлекъ къ себѣ. Дѣвушка вся дрожала.

— Милая! Дѣвынька! Объ чемъ? Я вѣдь къ батюшкѣ ѣду, его привезу.

Дѣвушка обхватила руками его шею.

— Ты ѣдешь... мнѣ за тебя страшно... и тебя поимаютъ! Свѣтъ очей моихъ!

Она страстно прижалась къ нему, а онъ, нѣжно лаская ее и прижимая къ себѣ ея головку, шепталъ:

— Радость моя! Солнышко ясное! Не плачь, я скоро ворочусь! Я твой... А теперь, батюшка и Псковъ.

Съ трудомъ онъ вырвался изъ объятій плачущей дѣвушки.

Кн. 27.

IX. Снятіе вѣчевого колокола.

Въ 1510-мъ году Крещенье приходилось въ воскресенье.

До субботы, до 12-го января, псковичи напрасно ждали вѣстей изъ Новгорода.

Наконецъ, утромъ, въ субботу, раздался вѣчевой колоколъ, въ послѣдній разъ заговорилъ Пскову историческій голосъ.

Изъ Новгорода прибылъ посолъ государевъ, дьякъ Третьякъ Далматовъ. Что-то привезъ онъ? Что ждетъ псковичей? Чѣмъ рѣшена будетъ участь Великаго-Пскова?

Всѣ спѣшили на площадь съ этими мыслями. Но мысли эти не были мрачны: на лицахъ у всѣхъ проглядывала смутная надежда. Съ утра городъ облетѣла вѣсть, что посолъ показался встрѣтившимъ его боярамъ такимъ ласковымъ, обходительнымъ. Великому князю понравилась безпрекословная покорность псковичанъ, это не то, что нѣкогда строптивый Новгородъ съ его кичливою посадницею Мароою!

Вѣче приготовилось «почетно и почестно» встрѣтить посла государева. Вѣчевой помостъ и ступени были покрыты краснымъ сукномъ. Вся площадь и прилегающія къ ней улицы были запружены народомъ. Даже верхъ Довмонтовой стѣны былъ покрытъ псковичами. Женщины явились съ грудными дѣтьми на рукахъ. «Худые мужики вѣчники» этотъ плебсъ Великаго Пскова, словно черныя галки и воронье усѣяли всѣ сосѣднія крыши домовъ и ближайшія колокольни.

День выдался пасмурный, но теплый.

Посолъ государевъ вышелъ изъ церкви Живоначальныя Троицы, гдѣ онъ служилъ молебенъ о здравіи царя и государя Василія Ивановича всеа Русіи, и, сопутствуемый духовенствомъ и старшинами города, медленно направился сквозь раздвигавшіяся передъ нимъ толпы къ вѣчевому помосту, который онъ, по разсѣянности что ли, назвалъ «лобнымъ мѣстомъ».

— «Кого же тамъ распинать будутъ?»—мысленно спрашивалъ себя ветхій-преветхій старецъ, Игнатій Логиновичъ, бывшій когда-то тоже степеннымъ посадникомъ, слѣдуя за великокняжескимъ посломъ: «эко выдумалъ—лобное мѣсто!.. И приведоша его на Голгоѳу, мѣсто, еже есть сказаемо лобное

мѣсто!..» Дьякъ медленно взошелъ на вѣчевой помостъ, снялъ шапку, поклонился на всѣ четыре стороны и громко, явственно и ласково произнесъ:

— Поклонъ всему Пскову отъ великаго князя! Велитъ вамъ великій князь сказать: если вы, отчина моя, посадники и всѣ псковичи, хотите прожить въ старинѣ, то учините мои двѣ воли: чтобъ у васъ вѣча не было, и вы бы колоколъ вѣчевой свѣсили; да чтобъ въ городѣ были два намѣстника и пригородахъ намѣстники же. Тогда вы въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль вы не сотворите, то будетъ съ вами, какъ государю Богъ на сердце положитъ. Есть у него много силы готовой, и станется кровопролитіе надъ тѣмъ, кто не сотворитъ государевой воли. Государь нашъ, великій князь хочетъ побывать на поклонъ къ святой Троицѣ во Псковъ.

Какъ громъ поразили эти слова псковичей. Казалось, они сначала не поняли того, что слышали. Они ждали продолженія рѣчи, думали, что они ослышались...

Но дьякъ спокойно сѣлъ на ступени помоста и съ деревяннымъ равнодушіемъ ждалъ отвѣта. Что-то зловѣщее теперь было въ его фигурѣ, въ позѣ, въ выраженіи лица. Онъ казался чудовищемъ на красномъ фонѣ помоста, чудилось, что онъ сидѣлъ по колѣна въ крови!

Площадь огласилась рыданіями... «Не плакалъ тогда развѣ грудной младенецъ при сосцахъ матернихъ!»—говоритъ лѣтописецъ.

Евфимія, уткнувшись лицомъ въ плечо матери, беззвучно рыдала: «ни его, ни батюшки! Оо!..»

А дьякъ какъ истуканъ сидѣлъ на ступеняхъ и ждалъ.

— Такъ вотъ оно почему лобное мѣсто! — качалъ сѣдою головою старецъ Игнатій.—На томъ лобномъ мѣстѣ Псковъ распинаютъ!..

— Посолъ государевъ!—сказалъ онъ громко, глотая слезы.—Подожди до утра... Мы себѣ подумаемъ и потомъ тебѣ все скажемъ.

— Быть по сему!—отвѣчалъ дьякъ и сошелъ со ступеней, опираясь на массивный посохъ.

Стая вороновъ, летѣвшихъ съ востока куда-то черезъ Псковъ, подлетѣвъ къ площади, усѣянной колыхавшимися массами на-

рода, съ испуганнымъ карканьемъ шарахнулась въ сторону и скрылась за рѣкой Великой.

— Къ худу, къ худу каркаетъ воронье,—боязно говорили псковичи, съ щемящею тоскою расходясь по домамъ.

Сталъ дождикъ накрапывать.

— И небо святое плачетъ,—суевѣрно шептали псковичи,— что-то на-утріе будетъ?

Говорили потомъ, что ночью самъ собою тихо, жалобно звонилъ вѣчевой колоколъ, какъ бы самого себя оплакивая: и звонъ, увѣряли слышавшіе, былъ погребальный. У Троицы, изъ глазъ иконы Богородицы, «изъ суха дерева текли слезы».

Не стало во Псковѣ и Иванушки-юродиваго: и онъ вмѣстѣ съ прочими пойманъ былъ въ Новгородѣ и прислалъ Пскову поклонъ съ Онисимомъ Манухинымъ.

— Кланяюсь Пскову и костямъ предковъ нашихъ: а наши кости будутъ тлѣть тамъ, куда и воронъ не залетывалъ.

Утромъ, 13-го января, снова весь Псковъ былъ на площади у вѣча.

На вѣчевой помостъ вступилъ посолъ и ждалъ послѣдняго отвѣта. Къ помосту подошелъ старѣйшій изъ всѣхъ сыновъ вольнаго города, Игнатій Логиновичъ, поддерживаемый внуками.

Площадь замерла въ ожиданіи.

— Посолъ государевъ! — окинувъ глазами надвинувшіяся къ помосту толпы, сказалъ старецъ. — У насъ въ лѣтописцахъ записано такъ: съ прадѣдомъ и дѣдомъ и отцомъ великаго князя и со всѣми великими князьями было у насъ положено крестное цѣлованье: намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто будетъ княземъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ въ доброй волѣ. А ежели мы, псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ нѣмцамъ, или сами собой станемъ жить, безъ государя, то падетъ на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, огонь, потомъ и нашествіе невѣрныхъ; а если государь нашъ великій князь этого же крестнаго цѣлованья не станетъ хранить и насъ не будетъ держать въ старинѣ, то и на него тотъ же обѣтъ, который на насъ, и тотъ же гнѣвъ Божій на его голову и на царство его. Теперь Богъ и государь воленъ въ своей отчинѣ, надъ городомъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ: мы прежняго крестнаго цѣлованія не хотимъ измѣнять и навлекать на себя гнѣвъ

Божій и кровопролитіе. Мы не поднимаемъ рукъ на своего государя и не станемъ запираться въ городѣ. Если государь нашъ хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей отчинѣ, мы рады всѣмъ сердцемъ и тому, что не погубилъ насъ до конца! Доложи же, посолъ, государю, что мы на него не подымемъ рукъ никогда: но будутъ ли потомки наши такъ же вѣрны крестному цѣлованію, какъ мы, противу того, кто самъ ломаетъ крестъ, и противу потомковъ его, то вѣдомо единому Богу.

Старецъ кончилъ. Сѣдая голова его дрожала.

Какъ ни привыкъ владѣть собою старый, закоренѣлый въ коварствѣ дьякъ; но рѣчь старца поразила его.

Онъ не ожидалъ ничего подобнаго отъ этой развалины, слова которой должны бы были повергнуть въ смущеніе самого великаго князя; ничего подобнаго не слыхали они прежде и отъ Новгорода, который былъ сильнѣе и строптивѣе Пскова. Ошеломленный дипломатъ не нашелся, что отвѣчать, и безмолвно указалъ рукою на вѣчевой колоколъ.

— Сымите его!—глухо сказалъ онъ псковичамъ.

Но псковичи не тронулись съ мѣста. Да и кто рѣшился бы прикоснуться къ святынѣ своего города.

Тогда дьякъ обратился къ отряду алебардщиковъ, прибывшихъ съ нимъ, въ качествѣ охраны, изъ Новгорода. Это были касимовскіе татары.

— Касимовцы! — сказалъ онъ, махнувъ рукой. — Долой колоколъ!

— Айда!—отвѣчали татары и полѣзли на башню. Снова вопль и плачъ огласили площадь. Татары, между тѣмъ, отвязали колоколъ и спускали его съ башни, а желѣзный языкъ его, глухо колотясь о края, издавалъ такой звукъ, точно бы это стоналъ отъ боли нѣмой человѣкъ. Все плакало...

«Какъ у насъ зѣницы не упали со слезами! Какъ сердце не урвалось отъ горести!» оплакиваетъ этотъ моментъ псковскій лѣтописецъ.

Внизу, подъ Довмонтовою стѣною, уже ждали сани-розвальни, на которыя и спустили вѣчевой колоколъ. Псковичамъ казалось, что это «снимали со креста Распятаго за ны»...

Колоколъ повезли на Святогорское подворье. Весь городъ со слезами провожалъ его, какъ дорогого покойника. Шла за коло-

коломъ и Евфимія съ матерью: ей казалось, что она провожаетъ своего Евстафія.

— Се бысть, и се не бѣ!—тихо качалъ сѣдою головою старѣйшій изъ псковичей.—Буди воля твоя, Господи.

X. Московская ловушка.

Ничто такъ не живуче, какъ надежда, особенно, надежды молодости.

Попрощавшись съ вѣчевымъ колоколомъ и вѣчевою волею своего родного города, Евфимія ждала теперь возвращенія изъ Новгорода отца и своего возлюбленнаго.

Она не могла забыть того, что было на Крещенье вечеромъ у нихъ въ сѣнцахъ. И теперь краска невыразимаго смущенья и тайной радости заливала ея щеки, когда она вспомнила эти дорогія минуты, и ей казалось, что она слышитъ милый голосъ: «радость моя! Солнышко мое!» Что ей колоколъ! Что ей эта воля! Ея солнце скоро взойдетъ вонъ оттуда, изъ-за тѣхъ снѣжныхъ холмовъ, между которыми извивается дорога въ Новгородъ. Вѣдь посолъ княжескій сказалъ, что великій князь скоро пріѣдетъ во Псковъ поклониться Живоначальной Троицѣ. А съ княземъ пріѣдутъ и они всѣ, и онъ, и онъ...

Она то и дѣло бѣгала къ своей пріятельницѣ, къ Дарьицѣ Манухиной, но ни однимъ намекомъ не выдала ей своей дѣвичьей тайны, того, что у нея было съ ея возлюбленнымъ въ присѣнкѣ на Крещенье вечеромъ.

— Ахъ, Офимьица! Какая ты стала скрытная,—не разъ говорила ей Дарьица, замѣчая что-то особенное въ своемъ другѣ,—прежде, бывало, у тебя Остафій не сходилъ съ языка, а теперь ты словно воды въ ротъ набрала и боишься пролить.

— До него ли теперь, Даша!—лукавила плутовка, а у самой сердце билось-билось, и она все спрашивала, какой сегодня день, много ли прошло послѣ Крещенья?

— Знаю, знаю! На Крещенье онъ уѣхалъ,—коварно улыбалась Дарьица,—не бойся, еще свадьбу успѣете сыграть до масляницы.

Наконецъ, прошла вѣсть, что великій князь ѣдетъ. Псковичи порѣшили встрѣтить его съ великою честію, на самомъ

рубежѣ Псковской земли; но присланные впередъ великимъ княземъ московскіе бояре объявили, что государь не желаетъ, чтобы его встрѣчали «далече». Василію Ивановичу не хотѣлось, конечно, чтобы псковичи заранѣе провѣдали, что онъ ѣдетъ въ Псковъ не какъ гость, не какъ смиренный богомолецъ у Живоначальныя Троицы, а какъ завоеватель, и что идетъ онъ на Псковъ во главѣ сильныхъ ратей, предводительствуемыхъ тремя воеводами. Видно было, что онъ не довѣрялъ видимому смиренію и покорности Пскова. А если, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, этотъ строптивый городъ вошелъ въ союзъ съ нѣмецкимъ орденомъ или Литвою и московскаго князя встрѣтятъ нѣмецкія и литовскія рати? Какъ бы московскому князю не попасть въ ту же западню, какую онъ устроилъ довѣрчивымъ псковичамъ въ Новгородѣ! Что если и псковичи, залучивъ его въ свой Дѣтинецъ, въ свою очередь ехидно скажутъ: «поиманъ еси, княже, Богомъ и Великимъ-Псковомъ?» Что тогда? Кто самъ легко ломаетъ крестное цѣлованье и топчетъ ногами договоры, тотъ долженъ ожидать этого и отъ другихъ. Старецъ Игнатій Логиновичъ ясно высказалъ это дьяку Далматову: «за наше вѣроломство—на насъ кара Божья; за вѣроломство великаго князя—на него гнѣвъ Божій и кара».

Дьякъ это хорошо растолковалъ Василію Ивановичу, и потому онъ не только отправилъ впередъ своихъ бояръ, чтобъ они раньше его прихода привели всѣхъ псковичей къ крестному цѣлованію, но, этого мало! «что крестъ поцѣловать стоитъ? Можно потомъ вытереть губы» (такъ объяснилъ хитрый дьякъ значеніе присяги), но, надо копьями, бердышами и конскими копытами закрѣпить крестное цѣлованіе. Въ виду копій и бердышей не скажутъ: «поиманъ еси, княже»... Смиренный богомолецъ, князь, и шелъ поэтому на Псковъ завоевателемъ, на челѣ грозныхъ полковъ, какъ воевода московскихъ силъ. Параллельно съ нимъ, вправо и влѣво, другими дорогами двигались воеводы съ другими полками.

Но вотъ рубежъ Псковской земли—Рубиконъ послѣдняго вольнаго города древней, вѣчевой Руси.

Alea jacta est!.. Московскій Цезарь «кесарь» безстрашно перешелъ черезъ Рубиконъ вѣчевыхъ вольностей.

Вонъ бѣлѣются покрытыя снѣгомъ крыши перваго поселенія

Псковской земли. Надъ крышами вьется къ вольному небу синій дымокъ, это топятся печи въ Загряжьѣ.

Гдѣ же крамольники? Гдѣ враги? Гдѣ рати псковскія, нѣмецкія, литовскія? Гдѣ ихъ воеводы?

Вонъ они! Вдоль утоптанной дороги, по обѣ стороны, лежатъ эти крамольники «крыжомъ», не покрытыми головами прямо въ снѣгу.

Слышенъ стукъ копытъ великокняжескаго коня по замерзшей землѣ. Слышны тысячи копытъ, дрожма дрожитъ Псковская земля. А крамольники лежатъ головами въ снѣгу...

— Здравствуйте! — раздается ласковый голосъ великаго князя.

Лежащія ницъ толпы шевелятся, поднимаются съ земли. Самый главный и старѣйшій крамольникъ, старецъ Игнатій Логиновичъ, не можетъ отъ дряхлости самъ подняться. Его съ трудомъ поднимаютъ внуки.

— Здравствуйте, псковичи! — еще ласковѣе говоритъ великій князь, съ участіемъ глядя на дрожащую сѣдую голову старѣйшаго изъ псковскихъ людей.

— Ты бы, государь нашъ, великій князь, здоровъ былъ!— прошамкалъ старецъ, а за нимъ и всѣ.

Но вотъ близко и Псковъ. Тамъ ждутъ страшнаго гостя съ трепетомъ и нѣкоторые съ тайною надеждою.

Офимьица съ мамушкой и Петрикомъ идутъ къ Живоначальной Троицѣ, чтобы вмѣстѣ съ духовенствомъ итти за городъ встрѣчать великаго князя. Конечно, они шли не его встрѣчать, а кого-то другого.

— Какой то гостинецъ привезетъ мнѣ батя?—болталъ дорогою Петрикъ.

— А московскую плетку,—отвѣчала со смѣхомъ мамушка.

— Какъ бы не такъ! А тебѣ что, Фима?—обратился онъ къ сестрѣ.

— Не знаю, Петя,—отвѣчала дѣвушка.

— А я знаю,—лукаво замѣтила мамка.

— А что?—покраснѣла дѣвушка.

— То же плетку, только псковскую, ту, что на свадьбѣ жениху въ руки даютъ.

Дѣвушка еще больше зардѣлась: она поняла намекъ старой

мамки, которая очень хорошо видѣла, какого гостинца ждала ея любимица.

У Живоначальной Троицы онѣ нашли въ сборѣ духовенство всѣхъ церквей города Пскова. Готовились къ выходу за городъ для встрѣчи великаго князя.

Но въ это время является туда раньше прибывшій въ Псковъ отъ великаго князя святитель, владыка Вассіанъ Кривой.

— Остановитесь, отцы!—обратился онъ къ псковскому духовенству.—Камо грядете?

— Встрѣчать великаго государя,—отвѣчали отцы.

— Не надо,—остановилъ ихъ Вассіанъ,—не велѣлъ себя великій князь встрѣчать далече.

— Гдѣ же мы встрѣтимъ его, владыко? — спросили псковичи...

— Въ городѣ, на торгу,—былъ отвѣтъ.

Шествіе двинулось на Торговище. Всѣ были въ полномъ облаченіи. Цѣлый лѣсъ высокихъ крестовъ, свѣтильниковъ и хоругвей выстроился на торгу въ двѣ линіи.

Скоро по звонкимъ, промерзшимъ плитамъ Торговища гулко застучали кованыя свейскою сталью копыта великокняжескаго коня. Князь подъѣхалъ къ линіи хоругвей и крестовъ и остановился, чтобы сойти съ коня. Отдавъ своего кабардинскаго жеребца ближнему боярину, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Тогда къ нему подошелъ съ крестомъ коломенскій епископъ и благословилъ. Поцѣловавъ крестъ, князь поклонился святынѣ и пѣшкомъ вошелъ въ ворота Дѣтинца къ Живоначальной Троицѣ. За нимъ двинулись ближніе бояре, а площади заняла конница московская.

Въ церкви служили молебенъ, пѣли многолѣтіе великому князю.

— Богъ тебя, княже, благословляетъ, Псковъ вземши!— послѣ многолѣтія привѣтствовалъ его владыка коломенскій.

«Вземши!» точно непріятельскій городъ...

«И кои псковичи были въ церкви и то слушали, и заплакали горько», говоритъ лѣтописецъ.

Евфимія и маленькій Петрикъ видѣли все это издали и напрасно надѣялись увидѣть отца въ толпѣ прибывшихъ, его не было тамъ!

Всѣ псковичи, захваченные въ Новгородѣ, тамъ и оставлены.

— Гдѣ же батя?—заплакалъ вдругъ маленькій Петрикъ.

— Онъ послѣ пріѣдетъ, дитятко,—утѣшала его старая мамушка,—онъ, я чаю, ѣдетъ за московскими ратными людьми и везетъ тебѣ съ Офимьицей гостинцы.

Заплакала и Евфимія. Она поняла, что и тотъ, о комъ она думала и дни и ночи, кто далъ ей столько счастья въ тотъ памятный вечеръ на Крещенье, тоже сдѣлался плѣнникомъ князя московскаго.

Теперь только Псковъ понялъ, что онъ попалъ въ московскую ловушку...

XI. «Охъ, увы».

Василій Ивановичъ вступилъ въ Псковъ 24-го января.

Ни 24-го, ни 25-го, ни 26-го числа, псковичи больше его не видѣли. Онъ оставался на своемъ дворѣ. Каждый день съ утра до ночи къ нему во дворъ и въ гридни приходили московскіе бояре, дьяки и воеводы. Что они тамъ дѣлали, о чемъ говорили, никто изъ псковичей не зналъ. Псковичи попрятались въ своихъ домахъ, какъ бѣлки въ дуплахъ отъ собакъ, и ждали, что будетъ.

По улицамъ и по площадямъ рыскали только московскіе ратные люди, пѣшіе и конные, «торжища коневымъ каломъ заметая», какъ выражается лѣтописецъ.

Только утромъ 27-го января по улицамъ Пскова и на торжищахъ раздались клики государевыхъ московскихъ людей.

— Копитесь, копитесь!—кликали.—Копитесь, псковичи, и лучшіе, и середніе, и молодчіе люди, копитесь на государевъ дворъ!

И псковскія улицы опять ожили. Все мужское населеніе повалило къ княжескому двору. За мужчинами слѣдовали, изъ любопытства и съ тайнымъ страхомъ, ихъ жены и дѣти.

Толпы запрудили ворота Дѣтинца.

Въ это время къ воротамъ приближалась какая-то странная процессія. Шесть дюжихъ парней, одѣтыхъ въ богатыя однорядки и цвѣтные опашни, въ высокихъ бобровыхъ шапкахъ съ малиновыми верхами и въ красныхъ сапогахъ, несли на своихъ плечахъ рѣзную изъ краснаго дерева кровать съ постелью и подушками. На постели изъ-подъ опушеннаго соболями шелко-

ваго голубого одѣяла виднѣлась брошенная на бѣлыя подушки старческая голова, окаймленная бѣлою, какъ снѣгъ, бородою и такими же бѣлыми волосами.

Толпы псковичей почтительно разступались передъ этимъ шествіемъ и снимали шапки.

Это шесть взрослыхъ внуковъ-богатырей несли на княжескій дворъ разбитаго параличемъ больного дѣда своего, посадника Игнатія Логиновича. Старецъ желалъ передъ смертью выслушать послѣднюю волю великаго князя московскаго.

За этими носилками двигалось многочисленное потомство маститаго старца: старики уже сыновья, старухи невѣстки, замужнія дочери, внуки, внучки... Женщины плакали... Плакали и постороннія псковитянки, видя это печальное шествіе.

Въ толпѣ виднѣлись печальныя личики неразлучныхъ Офимьицы и Дарьицы.

Вдругъ сѣдая голова старца отдѣляется отъ подушки, и изъ устъ старѣйшаго псковича слышится горькое обращеніе къ плачущимъ:

— Дщери іерусалимски! Не плачитеся о мнѣ, обаче себе плачите у чадъ вашихъ: яко се дніе грядутъ, въ няже рекутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны. Зане, аще въ суровѣ древѣ сія творятъ, въ сусѣ что будетъ *).

Рыданія еще болѣе усилились отъ этихъ словъ.

Толпы проходили ко двору великаго князя. Мужчины входили во дворъ, а женщины и дѣти оставались за воротами.

Дворъ скоро наполнился. Внесли во дворъ и разбитаго параличомъ старца.

Изъ княжеской гридни на крыльцо вышелъ дьякъ Далматовъ съ боярами.

— Господо псковичи!—громко сказалъ Третьякъ.—Посадники и бояре, и купцы, и всѣ лучшіе люди! Идите въ большую гридню, слушать управу государеву. А вы, молодчіе люди, повремените на дворѣ малость: и вамъ будетъ управа великаго князя.

По этому зову всѣ знатные и богатые псковичи вступили

---

*) Еванг. отъ Луки, XXXIII, 28—31.

въ большую княжескую гридню. Внесли въ гридню и немощнаго посадника Игнатія Логиновича.

Когда дверь за послѣднимъ псковичомъ затворилась, и всѣ перекрестились на большую икону Богородицы-утоли-моя-печали, дьякъ Далматовъ произнесъ:

— Господо псковичи! Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ говорить: какъ прежде я пожаловалъ васъ, мою отчину, Псковъ, такъ и теперь жалую, не вступаясь въ животы и достоянія ваши, и напредки хочу жаловать. Ино здѣсь въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, быть вамъ непригоже, для того, что допрежъ сего были многія жалобы на ваши неправды, непорядки, обиды и оскорбленія, и разоренія людемъ. Я васъ жалую нынѣ своимъ жалованьемъ въ Московской Землѣ. И вамъ теперь же ѣхать въ Москву съ женами и дѣтьми!

Громъ не поразилъ бы такъ, какъ эти страшныя слова. Бросить Псковъ, дома, имущество, скотъ, все хозяйство и нищими, плѣнниками перебраться въ Москву! Бросить церкви, могилы отцовъ и дѣдовъ, родное небо!

«Пойманы! Всѣ пойманы!» колотилось въ душѣ у каждаго. «Гдѣ же правда! Гдѣ Богъ!»

А солнце, между тѣмъ, такъ ярко, такъ ласково глядѣло въ окно гридни... «Родное солнушко!» невольно шептали уста несчастныхъ, «и тебя намъ не видать больше!»

Дьякъ и бояре ждали, однако, отвѣта.

Поддерживаемый внуками, дряхлый посадникъ приподнялся на постели и перекрестился на икону, шепча полумертвыми губами: «утоли моя печали! Утоли печали всѣхъ!» Перекрестились и остальные псковичи.

Голова несчастнаго посадника тряслась и падала на грудь, когда онъ говорилъ послѣднее слово его родного города:

— Прародителямъ его, государямъ, и ему государю, мы всегда были неизмѣнны и не отступны до сихъ поръ. И нынѣ мы положились на Бога и на своего государя и царя во всей его волѣ, какъ онъ хочетъ, такъ насъ и пожалуетъ. Вѣдаютъ Богъ да государь.

И голова старца безсильно упала на подушку.

Въ то же время изъ гридни на крыльцо вышелъ окольни-

чій, князь Петръ Васильевичъ Великій. Всѣ стоявшіе на дворѣ псковичи, молодчіе люди, сняли шапки.

— До васъ, — сказалъ князь Великій, — государю дѣла нѣтъ. Тѣмъ псковичамъ, что отобраны въ избѣ, государь велѣлъ сказать: симъ псковичамъ, что отобраны и попманы въ гриднѣ, я, великій князь, не велю быть во Псковѣ, а посылаю ихъ въ Московскую Землю. Это я дѣлаю потому, что я жалую васъ, свою отчину, Псковъ, для того, что допрежь сего на нихъ бивали челомъ мелкіе люди, псковичи, что отъ нихъ чинятся насилія и обиды. А васъ какъ я пожаловалъ уже свою отчину, Псковъ, такъ и впредь тѣмъ же хочу жаловать. Развода не бойтесь. Только тѣхъ посадниковъ и псковичей, что въ избѣ отобраны, велѣлъ я вывезти, да и ихъ въ Московской Землѣ я пожалую своимъ жалованьемъ, какъ будетъ пригоже. А вы живите въ нашей отчинѣ, Псковѣ, и слушайтесь тѣхъ бояръ и псковскихъ намѣстниковъ, которыхъ я пожалую намѣстничествомъ въ своей отчинѣ.

— Мы челомъ бьемъ за то государево жалованье и рады слушать во всемъ государева намѣстника!—отвѣчали молодчіе псковичи, низко кланяясь.

Ихъ тотчасъ распустили по домамъ.

Но тѣмъ, которые заперты были въ большой гриднѣ, не суждено уже было увидѣть домовъ своихъ!

Къ нимъ явились въ гридню бояре и дѣти боярскіе и всѣхъ переписали по именамъ. По росписи этой, разбитой на мелкія росписи, какъ товаръ по накладнымъ, дѣти боярскіе въ тотъ же день должны были везти арестованныхъ псковичей особымъ обозомъ въ Москву. Жены же и дѣти ихъ должны были отправиться въ Москву подъ конвоемъ дѣтей боярскихъ и подъ начальствомъ князя Михайлы Даниловича Щепятева, на другой же день!

Только посадникъ Игнатій Логиновичъ не поѣхалъ въ Москву: его вынесли изъ гридни мертвымъ!

«И все то за наше прегрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти!»— горестно восклицаетъ лѣтописецъ.—«Зане же писано въ Апокалипсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Русіи Скиѳскаго острова; сій бо именусть, шестый, а седмый потомъ

еще, а осмый—антихристъ. Се бо Христосъ во святомъ Еуангеліи глагола: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу.

Се убо пріиде на ны зима. Сему бо царству разширитися и злодѣйству умножитися. Охъ, увы!» *).

XII. Невольные переселенцы.

28-го января 1510 года, по снѣжной дорогѣ, пролегающей отъ Пскова къ рѣкѣ Шелони, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, двигался безконечный обозъ. Сотни каретъ, крытыхъ возковъ и колымагъ, троечныя и парныя сани, огромныя розвальни, нагруженныя живностью, съѣстными припасами и разною провизіею, рѣчныя лодки, поставленныя на полозья и влекомыя цугомъ, на выносъ, по четыре, по шести и по восьми лошадей, все это безконечною змѣею извивалось между сугробами придорожнаго снѣга, между покрытыхъ инеемъ сосенъ и елей, и представляло собою печальную картину не то бѣгства изъ Египта, не то осколокъ великаго переселенія народовъ.

Нѣтъ, это было не бѣгство евреевъ изъ Египта и не переселеніе народовъ, а изгнаніе псковичей изъ ихъ родного города.

То тамъ, то здѣсь раздавался плачъ дѣтей или жалобныя причитанья женщинъ. Многія женщины постоянно оглядывались назадъ или стояли на саняхъ съ лицами, обращенными къ западу, въ надеждѣ хоть еще разъ увидѣть издали родныя колокольни или струйки бѣлаго дыма надъ покинутыми ими навѣки домами, гдѣ протекло ихъ дѣтство и молодость, и горько, горько плакали.

Впереди безконечнаго обоза, по бокамъ его и сзади, ѣхали верхами московскіе ратники, дѣти боярскіе, конвоировавшіе обозъ переселенцевъ.

Около громоздкой кареты, запряженной осьмеркою цугомъ и слѣдовавшей во главѣ поѣзда, на прекрасномъ вороном конѣ ѣхалъ пожилой мужчина въ ратномъ богатомъ одѣяніи и по временамъ наклонялся къ открытому окну кареты, въ которое виднѣлись въ глубинѣ кареты, заплаканныя лица женщинъ.

Воинъ этотъ былъ князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ,

---

*) Псковск. лѣтоп., I, 282.

подъ главнымъ начальствомъ котораго совершалось переселеніе трехсотъ псковскихъ семействъ въ Москву.

— Не плачь, матушка Олена Митревна,—говорилъ князь, нагибаясь къ окну кареты,—Богъ милостивъ, все къ лучшему: пойманы есте Богомъ и великимъ государемъ не на лихо, милостивъ Богъ.

— Богъ-отъ милостивъ, княже, да государь не милостивъ,— съ горечью отвѣчали изъ кареты.

— И государь будетъ милостивъ, пожалуетъ васъ попригожаю. А тебѣ, милая Офимьица, великій князь такого женишка на Москвѣ подыщетъ, какова у тебя и въ мысляхъ не было.

Ефимія еще пуще заплакала.

— Дитя по батюшкѣ убивается,—послышался изъ кареты голосъ старой мамы,—а онъ, на-поди, женихомъ ее утѣшаетъ.

— Что же, и батюшка изъ Новагорода въ Москву прибудетъ, да они, я чаю, давно ужъ по дорогѣ къ матушкѣ Москвѣ,— какъ бы въ утѣшеніе несчастныхъ замѣтилъ князь.

Вдругъ ратники, ѣхавшіе верхами впереди обоза, остановили какія-то встрѣчныя санишки.

— Стой! Кто ѣдетъ?—спросилъ одинъ ратникъ.

— Мертвецъ!—отвѣчали изъ санишекъ.

И изъ саней вышелъ человѣкъ въ саванѣ. Испуганныя лошади ратниковъ шарахнулись въ сторону.

Человѣкъ въ саванѣ шелъ прямо къ каретѣ.

— А! Иванушка божій человѣкъ! — воскликнулъ князь Щепятевъ.

— Здравствуй, фараонъ!—отвѣчалъ юродивый.

— Фараонъ!—улыбнулся князь. — Что такъ? Откудова и куда путь держишь?

— Иду изъ полона египетскаго въ землю обѣтованную, къ себѣ домой.

— А гдѣ твой домъ, Иванушка!

— На кладбищѣ.

Юродивый подошелъ къ каретѣ. Оттуда выглядывали знакомыя ему лица.

— А! Матушка, Алена Митревна! И ты, голубица чистая; и Петрушенька, и мамушка, здравствуйте!—ласково заговорилъ юродивый.

— Здравствуй, родной!—отвѣчали ему.—Откудова?

— Изъ Новагорода, поклонъ привезъ вамъ всѣмъ отъ милостивца, отъ посадника Левонтія.

— Отъ батюшки!—воскликнула Ефимія.

— И отъ добра молодца Евстафія,—добавилъ юродивый.

— Что они? Какъ?—спросила посадница-полонянка.

— Въ добромъ здоровьи. Вчера проводилъ ихъ въ плѣненіе египетское, къ фараонамъ.

— Такъ ужъ повезли на Москву?

— Повезли, матушка. А у васъ какъ?

— Какъ видишь, родной: вчера и нонѣ слезами, кажись, рѣку Великую и Пскову заполнили.

— Такъ-то все у Бога: видимое дѣло, возлюбилъ насъ Господь, посѣтилъ.

— Да, точно, посѣтилъ, велика Его милость!

— Велика, истинно велика! — строго проговорилъ юродивый.—Не смѣй роптать! Сказано: кого люблю, того и наказую. Слышишь?

— Слышу, родной, а все тяжко: какая вина на дѣтяхъ нашихъ?

— И дѣтей возлюбилъ Господь: сихъ же есть царствіе Божіе... Такъ-ту, голубица моя!—ласково обратился юродивый къ Офимьицѣ.

Та съ усиліемъ глотала слезы.

— А теперь ты куда же, родной? — спросила посадница Елена.

— Дальше, другимъ слезы утирать: вонъ сколько ихъ!—указалъ юродивый вдоль обоза. — Всѣмъ надо поклоны передавать.

— А потомъ съ нами?

— Во Египетъ? Нѣтъ, матушка: мое мѣсто дома.

— Во Псковѣ?

— Да, на скудельницѣ великой, на кладбищѣ: буду стеречь гробы отцовъ и дѣдовъ вашихъ.

— Поклонись имъ отъ насъ, намъ и проститься съ ними не дали.

— Поклонюсь и помолюсь... А теперь да хранитъ васъ Богъ.

И юродивый пошелъ далѣе вдоль обоза «слезы утирать». А впереди ратники весело пѣли:

«Ужъ я сѣяла, сѣяла ленъ,
«Ужъ я сѣяла, приговаривала,
«Чеботами приколачивала...»

Евфимія глядѣла изъ окна кареты на разстилавшуюся передъ нею снѣжную равнину, на эти посеребренные инеемъ стебли сухой травы, и грустно думала, что не видать уже ей родной зелени, когда, весной, она выглянетъ изъ-подъ снѣжнаго покрова, и родныя поля запестрѣютъ цвѣтами алыми и лазоревыми... Не завивать ужъ ей больше вѣнковъ, не ходить въ хороводахъ съ красными дѣвицами, не пускать вѣнки на рѣку Великую...

А впереди—непривѣтливое свинцовое небо и незнакомая чужая сторона...

„ТЫ ПОБѢДИЛЪ!“

Посвящается Ростову-на-Дону и Азову.

I. «Прикованный Прометей».

Событія, составляющія предметъ настоящаго повѣствованія, совершались болѣе чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до нашихъ дней и притомъ большею частью въ мѣстахъ, гдѣ теперь, съ одной стороны, скромно протекаетъ будничная жизнь тихаго Азова, и гдѣ, съ другой стороны, бьетъ ключемъ буржуазная жизнь Ростова.

Въ то далекое время на мѣстѣ нынѣшняго Азова процвѣтала богатая греческая колонія — Танаисъ, раскидывавшаяся при устьяхъ рѣки Танаиса, нынѣшняго Дона. Это былъ городъ, славившійся своими величественными храмами въ честь боговъ античнаго міра, красивыми портиками, стройными колоннадами, театрами, въ которыхъ исполнялись безсмертныя произведенія такихъ геніевъ древней Эллады, какъ Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Аристофанъ. Впрочемъ, и было на что воздвигать эти храмы, портики, колоннады, театры: Танаисъ велъ обширную отпускную торговлю неисчерпаемыми естественными богатствами Скиѳіи, Сарматіи и всего нынѣшняго юго-востока Россіи *).

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ греческіе и римскіе писатели глубокой древности, какъ-то:—Alexander Polyhistor, Діодоръ Сицилійскій въ своей «Biblioteca historica», Помпоній Мела въ «De situ orbis», Луканъ въ «Pharsalika», Діонисій Періэгетъ въ «Orbis descriptiva», Квинтъ Курцій Руфъ въ «De rebus gestis Alexandri», Псевдо-Плутархъ въ «De fluviorum et montium nominibus», Аппіанъ въ «Proemium», Флоръ въ «Bellum Thrarium», Клавдій Клавдіанъ въ «De ruptu Proserpinae», въ «De bella Pullentino» и въ «Iu Rufinum», Юлій Гонорій въ «Cosmographia», Плиній въ «Historia naturalis», Скиликтъ Каріандерскій въ «Periplus», наконецъ—Геродотъ, Страбонъ и множество другихъ писателей, перечислять которыхъ я нахожу излишнимъ.

Іюньскимъ вечеромъ 360 года нашей эры изъ одного изъ театровъ этого города, гдѣ давалась знаменитая трагедія Эсхила—«Прикованный Прометей», возвращалось домой семейство богатаго и знатнаго грека Аполлонія, состоявшее изъ жены его, взрослаго сына и молоденькой, едва вышедшей изъ дѣтскаго возраста, дочери Ифигеніи, у которой отъ испытанныхъ въ театрѣ волненій блистали еще на прекрасныхъ глазахъ слезинки.

— Отецъ, — тихо проговорила она, — неужели богъ боговъ былъ такъ жестокъ, что за одну искру небеснаго огня могъ подвергнуть бѣднаго Прометея такимъ ужаснымъ мукамъ?.. Вѣчные боги! Какъ мнѣ жаль его!

И дѣвочка снова заплакала.

— Зевсъ, дитя мое, за то такъ жестоко покаралъ сына Япета и Климены, что онъ, Прометей, будучи смертнымъ, дерзнулъ совершить то, что, кромѣ Зевса, не дерзали творить даже безсмертные боги,—отвѣчалъ Аполлоній, нѣжно погладивъ дочь по головкѣ.

— Притомъ, это миѳъ, моя дѣвочка, зачѣмъ же плакать?

— Миѳъ!.. А этотъ ужасный орелъ... Мнѣ казалось, что онъ терзаетъ мое сердце,—говорила Ифигенія, смахивая слезу съ рѣсницы.

— Это только доказываетъ, что такъ могучъ геній Эсхила,—замѣтилъ Орестъ, братъ Ифигеніи, до того времени молчавшій.

Ифигенія сегодня въ первый разъ видѣла на сценѣ трагедію Эсхила и оттого такъ сильно была потрясена ея мастерскимъ исполненіемъ.

— Отецъ,—начала она снова,—ты много разъ странствовалъ по Кавказу, скажи, видѣлъ ли ты ту скалу, къ которой былъ прикованъ Прометей?

— Если вѣрить сказанію Арріана, дитя мое, то я видѣлъ эту скалу,—отвѣчалъ Аполлоній.

— Близко видѣлъ?—спросила Ифигенія, и прекрасные глаза ея загорѣлись дѣтскимъ любопытствомъ.

— Не очень близко, съ моря, отъ города Діоскуріи. Арріанъ въ своемъ путешествіи говоритъ: отсюда (отъ Діоскуріи) мы видѣли гору Кавказъ, равняющуюся Кельтійскимъ Альпамъ,

и оттуда видна была скала Стробилъ, къ которой и былъ Вулканомъ прикованъ Прометей *). Если это такъ, то я ее видѣлъ.

— Да, ты мнѣ тогда разсказывалъ объ этомъ, когда воротился съ Кавказа,—проговорила мать Ифигеніи.

Въ разговоръ вмѣшался и Орестъ, любившій похвастаться своими знаніями.

— Центуріонъ Фригидусъ,—сказалъ онъ,—давалъ мнѣ читать Квинта Курція Руфа о походахъ Александра Македонскаго, и тамъ говорится, что воины Александра видѣли эту скалу, въ окружности въ десять стадій, а въ вышину четыре **).

При упоминаніи имени центуріона Фригида, котораго Орестъ, хвастаясь знаніемъ языка римлянъ, называлъ Фригидусъ, и который былъ начальникомъ римскаго гарнизона въ Танаисѣ, Ифигенія замѣтно поблѣднѣла и съ робостью взглянула на мать. Та взглядомъ успокоила ее и показала на луну, прошептавъ такъ тихо, что ее слышала только Ифигенія.

— Молись доброй Селенѣ.

— Я каждое полнолуніе, мама, горячо молюсь доброй сестрѣ лучезарнаго Геліоса,—въ свою очередь, едва слышно, прошептала дѣвушка.

Луна, сестра лучезарнаго Геліоса и дочь Гиперіона и Тейи, свѣтила въ эту чудную ночь необыкновенно ярко, проливая молочно-зеленоватый свѣтъ на море и на мраморные портики и статуи боговъ города Танаиса.

Въ одномъ изъ портиковъ блѣдный, меланхолическій свѣтъ луны ярко озарялъ прекрасный мраморный бюстъ Эсхила. У портика стояла продавщица цвѣтовъ.

Ифигенія подошла къ ней и, купивъ роскошный вѣнокъ изъ розъ, возложила его на голову безсмертнаго творца «Прикованнаго Прометея».

— Боги да благословятъ тебя!—прошептала она, ставъ передъ бюстомъ на колѣни и молитвенно сложивъ руки.

— Неужели онъ видѣлъ Прометея?—наивно спросила она, подходя къ отцу.

— Кто, дитя мое?—спросилъ Аполлоній.

— Эсхилъ.

---

*) Арріанъ. «Periplus».

**) Квинтъ Курцій Руфъ. «Dê rebus gestis Alexandri», VII, 3, 19.

— Ахъ ты глупенькая!—засмѣялся Аполлоній. — Вѣдь я же говорилъ тебѣ, что Прометей—миѳъ.

— Нѣтъ, отецъ, не совсѣмъ миѳъ,—возразилъ Орестъ. — Почему же Аппіанъ говоритъ, что когда Помпей Великій преслѣдовалъ Митридата, царя Понта, и достигъ Кавказа, то очень хотѣлъ видѣть ту скалу, на которой Зевсовъ орелъ терзалъ печень Прометея *). А такой великій мужъ, какъ Помпей, былъ, я думаю, умнѣе Ифигеніи, нашей дурочки, а все-таки не считалъ Прометея миѳомъ.

— Ужъ и дурочка!—обидѣлась Ифигенія. — Знай лучше своихъ коней, который изъ нихъ умнѣе тебя.

— Перестаньте, дѣти, ссориться, — вмѣшалась мать ихъ, Евдоксія.—Вѣдь Орестъ, твой соименникъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры, никогда не ссорился съ своей сестрой, Ифигеніей.

— Зато убилъ мать въ отместку за смерть Кассандры!— огрызнулся Орестъ.

— Ужъ и ты не хочешь ли убить свою мать?—разсмѣялся Аполлоній. — А я лучше вотъ что скажу вамъ, дѣтки. Хотя Помпей былъ и великій мужъ, однако, онъ многаго не зналъ изъ того, что знаемъ мы. Онъ, какъ римлянинъ, мало знакомъ былъ съ эллинскою мудростью. А вотъ Геродотъ Гераклейскій говоритъ, что Прометей былъ царь скиѳскій, значитъ, нашъ сосѣдъ, и такъ какъ, по случаю сильнаго разлива рѣки, называемой Аэтомъ — aetus, вы знаетъ, по нашему, «Орелъ»,— не могъ доставить продовольствіе своимъ подданнымъ, то наши сосѣди, скиѳы, и надѣли на него оковы. Когда же Геркулесъ въ своихъ странствіяхъ зашелъ въ Скиѳію и отвелъ рѣку Аэтъ, aetus, въ наше Меотійское море, то и создался миѳъ, будто Геркулесъ убилъ «орла» и освободилъ Прометея **).

— Но, отецъ,—возразилъ Орестъ,—зачѣмъ же насъ учили въ школѣ, что послѣ того, какъ Геркулесъ освободилъ Прометея, убивъ Зевсова орла, Прометей былъ взятъ Зевсомъ на Олимпъ въ число небожителей?

— Ну, дитя мое, въ учебникахъ не мало сказокъ,—спокойно замѣтилъ Аполлоній.—А вотъ, прочиталъ бы ты Ари-

---

*) Аппіанъ «Proemium». I. 102.
**) Herodorus Heracleensis, fragm. 23.

стоксена Тарентскаго, не то бы сказалъ. Аристоксенъ говоритъ, что человѣкъ Прометей, prometeya-providentia — «провидѣніе», произошелъ отъ божескаго провидѣнія и отъ Минервы, небесной мудрости. Небесный, божескій огонь, который смертные хотѣли добыть съ неба, есть душа человѣка, вдохнутая въ него божествомъ *). Оттого простолюдины въ нашемъ Танаисѣ и говорятъ, что душа украдена съ неба.

Эти реалистическія толкованія миѳовъ были не по душѣ поэтической Ифигеніи. Она хотѣла вѣрить во все, что ея впечатлительная душа впитала въ себя съ ранняго дѣтства. Она вѣрила въ реальныя страданія Прометея. Онъ съ дѣтства былъ ея идеаломъ. Страдать за людей, чтобы дать имъ счастье, что же можетъ быть выше этого, божественнѣе!.. Не даромъ христіане, думала она, называютъ Ботомъ какого-то назарянина, Христа, который, говорятъ, былъ распятъ на крестѣ, чтобы своею вольною смертью избавить людей отъ страданій... «То же говорилъ и центуріонъ Фригидъ», мелькнуло у нея въ умѣ, но она тотчасъ же постаралась отогнать отъ себя мысль о центуріонѣ и подняла съ мольбой взоры къ великому свѣтилу ночи.

— О, божественная Селена,—прошептала она, — избави меня отъ центуріона!

Она вѣрила и въ эту Селену, покровительницу влюбленныхъ. Вѣрила и въ Прометея, и въ сына его, Девкаліона, и въ его жену, Пирру.

«Не будь Девкаліона и Пирры,—думала она,—и насъ бы, людей, не было на землѣ. Вѣдь когда Зевсъ, въ гнѣвѣ, послалъ на землю всемірный потопъ, и когда погибли всѣ люди, то спаслись только Девкаліонъ и Пирра, и они, странствуя послѣ потопа по землѣ, бросали черезъ плечо камни, и изъ этихъ камней выростали люди... А центуріонъ говоритъ, что то былъ не Девкаліонъ, а какой-то Ной съ кораблемъ... Да я не вѣрю противному центуріону»...

Апполоній прервалъ наступившее было молчаніе.

— А еще есть толкованіе миѳа о Прометеѣ, — сказалъ онъ.—Дурисъ Самосскій говоритъ, что Прометей былъ наказанъ за то, что влюбился въ богиню Аѳину-Палладу. Поэтому жители Кавказа не приносятъ жертвъ ни Зевсу, ни Аѳинѣ, че-

---

*) Аристоксенъ Тарентскій, fragm. 92.

резъ которыхъ пострадалъ Прометей. Но зато кавказцы необыкновенно почитаютъ Геркулеса, который своей стрѣлой убилъ Зевсова орла. Такъ-то, дѣвочка,—потрепалъ онъ по щекѣ Ифигенію.

— Ахъ, какіе они хорошіе, эти кавказцы! — воскликнула она, но тотчасъ же испуганно замолчала.

Когда они подошли уже къ своему дому, изъ-за угла показалась высокая фигура въ мѣдномъ шлемѣ, на которомъ искрился свѣтъ луны.

— Мама! Центуріонъ!—торопливо прошептала Ифигенія и мгновенно исчезла въ темной зелени олеандровъ и сирени своего сада.

— О, Селена!—послышался ея шопотъ.

II. Странное существо.

На другой день Аполлонію предстояла поѣздка вверхъ по Танаису, къ тому мѣсту, гдѣ въ настоящее время раскинулся городъ Ростовъ. Тамъ, на спускѣ къ нынѣшнему Темернику, находились обширные склады товаровъ Аполлонія, свозимыхъ къ этому мѣсту мирными скиѳами, роксоланами, савроматами и меотами и состоявшихъ изъ дорогой пушнины, зерновыхъ хлѣбовъ, меда, вощины и другихъ естественныхъ продуктовъ Скиѳіи и Сарматіи, продуктовъ, которыми Аполлоній снабжалъ всю Элладу съ ея островами и восточными колоніями, а также и Италію съ Римомъ, соперничая съ Египтомъ по продовольствію Рима пшеницею, овсомъ, ячменемъ, кукурузою, просомъ и другими злаками. Склады Аполлонія представляли собою цѣлый городокъ.

Утро выдалось роскошное, и Орестъ съ Ифигеніей упросили отца взять ихъ съ собою, пригласивъ также на эту прогулку сына и дочь Перикла, архонта города Танаиса, Пилада и молоденькую Антигону.

Образованные греки того времени, а Периклъ и Аполлоній были образованнѣйшими изъ тогдашнихъ эллиновъ, имѣли обыкновеніе давать своимъ дѣтямъ классическія имена, и оттого у архонта имѣлись Пиладъ и Антигона, а у Аполлонія Орестъ и Ифигенія.

Къ предстоящей веселой поѣздкѣ по Танаису молодежь запас-

лась корзинами съ провизіею и виномъ, а рабы и рабини, по ихъ приказанію, украсили гирляндами зелени и цвѣтовъ двѣнадцативесельную лодку, на которой должна была совершиться прогулка.

— Какъ милостивъ къ намъ Ѳебъ-Аполлонъ,—весело сказала Ифигенія, восхищаясь прелестнымъ утромъ.

— Да, сынъ Зевса и Леты такой ласковый сегодня,—согласилась златокудрая Антигона.

— Да и грозный Посейдонъ, кажется, поставилъ въ уголъ свой страшный трезубецъ,—улыбнулся Пиладъ, здороваясь съ Орестомъ.

— Ну, здѣсь, на тихомъ Танаисѣ,—сказалъ послѣдній,—его трезубецъ не страшенъ, да и не на чемъ богу морей и океановъ кататься здѣсь: его кони, дельфины, сюда не заходятъ.

Когда Аполлоній съ молодежью, а за ними рабы и рабыни съ провизіей подошли къ лодкѣ, всѣ двѣнадцать гребцовъ сидѣли уже у веселъ. Это были полунагіе скиѳы, мускулистые и сильно загорѣлые. У руля сидѣлъ пожилой грекъ, опытный кормчій, подъ управленіемъ котораго парадная лодка Аполлонія не боялась даже сердитыхъ подчасъ волнъ Меотійскаго (нынѣ Азовскаго) моря.

Скоро всѣ усѣлись по мѣстамъ, и лодка подъ дружными ударами веселъ быстро помчалась вверхъ по многоводной рѣкѣ.

Молодежь весело начала болтать о томъ, какъ пріятно въ такой день кататься по Танаису.

— Сколько воды! Какой просторъ! — говорилъ Пиладъ, украдкой поглядывая на Ифигенію.

— Да, въ нашей Элладѣ нѣтъ такихъ рѣкъ,—задумчиво проговорилъ Аполлоній,—въ сравненіи съ Танаисомъ, тамъ— горные ручьи скорѣй, а не рѣки. Но когда я, въ молодости, жилъ въ Аѳинахъ и учился, меня такъ заинтересовало все то, что я читалъ у древнихъ писателей про Танаисъ, что я рѣшился переселиться сюда. И не жалѣю, что покинулъ милую Элладу. Здѣсь я удесятерилъ мои богатства.

— Ахъ, вотъ уже и Бараній Лобъ,—сказала Ифигенія, указывая на скалу, поднимавшуюся надъ рѣкой по ея правому, нагорному берегу.

— А почему она называется Бараньимъ Лбомъ?—сказала

Антигона.—Она не похожа на лобъ барана, и роговъ на ней нѣтъ.

— Это цѣлая исторія, милая Антигона, — сказалъ Аполлоній. — Псевдо-Плутархъ говоритъ, что Танаисъ назывался прежде Амазоніей (Amazonios), оттого, что тутъ съ савроматами жили амазонки и купались въ этой рѣкѣ. Но настоящее имя рѣка пріобрѣла вотъ почему: Танаисъ, сынъ Беросса и амазонки Лисиппы, былъ очень цѣломудренный человѣкъ и ненавидѣлъ женскій полъ...

— Значитъ, у него не было вкуса,—засмѣялся Пиладъ.

— Ну, братъ, не перебивай,—остановила его Антигона.

Аполлонъ продолжалъ:

— Танаисъ ни за что не хотѣлъ жениться и поклонялся только богу Арею...

— Марсу,—подсказалъ Орестъ.

— Ну, ужъ ты, римлянинъ, молчи!—оборвала его Ифигенія, невольно вспомнивъ при этомъ римскаго центуріона Фригида.

— Но Афродита, злобясь за это на Танаиса, возбудила въ немъ страсть къ собственной матери... Онъ долго боролся съ своимъ чувствомъ, но, почувствовавъ, что дольше бороться со страстью не въ силахъ, и, желая остаться невиннымъ, бросился въ Амазонію и утонулъ.

— Бѣдный!—тихо проговорила Ифигенія.

— А что же Бараній Лобъ?—спросила Антигона.

— Вотъ что, милая,—отвѣчалъ Аполлоній.—Ты, конечно, помнишь, что когда, похитивъ барана съ золотымъ руномъ, Фриксъ убѣгалъ изъ Эллады, то въ Понтійскомъ морѣ гдѣ-то потерялъ свою сестру Геллу. Тщетно онъ искалъ ее вездѣ, Геллы не было. Въ поискахъ своихъ онъ дошелъ до этой скалы, которую мы видимъ, и, усталый, уснулъ на ней. Увидѣвъ его, жившіе тутъ савроматы хотѣли его убить; но его разбудилъ баранъ человѣческимъ голосомъ...

— Какая сказка!—проговорилъ Орестъ.—Точно у Овидія.

— Молчи, римлянинъ!—снова оборвала его сестра.

— Пускай, сказка, а все же интересно,—сказала Антигона, вопросительно поглядывая на Аполлонія.

Тотъ такъ закончилъ свой разсказъ:

— Проснувшись, Фриксъ сѣлъ на своего барана, и тотъ умчалъ его въ Колхиду, а оставшіеся съ носомъ савроматы

назвали ту скалу Бриксабою (Brixaba), что и значитъ по-савроматски «Баранiй лобъ» *).

Гребцы-савроматы, слушая разсказъ Аполлонiя, улыбались.

— Такъ, господинъ, Бриксаба,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Чего я боялся,—продолжалъ Аполлонiй,—я, аѳинянинъ, росшiй подъ знойнымъ, чуднымъ небомъ Эллады, это—здѣшнихъ морозовъ, которыми меня пугали древнiе писатели, которыхъ я любилъ читать, будучи въ школѣ. Особенно Дiонисiй Перiегетъ остался у меня въ памяти. Онъ даже пишетъ «несчастные тѣ люди, которые тамъ живутъ»... Я приходилъ въ ужасъ, сидя въ Аѳинахъ на Пниксѣ и читая о томъ, какъ здѣсь въ сильные морозы лопаются даже мѣдные кувшины, и что люди тутъ ѣздятъ на повозкахъ по такимъ мѣстамъ, это по льду, гдѣ лѣтомъ переправляются на судахъ! **).

— Вотъ еще!—засмѣялся Пиладъ.—Я такъ люблю зимой скользить по льду на Тапаисѣ.

— И я,—добавила Ифигенiя.—Мы вѣдь тутъ родились... Зато теперь, подъ этимъ солнцемъ, такъ хорошо, — говорила дѣвушка мечтательно,—я слышу пѣнiе въ травѣ цикадъ, вижу, кажется, дрiадъ въ темной зелени этихъ береговъ и въ рѣкѣ слышу плескъ наядъ.

— А вонъ и косматый страшный Панъ, богъ лѣсовъ, сидитъ на берегу подъ кустомъ,—весело сказалъ Орестъ, указывая рукою на берегъ.

Тамъ, дѣйствительно, сидѣло какое-то странное существо, косматое, бѣлое, до половины прикрытое овечью шкурой, шерстью наружу. Странное существо, повидимому, удило рыбу.

Услыхавъ всплески по водѣ веселъ, странное существо все вздрогнуло, закрыло мгновенно свое лицо густыми, нечесанными космами и моментально скрылось въ лѣсу.

— Такъ и есть, Панъ!—засмѣялся Пиладъ.

— Богъ рыбу удитъ!—засмѣялся и Орестъ.

— Я уже не первый разъ вижу это странное существо,—проговорилъ кормчiй,—и всегда оно убѣгаетъ, когда увидитъ людей.

Компанiя подплывала уже къ устью Темерника, откуда видны были массивныя постройки складовъ Аполлонiя.

---

*) «De fluviorum et montium nominibus», XIV, 1/4.
**) Дiонисiй Перiегетъ. «Orbis descripti», 666, 669.

Навстрѣчу хозяину вышли хранители складовъ и толпы рабочихъ скиѳовъ-савроматовъ. Всѣ они были вооружены, а хранители имѣли на себѣ панцыри и кольчуги.

По приказанію главнаго надсмотрщика надъ складами, подчиненные его тотчасъ вынули изъ рѣки, изъ плетеныхъ рыбницъ, нѣсколько громадныхъ стерлядей и въ просторной лохани съ водой поднесли Аполлонію.

— Хвала богамъ, дѣти,—весело сказалъ послѣдній,—какая уха у насъ будетъ!

— Такой не нюхалъ, я думаю, и твой Лукуллъ,—замѣтилъ Пиладъ, обращаясь къ Оресту.

— О! Гдѣ же стерляди до муренъ!—горячо возразилъ послѣдній.—Муренъ Лукуллъ откармливалъ тѣлами рабовъ.

— О, боги,—всплеснула руками Ифигенія,—какое безчеловѣчіе! Таковы твои римляне!

Пока хранители складовъ разводили на берегу Танаиса костры и, очистивъ и порѣзавъ на куски рыбу, варили уху на таганахъ, подвѣсивъ къ нимъ мѣдные котелки, молодежь отправилась въ ближайшій перелѣсокъ рвать цвѣты для вѣнковъ и незамѣтно разбилась на двѣ парочки.

Надъ головами ихъ въ зелени деревьевъ весело высвистывали, перелетая съ дерева на дерево, золотистыя иволги, и на суку ближайшаго осокоря куковала кукушка. Скоро она услышала въ кустахъ звуки поцѣлуевъ и тихій разговоръ.

— Любовь моя, кроткая Ифигенія, когда же Гименей свяжетъ твою судьбу съ моею?—говорилъ мужской голосъ.

— О, Пиладъ! Меня преслѣдуютъ эвмениды въ лицѣ центуріона,—слышался женскій шопотъ.—За мою холодность къ нему онъ грозитъ доносомъ на насъ, что мы остаемся вѣрными богамъ родной Эллады, говоритъ, что меня затравятъ въ циркѣ дикими звѣрями.

— Поздно! Вчера ночью отецъ мой получилъ тайное извѣщеніе, что цезарь Юліанъ, провозглашенный войсками императоромъ, съ титуломъ Августа, отринулъ господствующую христіанскую религію и возвратился къ вѣчнымъ богамъ Олимпа.

— О, вѣчные, безсмертные боги!

И опять кукушка слышитъ поцѣлуй...

III. Смерть скифскаго царя.

Въ то время, когда Аполлоній съ своими дѣтьми и дѣтьми архонта, украшенные вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ, трапезовали на берегу Танаиса, съ ближайшихъ степей прибыло нѣсколько скиѳскихъ всадниковъ, одѣтыхъ въ овчины шерстью наружу, вооруженныхъ мечами и съ колчанами стрѣлъ за плечами. У каждаго изъ нихъ на поясѣ привѣшены были костяныя чаши для питья кумыса. Эти чаши сдѣланы были изъ череповъ убитыхъ непріятелей.

Скиѳы, служившіе при складахъ Аполлонія, радостно привѣтствовали прибывшихъ земляковъ. Но радость ихъ скоро смѣнилась страхомъ и отчаяніемъ, когда они услыхали привезенную со степей вѣсть.

— Нашъ царь отошелъ въ подземный міръ,—сказалъ старшій изъ прибывшихъ, сходя съ коня.

— Какъ! Царь Арадъ скончался?—спросилъ Аполлоній.

Онъ хорошо зналъ этого скиѳскаго царя, которому много уже лѣтъ поставлялъ оружіе и утварь для царскаго обихода, а также ткани для одежды и украшенія женамъ и дѣтямъ Арада, который очень дорожилъ дружбою богатаго грека.

— Кто же наслѣдовалъ тронъ Арада?—спросилъ Аполлоній.

— Хладъ, — отвѣчали скиѳы, и старшій изъ нихъ добавилъ:—молодой царь проситъ и тебя пожаловать въ его станъ для присутствованія при отданіи послѣднихъ почестей отошедшему въ подземный міръ.

— Ты поѣдешь, отецъ?—спросилъ Орестъ по-римски.

— Надо, — отвѣчалъ на томъ же языкѣ Аполлоній. — Дружба могущественныхъ варваровъ намъ необходима, да этого требуютъ и наши торговыя сношенія съ Скиѳіею.

— И я съ тобою поѣду,—сказалъ Орестъ уже по-скиѳски.

Онъ и отецъ нѣсколько уже усвоили себѣ языкъ кочующихъ сосѣдей, часто имѣя съ ними дѣло.

Но вдругъ среди скиѳовъ, служившихъ при складахъ, послышались вопли среди оживленнаго говора.

— Что случилось?—спросилъ удивленный Аполлоній.

— Да ихъ сыновей, мальчиковъ, отошедшій въ подземный міръ царь беретъ въ свои старжники, господинъ,—отвѣчалъ одинъ изъ скиѳовъ.

— Какъ! Умершій беретъ мальчиковъ себѣ въ стражники?—удивилась Ифигенія.

— Да, дитя мое, ты, кажется, не знаешь этого глубоко грустнаго и жестокаго обычая,—отвѣчалъ Аполлоній.—Когда умираетъ у скиѳовъ ихъ царь, то его погребаютъ не одного, а тутъ же, у его смертнаго ложа, убиваютъ его женъ, всѣхъ его служителей, и вмѣстѣ съ пожитками его, со всѣмъ, что онъ употреблялъ при жизни, хоронятъ вмѣстѣ съ нимъ.

— О, милостивые боги!—испуганно воскликнула Ифигенія

— О, страшно быть женою скиѳскаго царя! Праведные боги!—горестно проговорила и Антигона.

— А мальчики же?—спросила Ифигенія.—Стражники?

— Это еще ужаснѣе, дитя мое,—отвѣчалъ Аполлоній.—Когда царь съ убитыми женами и служителями и со всѣмъ, чѣмъ онъ пользовался при жизни, будетъ зарытъ, то надъ нимъ насыпаютъ высокій-высокій курганъ-могилу, потомъ тутъ же убиваютъ пятьдесятъ юношей и пятьдесятъ лошадей, дѣлаютъ подъ лошадей подпорки, чтобы онѣ стояли какъ живыя, и на нихъ сажаютъ мертвыхъ юношей... Это и есть стража мертваго царя.

— О, великій Зевсъ, богъ боговъ, и ты допускаешь это!—залилась слезами Ифигенія.

Плакала и Антигона, закрывъ лицо ладонями.

— Зачѣмъ плакать?—сказалъ старшій скиѳъ.—Надо радоваться...

— Чему радоваться?—сердито спросилъ Пиладъ, у котораго сердце надрывалось при видѣ слезъ Ифигеніи.

— Какъ чему, господинъ? — философски разсуждалъ старый скиѳъ.—Я бъ много радовался еслибы моего сына царь взялъ въ подземный міръ. Да жаль, у меня нѣтъ сына, всѣхъ четырехъ сыновей моихъ убили римляне въ битвѣ при Ольвіи, а то я всѣхъ ихъ отдалъ бы съ радостью царю въ подземный міръ... Радость мнѣ была бы большая.

— Съ чего это радость тутъ?—недоумѣвающе спросилъ Орестъ.

— А какъ же, господинъ, не радость? — твердилъ свое скиѳъ.—Мои сыны неотлучно находились бы при царѣ въ подземномъ мірѣ... Это такая честь! Ну, и проклятымъ римлянамъ досталось за моихъ сыновей. Вотъ видишь, господинъ, этотъ бѣлый черепъ?

Онъ указалъ на висѣвшій у пояса костякъ.

— Ну?—недоумѣвалъ Орестъ, глядя на костякъ.

— Это, господинъ, изъ римской головы, чаша для кумыса...

— Великіе боги!—всплеснула руками Антигона.

— А это (старый скиѳъ показалъ ременную нагайку), это я выплелъ изъ кожи римлянина, прочные ремни!

Ифигенія и Антигона, переставъ плакать, съ ужасомъ смотрѣли на чудовище, которое само не понимало всей чудовищности того, что говорило.

— Тогда тамъ, у Ольвіи,—продолжалъ хвастаться скиѳъ,—я моими арканами захлестнулъ и увезъ въ свой станъ четырехъ римлянъ, содралъ съ нихъ кожу, и изъ этихъ ремней надѣлалъ себѣ много хорошаго... Вотъ!

Онъ отвернулъ овчину, которая накинута была на его плечи, и показалъ на ремни, обшивавшіе края овчины и грубой рубахи и портовъ.

— Видишь, господинъ, все обшито римской кожей... Прочная кожа, ай, какая прочная! И нагайка прочная, точно изъ проволоки... Видишь?

И онъ, взмахнулъ нагайкой, какъ ножомъ перерѣзалъ толстые слои будяковъ, которые росли по близости.

— И уздечки моихъ коней изъ римской кожи.

— А черепа тѣхъ четырехъ римлянъ?—спросилъ Орестъ.

— Да вотъ это одинъ, а изъ другихъ трехъ пьютъ кумысъ мои жены.

Все это говорилось такъ добродушно, какъ будто бы рѣчь шла о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

— Отчего же умеръ вашъ царь?—спросилъ Пиладъ, желая перемѣнить предметъ разговора.

— Отъ кумыса,—былъ отвѣтъ.

— Какъ отъ кумыса!

— Отъ вина кумыснаго... Это вино такое крѣпкое, что съ ногъ валитъ... А царь выпилъ его на радостяхъ такъ много, что оно ужъ не вмѣщалось въ немъ *).

---

*) Чтобы разсѣять сомнѣнія читателя относительно того, можетъ ли человѣкъ выпить вина больше, чѣмъ можетъ вмѣстить въ себя, я приведу свидѣтельства современника. Евпапій Сардскій пишетъ: «Сибармарлій былъ начальникомъ копьеносцевъ и очень преданъ евнуху Евтропію. Онъ выпивалъ вина больше, чѣмъ могъ вмѣстить въ себя... Онъ всегда былъ пьянъ, но умѣлъ скрывать свое опьяненіе, твердо шагая ногами и не падая». Eupapius Sardionus, fragm. 77.

— А на какихъ это радостяхъ?—спросилъ Орестъ.

— А царь убилъ такого большого тура, какого мы и не видывали... Ну, и напился... А злые духи степей позавидовали его силѣ и задушили виномъ.

Аполлоній въ это время, послѣ осмотра складовъ, сдѣлавъ свои хозяйственныя распоряженія, возвращался къ своей молодежи, сопровождаемый хранителями складовъ и служащими при складахъ скиѳами.

— Такъ мы, господинъ, сегодня же ѣдемъ въ степи, въ станъ царя, на погребеніе его,—говорили трое изъ нихъ.—Нашихъ сыновей царь беретъ съ собою въ подземный міръ.

— И вамъ не жаль ихъ?—спросилъ Аполлоній.

— Сначала жаль было, сразу намъ это сказали, а теперь мы радуемся, большая намъ это честь.

— Ну, жены-то ревѣть будутъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, они матери, своимъ тѣломъ ихъ питали.

Тогда къ Аполлонію приступили и прочіе служащіе при складахъ скиѳы.

— Позволь, господинъ, и намъ отправиться въ степь,—говорили они.—Мы всѣ служили нашему царю; оберегали его, и мы должны проводить его въ подземный міръ съ почестями.

— Хорошо. Я васъ увольняю на это время,—согласился Аполлоній.

Когда онъ подходилъ къ группѣ сидѣвшей на спускѣ къ рѣкѣ молодежи, тамъ старый скиѳъ продолжалъ разглагольствовать.

— У насъ на степяхъ лучше, чѣмъ у васъ въ горахъ,—говорилъ онъ.—Вы прикованы къ домамъ. Надъ вами неба нѣтъ, а потолки, а нашъ потолокъ—все небо съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами... Вольно у насъ. Надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ, вытоптали наши табуны траву, мы снимаемся съ нашими повозками, съ женами и дѣтьми и перекочевываемъ на другія мѣста. Нѣтъ конца нашимъ степямъ... Сколько у насъ звѣря, птицы!

Его, повидимому, слушали съ интересомъ... Вольная жизнь!..

— А зимой то какъ?—замѣтила Ифигенія.—Всю степь замететъ сугробами... Некуда голову преклонить... А бури, метели...

Когда подошелъ Аполлоній, скиѳъ обратился къ нему.

— Когда же, господинъ, ждать тебя въ нашъ станъ?

— Завтра съ разсвѣтомъ выѣду.

— И мы съ тобой,—разомъ заявили и Орестъ и Пиладъ.— Отецъ даетъ намъ для пути стражу—добавилъ послѣдній.

— И центуріонъ даетъ намъ вооруженный конвой на случай появленія изъ-за Танаиса дикихъ сираковъ *),—сказалъ Орестъ.

Стали собираться въ обратный путь.

— Какихъ ужасовъ наслышались мы отъ стараго скиѳа!— сказала Ифигенія, когда всѣ усѣлись въ лодку.

— А что, моя дѣвочка?—спросилъ Аполлоній.

— Да какъ же! Онъ сдиралъ съ убитыхъ римлянъ кожу и обшивалъ ею свое одѣяніе, плелъ изъ нея бичъ.

— Таковы, дитя мое, обычаи у варваровъ.

Всю дорогу Ифигенія плела вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Это я для Эсхила,—отвѣчала она на нѣмой вопросъ Пилада,—я вчера такъ много плакала надъ «Прикованнымъ Прометеемъ»... Мнѣ и горько было, и сладко, но больше горько.

IV. Въ скиѳской степи.

По необозримой степи, раскинувшейся сѣвернѣе праваго берега Танаиса и уходившей въ невѣдомую даль, движется значительная группа всадниковъ. На небѣ ни облачка. Восточный вѣтерокъ, пробѣгая степью, какъ бы играетъ ковыль-травою, которая отливаетъ на солнцѣ чистымъ серебромъ. Въ прозрачномъ небѣ спиралями, высоко-высоко, медленно плаваютъ орлы, словно движущіяся точки. Но вотъ одинъ изъ нихъ, спускаясь все ниже и ниже, стрѣлой падаетъ на степь и черезъ мгновеніе поднимается уже съ добычей. Въ острыхъ когтяхъ его бьется сѣренькій зайчикъ, и вмѣстѣ, и хищникъ, и жертва, скоро исчезаютъ въ дымкѣ безконечной дали.

По сторонамъ, то тамъ, то сямъ, поднимаются надъ ковыль-травою птичьи головы. То бродятъ по степи, отдѣльными группами, степные дудаки-дрофы. Изрѣдка пролетитъ надъ степью бѣлая лунь и также исчезаетъ въ дымкѣ дали.

— Здѣсь такъ же, какъ и на морѣ, разумомъ и сердцемъ познается величіе божества,—тихо говоритъ одинъ всадникъ.— Сколько величія тутъ!

— Но тамъ величіе грозное, болѣе могучее,—говоритъ другой всадникъ.

---

*) По Страбону.

Первый изъ нихъ Аполоній, второй—архонтъ Периклъ.

Внезапно изъ ближайшей ложбинки выскакиваетъ быстроногій сайгакъ, и чье-то копье, просвистѣвъ въ воздухѣ, моментально поражаетъ бѣдное, робкое животное. Это ударъ римскаго воина изъ центуріи Фригида.

— Хорошій обѣдъ,—говоритъ кто-то.

— Мало. Надо бы еще хоть пару дудаковъ.

— Добудемъ, этого добра много тутъ.

Сайгакъ притороченъ къ сѣдлу. Не стало робкаго, невиннаго жильца степей.

На горизонтѣ—движущіеся силуэты, уносящіеся въ дымчатую даль. То умчалось стадо степныхъ, дикихъ туровъ, быть можетъ, изъ стада того могучаго, царственнаго вожака, котораго убилъ передъ смертью царь скиѳовъ.

— Дудаки,—вдругъ сказалъ одинъ изъ воиновъ, указывая копьемъ на виднѣвшіяся въ отдаленіи изъ-за ковыль-травы головы степныхъ голенастыхъ отшельниковъ.—Окружимъ ихъ широкимъ развернутымъ кольцомъ и потомъ станемъ суживать кольцо, такъ ни одинъ не уйдетъ.

Разъѣхавшись въ разныя стороны на такое далекое разстояніе, что дрофы не могли ожидать опасности и спокойно продолжали пастись, воины постепенно стали суживать кольцо и приближаться къ своимъ жертвамъ. Ранѣе, чѣмъ птица могла догадаться объ опасности, кольцо наступающихъ такъ сузилось, что птицѣ уже выхода не было. Оставалось подняться и улетѣть. Но на бѣду этого нельзя было сдѣлать. Самецъ и самка могли еще спастись летомъ, но съ ними были дѣти, хотя и крупныя, однако, крылья ихъ еще не вполнѣ окрѣпли и не вполнѣ оперились для полета. Они могли только бѣжать, и хотя бѣгъ этой голенастой птицы былъ быстрѣе бѣга лошади, но увы! имъ бѣжать было уже некуда... Оставалось защищаться, а главное защищать своихъ птенцовъ... И здѣсь оказалось у птицы удивительное мужество, мужество отчаянія! Самецъ и самка съ крикомъ налетали на всадниковъ, били ихъ сильными, словно молоты, клювами и крыльями; но, пораженные копьями, упали къ ногамъ коней, птенцовъ же переловили руками.

— Ну, теперь у насъ и обѣдъ, и ужинъ,—съ торжествомъ сказалъ старый воинъ, участвовавшій съ своею когортою еще въ битвѣ съ Максенціемъ.

Солнце поднялось уже высоко, и пора было сдѣлать не надолго привалъ.

— Кстати вотъ въ ложбинѣ и ручеекъ,—сказалъ Орестъ,— и сами напьемся, и коней напоимъ.

— Да не мѣшаетъ и возліяніе сдѣлать въ честь боговъ,— сказалъ архонтъ.

— А послѣ возліянія безсмертнымъ богамъ тоже слѣдуетъ и намъ, смертнымъ,—выронилъ съ улыбкой его сынъ.

— Думаю, что воины не поскупятся угостить насъ и свѣжею дичью,—говорилъ Орестъ, умильно косясь на притороченную къ сѣдламъ воиновъ дичь.

Остановились, стреножили лошадей и, пустивъ ихъ на траву, стали утолять жажду холодной водой журчавшаго по камушкамъ степного ручья.

Воины, между тѣмъ, освѣжившись, принялись ощипывать и потрошить дичь, а другіе—свѣжевать и рѣзать на куски сайгака. Иные же пошли въ степь собирать сухія прошлогоднія травы и сухой бурьянъ для топлива.

Скоро готовъ былъ и костеръ. Куски сайгака и дичи были тщательно, подъ руководствомъ классическихъ друзей, Ореста и Пилада, перемыты.

— Вертелами намъ послужатъ острія нашихъ копій,—сказалъ старый воинъ, сражавшійся еще подъ знаменами Константина Великаго.—Такъ мы когда-то въ Нумидіи жарили нѣжное мясо газелей.

— А мы съ цезаремъ, нынѣ императоромъ, божественнымъ Юліаномъ, да хранятъ его боги! такъ жарили въ Галліи жирныхъ куропатокъ,—сказалъ болѣе молодой воинъ, родомъ изъ Аттики.

— А такъ какъ у васъ, храбрые воины, соли, конечно, нѣтъ, то мясо пусть солитъ аттической солью вотъ онъ,—скаламбурилъ Орестъ, указывая на того, который былъ родомъ изъ Аттики.

— Да и у меня, благородный сынъ Аполлонія, тоже нѣтъ соли,—отозвался добродушный аттіецъ.

Орестъ и Пиладъ засмѣялись, а за ними и ихъ отцы.

Скоро къ костру, растянутому сажени на двѣ, потянулись копья съ насаженнымъ на ихъ острія мясомъ.

Когда мясо хорошо прожарилось, то первые, лучшіе его

куски, положенные на хорошо вымытый щитъ того воина, что сражался въ Галліи подъ легіонными орлами цезаря Юліана, поднесены были Аполлонію и Периклу съ ихъ сыновьями.

— Это, благородные эллины, заслуженный щитъ,—сказалъ его владѣлецъ,—видите, сколько уколовъ надѣлали въ немъ галльскія стрѣлы.

— Да хранитъ тебя въ битвахъ великій Арей, — сказалъ архонтъ, принимая щитъ съ кусками мяса.

— Сотвори же съ нами возліяніе великому Посейдону и Нерею, сыну Понта и Геи, съ его пятьюдесятью дщерями-нереидами, которые напоили насъ изъ этого ручья,—сказалъ Аполлоній и велѣлъ сыну достать изъ переметныхъ дорожныхъ сумокъ бурдюкъ съ виномъ и золотой кубокъ.

Взявъ изъ руки Ореста и то, и другое, Аполлоній, отвинтивъ закупорку бурдюка, наполнилъ виномъ кубокъ и плеснулъ изъ него нѣсколько капель въ ручей, говоря:—«Примите наше возліяніе, владыки морей, рѣкъ и ручьевъ».

То же сдѣлали архонтъ Периклъ, Орестъ, Пиладъ и воинъ изъ Аттики. Послѣдній, выплеснувъ изъ кубка остатокъ вина, торжественно проговорилъ:

— Несите, безсмертныя нереиды, наше возліяніе по водянымъ жиламъ земли до нашей родной Аттики, и пусть оно сольется съ водами рѣкъ Эллады.

Всѣмъ понравилась рѣчь молодого воина.

— Какъ же ты сказалъ, что у тебя нѣтъ аттической соли?— улыбнулся Орестъ.

— Нѣтъ, благородный юноша, я не лгалъ, нѣтъ у меня соли.

— Онъ шутитъ,—сказалъ Аполлоній, — мой сынъ воображаетъ, что у него самого много аттической соли, то есть, остроумія. А такъ какъ твое обращеніе къ нереидамъ полно красоты и остроумія, то Орестъ сказалъ тебѣ похвалу въ шуткѣ, и мы всѣ тебя хвалимъ за твою рѣчь.

Потомъ, выпивъ по кубку вина и угостивъ имъ воина, они стали трапезовать и благодарить всѣхъ воиновъ за дичь.

Солнце приближалось къ полудню, когда наши путешественники двинулись въ дальнѣйшій, скоро долженствующій кончиться, путь.

Дѣйствительно, вдали уже виднѣлся станъ скиѳовъ. По степи бродили огромные табуны лошадей. Станъ, уставленный тыся-

чами и десятками тысячъ крытыхъ скиѳскихъ двухколесныхъ арбъ, раскидывался на необозримое пространство. Это было что-то грозное, внушительное. Гулъ отъ говора, какъ рокотъ бурнаго моря, стоялъ въ воздухѣ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ. По временамъ въ этомъ гулѣ рѣзко пронизывалъ женскій плачъ. То несчастныя матери заранѣе оплакивали своихъ дѣтей, обреченныхъ скоро перейти въ подземный міръ. Этотъ нестройный, но какой-то величавый хаосъ звуковъ, смѣшаннаго говора, выкриковъ казался еще хаотичнѣе отъ неистоваго ржанія десятковъ и сотенъ тысячъ лошадей.

— Это звуки Тартара, плачъ и стоны низринутыхъ въ подземныя пропасти гнѣвнымъ Зевсомъ душъ человѣческихъ,—сказалъ смущенный Орестъ.

Скоро изъ этого хаоса выдѣлилась группа всадниковъ, которые неслись къ нашимъ путешественникамъ. Всадники, крича что-то неистово, размахивали въ воздухѣ длинными древками съ развѣвавшимися на нихъ конскими хвостами.

— Самъ царь встрѣчаетъ насъ—проговорилъ Аполлоній, вынимая изъ своей переметной сумы огромный мечъ въ дорогихъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями ножнахъ.

Архонтъ тоже досталъ изъ своей сумы подарокъ для новаго царя—большой золотой кубокъ изящной эллинской чеканки.

При приближеніи Хлада, осѣненнаго знаками царской власти—знаменами изъ конскихъ хвостовъ, римскіе воины троекратно ударили копьями въ свои щиты.

— Привѣтствую васъ, благородные эллины, какъ моихъ друзей и союзниковъ,—торжественно произнесъ царственный скиѳъ на всемъ скаку осаживая коня.

То же сдѣлали прибывшіе греки и римскіе воины.

— Прими отъ меня, вождь великаго скиѳскаго народа, этотъ мечъ на пораженіе твоихъ враговъ,—сказалъ Аполлоній, подавая скиѳу мечъ.

— А изъ этого кубка, который я подношу тебѣ, могущественный царь скиѳовъ, ты пей кумысъ, чашу побѣды,—возгласилъ архонтъ, вручая скиѳу кубокъ.

Конскіе хвосты наклонились надъ греками, и Хладъ сказалъ:

— Теперь прошу ко мнѣ, благородные гости, воздать послѣд-

нюю честь моему предшественнику, удалившемуся въ подземный міръ.

Всѣ двинулись къ мѣсту погребенія

V.

Хаосъ голосовъ, по мановенію конскихъ хвостовъ, мгновенно смолкъ. Слышались только женскія рыданія. То плакали пятьдесятъ матерей и сестеръ, провожая въ подземный міръ сыновей и братьевъ, которые, сидя на коняхъ, кольцомъ окружали мѣсто, гдѣ вырыта была обширная и глубокая могила, устланная на днѣ ковыль-травою поверхъ глинянаго пола.

У самой могилы стоялъ смертный одръ, а на немъ возлежало тѣло умершаго царя въ полномъ воинскомъ облаченіи, въ кольчугѣ, со щитомъ и копьемъ. На головѣ его былъ шлемъ съ придѣланными къ нему страшными рогами тура, послѣдняго тура, котораго убилъ Арадъ.

У одра стояли жены умершаго царя, числомъ пять, съ дорогими ожерельями на загорѣлыхъ шеяхъ, съ массивными золотыми подвѣсками въ ушахъ и съ такими же браслетами на ручахъ, а у самой младшей, почти ребенка, и самой миловидной на смуглемъ лобикѣ бѣлѣла нитка крупнаго жемчуга, а на черной головѣ блестѣла чудной эллинской работы діадема, которую подарилъ ей на ея свадьбѣ Аполлоній.

На лицахъ ихъ не только не видно было отчаянія, горя, боязни, а, напротивъ, полное спокойствіе и какъ бы радостное ожиданіе. Еще бы! Вѣдь онѣ скоро опять соединятся со своимъ повелителемъ, соединятся тамъ, въ подземномъ царствѣ, гдѣ онѣ опять будутъ царицами.

За женами царя стояли его слуги. И ихъ лица была спокойны... Такъ предопредѣлено, такъ искони вѣковъ повелось, что они идутъ за своимъ господиномъ въ тотъ невѣдомый міръ, въ который уноситъ ихъ роковой ударъ меча...

Женскій плачъ лишь нарушалъ торжественную тишину.

Но едва Хладъ приблизился съ эллинами къ одру своего предшественника и далъ знакъ знаменосцамъ, чтобы они склонили бунчуки надъ умершимъ царемъ, какъ всѣ жены его и слуги закричали:

— Возьми насъ съ собой! Возьми насъ!

Въ это мгновеніе около каждой изъ женъ и каждаго изъ

слугъ блеснули мечи, и десятки труповъ, безъ стона, безъ крика пали на землю, такъ опытны были жрецы смерти, которые исполняли свое кровавое дѣло!

Тогда часть этихъ жрецовъ смерти спустилась въ могилу, а оставшіеся наверху, снявъ съ одра тѣло царя, бережно передали его на руки тѣмъ, которые стояли въ могилѣ.

— Ты не останешься одинокъ, великій царь скиѳовъ!—возгласилъ Хладъ.

— Къ тебѣ идутъ жены!

Когда уложили Арада на его послѣднее ложе и стали опускать тѣло старшей жены его, Хладъ снова возгласилъ:

— Къ тебѣ идетъ первая твоя жена!

Ее уложили рядомъ съ мужемъ, по правую его сторону. Опускали затѣмъ тѣло второй жертвы ужаснаго обычая, и Хладъ возгласилъ снова:

— Къ тебѣ идетъ вторая твоя жена!—и т. д.

Вторую положили по лѣвую руку мертвеца, а по бокамъ первыхъ двухъ—третью и четвертую. Самая младшая, любимица, легла въ головахъ того, кто ее любилъ.

— Къ тебѣ идутъ слуги!

Слугъ укладывали въ ногахъ царя.

Оставалась послѣдняя кровавая оргія.

— Твои стражи сейчасъ станутъ вокругъ твоего вѣчнаго жилища!—возгласилъ Арадовъ преемникъ. — Хладъ посылаетъ ихъ къ тебѣ.

И, по мановенію его руки, у каждаго изъ пятидесяти конныхъ юношей за спиной очутилось по убійцѣ! Всѣ они въ одинъ моментъ всадили свои мечи въ сердца юношей и, обхвативъ ихъ руками, держали въ своихъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, пока тѣла ихъ не окоченѣли...

Кони подъ мертвыми стояли пока неподвижно. Но желѣзныя острыя подставки, которыя должны были поддерживать мертвыхъ коней въ стоячемъ положеніи, были уже наготовѣ.

— Взгляни, великій царь, на свою стражу!—нагнулся Хладъ къ могилѣ.

Въ это мгновеніе пятьдесятъ мечей вонзились въ сердца пятидесяти коней, а желѣзныя подставки, войдя вилообразными остріями подъ каждое чрево лошади и нижнимъ тупымъ концомъ упираясь въ землю, держали мертвыхъ коней въ стоячемъ поло-

женіи... Только головы невинныхъ животныхъ опустились, какъ бы выражая глубокую скорбь о томъ, въ честь котораго они погибли...

А матери и сестры зарѣзанныхъ юношей?.. Ихъ рыданія оглашали степь далеко-далеко... Только отцы и братья зарѣзанныхъ молчали... Они—мужчины.

И началось вавилонское столпотвореніе, насыпаніе кургана надъ могилой. Всѣ, и ближніе, и дальніе скиѳскаго стана, несли землю и засыпали мертвецовъ общей могилы. Несли землю пригоршнями, шапками, мѣхами... Тысячи рукъ, десятки тысячъ несли, сыпали, и скоро курганъ выросъ высокій-высокій... Такіе курганы-могилы и доселѣ высятся въ степяхъ бывшей Скиѳіи и Сарматіи, и ихъ разрываютъ, столѣтіями разрывали кладоискатели, а за ними и археологи, Уварыі, Кибальчичи, Антоновичи, Тарновскіе, Эварницкіе... И изъ подземнаго міра выходятъ на свѣтъ Божій вазы, ожерелья, браслеты, подвѣски, бусы, кольчуги, стрѣлы и... костяки бывшихъ царей и грозныхъ воиновъ... И музеи хранятъ эти реликвіи подземнаго мира... Хранить будутъ и то, что останется и отъ насъ...

А зарѣзанные юноши-стражники сидятъ неподвижно на зарѣзанныхъ коняхъ и стерегутъ то, чего ужъ нѣтъ...

А тризна уже началась на пространствѣ всего неизмѣримаго стана. Пылаютъ костры, жарится и варится конина, кумысъ льется рѣками, слышится говоръ, раздаются пьяные выкрики... Тризна! Поминки!

А матери и сестры плачутъ...

Между группами трапезующихъ бродятъ слѣпые. Это рабы, взятые въ плѣнъ римляне, даки, германцы... Имъ всегда выкалываютъ глаза, чтобы они, слѣпые, не убѣжали...

Трапезуютъ съ Хладомъ и прибывшіе изъ Танаиса греки.

Отдѣльной группой трапезуютъ и римскіе воины, прибывшіе въ станъ скиѳовъ съ Аполлоніемъ и архонтомъ Перикломъ. Крѣпкій кумысъ опьяняетъ имъ головы. Слышится пьяная пѣсня римлянина:

Nunc est bibendum!
Nunc pede libero
Pulsanda tellus...

— О, вѣчные боги! Родная рѣчь! Родная пѣсня! Безсмертный Горацій Флакъ! — слышится восторженно-рыдающій возгласъ.

Пѣвшій умолкаетъ, изумленно оглядываясь. За нимъ стоитъ жалкое, полуголое существо и молитвенно простираетъ къ нему руки. Глаза у него выколоты.

— Боги Олимпа! Я слышу римлянъ!

Всѣ съ неописаннымъ изумленіемъ глядятъ на жалкаго слѣпца.

— Ты кто?—спрашиваетъ пѣвшій изъ Горація.

— Я римлянинъ... civis romanus... я рабъ, servus... а былъ легатомъ... Я Аппій Каверна... Меня въ битвѣ при Ольвіи взяли скиѳы въ плѣнъ и ослѣпили.

Воины встали съ своихъ мѣстъ и съ почтеніемъ и жалостью подошли къ несчастному... «Легатъ»! Командовавшій римскимъ легіономъ... А теперь!

— О, боги! Нѣтъ у нихъ милосердія!

— Немезида! Гдѣ твои бичи!

— Центуріонъ его выкупитъ...

VI. Погоня за гуннами.

Когда, на другой день, наши греки и сопровождавшіе ихъ римскіе воины воротились въ городъ съ похоронъ скиѳскаго царя Арада, ихъ, какъ громомъ, поразила вѣсть о томъ, что съ вечера предыдущаго дня Ифигенія и Антигона исчезли безслѣдно. Матери ихъ бились въ судорогахъ отчаянія.

Какъ это могло случиться?

Вечеромъ обѣ дѣвушки, въ сопровожденіи рабынь, пошли за городъ, въ лежащую недалеко за городскими воротами рощу Селены. Ночь была лунная, и дѣвушки пошли помолиться Селенѣ, богинѣ ночи, покровительницѣ влюбленныхъ. Ифигенія и Антигона хотѣли нарвать полевыхъ цвѣтовъ и украсить вѣнками изъ нихъ находившуюся тамъ статую богини и не возвратились.

Встревоженныя запозданіемъ дѣвушекъ, матери ихъ послали рабовъ въ рощу Селены, но тамъ ихъ уже не было... И дѣвушки, и рабыни исчезли!

О несчастіи тотчасъ же дали знать центуріону. Фригидъ, давно питавшій страсть къ Ифигеніи, немедленно поднялъ на ноги всю свою центурію и мѣстныхъ городскихъ воиновъ, бро-

сился съ ними въ рощу Селены, и, при помощи смоляныхъ факеловъ, осмотрѣвъ ее всю, увидѣлъ на травѣ слѣды конскихъ копытъ.

По нѣкоторымъ признакамъ, онъ узналъ, какіе гости тутъ были.

— Гунны,—сказалъ онъ,—это слѣды ихъ лошадей.

— Такъ, господинъ, гунны, — подтвердилъ старый воинъ Рапидусъ.—Вотъ слѣды ихъ сюда, и вотъ отсюда лѣвѣе.

О гуннахъ тогда ходили страшные разсказы. Говорили, что изъ Скиѳіи всѣ вѣдьмы были изгнаны на востокъ, за Танаисъ, въ степи, что шли до самой рѣки Ра (нынѣ Волга) и даже до Рифійскихъ горъ. Тамъ вѣдьмы сочетались съ демонами, и отъ этихъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ народились страшные гунны. Во время походовъ они не сходили съ своихъ коней ни днемъ, ни ночью. На коняхъ они ѣли сырое лошадиное мясо, хранившееся у нихъ подъ потниками на спинахъ ихъ коней, пили сквашенное кобылье молоко-кумысъ изъ кожаныхъ мѣховъ, перекинутыхъ черезъ спины коней, и тутъ же, сидя на коняхъ, спали.

Амміанъ Марцеллинъ, современникъ эпохи нашего повѣствованія, говорилъ, что «гунны—племя, живущее за Меотійскимъ болотомъ (Азовское море), превосходитъ своею дикостью всякія понятія»... «Счастливымъ считается у нихъ тотъ, кто испускаетъ духъ въ сраженіи; надъ стариками же или умирающими отъ случайныхъ болѣзней они жестоко издѣваются, какъ надъ уродами и трусами. У нихъ больше всего хвастаются убійствомъ какого-нибудь человѣка, а вмѣсто того, чтобы у убитыхъ враговъ снимать только оружіе, они срываютъ съ нихъ и головы, сдираютъ съ этихъ головъ кожу и вѣшаютъ ее въ видѣ украшенія на груди своихъ боевыхъ коней...» *). У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни святынь: вонзаютъ въ землю мечъ и молятся ему.

Клавдій Клавдіанъ, почти современникъ той же эпохи, пишетъ: «Есть племя—гунны, живущее на крайнемъ востокѣ, по ту сторону холоднаго Танаиса... Одежда ихъ самая простая; тѣло ихъ безобразнаго вида; отвага ихъ не останавливается никогда передъ самымъ тяжкимъ трудомъ. Они живутъ только добычею... Имъ доставляетъ удовольствіе отрѣзывать головы... Двойная природа не лучше соединила двухъ образныхъ сыновей тучъ-кентав-

---

*) Амміанъ Марцеллинъ XXXI, 2, 21.

ровъ съ ихъ лошадьми (т. е. гунны-наѣздники—не хуже кентавровъ). Ихъ подвижность изумительна»... *).

Приблизительно то же говоритъ и Іорнандъ **).

У Діонисія Періегета читаемъ («Объ Уннахъ или Ѳуннахъ въ «Исторіи Вселенной») Симокатъ разсказываетъ, что они принудили мидянъ, подъ условіемъ мира, заплатить себѣ 40,000 золотыхъ монетъ, и имѣли такое множество золота, что изъ него дѣлали кровати, столы, кресла, скамейки» ***)...

— Да, это демоны гунны,—продолжалъ старый Рапидусъ, разглядывая слѣды конскихъ копытъ при свѣтѣ факеловъ. — Это ихъ дѣло.

— Они отъ насъ не уйдутъ,—сказалъ центуріонъ.—Далеко они не могли ускакать за это короткое время.

— Но у каждаго изъ этихъ демоновъ всегда по двѣ лошади въ пути, устанетъ одна, онъ на всемъ скаку перепрыгиваетъ на другую,—говорилъ Рапидусъ.—Оттого ихъ бѣгъ, бѣгъ вѣтра въ полѣ... Точно имъ помогаетъ богъ вѣтровъ, Эолъ.

— Стыдись, старый язычникъ, упоминать имя эллинскаго идола,—остановилъ его центуріонъ,—вѣдь тебя крестили въ Равеннѣ.

— Виноватъ, господинъ... По старой привычкѣ забылся и упомянулъ эллинскаго дьявола,—оправдывался старый воинъ.— Тьфу на тебя, нечистый!

— Хорошо... Теперь сотвори знаменіе креста и скачи къ табунамъ архонта Перикла и благороднаго Аполлонія: пусть табунщики гонятъ ихъ сюда, а ты, Комма, скачи къ складамъ центуріи съ десяткомъ воиновъ и привозите сюда уздечекъ для подставныхъ коней.

Такъ распоряжался центуріонъ, волнуемый страстнымъ желаніемъ догнать хищниковъ и освободить дѣвушку, которую онъ любилъ.

— Ну, добрый Меркурій, дай мнѣ свои крылья,—молилъ старый Рапидусъ, скача къ табунамъ.

— Опять идола помянулъ, старый песъ!—крикнулъ на него центуріонъ.

— Тьфу! Тьфу!—отплевывался старый язычникъ.

---

*) Клавдій Клавдіанъ. In Rufinum, liter. I, 3 23.
**) Iornandes. «De rebus guthicis fragm. 10
***) Діонисій Періегетъ, 730.

Скоро пригнаны были табуны, и привезены уздечки.

— Да поможетъ намъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ! Съ Богомъ!—скомандовалъ центуріонъ, выносясь впередъ на своемъ скакунѣ.

— О, великій Марсъ, помоги намъ на демоновъ!—шепталъ про себя старый Рапидусъ, который не особенно довѣрялъ силѣ новой религіи, съ дѣтства привыкнувъ къ безсмертнымъ богамъ вѣчнаго Рима.

Отрядъ быстро пустился въ путь. Каждый всадникъ держалъ на поводѣ запаснаго коня. Полная луна освѣщала имъ путь.

— Спасибо, матушка Селена богиня!—бормоталъ про себя старый Рапидусъ, молитвенно глядя на луну.—Безъ твоего свѣта тутъ легко было бы въ какомъ-нибудь оврагѣ шею сломать.

— Ты чего ворчишь, дядя?—спросилъ его Комма, скакавшій съ нимъ рядомъ.

— Да вотъ, молюсь Богородицѣ, чтобы помогла намъ,—смущенно отвѣчалъ старикъ.

— А я, признаться, больше вѣрю нашей Беллонѣ, чѣмъ ихней Богородицѣ,—осторожно признался Комма.

— Да и я тоже, братъ, думаю... Вонъ какъ нашъ divus Юліанъ, да хранятъ его боги Рима! лупитъ галловъ да германцевъ, а онъ, говорятъ, молится нашимъ старымъ богамъ,—тихо признался и старый Рапидусъ.

— Ну, извѣстно: старые боги покрѣпче будутъ... Съ ними мы весь міръ завоевали,—разсуждалъ Комма.—А они, эти новые, что такое? Намалеваны на доскахъ да на холстѣ, и только... А нашъ Юпитеръ-то, во!

— Что и говорить!—согласился старикъ.

— Я такъ думаю,—продолжалъ разсуждать Комма,—что божественный Юліанъ перенесъ опять столицу въ Римъ. А то, что Византія! Я бывалъ въ ней. Ни нашего Форума, ни Колизея, ни Капитолія нѣтъ тамъ.

— Зато поповъ да монаховъ! И не глядѣлъ бы!

— Да, центуріонъ нашъ только хитритъ,—сказалъ шопотомъ Комма.—Разъ ночью я самъ видѣлъ, какъ онъ, проходя мимо статуи Гименея, тихонько вынулъ изъ-подъ своего плаща вѣнокъ и украдкой возложилъ его на Гименея.

— Задумалъ жениться,—пробормоталъ старый Рапидусъ.

— И знаешь, дядя, на комъ?—продолжалъ шептать Комма.

— А на комъ ты думаешь, а?

— Да вотъ на той, за которой мы теперь, сломя голову, скачемъ.

— Это на архонтовой?

— Нѣтъ, не на той, рыженькой, а на той, у которой давно старшій братъ пропалъ безъ вѣсти.

— А! Это на Аполлоніевой дочкѣ?

— На ней... А про пропавшаго ея брата одинъ старикъ христіанинъ сказывалъ, что онъ гдѣ-то въ лѣсу вырылъ себѣ пещерку и спасается,—говоритъ старикъ.

— Хорошо спасенье! Это ничего не дѣлать, спасенье!

Утро застало погоню недалеко отъ степного соленаго озера, что нынѣ Манычъ. Въ Танаисѣ очень хорошо знали это озеро, потому что танаисскіе солепромышленники каждый годъ отправлялись сюда за солью, которая шла преимущественно на солку рыбы, ловившейся въ страшномъ изобиліи въ Меотійскомъ морѣ и въ устьяхъ рѣки Танаиса.

Когда нѣсколько разсвѣло, то отрядъ Фригида воочію убѣдился, по слѣдамъ конскихъ копытъ, что онъ шелъ прямо по слѣдамъ гунновъ. «Загонъ» ихъ былъ, повидимому, небольшой, всего нѣсколько десятковъ хищниковъ.

Невдалекѣ уже виднѣлась гладкая, какъ зеркало, поверхность соленаго озера.

— Демоны тамъ, въ камышахъ,—тихо проговорилъ Комма.

— Да имъ дальше и ходу нѣтъ, какъ прямо въ озеро,—согласился Рапидусъ.

— Да вонъ и камыши шевелятся,—замѣтилъ дальнозоркій Комма,—это непремѣнно ихъ лошади.

— А сами, вѣрно, спятъ послѣ ночной скачки.

На лицѣ центуріона отражались и радость, и боязнь.

— А если демоны что-нибудь сдѣлали съ дѣвушками?—думалъ Фригидъ.

Оставалось до камышей нѣсколько саженъ. Отрядъ ѣхалъ уже шагомъ, чтобы не слышно было топота копытъ.

Фригидъ шопотомъ отдалъ приказъ чтобы остановились.

— Сойдите съ усталыхъ коней,—сказалъ онъ ближайшимъ къ нему воинамъ,—и шопотомъ передавайте мой приказъ другъ другу.

Такъ и сдѣлали.

— Теперь на свѣжихъ коней, и съ страшнымъ воинственнымъ кличемъ помчимся и окружимъ демоновъ, чтобы не одинъ не избѣжалъ нашей кары.

— Юпитеръ, Марсъ, Беллона,—шепталъ Рапидусъ.

— Старые боги!—молился и Комма.

VII. Спасеніе Ифигеніи и Антигоны.

Страшный воинственный кличъ древняго Рима огласилъ воздухъ.

И мгновенно изъ камышей выбѣжали четыре дѣвушки, навязанныя на одинъ арканъ, какъ это можно видѣть на древней исторической надписи, временъ персидскаго царя Дарія, на стѣнѣ въ Бегистунѣ, гдѣ подъ ногами Дарія лежитъ попираемый имъ самозванецъ, магъ Гаумата, а на арканѣ передъ нимъ девять вождей возстанія, поднятаго Гауматою послѣ самоубійства Камбиза.

Кличъ разбудилъ спавшихъ гунновъ. Послѣ ночной скачки они считали себя въ полной безопасности и, подкрѣпивъ свои силы пьянымъ кумысомъ, заснули мертвецки, не поставивъ около себя даже стражи.

Неожиданно разбуженные, они съ бѣшеной яростью набросились на отрядъ центуріона. Завязалась ручная схватка. Подавляемые численностью нападавшихъ, они разомъ сцѣплялись съ пятью, шестью римлянами, выли какъ звѣри, рычали и грызли противниковъ зубами, пока, пронзенные копьями и мечами, не падали съ предсмертнымъ хрипѣніемъ и въ послѣднихъ конвульсіяхъ умирали.

— Оставьте въ живыхъ хотя одного демона!—кричалъ центуріонъ среди рева голосовъ и проклятій.—Скрутите его, чтобы самъ себя не зарѣзалъ!

Бойня продолжалась. Въ схваткѣ уже пали нѣкоторые изъ римлянъ. Жажда мщенія превращала ихъ товарищей въ лютыхъ звѣрей.

— Вотъ на же тебѣ, демонъ!—хрипѣлъ старый Рапидусъ, пронизывая копьемъ насквозь чуть не раскроившаго ему голову гигантскимъ молоткомъ гунна.

—Habet! habet!—кричалъ Комма, поражая другого.

— Habet! habet!)—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Некого больше колоть!.. Янусъ, закрой свой храмъ, битва кончена!

— Кто поминаетъ двуликаго идола?

Битва, дѣйствительно, кончилась. Обезображенные трупы всюду валялись въ окровавленныхъ камышахъ. Скиѳскіе кони ржали, отыскивая своихъ мертвыхъ наѣздниковъ. На шеяхъ у многихъ болтались какія-то безобразныя волосатыя массы. То были волосы отъ убитыхъ и скальпированныхъ враговъ, побѣдные трофеи.

— А!.. Рычишь, демокъ!—говорилъ Комма единственному, оставленному въ живыхъ и связанному гунну.

Спасенныя дѣвушки цѣловали руки центуріона, обнимали ближайшихъ изъ воиновъ, обливаясь слезами радости.

— Но какъ это случилось, что вы успѣли выбѣжать къ намъ навстрѣчу?—спрашивалъ Фригидъ дѣвушекъ, не сводя глазъ съ Ифигеніи.—Развѣ вы не были привязаны?

— На ночь насъ, дѣйствительно, привязали къ ихъ вождю арканомъ,—отвѣчала Антигона.—Но когда онъ уснулъ, мы, притаившись подъ овчинами, которыми насъ гунны прикрыли отъ холода, стали перегрызать арканъ зубами.

— Не мы,—пояснила Ифигенія,—а наши добрыя рабыни.

— Да у насъ зубы покрѣпче, чѣмъ у молоденькихъ госпожъ, — улыбнулась одна изъ рабынь, — мы попеременно и грызли.

— Перегрызя арканъ, вы надѣялись убѣжать?—спросилъ центуріонъ Ифигенію.

— Сначала надѣялись, а когда стало свѣтать, потеряли надежду,—отвѣчала послѣдняя.

— Ночью мы могли бы еще гдѣ-нибудь спрятаться, хотя бы въ камышахъ подальше отсюда, но при свѣтѣ нечего было и думать,—сказала Антигона.

— Да и въ камышахъ они нашли бы насъ,—говорила Ифигенія.

— Однако вамъ счастливая мысль пришла въ голову, перегрызть арканъ,—сказалъ Фригидъ.—Не будь этого, вы не выбѣжали бы къ намъ, и васъ первыхъ умертвили бы эти демоны!

---

*) «Habet»—это слово кричали римляне въ циркѣ при удачномъ ударѣ гладіатора,—«есть»!

— Это правда,—согласилась Ифигенія.—Боги и вы спасли насъ.

— Да вѣчные боги пощадили насъ, не пославъ на насъ сонъ... А если бы крылатый старецъ въ вѣнкѣ изъ мака посѣтилъ насъ, то мы бы погибли,—говорила Антигона.

—Да, и добрый Морфей былъ милостивъ къ намъ,—говорила и Ифигенія.—А если бы богъ сна былъ съ нами, то мы не увидѣли бы васъ первыя и не выбѣжали бы къ вамъ.

— Хвала богамъ!—забывшись, воскликнулъ центуріонъ, и потомъ, спохватившись, добавилъ,—это Богородица пожалѣла вашу невинность.

Когда Фригидъ, по ошибкѣ, сказалъ «хвала богамъ», старый Рапидусъ и Комма, снимавшіе съ убитыхъ гунновъ оружіе, значительно переглянулись.

— Но какъ ты, благородный центуріонъ, узналъ, гдѣ насъ искать?—спросила Антигона.—Вѣдь они могли увести насъ въ страну меотовъ или сираковъ.

— Сердце мнѣ подсказало, очаровательная дочь Перикла, гдѣ искать васъ,—любезно отвѣчалъ римскій кавалеристъ.

— Не сердце, господинъ, а слѣды конскихъ копытъ,—почтительно возразилъ глуповатый, но исполнительный по службѣ и храбрый малый, котораго во всей центуріи иначе не звали, какъ «Стультусъ», и очень любили за его добродушіе.

— Ужъ лучше бы ты молчалъ, милый Стультусъ,—замѣтилъ ему старый Рапидусъ.

— Что жъ? Я и замолчу,—покорился малый.—А только я же первый въ рощѣ Селены увидѣлъ конскіе слѣды и доложилъ объ этомъ господину ценуріону. И господинъ центуріонъ меня похвалилъ, сказалъ, что я не такъ глупъ, какъ онъ думалъ.

— Правда, правда Канцеръ, я похвалилъ тебя за сообразительность, — засмѣялся центуріонъ. — Вѣдь собаки и свиньи раньше людей нападаютъ на слѣдъ того, что они разыскиваютъ.

— Нечего сказать, хорошо похвалилъ,—улыбнулся Комма.

Нѣкоторые воины копали мечами могилы для своихъ убитыхъ товарищей.

— Зачѣмъ особыя могилы?—замѣтилъ Рапидусъ, покончивъ съ оружіемъ гунновъ.—Какъ они бились и честно умерли вмѣстѣ, какъ братья, пусть и лягутъ братьями въ одну могилу.

— Да и старикъ Харонъ съ нихъ дешевле возьметъ за перевозъ,—замѣтилъ Канцеръ-Стультусъ.

— Какъ дешевле?—удивился Комма.

— А какъ же! Если перевозить ихъ поодиночкѣ черезъ Стиксъ, такъ Харону больше придется трудиться, а когда гуртомъ, то, конечно, дешевле.

— Да и отъ Цербера имъ легче будетъ гуртомъ отбиваться,—замѣтилъ кто-то.

— А если Хоронова лодка возьметъ да и станетъ тонуть, не выдержитъ тяжести,—замѣтилъ еще кто-то.

— Да вѣдь онѣ легкія, души то ихъ.

— И то правда, товарищи.

— Да и уменъ же нашъ Стультусъ! Что придумалъ!

Могила была скоро вырыта, да такая широкая, что всѣхъ убитыхъ уложили рядомъ.

— Спите, дорогіе товарищи... Sit vobis terra levis!—сказалъ Рапидусъ и смахнулъ слезу старческой скорби.

— А такъ какъ они пали въ честномъ бою, то въ Андѣ ихъ примутъ съ честью, и ни Миносъ, ни Эакъ, ни Радамантъ судить ихъ не будутъ,—пояснилъ Комма.

— Кто тамъ идоловъ поминаетъ!—грозно замѣтилъ центуріонъ.—Quos ego!

Разговаривая съ Ифигеніей и Антигоной, онъ и не могъ слышать, что тамъ между собой болтали солдаты.

— Нѣтъ, господинъ центуріонъ, это мы ихъ клянемъ, а хвалимъ Богородицу,—нашелся Комма.

Могилы были скоро засыпаны.

— Только не изъ чего крестъ на могилѣ поставить,—замѣтилъ центуріонъ.—Тутъ ничего, кромѣ камышей, нѣтъ.

— А можно, господинъ центуріонъ, два гуннскихъ копья связать накрестъ, вотъ и будетъ христіанскій крестъ.

— Это изъ поганыхъ то копій!—возразилъ кто-то.—Лучше изъ нашихъ собственныхъ, которыя поплоше.

— А этихъ собакъ пускай волки да коршуны хоронятъ,—указалъ рукою на убитыхъ гунновъ Рапидусъ.

— А гдѣ же живой демонъ?—спохватился Комма.

Оглянулись, нѣтъ его, хоть и руки, и ноги были ему хорошо скручены.

— Точно сквозь землю провалился дьяволъ!

Стали искать, и оказалось, что онъ какъ-то сумѣлъ закатиться въ камыши и тамъ притаился. Какъ онъ ни рычалъ, но его выволокли оттуда.

Центуріонъ сталъ его допрашивать по-скиѳски, гдѣ становище ихъ царя. Но гуннъ упорно молчалъ, не понимая, можетъ быть, языка тѣхъ скиѳовъ, которые кочевали по правую сторону Танаиса.

По соображеніямъ центуріона и старыхъ воиновъ, гунны, похитившіе Ифигенію и Антигону съ ихъ рабынями, могли быть соглядатаями, посланными ихъ царемъ изслѣдовать положеніе и средства защиты такого богатаго города, какимъ слылъ тогда Танаисъ, и о которомъ гунны могли слышать отъ меотовъ или сераковъ. Поэтому нужно было ожидать пришествія въ скоромъ времени гуннскихъ ордъ. Не дождавшись своихъ соглядатаевъ, гунны или вновь отправятъ на развѣдки другую ихъ партію, или сами нагрянутъ попытать счастья. Будущее казалось темнымъ. Устоитъ ли Танаисъ? Защитятъ ли его стѣны?—думалъ центуріонъ и пришелъ къ заключенію, что Танаису бояться нечего. Стѣны города высоки и прочны, а стѣнобитныхъ орудій у варваровъ не имѣется. Одними стрѣлами да копьями города не добыть гуннамъ. И изморомъ его не взять. У него—открытое море, которое всегда его прокормитъ, а въ самомъ городѣ богатые колодцы, обильные водой.

Между тѣмъ, отрядъ собрался въ обратный путь. Добычу, состоявшую изъ оружія гунновъ, навьючили на коней. Захватили и бурдюки съ кумысомъ. Плѣннаго гунна развязали, усадили на коня и связали ему ноги подъ брюхомъ лошади, оставивъ свободными руки.

Спасенныхъ дѣвицъ, которыя были хорошими наѣздницами, тоже усадили на лучшихъ коней.

Выгнавъ изъ камышей гуннскихъ скакуновъ и, связавъ ихъ уздечками, лошадь къ лошади, погнали нѣсколько стороной.

— О, вѣчные боги!—прошептала Ифигенія, оглядываясь на мѣсто бывшаго страшнаго побоища и своего спасенія.

— Прощайте, дорогіе товарищи!—оглянулся и старый Рапидусъ,—тамъ увидимся, за вратами Орка.

VIII. У Селены-Гекаты.

Спасители и спасенныя ими дѣвушки уже приближались къ рощѣ Селены, когда увидѣли, что навстрѣчу имъ двигаются группы всадниковъ.

— Да, это наши изъ города,—замѣтилъ кто-то.

— Такъ и есть: вонъ впереди самъ архонтъ, а рядомъ съ нимъ Апполоній и сыновья ихъ,—сказалъ дальнозоркій Комма, пристально вглядываясь.

— Великіе боги!—воскликнула со слезами на глазахъ Ифигенія.—Это они за нами, насъ спасать.

— Да, я вижу и Ореста,—сказала Антигона.

— Спасать!—пожалъ плечами центуріонъ.—Спасать спасенныхъ.

Въ это время отъ группы встрѣчныхъ всадниковъ отдѣлились двое и стремительно помчались навстрѣчу прибывшимъ.

— Да, это Орестъ и Пиладъ спѣшатъ къ намъ,—радостно проговорила Ифигенія.

Это были, дѣйствительно, они. Воротившись съ похоронъ скиоскаго царя и узнавъ о страшномъ несчастіи архонтъ и Апполоній созвали тотчасъ вѣстовою трубою гражданъ и моментально снарядили новый отрядъ для поисковъ пропавшихъ дочерей и ихъ рабынь.

Но они, какъ мы видѣли, опоздали, и ихъ помощь оказалась уже не нужной.

Спасенныя Ифигенія и Антигона лежали уже въ объятіяхъ братьевъ.

— Вотъ нашъ спаситель, — указала Антигона на центуріона.

Скоро обѣ дѣвушки обнимали отцовъ и плакали радостными слезами.

— Милостивая Селена помогла благородному центуріону спасти насъ,—говорила Ифигенія,—ея кроткій свѣтъ выдалъ слѣды нашихъ похитителей, и мужественный и великодушный Фригидъ могъ безошибочно со своимъ отрядомъ совершить по-

гоню при свѣтѣ кроткой Селены... Ей, прежде всего, мы должны принести благодарственную жертву, отецъ.

— Ты права дитя мое, дорогое,—согласился Апполоній.

И онъ, а равно и архонтъ благодарили центуріона и его мужественныхъ воиновъ.

— Я прошу васъ къ себѣ, благородные и мужественные римляне,—сказалъ архонтъ,—мое родительское сердце обязываетъ меня наградить васъ всѣмъ, что только зависитъ отъ моихъ средствъ.

— Это долгъ и моего сердца,—сказалъ, въ свою очередь, Апполоній. — Мы только принесемъ здѣсь благодарственную жертву богинѣ и тотчасъ явимся къ вамъ. Вы, какъ христіане, не захотите присутствовать при нашемъ жертвоприношеніи.

— Ну, я бы охотно помолился здѣсь милостивой богинѣ, хоть я и слыву христіаниномъ,—подмигнулъ старый Рапидусъ своему пріятелю, Коммѣ.

— Да и я тоже,—согласился послѣдній.

А архонтъ, обращаясь къ центуріону, сказалъ:

— И ко мнѣ, и къ тебѣ, благородный Фригидъ, сегодня утромъ присланъ высочайшій указъ нашего августѣйшаго повелителя, императора Юліана. Мы его должны огласить всенародно съ высоты трибуны.

— Высочайшій указъ? — удивился центуріонъ. — Гдѣ же онъ?

— Присланный къ тебѣ ждетъ тебя въ собраніи центуріи,— отвѣчалъ Периклъ.—А полученный мною—въ совѣтѣ архонтства.—А потомъ, обращаясь къ Пиладу, сказалъ.

— Сынъ мой, поспѣши въ городъ и попроси верховнаго жреца прибыть сюда теперь же съ служителями храмовъ Артемиды и Ѳеба, чтобы вознести благодарственныя моленія приснодѣвственной царицѣ ночи, кроткой Селенѣ.

Заинтересованный полученнымъ высочайшимъ указомъ, центуріонъ тотчасъ же простился со всѣми и во главѣ своего отряда направился въ городъ.

Начались новыя объятія спасенныхъ, ласки, разспросы.

Скоро прибыли изъ города и жрецы и приступили къ священнодѣйствію.

Раздѣлившись на четыре группы, изъ которыхъ первая

должна была пропѣть «первую строфу» гимна Селенѣ, вторая—«вторую строфу», третья—«антистрофу» и четвертая—«эподъ», первая группа, подъ мелодичные звуки «систра» верховнаго жреца, запѣла, обращаясь къ лику богини:

Богиня всѣхъ тайнъ земли,
Таинственныхъ ужасовъ,
Владычица моря глубинъ,
Свѣтило надзвѣздное,
Геката великая
Дщерь Гиперіона,
Селена свѣтлая.
Ночи свѣтильникъ.
Блѣдно-серебристая,
Дѣва упованія,
Плѣнныхъ—спасеніе,—
Ихъ благодарность
Прими, свѣтлоликая!

— Отъ насъ, отъ насъ, спасенныхъ тобою, кроткая, благодареніе!—шептали спасенныя дѣвушки, молитвенно простирая руки къ лику богини.

— И отъ насъ, непорочная!—шептали также архонтъ, Аполоній, Орестъ и Пиладъ.

Затѣмъ вторая группа жрецовъ запѣла «вторую строфу».

Свѣтило великое,
Фебомъ любимое,
Непостижимое,
Дщерь Гиперіона,
Отъ Тейи рожденная,
Гелію присная,
Тебѣ поклоненіе,
Тебѣ благодарность
Дѣвы приносятъ!

— Прими и нашу благодарность, Селена кроткая, Геката великая!—молились спасенныя и ихъ родные.

Теперь выступила группа «антистрофы»:

Око лучезарное
Неба безбрежнаго,
Свѣта источникъ
Въ отсутствіе Гелія!
Хвалу мы приносимъ
За юныхъ спасеніе
Дѣвъ непорочныхъ,—
Слава!

Наконецъ, возглашаетъ «эподъ»:

Дѣти Эллады,
Мы—танаиды,
Молимъ благую:
Зри благосклонно
На земли и городъ нашъ,
Дориды колонію!
Слава!

Тихая роща, казалось, внимала пѣнію, и только птички на вѣтвяхъ перекликались, точно онѣ принимали участіе въ общемъ моленіи, а безстрастный ликъ мрамора, казалось, улыбался наивности людей...

IX. „Ave Maria!“

Уже издали слышались крикливые голоса трубъ, которыми глашатаи созывали гражданъ Танаиса въ акрополь этого города, гдѣ долженъ былъ читаться императорскій указъ.

Населеніе Танаиса шло толпами въ акрополь, гдѣ на трибунѣ уже стоялъ центуріонъ, видимо, смущенный. За нимъ стояли старшіе воины центуріи.

Скоро взошелъ на трибуну архонтъ Периклъ, держа въ рукахъ пергаментъ.

— Ave, caesar! Ave, caesar! Ave, caesar!—троекратно возгласилъ архонтъ, показывая народу пергаментъ.

Воины центуріи ударили въ щиты, и все смолкло. Архонтъ читалъ:

«Я, Флавій-Клавдій Юліанъ, волею легіоновъ Рима августъ и императоръ, съ прискорбіемъ взирая на раздираемую религіозными распрями мою имперію, ненавистью христіанъ къ послѣдователямъ исконной религіи Рима и Эллады, яростію аріанъ къ неаріанамъ, рѣшилъ даровать всему міру полную религіозную свободу и повелѣваю какъ жрецамъ и служителямъ Зевса-Юпитера, Феба-Аполлона, Діаны-Артемиды и всѣхъ прочихъ боговъ Рима и Эллады, такъ равно и христіанскимъ патріархамъ, епископамъ, пресвитерамъ, и мірянамъ не посягать на несогласно вѣрующихъ моихъ подданныхъ, а если таковое случится, то виноватыхъ въ томъ постигнетъ жестокая кара. Я повелѣваю всѣмъ отправлять богослуженіе каждому по своей личной совѣсти, для меня нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни римлянина, ни

галла, ни германца, ни парфянина, ни армянина, ни колха, ни мсота, всѣмъ религіямъ я защитникъ и покровитель. И слово мое крѣпко»!

На лицахъ слушателей замѣтно было ликованіе. Гоненія на старыхъ боговъ теперь бояться нечего. Хотя до такого отдаленнаго угла, какъ Танаисъ, христіанское гоненіе еще не достигло, но въ Византіи и Элладѣ христіанскіе епископы-фанатики часто являлись палачами нехристіанъ, палачами еще болѣе безпощадными, чѣмъ Діоклетіанъ по отношенію къ христіанамъ, и хотя «язычниковъ» эти тираны не травили дикими звѣрями, но предчувствовалось, что будетъ и это...

— Видишь, — говорилъ старый Репидусъ стоявшему около него Коммѣ, — наши то боги побѣдили.

— Какъ не побѣдить! Пусть потягаются съ Юпитеромъ-громовержцемъ!

— Да хотя бы и съ послѣднимъ нашимъ божкомъ!

— Ну, теперь нашъ центуріонъ прикуситъ языкъ и не станетъ намъ глаза колоть Богородицей, — ехидно замѣтилъ Комма. — Нѣтъ, шалишь!

Не удивительно, что центуріонъ былъ смущенъ. Императорскій указъ о свободѣ совѣсти отнималъ у него сильное орудіе, которымъ онъ могъ воспользоваться и уже пользовался: онъ всегда могъ грозить Ифигеніи и ея семейству доносомъ на ихъ «язычество», чтобы только заставить дѣвушку подчиниться его искательству. Его ослѣпляла страсть къ ней, и онъ готовъ былъ на все. Теперь же Юліанъ грозилъ жестокой карой всякому, кто бы осмѣлился переступить этотъ законъ.

Хотя и въ немъ самомъ сидѣлъ «язычникъ», и онъ больше боялся грознаго Юпитера, нисколько не боясь кроткой Богородицы, однако, желаніе выслужиться, выдвинуться впередъ заставило его притворяться христіаниномъ, когда господствующею религіею было признано христіанство.

И вотъ теперь онъ возвращался къ старымъ богамъ.

Когда, поэтому, по объявленіи всенародно воли Юліана, архонтъ возвѣстилъ съ трибуны, что надо итти въ храмы, чтобы воздать благодареніе богамъ и помолиться за императора, Фригидъ, не колеблясь, заявилъ съ трибуны:

— И мы съ центуріей идемъ молиться богамъ за нашего

божественнаго императора о ниспосланіи ему здравія и дарованіи побѣдъ его легіонамъ.

И онъ во главѣ своей центуріи, сопровождаемый архонтомъ, Аполлоніемъ и знатнѣйшими гражданами города, направился къ храму Артемиды-Діаны.

Послѣ принесенія жертвъ богамъ, архонтъ пригласилъ къ себѣ на пиръ центуріона со всей его центуріей.

Воинамъ центуріи и всѣмъ принимавшимъ участіе въ преслѣдованіи гунновъ пиршество приготовлено было на дворѣ архонта, который заблаговременно распорядился проготовить все къ грандіозному пиршеству. Цѣлыя горы жаренаго мяса были наложены на доски среди двора, и тамъ же стояли вмѣстительныя амфоры съ виномъ, и около каждой амфоры — гигантскіе турьи рога, замѣнявшіе кубки.

Воины, поглощая изрядные куски мяса и запивая его виномъ, шумно бесѣдовали объ императорской милости.

— Эвое Вакхъ! — кричалъ сильно подвыпившій Комма, опорожнивъ турій рогъ.

— Э! Да и ты въ эллина превратился, братъ, — замѣтилъ ему старый Рапидусъ.

— Какъ въ эллина!.. Я римлянинъ, старина.

— Ты то римлянинъ! У насъ нѣтъ бога Вакха, а есть Бахусъ.

— Это все равно, старина.

— Нѣтъ, не все равно... А чей онъ сынъ? А?.. Знаешь?

— Забылъ, старина, за этимъ христіанствомъ.

— А я тебѣ скажу, чей. Сынъ Зевса и Семелы.

— Что ты, старина, болтаешь! Какъ же можно, чтобы у римскаго бога отцемъ былъ эллинскій богъ!

— Вотъ то то и есть! А что такое Зевсъ по нашему? Ну-ка?

— А кто его знаетъ! Все это христіанство забило мнѣ пароки!

— Не турій рогъ ли, пріятель?

— А можетъ и турій рогъ... Вѣдь сколько въ него вина входитъ, страхъ! А надо выпивать до дна, иначе прольешь и бога обидишь.

— Кто же этотъ такой Зевсъ по нашему, дядя?—вмѣшался въ богословскій диспутъ Рапидуса и Коммы недалекій Канцеръ-Стультусъ.

— А Юпитеръ, братецъ.

— Капитолійскій? Этотъ мѣдный богъ?

— Эхъ, ты голова! Развѣ мѣдный богъ можетъ родить?

— И то правда, не можетъ... Такъ какъ же?

— Олимпійскій Юпитеръ родилъ Бахуса отъ Семелы, вотъ кто.

— Я такого, дядя, не видалъ.

— Еще бы! Онъ живетъ на Олимпѣ.

Въ это время на горизонтѣ, на сторонѣ моря, какъ бы начинало ползти и надвигаться что то темное, безформенное. Это была, повидимому, грозовая туча. Въ ней какъ бы что то клубилось, точно живое. Тучи росли и росли, заволакивая небо. Въ нихъ было что то грозное.

Скоро по этой грозной темени забѣгали огненныя змѣи.

И вдругъ ударъ грома какъ бы всколыхнулъ землю.

— Вѣчные боги! Умолите громовержца!—послышался чей-то возгласъ.

— Да, богъ за что то разсердился,—сказалъ Комма.

— Что ты!—остановилъ его старшій Рапидусъ.—Напротивъ, богъ радуется, что онъ снова во власти.

Ударъ повторился съ большой силой. Море потемнѣло и вздулось.

— Кажется, и Нептунъ проснулся... Ишь море ходенемъ заходило. Третій ударъ, рѣзкій, металлическій.

— Что богъ не сердится, это ясно: онъ не помѣшалъ нашему пиру... Мы все кончили и все выпили.

— Эвое, Вакхъ!—оралъ пьяный Комма.

— Эвое, Вакхъ, эвое!—вторили другіе.

— Что вы орете!—остановилъ ихъ Рапидусъ. — Кричите «ave Bachus! ave caesar»!

Первыя, крупныя, какъ пули, капли дождя заставили пирующихъ укрыться подъ обширными портиками сосѣдней галлереи, и рабы стали убирать остатки пира, пустыя амфоры и турьи рога.

Въ домѣ же архонта пиршество продолжалось.

— Провозглашенная императорскимъ эдиктомъ свобода совѣсти и неприкосновенность религій, да будутъ отнынѣ царствовать во вселенной!—торжественно произнесъ архонтъ.

— Ave caesar! ave augustus! ave divus!—возгласилъ центуріонъ, высоко поднимая свой кубокъ.

— Эвое, Зевсъ, богъ боговъ, громовержецъ!—воскликнулъ верховный жрецъ.

— Эвое Геката-Селена, спасшая намъ дѣтей! — сказалъ Аполлоній.

— Ave Maria! ave Maria! ave Maria!—вдругъ неожиданно раздался чей-то незнакомый голосъ, заставившій Аполлонія вздрогнуть.

Отстраняя отъ себя рукою прислуживавшихъ пирующимъ рабовъ, глазамъ представился не то выходецъ съ того свѣта, не то призракъ земной. Лихорадочно горящіе глаза, свѣтившіеся изъ-за страшно спутанныхъ, падавшихъ на лицо волосъ, до колѣнъ прикрывавшія пришельца овчины, шерстью наружу, босыя ноги, необычайная худоба и блѣдность лица, все это какъ бы парализовало разсудокъ и волю пирующихъ.

— Несторъ! Сынъ мой! — болѣе испуганно, чѣмъ радостно закричалъ Аполлоній.—Возвратись къ своему отцу и матери, оплакивающей тебя.

И ему вспомнилась недавняя поѣздка вверхъ по Танаису къ къ своимъ складамъ при устьѣ Темерника и то странное, обросшее волосами существо, которое на берегу удило рыбу и при видѣ приближавшейся лодки моментально закрыло волосами лицо и скрылось въ кустахъ...

Аполлоній, шатаясь какъ пьяный, двинулся къ пришельцу, но тотъ остановилъ его властнымъ жестомъ.

— Онъ сказалъ,—проговорилъ пришелецъ строго,—оставь отца своего и матерь свою и слѣдуй за мною.

И проговоривъ снова троекратно «ave Maria», пришелецъ исчезъ подъ гулъ дождя и раскаты грома.

X. Страшная вѣсть.

Прошло нѣсколько недѣль. Возвратившіеся отъ Маныча соленоторговцы привезли въ Танаисъ страшную вѣсть. Гунны, соединившись съ аланами, идутъ несмѣтными ордами къ Танаису.

Аланы — это не менѣе, чѣмъ гунны, страшный въ то время народъ, тоже скиѳскаго племени.

Объ аланахъ говоритъ уже Іосифъ Флавій въ своемъ сочиненіи «Іудейская война».

«Народъ аланы—говоритъ онъ—есть скиѳское племя, живущее у Танаиса и Меотійскаго моря... Намѣреваясь вторгнуться въ Мидію и болѣе отдаленныя страны съ цѣлью грабежа, они вели переговоры съ царемъ Гирканомъ, такъ какъ въ рукахъ его былъ проходъ, который царь Александръ Македонскій закрѣпилъ желѣзными воротами. Когда тотъ позволилъ имъ пройти, то они вторглись въ Мидію и Арменію во время царя Тиридата *).

«Желѣзныя ворота»—это или Дарьяльское ущелье, которое, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки древности, было перегорожено желѣзными воротами для предотвращенія перехода народовъ изъ Закавказья на сѣверную сторону хребта и наоборотъ, или же это былъ узкій проходъ берегомъ Каспійскаго моря.

Светоній тоже упоминаетъ объ аланахъ.

«Когда царь парѳянъ Вологезъ просилъ выслать ему на помощь противъ алановъ войска подъ предводительствомъ одного изъ сыновей Веспасіана то Домиціанъ употребилъ всѣ усилія, чтобы его туда послали» **).

У Діона Кассія читаемъ: «Фарасманъ II, царь Иберіи (нынѣ Грузіи) подучилъ алановъ и массагетовъ напасть на владѣнія парѳянъ и пропустилъ ихъ черезъ свои земли. Набѣги этихъ варваровъ, главнымъ образомъ, были направлены на Мидію, и только боязнь римскаго могущества, повидимому, спасла Арменію и Каппадокію отъ ихъ вторженія. Они возвратились въ свою землю, испугавшись угрозъ Флавія Арріана, правителя Каппадокіи и удовольствовавшись дарами, которыми ихъ осыпалъ Вологезъ II, царь парѳянскій» ***).

У Флавія Вописка находимъ: «Въ тріумфальномъ шествіи Авреліана шли со связанными руками взятые въ плѣнъ: иберы, персы, готы, аланы, сарматы...» ****).

Амміанъ Марцеллинъ, современникъ и соратникъ императора Юліана, издавшаго эдиктъ о «свободѣ совѣсти», за что

---

*) «Іудейская война», VII, 7.
**) C. Svetonius Tranquillus. XII. «Vitae imperatorum», VIII, 2.
***) Діонъ Кассій, 69.
****) Flavius Vopiscus. «Vita divi Aureliani», 158, I.

христіанскіе историки и назвали его «Отступникомъ», говоритъ объ аланахъ: «Аланы размѣщены въ обѣихъ частяхъ свѣта, (т. е. въ Европѣ и Азіи)... У нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ; они не занимаются земледѣліемъ, питаются мясомъ и больше молокомъ, живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, поросшихъ травой, то располагаютъ свои двухколесныя повозки (арбы) въ кругъ и питаются какъ звѣри. Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожится, они отправляютъ дальше на повозкахъ, такъ сказать, свое государство. На этихъ повозкахъ мужчины сходятся съ женщинами, тамъ рождаются и воспитываются дѣти. Это — ихъ постоянныя жилища, и гдѣ бы они ни кочевали, всегда они свою повозку считаютъ своей родиной. Они гонятъ передъ собой стада крупнаго и мелкаго скота и такимъ образомъ пасутъ его; но преимущественно они заботятся о лошадяхъ. Тамъ встрѣчаются вѣчно зеленые луга, попадаются мѣста и съ фруктовыми деревьями. Такимъ образомъ, гдѣ бы они ни проходили, они не терпятъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ кормѣ, такъ какъ почва тамъ хорошо орошена протекающими въ большомъ количествѣ рѣками. Мужчины всякаго возраста и женщины находятся при повозкахъ съ ранняго дѣтства. Молодые люди съ ранняго же дѣтства привыкаютъ въ верховой ѣздѣ, а ходить пѣшкомъ считаютъ позоромъ. Вслѣдствіе разнообразныхъ упражненій, они всѣ хорошіе воины. Аланы почти всѣ стройны и красивы; волоса ихъ темнорусые; они страшны своими грозными очами и очень подвижны вслѣдствіе легкости своего вооруженія. Они во всемъ походятъ на гунновъ, но ихъ образъ жизни нѣсколько мягче. На охотѣ и за грабежомъ они доходятъ до Меотійскаго моря и Босфора Киммерійскаго, также до Арменіи и Мидіи... Что такое рабство, имъ не извѣстно, такъ какъ они всѣ благороднаго происхожденія. Судьями они выбираютъ тѣхъ, которые отличались долгое время на войнѣ» *).

Клавдій Клавдіанъ, жившій въ эпоху нашего повѣствованія, обращая похвальное слово къ Риму, восклицаетъ:

— «Тебѣ, Римъ, присягаютъ сарматы, находящіеся въ постоянной борьбѣ; въ твоихъ войскахъ служатъ гелоны, нося-

*) Ammianus Marcellinus, 17, 12—21, 35.

щіе маленькіе кожанные щиты. Вы, аланы, приняли латинскіе обычаи (конечно, которые переступили римскія границы) *).

Онъ же, въ панегирикѣ полководцу Руфину, говоритъ: «На войну идутъ сарматы, даки, отважные массагеты, убивающіе копытныхъ животныхъ для выдѣлыванія изъ копытъ кубковъ, аланы, живущіе въ Меотіи, и гелоны, любящіе дѣлать украшенія на тѣлѣ своемъ желѣзными инструментами. Изъ этихъ то народовъ былъ составленъ отрядъ Руфина».

Съ такими то союзниками шли гунны мстить Танаису за поголовное избіеніе ихъ соглядатаевъ.

Когда солеторговцы принесли эту вѣсть, городъ охваченъ былъ понятною тревогою. Надо было думать о защитѣ, о мѣрахъ, какія предстояло принять къ отраженію страшнаго врага. Центуріонъ вмѣстѣ съ архонтомъ, Аполлоніемъ и знатнѣйшими гражданами города сошлись на совѣщаніе. Открыто встрѣтить врага на полѣ — нечего было и думать. Оставалось запереться въ стѣнахъ города. Для этого, прежде всего, нужно было осмотрѣть стѣны и бойницы. Стѣны были настолько высоки, что безъ осадныхъ лѣстницъ непріятель не могъ ничего сдѣлать. А въ случаѣ, если онъ запасется лѣстницами, то, чтобы отразить его, надо принять особыя мѣры.

— Стѣны достаточно широки, — замѣтилъ архонтъ, — и на нихъ можно будетъ удобно размѣстить вмѣстительныя амфоры съ кипяткомъ, которымъ мы и будемъ обливать варваровъ при попыткахъ съ ихъ стороны, съ помощью лѣстницъ, взобраться на стѣны.

— Можно обливать ихъ и кипяченымъ масломъ, и кипяченой смолой,—вставилъ одинъ изъ гражданъ.

— Но изъ Іосифа Флавія я помню, что такія мѣры не спасли ни сильную крѣпость Іотапату, ни Іерусалимъ,—возразилъ Аполлоній.

— Такъ. Но вспомни, благородный Аполлоній, что Іотапату осаждали божественный Веспасіанъ и его геніальный сынъ Титъ,—замѣтилъ центуріонъ.—Но у варваровъ, я думаю, еще не народились ни Веспасіанъ, ни Титъ.

— Іотапату и Іерусалимъ брали римляне,—вставилъ свое

---

*) Claudius Claudianus, VIII, 530.

слово старый Рапидусъ, позванный въ совѣтъ.—А варвары не римляне.

— Правда, старикъ,—согласился центуріонъ.

— На морѣ мы прибѣгали и къ «греческому огню»,—снова замѣтилъ Рапидусъ.

— Да, если бы варвары подступили къ Танаису съ моря, на корабляхъ, а у нихъ только повозки на колесахъ,—сказалъ Аполлоній.

— А пожаръ греческимъ огнемъ пустить въ ихъ станъ?—настаивалъ старый Рапидусъ.

— Что жъ! У насъ достаточно и баллистъ, и корробаллистъ для метанія камней и огня,—сказалъ центуріонъ.

— Но прежде всего надо осмотрѣть стѣны,—замѣтилъ архонтъ.

И всѣ отправились на стѣны.

XI. Поиски пропавшаго.

— Гдѣ искать? Гдѣ искать?—говорилъ Аполлоній, ходя по галлереѣ своего дома въ глубокой задумчивости.—Сжальтесь, всесильные боги!

Тамъ же сидѣли въ грустномъ молчаніи жена Аполлонія, Евдоксія, и ихъ дѣти, Орестъ и Ифигенія.

— Боги на мгновеніе утѣшили насъ, показавъ, что онъ живъ, и снова отняли это утѣшеніе,—сказала Евдоксія, утирая слезы.

— Но онъ можетъ опять явиться къ намъ,—утѣшалъ родителей Орестъ.

— Ахъ, сынъ мой, если мы не могли найти его, то могутъ найти варвары, которыхъ мы съ трепетомъ ожидаемъ,—сказала Евдоксія.

— Но, вѣдь, онъ, мама, по ту сторону Танаиса, а варвары на этой сторонѣ,—проговорила Ифигенія,—имъ не перебраться черезъ широкую рѣку.

— Не говори этого, дитя мое,—сказалъ Аполлоній,—гунны и аланы на своихъ выносливыхъ коняхъ переплываютъ какія угодно рѣки... Не поискать ли его выше Темерника, въ лѣсахъ за нашими складами?

— Надо искать, другъ мой,—согласилась Евдоксія.—Можетъ, на этотъ разъ Артемида и сжалится надъ нами... Я вчера принесла ей въ жертву и бѣлыхъ козлятъ, и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, голубковъ... О, всесильные боги, помогите найти его!

Дѣйствительно, того, кто явился такъ неожиданно во время пира архонта и такъ внезапно исчезъ, искали. Это странное существо былъ Несторъ, давно пропавшій безъ вѣсти старшій сынъ Аполлонія.

Несторъ былъ радостью и гордостью родителей. Съ дѣтства въ немъ проявились необыкновенныя способности. Съ годами эти способности сказывались еще ярче. Юноша учился замѣчательно усердно, легко усваивая и серьезныя знанія, и глубокія истины. Къ этому присоединялись его сердечность, мечтательность и задушевность. Онъ много читалъ, много зналъ. Любилъ читать не только эллинскихъ классиковъ, но и римскихъ. Хорошо усвоилъ не только Сократа и Платона, но и Сенеку.

Но однажды, воротившись изъ Пантикапеи и Фанагоріи, куда отецъ посылалъ его по дѣламъ, и гдѣ онъ пробылъ около года, онъ поразилъ всѣхъ перемѣною своего характера. Прежде сообщительный, онъ искалъ теперь уединенія и, видимо, тяготился жизненнымъ обиходомъ своей семьи и всѣмъ складомъ жизни.

И вдругъ, совершенно исчезаетъ изъ дому.

Сначала думали, что онъ утонулъ, потому что на берегу моря, недалеко отъ города, нашли часть его платья. Поэтому и оплакивали его какъ утопленника и приносили богатыя жертвы подводнымъ богамъ.

Но оказалось, что онъ живъ, явившись въ домъ архонта во время происходившаго тамъ пиршества въ честь императора Юліана, возстановившаго культъ боговъ древней Эллады.

И вотъ, тутъ припомнилось Аполлонію то странное существо, которое удило на берегу Танаиса рыбу. Это странное существо и было тѣмъ призракомъ, который явился на пиру у архонта.

На другой же день Аполлоній отправился на поиски сына. Снаряжена была большая лодка, и вся семья Аполлонія направилась къ тому мѣсту, гдѣ когда-то на берегу Танаиса видѣли «странное существо», удившее рыбу. Мѣсто это находилось на нѣсколько стадій ниже устья Темерника.

Оставивъ у этого мѣста лодку съ гребцами, Аполлоній съ

семействомъ и нѣсколько рабовъ вышли на берегъ и отправились на поиски, разойдясь въ разныя стороны: авось, думали,—кому-нибудь удастся найти то, что желательно было найти. Долго продолжались поиски въ лѣсу и по оврагамъ, но ничего не находили.

Но, наконецъ, послышался голосъ Ореста:

— Идите сюда: я нашелъ, кажется, его пещеру.

Всѣ поспѣшили на голосъ Ореста. Онъ стоялъ у отверстія пещеры, въ которой, однако, никого не было, хотя до очевидности можно было убѣдиться, что здѣсь недавно находилось живое существо: у входа въ пещеру на землѣ лежала цѣлая половина большого жаренаго окуня. Очевидно было, что рыба свѣжая совсѣмъ: ее ѣли или наканунѣ этого дня, или въ этотъ самый день: но того, кто ее ѣлъ, не было въ пещерѣ. Почти у входа въ пещеру виднѣлся очажокъ изъ камней съ остатками золы и свѣжихъ углей.

— Великіе боги!—радостно воскликнула Евдоксія. — Это онъ мой первенецъ, мой Несторъ! Онъ придетъ сюда, онъ только отлучился.

— Но въ пещерѣ, кромѣ кучи сухой травы и листьевъ, ничего нѣтъ, нѣтъ и признаковъ жилья,—замѣтилъ Аполлоній.

— Какіе могутъ быть признаки жилья, когда у него, кромѣ овчинъ на плечахъ, ты говоришь, ничего не было,—возразила Евдоксія.

Въ это время изъ пещеры послышался голосъ Ефигеніи:

— Мама! Я нашла подъ листьями какую-то книжку.

И дѣвушка вынесла изъ пещеры небольшую книжку въ кожаномъ переплетѣ.

Аполлоній развернулъ книжку.

— Она эллинскаго письма, — сказалъ онъ, — и писана въ Пантикапеѣ... Такъ и значится на первой страницѣ: «Жизнь святыхъ Хрисанфа и Даріи и тѣхъ, что съ ними». Списалъ смиренный инокъ Хрисанфъ.

— Великіе боги! Онъ воротится, это его книга,—радостно говорила Евдоксія.

— Несомнѣнно его, христіанская, — подтверждалъ Аполлоній.—Въ Пантикапеѣ тогда и совратили его въ христіанство. И совратилъ, вѣроятно, этотъ Хрисанфъ, что списалъ вотъ эту книжку.

— Вотъ мы и подождемъ здѣсь дорогого Нестора,—радовалась Евдоксія.—Здѣсь все напоминаетъ его... Эта рыбья шелуха, рыбьи кости.

— Нѣтъ матушка,—возразилъ Орестъ,—всего меньше мы должны поджидать его здѣсь... Онъ бѣжалъ отъ насъ, скрывается, и когда увидитъ насъ тутъ, то непремѣнно опять спрячется.

— Орестъ правъ, — согласился Аполлоній, — мы должны укрыться гдѣ-нибудь и выждать его возвращенія.

И всѣ ушли къ берегу Танаиса, гдѣ и спрятались въ кустахъ, а гребцамъ велѣли угнать лодку въ устье Темерника, чтобы ея не было видно.

И начали ждать. Ждали часъ, ждали два, осторожно выглядывая въ прогалину, откуда виденъ былъ входъ въ пещеру. Но бѣглеца все не было.

Отъ скуки Орестъ сталъ читать найденную въ пещерѣ книжку, и прочиталъ ее всю.

— Книжка забавная, — сказалъ онъ, наконецъ. — Чудаки эти христіане! Вотъ хоть бы эти Хрисанфъ и Дарія. Видите ли: у какого-то римскаго сенатора, Полемія, около ста лѣтъ тому назадъ, былъ сынъ Хрисанфъ, который получилъ блестящее образованіе, какъ и нашъ Несторъ.

Евдоксія тяжело вздохнула, грустно качая головой.

— Жили они въ роскоши,—продолжалъ Орестъ,—и у Хрисанфа были учителями лучшіе изъ философовъ Рима. Но молодой Хрисанфъ случайно увидѣлъ книгу о жизни и ученіи Христа и такъ увлекся ею, что сдѣлался христіаниномъ. Что ни дѣлалъ отецъ, чтобы возвратить глупаго сына къ вѣрѣ отцовъ, ничто не помогало. То онъ запиралъ его въ тюрьму, то окружалъ роскошью, то прельщалъ чувственностью, все было напрасно! Тогда Полемій познакомилъ его съ одной дѣвушкой, по имени Дарія, которая жила при храмѣ Минервы и на весь Римъ славилась своимъ умомъ и поразительной красотой. Но вмѣсто того, чтобы увлечься красавицей, онъ самъ увлекъ ее въ христіанство.

— Дура!—не вытерпѣла Евдоксія.

Аполлоній грустно улыбнулся. Орестъ продолжалъ:

— И вотъ они вмѣстѣ начали проповѣдывать свое ученіе и множество римлянъ совратили въ христіанство. За это власти схватили ихъ и предали страшнымъ мученіямъ; но и муки не

помогли, а глядя на нихъ, еще многіе совратились. Тогда ихъ живыми закопали въ землю.

— Какая сказка!—негодующе сказалъ Аполлоній.—И эта пустая сказка могла увлечь моего сына, съ его умомъ!.. Не понимаю.

— Колдовство, колдовство,—шептала Евдоксія. — Милаго Нестора околдовали въ Пантикапеѣ...

Но наступила ночь, а Несторъ не возвратился въ свою пещеру.

Пришлось возвратиться въ городъ.

XII. Вѣсти изъ Пантикапеи.

Но выше Темерника искать пропавшаго уже не пришлось.

На Танаисъ надвигалось то страшное, чего всѣ со страхомъ ожидали.

Какъ-то рано утромъ съ высоты акрополя стража замѣтила, что по степи двигается что-то вродѣ лѣса ходячаго, и лѣсу этому нѣтъ ни конца, ни краю!

Это шли гунны и аланы со своими высокими, о двухъ колесахъ, повозками, безчисленными табунами лошадей и стадами овецъ. Шли на Танаисъ два бродячихъ, подвижныхъ «государства».

Со страхомъ бросилось на стѣны города почти все населеніе Танаиса. Послышался плачъ женщинъ и дѣтей.

Но архонтъ и центуріонъ тотчасъ велѣли воинамъ и городской стражѣ согнать со стѣнъ всѣхъ тамъ находившихся.

— Не время теперь лазить на стѣны, не до зрѣлищъ намъ,—сказалъ архонтъ,—всѣмъ хватитъ работы.

— Воду кипятить, смолу топить, амфоры и кадки ставить на стѣны,—пояснилъ центуріонъ.

И работа, дѣйствительно, закипѣла. Въ каждомъ домѣ кипятили воду, на площадяхъ и на улицахъ топили смолу.

А страшныя полчища надвигались все ближе и ближе. Слышалось уже отдаленное ржаніе лошадей, блеяніе овецъ, невообразимый скрипъ колесъ не подмазанныхъ арбъ!

Это тѣ знакомые древнимъ и нынѣшнему Кавказу звуки, которые впослѣдствіи слышалъ пѣвецъ »Слова о полку Игоревѣ» на поляхъ половецкихъ: «Кричатъ,—говоритъ онъ,—телѣги въ полуночи, рцы лебеди роспущены»...

Но полевцевъ, сравнительно, было мало. А здѣсь сунулся цѣлый океанъ страшныхъ людей, скрипучихъ «кричащихъ» арбъ, безчисленные табуны лошадей и стадо овецъ, точно это было «великое переселеніе народовъ»!

На городской стѣнѣ вырисовываются силуэты архонта и Аполлонія.

— Голуби посланы?—спрашиваетъ послѣдній.

— Оба посланы,—отвѣчаетъ архонтъ.

— Когда? Не опоздали ли мы?

— Нѣтъ, я послалъ ихъ еще вчера съ разсвѣтомъ. И что за умная птичка! Случайно смотритель голубятни поставилъ клѣтку съ голубемъ изъ Пантикапеи по лѣвую руку, а того, что изъ Фанагоріи, по правую. И вообразы, другъ Аполлоній, едва они выпорхнули изъ своихъ клѣтокъ и полетѣли на югъ, какъ тотчасъ же сообразили, куда которому летѣть, и не пролетѣвъ одной стадіи, у меня на глазахъ помѣнялись путями, бѣлый, фанагорійскій, взялъ влѣво, а глинистый, пантикапейскій—вправо.

— Да, сами боги направляютъ путь невинной, кроткой птички,—съ умиленіемъ проговорилъ Аполлоній.

— Безсмертные боги помогутъ намъ и городъ отстоять,—сказалъ архонтъ.—А твой большой корабль готовъ для отраженія варваровъ?

— Вчера я самъ распоряжался постановкою на немъ баллистъ.

— А «греческаго огня» достаточно на немъ?

— Болѣе чѣмъ достаточно... Я ручаюсь, что подожгу станъ варваровъ: метательная сила моихъ баллистъ поразительна! За много стадій повозокъ варваровъ и ихъ имущества не спасутъ отъ моего огня никакіе ихъ боги. Въ прошломъ году, когда я сопровождалъ на моемъ кораблѣ свои товары къ городу Синопу, и на меня, противъ устьевъ Фазиса, въ Понтѣ, напали колхи, то мои баллисты метали огонь такъ далеко, что разбойники не могли укрыться въ самомъ Фазисѣ и потеряли въ огнѣ половину своей флотиліи.

Въ это время на стѣнѣ показался центуріонъ.

— Сейчасъ я держалъ совѣтъ въ центуріи,—сказалъ онъ.—Мои воины рвутся сразиться съ варварами.

— О, римляне испытанные воины,—сказалъ архонтъ,—они покорили весь міръ, и имъ варвары не страшны.

— Вы знаете, благородные граждане Танаиса, — продолжалъ Фригидъ,—что римляне никогда не допускали до осады своихъ городовъ, они сами осаждали и брали города враговъ, Сиракузы, Карфагенъ, Іерусалимъ, Іотапата, Нуманція, Лютенція-Паризіорумъ, Лондиніумъ, всѣ взяты римлянами... А насъ никто не осаждалъ.

— А галлы, которые взяли Римъ и сказали, «vae victis!»— возразилъ Аполлоній.

Замѣчаніе Аполлонія нѣсколько смутило храбраго центуріона.

— Но это когда было! — воскликнулъ онъ. — Римъ тогда былъ, можно сказать, въ пеленкахъ... Однимъ словомъ, мы не хотимъ ждать, чтобы на насъ напали варвары, мы сами должны напасть на нихъ!

— Но это безуміе,—замѣтилъ архонтъ. — Васъ сотня, а варваровъ сотня тысячъ.

— Римляне не считаютъ вратовъ, — гордо сказалъ Фригидъ,—больше враговъ, больше чести побѣдителю!

— Но ихъ стрѣлы, какъ ливень въ бурю, засыпятъ вашу горсточку.

— Но мы двинемся на нихъ «черепахой», testudine. Отъ «черепахи» стрѣлы варваровъ будутъ отскакивать, какъ капли дождя отъ черепицы.

А несмѣтныя полчища варваровъ все приближались, и конца не видно этимъ толпамъ! За двигающеюся чудовищною массой не было видно даже горизонта.

— Точно само небо изрыгаетъ ихъ,—проговорилъ Аполлоній, вглядываясь въ дымку дали.

— Да, демоновъ оказывается больше, чѣмъ людей на землѣ,—согласился архонтъ.—Но боги могущественнѣе демоновъ, и городъ, посвященный Фебу и Афродитѣ, боги прикроютъ своимъ щитомъ.

— Нашъ «греческій огонь» и будетъ равносиленъ стрѣламъ Феба, которыми онъ поражаетъ смертныхъ, — успокоительно проговорилъ Аполлоній.—Да и Пантикапея, и Фанагорія пришлютъ намъ свои смертоносные огни.

— А уже извѣстили босфорскаго царя о нашествіи варваровъ?— спросилъ центуріонъ.

— Еще вчера, до лучей Феба, я отправилъ голубей и въ Пантикапею, и въ Фанагорію, — отвѣчалъ архонтъ. — Помощь явится во время.

Въ это время недалеко, надъ моремъ, показалась летѣвшая съ юга бѣлая птица.

— Голубь, — сказалъ центуріонъ, вглядываясь изъ-подъ ладони.

— Не чайка ли?—усомнился архонтъ.

— Нѣтъ, голубь,—настаивалъ центуріонъ.

Дѣйствительно, то былъ голубь. Онъ быстро летѣлъ по направленію къ городской голубятнѣ.

— Вѣстникъ изъ Пантикапеи, — сказалъ архонтъ, и всѣ трое сошли со стѣнъ, направляясь къ голубятнѣ.

Голубь сидѣлъ около своей клѣтки, откуда выглядывала голубка. Онъ быстро дышалъ, видимо, усталый.

Архонтъ бережно погладилъ его по головкѣ и, взявъ осторожно за одно крыло, ловко снялъ съ крайняго пера маленькій свѣрточекъ изъ тонкаго, какъ слюда, рыбьяго пузыря.

Развернувъ свѣрточекъ, онъ прочиталъ:

«Мои корабли вошли въ Меотиду. На нихъ двѣ тысячи гоплитовъ. Они высадятся ниже Танаиса и примутъ варваровъ съ лѣваго фланга и съ тыла. Царь Босфора».

— О, боги Олимпа! Какая радость!—проговорилъ архонтъ, поднимая глаза къ небу, къ воображаемому Олимпу.—Двѣ тысячи гоплитовъ!

— Да моя центурія! — гордо добавилъ Фригидъ, радостно потирая руки.

Аполлоній, между тѣмъ, впустивъ голубя въ клѣтку, бросилъ туда горсть гороха изъ висѣвшаго около клѣтки кожаннаго мѣшечка.

— Подкрѣпляй свои силы, милый вѣстникъ,—говорилъ онъ ласково,—ты заслуживаешь золотого гороха.

Но онъ, этотъ вѣстникъ, и не взглянулъ на горохъ. Онъ ворковалъ и обхаживалъ свою голубку.

— А, соскучился, дурачекъ, по своей подругѣ,—улыбнулся Аполлоній.—А не будь ея, ты такъ не спѣшилъ бы изъ Пантикапеи... И какъ тебя коршунъ не схватилъ на дорогѣ!

Въ этотъ моментъ около голубятни упалъ на землю еще одинъ голубь, а надъ голубятней промчался ястребъ, видимо, гнавшійся за голубемъ.

— Ахъ, бѣдный! — проговорилъ Аполлоній, подходя къ упавшему голубю и поднимая его. — Тебя преслѣдовалъ хищникъ.

Подошли и архонтъ съ центуріономъ.

— Второй, должно быть, вѣстникъ,—сказалъ архонтъ, принимая измученную птицу изъ рукъ Аполлонія.—Посмотримъ.

И онъ, осторожно расправивъ крыло голубя, вынулъ такой же, какъ и у перваго, сверточекъ и расправилъ его.

— Царь Босфора предусмотрителенъ,—сказалъ онъ, показывая свертокъ Аполлонію и центуріону. — Это дуплетъ того, что мы уже читали. На случай того, что голубь могъ быть въ пути застигнутъ крылатымъ хищникомъ, властитель Пантикапеи отправилъ къ намъ и другого крылатаго гонца... Бѣдный! Онъ и теперь еще тяжело дышитъ... Ну иди же къ своей подружкѣ.

И онъ впустилъ его въ подлежащую клѣтку.

Въ это время къ центуріону подошелъ старый Рипидусъ, ведя подъ руку какого-то полупаго слѣпца.

— Вотъ, господинъ центуріонъ, бывшій легатъ, Аппій Каверна, котораго сейчасъ привезли посланные тобою воины изъ стана скиѳскаго царя Хлада,—почтительно доложилъ старикъ.

— Благородный Аппій Каверна! — въ ужасѣ воскликнулъ центуріонъ, обнимая слѣпого плѣнника скиѳовъ. — Праведные боги! И это мужественный вождь VI-го легіона!.. О, Тартаръ!

XIII.

Наконецъ, гунны и аланы у стѣнъ города.

Отогнавъ въ сторону табуны лошадей и стада овецъ подъ присмотромъ пастуховъ, варвары открыли свой фронтъ и, снимая съ особыхъ повозокъ длинныя лѣстницы, видимо, готовились къ осадѣ Танаиса.

Въ городѣ, между тѣмъ, уже вполнѣ приготовились къ встрѣчѣ страшныхъ гостей. Вездѣ кипятилась вода, и топилась смола. На стѣнахъ, укрываясь за выступы, наблюдали за движеніями варваровъ центуріонъ со своею центуріей, архонтъ и Аполлоній съ сыновьями и городская стража.

Осаждающіе волокли по землѣ лѣстницы, подбодряя себя дикими криками. Приблизившись на перелетъ стрѣлы, они прикрылись щитами и снова начали волочить лѣстницы къ стѣнамъ.

Вотъ они уже близко, у самыхъ стѣнъ. Продолжая прикрываться щитами, они поднимаютъ лѣстницы, цѣлый лѣсъ лѣстницъ, и приставляютъ къ стѣнамъ. Лѣстницы не хватаютъ до карниза стѣнъ на какихъ-нибудь два локтя. Но это для осаждающихъ такъ и нужно было, со стѣны нельзя достать лѣстницы и отбросить ихъ.

Лѣстницы приставлены. Варвары, прикрываясь щитами, начинаютъ подниматься выше и выше. На каждой лѣстницѣ по нѣсколько косматыхъ чудовищъ.

Верхнія чудовища уже близко, почти у карниза. Изъ-за щитовъ блестятъ концы или рукоятки длинныхъ мечей, остріи копій, боевыя сѣкиры.

Вдругъ со стѣнъ ринулись на варваровъ потоки кипятка!..

Нечеловѣческіе крики потрясли воздухъ!.. Гунны и аланы кучами валились съ лѣстницъ, сбивая своимъ паденіемъ нижнихъ и давя собою стоявшихъ внизу у лѣстницъ.

По стѣнамъ раскатился оглушительный, торжествующій хохотъ!

— Habet, habet, habet!—прокатилось вдоль стѣнъ.

— Мечите камни на головы демоновъ! — кричитъ центуріонъ.

И посыпался градъ камней. Были такіе гранитные обломки, что сшибали съ ногъ варваровъ съ ихъ щитами.

— Смолу прибережемъ къ ночи,—говорилъ архонтъ, — горящіе потоки ея будутъ намъ вмѣсто свѣтильниковъ.

— Въ дѣло баллисты съ «греческимъ огнемъ!»—пронесся по стѣнамъ голосъ архонта.

И въ то же мгновеніе въ воздухѣ зашипѣли огненныя змѣи, издавая рѣзкій сѣрный и смолистый запахъ.

Огненныя змѣи сдѣлали свое дѣло. Въ станѣ варваровъ вспыхнула масса повозокъ съ рухлядью и дѣтьми дикарей, покоившихся въ повозкахъ.

Новые, еще страшнѣйшіе вопли, плачъ женщинъ и дѣтей.

А станъ пылаетъ. Клубы дыма заволакиваютъ небо. Все заметалось тамъ въ какомъ-то хаосѣ. Видимо, дальнѣйшія повозки, еще не охваченныя пламенемъ, спѣшатъ убрать изъ об-

ласти огня за видимыи горизонтъ. Здѣсь, ближе, уносятъ обваренныхъ кипяткомъ и тяжко ушибленныхъ камнями.

Другіе собираются группами, перебѣгаютъ отъ группы къ группѣ и, видимо, совѣтуются, что имъ предпринять.

Кажется, придумали.

Разбившись на отдѣльныя толпища, начинаютъ въ разныхъ мѣстахъ рубить сѣкирами и копать мечами землю.

— Что это они дѣлаютъ? Копаютъ себѣ могилы, хоронить ошпаренныхъ кипяткомъ?—смѣялся Орестъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Аполлоній, — варвары дальновиднѣе, чѣмъ мы предполагали. Я догадываюсь: они хотятъ ворваться городъ не черезъ стѣны, а подъ стѣнами, подкопами.

— Это очень правдоподобно,—согласился архонтъ.

— Если не подоспѣетъ помощь, мы погибли, — сказалъ Аполлоній.

Но въ это время кто-то закричалъ:

— Слава богамъ! Корабли на горизонтѣ! Помощь Босфора!

Дѣйствительно, далеко, у горизонта, виднѣлись корабли. Вечерѣло. Солнце, опускаясь къ закату, окрашивало блѣднымъ пурпуромъ далекіе паруса.

А осаждающіе неустанно работали, копая землю. Одна партія дикихъ кротовъ смѣняла другую. Видно было, что подкопы шли быстро вглубь. Копавшихъ уже не видно было, и только виднѣлись на поверхности земли тѣ, которые выносили наружу выкопанную землю.

Пожаръ въ станѣ варваровъ прекратился. Обозы ихъ отодвинулись на такое разстояніе вглубь степи, что огонь баллистъ не доскалъ до нихъ.

Но на стѣнахъ города продолжали сторожить, пока не наступила ночь. Тогда во всѣхъ глиняныхъ, длинногорлыхъ кувшинахъ зажгли растопленную смолу, и окрестности озарились зловѣщимъ свѣтомъ. Въ далекомъ станѣ варваровъ свѣтились огни, то горѣли ихъ костры.

Настала глубокая ночь. Небо заволокло тучами. Въ городѣ, кромѣ дѣтей, никто не спалъ.

Вдругъ во мракѣ послышалось страшное ржаніе лошадей, и при свѣтѣ горящей смолы видно было, какъ табуны лошадей и стада овецъ, точно гонимые невидимыми злыми духами, ри-

нулись на станъ гуновъ. Оттуда послышались пенстовые крики женщинъ и дѣтей.

— Вѣчные боги! Спасеніе, спасеніе!—воскликнулъ архонтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, это пришло спасеніе.

Высадившіеся подъ покровомъ ночи ниже Танаиса гоплиты раздѣлились на два отряда, по тысячѣ каждый. Одинъ отрядъ незамѣтно обошелъ станъ осаждавшихъ, а другой съ лѣваго фланга ударилъ на ихъ стада. Поражаемыя копьями лошади всею массою, съ страшнымъ ржаніемъ, ринулись на станъ, а тамъ первая тысяча гоплитовъ, зашедшая съ тыла, уже ворвалась въ самую средину стана и безжалостно убивала женщинъ и дѣтей и тѣхъ многочисленныхъ варваровъ, которые оставались при станѣ.

Услыхавъ что-то непонятное и страшное, всѣ гунны и алапы, находившіеся у подкоповъ, которыхъ было множество, бросили свои работы и, не успѣвъ захватить щитовъ, валявшихся по степи, какъ безумные устремились къ стану съ дикими воинственными возгласами.

Этого только и ждали гоплиты второй тысячи. Они ринулись на безпорядочно бѣгущихъ, почти безоружныхъ враговъ и поражали ихъ копьями и мечами, устилая трупами и умирающими путь къ стану. Тамъ убѣгающіе вскакивали на первую попавшуюся лошадь и мчались, куда глаза глядятъ, забывая свои повозки, женъ и дѣтей.

Это былъ какой-то хаосъ звуковъ, цѣлый адъ!

— Habet, habet!—носилось по степи среди воплей, криковъ, стенаній.

Стоявшимъ на стѣнахъ города этотъ хаосъ звуковъ казался небесною музыкой.

— Боги услышали наши мольбы,—говорилъ архонтъ, весь блѣдный отъ волненія.

— Я говорилъ, что варвары сами себѣ копаютъ могилы,—сказалъ Орестъ, обнимая на радостяхъ друга.—Такъ и вышло.

— Кораблямъ босфорянъ и работать не пришлось,—замѣтилъ Аполлоній.

— Habet, habet!—глухо доносилось со степи.

Центуріонъ не въ силахъ былъ дольше терпѣть.

— Строй въ ряды мою центурію, — сказалъ онъ близъ

стоявшему старому Рапидусу.—Мы идемъ обнять братьевъ и кончать съ ними кровавый пиръ.

Потомъ, обратясь къ архонту, сказалъ:

— Благородный Периклъ! Прикажи отворить городскія ворота для моей центуріи. Постыдно было бы намъ оставаться здѣсь и быть даже не зрителями, а только слушателями великаго дѣла римлянъ.

Архонтъ приказалъ исполнить просьбу центуріона.

Завизжали желѣзныя ворота на ржавыхъ петляхъ, и горсть римлянъ съ воинственнымъ кличемъ, пробѣжавъ пространство, освѣщенное горящею смолой, исчезла въ темнотѣ.

На стѣнѣ показались Ифигенія съ Антигоной, обѣ заплаканныя.

— Мы сейчасъ изъ храма богини, — сказала первая, — Всѣ женщины Танаиса молились о спасеніи города.

— Благодареніе богамъ! Опасность, кажется, миновала,— сказалъ Аполлоній, нѣжно цѣлуя дочь въ голову.

— Завтра же принесемъ богамъ великую гекатомбу,—сказалъ архонтъ, подходя къ Аполлонію.

— Только не быками, а конями варваровъ,—пояснилъ съ улыбкою Орестъ.

— Зачѣмъ конями? — перебилъ его архонтъ. — У насъ у самихъ стадъ довольно, а боги принимаютъ жертву не однокопытными, а только двухкопытными, и преимущественно кладеными волами.

— Я жертвую пятьдесятъ кладеныхъ воловъ изъ моихъ стадъ,—сказалъ Аполлоній.

— Я не такъ богатъ, какъ ты, благородный другъ, и жертвую десять,—въ свою очередь, сказалъ архонтъ.

— Мы даемъ остальное, необходимое для великой гекатомбы,—послышались голоса.

— Я приношу въ жертву богамъ и пару сторожевыхъ собакъ моихъ стадъ,—сказалъ Аполлоній.

— Какъ собакъ!—удивился архонтъ.—Богамъ собакъ?

— А развѣ ты не знаешь, благородный Периклъ, что еще знаменитый римлянинъ, Плиній, свидѣтельствовалъ, что «жареный щенокъ лакомое блюдо боговъ»?—сказалъ Аполлоній.— Я читалъ у писателя Порфирія, который умеръ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, съ чего эллины и римляне стали упо-

треблять, и очень охотно, въ пищу собачье мясо. Однажды жрецъ, принося богамъ въ жертву собаку, нечаянно уронилъ съ жертвенника кусокъ прожареннаго мяса, и когда, поднимая его, обжегъ пальцы, то невольнымъ движеніемъ сунулъ пальцы въ ротъ и тутъ же почувствовалъ, какъ вкусенъ сокъ жареной собаки. Тогда онъ, окончивъ жертвоприношеніе, съѣлъ, какъ водится, часть жертвы, а остальное снесъ своему семейству. И тамъ всѣ нашли, что мясо собаки очень вкусно. Съ той поры наши предки, эллины, стали употреблять въ пищу мясо собакъ, а за эллинами и римляне, которые, какъ тебѣ небезизвѣстно, все перенимаютъ у насъ, точно дѣти. Въ Римѣ и доселѣ мясо собакъ подается при самыхъ пышныхъ пиршествахъ.

— Да, и я лакомился мясомъ молодыхъ щенковъ на пиру у цезаря Флавія-Клавдія, нынѣ императора, божественнаго Юліана, да продлятъ боги его жизнь!—сказалъ слѣпой легатъ, Аппій Каверна, котораго рабы тоже провели на городскую стѣну.

— Побѣда! Побѣда!—неслось со степи.

XIV. Великая гекатомба.

Взошедшее утромъ солнце освѣтило страшную картину.

Около стѣнъ Танаиса на далекое разстояніе кучами валялись въ степи щиты и копья гунновъ и аланъ, а далѣе—масса тѣлъ убитыхъ и умирающихъ варваровъ. Еще далѣе дотлѣвающіе и потухшіе остовы ихъ повозокъ и огромныхъ колесъ. И вездѣ трупы, трупы и трупы! Трупы мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Среди этого мертваго поля ходили гоплиты, снимая съ убитыхъ лучшее оружіе, вынимая изъ «чересовъ» *) нѣкоторыхъ изъ нихъ золото Мидіи, Арменіи, Иверіи.

Во множествѣ повозокъ, которыя варвары, убѣгая отъ преслѣдованія, не успѣли запречь и увезти, гоплиты тоже находили цѣнную добычу и все это сносили въ одно мѣсто, чтобы потомъ подѣлить между собою эти военные трофеи.

Между тѣмъ другіе гоплиты, отыскивая среди труповъ варваровъ своихъ убитыхъ товарищей, сносили ихъ вмѣстѣ съ гражданами Танаиса къ тому мѣсту, гдѣ тѣла ихъ должны быть

*) Кожаный поясъ.

торжественно сожжены по римскому обычаю. Раненымъ же подавали помощь.

Трупы варваровъ, нѣсколько тысячъ которыхъ разбросано было по степи, оставили въ добычу собакамъ, дикимъ звѣрямъ и хищной птицѣ.

А городъ, тѣмъ временемъ, приступилъ къ совершенію великой гекатомбы.

Пригнали къ морскому берегу сотню воловъ и нѣсколько собакъ. Доставили изъ города жертвенникъ, на которомъ должны были принести благодарственную жертву богамъ. Сюда же принесены были и тѣла павшихъ въ бою гоплитовъ.

Надо замѣтить, что изъ центуріи Фригида никто не былъ убитъ, потому что воинамъ центуріона пришлось только преслѣдовать убѣгавшихъ варваровъ, которые, спасая женъ и дѣтей, спѣшили запрягать свои повозки и возможно быстрѣе убѣгать отъ преслѣдованія.

Съ прибывшихъ изъ Пантикапеи и Фанагоріи кораблей сошли на берегъ и матросы, чтобы присутствовать при жертвоприношеніи и принять участіе на всенародномъ пиру гекатомбы.

Все населеніе Танаиса высыпало на берегъ моря.

Вслѣдъ затѣмъ изъ города послѣдовала торжественная процессія жрецовъ. Верховный жрецъ несъ священный ножъ для закланія жертвы, а прочіе возжигали куренія и пѣли жертвенные гимны.

У жертвенника Аполлоній держалъ красивѣйшаго изъ быковъ своихъ стадъ и молодую собачку, любимицу Ифигеніи. Послѣдняя, глядя на свою собачку, едва удерживала слезы. Жаль ей было своей любимицы. Но что дѣлать! Это жертва богамъ за спасеніе города.

Между тѣмъ, вдоль берега раскладывали и зажигали сотню костровъ, на которыхъ должны были жариться жертвы гекатомбы.

Около каждаго обреченнаго на закланіе быка стояли рѣзники съ жертвенными ножами.

Когда все было готово, верховный жрецъ поднялъ руки къ небу и возгласилъ торжественно:

— Предвѣчные боги, небожители Олимпа! Примите отъ насъ, смертныхъ, великую гекатомбу, какъ даръ благодарныхъ

сердецъ нашихъ за ниспосланное вами спасеніе городу, вамъ, безсмертные, посвященному.

И привычнымъ взмахомъ онъ всадилъ бѣдному животному жертвенный ножъ подъ лопатку, прямо въ сердце, а служители храма моментально повалили жертву людского суевѣрія на землю и добили.

Въ толпѣ послышались крики испуга, потому что рядомъ съ первой жертвой пало еще девяносто девять также зарѣзанныхъ и добитыхъ невинныхъ, кроткихъ животныхъ.

— О, боги!—простонала Ифигенія и бросилась было спасать свою любимицу, но жрецъ быстро поразилъ и вторую жертву.

Эта возмутительная бойня приводила въ ужасъ многихъ... Но этого требовали боги... Жалкіе люди!..

По всему берегу ручьями текла кровь, а рѣзники и ихъ помощники быстро снимали шкуры съ убитыхъ животныхъ, разрубали туши ихъ на части, нанизывали на вертела и жарили на кострахъ.

Это было отвратительное зрѣлище... Но это — жертвы богамъ...

И началось пиршество. Всѣ разсѣлись группами: жрецы, власти города, воины центуріи, гоплиты по полусотнѣ, матросы и все остальное населеніе города. Все пожирало жертвы, какъ это было при гекатомбахъ и во времена Гомера.

Но ни Ифигенія, ни Антигона не могли участвовать въ этомъ дикомъ пиршествѣ.

— Я не могу ѣсть,—говорила первая.—Бѣдный быкъ, бѣдная собачка!

— А посмотри, какъ пожираетъ твою собачку верховный жрецъ,—прошептала Антигона, брезгливо отворачиваясь.

Орестъ и Пиладъ, раздѣляя общую трапезу, посматривали на дѣвушекъ съ дружески-насмѣшливыми улыбками.

— Что! — казалось, говорилъ Пиладъ, своей сестрѣ.—А какъ ты дома уплетаешь цыплятъ и барашковъ!

— Противный!—взглядомъ отвѣчала ему сестра.

— То-то противный,—смѣялись глаза Пилада.

— Все это для безсмертныхъ боговъ, — набожно говорила Евдоксія.

Другой разговоръ шелъ между пирующими воинами римской центуріи.

— Хвала богамъ,—говорилъ старый Рапидусъ, наслаждаясь жирной грудинкой жертвеннаго быка.—Давно такого лакомства не видали мы.

— Какое давно!—возражалъ Комма. — Никогда подобнаго не было.

— Какъ же это такъ?—недоумѣвалъ Канцеръ-Стультусъ, обгладывая сочную лопатку.—Приносимъ мы жертву богамъ и сами ее съѣдаемъ, а богамъ и понюхать не даемъ, ничего не понимаю.

— Дуракъ!—огрызнулся Комма.—Боги нюхаютъ жертвенный дымъ, они это любятъ. А то станутъ они ѣсть мясо! На то у нихъ есть амврозія и нектаръ.

— Плевать имъ на мясо!—подтвердилъ Рапидусъ.—А вотъ настоящіе дураки,—указалъ онъ на сидѣвшихъ въ сторонѣ нѣсколькихъ воиновъ,—что не ѣдятъ?

— Мы христіане, у насъ сегодня постъ—пятница.

— Что жъ, что пятница?

— А какъ же. Въ пятницу Христа мучили и распинали,—отвѣчалъ одинъ изъ христіанъ. — Въ память этого мы и постимся.

— Знаю! — сказалъ Комма. — Вѣдь и насъ по пятницамъ центуріонъ морилъ голодомъ, когда еще не было этого указа императора, да хранятъ его боги! А теперь, смотрите, самъ dominus Frigidus какъ уписываетъ за обѣ щеки вкусную бычатинку!

— Ну, не хотѣлъ бы я быть богомъ,—рѣшилъ Канцеръ.—Изволь нюхать только дымъ. Спасибо! Мясо вкуснѣй!.

Долго еще продолжалось общественное пиршество.

— Ну, теперь пора и о товарищахъ подумать,—сказалъ старый Рапидусъ, вставая.—Идемъ костеръ дѣлать для павшихъ въ бою.

И воины соорудили изъ сухихъ бревенъ высокій и просторный костеръ, снесли и положили на немъ рядомъ всѣхъ убитыхъ товарищей, обильно облили бревна смолой и запалили костеръ.

— Тѣни воиновъ Рима, отходящія въ область Аида,—произнесъ торжественно верховный жрецъ,—да будетъ легка для васъ лодка сына Эреба и Ночи—Плутона, да сладки будутъ для васъ воды Леты, какъ и воды Стикса, да не опалятъ васъ

огненныя струи Флегетона, да благосклонно приметъ васъ въ свое царство братъ Зевса—Плутонъ и его супруга Персефона, да не рыкаетъ на васъ многоглавый Церберъ и да милостивы будутъ къ вамъ судьи Орка—Миносъ, Эакъ и Радамантъ!

— Слава воинамъ Рима, мужественно за насъ павшимъ!— воскликнулъ архонтъ.—Слава!

— Слава! Слава! Слава! — прокатилось по когортамъ и центуріямъ.

XV. Бѣглецъ найденъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда въ городѣ все успокоилось послѣ нашествія варваровъ, и корабли Пантикапеи и Фанагоріи отплыли во-свояси съ богатой добычей, а гунны и аланы безслѣдно исчезли въ нынѣшнихъ манычскихъ и кумско-калмыцкихъ степяхъ, Олимпій-Аполлоній снова снарядилъ экспедицію для отысканія сына. На поиски отправилась вся его семья съ достаточнымъ количествомъ рабовъ, сколько ихъ могла вмѣстить большая парадная лодка перваго богача города Танаиса.

Прослѣдовавъ гору Бараній Лобъ и не доѣзжая значительно до устья Темерника, лодка пристала въ такомъ преглубокомъ заливчикѣ, который не давалъ возможности видѣть ее съ того мѣста, гдѣ въ первый разъ видѣли удившее рыбу «странное существо», оказавшееся потомъ Несторомъ, исчезнувшимъ сыномъ Аполлонія и Евдоксіи.

Причаливъ къ берегу, Аполлоній, взявъ съ собой только Ореста и нѣсколько рабовъ, тихонько прокрался между кустами къ пещерѣ сына, боясь его испугать, если только онъ снова воротился въ свое пещерное жилище, жилище давно исчезнувшихъ съ лица земли троглодитовъ и киваидскихъ отшельниковъ.

Но пещера и на этотъ разъ оказалась пустою.

— О, боги! Сжальтесь надъ скорбью отца и матери, — прошепталъ Аполлоній, перерывая въ пещерѣ сухія листья и траву, не найдетъ ли еще чего, оставленнаго несчастнымъ сыномъ.

Но тамъ ничего не нашлось, и только на гладкой стѣнѣ пещеры увидѣли нарисованный углемъ крестъ, а около него, съ одной стороны, барашка—это «агнецъ», съ другой—рыбу, первоначальный символъ первыхъ христіанъ, каковыя изображенія можно и теперь видѣть въ римскихъ катакомбахъ.

— Не отчаивайся, отецъ, — утѣшалъ старика Орестъ, — будемъ искать выше нашихъ складовъ. Онъ гдѣ-нибудь въ этихъ мѣстахъ. Узнавъ, что мы открыли его убѣжище, онъ, навѣрное, переселился выше по Танаису. Ему необходима близость рѣки. Вѣдь, онъ питается исключительно рыбой... Боги помогутъ намъ.

— Да будемъ молить добраго Пана, бога лѣсовъ и добрей,— согласился Аполлоній, покидая пещеру.

И они воротились къ лодкѣ, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ и страхомъ ждали Евдоксія и Ифигенія.

— Ну, что?—было ихъ первымъ вопросомъ.

— Какъ видите,—грустно отвѣтилъ Аполлоній.

— О, боги! Вы позавидовали счастью и гордости матери и взяли у меня сына, какъ когда-то взяли дѣтей у горестной Ніобеи,—плакалась Евдоксія.

—Не ропщи на боговъ, жена,—остановилъ ее Аполлоній.

— О, мой первенецъ!.. Зачѣмъ я теперь не взглянула хоть на его пещеру, гдѣ онъ жилъ, думалъ, страдалъ, можетъ быть, вспоминалъ насъ,—продолжала Евдоксія.

— Правда,—сказалъ Орестъ,—мы нашли тамъ его слѣды...

— Какіе?—съ живостью перебила Евдоксія.

— Онъ углемъ нарисовалъ на стѣнѣ своей пещеры крестъ, и по бокамъ его—ягненка и рыбу, и нарисовалъ такъ хорошо.

— О, да!—сказала Ифигенія.—Вѣдь, онъ былъ Аполлесъ нашей семьи.

— Бѣдный, бѣдный,—вздыхала Евдоксія.

Лодка снова двинулась вверхъ. У складовъ, въ устьѣ Темерника, стояли хранители богатствъ Аполлонія.

Но лодка на этотъ разъ причалила къ берегу.

— Я на возвратномъ пути заѣду къ вамъ,—сказалъ Аполлоній, здороваясь съ хранителями его добра.

И лодка скрылась за береговыми уступами и лѣсомъ.

Плыли тихо, стараясь не плескать веслами. Проплывъ нѣсколько верстъ, они около того мѣста, гдѣ нынѣ Нахичевань, услышали тихое-тихое пѣніе. Пѣлось, судя по долетавшимъ до слуха Аполлонія изъ-за густыхъ кустовъ словамъ, «Ave Maria!».

— Это его голосъ!—съ невыразимой нѣжностью прошептала Евдоксія.—О, боги, это мой первенецъ!

— Къ берегу, къ берегу!—распорядился Аполлоній.

— Теперь онъ отъ насъ не уйдетъ!—сказалъ Орестъ.

— Спрячемся и будемъ наблюдать изъ-за кустовъ,—шепотомъ говорилъ Аполлоній.—Дождемся, когда онъ войдетъ въ свое убѣжище, а иначе, увидѣвъ насъ заранѣе, онъ опять скроется.

И, пробираясь тихонько между деревьями, прячась за кустами, Аполлоній и его семья опять увидѣли на берегу Танаиса, въ гущѣ высокихъ камышей, «странное существо», которое и теперь удило рыбу, тихо напѣвая «Ave Maria!»

— Онъ, онъ! — шептала Евдоксія, заливаясь радостными слезами.—О, безсмертные боги! Простите мой ропотъ, простите!.. Я не Ніобея, я счастливѣе ея... Вотъ мой первенецъ...

— Успокойся,—шепталъ Аполлоній,—боги не питаютъ къ тебѣ гнѣва. Ты подобно дщери Тантала и внучкѣ Атланта не гордилась передъ Латоной, матерью Аполлона-Феба и Артемиды, своими дѣтьми, какъ она, Ніобея, супруга царя Ѳивъ Анфіона, гордилась своими четырнадцатью дѣтьми..

— Праведные боги! Да, я не гордилась передъ вами, безсмертные, — шептала Евдоксія. — Я гордилась только передъ людьми, и за то боги послали мнѣ испытаніе. Но время испытанія кончилось...

— Смотрите, смотрите! Онъ вытащилъ рыбу, — говорилъ Орестъ.

— И крупную, вѣроятно, опять окуня,—шептала Ифигенія.

— И еще, другою удочкой... Огромная...

— Теперь, навѣрное, онъ пойдетъ къ себѣ печь рыбу,—говорилъ Аполлоній.—Будемъ же слѣдить за нимъ.

Отшельникъ, дѣйствительно, убиралъ удочки, чтобы итти въ свое убѣжище.

— Но гдѣ оно?—спрашивали себя въ умѣ наблюдавшіе за отшельникомъ.—Надо прослѣдить за нимъ и застать въ самомъ убѣжищѣ.

Слѣдя издали, они видѣли, какъ онъ ловко, подъ прикрытіемъ сначала камышей, а потомъ кустовъ, пробирался на кручу и скоро исчезъ въ какомъ-то густомъ кустарникѣ, привычнымъ жестомъ раздвинувъ его вѣтви.

Ясно, что онъ вошелъ въ свое убѣжище и выше не поднимался.

Слѣдившіе за нимъ, боясь хрустнуть сухой вѣткой или зашуршать травой, тихо подобрались къ кусту и явственно уви-

дѣли отверстіе въ кручѣ, прикрытое вѣтвями. Изъ отверстія слышался шорохъ и тихое: «Ave Maria»!

Евдоксія первая юркнула въ отверстіе.

— Дитя мое! Дитя мое!—съ крикомъ радости обняла она что-то косматое и покрытое шерстью.

— Матушка!—послышался испуганный голосъ.

— Сынъ мой!.. Наконецъ, милостивые боги возвращаютъ намъ тебя,—сказалъ Аполлоній, входя въ пещеру вмѣстѣ съ Орестомъ и Ифигеніей.

Пойманный бѣглецъ, казалось, окаменѣлъ, глядя на всѣхъ растерянными глазами. И нельзя было не растеряться отъ неожиданности.

— Здравствуй, братъ,—говорилъ Орестъ, обнимая бѣглеца.

— Милый, милый!—ласкалась и Ифигенія.—Видишь, я ужъ совсѣмъ большая.

Съ трудомъ къ бѣглецу возвратился его голосъ.

— Зачѣмъ вы нашли меня?—съ внутренней дрожью говорилъ онъ.—Я давно умеръ для міра.

— Но не для насъ, дитя мое—сказалъ Аполлоній ласково.—Ты былъ нашъ, нашимъ и будешь.

— Не для того страдала я тобою, нося подъ сердцемъ и терпя адскія муки родовъ, чтобы потерять тебя навѣки, мой первенецъ,—говорила Евдоксія, съ невыразимой нѣжностью заглядывая сыну въ глаза.—Теперь я тебя никому не отдамъ.

— Но я посвятилъ себя Богу, Богу единому, Творцу міровъ, — силился защищаться застигнутый врасплохъ молодой отшельникъ.

— Но мы и не отнимемъ тебя у твоего Бога,—сказалъ Аполлоній.

— Зачѣмъ же вы искали меня, если не для того, чтобы лишить меня моего Бога и моего спасенія?

— Нѣтъ! Клянусь богами Олимпа! Я на все рѣшился, — твердо сказалъ Аполлоній.—Живи съ твоимъ Богомъ и съ нами.

— Съ нами, съ нами, милый!—ласкалась къ нему Ифигенія.

Бѣглецъ все еще смотрѣлъ растерянно, какъ загнанный звѣрь.

— Но какъ же я возвращусь въ міръ, изъ котораго бѣжалъ?—говорилъ онъ, теряя, повидимому, волю.

— Нѣтъ, дитя мое, не въ міръ возвратишься, а только къ намъ, въ твой домъ, въ твою семью,—въ свою очередь настаивала Евдоксія.

— О, Боже!—заломилъ руки отшельникъ.—За что ты оставилъ меня!

— Послушай,—сказалъ, наконецъ, Аполлоній,—если есть, если существуетъ Онъ, твой Богъ, если только Онъ существуетъ, а не есть созданіе людской мысли, людского воображенія, то за что же Онъ, этотъ твой Богъ, оставитъ тебя, если ты будешь жить съ нами, а не въ этой страшной пещерѣ?

— Но Онъ сказалъ: «оставь отца и матерь и слѣдуй за мною».

— Да развѣ Онъ живетъ въ этой пещерѣ, что ты сюда послѣдовалъ за нимъ,—настаивалъ Аполлоній, стараясь логикой побѣдить упрямца.—Ты нашелъ Его въ этой пещерѣ?

— Нѣтъ, я ношу Его въ душѣ моей.

— Такъ можешь носить Его и въ Танаисѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Не въ Танаисѣ, а у насъ, у себя дома,—поясняла Евдоксія.

— У васъ въ домѣ грѣховная роскошь, а Онъ не имѣлъ, гдѣ голову преклонить... Онъ говорилъ: «Птицы гнѣзда имѣютъ, у звѣрей есть норы, а у меня ничего нѣтъ».

— Но у тебя же есть нора, какъ у звѣря, а у Него ничего не было... Ты противорѣчишь собственной и Его логикѣ,—старался побить упрямца доводами разсудка Аполлоній.

— Да, правда, у меня есть пещера; но святые оиваидскіе отшельники спасались въ пещерахъ.

— Пусть же будетъ твоею пещерою твоя комната рядомъ съ моею,—съ улыбкой сказалъ Орестъ.

— Но у васъ роскошь, богатство... А Онъ сказалъ богатому юношѣ: «Отдай твое богатство нищимъ, и тогда наслѣдуешь царство небесное».

Аполлоній не могъ выносить далѣе.

— Такъ ты боишься богатства?—спросилъ онъ

— Да, отецъ.

— Такъ клянусь тебѣ твоимъ Богомъ, слышишь! твоимъ! что я выдѣлю тебѣ твою часть, твое богатство, и ты раздай его нищимъ,—торжественно проговорилъ Аполлоній. — Слышишь? Твоимъ Богомъ клянусь!

Послѣдній доводъ побѣдилъ.

XVI. Возвращеніе домой.

— Ты голоденъ, дорогой мой,—вся расцвѣтшая счастьемъ, сказала Евдоксія.—Мы помѣшали тебѣ приготовить свой обѣдъ или ужинъ, и твои рыбы остаются сырыми вонъ,—указала она на двухъ крупныхъ окуней, лежавшихъ на травѣ.—Но я заранѣе приготовила тебѣ кое-что.

Дѣйствительно, материнское чувство подсказало ей захватить съ собой на поиски пропавшаго сына провизію. И она вынула изъ привезеннаго ею мѣшка кусокъ прекрасной провѣсной бѣлорыбицы, кусокъ янтарной тешки и вино.

— И вино,—улыбнулся побѣжденный упрямецъ.—А Онъ проповѣдывалъ постъ и молитву... Впрочемъ, и Онъ самъ вкушалъ вино и на бракѣ въ Канѣ, въ Галилеѣ, и на Своей тайной вечери.

И найденный бѣглецъ обнялъ мать.

— Благодарю, родная моя,—сказалъ онъ съ чувствомъ.— Мнѣ проститъ Господь мое малодушіе, уходъ изъ моей пустыни, если я моимъ достаткомъ накормлю голодныхъ, осушу слезы сиротъ, какъ обѣщалъ батюшка...

— Да, да, дорогой мой, я отъ своего слова не отступлюсь,— сказалъ Аполлоній.—Я клялся твоимъ Богомъ... А теперь подкрѣпись, а потомъ и въ путь, ночь наступаетъ, а до Таланса не близко.

Ночь, дѣйствительно, сходила на землю, ночь августовская, темная, и мигающія звѣзды высыпали на далекомъ небѣ.

— Какой ты косматый, — говорила Ифигенія, перебирая руками волосы старшаго брата, Нестора, такъ счастливо теперь отысканнаго.

Ей было всего десять лѣтъ, когда Несторъ исчезъ изъ дому.

— Хотя я была маленькая, когда ты ушелъ отъ насъ,—говорила она,—но я хорошо помню тебя... Только ты такъ похудѣлъ.

— Да, совсѣмъ не похожъ теперь на эллина, — сказалъ

Орестъ съ улыбкой,—на олимпійскихъ играхъ не выигралъ бы лавроваго вѣнка.

— Что мнѣ лавровый вѣнокъ!—грустно проговорилъ Несторъ.—Я одного вѣнца ищу, ангельскаго.

— Это еще что за вѣнецъ?—спросилъ Орестъ.

— Моего Бога окружаютъ сонмы ангеловъ, и ихъ вѣнца я жажду,—отвѣчалъ Несторъ.

— Кто жъ эти ангелы?

— Духи безплотные, слуги и посланники Бога.

— Безплотные... А откуда жъ у нихъ вѣнцы?—недоумѣвалъ Орестъ.

Аполлоній видѣлъ, что разговоръ касается какихъ-то щекотливыхъ вопросовъ, и поспѣшилъ замять его.

— Пора, однако, ѣхать,—сказалъ онъ.

Евдоксія вынула изъ мѣшка заранѣе прихваченную длинную тунику.

— Уйди отсюда на минутку,—сказала она дочери,—пусть Несторъ переодѣнется, а то въ овчинахъ ѣхать ему неудобно.

Несторъ взялъ тунику.

— И ты, матушка, выйди,—сказалъ онъ.

Переодѣвшись, онъ вышелъ изъ пещеры вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ. Въ рукахъ у него была небольшая книга въ кожаномъ переплетѣ.

— Это что за книга?—спросилъ Аполлоній.

— Евангеліе... Я буду читать вамъ эту книгу,—сказалъ Несторъ,—и увѣренъ, что, прослушавъ ее, вы, какъ и я, пойдете за Христомъ.

— Нѣтъ ужъ въ пещеру я не пойду,—весело проговорилъ Орестъ.

Евдоксія воротилась въ пещеру, взяла пойманныхъ ея сыномъ окуней, удочки и овчины.

— Это я беру на память,—сказала она,—а окуней мы съѣдимъ всѣ вмѣстѣ въ честь возвращенія въ свой домъ моего первенца.

— Не важная же будетъ гекатомба богамъ,—усмѣхнулся Орестъ.

— Я бы не прочь и отъ настоящей гекатомбы въ благодарность богамъ за спасеніе сына,—сказала Евдоксія.

— Нѣтъ, матушка,—возразилъ Несторъ,—я принесу мою гекатомбу нищимъ.

— Какъ хочешь, мой милый,—согласилась Евдоксія.

— А у насъ на-дняхъ была принесена богамъ настоящая гекатомба, такая, о какихъ говорилъ Гомеръ,—сказала Ифигенія.

— По какому поводу?—спросилъ Несторъ.

— Ахъ, да ты ничего не знаешь,—сказала Ифигенія.—А мы пережили страшные ужасы. Весь Танаисъ трепеталъ за свою участь. Нашъ городъ былъ осажденъ несмѣтными полчищами варваровъ... ужасно даже вспомнить!.. Страшные гунны и аланы пришли изъ своихъ степей, обступили городъ безчисленными тучами, порывались взобраться на городскія стѣны, съ которыхъ обливали ихъ кипяткомъ, бросали въ нихъ огромные камни, и они все-таки, можетъ быть, взяли бы городъ, несмотря на то, что въ ихъ станъ бросали «греческій огонь», и взяли бы непремѣнно черезъ подкопы, если бы къ намъ не подоспѣла помощь изъ Пантикапеи и Фанаторіи... Страшно воспомнить, что было!..

— И что жъ, отразили нападеніе?—спросилъ Несторъ.

— Не только отразили, но съ помощью римскихъ гоплитовъ и танаиской центуріи на мѣстѣ положили нѣсколько тысячъ варваровъ,—отвѣчалъ за сестру Орестъ съ гордостью, точно онъ самъ поражалъ варваровъ.

— Охъ, что мы пережили,—содрогнулась Евдоксія,—это знаютъ только безсмертные боги!

— Вотъ тогда и принесена была богамъ великая гекатомба,—сказала Ифигенія,—сто быковъ и нѣсколько собакъ пошли на жертву.

— Собакъ?—удивился Несторъ.

— Да, сынъ мой, это древній эллинскій обычай,—отвѣчалъ Аполлоній.—Я возбоновилъ его.

— И моя хорошенькая собачка Эгерія была зарѣзана въ жертву богамъ,—проговорила Ифигенія.—Какъ я по ней плакала! Бѣдная Эгерія!

— Эгерія? Была нифма Эгерія въ Римѣ...

— Да, еще она научала Нуму Помпилія религіознымъ обрядамъ и законамъ, — похвастался Орестъ знаніемъ римской исторіи...—Эгеріею назвалъ собачку центуріонъ Фригидусъ, помнишь его?

— А онъ со своей центуріей еще въ Танаисѣ?

— Да, но его переводятъ на-дняхъ въ Пантикапею, а къ намъ пришлютъ нѣсколько когортъ гоплитовъ на случай нападенія на Танаисъ гуиновъ и ихъ союзниковъ-аланъ.

Они дошли до ожидавшей ихъ лодки.

Но здѣсь на Нестора напала глубокая боязнь. Ему стало страшно, что онъ какъ будто отрекается отъ Бога.

И онъ остановился въ нерѣшительности.

— Ты что же сталъ?—спросилъ Аполлоній. — Иди, сынъ мой.—Несторъ не двигался.

— Боже мой, Боже.—съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ,—вразуми меня! Я такъ боюсь! Пять лѣтъ я служилъ тебѣ, Господи, въ твоемъ храмѣ, въ храмѣ созданной тобою природы, и вдругъ покидаю этотъ храмъ.

Съ трудомъ удалось Аполлонію успокоить его.

— Ты не покинешь этого храма и въ Танаисѣ,—говорилъ онъ—весь міръ та же природа. И земля, и солнце, и звѣзды, это природа, это вселенная.

Несторъ перекрестился и сѣлъ въ лодку. Гребцы съ удивленіемъ разсматривали его въ темнотѣ.

— Это мой старшій сынъ,—сказалъ Аполлоній.—Онъ пять лѣтъ былъ въ плѣну у варваровъ, и вотъ только теперь я нашелъ его и выкупилъ.

— О, боги! О, могучій Посейдонъ!—воскликнулъ старый кормчій.—Неужели я вижу благороднаго Нестора?

— Онъ, онъ,—подтвердила Евдоксія.

— О, проклятые варвары!—продолжалъ кормчій.—И боги не накажутъ ихъ? Видимо, что они мучили благороднаго юношу. Какъ онъ худъ.

Когда лодка поравнялась со складами, гдѣ свѣтились огоньки, и гдѣ на берегу стояли хранители складовъ, Аполлоній закричалъ имъ:

— Не ждите меня сегодня, друзья, ужъ поздно. Я въ другой разъ пріѣду къ вамъ, а теперь спѣшу домой. Мнѣ боги послали великую радость; возвратили намъ старшаго сына нашего, который пять лѣтъ томился въ плѣну у варваровъ; а сегодня я отыскалъ его и выкупилъ.

— Благодареніе богамъ! — закричали съ берега. — Эвое Зевсъ! Эвое Минерва!

И Евдоксія, и Орестъ съ Ифигеніей въ душѣ хвалили—

первая мужа, а вторые отца за то, что онъ такъ хорошо придумалъ сказавъ, что выручилъ Нестора изъ плѣна. Эту сказку можно будетъ распустить и въ городѣ, а что будетъ дальше, тамъ скажетъ будущее...

— Эвое Зевсъ нефелегерета! Эвое Минерва!—доносилось съ берега.

Когда лодка поравнялась съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ въ первый разъ видѣли Нестора, удившаго рыбу, Орестъ сказалъ:

— Мы нашли эту пещеру, но тебя ужъ не было въ ней.

— Но зато я нашла тамъ книжку о жизни какого-то Хрисанфа и Даріи,—сказала Ифигенія.—Теперь она у насъ.

— Поплакала я надъ этой книгой,—вздохнула Евдоксія.

— Святые Хрисанфъ и Дарія пострадали за Христа, Спасителя нашего,—тихо проговорилъ Несторъ.—Можетъ, и меня сподобитъ Господь пострадать за Него...

— Что ты! Что ты!—перебила его мать. — Желать своей смерти!

— Смерть за Христа сладостна,—уронилъ Несторъ.

— Сладостна!—пожалъ плечами Орестъ.—Я думаю, что и Леониду при Ѳермопилахъ смерть была не сладостна, хоть онъ и страдалъ за весь Лакедемонъ.

Аполлоній больше молчалъ. Онъ не-могъ понять, что это была за сила, которая заставляла христіанъ съ гимнами итти, въ колизеѣ, въ пасти львовъ, погибать въ когтяхъ тигра. Что это? Непостижимо!.. Эта же невѣдомая сила толкала и его Нестора съ здравымъ философскимъ умомъ, съ широкимъ образованіемъ, толкала въ пустыню, въ дебри, на голодъ, на вольныя страданія. Было надъ чѣмъ задуматься!

— Это какія-то чары, волшебство,—соображалъ онъ.—Но кто напустилъ на міръ эти чары? Неужели Тотъ, Котораго, говорятъ, распяли на крестѣ за самозванство?

Но вотъ и огни Танаиса.

— Неужели тебя не тянули въ родной городъ воспоминанія дѣтства?—спросилъ Нестора Аполлоній.

— Нѣтъ, отецъ,—отвѣчали ему.

— Не понимаю, не понимаю... Безуміе.

XVII. Странное ученіе.

Первые, съ которыми подѣлились своею радостью Аполлоній и Евдоксія, были архонтъ и его семейство.

— О, милый Несторъ!—воскликнулъ Периклъ увидѣвъ отшельника.—Милостивые боги возвратили тебя твоей благородной семьѣ.

— Не боги ваши, а доброта, христіанская доброта моего отца,—улыбнулся Несторъ.

— И за то надо благодарить боговъ,—сказалъ архонтъ.—Они, вѣчные боги, вселили эту доброту въ сердце благороднаго Аполлонія.

— Нѣтъ, не боги,—отвѣчалъ упрямецъ,—а жалость къ сыну и желаніе возвратить его семьѣ.

Въ это время Евдоксія внесла овчины, которыми прикрытъ былъ въ своемъ отшельничествѣ Несторъ.

— О, боги!—воскликнули гости.

— Гунны, и тѣ опрятнѣе одѣваются!—засмѣялся Пиладъ.

— И ты не брезгалъ этой нечистой овчиной?—спросилъ архонтъ, истинный эллинъ по изяществу.

— Но такую же одежду, только изъ верблюжьей кожи, носилъ тотъ Іоаннъ, который крестилъ самого Христа, Сына Божія, сходившаго на землю для спасенія мира, — отвѣчалъ Несторъ.

— Но у того, можетъ быть, ничего, кромѣ этой кожи, и не было,—пожалъ плечами Пиладъ.

— Да и самъ Христосъ одѣвался какъ простой селянинъ или рабъ.

— Чтожъ тутъ хорошаго?—стоялъ на своемъ сынъ архонта

Антигона смотрѣла на отшельника добрыми, ласковыми глазами.

— Хоть я была маленькая еще, когда ты скрылся, но я хорошо тебя я помню,—сказала она.—Мы тогда думали, что ты утонулъ, и я очень плакала, и все ласкала котенка, котораго ты изъ милости поднялъ на улицѣ и подарилъ мнѣ.

Его стали разспрашивать, какимъ образомъ онъ скрылся, какъ очутился по ту сторону Ганаиса и чѣмъ питался.

— Я питался рыбой, какъ Христосъ и Его ученики, которые были простыми рыбарями,—отвѣчалъ молодой отшельникъ.

— Но рыбу же не руками ты ловилъ?—замѣтилъ архонтъ.

— Я заранѣе запасся здѣсь удочками.

— А какъ очутился за Танаисомъ? Вѣдь онъ очень широкъ.

— Я хорошій пловецъ,—былъ отвѣтъ.

— И тебѣ не страшно было одному въ пустынѣ, среди звѣрей?—спросила жена архонта, Ирина.

— Со мною былъ Богъ и его ангелы.

— Такъ Богъ къ тебѣ сходилъ съ неба, милый Несторъ?—спросилъ архонтъ.

— Богъ сходитъ ко всѣмъ, кто Его призываетъ, и у каждаго вѣрующаго есть свой ангелъ, который блюдетъ его на всѣхъ путяхъ его.

— А кто же эти ангелы? — спросила Антигона.

— Слуги Бога, Творца вселенной.

— И твой ангелъ былъ съ тобой?

— Со мной и всегда.

— И ты видѣлъ его?

— Нѣтъ. Ангелы — безплотные духи.

— Почему же ты такъ увѣренъ, что онъ, твой ангелъ, былъ всегда съ тобой, когда ты его не видѣлъ? — спросилъ архонтъ.

— А вы видѣли когда-нибудь вашего Зевса, не мраморнаго или бронзоваго идола, а настоящаго? — спросилъ Несторъ и поставилъ архонта втупикъ.

Этимъ моментомъ воспользовался незаконный сынишка Афродиты и сталъ метать своими маленькими стрѣлами то въ Ореста и Пилада, то въ Ифигенію и Антигону...

И началась перестрѣлка, которая хотя и наносила раны той и другой сторонѣ, но раны эти были такъ сладки, что хотѣлось ихъ повторенія...

— Я думаю, какъ счастлива добрая Ифигенія возвращенію брата, — говорилъ Пиладъ, впиваясь глазами въ личико и глаза дѣвушки.

— Да, Пиладъ, я давно не была такъ счастлива, — выпустила изъ глазъ двѣ стрѣлы черноокая Ифигенія, а сама думала:

— Нѣтъ, я была несравненно счастливѣе тамъ, въ кустахъ, когда мы за Танаисомъ, у вашихъ складовъ, слушали кукованье кукушки и...

Лукавая дѣвушка даже себѣ не досказала, что они тамъ дѣлали...

— Цѣловались, да еще какъ! — сказала тогда кукушка своему мужу.

— А я жалѣю, что у меня нѣтъ другого брата, который бы послѣ исчезновенія вновь отыскался, — сказала Антигона, стрѣляя въ Ореста.

Орестъ тоже выстрѣлилъ, но далъ промахъ: его стрѣлу налету перехватилъ Несторъ и въ смущеніи потупился.

Но Антигона не скупилась на стрѣлы и послала пару стрѣлъ въ Нестора.

— А ты, благочестивый Несторъ, видѣлъ христіанскихъ дѣвушекъ?—спросила она.

— Видѣлъ въ Пантикапеѣ.

— Какія онѣ? Красивыя?

— Не знаю... Христіанскія дѣвушки не поднимаютъ глазъ на мужчинъ.

— Какія онѣ, должно быть, скучныя! — выпалилъ Орестъ въ золотоволосую Антигону.

А эти стрѣлы сказали:

— Я цѣловалъ тамъ, въ рощѣ Селены, твои закрытыя глаза, и ты шептала мнѣ: еще, еще, еще!

— А открытые нельзя цѣловать, больно, — отвѣчали глаза Антигоны.

Несторъ всталъ было, чтобы уйти... Его смущали глаза Антигоны. Но отецъ остановилъ его.

— Принеси, мой дорогой, свое евангеліе и покажи гостямъ, — сказалъ Аполлоній.

Несторъ вышелъ.

— Что разумѣлъ онъ, отвѣчая мнѣ, что не боги извели его изъ пустыни, а «христіанская доброта» отца? — спросилъ архонтъ.

— «Христіанская доброта» это то, что я обѣщалъ ему выдѣлить изъ всего моего состоянія его часть, чтобы онъ могъ всю ее раздать нищимъ, — отвѣчалъ Аполлоній.

— Боги, да это безуміе!—воскликнули архонтъ и его жена.

— Что было дѣлать!—развелъ руками Аполлоній.—Только этимъ обѣщаніемъ и страшной клятвой, что мы не будемъ трогать его Бога, только этимъ я и могъ побѣдить его,—сказалъ онъ.

— А мнѣ сказалъ онъ: отнесетесь съ неуваженіемъ къ моему Богу, и тогда ужъ я навсегда скроюсь, и вамъ тогда не найти меня, — добавила Евдоксія.

— И ты исполнишь обѣщаніе? — спросилъ архонтъ Аполлонія.

— Исполню... Мнѣ сынъ дороже четверти моего громаднаго состоянія, — отвѣчалъ Аполлоній и замолчалъ.

Въ комнату входилъ Несторъ съ книгой въ рукѣ.

Пока архонтъ и Аполоній, по уходѣ Нестора, говорили о немъ, между молодыми людьми шла такая перестрѣлка, что даже незаконный сынишка Афродиты ротъ разинулъ отъ удовольствія.

Гости начали разсматривать евангеліе.

— Что же содержитъ въ себѣ эта книга? — спросилъ архонтъ. — Я хоть и слышалъ о ней отъ христіанъ, но содержанія ея не знаю.

— Въ ней изображена земная жизнь Іисуса Христа, Бога нашего, сошедшаго съ неба на землю для спасенія рода человѣческаго, — отвѣчалъ Несторъ. — Въ ней же изложено Его ученіе, и изображена Его мученическая смерть на крестѣ.

— Кто жъ могъ мучить Бога? — удивился архонтъ.

— Іудеи, не всѣ, а ихъ жрецы, которые убоялись Его силы на землѣ.

— Странно... Если Онъ былъ Богъ, то какъ же дался людямъ, чтобы они Его мучили?

— Для этого Онъ и сошелъ на землю, чтобы спасти родъ человѣческій.

— Это еще страннѣе! Если Онъ Богъ, то что Ему стоило спасти людей, не сходя съ неба?

На это Несторъ не нашелся, что отвѣчать.

— Такова была Его воля, — сказалъ онъ, самъ чувствуя, что отвѣтъ его слабъ.

— Не понимаю, не понимаю, — развелъ руками архонтъ.

Евдоксія, съ любовью глядя на сына, ловила каждое его слово, но понимала немного.

Всѣ молчали, и только молодежь изрѣдка занималась перестрѣлкой.

— Какое же главное ученіе этого Бога? — спросилъ, наконецъ, архонтъ.

— Онъ сказалъ: «любите ближняго, какъ самого себя», — отвѣчалъ Несторъ.

— Какъ же это? Какого ближняго?

— Каждаго человѣка.

— Даже послѣдняго негодяя? Это невозможно!

— Онъ велитъ любить даже враговъ своихъ и молиться за нихъ.

— О, боги! — воскликнулъ Пиладъ.—Это чудовищно! Такъ мы должны любить гунновъ и молиться за нихъ! А они бы насъ всѣхъ перебили... Напрасно мы не отворили имъ ворота нашего города... Вотъ такъ ученіе!

Даже Евдоксія, при всей своей вѣрѣ въ сына, сомнительно качала головой. И лишь Аполлоній сидѣлъ, глубоко задумавшись, онъ зналъ сына, зналъ его логическій, послѣдовательный умъ и недоумѣвалъ.

Несторъ, видимо, волновался... Ученіе Христа считаютъ абсурдомъ!.. Онъ этого не потерпитъ!

— Христосъ сказалъ даже,—горячо заговорилъ онъ, вставъ съ мѣста, — если у тебя попросятъ хитонъ, то отдай и тунику! Мало того! Онъ сказалъ, если тебя ударятъ въ щеку, то подставь для удара и другую!

— О, боги! — вскочилъ и Пиладъ. — Напрасно же мы не раздѣлись догола, не отдали гуннамъ и аланамъ всѣхъ нашихъ хитоновъ и туникъ, не подставили имъ свои щеки, которыхъ они, конечно, не тронули бы, а просто перекололи бы всѣхъ насъ своими мечами, какъ барановъ! И это ученіе увлекло тебя, бѣдный Несторъ! Истину сказали древніе: Когда демонъ желаетъ человѣку зла, онъ прежде всего отнимаетъ у него разумъ, которымъ тотъ руководствуется.

— Да, правда! — отозвался и Орестъ, желая щегольнуть своими знаніями:

— Quos vult perdere Jupiter, dementat.

— Дѣйствительно, странное ученіе! — заключилъ архонтъ.

— Непостижимо! — вздохнулъ Аполлоній.

XVIII. «Мраморъ и бронза—ихъ боги!»

Аполлоній не успокоился на этомъ.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ на другой день, — я много думалъ надъ тѣмъ, что сказалъ ты намъ вчера объ ученіи, которому ты послѣдовалъ. Непостижимо оно для моего ума. Можетъ быть, то, что мы слышали отъ тебя, обставлено въ этой книгѣ (Аполлоній указалъ на евангеліе) такими поясненіями, которыя можетъ принять мой разумъ: но такъ, голословно, я не постигаю.

— Батюшка, — горячо отозвался Несторъ, — прочтемъ съ тобой всю эту святую книгу, и ты уразумѣешь все и увѣруешь!

— Хорошо. Ты говоришь, что Богъ сошелъ на землю...

— Не Самъ Богъ, Господь Саваоѳъ, а Онъ послалъ на землю Сына Своего.

— Кто же супруга у Него, которая родила Ему Сына... У нашего Зевса супруга и сестра — Гера. А у Него?

— У Него нѣтъ супруги, батюшка.

— Странно! Откуда же у Него Сынъ?

— Слушай, отецъ, — говорилъ Несторъ. — Господь Богъ, соболѣзнуя о людяхъ и ихъ прегрѣшеніяхъ, послалъ на землю Духа Своего, Себя же, и отъ Него зачала непорочная Дѣва Марія и родила Сына Божія.

— Такъ, это я понимаю, — сказалъ Аполлоній. — Нашъ Зевсъ тоже сходилъ на землю, то въ образѣ лебедя, то въ образѣ быка. Отъ Зевса-лебедя зачала Леда, супруга спартанскаго царя Тиндарея, и родила изъ яица близнецовъ Кастора и Поллукса, какъ тебѣ хорошо извѣстно.

— Знаю, отецъ, а Европу онъ соблазнилъ, явившись къ ней въ образѣ красиваго быка.

— Такъ. И отъ этой непорочной Дѣвы родился сынъ?

— Да, и названъ былъ Іисусомъ, что значитъ—Спаситель міра. И прожилъ Онъ на землѣ болѣе тридцати лѣтъ, поучая людей. А Его за это іудейскіе жрецы убили, распяли на крестѣ, какъ разбойника.

— О, вѣчные боги! — воскликнулъ Аполлоній. — Это все равно, что мы убили бы Зевса-громовержца!

— О, отецъ! Прочитаемъ же эту книгу!—умолялъ Несторъ.

Аполоній въ задумчивости сталъ перелистывать евангеліе и остановился на одной страницѣ.

— Вотъ какъ это хорошо сказано! — проговорилъ онъ тихо. — «Всякому, просящему у тебя, давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ»... Какъ хорошо! Точно у нашего Сократа.

Онъ читалъ дальше.

— Вотъ еще, какая глубина мысли, и въ то же время простота! «И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними». Какая мудрость!

Развернулъ въ другомъ мѣстѣ.

— Вотъ и это хорошо, — говорилъ онъ вслухъ. — «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ». Такъ, такъ! Хорошо и это. «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ». Такъ. Таковъ былъ и Сократъ... «Блаженны миротворцы»...

Въ глазахъ у Нестора стояли слезы радости.

— Это, батюшка, все Его слова, — говорилъ онъ взволнованно. — Надо всю эту книгу прочитать и вдуматься въ ея смыслъ, въ ея глубокія иносказанія, въ притчи. Это святая книга. Сколько въ ней глубочайшей мудрости при удивительной простотѣ изложенія и сколько трогательнаго! Вотъ хоть бы это...

Онъ сталъ перелистывать и остановился на главѣ второй евангелія отъ Луки.

— Вотъ хоть бы это — сказалъ онъ. — «Іисусу Христу было всего двѣнадцать лѣтъ. Слушай, отецъ. Каждый годъ родители Его ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. И когда Онъ, Іисусъ, былъ двѣнадцати лѣтъ, пришли они также, по обычаю, въ Іерусалимъ на праздникъ; когда же, по окончаніи дней праздника, возвращались, остался Отрокъ Іисусъ въ Іерусалимѣ; и не замѣтили того Іосифъ, мужъ Маріи, и Матерь Его; но думали, что Онъ идетъ съ другими; прошедши же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми: и не нашедши Его, возвратились въ Іерусалимъ, ища Его. Черезъ три дня нашли Его въ храмѣ, сидящаго посреди учителей, слушающаго ихъ и спрашивающаго ихъ: всѣ слушавшіе Его дивились разуму и отвѣтамъ Его. И увидѣвши Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! Что ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ, отецъ Твой и Я съ великою скорбью искали Тебя. Онъ сказалъ

имъ: зачѣмъ было вамъ искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?»

Несторъ остановился и посмотрѣлъ на отца.

— Понимаешь? Это двѣнадцатилѣтній Малютка... Ученѣйшіе жрецы храма, священники, дивились разуму Его и отвѣтамъ, — говорилъ онъ восторженно.

— Не удивительно, если Онъ былъ Богъ, — согласился Аполлоній.

— Но какъ Онъ умиралъ! — продолжалъ Несторъ.

— Какъ же Онъ могъ умереть, если Онъ былъ Богъ? — спросилъ Аполлоній.

— Да Онъ затѣмъ и пришелъ на землю, чтобъ умереть и мучительною смертью спасти родъ человѣческій.

Несторъ остановился на двадцать третьей главѣ евангелія отъ Луки.

Слушай. — «И когда пришли на мѣсто, называемое Лобное, тамъ и распяли Его и злодѣевъ, одного по правую, а другого по лѣвую сторону. Іисусъ же говорилъ: Отче! Прости имъ, ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ... И стоялъ народъ и смотрѣлъ. Насмѣхались же вмѣстѣ съ ними и начальники, говоря: другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя Самого, если онъ Христосъ, избранникъ Божій. Также и воины ругались надъ Нимъ, подходя и поднося Ему уксусъ говоря: если Ты Царь Іудейскій, спаси Себя Самого... Одинъ изъ повѣшенныхъ злодѣевъ злословилъ Его и говорилъ: Если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ. Другой же, напротивъ, унималъ его и говорилъ: или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же. И мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ. И сказалъ Іисусу: помяни меня, Господи, когда пріидеши во Царствіе Твое! И сказалъ ему Іисусъ: истинно говорю тебѣ нынѣ же будешь со Мною въ раю».

— Развѣ это не трогательно?

— Да, это удивительно, если Онъ былъ Богъ, — согласился Аполлоній.

И онъ глубоко задумался.

— Когда же, — спросилъ онъ, помолчавъ, — ты думаешь раздавать бѣднымъ твою часть имѣнія?

— Чѣмъ скорѣй, батюшка, тѣмъ лучше. Душу мою гнететъ

то, что у меня избытокъ всего, когда другіе нуждаются. Я видѣлъ въ городѣ ужасающую нищету.

— Хорошо, сынъ мой, я теперь же распоряжусь сдѣлать подробную опись всему, что мы имѣемъ, товары въ складахъ на Темерникѣ, табуны лошадей, стада крупнаго и мелкаго скота, товары въ городскихъ магазинахъ, все, что имѣется въ нашемъ домѣ, и мои денежныя суммы, все это должно войти въ опись. Двѣ части всего я оставлю Оресту и Ифигеніи, а третью бери ты и раздавай.

Растроганный энтузіастъ упалъ отцу въ ноги.

— Батюшка, батюшка! Приди и ты къ моему Богу, — молилъ онъ.

— Встань, — сказалъ со слезами на глазахъ Аполлоній, — и обними меня.

Въ то время, когда производилась подробная опись огромному состоянію танаисскаго богача, Аполлоній просилъ архонта произвести, съ помощью городскихъ агентовъ, обстоятельную перепись бѣднѣйшаго населенія Танаиса. Въ эту перепись должны были войти семейное положеніе бѣдныхъ обывателей, число дѣтей и ихъ лѣта, равно лѣта самихъ родителей, а также ихъ годичный и дневной заработокъ. При этомъ агенты должны были объявить обывателямъ, для какой цѣли будетъ производиться перепись, именно съ благотворительной цѣлью, чтобы обыватели охотнѣе давали о себѣ показанія, такъ, чтобы показанія ихъ о имущественномъ состояніи каждой семьи могли быть повѣрены опросомъ ближайшихъ сосѣдей и знакомыхъ.

Опись имуществу Аполлонія и перепись бѣднаго населенія Танаиса должны были занять не мало времени.

— Переписчики не даромъ будутъ трудиться для меня, — сказалъ Аполлоній архонту, — я каждому изъ нихъ дамъ хорошее вознагражденіе.

— О, благородный другъ, — говорилъ архонтъ, — твое великодушіе и щедрость безграничны. Вѣчные боги оцѣнятъ твой поступокъ.

— Боги вѣдаютъ, что я наживалъ богатства при помощи добрыхъ людей, и передъ лицомъ боговъ, я обязанъ вознаградить ихъ, — сказалъ Аполлоній.

— Но не всякій это сдѣлалъ бы,—замѣтилъ архонтъ.

Слушая этотъ разговоръ отца съ архонтомъ, Несторъ сказалъ:

— Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ: «Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся».

— Такъ-то такъ, — замѣтилъ архонтъ, — но тѣ, которымъ ты, дорогой Несторъ, хочешь раздать твое имущество, даже не просятъ тебя объ этомъ.

— О, благородный Периклъ. Такъ повелѣлъ Онъ, — сказалъ Несторъ.

— Кто Онъ?

— Тотъ, Кто сказалъ: «Богъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ».

— Глубокая истина!—покачалъ головою Аполлоній.

— Да,—согласился архонтъ,—наши боги ничего подобнаго не говорили намъ.

— Но развѣ мраморъ и бронза могутъ говорить?—улыбнулся Несторъ.

— Я разумѣю боговъ Олимпа,—пояснилъ архонтъ.

— А развѣ они говорили людямъ что-нибудь?—спросилъ Несторъ.

Архонтъ не нашелся, что отвѣчать. Его выручилъ Аполлоній.

— Говорили, сынъ мой,—сказалъ онъ.

— Когда и кому, отецъ?

— Многимъ, когда ихъ вопрошали, черезъ дельфійскій оракулъ.

— О, да! Они отвѣчали смертнымъ,—поправился архонтъ.

— Точно, отвѣчали; но какъ?

— Устами пиѳій.

— Безсмысленнымъ бормотаньемъ этихъ опьяненныхъ одуряющими парами старухъ?—пожалъ плечами Несторъ.

— Ихъ устами говорилъ самъ свѣтоносный Геліосъ.

— О, бѣдные, бѣдные! Мраморъ и бронза—ихъ боги!—махнулъ рукой Несторъ и замолчалъ.

XIX. Сомнѣнія и колебанія.

Пока шла опись имущества Аполлонія, и продолжалась перепись бѣднѣйшаго населенія Танаиса, Несторъ старался познакомить свою семью съ сущностью ученія Христа и каждый день читалъ своимъ одну главу евангелія за другой. Всѣ слушали чтеніе внимательно. Обожая своего первенца, Евдоксія уже заранѣе готова была вѣрить всему, что узнаетъ отъ сына. Аполлоній и Орестъ часто перебивали чтеніе замѣчаніями, вопросами, спорами.

Хотя Ифигенія и видѣла симпатичныя стороны новаго ученія, но она, такая чуткая ко всѣму таинственному, не могла никакъ отрѣшиться отъ того, во что вѣрила съ дѣтства и безъ чего вся природа, весь міръ казались ей мертвой пустыней, явленіями безъ смысла, безъ жизни...

— Ахъ, Несторъ, я не могу жить безъ того, что утѣшало, радовало и пугало меня съ дѣтства, и чему ты самъ вѣрилъ, расказывая мнѣ, маленькой, о дріадахъ, которыми полны лѣса, о пятидесяти дочеряхъ Нерея, сына Понта и Геи,—говорила она.—Я и теперь, когда купаюсь въ морѣ или въ Танаисѣ, такъ я думаю, что около меня невидимо плещутся прелестныя нереиды. А океаниды, дочери Океана, которыя облегчали страданія прикованаго Прометея. Ты не знаешь, милый братъ, какъ я плакала, когда у насъ здѣсь давали на сценѣ «Прикованнаго Прометея» Эсхила!

— Да, она заливалась, бѣдненькая, почти весь вечеръ,—сказала Евдоксія.

— А кроткая Селена, когда полный ликъ ея плыветъ по полуночному небу, и когда такъ сладко думается при свѣтѣ этой богини,—продолжала Ифигенія.

— Милая дѣвочка!—улыбнулся Несторъ.—Да новое ученіе не отниметъ у тебя ни Селены, ни даже дріадъ и нереидъ съ океанидами. Все это только поэтическія созданія, поэтическія представленія, гораздо менѣе реальныя, чѣмъ Гекторъ и Андромаха, Пріамъ и Кассандра, Ахиллъ и Агамемнонъ.

— А Артемида, дочь Зевса? Ты самъ когда-то любовался ея прекраснымъ ликомъ въ ея храмѣ... А Ніобея, оплакивающая

своихъ дѣтей, Ніобея, окаменѣлая, у которой слезы и теперь льются изъ каменныхъ очей!.. И ты все это хочешь отнять у меня, у насъ!

— Не отниму, не отниму, дѣвочка, а только ты проникнись новымъ ученіемъ, какъ проникся я.

— И скрыться въ грязной пещерѣ, одѣться въ овчины!

— Нѣтъ и нѣтъ!

— Питаться одними окунями!

Чѣмъ дальше продолжалось чтеніе евангелія, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушали всѣ. Особенно страданія Христа произвели на слушателей тяжелое впечатлѣніе.

— О, вѣчные боги!—всплеснула руками Ифигенія.—И вы допустили это, безжалостные!

— Но Христосъ затѣмъ и пришелъ на землю, чтобы пострадать за всѣхъ насъ,—успокаивалъ ее Несторъ.

— А какая добрая эта жена Пилата! Какъ ее звали?

— Ея имени нѣтъ въ этой книгѣ.

— А этого разбойника, этого гунна, Варраву, предпочли Ему, доброму, кроткому!

— Слушай, дѣвочка, не мѣшай, — сказалъ ласково Аполлоній.

Но когда Несторъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о воскресеніи Христа, Ифигенія не удержалась и воскликнула:

— Слава богамъ! Завтра же принесу жертву милостивой супругѣ Зевса

— Ахъ, какъ ты все путаешь, дѣвочка!—сказалъ Аполлоній.

— Да она у насъ дурочка,—улыбнулся Орестъ.

— Ужъ ты уменъ, римляшинъ!

— Не ссорьтесь, дѣти,—остановила ихъ мать.

— А Іуда-предатель? И какъ у него поднялась рука на такого кроткаго!—волновалась Ифигенія.

— Ну, и Петръ, отрекся, испугался,—замѣтила Евдоксія.

— Но тутъ всего хуже поступилъ Пилатъ,—сказалъ Орестъ.

— Римлянинъ, что жъ ты хочешь! Только бы ему выслужиться,—въ свою очередь сказалъ Аполлоній.

— Вотъ и этихъ женщинъ я полюбила, что искали Его въ саду,—продолжала свои замѣчанія Ифигенія.

— У женщинъ всегда сердце отзывчивѣе,—замѣтила Евдоксія.

— А Иродіада? Отзывчивое сердце!—улыбнулся Орестъ.

— Что жъ! И женщины бываютъ злыя,—сказала Евдоксія.

— А наши Горгоны, наша Медуза, — мимоходомъ кинула Ифигенія.

— Горгоны—не мы, не смертныя женщины, а небожители; Иродіада же смертная, да еще царица,—сказалъ Орестъ.

— Не лучше ея и супругъ, Иродъ, за пляску—голову такого человѣка, какъ Іоаннъ,—добавилъ Аполлоній.—Жестокіе люди! Не люди, а звѣри.

Чтенія эти и сужденія о прочитанномъ продолжались день-за-день, и содержимое евангелія, вся жизнь Христа, Его ученія и дѣянія, все это глубже и глубже проникало въ души слушателей, потомковъ древнихъ эллиновъ, которые сами создали своихъ боговъ, олицетворяя въ нихъ таинственныя силы и явленія видимой природы.

Нѣтъ Зевса, нѣтъ Селены, ликъ которой гунны уничтожили въ ея рощѣ, гдѣ еще недавно Ифигеніи казалось, что она видитъ между деревьями прячущагося рогатаго и козлоногаго бога Пана! А развѣ не Поссейдонъ волнуетъ Меотійское море? А какъ же Христосъ ходилъ по морю, не боясь трезубца этого могучаго бога?

И сына троянскаго царя Тросса, красавца Ганимеда, взятаго за красоту на Олимпъ и сдѣлавшагося виночерпіемъ Зевса,—говоритъ Несторъ,—нѣтъ и не бывало... Какъ же это такъ? А у ногъ его всегда изображается орелъ Зевса. И орла, терзавшаго Прометея, говоритъ, нѣтъ и не бывало... На этого орла Ифигенія сердита за Прометея... И Эсхила не было? Нѣтъ, Эсхилъ былъ, и его трагедіи Ифигенія сама читала послѣ того, какъ отецъ выписалъ ей изъ Аѳинъ сочиненія Эсхила. Аристофана она не любитъ: онъ такъ смѣется надъ женщинами.

Аѳина-Паллада, что родилась прямо изъ головы Зевса... Какъ же это такъ? Изъ головы родиться... Ифигенія кое-что слыхала объ этомъ отъ Антигоны... Люди, какъ и боги, не родятся изъ мужчинъ, да еще изъ головы... Нѣтъ, нѣтъ! А Афродита родилась изъ пѣны морской... Какъ изъ пѣны?.. Ифигенія спрашивала объ этомъ Нестора, но тотъ говоритъ, что дѣвушкѣ этого знать не слѣдуетъ... Почему?.. Еще хуже, говоритъ, рожденіе Кастора и Поллукса изъ яйца Леды отъ лебедя... Откуда у

Леды, спартанской царицы, яйцо лебедя? И какъ изъ яйца лебедя могли родиться боги?..

Все это путалось въ головѣ Ифитенія, разъ въ нее запали сомнѣнія...

Несторъ говоритъ, что если бы существовалъ Зевсъ и продѣлывалъ то, что ему приписываютъ, то его, какъ бѣшеную собаку, побили бы люди камнями, когда бы онъ сошелъ на землю... А что онъ продѣлывалъ?.. Да, да, съ Ледой и съ Европой. На это ей намекалъ центуріонъ, когда говорилъ, что онъ христіанинъ и что эллинскіе боги—просто выдуманные людьми идолы...

А Христосъ?.. Когда въ пустынѣ сатана предлагалъ отдать въ его власть всѣ царства земныя, и то Онъ сказалъ искусителю: «иди прочь сатана!»

Голова у бѣдной дѣвочки кружилась отъ сомнѣній... Вѣрить всему, о чемъ читалъ Несторъ?.. Да, да, вѣрить!

— И каково же было бѣдной Маріи видѣть на крестѣ Своего Сына!—заключила мать Ифигеніи свои размышленія о прочитанномъ Несторомъ.

Какъ-то разъ, слушая чтеніе евангелія, Аполлоній сказалъ:

— Ты знаешь, Несторъ, что въ Аѳинахъ я въ молодости учился эллинской мудрости и видѣлъ тамъ ужасныя мерзости христіанъ.

— Какія мерзости?—спросилъ Несторъ.

— Аѳины, площади Аѳинъ и храмы съ самой глубокой древности были украшены статуями, изображеніями боговъ, созданными скульптурнымъ творчествомъ величайшихъ геніевъ, какъ Фидій, Пракситель, и хранимыми городомъ, какъ святыни. И вообрази! Христіане ихъ разрушали, уродовали эти дивные памятники искусствъ, отбивали имъ носы, руки... Это, говорили они, идолы... Хорошо ли это?

— Да, и я этого не одобряю,—отвѣчалъ Несторъ.—Христа возмущало всякое насиліе.

— То-то... Хорошо, что у насъ въ Танаисѣ нѣтъ христіанъ, а то они, пожалуй, разрушили бы и наши изображенія боговъ, которыми такъ гордится Танаисъ передъ Фанагоріей, гдѣ когда-то были чудныя изображенія боговъ, но бывшій царь Понта Евксинскаго и Босфора Киммерійскаго, Митридатъ Великій, въ припадкѣ безумія уничтожилъ ихъ...

— Да знаю... Это когда сынъ его Фарнакъ измѣнилъ ему

и, взявъ Пантикапею, напалъ на Фанагорію, гдѣ укрылся Митридатъ съ семействомъ.

— Да, да... А у насъ всѣ изображенія боговъ цѣлы.

— Повторяю, отецъ, намъ нечего бояться за наши прекрасныя статуи. Противъ нихъ только христіанскіе изувѣры, фанатики. Въ бытность мою въ Пантикапеѣ я читалъ исторію Ирода, царя іудейскаго, при которомъ родился Христосъ. Этотъ Иродъ соорудилъ множество храмовъ и украсилъ статуями. И что же! Христосъ, видя эти статуи, никогда не оказывалъ противъ нихъ враждебности. Единственно, противъ кого Онъ проявилъ гнѣвъ, это противъ торгашей...

— Но вѣдь и я торгашъ, купецъ,—улыбнулся Аполлоній.

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ былъ только противъ торгашей, которые устроили рынокъ въ храмѣ, въ святилищѣ Бога.

На этомъ разговоръ прекратился.

XX. Крещеніе танаидянъ.

Опись имущества Аполлонія и перепись бѣднѣйшаго населенія Танаиса были, наконецъ, окончены, и списки представлены Аполлонію.

Обстоятельно разсмотрѣвъ ихъ, Аполлоній сказалъ Нестору:

— Теперь займемся распредѣленіемъ, кому и что ты дашь изъ своей доли.

И они занялись этимъ довольно сложнымъ дѣломъ, кому дать скотомъ, кому товарами, кому деньгами, а кому и первымъ, и вторымъ, и третьимъ.

— Себѣ же ты хоть что-нибудь оставь,—сказалъ Аполлоній.

— Нѣтъ, отецъ,—былъ рѣшительный отвѣтъ, — Христосъ прямо сказалъ: «раздай»... Я и раздамъ, а самъ стану опять ловить окуней и питаться ими.

— Нѣтъ,—засмѣялся Аполлоній,—такъ какъ ты, раздавъ все, останешься нищимъ, то я и буду кормить тебя, чтобы хоть этимъ заслужить благоволеніе твоего Бога.

Рѣшено было раздѣлить всѣхъ нуждающихся на нѣсколько небольшихъ группъ и вызывать ихъ по-очереди на дворъ Аполлонія, тѣмъ болѣе, что наступила теплая весенняя пора, и на дворѣ удобно будетъ раздавать пособія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и проповѣдывать евангельское ученіе, что давно уже лелѣялъ въ

душѣ Несторъ. Онъ зналъ, что первыми учениками и послѣдователями Христа были исключительно бѣдняки и нищіе, а отнюдь не богачи.

Рѣшено было также пособіе деньгами выдавать тутъ же, на руки, а для полученія пособія скотомъ и товарами выдавать отдѣльныя нотатки, кому чего и сколько, это и должно быть обозначено на каждой нотаткѣ.

И раздача началась.

Когда на дворѣ собралась первая партія бѣдняковъ, которыхъ наканунѣ извѣстили о раздачѣ пособій, вся семья Аполлонія вышла къ собравшимся и привѣтствовала ихъ.

Тогда Аполлоній сталъ по списку вызывать явившихся и объявлять, сколько кому назначено выдать деньгами и сколько скотомъ и товарами. Деньги выдавались тутъ же, вмѣстѣ съ нотатками для полученія другихъ пособій.

Когда раздача кончилась, и получившимъ пособіе было объявлено, чтобы они подождали уходить, молодой проповѣдникъ началъ свое поученіе.

Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ и съ такою искренностью, что слушатели, уже заранѣе подкупленные пособіемъ, внимали ему съ сердечной готовностью и каждое его слово слагали въ душѣ своей, какъ святыню.

— Это не я даю вамъ, — говорилъ, между прочимъ, Несторъ,—а Богъ, пославшій меня къ вамъ и повелѣвшій мнѣ проповѣдовать слово Его.

— Должно быть, это лучшій и добрѣйшій изъ боговъ, если Онъ Самъ велѣлъ отыскать насъ, бѣдныхъ и несчастныхъ, и подать намъ помощь,—говорили между собой получившіе первое пособіе.—Наши боги никогда ничего подобнаго не дѣлали. Хвала же его щедрому и доброму Богу!

Затѣмъ призывались для полученія пособій другая партія, третья и т. д., и всѣ получали таковыя вмѣстѣ съ поученіями.

И пошелъ по городу говоръ о благодѣяніяхъ старшаго сына Аполлонія, и слава его росла съ каждымъ, положительно, днемъ. Къ нему приходили вновь и тѣ, которые уже получили пособія, но только затѣмъ, чтобы послушать его проповѣди. Приходили даже и зажиточные граждане, но не за пособіемъ, а ради поученій Нестора.

Хотя жрецы Танаиса и негодовали въ душѣ на сына Аполло-

нія и на него самого за то, что облагодѣтельствованные Несторомъ бѣдняки оказывали имъ менѣе почтенія, чѣмъ прежде, но проявить этого негодованія не смѣли, помня строгій эдиктъ императора Юліана о воспрещеніи всякихъ религіозныхъ гоненій и распрей.

Такъ продолжалось почти все лѣто

Евангеліе было прочитано и въ семьѣ архонта, и тамъ оно возбудило сомнѣнія по отношенію къ старымъ богамъ.

Но вотъ, однажды утромъ, семья Аполлонія, находившаяся на галлереѣ, увидѣла быстро летѣвшаго съ моря голубя, который, влетѣвъ во дворъ, тотчасъ же сѣлъ на карнизѣ голубятни.

— Это вѣстникъ,—сказалъ Несторъ и поспѣшилъ на голубятню.

Голубь, дѣйствительно, оказался вѣстникомъ.

На одномъ изъ перьевъ праваго крыла его Несторъ нашелъ записку. Записка гласила:

«Завтра въ Танаисъ прибудетъ изъ Синопа епископъ Θеогностъ». Подъ запиской стояло: «Смиренный Хрисанфъ».

Несторъ показалъ записку отцу.

— Это вѣстникъ изъ Пантикапеи?—спросилъ послѣдній.

— Изъ Пантикапеи, отецъ,—отвѣчалъ Несторъ.

— Какъ же нашъ голубь попалъ туда?

— Когда твой корабль отправлялся въ Понтъ съ товарами, я и послалъ съ кормщикомъ этого голубя къ Хрисанфу, на всякій случай.

Всѣ недоумѣвали, зачѣмъ синопскому епископу понадобилось посѣтить Танаисъ, языческій городъ.

Оказалось, что Θеогностъ объѣзжалъ свою епархію, къ которой, хотя почти номинально, принадлежали города Пантикапея, Фанагорія и Танаисъ.

Дѣйствительно, на другой день, утромъ, на горизонтѣ Меотійскаго моря показался корабль, державшій курсъ къ Танаису.

— Надо встрѣтить епископа, какъ подобаетъ его высокому сану,—сказалъ Несторъ.—Я извѣщу объ этомъ архонта.

И Θеогностъ былъ встрѣченъ архонтомъ и другими властями города. Съ епископомъ прибыли два священника, а также хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Едва Θеогностъ сошелъ на берегъ и осѣнилъ крестомъ собравшихся, какъ Несторъ подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Ты Христовой вѣры, сынъ мой?—спросилъ священникъ.

— Христіанинъ, владыко, хотя и не сподобился еще крещенія, за неимѣніемъ въ Танаисѣ служителей Господа нашего Іисуса Христа,—отвѣчалъ Несторъ.

Епископъ благословилъ его.

— Отъ меня получишь крещеніе, сынъ мой, — сказалъ онъ.—А прочіе, находящіеся здѣсь, язычники?

— Не всѣ, владыко... Многіе, блуждавшіе доселѣ во тьмѣ, уже увидѣли истинный свѣтъ, но также не крещены.

— Объ этомъ, сынъ мой, будетъ моя забота,—протоворилъ епископъ и, будучи приглашенъ архонтомъ, прослѣдовалъ въ его домъ вмѣстѣ съ причтомъ и пѣвчими.

Танаисскіе жрецы стояли въ сторонѣ, съ тайной злобой взирая на Ѳеогноста.

— Что дѣлать!.. Надо покориться власти, — со вздохомъ сказалъ верховный великій жрецъ.—Такъ судили вѣчные боги.

— И императоръ Юліанъ,—прошепталъ другой служитель Артемиды.

— Хотя самъ и обратился къ истиннымъ богамъ Эллады,—проговорилъ третій,—но распри и преслѣдованія отпавшихъ отъ древнихъ боговъ воспретилъ подъ угрозою казней.

Въ домѣ архонта пѣвчіе пропѣли епископу «Испола эти, деспота!..» и другія молитвы.

Стройное, прекрасное пѣніе такъ очаровало всю семью Перикла, что, уже подготовленные Несторомъ, они въ душѣ были христіанами, а теперь страстно захотѣли быть причисленными къ паствѣ Ѳеогноста и крещенными.

Это и высказалъ архонтъ епископу.

— Я радъ этому, благородный мужъ,—сказалъ Ѳеогностъ.—Сегодня же оповѣсти въ городѣ: можетъ быть, и другіе, кто-нибудь, захотятъ принять священное крещеніе водою и Духомъ Святымъ.

— Многіе пожелаютъ, владыко, всѣ бѣдные города, которыхъ облагодѣтельствовалъ сынъ здѣшняго богача Аполлонія, Несторъ, который сегодня подходилъ къ тебѣ подъ благословеніе.

— Чѣмъ же онъ ихъ облагодѣтельствовалъ? — спросилъ Ѳеогностъ.

— Раздалъ имъ всѣ свои богатства.

— По слову Христову,—радостно сказалъ епископъ.—Бо-

гачъ... раздалъ имѣніе нищимъ... Онъ первый и внидетъ въ царствіе Божіе.

— Аминь!—сказалъ одинъ изъ священниковъ.

При этомъ епископъ сказалъ архонту, чтобы онъ, оповѣщая черезъ своихъ агентовъ и городскихъ стражниковъ всѣхъ желающихъ креститься, приказалъ агентамъ объявить, чтобы желающіе креститься завтра же явились на берегъ моря въ чистыхъ туникахъ.

— Когда мною будетъ освящена вода,—добавилъ онъ,—то всѣ должны войти въ море, какъ нѣкогда іудеи входили въ Іорданъ, когда ихъ крестилъ Іоаннъ, Христовъ Предтеча.

Все было исполнено, какъ того требовалъ Ѳеогностъ.

На другой день, утромъ, морской берегъ представлялъ необычное зрѣлище. Тысячи пришедшихъ креститься и желавшихъ просто посмотрѣть на невиданное зрѣлище точно усыпали весь берегъ.

Тутъ были и оба семейства, архонта и Аполлонія. Они ближе всѣхъ стояли около того мѣста на берегу, гдѣ поставлены были принесенные съ корабля аналой и столики, на которыхъ разложены были крестъ, евангеліе, церковныя книги, сосудъ для водосвятія и все для этого необходимое.

Ифигенія и Антигона съ ихъ матерями стояли рядомъ. На нихъ были длинныя бѣлоснѣжныя туники съ голубыми прошивками.

Всѣ хранили молчаніе. Даже нѣсколько болтливые друзья, Орестъ и Пиладъ, безмолвствовали, украдкой поглядывая одинъ на Антигону, другой на Ифигенію.

Только жрецы въ сторонѣ вели тихую бесѣду.

— Объ императорѣ слышно, что онъ одерживаетъ надъ персами побѣду за побѣдой.

— Великій Арей помогаетъ божественному Юліану.

— А эти,—жрецъ показалъ на приближавшихся къ аналою епископа и его причтъ,—эти называютъ нашего богоравнаго Юліана Отступникомъ.

— Еслибъ онъ зналъ!

Скоро началось водосвятіе. Стройное пѣніе хора разносилось далеко по берегу.

— Слышите? Ихъ Богъ крестился въ какомъ-то Іорданѣ.

— А что это за Іорданъ?

— Не знаю... Можетъ быть, море или рѣка.

— А что значитъ «креститься»?

— Купался, вотъ какъ эти собираются «креститься» въ морѣ.

— Точно стадо... Смѣшно.

— А вѣчные боги взираютъ на это съ Олимпа и не покараютъ богохульниковъ!

— Придетъ время, Зевсъ обрушится на нихъ громами.

Между тѣмъ вода въ сосудѣ была освящена съ погруженіемъ въ нее креста.

Взявъ сосудъ, епископъ вылилъ изъ него воду въ море и троекратно осѣнилъ море крестомъ передъ собою и направо, и налѣво, гдѣ толпились собравшіеся креститься.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — возгласилъ Ѳеогностъ.—Входите въ море, погружайтесь.

Первымъ вошелъ въ воду Несторъ. За нимъ—отецъ и мать.

Примѣру ихъ послѣдовали всѣ стоявшіе на берегу. Запѣнилось море отъ множества погрузившихся въ него человѣческихъ тѣлъ.

Такъ совершилось крещеніе Танаиса.

Ѳеогностъ недолго пробылъ въ этомъ городѣ.

Посвятивъ въ своей походной церкви Нестора въ священники, онъ отъѣхалъ въ Синопъ, соединивъ прежде двѣ пары любящихъ сердецъ.

Онъ властью епископа разрѣшилъ Оресту жениться на Антигонѣ, а Пиладу—на Ифигеніи и самъ обвѣнчалъ ихъ.

Архонтъ, обнимая на свадебномъ торжествѣ Нестора, громко воскликнулъ:

— Ты побѣдилъ!

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

I. Игрище Дидъ-Ладо и татарскій набѣгъ.

Въ тихій, свѣтлый лѣтній вечеръ, у села Карачарова, на берегу Оки, на лужайкѣ, называемой «дѣвичьимъ полемъ», совершается «игрище»: дѣвки и парни хороводъ водятъ.

Это было лѣтомъ 1376 года. Въ то далекое время народныя игрища совершались такъ же, какъ и въ настоящее время въ глухихъ захолустьяхъ русской земли, но только съ большею обрядностью и строгостью, словно бы это было нѣчто религіозное, торжественное, съ такими унаслѣдованными отъ старины пріемами, отступленіе отъ которыхъ казалось неумѣстнымъ, чѣмъ-то какъ бы грѣховнымъ. Въ этихъ игрищахъ и въ ихъ пріемахъ, и въ напѣвахъ пѣсенъ жила нетронутою та незапамятная старина, когда браки совершались посредствомъ «умыканія дѣвицъ у воды», на этихъ самыхъ игрищахъ, когда «молились подъ овиномъ», «кланяясь роду и рожаницѣ», пѣли пѣсни Перуну, и Дидъ-Ладѣ, и Дажбогу. Для этихъ обрядовыхъ игрищъ были особыя мѣста у селъ и городовъ, большею частью лужайки у воды, и назывались они «дѣвичьими полями», каковыя имѣлись около каждаго города и села.

Такое игрище совершалось въ одинъ лѣтній вечеръ 1376 г. у села Карачарова, у того знаменитаго села Карачарова, въ которомъ когда-то родился богатырь Илья Муромецъ.

Дѣвки въ бѣлыхъ сорочкахъ и понявахъ, а иныя, по дѣвственной наивности того наивнаго времени, въ однѣхъ срачицахъ и съ бусами или съ краснымъ шиповникомъ, вмѣсто бусъ на шеѣ, а парни въ рубахахъ и портахъ и босикомъ, точь-въ-очь, какъ изображены они еще въ видѣ «скиѳовъ» на Троя-

новой колоннѣ въ Римѣ и на куль-обской скиоской вазѣ, взявшись за руки и сплетаясь и расплетаясь, то сходясь плетнями, то разступаясь, ведутъ то «коло», то «конъ» и поютъ звонкими, здоровыми, чистыми, какъ у дѣтей, голосами величаніе таинственному Дидъ-Ладѣ.

Въ то время, когда молодежь творитъ игрище и оглашаетъ воздухъ величаніями невѣдомыхъ боговъ старины, старцы и пожилые мужи и жены сидятъ кто подъ своими избушками на заваленкахъ, кто на травѣ, кто подъ стариннымъ дубомъ, подъ которымъ когда-то совершались еще приношенія лѣшему и русалкамъ, сидятъ, любуются играми молодежи и говорятъ о старинѣ, о современныхъ порядкахъ, о татарщинѣ, объ «удѣльныхъ раздорахъ», «усобицахъ» и «розратьяхъ». Тутъ же и дѣти, и большею частью, бѣлоголовые, непремѣнно босые, часто совсѣмъ толенькіе, то, копаясь въ пескѣ, играютъ въ «татаръ», «темниковъ» и «баскаковъ», то «собираютъ дань великому князю», то «гонятъ въ орду полоняниковъ», большею частью дѣвочекъ.

А «коло» звенитъ молодыми голосами: парни, наступая лавой на дѣвокъ и хорохорясь, молодечествуя передъ ними, потряхивая русыми кудрями и притоптывая босыми, широкими, какъ у молодого медвѣдя, лапами, выкрикиваютъ:

А мы просо сѣяли, сѣяли
Ой Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли.

А дѣвки, держась за руки плетнемъ, задорно улыбаясь и поводя плечами и широкими, какъ квашни, бедрами, какъ бы нехотя уклоняются отъ парней и вызывающе вывизгиваютъ:

А мы просо вытравимъ, вытравимъ,
Ой Дидъ-Ладо, вытравимъ, вытравимъ.

— А Илья Муромецъ, поди, тоже, какъ молодымъ былъ, такъ здѣсь на игрищѣ игрывалъ.

Это говорила молодая, курносенькая, свѣтлоглазая бабенка, которая сидѣла на землѣ у заваленки и «искала» въ склоченной рыжей головѣ съ такою же бородою, лежавшей у нея на колѣняхъ.

Косматая голова повернулась бокомъ.

— Что баишь?—проговорила она спросонья.

— Я, чай, и Илья Муромецъ, баю, игрывалъ здѣся на

игрищѣ, какъ молодымъ былъ,—повторила бабенка, продолжая «искать» въ головѣ мужа.

— Что ты, дура баба! Илья, чай, тридцать и три года сидѣлъ сиднемъ сидячимъ, покуль не пришли къ ему калики перехожіе, и онъ не выпилъ съ ними ковша браги... Гдѣ жъ ему на игрищахъ было игрывать! — наставительно проговорила косматая рыжая голова.

— Ахъ, что-й-то я, дура! И забыла, Перунъ те бей!—спохватилась баба.

— Мама! Мама!—подскочила къ ней голенькая съ льняными волосками дѣвочка, лѣтъ пяти.—Добрынька велитъ мнѣ по-татарски молиться, кусту.

— Да онъ играетъ, онъ тебя нарокомъ въ полонъ взялъ,— успокаивала мать мнимую полонянку.

А голоса парней гудѣли въ «колѣ»:

А чѣмъ-ту вамъ вытравить, вытравить?
Ой Дидъ-Ладо, вытравить, вытравить!

А горластыя дѣвки перекрикиваютъ:

А мы коней запустимъ, запустимъ,
Ой Дидъ-Ладо, запустимъ, запустимъ!

— Я не хочу, мама, въ полонъ! — твердила бѣлоголовая дѣвочка.

— Ну, инъ не играй съ Добрынькой,—утѣшала ее мать,— играйте сами дѣвочки въ Ярилу.

Дѣвочка побѣжала къ сверстницамъ, радостно восклицая: «въ Ярилу! Въ Ярилу!»

— Ишь, дѣвка боится полону татарсково,—улыбнулся плечистый, рослый, молодой мужикъ съ огромной, словно браслетъ, мѣдной серьгой въ ухѣ, сидѣвшій тутъ же на заваленкѣ рядомъ съ сѣдымъ, какъ лунь, старикомъ.—А топерево татары-тѣ ужъ не то, что въ старину были, не больно страшны... Вонъ какъ въ тѣ поры мы ходили съ суждальскими да съ мижегородскими, да съ московскими дружины, подъ воеводой подъ князь Димитріемъ подъ Болынскіемъ, Казань городъ громить, такъ выпущали они, татаровя, на насъ громы-тѣ со стѣнъ, ужъ и перунили же гораздо собаки! Да выпущали на насъ велбудовъ стадо, страховиты таковы, съ горбами, шеи, что у гуся, либо у лебедя, ревутъ и са-

плютъ страхъ! А мы ну ихъ громить, ну громить и вогнали въ городъ-атъ, и князи ихъ, Гасанки да Махметки, намъ челомъ добили и окупъ большой дали.

— А мы коней выловимъ, выловимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выловимъ, выловимъ.
А чѣмъ-ту вамъ выловить, выловить?
Ой Дидъ-Ладо, выловить, выловить!
А мы уздомъ шолковымъ, шолковымъ,
Ой Дидъ-Ладо, шолковымъ, шолковымъ...

— Такъ-ту, такъ, Малютушка,—качалъ сѣдой головою старикъ, прислушиваясь къ звонкимъ голосамъ игрища, какъ парни хотятъ выловить коней «уздомъ шолковымъ»,—токмо коли бы у насъ, на Руси, не усобицы княжьи, коли бы Москва съ Тверью не которалася да суждальски князи съ рязанскими розратья не чинили да татаровей на насъ не водили... А то, что годъ, то насъ же и свои князи, и татаровя пустошатъ и бьютъ и въ полонъ продаютъ... Послѣдни времена настали...

— Что жъ, дѣдушко, коли въ стары времена лучше было?

— Не въ примѣръ... При покойномъ царѣ Озбякѣ насъ, русскихъ людей, никто не смѣлъ обижать: какъ онъ десять князей-ту нашихъ сказнилъ въ ордѣ, такъ наши-тѣ князи стали ниже травы, тише воды, да и дань-ту брали по-божески... А нонѣ съ насъ и рязанской князь кожу сдираетъ, и московской, и суждальской: станешь за Олега рязансково, Митрей московской зоритъ и пустошитъ, за суждальсково станешь, Пронской доѣзжаетъ... Пропадай они пропадомъ!

И старикъ, казалось, весь погрузился въ созерцаніе прошлаго, когда жилось лучше, когда и царь Озбякъ былъ могущественнѣе всѣхъ царей, и великіе князья были тише воды, ниже травы, и солнышко грѣло жарче молодыя кости, и небо было голубѣе, зелень зеленѣе... Онъ, казалось, и видѣлъ, и слышалъ это дорогое, незабываемое прошлое въ чужой молодости, вотъ въ этихъ звукахъ, что неслись съ игрища... Все, все измѣнилось; не измѣнились одни старыя игрища, не измѣнился голосъ величанія Дидъ-Лада, величанія, подъ которое когда-то и онъ, старъ-престаръ человѣкъ, скакалъ молодыми босыми ногами, выслѣживая свою зазнобушку, толстокосую и широкобедрую, въ одной, въ одной лишь срачицѣ лебедь бѣлую, младую Рогнѣдь-дѣвку, которая такъ же, какъ вотъ и эти дѣвки, своимъ лебединымъ гласомъ величала:

А мы дадимъ сто куницъ, то куницъ,
Ой Дидъ-Ладо, сто куницъ, сто куницъ!

А онъ, нынѣ старъ-престаръ человѣкъ, а тогда еще младъ, русокудръ Рогволодушко, своимъ зычныемъ голосомъ выгукивалъ своей Рогнѣдѣ-дѣвкѣ:

Не надоть намъ сто куницъ, сто куницъ,
Ой Дидъ-Ладо, сто куницъ, сто куницъ!

А она, Рогнѣдь-дѣвка, заплетаясь плетнемъ съ другими дѣвками, какъ свирѣль, свиристѣла:

А мы дадимъ семь вдовицъ, семь вдовицъ,
Ой Дидъ-Ладо, семь вдовицъ, семь вдовицъ!

А онъ, младъ Рогволодъ парень, съ прочими парнями отвѣтствовалъ:

Не надоть и ста вдовицъ, ста вдовицъ,
Ой Дидъ-Ладо, ста вдовицъ, ста вдовицъ!

Тогда Рогнѣдь-дѣвка, подымая на Рогволода свои глаза, эки были зенки съ поволокой, тихо выговаривала, маня къ себѣ Рогволода:

А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу, дѣвицу!

И Рогволодь, широко разставляя босыя лапищи, медвѣдемъ шелъ на Рогнѣдь и выговаривалъ:

Охъ надоть намъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу, дѣвицу!

Плетень дѣвичій и плетень изъ парней совсѣмъ переплетались, и слышались возгласы то мужскіе, гогочущіе, жеребячьи, то дѣвичьи-лебединые:

— А котору вамъ дѣвицу?—звенѣлъ лебединый голосокъ.

— Доброгнѣву! Доброгнѣву!—брало нѣсколько глотокъ.

— Прекрасу! Гориславу!—перекрикивали ихъ другія глотки.

— Верхуславу! Милолику! Вышеславу! — брали третьи, смотря по тому, какая кому дѣвка нравилась.

— Давай всѣхъ дѣвокъ! Мы ихъ всѣхъ...—завершалъ здоровенный голосище широплечаго, широколицаго, почти безъ профиля парня, который, раскрывъ мускулистыя руки и растопы-

ривъ толстые, какъ обрубки, пальцы, казалось, хотѣлъ заграбить подъ себя всѣхъ дѣвокъ.—Всѣхъ ихъ!..

— Любо! Любо! Ярополкъ правду говоритъ! Ай да Ярополкушко! Всѣхъ ихъ! Всѣхъ!—восторженно кричала вся мужская половина.

Но эти восторженные возгласы покрыты были мгновенно отчаянными, раздирательными криками дѣтей, которые, нѣсколько въ сторонѣ, на возлѣсьѣ, «играли въ татаръ и въ великихъ князей», заставляя меньшихъ ребятишекъ и дѣвочекъ кланяться «царю Мамаю», котораго изображалъ изъ себя босой и безъ штановъ Добрынька, шустрый черноголовый мальчуганъ, заставлявшій потомъ своихъ «улусниковъ» и полоняниковъ кланяться калиновому «кусту».

— Татары! Татары! — кричали не своимъ голосомъ дѣти, стремглавъ несясь отъ лѣсу къ селу, цѣпляясь другъ за дружку, падая и снова отчаянно голося.—Татары! Татаровя!

Дѣйствительно, изъ-за лѣсу показались характерныя шапки золотоордынцевъ, синеордынцевъ, ясовъ и черкесовъ съ саблями въ рукахъ и зубахъ, съ арканами и луками за плечами. Съ страшнымъ гикомъ и алалаканьемъ неслись они прямо на игрище, поднявъ высоко правыя руки съ арканами.

Какъ испуганное стадо, бросились врассыпную парни и дѣвки, послѣднія съ страшнымъ визгомъ, кто въ село, къ избамъ, кто мчался къ лѣсу, кто прямо бросался въ Оку и плылъ на ту сторону.

Началась дикая ловля полоняниковъ: кто скакалъ за убѣгающей дѣвкой, кто пускалъ арканъ во слѣдъ бѣгущему парню, и арканъ, описывая въ воздухѣ дугу и свистя, захлестывалъ шею бѣгущаго, и тотъ со всего размаху падалъ навзничь, вскидывая къ небу отчаянныя руки; иной уже тащился на арканѣ, какъ снопъ; другого страшная волосяная петля захлестнула въ водѣ и тащила къ берегу; тотъ отчаянно бился въ рѣкѣ и тонулъ; тамъ, то здѣсь извивалось на сѣдлѣ женское тѣло, болтались голыя ноги и руки, развивались по вѣтру распущенныя дѣвичьи косы, жалобно выли дѣтскіе и женскіе голоса, ревѣлъ скотъ, отгоняемый отъ села хищниками, голосили бабы, причитали старухи.

Зажженное съ разныхъ сторонъ Карачарово горѣло, какъ гигантская свѣча, словно бы силясь лизнуть голубое небо своими огненными языками.

Вихремъ налетѣвшіе хищники, вихремъ и исчезли... Оставшіеся цѣлыми и спасшіеся въ лѣсу, въ водѣ и по оврагамъ карачаровцы сходились къ пылающему селу, отчаянно ломая руки и тщетно разыскивая тѣхъ, которые еще такъ недавно величали милосердаго Дидъ-Ладу.

А тѣ, кого оставшіеся искали — Доброгнѣвы, Верхуславы, Гориславы, Прекрасы, Милолики, Переславы, Добрыни и Ярополки велись въ далекій, невѣдомый край, въ страшную, ненасытимую орду...

II. Царевичъ Арапша и пораженіе русскихъ при Пьянѣ-рѣкѣ.

Старый Рогволодъ, помнившій еще владычество надъ Русью грознаго царя Узбека, былъ отчасти правъ, говоря, что подъ прежними золотоордынскими царями Руси жилось легче, чѣмъ стало теперь, при Мамаѣ. Все это произошло, можно сказать, на глазахъ стараго Рогволода. Татары, а еще менѣе ихъ цари, сами никогда не вмѣшивались въ то, какимъ образомъ шла жизнь въ покоренныхъ ими «улусахъ» на святой Руси, и что дѣлали тамъ ихъ «улусники», великіе и малые князья въ своихъ удѣлахъ. Золотоордынскіе цари одно наблюдали, чтобы русскіе князья неукоснительно разъ въ годъ являлись въ ихъ ставку предъ свѣтлыя очи царя для поклона и для поднесенія разъ положенной дани. Но едва какой-нибудь изъ князей забывалъ свой долгъ передъ грознымъ властителемъ, какъ тотчасъ же изъ Орды являлись баскаки, темники и всякая темная сила и вооруженною рукою собирала дань, «взимала недоимку». Тѣмъ дѣло и кончалось. Но зло росло не въ Ордѣ, а въ нѣдрахъ самой русской земли. Царская власть, какую князья видѣли въ Ордѣ, стала прельщать и ослѣплять ихъ: имъ самимъ захотѣлось быть царями; а этого можно было достигнуть или утопивши другихъ удѣльныхъ князей клеветой передъ царемъ Кипчака, или подольстившись къ нему данью большею, чѣмъ давали другіе князья, другіе «улусники»...

И вотъ съ этихъ поръ, какъ замѣтилъ сѣдой Рогволодъ, «стала стонать русская земля». Князья ссорились между собой изъ-за удѣловъ, изъ-за болѣе крупныхъ ломтей русской земли, и ходили войною одинъ на другого, воевали такимъ образомъ

свою же, русскую землю, пустошили русскіе города и села. Грызясь другъ съ другомъ, они обирали свой народъ, какъ липку, лишь бы было чѣмъ выслужиться въ Ордѣ, поднести большій кушъ «владыкѣ владыкъ» и тѣмъ насолить князю сосѣду. Тверской князь грызся съ московскимъ, московскій съ рязанскимъ, рязанскій съ пронскимъ, но болѣе всѣхъ грызъ сосѣдей московскій, который забиралъ силу, понявъ ранѣе другихъ, что сила въ деньгахъ. А понявъ это, онъ сталъ собирать дани втрое больше того, что давалъ въ Ордѣ, а остальное копилъ на черный день...

Въ ту пору, съ которой начинается нашъ разсказъ, Москва уже богаче стала всѣхъ своихъ сопротивниковъ, и Твери, и Рязани, и Нижняго, и осилила всѣхъ ихъ, а Орда послѣ грознаго Узбека стала понемногу расшатываться. Москва это видѣла и иногда показывала самой Ордѣ, что не дастъ себя въ обиду. Мало того, Москва успѣла побывать подъ стѣнами Казани и тамъ показала свою силу. Это, по выраженію стараго Рогвольда, «Москва показала Ордѣ зубы»...

«Такъ надо эти зубы выбить», рѣшилъ Мамай, ставшій около этого времени царемъ въ Одрѣ и владыкою всей русской земли. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Самъ Мамай пока не двигался съ мѣста, а послалъ наказать своихъ «рабовъ и улусниковъ» царевича Арапшу, пришедшаго къ нему изъ Синей Орды съ толпою хищниковъ. Хищники разсѣялись небольшими партіями по окраинамъ рязанской, муромской и нижегородской земли. Лѣвымъ крыломъ они захватили Карачарово, Муромъ и съ добычею поворотили къ востоку, чтобы соединиться съ главными силами Арапши, двигавшимися по направленію къ Нижнему.

Вѣсть о нашествіи Арапши быстро пронеслась по нижегородской, суздальской и московской землямъ. Удѣльные князья этихъ областей поняли опасность и поспѣшили соединить свои рати, усиливъ ихъ свѣжими дружинами. Союзныя рати бодро шли навстрѣчу врагу, помня, что онѣ уже не разъ въ прежнихъ стычкахъ съ татарами «давали сдачи» своимъ бритоголовымъ господамъ, а недавно и подъ самою Казанью «ратоборственно утерли пота за русскую землю». Рати двигались на полдень, по направленію къ рѣкѣ Пьяной, которой не должны были миновать «толпища» Арапши, слѣдовавшія по возвышенному сырту отъ Волги, по сырту, составлявшему водораздѣлъ трехъ системъ рѣкъ,

Волги, Дона и Оки и представлявшему наименѣе трудныхъ переправъ черезъ рѣки, чего особенно не любили степные хищники. Къ московскимъ и суздальскимъ дружинамъ примкнули муромцы и карачаровцы, уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго набѣга лѣваго крыла «арапшатины», захватившей въ Карачаровѣ и въ Муромѣ не малый полонъ дѣвками, парнями и малыми дѣтьми. Захваченъ былъ и тотъ маленькій, босоногій, еще « не доросшій до портовъ» Добрынька, который на послѣднемъ игрищѣ изображалъ изъ себя «царя Мамая» и заставлялъ своихъ босоногихъ сверстниковъ и сверстницъ, якобы «великихъ князей», кланяться и себѣ, и калиновому «кусту», вызывая тѣмъ неудержимый плачъ маленькихъ дѣвочекъ, боявшихся, что въ кусту сидитъ «бука», самъ «дѣдушка лѣшій».

Русскія рати шли, по любимому тогдашнему выраженію, «аки борове»—словно лѣсъ, словно темный боръ, а не какъ ошибочно переводилъ это выраженіе покойный историкъ, высокочтимый Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ: «точно боровы, кабаны»... нѣтъ, словно темный боръ...

Рати перешли черезъ Пьяну рѣку: уже за «шеломянемъ» осталась русская земля. Начиналась земля мордовская. Наступалъ августъ, самая жаркая пора, послѣдніе знойные дни лѣта. Рати двигаются тихо, съ развалкою; да иначе нельзя, и невмоготу: солнце, поворотивъ съ лѣта на зиму и какъ бы прощаясь съ зеленью полей и луговъ, съ голубыми озерами и рѣками, съ красножелтыми песками изъ береговъ и яругъ, съ темною зеленью лѣсовъ, печетъ и маритъ невыносимо. Птицы, что еще кое-гдѣ покрикивали и звенѣли въ зелени дубравъ, отъ жару и упеки попрятались въ чащу и смолкли. Ратные кони, допекаемые жарой и удрученные тяжелыми боевыми доспѣхами, идутъ лѣниво, потряхивая головами и пофыркивая. И конникамъ жарко и душно: они ѣдутъ, разстегнувши всѣ петли, распахнувши охабни и сарафаны. Пѣшія рати, истомленныя упекой, идутъ вразбродъ, словно стада съ водопоевъ, раздѣтыя до рубахъ и портовъ, босикомъ и съ голыми большею частью руками: сулицы, копья, рогатины и стрѣлы съ луками и колчанами свалены въ обозъ, на телѣги, чтобы вольготнѣе было итти.

Гулъ, говоръ, ржаніе коней, да и то лѣнивое, скрипъ немазанныхъ телѣгъ, и надъ всѣмъ этимъ пыль клубами такъ и стоитъ, лѣниво клубясь, не будучи относима вѣтромъ... Вѣтру нѣтъ, и ему

жарко, и онъ усталъ дуть... Два-три стяга трепались въ воздухѣ, блестѣли золотомъ шитья бѣлыхъ княгининыхъ да боярышниныхъ ручекъ, да и тѣ уже не треплются, сложены въ обозъ.

— Привалъ бы ужъ, могуты нѣтъ, братцы, — слышатся усталые голоса.

— Вонъ тамотка, гдѣ борочекъ зеленъ, добро бы...

— Да и вода тамотка, братцы, ахъ!

— Да то Пьяна рѣка, чу, лукою излучилась.

Слышны рѣчи въ передовомъ полку. Имъ отвѣчаютъ на крыльяхъ вездѣ.

— Привалъ! Любо! Любо!

Все оживилось, куда и усталость дѣвалась! Лошади весело поднимали головы и ржали словно на перебой одна другой. Ратники бросились къ водѣ, набѣгу срывали съ себя рубахи, крестились и со всего размаху кидались въ воду. Крикъ, смѣхъ, плескъ воды, перебрасыванье шутками, стономъ стоналъ весь излучистый берегъ рѣчки, которая скоро совсѣмъ была запружена человѣческими тѣлами и, казалось, вышла изъ берега отъ этихъ массъ брошеннаго въ нее живого жаркаго человѣческаго мяса... Самая вода, казалось, нагрѣлась этими жаркими тѣлами и больше не холодила купающихся.

Выкупавшіеся спѣшили одѣваться, прыгая и валяясь по примятой травѣ. Кто потерялъ рубаху, кто искалъ порты. Путались одеждой, отнимали другъ у дружки: тотъ кричитъ: «не замай, мое!» Тотъ: «Анъ мои порты, мой гашникъ!» «Врешь! Моя рубаха!» Полетѣли въ воздухъ крѣпкія слова, какія и татарину «неудобь есть глаголати»... «Да ты не лайся! Не крѣпи словесами!» «Я не крѣплю! Я не песъ!» «Да мнѣ что! Да я тебя разтакъ!»...

— Стой, братіе, не лайся—усовѣщиваетъ товарищей старый воинъ, благочестивый, расчесывая мѣднымъ гребешкомъ мокрые волосы.—Аще который человѣкъ коего дни матерны излаетъ, и тово дни уста его кровію закипятъ злаго ради словесе и нечистаго ради смрада, исходящаго изъ устъ...

— Ну, пошелъ, святитель, плести «аще!»—смѣется молодежь.—Поучи татаровей, какъ придутъ, а то еще!..

— Аще, братіе, великое слово, не смѣйся надъ имъ, не лайся... Сія бо брань...

— Сказывай! Слышали...

— Се есть, братіе, брань несья; псомъ бо дано есть лаяти. А въ которое время человѣкъ матерное изластъ, и въ то время небо и земля потрясется о таковомъ словеси...

— Анъ вонъ, чу, не потряслась, какъ Микитка тебѣ загнулъ.

Къ привалу между тѣмъ подоспѣлъ и обозъ, нагруженный оружіемъ, сулицами, рогатинами, копьями, стрѣлами, красными, какъ огонь, щитами, провіантомъ, боченками съ пивомъ, медами, зеленымъ и не зеленымъ винами для князей и воеводъ. Цѣлый огромный таборъ образовался изъ обоза. Обозные распрягали лошадей, кричали, ругались, спѣша скорѣе выкупаться и выкупать лошадей. Шатровая прислуга разбивала наскоро шатры для военачальниковъ и бояръ, которые также, томимые жаромъ, плескались въ Пьяной, охлаждая свое боярское тѣло и выполаскивая свои бороды и головы отъ пыли и поту.

Изъ возовъ вытаскивались боченки съ прохладительными и горячительными напитками и подкатывались къ разбитымъ шатрамъ. Вынимались дорожные погребцы съ золотою и серебряною посудою для ѣды и питья, съ чарами, стопами, кубками, ендовами, братинами.

Скоро все союзное воинство начало утѣшаться брашнами и питіемъ. Простые ратники ѣли сухари и хлѣбъ, заѣдая лукомъ и огурцами, у кого таковые были, и запивая водой, брагой и зеленымъ виномъ. Бояре кушали кокурки, печеныя яйца, всевозможные копченые и соленые полотки гусиные, утиные и лебединые. Тотъ поѣдалъ копченаго куровя, тотъ баранью ногу, гложа прямо изъ рукъ, по-божески, и вытирая засаленные пальцы либо объ ширинки, либо прямо объ русы кудерюшки. Бояре кушали, распоясавшись, потому упека, Богъ теплынью пожаловалъ. Петли у рубахъ и охабней отстегнуты, вольготно такъ, хорошо. А меды пьяные такъ и пѣнятся въ рогахъ и чарахъ: рога и полныя братины переходятъ изъ рукъ въ руки, отъ однихъ жаркихъ устъ къ другимъ боярскимъ да княжескимъ устамъ. Хмѣль бьетъ въ голову, вызываетъ хороборство, похвальбу, засучиванье рукавовъ...

— Да мы-ста ихъ, кобыльихъ дѣтей! Мы имъ покажемъ, каковы суть нонѣ русичи хоробрые!—похвалялся молодой воевода, князь Иванъ Димитріевичъ, сынъ нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича, тестя московскаго великаго князя Димитрія Ивановича.

— Мы ихъ, кобылятниковъ, вспаримъ! Не то нынѣ времячко стало, что было, мы ихъ, конеядцевъ!—подбавлялъ жару московскій воевода, засучивая рукава и рыгая на всю княжескую ставку.

— Не устрашитъ нонѣ хоробрихъ русичей и самъ Мамашшко, песъ, а то на! Арапша, Арапшишко нѣкій, синеордянинъ... Мы нонѣ и на Золотую Орду плевать хотѣли!

— Намъ нонѣ подавай семерыхъ татаровей на единаго русича!

— Противу насъ никто! Никто же на ны! Съ нами самъ Гюрги-побѣдоносецъ, вотъ кто!

Въ сторонѣ отъ воеводскихъ и боярскихъ шатровъ, по берегу Пьяной, кучами сидѣли простые воины и также проклажались. Карачаровецъ Малюта разсказывалъ, какъ они съ воеводою, съ княземъ Димитріемъ Волынскимъ, Казань добывали, какъ при этомъ на нихъ «велбуды» ревѣли, и какъ они тѣхъ «велбудовъ» не испужались. Одинъ молодой воинъ, что звали Микиткой и что хитрецъ былъ всякое крѣпкое слово загнуть, сидѣлъ вмѣстѣ съ другими ратными подъ ракитовымъ кустомъ и лѣниво тянулъ, подперши щеку ладонью:

Ахти во Москвѣ у насъ, братцы, нездорово!
Заунывно въ большой колоколъ звонили...

— Полно выть!—перебивалъ его другой ратный.—И безъ твово вытья кручинно.

— Что кручинно? Или по бабѣ? Такъ не спѣть ли тебѣ про Чурилью-игуменью?

Кабы русая лига голову клонила,
Пошла то Чурилья къ заутрени,
Будто галицы летятъ, за ней старицы идутъ,
Съ молодымъ пономаремъ Иванушкою,
Молоды бѣлички съ дѣвьимъ старостою,
Что больно гораздъ былъ къ заутрени звонить...

— Тьфу ты, окаянный!—огрызался невеселый ратный.

— Такъ не ту завелъ? Не люба?—дразнилъ его Микитка.—Такъ може эту?

При старцѣ было при Макарьѣ,
Было беззаконство великое...
Старицы по кельямъ родильницы,
Черницы по дорогамъ разбойницы...

— А въ кое веремя кой человѣкъ что бологое поетъ, доброе, и въ оно веремя аньделъ ево радуетца, а бѣсъ плачетъ, а въ кое веремя человѣкъ той похабь поетъ, и въ то веремя аньделъ, крылышками закрывшись, плачетъ, а бѣсъ скачетъ и руками плещетъ,—ораторствовалъ старый благочестивый воинъ въ назиданіе младымъ игрецамъ.

А младой игрецъ, какъ бы на зло благочестивому, играя пальцами на губахъ, какъ на балалайкѣ, затянулъ еще болѣе разухабистую:

Отъ обѣдни да къ игумнѣ,
Отъ вечерни да въ харчевню,
Всякой день онъ напиваетца,
Въ кабакѣ пьяной валяетца...

— Ну, выходи, кто есть живъ человѣкъ! Подавай мнѣ татаровей поганыхъ! Всѣхъ зашибу! — хорохорился совсѣмъ уже опьянѣвшій суздалецъ, поплевывая въ ладоши и грозя невѣдомо кому.

— Такъ ихъ! Такъ жеребячьихъ сыновъ!—подзадоривалъ Микитка.

— Ай да богатырь! А да ратнище Игримище! Не спущай имъ, босымъ головамъ!

Вдругъ съ разныхъ сторонъ послышалось дикое, неистовое гиканье, точно бы неслись откуда-то цѣлыя стада взбѣсившихся звѣрей, собакъ и волковъ. Въ воздухѣ засвистали и завыли стрѣлы, зазвенѣло оружіе, заржали лошади. Облака пыли полузакрывали что-то страшное, темною тучею охватывавшее съ трехъ сторонъ растерявшіяся русскія рати.

— Арапша! Арапша! — пронеслись по всему стану испуганные крики.

Растерянные отъ неожиданности, обезумѣвшіе отъ страха, пьяные и непьяные, кидались воины къ обозу, ища своего оружія, спотыкаясь и падая. Испуганные кони неслись черезъ станъ къ рѣкѣ, опрокидывая все на пути, шатры, телѣги, боченки съ медами, мечущихся ратныхъ.

А стрѣлы напирающаго со всѣхъ сторонъ нежданнаго врага уже пронизывали шатры, впивались въ землю, сбивали листья съ деревьевъ, вонзались въ беззащитное тѣло русичей, ранили и доводили до бѣшенства коней...

Татары уже тутъ, въ самомъ станѣ. Князь Иванъ Димитріевичъ, наскоро облачившись въ тяжелые боевые доспѣхи и сту-

пивъ въ стремя подведеннаго къ нему коня, кричалъ, надрывая грудь, чтобы строились въ ряды, подымали стяги... Напрасно! Голосъ его замиралъ въ невообразимомъ гамѣ и ревѣ нечеловѣческихъ голосовъ и воплей...

Пошли въ ходъ арканы, сабли, рукопашная свалка. Впереди татарскаго войска, на бѣломъ арабскомъ конѣ, какой-то маленькій, сухой, тщедушный и черный, какъ эѳіопъ, татарченокъ дико визжалъ, отдавая приказанія и сверкая въ воздухѣ изогнутымъ клинкомъ: это былъ самъ Арапша царевичъ, свирѣпый азіятъ, выросшій на сѣдлѣ и вскормленный постоянною войною.

Русичи опрокинуты въ воду... Какъ овцы, бросились они въ рѣку, тонули, топили и давили другъ дружку. Пьяна была скоро запружена русскими тѣлами. Иные по этимъ тѣламъ перебирались на тотъ бокъ рѣки и спасались бѣгствомъ...

Весь обозъ, шатры, запасы, оружіе, одежда, все было во власти татаръ.

По ту сторону Пьяной, у самаго берега, изъ помятой осоки блестѣлъ золоченый шлемъ надъ молодымъ мертвымъ лицомъ: молодой утопленникъ былъ военачальникъ злополучныхъ русичей, князь Иванъ Дмитріевичъ нижегородскій.

Долго помнили потомъ русичи рѣку Пьяную.

III. Русскіе полоняники въ Ордѣ.

Послѣ несчастной для русскихъ битвы на берегахъ рѣки Пьяной, Арапша, опустошивши на сотни верстъ кругомъ города и села, съ огромною добычею и полономъ возвращался въ Орду. Черезъ земли мордовскихъ князей, которые ему помогали, онъ вышелъ на Волгу и направился къ малой столицѣ хановъ, къ Укеку, стоявшему на возвышенномъ берегу этой рѣки, въ двѣнадцати верстахъ ниже нынѣшняго Саратова.

Въ концѣ августа, когда загоны Арапши приблизились къ Укеку, погода стояла ясная, совершенно лѣтняя, хотя уже безъ лѣтняго зноя. Загоны слѣдовали по возвышенію, съ котораго глазамъ путника открывались виды на необозримое пространство. Полоняники и полонянки, которыхъ было нѣсколько сотъ, шли съ обозомъ, а болѣе слабые, особенно же молодыя дѣвушки и дѣти, были посажены на телѣги, нагруженныя добычею, или же на смирныхъ вьючныхъ лошадей. Пѣшіе шли сворами, навязанные

на длинные канаты, и только нѣкоторые изъ нихъ, болѣе безпокойные и сильные, были прикованы къ телѣгамъ или скованы попарно ручными и ножными кандалами. На одной сворѣ шли рядомъ съ телѣгою знакомые уже намъ карачаровцы, которыхъ татары захватили на игрищѣ въ самый разгаръ величаній таинственнаго Дидъ-Лада. Ражій, здоровенный дѣтина, котораго называли Ярополкушкой и который за «выкупъ коней», «потоптавшихъ просо», требовалъ не одну «дѣвицу», а «всѣхъ дѣвокъ», былъ прикованъ къ телѣжной оглоблѣ и шелъ словно продажный жеребецъ въ легкой пристяжкѣ, безъ хомута.

Рядомъ съ нимъ шла большекосая и полногрудая Доброгнѣва, карачаровская красавица, босая, какъ была и дома, и съ каменными пестрыми бусами на загорѣлой шеѣ. Хоть татары иногда и оттоняли ее отъ прикованнаго молодца, отводили въ другую свору полоняниковъ, но она отъ этого такъ худѣла и спадала съ тѣла, что ее опять, какъ телку къ коровѣ, подпускали къ Ярополку, и она опять полнѣла и здоровѣла. Тутъ же шли и другія карачаровскія дѣвки, Горислава, Прекраса, Верхуслава. Маленькій Добрынька, что еще недавно выдавалъ себя за Мамая, не могъ выносить долгаго пути въ Орду и потому былъ посаженъ татарами на телѣгу въ видѣ погонщика.

Полоняники поражены были видомъ, который развернулся передъ ихъ глазами съ нагорнаго берега рѣки, никогда ими не виданной. Прямо передъ ними—городъ, обнесенный высокими зубчатыми стѣнами. Это Укекъ, отъ котораго въ настоящее время уцѣлѣли только кучи мусора. На поворотахъ стѣнъ возвышаются остроконечныя башни. Въ разныхъ мѣстахъ торчатъ тонкія иглы минаретовъ. Чѣмъ-то сказочнымъ вставалъ передъ глазами изумленныхъ полоняниковъ этотъ городъ, въ которомъ не было ничего похожаго на то, что доселѣ ими было видано. Казалось, что не люди тамъ живутъ, а что-то тоже сказочное: змѣи-горынычи, стерегущіе прекрасныхъ полонянокъ, бабы-яги, летающія въ ступахъ, или соловьи-разбойники.

А тамъ далѣе—широкая, какъ море, рѣка. Не видать ни начала, откуда она несетъ цѣлое море воды, ни конца, къ которому стремится эта голубая вода. Тамъ и сямъ виднѣются плывущія суда.

— Ока матушка! Роднѣнька! — невольно вырвалось изъ груди Доброгнѣвы.

— Не Ока это, Гнѣвынька, — печально покачалъ головой прикованный къ оглоблѣ молодецъ.

— Не Ока, баишь?—удивилась Доброгнѣва.

— Не Ока, Ока у насъ, въ Карачаровѣ... А это, поди, Дунай...

— Что въ пѣснѣ-то поется?

— Онъ, Гнѣвынька.

И оба замолчали въ тяжломъ безнадежномъ сознаніи, что ихъ загнали на край свѣта, къ пѣсенному тихому Дунаю да къ морю Хвалынскому... А за этимъ Дунаемъ виднѣется безконечная степная даль, которая сходится съ концомъ свѣта и на которую опустилось краемъ голубое небо.

Въ это время впереди показался обозъ изъ нѣсколькихъ колымагъ и телѣгъ, крытыхъ и некрытыхъ. Новый обозъ пересѣкалъ путь, по которому слѣдовали полоняники. Въ колымагахъ и около нихъ виднѣлись черныя фигуры съ черными шапочками и покрывалами на головахъ, напоминавшія монаховъ.

Татары, сопровождавшіе полоняниковъ, съ криками и высвистами обскакали обозъ со всѣхъ сторонъ, повидимому, требуя, чтобъ обозъ остановился. Онъ, дѣйствительно, тотчасъ же остановился. Нѣкоторыя изъ черныхъ фигуръ перекрестились.

— Мати Божа! Никакъ наши, кресты творятъ!—изумленно воскликнула Доброгнѣва.

— И то наши: ни то попы, ни то чернецы, Микола Угодникъ!—удивился и прикованный малый.

— Чернецы, чернецы и есть! Матушки.

И полоняники толпою сунулись къ обозу, обступили его, несмотря на татарскія нагайки, которыми отгоняли любопытныхъ отъ колымагъ.

Подскакалъ и Арапша на своемъ бѣломъ аргамакѣ. Слышались крики, вопросы. Изъ передней, самой обширной и богато убранной колымаги, поддерживаемый чернецами, вышелъ высокій старикъ въ бѣломъ клобукѣ и съ золотымъ крестомъ на груди. Въ рукѣ у него былъ посохъ. Сѣдая длинная борода, старческій видъ и кроткіе, проникающіе въ душу глаза внушали, повидимому, страхъ и почтеніе самимъ татарамъ.

— Миръ вамъ, людіе, чада единаго Бога!—кротко произнесъ старикъ, благословляя на всѣ стороны.

Арапша, приподнявшись на сѣдлѣ всею своею тщедушною

фигурою, сказалъ что-то стоявшему рядомъ съ нимъ всаднику въ богатомъ татарскомъ одѣяніи. Тотъ кивнулъ головой, на которой красовалась зеленая чалма.

— Ты кто еси, старче?—спросила зеленая чалма съ горловымъ татарскимъ выговоромъ.

— Азъ есми Михайло, божіею милостію и ярлыкомъ Атюляка-царя, митрополитъ кіевскій и всеа Руссіи,—отвѣчалъ старикъ.

Зеленая чалма передала эти слова Арапшѣ. Арапша снова сказалъ что-то чалмѣ.

— А гдѣ твой ярлыкъ Атюляка-царя?—спросила чалма.

Митрополитъ распахнулъ свою черную мантію, подъ которой висѣлъ у него на груди складной образъ, украшенный дорогими камнями, и, раскрывъ складень, досталъ оттуда сложенную вчетверо бумагу.

— Се ярлыкъ Атюляка-царя,—сказалъ онъ, подавая бумагу зеленой чалмѣ.

Чалма взяла бумагу, бережно развернула ее и, показавъ Арапшѣ, тихо пояснила: «тамга—салгатъ—карапчи»... Арапша кивнулъ головой и опять что-то промолвилъ.

«Безсмертнаго Бога силою и величествомъ», громко читала ярлыкъ зеленая чалма. «Изъ дѣдъ, изъ прадѣдъ, отъ первыхъ царей и отъ отецъ нашихъ, Атюлякъ-царь слово рекъ, Мамаевою мыслію дядиною».

При словахъ «Атюлякъ» и «Мамай» Арапша прикасался пальцами ко лбу и прижималъ ладонь къ тому мѣсту, гдѣ у него должно бы было быть сердце.

«Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ княземъ,—продолжала зеленая чалма,—и волостнымъ дорогамъ и княземъ, писцемъ и таможникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и бураложникомъ, и сотникомъ, и заставщикомъ, и лодейникомъ, или кто на каково дѣло ни пойдетъ, и многимъ людемъ. Отъ первыхъ царей при Чингисъ-царь, и по немъ иные цари, Азизъ и Бердибекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи людіи, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы, или работы, или кормы, ино тѣмъ церковнымъ

людемъ ни видити, ни слышати того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили и молитву за нихъ воздавали Богу...»

Арапша прервалъ чтеніе, взялъ изъ рукъ читающаго ярлыкъ и сталъ его разсматривать: посмотрѣлъ на «алую» тамгу, оборотивъ ее, взглянулъ на шнурокъ и, снова приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, подалъ бумагу митрополиту.

— Великъ ярлыкъ,—улыбнулась зеленая чалма, — и ала тамга есть... Данъ ярлыкъ не заячьяго, а овечья лѣта, дарыка въ семьсотъ осьмое лѣто... Хорошъ ярлыкъ, крѣпка... А куда, старче святой, ѣдешь?—спросила чалма.

— Изъ Орды въ Кіевъ, на свой столъ,—отвѣчалъ митрополитъ, пряча ярлыкъ въ складни.

— Съ Богомъ, старче.

Арапша ударилъ въ ладоши. Стоявшій за нимъ татаринъ затрубилъ въ рогъ, и Арапша вмѣстѣ съ зеленой чалмой поѣхали далѣе къ Укеку.

Полоняники бросились къ митрополиту цѣловать руки. Женщины и дѣти плакали. Старикъ усердно крестилъ ихъ, поднимая къ небу глаза, на которыхъ тоже блистали слезы.

— Не плачьте, дѣти... Молитесь Богу единому въ троицѣ, той свободитъ вы изъ плѣненія, — говорилъ онъ, усаживаясь въ свою колымагу.

— Батюшко! Голубчикъ! Угодничекъ! — плакалась Доброгнѣва, цѣлуя мантію митрополита.

— Молись за насъ, святой митрополитъ!—слышались другіе голоса полоняниковъ.

— Буду, буду молиться о страждущихъ, плѣненныхъ, буду, дѣтки мои!—говорилъ старикъ, осѣняя крестомъ толпившихся около колымаги злополучныхъ соотечественниковъ.

Опять затрубили рога, послышались татарскіе возгласы, удары нагаекъ... Все двинулось въ путь, и колымаги, и телѣги съ черными фигурами скоро скрылись изъ вида.

Встрѣча полоняниковъ съ своими черными соотечественниками была такъ неожиданна и такъ глубоко поразила ихъ, была притомъ такъ кратковременна, что имъ казалось, будто они все это видѣли во снѣ въ этомъ заколдованномъ царствѣ змѣя горынчища. А вотъ и его городъ за высокими стѣнами, городъ Укекъ... Съ испугомъ глядятъ на него карачаровцы, кре-

сятся со страху... Что-то еще будетъ съ ними? Куда-то еще погонятъ ихъ?

— Я убѣгу, какъ только откуютъ меня,—сказалъ вдругъ Ярополкъ, глядя на укекскія стѣны.

Доброгнѣва съ боязнью и тоской посмотрѣла на него.

— Дорогу я помню, найду... все степью да междулѣсьемъ,— продолжалъ какъ бы про себя прикованный.

— А я-то... что со мною будетъ? — съ испугомъ спросила Доброгнѣва.

— И ты, Гнѣвынька, со мною,—успокоилъ онъ ее.

Но полоняниковъ не вогнали въ городъ, а расположили на берегу Волги, вдоль городскихъ стѣнъ.

Едва въ городѣ узнали о пришествіи загоновъ съ добычею и полономъ, какъ кучи татаръ и татарчатъ высыпали на берегъ поглазѣть на полоняниковъ. Татары разсматривали ихъ, прицѣнивались, иногда плотоядно посматривали на дѣвушекъ. Татарчата прыгали около нихъ, пѣли, дразнили, высовывали языки.

Между тѣмъ на берегу уже готовились лодки для перевоза полоняниковъ на ту сторону Волги: одна часть ихъ должна была итти къ Сараю тою стороною Волги, луговою, а другая—нагорною. Карачаровцы оказались въ числѣ той половины, которая должна была переправиться за Волгу.

Все это было такъ скоро сдѣлано, что полоняники разныхъ городовъ и селъ, успѣвшіе за дорогу перезнакомиться и привыкнуть другъ къ дружкѣ, теперь не могли и проститься порядкомъ, какъ очутились ужъ въ большихъ плоскодонныхъ лодкахъ. Поднялся плачъ и съ той, и съ другой стороны. Пошли гулять по спинамъ несчастныхъ татарскія нагайки.

Но вотъ лодки отчалили. Татары-гребцы налегли на весла, и лодки быстро удалялись отъ берега.

Вдругъ на одной изъ лодокъ послышался отчаянный крикъ, и что-то бѣлое, мелькнувъ передъ глазами, бултыхнуло въ воду.

— Матушки! Кто-то въ воду кинулся! Богородица, спаси!

— Верхуслава! Верхуславушка кинулася!

Нѣкоторыя изъ лодокъ пріостановились и ждали. На томъ мѣстѣ, гдѣ исчезла подъ водою молодая полоняночка, выходили изъ воды пузыри, отходя все далѣе и далѣе внизъ по теченію.

Наконецъ, далеко ниже лодокъ, что-то вынырнуло изъ воды. Показалась рука, голова мелькнула.

— Вымырнула! Голубушка, вымырнула!—всплеснула руками Доброгнѣва.

Не успѣла она вскрикнуть, какъ рыжій Ярополкушко, рванувъ цѣпь, которою онъ былъ прикованъ къ носу лодки, оборвалъ ее и кинулся въ воду. Снова отчаянные крики.

Но ражій дѣтина не пошелъ ко дну. Напротивъ, работая руками, точно веслами, и встряхивая мокрыми волосами, онъ въ нѣсколько взмаховъ очутился около утопающей и схватилъ ее за косу. Онъ упорно боролся съ теченіемъ рѣки, но его относило все ниже и ниже. Лодка ударила по водѣ веслами и погналась за утопающими полоняниками. Она скоро настигла ихъ. Ярополку подали багоръ, и онъ уцѣпился за него, держа другою рукою утопленицу.

Скоро ихъ обоихъ втащили въ лодку; но съ несчастной дѣвушкой, казалось, все уже было покончено: она лежала блѣдная, бездыханная... Другія дѣвушки, ея подруги по игрищу, горько плакали надъ нею...

IV. «Мамай идетъ». Русскіе князья у Сергія. Пересвѣтъ и Ослабя.

Оставимъ злополучныхъ полоняниковъ въ ихъ томительномъ странствіи къ далекой столицѣ хановъ и воротимся на святую Русь, гдѣ также было немало горькаго.

Пораженіе русскихъ на берегахъ Пьяной рѣки не успокоило и не удовлетворило алчнаго Мамая: ему одного хотѣлось, больше и больше денегъ, цѣлыя горы денегъ, цѣлыя груды блестящаго «алтынъ-денга». Его, «всемогущаго царя царямъ», возмущало и то, что русскіе «улусники» и «подручники» его, «рабы рабовъ» его, которыхъ его прадѣдъ, пресвѣтлый Чингисъ, держалъ у своего стремени, а пресвѣтлый дѣдъ его, Узбекъ-ханъ, рѣзалъ десятками, какъ барановъ на шашлыкъ, что вдругъ эти князья-«улусники» не только не гнутъ покорно свои рабьи шеи, но еще смѣютъ поднимать головы и даже вступать въ бой съ его загонами, какъ это было на Пьяной. Надо унять ихъ, надо доказать имъ, что «великъ Богъ Мамаевъ», что какъ онъ одинъ—владыка всей вселенной, земли и воды, солнца и свѣту, луны и звѣздъ, такъ и онъ, великій Мамай-ханъ, одинъ ханъ подъ луною, одинъ можетъ поить коня своего во всѣхъ рѣкахъ и озе-

рахъ вселенной, и какъ всѣ рѣки несутъ свою дань океану, такъ и всѣ его князья «улусники», всѣ эти Димитріи и Олеги, Михайлы и Александры, московскіе и рязанскіе, тверскіе и суздальскіе, всѣ должны покорно нести ему дань, много дани, какъ много воды изливаютъ въ океанъ подручныя ему рѣки.

И вотъ въ 1377 году Мамай опять посылаетъ новую орду на Русь. Орда валитъ на Нижній, беретъ его на воропъ, пустошитъ, палитъ огнемъ и тысячи плѣнныхъ гонитъ въ свои необозримыя заволжскія степи. Другая орда идетъ на московское княжество черезъ рязанскую землю наказать «улусника» Димитрія, московскаго «князя». Но московскій князь не ждетъ гостей къ себѣ на домъ, въ Москву и спѣшитъ перестрѣть ихъ въ дорогѣ. Съ нимъ два союзника—полоцкій князь Андрей Олгердовичъ и князь пронскій. Москва сшибается съ татарами на Вожѣ рѣкѣ и повторяетъ татарамъ урокъ, данный русичамъ Арапшею на рѣкѣ Пьяной. Татары захлебываются мутными и кровавыми водами Вожи, а что не захлебнулось, безпорядочно бѣжитъ въ свои степи.

Мамай окончательно свирѣпѣетъ. Онъ посылаетъ третье полчище разорить рязанскую землю за то, что одинъ изъ ея князей, пронскій, участвовалъ въ битвѣ при Вожѣ, и самъ собирается итти и посыпать пепломъ, залить кровью всю московскую землю и загатить рѣки ея трупами князей, бояръ и ратныхъ, и нератныхъ людей. Онъ начинаетъ собирать несмѣтное ополченіе, но не изъ однихъ татаръ, а изъ народовъ всего извѣстнаго ему міра. Глашатаи его разсыпались по Азіи, по предгоріямъ и горамъ Кавказа, по ногайской землѣ и по Крыму: фряги изъ Крыма, Черкесы и Ясы—все шло въ его «толпища»...

Олегъ, князь рязанскій, видѣлъ неминучую гибель и сталъ просить пощады у разсвирѣпѣвшаго татарина. Онъ называлъ себя «вѣрнымъ рабомъ» Мамая, его «посаженикомъ» и «присяжникомъ», а самого Мамая—«восточнымъ вольнымъ великимъ царемъ царямъ», «пресвѣтлымъ» и «милостивымъ». Онъ совѣтывалъ ему итти на Димитрія, называя его Мамаевымъ «служебникомъ» и «улусникомъ», который осмѣлился оказать своему повелителю «непокорство» и «гордость». Олегъ только для себя просилъ пощады и милости, но не для Димитрія. «Мы оба—писалъ онъ въ своей униженной грамотѣ—рабы твои; но я служу

тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ, а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ...»

Въ то же время Олегъ снесся съ Ягелломъ, княземъ литовскимъ. И его онъ просилъ итти противъ Димитрія, соединиться съ Мамаемъ, выгнать московскаго князя изъ Москвы и овладѣть московскою землею...

Вотъ какая гроза собиралась надъ московскою землею.

Весною 1380 года Мамай со всѣми своими силами изъ Орды двинулся на русскую землю. Онъ шелъ лѣвымъ путемъ, къ Воронежу, чтобъ пощадить землю покорнаго «улусника» и «раба» своего, Олега рязанскаго.

Димитрій московскій видѣлъ, что грозная туча, нависшая надъ русскою землею, должна была разразиться громами надъ его именно головой и потомъ уже пронестись разрушительнымъ ураганомъ надъ всею тогдашнею Русью, надъ землями московскими, суздальскими, владимірскими, нижегородскими, тверскими, бѣлозерскими, каргопольскими, устюжскими, ярославскими, ростовскими, серпейскими, новосильскими и иными, надъ всѣми мелкими удѣлами, на которые была тогда разбита русская земля, словно риза, сшитая изъ лоскутковъ. Надо было всѣ эти лоскутки сплотить воедино, чтобъ укрыться отъ грозы, и это трудное дѣло пришлось дѣлать Димитрію. Онъ сдѣлалъ его: онъ первый объединилъ всю русскую землю въ Москвѣ, и съ тѣхъ поръ Москва стала сердцемъ Руси. Это величайшая заслуга Димитрія: не Иванъ III и не Иванъ IV были «собирателями» русской земли, а Димитрій—онъ ее совокупилъ духомъ. Не будь этого духовнаго совокупленія, едва ли скоро послѣдовало бы и объединеніе земельное, гражданское.

Какъ же Димитрію удалось сдѣлать такое великое дѣло? А очень просто: ему помогъ тотъ же Мамай своею ошибкой, и ошибка эта была громадная, непоправимая. Прежніе ханы овладѣли русскою землею, не насилуя ея вѣры; мало того, они даже оберегали русскую церковь своими ярлыками, какой мы уже видѣли въ предыдущей главѣ въ рукахъ кіевскаго и «всея Русіи» митрополита Михаила Митяя: этотъ ярлыкъ данъ былъ ханомъ Атюлякомъ по совѣту своего дяди, Мамая, «Мамаевою мыслію дядиною». И вдругъ этотъ добрый дядюшка, сковырнувъ съ ханскаго трона своего недалекаго племянничка Атюляка и

разсердившись на Димитрія московскаго, велѣлъ объявить русской землѣ «Мамаево слово таково»:

— Возьму русскую землю, разорю христіанскія церкви, ихъ вѣру на свою переложу и велю кланяться Магомету; гдѣ были у нихъ церкви, тамъ поставлю мечети...

Понятно, что Мамай этимъ уже не Димитрію грозилъ, а задиралъ всякаго «русича», и Карпа, и Сидора, Митяя и Миняя, Рогволода и Микитку, который умѣлъ «загибать гораздо». Услыхавъ таковое «мамаево слово», всѣ Микитки и Добрыньки, что называется, «окрысились» за себя: «нѣтъ, шалишь, братъ: не трошь насъ, не замай нашу вѣру, сдачи дамъ!»

И дѣйствительно дали!.. Димитрій понялъ духъ Микитокъ да Добрынекъ и воспользовался имъ. Онъ разослалъ по всей сѣверной русской землѣ увѣщательныя и призывныя грамоты къ великимъ и малымъ князьямъ и князькамъ удѣльнымъ, а тѣ оповѣстили своихъ бояръ, ратныхъ и черныхъ людишекъ, этихъ безсмертныхъ въ своей совокупности Микитокъ да Добрынекъ, что такъ и такъ-де: «безбожный-де Мамай хочетъ православную вѣру переложить на бусурманскую, на агарянскую да на срацынскую ересь...» «Каково! На срацынскую! Да ужъ срамнѣе этой, срацынской-то вѣры и на свѣтѣ нѣтъ, сказать стыдно! А! Срацынская! Да ужъ это послѣднее дѣло, не роди мати на свѣтъ, коли срацынами подѣлаться и срацынскимъ крестомъ креститься! Ужъ это что жъ! За это помирать надо!..»

Загалдѣли Микитки да Добрыньки объ срацынской вѣрѣ, взвыли бабы по всей русской землѣ! А ужъ коли бабы взвоютъ, такъ тутъ и святыхъ вонъ уноси...

И вотъ валомъ повалили русскіе люди, князи и бояра, ратные и охотные люди, чернопашенные людишки и всякая смердь, все повалило къ Москвѣ съ своими князьями: «не пущать на Русь срацынскую вѣру, биться за свою вѣру до послѣдней капли крови»...

Въ теченіе лѣта въ Москву сползлись, словно мыши въ овинъ, тучи ополченцевъ съ своими князьями и князьками, лыкомъ шитыми, да все же православными, съ каргопольскими, устюжскими, бѣлозерскими, ярославскими, ростовскими, серпейскими...

Первымъ дѣломъ Димитрій московскій повелъ ихъ къ Троицѣ.

Это была тогда еще бѣдненькая обитель, вся охваченная дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, сколоченная изъ этого же лѣсу руками преподобнаго Сергія и его немногочисленной братіи. Мрачно смотрѣлъ пустынный боръ, когда раннимъ утромъ Димитрій вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями узкою тропою пробирался въ святую обитель. Тропа была такъ узка, что можно было пробираться только гуськомъ, конь за конемъ. Мертвенно тихо было въ бору. Слышалось только, какъ дятелъ долбилъ кору сухого дерева, да бѣлка, прыгая съ вѣтки на вѣтку, стучала сбитыми ею еловыми шишками. Гигантскія вѣтви елей и сосенъ, протягиваясь черезъ тропу надъ головами путниковъ, казалось, силились закрыть отъ нихъ просвѣты голубого неба, которое смотрѣло слишкомъ отрадно для этой уединенной, прячущейся и отъ неба, и отъ людей дорожки, протоптанной въ обитель горькихъ слезъ и отчужденія отъ свѣта и его радостей.

Димитрій и его спутники ѣхали молча, съ раздумчиво опущенными головами, какъ будто бы каждому, словно передъ послѣднею исповѣдью, хотѣлось припомнить прожитую жизнь, оглянуться на пройденный путь, которому нѣтъ возврата, и къ тому роковому рѣшенію, которое каждый изъ нихъ принялъ безповоротно, неизмѣнно, какъ обѣтъ, какъ послѣднюю схиму. Раздавалось иногда въ этой мертвой тиши фырканье лошади, брязгъ стремени или оружія, трескъ переломленнаго копытомъ сушника, и снова невозмутимая могильная тишина... Тамъ, выше этого мрачнаго бора, въ голубой, почти невидимой выси, иногда прокрячетъ своимъ звонкимъ крикомъ соколъ; а здѣсь, подъ шатромъ вѣтвей, тихо, мертвенно, какъ будто бы строгая и молчаливая природа отогнала отсюда всякую жизнь, всякое движеніе, отогнала туда, гдѣ живутъ люди съ ихъ обманчивыми радостями, съ ихъ мимобѣгущимъ счастьемъ, которое отлетаетъ какъ сновидѣніе при пробужденіи, какъ кадильный дымъ надъ могилой.

Длинна и узка, какъ путь ко спасенію, эта лѣсная тропа. Вотъ уже который часъ ѣдутъ, а конца ей нѣтъ. Солнце уже высоко поднялось надъ боромъ, но его, этого божьяго ока, не видать за гигантскими деревами, и только въ просвѣтахъ небо кажется еще голубѣе, да видимыя вершины бора ярко окрашиваются имъ однимъ видимымъ свѣтомъ.

Но вотъ по чащѣ пронесся плачущій металлическій звукъ. Всѣ вздрогнули и перекрестились; кони подняли головы, насто-

рожили уши. Звукъ повторился, за нимъ третій, четвертый, ожилъ лѣсъ, заговорилъ...

— Било благовѣстное... То голосъ божій зоветъ насъ...— набожно промолвилъ Димитрій.

— Добрая година, въ пору достигли обители, — отвѣчалъ ѣхавшій за нимъ другъ его, князь Владиміръ Андреевичъ.

Скоро боръ какъ бы раздвинулся. Вмѣсто узкаго голубого просвѣта показалась цѣлая голубая пелена, раскинувшаяся надъ лѣсною полянкою, на которой стояла бѣдная обитель, ставшая впослѣдствіи первоклассною святынею русской земли. Маленькая деревянная церковка, крестъ которой не досягалъ даже до вершинъ сосѣднихъ столѣтнихъ елей и сосенъ; маленькія низенькія келейки съ маленькими же оконцами, болѣе приличными надмогильнымъ голубцамъ, чѣмъ жилью человѣческому, все это, вся эта полянка съ обителью въ чащѣ бора казалась живымъ кладбищемъ...

Пріѣзжіе, очутившись на полянкѣ, сошли съ коней и привязали ихъ къ сосѣднимъ деревьямъ. Ни души кругомъ: вся обитель была въ церкви на молитвѣ.

Пріѣзжіе пошли въ церковь. Страннымъ казалось, какъ массивное, тучное тѣло Димитрія могло пройти въ эту узенькую дверь скромнаго храма, помѣститься въ немъ; странно бросались въ глаза эти золотые и серебряные доспѣхи на пріѣзжихъ, это бряцающее оружіе...

Въ мрачной церкви шла служба. Тускло теплились восковыя свѣчи въ паникадилахъ и въ свѣчныхъ ячейкахъ у образовъ. Дымъ отъ ладану ходилъ клубами надъ невысокимъ амвономъ и запахомъ своимъ напоминалъ смерть, отпѣваніе, «послѣднее цѣлованіе» кого-то... Все отдавало могилой, смертью, послѣднимъ разсчетомъ съ жизнью...

Князья тихо, боясь бряцать оружіемъ, вошли и какъ-то оторопѣли. Молодой, прекрасный грудной голосъ читалъ: «Братіе моя, не на лица зряще имѣйте вѣру Господа нашего Іисуса Христа славы. Аще бо внидетъ въ сонмище ваше мужъ, златъ перстень нося, въ ризѣ свѣтлѣ...»

Великій князь невольно глянулъ на своего друга Владиміра, потупился на себя, и краска стыда залила его полное, красивое лицо, окаймленное густою русою бородой... Ему казалось, что это

именно о немъ читаютъ: у него и «перстень златъ», и «риза» цвѣтная, золотная, и золотая гривна на шеѣ...

И Владиміръ глянулъ на него и понялъ его мысль...

...«внидетъ же и нищь въ худѣ одеждѣ—продолжалъ звучный молодой голосъ—и воззрите на носящаго ризу свѣтлу и речете ему: ты сяди здѣ добрѣ. И нищему речете: ты стани тамо, или сяди здѣ на подножіи моемъ. И не разсмотристе въ себѣ и бысте судіи помышленій злыхъ...»

Великій князь сталъ всматриваться въ того, кто читалъ это. Лицо показалось ему знакомымъ. Это молодое, мужественное, хотя блѣдное лицо, оттѣняемое черною, какъ смоль, и мягкою, какъ шелкъ, небольшою бородою, этотъ низкій, матовой бѣлизны лобъ, полузакрытый черною скуфейкою въ видѣ повязки, эта статная, массивная фигура, обрисовывавшаяся и подъ черною рясою, мужественная осанка, ростъ, голосъ, все приковывало къ себѣ вниманіе князя. Знакомо ему это красивое лицо. Не тутъ, не въ этой мрачной обстановкѣ онъ видѣлъ его, и не тутъ ему мѣсто, не въ этомъ живомъ склепѣ съ заживо похороненными людьми, вдали отъ жизни и ея жгучихъ требованій. Въ золотномъ платьѣ ему слѣдовало бы быть, въ блестящемъ вооруженіи, съ золотою гривною на шеѣ, въ самомъ водоворотѣ жизни... Гдѣ онъ видѣлъ его? Кто онъ?.. А онъ, этотъ молодой чернецъ-богатырь, продолжалъ все читать что-то въ душу проникающее...

«Слышите, братія моя возлюбленная!—звучалъ прекрасный голосъ.—Не Богъ ли избра нищія мира сего, богаты въ вѣрѣ и наслѣдники царствія, еже обѣща любящимъ его? Вы же укористе нищаго. Не богатіи ли насилуютъ вамъ и тіи влекутъ вы на судища? Не тіи ли хулятъ доброе имя, нареченное на васъ?..

Великому князю становится страшно: это его обличаютъ... Онъ обходилъ нищихъ, отвращалъ лицо свое отъ ихъ лохмотьевъ, потому что ему, князю, этихъ нищихъ было стыдно и ихъ лохмотьевъ... Не за это ли Богъ посылаетъ на него мечъ свой, чтобъ отнять у него достояніе его и людей его, которыхъ онъ не одѣлъ, а обобралъ, пригнетая поборами многими?

Онъ обвелъ церковь глазами, какъ бы ища помощи... Черныя головы стоятъ, низко склонившись, и что-то глубокое думаютъ... О немъ думаютъ, объ его неправдахъ, о томъ, какъ онъ забывалъ этихъ нищихъ, ползая передъ Мамаемъ, выпрашивая

ярлыкъ на великое княженіе... Онъ глянулъ на образа, и тѣ прячутъ отъ него лики свои...

Кто-то глубоко и тяжко вздыхаетъ... Кто-то тяжко бьетъ себя въ перси...

Смущенный и тревожный стоялъ князь во все время службы и за молебномъ. Онъ, казалось, неслышно исповѣдывался невидимому Богу во всемъ, что тяготѣло надъ его совѣстью, надъ его памятью, надъ всѣми его дѣлами... Не онъ ли погубилъ тверскихъ князей? Не на его ли душѣ кровь многихъ погибшихъ и въ Ордѣ, и на Руси? Не за его ли грѣхи изнываютъ въ полонѣ, въ степяхъ Кипчака и далѣе, тысячи несчастныхъ?

Къ нему подошелъ ветхій, согбенный старичекъ съ крестомъ въ рукѣ и глянулъ ему въ глаза своими дѣтскими, моргающими глазами... Какъ глубоко взглянули въ него эти добрые глаза!.. Они, казалось, видѣли все-все, что было въ его жизни дурного, злого, грѣшнаго, неправаго, и некуда спрятаться отъ этихъ добрыхъ, но неумолимыхъ своимъ всевѣдѣніемъ глазъ...

— Отче святый!—робко пробормоталъ великій князь, склоняясь передъ крестомъ.

— Благодать Господня на тя, княже!—прошепталъ внятно старческій голосъ.

Старичекъ благословилъ князя. Князь опять глянулъ на него: блѣдное, мертвенно-матовое лицо, серебро волосъ, выбившихся изъ-подъ клобука, блѣдная рука съ крестомъ, рука такая худая и безсильная, что едва держитъ крестъ... Гдѣ же эта сила въ этомъ живомъ мертвецѣ?.. А князь пришелъ просить у него силы, поддержки и чувствовалъ, что тутъ эта сила, тутъ, въ этомъ видимомъ безсиліи... Это былъ преподобный Сергій.

По окончаніи службы, Сергій пригласилъ князей въ обитель, въ трапезную. Бѣдно и мрачно было и въ трапезной, какъ бѣдно кругомъ и какъ мрачно въ дремучемъ лѣсу, черезъ который путники проѣхали. И трапеза была бѣдна, совсѣмъ не княжеская. Всѣ иноки были въ трапезной, и трапеза совершалась, такъ-сказать, соборнѣ. Димитрій часто поглядывалъ на того красиваго, мужественнаго чернеца, который читалъ въ церкви. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ его когда-то въ числѣ дружинниковъ князя Волынскаго, въ то время, какъ дружины его возвратились изъ-подъ смиренной ими Казани. Чернеца этого звали Пересвѣтомъ: военная слава его, какъ и слава брата его Осляби, гре-

мѣла тогда на всю Москву; храбрость ихъ была безпримѣрная; о силѣ ихъ говорили, какъ о силѣ сказочныхъ богатырей; московскія дѣвушки, боярыни и княгини, видѣвшія ихъ хоть разокъ, хоть мелькомъ, не могли забыть ихъ красоты и долго потомъ вздыхали по младомъ Пересвѣтушкѣ и свѣтъ-Ослябушкѣ. Были они изъ богатато и знатнаго рода. Впереди ихъ ждали слава, почетъ, власть, счастливая, полная радостей жизнь... И вдругъ они отказались отъ всего, отъ почестей, отъ друзей, отъ славы и отъ всего свѣта: знакомою уже намъ лѣсною тропою пробрались они къ преподобному отшельнику Сергію и умолили его принять ихъ въ свою обитель... Какъ ни отговаривалъ ихъ этотъ святитель, видя красоту и молодость воиновъ, но когда они открыли ему свою душевную тайну и выдержали строжайшій искусъ, онъ совершилъ надъ ними обрядъ постриженія.

Ослабя былъ тутъ же, великій князь тотчасъ узналъ его, какъ увидѣлъ и услыхалъ его голосъ: такой же рослый, красивый, какъ близнецъ похожій на брата, только съ оттѣнкомъ грусти на блѣдномъ лицѣ и въ задумчивыхъ сѣрыхъ глазахъ. Ослабя читалъ затрапезныя молитвы, и тутъ Димитрій услыхалъ его мелодическій голосъ.

Трапезованіе совершалось безмолвно: всѣ молча слушали то, что читалъ Ослябя. Это, казалось, не былъ обѣдъ, а поминовеніе кого-то, или того, кого уже нѣтъ на свѣтѣ, или тѣхъ, которые сегодня здѣсь, сидятъ и трапезуютъ, а завтра, можетъ быть, надъ ними будутъ плакать тѣ, отъ кого они уйдутъ въ невѣдомый міръ... Великому князю уже казалось, что въ голосѣ Осляби онъ слышитъ знакомый, надрывающій душу плачъ по немъ, по князѣ, и это ея плачъ, дорогой ему княгини... И Димитрію почему-то вспоминается Путивль... раннее утро, заря еще чуть брезжитъ, а на городской стѣнѣ уже стоитъ кто-то, смотритъ въ туманную даль, и, ломая руки, жалобно плачетъ-надрывается... Это та, которая давно когда-то горькою кукушкою куковала по своемъ другѣ миломъ, по князѣ Игорѣ, и вѣтру-вѣтрилѣ плакалася, и Днѣпру-славутичу... И на московской стѣнѣ рисуется ему плачущая женщина, и она глядитъ въ туманную даль, ждетъ кого-то... Кого же больше, какъ не его?.. А дождется ли?..

Трапеза кончилась. Князь сталъ просить у святителя бла-

гословенія на брань. Сергій задумался: на лицѣ его отразилась глубокая скорбь...

— Отче святый, благослови, помолись за насъ,—повторилъ князь.

Сергій поднялъ на него свои грустные глаза.

— Княже! Да мимо идетъ чаша сія,—тихо сказалъ онъ.

— Не како же я хощу, но како онъ,—возразилъ князь тѣмъ же текстомъ.

Старецъ грустно покачалъ головой.

— Онъ... нечестивый Мамай,—какъ бы съ собою разсуждалъ онъ.

— Такъ, отче, то его воля.

— Его... Ино почти его дарами и честью... Господь узритъ смиреніе твое и вознесетъ тя, а его неукротимую ярость низложитъ.

— Отче!—снова возразилъ Димитрій. — Я уже сотворилъ тако, и онъ тѣмъ паче несется на меня съ гордостію.

— Да будетъ воля Господня!

Старецъ велѣлъ подать стоявшую на столѣ чашу съ святою водою, благословилъ и покропилъ князя и всѣхъ его подручниковъ.

Димитрій взглянулъ на Пересвѣта и Ослябя, которые стояли рядомъ и молча смотрѣли на то, что около нихъ происходило. Что-то неуловимое пробѣгало по ихъ лицамъ, что-то особое свѣтилось въ сѣрыхъ глазахъ: сожалѣніе ли то о прошломъ, воспоминаніе ли о томъ, что они не въ силахъ были забыть, отогнать отъ себя, похоронить въ этихъ тихихъ кельяхъ?.. Князь видѣлъ это что-то на ихъ лицахъ, чуялъ своимъ сердцемъ; но что оно такое было—онъ не зналъ...

— Отче!—обратился онъ къ Сергію.—Отпусти со мною на брань сихъ двухъ иноковъ! Мы вѣдаемъ про нихъ: они были великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышлены къ воинскому дѣлу и къ наряду.

Сергій взглянулъ на братьевъ. Они стояли блѣдные, безмолвные, съ потупленными въ землю глазами.

— Братія моя возлюбленная!—сказалъ старецъ дрожащимъ голосомъ.—Слышите, что молвилъ великій князь?.. Великую честь воздалъ онъ вамъ...

Румянецъ залилъ блѣдныя щеки Пересвѣта. Онъ глянулъ на

брата, глаза ихъ встрѣтились, и румянецъ радости и счастья перешелъ со щекъ Пересвѣта на красивыя щеки Осляби.

— Буди воля Господня и твоя, владыко!—разомъ сказали они, кланяясь.

— Я велю вамъ готовиться на ратное дѣло,—рѣшилъ старецъ.

Подойдя потомъ къ аналою и отворивъ его, онъ вынулъ двѣ черныя мантіи. На мантіяхъ было нашито по большому бѣлому кресту, а подъ крестами такія же бѣлыя мертвыя головы, покоившіяся на положенныхъ крестъ-на-крестъ костяхъ. Это были схимы, мертвая одежда молчальниковъ. Сергій возложилъ схимы на головы Пересвѣта и Осляби:

— Се вамъ покровъ, носите въ шлемовъ мѣсто... Се вамъ доспѣхъ нетлѣнный, вмѣсто тлѣннаго.

Братья припали къ сухимъ плечамъ игумена и цѣловали его ризы.

— Возьми же ихъ съ собою, великій княже!—обратился святой мужъ къ Димитрію.—Се тебѣ мои оружники, твои извольники.

Князь со слезами на глазахъ благодарилъ старца. Всѣ присутствующіе оживились. Нѣкоторые изъ братіи плакали: они такъ полюбили этихъ прекрасныхъ, сильныхъ, благородныхъ молчальниковъ, которые своими могучими руками помогали каждому иноку, брали на себя самую тяжелую работу, ходили за больными.

Слезы дрожали въ голосѣ Сергія, когда онъ обратился къ молодымъ схимникамъ съ прощальнымъ, задушевнымъ словомъ.

— Миръ вамъ, возлюбленные братья, Пересвѣтъ и Ослябя!.. Да не смущается сердце ваше, да не ослабѣетъ ваша мощь бранная... Пострадайте, братія, аки доблестные воины Христовы! Аминь.

— Аминь!—повторила вся обитель.

— Аминь! Аминь! Аминь!—съ воодушевленіемъ воскликнули князья.

V. Выступленіе въ походъ.

Утромъ 20 августа 1380 года Москва провожала свои рати противъ «безбожнаго» Мамая.

Въ то время Москва была еще далеко не тѣмъ, чѣмъ она стала впослѣдствіи. Въ 1380 году она не была еще «сердцемъ

Россіи», куда! Объ этомъ громкомъ названіи она не смѣла и думать. Въ то время еще и самой «Россіи» не существовало, не было такого слова, а было нѣчто похожее на него: было одно слово, которое иногда произносилъ для обозначенія русской земли, слово робкое, ничего почти не выражавшее въ то время, хотя уже носившее въ себѣ залогъ будущаго величія и силы. Слово это—«Русія», «вся Русія». Слово это понималось не въ государственномъ, не въ политическомъ смыслѣ, а въ народномъ. Подъ понятіемъ «всеа Русіи» разумѣлись всѣ эти Микитки и Добрыньки, Карпы и Сидоры, Митяи и Миняи, Рогволодушки да Ярополкушки, Доброгнѣвушки да Верхуславушки, всѣ эти русыя и рыжія бороды, босыя и въ лаптяхъ, жившія «нечисто, яко звѣрь нѣкій», «сѣявшія просо» и величавшія Дидъ-Ладу, всѣ эти «мужики»—не «мужикѝ», а «мýжики», уменьшительные и уничижительные отъ «мужа», «мужіе», «мужи», которыми имѣли право называться только князья бояре да воеводы, а все остальное—не «мужи», а мýжики», нынѣшніе «мужикѝ», коихъ попы и называли собирательно «хрестьянствомъ» въ отличіе отъ «поганыхъ», и кои впослѣдствіи превратились въ «крестьянъ», какъ «человѣкъ» въ «лакея», въ «челаэка»! «эй, челаэкъ! Подай трубку!..» Вотъ кто составлялъ «всю Русію».

А вмѣсто «Россія» въ настоящемъ смыслѣ были «княжества», «великія» и просто княжества—тверское, рязанское, московское, нижегородское и иныя, которыя назывались и «землями», земля рязанская, суздальская, московская и многія иныя. А не было «Россіи», не могло быть и «сердца» ея. Не могла быть поэтому и Москва «сердцемъ Россіи». Да и гдѣ было ей думать объ этомъ, когда надъ нею брали перевѣсъ то Тверь, то Суздаль, то Нижній. Да и величиною Москва была тогда не больше Суздаля, не болѣе Твери, Рязани, а ужъ съ «господиномъ Великимъ Новгородомъ» или съ «вольнымъ» Псковомъ ей и тягаться было нечего: тѣ не въ примѣръ были и многолюднѣе, и богаче ея. И вмѣщалась вся-то она въ предѣлахъ Кремля, а за Кремлемъ были бѣдныя хижинки, изъ которыхъ обыватели тотчасъ убѣгали въ Кремль, какъ только грозила опасность, нашествіе сосѣдей или иноплеменниковъ.

Не была еще тогда Москва и «бѣлокаменною», потому что была вся срублена изъ дерева.

Не было тогда въ Москвѣ ни «Ивана Великаго», ни «Василія

Блаженнаго», ни вообще «сорока-сороковъ», ни «царь-колокола», ни «царь-пушки», ибо тогда еще о «пушкахъ» и понятія не имѣли, а «цари» сидѣли не въ Москвѣ, а въ Сараѣ, да и «царей» тогда еще не было, а назывались они «ханами», и «царемъ» тогда надъ «Руссіею» былъ Мамай «безбожный». Ничего тогда не было такого, чѣмъ теперь славна Москва.

Но и тогда уже существовалъ «Охотный рядъ»: въ немъ-то и образовалось то, что потомъ стало «сердцемъ Москвы», а послѣ «сердцемъ Россіи». Существовала тогда и Красная площадь, нѣчто вродѣ сѣннаго и обжорнаго базара, на который окрестные Микитки да Добрыньки свозили для продажи свои нехитрые продукты, и на которомъ этихъ самыхъ Микитокъ и Добрынекъ, за «воровство» и другія вины, сѣкли кнутомъ «нещадно» или казнили смертью, на особомъ, весьма уютномъ мѣстечкѣ, названномъ «Лобнымъ».

Такъ вотъ эта-то маленькая, но уже загребистая Москва, 20 августа 1380 года провожала свои и союзныя рати противъ «безбожнаго сыроядца» Мамая.

Въ Успенскомъ соборѣ шла служба, на которой присутствовалъ великій князь, какъ старшій стратигъ. Онъ жарко молился, хотя, повидимому, мысли его часто убѣгали изъ собора и витали то въ теремѣ его, гдѣ онъ провелъ столько счастливыхъ лѣтъ съ другинею своею, съ княгинею Евдокіею, то въ мрачной обители преподобнаго Сергія Радонежскаго, то тамъ, далеко, на невѣдомомъ полѣ кровавомъ, гдѣ ждетъ его судъ божій. А каковъ будетъ этотъ судъ, этого никто не знаетъ... Рядомъ съ нимъ стоитъ другъ его и родственникъ, неизмѣнное копье, Володимеръ-свѣтъ Андреевичъ, серпуховскій князь: онъ также горячо молится, изрѣдка поглядывая то на друга своего Димитрія, то на ликъ Богородицы, освѣщенный полосою лѣтняго солнца, ворвавшагося сквозь узенькое соборное окно. Его лицо покойно и мужественно. Тутъ же молятся и другіе князья, Бѣлозерскіе, Каргопольскій, Устюжскій, Ростовскій, Серпейскій, и всѣ главные воеводы, между которыми особенно бросаются въ глаза своею молодцеватостью Михайло Бренкъ и братья-иноки Пересвѣтъ и Ослябя съ схимами на головахъ.

Когда кончилась служба, Димитрій и всѣ другіе князья приблизились къ мощамъ Петра митрополита и упали передъ ними ницъ.

— О, чудотворный святителю!—воскликнулъ Димитрій, стоя передъ мощами угодника.—Поганіи идутъ на меня, неизмѣннаго раба твоего, и крѣпко ополчилися, вооружаются на градъ твой Москву!.. О, чудотворче! Тебя проявилъ Господь послѣднему роду нашему... тебѣ подобаетъ молиться, мы твоя паства...

Далѣе онъ не могъ говорить, слезы заглушили его голосъ...

Владиміръ Андреевичъ задумчиво глядѣлъ на мощи: Открытое, мужественное лицо его, казалось, говорило: экое махонькое, сухонькое тѣльцо святительское... что въ емъ вѣсу! однѣ косточки... а великая сила въ костяхъ сихъ праведныхъ обрѣтается, гдѣ нашей силѣ!»...

И онъ съ жалостью взглянулъ на свои мускулистыя руки, на тучное, все трепыхавшее отъ плача тѣло друга своего Димитрія...

Изъ Успенскаго собора князья и воеводы пошли въ Архангельскій. Молились и тамъ. Димитрій кланялся гробамъ своихъ прародителей... Изъ Москвы изъ этого темнаго собора, мысль его почему-то невольно перенеслась въ Кіевъ, въ далекій Кіевъ, котораго онъ никогда не видѣлъ... И тамъ мои прародители, думалось ему: и баба Ольга, прабаба наша великокняженецкая и Володимеръ равноапостольный, и Ярославъ мудрый, и Володимеръ Мономахъ... блаженни въ успеніи своемъ... ими не володѣли поганые... а мы—мы улусники татарскіе, холопи Мамаевы... Соромъ мнѣ предъ вами, отцы и праотцы мои!..»

И краска стыда залила его полныя щеки... Онъ взглянулъ на Владиміра Андреевича и со стыдомъ отвернулся отъ него...

— Ты что господине княже?—съ недоумѣніемъ спросилъ тотъ.

— Соромъ, друже... Изсоромотили есмы сами себе,—загадочно, отвѣчалъ Димитрій.

— Чѣмъ изсоромотилисмо, княже?

— Неволею татарскою... передъ прародителями соромъ.

Владиміръ понялъ своего друга и судорожно сжалъ рукоятку своего длиннаго меча...

— Такъ ляжемъ костьми... мертвіи бо сорома не имуть,—съ дрожью въ голосѣ сказалъ онъ.

— Аминь... Положимъ головы за гробы отцовъ и за честь нашу...

Князья вышли на площадь, гдѣ происходило молебствіе передъ дружинами. Громко и стройно пѣло все собравшееся московское духовенство, призывая побѣду на христолюбивое воинство и погибель на «поганые агаряны». Торжественно звонили колокола московскихъ церквей, которыхъ было тогда еще немного, но звонъ этотъ, казалось, воодушевлялъ бородатыя рати, чувствовавшія всю строгость минуты. По многимъ щекамъ текли слезы.

Когда князья были покроплены святою водой, и начались уже проводы, «послѣднее цѣлованіе», тогда весь Кремль огласился женскимъ плачемъ. Больше всѣхъ, казалось, плакала великая княгиня Евдокія. Свѣтлые и голубые, какъ незабудки, глаза ея совершенно распухли. Обхвативъ своими пухлыми бѣлыми руками воловью шею своего «лада милаго», она такъ и застыла на высокой, обтянутой кольчугою груди князя и только шептала пересохшими губами: «на кого ты меня, хоти юну твою, ладо мое, покидаешь?.. Охъ, ладо мое, ладушко! Княжецъ мой, Митюшка! оохъ!». «Не плачь, не стени, хоти моя милая, супруга моя Евдокія желанная! Не стени, кукушечка моя, младо зезулица!» утѣшалъ ее Димитрій... А у самого слезы тоже готовы были брызнуть, да нельзя... соромъ передъ ратью... вся Москва смотритъ...

Всѣхъ оплакивали, обнимали, крестили, цѣловали... Только и видны были взмахи женскихъ рукъ, что заплетались за шеи своихъ воевъ милыхъ, да слышались женскія причитанья, словно свирѣли голосистыя, и шмелиное жужжанье мужскихъ голосовъ, утѣшавшихъ своихъ другинь, женъ, сестеръ, матерей...

Одни только схимники Пересвѣтъ и Осляби одиноко стояли въ сторонѣ, потупивъ глаза въ землю и стараясь никого не видать: съ ними некому было прощаться, некому было пожалѣть объ нихъ, припасть на могучія груди, потому что... потому... да потому, что ужъ имъ такъ на роду было написано... не было тутъ милыхъ женскихъ рукъ, которыя бы обхватили ихъ шеи, прикрытыя черными схимами...

Послѣ молебствія, рати, по трубному знаку, стали выходить изъ Кремля тремя воротами: Фроловскими, что нынѣ Спасскія, Никольскими и Константино-Еленинскими, выходившими тогда къ Москвѣ-рѣкѣ, нынѣ не существующими. Въ воротахъ стояли

дьяконы и протодіаконы съ огромными мисами святой воды, а попы и архіереи, макая въ мисы кропилами, брызгали святою водою на воинство, шедшее рядами и блиставшее доспѣхами на тѣлѣ и слезами на глазахъ и щекахъ. Сзади шли толпы женъ, матерей, дѣтей и иныхъ сродниковъ и оглашали воздухъ рыданіями: послѣдній разъ они обнимали своихъ ладушекъ милыхъ, какъ птицы бѣлыми крыльями, а теперь этими руками остается только отирать горючія слезы...

Выѣхали изъ Кремля съ своими ополченіями князья и воеводы. Димитрій ѣхалъ на своемъ бѣломъ арабскомъ конѣ, котораго онъ любилъ такъ, какъ Олегъ вѣщій любилъ своего коня боевого, отъ котораго ему и смерть приключилась. Грузно, но картинно сидѣлъ великій князь на своемъ любимцѣ, опираясь на золоченыя стремена и блистая доспѣхами своими, золотою «кордою» и золоченымъ шлемомъ, блестящею «колонторою» и великолѣпною княжескою «подволокою»...

— Охъ, въ якову лѣпоту облечеся, князь нашъ великій!— слышалось въ толпѣ.

— Дюрди побѣдоносецъ, воистину Дюрди...

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ другъ его неразлучный, Володиміръ. Взоръ его былъ полонъ отваги: «ляжемъ костьми, не посрамимъ земли русскія», такъ, казалось, и говорили сѣрые глаза его, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей.

Выѣхавъ изъ Кремля, они невольно остановились въ нѣмомъ восторгѣ. Ратямъ, казалось, конца не было, и красота ихъ была неописанная. Онѣ стояли нескончаемымъ рядомъ вдоль кремлевской стѣны, глядя на московскія святыни и какъ бы въ нихъ самихъ почерпая отвагу. Копья и сулицы торчали какъ лѣсъ, и солнце, играя на остріяхъ колчаръ, на металлическихъ бляхахъ колонторъ, на яловцахъ остроконечныхъ шлемовъ, кидало густую тѣнь отъ тѣсно сплоченныхъ коней, украшенныхъ цѣпями и гремучею наборною сбруею. А огромные красные щиты, которыми былъ прикрытъ лѣвый бокъ и плечо каждаго ратника, зловѣще говорили о багровой крови врага, о цѣлыхъ потокахъ крови, которые потекутъ подъ этими огненными щитами.

— О, княже господине! — невольно воскликнулъ Владиміръ.—Какова рать наша!

— Воистину таковой рати не бывало, какъ и Русь стоитъ,— тихо отвѣчалъ Димитрій.

Онъ поѣхалъ вдоль строя, и, остановившись на серединѣ, поднялъ правую руку, какъ бы на молитву. Все замолкло кругомъ; даже женщины и дѣти удержали свой плачъ.

— Братія!—воскликнулъ великій князь голосомъ, который пронесся отъ одного конца ополченія до другого.—Лѣпо намъ, братія, положить головы наши за правовѣрную вѣру христіанскую!.. Да не возьмутъ поганые городовъ нашихъ, да не запустѣютъ церкви наши да не будемъ разсѣяны по лицу земли, а жены наши и дѣти да не отведутся въ полонъ на томленіе отъ поганыхъ! Да умолитъ за насъ Сына своего и Бога нашего Пречистая Богородица!

— Слава великому князю! Слава!—загремѣло по рядамъ.

— Мы приговорили положить свой животъ за русскую землю и прольемъ кровь свою за нее!—слышались ближайшіе голоса.

Всѣ князья и воеводы проѣхали по рядамъ, осматривая каждый свою часть, свой полкъ, свои отдѣльныя рати, конниковъ и пѣхотинцевъ. Все оказалось въ порядкѣ.

По знаку великаго князя, ударили походъ. Завыли ратныя трубы страшнымъ, нечеловѣческимъ воемъ, загремѣли варганы. Прощальный, проводной звонъ колоколовъ, топотъ и ржаніе коней, невообразимый брязгъ и лязгъ оружія, сбруи и всякихъ звенящихъ доспѣховъ, вопль провожающаго населенія, лай испуганныхъ собакъ, все это заставляло трепетать удалью и «хороборствомъ» сердца «хоробрыхъ» витязей и пыть тоскою и обливаться кровью сердца робкихъ и провожающихъ.

Впереди чернымъ пологомъ колыхалось въ воздухѣ огромное, черное какъ ночь, великокняжеское знамя, «стягъ великій», съ изображеніемъ на немъ страстей христовыхъ... Знаменіе, приличное страшному, кровавому дѣланію, которое должно было твориться подъ его сѣнью... Издали оно казалось черною птицею, которая рѣяла надъ войскомъ...

Великій князь ѣхалъ подъ самымъ стягомъ: это его голову осѣняла своими крыльями черная птица, рѣявшая надъ ратями «хоробрыхъ русичей»...

А сзади, въ Кремлѣ, на вершинѣ золотоверхаго терема вели-

кокняжескаго подъ южными окнами, въ набережныхъ сѣняхъ сидѣла великая княгиня, окруженная воеводскими женами. Удерживая потоки слезъ, которыя мѣшали имъ видѣть удаляющееся войско и которыя все-таки лились неудержимо, покинутыя своими «ладами» женщины не спускали глазъ ни съ этой, кажущейся птицей, черной точки, великокняжескаго стяга, ни съ этой массы двигающихся коней и всадниковъ съ блестѣвшими на солнцѣ остріями копій; не ни лицъ, ни отдѣльныхъ фигуръ уже нельзя было отличить, все покрывалось дымкою дали и пылью, встававшею надъ войскомъ. Москва сразу, казалось, опустѣла, какъ опустѣло въ сердцѣ каждой изъ этихъ плакавшихъ женщинъ, и все казалось унылымъ, осиротѣлымъ, мрачнымъ, какъ могила...

— Сестрицы мои, голубицы мои! Охъ!—плакалась Евдокія,—стягъ, стягъ-отъ черный, княженецкій, вижу, вонъ онъ, аки вранъ черенъ рѣетъ... а его, князя моего милаго, не вижу... О! Тошно мнѣ!..

VI. Ополченіе въ Коломнѣ.

Ополченіе двинулось по направленію къ Коломнѣ.

Тамъ, гдѣ въ наши времена лежитъ гладкій, широкій шоссейный путь съ сторожевыми будками и станціонными домами, и гдѣ теперь неумолкаемо гремятъ день и ночь паровозы съ сотнями товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ, пролетая желѣзнымъ путемъ мимо тысячъ телеграфныхъ и верстовыхъ столбовъ съ нитями телеграфныхъ проволокъ, мимо сторожекъ, будокъ, заставъ и богатыхъ станціонныхъ зданій, обдавая дымомъ воздѣланныя поля, оголенныя, какъ русскій подбородокъ при Петрѣ, лѣсныя рощи, города, села, деревни, сады и роскошные замки желѣзнодорожныхъ «русичей», «нѣмцевъ», «агарянъ» и иныхъ «бесерменъ», тамъ въ описываемое нами время лежала кругомъ ужасающая глушь, лѣса, болота и невоздѣланныя поля. Только узкая полоса земли, по которой иногда проходили караваны купцовъ «сурожанъ» да проѣзжали за данью и «поминками» татарскіе баскаки и темники, или проходили немногочисленныя рати удѣльныхъ князей, чтобъ погрызться другъ съ дружкой изъ-за стола великокняжескаго или изъ-за города, нахрапомъ взятаго сосѣдомъ, только эта проѣзжая полоса представляла возможность

передвиженія; все же кругомъ было пустынею дремучею и трясиною невылазною съ медвѣжьими, волчьими, куньими, рысьими и иными звѣриными путями, по которымъ свободно рыскало всякое звѣрье, а иногда хоробрые Микитки да Добрыньки для добычи шкуръ и мяса этого звѣрья, шкуръ на подати князю и его тіунамъ, а мяса—себѣ и своимъ двуногимъ звѣренышамъ «хрестьянамъ» на кормъ.

Этимъ-то дикимъ путемъ, прародителемъ нынѣшняго цивилизованнаго рельсоваго пути, двигались къ Коломнѣ рати «русичей». Понятно, что онѣ двигались медленно, часто гуськомъ, между непроходимыми борами, а иногда въ разбродъ, стадами, гдѣ открытое поле представляло къ тому возможность. Десятки верстъ заняты были этими ратями, за которыми, бѣшено скрипя колесами, тащились тысячи телѣгъ съ провизіею, котлами, таганами и всевозможнымъ скарбомъ. Дикая пустыня ожила: никогда не видала она такого множества людей и коней, никогда мертвая тишина ея не нарушалась такимъ невообразимымъ ржаніемъ лошадей, людскимъ говоромъ и громомъ оружія. Дикіе звѣри, заслышавъ необычайный шумъ, спѣшили укрыться въ чащѣ лѣсовъ, а иногда, озадаченные нечаяннымъ появленіемъ такого множества народа, застигнутые какъ бы въ расплохъ, звѣри эти, мало еще напуганные, приходили въ необыкновенное смятеніе, медвѣди, выходя изъ чащи лѣса, становились на заднія лапы и рычали страшно на людей и на коней, волки отчаянно выли на скрипящіе обозы, лисицы выползали изъ норъ и трущобъ и, точно въ «Словѣ о полку Игоревѣ» «лаяли на червленые щиты» ратниковъ и на ихъ блестящіе доспѣхи. Птицы кружились стаями и наполняли воздухъ криками, ибо и непривычной птицѣ казалось, что это не люди двигались, а что лѣса дубравные, «борове великіе», снялись съ своихъ мѣстъ и идутъ невѣдомо куда на полдень.

Во время приваловъ, по вечерамъ и на утренней зарѣ, гулъ надъ ратями стоялъ еще болѣе страшный и въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ неслыханный. Прислужники, холопы и рабы разбивали княжескіе, воеводскіе и боярскіе шатры и наметы. Пестрота шатровъ была невообразимая, и чѣмъ владѣлецъ шатра былъ богаче и знатнѣе, тѣмъ шатеръ былъ больше и пестрѣе. Въ самой серединѣ обоза разбивался наметъ великокняжескій, пестрѣвшій всѣми цвѣтами возможными въ природѣ, и блиставшій по-

золотою украшеній, копьковъ, пѣтушковъ, еловцевъ, и мишурою шнуровъ и кистей. Надъ нимъ всегда чернѣлъ большой великокняжескій стягъ, тоже съ золочеными еловцами и золотными кистями. Вокругъ этого шатра, какъ вокругъ соборнаго храма, разбивались меньшіе шатры, наметы удѣльныхъ князей. За этими шатрами—шатры простыхъ воеводъ и бояръ. И эти шатры пестрѣли цвѣтами своихъ удѣловъ и областей: гдѣ рѣзалъ глаза красный цвѣтъ, гдѣ зеленѣлъ яркозеленый, гдѣ синій и алый. Удѣльные и полковые стяги имѣли также свои отличительные цвѣта и изображенія: на одномъ страсти христовы, на другомъ святой «Дюрди» или Георгій побѣдоносецъ, на третьемъ «Микола чудотворецъ».

Ратные люди разводили костры, зажигали цѣлыя рощи, и распускали такое зарево, что оно будило всѣхъ звѣрей и птицъ, и всю ночь окрестности стонали отъ звѣринаго реву и вою, отъ птичьяго грая и клекота.

Къ кострамъ приставлялись таганы и треноги, кипѣли котлы съ варевомъ, шипѣли волы и бараны на огромныхъ вертелахъ.

Въ палаткахъ слышался говоръ князей и бояръ, звонъ чашъ, стопъ и братинъ: одинъ удѣльный князь угощалъ другого съ его воеводами и боярами, а бояре, князья и воеводы другихъ земель чествовали сосѣдей и не сосѣдей, пировали и братались, мѣняясь крестами и оружіемъ, ибо въ то время боярамъ и князьямъ разныхъ удѣловъ, городовъ и земель не легко было съѣзжаться при непроходимости путей и при постоянныхъ усобицахъ: муромцы пировали и обнимались съ суздальцами, верейцы цѣловались и братались съ серпуховцами, боровитяне угощали угличанъ, тверитяне бѣлозеровъ... Вспоминались общія обиды, претерпѣнныя отъ «поганыхъ», упоминались имена князей и бояръ, замученныхъ въ Ордѣ, не забывалось и о тяжкихъ даняхъ, наложенныхъ «безбожными срацинами...»

И простые воины разныхъ земель и удѣловъ знакомились между собою: всѣ эти «хрестьяне», Рогволоды да Ярополки, Микиты даДобрыни, карачаровцы и москвитяне, устюжане и володимерцы, синія рубахи съ красными ластовками и красныя рубахи съ синими ластовками по землямъ и городамъ, все это сходилось къ общимъ шатрамъ, говорило и шутило разными мѣстными го-

ворами, «окали» и «акали», «цовокали» и «човокали», «вякали» и «дзякали». Москвитяне смѣялись надъ половчанами, тверитяне надъ нижегородцами, у однихъ хаялись шапки, у другихъ шляпы, у тѣхъ порты осмѣивались, у этихъ зипуны и лапти, «звычаи», и «обычаи», «норовъ» и «ухватка»: тѣхъ дразнили что они якобы «своего бога съ кашей съѣли», другихъ—якобы «овину свѣчи ставятъ», третьи—«лаптемъ шти хлебаютъ», у четвертыхъ—«чортъ дѣтей качаетъ...» Говоръ, смѣхъ, а тамъ—сонъ всего ополченія и сторожевые оклики часовыхъ да вой потревоженныхъ звѣрей по полю и по дубравамъ...

Чуть заря, все снималось съ прежнимъ шумомъ и гамомъ и двигалось далѣе на полдень...

На восьмой только день ополченіе подошло къ Коломнѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города ополченіе встрѣчено было воеводами новыхъ полковъ, которые, по увѣщательнымъ грамотамъ изъ Москвы, сошлись къ Коломнѣ изъ разныхъ областей земли русской: Микула Васильевичъ—воевода полка коломенскаго, Андрей Серкизъ — воевода полка переяславскаго, Иванъ Родіоновичъ—воевода полка костромского, Тимоѳей Валуевичъ—воевода полка юрьевскаго, князь Романъ Прозоровской—воевода полка владимірскаго, князь Ѳедоръ Елецкой—воевода полка мещерскаго, князья Юрій и Андрей—воеводы муромскаго полка. Военачальники обнимались и цѣловались между собою словно бы это было свѣтлое христово воскресеніе...

Въ коломенскихъ воротахъ ополченіе встрѣчено было епископомъ Герасимомъ, а коломенскія церкви звонили во всѣ колокола. Никогда такого множества ратей не видала Коломна и вся высыпала на улицы, на площади, за городъ. Бабы коломнянки и богатые люди расхаживали по рядамъ и поили ратныхъ квасами, медами, брагами и угощали калачами и баранками; всѣ эти вои, сошедшіеся въ первый разъ со всѣхъ концовъ русской земли, казались «своими», «ближними», «сродниками», не смотря на различіе одежды и говоровъ...

— Сестрицы мои милыя!—съ умиленіемъ говорила одна коломнянка другимъ бабамъ съ ведрами за плечами.—Какъ они, ратные-тѣ, погнали своихъ коней на Оку-рѣку на водопой, такъ я, голубушки мои, думала, что кони-то всею Оку выпьютъ,—таково много коней!

— Гдѣ, мать моя, комонемъ Оку испити! Не испить ее,— успокоивала ее другая баба.

— Ковшомъ моря неисчерпати,—пояснила третья.

— Что и говорить! А много воевъ, охъ много! Ино голуби со страху послетали съ церквей и не вѣдаютъ, гдѣ сѣсти...

Особенно поражали всѣхъ два рослыхъ красивыхъ воина, которые на богатыхъ коняхъ и въ дорогихъ доспѣхахъ неотлучно слѣдовали за великимъ княземъ, имѣя на головахъ черныя покрывала съ нашитыми на нихъ бѣлыми черепами... То были Пересвѣтъ и Ослябя.

На другой день по прибытіи ополченія къ Коломнѣ, великій князь велѣлъ всѣмъ ратямъ, и съ нимъ прибывшимъ, и до него, выстроиться на лугу, подъ самымъ городомъ, на мѣстѣ, гдѣ совершали коломняне свои обрядовыя «игрища» и пѣли «ой Дидъ-Ладо» да величали Ярилу. Лугъ этотъ, какъ и въ Карачаровѣ, какъ и подъ Москвою, назывался «дѣвичьимъ полемъ».

Нельзя было безъ умиленія и восторга, конечно, со стороны тогдашняго «русича», смотрѣть на это небывалое зрѣлище, на обширное, ровное, зеленое поле, усѣянное несмѣтнымъ воинствомъ, необозримыми полчищами, какихъ еще ни разу не приходилось видѣть ни одному русскому съ тѣхъ поръ, какъ почалась русская земля: ни на Печенѣговъ и Половцевъ, ни на Хозаръ и Касоговъ, ни на Черныхъ клобуковъ и Грековъ, русская земля не высылала такого множества ратей, и притомъ такого поражающаго разнообразія, разнообразія въ цвѣтѣ одежды, въ ея покроѣ и качествѣ, разнообразія въ доспѣхахъ, въ вооруженіи, шишакахъ и кольчугахъ... И надъ всѣмъ этимъ царилъ, поражая зрѣніе, яркій, огненно-красный, «червленый» цвѣтъ огромныхъ щитовъ, которые стояли и колыхались въ полѣ, точно живые, подвижные заборы, съ глядящими черезъ нихъ человѣческими головами въ шишакахъ и съ длинными копьями-«колчарами»... И надъ всѣмъ этимъ рѣяли, какъ большекрылыя птицы, разноцвѣтные стяги, знаменовавшіе собою всю собравшуюся воедино сѣвернорусскую землю...

— О, велика ты, земля русская, земля православная!—съ трепетомъ воскликнулъ великій князь при видѣ поразительнаго зрѣлища и молитвенно поднялъ къ небу руки, какъ бы призывая милость неба на этотъ цвѣтъ русской земли.

— И еще не вся она, княже, собралася,—со вздохомъ замѣтилъ Володиміръ Андреевичъ.

— Не вся, друже... Кто же будетъ кокошъ оный, иже соберетъ птенцы своя подъ крилы, вся птенцы?

— Ты, господине княже, кокошъ оный...

Великій князь грустно покачалъ головой, свѣтя золотою еловцею шлема... «Ни-ни, друже... Малъ бѣхъ въ дому матере моея, святой Русіи, малъ и буду...»

— Слава великому князю! Слава!—прогремѣли ряды, завидѣвъ Димитрія.

— Слава великому и христолюбивому воинству! Слава!—отвѣчалъ громко великій князь, кланяясь на сѣдлѣ и подъѣзжая къ «первому суйму», къ переднимъ рядамъ середины ополченія, расположившагося полукругомъ, такъ что по сторонамъ его были «правая рука» и «лѣвая» или правое крыло и лѣвое.

Ополченіе расположено было «по землямъ»—земля суздальская, земля московская, земля тверская, земля володимірская, а всѣ вмѣстѣ изображали собою русскую землю. «Большимъ воеводою» «правой руки» былъ Владиміръ Андреевичъ, «лѣвой»—Левъ Брянскій, «середины»—самъ великій князь.

Войска осмотрѣны. Приказъ отданъ: протрубили трубы звонкія выступать въ походъ назавтра, августа 30, на память славнаго и святаго князя Александра Невскаго, прародителя великаго князя Димитрія.

Ратнымъ людямъ уготовано было всѣмъ городомъ великое кормленіе, трапеза и питіе богатое. Трапезовали тутъ же, на «дѣвичьемъ полѣ», подъ открытымъ небомъ, сидя купами на травѣ. За трапезою служили всѣ коломняне поголовно, отъ мала до велика, разносили по купамъ яства, разливали зелено вино, квасы и меды сладкіе. А князья и воеводы трапезовали особо, въ городѣ: ихъ почтилъ трапезой Герасимъ епископъ.

Хорошо потрапезовали и выпили ратные. Разгорѣлась кровь молодецкая, развязались языки, пошелъ гулъ и говоръ по полю.

Особенно живая бесѣда шла въ одномъ кругу, именно въ муромскомъ полку. Ратные люди собрались вокругъ знакомаго уже намъ краснобая, Малюты-карачаровца, того самаго ратнаго, котораго мы видѣли въ селѣ Карачаровѣ около «игрища» въ бесѣдѣ съ старымъ старцемъ Рогволодомъ, и который хвалился, что когда-то онъ съ княземъ Волынскимъ Казань громилъ, а по-

томъ вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ съ поля битвы на берегахъ рѣки Пьяной, когда русскіе потерпѣли пораженіе отъ царевича Арапши. Теперь Малюта сидѣлъ на травѣ, поджавши ноги, и важно отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы.

— Такъ землякъ твой былъ Илья-то Муромецъ?

— Стало землякъ, коли изъ одново села.

— Ой ли! Съ самово Карачарова?

— Изъ нево... И избы-тѣ наши, моя и Ильина, чу, Муромца, рядомъ стоятъ.

— Что ты! Ахъ! И сказку про нево сказывать, поди, гораздъ?

— Гдѣ не гораздъ!

— А ну, скажи, человѣче, мы послушаемъ.

— Скажи, братецъ, потѣшь насъ, уважь!—приставали другіе ратные.

Малюта началъ было ломаться; но потомъ, внявъ общимъ мольбамъ, откашлялся и началъ тягучимъ, однообразнымъ голосомъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону:

Въ старину было въ стародавнюю,
Ишшо Володимеръ князь да столъ держалъ,
Въ ту пору было въ славномъ городѣ во Муромѣ.
Въ большомъ селѣ Карачаровѣ
Жилъ хрестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ.
У тово ли у хрестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище едино любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протеръ.

— Ахъ!—не вытерпѣлъ одинъ ратничекъ.—Подъ собой яму протеръ, слышь...

— А ты не перебивай!.. Ишь бога-ту свово съ кашей съѣлъ, да туда жъ лѣзетъ!—осадили его сосѣди.

Ратничекъ, съѣвшій якобы своего бога съ кашей, заморгалъ глазами и замолчалъ.

Поощренный общимъ вниманіемъ, Малюта продолжалъ:

Приходило тутъ веремя-то лѣтнее,
Веремя страдное, дни сѣнокосные,
Уходилъ осударь ево батюшка,
Со родителемъ ево, со матушкой
Да со всѣмъ сѣмьемъ любимыимъ
На работушку на ту хрестьянскую,

Очищать отъ дубья-колодья поженку—
Оставался дома одинъ Илья.
Идутъ тутъ мимо старцы незнамые,
Нища братія, калики перехожіи,
Становились подъ окошечко косящато,
Говорили Ильѣ таковы слова:
...Ай ты гой еси, Илья Муромецъ, хрестьянской сынъ!
Возставай-ка на рѣзвы ноги,
Отворяй-ко ворота широкіи,
Впускай-ко каликъ во храмину,
Подавай-ко каликамъ напитися»...

— Испей, касатикъ, испей на здравіе.

Это словно изъ земли выросла баба съ ведрами на плечахъ, та самая, что боялась, какъ бы ратные кони всей Оки не выпили. Только теперь у нея была не вода въ ведрахъ, а брага, да такая ядреная, что какъ стали ратные люди испивать ее ковшами, то забыли и про Илью Муромца, да такъ до ночи и кружилъ коломенскій ковшъ...

VII. Таинственный Боброкъ.

Прошла еще недѣля. Ополченіе продолжало двигаться къ югу, оставивъ за собою Оку и вступивъ въ совершенно уже невѣдомыя области, такъ мало знали тогда русскіе люди свою, русскую землю. Тутъ уже приходилось ополченію итти подъ руководствомъ знающихъ дѣло «вожей». Кто жъ могъ быть тогда этими «вожами»—проводниками, какъ не торговые люди «сурожане», которые бродили изъ страны въ страну, пробирались отъ моря Сурожскаго къ морю Хвалынскому, отъ Хвалынскаго въ страны тмутараканскія, торговали и въ Булгарахъ на Волгѣ, и въ Сараѣ, и въ Итилѣ, толкались и по базарамъ Херсонеса и Козлова, прислушивались и къ звяканью кандаловъ на ногахъ невольниковъ, продаваемыхъ въ Кафѣ на рынкѣ, и къ рокотанью струнъ «Бояновъ вѣщихъ» на полузапустѣлыхъ улицахъ города Кіева...

Такихъ «вожей сурожанъ» находилось при русскомъ ополченіи десять человѣкъ. Одинъ изъ нихъ особенно поражалъ своимъ умомъ, всезнаніемъ и «вѣдовствомъ». Сорокъ лѣтъ онъ ходилъ и ѣздилъ морями изъ одной земли въ другую, зналъ норовы и обычаи всѣхъ странъ и народовъ, говорилъ на всѣхъ языкахъ, зналъ онъ и по-сурожски, и по-русски, разумѣлъ и татарскую рѣчь, и греческую, говорилъ и по-нѣмецки, и по-венедицки, и по-

кафински, и польскою, и сербскою рѣчію. А какъ станетъ разсказывать о своихъ походахъ да торгахъ, да чудесахъ заморскихъ, такъ волосъ дыбомъ становится! Въ Цареградѣ онъ видѣлъ самого царя греческаго Палеолога и ризу Богородицы, что руссовъ, сказываютъ, потопила. Въ Кіевѣ въ пещерахъ бывалъ и Золотыя Врата видѣлъ, и пѣсни кіевскихъ слѣпцовъ слышалъ. Когда была на Руси «черная смертъ», такъ онъ тогда былъ молодымъ, и, прослышавъ про моръ, ушелъ изъ Пскова за море въ Галанскую землю. Когда ходилъ въ сербинскую землю, то видѣлъ, какъ хоронили царя ихъ, Степана Душана, и кутью на его поминкахъ ѣлъ. И въ Булгарахъ за Волгой алатыремъ-камнемъ торговалъ, и въ Сараѣ бывалъ и самому Озбяку царю большой алатырь-камень подарилъ, а Мамаю—саблю «едимашку».

Таковъ былъ этотъ «сурожанинъ!» Путь онъ узнавалъ по звѣздамъ да по мѣсяцу. Зналъ, гдѣ въ какой землѣ какіе звѣри есть и птицы невиданныя и камни самоцвѣтные, что ночью безъ огня горятъ и путь показываютъ. Видѣлъ и кита въ морѣ, и людей морскихъ, что до половины баба, до половины же рыба съ плесомъ и плавниками, въ ясный день, передъ бурей, изъ моря выскакиваютъ и въ ладоши плещутъ.

Но болѣе всего поразилъ этотъ «сурожанинъ» великаго князя и его дружину разсказомъ о томъ, какъ онъ на одномъ венедицкомъ кораблѣ, когда ѣхалъ въ Кафу, ѣлъ ту самую рыбку, которую сама Богородица-матушка ѣла да не доѣла...

— Какъ же сіе приключися, человѣче?—съ удивленіемъ спросилъ его Димитрій.

— Сицевымъ образомъ, сказываютъ, княже: когда жидове распяли на крестѣ Господа нашего Исуса Христа, пречистая мати его, Богородица, много молилась и плакала и три дня постъ держала. А черезъ три дня нача оная Богородица поминати Сына своего и Бога нашего и поминала его рыбкою, рыбку кушала. Въ онъ часъ пріиде къ ней Марія Магдалина и рече: «Христосъ-деи воскресъ». А Богородица отвѣща ей: «како можетъ мертвый кресити не?—Тогда, говоритъ, мертвый Христосъ воскреснетъ, когда-де сія рыбка оживетъ»... А рыбку оную Богородица уже до половины скушала, одинъ бочокъ начисто обглодала... И какъ она рекла словеса оныя, что тогда-деи повѣрю, что Христосъ воскресе, когда сія рыбка оживетъ, рыбка

та, оле чудесе! скокъ на столъ, да со стола и оживе! И живетъ доселѣ въ морѣ...

— И ты ее ѣдалъ?—изумился великій князь.

— Ѣдалъ, господине княже.

— Какова жъ она?

— Нарочито невеличка, съ лещика будетъ, токмо круглѣе, аки ладонь большая, и одинъ бочокъ, такъ и видно, обглоданъ, и одново глаза нѣтъ съ однимъ глазомъ рыбка...

— А какъ именуютъ рыбку ту?

— Камбалою именуютъ.

Въ это время вдали, за передовымъ отрядомъ, завыли рога. Рати невольно стали прислушиваться, какія вѣсти трубятъ рога? Привалу еще рано быть: солнце клонилось къ западу, но вечеръ еще не наступилъ, хотя въ этомъ завываньи роговъ не было ничего тревожнаго, боевого, а напротивъ, слышалось что-то привѣтственное, однако, всѣ изумленно и тревожно смотрѣли впередъ... А если «поганые?»... А «литва?»...

— Рогъ незнакомый,—замѣтилъ великій князь,—это не наши рога.

— Не наши,—подтвердилъ и Владиміръ Андреевичъ:—голоса чужіе.

— Кіевски голоса,—замѣтилъ въ свою очередь всевѣдущій «сурожанинъ»,—хохлацки... это кіевски рога, я знаю...

Димитрій, Владиміръ, Пересвѣтъ, Ослябя и другіе «извольники» князя поскакали впередъ.

Навстрѣчу ополченія шло облако пыли, привѣтливо трубили звонкіе рога, и изъ-за пыли виднѣлись цвѣтныя знамена, полоскавшіяся въ воздухѣ. На еловцахъ знаменъ блестѣли кресты...

— Наши! Наши! Хресты видать!—закричали ратные.

— У поганыхъ хрестовъ нѣтъ на стягахъ, хрестьяне идутъ!

— Трубчане, братцы, идуть, да брянчане, ихъ одежа, ихъ посадка и стяги!

Дѣйствительно, во вновь приближавшихся ратяхъ ничего не было видно враждебнаго, либо иноплеменнаго: все, и люди, и стяги, и доспѣхи, и одѣяніе, все напоминало «руєичей». Впереди, подъ алымъ съ золотомъ стягомъ, ѣхали два молодыхъ всадника, а третій уже пожилой. Подъ первыми были вороные копи, а подъ третьимъ громадная рыжая лошадь, съ необыкновенно развитою грудью и съ цѣлымъ лѣсомъ волосъ въ гривѣ.

Хотя вся внѣшность этихъ трехъ всадниковъ и особенно рати ихъ ясно говорили, что это не татары и не литва, однако, чѣмъ-то особеннымъ вѣяло отъ этихъ трехъ молодцоватыхъ фигуръ: двое младшихъ были бѣлокурые, тонкіе, жидкіе, съ голубыми глазами, юноши, совершенно не русскаго «образа», а какъ бы литовскаго; такихъ тоненькихъ и стройныхъ княжичей на Руси не видывано, русичи полновѣснѣе, тѣльнѣе, сдобнѣе; да русичи притомъ или бородатые, или совсѣмъ безбородые отроки, какъ мученики княженята Борисъ и Глѣбъ; а у этихъ нѣтъ бородъ, за то есть усики, да еще подвитые кверху, потараканьи... Нѣтъ, это не русичи... А ужъ третій, старшій, совсѣмъ смотритъ чѣмъ-то невиданнымъ: черные усы, «аки косы дѣвичьи», падаютъ на грудь, а борода голена, вотъ диво! А еще дивнѣе диво: изъ-подъ высокой шапки виднѣется бритая голова, бритые виски, и, оле чуда невиданнаго! настоящая коса дѣвичья, черная, что смола, только не заплетена, а перекинута за ухо... Вотъ чудище! Точно Соловей-разбойникъ, либо идолище какое... А смотритъ ласково, осклабляется и усомъ моргаетъ...

Увидавъ первыхъ двухъ молодыхъ всадниковъ, великій князь тотчасъ же узналъ ихъ и замѣтно обрадовался. Онъ приподнялся на сѣдлѣ, ротъ его невольно раскрылся въ привѣтливую улыбку, и правая рука приложилась къ груди, на которой висѣлъ массивный золотой крестъ подъ такою же гривною.

— Добро пожаловати, князи честніи!—воскликнулъ онъ.— Благословенъ грядый во имя Господне.

Молодые всадники поклонились и приложили руки къ груди.

— Другъ друга обымемъ!—продолжалъ великій князь, подъѣзжая къ всадникамъ.

Онъ обнялъ по очереди и того, и другого.

— Добраго пути и врагомъ одолѣнія! — сказали разомъ оба молодые всадника.—Мы и рати наши челомъ бьемъ тебѣ, господине княже.

— Братія моя милая! Оба есте князи, оба Олгердовича, Андрей и Димитрій! Положимъ есмы головы за Рускую землю, за домы божьи!—говорилъ Димитрій.

— Затѣмъ пришли, того и искать будемъ, а съ нами и наши добрыи молодцы, брянчане и трубчане,—отвѣчали Олгердовичи.

Прибывшіе молодые всадники были братья, князья Андрей и Димитрій Олгердовичи. Они были братья и Ягелла, великаго

князя литовскаго, но, будучи обижены имъ, перешли на сторону Димитрія московскаго, и одинъ изъ нихъ, Андрей, былъ призванъ на княженіе въ Полоцкѣ. Теперь они и привели съ собою въ помощь русскимъ ратямъ противъ Мамая свои дружины, брянчанъ и трубчанъ.

— А се, господине княже,—началъ было Андрей Олгердовичъ, показывая на страннаго черномазаго всадника съ огромными усищами и косой за ухомъ, который молча сидѣлъ на своомъ богатырскомъ конѣ и крутилъ усъ,—се, княже...—И остановился...

Къ великому князю, на страшно взмыленныхъ коняхъ, едва переводя духъ, подскакали еще два всадника. Потъ ручьями лилъ съ ихъ лицъ, шишаки ихъ и бороды были въ пыли, кони тяжело дышали...

— Съ какими вѣстями, братіе?—тревожно спросилъ великій князь прибывшихъ.

— Язъ, Петрушка Горской, да Карпунько Олексинъ, мы есмя гонцы отъ воеводы Семена Мелика,—торопливо отвѣчалъ одинъ изъ прибывшихъ.

— Такъ съ чѣмъ прислалъ васъ Семенъ?—торопилъ ихъ Димитрій.

— Прислалъ сказать: нечестивый-де Мамай стоитъ на Дону, на Кузьминой-Гати и ждетъ къ себѣ Олега рязанскова, да Ягелла литовскова.

Точно облачко пробѣжало по полному, красноватому лицу Димитрія... дрогнули вѣки... зрачки расширились... рука судорожно ухватилась за сердце...

— Такъ и Олегъ... окаянный,—невольно шептали его губы.

Краска сходила съ его полныхъ щекъ... губы дрожали... Но онъ силился овладѣть собою...

— А сколько у Мамая силы?—спросилъ онъ гонцовъ.

— Не перечести,—былъ короткій, но страшный отвѣтъ.

Димитрій опустилъ голову, снова поднялъ ее, глянулъ на Олгердовичей, которые стояли бодро и весело, на черномазаго съ косой, и тотъ глядитъ бойко, соколомъ, и улыбается однимъ усомъ... Димитрій глянулъ на друга своего, на Владиміра Андреевича, на воиновъ-схимниковъ, и видъ ихъ нѣсколько ободрилъ его...

— Объ-онъ-полъ Дона стоитъ нечестивый? — снова обратился онъ къ гонцамъ.—За Дономъ?

— За Дономъ, господине княже,—отвѣчалъ одинъ.

— У Красной Мечи,—пояснилъ другой.

— А что дѣлаетъ Семенъ Меликъ съ дружиною?

— Бьется съ передними ордами,—отвѣчалъ первый.

— Развѣдному полку путь преграждаетъ,—пояснилъ второй.

— А крѣпокъ Семенъ? Стоитъ?

— Крѣпокъ, господине княже.

— Ево дружина все нарочиты мужи-богатыри, что дубы стоятъ...

— Сѣкутъ поганыхъ гораздо...

Великій князь, снова оглянувшись кругомъ и поглядѣвъ на солнце, уже спускавшееся къ горизонту, приказалъ трубить привалъ.

Взвыли рожки и трубы, заржали кони, застонала окрестность отъ тысячъ голосовъ.

Великій князь, обратясь къ стоявшимъ около него князьямъ и воеводамъ, просилъ ихъ къ себѣ въ ставку, которая тутъ же и была разбита на маленькомъ возвышеніи, а Пересвѣта и Ослябю послалъ сейчасъ же звать остальныхъ князей и воеводъ въ свой шатеръ.

— Совѣтъ держать,—пояснилъ онъ.

Воины-схимники стрѣлой помчались въ разныя стороны.

Черезъ полчаса всѣ князья и воеводы были въ сборѣ. Великій князь сидѣлъ по серединѣ шатра, а кругомъ него всѣ военачальники. Рядомъ съ нимъ—Владиміръ Андреевичъ, противъ—оба Олгердовича съ своимъ черномазымъ, усатымъ и косатымъ спутникомъ, въ сторонѣ, у выхода—Пересвѣтъ и Ослябя, какъ двѣ черныя каріатиды.

Великій князь перекрестился, а за нимъ замахало руками и все собраніе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!—началъ Димитрій.

— Аминь!—былъ общій откликъ.

— Отъ воеводы отъ Семена сына Меликова пришли вѣсти: нечестивый Мамай стоитъ объ-онъ-полъ Дону, на Кузьминой-Гати, что къ Красной-Мечи, и ждетъ окаяннаго Олега рязанскаго и Ягелла литовскаго... Сила поганыхъ неисчислима... Вое-

вода Семенъ съ нарочитыми мужи преграждаетъ путь передпимъ ордамъ...

Димитрій остановился и глянулъ кругомъ, какъ бы желая почерпнуть мужества у воеводъ и перевести духъ. Грудь его, высоко подымаясь, колыхала золотой наперстный крестъ. Въ палаткѣ было тихо, несмотря на то, что кругомъ, надъ всѣмъ ополченіемъ, стоялъ гулъ и смѣшанный рокотъ.

— Братія!—продолжалъ Димитрій дрогнувшимъ голосомъ.— Приспѣ година... Что совѣтуете, да учинимъ?.. Переходить ли на ту страну Дона? Ждать ли на сей странѣ?

Онъ замолчалъ, тяжело и ускоренно дыша. Всѣ молчали, сопя и дыша усиленно.

— Итти или стоять?—повторилъ великій князь.

— Стоять, княже господине, — послышался одинъ робкій голосъ.

— Подобаетъ остаться на сей сторонѣ Дона,—заговорилъ другой, смѣлѣе.

— Правда: врагъ неисчислимъ, и татаровя, и рязанцы, и литва,—подкрѣплялъ третій.

— Истинно: покинимъ за собою рѣку, ино трудно будетъ назадъ итти... ненадобеть переходить...

— Овва! — раздался вдругъ странный голосъ точно изъ трубы.

Всѣ оглянулись. Это тотъ усатый и черномазый, что сидѣлъ рядомъ съ Олгердовичами, издалъ такой странный звукъ. Димитрій посмотрѣлъ на него вопросительно. Олгердовичи лукаво улыбались.

— Я, Митро Боброкъ, волынянинъ, совѣтъ даю такій тоби, пане великій князю, и всѣмъ панамъ княземъ и воеводамъ: ити на тотъ бокъ и битись съ погаными, бо хто самъ бьетъ, того не бьють, а хто самъ не бьеть, того бьють...

Эта неожиданная, сказанная никому неизвѣстнымъ пришлецомъ и такимъ страннымъ языкомъ рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Всѣ сидѣли ошеломленные. Пересвѣтъ и Ослябя, видимо, любовались незнакомцемъ.

— Панъ Боброкъ истину говоритъ, господине княже,—поддержалъ незнакомца Олгердовичъ, Андрей,—коли ты хощешь крѣпкаго бою, вели нынѣ же перевозитись за Донъ, дабы ни у кого и въ мысляхъ не было возвращаться вспять... Пускай

всякъ изъ насъ безъ хитрости бьетца, пусть не думаетъ о спасеніи, а съ часу на часъ себѣ смерти ждетъ... Тогда мы одолѣемъ поганыхъ...

— Добре! Добре, князю Олгердовичу! — отозвался таинственный Боброкъ.

— И я реку: добре!—сказалъ и другой Олгердовичъ, Димитрій.—А что, сказываютъ, у поганыхъ силы велики, такъ что на сіе смотрѣть! Не въ силѣ Богъ, въ правдѣ!—Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ о томъ, что и Богъ и сила—въ правдѣ, въ палатку вошелъ старый чернецъ, весь запыленный, видимо съ дороги, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, низко всѣмъ поклонился.

— Миръ вамъ!—сказалъ онъ.—Преподобный Сергій, игуменъ смиренныя обители святыя Троицы, прислалъ тебѣ, великому князю, и всѣмъ соратникомъ твоимъ свое пастырское благословеніе и грамоту.

Всѣ встали съ мѣстъ. Черный посланецъ досталъ изъ кожаной сумы маленькій свитокъ и подалъ его великому князю. Дрожащими руками развернулъ князь свитокъ, нагнулся къ нему, пробѣжалъ глазами, и лицо его освѣтилось радостью.

— Благодарю тебя, Господи!—воскликнулъ онъ, поднимая руки.—Святой отецъ вторицею благословляетъ меня на брань... Знаменіе сіе великое! За насъ помощь всемогущаго Бога и Пресвятыя Богородицы!.. «Дерзай, чадо!» глаголетъ преподобный... Воскликнемъ и мы съ псалмопѣвцемъ: «си на колесницѣхъ и си на конѣхъ, мы же во имя Господа возстахомъ и исправихомся!»... Возстанемъ же, братіе! Честная смерть унѣ есть злаго живота: унѣ бо было не ити противу безбожныхъ, не чѣмъ пришедъ до сихъ мѣстъ и ничто же сотворивъ, возвращатися вспять...

— Добре! Добре!—прогудѣлъ таинственный Боброкъ.

Въ этотъ моментъ въ палатку вошло новое лицо. Пришедшій былъ, видимо, съ дороги. Это былъ мужчина уже не молодой, съ сильно хвачекною просѣдью бородою и ясными сѣрыми глазами на шибко загорѣломъ лицѣ. Доспѣхи его были покрыты рубцами и запекшеюся кровью...

— Брате Семене! Съ какими вѣстями?—тревожно воскликнулъ князь Димитрій.

— Съ добрыми для хоробраго!—отвѣчалъ прибывшій.

— Что нечестивый Мамай?

— Всѣ силы темныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ ведетъ на насъ Мамай... Уже онъ на Гусиномъ-Броду... Едина токмо ночь промежу нашими и его полками... Вооружайся, княже! Заутра нападутъ на насъ поганые... Уже слышно ржаніе коней ихъ...

— Добре! Добре!—снова прогудѣлъ голосъ Боброка.—Комони ржуть за Сулою, гремитъ слава по Дону, великій князь Димитрій вступае въ златъ стременъ... Идемо на поганыхъ!

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на говорившаго; но никто не возражалъ... Только великій князь возвелъ очи горѣ и перекрестился...

— Быть по сему... Да будетъ воля твоя, Боже всемогущій!..

VIII. Ночь наканунѣ битвы. Предсказаніе Боброка.

Кто же былъ этотъ таинственный Боброкъ, слово котораго, можно сказать, рѣшило судьбу русской земли, двинуло нерѣшительнаго Димитрія и его рати за русскій Рубиконъ?

Лѣтописи говорятъ, что онъ былъ «волынецъ», выходецъ изъ южной Руси, которая во время татарскаго ига порвала всѣ связи съ сѣверной, московской, тверской, владимірской, суздальской и всей прочей подтатаренной. Прикрывшись Днѣпромъ и восточными степями, этими естественными преградами, отъ страшныхъ поработителей сѣверной Руси, южная—кіевская, волынская и подольская Русь медленно воскресала послѣ перваго, Батыевскаго погрома, распускалась и зацвѣтала новыми цвѣтами, какъ потоптанная конскими копытами трава. Въ ней все оставалось прежнее, какъ было еще при кіевскихъ князьяхъ, при Игорѣ и Святославѣ, при Ольгѣ и Ярославѣ—«законникѣ», при Владимірѣ—«красномъ солнышкѣ» и Владимірѣ «Мономахѣ»: не было только князей а были и прежніе Бояны, которые свои «вѣщіе персты на живыя струны возлагали» и «славу» не княземъ, а своимъ удалымъ богатырямъ «рокотали», и удалые богатыри вродѣ «Ивася Кожемяки»—древняго «Яна-Усмошевця» и Добрыни Никитича...

Къ такимъ южно-русскимъ богатырямъ принадлежалъ и Митро Боброкъ-волынянинъ. Онъ любилъ свою пѣвучую и цвѣтущую сторонку, любилъ ея пѣсни, ея «красныя дѣвы—дивчата», зналъ наизусть старую богатырскую думу—«Слово о полку Игоревѣ...»

Въ то время самую окраину южной Руси составляла Червонная Русь, могучая отчина князей Романа и Даніила галицкихъ, по своей столицѣ Галичу такъ прозванныхъ, страна, не потоптанная копытами татарскихъ коней, забиравшая подъ свою руку и литву, которая плакалась на Романа: «Романе! Романе! не добромъ живеши—литвою ореши...»

Въ этой-то сторонкѣ, на Волыни да въ Червонной Руси, выросталъ Митро Боброкъ, а когда выросъ, то вольною птицею леталъ и по возрождавшейся Кіевщинѣ, и по Литвѣ, и по степямъ лѣвобережнаго Поднѣпрія, задираючи съ такими же, какъ онъ самъ, вольными сынами «казаками» поганую татарву, что пробовала иногда отъ Дона и Волги пробраться саранчою въ оживавшую и расцвѣтавшую цвѣтами и людьми южную Русь— «мати Украину».

Называлъ себя Митро Боброкъ почему-то «козакомъ», какъ называли себя и другіе подобные ему молодцы. А что значило слово «козакъ», онъ и самъ не зналъ, да и никто этого не вѣдалъ: «такъ люде дражнять козаками, козаки и пошли гулять по свѣту...»

И говорилъ Боброкъ какъ-то особенно, кажись бы и по-русски, и слова больше русскія, знакомыя, такъ выговоръ какой-то чудной, новгородскій, да и того чуднѣе: «хлѣбъ» у него выходитъ «хлибъ», «человѣкъ»— «чоловикъ», «конь»—какъ-то ужъ совсѣмъ чудно—не то «кинь», не то «кунь», не то «куинь». А иное такое совретъ словцо, что и не уразумѣешь его: «годъ» у него «рокъ», «сапоги»—«чоботы», собака «лаетъ»—у него она «брешетъ», и «вретъ» у него «брешетъ», и бояръ да господъ у него нѣтъ, а все «паны»:—такъ чудной языкъ, косноязычіе нѣкое, казалось русскимъ и особенно московскимъ людямъ... «маленько сшиблись языкомъ хохлатые люди», говорили они съ сожалѣніемъ.

Вотъ изъ такихъ-то «хохлатыхъ людей» былъ и Боброкъ. Пришелъ онъ изъ своей земли, изъ «хохлатой», въ Литву, служилъ и у Кейстута и Олгердовичей; а какъ услыхалъ, что русскіе люди подымаются на поганыхъ, то не утерпѣлъ и онъ, просилъ Олгердовичей взять его съ собою! А Олгердовичи уважали его, какъ отца роднаго, ужъ очень былъ свѣдущій человѣкъ въ ратномъ дѣлѣ и «вѣдунъ» великій: зналъ все, что прежде было; знаетъ и то, что будетъ. И по «птичьему-то граю» онъ узнаетъ

будущее, и по «чоху», и по «встрѣчѣ»; слышитъ, какъ и земля говоритъ, разумѣетъ и то, что трава шепчетъ, листъ на древѣ выговариваетъ...

Несказанно дивился его «вѣдовству» и великій князь, котораго «хохлатый человѣкъ» сразу расположилъ въ свою пользу и своимъ открытымъ, умнымъ лицомъ, и своими смѣлыми, мудрыми рѣчами, особенно же, когда Димитрій узналъ, что Боброкъ бывалъ и въ Кіевѣ, и маливался печерскимъ угодникамъ, лобызалъ ихъ святыя мощи. Только эта странная коса у Боброка, этотъ длинный «хохолъ» приводилъ великаго князя въ смущеніе.

— Ишь ты!—дивился великій князь вмѣстѣ съ дружиною.— У насъ на головѣ гуменце простригаютъ, а у нихъ вонъ что, хохолъ еще оставляютъ.

И усы нарочитые!—дивились прочіе русичи.

Но Боброкъ объяснилъ великому князю, что и предки его, князя, великіе князья кіевскіе носили «хохлы», только они называются въ Кіевской землѣ «чубами». Увѣрялъ этотъ чудной Боброкъ, что и хоробрый Святославъ князь носилъ «чубъ», и Игорь князь, и Олегъ вѣщій...

— Да откуду ты все сіе вѣдаешь, брате Димитріе?—еще болѣе дивился великій князь.

И Боброкъ объяснилъ, что когда онъ маливался въ кіевскихъ пещерахъ и живалъ въ нихъ подолгу, такъ читалъ тамъ «Лѣтописца», руки самого преподобнаго Нестора «книжнаго», и знаетъ, «откуду пошла есть русская земля», и что въ ней было, и какіе князи княжили, и какія знаменія на небеси бывали...

Однимъ словомъ, Боброкъ сразу очаровалъ всѣхъ. Еще была въ немъ одна особенность, которая пришлась по душѣ всѣмъ: это его веселость, живость характера при внѣшней, казалось бы, суровости и насупленности; но насупленность происходила просто отъ расположенія бровей и крутизны лба и надглазныхъ костей. Боброкъ умѣлъ пошутить и разсмѣшить, и подъ его шуткой какъ-то сглаживалось, смягчалось и расплывалось все, даже самое страшное... Какъ ни торжествененъ былъ моментъ, когда Боброкъ соединился съ ополченіемъ великаго князя и когда рѣшено было перевозиться черезъ Донъ, какъ ни тревожно всѣ были настроены, Боброкъ и тутъ казался беззаботнымъ и веселымъ; мало того, онъ шутилъ, снуя па своемъ рыжемъ жеребцѣ

по берегу Дона и указывая, гдѣ удобнѣе наводить мосты, гдѣ пускаться въ бродъ, и, какъ бы въ подтвержденіе легкости этого подвига, перекинулъ на ту сторону Дона свою шапку и тутъ же бросился въ воду, стоя, а не сидя на сѣдлѣ, и черезъ нѣсколко секундъ былъ уже тамъ и махалъ оттуда своей бараньковой шапкой съ краснымъ верхомъ.

Увидя «хохлатаго дьявола» на той сторонѣ, всѣ тотчасъ же стали переходить Донъ то вбродъ, то по наскоро сколоченнымъ плотамъ, и раньше полуночи русскія рати были уже за Дономъ и расположились на ночлегъ.

За полночь, когда великій князь, оберегаемый Пересвѣтомъ и Ослябею, еще не спалъ, а молился, стоя на колѣняхъ и съ трепетомъ помышляя о завтрашнемъ днѣ, какъ бы силясь поклонами и слезами разорвать страшную пелену будущаго, повисшую между этою ночью и предстоящимъ днемъ, въ шатеръ вошелъ кто-то тихонько и остановился у входа. Димитрій вздрогнулъ, но тотчасъ узналъ Боброка, и успокоился.

— Се ты, брате Димитріе?—спросилъ онъ нежданнаго гостя.

— Я бувъ колись, княже,—былъ отвѣтъ.

— Почто пришелъ еси, брате?

— Та по казацкому дилу, княже... Хочешь, я покажу тоби таки прикметы, що тоби знати буде, що станеться завтра,—отвѣчалъ Боброкъ таинственно.

— Прикметы, сказываешь, брате? Какія оныя прикметы?—удивился князь.

— Та такъ-таки прикметы казацьки, княже... У насъ есть таки прикметы...

Димитрій задумался. Ему тотчасъ же пришло въ голову, не грѣховное ли это дѣло, не бѣсовское ли искушеніе... Ему припомнился и Саулъ царь у Аэндорской волшебницы, и Олегъ князь у кудесника... Но въ то же время брало сильное искушеніе заглянуть за эту страшную пелену, приподнять ее, взглянуть въ очи невѣдомому будущему...

— А не грѣховно ли сіе, брате Димитріе?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Ни, княже, не гриховне... мы съ святыми хрестами,—успокоивалъ его Боброкъ,—помолимось...

Послѣ нѣкоторого раздумья, Димитрій рѣшился. Они сѣли на коней и, не говоря никому ни слова, какъ будто бы ѣхали осмотрѣть сторожевые посты, выѣхали изъ обоза, стараясь не звякнуть ни стременемъ, ни доспѣхами, ни топнуть копытами коней.

Передъ ними разстилалось окутанное ночною мглою, широкое, ровное, казалось, безконечное поле, сходившееся съ темнымъ, зловѣще смотрѣвшимъ на нихъ своими очами-звѣздами, небомъ. Ни вправо, ни влѣво не видно было ничего, кромѣ темной дали и неба, и не слышно было ни звука; все спало, и небо, и земля, и это безконечное поле. Только иногда по темноголубой выси золотистою ниткою пробѣгала падающая звѣзда и исчезала въ пространствѣ. При видѣ падающей звѣзды, Димитрій всякій разъ крестился... Ему казалось, что черезъ эти очи на него кто-то глядитъ... «Души умершихъ прародителей глядятъ оттуду... Страшно... Молитесь обо мнѣ, души почивающихъ съ миромъ... Можетъ и княгиня не спитъ и глядитъ на сіе небо, звѣздами, аки бисеромъ, измечтанное»... Ему пришли на память пророческія слова преподобнаго Сергія: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ... Онъ побѣдитъ и низложитъ супостаты и прославитъ тя»... Вспомнилась и вчерашняя благословенная грамота Сергія: «дерзай чадо!..»

Долго они ѣхали молча. Мертвая тишина, казалось, давила болѣе и болѣе. Чувствовалась какая-то оторванность отъ всего живаго, такъ томительно было это молчаніе природы...

— Мнѣ страшно,—невольно прошепталъ Димитрій.

— Не бойся, княже... Се, Куликово поле, — тихо сказалъ Боброкъ,—куликивъ десь до-гаспида, сто копанокъ...

Онъ остановился. Остановился и великій князь.

— А ну, княже, повернись до татарской стороны и слухай,—еще тише сказалъ Боброкъ.

Князь вперилъ очи передъ собою, во мракъ, гдѣ должны были быть татары, и напряженно слушалъ, такъ напряженно, что слышалъ, какъ подъ кольчутою тукало его сердце... И онъ услыхалъ... Въ ночной тишинѣ, дѣйствительно, слышалось въ той, въ татарской сторонѣ, какъ звучали трубы, стучало и звенѣло глухо оружіе, раздавались неясные голоса... Справа слышны были завыванья волковъ, ихъ грызня, протяжный лай... Съ лѣ-

вой стороны тоже говорила ночная мгла: кричали невѣдомыя птицы, граяли вороны, клектали орлы...

— Що чуешь?—спросилъ Боброкъ.

— Страхъ и гроза, — трепетно отвѣчалъ Димитрій.

— Теперь, — сказалъ Боброкъ, — повернись, княже, на руській полкъ.

Оба они поворотили коней и стали лицомъ къ Дону. Опять стали прислушиваться. У Димитрія еще болѣе колотилось сердце, онъ только его и слышалъ...

— Что чуешь? — снова спросилъ Боброкъ.

— Ничего не слышу, — отвѣчалъ великій князь, — тишина великая... вижу токмо якобы отъ множества огней зарево...

Боброкъ немного помолчалъ. Еще разъ повернулся на сѣдлѣ, поглядѣлъ на всѣ четыре стороны, какъ-бы нюхая воздухъ или ища движенія вѣтра. Снова послушалъ. Князь тревожно ждалъ...

— Господине княже! — торжественно сказалъ, наконецъ, Боброкъ. — Благодари Бога и пречистую Богородицю и великаго чудотворца Петра и всихъ печерськихъ угодникивъ: огни — то доброе знаменіе тоби... Призывай Бога на помочь и молись Ему часто, не оскудивай вирою до Его и до пречистой Богородици и до пастыря вашого московьскаго и молебника, великаго чудотворца Петра, и до нашихъ печерськихъ угодниковъ... Се добри прикметы... А въ мине есть еще одна прикмета...

Боброкъ сошелъ съ коня, легъ на землю и припалъ къ ней правымъ ухомъ. Онъ долго такъ лежалъ и къ чему-то, ему одному слышному, прислушивался.

Страшно опять стало великому князю въ этой тишинѣ... Ему вспомнилась старая сказка про богатыря Добрыню Никитича, какъ онъ бродилъ въ полѣ незнаемѣ, отыскивая Змѣя Горынчища, и приникалъ ухомъ къ сырой землѣ:

Припадалъ Добрынюшка ко сырой землѣ,
Услыхалъ тутъ посвистъ поизмѣнному,
Услыхалъ онъ покрикъ позвѣриному...

Боброкъ всталъ съ земли, снова припалъ на траву, приложилъ ухо къ землѣ и слушалъ.

Димитрій ждалъ. Тревога росла въ немъ отъ этой неизвѣстности, отъ мертвой тишины... «Молчитъ Боброкъ, знать дурное слышитъ...»

Боброкъ всталъ и казался тревоженъ. Онъ, видимо, не смѣлъ взглянуть въ глаза Димитрію и стоялъ понуро, мрачно.

— Ну что, брате Димитріе?—съ боязнью спросилъ князь.

Молчитъ Боброкъ, на лицѣ его смута и печаль. Великій князь опять спрашиваетъ. Боброкъ продолжаетъ упорно молчать. Великій князь умоляетъ его Господомъ Богомъ...

Боброкъ горестно замоталъ головой и закрылъ лицо ладонями...

Ужасъ напалъ на великаго князя...

— Димитріе! Брате мой! Прорцы мнѣ, повѣдай... у меня сердце зѣло болитъ, все изныло...

Боброкъ отнялъ руки отъ лица и рѣшительно тряхнулъ головой, чтобы отрясти слезы, которыя текли по его загорѣлымъ щекамъ...

— Господине княже!—сказалъ онъ глухо.—Тоби одному повидаю, а ты никому не кажи о моихъ прикметахъ... Одна на велику радость тоби, друга—на велику скорбь и тугу...

Князь приложилъ руку къ сердцу и поднялъ глаза къ темному небу.

— Сказывай все,—чуть слышно прошепталъ онъ.

— Я,—продолжалъ Боброкъ такъ же тихо,—припадавъ до земли ухомъ и чувъ, якъ земля горько и страшно плакала: съ одного боку, сдается, будьто плаче женщина-мати о дитяхъ своихъ и голосить потатарьски и розливаеться слезами; съ другого боку, чулось мени, будьто дивиця плачетъ свирѣльнымъ голосомъ, у великій скорби и печали. Не мало я битвъ перебувъ, много прикметъ испытавъ, и знаю я ихъ: уповай, княже, на милость божію ты одоліешь татаръ; но твоего христіяньского воинства паде подъ горстіемъ меча многое множество.

Заплакалъ великій князь, услыхавъ это, и припалъ къ гривѣ своего борзаго коня, какъ бы чуя сердцемъ, что и вѣрный конь раздѣлитъ его горе... Умный конь тихо заржалъ, поворачивая къ князю свою красивую голову...

Но князь не долго плакалъ. Онъ выпрямился на сѣдлѣ и перекрестился.

— Како угодно Господу, тако и да будетъ! Кто воли Его противникъ?

Онъ обнялъ Боброка и поцѣловалъ. «Отнынѣ будеши мнѣ другъ и совѣтникъ», сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Господине княже!—еще разъ сказалъ Боброкъ.—Не подобае тоби казати о сихъ прикметахъ никому въ полкахъ, дабы у многихъ не уныло сердце... Призывай Господа Бога на помочь, и Пречисту Богородицю, и великаго чудотворця Петра, и всѣхъ святыхъ и печерськихъ угодниковъ... Оружися животворящимъ хрестомъ Исусовымъ, то Его оружіе непобидиме.

И они повернули въ свой станъ. Ночь казалась еще непроглядне, еще страшнѣе: за ними во мракѣ протяжно выли волки, такъ что волосы становились дыбомъ: казалось,—говоритъ современное повѣствованіе о «Мамаевомъ побоищѣ», — будто волки со всего свѣта сбѣжались... А съ другой стороны каркали вороны, звонко клектали орлы, поджидая зорю... Страшна, ужасна была эта ночь...

Димитрій, воротившись въ свой шатеръ, такъ и не уснулъ до утра: ему казалось, что онъ все слышитъ то плачъ женщины-матери о дѣтяхъ, татарское причитанье, то свирѣльный голосъ плачущей дѣвицы, то вой волковъ, то грай вороновъ и клекотъ орловъ...

А тамъ начинала заниматься заря, наступалъ роковой день, 8-е сентября 1380 года...

IX. Полчища сходятся.

Туманое вставало роковое утро. Тревожно, но безъ шума вставало войско, зная, къ чему оно готовится. Будили другъ друга молча, безъ словъ, или шепотомъ, встряхивая съ себя росу, крестились на востокъ, молча прощались другъ съ дружкой, кланялись въ ноги, припадая головами къ росистой землѣ и травѣ, и троекратно цѣловались, какъ съ покойникомъ. У кого была чистая рубаха, тотъ надѣвалъ ее, какъ подобаетъ передъ смертью или передъ причастіемъ. Молча сѣдлали коней, надѣвали доспѣхи, вынимали изъ-за пазухъ родную землицу, что по щепоти завернута была въ тряпицы и повѣшена на крестахъ, крестились, цѣловали эту землицу, кто суздальскую, кто московскую, кто тверскую, кто муромскую, карачаровскую, верейскую, коломенскую, серпуховскую...

Не видать солнышка роднаго... Можетъ и не увидать ужъ больше, туманомъ затянуто, что мертвымъ саваномъ повито... Такъ и ходитъ туманъ клубами по полю, можетъ, по кладбищу...

Тихо передавали другъ другу ратные о дивномъ чудѣ не

коемъ: какъ въ эту самую ночь, «глубоцѣ нощи, бысть нѣкоему мужу знаменіе, видѣніе дивное...» Одни говорили, что мужъ сей, сподобившійся видѣнія, былъ Ѳома Кацюгей, другіе утверждали, что Ѳома Хаберцыевъ. Мужъ сей былъ нѣкогда разбойникомъ, но приде въ покаяніе, раскаялся во всемъ, разсказалъ все попу на духу, и попъ наложилъ на него «питимью» омыть свои злодѣянія своею собственною кровью за правое дѣло. А Кацюгей этотъ былъ богатырь, необычайной силищи человѣкъ и отваги несказанной. Вотъ этого-то Кацюгея, передавали другъ дружкѣ ратные, и поставили на ночь въ сторожевое мѣсто отъ татаръ. Вотъ стоитъ онъ ночью, «глубоцѣ нощи», и видитъ: отъ восточной страны выступаетъ на воздусѣхъ невѣдомо какое полчище, а полагать надо, татарское. Выступаетъ оно такъ страховито, ужаса исполненно, и ужасеся мужъ тотъ, рекомый Кацюгей, и нача крестное знаменіе творити. И се абіе видитъ, оле чюда дивнаго! видитъ со полудня два вьюноша идуща, на воздусѣхъ же, и доспѣхами вооруженны гораздо. И начаша оные вьюноши поражать оное татарское полчище, мечами сѣчи, такъ и сѣкутъ, какъ капусту. И слышитъ оный Кацюгей, какъ оные вьюноши запрещали оному полчищу итти на русскую землю, аркучи тако: «кто-де вамъ велѣлъ погублять наше вотечество? Намъ-де его даровалъ Господь!» И многихъ оные вьюноши посѣкли мечами, а другихъ разогнали и распудили, словно овецъ. На утро оный Кацюгей и повѣдалъ о томъ видѣніи великому князю, а великій князь и уразумѣ, яко оные вьюноши суть страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, ево прародители, иже выну молятся ко Господу о родной Руси и помогали нѣкогда, также на воздусѣхъ, князю Александру Невскому въ битвѣ ево со своями.

Такъ разсказывалъ всѣмъ старый благочестивый ратникъ, что всегда возставалъ противъ «крѣпкаго слова» и въ особенности противъ буеслова Микитки-серпуховитина, любившаго «загинать» и кстати и не кстати.

Солнце взошло, но туманъ, нависшій надъ полемъ непроницаемою пеленою, заслонялъ его и всѣ окрестные предметы. Не было видно и татаръ, которые, можетъ быть, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, поджидали къ себѣ Олега рязанскаго и Ягелла литовскаго, чтобъ ударить разомъ на «забрыкавшихъ рабовъ, безрогихъ телятъ московскихъ и овецъ» и загнать ихъ всѣхъ въ овчарню, а быть можетъ, прикрываясь туманомъ, они двигались

на несчастное русское воинство и вотъ-вотъ заалалакаютъ и закричатъ, какъ верблюды... Надо готовиться ко всему, надо готовить груди свои для стрѣлъ и копій, а шеи для аркановъ поганыхъ, надо строиться въ ряды, въ «суймы» и въ «лавы»... И русскіе строились такъ же тихо, какъ тихо они вставали передъ тѣмъ и молились.

Великій князь, выйдя изъ палатки въ сопровожденіи Владиміра Андреевича, Боброка, Пересвѣта и Осляби, приказалъ «искреннему» своему, Михайлѣ Бренку, везти черное великокняжеское знамя впередъ, на первый «суймъ», на передній, и самъ послѣдовалъ за нимъ, осматривая двигавшіеся въ туманѣ и строившіеся по полю полки. По временамъ, казалось, по немъ пробѣгала дрожь отъ этого тумана, и онъ глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ должно было показаться или солнце, или страшное лицо непріятеля; но ни солнца, ни татаръ не было видно. Лицо Димитрія было блѣднѣе обыкновеннаго и необыкновенно задумчиво. Владиміръ Андреевичъ тревожно на него посматривалъ и тоже что-то раздумывалъ. Пересвѣтъ и Ослябя были молчаливы и спокойны, какъ всегда, слѣдуя, какъ двѣ черныя тѣни, за великимъ княземъ. Одинъ Боброкъ былъ оживленъ и сообщалъ свои замѣчанія то великому князю, то присоединившимся къ великокняжеской свитѣ Олгердовичамъ.

Въ самой серединѣ поля, вмѣстѣ съ переднимъ «суймомъ», осѣняемый великокняжескимъ стягомъ, поставленъ былъ бѣлозерскій и московскій полкъ съ своими князьями, Ѳедоромъ и сыномъ его Иваномъ Бѣлозерскими, тутъ же долженъ былъ находиться и самъ Димитрій съ любимцемъ своимъ Бренкомъ и «извольниками» Пересвѣтомъ и Ослябею. На правомъ крылѣ становился предводителемъ или «воеводою правой руки», Владиміръ Андреевичъ съ Боброкомъ и Олгердовичами. Воеводою лѣвой руки оставался Левъ Брянскій.

— Готовы ли есте, милая братья?—ласково обратился великій князь къ Олгердовичамъ, когда они съ Владиміромъ Андреевичемъ и Боброкомъ, построивъ въ «суймы» правое крыло ополченія, подъѣхали къ серединѣ его для окончательныхъ уговоровъ насчетъ предстоящаго боя.—Все ли въ порядкѣ живетъ? На своемъ ли мѣстѣ ваши трубчане и брянчане хоробыи?

— На своемъ мѣстѣ, господине княже,—отвѣчали въ одинъ голосъ Олгердовичи, осаживая коней.

— Наши-тѣ трубчане и брянчане,—улыбаясь проговорилъ Боброкъ,—свѣдоми кмети, подъ шеломами повити, концемъ копія вскормлены, луки ихъ натянуты, тули отворени, яруги имъ знаеми, сами скачутъ, якъ сиріи вовцы, ищучи соби чти, а князю славы...

Великій князь, мало начитанный, не понялъ поэтическаго намека Боброка, думая, что это онъ говоритъ отъ себя...

— Такъ-такъ, друже,—замѣтилъ онъ при этомъ,—токмо не мнѣ подобаетъ та слава, а Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ...

Олгердовичи переглянулись съ Боброкомъ.

— Изъ писни, княже, слова не выкинешь,—пояснилъ этотъ послѣдній и прибавилъ,—а у насъ, княже, въ кіевской и волынской земли, такъ поводиться, коли вовкъ ускочетъ у овчарню и задереть овцю, такъ его не заразъ бьютъ, а тогда якъ нажреться и не сможе скоро бигати... Такъ повели, княже, намъ у засадъ зайти и тамъ вовка ждать...

Къ Боброку присоединился и Владиміръ Андреевичъ, и Олгердовичи.

— Мы на черную годину пригодимся, — пояснилъ Владиміръ.

Великій князь согласился, и Владиміръ съ Боброкомъ и Олгердовичами повели свое крыло вверхъ по Дону, гдѣ темнѣлся лѣсокъ: они засѣли въ засаду.

Никто, а тѣмъ менѣе непріятель, не могъ видѣть это боковое движеніе праваго крыла русскихъ.

Наконецъ, когда все ополченіе расположилось въ боевой порядокъ, великій князь сталъ объѣзжать ряды въ сопровожденіи Пересвѣта и Осляби. Издали виднѣлась его массивная фигура, одѣтая въ богатую княжескую «подволоку» съ золотою гривною на шеѣ и блестящимъ крестомъ на груди. Конь его, поводя ушами, нетерпѣливо грызъ серебряныя удила и фыркалъ, видя такое множество своей братіи—коней и какъ бы гордясь тѣмъ, кто сидѣлъ на немъ такъ величаво, хотя и съ холодомъ, съ тайною тоскою и боязнью въ сердцѣ.

— Отцы и братья!—то-и-дѣло возглашалъ онъ, останавливаясь передъ рядами. — Ради Господа, подвизайтесь за вѣру христіанскую и за святыя церкви... Умрите бодро за божье дѣло: смерть тогда не въ смерть, а въ животъ вѣчный.

— Постоимъ, княже, положимъ головы свои за вѣру!—гудѣло по рядамъ.—Утремъ пота за русскую землю! Костьми ляжемъ, ино тылу не покажемъ!

— Я буду на челѣ вашемъ, отцы и братія!—возглашалъ Димитрій.—Я поведу васъ на нечестивыхъ... Съ нами Богъ и преподобный Сергій: онъ далъ мнѣ сихъ оружниковъ своихъ, Пересвѣта и Ослябя...

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эти мужественныя молодыя лица, прикрытыя схимою, на ихъ борзыхъ боевыхъ коней, на доспѣхи воинскіе, выглядывавшіе изъ-подъ черныхъ саваповъ съ мертвыми головами, и на длинныя, какъ жерди, копья.

А они ѣхали за княземъ молча, опустивъ глаза на гривы коней...

— Матушка! Помолись за насъ окаянныхъ!—съ какимъ-то стономъ прошепталъ Пересвѣтъ.

Ослябя услыхалъ этотъ знакомый голосъ-стонъ своего брата и глянулъ на него...

— Она молится,—прошепталъ онъ,—нынѣ мы увидимъ ее.

И память, острая и жгучая память переноситъ ихъ въ прошлое, въ далекую татарскую сторону... Они, молодые ратники, вмѣстѣ съ суздальцами, нижегородцами и московскими полками князя Волынскаго добываютъ крѣпкую, злую Казань... Вотъ уже сколько дней громятъ они таранами эти несокрушимыя стѣны, а съ этихъ проклятыхъ стѣнъ что-то страшное гремитъ на нихъ громомъ и огнемъ, словно самъ Перунъ съ неба посылаетъ ихъ каменнымъ градомъ, а съ боковъ напираютъ на нихъ своими ревущими верблюдами проклятые татары... Со стѣнъ татары и татарки поливаютъ ихъ кипящею смолою, льютъ на головы горячую воду, посыпаютъ истомившіеся ряды горящею сѣрою... Жупелъ, адъ кругомъ... Страшная жажда мучитъ, палитъ ихъ внутренности... А надо добыть Казань, особенно имъ, братьямъ, юнымъ воинамъ Пересвѣту и Ослябѣ: тамъ у нихъ, за этими грозными стѣнами, скрыто то, что имъ, Пересвѣту и Ослябѣ, дороже и роднѣе всего на свѣтѣ, тамъ ихъ мать родная вотъ уже болѣе десяти лѣтъ томится въ полону... Какъ живую они видятъ ее передъ собою, да она и должна быть жива, такая красивая, высокая, ласковая, съ соколиными бровями... Ихъ родной городъ горитъ, а татары, запалившіе его, грабятъ дома, хватаютъ женщинъ, убиваютъ мужчинъ... Вотъ и отецъ ихъ ле-

жить въ крови, съ разсѣченною дамасскимъ клинкомъ надвое головою, а мать ихъ татары уводятъ... Она оглядывается на трупъ мужа, на дѣтей, на Пересвѣта и Ослябю, что припали къ къ мертвому тѣлу отца и не видятъ, какъ уводятъ ихъ мать... Она вскрикиваетъ страшнымъ голосомъ... Пересвѣтъ и Ослябя бѣгутъ за ней; но татаринъ, перекинувъ полоняпку черезъ сѣдло, скрывается въ толпѣ своихъ бушующихъ соплеменниковъ... И вотъ они идутъ добывать свою мать изъ полону...

Теперь передъ ними встаетъ, какъ мертвецъ изъ могилы, воспоминанье этого страшнаго дня. Сыплется на нихъ каменный градъ съ казанскихъ стѣнъ. Ревутъ верблюды, высоко подымая свои длинныя, змѣиныя шеи. Татары тѣснятъ русскихъ, и князь ихъ, Гассанъ, стоя на стѣнѣ, поднимаетъ къ небу руки въ знакъ торжества. Но онъ не видитъ, что по приставленной къ стѣнѣ лѣстницѣ, за угломъ башни два русскихъ воина уже взобрались на стѣну. Это Пересвѣтъ и Ослябя, они ищутъ мать свою. За ними взбираются другіе. Пересвѣтъ и Ослябя по карнизу обходятъ башню и уже вынули свои мечи-кладенцы, чтобы разить Гассана и молніей вмѣстѣ съ прочими упасть на внутренній городъ... Но въ этотъ моментъ изъ башни выбѣгаетъ татарка... Съ отчаяннымъ воплемъ «Гассанъ! Гассанъ!» она бросается къ своему князю... «Гассанъ! Гассанъ!..» Но мечъ Осляби поражаетъ ее въ спину у самой лопатки... Она вскрикиваетъ и оборачивается къ нему... Въ этотъ моментъ Пересвѣтъ колетъ ее въ грудь... Страшный, нечеловѣческій крикъ вырывается изъ груди пораженной татарки: «Пересвѣтъ! Ослябя! Дѣтушки мои! Милые! Соколики! Вы мать свою убили!..»

Это была ихъ мать, татарская княгиня, любимая жена Гассана, мать, которую они искали... холодѣющею рукою она указала имъ крестъ на своей груди, она осталась христіанкою...

Несчастные юноши не видѣли, что дѣлалось кругомъ нихъ, внизу, на стѣнахъ, въ городѣ... Они припали къ умирающей матери, рвали на себѣ волосы, а она истекала кровью изъ двухъ страшныхъ ранъ, нанесенныхъ ей руками ея любимцевъ, «соколиковъ» близнецовъ, которыхъ она съ такими муками родила когда-то и вскормила своею молодою грудью... «Пересвѣтикъ мой, Ослябушка, дѣтки мои... какіи жъ вы хорошіи выросли», шептала она, умирая на рукахъ Пересвѣта...

А тамъ, городъ уже взятъ, въ воротахъ развивается русскій

стягъ... Побѣжденный Гассанъ проситъ пощады, предлагаетъ выкупъ...

— А отецъ... родитель вашъ?—спрашиваетъ умирающая.

— Переставися, матушка, убитъ.

— А я... я жила окаянная... Богъ такъ судилъ...

— Богъ, матушка, не мы это... А бусурманена ты?

— Нѣтъ... не бусурманена... свою вѣру держала... вотъ крестъ святой...

— Благослови насъ, матушка, помолись за насъ.

— Благослови васъ Богъ, дѣтушки... въ своей вѣрѣ помираю...

И померла, такъ на казанской стѣнѣ и померла... А Пересвѣтъ и Ослябя, похоронивъ ее съ честію, пошли къ Сергію, все повѣдали ему и навѣки остались въ обители замаливать свой великій, хотя невольный грѣхъ...

А великій князь все слѣдовалъ вдоль рядовъ, воодушевляя воиновъ своею рѣчью, хотя у самого на душѣ былъ холодъ. Пересвѣтъ и Ослябя молча сопровождали его, погруженные въ тяжелыя думы и переживая прошлое. Когда Димитрій воротился на свое мѣсто, на первый «суймъ», Бренокъ, передавъ стягъ Пересвѣту и сойдя съ коня, поклонялся великому князю до земли.

— Ты что, друже Михайло?—удивленно спросилъ князь.

— Челомъ бью тебѣ, господине княже, отъ всея русской земли,—отвѣчалъ великокняжеский знаменоносецъ,—соблюди животъ твой, княже.

— Животъ мой, друже, въ руцѣ Божіи, я же повиненъ блюсти вся, яже есть Богова.

— Молю тебя, господине княже,—продолжалъ Бренокъ,—не стой на первомъ суймѣ, но стани позади: паче тысящъ воиновъ стоитъ намъ животъ твой.

Подъѣхали и другіе князья и воеводы и молили Димитрія о томъ же.

— Ей-ей, княже, сохрани животъ твой, укройся плечами нашими,—упрашивалъ храбрый Меликъ.

— Братія!—возражалъ Димитрій.—Како же дерзну я глаголати тогда: братья! Потягнемъ вси, какъ одинъ человѣкъ! Самъ же буду хоронитися... Азъ же не словомъ токмо, но паче дѣломъ, хощу быти первымъ посредѣ васъ, и язъ первый предъ всѣми готовъ есми положить голову за христіанъ!

— Ей-ей, господине княже!—настаивалъ Меликъ.—Падетъ пастырь, и разбѣгутся овцы.

Тогда Бренокъ, высокій и здоровенный мужичинище, массивнѣе самаго Димитрія, снялъ съ себя шеломъ и охабень и поднесъ къ великому князю.

— Возьми, княже, мой охабень и мой шеломъ,—сказалъ онъ,—прикрой имъ величіе и ясность твою: гривну блистающу и подволоку златомъ исткану, да не познаютъ тебя поганіи посредѣ насъ, како солнце красное на небѣ...

И воеводы приступили съ этою же просьбою. Тогда великій князь, перемѣнившись одеждою съ Бренкомъ и вкусивъ благословеннаго хлѣбца, повелѣлъ ратямъ двинуться. Онъ ѣхалъ впереди подъ самымъ великокняжескимъ стягомъ и читалъ молитву, прикладывая руку ко кресту, что висѣлъ у него на груди...

Воздухъ колыхнулся вѣтеркомъ, и туманъ погнало на ту сторону Непрядвы. Показалось солнце и освѣтило все поле, по которому двигались русскія рати.

Скоро они увидѣли, что и татарскія полчища, какъ черныя тучи двигались на нихъ съ противоположнаго холма.

— Потягнемъ, братія, за вѣру! Приспѣ година! Потягнемъ!—воскликнулъ великій князь.

Завыли рога съ той и другой стороны и огласили все поле: это враждебныя полчища привѣтствовали одно другое боевыми кликами, это люди глянули въ очи смерти и хотѣли криками отогнать ее, какъ страшное привидѣніе...

X. Единоборство Пересвѣта съ Телебеемъ.

Мамаевы толпища двинулись рядами, словно облака тучами. Тучи эти были черны, потому что татары одѣты были въ одежды темнаго цвѣта. Страшнѣе всего казались ихъ копья: это былъ цѣлый лѣсъ копейныхъ древковъ и притомъ различной длины: въ первомъ ряду копья были обыкновенной длины; во второмъ ряду были уже длиннѣе, въ третьемъ еще длиннѣе. Это дѣлалось для того, что задніе ряды клали свои копья на плечи переднимъ, и такимъ образомъ первый рядъ превращался въ какой-то страшный частоколъ, въ которомъ только и видѣлись острія копій, разомъ поражавшихъ противниковъ во всю ширь колонны... Такъ устроены были и знаменитыя фалапги македонскія, нѣчто вродѣ

страшныхъ чудовищъ съ безчисленнымъ множествомъ смертоносныхъ ногъ.

Толпища двигались медленно, сверкая на солнцѣ остріями копій и кольчугами и производя странный, неуловимый шумъ движенія многихъ тысячъ тѣлъ и неясный топотъ еще большаго количества ногъ. Поле все болѣе и болѣе заполнялось этими черными, безмолвно двигавшимися массами, и ползло, надвигалось медленно, зловѣще...

Вотъ уже можно различать лица тѣхъ, которые подвигались все ближе и ближе, можно крикнуть, и они услышатъ... Черная туча нависала все грознѣе и грознѣе.

Двигались навстрѣчу имъ и русскія рати, такъ же медленно и молча, какъ и татары, тучею; но эта туча не была черна, какъ татарская. Солнце свѣтило ей почти въ лицо; притомъ русскіе воины были не въ темныхъ одѣяніяхъ, а большею частью въ свѣтлыхъ и цвѣтныхъ, а кто познатнѣе и богаче, такъ въ шелковыхъ и золотыхъ платьяхъ, въ блестящихъ шеломахъ съ позолоченными еловцами, на коняхъ съ наборною сбруею, съ свѣтлыми знаменами, кромѣ чернаго великокняжескаго, иногда съ очень яркими, отъ которыхъ пестрѣло поле, словно отъ весеннихъ цвѣтовъ. Ярко горѣли на солнцѣ золото, серебро и сталь; золото на образахъ цвѣтныхъ знаменъ, на стяжныхъ золоченыхъ яблокахъ и кистяхъ, на золотыхъ гривнахъ князей, на золотыхъ грудныхъ крестахъ; серебро—на серебряной сбруѣ коней, на чумбурахъ и стременахъ; сталь—на кольчугахъ и на остріяхъ копій, на шеломахъ и на ихъ острыхъ еловцахъ...

Но ярче всего горѣли щиты русскихъ, большіе, красные, горѣвшіе какъ жаръ... Не даромъ «лисицы брехали на эти червленые щиты...» А теперь на нихъ играетъ яркое солнце и, отражая свой «червленый» блескъ, слѣпитъ имъ глаза татаръ...

Тихій вѣтерокъ колышетъ и поскрипываетъ знаменами и образами... Сдается, что это крестный ходъ на водосвятіе, вотъ-вотъ запоютъ попы...

Великому князю разомъ почудилось, что онъ въ Москвѣ, что вотъ-вотъ загудятъ колокола... Онъ глянулъ на черное знамя... Нѣтъ, не то, не Москва... Онъ вспомнилъ, что забылъ что-то въ Москвѣ, а что забылъ, забылъ ли сдѣлать или сказать, или такъ что забылъ очень необходимое ему, очень теперь

дорогое, онъ не зналъ, не могъ припомнить... княгиню? Нѣтъ, онъ зналъ, что покидаетъ ее... Нѣтъ, что-то другое онъ забылъ, болѣе важное... Хоть бы вспомнить, такъ нѣтъ, не вспоминается... Вотъ такъ и винтитъ въ мозгу, въ сердцѣ, а не припоминается...

Онъ глянулъ вдаль, чтобъ отвязаться отъ этой назойливой мысли... На возвышеніи, за татарскими полчищами, онъ ясно увидалъ кого-то... Онъ узналъ его, да, это онъ, тотъ ужасный человѣкъ, котораго онъ трепеталъ, которому униженно кланялся, у котораго выпрашивалъ себѣ ярлыка, Москвы, власти... Онъ, этотъ страшный человѣкъ, стоитъ на холмѣ и черезъ голову своего коня глядитъ на него, на Димитрія... Онъ узнаетъ его, узнаетъ, что онъ переряженъ въ одежды Бренка, изъ страху переодѣлся... И краска отъ сердца бьетъ къ лицу, разливается по щекамъ, жарко становится, въ потъ бросаетъ...

Что жъ онъ забылъ въ Москвѣ?... Не помнитъ, не помнитъ!.. Та же мысль скребла его душу и тогда, когда онъ ѣздилъ въ первый разъ въ Орду кланяться хану и Мамаю, и тогда онъ все вспоминалъ, что что-то оставилъ въ Москвѣ, забылъ, не захватилъ съ собой... Что же это было?.. И теперь оно скребетъ его...

Ни друга Володиміра нѣтъ близко, ни Боброка, безъ нихъ еще тошнѣе...

Вдругъ отъ татарской конницы отдѣляется что-то большое, черное, и движется по полю, все ближе и ближе... это всадникъ, это ясно видно... Въ рукѣ у него длинное копье, и онъ бросаетъ его въ воздухъ и ловитъ на лету... Это татаринъ, росту невиданнаго, широта въ плечахъ богатырская... Опять мечетъ копье въ воздухъ и ловитъ... Многимъ вспомнилась «былина» про «Сокольника-нахвальщика»:

«А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхою молодецкою:
Мечетъ остро копье въ поднебесье,
Говоритъ самъ, похваляется:
«Какъ легко вертѣть мнѣ острымъ копьемъ,
Такъ же будетъ мнѣ вертѣть Ильею-Муромцемъ...»

Но вотъ татаринъ подъѣхалъ уже почти на полетъ стрѣлы... Конь подъ нимъ такъ и роетъ землю, и конь богатырскій, и самъ чудищемъ богатыремъ смотритъ... Слышно, кричитъ что-то, вы-

зываетъ на бой кого-либо—силой помѣряться... Да, точно, кричитъ зычно...

— Гой-гайда! Хто са мномъ силамъ мѣрилъ! Хады суды! Гайда!

Татаринъ кричитъ и потрясаетъ копьемъ вызывающе, задорно...

— Богатырь Телебей, богатырь Телебей!—прошелъ ропотъ по русскихъ рядамъ.

— Супротивъ нево никто не устоитъ...

— Онъ быка за рога черезъ себя перекидываетъ...

— У нево копье въ полтретья пуда и больши тово...

А богатырь все задорнѣе и задорнѣе гаркалъ: «Гайда! Хады суды! Хады капьемъ! Гайда!...»

Димитрій глянулъ на Бренка, стоявшаго около него и державшаго стягъ, глянулъ по рядамъ, всѣ, казалось, прятали глаза въ землю... Великому князю страшно стало... «Голіаѳъ, Голіаѳъ, зѣло страшенъ», промелькнуло у него въ умѣ: «а я не Давидъ... нѣтъ у меня Давида»...

— Хады, московъ! Хады суды! Ля илляхъ иль Аллахъ!—кричалъ богатырь,—Ала-ла-ла!

Пересвѣтъ глянулъ на брата. Глаза ихъ встрѣтились И въ тѣхъ, и въ другихъ сверкнулъ огонь...

— Я иду,—глухо сказалъ первый.

— Нѣтъ, я,—также глухо возразилъ второй.

— Нѣтъ, я первый...

— Я первый прокололъ е е въ спину...

— А я въ грудь... я убилъ е е...

— Я началъ...

— А я кончилъ... отъ моей руки умерла о н а... мнѣ и подобаетъ итти...

Ослабя уступилъ и молча поднялъ глаза къ небу. Пересвѣтъ сталъ передъ великимъ княземъ и поклонился.

— Я, господине княже, иду на него,—сказалъ онъ.

У Димитрія не то радостью, не то жалостью сверкнули глаза.

— Богъ благословитъ тебя... Богъ подкрѣпитъ,—торопливо заговорилъ онъ.

Пересвѣтъ опять поклонился.

Съ краю перваго «суйма» стоялъ священникъ съ крестомъ.

Пересвѣтъ подъѣхалъ къ нему, сошелъ съ коня и сталъ на колѣни...

— Благослови, отче,—сказалъ онъ,—положити голову за русскую землю и за домы божіи.

Священникъ благословилъ его. Пересвѣтъ поцѣловалъ крестъ и руку священника.

— Дерзаешь, сыне, противу Телебея?—спросилъ священникъ.

— Дерзаю, отче... повелѣніемъ игумена Сергія...

Пересвѣтъ снова сѣлъ на коня, надвинулъ схиму черезъ еловецъ шелома почти на глаза и выступилъ впередъ.

— Отцы и братья!—громкимъ, зычнымъ голосомъ крикнулъ онъ такъ, что слышно было во всѣхъ рядахъ,—простите мя грѣшнаго. Брате Ослябя! Моли за меня Бога! Отче Сергіе, помози ми молитвою твоею!

— Хады суды! Хады, гайда, го!—продолжалъ выть богатырь.

Сколько дикаго и ужасающаго было во всей фигурѣ, постати и всѣ татарина-Голіаѳа, столько же страшнаго и фантастическаго представлялъ видъ скачущаго Пересвѣта съ копьемъ на перевѣсъ и съ треплющеюся въ воздухѣ черною схимою на головѣ и на плечахъ.

Вихремъ несся Пересвѣтъ на своего ужаснаго противника, а иной, силясь творить молитву, невольно повторялъ въ умѣ докучливый стихъ изъ «былины»:

Поразъѣхались они на добрыхъ коняхъ,
Да назадъ съѣзжалися, сразилися,
Пріударили во копья мурзамецкіи,
Били другъ друга не жалѣючи,
Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
Копья въ чивьяхъ поломалися,
Другъ друга они не ранили—
Только оба изъ сѣделъ попадали...

И эти съѣхались, остановились, смѣрили другъ друга глазами, крикнули каждый по своему и разъѣхались на цѣлыя полверсты вдоль рядовъ обоихъ ополченій... Постояли съ секунду, крикнули и понеслись другъ на дружку... Страшно было видѣть эти двѣ несущіяся одна на другую силы съ огромными копьями на перевѣсъ...

И вотъ они столкнулись... Великій князь невольно зажмурилъ глаза и перекрестился...

Бѣгъ былъ такъ стремителенъ, и столкновеніе такъ велико, что оба копья пробили насквозь груди противниковъ и на полъаршина вышли сзади, пониже лопатокъ... Стонъ прошелъ по рядамъ и того, и другого полчища...

Кони сразившихся пали окарачъ; лѣтописецъ говоритъ даже, что «кони падоша мертви», а противники лежали на землѣ безжизненные, и изъ груди Пересвѣта торчало длинное и толстое, какъ жердь, древко копья Телебеева, а изъ груди Телебея торчало древко копья Пересвѣтова... Помѣнялись!..

Первый актъ страшной битвы кончился, ничья не взяла: взяла смерть двухъ самыхъ могучихъ бойцовъ...

Ржущіе кони богатырей, чувствуя свою осиротѣлость, поскакали каждый къ своему войску...

Ослябя схимой утиралъ слезы, тихо катившіяся по блѣднымъ щекамъ: и онъ остался сиротой... только надолго ли?..

XI. Побоище. Мамай одолѣваетъ.

Паденіе Пересвѣта и Телебея было сигналомъ къ битвѣ стоявшихъ другъ противъ друга полчищъ.

По всѣмъ рядамъ затрубили трубы, ударили въ варганы.

— Боже, помоги намъ!— раскатами грома прошелъ крикъ по рядамъ русскихъ ратей.

— Алла! Алла! Алла!—страшно, потрясающе взвыла другая сторона.

И полчища сшиблись. Казалось, что дрогнули земля и воздухъ, и небо. Съ первыхъ же моментовъ послышались среди бранныхъ кликовъ отчаянные, раздирающіе душу вопли, крики и стоны раненыхъ, проколотыхъ копьями, разсѣченныхъ мечами. Татарскія копья, цѣлыми частоколами упиравшіяся въ русскіе ряды, пронизывали насквозь эти ряды и клали ихъ на мѣстѣ, какъ скошенную траву. За скошеннымъ рядомъ стоялъ новый рядъ, и его прободали и повергали на землю кровавыя жерди враговъ. Эти кровавыя жерди двигались все впередъ, сметая цѣлые ряды, и татарскія ноги уже шагали по трупамъ пер-

выхъ рядовъ, передняго «суйма», и скользили по горячей крови. Раненыхъ, не доколотыхъ до смерти, давили ногами или разсѣкали саблями, когда иной, не добитый и не задавленный еще, хватался за татарскія ноги и въ безсильномъ отчаяньи грызъ ихъ зубами, какъ собака грызетъ распоровшаго ей животъ кабана. Другой раненый подымался съ земли и, припявъ въ объятія не ждавшаго его врага, какъ снопъ, падалъ съ нимъ на землю, на мертвыхъ, въ лужу крови, и давилъ его колѣнками, грызъ его лицо, стараясь перегрызть шею. Это была не стрѣлометательная битва, не огнестрѣльная, а ужасная рукопашка, даже не сѣча, негдѣ размахнуть руку, поднять мечъ... Сплошь и рядомъ среди этой страшной рукопашки катались по кровяной землѣ кровавые клубки, это противники, иногда нѣсколько татаръ и нѣсколько русскихъ, которые сплелись руками и ногами и, катаясь клубкомъ по землѣ, душатъ одинъ другаго, рвутъ за волосы, стараются вывихнуть у врага руку, ногу, сломать пальцы или своими пальцами и когтями вырвать у врага глаза, разодрать ротъ. Иной ногами топталъ лицо поверженнаго на землю противника и съ разсѣченною другимъ противникомъ головою падалъ мертвымъ на своего врага. Вотъ одинъ громадный ростомъ москвитянинъ, проколотый насквозь татарскимъ копьемъ, хрипя и изрыгая потокомъ кровь, самъ вдавливаетъ въ себя это пронзившее его копье, чтобы по нему добраться до своего врага и задушить его. Другой въ безумномъ изступленіи хватаетъ съ земли свою собственную, отсѣченную татарскою саблею, руку и неизвѣстно зачѣмъ суетъ за пазуху, а самъ нечеловѣкомъ рычитъ отъ боли и отъ ярости... Вопли, стоны, трескъ ломаемыхъ копій, хрястъ разбиваемыхъ щитовъ, лязгъ желѣза...

А съ боковъ напирала и производила страшное опустошеніе туча татарской конницы. Сминая подъ себя цѣлые ряды русскихъ, она топтала ихъ копытами, докалывала копьями. Тамъ лошадиная нога, ступивъ на голову упавшаго ратника, превращала ее въ безобразную массу, а другими ногами ломала ребра несчастнаго, руки, пробивала грудь... Озвѣрѣли и лошади: онѣ съ визгомъ кусали одна другую, вздыбались на дыбы, били копытами...

Часа два шла эта страшная, небывалая на Руси бойня. Люди задыхались въ тѣснотѣ свалки, живые умирали, будучи

задавлены грудами мертвыхъ, раненые захлебывались и тонули въ лужахъ русской и татарской крови...

Русскіе, наконецъ, дрогнули... Дрогнули собственно московскіе люди, «небывальцы въ браняхъ», какъ ихъ называетъ новгородскій лѣтописецъ. Они бросились врассыпную, пустились къ Дону... Татары вломились въ самую гущину ихъ...

Огромное великокняжеское знамя, черное какъ воронъ, подобно ворону ширило подъ вѣтромъ свои крылья среди цѣлаго лѣса другихъ мелкихъ знаменъ, среди мелкихъ воробьевъ. Подъ этимъ знаменемъ татары думали найти великаго князя и яростно устремились къ этому пункту, все опрокидывая и сминая подъ ногами, въ своемъ стремительномъ натискѣ. Они достигли, наконецъ, этого знамени и увидѣли великаго князя въ его блестящей одеждѣ. Призывая на помощь своей ярости Аллаха, котораго они считали такимъ же глупымъ и свирѣпымъ по глупости какъ сами, они всею силою налегли на тотъ пунктъ, гдѣ надѣялись найти его и нашли. Черное знамя было подбито, грохнуло на татаръ же, схвачено ими, скомкано, изодрано въ клочки и брошено въ кровь. Древко отъ знамени изломано въ щепки и также разметано по крови и среди труповъ. Подъ знаменемъ палъ и обезображенный Бренокъ, котораго татары, судя по его блестящей одеждѣ и по княжеской «подволокѣ», приняли за самого Димитрія...

Гдѣ же былъ Димитрій и что онъ дѣлалъ?

Вопросъ этотъ, судя по расколу, возникшему по поводу него въ русской исторической литературѣ, сталъ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые Гейне называетъ «проклятыми».

Почему же онъ сталъ «проклятымъ»? Что обострило его такъ?

Да все это ужасный нигилистъ-историкъ Костомаровъ, всему причиной его ядовитое историческое шипѣнье. Тысячу лѣтъ вонъ вѣрили россіяне, что былъ у нихъ нѣкогда доблестный мужъ Гостомыслъ, который якобы призвалъ изъ-за моря варяговъ «правити и володѣти русскою землею, которая велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ». И вдругъ этотъ историческій змѣй-горынчище, Костомаровъ, доказываетъ, что никакого Гостомысла не было и никакихъ варяговъ онъ не призывалъ, что все это бабьи бредни, сочиненныя впослѣдствіи, какъ со-

чинено и самое имя Гостомыслъ: «гость» и «мыслити», то есть «призывающій гостей». Тысячу лѣтъ вѣрили также добрые россіяне, что были призваны изъ-за моря три брата, три варяжскихъ князя, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. И эту вѣру ужасный старецъ Костомаровъ разрушилъ, «ни во что же вмѣни»:— говоритъ, что и это сказка, совершенно такая же сказка, какъ и понынѣ существуютъ подобныя, «о трехъ братьяхъ», «о двухъ умныхъ и третьемъ дуракѣ». Вѣрили россіяне, что у нихъ былъ Сусанинъ, наслаждались даже музыкой Глинки въ «Жизни за царя», гдѣ этотъ Сусанинъ поетъ такія прелестныя вещи, какъ «Что гадать о свадьбѣ—свадьбѣ не бывать», или «Страха не страшусь» и т. д.; самъ ужасный Костомаровъ страстно любитъ этого музыкальнаго Сусанина и вдругъ все разрушилъ разомъ: говоритъ, что и Сусанина не было! Мало того: самъ этотъ ужасный человѣкъ написалъ цѣлые томы о Богданѣ Хмельницкомъ, о его подданствѣ Россіи, и прочая, и прочая... Теперь Хмельницкому благодарная Россія ставитъ памятникъ, а ужасный Костомаровъ вдругъ объявляетъ, на основаніи документовъ, что Хмельницкій былъ союзникомъ и данникомъ султана!

Точно такимъ же образомъ поступилъ этотъ историкъ-Тамерланъ и съ Димитріемъ Донскимъ. Всѣ россіяне съ дѣтства научились вѣрить, что Димитрій Ивановичъ, великій князь московскій, получилъ наименованіе «Донского» за свои личныя доблести на Дону, на Куликовомъ полѣ, въ битвѣ съ Мамаемъ. Не тутъ-то было! Неумолимый историкъ-Тамерланъ разбилъ и эту иллюзію: онъ доказывалъ, что во время Куликовской битвы Димитрій лежалъ, спрятавшись подъ вѣтвями срубленнаго дерева...

Правда, за всѣ эти продерзости покойный Погодинъ обѣщалъ Костомарову «ребра переломать», но умеръ, не исполнивъ своего обѣщанія...

Вотъ вслѣдствіе чего вопросъ о поведеніи великаго князя Димитрія на Куликовомъ полѣ сталъ вопросомъ «проклятымъ».

Однако, по преклонности ли своихъ лѣтъ, или чая приближенія того момента, когда великій историкъ долженъ стать лицомъ къ лицу съ тѣми историческими дѣятелями, о которыхъ онъ при жизни повѣдалъ міру то или иное слово, маститый старецъ, во второмъ изданіи своихъ монографій, вышедшихъ въ

нынѣшнемъ году, старается смягчить свой приговоръ о Димитріи Донскомъ.

Почтенный и даровитый, хотя такой же, какъ Тацитъ, сердитый историкъ говоритъ, что извѣстіе о трусости якобы Димитрія взято изъ извѣстной древней «повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ».

«Повѣсть эта—продолжаетъ Костомаровъ—заключаетъ въ себѣ множество явныхъ выдумокъ, анахронизмовъ, равнымъ образомъ и преданій, образовавшихся въ народномъ воображеніи о Куликовской битвѣ уже позже. Эта повѣсть вообще въ своемъ составѣ никакъ не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ... Въ этой повѣсти разсказывается, будто Димитрій еще передъ битвою надѣлъ свою княжескую «подволоку» (мантію) на своего любимца Михаила Бренка, самъ же въ одеждѣ простого воина замѣшался въ толпѣ, а впослѣдствіи, когда Бренокъ въ великокняжеской одеждѣ былъ убитъ, и битва кончилась, Димитрій былъ найденъ лежащимъ въ дубравѣ подъ срубленнымъ деревомъ, покрытый его вѣтвями, едва дышащій, но безъ ранъ. Такое переряживаніе могло быть только изъ трусости, съ цѣлью подставить на мѣсто себя другаго, во избѣжаніе опасности, грозившей великому князю, котораго черное знамя и особая одежда издали отличали отъ другихъ: естественно, врагамъ было всего желательнѣе убить его, чтобы лишить войско главнаго предводителя. Если принимать это сказаніе, то надобно будетъ допустить, что Димитрій переодился въ простого воина подъ предлогомъ биться съ татарами заурядъ съ другими, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы скрыться отъ битвы въ лѣсъ. Судя по поведенію Димитрія во время случившагося позже нашествія татаръ на Москву, можно было бы допустить вѣроятіе такого разсказа; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ той же повѣсти говорится, что русскіе гнали татаръ до рѣки Мечи и начали искать великаго князя, уже возвратившись съ погони. Искали его долго, наконецъ, нашли лежащимъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Отъ мѣста побоища до рѣки Мечи верстъ тридцать слишкомъ; неужели, пока русскіе гнали татаръ до Мечи и возвращались оттуда (вѣроятно, возвращались они медленно, вслѣдствіе усталости и обремененные добычей), Димитрій, не будучи раненымъ, все это время пролежалъ подъ «срубленнымъ деревомъ»? «Очевидная

нелѣпость!» (Историч. монограф. и изслѣд. Н. Костомарова. Т. III. Изданіе второе. 1880, 39—41).

Такъ говоритъ историкъ. Историкъ иначе и не можетъ говорить, ему на все подай «документы», факты: нѣтъ документовъ, онъ и ни утверждать, ни отрицать не можетъ и ограничится лишь заключеніемъ: «можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ». Такъ и тутъ. Въ одномъ только сказаніи говорится, что Димитрія нашли подъ деревомъ; другія сказанія этого не повторяютъ, да они и вообще ничего не говорятъ о томъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ Димитрій въ разгаръ битвы. Но такъ какъ въ сказаніи, гдѣ говорится о лежаніи подъ срубленнымъ деревомъ, историки не все считаютъ вѣрнымъ, то, значитъ, и извѣстіе о лежаніи подъ деревомъ не вѣрно. Имъ, видите ли, подавай на все документы, да не по одному документу, а по два, по три: имъ хочется, чтобъ всѣ лѣтописи сказали о срубленномъ деревѣ. Конечно, это пріемъ хорошій. Но зато, за недостаткомъ «документовъ», исторія почти ничего и не знаетъ навѣрное и сегодня отрицаетъ то, что утверждала вчера, а завтра будетъ открещиваться отъ того, что утверждаетъ сегодня. Оттого исторія и является часто порядочною сплетницею и во всякомъ случаѣ напоминаетъ собою двухъ гоголевскихъ дамъ, «даму просто пріятную» и «даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ», которыя по поводу того, что на одной матеріи былъ узоръ—«глазки да лапки»—все спорили: одна—«ахъ пестро!»—другая—«ахъ не пестро!»—«ахъ пестро!»—«ахъ не пестро!»—Такъ и историки: «ахъ лежалъ подъ срубленнымъ деревомъ!»—«ахъ не лежалъ!»—«ахъ лежалъ!»—«ахъ не лежалъ!»...

Совсѣмъ иначе относится къ этимъ вопросамъ «незаконное дитя исторіи и фантазіи», то есть «дитя любви», какъ называлъ когда-то Сеньковскій «историческій романъ» (а говорятъ, что «дѣти любви» всегда бываютъ даровитѣе и талантливѣе дѣтей законныхъ, «дѣтей долга» и обязанности, что и понятно). Этотъ «незаконный сынъ исторіи» рѣшаетъ «проклятые вопросы» на основаніи общихъ законовъ жизни, не обходя въ то же время и историческихъ «документовъ»: если исторія не даетъ ему «документовъ», то, принимая въ соображеніе всю сумму данныхъ объ извѣстномъ лицѣ, объ извѣстномъ событіи и эпохѣ и исходя изъ требованій общихъ законовъ жизни, онъ говоритъ: хотя документы и ничего не говорятъ о томъ, было ли или нѣтъ

то-то и то-то, по по суммѣ такихъ-то и такихъ-то данныхъ оно должно было быть, и потому было... Если влюбленные были на свиданіи, то они не только что «вѣроятно» поцѣловались, но поцѣловались «непремѣнно»... а тайные поцѣлуи рѣдко заносятся въ «документы»... Такъ ихъ и отвергать исторіи?..

Такія-то преимущества находятся на сторонѣ «незаконнаго сына исторіи». На его сторонѣ есть и еще одно громадное преимущество передъ своею «матушкою», исторіею: старушка исторія, по своей дряхлости и слѣпотѣ (ея очки—«документы», а эти очки—не всегда бываютъ у старушки), не можетъ сама рыскать по полямъ сраженій, переноситься изъ столѣтія въ столѣтіе и видѣть все своими глазами; а незаконное чадо ея, «тайный плодъ любви несчастной», прижитый съ фантазіею, видитъ все самъ, живетъ во всѣ вѣка, былъ на всѣхъ битвахъ... Онъ былъ и на Куликовомъ полѣ и все видѣлъ самъ...

И видѣлъ онъ слѣдующее.

На несчастье Димитрія московскаго и всего союзнаго воинства русскихъ князей, татары всею своею тяжестью обрушились на центръ союзнаго ополченія, а этотъ центръ, «середину» ополченія, и составляли по преимуществу рати великаго князя, неумѣлые москвитяне, «небывальцы въ браняхъ», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ. Въ «серединѣ» же этой находился и самъ великій князь. Татары потому именно наперли прежде всего и сильнѣе всего на «середину», а не на «правую» и не на «лѣвую руку», что видѣли въ этой серединѣ огромный черный великокняжескій стягъ: онъ-то и манилъ ихъ; онъ указывалъ, что тамъ ядро и матка всего русскаго ополченія, что, убивъ матку, они легче распудятъ осиротѣлыхъ пчелъ и всѣхъ ихъ передавятъ. Да и притомъ все, что было блестящаго въ русскихъ ратяхъ, золотыя гривны, богатыя кольчуги, лучшіе копи, блестящіе доспѣхи, цвѣтныя одѣянія, все кучилось около середины, около чернаго знамени.

Когда пали первые ряды русскихъ, пронизанные копьями, а за ними и на нихъ упали вторые и третьи, когда началась затѣмъ рукопашка со всѣми ея ужасами, съ грызней, вытьемъ и стонами, когда тутъ же налетѣла вихремъ татарская конница и стала давить и людей, и коней, когда сабли крошили москвитянъ и коломнянъ съ боровитянами и серпуховитянами, какъ капусту, великій князь, котораго испугавшійся конь вы-

песъ изъ этой сѣчи, почувствовалъ внезапный холодъ въ тѣлѣ, и ему опять припомнилось, что онъ забылъ что-то въ Москвѣ, такое что-то забылъ, что теперь бы ему очень пригодилось; но что, онъ опять не могъ вспомнить... Холодъ, несмотря на жаръ солнца и на жаръ сѣчи, заставлялъ дрожать его, а это что-то забытое въ Москвѣ сверлило его мозгъ, мучило душу... «Что жъ оно такое! Боже Господи! Что я забылъ въ Москвѣ!»—стоналъ въ душѣ несчастный...

А впереди все рѣдѣло и рѣдѣло...

Вдругъ, какъ подкошенный колосъ, упало черное знамя... Димитрій вздрогнулъ и перекрестился. Онъ пришелъ въ себя, онъ понялъ весь ужасъ своего положенія... Онъ увидѣлъ лица русскихъ! Русскіе поворотили тылъ и бѣжали!.. Онъ ясно видѣлъ и испуганныя русскія лица, и свирѣпыя, торжествующія татарскія...

«Алла! Алла! Алла!» завыли кругомъ него страшные волки.

«Княже! Княже! Спасайся!»

Димитрій узналъ голосъ Ослабя и увидѣлъ его, словно во снѣ... Ослабя, впереди его, неистово махалъ мечемъ, отбиваясь отъ цѣлой толпы нападавшихъ на него... Онъ сразу перерубалъ копья, но въ щитѣ у него торчало уже ихъ до пяти древковъ... Онъ бросилъ щитъ и сталъ снова рубиться... Одно копье вонзилось ему въ грудь, а онъ все рубится... Вонзилось другое, третье...

«Княже! Княже!» захрипѣлъ онъ и свалился съ коня, зацѣпившись ногою за стремя.

Удары посыпались на Димитрія... Онъ окончательно опомнился и сталъ махать мечомъ направо и налѣво... Но удары продолжали падать ему на голову, на плечи, на бока... Онъ изнемогалъ... только шлемъ и дорогая кольчуга защищали его голову, тѣло...

«Забылъ, забылъ что-то въ Москвѣ... прощай, княгиня моя, прощай Евдокія... Господи!.. Конецъ мой пришелъ... Пріими духъ мой!..»

Но конь, раненый копьемъ, одыбился, сдѣлалъ отчаянный скачокъ и унесъ обезумѣвшаго князя...

Князь пропалъ безъ вѣсти... Русскія рати, уничтоженныя на половину, спасались бѣгствомъ... Куликовская битва была проиграна, Мамай побѣдилъ...»

XII. Засада и пораженіе. Димитрій подъ ракитовымъ кустомъ.

Такъ казалось всѣмъ, и татарамъ, и русскимъ.

Казалось такъ и тому крылу русскаго ополченія, которое подъ начальствомъ Владиміра Андреевича, вмѣстѣ съ князьями Олгердовичами и Боброкомъ, еще до начала битвы отошло по теченію Дона и засѣло въ засаду, прикрываемое лѣсомъ и возвышеніемъ.

Оттуда, изъ-за лѣсу, русскіе съ трепетомъ и потомъ съ ужасомъ слѣдили за ходомъ битвы. Они видѣли, какъ сходились рати и молча измѣряли силы другъ друга. Они видѣли, какъ изъ татарскаго полчища выѣхалъ богатырь и долго вызывалъ охотника на единоборство, потрясая въ воздухѣ огромнымъ копьемъ. Видѣли, какъ потомъ отъ русскихъ ратей отдѣлилась черная фигура, и узнали въ ней Пересвѣта. Съ ужасомъ и горемъ увидѣли они дальше, какъ Пересвѣтъ, оставивъ свое копье въ груди великана, съ его копьемъ въ своей груди грохнулся на землю.

— Охъ, Редедю закололи и Редедя закололъ,—качая головою, горестно проговорилъ про себя Боброкъ.

— То не Редедя, а Телебей,—поправилъ его Владиміръ Андреевичъ,—а у насъ Пересвѣта не стало...

Боброкъ ничего не отвѣчалъ.

Видѣли изъ засады, какъ произошла затѣмъ общая сшибка и кровавая сѣча, какъ пали первые русскіе ряды, пронизанные татарскими копьями, какъ падали, подкашиваемые, какъ спѣлая рожь, вторые и третьи, какъ увеличивались кучи мертвыхъ, какъ отражалось солнце въ разлитой крови...

— Охъ, наши падаютъ,—стоналъ тихо Владиміръ Андреевичъ.

А Боброкъ все молчалъ, не спуская глазъ съ битвы.

Видѣли изъ засады, какъ татары по трупамъ русскихъ и поражая живыхъ ринулись къ черному знамени, какъ упало это знамя, и Бренокъ упалъ...

— Стягъ великокняжескій палъ, охъ, братцы, православные!—послышались испуганные крики въ засадѣ.

— И князь упалъ, горе намъ!

— Горе! Горе!.. Идемъ на поганыхъ!

Владиміръ Андреевичъ, весь блѣдный, съ сжатыми кулаками и стиснутыми челюстями, схватился за голову...

— Братія! Православные!

— Стой! Стой!—грозно крикнулъ на него Боброкъ.

Владиміръ бросился было на него съ мечомъ, но Боброкъ осадилъ его взглядомъ.

— Димитрій! Что жъ это такое!—дрожалъ князь серпуховскій.—Кому пользуетъ наше тутъ стояніе? Кому мы помогать будемъ?.. Бѣда приходитъ!

— Такъ, княже, бѣда великая,—тихо отвѣчалъ Боброкъ.—та намъ ще не пришла година... Потерпимо ще мало, поки прійде намъ часъ воздати противнику...

— Чего терпѣть! Вонъ нашихъ бьютъ, что овецъ...

— Молись Богу да дожидай восьмого часу, буде вамъ благодать и христова помочь.

— Осьмой часъ, Господи! Сжалься надъ люди твоими!

Владиміръ безпомощно опустился на траву, ломая руки...

— Охъ, горе, горе!—слышалось по рядамъ засады.—Вонъ князь Ѳедоръ Бѣлозерскій палъ, ево конь скачетъ сиротою по полю...

— И сынъ ево Иванъ палъ же, все отца собою заслонялъ...

— А вонъ-вонъ, братцы, охъ! На Волуй Окатьича, на воеводу наперли, вонъ онъ разитъ ихъ... ихъ! И ево закололи!.. Вонъ съ сѣдла, родной, падаетъ...

— А вонъ и Семенъ Мелика обошли поганые...

— И Микулъ Васильича, охъ, братцы!

— Ослябя-то, Ослябя, гляди, разитъ! Ахъ! Въ щитѣ копій-то что! Ахъ, братцы! Бросилъ щитъ...

— Упалъ! Упалъ Ослябя!

— Охъ, бѣда головамъ нашимъ! Послѣдній часъ пришелъ...

— Бѣгутъ наши... Володычица!.. На угонъ пошли. Охъ! О-о!

Многіе ратники со слезами бросились къ Владиміру Андреевичу и къ Боброку.

— Веди насъ, княже! Что намъ ждать!

— Наши братья всѣ головы положили, а мы ждемъ!

— Намъ соромъ передъ людьми! Умремъ съ братьями!

Заволновались и брянчане съ трубчанами, которыхъ привели Олгердовичи.

— Ведите насъ, княжичи! Али мы пришли на соромъ свой смотрѣть!

— Лѣпо намъ умрети, нечѣмъ соромъ такой!

Олгердовичи съ трудомъ остановили ихъ.

— Братія!—сказалъ имъ Андрей Олгердовичъ.—Уже бо намъ мертвыхъ не кресити, а о себѣ помыслимъ скоро... Пождите осьмого часу...

— Какой тамъ осьмой!

— Скоро будетъ осьмой, братцы: когда татары притомятся, — пояснилъ другой Олгердовичъ, Димитрій,—коли у поганыхъ поту не станетъ, тогда и мы утремъ пота...

Но воины никого не слушались. Они готовы уже были сами броситься изъ засады на одолѣвающихъ враговъ. Тогда выступилъ Боброкъ съ обнаженной саблей. Онъ былъ страшенъ, глаза его горѣли.

— Вы знаете Боброка?—обратился онъ къ брянчанамъ.

— Знаемъ,—робко отвѣчалъ одинъ старый воинъ, на котораго смотрѣлъ Боброкъ.

— А знаете, что Боброкъ учинилъ съ Литвою подъ Смоленскомъ?—продолжалъ этотъ послѣдній.

— Знаемъ... потопилъ цѣлую рать...

— А чѣмъ потопилъ?

— Единымъ словомъ,—былъ робкій отвѣтъ.

Боброка считали «вѣдуномъ», который повелѣваетъ и водою, и вѣтрами, и громами. Всѣ его боялись и всѣ ему вѣрили.

— Эхъ, дурни вы дити, русичи!—сказалъ Боброкъ.—Погодить малость, ще есть исъ кимъ вамъ утишатися, пити и веселитися...

Но вотъ насталъ и «осьмой часъ» по тогдашнему счету часовъ не нашъ осьмой, а тогдашній: это былъ часъ третій пополудни...

Татары ушли далеко впередъ, гоня русскія рати и добивая недобитыхъ... Русскіе падали отъ утомленія, утомились не менѣе того и татары побѣдители... Засада очутилась въ тылу татарскаго войска, въ упоеніи побѣды потерявшаго всякій строй... Это было уже не войско, а стадо...

Боброкъ выступилъ впередъ.

— Княже Володиміре и вы князи Ондрій и Димитрій, и вы, сыны русичи, братія и други!—громко, торжественно возгла-

силъ онъ.—Часъ приспѣ, и година пришла... Идемо! И да поможетъ намъ благодать Святаго Духа!..

Засада выступила изъ-за лѣсу. Съ неистовымъ гикомъ и крикомъ бросились свѣжія русскія силы на разбившееся на безпорядочныя кучи и истомившееся татарское ополченіе: летѣли соколы, по выраженію лѣтописца, на стадо журавлиное... И Богъ, и природа, казалось, помогали имъ: южный теплый вѣтеръ дулъ имъ въ тылъ, унося къ татарамъ грозные клики точно изъ земли выросшаго ополченія...

Татары оглянулись и остолбенѣли. Имъ казалось, что небо послало на нихъ свои небесныя силы, и что насталъ ихъ послѣдній часъ. Строиться вновь въ боевой порядокъ было некогда да и невозможно: все спуталось и перемѣшалось; конница разсѣялась въ погонѣ, или сбилась въ кучи съ пѣхотою; одни части стали на мѣсто другихъ; отряды не знали, гдѣ ихъ военачальники; военачальники отбились отъ своихъ отрядовъ; сами отряды спутались, перебились, растерялись... Растерялось все... Одни перемѣняли тылъ на лицо, другіе бѣжали дальше....

Русскіе не давали имъ опомниться. Боброкъ съ своими страшными усами и косой казался дьяволомъ.

— Го-го-го-го!—стонали свѣжія русскія силы.—Бей поганыхъ!

— Руби! Коли! Не оставляй на сѣмены!

— За падшую братію! За кровь хрестьянскую!

Стонъ прошелъ по татарскому ополченію, стонъ ужаса, отчаянья... Слышалось только имя Аллаха...

— Ала-ла-ла-ла-ла! Ала-ла-ла-ла!—лопотали тысячи языковъ, тысячи пересохшихъ отъ утомленія глотокъ.

Но не помогалъ Аллахъ. На мертвыя кучи русскихъ валились новые мертвецы, убійцы прежнихъ... татарскіе трупы укрывали трупы русскіе; но покрывавшихъ было болѣе, чѣмъ покрытыхъ...

Татары шатались, какъ пьяные, и падали. Ихъ тутъ же кололи, разсѣкали саблями и топтали. Бѣжавшіе запрудили ручьи, и скоро вода ихъ превратилась въ кровь...

— Братцы! Пить нечево, вода кровава,—говорили русскіе воины, искавшіе, гдѣ бы имъ промочить пересохшее горло.

— Пей! Они нашу пили...

— Ихъ кровь погана...

— Это вамъ за Пьяну рѣку, проклятые!—кричалъ Микитка-серпуховитинъ, загоняя въ воду цѣлый загонъ обезсилѣвшихъ и обезумѣвшихъ татаръ.

— Это вамъ за село Карачарово!—ревѣлъ Малюта-карачаровецъ, бывшій подъ Казанью.—Это за Доброгнѣву! За Гориславу! За Верхуславу!

— Око за око, зубъ за зубъ,—пояснилъ благочестивый воинъ, что преслѣдовалъ Микитку-серпуховитина за «крѣпкія, неудобь сказуемыя словеса»,—въ писаніи сказано—оже убьеть мужъ мужа...

— Али татаринъ мужъ!—огрызается Микитка.—Татаринъ собака, кобылій внукъ!

Другія части татарскаго ополченія, преимущественно конница, ударились въ бѣгство въ другую сторону, правѣе, къ Красной Мечѣ. За ними погнался Боброкъ съ отборными «конниками». Поражаемые ужасомъ и русскими копьями, татары падали съ коней и погибали подъ копытами и ударами побѣдителя. Другіе поднимали руки къ небу, прося пощады...

— Они не пощадили великаго князя, не щади и ихъ!—охрипшимъ голосомъ кричалъ Владиміръ Андреевичъ.

— За князя, братцы: за хрестьянску, за княженецку душу, собачьи губи!—кричали разсвирѣпѣвшіе ратные.—У нихъ нѣту души, паръ одинъ собачій.

— За княженецкой животъ самово Мамая давай! Десять Мамаевъ!

— Князь живъ,—сказалъ Боброкъ,—не поминайте князя.

— Живъ ли воистину?—обрадовался Володиміръ серпуховскій.

— Живъ... побачишь, княже... а теперь пійте, братци, кроваве пиво...

Мамай, увидавъ съ возвышенія гибель своихъ полчищъ, затрепеталъ и, поднявъ къ небу руки, воскликнулъ, говорятъ лѣтописцы: «Расуль Аллахъ! Великъ Богъ христіанскій!..»

Онъ такъ былъ потерянъ неожиданной кровавой развязкой, что не догадался послать въ дѣло свѣжія, находившіяся около него рати, а самъ поворотилъ своего коня и бѣжалъ, окруженный сонмомъ своихъ князей, мурзъ и баскаковъ...

Пораженіе татарскаго войска было полное. Не добитое, но

утонувшее въ рѣчкѣ, оно въ безпорядкѣ бѣжало, покинувъ свой обозъ, возы, шатры, добычу...

— Не достало, братцы, кроваваго вина,—говорилъ Боброкъ, возвращаясь отъ Красной Мечи по полю, усѣянному трупами и умирающими въ мукахъ.

— Довольно, досыта упились и такъ, брате Димитріе,— грустно замѣтилъ Владиміръ Андреевичъ,—а великаго князя все нѣтъ...

. . . . . .

Гдѣ же былъ великій князь?

Когда Ослябя, выпустивъ изъ рукъ щитъ съ вонзившимися въ него нѣсколькими копьями, былъ самъ пробитъ тремя ударами и свалился съ коня, великій князь, поражаемый ударами, потерялъ сознаніе... Изъ глазъ его все исчезло, небо, люди, кровь.. въ ушахъ только раздался звонъ, словно всѣ колокола московскіе зазвонили... Не это ли онъ забылъ въ Москвѣ? Не звонъ ли?..

Онъ потерялъ память...

Когда онъ очнулся, то увидѣлъ надъ собою голубое небо и зеленыя вѣтви ракитоваго куста... Онъ лежалъ около этого куста, а коня около него не было... Онъ слышалъ какой-то особенный шумъ битвы, не такой, какой былъ раньше... Что съ нимъ? Онъ чувствовалъ боль во всѣхъ членахъ, въ головѣ, въ рукахъ... Онъ видѣлъ, что доспѣхи его покрыты рубцами и кровью... Но чья это кровь? Его собственная?..

Онъ ясно услыхалъ голосъ Боброка и голоса русскихъ...

— «За падшую братью! За кровь хрестьянскую!»

— «За великаго князя!»

Сердце его болѣзненно сжалось. Неужели онъ убитъ?.. Такъ вотъ что забылъ онъ въ Москвѣ, животъ свой, свое великокняженіе, свою княгиню милую, все забылъ, все пропало...

Онъ приподнялся было на колѣни, хотѣлъ встать и не могъ. Внутри у него горѣло, губы запеклись, горло засохло: онъ чувствовалъ пожирающую жажду... А гдѣ взять воды?.. Донъ далеко, а онъ двинуться не могъ... Да и Донъ ли это? Не сонное ли видѣніе все это? И вся жизнь не была ли сонъ... Нѣтъ, не сонъ, не сонъ, онъ видитъ это бездонное голубое небо, которое раскинулось надъ нимъ и надъ всею землею, и надъ Москвою, тамъ, далеко, далеко, гдѣ онъ забылъ что-то... Нѣтъ, не сонъ,

онъ видитъ, какъ качаются надъ нимъ зеленыя вѣтви ракитоваго куста и какъ шелеститъ ими вѣтерокъ... Такъ не на кладбищѣ ли ужъ онъ? Не изъ могилы ли все это видитъ? Да, разъ когда-то утомленный охотой, онъ заѣхалъ къ Сергію и легъ тамъ на чьей-то могилѣ подъ деревомъ и такъ же видѣлъ голубое небо, и такъ же думалъ о смерти... Не сонъ, не сонъ это; онъ чувствуетъ, какъ огонь палитъ его внутренности, какъ болятъ всѣ его члены... И глухой шумъ битвы онъ слышитъ, все глуше, глуше, вѣрно дальше уходятъ, дальше гонятъ... А кто кого гонитъ? Русскіе татаръ? Татары русскихъ? Да что ему до этого! Какъ все это, что дѣлаютъ люди, и что онъ дѣлалъ, какъ все это жалко и мелко, и грѣховно... И для чего онъ добивался великокняженія, для чего кланялся хану и Мамаю? Суета суетъ! И что въ томъ, что онъ одолѣлъ тверского князя, что ему теперь изъ этого!.. А сколько погибло душъ христіанскихъ изъ-за того, что ему нужно было это великокняженіе!..

Смолкъ шумъ битвы... Все ушло куда-то, тихо, мертво кругомъ... Забыли, бросили его, бросили своего великаго князя... Да что онъ имъ! Что ему самому великокняженіе, престолъ, подволока!.. Суета суетъ!.. Вонъ и Бренокъ былъ въ княжеской подволокѣ и гривнѣ, а палъ, лежитъ мертвъ... Все суета...

Нѣтъ, не все мертво кругомъ: слышны стоны, это такіе же, какъ и онъ, умирающіе... А отчего онъ не стонетъ?..

И великій князь глухо застоналъ... Что это? На кустѣ сидѣла ворона, и стонъ испугалъ ее, она слетѣла съ куста... Чего она тутъ сидѣла?.. А! Она сидѣла затѣмъ, чтобы его, великаго князя, клевать... Великокняжеское тѣло въ снѣдь воронѣ, хуже того, червямъ... Что-то такое сдѣлали съ великимъ княземъ, повергли его на землю, въ прахъ, подъ ракитовъ кустъ, и онъ уже не великій князь, а снѣдь вранамъ...

И конь жалобно проржалъ... по комъ? По себѣ, онъ тоже раненъ... слабо проржалъ... И конь, и великій князь, конь и всадникъ, добыча птицамъ... Кости однѣ останутся на полѣ Куликовѣ.. А онъ еще думалъ, что его кости будутъ покоиться въ Архангельскомъ соборѣ, рядомъ съ костьми прародителей... А и они были великіе князи, а что отъ нихъ осталось! Кости сухія, истлѣвшею великокняжескою подволокою прикрытыя... Вонъ и кости Бренка будутъ тлѣть подъ подволокою... Все

тлѣнъ, все суета... А только схимы на главахъ Пересвѣта и Осляби не тлѣнъ, то не тлѣнъ...

Опять ворона сѣла на кустъ, заглядываетъ ему въ глаза... Что глядишь! Лети въ поле, тамъ много такихъ, что уже не смотрятъ глазами... А не все ли равно! Только бы залить этотъ пекельный огонь въ груди, въ душѣ, во всемъ тѣлѣ... А не огнь ли это вѣчный? Не онъ ли палитъ?..

Пчела жужжитъ надъ головою... Чего она жужжитъ?... Цвѣтовъ она ищетъ, какъ онъ тоже всю жизнь искалъ... А для кого? Вотъ для вороны этой... И пчела не для себя ищетъ, и у нея отнимутъ и медъ, и воскъ... И будетъ изъ воску свѣча, и изъ меду канунъ поминальный... и будутъ поминать великаго князя Димитрія, на брани убіеннаго... а княгиня будетъ плакать и горько причитать...

Онъ чувствовалъ, какъ что-то горячее, не то кровь, не то слеза, выкатилось изъ глазъ и по щекѣ сбѣжало подъ забороло...

Муха жужжитъ, кровь и смерть чуетъ... На шеломъ сѣла, съ шелома на лицо... лицо сморщилось судорожно, муха перелетѣла на грудь, на руку... крови ищетъ... а кровь уже засохла...

Господи! Сжалься... хоть бы капля воды... палитъ внутренности... за что же!.. А за неправды, за зло, за князя тверского, за его гибель, за Олега рязанскаго... О, Господи! Все бы княжество за ковшъ воды!..

Онъ опять сдѣлалъ усиліе и со стономъ поднялся... Ворона замахала крыльями и улетѣла...

Онъ глянулъ на поле... и се поле полно тѣлъ человѣческихъ!.. И кожа на нихъ, плоть, духа же не бѣ... Волосы, казалось, встали подъ шеломомъ на головѣ... Одни тѣлеса—а гдѣ духъ!.. Душе живый! Гдѣ ты? Куда отлетѣлъ!

Вонъ лошадь на трехъ ногахъ... треплется грива... четвертая нога поджата... Это его конь, великокняжескій... Одна нога пробита копьемъ, и копье въ ногѣ торчитъ... а конь щиплетъ кровавую траву... бѣдный!.. А о своемъ князѣ забылъ... всѣ о немъ забыли...

Князь, держась за кусты и деревья, двинулся въ дубраву, къ Дону... Тамъ онъ найдетъ воду... Онъ остановился, чтобы передохнуть, и оглянулся назадъ... Конь, попрыгивая на трехъ ногахъ, продолжалъ щипать траву...

«Забылъ меня добрый конь... забылъ... всѣ забыли меня...»

Какъ бы въ отвѣтъ на его мысль, конь жалобно заржалъ и сталъ глядѣть по полю, ища кого-то, должно быть, хозяина, а скорѣе конюха...

«Нѣтъ, не забылъ конь... люди забыли... Гдѣ жъ они всѣ?.. Неужели всѣхъ въ полонъ угнали татары и оставили его только съ этими — съ мертвецами?..»

У него потемнѣло въ глазахъ... Онъ схватился за вѣтви какого-то срубленнаго дерева и упалъ головой подъ срубленный стволъ...

XIII. Осмотръ поля битвы

Когда великій князь вторично пришелъ въ себя, онъ замѣтилъ надъ собою то же голубое небо и ту же зелень вѣтвей, только вѣтви казались гуще, и солнце склонилось уже къ западу.

Онъ видѣлъ, какъ надъ нимъ съ вѣтки на вѣтку прыгала бѣлка, поглядывая на него своими живыми глазками, а когда онъ пошевелился и тяжело вздохнулъ, бѣлка ускакала на другое дерево.

Димитрію показалось, что онъ чувствуетъ себя легче, хотя жажда попрежнему палила внутренности, и тѣло все ныло отъ боли.

Ему явственнѣе стало припоминаться все, что было еще такъ недавно, и въ то же время казалось такъ давно случившимся. Но теперь онъ слышалъ гулъ огромнаго множества голосовъ и ржаніе коней.

Скоро голоса послышались совсѣмъ недалеко, и радостный трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу. Онъ узналъ голоса Боброка, князя Владиміра Андреевича, Олгердовичей...

— Должно, его конь занесъ куда, а куда, Богъ вѣдаетъ,— узналъ Димитрій голосъ друга своего Володиміра, — спаси его, Господи...

— Коня найшли и князя найдемо, — увѣренно прозвучалъ голосъ Боброка.

— Среди убіенныхъ не обрѣтаютъ великаго князя, — сказалъ кто-то, голосъ котораго былъ, казалось, незнакомъ Димит-

рю, — я раненыхъ напутствовалъ святыми дарами и вопрошалъ о князѣ: никто не слыхалъ о немъ.

— Я здѣсь! — силился крикнуть великій князь, но только глухо простоналъ.

— Кто-то стонетъ...

— Гдѣ? Кто?

— Сейчасъ простонало, а гдѣ, не вѣдаю.

— Ищите, други, Бога-для...

Стонъ повторился... ближе, явственнѣе...

— Стонетъ! Стонетъ!

— Близко, подъ деревомъ точно...

— Друже мой! Брате!—совсѣмъ явственно послышалось.

— Княже! Господине! Гдѣ ты?

— О, Владычица!

— Здѣсь я...

— Тутъ, тутъ онъ... охъ! Ищите!..

— Та ось винъ, пидъ ялиною... найшли! Живый!

Зоркіе глаза Боброка первые увидали лежавшаго подъ вѣтвями срубленной ели великаго князя. Всѣ съ радостнымъ крикомъ бросились къ нему, свернули ель въ сторону...

— Княже! Друже искренній! — припалъ передъ нимъ на колѣни Володиміръ. — Что съ тобой! Охъ! Боже!

— Умираю я, друже, — слабо отвѣчалъ великій князь.

Всѣ припали къ нему, стоя на колѣняхъ.

— Нѣтъ... Богъ милостивъ... Теперь только жить...

— Медъ-вино пить та татарву бить, — весело добавилъ Боброкъ.

— Ты побѣдилъ, княже,—торопливо говорилъ Владиміръ,— мы все поле загатили трупомъ... нечестивый Мамай бѣжалъ, гонимъ гнѣвомъ божіимъ...

— Я побѣдилъ, — горько сказалъ великій князь, приподнятый друзьями, — кого я побѣдилъ! Меня побѣдила сѣнь смертная...

— Побѣда преславная, каковой не бывало, какъ и свѣтъ стоитъ...

— Охъ! Промочите гортань мою... умираю... огнь жжетъ мою душу, — съ усиліемъ проговорилъ поддерживаемый раненый князь.

— Я напою тебя кровію христовою господине княже, и дамъ ти воду живу.

Это проговорилъ тотъ голосъ, что упоминалъ о напуствованіи раненыхъ. То былъ священникъ, благословлявшій Пересвѣта на единоборство съ Телебеемъ и теперь стоявшій около князя съ сосудомъ и дарами, которыми онъ причащалъ все время раненыхъ, ходя по полю и отыскивая великаго князя.

Князь радостно взглянулъ на священника.

— Отче! Сподоби мя, грѣшнаго, тѣла и крови Спасителя нашего...

Князя приподнялся. Онъ набожно крестился, повторяя за священникомъ причастную молитву...

— Причащается рабъ божій Димитрій...

— Тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите, — проговорили присутствующіе.

Боброкъ, между тѣмъ, снялъ висѣвшіе у него за плечами на перевязи фляжку и рогъ въ серебряной оправѣ, налилъ въ рогъ изъ фляжки то, что въ ней оставалось, и поднесъ къ губамъ великаго князя.

— Пій, господине княже, — сказалъ онъ, — се теплота...

— Что се, брате Димитріе? — спросилъ князь.

— Вода жива... оковита... аква витэ римски... послѣ причастна теплота...

— Вино? Церковное?

— Угорське, добре... запридухъ...

Князь съ жадностѣю припалъ губами къ краямъ рога...

— Пій, усе, пій, живъ и здравъ будеши, — поясняетъ Боброкъ.

Димитрій жадно пилъ. По мѣрѣ того, какъ все выше поднимался острый конецъ рога, блѣдное лицо князя болѣе и болѣе играло краскою, глаза оживлялись...

Рогъ опорожненъ дочиста... Боброкъ даже крякнулъ отъ удовольствія...

— Оттакъ добре буде...

— Добре, добре, брате, — оживился Димитрій, — во мнѣ силы прибыло, слышу сіе...

— Та прибуло жъ, якъ у Илья Муромца съ ковша браги...

Дѣйствительно, вино и радостныя вѣсти такъ оживили великаго князя, что онъ самъ могъ итти къ своему шатру, раски-

нутому наскоро, хотя Владиміръ Андреевичъ и поддерживалъ его. Онъ видѣлъ, что все поле, отъ лѣса, гдѣ онъ лежалъ, до самой Непрядвы, усѣяно тѣлами человѣческими, и по этому полю ходятъ люди, нагибаются къ землѣ, разсматриваютъ убитыхъ и раненыхъ, переворачиваютъ, приподымаютъ ихъ и то перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто, то сваливаютъ одного мертвеца на другого, то отдѣляютъ одного убитаго отъ другого, если случалось, что русскій и татаринъ, въ предсмертной борьбѣ, удушая одинъ другого или перегрызая противнику горло, умирали или другъ на дружкѣ, русскій на татаринѣ, татаринъ на русскомъ, или обнявшись въ этой борьбѣ и сплетясь руками и ногами. Казалось, люди ходили по полю и искали ягодъ, цвѣтовъ или грибовъ, нагибаясь и всматриваясь въ то, что у нихъ подъ ногами. Но это не было исканіе ягодъ и грибовъ: иной, увидя что-либо ужасное, горестно ломалъ руки или отчаянно всплескивалъ ими, другой — съ яростью прикалывалъ копьемъ къ землѣ, или рубилъ саблей ненавистный трупъ врага, или домучивалъ его, если онъ еще обнаруживалъ признаки жизни, стоналъ, ползалъ, безнадежно поднималъ руки къ небу, прося смерти у неба и, рѣдко, пощады у побѣдителя. Иной обдиралъ, раздѣвалъ или разувалъ богато одѣтаго мертвеца татарина, снималъ съ него золотыя и серебряныя украшенія и обвѣшивался ими самъ, или ловилъ на арканъ, либо голыми руками оставшуюся безъ хозяина либо раненую лошадь, снималъ съ нея сѣдло и дорогую сбрую, или загонялъ къ себѣ въ обозъ. Зрѣлище представляло видъ ярмарки и жатвы въ одно и то же время, но только жнецы нагибались не надъ спѣлыми колосьями ржи и пшеницы, а надъ мертвецами. Слышался говоръ и стонъ, и ржаніе коней. Раздавались и отдѣльныя причитанья, плачъ по роднымъ, друзьямъ и товарищамъ ратнаго дѣла... И на всемъ этомъ играли золотисто-красноватые лучи заходящаго солнца, южный вѣтерокъ просушивалъ траву и землю, обрызганную кровью, и превращалъ въ черный, застывшій кисель кровавыя лужи и ложбины, наполненныя кровью...

Какъ ни было потрясающе зрѣлище, которое открылось глазамъ великаго князя, однако, теперь оно не произвело на него того безнадежно-подавляющаго и мрачно отчаяннаго впечатлѣнія, какое произвело нѣсколько часовъ назадъ, когда онъ, послѣ паденія съ лошади, въ первый разъ очнулся надъ раки-

товымъ кустомъ, и когда надъ нимъ сидѣла ворона, ожидавшая себѣ поживы, а съ мертваго поля доносились только стоны раненыхъ да тоскующее ржаніе его осиротѣлаго коня. Теперь это мертвое поле казалось ему живымъ, цвѣтущимъ, радостнымъ: оно представлялось теперь роскошнымъ вертоградомъ, полнымъ цвѣтовъ и плодовъ, за которыми прятались и лужи крови, и страшныя лица мертвецовъ, и которые радостно окрашивались лучами солнца, солнца, свѣтившаго въ его душѣ, въ немъ во всемъ, солнца, каждый лучъ котораго радостно дрожалъ въ немъ, согрѣвалъ его и неустанно шепталъ: «ты побѣдиши», «ты побѣдиши», «ты побѣдиши!..»

И только теперь онъ отчетливо вспомнилъ, что, казалось ему, онъ забылъ въ Москвѣ: теперь то, что казалось ему забытымъ въ Москвѣ и утраченнымъ, что гвоздемъ винтило его мозгъ и сердце, отъ чего въ душу проникалъ холодъ, и отъ чего не могъ онъ отмахаться всею своею волею и памятью, теперь это забытое въ Москвѣ, утраченное, само воротилось, нашлось вотъ на этомъ мертвомъ полѣ, среди тысячъ мертвецовъ, пришло съ воздуха, съ неба, принеслось къ нему на крыльяхъ южнаго вѣтерка... Это забытое было — покой духа, бодрость, увѣренность, безбоязненность, чувство жизни и сладость надежды, которыя вновь забили въ немъ ключемъ, полились по всѣмъ жиламъ горячею кровью... «Али это и точно вода жива, что далъ мнѣ Боброкъ? Или же се есть пречистое тѣло Христово и кровь Его живая? думалось ему... А еще такъ недавно все это было забыто, потеряно, задавлено глухимъ и слѣпымъ страхомъ невѣдомаго грядущаго часа.

Въ палаткѣ его раздѣли и осмотрѣли, нѣтъ ли ранъ на тѣлѣ. Но ранъ не оказалось. Видно было лишь нѣсколько синяковъ; на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла чувствовались ушибы, но не тяжкіе: ясно, что хорошій панцырь и кольчуга, а равно шеломъ хорошо защищали великаго князя.

Онъ хотѣлъ въ подробностяхъ знать, какъ совершена была побѣда, когда, казалось, все было потеряно, и Владиміръ Андреевичъ вмѣстѣ съ Боброкомъ разсказали ему, какъ они выжидали въ засадѣ роковой минуты, какъ боялись за исходъ дѣла, какъ рвались на защиту братій, которые гибли на ихъ глазахъ тысячами, и какъ Боброкъ удерживалъ ихъ, оттягивая роковую минуту. Боброкъ при этомъ отпускалъ шутки, говорилъ, что всѣ

ратные люди, бывшіе въ засадѣ, слишкомъ торопились попасть на кровавый пиръ, когда ни вино, ни брага еще не были готовы, и что еслибъ его не послушались, то вышло бы по пословицѣ: «попереду батька на шибеницю».

Великій князь плакалъ отъ радости и обнималъ всѣхъ, а на Боброка сталъ смотрѣть, какъ на высшее существо и посланника божія.

Онъ разспрашивалъ потомъ, радость помѣшала ему вспомнить объ этомъ раньше, кто изъ князей и воеводъ палъ въ бою, и пришелъ въ ужасъ, когда передъ нимъ произнесли рядъ именъ, которыми гордилась русская земля и для которыхъ ничего больше не осталось, кромѣ «вѣчной памяти» и «со святыми упокоенія...»

— А князь Бѣлозерскій Ѳедоръ? — спрашивалъ великій князь.

— Паде съ честію, — отвѣчали ему.

— А князь Ѳедоръ Торуской?

— Паде съ честію.

— А князь Иванъ княжъ сынъ Ѳедоровъ Бѣлозерской?

— Пригвожденъ копіемъ къ тѣлу отца своего.

— Охъ!.. А князь Торуской Мстиславъ?

— Посѣченъ во главу.

— А князь Иванъ Михайловичъ?

— Прободенъ пятью копіями.

— А Семеновичъ князь Ѳедоръ?

— На куски изсѣченъ.

— А Монастыревъ князь Димитрій?

— Конскими копытами задавленъ.

— А хоробрый воевода Семенъ Меликъ?

— Прободенъ въ лице... копье вышло въ затылокъ, умре.

Когда по полю разнеслась вѣсть, что великій князь найденъ, и что онъ живъ и здоровъ, то къ великокняжеской ставкѣ стали собираться всѣ оставшіеся въ живыхъ князья и воеводы и другіе именитые люди. Димитрій, наскоро потрапезовавъ и подкрѣпившись виномъ, вышелъ изъ палатки. Слѣдовъ утомленія или болѣзни на лицѣ какъ и не бывало. Напротивъ, онъ казался еще здоровѣе, выше, дороднѣе и осанистѣе...

— Ишь ты, диво какое! — шептались промежъ себя воеводы.—Словно бы великій князь выросъ...

— И точно выросъ... и глаза-тѣ словно бы не ево...

— Не ево и есть... орелъ орломъ... эко диво!

Великій князь милостиво похвалялъ и благодарилъ воеводъ «за службу». Воеводы кланялись. Димитрій разспрашивалъ, кого изъ воеводъ не стало и какъ кто животъ свой положилъ.

— Волуй Окатьича, господине княже, не стало, — отвѣчалъ одинъ воевода.

— Царство ему небесное и вѣчный спокой... А како умре?

— Черево поганые ножемъ распороли и черево вышло.

— А Ондрея Шубы токмо тулово нашли, господине, княже, а головы не нашли.

— А воевода Серкизъ Ондрей въ крови утопъ, захлебнулся.

Каждый изъ воеводъ сообщалъ какую-нибудь страшную и печальную новость.

— А Семенъ Михайловичъ воевода загрызенъ, — слышалось съ одной стороны.

— А Микула Васильичъ подъ конемъ задохся.

— Тимоѳей Васильичъ арканомъ удушенъ.

— А отъ Шатнева Тараса токмо голова въ шеломѣ найдена, а тулово не знать гдѣ...

Великому князю подвели новаго коня, и онъ сѣлъ на него. Въ это время позади столпившихся у Димитріевой ставки воеводъ послышалось жалобное ржаніе. Князь узналъ голосъ своего стараго боеваго товарища и оглянулся: ковыляя на трехъ ногахъ, къ ставкѣ приближался любимый бѣлый конь Димитрія, на которомъ онъ выѣхалъ изъ Москвы и сегодня выѣхалъ на битву. Бѣдное животное узнало своего господина и радостно и жалостливо ржало. Князь подъѣхалъ къ нему, погладилъ гриву, потрепалъ ласково морду, причемъ тотъ конь, на которомъ теперь сидѣлъ Димитрій, сталъ грызть раненаго, но былъ остановленъ плеткой.

— Ишь ты, тварь безсловесная, а зависть имѣетъ,—замѣчали воеводы: — я де теперево въ чести, подъ великимъ княземъ, аки боляринъ, а ты смердъ...

— И точно боляринъ, такъ ушьми и прядетъ.

Но великій князь велѣлъ увести смерда-коня и перевязать ему рану, а самъ, въ сопровожденіи всѣхъ военачальниковъ, поѣхалъ осматривать кровавое поле.

Теперь только онъ понялъ жестокость битвы, разыгравшейся

на этомъ полѣ, и увидѣлъ всѣ ужасы, ее сопровождавшіе. Онъ видѣлъ кучи тѣлъ, словно недавно сметанныя копны, и изъ-подъ этихъ человѣческихъ копенъ иногда слышались стоны. Ратные люди, по щиколотки въ крови, разбирали эти копны, отдѣляя русскихъ отъ татаръ, бросая въ новыя кучи трупы послѣднихъ или вынимая изъ-подъ мертвыхъ тѣлъ еще не успѣвшихъ задохнуться или захлебнуться кровью раненыхъ.

Въ одномъ мѣстѣ, тамъ именно, гдѣ бились московскія рати, и гдѣ была особенно кровавая сѣча и рукопашка, великій князь невольно остановился и всплеснулъ руками. Онъ наткнулся на семью князей Бѣлозерскихъ и ихъ сродниковъ: отецъ и сынъ и весь ихъ обширный родъ, весь цвѣтъ рода представлялъ потрясающую мертвую группу... Всѣ они лежали почти рядомъ: какъ пришли вмѣстѣ на кровавый пиръ, «вмѣстѣ кроваваго вина испиша и вмѣстѣ полегоша» на вѣчную постель... Старое и молодое, въ богатыхъ доспѣхахъ, въ цвѣтной и золотной одеждѣ, все это лежало почти обнявшись: кто съ копьемъ въ груди, кто съ разсѣченной головой, кто съ распоротымъ животомъ... Только сынъ, князь Иванъ, казалось, обнималъ своего отца, князя Ѳедора... Нѣтъ, онъ не обнималъ его теперь, или же обнималъ навѣки: въ пылу сѣчи сынъ прикрылъ собою тѣло отца, который былъ поверженъ на землю, и самъ былъ пригвожденъ копьемъ къ тому, кого прикрывалъ собою и обнималъ....

Великій князь заплакалъ, увидавъ эту картину, исполненную трагической умилительности...

— Братья! Князи рустіи! — воскликнулъ онъ горестно. — Аще имате дерзновеніе ко Господу, молитесь нынѣ о насъ, дабы и намъ нѣкогда быти вмѣстѣ съ вами!

Даже Боброкъ о чемъ-то горько задумался... Онъ вспомнилъ что-то изъ своей жизни, вспомнилъ отца, мать, свой далекій прекрасный край, гдѣ когда-то улыбалось молодое счастіе, а потомъ все развѣялось, какъ и счастье Ярославны, по степному ковылю...

Проѣзжая далѣе по полю среди мертвыхъ тѣлъ, узнавая межъ ними знакомыхъ, нѣкогда близкихъ къ нему воителей, теперь лежавшихъ на землѣ съ зіяющими ранами, или съ вражьей стрѣлой въ груди, великій князь снова остановился. Среди массы еще не разобранныхъ труповъ бросились въ глаза своею величавостью два изъ нихъ, у каждаго изъ коихъ торчало въ

груди по огромному копью. Князь узналъ этихъ величавыхъ мертвецовъ: то были Пересвѣтъ и противникъ его, татарскій богатырь, Телебей. Черная окровавленная схима оттѣняла строгое, блѣдное, мертвое лицо перваго. Оно, казалось, глядѣло на небо и думало глубокую думу... А можетъ и вправду думало...

Димитрій тоже задумался. Боброкъ глядѣлъ грустно. При видѣ этого молодого мертваго лица ему невольно вспомнилось другое, молодое женское личико «хотя юна», что шитымъ рукавомъ утирала слезы, катившіяся по милому лицу... Тутъ же вспомнился и «бебрянъ рукавъ», и «Днѣпръ словутичъ», и «Каяла-рѣка»...

— Се, братіе, нашъ починальникъ!—прервалъ его размышленія великій князь, и Боброку стало почему-то непріятно отъ этихъ словъ, до словъ ли теперь! До говоренья ли, когда хочется только думать и думать...

— Се онъ, — продолжалъ великій князь, — иже провозвѣсти намъ побѣду пораженіемъ онаго сильнаго, отъ него же бы довелось намъ испити горькую чашу... Князи и сыны рустіи! Помѣстніи бояре, сильніи воеводы, дѣти всея русскія земли! Тако подобаетъ вамъ служити, а мнѣ радоватися на столѣ своемъ, на великомъ княженіи, и награждати васъ...

— И зачѣмъ онъ это говоритъ! — думалось Боброку, — до того ли теперь!.. Вамъ служить, а мнѣ радоваться на столѣ своемъ, награждать... Эхъ! Московськи примхи.

Онъ нетерпѣливо повернулся на сѣдлѣ... У него не такія слова звучали въ сердцѣ, не «служба» и «награда», а что-то другое... «щекотъ славій успе»... «говоръ галичь убуди»... «звенить слава въ Новѣгородѣ»... «слава», а не «награда»... У Боброка была поэтическая душа, сердце, взлелѣянное жаркимъ солнцемъ юга, отзывчивая, творческая мысль...

— Братіе! — продолжалъ великій князь. — Да предастъ земли кійждо изъ васъ тѣло ближняго своего и да не будутъ въ снѣдь звѣремъ тѣла христіанскія...

«Оце добре», подумалъ Боброкъ.

А великій князь, оглянувъ глазами поле и трупы, которыхъ и сосчитать было невозможно, воскликнулъ:

— Се день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!

Оглянувшись на Боброка, онъ увидѣлъ на лицѣ его необычные слѣды грусти и задумчивости.

— Брате Димитріе! — обратился онъ къ нему. — Воистину ты разумливъ еси: неложна сталася твоя примѣта... Отнынѣ буди присно воеводою...

Боброкъ поклонился, но ничего не отвѣчалъ. На него нашелъ молчаливый стихъ... Слова великаго князя о «службѣ» ему и о «наградахъ» навели на него раздумье...

«Ему служити, его боронити, а не землю русскую... Оттакой!.. А давно бувъ пидъ ялиною? Лежавъ, мовъ вовкъ съ кисткою въ горли... А журавель кистку вызволивъ изъ горла, такъ теперь журавлеви голову долой... О, московска торбина! Забере колись вона и насъ, волынянъ, и подолянъ и кіянъ до себе въ службу... Забере...

XIV. Мамаево побоище продолжается понынѣ.

Мы снова въ селѣ Карачаровѣ.

Около девяти мѣсяцевъ прошло со дня, когда совершилось «Мамаево побоище». Весна начинаетъ уже впадать въ лѣто. Травы въ полномъ цвѣту, хотя косовица еще не наступила. Кукушка еще не откуковала. Рожь еще не выкинула колоса, и соловей не потерялъ голоса, все еще щебечетъ на зарѣ и по ночамъ. Страдная пора еще не наступила, самая, значитъ, пора водить «игрища».

И «игрище» опять идетъ на «дѣвичьемъ полѣ» въ Карачаровѣ. Плетутъ дѣвки плетни и расплетаютъ, а парни разрываютъ эти плетни, врываясь въ «конъ», словно татары.

А тутъ же на лугу, подъ старымъ дубомъ, который помнилъ еще и Андрея Боголюбскаго, и какъ, во время неурожая, волхвы избивали «старую чадь бабы», что держали «гобино и жито», и вѣшали бабъ на этомъ дубѣ, подъ этимъ дубомъ опять сидѣли мужи, жены и старцы и вспоминали свою молодость, глядя на игрища молодежи и прислушиваясь къ ихъ пѣнію, напоминавшему еще «Трояновы вѣка» и «Дажбоговыхъ внуковъ»...

— А какъ стали мы отбирать хрестьянски тѣла отъ поганыхъ, да рыть ямы, да сносить въ тѣ ямы нашихъ ратничковъ побитыхъ, такъ и не приведи Богъ что было! — говорилъ, сидя подъ дубомъ, знакомый намъ Малюта-карачаровецъ, что былъ

и подъ Казанью, и на Пьянѣ рѣкѣ съ Арапшою бился, и въ Мамаевомъ побоищѣ утеръ поту.

— Это еще слава ти, Господи, что тѣла хрестьянски похоронить можно было, — въ свою очередь замѣтилъ, бѣлый какъ лунь, дѣдушка Рогволодъ. — А вотъ какъ я отъ дѣдовъ да прадѣдовъ слыхалъ, а тѣ отъ своихъ дѣдовъ да прадѣдовъ слыхивали про Калку рѣку: тамъ и похоронить никого не дали поганые... Съ той самой Калки рѣки они и обволодѣли русскою землею.

— А топерево имъ ужъ не володѣть...

— Про то Богъ вѣдаетъ...

—А мы просо сѣяли—сѣяли,
Ой Дидъ-Ладо, сѣяли—сѣяли—

опять доносилось съ игрища однообразное величанье...

— Восемь денъ копали ямы да зарывали ратничковъ...

— А поганыхъ?

— Ихъ птицѣ да звѣрю оставили... А что птицы налетѣло да звѣря нашло! Со всего свѣта, кажись, собралось воронье да орлы... Да только не всѣхъ нашихъ похоронили.

— А почто такъ не всѣхъ?

— Да почто! А какъ ты, дѣдушко Рогволодъ, распознаешь, чьи кости бѣлыя остались? Многихъ такъ звѣрь обглодалъ да птица исклевала, что ни глазъ, ни виду, ни плоти, одна кость...

— А по портамъ да доспѣхамъ?

— Каки порты, дѣдушко! Все звѣрь растащилъ... А то найдешь руку, либо ногу, а чья она, Богъ вѣсть.

Старикъ задумчиво покачалъ головой. А игище звенѣло молодыми голосами:

А мы уздомъ шелковымъ—шелковымъ,
Ой Дидъ-Ладо, шелковымъ—шелковымъ...

— А что съ Боброкомъ сталось? — спросилъ старикъ, прислушиваясь къ пѣнію.

— Сказываютъ, оборотился сѣрымъ волкомъ и бѣжалъ въ Тмутаракань.

— Такъ ужъ онъ не Вольга ли Всеславьевичъ?

— Какой Вольга Всеславьевичъ?

Обучался первой хитрости—мудрости—
Обертываться яснымъ соколомъ,
Обучался другой хитрости—мудрости—
Обертываться сѣрымъ волкомъ.
Обучался третьей хитрости—мудрости—
Обертываться туромъ—золотыи рога...

— А може и онъ, Боброкъ-отъ, былъ самъ Вольга... только не хотѣлъ на Москвѣ оставаться...

Въ это время изъ-за лѣсу показались какіе-то прохожіе. Ихъ было человѣкъ пять, шесть. Одѣты они были въ какія-то лохмотья. Они шли тихо, опираясь на длинныя палки.

Прохожіе подошли къ игрищу. Игрище прекратилось, послышались крики изумленія и радости...

— Матыньки мои! Доброгнѣва пришла, Доброгнѣвушка!

— Ярополкушко! Ты ли это!

— Верхуслава! Милолика! Полоняночки наши!

Это, дѣйствительно, были полоняники, пять лѣтъ тому назадъ угнанные Арашшою въ Орду.

Здоровенный Ярополкъ, который былъ въ числѣ полоняниковъ и полонянокъ изъ Карачарова, сдержалъ свое слово: убегъ изъ полону и съ собой дѣвокъ увелъ...

— А какъ же ты убегъ, Ярополкушко? — дивились карачаровцы.

— А какъ убегъ! Пришелъ это на Орду Тактамышій богатырь, погромилъ Орду, татары на убегъ отъ ево, а мы отъ татаръ, да вотъ и пришли домой... А Мамай, сказываютъ, бѣжалъ на море на кіянъ, на островъ на Буянъ, да оборотился сѣрой утицей... А откуда ни возьмись младъ ясенъ соколъ и убилъ утицу...

— Это Боброкъ, — увѣренно сказалъ Малюта. — Не даромъ онъ оборотился сѣрымъ волкомъ и бѣжалъ въ Тмутаракань... Вотъ тебѣ и Мамай!..

Да, Мамай, дѣйствительно, погибъ. Убѣгая отъ русскихъ онъ наткнулся на новаго противника, на Тохтамыша, и поворотилъ къ морю, не къ окіяну, какъ сообщалъ Ярополкушко, а къ Черному морю, къ Тмутаракани, въ Крымъ. Тамъ, въ Кафѣ, генуэзцы и убили этого хищнаго звѣря...

«Русь торжествовала», говоритъ нашъ почтенный историческій живописецъ Н. И. Костомаровъ, въ своей прекрасной статьѣ о «Куликовской битвѣ». — «Русь одною битвою, трудами одного дня, покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой Орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. Зато Куликовская битва все-таки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между славянами и татарами. Память объ этой побѣдѣ запечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Много разъ послѣ того татары давали русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало. Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища Русь возрастала и дожидалась лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ, надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Такимъ образомъ, побѣда куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ-бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ татаръ, но и обратнаго покоренія первою послѣднихъ, господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи».

Эту работу — прибавимъ мы отъ себя — славянское племя продолжаетъ и понынѣ: «Мамаево побоище», начавшееся 8 сентября 1380 гогда, прошло уже черезъ пять столѣтій и еще, вѣроятно, потянется на много вѣковъ: «восточныхъ звѣрятъ» послѣ Мамая остались сотни милліоновъ. Сначала воевали съ ними одни «сѣверные русичи», московскіе, суздальскіе и иные Микитки да Добрыньки съ Боброками, да Меликами, да Серкизами, да Волуй Окатьевичами во главѣ; потомъ пошли бить «звѣрятъ» и «южные русичи», Петруси да Грицьки, внуки Боброка, «козаки» да «запорожцы» съ Байдами, Хмель-

ницкими да Сирками, да Палями во главѣ... Пало не одно татарское царство: пали царства Казанское, Астраханское, Крымское... Мамаи и Тохтамыши ходятъ теперь подъ окнами и продаютъ «халаты», какъ прежде продавали русскихъ князей, княженъ и иныхъ полоняниковъ... Тамерланы стали хорошими дворниками, а Чингисханы и Гиреи — лучшими лакеями у Дюсо и Бореля... Поэтъ прекрасно передалъ судьбу этихъ восточныхъ царствъ, обращаясь къ татарину:

Ваше царство славно было.
Съ предпочтенной, мощной дланью;
Много нашихъ спитъ костями
Въ пирамидѣ подъ Казанью.
Ваше царство славно было,
А цари его богаты...
Продаютъ теперь ихъ внуки
Полосатые халаты.
Въ нашихъ избранныхъ трактирахъ
Не выходятъ вонъ изъ моды...
Дарвинъ правъ былъ, что повѣрилъ
Въ силу крови, въ мощь породы...

Послѣ стали бить «восточныхъ звѣрятъ», собственно не бить, а «сдачи давать», и южные славяне: болгары, сербы, черногорцы...

«Мамаево побоище» продолжается... стукъ ломаемыхъ копій мы слышали два года тому назадъ... Боброковъ, Волуй Окатьичей да Серкизовъ, да Меликовъ замѣнили только Черняевы, Гурки, Скобелевы, Драгомировы, Лорисъ-Меликовы съ своими «великими князьями»... Мы слышимъ этотъ стукъ и сейчасъ... Въ этомъ прекрасномъ мірѣ все такъ странно сложилось, что люди, по своей глупости, постоянно грызутся какъ звѣри и страдаютъ, когда могли бы жить въ полномъ согласіи и дружно работать для общечеловѣческаго счастья... Жалкіе, глупые люди, создавшіе для себя вѣчную «мамайщину»...

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Историческія повѣсти.

Стр.

Москва слезамъ не вѣритъ 1

Кумъ Иванъ 57

Поиманы есте Богомъ 97

Ты побѣдилъ 144

Мамаево побоище 235

PG
3467
M8
1914
kn.23-27

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY